

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 022 397 178

BN 2210.

~~10.
8
7.~~

PSlaw 460.5 ($\frac{1895}{7-9}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Инвентарь № 2210

Шкафъ 9

Полка 8

Мѣсто книги на полкѣ 3

Июль 1895 г.

Годъ IV-й.

№ 7-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

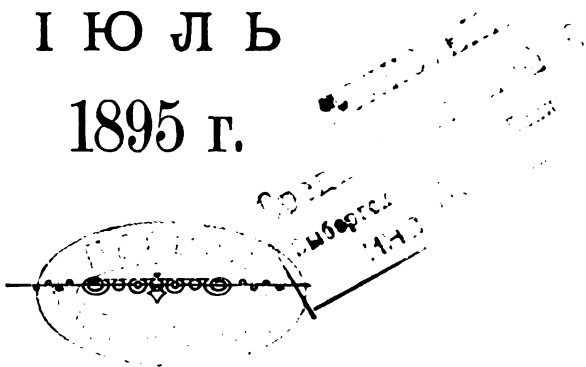
И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

2557

І Ю Л Ь

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

0
P Slav 460.5 ($\frac{1895}{7-9}$)

✓

6272

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20-го іюня 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. Проф. П. Н. Милюкова. (Продолженіе).	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА. О. Чюминой.	25
3. ДЕРЕВЕНСКІЯ БАРТИНКИ. М. Баранова	27
4. А. В. ЕЛИСЪЕВЪ. Страничка изъ воспоминаній. Д. Мамина-Сибиряка.	37
5. НАУЛАБА. Романъ Рюдіарда Киплинга и Уольнотта Балестріера. (Продолженіе)	49
6. ИВАНЪ СЕРГЪЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. (Жизнь, личность, творчество). (Окончаніе). Ив. Иванова.	80
7. ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). А. Валленберга. Пер. съ шведскаго В. Фирсова	136
8. КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ. Джона Леббона. Переводъ съ англійскаго. (Окончаніе). А. К.	163
9. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). К. М. Станюковича.	183
10. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. А. Б.	207
11. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Всесловная волость. — Дѣти-работники. — Фабричныя школы. — Помощь вятскаго земства кустарямъ. — Буршевская психіатрическая колонія. — Вымираніе инородцевъ. — Н. Х. Бунге (некрологъ). — Переписка Бѣлинскаго съ его невѣстой. — Изъ русскихъ журналовъ. Условія распространенія образованія въ народѣ	226
12. За границей. Ирландскіе ландлорды и ихъ фермеры. — Научное путешествіе на воздушномъ шарѣ. — Борьба женщинъ противъ пьянства въ Америкѣ. — Англійское общество покровительства дѣтямъ. — Благотворительность во Франціи. — Крестьянскіе ферейны въ Германіи. — Голландскій писатель І. Кремеръ и его произведенія. — «Revue des Deux Mondes». — «Journal des Savants». — «Cosmopolitan». — Литературная жизнь въ Англии, школа Диккенса и литературная богема	247
13. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) СЕНЪ-МАРСЪ или заговоръ при Людовикѣ XIII. Историческій романъ. Альфреда де-Виньи. Переводъ съ французскаго А. М.	1
14. 2) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дюкюдрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позень, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго	153
15. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Беллетристика. — Бритика и исторія литературы. — Записки, воспоминанія и біографіи. — Политическая экономія. — Юридическія науки. — Медицина. — Новости иностранной литературы. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	1
16. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Миллюкова.

(Продолженіе *).

III.

Пути сообщенія.—Сухопутныя дороги, шоссе, желѣзныя дороги, рѣки и каналы.—Общій характеръ развитія русскихъ путей сообщенія.—Развитіе почтовыхъ сношеній.—Внутренняя торговля.—Цѣны за провозъ товаровъ.—Медленность товарнаго обращенія.—Караванный и ярмарочный характеръ торговли.—Изолированность мѣстныхъ рынковъ и разнообразіе мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ, какъ наиболѣе характерный признакъ этой изолированности.—Внѣшняя торговля.—Ея пассивный характеръ.—Роль иностранцевъ во внѣшней торговлѣ Новгорода и Москвы.—Успѣхи и стремленія русскаго купечества со второй половины XVII в.—Медленность въ развитіи судостроенія и торговыхъ компаній.—Увеличеніе размѣровъ вывоза и ввоза съ конца XVII в.—Дѣйствіе охранительныхъ и либеральныхъ тарифовъ.—Процентное отношеніе между главными предметами вывоза и ввоза.—Отношеніе внѣшней торговли къ внутренней.—Исторія денегъ и цѣнъ.—Кредитныя деньги (мѣдныя и бумажныя).—Частный кредитъ.—Высота процента и прибыли.—Правительственныя попытки дешеваго кредита.—Положеніе кредита въ первой половинѣ XIX вѣка и быстрое развитіе его во второй половинѣ.—Двѣ стороны въ характеристикѣ экономическаго развитія Россіи.

Экономическое развитіе страны тѣсно связано съ улучшеніемъ ея путей сообщенія. Чѣмъ безопаснѣе, легче и быстрѣе становятся сношенія между людьми, тѣмъ большее число людей соединяется между собою общими экономическими интересами. Улучшенные пути сообщенія раздвигаютъ предѣлы рынка и увеличиваютъ количество покупателей, и этимъ даютъ возможность расширить размѣры производства товаровъ, раздробить это производство на спеціальныя отрасли и распределить его между производителями такъ, чтобы каждый продуктъ производился при наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ, т. е. возможно дешевле. И наобо-

*) См. «Міръ Вождй», № 6, іюнь.

«Міръ вождй», № 7, іюль.

ротъ, усиленіе объѣма и увеличеніе производства создаетъ потребность въ хорошихъ путяхъ сообщенія: чѣмъ больше производится и перемѣщается въ странѣ товаровъ, тѣмъ выгоднѣе становится затратить часть капитала на постройку дорогъ, удешевляющихъ доставку этихъ товаровъ и открывающихъ имъ доступъ къ отдаленному потребителю. Посмотримъ же, имѣя въ виду эту взаимную связь, о какой степени промышленнаго развитія свидѣтельствуютъ пути сообщенія древней Россіи.

Можно сказать съ увѣренностью, что на всемъ протяженіи своей исторіи, до самаго послѣдняго времени, Россія не знала искусственныхъ путей сообщенія. О непроходимости русскихъ сухопутныхъ дорогъ единогласно свидѣлствуютъ иностранные путешественники XVI и XVII столѣтій. Административная нужда заставила Петра Великаго выстроить «перспективную дорогу» между обѣими столицами; но и эта дорога, укрѣпленная въ топкихъ мѣстахъ фашинникомъ и бревенчатой настилкой, безпреставно портившаяся и чинившаяся на протяженіи всего XVIII вѣка, едва ли была бы причислена, по теперешней терминологіи, къ «искусственнымъ» дорожнымъ сооруженіямъ. Шведскія дороги Балтійскаго края оставались втеченіе всего прошлаго столѣтія недосыгаемымъ образцомъ, которому правительство тщетно приказывало подражать; и еще Екатеринѣ II пришлось распорядиться, чтобы рядомъ съ искусственнымъ полотномъ дороги оставались по сторонамъ широкія полосы грунта, на которыя можно было бы сворачивать съ непроходимой казенной дороги, не рискуя свалиться въ канаву. Только при Александрѣ I, въ 1816 г., начинается постройка шоссейныхъ дорогъ, и только къ 1830-му году была окончена первая изъ нихъ, между Москвой и Петербургомъ. Какъ недалеко ушло съ тѣхъ поръ построеніе шоссейныхъ дорогъ, видно изъ того, что тридцать лѣтъ спустя, въ шестидесятихъ годахъ, въ Россіи считалось всего около 8.000 верстъ шоссейнаго пути *); въ слѣдующее же тридцатилѣтіе шоссейныя сооруженія развивались еще медленнѣе, такъ что теперь (1893) общая длина поднялась только до 11¹/₂ тыс. верстъ. Это—втрое меньше длины большихъ шоссейныхъ дорогъ маленькой Англіи и слишкомъ въ 20 разъ меньше количества французскихъ шоссе,—если брать абсолютныя цифры. Если же взять отношеніе этихъ цифръ къ величинѣ страны, то въ Россіи шоссейныхъ дорогъ окажется въ сотни разъ меньше западной Европы. Правда, такая задержка въ устройствѣ шоссейныхъ путей совпа-

*) Въ томъ числѣ 6.000 верстъ приходилось на большую дорогу отъ Петербурга до Иркутска черезъ Москву и 1.000 верстъ отъ Петербурга до австрійской границы черезъ Варшаву.

даетъ съ чрезвычайно быстрымъ развитіемъ русской желѣзнодорожной сѣти. Первая русская желѣзная дорога (1838) послѣдовала очень скоро за первымъ русскимъ шоссе (1830); черезъ тридцать лѣтъ (1867) длина желѣзнодорожнаго пути составляла уже болѣе половины длины шоссеиныхъ сообщений (4.700 верстъ), а въ слѣдующее неполное тридцатилѣтіе (1894) она увеличилась еще въ 6¹/₂ разъ (до 30 тыс. верстъ или 33¹/₂ тыс. километровъ) и стала почти втрое превосходить длину нашихъ шоссе. Съ этой послѣдней цифрой желѣзныхъ дорогъ Россія приближается къ Англіи (32,7 тыс. кил.) и Франціи (39,5 тыс. кил.); но она еще далеко отстаетъ отъ нихъ, если принять въ расчетъ ея пространство. На тысячу квадр. километровъ приходится у насъ всего 6 километровъ желѣзнодорожнаго пути, а во Франціи 74, въ Англіи 104, т. е. въ 12 и 17 разъ больше. Втеченіе года русскими желѣзными дорогами пользуются изъ каждой сотни жителей 44 человекъ, тогда какъ во Франціи и въ Германіи всякій житель, среднимъ числомъ, по 6—7 разъ проѣдетъ по желѣзной дорогѣ, а въ Англіи даже по 21 разу, т. е. пассажирское движеніе тамъ въ 15—50 разъ сильнѣе, чѣмъ въ Россіи. То же можно сказать и о движеніи грузовъ.

Подобныя же наблюденія можно сдѣлать и относительно водяныхъ путей,—главныхъ средствъ сообщенія древней Россіи. Изъ 100 тыс. верстъ общей длины нашихъ рѣкъ, около трети (34 т.) судоходны и такое же количество удобно для сплава. Это самая большая длина во всей Европѣ, но сравнительно съ пространствомъ Россіи и она превращается въ самую малую: 35 верстъ на 100 кв. миль, тогда какъ въ Германіи эта цифра доходитъ до 119 в., во Франціи до 135 в., въ Великобританіи до 145 вер. на 100 кв. миль. Приведенныя цифры станутъ еще знаменательнѣе, если прибавимъ, что очень значительная часть европейскихъ водяныхъ путей создана искусственно. Соединительные и обходные каналы составляютъ 16% общей длины водяныхъ путей въ Германіи, 35% во Франціи и 69% въ Англіи. Въ Россіи эта цифра едва доходитъ до 1%, хотя строеніе искусственныхъ водяныхъ путей началось у насъ гораздо раньше шоссе и желѣзныхъ дорогъ,—еще съ Петра Великаго. Къ началу шоссеиныхъ сооруженій наша система каналовъ была уже готова въ общихъ чертахъ, но съ тѣхъ поръ она уже не развивалась дальше. Здѣсь повторилось то же, что мы видѣли съ развитіемъ шоссеиныхъ дорогъ: постройка шоссе, повидимому, такъ же затормозила устройство каналовъ, какъ она сама была заторможена возникновеніемъ желѣзнодорожной сѣти. Новый способъ сообщенія не столько пополнялъ,

*

сколько прямо замѣнялъ старый: проведенныя между тѣми же самыми главнѣйшими административными и торговыми центрами, желѣзныя дороги лишили значенія параллельныя съ ними шоссе и отвлекли отъ рѣкъ значительную часть ихъ грузовъ. Такимъ образомъ, получилось скопленіе искусственныхъ сообщеній на главныхъ путяхъ, при полномъ почти отсутствіи ихъ на второстепенныхъ: вмѣсто того, чтобы взаимно пересѣкаться, у насъ значительная часть разнородныхъ искусственныхъ путей совпала. Только въ послѣднее время вопросъ о соединительныхъ и подъѣздныхъ путяхъ сталъ, наконецъ, на очередь.

Пародируя извѣстное изреченіе, можно было бы сказать, что всякая страна имѣетъ такія сообщенія, какія она заслуживаетъ имѣть,—если бы только состояніе путей сообщенія опредѣлялось исключительно экономическимъ развитіемъ данной страны или ея отдѣльныхъ частей. Въ дѣйствительности, въ удобныхъ и правильныхъ сообщеніяхъ раньше населенія Россіи нуждалось ея правительство, а затѣмъ иностранныя торговцы. Задолго до устройства искусственныхъ путей, правительство старалось себѣ обезпечить возможность административныхъ сношеній со всѣми частями управляемой страны путемъ устройства казенныхъ «ямовъ». Первое устройство правильныхъ почтовыхъ сообщеній современно объединенію Руси и относится къ концу XV столѣтія. Два вѣка спустя въ распоряженіи правительства находилось до 200 почтовыхъ станцій, распределенныхъ между девятью ямскими дорогами, сообщавшимися со всѣми окраинами государства. Ко вступленію Екатерины II это число возрасло до 574, а въ почтовомъ дорожникѣ 1829 года показано уже до 3.240 станцій. Въ допетровское время, однако, ямскія учрежденія служили исключительно потребностямъ государства. Регулярныхъ сношеній не было, и правительство пользовалось ямщиками лишь по мѣрѣ того, какъ въ этомъ являлась надобность. Частныя лица вовсе не могли пользоваться казенными «ямами». На просьбы объ этомъ англійскихъ купцовъ XVI вѣка московское правительство, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отвѣтило отказомъ. Только вѣкъ спустя, при Алексѣѣ Михайловичѣ (1663), иностраннымъ торговцамъ удалось, наконецъ, добиться устройства правильныхъ почтовыхъ сношеній съ заграницей (черезъ Ригу и Вильну) и съ единственнымъ торговымъ портомъ того времени, Архангельскомъ. Но для этого они должны были сами сдѣлаться предпринимателями новаго дѣла и вести его совершенно независимо отъ Ямского приказа, подъ наблюденіемъ тогдашняго министерства иностранныхъ дѣлъ (Посольскаго приказа). Петръ взялъ, наконецъ, русскую почту изъ рукъ

иностранцев-предпринимателей въ руки государства; но только при Екатеринѣ II различіе между казенной и купеческой почтой уничтожилось окончательно. Какъ быстро развивались почтовые сношенія въ нынѣшнемъ вѣкѣ, можно судить изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1825 году одно письмо приходилось почти на 10 жителей; въ 1856 г. уже только одно на двухъ, а въ 1888 г. на каждаго жителя приходилось почти по 3 письма. Конечно, и эта послѣдняя цифра покажется незначительной, если сопоставимъ ее съ размѣрами корреспонденціи на Западѣ. Во Франціи на каждаго жителя приходится по 18 писемъ, въ Германіи по 33, въ Англии по 53.

При отсутствіи искусственныхъ путей сообщенія до начала нынѣшняго столѣтія и правильныхъ почтовыхъ сношеній до второй половины XVII в., при извѣстномъ уже намъ низкомъ уровнѣ экономическаго уровня Россіи,—чѣмъ была древняя русская торговля? Затрудненія по перевозкѣ товаровъ она умѣла побѣждать, пользуясь лѣтомъ рѣчными путями, а зимою — санной дорогой. Характерно для тогдашняго состоянія Россіи, что оба эти способа транспорта стоили, повидимому, приблизительно одинаково, или даже сухопутная перевозка обходилась дешевле водяной. Зимняя дорога отъ Москвы до Вологды составляла нѣсколько болѣе четверти протяженія главнаго торговаго пути XVII вѣка—отъ Москвы до Архангельска (около 400 верстъ изъ 1.500). Изъ Вологды русскіе товары доставлялись обыкновенно уже водой на архангельскую ярмарку; и изъ Архангельска заграничные товары еще до замерзанія рѣкъ успѣвали добраться до Вологды, откуда они доставлялись въ Москву по новому зимнему пути. Обычная цѣна за провозъ съ пуда отъ Москвы до Архангельска была во второй половинѣ XVII вѣка (1674)—19 коп. Изъ этой суммы менѣе четверти (4 коп.) платилось за зимній провозъ отъ Москвы до Вологды, а остальные три четверти цѣны (15 коп.) стоила доставка водой отъ Вологды до Архангельска. На версту зимней дороги это составитъ около $\frac{1}{100}$ коп., а на версту рѣчного пути около $\frac{1}{70}$ коп. Принимая въ расчетъ, что каждая копейка того времени равнялась по своей покупательной силѣ семнадцати тецерешинамъ, мы можемъ приравнять эти цѣны, приблизительно, $\frac{1}{16}$ — $\frac{1}{4}$ нашихъ копѣекъ. Между тѣми же нормами ($\frac{1}{100}$ — $\frac{1}{70}$ тогдашнихъ коп.) колебалась провозная плата за пудъ съ версты по другой большой торговой дорогѣ на Новгородъ *).

*) Съ саней, вмѣщавшихъ обыкновенно около 30 пудовъ, это составитъ $\frac{3}{10}$ — $\frac{2}{7}$ коп. съ версты. Казенные прогоны по указу 1627 г. равнялись $\frac{3}{20}$ в. съ подводы и версты, т. е. были въ 2—3 раза меньше. На наши

Сравнительно съ теперешней стоимостью гужевого провоза (около $\frac{1}{10}$ коп.), эти цѣны раза въ два выше, а сравнительно съ провозомъ по желѣзной дорогѣ—онѣ дороже въ 8—20 разъ. Какъ видимъ, провозъ товаровъ не удешевился сколько-нибудь значительно до самой постройки желѣзныхъ дорогъ, и не въ этой дороговизнѣ заключалось главное затрудненіе древне-русской торговли. Гораздо важнѣе была невозможность постоянного и быстрого обращенія товаровъ, связанная какъ съ состояніемъ путей сообщенія, такъ и съ общимъ уровнемъ экономическаго развитія страны. Провезти товаръ по лѣтней дорогѣ стоило, по крайней мѣрѣ, вчетверо дороже зимняго провоза; такимъ образомъ, вся сухопутная перевозка останавливалась лѣтомъ. Обмѣнъ товаровъ между внутреннимъ и внѣшнимъ рынкомъ совершался одинъ разъ въ годъ, и этотъ однократный оборотъ производился на протяженіи полугода для иностранныхъ купцовъ и цѣлаго года для русскихъ. Периодичность и медленность товарнаго оборота создала въ Россіи тѣ же формы торговли, которыя вообще свойственны примитивному экономическому быту. Передвиженіе товаровъ въ странѣ приняло форму *караваннаго* транспорта, наиболѣе приспособленнаго къ недостаточной безопасности русскихъ дорогъ и къ периодической массовой перевозкѣ товаровъ. Необходимость скоплять товары въ извѣстное время года въ извѣстномъ мѣстѣ создала периодическіе съѣзды купцовъ и покупателей, а это придало торговлѣ *ярмарочный* характеръ. Наконецъ, неустойчивость и непостоянство торговыхъ связей заставили торговцевъ смотрѣть на каждую отдѣльную сдѣлку, какъ на первую и послѣднюю въ своемъ родѣ, и этимъ опредѣлили низкій уровень сословной нравственности, вошедшій въ пословицу и у иностранныхъ, и у своихъ наблюдателей. Всѣ эти явленія, конечно, начинаютъ теперь исчезать съ уничтоженіемъ породившихъ его условій. Караваны и ярмарки теряютъ свой смыслъ съ появленіемъ дешеваго, быстрого и регулярнаго пароваго транспорта; поэтому, несмотря на общее оживленіе промышленной жизни, ярмарочные обороты или стоятъ въ послѣднее время на одной точкѣ, или, съ начала прошлаго десятилѣтія, начинаютъ довольно быстро уменьшаться. Осѣдлая торговля развивается повсюду на счетъ ярмарочной; мѣстные рынки теряютъ свою замкнутость и сливаются мало-по-малу въ одинъ общій рынокъ, подчиняющійся общимъ условіямъ русской и даже всемірной промышленной жизни. Лучшимъ признакомъ та-

деньги это составитъ около 5—7 коп. торговой платы и около $2\frac{1}{2}$ коп. казенной. Послѣдняя цифра совершенно соотвѣтствуетъ среднимъ прогонамъ «Почтоваго Дорожника» 1850 года.

кого объединенія рынка является установленіе однообразныхъ цѣнъ на товары, которые до того подчинялись разнообразнымъ условіямъ производства и сбыта на мѣстныхъ, болѣе или менѣе ограниченныхъ рынкахъ. У насъ, въ Россіи, движеніе хлѣбныхъ цѣнъ—вотъ тотъ пульсъ, который всего нагляднѣе можетъ свидѣтельствовать, насколько быстро совершается кровообращеніе въ русскомъ экономическомъ организмѣ. Громоздкій и капризный товаръ, хлѣбъ, только при болѣе или менѣе совершенномъ объединеніи рынка, можетъ быстро приспособляться къ колебаніямъ рыночной цѣны. Поэтому, изолированность мѣстныхъ рынковъ скорѣе всего отзовется разнообразіемъ мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ. Въ XVI и XVII вв. разница *въ 4—6 разъ* между мѣстными цѣнами ржи составляла самое обычное явленіе; иногда даже въ сосѣднихъ мѣстностяхъ (напр. Москва и Кашира, или Суздаль; Новгородъ и Олонецкая губ.) цѣны разнились втрое. Въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка цѣна четверти ржи колебалась между 30 к. (Ливны, Пронскъ и Алатырь) и 2 р. 24 к. (Шковъ); средними же цѣнами для юго-востока были около 50 к., а для сѣверо-запада около 1 р. 50 к. за четверть. Другими словами: при средней разницѣ *въ три раза*, въ отдѣльныхъ случаяхъ хлѣбныя цѣны колебались до $7\frac{1}{2}$ разъ. Еще сто лѣтъ спустя (1847—1853), низшая средняя цѣна четверти (въ Оренб. г.) была 1 р., а высшая (въ Петерб. г.) 5 р. 50 к., т. е. *въ $5\frac{1}{2}$ разъ* больше; но между юго-востокомъ и сѣверо-западомъ Россіи вообще—разница въ цѣнѣ ржи была уже не болѣе, чѣмъ *въ двое*. Въ степной полосѣ рожь стоила 2 р. за четверть, а въ сѣверной полосѣ около 4 р.; центральная полоса занимала промежуточное положеніе съ цѣнами $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ р. Наконецъ, въ 1881—87 гг. въ тѣхъ же мѣстностяхъ цѣны ржи были: въ степной полосѣ 64 к. за пудъ, на сѣверѣ—около рубля, въ центральныхъ губерніяхъ—отъ 74 до 90 коп. за пудъ. Другими словами: теперь цѣны разнятся не болѣе, какъ въ *полтора раза*; и даже разница между самой высокой цѣной (Петерб. 1 р. 22 к. за пудъ) и самой низкой (Уфим. 50 к.) составляетъ менѣе $2\frac{1}{2}$. {Русскій хлѣбный рынокъ очень быстро приспособляется теперь къ колебаніямъ хлѣбныхъ цѣнъ на всемірномъ рынкѣ, но ему далеко еще до того, чтобы, подобно Америкѣ, регулировать эти цѣны самостоятельно. Вынужденная продажа хлѣба производителями по низкимъ осеннимъ цѣнамъ и вынужденная покупка его по высокимъ весеннимъ—составляетъ первое препятствіе для участія Россіи въ созданіи международныхъ цѣнъ; но главная причина пассивной роли Россіи на международномъ рынкѣ заключается, конечно, въ общихъ

условіяхъ русской экономической жизни, вызывающихъ и только-что упомянутую покупку и продажу.

Изолированность мѣстныхъ рынковъ, караванный характеръ перевозки товаровъ и ярмарочный характеръ ихъ продажи и покупки—таковы, слѣдовательно, типическія черты старинной внутренней торговли Россіи. Мы уже знаемъ, что всѣ эти черты свидѣтельствуютъ о слабости обиха и незначительности оборотовъ внутренней торговли. Естественно, что, чѣмъ дальше мы углубляемся въ историческое прошлое Россіи, тѣмъ болѣе эта внутренняя торговля отодвигается на второй планъ, и тѣмъ замѣтнѣе преобладаетъ надъ нею торговля внѣшняя. Этотъ видъ торговли не зависитъ отъ размѣровъ потребностей данной страны, а только отъ размѣра потребностей другихъ народовъ, ищущихъ въ этой странѣ своего удовлетворенія. Вокругъ Россіи во все время ея историческаго существованія всегда были на-лицо народности съ болѣе развитыми потребностями, чѣмъ она сама. Очевидно, и торговля съ этими народностями должна была существовать, но только эта торговля носила не активный, а чисто пассивный характеръ. Другими словами, иностранные потребители нуждались въ русскихъ товарахъ, а не русскіе въ иностранныхъ: поэтому, вывозъ русскихъ товаровъ долженъ былъ преобладать надъ ввозомъ заграничныхъ, и самое веденіе торговли должно было находиться въ рукахъ иностранныхъ посредниковъ. Этими чертами и отличается внѣшняя торговля древней Россіи.

Торговые интересы привели иностранныхъ промышленниковъ и авантюристовъ на рѣчные пути внутренней Россіи, положивъ такимъ образомъ начало русской государственности. На успѣхахъ внѣшней торговли основывался и кратковременный блескъ кievскаго юга, обѣднѣвшаго и потерявшаго политическій вѣсъ вмѣстѣ съ разстройствомъ этой торговли. Какую важную роль играли въ кievской торговлѣ иностранные купцы,—объ этомъ, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, мы можемъ только догадываться. Зато роль иноземныхъ посредниковъ въ новгородской торговлѣ является уже совершенно ясной. «Готскій» и «нѣмецкій» дворы, основанные въ XII вѣкѣ купечествомъ Готланда и Любека, а въ XIV вѣкѣ соединившіеся въ вѣдомствѣ городского ганзейскаго союза,—на нѣсколько столѣтій монополизировали всю русскую торговлю, шедшую черезъ Новгородъ. Попытка новгородцевъ создать русскую компанію «заморскихъ гостей» не повела къ устройству своего собственнаго коммерческаго флота, и поѣздки отдѣльныхъ купцовъ за море на чужихъ корабляхъ или даже отдача своего товара на комиссію—остались разрозненными попытками частныхъ предпри-

нимателей. Новгородцамъ пришлось удовольствоваться ролью посредниковъ-монополистовъ между скупщиками товаровъ на сѣверѣ и юго-востокѣ Россіи и ганзейской конторой. Освободиться отъ владычества ганзейцевъ русской вѣтшной торговлѣ удалось только тогда, когда на помощь явились иностранные конкуренты Ганзы и своими силами пробили себѣ непосредственный доступъ къ русскимъ товарамъ. Въ XV и началѣ XVI в. это были шведскіе купцы и лифляндскіе города, отвлекшіе движеніе товаровъ на сѣверъ и на югъ отъ обычнаго пути ганзейской торговли. Слѣдомъ за ними явились въ Россію и представители главныхъ промышленныхъ націй новой Европы, товарами которыхъ торговала до сихъ поръ Ганза: англичане и голландцы. Англичане имѣли для этого особыя причины, такъ какъ въ своемъ главномъ привозномъ товарѣ, сукнахъ, Ганза оказывала предпочтеніе нидерландской промышленности передъ англійской. Въ поискахъ сѣверо-восточнаго пути въ Индію нѣсколько англійскихъ кораблей попали въ Бѣлое море (1553): съ этихъ поръ завязались прямыя сношенія ихъ съ Россіей черезъ Архангельскъ. Голландцы, появившіеся въ Архангельскѣ послѣ англичанъ, нашли позицію уже занятой, получили меньше льготъ и часто должны были прибѣгать къ посредничеству англичанъ при покупкѣ русскихъ товаровъ. Русское купечество было застигнуто врасплохъ этимъ переворотомъ. Если въ Новгородѣ ему удавалось удержать въ своихъ рукахъ, по крайней мѣрѣ, посредничество въ оптовой торговлѣ русскими товарами, то въ Москвѣ оно рисковало одно время утратить и эту роль. Несравненно болѣе сплоченная, чѣмъ лѣтніе и зимніе постояльцы новгородскаго нѣмецкаго двора, англійская компанія тотчасъ принялась за постройку своихъ конторъ въ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктахъ и разослала повсюду агентовъ, которые входили въ прямыя сношенія съ мелкими скупщиками и давали имъ за ихъ товары дороже, чѣмъ русскіе опговые торговцы. Точно такъ же дѣйствовали и голландцы. Конечно, со стороны высшаго русскаго купечества скоро послышались жалобы, что иностранцы «оголодали» русскую землю. Въ серединѣ XVII вѣка правительство уступило, наконецъ, требованіямъ «гостей», въ услугахъ и капиталахъ которыхъ оно нуждалось для цѣлей финансоваго управленія. Иностранцы потеряли большую часть своихъ льготъ; англичане лишены были права торговать беспошлинно. По замѣчанію шведа Кильбургера (1674), «гости» стали «неограниченно управлять торговлей во всемъ государствѣ». Они хотѣли сдѣлаться исключительными посредниками между иностранными торговцами и русскими производителями и потребителями. До второй половины

XVIII в. русское законодательство ограничивало права иностранцевъ — оптовой торговлей. Стремленія до-петровскаго купечества простирались, однако, и дальше. Оно мечтало о томъ, чтобы вовсе выпроводить иностранцевъ изъ внутреннихъ городовъ Россіи, уничтожить ихъ консуловъ и агентовъ, «загородить накрѣпко дыру», продѣланную ими въ нашу землю въ видѣ извѣстной намъ коммерческой почты, — словомъ, добиться того, чтобы «какъ наши русскіе люди о ихъ товарахъ не знаютъ, такъ бы и они о нашихъ товарахъ не знали». Только объ одномъ не мечтало и въ это время русское купечество: объ активномъ вмѣшателствѣ во внѣшнюю торговлю, — о томъ, чтобы противопоставить знанію знаніе и искусству искусство, вмѣсто того, чтобы бороться на почвѣ взаимнаго невѣдѣнія. «Мнѣ кажется, — пишетъ Кильбургеръ, — что Господь Богъ, по неисповѣдимымъ причинамъ, скрываетъ еще это отъ понятія русскихъ и не показываетъ имъ выгодъ, которыя имѣетъ земля ихъ для заведенія (внѣшней) торговли». Съ помощью иностранцевъ Петръ, наконецъ, понялъ то, «что понималъ и разумѣлъ цѣлый свѣтъ» во время Кильбургера; но, несмотря на всѣ усилія, и ему не удалось опередить промышленное развитіе Россіи. Только казна вела при немъ активную торговлю за границей, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ. Торговля компаніи, къ составленію которыхъ Петръ тщетно старался «приневолить» русское купечество, начали возникать только въ пятидесятыхъ годахъ XVIII вѣка и то не для западной, а для юго-восточной торговли, въ которой иностранцы до сихъ поръ не успѣли сдѣлаться опасными конкуррентами. Скоро оказалось, впрочемъ, что эти компаніи только злоупотребляли своимъ привилегированнымъ положеніемъ; лишенные своихъ монополій Екатериной II, они тотчасъ потеряли всякое значеніе. Только основанная въ концѣ вѣка російско-американская компанія пользовалась прочнымъ успѣхомъ въ отдаленномъ районѣ своихъ операций. Не повезло и русскому судостроенію. Несмотря на всѣ субсидіи, преміи и сбавки пошлинь, оно развивалось очень туго до самаго послѣдняго времени. Еще въ 1879 году изъ каждаго рубля, полученнаго судохозяевами за привозъ и отвозъ товаровъ въ Россію, на долю русскихъ владѣльцевъ судовъ доставалось только семь копѣекъ: остальные 93 к. получали иностранцы, и въ томъ числѣ англичане больше полтинника (54). При всѣхъ этихъ условіяхъ, торговымъ консуламъ Россіи за границей, появившимся со времени Петра, долго нечего было дѣлать. Въ договорахъ съ торговыми державами Россія выговаривала, правда, одинаковыя льготы для обѣихъ сторонъ, но съ русской стороны этими льготами некому было пользоваться.

Со времени Петра, однако же, положеніе внѣшней торговли успѣло сильно измѣниться. Блестящая перспектива торговли на четырехъ моряхъ, нарисованная Кильбургеромъ, сдѣлалась дѣйствительностью. Къ Бѣлому и Каспійскому морямъ Петръ присоединилъ Балтійское, Екатерина II—Черное. вмѣстѣ съ промежуточной между ними сухопутной границей оба эти моря подѣлили почти на три равныя части весь русскій привозъ и отпускъ по европейской границѣ. Чрезвычайно выросли, наконецъ, размѣры торговли. На этомъ возрастаніи мы теперь и должны остановиться.

Въ 1654—77 гг. въ единственномъ русскомъ портѣ, Архангельскѣ, обращалось товаровъ ежегодно не менѣе, чѣмъ на 750 тыс. тогдашнихъ рублей, судя по тому, что казна собирала съ нихъ, среднимъ числомъ, по 75 тыс. руб. въ годъ, а высшая пошлина была 10% . На Петровскія деньги это составитъ вдвое больше, т.-е. до 1½ милліона ежегоднаго оборота. При Петрѣ оборотъ Архангельской ярмарки доходилъ уже до 3 милліоновъ, но благодаря переводу торговли въ Петербургъ, упалъ послѣ Петра до 300 тысячъ. Зато въ Петербургѣ оборотъ достигъ до 4 милліоновъ. Слѣдующія цифры покажутъ, какую роль игралъ въ этомъ увеличеніи ввозъ и вывозъ (въ тысячахъ рублей).

	1717—1719.		1726.	
	Вывозъ.	Ввозъ.	Вывозъ,	Ввозъ.
Архангельскъ	2.334	597	285	36
Петербургъ	269	218	2.403	1.550
Итого	2.613	815	2.688	1.586
Рига	—	—	1.550	540

Какъ видимъ, русскій отпускъ не возросъ на первыхъ порахъ, а только перемѣнилъ направленіе: на тѣ же 2.600 тыс. рублей вывозилось изъ Россіи товаровъ, но прежде 89% ихъ шло къ Бѣлому морю, а теперь то же количество направилось къ устью Невы. Зато иностранныхъ товаровъ стало привозиться въ Петербургъ на вдвое большую сумму. Наконецъ, кромѣ Архангельска и Петербурга, присоединился третій портъ, Рига, съ 1½ милл. вывоза и ½ милл. ввоза, несмотря на удары, нанесенные его торговлѣ войной. Такимъ путемъ общій итогъ внѣшней торговли въ 1726 г. превышалъ 4 милл. по вывозу и 2 милл. по ввозу. Къ срединѣ XVIII вѣка (1749) эти цифры выросли до 6,9 милл. и 5,7 милл. Какъ видимъ, ввозъ продолжалъ догонять вывозъ: первый увеличился въ 2,8 разъ, а второй только въ 1,7 раза. Можно было предвидѣть, что скоро Россія будетъ отпускать меньше, чѣмъ получать изъ-за-границы. Но извѣстные намъ таможенные тарифы, положили конецъ этому возрастанію ввоза и сохранили торговый

балансъ въ пользу Россіи, заставивъ русскихъ потребителей отказаться отъ иностранныхъ товаровъ и удовольствоваться туземными. За вторую половину XVIII в. нашъ вывозъ и ввозъ возрастали по пятилѣтіямъ (начиная съ 1754—1758 и кончая 1799—1804) слѣдующимъ образомъ (среднія цифры ежегоднаго оборота въ милліонахъ рублей) *).

Вывозъ . . . 8—11—12—16—19—21—26—36—57—68
Ввозъ 7—8—10—12—13—17—19—30—39—50.

Въ какой степени искусственно поддерживался перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ, показалъ фритредерскій тарифъ 1819 года. Въ 1820 и 1821 гг. вывозъ былъ 62 и 56 милл., а ввозъ поднялся до 69 и 58 милл. Запретительный тарифъ 1822 г. возстановилъ опять перевѣсъ вывоза. За время его дѣйствія ежегодные обороты внѣшней торговли развивались по пятилѣтіямъ отъ 1824—1828 до 1844—1848) слѣдующимъ образомъ:

Вывозъ. . . . 56—65—69—84—101 **)
Ввозъ. 50—52—64—76—84.

Дѣйствіе либеральныхъ тарифовъ 50-хъ и 60-хъ годовъ и строго-охранительныхъ—70-хъ и 80-хъ видно будетъ изъ слѣдующаго ряда цифръ (отъ 1851—1855 до 1886—1890, въ металл. рубляхъ):

Вывозъ 81—141—140—192—303—345—346—380
Ввозъ 74—120—121—212—364—326—304—224.

Какъ видимъ, тарифы 50-хъ и 60 годовъ привели къ преобладанію ввоза въ десятилѣтіе 1866—1875 гг. Затѣмъ, съ возвращеніемъ къ покровительственной системѣ, началось съ 70-хъ годовъ быстрое усиленіе вывоза и столь же быстрое паденіе ввоза.

Для дополненія характеристики русской торговли, намъ остается познакомиться съ главными предметами нашего ввоза и вывоза. Изъ общаго характера нашей экономической исторіи можно уже заключить, что предметами вывоза изъ Россіи были, главнымъ образомъ, ея сырые продукты. Какіе это были продукты и въ какой послѣдовательности они приобрѣтали первенствующее значеніе въ торговлѣ, легко угадать, припомнивъ, въ какомъ порядкѣ развивалась эксплуатація природныхъ богатствъ Россіи. Пушной

*) При оцѣнкѣ трехъ цифръ, особенно трехъ послѣднихъ паръ, необходимо имѣть въ виду, что курсъ рубля во второй половинѣ XVIII вѣка падалъ. Въ 1754 г. рубль равнялся 51 голландскому штиверу, а за десять слѣдующихъ пятилѣтій средній курсъ его былъ: 45, 44, 45, 41, 42, 38, 34, 27, 28 и 28 голл. штив. О причинахъ этого паденія курса см. ниже.

***) Въ 1847 г. былъ чрезвычайный отпускъ хлѣба благодаря неурожаю въ Европѣ.

товаръ, медь и воскъ были одной изъ главныхъ статей отпуска со времени арабовъ и норманновъ до времени Ганзы, съ тою только разницей, что дорогіе сорта мѣховъ замѣтно отступили на второй планъ уже въ XV вѣкѣ, и ганзейцы вывозили, главнымъ образомъ, заячьи и бѣличьи шкурки. Воскъ сдѣлался въ то время главной статьей вывоза, а за нимъ выступали уже продукты земледѣлія. Первыми въ ряду этихъ продуктовъ выдвинулись, однако же, не пищевыя, а техническія растенія: не хлѣбъ, а ленъ и пенька, какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ видѣ холста и канатовъ. Развитію хлѣбной торговли, занявшей первое мѣсто въ нашемъ столѣтіи, мѣшали въ прошломъ вѣкѣ безпрестанныя запрещенія правительства и плохіе пути сообщенія. вмѣстѣ съ названными статьями и другіе сырые продукты русской природы имѣли и удержали въ вывозной торговлѣ важную роль: лѣсные продукты—строеной лѣсъ, смола, деготь; продукты скотоводства—щетина и сало, а также шерсть; наконецъ, продукты горнодѣлія—железо. Какую важную роль играло сырье, какъ предметъ питанія и технической обработки, въ отпускной торговлѣ двухъ послѣднихъ вѣковъ, видно изъ слѣдующей таблицы: цифры показываютъ здѣсь процентное отношеніе между пищевыми продуктами, матеріалами для промышленной обработки, готовыми издѣліями и всѣми другими предметами отпуска.

	Жизн. припасы.	Матер. для обраб.	Издѣлія.	Проч. товары
1726	1 ¹ / ₂	43	52	3
1749	¹ / ₂	50	40	8 ¹ / ₂
1778—1780	8	63	20	9
1802—1804	20	66	10	4
1851—1853	36	58	2 ¹ / ₂	3
1893	56	38	4	2.

Какъ видимъ, жизненные припасы играютъ все болѣе и болѣе значительную роль въ нашемъ отпускѣ; вывозъ русскихъ техническихъ матеріаловъ начинаетъ терять въ значеніи съ середины нашего вѣка; наконецъ, потребность въ русскихъ издѣліяхъ (преимущественно льняныхъ и пеньковыхъ) на заграничномъ рынкѣ быстро уменьшается уже къ концу прошлаго вѣка, и едва замѣтно поднимается въ наше время.

Взаимъ нашего сырья ввозная торговля могла бы снабжать Россію продуктами своей обрабатывающей промышленности. Но мы знаемъ, что до Петра спросъ на эти продукты былъ довольно незначителенъ, а послѣ Петра его задерживали искусственными мѣрами: русскій потребитель былъ отданъ въ распоряженіе фабриканта, какъ до Петра онъ находился въ распоряженіи русскаго оптоваго торговца. Въ интересахъ торговаго баланса и развитія

внутренней промышленности, ввозъ иностранныхъ издѣлій насильственно сокращался, а изъ допущенныхъ къ ввозу предметовъ все болѣе и болѣе значительную роль играли матеріалы, нужные для той же промышленности. Прилагаемая таблица ввоза пояснитъ этотъ выводъ цифрами (въ процентныхъ отношеніяхъ):

	Жизн. припасы.	Матер. для обраб.	Издѣлія.	Проч. товары.
1726	21	27	51	1
1749	25	22	44	8
1778—1780	30	19	44	7
1802—1804	40	23	32	5
1851—1853	30	50	16	4
1893	17	62	21	—

Изъ жизненныхъ припасовъ только рыба (преим. сельди) принадлежала къ предметамъ первой необходимости; кромѣ нея, ввозились преимущественно вина и колоніальные товары. Въмѣсто готовыхъ издѣлій, преобладавшихъ среди предметовъ ввоза въ прошломъ столѣтіи, въ нынѣшнемъ безусловный перевѣсъ получили матеріалы, необходимые для русскаго производства.

Сравнивая статьи русскаго привоза и отпуска, мы убѣждаемся, что русская промышленность работаетъ почти исключительно для внутренняго потребленія. Можно спорить о томъ, много или мало переплачиваетъ русскій потребитель для поддержки русскаго фабриканта; слѣдуетъ ли предпочесть національную или интернациональную систему обмѣна и производства; удовлетворяетъ ли національная промышленность внутреннему спросу, или опережаетъ, или даже сокращаетъ его. Рѣшать эти вопросы мы не можемъ въ предѣлахъ «Очерковъ». Но, какъ бы мы ни рѣшали ихъ, несомнѣненъ самъ по себѣ одинъ основной фактъ. За два послѣдніе вѣка внутреннее потребленіе и обмѣнъ возрасли въ огромной степени. Ихъ ростъ именно и сдѣлалъ возможнымъ и развитіе промышленности, и расширеніе оборотовъ внѣшней торговли, и, вообще, весь подъемъ русской промышленной жизни. Внѣшняя торговля, по мѣрѣ этого внутренняго развитія, должна была играть все менѣе и менѣе значительную роль въ общемъ оборотѣ народнаго хозяйства. Когда въ 1753 году уничтожены были Елизаветой внутреннія пошлины, оказалось, что казна собирала ихъ, среднимъ числомъ, по 900 тыс. рублей въ годъ. Такъ какъ внутреннія сдѣлки купли-продажи облагались 5% пошлиной, то общая цѣна всѣхъ товаровъ, обращавшихся на ярмаркахъ и во всѣхъ городахъ Россіи въ срединѣ XVIII вѣка, составляла около 18 милліоновъ. Въ то же время размѣры внѣшней торговли доходили до 12,6 милліоновъ, Эти 12,6 входили, необходимо, въ составъ 18 милл. внутренней торговли, такъ какъ каждый привозный и вывозный

товаръ кончаетъ или начинаетъ тѣмъ, что побываетъ въ народномъ оборотѣ. Стало быть, вѣшняя торговля составляла въ срединѣ XVIII вѣка $\frac{7}{10}$ всего обращенія товаровъ въ странѣ. Въ наше время стоимость привоза и отпуска равняется, приблизительно, миллиарду изъ четырехъ миллиардовъ общаго оборота народнаго хозяйства, т. е. вѣшняя торговля составляетъ уже не болѣе $\frac{1}{4}$ внутренней. Конечно, оба разсчета гадательны: въ обоихъ внутреннее обращеніе оцѣнено, навѣрное, гораздо ниже дѣйствительности. Но именно потому, что ошибка въ обоихъ случаяхъ однородна, эти цифры могутъ все-таки дать правильное понятіе о томъ, какъ сильно уменьшилось сравнительное значеніе вѣшной торговли въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Какъ ни быстро расширились ея обороты, развитіе внутренняго обмѣна шло, очевидно, еще быстрѣе.

Отъ исторіи вѣшной торговли мы можемъ прямо перейти къ исторіи денегъ и цѣнъ въ Россіи; и въ этой области мы найдемъ все тѣ же знакомыя намъ черты русскаго экономическаго развитія. Въ странѣ безъ рудниковъ, а въ Россіи добываніе серебра началось только при Петрѣ, добываніе же золота только съ середины прошлаго вѣка,—въ такой странѣ единственнымъ драгоценнымъ металломъ долженъ быть тотъ, который получается путемъ вѣшной торговли. При недостаткѣ металла наша торговля, и внутренняя и вѣшняя, до самаго конца XVII вѣка сохраняла мѣновой характеръ: оптовые торговцы платили и кредитовали другъ другу товарами. Во внутреннемъ обмѣнѣ очень долго ходили мѣха, и еще во время Петра мы встрѣчаемъ въ русскихъ заголустяхъ въ полномъ ходу различные денежные суррогаты. Но та же слабость экономическаго развитія помогла и накопленію въ Россіи драгоценныхъ металловъ. Мы видѣли, что русскій вывозъ постоянно превышалъ ввозъ. Такимъ образомъ, въ международномъ обмѣнѣ Россія всегда была въ барышѣ: она больше продавала, чѣмъ покупала, больше получала, чѣмъ платила и, стало быть, получаемыя за этотъ излишекъ вывоза чистыя деньги постоянно оставались внутри страны.

Возрастаніе въ странѣ количества металла имѣетъ самую тѣсную связь съ исторіей монеты и цѣнъ. Драгоценный металлъ, какъ и всякій другой товаръ, дешевѣетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается его количество. Это удешевленіе денегъ выражается въ постепенномъ вздорожаніи цѣнъ всѣхъ остальныхъ товаровъ. Явленіе это одинаково свойственно всѣмъ странамъ; но въ Россіи вздорожаніе цѣнъ и удешевленіе денегъ совершалось втеченіе трехъ послѣднихъ столѣтій съ такой необычайной быстротой, ко-

торой экономической исторія Запада не можетъ противопоставить ничего подобнаго. Это и понятно: такъ какъ за этотъ короткий промежутокъ трехъ-четырехъ столѣтій Россія совершила процесъ, растянувшійся болѣе чѣмъ на тысячу лѣтъ на Западѣ. Отъ самыхъ примитивныхъ формъ экономической жизни она перешла къ самымъ сложнымъ явленіямъ современнаго денежнаго хозяйства. Четыре вѣка тому назадъ деньги были слишкомъ дорогимъ и рѣдкимъ товаромъ въ Россіи сравнительно съ Западною Европою: вотъ почему съ тѣхъ поръ цѣнность денегъ успѣла упасть и всѣ товары—вздорожать слишкомъ во сто разъ. За тотъ же промежутокъ времени въ Англіи деньги успѣли подешевѣть не болѣе, какъ въ пять разъ; и даже если мы возьмемъ вдвое большій промежутокъ,—со времени Вильгельма Завоевателя,—то и тамъ мы найдемъ цѣны только разъ въ двадцать ниже теперешнихъ.

Въ московскомъ государствѣ XVI вѣка можно было купить цѣлую избу за 30 или 50 копѣекъ, корову за три четвертака и лошадь за рубль; сани со всѣмъ приборомъ стоили не больше гривенника, а за копѣйку можно было нанять на цѣлый день работника. Одинъ русскій ученый заключилъ изъ этого, что въ московскомъ государствѣ жилось необыкновенно дешево. На самомъ дѣлѣ это значитъ, что деньги были чрезвычайно дороги, то-есть, имѣли гораздо болѣе покупательной силы, чѣмъ теперь. Чтобы опредѣлить покупательную силу денегъ, надо сравнить цѣны одного какого-нибудь товара въ разное время, но преимущественно такого, который самъ не терялъ и не измѣнялъ внутренней цѣны. Строго говоря, такихъ товаровъ нѣтъ, но есть товары, болѣе или менѣе подходящіе. Менѣе всего подходятъ для этой цѣли колоніальные привозные товары, такъ какъ, подобно самимъ деньгамъ, они съ теченіемъ времени быстро дешевѣли,—особенно у насъ въ Россіи. Удобнѣе всего взять для сравненія хлѣбъ,—товаръ, наиболѣе необходимый для существованія и составлявшій долгое время главную пищу населенія. Въ XV-мъ вѣкѣ на 1 рубль можно было купить столько хлѣба, сколько на 130 руб. теперешнихъ. Въ первую половину XVI вѣка цѣна хлѣба была въ 83 раза ниже теперешней, а во вторую половину вѣка—уже только 74 — 60 разъ ниже. Такимъ образомъ, въ концѣ XVI вѣка на рубль можно было купить вдвое меньше хлѣба, чѣмъ въ концѣ XV вѣка; слѣдовательно, за столѣтіе покупательная сила рубля упала вдвое. За тотъ же промежутокъ времени Европа пережила цѣлый экономическій переворотъ, благодаря разработкѣ рудниковъ Новаго Свѣта. Цѣны на западѣ стали не вдвое, а раза въ четыре выше прежнихъ. Трудно сказать, было ли удешевленіе русскаго рубля въ

2857

XVI вѣкѣ отдаленнымъ отголоскомъ этихъ европейскихъ событій, или же онъ зависѣло отъ внутреннихъ причинъ. Во всякомъ случаѣ, быстрое паденіе цѣны денегъ на европейскомъ рынкѣ могло подготовить то явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся на рубежѣ XVI и XVII столѣтій. Цѣны хлѣба поднялись въ началѣ XVII в. сразу въ пять разъ, и слѣдовательно во столько же разъ уменьшилась покупная сила рубля. Въмѣсто 60 нынѣшнихъ рублей, старинный рубль сталъ равняться всего 12-ти. Вънѣшнимъ толчкомъ къ такому рѣзкому возвышенію цѣнъ было, конечно, страшное разореніе, произведенное смутнымъ временемъ; но этотъ толчокъ только помогъ ослабить старинную изолированность русскаго рынка и далъ ему случай приспособиться до нѣкоторой степени къ положенію европейскаго рынка. Вѣроятно, поэтому—результатъ оказался прочтѣе породившей его причины. Отъ разоренія, произведеннаго смутой, Россія скоро оправилась, а цѣна рубля поднялась съ 12 всего до 14 рублей теперешнихъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и до 17 къ концу столѣтія. Новое паденіе покупной цѣны рубля произошло при Петрѣ: рубль упалъ съ 17 до 9 теперешнихъ рублей. Пониженіе произошло, опять-таки, сразу и, несомнѣнно, вызвано было тѣмъ, что Петръ выпустилъ новую серебряную монету, вдвое легковѣснѣе старой. Съ тѣхъ поръ до середины XVIII вѣка рубль стоялъ на одинаковой высотѣ. Во вторую половину вѣка, послѣ новаго пониженія вѣса (мѣдной) монеты вдвое, цѣнность рубля снова начала падать, а послѣ 1788 года сразу понизилась до 5 руб. нынѣшнихъ. Объясненіе этого послѣдняго факта мы найдемъ въ томъ новомъ элементѣ, которымъ осложнилась наша денежная система въ XVIII вѣкѣ: въ неосторожномъ пользованіи государственнымъ кредитомъ.

Собственно говоря, уже Петръ Великій перешелъ отъ настоящихъ денегъ къ денежнымъ знакамъ, обращеніе которыхъ въ народѣ основывается на кредитѣ, на довѣрїи къ государству. До Петра въ Россіи обращались исключительно настоящія деньги, сдѣланныя изъ драгоцѣннаго металла (серебра) и, стало быть, имѣвшія цѣну не только какъ деньги, но и какъ товаръ, Петръ замѣнилъ серебряную копѣйку мѣдной, заставивъ принимать ее по равной цѣнѣ съ серебряной копѣйкой, т.-е. сообщивъ ей принудительный курсъ. Расчетъ правительства оправдался: курсъ мѣдныхъ копѣекъ не упалъ; но зато случилось то, что обыкновенно случается въ подобныхъ случаяхъ. При существованіи дешевыхъ мѣдныхъ денегъ, никому невыгодно было платить серебряными. Все серебро мало-по-малу исчезло изъ монетнаго обращенія, утекло въ чужія страны или было передѣлано въ вещи, и въ народномъ оборотѣ

осталась почти одна тяжеловѣсная мѣдь. При мелочныхъ расплатахъ это не представляло затрудненій, но въ крупныхъ оборотахъ расплачиваться мѣдной монетой было крайне неудобно. Необходимость облегчить обращеніе мѣдной монеты и была главной причиной, вызвавшей, по идеѣ Шувалова, первыя русскія кредитныя учрежденія (банки). Мѣдь должна была складываться въ банкахъ, а крупныя уплаты могли производиться простымъ переводомъ мѣди отъ одного предпринимателя къ другому. вмѣстѣ съ тѣмъ, сама собой явилась мысль—замѣнить мѣдные знаки бумажными свидѣтельствами банка, которыя бы давали владѣльцу ассигновку на опредѣленную сумму мѣди. Правда, при Елизаветѣ Сенатъ нашелъ эту мысль «предосудительной» и «опасной», такъ какъ бумажки не имѣли и той «внутренней цѣны», которую все-таки имѣла мѣдь. Но мѣдные деньги, все равно, были уже кредитными знаками: переходъ къ бумажкамъ былъ только другой формой кредита. При Екатеринѣ II переходъ этотъ совершился. Правительство основало новыя «ассигнаціонныя» банки въ Москвѣ и Петербургѣ (1768); «ассигнаціи» этихъ банковъ должны были замѣнить въ обращеніи мѣдную монету. Милліонъ рублей капитала былъ положенъ въ запасъ банковъ, и на ту же цѣну выпущено кредитныхъ билетовъ (не ниже 25-рублевого достоинства). Нововведеніе, такъ хорошо обставленное, понравилось публикѣ; требованія на ассигнаціи были такъ велики, что скоро понадобились новыя выпуски, такъ какъ обмѣнъ ассигнацій на металлъ былъ всегда обезпеченъ, и бумажный рубль ходилъ почти въ равной цѣнѣ съ металлическимъ. Но такой способъ создавать деньги изъ ничего, путемъ выпуска новыхъ запасовъ бумажекъ, былъ слишкомъ соблазнительнъ. Когда въ началѣ второй турецкой войны (1787) понадобились усиленные расходы, правительство стало выпускать ассигнаціи, уже не соображаясь съ размѣннымъ запасомъ металла въ банкахъ, и впервые выпустило въ обращеніе билеты 10-ти и 5-ти-рублевого достоинства. Въ результатѣ, ассигнаціи распространились въ болѣе широкихъ кругахъ публики, но цѣна ихъ начала быстро падать. Въ концѣ царствованія Екатерины за рубль ассигнаціями давали только 68 коп.; передъ войной 1812 г. уже только 50 коп., а послѣ войны (въ связи съ новымъ уменьшеніемъ вѣса мѣдной монеты въ 1½ раза) только 25 коп. и даже 20 (1815). Въ виду такого паденія ассигнацій, самъ собой явился независимый отъ нихъ счетъ на «рубли серебромъ». Въ 1839 г. этотъ счетъ сдѣланъ былъ официальнымъ: правительство ввело теперешній «рубль серебромъ» равный 3 р. 50 к. ассигнаціями. Въ 1843 г ассигнаціи были обмѣнены на новыя кредитныя би-

леты, беспрепятственно обмѣнивавшіеся на серебро. Извѣстно, однако, что и съ «серебрянымъ рублемъ» повторилась та же исторія: размѣнъ на серебро прекращенъ былъ со времени крымской войны, и въ результатѣ произошло новое паденіе курса. Такова, въ общихъ чертахъ, судьба нашего государственнаго кредита.

Намъ остается теперь познакомиться съ изложеніемъ частнаго кредита въ Россіи. Изъ всѣхъ явленій экономической жизни, этотъ видъ кредита развивается у насъ послѣднимъ: это и совершенно естественно, такъ какъ вообще частный кредитъ есть самый деликатный продуктъ высокаго экономическаго развитія. Отдать свой капиталъ въ чужія руки было въ древней Руси слишкомъ рискованно, да и некому, такъ какъ слишкомъ мало было промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій. Естественно, что капиталъ принималъ чаще всего форму клада: владѣлецъ предпочиталъ беречь его въ сундукѣ или даже зарыть его въ землю для лучшей сохранности. Поэтому, когда въ капиталѣ являлась надобность, не легко было найти, человѣка, который бы согласился ссудить его: и отдавая свои деньги въ оборотъ, капиталистъ бралъ за рискъ чрезвычайно высокій процентъ. Въ древней Руси за ссуду обыкновенно платилось 20%. Правда, монастыри,—эти банкиры древней Россіи,—уже въ началѣ XVI в. ссужали деньги за половинный ростъ—10%. Но мы имѣемъ свѣдѣнія, что старинный двадцати-процентный ростъ былъ очень употребителенъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. При Александрѣ I частный кредитъ сплошь и рядомъ обходился въ 10% годовыхъ, тогда какъ въ Европѣ охотно довольствовались въ это время половиннымъ размѣромъ. Если такъ много нужно было заплатить, чтобы получить капиталъ въ ссуду, то употребить его въ промышленное предпріятіе могъ побудить только еще гораздо большій барышъ. Прибыль съ предпріятія должна была быть значительно выше процента съ капитала. Крупные фабриканты увѣряли еще въ 40-хъ годахъ извѣстнаго путешественника Гакстгаузена, что при 12% за ссуду, прибыль должна быть не меньше 30—35%, чтобы предпріятіе считалось доходнымъ.

Мы знаемъ, что такая высота прибыли была обезпечена русскимъ предпринимателямъ правительствомъ съ помощью таможенныхъ тарифовъ. Правительство первое позаботилось и о томъ, чтобы дать имъ дешевый кредитъ, раньше чѣмъ сама жизнь создала условія такого кредита. За отсутствіемъ кредитныхъ учреждений, выдача ссудъ была поручена на первыхъ порахъ монетному учрежденію: монетная контора съ 1733 года начала выдавать ссуды подъ залогъ золота и серебра съ платежомъ 8%. Въ 1754 году

правительство сдѣлало первую попытку организовать спеціальныя кредитныя учрежденія для долгосрочнаго земельного и краткосрочнаго коммерческаго кредита. Первой цѣли должны были служить два дворянскіе банка въ Москвѣ и Петербургѣ, а второй— купеческій банкъ для торгующихъ при Петербургскомъ портѣ. Ссуды выдавались изъ 6°/_o подъ залогъ имѣній, домовъ и фабрикъ. Такимъ образомъ, опредѣлились двѣ главныя задачи, которыя съ тѣхъ поръ неизмѣнно преслѣдовались правительственными кредитными учрежденіями: «поощреніе промышленности и поддержаніе дворянскаго достоянія» (слова гр. Канкринъ). Дѣла всѣхъ этихъ банковъ шли, однако же, очень плохо до самаго уничтоженія ихъ и преобразованія въ «государственный заемный банкъ» въ 1786 году. Въ 1817 г. заемный банкъ былъ вновь преобразованъ, и въ то же время открытъ опять особый «коммерческій банкъ». Съ этихъ поръ мы получаемъ возможность слѣдить за оборотами обоихъ банковъ и можемъ составить себѣ понятіе о состояніи русскаго кредита въ первой половинѣ столѣтія. Мы видѣли, что русскіе капиталы упорно прятались отъ промышленнаго употребленія; только высокій доходъ могъ преодолѣть страхъ передъ рискомъ и принудить владѣльца отдать свои деньги въ оборотъ. Но отдать деньги въ государственное учрежденіе казалось совершенно безопаснымъ; притомъ же, онѣ не только были тамъ цѣлѣе, чѣмъ дома, а еще и давали владѣльцу безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны хотя бы небольшой процентъ. Для заграничныхъ капиталовъ этотъ процентъ, выдаваемый русскимъ банкомъ, оказывался даже больше, чѣмъ можно было получить въ то время за границей. Вотъ почему приливъ капиталовъ въ банки, и въ томъ числѣ иностранныхъ, оказался очень значительнымъ: количество частныхъ вкладовъ въ заемномъ и коммерческомъ банкахъ поднялось въ теченіе 1817—1857 гг. съ 23 милліоновъ до 300. Но охотниковъ воспользоваться для промышленныхъ цѣлей скопившимися капиталами было далеко не такъ много. Учетъ векселей пошелъ—было бойко въ первые 4 года, но тотчасъ же обнаружили злоупотребленія; правительство принуждено было принять строгія мѣры противъ неблагонадежныхъ векселей, и размѣры операціи до самой середины 40-хъ годовъ колебались около той же цифры (11 мил.), съ которой начались въ 1818 году; съ тѣхъ поръ эта цифра стала возрастать, но къ серединѣ вѣка учетъ векселей составлялъ не болѣе 4—5°/_o всѣхъ оборотовъ заемнаго банка. А между тѣмъ банкъ учитывалъ по 8—6¹/₂^o/_o вмѣсто 15—12°/_o учета у частныхъ банкировъ. Еще меньшихъ размѣровъ (2¹/₂^o/_o оборотовъ) достигъ учетъ товаровъ, непрерывно падавшій съ 1817 года. Такимъ обра-

зомъ, «операции, преимущественно направленные на оживленіе торговых оборотовъ и фабричной дѣятельности», развивались крайне вяло. Важную услугу оказала торговлѣ возможность перевода денегъ черезъ коммерческій банкъ; но размѣры этой операциіи тоже не возрастали замѣтно, колеблясь между 20—40 милліонами. Очевидно, и въ этомъ случаѣ банкъ удовлетворялъ только существующему спросу, не создавая новаго. Съ этими деньгами банкъ, конечно, не могъ предпринимать никакихъ оборотовъ; но и вкладовъ, отданныхъ въ процентное обращеніе, ему некуда было дѣвать. За неимѣніемъ другого дѣла, банкъ занимался операциями съ разными процентными бумагами, но это не могло дать помѣщенія его капиталамъ. Между тѣмъ, вкладчикамъ банкъ долженъ былъ платить узаконенные 5 процентовъ. Чтобы обезпечить ихъ банку, правительство съ 1825 г. распорядилось передавать капиталы коммерческаго банка въ заемный, который долженъ былъ раздавать ихъ въ видѣ ссудъ желающимъ за 6%, и платить 5¹/₂% коммерческому банку. Но и въ заемномъ банкѣ было такъ же трудно обезпечить помѣщеніе капиталамъ вкладчиковъ. Спросъ на ссуды былъ и здѣсь настолько малъ, что его не хватало даже для помѣщенія денегъ собственныхъ вкладчиковъ заемнаго банка. За 1820—1857 гг. число ссудъ, выданныхъ подъ залогъ имѣній, фабрикъ и домовъ, поднялось съ 10 до 50 мил., а количество вкладовъ увеличилось за тотъ же промежутокъ времени съ 23 мил. до 62-хъ. Такимъ образомъ, деньги коммерческаго банка оказывались безусловно лишними. Чтобы задержать приливъ вкладовъ и увеличить спросъ на ссуды, банки съ 1830 года стали платить вкладчикамъ 4%, вмѣсто 5%, и выдавать ссуды за 5%, вмѣсто 6%. Но это ничуть не измѣнило положенія дѣла, и правительство, наконецъ, нашло помѣщеніе для коммерческихъ капиталовъ въ своемъ собственномъ казначействѣ. За недостаткомъ частныхъ требованій, свободные капиталы были употреблены «на разныя общественныя предпріятія и казенныя надобности». Въ моментъ ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій, въ 1860 году, казна была должна заемному банку 250 милліоновъ, т. е. въ ея распоряженіи находилось почти ⁴/₅ всѣхъ вкладовъ заемнаго банка (318 мил.).

За то въ этотъ самый моментъ въ положеніи русскаго кредита наступила рѣшительная перемѣна. Первые признаки этой перемѣны сказались въ 1857 году, когда правительство снова понизило процентъ—по вкладамъ до 3% и по ссудамъ до 4%. На этотъ разъ цѣль пониженія была достигнута: вклады быстро начали отливать и искать себѣ другого помѣщенія. Специальный комитетъ, назначенный для обсужденія вопроса, рѣшилъ понизить еще

процентъ—до 2%, ликвидировать существовавшіе тогда государственные банки и предоставить организацію кредита частнымъ предпринимателямъ. Съ этихъ поръ мы присутствуемъ при необычайномъ ростѣ кредитныхъ учреждений. Независимо отъ вновь учрежденнаго Государственнаго банка, съ 60-хъ годовъ начали быстро возникать акціонерныя и общественныя кредитныя предприятия. Изъ 10-ти дѣйствующихъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ 2 основаны въ 1862 году, остальные въ 1871—1873 гг. Изъ 39-ти коммерческихъ банковъ 7 учреждены въ 1864—1870 гг. и 21 въ 1871—1873 гг. Изъ 248 городскихъ общественныхъ банковъ до 1857 г. существовало всего 21; въ 1862 г. ихъ было 40, а къ началу 1873 г. насчитывалось уже 222. Къ тому же времени дѣйствовала уже половина нынѣ существующихъ обществъ взаимнаго кредита (52 изъ 108). Наконецъ, число сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыя начали устраиваться по образцу Шульце-Деличевскихъ съ 1866 года, дошло черезъ 20 лѣтъ до 712. Надо прибавить, что въ началѣ 80-хъ годовъ количество всѣхъ этихъ учреждений было еще больше, чѣмъ теперь: многія изъ нихъ закрылись, не переживъ періода акціонерной горячки*).

Какъ видимъ, въ исторіи кредита мы наталкиваемся опять на то же явленіе, съ которымъ не разъ встрѣчались въ другихъ областяхъ русской экономической жизни. Послѣ крайне медленнаго роста въ теченіе вѣковъ, экономическое развитіе Россіи сразу двигается впередъ со второй половины нашего вѣка съ такой быстротой, которая не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ прошломъ. Полное измѣненіе всѣхъ условій экономическаго быта ведетъ русскую жизнь къ еще болѣе рѣшительному разрыву со всѣмъ ея прошлымъ, чѣмъ мы могли это предположить, слѣдя за перемѣнами въ количествѣ населенія и въ его размѣненіи на территоріи Россіи. Но здѣсь, какъ и тамъ, мы постоянно отмѣчали и обратную сторону дѣла. Отставъ отъ своего прошлаго, Россія далеко еще не пристала къ европейскому настоящему. Въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ экономической жизни мы могли наблюдать то огромное разстояніе, которое отдѣляетъ Россію отъ наиболѣе развитыхъ странъ Европы. И, подводя теперь итогъ всему сказанному, мы опять должны напомнить, что весь этотъ грандіозный ростъ нашего промышленнаго развитія до сихъ поръ покоится на фундаментѣ, отчасти слишкомъ элементарномъ, отчасти слишкомъ искусственномъ. Русская промышленность сдѣлала колоссальныя успѣхи, —

*) Въ 1883 г. насчитывалось 15 земельныхъ банковъ, 34 коммерческихъ, 306 общественныхъ, 115 взаимнаго кредита и 756 ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

но государство все еще не рѣшается предоставить ее ея собственнымъ силамъ. Русская торговля чрезвычайно расширила свои обороты; но подавляющій процентъ нашего вывоза продолжаетъ состоять изъ сырья, и въ томъ числѣ хлѣбъ составляетъ болѣе половины всей суммы. Русская желѣзнодорожная сѣть быстро достигла значительныхъ размѣровъ, но, во-первыхъ, изъ каждаго рубля, затраченнаго на желѣзныя дороги, частные предприниматели внесли только 8 коп., а остальные 92 коп. доплатило правительство; а во-вторыхъ, главный доходъ доставляютъ желѣзнымъ дорогамъ хлѣбные грузы и сельскіе рабочіе. Обращеніе капиталовъ въ странѣ значительно усилилось, но большая часть этихъ капиталовъ употребляется для того, чтобы обернуться съ русскимъ урожаемъ: каждую осень деньги отливаютъ изъ банковъ въ провинцію, и потребность въ денежныхъ знакахъ усиливается настолько, что правительство къ этому времени дѣлаетъ усиленные выпуски новыхъ бумажныхъ денегъ. Сдѣлавъ свое дѣло, т.-е. купивъ и продавъ хлѣбъ, деньги снова возвращаются въ правительственныя и частныя кассы.

Всѣ эти признаки слабого промышленнаго развитія такъ же ярки, какъ и тѣ черты, которыми характеризуется быстрый промышленный ростъ Россіи. Естественно, что оба ряда противоположныхъ признаковъ повели къ двумъ противоположнымъ пониманіямъ общаго хода русской экономической жизни. Тѣ, кто обращалъ преимущественное вниманіе на *процессъ* экономического роста, не могли не отмѣтить полного сходства этого процесса съ тѣмъ, который прошла когда-то и Западная Европа. Напротивъ, тѣ, которые останавливались, главнымъ образомъ, на *результатахъ* этого процесса, не могли не быть поражены совершеннымъ своеобразиемъ этихъ результатовъ, слишкомъ мало похожихъ на тѣ, которыхъ достигла теперь Западная Европа. Съ нашей точки зрѣнія обѣ стороны спорятъ о разныхъ вещахъ, и обѣ могли бы быть правы, если бы не примѣшивали своихъ принципіальныхъ разногласій къ спору о наличности данныхъ фактовъ. Выдвигая эти разногласія впередъ, «марксисты» и «народники» дадутъ намъ лишь новый вариантъ стариннаго спора между западниками и націоналистами, — спора, вытекающаго на этотъ разъ изъ столкновенія двухъ непримиримыхъ міровоззрѣній, — научнаго и этическаго. Въ этомъ смыслѣ, ихъ споръ еще послужитъ предметомъ нашей бесѣды со-всѣмъ въ другомъ отдѣлѣ этихъ «Очерковъ».

Пособіями для этого отдѣла послужили, кромѣ названныхъ раньше, слѣдующіе общіе статистическіе очерки: Военно-статистическій сборникъ, вып. IV, Россія. Спб. 1871 г. Фабрично-заводская промышленность и торговля Рос-

сія. Изд. Д-та Торговли и Мануфактуръ (по поводу выставки въ Чикаго). Спб. 1893.—*Д. Моревъ*. Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи. Изд. 4-е, Спб. 1894. Изъ спеціальныхъ изслѣдованій: *Бржозовскій*. Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части (въ Юридическомъ сборникѣ Мейера, Казань, 1855); *Гамъ*, о почтахъ въ Россіи (въ Сборникѣ стат. свѣд. о Рос., изд. стат. отд. Имп. Р. Геогр. О., книжка II, Спб. 1854).—*А. С. Ланто-Данилевскій*. Поверстная и указная книга Ямскаго приказа, Спб. 1890.—*В. Ключевскій*. Русскій рубль XVI—XVIII въ его отношенія къ нынѣшнему (въ чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1884, I и отдѣльно).—*А. Елуновъ*. О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. М. 1855.—*Бережковъ*. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Спб. 1879 г. (въ Зап. Истор.-фил. факульт. Спб. унив.).—*А. Никитскій*. Исторія экономическаго быта великаго Новгорода, чтенія Общ. Ист. и Др. 1893, I—II.—*Костомаровъ*. Очеркъ торговли Моск. госуд. въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1862.—*Кильбурнеръ*. Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, какииъ образомъ она производилась черезъ всю Руссію въ 1674 году, перев. Языкова. Спб. 1820.—*Ф. Г. Вирстъ*. Разсужденія о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и коммерціею Россійской имперіи, перев. И. Степанова, Спб. 1807.—*Заблочкий*. Сравнительное обозрѣніе внѣшней торговли Россіи за послѣднія 25 лѣтъ (1824—1848) въ Сб. стат. свѣдѣній о Россіи, кн. I, Спб. 1851.—*Небольсинъ*. Стат. обозрѣніе внѣшней торговли Россіи. Спб. 1850. 2 части.—*В. Гольдманъ*. Русскія бумажныя деньги. Спб. 1867.—*Е. Ламанскій*. Историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи съ 1650 по 1817 годъ и его же Статистическій обзоръ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій съ 1817 г. до настоящаго времени (объ статьи въ Сб. статистич. свѣдѣній о Россіи, кн. II, Спб. 1854).—*И. Кауфманъ*. Статистика русскіихъ банковъ. Спб. 1872 (ч. 1-я). Статьи о «банкахъ» и «желѣзныхъ дорогахъ» въ Энциклопедич. словарѣ Арсеньева и Петрушевскаго.

ИЗЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА

I.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Баю баюшки, спи въ колыбели своей!
Твой отецъ былъ одинъ изъ народныхъ вождей,
И красавицей мать въ нашемъ кланѣ слыла,—
Но обоихъ, увы, рано смерть отняла.

* * *

Баю баюшки, спи въ колыбели своей!
И долины, и гладь изумрудныхъ полей—
Все твое! Охраня твой сонъ отъ врага,
На стѣнѣ вѣрностной загрубили рога.

* * *

Баю баюшки, спи! А настанетъ чередъ—
Поведешь ты бойцовъ за собою впередъ:
Приближается жизнь съ вѣковою борьбой,
И приноситъ заря пробужденье съ собой.

II.

УМИРАЮЩІЙ БРОДЯГА.

Гонимый невзгодою странникъ,
Соблазна грѣховнаго данникъ,
Лишенный отчизны изгнанникъ—
Навѣкъ успокоился онъ.

Съ тоскою воздѣтыя руки,
Рыданья предсмертнаго звуки,
И—кончились тяжелыя муки,
И путь безнадежный пройденъ.

Обрядъ совершили прощальный,
Пропѣли псаломъ погребальный,
Вдали замираетъ печальный
Торжественный звонъ.

Теперь не страшнѣ ему: холодъ,
Нужда, непогода и голодъ,
Пусть сыплеть ударами молотъ,—
Заснулъ онъ,—и тихъ его сонъ!

О. Чюмина.

ДЕРЕВЕНСКІЯ КАРТИНКИ.

I.

Р е б я т а.

За околицей, на пригоркѣ, съ котораго круто падаетъ внизъ дорога, остановилась маленькая дѣвочка, въ одной рубахѣ изъ грубаго домашняго холста, стриженная и босая. Звонкимъ голосомъ она крикнула:

— Эй, Латынецъ!.. Горюнь!.. Паукъ! ау!

Ей снизу отвѣтили:

— Э-гей, Вострякъ! иди сюда-а-а!..

Подъ горой, гдѣ протекалъ ручей, на плоскомъ побережьѣ, усѣянномъ мелкими камешками, виднѣлась кучка ребятшекъ. Дѣвочка сбѣжала къ нимъ, но вскорѣ вернулась, ведя за собою трехъ мальчиковъ; это и были Паукъ, Горюнь и Латынецъ. Паукъ везъ маленькую телѣжку, Горюнь тащилъ на веревочкѣ старый лапотъ, нагруженный пылью и камешками и тоже изображавшій, вѣроятно, какой-нибудь экипажъ; Латынецъ ѣхалъ верхомъ на палкѣ, подгоняя ее веревочнымъ бнуткомъ. Они шли, загребая ногами теплую пыль, лежавшую на дорогѣ толстымъ слоемъ, и подымали цѣлыя облака. Когда же всѣ вошли въ деревню, Вострякъ захватила полныя пригоршни пыли, подбросила ее высоко вверхъ и звонко крикнула:

— Пожа-а-а-арь!

Легкая пыль, клубясь, расплзлась и повисала въ безвѣтренномъ воздухѣ и дѣйствительно походила на дымъ. Шалость Востряка увлекла и мальчиковъ; къ нимъ стали присоединяться другія дѣти, выбѣгавшія на крикъ; толпа нарастала, какъ снѣжный комъ, и какъ ураганъ неслась вдоль деревни, вздымая цѣлую тучу пыли и оглашая воздухъ крикомъ:

— Пожаръ! пожаръ! пожаръ!

Дѣти остановились только на другомъ концѣ деревни, у пруда; всѣ они были покрыты пылью съ головы до ногъ, словно сѣрою пеленой, и лишь глаза сверкали, да красныя губы выдѣлялись на этихъ фигурахъ, силошь и густо затусшеванныхъ однимъ пыльнымъ тономъ.

— Ребята, купаться!

— Валяй!

Эта толпа жила одной жизнью. За словомъ у нея тотчасъ же слѣдовало дѣло; дѣти моментально посбрасывали рубахи и начали шлепаться и кувыркаться въ водѣ, наполняя воздухъ визгомъ, гамомъ, смѣхомъ и водяною пылью. Они барахтались и ныряли до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые не начали синѣть и стучать зубами. Не смотря на жаркое время года, вода въ прудѣ, питавшемся изъ родниковъ, была холодна. Тогда Вострякъ предложила:

— Братцы! идемте грѣться на мелочъ, гдѣ свиньи валяются... тамъ горячая, небось, грязь-то...

Дѣти перебѣжали къ устью пересохшаго ручейка. Вода въ его руслѣ стояла лишь кое-гдѣ лужицами, а самое устье было наполнено жидкой грязью, растолченой скотомъ. Озябшіе ребятишки распластались въ этой теплой, липкой грязи, выражая большое удовольствіе отъ ощущенія пріятной теплоты.

— Хрю, хрю! я свинья,—заявилъ Паукъ, валяясь въ грязи.

Сравненіе понравилось, и никто не захотѣлъ отстать отъ Паука; одни пожелали быть большими свинками и начали вторить ему хрюканьемъ, другіе удовольствовались ролью поросятъ и визжали.

Черезъ полчаса вся ватага очутилась уже далеко за деревней, въ ржаномъ полѣ, пробираясь по узкой, поросшей травой полевой дорожкѣ, танувшейся между двухъ стѣнъ густой высокой ржи. Впереди шла Вострякъ, коноводившая ватагой; ея штабъ составляли Паукъ, Горюкъ и Латынецъ.

Этой дѣвочкѣ могло быть лѣтъ десять; тоненькая, сухая, живая и юркая, какъ ртуть, съ быстрыми глазенками, скорою рѣчью и звонкимъ рѣзкимъ голосомъ, она отличалась маленькой головкой, острой мордочкой съ острымъ носикомъ и острымъ подбородкомъ... Всею своею фигуркой она вызывала въ умѣ представленіе именно о чемъ-то остромъ, и вполне оправдывала свое прозвище.

Паукомъ прозывался мальчикъ съ огромной головой на

толстомъ, шарообразномъ туловищѣ, съ большимъ животомъ, короткими, кривыми ногами и длинными худыми руками.

Горюнъ былъ вроткое, хилое, безобидное существо, а Латынецъ—косноязычный.

— Я знаю, какъ пройти ближе,—сказала Вострякъ и свернула съ дороги въ рожь, на межу. Чтобы не топтать колосьевъ, ребята растянулись за нею по межѣ длинной вереницей. Рожь была такъ высока, что они не только скрывались въ ней, но едва доставали до колосьевъ, подымая еверху руки. Дѣти шли во ржи какъ въ лѣсу; тамъ было невыносимо жарко и душно.

Черезъ четверть часа они вышли на большую проселочную дорогу.

— Братцы, гляди! никакъ это Совушка?—сказала Вострякъ, останавливаясь.

По дорогѣ частыми, мелкими шажками брелъ маленький, немного сторбленный старичокъ, босой, одѣтый въ короткій заплатанный кафтанишко, набойчатые вылинявшіе порты, съ сумкой черезъ плечо и въ огромной, походившей формою на архіерейскую митру, шапкѣ, страшно засаленной и дырявой, съ торчащими изъ дыръ клочками хлопьевъ. У старика было темное худое лицо, съ мелкими морщинками; на видъ ему можно было дать лѣтъ восемьдесятъ-девяносто. Если онъ былъ не совсѣмъ слѣпъ, то, во всякомъ случаѣ, видѣлъ очень плохо; это было замѣтно и потому, какъ онъ ощупывалъ палкою дорогу, и потому, какъ смотрѣлъ своими тусклыми, не моргающими глазами.

Ребятишки сплотились около Востряка и стали о чемъ-то совѣщаться, а потомъ тихо двинулись на встрѣчу старику. Подойдя на близкое разстояніе, они вдругъ съ кривомъ и гвалтомъ окружили его со всѣхъ сторонъ.

На лицѣ старика явилась жалкая дѣтская гримаса, какъ у ребенка, когда онъ собирается заплакать. Онъ остановился и замахалъ вокругъ себя палкой, торопливо бормоча:

— Я васъ!.. вотъ я васъ, пострѣлята!.. палкою!.. вотъ я васъ палкою!..

Но пострѣлята мало боялись его палки; они атаковали его еще смѣлѣе и друнѣе.

— Совушка! спой намъ про Совушку,—кричали одни.

— Совушка! Расскажи про пьяницу,—требовали другіе.

— Нѣтъ, совушку! совушку!.. валяй намъ совушку!

— Ну, пой, что ли, старый хрычъ, пой!

— Пой, говорятъ тебѣ, пой! а то вздуемъ...

Нѣкоторое время старикъ успѣшно отбивался палкой, но скоро онъ сталъ уставать; замѣтивъ это, одинъ изъ мальчишекъ дернулъ его сзади и увернулся отъ удара; его примѣру послѣдовалъ другой, и началась настоящая травля. Старикъ злился и изо всѣхъ старческихъ силъ старался огрѣть кого-нибудь палкой; ребятишки осмѣлѣли, разгорячились, увлеклись и съ азартомъ теребили его со всѣхъ сторонъ. Въ этой неравной борьбѣ старикъ напоминалъ устарѣвшаго волка, затравленного стаей псовъ; видя, что ему нѣтъ спасенія, онъ садится на землю и щелкаетъ беззубыми челюстями, пока какой-нибудь пѣсикъ посмѣлѣе не бросится на него, а за нимъ и вся стая не покроетъ звѣря.

Вдругъ, старикъ опустился на землю и заплакалъ въ голосъ, какъ ребенокъ.

Галдѣвшая толпа моментально стихла и стала, какъ вкопанная. Удивленные мордочки неподвижно уставились въ старческое лицо, сморщившееся и плакавшее совершенно по дѣтски. Кто-то, было, хихикнулъ, но его сразу оборвали:

— Чего свалишь зубы-то?

— Черти, нашли на кого нападать!.. Право, окаянные!..

— Чего лаешься-то? самъ не нападалъ?

— Самъ... извѣстно... я за вами...

— Дѣдушка!— сказала Вострякъ, нагибаясь къ старику, — не плачь, родненькій!.. мы больше не будемъ.

— Совушка! мы, вѣдь, это только такъ.

— Извѣстно, а ты, рази, думалъ мы взаправду?

— Вставай, Совушка!

— Давайте, братцы, мы его подыдемъ.

— Не замай! пусть его отдохнетъ маленько.

Сидя на землѣ, старый ребенокъ продолжалъ плакать. Совушка былъ единственнымъ живымъ памятникомъ недавно исчезнувшей съ лица земли цѣлой деревни; всѣ жители ея разбрелись, ушли въ переселеніе, самое мѣсто, гдѣ она стояла, было распахано, и лишь онъ, какъ слишкомъ дряхлый для далекаго путешествія, остался сложить свои кости на старомъ кладбищѣ приходской церкви. Его кормили три деревни, подѣлившія между собою землю переселенцевъ.

Навонецъ, Совушка утѣшился и всталъ, старчески-дѣтское лицо его уже счастливо улыбалось, лишь въ морщинахъ щекъ остались слѣды необсохшихъ слезъ. Теперь онъ сдѣлался сговорчивѣе и сразу сдался на просьбу дѣтей спѣть

„Совушку“. Покачиваясь слегка въ таетъ, онъ зашѣлъ слабымъ дрожащимъ старческимъ голосомъ:

— Эхъ, Сова моя, Совушка!
 Сова чернобровая,
 Зарѣчная барыня,
 Грозная княгиня,
 А гдѣ жъ ты бывала?
 А гдѣ жъ ты жила?
 — Бывала я, Совушка,
 Жила я, вдовушка,
 Во темномъ лѣсицѣ,
 Во старомъ дулищѣ...

Дальше рассказывалось, какъ эту Совушку просватали за Бѣлаго Луна и какъ при этомъ:

Вятючень-то свать былъ,
 Воробей дружкомъ,
 А грачь-то подружьемъ,
 Ворона-то свакою,
 А галка стряпухою,
 Сорока скакухою.
 А воронъ-то поваръ,
 По двору летаетъ,
 Куръ собираетъ и т. д.

Дѣти окружили Совушку плотной толпой и повели его въ деревню. Одни приподнимали его сумку, чтобы ему было легче нести ее, другіе тащили за кафтанъ, третьи слегка подталкивали его сзади, а нѣкоторые даже помогали ему переставлять палку, всѣмъ хотѣлось чѣмъ-нибудь помочь старику...

II.

П а с т у х и.

Раннее утро. Солнце только-что поднялось надъ дальнимъ лѣсомъ и огнистыми косыми лучами начинаетъ заливать сѣрое поле. На травѣ блеститъ роса. Вдали надъ рѣчкой повисъ туманъ. Но роса таетъ, туманъ рѣдѣетъ...

По невспаханному паровому полю разбрелось стадо, пощипывая жалкіе остатки выбитой жествой травы. Пастухъ, высокій, сгорбленный старикъ, опершись обѣими руками на палку и положивъ на руки подбородокъ, стоитъ неподвижный, какъ изваяніе. Лицо у пастуха исхудалое, потухшіе глаза глубоко ввалились; сожженная солнцемъ темнубурая кожа на лицѣ сморщивалась толстыми грубыми складками.

Эта загрубѣлость кожи придавала лицу пастуха видъ окаменѣлости, какаго-то мертвеннаго спокойствія; казалось, оно потеряло способность отзываться на внутреннія ощущенія и выражать что-либо, кромѣ тупого равнодушія.

Пока еще не жарко—стадо спокойно, и подпасокъ Ванька Чумичка, юркій мальчуганъ лѣтъ 13-ти, сидитъ здѣсь же, возлѣ пастуха; двѣ собаки, Шариевъ и Катоковъ, растянулись у его ногъ.

Пастухъ что-то говоритъ. Судя по тому, какъ жадно слушаетъ его Чумичка, рассказъ пастуха, должно быть, очень интересень.

— ...И не было тогда ни земли, ни неба, ни солнца, ни мѣсяца, ни звѣздочекъ,—слышится глухой монотонный голосъ пастуха:—а была одна вода—кіанъ-море... И задумалъ Господь свѣтушко создать, и призвалъ онъ Анчутку, который еще въ то время у Господа первымъ архангеломъ былъ и Сатаниломъ звался, и повелѣлъ ему Господь: Пойди ты, говоритъ, Сатаниль, въ Кіанъ-море и достань мнѣ со дна песку морскаго. Полѣзъ Анчутка на дно, захватилъ песку въ руки, набилъ имъ полонъ ротъ, а когда сталъ ворочаться къ Господу—самъ себѣ и думаетъ: зачѣмъ это Господу песокъ понадобился? Пришелъ лукавый къ Богу, отдалъ весь песокъ, но чуточку за скулою утаилъ. Господь посѣялъ песокъ, сказалъ слово божественное, и сталъ тотъ песокъ расти... изъ каждой песчинки цѣлая гора выросла, и сотворилась земля... Не успѣлъ Сатаниль изо рта песокъ выплюнуть, какъ онъ выросъ у него тамъ съ добрую гору. Взвиль лукавый отъ лютой боли, бросился къ Господу и давай во всемъ каяться и прощенья просить. Простилъ его Милостивый и ослобонилъ...

И повелѣлъ Господь Сатанилу двѣ кремневя горы принести, и ударилъ Господь горою объ гору... выскочила искра, упала на землю и сотворилась человѣкомъ; ударилъ Господь двѣнадцать разъ и сотворилъ двѣнадцать человѣкъ...

И долго-долго лѣтся мѣрная рѣчь пастуха, а солнце поднимается все выше и выше, лучи его становятся горячѣе; появляются мухи и овода, скотина дѣлается безпокойнѣе. Подпасокъ съ Шарикомъ и Каткомъ все чаще и чаще убѣгаютъ въ сторону, чтобы собирать разбредаетея стадо. Но мальчикъ при первой возможности возвращается, чтобы хоть урывками послушать интересныхъ рассказовъ дяди Михайлы. Много ужъ Чумичка наслушался отъ него чудесныхъ исто-

рій: и о сотвореніи земли, какъ сегодня, и о свѣтопреставленіи, и объ антихриствѣ; узналъ, что мѣсяць— „божій глазокъ“, что до морскаго дна такое же разстояніе, какъ до неба, и что, когда падаетъ звѣздочка, то это не звѣздочка, а ангелокъ божій слетаетъ съ неба со свѣчкой за душой умершаго праведника.

Но старикъ, вдругъ, почему-то сталъ неразговорчивъ. Чумичка догадывается, что ему сегодня очень неможется. Михайло и боленъ, и старъ, — ему давно бы пора на покой, но приходится нести тяжелую обязанность и терпѣть... И Михайло терпитъ: онъ умираетъ на ногахъ, не стоная, не охая, молчаливо, какъ животное, какъ засыхающее дерево...

Приближается полдень, начинается зной; мухи и овода цѣлыми роями нападаютъ на стадо. Подпасокъ не подбѣгаетъ ужь къ пастуху; онъ едва справляется со скотиной при помощи Шарика и Катка.

Наступаетъ полдень.

— Дядюшка Михайла, ужь и на полдни бы гнать пора, — говоритъ Чумичка.

Дядя Михайла уже не стоитъ, а лежитъ подъ тѣнью куста, на краю вершины; силы измѣнили ему. Онъ попробовалъ, было, встать, но только махнулъ рукой и сказалъ:

— Гони съ Богомъ, Ваня... Я вотъ чуточку отдохну только... ты гони, не жди меня.

Чумичка погналъ. До деревни было версты три, но еще на полдорогѣ подпасокъ растерялъ свое стадо. Жаръ дѣлался невыносимымъ; овода десятками облѣпляли животныхъ, жалали ихъ до крови, доводили до бѣшеннoй ярости. Большой черный общественный быкъ, задравъ хвостъ, съ ревомъ помчался прочь отъ стада, а вслѣдъ за нимъ подрали нѣсколько бойкихъ коровъ. Чумичка выбивается изъ силъ, бросаясь во всѣ стороны, и не разъ всплавнуетъ при этомъ. Шарикъ и Катокъ мечутся какъ угорѣлыя, высунувъ языки и хрипя отъ лая. Махнувъ рукой на отбившихся, подпасокъ старается довести въ цѣлости хотя остатки своей взбунтовавшейся арміи; онъ изнемогъ. На свое горе онъ захватилъ съ собою огромный тяжелый влудъ пастуха и, не будучи въ силахъ имъ пользоваться, свилъ его кольцомъ и тащитъ какъ хомутъ на шеѣ.

Уже передъ самой деревней стадо нагнали староста и дурачекъ Петруша, они пригнали нѣсколько отбившихся коровъ.

— Вы что жъ это, черти, стадо-то распустили!..—крикнулъ издали трусившій верхомъ староста, но, замѣтивъ отсутствіе пастуха, спросилъ:

— А гдѣ же Михайло?

Чумичка заплакалъ; онъ сталъ рассказывать, какъ отсталъ пастухъ, какъ взбѣленилась скотина, и какъ онъ не могъ съ нею совладать.

— Ишь ты, грѣхъ-то какой,—проворчалъ староста.— Вся, что ли, теперь скотина-то?

— Нѣтъ, еще быка да трехъ коровъ нѣту; вонъ туда побѣжали,—махнулъ рукой подпасокъ.

— Ну?! бѣда таперича, лѣшій те дери!.. Непремѣнно въ барскій хлѣбъ заберутся... бѣда!.. Ты, Петрунька, оставайся при стадѣ, покажѣсь пастухъ не придетъ.

И староста, подгоняя лошадь пятеми голыхъ ногъ и смѣшно растопыривъ локти, потрусилъ по направленію, указанному подпаскомъ.

Дурачекъ Петрунька, молодой парень, съ глупой, но добродушной фізіономіей, весело осклабился; привязаніе старосты, очевидно, пришлось ему по сердцу. Увидѣвъ у пастушенка кнутъ, онъ сказалъ:

— Дакась мнѣ его.

И, взявъ кнутъ, онъ распустилъ его, поволокъ по землѣ и, полюбовавшись, какъ онъ, словно длинная змѣя, извивался по пыльной дорогѣ, сильно взмахнулъ имъ, рѣзко хлопнулъ, свистнулъ и загоготалъ во все горло:

— О-го-го-го! О-го-го-го! фить-гей! фить-гей!..

Стадо расположилось въ узкомъ мелкомъ заливчикѣ большаго пруда, въ концѣ деревни. Животныя размѣстились въ водѣ по росту: средину залива занялъ крупный рогатой скоть, забравшись въ воду по брюхо, или выставляя только спину и голову; на мелкихъ мѣстахъ у береговъ скучивались овцы. Встревоженная поверхность воды еще не успѣла успокоиться, и улегавшіяся волны, словно задремывая подъ жаркими лучами, лѣниво ползли изъ залива на широкій просторъ, гдѣ окончательно засыпали, выравниваясь въ гладкую поверхность. Вскорѣ вся эта масса животныхъ застыла въ какой-то тяжелой дремотѣ, и только иногда взмахи коровьихъ хвостовъ, шлепавшихъ по водѣ, да изрѣдка движеніе рогатыхъ головъ нарушали впечатлѣніе мертвой окаменѣлости стада.

Чумичка, Петрунька и Шарикъ съ Катькомъ улеглись и уснули въ тѣни большой старой лозы, росшей на берегу

пруда. Въ безлюдной по случаю рабочей поры деревнѣ ни звука, ни шелеста... Ясное небо глубоко и прозрачно; знойный воздухъ душень и неподвиженъ, и только въ синей дали струится мелкими прозрачными волнами.

Прошелъ часъ, другой... Широкая тѣнь лозы значительно передвинулась къ сѣверо-востоку и открыла солнцу часть тѣла Чумички. Подпасокъ безпокойно заметался подъ припекомъ жгучихъ лучей, накалявшихъ его обнаженную голову, но проснулся не сразу. Наконецъ, онъ открылъ глаза, лѣниво приподнялся, сѣлъ, поникнувъ отяжелѣвшею головою, поскребъ пятернею въ волосахъ, посмотрѣлъ на солнце и сталъ будить Петруньку.

— Петра!.. Петрунька, вставай!.. слышь, пора!

— А!.. чаво?

Петрунька приподнялъ голову, оглядѣлся кругомъ и отвѣтилъ:

— И то, малый, пора... гони!

Онъ всталъ, распустилъ вѣтухъ и, зайдя отъ устья залива, принялся за дѣло: раздался короткій, сильный, точно пистолетный выстрѣлъ, ударъ вѣтухъ, рѣзкій свистъ и гоготанье.

— Фить-гей! фить-гей! О-го-го-го-го!

Чумичка погналъ скотину съ другой стороны залива, а Шарикъ и Катокъ лаяли на нее, забравшись въ воду.

Стадо зашевелилось и стало выбираться на сушу.

Когда стадо вышло въ поле и приблизилось къ тому мѣсту, гдѣ утромъ остался пастухъ, Чумичка, поручивъ наблюдение за стадомъ Петрунькѣ, направился къ знакомому кусту. Пастухъ лежалъ на томъ же мѣстѣ, навзничъ, съ закрытыми глазами. По неподвижности и тому покою, который лежалъ на обострившихся чертахъ старика, его можно было принять за мертвеца.

— Дядюшка Михала!—позваль Чумичка.

Михайло медленно открылъ отяжелѣвшія вѣки, долго безсознательнымъ взоромъ глядѣлъ на мальчика, наконецъ узналъ его, съ усиліемъ раскрылъ запекшіяся губы и почти беззвучно зашевелилъ языкомъ.

Чумичка припалъ на колѣни и нагнулся къ самому лицу больного, чтобы слышать его невнятный шепотъ.

— Сиротка... бѣдный!.. молись Богу, Ваня... онъ, батюшка, не оставитъ... Береги скотинку...

Пастухъ замолчалъ.

— Безъ покаянія... безъ причастія, — зашепталъ онъ опять, черезъ минуту, словно въ бреду:—Господи, прости!.. не постави во грѣхъ!

И снова замолеъ.

Чумичка видѣлъ, что пастухъ умираетъ, но не зналъ, что дѣлать. Слѣдовало бы дать знать старостѣ, но онъ боялся повинуть стадо. И подпасокъ рѣшился подождать, не проѣдетъ ли, не пройдетъ ли кто вблизи, чтобы можно было послать вѣсть въ деревню.

Уже передъ вечеромъ, никого не дождавшись и издали наблюдая за больнымъ, подпасокъ замѣтилъ, что тотъ дѣлалъ рукою какія-то движенія. Приближаясь къ пастуху, онъ видѣлъ, что тотъ крестится. Медленно приподнималъ умиравшій безсильную руку, касался ею лба, груди, плечъ, останавливался на минуту, какъ бы отдыхая, и потомъ опять, снова... Когда Чумичка подошелъ къ нему вплотную, пастухъ уже пересталъ креститься; рука его неподвижно легла на груди со сложенными для креста перстами, вѣки остались полуоткрытыми, и косые лучи солнца, заглядывая въ его безжизненные глаза, уже не заставляли ихъ щуриться.

Чумичка долго смотрѣлъ на мертвеца, потомъ присѣлъ на землю и заплакалъ въ голосъ.

А вдали дурачокъ Петрунька оралъ свое:

— О-го-го-го! О-го-го! фють-гей!..

М. Барановъ.

А. В. ЕЛИСѢЕВЪ.

Страничка изъ воспоминаній.

I.

Жарь только что свалилъ. Дачники, прятавшіеся по своимъ дачнымъ труппамъ, выходили подышать свѣжимъ воздухомъ. Особенно много было публики на Муринскомъ проспектѣ, около лѣтняго клуба, гдѣ лѣтніе артисты давали спектакль. Я отправился въ театръ, чтобы въ антрактахъ подышать свѣжимъ воздухомъ въ клубномъ саду. Въ Лѣсномъ въ жаркіе дни и душно, и пыльно, а вечеромъ поднимается самая предательская сырость. Это не значить, что Лѣсное хуже другихъ дачныхъ мѣстностей въ окрестностяхъ Петербурга, — такая же сырость, духота и пыль вездѣ.

Не помню, какая шла пьеса, но въ одинъ изъ антрактовъ знакомые указали на извѣстнаго уже тогда путешественника, д-ра Елисѣева, который гулялъ по аллеѣ вмѣстѣ съ остальной публикой. Я читалъ его статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ и какъ-то было странно видѣть этого смѣлаго исследователя далекаго Востока въ какомъ-то Лѣсномъ, которое ни въ географическомъ, ни въ этнографическомъ, и ни въ какомъ вообще отношеніи не замѣчательно. Черезъ минуту мы были представлены другъ другу и сѣли на садовой террасѣ.

— Я никакъ не ожидалъ васъ встрѣтить именно здѣсь, — удивлялся я, по привычкѣ, наблюдая новаго человѣка. — Даже какъ-то странно...

— И я тоже удивляюсь, что встрѣтилъ васъ въ Лѣсномъ. У меня здѣсь постоянное мѣстожителство...

— Да? А я нанялъ здѣсь дачу.

— Какъ дачное мѣсто, Лѣсное, пожалуй, неудобно. Очень много лѣтомъ набирается публики, а мы начинаемъ

жить, когда дачники разъѣдутся, т.-е. поздней осенью. Главное удобство—безусловная тишина, а это самое важное при работѣ.

По своей наружности д-ръ Елисеѣвъ ни чѣмъ особеннымъ не выдѣлялся. Средняго роста, бѣлокурый, съ сѣрыми глазами, съ русскимъ лицомъ—и только. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлый военный китель и походилъ на армейскаго офицера. На первый взглядъ нѣсколько поражала торопливость его движеній и какая-то особенная быстрота взгляда, точно онъ постоянно куда-то спѣшилъ. Наружность „извѣстныхъ людей“ рѣдко совпадаетъ съ тѣмъ представленіемъ о нихъ, какое составляешь о нихъ по ихъ сочиненіямъ. Такъ было и здѣсь. Первое впечатлѣніе меня, вообще, не удовлетворило, и я понялъ его, какъ типъ, только познакомившись съ нимъ ближе, въ его рабочемъ кабинетѣ, среди его коллекцій, книгъ и разныхъ рѣдкостей, собранныхъ со всего свѣта. Только въ этой обстановкѣ онъ дѣлался самимъ собой, тѣмъ Елисеѣвымъ, котораго я уже ранѣе зналъ по книгамъ. Это былъ, если можно такъ выразиться, неисправимый путешественникъ, жертвовавшій всѣмъ для любимаго дѣла и десятки разъ рисковавшій для него собственной жизнью.

Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не зачитывался путешествіями и кто не мечталъ сдѣлаться знаменитымъ путешественникомъ? Дѣтскій умъ рѣшаетъ вопросы „очень просто“, и мы время отъ времени встрѣчаемъ въ газетахъ трагикомическія исторіи съ юными путешественниками, начитавшимися романовъ Майнъ-Рида, Густава Эмара и Купера. Эти милые мальчуганы, сбѣжавъ съ урока латинскаго языка, обыкновенно прямымъ путемъ отправляются въ Америку исвать опасностей, приключеній и еще опасностей. Такія смѣлыя предпріятія заканчиваются обыкновенно путешествіемъ въ лодкѣ или поѣздкой по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ путешественниковъ возвращаютъ по мѣсту жительства. Но и большіе люди очень часто мечтаютъ о путешествіяхъ. Отчего бы въ самомъ дѣлѣ не махнуть куда-нибудь на Цейлонъ или на Огненную землю? Но эти мечты не осуществляются въ большинствѣ случаевъ просто потому, что русскій человекъ и географію плохо знаетъ, и съ языками знакомъ изъ пятого въ десятое, и необходимой подготовки не имѣетъ, да еще и страшно притомъ. Оно, конечно, отчего не попутешествовать, а какъ васъ зарѣжетъ какой-нибудь хунгузъ, или, еще хуже, съѣдятъ людоеды... Я именно съ этой точки зрѣнія и смотрѣлъ на Александра Ва-

сильевича. Вотъ человѣкъ, который осуществилъ то, о чемъ другіе едва смѣютъ мечтать. Кромѣ спеціальной подготовки къ каждому путешествію, нужна еще смѣлость.

— Скажите, Александръ Васильевичъ, неужели вы не испытывали страха, забираясь въ глухую сибирскую тайгу или на охотѣ за африканскими львами въ горахъ Атласа?—откровенно задалъ я вопросъ.

— И да, и нѣтъ... Все зависитъ отъ природы, а затѣмъ отъ выдержки характера. Развѣ рабочій порохового завода, водолазъ, шахтарь, аэронавтъ, а больше всѣхъ врачъ—не рискуютъ каждую минуту? По моему мнѣнію, можно себя приучить и закалить... Въ этомъ вся штука. А главное, путешестввенниками рождаются, а не дѣлаются... Это какаѣ-то мертвая тяга въ далекія неизслѣдованныя страны, даже тяга къ опасностямъ.

— Но, вѣдь, есть паническій страхъ, который внѣ воли человѣка?

— Право, не могу ничего сказать... Отчаяннымъ храбрцомъ себя не считаю, но особенно и бояться не приходилось. Вѣдь нѣтъ такого положенія, изъ котораго не было бы выхода... Все дѣло даже не въ какой-то храбрости или прямой отчаянности, а въ простомъ умѣннн разсчитать обстоятельства и сохранить во время опасности извѣстное хладнокровіе. Большинство, вѣдь, погибаетъ не отъ опасности, а отъ того, что люди теряютъ голову...

Для меня все-таки оставался неяснымъ вопросъ о храбрости, необходимой для каждаго путешественника. Истинно смѣлые люди, какимъ былъ повойннй д-ръ Елисьевъ, вѣроятно, не замѣчаютъ въ самихъ себѣ этого необходимаго достоинства, какъ здоровые не замѣчаютъ своего здоровья. Кстати, я припомнилъ очень трогательный разсказъ о какихъ-то французхъ-аэронавтахъ, которые перелетѣли на воздушномъ шарѣ въ Швецію. Шаръ опустился въ окрестностяхъ какого-то маленькаго городка, и матери приводили дѣтей, чтобы смѣльчаки-аэронавты благословили ихъ. Описывая Уссурійскій край, Александръ Васильевичъ говоритъ: „Опасности, быть можетъ, потому и привлекаютъ человѣка, что онѣ слишкомъ обаятельны“. Это уже поэзія опасностей...

II.

Все лѣто 1891 года мнѣ пришлось провести въ Лѣсномъ, и мы встрѣчались съ Александромъ Васильевичемъ почти каж-

дый день. Онъ особенно любилъ устраивать прогулки пѣшкомъ, причемъ отличался замѣчательной неутомимостью. Кстати, человекъ, который охотился на африканскихъ львовъ и амурскихъ тигровъ, какъ мнѣ казалось, побывалъ простыхъ дворовыхъ собаченокъ и поэтому постоянно ходилъ съ толстой японской палкой. Впрочемъ, это, кажется, уже область идиосинкразии, — по преданію, Петръ Великій боялся черныхъ таракановъ, а кажется, человекъ былъ не изъ трусливаго десятка.

По вечерамъ Александръ Васильевичъ частенько заворачивалъ ко мнѣ посидѣть на садовой террасѣ, поговорить, выпить чаю. У него только не было русской привычки засиживаться подолгу, завернувъ на одну минутку. Онъ самое большее могъ позволить себѣ свободный одинъ часъ—это былъ его законный отдыхъ. Было всегда жаль, когда онъ уходилъ, потому что онъ такъ хорошо рассказывалъ о своихъ странствованіяхъ по бѣлу свѣту, такъ много видѣлъ и умѣлъ видѣть, такъ много зналъ по разнымъ отраслямъ разныхъ наукъ.

— Да останьтесь, Александръ Васильевичъ... Посидите.

— Ахъ, нѣтъ, не могу... Работа, работа, работа!..

— Готовитесь опять къ экспедиціи?

— О, да...

Послѣднее онъ говорилъ такимъ удивленнымъ тономъ, точно всѣ люди должны были готовиться къ какой-нибудь экспедиціи.

Всего рельефнѣе обрисовывался Александръ Васильевичъ, конечно, у себя дома, въ той обстановкѣ, которая создавалась такимъ неустаннымъ трудомъ. Было что-то даже не русское въ этой систематизированной и выдержанной до послѣднихъ мелочей работѣ—не русское потому, что русскій человекъ съиспоконъ вѣковъ работаетъ какими-то взрывами, вѣрнѣе—не работаетъ даже, а страдаетъ. Александръ Васильевичъ выходитъ изъ дому только по необходимости—нужно сдѣлать визитъ больному, съѣздить на засѣданіе ученаго общества, сдѣлать необходимый моціонъ для поддержанія мускульной энергіи, а тамъ опять въ свою скорлупу, за свое любимое дѣло. И такъ изо дня въ день, цѣлые года, пока этотъ неустанный трудъ не прерывался какой-нибудь новой экспедиціей.

Если обстановка, вообще, до известной степени характеризуетъ своего хозяина, то Александръ Васильевичъ былъ весь въ этой обстановкѣ, онъ жилъ ей, потому что каждая мелочь здѣсь напоминала ему то Японію, то Африку, то Аравію, то Цейлонъ, то тундры далекаго сѣвера, сибирскую тайгу и т. д.

Это былъ цѣлый музей, составленный не случайно, а съ строгимъ выборомъ—тутъ были и ботаническіе препараты, и коллекціи по энтомологіи, и зоологическіе раритеты и unicum'ы, и масса этнографическаго матеріала, и предметы ежедневнаго обихода разныхъ племенъ, ткани, матеріи, игрушки, артифелы и такъ безъ конца. Все это было расположено въ самомъ строгомъ порядкѣ и напоминало хозяину о его далекихъ путешествіяхъ. Особое мѣсто занимала спеціальная бібліотека изъ книгъ на трехъ языкахъ. Здѣсь сосредоточивалась главная подготовительная работа, и здѣсь-то Александръ Васильевичъ реализировалъ результаты своихъ путешествій въ цѣломъ рядѣ статей. Онъ работалъ много, постоянно и упорно, не имѣя свободнаго времени для такъ называемыхъ удовольствій. Было величайшей рѣдкостью встрѣтить его гдѣ-нибудь на гуляньи или въ театрѣ. Когда же гулять и отдыхать, когда работы такъ много, а жизнь такъ коротка. Вообще, по своей трудоспособности Александръ Васильевичъ представлялъ очень рѣдкій и крайне отрадный примѣръ.

Была еще одна особенность этой обстановки, точно неодушевленные вещи требовали живого голоса, движенія, вообще живой иллюстраціи. Въ квартирѣ Александра Васильевича цѣлая комната была отведена птицамъ. Центръ занимала громадная проволочная клѣтка, гдѣ жили маленькія птицы, а затѣмъ отдѣльныя клѣтки съ экземплярами покрупнѣе. Тутъ-то на подставкахъ бормотали вакаду и сѣрые попугаи. Однимъ словомъ, цѣлый птичникъ, напоминавшій опять о далекихъ странахъ. Эта живая зоологія трещала, пѣла, свистала на всѣ лады, и Александръ Васильевичъ находилъ время ухаживать за своими любимцами. Въ этомъ скромномъ занятіи сказывалась страстная любовь къ живой природѣ, къ постоянной привычкѣ наблюдать эту живую природу и, такъ сказать, научнымъ развлеченіямъ.

— Это мои друзья,—объяснялъ онъ не безъ гордости.— Обратите вниманіе вонъ на эту чету зеленыхъ африканскихъ попугайчиковъ... Самая трогательная супружеская пара. Какъ говорятъ, они не переживаютъ другъ друга—умреть одинъ, и другой умираетъ отъ тоски. А вотъ эта парочка кардиналовъ? А японскія чечотки съ красными хохолками на головѣ?..

Къ числу друзей принадлежалъ и рыжій сеттеръ, и жирный воть, ласково поглядывавшій на клѣтки съ птицами, и охотничья двустволка, и неизмѣнная спутница во всѣхъ путешествіяхъ винтовка.

Именно въ этой обстановкѣ какъ-то особенно хорошо велись разговоры о предстоящей экспедиціи, въ которой готовился Александръ Васильевичъ. Онъ почти бредилъ Суданомъ и махдистомъ.

— Непремѣнно проберусь туда,—повторялъ онъ съ мягкой улыбкой.

— И опять въ единственномъ числѣ?

— Какъ всегда... Я, вѣдь, путешествую всегда на свои личные средства и не имѣю возможности взять съ собой даже русскаго проводника.

Кстати, характерно то, что Александръ Васильевичъ, не смотря на свои многочисленные печатные труды и доклады въ разныхъ ученыхъ обществахъ, не могъ добиться какой-нибудь командировки съ специальной цѣлью. Живя въ Лѣсномъ, онъ зарабатывалъ опредѣленную сумму тяжелымъ трудомъ вольнопрактикующаго врача, отказывалъ себѣ во всемъ и на самыя скромныя средства отправлялся въ экспедицію за свой личный рискъ и страхъ. Это служило вѣчной помѣхой для послѣдовательности его изслѣдованій, отнимало напрасно много дорогого времени и составляло большое мѣсто. По своей скромности, Александръ Васильевичъ не могъ добиться никакой официальной командировки, потому что такія командировки доставались другимъ... Онъ не ропталъ, не завидовалъ болѣе счастливымъ путешественникамъ и продолжалъ съ завидною настойчивостью дѣлать свое дѣло.

— Все это только подготовительныя работы,—объяснял онъ.—А можетъ быть, когда-нибудь и добыюсь посторонней помощи... Конечно, жаль, когда приходится тратить столько времени буквально на собираніе грошей. Что же, у каждаго человѣка своя орбита, по которой онъ движется.

Дѣйствительно, у Александра Васильевича была своя собственная орбита, и онъ двигался по ней съ большимъ упорствомъ. Кстати, меня интересовало, почему онъ остановился на центральной Африкѣ, а не на Индіи или другихъ малоизслѣдованныхъ странахъ.

— Черный материкъ теперь переживаетъ самое боевое время,—объяснял Александръ Васильевичъ.—Европейцы рвутъ его по частямъ, и, по моему, въ недалекомъ будущемъ ему предстоитъ громадная роль, о которой сейчасъ можно только догадываться... Во всякомъ случаѣ, здѣсь есть серьезная работа.

Но прежде, чѣмъ попасть въ Суданъ, Александръ Ва-

сильевичъ получилъ казенную командировку на голодный тифъ, свирѣпствовавшій въ Челябинскомъ уѣздѣ, Пермской губ., въ 1892 г. и въ томъ же году на ревизію врачебныхъ заведеній Западнаго края, а въ 1893 г. въ Бессарабію съ той же цѣлью.

III.

Свои путешествія Александръ Васильевичъ началъ еще будучи гимназистомъ, когда дѣлалъ продолжительныя экскурсіи по Новгородской и Псковской губерніямъ, а затѣмъ пѣшкомъ обошелъ часть Финляндіи, пробравшись черезъ Коану въ Улеаборгъ. Это было въ 1875 г. Въ слѣдующемъ 1876 году мы его встрѣчаемъ уже въ Западной Европѣ, которую онъ объѣхалъ почти всю, за исключеніемъ Англій и Балканскаго полуострова. Въ 1877 г. онъ опять цѣлыхъ три мѣсяца провелъ въ Финляндіи и Корелии, все лѣто 1878 г. провелъ въ губерніяхъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской, въ 1879 г. пробрался на сѣверный Уралъ и въ верховья Печоры. Лѣто 1880 года занимался въ дебряхъ новгородскихъ лѣсовъ изслѣдованіемъ мѣстныхъ кургановъ. Въ 1881 году, будучи студентомъ медико-хирургической академіи, въ первый разъ отправился на Востокъ, — былъ въ Египтѣ, доходилъ до Сіута, а затѣмъ, черезъ Каменистую Аравію прошелъ на верблюдѣ въ Палестину. Въ 1882 году совершилъ поѣздку въ Скандинавію и Лапландію, а въ 1883 году опять отправился въ Египеть, дошелъ до первыхъ пороговъ на Нилѣ, перешелъ пустыню отъ Кеннэ до Коссейра, объѣхалъ берега Краснаго моря, опять прошелъ черезъ Синайскую пустыню. Въ 1884 году онъ опять былъ въ Палестинѣ, по порученію Палестинскаго Общества изслѣдовать положеніе русскихъ паломниковъ, отсюда отправился въ Триполи, чтобы пробраться въ Феццанъ, но послѣднее не удалось, и онъ, объѣхавъ Тунисъ и Алжиръ, совершилъ двухмѣсячную экскурсію въ Сахару до Гадамеса. Въ 1886 году перешелъ поперекъ Малую Азію, въ 1889 году совершилъ поѣздку на дальній Востокъ, причемъ объѣхалъ Южно-Уссурійскій край, пробылъ полтора мѣсяца въ Японіи и на обратномъ пути экскурсировалъ на Цейлонъ. Послѣдней экспедиціей Александра Васильевича была его попытка пробраться въ 1894 году въ Суданъ, занятый махдистами, это предпріятіе закончилось полнымъ разгромомъ. Смѣлый путешественникъ едва спасся.

— Если бы не хорошій верблюд—я и самъ не ушелъ бы живъ,—разсказывалъ онъ мнѣ прошлымъ лѣтомъ въ Лѣсномъ,—онъ получилъ рану въ голову и ходилъ въ черной шелковой шапочкѣ.—А тутъ добрался до Нила, бросилъ верблюда и переправился на лодкѣ на другой берегъ... Всѣ вещи, коллекціи и деньги погибли. Это была моя первая неудача...

Эта неудача однако не остановила Александра Васильевича и онъ въ прошломъ году опять отправился въ страну махдистовъ, и опять неудача—его постигъ солнечный ударъ и онъ долженъ былъ вернуться въ свое Лѣсное, гдѣ долго лѣчился. Но, немного оправившись, онъ въ томъ же 1894 году, осенью, предпринялъ новую экспедицію въ Африку, вмѣстѣ съ г. Леонтьевымъ и вернулся въ Петербургъ только весной нынѣшняго года. Преждевременная смерть застала его въ приготовленіяхъ къ новой африканской экспедиціи, которая должна была осуществиться осенью нынѣшняго года.

Къ этимъ многочисленнымъ путешествіямъ нужно еще прибавить его службу въ качествѣ военнаго врача въ Туркестанѣ и на Кавказѣ. Однимъ словомъ, покойный путешественникъ въ теченіе своей короткой жизни — онъ умеръ всего 36 лѣтъ — исколесилъ почти весь Старый Свѣтъ по всѣмъ направленіямъ. Онъ точно предчувствовалъ рововой конецъ и ловилъ каждую минуту.

Родился докторъ Елисеѣвъ въ Свеаборгѣ въ 1858 году и, въ качествѣ сына армейскаго офицера, съ ранняго дѣтства привыкъ къ скитальческой жизни, полной всевозможныхъ лишеній. Вѣроятно, благодаря этому, сложилась его неутомимая энергія и страсть въ путешествіямъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ кронштадтской гимназій, а затѣмъ поступилъ въ петербургскій университетъ, на физико-математической факультетъ. Закончилъ онъ свое образованіе въ медико-хирургической академіи. По окончаніи курса онъ долгое время служилъ военнымъ врачомъ, путешествовалъ и работалъ надъ своими статьями, помѣщенными, большею частью, въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ. О каждомъ своемъ путешествіи онъ давалъ читающей русской публикѣ подробный и обстоятельный отчетъ. Изъ его работъ назовемъ: „Къ археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“), „Обитатели каменистой Аравіи“ (Ibid.), затѣмъ въ „Изв. Географ. Общ.“ имъ напечатаны: „Антропологическія замѣтки о финнахъ“, „Антропологическія экскурсіи поперекъ Малой Азіи“, отчетъ о путешествіи на

далекаго Востока, „Магизмъ и современное положеніе дѣлъ въ Суданѣ“; въ „Трудахъ антропол. отд. Общ. люб. естеств.“ статья „Борьба Великаго Новгорода со шведами и финнами по народнымъ сказаніямъ“. Въ общихъ журналахъ имъ напечатанъ цѣлый рядъ статей: въ „Вѣстн. Евр.“ описанія путешествія по берегамъ Краснаго моря, въ „Сѣв. Вѣстн.“ — „Положеніе женщины на Востокѣ“, „Среди поклонниковъ дьявола“, въ „Историч. Вѣстн.“ — статья „Значеніе малой Азіи для Россіи“. Особое мѣсто занимають его статьи: „Опытъ рациональной географіи“ и „Къ вопросу о хвостатыхъ людяхъ“. Мы перечислили только небольшую часть его работъ, разбросанныхъ въ десяткѣ изданій. Только незадолго до своей смерти Александръ Васильевичъ сдѣлалъ сборникъ своихъ путешествій подъ общимъ заголовкомъ: „По бѣлу свѣту“, два компактныхъ, прекрасно иллюстрированныхъ тома. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще доклады въ ученыхъ обществахъ, отчеты по казеннымъ командировкамъ, публичныя лекціи и цѣлый рядъ газетныхъ статей. Все это доказываетъ, какъ покойный поработалъ въ такой короткой срокъ своей молодой жизни..

Подводя итоги всему сказанному, намъ больно было читать напечатанную въ одной газетѣ выдержку изъ автобіографіи Александра Васильевича, написанной имъ въ альбомѣ пріятеля въ 1894 году: „Не много лѣтъ хватить моихъ силъ на этотъ безпрестанный каторжный трудъ, лишенный всякой поддержки, не только матеріальной, но и нравственной... Съ каждымъ годомъ чувствую, что силы начинаютъ измѣняться и нельзя безнаказанно злоупотреблять даже богатыми запасами, данными природою, не давая организму и недѣли полнаго отдыха безъ труда и безъ заботъ“. Это было роковое предчувствіе, разрѣшившееся роковой катастрофой.. Отдыхъ былъ уже близокъ.

Каждый авторъ отдаетъ лучшую часть самого себя своимъ произведеніямъ, которыя такимъ образомъ являются его лучшей характеристикой. Поэтому не могу удержаться, чтобы не привести довольно длиннаго описанія далекой уссурійской тайги, которое всего лучше характеризуетъ покойнаго Александра Васильевича, какъ человѣка съ чуткой душой, тонкаго наблюдателя, окрыленнаго всесторонними знаніями, какъ, наконецъ, страстнаго и глубокаго любителя природы, понимавшаго самыя тончайшія проявленія ея многосложной жизни и находившаго въ нихъ отвѣтъ на глубокіе запросы

изъ другого міра. Вотъ это описаніе, которое можетъ служить лучшимъ портретомъ автора: „Великолѣпная снаружи, тайга еще болѣе поражаетъ въ своей таинственной глубинѣ. Въ глухихъ нѣдрахъ этого лѣсного океана, какъ подъ сводами древняго величественнаго храма, царитъ вѣчная торжественная тишина. Подъ сѣнью вѣковыхъ великановъ, подъ защитой непроницаемыхъ стѣнъ заросли, за прочными баррикадами старыхъ пней и стволовъ поваленныхъ деревъ, перевитыхъ виноградомъ и плющемъ—творятся незримо и беззвучно всѣ жизненные процессы тайги. Атмосфера тутъ пропитана дыханіемъ лѣса, испареніями почвы, своеобразнымъ ароматомъ тайги; запахъ хвои, перегнившей листвы, свѣжей зелени, благовонія позднихъ цвѣтовъ и особый, свойственный лишь глухому лѣсу, недоступному прямымъ лучамъ солнца, одуряющій ароматъ—наполняютъ глубину тайги. Тутъ любятъ гнѣздиться лишь мхи, лишайники и грибы; избѣгая солнца, они прячутся подъ сѣнь растений, тянущихся къ теплу и свѣту. Здѣсь, въ недоступной глубинѣ, помѣщается настоящая лабораторія природы, изъ ничего создающей жизнь и чудеса; таинственные процессы жизни, круговоротъ превращенія матеріи, рожденіе и смерть, разрушеніе и созиданіе,—всѣ тайны природы, лишь отчасти доступныя человѣку, совершаются въ этихъ мрачныхъ уголкахъ, гдѣ такъ пахнетъ сыростью и грибами. Весною и осенью особенно дѣятельно идутъ эти процессы жизни, лабораторія природы работаетъ тогда энергичнѣе, чтобы усвоить и обработать матеріаль, изъ котораго родится и вырастаетъ тайга. Если весною идетъ усиленное созиданіе жизни изъ накопленной энергіи солнца, то осенью тутъ подводятся итоги, заготавливается матеріаль для будущаго обновленія жизни—радостнаго воскресенія природы послѣ временнаго успокоенія и сна. Сюда, въ эти тихіе и безмолвные, мрачные, какъ могла, уголки, приходи искать разрѣшенія своихъ жизненныхъ загадокъ и сомнѣній, человѣкъ!.. Тутъ яснѣе, чѣмъ во всѣхъ книгахъ міра, можно познавать тайны міроздавнiя, понимать тѣ мудрые законы, по которымъ движется, живетъ и обновляется міръ. Тутъ нѣтъ мѣста для мрачнаго пессимизма; природа сама—великій оптимистъ, излишними и смѣшными кажутся предъ лицомъ ея стenanія праздныхъ людей о міровомъ горѣ, будто бы парализуемъ ихъ геніальныя силы. Борьба, движеніе и трудъ разлиты въ самой природѣ; они созидаютъ и міръ, и жизнь, и самого человѣка

въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Къ чему плакать, скорбѣть и отчаяваться, когда нужно работать, не покладая рукъ, когда искомое человѣчествомъ счастье заключается въ его коллективномъ, разумно направленномъ трудѣ. Природа сама указываетъ человѣку его счастье... Тотъ не мудрецъ, кто, понадѣявшись на одну творческую силу своего особаго одиночнаго ума, не умѣетъ наблюдать природы, понимать ея тайны или по крайней мѣрѣ читать въ той великой, полной тайны и загадокъ, книгѣ, которую представляетъ сама природа... Призывъ къ жизни, а не къ смерти несется изъ каждаго уголка зеленаго царства; жажда жизни и наслажденія ею слышатся въ каждомъ звукѣ, раздающемся въ тысячеголосой тайгѣ; шумъ лѣса, ревъ бури, журчаніе веселыхъ лѣсныхъ ручейковъ, вой дикихъ зрѣрей, пѣсни птицъ— все это различные призывы къ жизни... Даже тамъ, въ тѣхъ таинственныхъ лабораторіяхъ, гдѣ беззвучно совершаются жизненные процессы лѣса обновленіе беретъ верхъ надъ разрушеніемъ, жизнь царитъ надъ смертью, временами совершенно заглушая ее. Не успѣетъ упасть одинъ изъ великановъ лѣса, не успѣетъ сорваться отжившій листокъ, не успѣетъ погибнуть въ борьбѣ за существованіе одно изъ самыхъ ничтожныхъ существъ лѣса, какъ на трупахъ ихъ уже начинаетъ теплиться искорка новой жизни, словно разрушеніе одного организма есть возрожденіе многихъ другихъ. На трупѣ крошечнаго насѣкомаго, на обломѣ отжившаго листа, въ кусочкѣ гнющей древесины копошатся уже безчисленныя юныя существа, которыхъ все назначеніе—служить посредниками въ великомъ круговоротѣ жизни“.

Полагаемъ, что это чудное описаніе не нуждается въ комментаріяхъ...

IV.

Смерть застигла Александра Васильевича совершенно неожиданно, точно порвалась туго натянутая струна. Еще 10 мая онъ дѣлалъ докладъ въ географическомъ обществѣ о своей послѣдней поѣздкѣ въ Абиссинію, хотя и чувствовалъ нѣкоторое недомоганіе, которое приписывалъ легкой формѣ ангины. Но оказалось впоследствии, что именно въ этотъ день на его рукахъ умеръ ребенокъ отъ круппа, слюна котораго попала ему прямо въ ротъ. Сначала Александръ Васильевичъ не обращалъ вниманія на свое недомоганіе, а когда обратился за помощью къ товарищамъ по профессіи, оказалось уже поздно—

крупозный процессъ заполонилъ уже всѣ бронхи. Большой все время былъ на ногахъ и только слегъ въ самый день смерти. Умеръ онъ въ полномъ сознаніи. Надежда на выздоровленіе покинула его только за 10 минутъ до смерти, когда онъ сказалъ: „Теперь все кончено“...

Умеръ Александръ Васильевичъ 22 мая, а 26 похороненъ на Смоленскомъ владбищѣ. Самая смерть такихъ людей является живымъ примѣромъ, какъ надо жить... Скажемъ послѣднее прости этому неутомимому труженику и смѣлому изслѣдователю, который могъ еще такъ долго и много работать на общую пользу, въ чемъ видѣлъ все счастье, смыслъ и цѣль жизни! Онъ умеръ, какъ солдатъ, на своемъ посту...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

НАУЛАКА.

Романъ Рюдярда Киплинга и Уольботта Балестриера.

(Продолженіе *).

IV.

Въ Топазѣ предсѣдатель общества «Трехъ К^о» занялъ комнаты въ отелѣ около желѣзной дороги и остался тамъ на слѣдующій дежь. Тарвинъ и Шерифъ завладѣли имъ и показывали ему городъ съ его естественными богатствами. Тарвинъ доказывалъ необходимость сдѣлать Топазъ соединительнымъ и центральнымъ пунктомъ новой желѣзной дороги.

Въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что предсѣдатель положительно не желалъ проводить линію на Топазъ; но продолжалъ идти къ своей цѣли. Ему гораздо легче было доказать, что Топазъ слѣдуетъ выбрать для соединительнаго пункта, чѣмъ говорить, что въ Топазѣ должна быть устроена главная станція.

Тарвинъ зналъ городъ свой вдоль и поперекъ, какъ таблицу умноженія. Онъ былъ предсѣдателемъ купеческой управы и не напрасно стоялъ во главѣ мѣстной компаніи съ миллионнымъ капиталомъ. Въ компаніи этой находились всѣ богѣе или менѣе значительныя лица города, и она владѣла всей долиной, до подножія горъ, и распланировала ее на улицы, бульвары и общественныя парки. Всѣ могли покупать участки городской земли на протяженіи двухъ миль. Тарвинъ завѣдывалъ этимъ дѣломъ и поэтому поневогѣ долженъ былъ изучить каждый клочекъ земли въ окрестностяхъ города и умѣлъ говорить о предметѣ, столь ему знакомомъ.

Онъ зналъ, напримѣръ, что въ Рустлерѣ была не только богѣе богатая руда, чѣмъ въ Топазѣ, но что за нимъ тянулась мѣстность, изобилующая баснословными, еще не разработанными, бо-

*) См. «Миръ Вождій», № 6, июнь 1895 г.

«Миръ вождій», № 7, июль.

гатствами; онъ зналъ, что и предсѣдателю все это извѣстно. Онъ точно также хорошо зналъ, что руда около Топаза вовсе не была замѣчательна по богатству, и что хотя городъ находился въ обширной, хорошо орошенной долинѣ и посреди удобной для скотоводства мѣстности, но что всѣ эти преимущества были очень невелики. Говоря другими словами, естественныя богатства Топаза вовсе не были такого рода, чтобы ради нихъ Топазъ можно было сдѣлать центральнымъ пунктомъ новой желѣзной дороги.

Тарвинъ говорилъ предсѣдателю, что если онъ сдѣлаетъ что-нибудь для города, то городъ покажетъ себя достойнымъ этого; и въ сущности ничего другого онъ и сказать не могъ. Вопросъ заключался только въ выборѣ между Топазомъ и Рустлеромъ, и, по мнѣнію Тарвина, тутъ не могло быть даже и вопроса.

— Вы сообразите только одно,—говорилъ Тарвинъ,—что надо обращать вниманіе на характеръ жителей города. Въ Рустлерѣ всѣ они мертвые и погребенные. Это всѣмъ извѣстно: тамъ нѣтъ ни торговли, ни промышленности, ни жизни, ни энергіи, ни денегъ! А посмотрите на Топазъ.

Предсѣдатель могъ судить о характерѣ гражданъ, даже проходя по улицамъ города. Все это были энергичные, дѣловые люди. Затѣмъ онъ сообщилъ ему, что одинъ изъ чугунно-плавильныхъ заводчиковъ Денвера намѣренъ устроить заводъ въ Топазѣ, что у него лежитъ въ карманѣ договоръ съ нимъ, который заключенъ только на непремѣнномъ условіи, чтобы черезъ городъ прошла желѣзная дорога общества «Трехъ К^о». Такого условія съ Рустлеромъ заключено быть не можетъ. У Рустлера ни на что нѣтъ энергіи.

Тарвинъ говорилъ, что Топазу необходимы пути для сбыта своихъ продуктовъ въ Мексиканскій заливъ, и что это устроится съ помощью общества «Три К^о». Предсѣдатель не сталъ спрашивать, что это за продукты, и слушалъ Тарвина молча, соображая, что ему надо.

Когда они повернули лошадей обратно и поѣхали къ городу, Тарвинъ съ любовью смотрѣлъ на свой милый Топазъ, который обитателю Востока представлялся просто безпорядочной грудой деревянныхъ домовъ. Всю дорогу Тарвинъ рассказывалъ предсѣдателю о городѣ; онъ [показалъ ему зданіе,] гдѣ давалась опера, показалъ почтовую контору, школу, судъ, со скромностью матери, показывающей своего первенца. Не смотря на все краснорѣчіе, онъ видѣлъ, что успѣха не будетъ, и съ горечью подумалъ, что это вторая неудача. Вернувшись, онъ видѣлся съ Кэтъ и понялъ, что развѣ чудо можетъ помѣшать ей уѣхать черезъ три дня въ Индію.

Онъ забылъ о существованіи Кэтъ, пока боролся за Топазь, но лишь только разстался съ Метри, — сейчас же вспомнилъ о ней. Онъ взялъ съ нее обѣщаніе непременно отправиться съ ними всѣми въ этотъ день къ Горячимъ Ключамъ; на эту поѣздку онъ смотрѣлъ, какъ на послѣднюю надежду. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ объяснитьсь съ нею.

Поѣздка къ Горячимъ Ключамъ была устроена, чтобы показать м-съ Метри, какое Топазь имѣетъ преимущество, какъ зимнее мѣстопробываніе. Предсѣдатель согласился поѣхать съ обществомъ, приглашеннымъ Тарвиномъ. Въ надеждѣ имѣть возможность спокойно поговорить съ Кэтъ, онъ, кромѣ Шерифа, пригласилъ еще троихъ: Максима, почтмейстера, Геклера, издателя «Топазской Газеты» (его коллеги по купеческой управѣ) и одного веселаго англичавина, Карматанъ. Онъ надѣялся, что они будутъ занимать предсѣдателя и, не портя дѣла города, дадутъ ему возможность хоть съ полчаса поговорить съ Кэтъ. Ему казалось, что предсѣдателю хотѣлось еще разъ осмотрѣть городъ, а лучшаго проводника, чѣмъ Геклеръ, трудно было себѣ и представить.

Карматанъ пріѣхалъ въ Топазь два года тому назадъ, чтобы заняться скотоводствомъ. Онъ протратилъ всѣ свои деньги, но приобрѣлъ познанія въ мѣстномъ скотоводствѣ и занимался теперь этимъ дѣломъ для другихъ, получая маленькое жалованье, но весьма философски относился къ своему положенію. Дорога, идущая вдоль полотна уже проведенной въ Топазь дороги, шла по направленію, которое должно было, какъ говорилъ Тарвинъ, избрать общество «Трехъ К^о» для своей линіи.

Тарвинъ, задержавъ лошадь, поѣхалъ рядомъ съ Кэтъ.

Она подняла свои выразительные глаза, лишь только онъ поѣхалъ рядомъ съ ея лошадыю, и безмолвно просила его избавить ихъ обоихъ отъ продолженія бесполезнаго разговора; но губы Тарвина были плотно сжаты, и онъ не послушался бы теперь даже самого ангела.

— Я утомляю васъ, говоря о вашей поѣздкѣ, Кэтъ. Я знаю. Но я хочу говорить о ней, хочу спасти васъ.

— Не пытайтесь болѣе, Никъ, — кротко отвѣчала она. — Пожа-луйста. Когда я думаю объ этомъ, — мнѣ иногда кажется, что, можетъ быть, и на свѣтъ-то я родилась только для этого дѣла. Мы всѣ родились для того, чтобы сдѣлать, Никъ, хотя бы самое маленькое, ничтожное дѣло. Это мое назначеніе, Никъ. Помогите мнѣ исполнить его.

— Будь я проклятъ, если я это сдѣлаю! Я постараюсь, на-

*

противъ того, помѣшать вамъ. Ужъ я позабочусь объ этомъ. Всѣ исполняютъ всякое ваше желаніе. Отецъ и мать ваши дѣлаютъ все, что вы хотите. Они даже и не подозрѣваютъ, какъ вы рискуете своей жизнью. Никто имъ не замѣнитъ васъ. Это меня приводитъ въ ужасъ.

Кэтъ засмѣялась.

— Это не должно приводить васъ въ ужасъ, Никъ, хотя безпокойство ваше мнѣ нравится. Если бы вообще я могла остаться для кого-нибудь, такъ только для васъ. Повѣрьте мнѣ. Вѣрите?

— Вѣрю, и благодарю. Но отъ этого я ничего не выиграю. Мнѣ вѣры не надо, мнѣ нужны вы.

— Я знаю, Никъ, знаю. Но тамъ я нужна болѣе... не столько я, сколько то, что я могу сдѣлать, или то, что женщины, подобныя мнѣ, могутъ сдѣлать. Я слышу оттуда крикъ: «Придите и помогите намъ». Пока я буду слышать этотъ призывъ, я не найду ни въ чемъ успокоенія. Я могла бы выйти за васъ замужъ, Никъ. Это не трудно. Но я буду постоянной мученицей.

— Это жестоко, — проговорилъ Тарвинъ, глядя вверхъ на утесы.

Она улыбнулась, взглянувъ на него.

— Обѣщаю вамъ, что никогда не выйду ни за кого другого, если такое обѣщаніе можетъ успокоить васъ, Никъ?—сказала она съ внезапной нѣжностью въ голосѣ.

— Но вѣдь и за меня вы тоже не выйдете?

— Нѣтъ,—кротко, но твердо сказала она.

Онъ съ горечью выслушалъ этотъ отвѣтъ. Она ѣхали шагомъ, и онъ, опустивъ поводья, сказалъ:

— Ну, хорошо. Не будемъ говорить обо мнѣ. Во мнѣ говорить не одинъ эгоизмъ, дорогая. Я желаю, чтобы вы были моей, исключительно моей, я хочу, чтобы вы были около меня, я желаю васъ... да... Но прошу я васъ остаться не только для себя. Я прошу васъ остаться, потому что я не могу представить себѣ, чтобы вы бросились во всѣ опасности этой жизни одна, лишенная всякой защиты. Мысль объ этомъ не даетъ мнѣ спать. Это ужасно! Это безумно! Вы не должны этого дѣлать.

— Я не должна думать о себѣ,—упавшимъ голосомъ отвѣчала она.—Я должна думать о нихъ.

— Но я-то долженъ думать о васъ, Кэтъ. И вы не можете заставить, не можете принудить меня думать о чемъ-нибудь другомъ. Дорогая моя,—пониживъ голосъ сказалъ онъ:—мы окружены несчастьями. Развѣ вы можете уничтожить ихъ? Вы всегда будете жить, окруженная стонами страданій милліоновъ людей, гдѣ

бы вы ни жили. Всѣ мы окружены ими, и никогда отъ нихъ не избавимся. Мы платимъ этой цѣной за то, что осмѣливаемся быть счастливыми въ продолженіе какой-нибудь минуты...

— Знаю, знаю. Я и не хочу бѣжать отъ этихъ стоновъ, чтобы ихъ не слышать.

— Нѣтъ, но вы стараетесь прекратить ихъ, и стараетесь бесполезно. Это равносильно старанію ковшомъ вычерпать океанъ. Вамъ этого не сдѣлать. А свою жизнь вы можете испортить. Ахъ, Кэтъ, вѣдь я не прошу для себя, или, говоря иначе, я прошу все. Подумайте объ этомъ въ то время, когда вы будете стараться объять весь міръ вашими маленькими ручками. Боже мой, Кэтъ, если вы ищете несчастныхъ, чтобы осчастливить ихъ, то далеко вамъ ходить незачѣмъ. Начните съ меня...

Она печально покачала головой.

— Я должна начать съ того, на что указываетъ мнѣ мой долгъ, Никъ. Я не говорю, что мнѣ удастся значительно уменьшить необъятную массу человѣческихъ бѣдствій, и не заставляю всѣхъ дѣлать то, что я хочу сдѣлать, но мнѣ нужно такъ поступить. Я знаю это, и всѣ мы можемъ знать это. Одно сознание, что я хоть сколько-нибудь облегчила страданіе, должно быть отрадно. Вѣдь и вы должны это чувствовать, Никъ,—сказала она, тихо положивъ свою руку на его руку.

Тарвинъ сжалъ губы.

— Да, я это чувствую,—въ отчаяніи проговорилъ онъ,—но почувствуйте вы-то, какъ я васъ люблю, почувствуйте настолько, чтобы отдаться мнѣ. Я создамъ для васъ будущее. Доброта ваша можетъ пригодиться многимъ... Вы думаете, я любилъ бы васъ, не будь вы такая? И начните вы тѣмъ, что дайте счастье мнѣ.

— Не могу! не могу!—въ отчаяніи вскричала она.

— Вамъ придется, наконецъ, вернуться ко мнѣ. Неужели вы думаете, я могъ бы жить, если бы не думалъ этого? Но я не хочу, чтобы необходимость заставила васъ броситься въ мои объятія. Я хочу, чтобы вы сами пришли, и пришли бы немедленно.

Въ отвѣтъ на это, она наклонила голову и тихо заплакала. Пальцы Ника судорожно сжали ея руку.

— Не можете, милая? Ну, хорошо, не думайте больше объ этомъ.

Онъ взялъ ея руку и сталъ говорить кротко, какъ съ огорченнымъ ребенкомъ. Въ эту минуту Тарвинъ отказался—не отъ Кэтъ, не отъ своей любви, не отъ намѣренія жениться на ней, но отъ желанія остановить ея поѣздку въ Индію. Пусть себѣ ѣдетъ, если ужъ такъ этого хочется. Но поѣдетъ она не одна...

Когда они доѣхали до Горячихъ Ключей, онъ воспользовался первой возможностью и вступилъ въ разговоръ съ м-съ Метри. Въ то время, какъ Шерифъ показывалъ председателю ключи, бывшіе изъ подъ земли, и строилъ планы, гдѣ слѣдуетъ устроить ванны и громадный отель, Тарвинъ отвелъ ее въ сторону. Кэтъ, не желая показать своихъ заплаканныхъ глазъ м-съ Метри, осталась съ отцомъ.

— Вы дѣйствительно желаете имѣть это ожерелье? — вдругъ спросилъ онъ м-съ Метри.

Она звонко засмѣялась.

— Желаю ли я? — повторила она: — ну, конечно, желаю. Я и луну тоже пожелала бы.

Тарвинъ тихо прикоснулся къ ея рукѣ.

— Вы будете его имѣть, — сказалъ онъ.

Она перестала смѣяться и даже поблѣднѣла.

— Что вы хотите этимъ сказать? — быстро спросила она.

— Что готовы вы сдѣлать для этого? — спросилъ онъ.

— Вернуться въ Омаха ползкомъ на рукахъ и на колѣняхъ, — совсѣмъ серьезно отвѣчала она. — Доползти до Индіи.

— Хорошо, — рѣшительно сказалъ Тарвинъ. — Это хорошо! ну такъ слушайте. Я хочу, чтобы «Три К^о» остановились на Топазѣ. Согласны вы на это? Можемъ мы заключить условіе?

— Но вѣдь вы же не можете...

— Не въ этомъ дѣло. Я попытаюсь. А вы исполните?

— Вы хотите сказать... — начала она.

— Да, — рѣшительно отвѣчалъ онъ. — Хотите по рукамъ?

Тарвинъ, стиснувъ зубы и крѣпко сжимая свои руки, стоялъ передъ нею и ждалъ отвѣта.

Она наклонила на бокъ свою хорошенькую головку и вызывающимъ образомъ смотрѣла на него.

— То, что я скажу Джиму, то и будетъ сдѣлано, — мечтательно улыбаясь, сказала она.

— Такъ по рукамъ.

— Хорошо, — отвѣчала она.

— Давайте руку.

Они подали другъ другу руки и пристально смотрѣли одинъ на другого.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, достанете мнѣ его!

— Достану.

— Вы не смѣтаетесь надо мною?

— Нѣтъ.

Онъ схватилъ ее руку такъ, что она вскрикнула.

— Охъ! больно!

— Ничего, — хрипло проговорилъ онъ, выпуская ея руку. — Это сдѣлка. Завтра я отправлюсь въ Индію.

V.

Тарвинъ стоялъ на платформѣ станціи Равутской соединительной дороги, и смотрѣлъ на облако пыли, поднимавшейся вслѣдъ за удалявшимся Бомбейскимъ почтовымъ поѣздомъ. Когда поѣздъ исчезъ изъ глазъ, нестерпимый зной на каменномъ полу снова сталъ палить, и Тарвинъ, зашуривъ глаза, обернулся къ Индіи.

Какъ поразительно просто было проѣхать четырнадцать тысячъ миль! Онъ спокойно лежалъ на кораблѣ нѣкоторое время, затѣмъ перешелъ на поѣздъ и, снявъ жакетку, растянулся на кожаномъ диванѣ вагона, въ которомъ пріѣхалъ изъ Калькутты въ Равутъ. Путь показался ему продолжительнымъ, потому что онъ не могъ видѣть Кэтъ, но зато все время думалъ о ней. Неужели онъ пріѣхалъ въ Индію затѣмъ, чтобы видѣть пожелтѣвшую пустыню Раджпутаны и кое-гдѣ виднѣвшееся желѣзнодорожное полотно? Отъ этой пустоты у него морозъ пробѣгалъ по кожѣ. Онъ видѣлъ, что тутъ и не предполагали селиться. Это было нѣчто невозможно пустынное и унылое и, очевидно, заброшенное. Это было нѣчто законченное, порѣшенное. Мрачная каменная станція, прочная кирпичная платформа, и математическая точность дощечки съ наименованіемъ станціи, не подавали никакой надежды на будущее. Новая желѣзнодорожная линія не принесла бы пользы Равуту. Честолюбія у него не было. Это мѣсто принадлежало правительству. Въ немъ не было зелени, не было надежды на оживленіе. Даже ползучему растенію на станціи дали умирать отъ недостатка вниманія.

Тарвина спасло отъ настоящей тоски по родинѣ естественное человѣческое негодованіе. Одинъ единственный человѣкъ толстый, темный, одѣтый въ бѣлый газъ и въ черной бархатной шапочкѣ на головѣ, выпшелъ изъ зданія. Этотъ начальникъ станціи и постоянный обитатель Равута встрѣтилъ Тарвина, какъ частичку мѣстности: онъ даже не взглянулъ на него. Тарвинъ началъ почувствовать югу, гдѣ вспыхивало возстаніе.

— Когда пойдетъ слѣдующій поѣздъ въ Раторъ? — спросилъ онъ.

— Никакого поѣзда нѣтъ, — отвѣчалъ человѣкъ, останавливаясь на каждомъ словѣ. Онъ говорилъ, бросая слова раздѣльно, машинально, какъ фонографъ.

— Нѣтъ поѣзда? Гдѣ же ваше росписаніе? Гдѣ же карта желѣзныхъ дорогъ? Гдѣ указатель?

— Нѣтъ никакихъ поѣздовъ.

— Такъ на кой же чортъ сидите вы тутъ?

— Сэръ, я начальникъ этой станціи, и съ служащими нашего общества запрещается говорить невѣжливо.

— Такъ вы служащій? Будто запрещается? Ну такъ послушайте, мой другъ, вы начальникъ станціи, на которой выскакиваютъ пассажиры, и если вы дорожите своей жизнью, то скажите мнѣ, какимъ образомъ попасть въ Раторъ... скорѣй!

Человѣкъ молчалъ.

— Ну, что же мнѣ дѣлать?—крикнулъ западъ.

— Почему я знаю,—отвѣчалъ востокъ.

Тарвинъ посмотрѣлъ на коричневаго человѣка въ бѣлой одеждѣ, начиная съ его кожаныхъ башмаковъ, прозрачныхъ носковъ, изъ подъ которыхъ видѣлись икры его ногъ, и кончая бархатной шапочкой на головѣ. Безстрастный взглядъ восточнаго человѣка, свойственный обитателямъ Красныхъ горъ, возвышавшихся за станціей, заставилъ Тарвина на минуту подумать: стоили ли Топазъ и Кэтъ, чтобы подвергаться всему этому? Но такая святотатственная мысль мелькнула только на одну минуту.

— Позвольте билеты,—сказалъ индусъ.

Туманъ сгущался. Значить, эта штука была тутъ, чтобы отбирать билеты, и будетъ отбирать, хотя бы люди любили, боролись, отчаявались и умирали у его ногъ.

— Послушайте, вы,—крикнулъ Тарвинъ:—мошенникъ съ раскрашенными пальцами, бѣлоглазый алебастровый столбъ...

Но далѣе продолжать ему не пришлось; отъ ярости и негодованія онъ чуть было не задохся. Пустыня поглощала все; и индусъ, повернувшись совершенно спокойно, вошелъ въ станціонный домъ и заперъ за собою дверь.

Тарвинъ только выразительно свистнулъ, поднявъ брови и глядя на дверь. Окопечко въ каскѣ немного приотворилось, и индусъ показалъ свою безстрастную физиономію.

— Могу, какъ официальное лицо, сообщить, что ваша честь можетъ доѣхать до Ратора на мѣстной телѣгѣ на буйволахъ.

— Найдите мнѣ телѣгу,—сказалъ Тарвинъ.

— Ваша честь заплатите комиссіонные по уговору?

— Конечно!

Голова въ бархатной шапочкѣ, очевидно, понимала только такой тонъ.

Окопечко опустилось. Затѣмъ, но далеко не вскорѣ, послышался протяжный ревъ, ревъ утомленнаго колдуна, вызывающаго духъ.

— Моти! Моти! О!

— А, такъ тутъ есть Моти!—прошептала Тарвинъ, заглядывая черезъ низенькую стѣну и выходя съ чемоданомъ въ руки въ Раджпутану. Его всегдашняя живость и увѣренность вернулись къ нему вмѣстѣ съ надеждой на скорый отъѣздъ.

Между нимъ и полукругомъ Красныхъ горъ лежало пространство въ пятнадцать миль, совершенно бесполезной почвы, усѣянной обломками скалъ и чахлыми деревьями, засыпанными грязью и пылью, и безцвѣтными, какъ выгорѣвшіе отъ солнца волосы ребятишекъ. Далеко, по правую сторону, какъ серебро, блестѣло соленое озеро, и виднѣлась синева далекаго гѣса. Мрачнымъ, угнетающимъ и подавляющимъ образомъ все это напомнило ему его родныя долины.

Повидимому, откуда-то изъ земли, въ сущности же, какъ онъ потомъ разсмотрѣлъ изъ деревушки, пріютившейся между двухъ столкнувшихся холмовъ, показался столбъ пыли, въ серединѣ котораго оказалась телѣга. Послышался стукъ колесъ, напомнившій Тарвину стукъ вѣзжавшихъ въ Топазъ нагруженныхъ возовъ. Но тутъ груза никакого не было. Колеса состояли изъ трехъ брусевъ, по большей части прямыхъ, соединенныхъ четырьмя спицами, перевязанными веревками изъ волоконъ какао. Два буйвола, немного покрупнѣе Ньюфаунлендскихъ собакъ, тянули телѣгу, въ которой нельзя было уложить и половины груза, обычнаго для лошади.

Телѣга подѣхала къ станціи, и буйволы, посмотрѣвъ на Тарвина, легли. Тарвинъ усѣлся на свой чемоданъ, положивъ голову на руки, и засмѣялся.

— Ну, что же, начинайте,—сказалъ онъ индусу:—торгуйтесь. Я не спѣшу.

Тутъ началась сцена краснорѣчія и потасовки, передъ которыми ступевалась бы всякая ссора въ игорномъ домѣ. Невозмутимость начальника станціи слетѣла съ него, какъ сдунутое вѣтромъ легкое покрывало. Онъ убѣждалъ, махалъ руками и ругался, а возница, совершенно нагой и только прикрытый синей тряпкой, не отставалъ отъ него. Они указывали на Тарвина, и точно спорили о его происхожденіи и его предкахъ; и очевидно толковали о его тяжести. Лишь только, повидимому, они начинали приходить къ соглашенію, какъ снова возникалъ вопросъ, и они возвращались къ оцѣнкѣ его и поѣздкѣ.

Тарвинъ въ продолженіи первыхъ десяти минутъ слушалъ споръ довольно спокойно. Затѣмъ онъ приказалъ имъ замолчать, и когда они не унимались, а зной становился нестерпимымъ, онъ сталъ ихъ ругать.

Возница остановился на минуту въ изнеможеніи, и тутъ начальникъ вдругъ обратился къ Тарвину, и, схвативъ его за руку, закричалъ во все горло:

— Все улажено, сэръ, все улажено! Этотъ человѣкъ, сэръ, совсѣмъ неблаговоспитанный. Давайте деньги мнѣ, я все устроилъ!

Съ быстротой мысли возница ухватилъ Тарвина за другую руку, и на незнакомомъ языкѣ умолялъ его не слушать его противника. Тарвинъ отступилъ отъ нихъ, но они, поднявъ руки, умоляли и убѣждали его, и начальникъ забылъ англійскій языкъ, а возница забылъ уваженіе къ бѣлому человѣку. Тарвинъ, вывернувшись отъ нихъ, бросилъ свой чемоданъ въ телѣгу, прыгнувъ туда вслѣдъ за нимъ и крикнувъ единственное индійское слово, ему извѣстное. Къ счастью, это слово оказалось двигающимъ всю Индію: «чалло», т. е. «пошолъ!»

Такимъ образомъ, оставивъ за собою споръ и ссору, Николай Тарвинъ изъ Топаза, Колорадо, въѣхалъ въ пустыню Раджпутана.

VI.

При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ четыре дня могутъ показаться вѣчностью. Эти обстоятельства Тарвинъ встрѣтилъ въ телѣгѣ, изъ которой онъ выѣзъ черезъ девяносто шесть часовъ послѣ того, какъ буйволы отошли отъ Равутской станціи. Буйволы тащили телѣгу такъ тихо, что можно было съума сойти. Въ часъ они проходили только двѣ съ половиной мили. Въ Топазѣ—въ счастливомъ Топазѣ!—можно было составить и потерять состояніе въ то время, пока телѣга тащилась по красному, раскаленному руслу рѣки, между двумя песчаными берегами. На западѣ могли бы возникнуть новые города и развалиться въ развалины болѣе древніе, чѣмъ сами Фивы, въ то время, какъ возница, послѣ остановокъ около дороги, поилъ буйволовъ и потомъ начиналъ кричать на животныхъ. Тарвину стало казаться, что вся дорога состояла только изъ остановокъ, и онъ стоналъ при мысли, что, теряя столько времени, онъ отстанетъ отъ американцевъ, такъ что никогда не догонитъ ихъ.

Въ ущельяхъ между горъ, въ высокой травѣ, на болотахъ, видѣлись громадныя сѣрые журавли, съ ярко-красными головами. Кулики и перепела не трудились улетать изъ-подъ самыхъ ногъ буйволовъ, и однажды, въ сумеркахъ, отдыхая на гладкомъ камнѣ, онъ увидалъ двухъ молодыхъ пантеръ, играющихъ другъ съ другомъ, какъ котята.

Проѣхавъ нѣсколько миль отъ Равута, возница его вынулъ изъ подъ сидѣнья длинную саблю и повѣсилъ ее себѣ на шею, употре-

бляя ее иногда вмѣсто кнута. Тарвинъ увидалъ, что здѣсь, также какъ и въ Америкѣ, всѣ ходили вооруженными. Но, по его мнѣнію, кусокъ стали, длиною въ три фута, не могъ замѣнить деликатнаго и скромнаго револьвера.

Разъ онъ вскочилъ въ телѣгѣ на ноги и закричалъ отъ восторга, потому что ему представилось, что онъ видитъ бѣлую вершину шхуны. Но это оказался громаднѣйшій возъ съ хлопкомъ, который тянули шесть буйволовъ, и который поднимался и опускался по холмистой мѣстности. И все время палящее индійское солнце освѣщало его, и онъ только дивился, какимъ образомъ могъ онъ хвалить вѣчное солнце въ Колорадо. При восходѣ солнца скалы сверкали, какъ брилліанты, а въ полдень пески у рѣкъ ослѣпляли, какъ милліоны разсыпающихся искръ. Въ сумерки поднимался холодный сухой вѣтеръ, а горы, по горизонту, окрашивались въ сотни цвѣтовъ при свѣтѣ заходящаго солнца. Тутъ Тарвинъ понялъ значеніе выраженія «блестящій востокъ», такъ какъ горы обращались въ груды рубиновъ и аметистовъ, а туманъ въ долинахъ походилъ на опалъ. Онъ лежалъ въ телѣгѣ навзничъ и смотрѣлъ на небо, мечтая объ ожерельи съ чернымъ брилліантомъ, и спрашивая себя: неужели оно дѣйствительно такъ хорошо?

— Тучи знаютъ, зачѣмъ я ѣду, — думалъ онъ, — и не собираются—это хорошее предзнаменованіе.

Онъ составлялъ планъ просто-на-просто купить это ожерелье, называвшееся Наулакой, за хорошую цѣну, собравъ деньги съ города. Топазъ могъ собрать деньги, продавая участки земли, а если Магараджа заломилъ бы слишкомъ высокую цѣну, то вѣдь можно будетъ устроить синдикатъ.

Въ телѣгѣ, покачивавшейся со стороны въ сторону, онъ раздумывалъ, гдѣ бы могла быть теперь Кэгъ. Если все благополучно, она могла быть теперь въ Бомбеѣ. Онъ предполагалъ это, тщательно изучивъ ея маршрутъ. Одинокая дѣвушка не могла перебраться изъ одного полушарія въ другое такъ быстро, какъ ни чѣмъ не связанный мужчина, подстрекаемый любовью къ ней и къ Топазу. Можетъ быть, она отдыхала нѣкоторое время въ Зенановской миссіи, въ Бомбеѣ. Онъ положительно отвергалъ мысль, что она могла заболѣть дорогой. Она отдыхала, смотрѣла нѣкоторыя достопримѣчательности незнакомой страны, оставленная имъ совершенно безъ вниманія; но черезъ нѣсколько дней она будетъ въ Раторѣ, куда буйволы тащили его теперь.

Онъ улыбнулся и облизалъ губы отъ удовольствія при мысли объ ихъ встрѣчѣ, и забавлялся, раздумывая о томъ, что она не знаетъ о его настоящемъ мѣстопробываніи.

Онъ выѣхалъ изъ Топазъ въ Санъ-Францискъ немного болѣе, чѣмъ черезъ сутки послѣ разговора съ м-съ Метри, ни съ кѣмъ не простившись и никому не сказавъ, куда онъ ѣдетъ. Кэтъ, можетъ быть, удивилась многозначительно произнесенному имъ «Прощайте», когда онъ ушелъ изъ ихъ дома, вернувшись изъ поѣздки на Горячіе Ключи. Но она ничего не сказала, а Тарвинъ ушелъ, не сказавъ, что уѣзжаетъ. Онъ поспѣшно продалъ на слѣдующій, день нѣсколько городскихъ участковъ, спустивъ цѣну, чтобы собрать денегъ на поѣздку; но на это никто не обратилъ вниманія, и, наконецъ, онъ, стоя на задней платформѣ поѣзда, протиснулся съ своимъ городомъ, въ увѣренности, что никто и не подозреваетъ, какъ онъ намѣренъ облагодѣтельствовать Топазъ. Чтобы въ городѣ могли объяснить чѣмъ-нибудь его отъѣздъ, онъ, покуривая сигару, подъ строжайшей тайной, рассказалъ кондуктору, что намѣренъ привести въ исполненіе маленькій планъ—поискать золото въ Аласкѣ, куда онъ направлялся теперь.

Кондукторъ смутилъ его немного, спросивъ, что же онъ намѣренъ дѣлать съ выборами? Но Тарвинъ и на это былъ готовъ съ отвѣтомъ. Онъ отвѣчалъ, что вопросъ этотъ онъ уже рѣшилъ, и по секрету сообщилъ ему, что въ головѣ у него составляются совсѣмъ иные планы. Мысленно же онъ задавалъ себѣ вопросъ, исполнить ли м-съ Метри свое обѣщаніе, и телеграфируетъ ли ему въ Раторъ о результатѣ выборовъ? Не странно ли, что ему пришлось поручить дамѣ увѣдомить его: членъ-ли онъ законодательнаго корпуса Колорадо, или нѣтъ? но вѣдь она была единственнымъ живымъ существомъ, знавшимъ его адресъ, а такъ какъ происшествіе это, называемое ею «очаровательнымъ заговоромъ», очень ей нравилось, то Тарвинъ былъ очень доволенъ.

Когда онъ уже вполнѣ убѣдился, что глаза его не только не увидятъ бѣлаго челоуѣка и не услышатъ попятнаго разговора,—телѣга вѣхала въ ущелье между двухъ горъ и остановилась на конечномъ пунктѣ поѣздки Тарвина. Зданіе представляло двойной кубъ изъ краснаго песчаника, и Тарвинъ готовъ былъ обнять его, потому что оно было полно бѣлыми людьми. Всѣ они были раздѣты до послѣдней степени, и лежали на верандѣ на кушеткахъ, съ кожаными чемоданами подлѣ нихъ.

Тарвинъ вылезъ изъ телѣги и вытянулъ отсиженные ноги, по-немногу выправляя мускулы. Все лицо у него было покрыто пылью, какая нерѣдко остается послѣ вихря или циклона. Пыль забила въ всѣ складки его платья и превратила его черную американскую жакетку на четырехъ пуговицахъ въ бѣлую, какъ жемчугъ. Она уничтожила промежутокъ между краемъ его панталонъ и

носкомъ башмаковъ. Пыль падала съ него при его малѣйшемъ движеніи. Его благочестивый возгласъ «Слава Богу!» замеръ въ приступѣ кашля. Онъ взошелъ на веранду, протирая засорившіеся глаза.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ онъ. — Нѣтъ ли чего-нибудь выпить?

Никто не приподнялся, и только кто-то позвалъ слугу. А одинъ изъ присутствующихъ въ тонкой, шелковой ткани, широкой какъ шелуха на высохшемъ колосѣ, съ совершенно безцвѣтнымъ лицомъ, кивнулъ ему и спросилъ:

— А вы по какимъ дѣламъ?

— Вотъ какъ! Такъ и здѣсь эти появились?—подумалъ Тарвинъ, узнавъ въ этомъ вопросѣ общій лозунгъ странствующихъ приказчиковъ.

Онъ пошелъ по длинному ряду, каждому съ радостью и благодарностью пожимая руку, прежде чѣмъ сдѣлать сравненіе между востокомъ и западомъ и задать себѣ вопросъ: неужели эти безмолвные люди принадлежатъ къ той профессіи, съ которой онъ обмѣнивался рассказами, мнѣніями столько лѣтъ въ вагонахъ и въ отеляхъ? Эти лица какія-то выродки и бездушныя пародіи живыхъ, энергичныхъ, веселыхъ, пылкихъ животныхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на западѣ. Но, можетъ быть — боль въ спинѣ напомнила ему о себѣ—все они пріѣхали въ телѣгахъ...

Онъ уткнулся носомъ въ стаканъ содовой воды съ коньякомъ и не поднялся, пока стаканъ не опустѣлъ; затѣмъ онъ опустился на незанятую кушетку и сталъ снова всехъ осматривать.

— Кто-то спрашивалъ меня, по какимъ я дѣламъ? Я пріѣхалъ по своимъ собственнымъ дѣламъ и путешествую ради удовольствія.

Онъ не успѣлъ сообразить негѣпости своего заявленія, потому что все пять человѣкъ разразились хохотомъ,—хохотомъ людей, долгое время лишенныхъ возможности хохотать.

— Удовольствія! — крикнулъ одинъ изъ нихъ. — О Господи! удовольствія! ну такъ вы пріѣхали не туда, куда надо.

— Въ хорошее мѣстечко вы попали!—сказалъ другой.—Тутъ скорѣе можно умереть, чѣмъ сдѣлать что-нибудь.

— Вы съ такимъ же успѣхомъ могли бы попытаться добиться крови изъ камня. Я сижу тутъ уже цѣлыхъ двѣ недѣли.

— Господи! Зачѣмъ-же?—спросилъ Тарвинъ.

— Мы все спдимъ тутъ болѣе недѣли,—проворчалъ четвертый.

— Какая же у васъ цѣль, какое дѣло?

— Вы, вѣроятно, американецъ?

— Да, изъ Топаза, Колорадо.—Это указаніе не произвело на нихъ никакого впечатлѣнія. Онъ могъ съ такимъ же успѣхомъ говорить съ ними по гречески.—Но что же случилось?

— Вчера король обвѣнчался съ двумя женами. Можете и сегодня слышать, какъ бьютъ въ литавры. Онъ старается экипировать новый кавалерійскій полкъ на службу индѣйскаго правительства и поссорился съ своимъ политическимъ резидентомъ. Я прожилъ три дня у дверей полковника Нолана. Онъ говоритъ, что ничего не можетъ дѣлать безъ приказанія верховнаго правительства. Я пытался поймать короля, когда онъ отправлялся на голубиную охоту. Я каждый день пишу первому министру, если только не объѣзжаю городъ на верблюдѣ; и тѣмъ не менѣе, я получилъ цѣлую пачку писемъ отъ фирмы, спрашивающей меня, почему я не требую денегъ.

Черезъ десять минутъ Гарвинъ сталъ понимать, что это были представители различныхъ фирмъ Калькутты и Бомбея, безнадежно осаждающіе регулярно каждую весну этотъ городъ, чтобы получить хоть что-нибудь по счетамъ съ короля, заказывающаго пудами, а платящаго золотниками. Онъ покупалъ ружья, наряды, зеркала, украшенія на каминны, стеклянные шары, что вѣшаютъ на ѣлки, сѣдла, экипажи, духи, хирургическіе инструменты, подсвѣчники, фарфоровыя вещи, дюжинами и массаами, смотря по своей царской прихоти. Теряя интересъ къ прибрѣтеннымъ вещамъ, онъ терялъ и желаніе платить за нихъ; а такъ какъ его мало что занимало болѣе двадцати минутъ, то зачастую бывало, что его удовлетворяла одна покупка вещей, и ящики, присланные изъ Калькутты, стояли нераскупоренными. Водворенный миръ въ стражѣ мѣшалъ ему взяться за оружіе противъ своихъ товарищей государей, единственное развлеченіе, которое имѣли въ продолженіи тысячи лѣтъ цари; но у нихъ остался интересъ вести войну нѣсколько измѣненную, съ приказчиками, получающими по счетамъ. Съ одной стороны стоялъ политическій резидентъ, назначенный для того, чтобы обучать короля умѣнью править и, главное, экономіи; а съ другой стороны, то-есть, у самыхъ воротъ дворца, находится обыкновенно какой-нибудь странствующій приказчикъ, чувствующій презрѣніе къ уклоняющемуся должнику, и въ то же самое время врожденное англичанину чувство благоговѣнія къ королю. Между этими двумя лицами король проѣзжалъ, отправляясь на голубиную охоту, на бѣга, на смотръ своей арміи, отдавая массу бесполезныхъ приказаній и управляя своими женщинами, которыя знали о представляемыхъ счетахъ гораздо болѣе, чѣмъ первый министръ. За всѣмъ этимъ стояло правительство

Индіи, положительно отказывающееся гарантировать уплату долговъ короля, и отъ времени до времени посылающее ему на голубой бархатной подушкѣ брилліантовые знаки императорскаго ордена, чтобы смягчить выговоры политическаго резидента.

— Я надѣюсь, вамъ вѣдь платять за это,—сказалъ Тарвинъ.

— Какъ такъ?

— Когда у насъ въ Америкѣ должникъ общается кредитору явиться, ну хоть бы въ отель, и не является, общая на другой день придти въ лавку, чтобы заплатить, приказчикъ говоритъ: «Такъ не угодно ли будетъ заплатить за ѣду и вино, и сигары, взятыя мною, пока я васъ ждалъ». А по прошествіи втораго дня онъ принимаетъ рѣшительныя мѣры.

— Вотъ это интересно! Какъ же онъ получаетъ долгъ?

— Онъ вноситъ всѣ расходы въ слѣдующій счетъ того, что забирается товарами. Цѣны ставятся въ такихъ случаяхъ хорошія.

— Мы можемъ ставить цѣны, какія угодно. Затрудненіе заключается только въ трудности получить деньги.

— Я не понимаю, какъ же можно тратить такъ много времени,—замѣтилъ Тарвинъ.—У насъ дома время точно рассчитано, а если приказчикъ опоздаетъ на одинъ день, онъ телеграфируетъ своему покупщику, чтобы онъ пришелъ на станцію, и продаетъ ему товары во время остановки поѣзда. Можно продать всю землю, пока ваша телега проѣдетъ одну милю. Что же касается полочки денегъ, то почему вы не арестуете стараго грѣховодника? На вашемъ мѣстѣ я наложилъ бы арестъ на все государство, на дворецъ, на его корону. Отдалъ бы его подъ судъ, и наказалъ бы его, если нужно, лично. Я заперъ бы старика и за него управлялъ бы Раджпутаной, но деньги бы получилъ.

На лицахъ всѣхъ присутствующихъ появилась улыбка состраданія.

— Это потому, что вы не знаете, — сразу сказало нѣсколько голосовъ; затѣмъ они начали объяснять. Вся ихъ вялость вдругъ пропала, и всѣ они заговорили вмѣстѣ.

Спустя нѣкоторое время, Тарвинъ замѣтилъ, что люди, сидѣвшіе на верандѣ, хотя и казались лѣнивыми, но были далеко не глупыми. Спокойно лежать, вродѣ нищихъ у дверей величія, включалось имъ въ обязанность. Времени уходило много, но въ концѣ концовъ сколько-нибудь въ уплату получалось, особенно, какъ объяснилъ человекъ въ желтомъ одѣяніи, если удастся заинтересовать перваго министра, и черезъ него возбудить интересъ въ королевскихъ женахъ.

Мимолетное воспоминаніе о м-съ Метри вызвало слабую улыбку на губы Тарвина.

Господинъ въ желтой одеждѣ продолжалъ говорить, и Тарвинъ узналъ, что главная королева—убійца, обвиненная въ убійствѣ своего перваго мужа. Она сидѣла въ желѣзной клѣткѣ въ ожиданіи казни, когда король въ первый разъ увидалъ ее, и спросилъ ее—какъ гласить разсказъ,—не отравить ли она его, если онъ на ней женится? Конечно, отвѣчала она, если онъ будетъ обращаться съ нею такъ, какъ обращался ея первый мужъ. Послѣ этого король женился на ней, частью ради прихоти, а, главнымъ образомъ, потому, что былъ восхищенъ ея смѣлымъ отвѣтомъ.

Эта цыганка безъ роду, безъ племени, не болѣе какъ въ одинъ годъ привлекла къ своимъ ногамъ и короля, и все государство, къ ногамъ, о которыхъ женщины гарема говорили, что онѣ грубы отъ ходьбы по грязнымъ дорогамъ. Она родила королю сына, на которомъ сосредоточила всю свою гордость и честолюбіе, и послѣ рожденія его, съ новой энергіей стала заботиться о своемъ господствѣ. Верховная власть, находившаяся за сто миль, знала, что она сила, которой нельзя было пренебрегать, и не долюбила ее. Сѣдой, мягкорѣчивый политическій резидентъ, полковникъ Ноланъ, жившій въ красномъ домѣ, за какой-нибудь выстрѣлъ отъ городскихъ воротъ, часто терпѣлъ отъ нея дерзости. Ея послѣдняя побѣда была особенно для него унизительна: она узнала, что каналъ, предназначенный для снабженія города водою лѣтомъ, долженъ былъ проходить по померанцевому насажденію подъ ея окнами, и употребила свое вліяніе на Магараджу, чтобы не позволить этого. Вслѣдствіе этого Магараджа велѣлъ отвести его кругомъ, что стоило четверти его годоваго дохода, и что было противъ желанія резидента.

Ситабгая, цыганка, спрятавшись за шелковыми занавѣсками, видѣла и слышала споръ между раджей и его политикомъ и смѣялась.

Тарвинъ внимательно слушалъ. Все это ему было на руку, хотя опрокидывало весь его планъ рѣшительныхъ дѣйствій. Это открывало ему новый міръ, для котораго онъ вовсе не былъ подготовленъ и гдѣ онъ могъ дѣйствовать только по вдохновенію. Ему надо было тщательно изучить этотъ міръ, прежде чѣмъ начать свой походъ на Наулаку, и онъ охотно слушалъ все, что эти лѣнивые господа разсказывали ему. Ему стало представляться, — не лучше ли вернуться обратно, и снова приняться за азбуку. Что могло поправиться этому странному человѣку, что назывался королемъ? что увлекало его? что забавляло, а главнымъ образомъ, чего онъ боялся?

Онъ думалъ много и быстро.

— Не мудрено, — сказалъ онъ, — что король вашъ банкротъ, если ему приходится содержать такой дворъ.

— Онъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ королей въ Инди, — сказалъ человекъ въ желтомъ одѣяніи. — Онъ самъ не знаетъ, чѣмъ владѣть.

— Въ такомъ случаѣ почему-бы ему не заплатить вамъ, вмѣсто того, чтобы держать васъ тутъ?

— Потому что онъ туземецъ. Онъ истратитъ сто тысячъ фунтовъ на свадебный праздникъ, и отложить на цѣлый годъ уплату двухсотъ рупій по счетамъ.

— Вамъ слѣдовало бы наказать его за это, — продолжалъ Тарвинъ. — Пошлите полицейскаго заарестовать коронные брилліанты.

— Вы не знаете индійскихъ принцевъ. Они ни за что не позволяютъ коснуться до коронныхъ брилліантовъ, потому что они священны. Они принадлежатъ государству.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось взглянуть на эти сокровища! — вскричалъ одинъ изъ присутствующихъ, и Тарвинъ узналъ впоследствии, что это былъ калькутскій агентъ ювелирной фирмы.

— Что это за сокровища? — совершенно спокойно спросилъ онъ, прилебивая содовую воду.

— Наулака. Слыхали когда-нибудь?

Тарвинъ былъ избавленъ отъ необходимости отвѣчать чело-вѣкомъ въ желтомъ одѣяніи, замѣтившимъ:

— Полноте! Всѣ эти сказки о Наулакѣ выдуманы жрецами.

— Не думаю, — отвѣчалъ ювелиръ. — Когда я въ послѣдній разъ былъ здѣсь, король сказалъ мнѣ, что онъ показывалъ Наулаку вице-королю. Но это единственный иностранецъ, видѣвшій это чудо. Король увѣрялъ меня, что онъ самъ не знаетъ, гдѣ теперь это ожерелье.

— Полноте! Можно ли повѣрить, что существуетъ изумрудъ въ два дюйма въ разрѣзѣ? — спросилъ желтый господинъ Тарвина.

— Это центральный камень, — отвѣчалъ ювелиръ: — и я готовъ побиться о закладъ, что это настоящій изумрудъ. Но меня удивляетъ вовсе не это. Я поражаюсь, какъ эти люди, не имѣющіе понятія о чистой водѣ въ камняхъ, могли набрать пятьдесятъ штукъ рѣдкихъ экземпляровъ. Они говорятъ, что камни на это ожерелье начали собирать со времени Вильгельма Завоевателя.

— Въ восемь столѣтій и я могъ бы набрать нѣчто удивительное, — сказалъ Тарвинъ.

Онъ лежалъ, отвернувшись отъ компаніи. Сердце у него сильно

билось. Онъ торговалъ рудою, землею и скотомъ въ свое время, и переживалъ минуты, когда раззореніе его иногда висѣло на волоскѣ и зависѣло отъ мановенія ока. Но онъ не переживалъ моментовъ, въ которыхъ сосредоточивалось восемь столѣтій.

Всѣ посмотрѣли на него съ какимъ-то состраданіемъ.

— Изъ девяти необыкновенныхъ камней, тамъ есть пять удивительныхъ сортовъ,—началъ ювелиръ:—рубинъ, изумрудъ, сафиръ, брилліантъ, опалъ, кошачій глазъ, бирюза, аметистъ и...

— Топазъ?—съ увѣренностью сказалъ Тарвинъ.

— Нѣтъ, черный брилліантъ,—черный какъ ночь.

— Но почему вы все это знаете... отъ кого вы все это слышали?—съ любопытствомъ спросилъ Тарвинъ.

— Знаю, какъ узнается здѣсь многое... изъ разговоровъ. Только никто не знаетъ, гдѣ это ожерелье.

— Вѣроятно, подъ какимъ-нибудь храмомъ въ городѣ,—сказалъ желтый господинъ.

Тарвинъ, не смотря на все стараніе скрыть свое волненіе, не могъ не спросить, почувствовавъ желаніе перерыть весь городъ:

— Да гдѣ же этотъ городъ?

Ему указали скалу, окруженную тройной стѣной. Это былъ такой же разрушенный городъ, мимо какихъ онъ проѣзжалъ лежа въ тѣлѣ. На скалистой возвышенности стоялъ мрачный темно-красный утесъ, а внизу тянулись пески, лишенные всякой растительности, и на которыхъ могъ жить только дикій оселъ, и нѣкогда, какъ говорили, могъ жить дикій верблюдъ.

Тарвинъ посмотрѣлъ сквозь знойную мглу и увидалъ, что въ городѣ не было и признаковъ какой-либо жизни. Время было послѣполудническое, и подданные его величества спали. Слѣдовательно, этотъ уединенный утесъ былъ конечной цѣлью его поѣздки,—Иерихонъ,—для нападенія на который онъ прѣхалъ изъ Топаза.

— Если бы какой-нибудь человекъ,—думалъ онъ:—прѣхалъ изъ Нью-Йорка въ простой тѣлѣ, чтобы посвистать кругомъ Саугвашъ Ренча, какимъ бы я счелъ его дуракомъ!

Онъ всталъ и вытянулъ свои пыльные ноги.

— Когда будетъ достаточно прохладно, чтобы пойти въ городъ?—спросилъ онъ.

— *Зачѣмъ* въ городъ? Будьте осторожны. Вы можете имѣть непріятности съ резидентомъ,—предупредилъ его одинъ изъ англичанъ.

Тарвинъ никакъ не могъ понять, какимъ образомъ осмотръ мертваго города могъ вовлечь его въ непріятности? Но онъ на-

мотагъ все это на усь, понявъ, что находится въ странѣ, гдѣ главную роль играли женщины. Этотъ городъ ему необходимо было взять, и скорѣе, пока на него не успѣла еще подѣйствовать всеобщая спячка.

Ему все-таки непремѣнно хотѣлось что-нибудь сдѣлать, и онъ спросилъ дорогу на телеграфную станцію, хотя могъ дойти, слѣдуя за телеграфными проволоками, доказывавшими, что въ Раторѣ дѣйствительно существовалъ телеграфъ.

— А вотъ кстати,—крикнулъ вслѣдъ за нимъ одинъ изъ присутствующихъ:—вамъ не мѣшаетъ помнить, что каждая депеша, посылаемая отсюда, передается предварительно королю.

Тарвинъ поблагодарилъ, думая, что, дѣйствительно, это не мѣшаетъ помнить, и пошелъ по песку къ указанной ему, около дороги въ городъ, магометанской мечети, гдѣ помѣщенъ телеграфъ.

Мѣстный солдатъ крѣпко спалъ на порогѣ, а лошадь его стояла неподалеку, привязанная къ длинной пикѣ, воткнутой въ землю. Другихъ признаковъ жизни тутъ не было никакихъ, кромѣ нѣсколькихъ голубей, сонливо воркующихъ подъ темнымъ сводомъ.

Тарвинъ тщетно отыскивалъ глазами голубаго съ бѣлымъ значка Западнаго Союза, или какого-нибудь аналогическаго знака въ этой странной странѣ. Онъ увидалъ, что проволоки исчезали въ отверстіи купола мечети. Подъ сводомъ онъ замѣтилъ двѣ, три деревянныхъ двери. Онъ на удачу отворилъ одну изъ нихъ и наступилъ на что-то мягкое и теплое, со стономъ отскочившее. Тарвинъ едва успѣлъ отстраниться, чтобы пропустить выскочившаго телянка-буйвола. Нисколько не смущаясь, онъ открылъ другую дверь, и увидалъ гѣстницу, шириною въ восемнадцать дюймовъ. Онъ съ трудомъ поднялся по ней, прислушиваясь, не услышитъ-ли телеграфнаго постукиванья. Но въ зданіи царило безмолвіе, какъ въ могилѣ. Онъ отворилъ еще дверь и вошелъ въ комнату, куполообразный потолокъ которой былъ выкрашенъ самыми варварскими пестрыми красками, съ міриадами вставленныхъ кусочковъ зеркалъ. Яркія краски и снѣговой бѣлизны полъ освѣпили его послѣ совершенно темной гѣстницы. Тутъ несомнѣнно была телеграфная станція, такъ какъ на простомъ столѣ помѣщался телеграфный аппаратъ. Солнечный свѣтъ проникалъ въ отверстіе купола, сдѣланное для проволокъ, и потомъ не задѣланное.

Тарвинъ остановился, освѣщенный солнцемъ, и осмотрѣлся кругомъ. Онъ снялъ свою мягкую съ широкими полями западную шляпу, оказавшуюся слишкомъ теплою для этого климата, и вы-

теръ лобъ. Стоя тутъ, выпрямившись во весь ростъ, мускулистый, сильный, онъ отбилъ бы въ этомъ таинственномъ мѣстѣ у всякаго желаніе напасть на него. Онъ покрутилъ свои длинные усы, закручивавшіеся у угловъ рта, и высказалъ кое-какія замѣчанія языкомъ, къ которому стѣны этой комнаты не привыкли. Можно ли было надѣяться устроить сообщеніе съ Соединенными Штатами Америки изъ такой пропасти забвенія? Даже англійское проклятiе, раздавшееся въ комнатѣ, показалось ему чужестраннымъ и невыразительнымъ.

На полу лежала какая-то фигура.

— Эй вы! Вставайте!—крикнулъ онъ.

Фигура поднялась, и Тарвинъ увидалъ заспаннаго туземца въ сѣрой атласной одеждѣ.

— Что?—крикнулъ онъ.

— Эй!—повелительно проговорилъ Тарвинъ.

— Вы хотите видѣть меня?

— Нѣтъ, мнѣ нужно послать депешу, если только въ этой миглѣ существуетъ электрической токъ?

— Сэръ, вы находитесь на телеграфной станціи. Я начальникъ почтъ и телеграфовъ здѣшняго государства.

Онъ сѣлъ на поломанный стулъ, открылъ ящикъ въ столѣ и началъ чего-то искать.

— Что вы ищите, молодой человѣкъ? Потеряли связь съ Калькуттой?

— Многіе изъ отправителей приносятъ свои собственные бланки,—отвѣчалъ онъ съ нѣкоторой укоризной.—Вотъ бланкъ. А карандашъ у васъ есть?

— Вотъ, не утруждайте себя. Не лучше ли вамъ пойти и лечь? Я самъ отправлю телеграмму. Какой у васъ знакъ въ Калькутту?

— Вы, сэръ, врядъ-ли сьумѣете телеграфировать.

— Я-то? Вы посмотрѣли бы, какъ я телеграфирую во время выборовъ.

— На нашихъ аппаратахъ не всё умѣютъ дѣйствовать. Пишите депешу, а я пошлю. Это будетъ настоящимъ раздѣленіемъ труда. Ха-ха!

Тарвинъ написалъ слѣдующую депешу:

«Пріѣхалъ сюда. Помните Три К^о.—Тарвинъ.»

Телеграмма была адресована на имя м-съ Метри, по адресу, который она дала въ Денверъ.

— Пускайте же!—сказалъ Тарвинъ, подавая бумажку черезъ столъ, улыбающемуся телеграфисту.

— Хорошо. Не беспокойтесь. Это моя обязанность,—отвѣчалъ туземецъ, видя, что иностранецъ спѣшитъ.

— Дойдетъ ли туда депеша?—спросилъ Тарвинъ, облакачиваясь на столъ и по товарищески глядя на индйца въ атласномъ одѣяніи, чтобы узнать: точно ли тутъ можетъ быть подлогъ.

— Конечно, дойдетъ завтра. Денверъ находится въ Америкѣ въ Соединенныхъ Штатахъ,—отвѣчалъ туземецъ съ дѣтской гордостью взглянувъ на Тарвина.

— Руку!—вскричалъ Тарвинъ, протягивая волосатую руку:— вы получили хорошее образование.

Онъ съ полчаса дружески проговорилъ съ телеграфистомъ объ общихъ познаніяхъ, и тому пришлось пустить телеграмму при немъ,— у Тарвина вмѣстѣ съ пощелкиваніемъ аппарата дума понеслась на родину. Посреди разговора индусъ вдругъ сталъ рыться въ столѣ и, вытащивъ оттуда запыленную телеграмму, подалъ ее Тарвину.

— Не знаете ли вы какого-нибудь новаго англичанина, пріѣхавшаго въ Раторъ, по фамиліи Тервинъ?—спросилъ онъ.

Тарвинъ посмотрѣлъ на адресъ и затѣмъ, разорвавъ конвертъ, нашелъ, что это депеша, какъ онъ ожидалъ, къ нему. М-съ Метри поздравляла его, что онъ выбранъ въ Колорадо въ законодательный корпусъ большинствомъ 1.518 голосовъ противъ Шерифа.

Тарвинъ крикнувъ отъ радости, исполнилъ военный танецъ на бѣломъ полу мечети и, ухвативъ изумленнаго телеграфиста, протанцовалъ съ нимъ бѣшенный вальсъ. Затѣмъ, отвѣсивъ низкій поклонъ индусу, выбѣжалъ изъ мечети и пошелъ по дорогѣ.

Вернувшись въ гостиницу, онъ пошелъ взять ванну, чтобы отскоблить хорошенько пыль, въ то время какъ торговые агенты, сидя на верандѣ, разсуждали о немъ. Онъ мылся въ громадной глиняной чашкѣ, а черный слуга обливалъ его съ головой.

На верандѣ кто-то громче другихъ говорилъ:

— Онъ пріѣхалъ, вѣроятно, искать золота или нефть, и не хочетъ сказать.

Тарвинъ подмигнулъ мокрымъ лѣвымъ глазомъ.

VII.

Обыкновенный постоянный дворъ въ пустынѣ не изобилуетъ мебелировкой или коврами. Столъ, два стула, вѣшалка для платья на дверяхъ и преись-курантъ считаются достаточнымъ для комнаты, а постель путешественникъ долженъ имѣть свою. Тарвинъ прежде чѣмъ лечь спать, внимательно прочелъ преись-курантъ и узналъ, что онъ остановился не въ гостинницѣ, и что, переночевавъ и пробивъ тутъ день, онъ можетъ быть изгнанъ.

Прежде чѣмъ лечь, Тарвинъ приказалъ принести себѣ перо и чернила, и написалъ письмо м-съ Метри.

Онъ видѣлъ во снѣ въ эту ночь, что Магараджа отдавалъ ему Наулаку въ промѣнъ за городскіе участки, а онъ надѣлъ ожерелье на шею м-съ Метри, и въ то же самое время слышалъ, какъ ораторъ изъ законодателей Колорадо провозглашалъ Топазъ со времени прибытія туда «Трехъ К^о» метрополіей Запада. Затѣмъ, замѣтивъ, что ораторъ онъ самъ, онъ сталъ сомнѣваться въ сказанномъ, и проснулся, когда начало уже свѣтать.

На верандѣ къ нему обратился туземецъ-солдатъ, съ сѣдой бородой и въ сапогахъ, верхомъ на верблюдѣ. Солдатъ подалъ ему маленькую темную тетрадку съ надписью: «Прочтите и напишите, что прочли».

Тарвинъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на это изобрѣтеніе, но удивленія не выразилъ. Онъ уже постигъ одну тайну востока,—ничему не удивляться. Онъ взялъ книжку и прочелъ на указанной страницѣ объявленіе: «По воскресеньямъ божественная служба совершается въ гостиниой агентства въ 7 съ 1/2 часовъ утра. Иностранцы очень приглашаются присутствовать. (Подпись) Л. Р. Эстесъ, Американская пресвитерская Миссія.»

— Не даромъ они здѣсь такъ рано встаютъ,—подумалъ Тарвинъ.—Служба въ 7 1/2 часовъ. Когда же они обѣдаютъ? Что же мнѣ надо заплатить?—вслухъ спросилъ онъ у солдата. И солдатъ и верблюдъ въ одно время посмотрѣли на него, и осклабились, отъѣзжая. Это до нихъ не касалось.

Тарвинъ посмотрѣлъ вслѣдъ за ними. Въ этой странѣ, очевидно, не умѣли ковать желѣзо, пока оно горячо. Онъ подумалъ о той минутѣ, когда онъ съ ожерельемъ въ карманѣ и рядомъ съ Кэтъ, снова повернетъ къ западу.

Для скорѣйшаго достиженія своей цѣли ему слѣдовало сдѣлать визитъ миссіонеру. Онъ былъ американецъ и скорѣе всякаго другого могъ рассказать ему что-нибудь о Наулакѣ, и, кромѣ того, Тарвинъ смутно предчувствовалъ, что онъ можетъ рассказать ему что-нибудь о Кэтъ.

Домъ миссіонера, находившійся какъ разъ у городскихъ стѣнъ, былъ тоже изъ краснаго песчаника, въ одинъ этажъ, и точно также, какъ станція въ Раджпутанѣ, не былъ обвитъ ни виноградникомъ, ни какой-либо другой зеленью. Но за то въ домѣ онъ встрѣтилъ теплый, душевный пріемъ. М-съ Эстесъ принадлежала къ разряду добрыхъ женщинъ и такихъ хозяекъ, которыя изъ подвала съумѣли-бы сдѣлать пріятную квартиру. У нея было круглое, кроткое лицо, съ нѣжной кожей, и спокойные, счастливые

глаза. Ей было лѣтъ сорокъ. Еще не посѣдѣвшіе волосы ея были гладко зачесаны назадъ, и она производила успокоительное впечатлѣніе.

Посѣтителъ ихъ узналъ, что они пріѣхали изъ Бангора, Майне, и что отецъ его приходился имъ сродни, такъ какъ родился на фермѣ въ Портлендѣ, а Тарвинъ, не пробывъ у нихъ и десяти минутъ, былъ приглашенъ завтракать. Симпатичность его была непреодолима. Это былъ такой человѣкъ, которому мужчины до вѣряли свои самыя сокровенныя тайны, и раскрывали души въ курительныхъ комнатахъ. Онъ служилъ складочнымъ мѣстомъ цѣлой кучи разсказовъ о несчастіяхъ и заблужденіяхъ, которыми по большей части нельзя было помочь, но изъ которыхъ нѣкоторымъ онъ все-таки помогалъ. Еще завтракъ не былъ поданъ, какъ онъ узналъ отъ Эстеса и его жены всю картину ихъ положенія въ Раторѣ. Они разсказали ему о своихъ непріятностяхъ съ Магараджей и его женами, и о совершенной бесполезности ихъ трудовъ, разсказали о своихъ дѣтяхъ, жившихъ въ изгнаніи на родинѣ. Они объяснили, что они отправлены въ Бангоръ, гдѣ живутъ у тетки и учатся въ общественной школѣ.

— Мы уже пять лѣтъ, какъ не видали ихъ, — сказала м-съ Эстесъ, когда они сѣли за столъ. — Фреду было тогда всего шесть лѣтъ, а Лорѣ восемь. А теперь имъ одиннадцать и тринадцать... подумайте только! Мы надѣемся, они не забыли насъ, но какъ имъ помнить? Вѣдь они дѣти!

Затѣмъ она разсказала ему о возобновеніи узъ между родителями и дѣтьми въ Индіи такія исторіи, что у него кровь застыла въ жилахъ.

Этотъ завтракъ породилъ въ Тарвинѣ страшную тоску по родинѣ. Послѣ цѣлаго мѣсяца на морѣ, двухъ дней на желѣзной дорогѣ и ночи, проведенной въ гостинницѣ, онъ болѣе чѣмъ оцѣнилъ домашній семейный столъ и обиліе американскаго завтрака. Завтракъ начался арбузомъ, который не напомнилъ ему родины, такъ какъ въ Топазѣ арбузы были невѣдомой роскошью и не могли никакъ созрѣть въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Но дальнѣйшій завтракъ перенесъ его домой, а мясо, картофель и кофе чуть не вызвали слезъ изъ глазъ. М-съ Эстесъ была довольна, видя его радость, и сказала, что надо его угостить кленовымъ сиропомъ, присланнымъ имъ изъ Бангора; и когда тихо двигающійся слуга въ бѣлой одеждѣ и красной чалмѣ подалъ вафли, она послала его за сиропомъ. Всѣ они были очень довольны и говорили объ американской республикѣ, въ то время какъ пунка поскрипывала, покачиваясь надъ ихъ головами.

У Тарвина въ карманѣ была карта Колорадо, и когда разговоръ заходилъ о какой-нибудь части Соединенныхъ Штатовъ, онъ раскладывалъ ее на столѣ между вафлями и мясомъ и показывалъ имъ на положеніе Топаса. Онъ объяснялъ Эстесу, какъ новая желѣзнодорожная линія, идя съ сѣвера на югъ, принесетъ пользу городу, и затѣмъ съ чувствомъ прибавилъ, что это за славный городокъ, и какъ отстроился въ послѣдній годъ, и какъ послѣ пожара они на другой же день стали строиться. Пожаръ принесъ 100.000 ф. страховой преміи городу, рассказывалъ онъ. Онъ, конечно, все преувеличивалъ и не упоминалъ о пустыряхъ, еще не занятыхъ постройками.

— Мы ѣдемъ сюда одну молодую дѣвушку, кажется, изъ вашихъ мѣстъ,—перебила его м-съ Эстесъ, въ воображеніи которой всѣ восточные города перемѣшивались. — Кажется, она изъ Топаса, Люсьенъ? Я почти въ этомъ увѣрена.

Она встала и подошла къ своей рабочей корзинкѣ за письмомъ, гдѣ нашла подтвержденіе своихъ словъ.

— Да, изъ Топаса. Какая-то миссъ Шерифъ. Она ѣдетъ къ намъ отъ Зенанской миссіи. Можетъ быть, вы ее знаете?

Тарвинъ наклонился надъ разюженнымъ планомъ.

— Да, я ее знаю,—отвѣчалъ онъ.—Когда она пріѣдетъ?

— На-дняхъ,—отвѣчала м-съ Эстесъ.

— Какъ это ужасно, — сказалъ Тарвинъ: — что молодая дѣвушка ѣдетъ сюда одна, вдали отъ своихъ друзей.. Хотя я увѣренъ, вы дружески отнесетесь къ ней, — быстро прибавилъ онъ, взглянувъ на м-съ Эстесъ.

— Мы постараемся, чтобы она не скучала по родинѣ,—сказала м-съ Эстесъ своимъ задушевымъ тономъ.—Вѣдь, какъ вамъ извѣстно, Фредъ и Лора живутъ тамъ въ Бангорѣ, — помолчавъ, прибавила она.

— Это будетъ очень хорошо съ вашей стороны,—съ большимъ чувствомъ, чѣмъ того требовала Зенанская миссія, — скавалъ Тарвинъ.

— Позвольте мнѣ спросить, по какимъ дѣламъ вы пріѣхали сюда?—спросилъ миссіонеръ, подавая жегѣ чашку, чтобы она налила ему еще. Онъ говорилъ нѣсколько официальнымъ образомъ и слова его точно заглушались густой, необыкновенно длинной бородой съ просѣдью. У него было добродушное, улыбающееся лицо, рѣзкія, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятныя манеры, и онъ смотрѣлъ всѣмъ прямо въ глаза, что Тарвинъ любилъ. Мнѣнія у него были установившіяся, въ особенности о туземныхъ племенахъ Индіи.

— Я дѣлаю изысканія,—отвѣчалъ Тарвинъ совершенно спо-

койнымъ тономъ и глядѣлъ въ окно, точно онъ ожидалъ, что тотчасъ же появится Кэтъ.

— А! Золота?

— Да, но и всего другого.

Эстесъ пригласилъ его на веранду выкурить сигару; жена его принесла питье и сѣла съ ними; Тарвинъ покуривая, сталъ спрашивать о Наулакѣ. Гдѣ это ожерелье? Что это за вещь?— смѣло спрашивалъ онъ. Но онъ увидалъ, что миссіонеръ, хотя былъ и американцемъ, зналъ не болѣе разгнѣвшихся коммерсантовъ въ гостинницѣ. Онъ зналъ, что ожерелье существуетъ, но не встрѣчалъ человѣка, кромѣ Магараджи, который бы видѣлъ его. Тарвинъ расспрашивалъ объ этомъ среди разговора о другихъ, менѣе для него интересныхъ вещахъ; но въ золотыхъ промыслахъ, къ которымъ миссіонеръ постоянно возвращался, онъ усматривалъ идею. Эстесъ замѣтилъ, что онъ, вѣроятно, начнетъ съ поискъ золота?

— Конечно,—отвѣчалъ Тарвинъ.

— Но въ рѣкѣ Аметъ врядъ ли вы найдете много золота. Туземцы въ продолженіе сотенъ лѣтъ временами промывали его. Вы ничего не найдете, кромѣ того, что тиною смыто съ кварцевыхъ скалъ горъ Гунгра. Вы, конечно, начнете работы въ широкихъ размѣрахъ?—съ любопытствомъ глядя на него, спросилъ миссіонеръ.

— Ну, конечно, въ большихъ размѣрахъ.

Эстесъ прибавилъ, что, несомнѣнно, онъ имѣлъ въ виду политическія затрудненія. Ему придется получить согласіе полковника Нолана и черезъ него согласіе англійскаго правительства, если онъ предполагаетъ начать въ Индіи какое-нибудь серьезное дѣло. Да и вообще, чтобы имѣть право жить въ Раторѣ, надо имѣть разрѣшеніе полковника Нолана.

— Вы полагаете, мнѣ надо просить британское правительство оставить меня въ покоѣ?

— Да.

— Хорошо. Я и это сдѣлаю.

М-съ Эстесъ быстро, не поднимая головы, взглянула на мужа. Она думала по своему, по женски.

VIII.

Въ продолженіе слѣдующей недѣли Тарвинъ узналъ много новаго, и вмѣстѣ съ полнымъ преобразованиемъ своей внѣшности, такъ какъ на другой же день своего пріѣзда одѣлся въ бѣлое полотно, онъ усвоилъ инныя манеры, обычаи и традиціи. Эти измѣненія пріятны не были, но производились не безъ основанія—

онъ увидѣлъ, что преобразование его доставило ему возможность быть представленнымъ единственному человѣку въ государствѣ, отъ котораго зависѣлъ его успѣхъ. Эстесъ охотно взялся представить его Магараджѣ. Однажды, утромъ, они съ миссіонеромъ сѣли на коней и поднялись на крутой подъемъ на скалу, гдѣ стоялъ дворецъ, высѣченный въ камень. Проѣхавъ подъ глубокимъ сводомъ, они вѣхали во дворъ, вымощенный бѣлымъ мраморомъ, и нашли Магараджу съ оборваннымъ слугой, разсуждающими о достоинствахъ собаки, лежавшей передъ ними на пятахъ.

Тарвинъ, незнакомый съ королями, надѣялся видѣть окруженнымъ важностью лицо, не платящее по счетамъ, и приготовился отнестись къ нему съ почтеніемъ, но никакъ не ожидалъ встрѣтить такъ неряшливо одѣтаго правителя, безцеремонностью своей избавившаго его отъ необходимости сдерживаться при мысли, что находишься въ присутствіи высочайшей особы. Дворъ тоже былъ неряшливый и грязный. Магараджа оказался толстымъ, любезнымъ деспотомъ, темнымъ и обросшимъ бородой, одѣтымъ въ зеленый бархатный, шитый золотомъ халатъ, очень довольнымъ, что видитъ, наконецъ, человѣка, не имѣющаго никакого отношенія къ индійскому правительству и, словомъ, не упомянуваго о деньгахъ.

Лицо у него было припухшее и тупоумное, а мутные глаза сонливо смотрѣли изъ подъ густыхъ бровей. Тарвинъ, привыкшій читать о побужденіяхъ людей запада по ихъ лицамъ, не нашелъ въ этихъ глазахъ ни боязни, ни желанія, а только подавляющее утомленіе. Это былъ потухшій вулканъ, ворчавшій на хорошемъ англійскомъ языкѣ.

Тарвинъ очень любилъ собакъ и страстно желалъ сойтись съ правителемъ государства. Въ качествѣ короля онъ представлялся Тарвину не на мѣстѣ, но какъ любитель собакъ и владѣтель Наулаки, онъ былъ ему болѣе чѣмъ братъ, или братъ любимой особы. Онъ говорилъ краснорѣчиво и хорошо.

— Приходите,—сказалъ Магараджа, съ выраженіемъ истиннаго интереса, вспыхнуваго въ его глазахъ, когда Эстесъ, нѣсколько скандализованый, уводилъ гостя.—Приходите сегодня вечеромъ послѣ обѣда. Вы пріѣхали изъ Новаго Свѣта?

Его величество впослѣдствіи, послѣ вечерняго пріема опиума, безъ котораго ни одинъ раджпутъ не можетъ ни говорить, ни думать, выучилъ привлекательнаго иностранца, разсказывавшаго ему разныя исторіи о бѣлыхъ людяхъ, жившихъ на краю земли,—королевской игрѣ пачизи. Они играли до самой ночи, на вымощенномъ мраморномъ дворѣ, окруженные зелеными ставнями, изъ за

которыхъ Тарвинъ слышалъ, не поворачивая головы, шопотъ подсматривавшихъ женщинъ, и шуршанье шелковыхъ платьевъ. Дворецъ, какъ онъ видѣлъ, былъ полонъ глазъ.

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, онъ увидалъ короля въ концѣ главной улицы, поджидающаго какого то знаменитаго кабана, возвращавшагося въ логовище. Охотничьи законы Гокрама Ритаруна распространялись и на улицы городовъ, окруженныхъ стѣнами, и кабаны беззаботно расхаживали по ночамъ по улицамъ. Кабанъ появился и былъ убитъ на разстояніи ста ярдовъ изъ новаго ружья его величества. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ чисто, и Тарвинъ чистосердечно выразилъ восторгъ. Видѣлъ ли когда-нибудь его величество король, какъ изъ револьвера прострѣливаютъ брошенную монету? Сонные глаза сверкнули дѣтской радостью. Король не видывалъ такой штуки, и монеты у него не было. Тарвинъ высоко бросилъ американскую монету и прострѣлилъ ее, когда она падала обратно. Король просилъ его повторить еще разъ, но Тарвинъ, боясь испортить свою репутацію, положительно отказался повторить это, если только кто-нибудь изъ придворныхъ не попробуетъ подать примѣра.

Королю самому захотѣлось попробовать, и Тарвинъ бросилъ для него монету. Пуля неприятно просвистѣла у самаго уха Тарвина, но монета лежала на травѣ нетронутой. Мѣткость Тарвина правилась ему, какъ бы правилась его собственная мѣткость, и Тарвинъ не намѣревался разочаровывать его въ себѣ.

На слѣдующее утро, онъ совершенно лишился милости короля и, только поговоривъ съ обитателями гостинницы, узналъ, что Ситабгая пришла въ совершенную ярость. Послѣ этого онъ направился къ полковнику Нолану, и своимъ умѣньемъ забавлять людей заставилъ старика такъ хохотать, какъ онъ не хохоталъ съ чина прапощика, рассказывая ему, какъ король дѣлалъ пробы стрѣльбы изъ револьвера. Тарвинъ остался у него завтракать, и въ продолженіи этого утра открылъ, какова истинная политика индійскаго правительства по отношенію къ Гокраму Ритаруну. Правительство намѣревалось поднять это государство, но, такъ какъ Магараджа не хотѣлъ платить за вводимую цивилизацію, то дѣло и подвигалось очень медленно. Рассказъ полковника Нолана о внутренней дворцовой политикѣ, рассказъ весьма осторожный, вовсе не походилъ на сообщеніе миссіонера, а сообщеніе миссіонера не подтверждалось обитателями гостинницы.

Въ сумерки Магараджа прислалъ къ Тарвину верховаго посла, такъ какъ высочайшая милость была возвращена, и звалъ къ себѣ высокаго мужчину, пробивавшаго монеты въ воздухѣ,

разсказывавшаго исторіи и игравшаго въ пачизи. Въ этотъ вечеръ на сценѣ былъ не одинъ пачизи, и его величество король патетически разсказывалъ Тарвину длинную и откровенную исторію о затруднительномъ положеніи, какъ своемъ собственномъ, такъ и его государства, что представило всѣ обстоятельства дѣла съ четвертой, новой стороны. Онъ заключилъ свои жалобы, обращаясь съ непонятнымъ воззваніемъ къ президенту Соединенныхъ Штатовъ, подъ властью котораго находится Тарвинъ, выразилъ и готовность соединиться съ націей, къ которой принадлежалъ Топазь. По многимъ причинамъ Тарвинъ не считалъ время это удобнымъ для переговоровъ о Наулакѣ.

На слѣдующій и въ продолженіи нѣсколькихъ другихъ дней къ дверямъ гостиницы, гдѣ Тарвинъ продолжалъ жить, являлась цѣлая вереница въ радужныхъ цвѣтахъ восточныхъ людей, министровъ двора, съ презрѣніемъ смотрѣвшихъ на кредиторовъ коммерсантовъ, и почтительно представлялась Тарвину, которому они не совѣтовали кому-либо довѣрять, кромѣ нихъ. Каждая беседа заканчивалась словами: «А я вашъ другъ, сэръ», и каждый изъ нихъ обвинялъ своего ближняго во всевозможныхъ преступленіяхъ передъ государствомъ и въ козняхъ противъ индійскаго правительства, какія только могъ изобрѣсти.

Тарвинъ не могъ сообразить, что могло бы это значить. Онъ не считалъ за особенную высочайшую милость играть съ королемъ въ пачизи, а путанницы восточной дипломатіи онъ совсѣмъ не понималъ. Министры же, съ своей стороны, не понимали его. Онъ явился къ нимъ издали, совершенно спокойный, безстрашный, и на сколько они могли видѣть, вполне безкорыстный. Это тѣмъ болѣе давало имъ поводъ думать, что онъ тайный эмиссаръ правительства, планы котораго они не могли понять. Его варварское невѣдѣніе всего касающагося индійскаго правительства только утверждало ихъ въ этомъ мнѣніи. Для нихъ было довольно знать, что онъ ходилъ къ королю потихоньку, запирался съ нимъ по цѣлымъ часамъ, и король выслушивалъ его.

Эти сладкозвучные, нарядные, таинственные незнакомцы утомляли Тарвина и возбуждали въ немъ отвращеніе, и онъ вымещалъ свою досаду на коммерсантахъ, продавая имъ участки своей городской земли и акціи своей компаніи. Желтый господинъ, какъ его лучший другъ и совѣтникъ, получилъ весьма немного акцій на «будущіе прінски». Это было еще до золотой горячки въ Нижнемъ Бенгалѣ, и въ Индіи еще существовала вѣра.

Всѣ эти разговоры перенесли его назадъ, въ Топазь, и заставили его страстно желать хоть словомъ перекинуться съ своими

ювыми соотечественниками, отъ которыхъ онъ совершенно отрёзалъ себя своей таинственной экспедиціей. Въ этой экспедиціи онъ одинъ игралъ роль ради ихъ общей ставки. Онъ отдалъ бы всё рупьи, бывшія у него въ карманѣ, за то только, чтобы взглянуть на «Топазовскую газету», или на «Денверскую». Что дѣлали его пріиски, что дѣлалъ «Моли К^о», «Маскотъ» предметъ спора, что дѣлали «Будущіе Пріиски», которые обѣщали оказаться очень богатыми? Что случилось со всѣми пріисками, съ его друзьями, съ ренчами и со всѣми предпріятіями? И, наконецъ, что случилось съ Колорадо и съ Соединенными Штатами? Тамъ, можетъ быть, вотировали изгнаніе серебра изъ Вашингтона, или обратили, можетъ быть, республику въ монархію?

Отъ тоски онъ спасался только въ домѣ миссіонера, гдѣ говорили о Бангорѣ, Майнѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Къ этому дому, какъ ему было извѣстно, съ каждымъ днемъ приближалась все ближе и ближе дѣвушка, ради которой онъ объѣхалъ половину свѣта.

Черезъ десять дней послѣ его пріѣзда, въ роскошное утро чуднаго желтаго и фіолетоваго цвѣта, онъ былъ разбуженъ тоненькимъ звонкимъ голоскомъ, требовавшимъ на верандѣ немедленнаго появленія новаго англичанина. Магараджа-Кенваръ, наследникъ престола Гокрама Ритаруна, бѣлый, какъ хлопокъ, девятилѣтній мальчикъ, приказалъ своему миниатюрному двору запретъ свою коляску и свезти его къ гостинницѣ.

Подобно своему пресыщенному отцу, ребенку хотѣлось позабыться. Всѣ дворцовыя женщины рассказывали ему, что новый англичанинъ заставилъ отца его смѣяться. Магараджа-Кенваръ говорилъ по англійски гораздо лучше своего отца—говорилъ и по французски—и хотѣлъ показать свои познанія лицамъ, лести которыхъ онъ еще не слыжалъ.

Тарвинъ повиновался этому голосу, потому что это былъ дѣтскій голосъ, и, выйдя, увидалъ, повидимому, пустую коляску и конвой въ десять громаднѣйшихъ солдатъ.

— Какъ ваше здоровье? Comment vous portez vous? Я наследникъ государства. Я Магараджа-Кенваръ и когда-нибудь буду королемъ. Поѣдьте со мной кататься.

Къ нему протянулась маленькая худенькая ручка. Перчатки были ярко красныя шерстяныя, съ зелеными полосками у обшлаговъ, а ребенокъ былъ одѣтъ въ жесткую золотую ткань съ головы до ногъ, на чалмѣ у него красовалась шишка изъ брилліантовъ въ шесть дюймъ вышиной, и крупныя изумруды ниспадали ему до бровей. Изъ-подъ этого сіянія выглядывали черныя глаза, полныя гордости и лишенныя дѣтскаго выраженія.

Тарвинъ послушно сѣлъ въ коляску. Онъ сталъ удивляться, не смотря на то, что не считалъ возможнымъ уже чему-нибудь удивляться.

— Мы поѣдемъ по большой дорогѣ,—сказалъ мальчикъ.—Кто вы такой?—спросилъ онъ, нѣжно положивъ свою руку на кулакъ Тарвина.

— Человѣкъ, милый.

Лицо мальчика изъ подъ чалмы казалось гораздо старше своихъ лѣтъ, такъ какъ дѣти, родившіяся для неограниченной власти, или никогда не знавшія неудовлетворенныхъ желаній и выросшія подъ знойнымъ солнцемъ, зрѣютъ даже скорѣе другихъ дѣтей востока, которые съ дѣтскихъ лѣтъ уже становятся самостоятельными мужчинами.

— Говорятъ, вы пріѣхали сюда, чтобы осматривать страну.

— Это правда,—сказалъ Тарвинъ.

— Когда я буду королемъ, я никому не позволю пріѣзжать сюда, не позволю даже вице-королю.

— Сдѣлайте исключеніе для меня,—смѣясь, замѣтилъ Тарвинъ.

— Вы можете пріѣхать,—подумавъ, сказалъ мальчикъ:—если съумѣете заставить меня смѣяться. Разсмѣшите меня.

— Вамъ этого хочется, мальчуганъ? Хорошо... жилъ былъ... только я не знаю, что можетъ смѣшить здѣшнихъ дѣтей. Я не видалъ, какъ смѣшались мальчиковъ. Фью!—Тарвинъ свистнулъ.— Что это тамъ, мальчуганъ?

Далеко на дорогѣ виднѣлось маленькое облачко пыли. Пыль поднимали быстро повертывавшіяся колеса, ничего не имѣвшія общаго съ колесами мѣстныхъ телѣтъ.

— Я за этимъ-то сюда и пріѣхалъ,—сказалъ Магараджа-Кенваръ.—Она выгѣчитъ меня. Отецъ мой, Магараджа, говоритъ это. Теперь я нездоровъ.—Онъ повелительно обернулся къ любимому груму, сидѣвшему на запяткахъ.—Суръ Сингъ, --по-индусски сказалъ онъ:—какъ это называется, когда я теряю чувства? Я забылъ, какъ это по-англійски?

Грумъ наклонился впередъ.

— Я не помню, богоподобный,—отвѣчалъ онъ.

— Я вспомнилъ!—вдругъ вскричалъ мальчикъ.—М-съ Эстесъ называетъ это припадками. Что это такое припадки?

Тарвинъ положилъ руку на плечо мальчика, не спуская глазъ съ облака пыли.

— Будемъ надѣяться, что она изгѣчитъ васъ отъ нихъ, какіе бы они ни были. Но кто же это она?

— Я не знаю ея фамиліи, но она выгѣчитъ меня. Вотъ видите! Отецъ мой послалъ за нею экипажъ.

Коляска ихъ отъѣхала въ сторону при приближеніи разбитаго, дребезжащаго экипажа, на козлахъ котораго оглушительно трубили въ надтреснувшую трубу.

— Во всякомъ случаѣ, это лучше, чѣмъ тегѣга,—подумалъ Тарвинъ, вставъ въ коляскѣ, потому что онъ началъ задыхаться.

— Молодой человекъ, вы не знаете, кто она? — снова спросилъ онъ.

— Ее прислали,—сказалъ Магараджа-Кенваръ.

— Ее зовутъ Кэтъ,—хрипло проговорилъ Тарвинъ:—и не забывайте этого.—Затѣмъ онъ проговорилъ, про себя, *Кэтъ!*

Мальчикъ сдѣлалъ рукою знакъ своему конвою, который погѣстился по обѣ стороны дороги. Экипажъ остановился, и Кэтъ, разбитая, запыленная, утомленная продолжительнымъ путешествіемъ, и съ покраснѣвшими отъ бессоницы глазами, отдернула занавѣски и вышла на дорогу. Ее усталыя ноги подогнулись бы подъ ней, если бы Тарвинъ, выскочившій изъ коляски, не схватилъ ее, не смотря на присутствіе конвоя, и на устремленные взоры мальчика, одѣтаго въ золото и кричавшаго:

— Кэтъ! Кэтъ!

— Отправляйтесь, мальчикъ, домой,—сказалъ Тарвинъ.—Такъ вѣдь, Кэтъ?

Но Кэтъ при видѣ его смогла только заплакать и проговорить:

— Такъ это вы! вы! вы!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Окончаніе *).

VII.

Мы знаемъ, съ какой тщательностью, своего рода священнымъ страхомъ работалъ Тургеневъ надъ своими произведеніями, сколько усилій стоило ему выпустить въ свѣтъ совершенно отдѣланную работу, какъ легко онъ поддавался совѣтамъ друзей и отзываютъ читателей, самымъ неблагоклоннымъ. Небольшихъ усилій стоило заставить Тургенева снова засѣсть за оконченный уже романъ, снова приняться за исправленія и передѣлки, и эти исправленія нерѣдко бывали на столько существенны и, подъ вліяніемъ излишней мнительности автора,—даже опрометчивы, что Тургеневу приходилось позже сѣтовать на свою покладливость.

Нова писалась и вышла въ свѣтъ при нѣсколькихъ иныхъ условіяхъ. Авторъ, несомнѣнно, чувствовалъ себя достаточно закаленнымъ послѣ непримѣрной войны по поводу каждаго своего романа и даже *Воспоминаній*. Самый организмъ могъ устать отъ безпрестанныхъ волненій, и вѣчная смѣна журнальныхъ воззрѣній и приговоровъ на самомъ дѣлѣ могла внушить Тургеневу болѣе спокойное отношеніе къ этой «тѣни, бѣгущей отъ дыма».

Новый романъ былъ написанъ необыкновенно быстро, какъ «ничто изъ моихъ большихъ произведеній», замѣчаетъ Тургеневъ, «съ плеча». Но эта быстрота окончательной работы свѣдѣтельствовала о продолжительномъ раннемъ процессѣ мысли, сосредоточенномъ на идеѣ романа. Это подтверждаетъ и самъ Тургеневъ. Романъ давно сложился въ головѣ автора,—не наступало только подходящаго момента, чтобы положить на бумагу давно надуманныя мысли и опредѣлившіеся образы.

Но никакія приготовленія не могли спасти Тургенева отъ мучительнаго безпокойства за свой трудъ. Письма, сопровождающія

*) См. «Міръ Божій» № 6, іюнь.

появленіе *Нови*, переполнены нервнымъ чувствомъ невольной боязни. Правда, авторъ спѣшитъ увѣрить себя и своихъ друзей въ полномъ равнодушіи къ мнѣніямъ критики и впечатлѣніямъ публики, — но на самомъ дѣлѣ равнодушія нѣтъ: иначе Тургеневъ не возвращался бы къ тому же вопросу почти въ каждомъ письмѣ, и не предупреждалъ бы Салтыкова на счетъ скромности своихъ ожиданій.

«Не о лаврахъ я мечтаю», писалъ онъ, «а о томъ, чтобы не слишкомъ сильно треснуться фізіономіей въ грязь.—А впрочемъ, будь что будетъ»²⁹⁵).

Такъ думаетъ Тургеневъ, еще переписывая и исправляя романъ. Когда рукопись готова и уже отправлена предварительно на судъ неизмѣннаго перваго читателя—критика новыхъ произведеній Ивана Сергѣевича—Анненкова, авторъ пишетъ:

«Что изъ него вышло—неизвѣстно; намѣренія были хорошія—но каково исполненіе? Все это я теперь скоро узнаю»²⁹⁶).

Мы, конечно, должны ожидать, что Тургеневъ рассчитываетъ на самое худшее. Такова вѣчная психологія нервныхъ мнительныхъ натуръ. И дѣйствительно, немного спустя онъ заявляетъ:

«Никакого нѣтъ сомнѣнія, что если за *Отцовъ и Дѣтей* меня били палками, за *Новъ* меня будутъ лупить бревнами—и точно также съ обѣихъ сторонъ... Думаю, что это все съ меня сойдетъ, какъ съ гуся вода»²⁹⁷).

До появленія романа въ печати Тургеневъ, несомнѣнно, слышалъ многочисленные отзывы. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, какъ эти отзывы отразились на послѣдней редакціи *Нови*. Можемъ указать только на два факта.

Неждановъ, отправляясь въ первый разъ «въ народъ», одѣваетъ мѣщанское платье. Соломину это кажется забавнымъ, молодой дѣятель гнѣвается и быстро обрываетъ сцену:

«Я пойду,—сказалъ онъ,—теперь же; а то это все очень любезно—только слегка на водевилъ съ переодѣваніемъ смахиваетъ».

Послѣднія слова, можно думать, вставлены уже послѣ окончанія романа и вставка вызвана отзывомъ одной дамы, обозвавшей *Новъ* «водевилемъ съ переодѣваніемъ». Авторъ, естественно, шелъ на встрѣчу такому же впечатлѣнію другихъ читателей и рассчитывалъ отразить его собственнымъ замѣчаніемъ. Можетъ быть, также объясняются и неоднократныя шутки Татьяны на счетъ «маскарада», устраиваемаго молодыми «опростѣлыми» героями.

²⁹⁵) *Письма*, 301.

²⁹⁶) *Ив.* 303.

²⁹⁷) *Ив.* 305.

«мръ вождй», № 7, июль.

Другой фактъ, за достовѣрность котораго трудно поручиться,—весьма прискорбнаго свойства. Есть извѣстіе, что уже послѣ напечатанія *Нови* въ *Вѣстникъ Европы* изъ романа было выпущено нѣсколько страницъ и цѣлая глава, описывавшая «хождение въ народъ» Маріанны.

Мы приведемъ буквальные слова лица, слышавшаго рассказъ объ этомъ отъ самого Тургенева.

«Эта Маріанна, какъ женщина, оказалась болѣе способной подойти къ жизни крестьянъ, и возбудила къ себѣ симпатіи и довѣріе мужиковъ. Правда, они сразу догадались, что это барышня, однако толковали съ нею по душѣ»...

Прискорбиѣ всего, что пропущенныя мѣста Тургеневъ не счелъ нужнымъ и даже возможнымъ возстановить ни въ иностранныхъ переводахъ *Нови*, ни въ отдѣльныхъ русскихъ изданіяхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, подобныя сокращенія вредили цѣльности и ясности новаго произведенія, и Тургеневъ самъ указывалъ, что смыслъ *Нови* пострадалъ отъ выпусковъ. Критика и публика, даже и не подозрѣвавшіе факта, получили только новый поводъ недоумѣвать и подчасъ жестоко упрекать автора, а автору приходилось, скрѣпя сердце, расплачиваться за невольный грѣхъ.

Расплата оказалась необыкновенно тягостной. «Я никогда не подвергался такому единодушному порицанію въ журналахъ», пишетъ Тургеневъ, вскорѣ послѣ напечатанія *Нови*. И въ результатѣ мы, конечно, слышимъ старое обѣщаніе больше не писать. Всѣ отзывы о *Нови* онъ считаетъ для себя «дѣломъ прошлымъ», «такъ какъ», увѣряетъ онъ, «я рѣшился болѣе не писать и положить перо, которое служило мнѣ болѣе 30 лѣтъ;—пора въ отставку, къ ветеранамъ»²⁹⁸).

На этотъ разъ настроеніе, дѣйствительно, было рѣшительное, почти безнадежное. Его отмѣчаютъ даже иностранцы, сѣтуя на соотечественниковъ гениальнаго художника за безпощадность нападковъ²⁹⁹).

Но какъ бы нападки ни были рѣзки, сколько бы огорченій онѣ ни причиняли писателю на закатѣ его многотрудной и многострадальной жизни,—романъ, при самомъ хладнокровномъ и снисходительномъ отношеніи, не могъ не вызвать самыхъ страстныхъ сужденій. Мы здѣсь не станемъ разбирать тѣхъ сужденій: общее настроеніе молодой критики мы уже знаемъ послѣ *Отцовъ и Детей*. Мы подойдемъ къ роману съ исторической и психологической

²⁹⁸) *Письма*, 314.

²⁹⁹) Пичъ. *Иностр. критика*. 179.

стороны, совершенно миновавъ личныя страсти и злобы минуты прошлаго.

Все произведеніе будто заранѣе было разсчитано на необыкновенно жгучій интересъ публики. Авторъ, прощаясь съ своей писательской дѣятельностью, представляя читателямъ настоящую личную исповѣдь въ художественной формѣ и открыто высказывалъ свои взгляды на важнѣйшіе наболѣвшіе вопросы современнаго молодого поколѣнія.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ составлялось у Тургенева въ теченіи многихъ лѣтъ. Изъ заграничнаго далека онъ не упускалъ изъ виду ни одного явленія русской жизни и, по исконному своему влеченію, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за нарожденіемъ и развитіемъ новыхъ идейныхъ теченій среди молодежи.

Мы могли по произведеніямъ и нѣкоторымъ чертамъ практической дѣятельности Тургенева видѣть, какое прочное и глубокое сочувствіе лучшіе русскіе люди питали къ народу накануне и послѣ крестьянской реформы. Литература сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ усердно и самоотверженно распространяла въ обществѣ идеи гуманности и человѣческаго достоинства и постепенно воспитала поколѣніе, которое въ эпоху освобожденія сочло своимъ нравственнымъ долгомъ осуществить эти идеи въ жизни, придти на помощь народу на его новомъ трудномъ пути.

Тургеневъ лично поддавался этимъ стремленіямъ и мы видѣли его неоднократныя попытки—отдать свои силы и свой талантъ на просвѣщеніе народа. Именно въ просвѣщеніи, въ народной грамотности Тургеневъ и видѣлъ величайшую цѣль высшихъ культурныхъ сословій. Крестьяне должны прежде всего цивилизоваться, стать культурнымъ классомъ страны. Эта идея, мы знаемъ, была принята единодушно въ кружкѣ Станкевича, здѣсь каждый будущій дѣятель считалъ высокимъ назначеніемъ учить народъ, по просту сдѣлаться учителемъ даже при самыхъ скромныхъ условіяхъ. Подъ влияніемъ юношескихъ стремленій Тургеневъ впоследствии въ первыхъ своихъ романахъ выводитъ учителей и всегда въ идеальномъ свѣтѣ. Перерожденіе Рудина изъ байронствующаго красноречиваго въ положительнаго человѣка сороковыхъ годовъ увѣличивается дѣятельностью въ качествѣ преподавателя гимназіи, восторженнаго наставника и друга подросткаго поколѣнія. Въ *Дворянскомъ нѣздѣ* ту же атмосферу несправедливаго идеализма, равнодушнаго ко всѣмъ превратностямъ жизни, приноситъ на сцену Михалевичъ. Онъ оканчиваетъ свою кипучую жизнь, неизмѣнно преисполненную благороднѣйшихъ стремленій, должностью старшаго надзирателя въ казенномъ заведеніи. Ее

*

авторъ называетъ его «настоящимъ дѣломъ». Михалевица и Рудина «обожаютъ» воспитанники. Эта сердечная связь—единственная награда идеалистамъ...

Очевидно, въ глазахъ Тургенева подобная награда являлась одной изъ самыхъ почетныхъ. Онъ до конца жизни оставался при этомъ убѣжденіи. Интеллигенція—призванный учитель и руководитель народа на одномъ и томъ-же пути общечеловѣческой культуры.

Но требовалась спокойная вдумчивая мысль и не малое самоотверженіе, чтобы ограничиться такой ролью. Крестьянская реформа вызвала преувеличенныя ожиданія, даже у крестьянъ. Среди наиболѣе восторженныхъ образованныхъ юношей, идеалистически мечтавшихъ о новыхъ гражданахъ новаго государства, та же реформа должна была произвести настоящій нравственный и умственный переворотъ...

Тургеневу не требовалось никакихъ выжиданій, чтобы заранѣе рѣшить вопросъ отрицательно. Ему неоднократно приходилось опровергать слишкомъ горячихъ реформаторовъ.

Естественно, такое холодное отношеніе къ пламеннымъ надеждамъ извѣстной части молодежи могло только усилить непопулярность Тургенева. Къ мечтательнымъ юношамъ присоединились даже нѣкоторые «отцы». Относительно этихъ энтузіастовъ насмѣшки Тургенева часто становились рѣзкими, безпощадными.

И онъ былъ правъ. На несбыточную игру воображенія непродуманно уходили лучшія силы и отвлекали ихъ отъ прямого разумнаго дѣла. Если молодежь не могла простить Тургеневу уступокъ Базарова презрѣнной эстетикѣ, еще менѣе она могла позволить писателю насмѣшки надъ героями «молодой Россіи». Для Тургенева эти герои были въ лучшемъ случаѣ достойны состраданія подобно слѣпцамъ и младенцамъ, и онъ, съ обычной искренностью, не скрывалъ своихъ взглядовъ ни въ письмахъ, ни въ личныхъ бесѣдахъ, не побоялся, наконецъ, перенести ихъ и въ свой романъ.

Въ теченіи шестидесятыхъ годовъ Тургеневу приходилось безпрестанно касаться вопроса о народѣ и о роли образованнаго класса среди народа. Положеніе писателя, ознаменовавшаго свое раннее творчество *Записками охотника*, было крайне затруднительно. Интересъ къ народу, въ высшей степени напряженный до реформы, у многихъ литераторовъ послѣ 19-го февраля быстро переродился въ безотчетный восторгъ передъ деревенской жизнью, крестьянскими характерами и воззрѣніями. Возникло лирическое народничество, настроенное на высокой тонъ независимо отъ уро-

ковъ дѣйствительности подѣ влияніемъ однихъ волшебныхъ звуковъ—народъ, деревня, община. Крайнія увлеченія всегда одновременно съ чувствами восторга вызываютъ вражду противъ даже мнимыхъ противниковъ, сколько-нибудь не похожихъ на предметъ фанатическаго поклоненія. Русскіе народники такого противника открыли въ цивилизованной Европѣ, въ Западѣ, т. е. тамъ, гдѣ и старые славянофилы видѣли источники заразы и гнильи.

Народъ освобожденъ, — и горячимъ политикамъ представился вопросъ, какимъ политическимъ путемъ пойдутъ эти новые граждане? Отвѣтъ былъ найденъ *у себя, дома*. Россіи не требуется западно-европейскихъ формъ государственной и общественной жизни. На Западѣ торжествуетъ буржуазія въ ущербъ народу, — въ Россіи народная жизнь создала основу будущаго строя, свободнаго отъ буржуазнаго владычества. Эта основа—крестьянская община, *миръ*. Она должна примирить всѣ противорѣчія, созданныя культурой Запада, и вообще упрочить идеальный порядокъ для народной массы.

Очевидно, Тургеневу приходилось вести тѣ же бесѣды, какія онъ когда-то велъ съ Аксаковыми незадолго до романа *Дворянское имѣндо*. Взгляды Тургенева на крестьянскую жизнь не изменились, онъ также остался прежнихъ убѣжденій и на счетъ Россіи, какъ государства европейскаго.

Противъ Тургенева стояло два противника—такъ называемая «молодая Россія»,—преобразователи изъ самыхъ юныхъ и горячихъ, и его давнишній другъ, когда-то весьма близкій ему по идеямъ, а теперь попавшій въ славянофильскій толкъ.

Главное оружіе Тургенева направлено именно противъ этого друга, въ высшей степени даровитаго публициста и, слѣдовательно, опаснаго для молодой и всякой другой публики.

Прежде всего Тургеневъ, опираясь на свое совершенное знаніе народной жизни, стремился охладить восторги своего друга предъ мужикомъ и доказать опрометчивость его нападокъ на Западъ съ его буржуазнымъ зломъ.

Другъ возлагалъ особенныя надежды на идейную и нравственную отзывчивость крестьянъ,—Тургеневъ возражалъ:

«Народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ *par excellence* и даже носить въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что даже оставитъ за собою всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную

буржуазію въ своихъ письмахъ. Далекое нечего ходить—посмотри на нашихъ купцовъ»³⁰⁰).

Дальше Тургеневъ указывалъ на грозную дилемму, которую неминуемо предстоитъ разрѣшить беззавѣтнымъ поклонникамъ народа. Необходимо, или «низвергаться» предъ нимъ, несмотря на многочисленныя темныя стороны его жизни и характера, воспитанныя многовѣковымъ рабствомъ, или «коверкать его» по теоріи, выработанной вдали отъ дѣйствительности. Придется чуть не одновременно признавать убѣжденія народа «святыми и высокими» и «клеить ихъ несчастными и безумными».

И примѣръ подобнаго совпаденія Тургеневъ здѣсь же и приводилъ изъ брошюры, одного народолоубца.

Ясно, слѣдовательно, народнической энтузіазмъ—непростительное заблужденіе и притомъ гибельное. Оно воспитываетъ безпочвенную національную гордость, укрѣпляетъ варварское чувство самообольщенія и ведетъ къ безчисленнымъ разочарованіямъ, лишь только энтузіазмъ принимается за практическую дѣятельность.

Тургеневъ жестоко упрекаетъ своихъ противниковъ въ совращеніи юнцовъ съ пути здравогомыслія и вдумчиваго отношенія къ фактамъ.

«Наливъ молодыя головы вашей еще не перебродившей социальнo-славянофильской брагой, пускаете ихъ хмѣльными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ споткнуться на первомъ шагу»...³⁰¹).

Рѣчь Тургенева становится особенно энергичной, когда онъ начинаетъ указывать на преднамѣренное пренебреженіе новыхъ реформаторовъ къ самымъ убѣдительнымъ даннымъ «исторіи, фізіологіи, статистики». Эти науки доказываютъ, что русскіе принадлежатъ «по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, *genus europaeum*», слѣдовательно для нихъ не можетъ быть исключительнаго пути культурнаго развитія. Столь же убѣдительныя данныя показываютъ полнѣйшее несходство вкусовъ и идеаловъ крестьянина и его непризаннаго руководителя - славянофила и обожателя всего народнаго. При настоящихъ условіяхъ мужикъ и политикъ-народникъ прямо не поймутъ другъ друга: это два существа двухъ совершенно различныхъ міровъ, и единственное средство объединить ихъ—просвѣщеніе.

Тургеневъ безпрестанно повторяетъ эту мысль. Ему приходится выслушивать весьма рѣзкія укоризны за свою приверженность къ

³⁰⁰) Письмо помѣчено: *Баденъ-Баденъ, 8 октября 1862 г.*

³⁰¹) Письмо помѣчено: *Парижъ, 8 ноября, 1862.*

Европѣ. Онъ отвѣчаетъ спокойно и всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ:

«Не изъ эпикуреизма, не отъ усталости и лѣни я удалился, какъ говоритъ Гоголь, подъ *снѣмъ струй* европейскихъ принциповъ и учреждений. Мнѣ было бы 25 лѣтъ—я бы не поступилъ иначе—не столько для собственной пользы, сколько для пользы народа. Роль *образованнаго* класса въ Россіи быть преподавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать и принимать. Это въ сущности скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ»... ³⁰²⁾.

Въ этой программѣ слышались ясные отголоски стараго западничества Тургенева и тѣхъ самыхъ рѣчей, какими Лаврецкій поражалъ пылкаго канцелярскаго генія—Паншина. Во имя народа Тургеневъ требовалъ цивилизаціи и уваженія къ народной личности, какъ исторической силѣ. Онъ и теперь могъ искренно заговорить о «признаціи народной правды», о «смиреніи предъ нею»,—не въ смыслѣ слѣпаго культа, а неизмѣнно гуманнаго, вдумчиваго отношенія къ вѣковой исторіи народнаго быта и народнаго духа. Всякая ломка, производящая на народъ впечатлѣніе насилія и произвола, казалась Тургеневу одинаково тяжкимъ грѣхомъ и предъ европейской культурой, и предъ народной правдой. Воспитать въ народѣ сознательную потребность гражданственныхъ благъ, изъ стихійной косной массы превратить его въ мыслящее человѣческое общество и достигнуть этого упорнымъ мирнымъ трудомъ, безграничнымъ терпѣніемъ, незамѣтной, мегѣ всего героической работой—таковъ былъ идеалъ Тургенева—и въ то время, когда онъ накануне реформы замышлялъ «Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія», и въ самый разгаръ его борьбы съ новымъ славянофильствомъ и народническимъ идолопоклонствомъ.

Немного позже *Нови* былъ написанъ діалогъ *Чернорабочій и блоручка*. Здѣсь предъ нами роковое взаимное непониманіе различныхъ классовъ общества.

Гдѣ же исходъ?

Отвѣтъ Тургенева ясенъ—просвѣщеніе. Къ такимъ взглядамъ на вопросы современнаго общества Тургеневъ пришелъ задолго до того дня, когда онъ рѣшилъ, наконецъ, написать *Новь*. Взгляды въ общихъ чертахъ опредѣлились очень давно, но частности и преимущественно художественные образы, поясняющіе идею, сложились постепенно. Такъ слѣдуетъ понимать выраженіе Тургенева.

³⁰²⁾ Письмо отъ 8 октября 1862 года.

что идея романа у него «долго вертѣлась въ головѣ». Осуществленіе идеи откладывалось въ теченіе многихъ лѣтъ, авторъ, очевидно, не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ и вдохновенія. Эта невольная отсрочка должна была неизбѣжно приподнять тонъ разсказа, лирическимъ, т.-е. субъективнымъ мѣстамъ романа сообщить особенное воодушевленіе, отмѣтить красными чертами личнородогія автору идеи. *Нови*, слѣдовательно, предстояло раздѣлить участь *Дыма*, явиться сатирой, элегіей, отчасти защитительнымъ словомъ и менѣе всего спокойнымъ эпическимъ отраженіемъ дѣйствительности.

Мы знаемъ, въ чемъ могла состоять основная цѣль Тургенева, когда онъ обдумывалъ героевъ и факты своего будущаго произведенія. Письма шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ указываютъ эту цѣль безошибочно: «хожденіе въ народъ» — трагикомическій фарсъ, стремленіе къ героической преобразовательной роли — преступленіе предъ духомъ и потребностями времени: нужна «мелкая, темная и даже жизненная работа», т.-е. самая будничная и незамѣтная, въ родѣ обученія мужика грамотѣ, основанія больницъ...

Все это — подлинныя рѣчи самого Тургенева, и романъ послужилъ только иллюстраціей къ рѣчамъ.

Въ *Нови* два героя сосредоточиваютъ съ перваго взгляда все наше вниманіе: Неждановъ и Соломинъ. Вотъ они-то и должны будутъ въ лицахъ доказать извѣстный намъ общественно-просвѣтительный символъ Тургенева. Неждановъ долженъ представить банкротство политики «молодой Россіи», Соломинъ — блистательно оправдать «жизненную работу». Для автора, выдержавшаго столько сраженій съ представителями «прогрессивной молодежи» и даже съ нѣкоторыми увлекающимися отцами, важнѣе всего, конечно, было доказать безпочвенность прогресса, какъ его объясняли разные реальные Базаровы. Очевидно, Неждановъ долженъ очутиться въ особыхъ условіяхъ, которыя бы облегчили автору путь и совершенно естественно, въ силу логики событій, подсказали требуемый отвѣтъ на давнишній мучительный вопросъ.

Такъ это и происходитъ.

Нежданову предстоитъ идти въ народъ, тамъ его встрѣтитъ закоренѣлое невѣжество, нужда, равнодушіе къ величайшимъ лишениямъ и, прежде всего, полное отсутствіе внѣшней культуры.

Послѣднее обстоятельство, конечно, краснорѣчивѣе всякой умственной темноты и нравственнаго оупѣвія, можетъ показать страпную пропасть между реформаторами народной жизни и этой самой жизнью. Потомъ, именно внѣшнія условія будничнаго существованія и праздничнаго веселья мужика скорѣе всего могутъ

оттолкнуть просвѣщеннаго горожанина, вызвать у него прямо физическое отвращеніе.

Представьте всѣ эти соображенія въ лицахъ и сценахъ, и вы сравнительно простыми и легкими средствами достигнете крупнаго результата: на большинство читающей публики произведете неотразимое впечатлѣніе, до какой степени бессмысленно съ современнымъ мужикомъ толковать объ общественныхъ дѣлахъ.

Именно такое впечатлѣніе и требуется автору, и онъ совершенно послѣдовательно выбираетъ въ герои «хожденія» юнопу необыкновенно тонкой художественной организаціи, существо почти женственное, до болѣзненности впечатлительное и, въ заключеніе всего, безнадежно заѣдаемое рефлексіей.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните въ судьбу и личность Нежданова, и вы будете поражены откровенностью авторскихъ намѣреній.

Неждановъ—незаконный княжескій сынъ и одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ вліянія наслѣдственности. Онъ отъ природы снабженъ всѣми признаками высшей экзотической культуры, начиная съ внѣшности. Чувство красоты въ немъ развито, какъ у истаго наслѣдника вѣковой эстетики «отповъ»-романтиковъ. Предъ нимъ даже братья Кирсановы въ этомъ отношеніи созданія первобытныя и малоодаренныя. Тѣ только восхищаются произведеніями чужого поэтического генія,—Неждановъ самъ поэтъ и притомъ настоящій, чувствующій по временамъ непреодолимую потребность излить свои ощущенія и думы въ стихахъ. У него хранится заветная тетрадка, дневникъ, исторія сильнѣйшихъ моментовъ его жизни. У него, кромѣ того, есть другъ, повѣренный всѣхъ его тайнъ, «замѣчательно чистой души», Владиміръ Силянъ. Къ нему Неждановъ постоянно пишетъ письма, знаменуя ими важныя событія своего внѣшняго и внутренняго міра. Эти письма—другой дневникъ, другой рядъ сердечныхъ изліяній...

Развѣ все это не напоминаетъ нѣчто институтское, немислимое безъ стихотворнаго альбома и идеальной дружбы? Развѣ этотъ юноша съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица и другими признаками «породы»—не герой какой-нибудь романтической идилліи, не прямой духовный потомокъ поколѣнія, много раньше осужденнаго авторомъ на немощное угасаніе среди новой реальной и органически-сильной жизни?

Теперь тотъ же авторъ вызываетъ изъ «царства мертвыхъ» юный образъ исключительно за тѣмъ, чтобы изобразить предъ нами давно извѣстную агонію—физическую и нравственную, точнѣе, чтобы рассказать жизнь, сплошь состоящую изъ одной агоніи.

Если бы Неждановъ родился при вполне благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. отъ родителей въ бракѣ, его біографія врядъ ли отличалась бы чѣмъ отъ тысячи другихъ біографій. Самое существенное отличіе состояло бы, вѣроятно, въ поэтическихъ занятіяхъ Нежданова. Воспитавшись въ аристократической обстановкѣ, на лонѣ «высшей культуры», ежедневно вдыхая воздухъ романтизма и эстетики, — онъ, конечно, не считалъ бы своимъ нравственнымъ долгомъ скрывать свои стихотворческія упражненія. Они нисколько не нарушили бы общаго тона его существованія. Напротивъ, онъ могъ бы прослыть даже семейнымъ или салоннымъ гениемъ, и плоды его музы красовались бы не въ одномъ раздушенномъ альбомѣ мечтательной свѣтской красавицы.

Но злосчастная судьба все устроила по-свѣдому. Неждановъ — незаконный сынъ и его даже не ожидали на свѣтъ божій. Прирожденный аристократъ, слѣдовательно, роковымъ образомъ очутился среди паріевъ, жертвой общественныхъ предразсудковъ и юридическихъ ограниченій. Драма въ высшей степени простая и безчисленное число разъ вдохновлявшая гуманныхъ поэтовъ и публицистовъ.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ существовалъ особый жанръ сценическихъ произведеній, посвященныхъ «незаконнымъ дѣтямъ». *Le Fils Naturel* — такой же обычный герой просвѣтительной эпохи, какъ «добрый сеньеръ», «крестьянинъ философъ», «почтенный буржуа». Естественно, незаконныя дѣти постоянно являлись дѣтьми отцовъ изъ высшихъ сословій, и для авторовъ служили краснорѣчивѣйшими застрѣльщиками въ борьбѣ противъ общественнаго неравенства, жестокихъ законовъ, обычаевъ и предразсудковъ. Въ видѣ примѣра, можно припомнить блестящія рѣчи героя Дидро въ знаменитой когда-то драмѣ *Le Fils Naturel*. Въ этихъ монологахъ изображены подробно ишненія и обиды, какія выпадаютъ на долю несчастнымъ отверженцамъ. Въ общихъ чертахъ Дидро написалъ превосходную біографію всѣхъ незаконныхъ дѣтей какой бы то ни было эпохи, въ томъ числѣ и нашего Нежданова. Разница только въ содержаніи протеста. Герой энциклопедиста ратовалъ за просвѣтительныя идеи своей эпохи, присоединялъ свой голосъ къ голосамъ Вольтера и его сподвижниковъ, а Неждановъ засталъ крайній протестъ своихъ сверстниковъ въ формѣ нигилизма, и немедленно постарался пристать къ нимъ, свою аристократическую натуру вдвинуть въ рамки базаровскаго типа.

Этотъ процессъ *нравственной и внѣшней передѣлки* собственной жизни и личности мы должны прежде всего имѣть въ виду относительно Нежданова. Это — процессъ насильственный, предна-

нѣреннѣй, мучительнѣй, потому что природа всегда сильнѣе всякихъ униженій даже самой сильной воли, — не только неждановской, — дряблой и пугливой воли аристократическаго тепличнаго дѣтища.

Неждановъ попалъ въ нигилисты въ силу случайнаго стеченія обстоятельствъ, исторія его нигилизма — исторія незаконнаго сына на почвѣ русскихъ шестидесятыхъ годовъ.

Почему же Неждановъ сошелся съ нигилистами, а не иначе какъ сталъ мстить людской неправдѣ, — это дѣло автора, и здѣсь еще ничего нѣтъ невѣроятнаго и явно тенденціознаго. Неждановъ могъ самымъ обыкновеннымъ путемъ превратиться въ нигилиста, но преднамѣренный расчетъ автора въ томъ, что именно *на такомъ нигилистѣ* доказывается общее положеніе, именно Неждановъ долженъ посрамить молодыхъ защитниковъ извѣстнаго политическаго идеала.

До какой степени искусственно построенъ этотъ планъ посраженія, особенно ясно станетъ, если Нежданова сопоставить съ Базаровымъ.

Мы указывали, какъ органически выросли и послѣдовательно развились отрицательныя идеи Базарова. Сила художественнаго созданія и общественное значеніе типа заключалось въ его цѣлности, природной мощи. Базаровъ *не могъ не быть нигилистомъ* по своей натурѣ, по условіямъ всей своей жизни, по ходу своего духовнаго развитія и по многочисленнымъ вліяніямъ своей эпохи. Самыя заблужденія Базарова — логическія слѣдствія основной жизненной идеи, воплощаемой его личностью. Базаровъ — стихія, оригинальная и независимая отъ начала до конца, никому и ничему не подражающая и уступающая только вѣчнымъ законамъ чело-вѣческой природы и исторіи.

Неждановъ рядомъ съ Базаровымъ то же самое, что сценическая декорация гѣса предъ настоящимъ гѣсомъ. У Нежданова все чужое, кромѣ оскорбленнаго самолюбія, кромѣ неизбывныхъ страданій за свое происхожденіе, стыда за свой неудавшійся аристократизмъ. Онъ болѣзненно чутокъ ко всякому намеку на его «исторію». Это нѣчто «горькое», по выраженію автора, «что онъ всегда носилъ, всегда ощущалъ на днѣ души». Настоящій нигилистъ, Базаровъ, подобныя ощущенія съ глубочайшимъ презрѣніемъ обозвалъ бы романтизмомъ и насчетъ нервной системы повторилъ бы о Неждановѣ рѣчь, сказанную о братьяхъ Кирсановыхъ, «старенькихъ романтикахъ». А для Нежданова мнѣніе перваго встрѣчнаго флигель-адъютанта — источникъ драмы; даже голосъ его начинаетъ звучать «глухо».

Легко представить, какимъ неудобноносимымъ бременемъ окажется для него нигилизмъ.

Прежде всего, по нигилистическому уставу, Неждановъ. долженъ отвергать эстетику. Мы знаемъ, чего это стоило даже Базарову—его подражатель прямо изнемогаетъ въ сущности на первой только ступени нигилизма. Первобытному Остроумову легко презирать эстетику, по крайней мѣрѣ, въ формѣ статей или стиховъ. Для Нежданова это своего рода гамлетовскій вопросъ и разрѣшаетъ онъ его столь же безславно, какъ и датскій принцъ мститъ за смерть отца. Украдкой пишутся стихи, легѣтся драгоцѣнная тетрадка, а на публикѣ—суровое лицо по поводу даже намековъ на «литературную жилку», негодованіе на отца, что тотъ пустилъ будущаго нигилиста по «эстетикѣ». Но нигилистъ во всемъ долженъ враждовать съ изяществомъ и красотой, и—вотъ судьба Нежданова:

«Опрятный до щепетильности, брезгливый до гадливости, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и то же время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей, и своего цѣломудрія, и считалъ долгомъ смѣяться надъ идеалами».

Неждановъ, слѣдовательно, нарядился въ маскарадное платье и устроилъ пзъ своей жизни «водевиль съ переодѣваніемъ» гораздо раньше своего «хожденія въ народъ». Но несчастье не въ маскарадѣ собственно: есть много лицедѣевъ по натурѣ, и имъ тѣмъ легче чувствуется, чѣмъ искусственнѣе и эффектиѣ ихъ представленія. Но Неждановъ отъ природы человекъ правдивый, искренній, даже наивно-непосредственный. Актерскій нарядъ, все равно изъ какой угодно пьесы, для него жестокое испытаніе. Въ то время, когда для другихъ истинное удовольствіе и даже потребность—притворяться и парадировать въ чужой шкурѣ, для Нежданова всякая ложь, недомолвка, передержка—личное оскорбленіе. Онъ—самый поучительный примѣръ для пословицы «не въ свои сани не садись»: болѣе трагической расплаты за «чужія сани» трудно и представить, чѣмъ участь Нежданова.

Противъ врожденныхъ влечевій иной разъ можно вести борьбу съ великой рѣшительностью и даже наслажденіемъ, если есть сознаніе нравственной необходимости и разумной цѣлесообразности этой борьбы. Тогда борецъ становится героемъ принципа, рыцаремъ убѣжденій. Геній есть трудъ, любилъ говорить Гёте, а трудъ, создающій геніальную работу,—ничто иное, какъ неустанная дисциплина личныхъ силъ ради идеальной цѣли. И Неждановъ могъ бы попасть въ число этихъ настоящихъ героевъ идеи, если бы нигилизмъ для него составлялъ признанную высокую цѣль умственной и практической дѣятельности, если бы «отрицаніе эстетики» и

«хождение въ народъ» являлись для него неизбежными основами будущаго общественнаго строя.

Но ничего подобнаго нѣтъ. Неждановъ *не открытъ и не можетъ открытъ* ни въ разумность отрицанія эстетики, ни въ плодотворность революціонныхъ предпріятій. Почему не вѣрить?

Прежде всего, конечно, потому, что оба символа стихійно враждебны его натурѣ, а у него, какъ слабонервнаго романтика, нѣтъ достаточно нравственной силы—во что бы то ни стало пойти противъ своихъ аристократическихъ вкусовъ, а потомъ—все та же причина: автору требуется невѣрующій нигилистъ-дѣятель,—и, по его мнѣнію, всякій искренній, разумный юноша только подъ влияніемъ приводящихъ обстоятельствъ, внѣшнихъ вліяній, несчастныхъ случайностей можетъ исповѣдовать эти символы, отнюдь не сливаясь съ ними всѣмъ своимъ нравственнымъ міромъ. Неждановъ именно искренній, разумный, эстетически и нравственно чуткій юноша, слѣдовательно, глубоко симпатичный автору, и онъ осужденъ на жесточайшую драму, какую только можно представить въ человѣческой жизни: защищать и даже приносить жертвы—дѣлу, не внушающему ему ни вѣры, ни одушевленія.

Авторъ, весьма тщательно отбѣняя противорѣчія въ противозастетическихъ усиліяхъ Нежданова, еще тщательнѣе подчеркиваетъ отсутствіе принципиальности въ его нигилизмѣ, недостатокъ вѣры на каждомъ шагу, гдѣ требуется оправдывать нигилизмъ на дѣлѣ.

Это невѣріе охватываетъ рѣшительно все, сколько-нибудь касающееся главной тяготы—нигилистическаго направленія. Оно простирается даже на любовь Нежданова къ Маріаннѣ, потому что любовь возникла на почвѣ общаго сочувствія революціонной пропагандѣ.

«Во имя дѣла? Да, во имя дѣла?» твердитъ Неждановъ, размышляя о сближеніи съ Маріанной.

И эти слова оказались роковыми, они значили: «во имя того, во что я не вѣрю, что для меня не существуетъ, къ чему я привязалъ себя насильственно»... Во что же должна превратиться любовь, заключенная во имя призрака, въ лучшемъ случаѣ искусственнаго самовнушенія?..

Авторъ необыкновенно ясно рассказываетъ всѣ эти нравственныя тревоженія.

«Онъ вдругъ вообразилъ, что его призваніе—въ дѣлѣ пропаганды—дѣйствовать не живымъ, устнымъ словомъ, а письменнымъ; но задуманныя имъ брошюры не клеились. Все, что онъ пытался выводить на бумагѣ, производило на него самого впечатлѣніе чего-то фальшиваго, ватяпутаго, невѣрнаго въ тонѣ, въ

языкъ, и онъ раза два—о, ужасъ!—невольнo сворачивалъ на стихи или на скептическія личныя изліянія»...

Таково положеніе Нежданова послѣ неудачныхъ попытокъ даже сблизиться съ мужиками...

Далѣе еще болѣе краснорѣчивое изліяніе.

Неждановъ послѣ знакомства съ Соломинымъ, Маркеловымъ, Голушкинымъ, слѣдовательно, самыми разнообразными типами нигилистическаго толка, погружается въ раздумье:

«Странное было состояніе его души. Въ послѣдніе два дня сколько новыхъ ощущеній, новыхъ лицъ... Онъ въ первый разъ въ жизни сошелся съ дѣвушкой, которую по всей вѣроятности—полюбилъ; онъ присутствовалъ при начинаніяхъ дѣла, которому по всей вѣроятности посвятилъ всѣ свои силы. И что же?—Радовался онъ?—Нѣтъ.—Колебался онъ? Трусилъ? Смущался?—О, конечно, нѣтъ. Такъ чувствовалъ ли по крайней мѣрѣ то напряженіе всего мужества, которое вызывается близостью борьбы?—Тоже нѣтъ. Да вѣрить ли онъ, наконецъ, въ это дѣло? Вѣрить ли онъ въ свою любовь?—О, эстетикъ проклятый! Скептикъ! беззвучно шептали его губы.—Отчего эта усталость, это нежеланіе даже говорить, какъ только онъ не кричитъ и не бѣснуется?—Какой внутренній голосъ желаетъ онъ заглушить въ себѣ этимъ крикомъ?..»

Размышленія прерываются такимъ восклицаніемъ:

«О, Гамлетъ, Гамлетъ, датскій принцъ, какъ выйти изъ твоей тѣни? Какъ перестать подражать тебѣ во всемъ, даже въ позорномъ наслажденіи самобичеванія?».

Намъ, кажется, Нежданову не стоило такъ далеко искать своего первообраза, и Паклинъ, появляющійся именно въ эту минуту, будто Мефистофель къ Фаусту, вмѣсто своего восклицанія:

«Алексисъ! Другъ! російскій Гамлетъ!»—

могъ воспользоваться другимъ, несравненно болѣе точнымъ и совершенно русскимъ:

«Алексѣй! Другъ! тургеневскій Рудинъ!»

Рудинъ—первой части романа, не эпилога:—и Паклинъ оказалъ бы большую услугу своему пріятелю. Ему слѣдовало бы только сдѣлать одну оговорку: «Я тебя, Алексѣй, считаю человѣкомъ честнымъ и прямымъ и не причисляю къ сонмищу байронствующихъ россиянъ». А все остальное самъ Неждановъ воспроизведетъ въ своемъ романѣ, повторить и въ мысляхъ, и въ дѣйствіяхъ рудинскую исторію.

Припомните одно изъ разсужденій Пигасова на счетъ особой человѣческой породы. «Куцыми бывають люди, говоритъ онъ, и

отъ рожденія, и по собственной волѣ. Купчимъ плохо: имъ ничего не удается—они не имѣютъ самоувѣренности».

За этимъ разсужденіемъ слѣдуетъ вспышка Волынцева, направленная противъ Рудина. Герой не посмѣлъ дать отпоръ, и—

«Эге! да и ты куцъ!» подумалъ Пигасовъ.

Въ одномъ изъ писемъ къ Владиміру Силину Неждановъ рассказываетъ свое трагическое положеніе незадолго до самоубійства и прибавляетъ замѣчательныя слова:

«Куда ни кинь, все клинь! Окургузила меня жизнь, мой Владиміръ»...

Это отнюдь не случайное совпаденіе: кургузый и куцый—это Неждановъ-нигилистъ и Рудинъ-гегельянецъ.

Яснѣ всего это духовное родство обнаруживается въ романтическихъ исторіяхъ обоихъ героевъ.

Намъ раньше приходилось рѣшать вопросъ, любить ли Рудинъ Наташу и указывать, что самъ герой менѣе всего знаетъ объ этомъ.

Не то же ли самое и съ Неждановымъ? Вы обратили вниманіе на его удивительную мысль: «сошелся съ дѣвушкой, которую—по всей вѣроятности—полюбилъ?» Это—*по всей вѣроятности*—стоитъ цѣлаго психологическаго разсужденія. А потомъ усиліе Нежданова убѣдить себя, что Маріанну онъ полюбилъ дѣйствительно «во имя дѣла! да, во имя дѣла!»—и это немедленно послѣ перваго объясненія... Развѣ предъ нами не рудинское: «Я счастливъ! да, я счастливъ», и замѣчаніе автора: «повторилъ онъ, какъ бы желая убѣдить самого себя», цѣликомъ можно отнести къ рѣчи и настроенію Нежданова.

Дальше—вопросъ поднимается о побѣгѣ, и побѣгъ предлагаетъ Маріанна, какъ Наташа—Рудину. Неждановъ восхищенъ и готовъ «на край свѣта» за героиней. Но эта готовность весьма подозрительнаго свойства:

Неждановъ много моложе Рудина, а у Маріанны нѣтъ мамыши—свѣтской энергичной дамы. Обстоятельства для перваго восторга, слѣдовательно, благоприятны, но за-то и раскаяніе тяжеле, чѣмъ у Рудина. Тотъ, вѣроятно, не особенно тосковалъ послѣ разлуки съ Наташей, а Неждановъ не знаетъ куда дѣваться отъ сомнѣній послѣ рѣшенія бѣжать. Предостереженіе Соломина, что молодой герой «долженъ беречь эту дѣвушку», приводитъ его въ отчаяніе:

«Неждановъ постоялъ немного посреди комнаты и, прошептавъ: «ахъ! лучше не думать!», бросился лицомъ въ постель...»

Но больнѣе всего достается Нежданову отъ самой Маріанны. Она инстинктивно чувствуетъ его «болѣзнь», понимаетъ, что за Гамлетъ передъ ней, и нѣсколько ея простыхъ словъ уничтожаютъ его.

Послѣ побѣга, на фабрикѣ у Соломина происходитъ слѣдующая сцена, изумительная по художественной силѣ и психологической правдѣ. Будто видишь предъ глазами двухъ собесѣдниковъ, улавливаешь выраженія ихъ лицъ, движенія, слышишь едва замѣтные, но полные смысла отгѣнки ихъ голосовъ.

Сначала бесѣда идетъ о безразличныхъ предметахъ, идетъ, ради разговора, Маріанна очень оживлена, Неждановъ, напротивъ, говоритъ вяло, прерывая рѣчь, впадаетъ въ задумчивость. Маріаннѣ приходится нарушать молчаніе.

«— Алеша!—промолвила она.

«— Что?

«— Мнѣ кажется, намъ обоимъ немножко неловко. Молодые—*des nouveaux mariés*,—пояснила она,—въ первый день своего брачнаго путешествія должны чувствовать нѣчто подобное. Они счастливы... имъ очень хорошо—и немножко неловко.

«Неждановъ улыбнулся принужденной улыбкой.

«— Ты очень хорошо знаешь, Маріанна, что мы не молодые въ твоемъ смыслѣ.

«Маріанна поднялась съ своего мѣста и стала прямо передъ Неждановымъ.

«— Это отъ тебя зависитъ.

«— Какъ?

«— Алеша, ты знаешь, что когда ты мнѣ скажешь, какъ честный человѣкъ—а я тебѣ вѣрю, потому что ты точно честный человѣкъ,—когда ты мнѣ скажешь, что ты меня любишь той любовью, которая даетъ право на жизнь другого, когда ты мнѣ это скажешь—я твоя.

«Неждановъ покраснѣлъ и отвернулся немного.

«— Да, тогда! Но вѣдь ты самъ видишь, ты мнѣ теперь этого не говоришь... О, да! Алеша, ты точно, честный человѣкъ. Ну, и давай толковать о вещахъ болѣе серьезныхъ.

«— Но вѣдь я люблю тебя, Маріанна!

«— Я въ этомъ не сомнѣваюсь... и буду ждать».

Чего же?—спросите вы, разъ любовь уже есть, а вѣдь только о любви и говоритъ Маріанна. Любовь—но столь же мало похожая на сильное, цѣльное чувство, какъ Неждановъ въ мѣщанскомъ кафтанѣ на народнаго вожака, какъ философствующій Рудинъ на человѣка сороковыхъ годовъ. И оба героя въ минуты искренности признаются, что не стоятъ увлеченныхъ ими дѣвушекъ.

«Она стоитъ не такой любви, какую я къ ней чувствовалъ»,—говоритъ Рудинъ о Наташѣ.

То же и Неждановъ:

«— О, Маріанна,—шепнулъ онъ,—я тебя не стѣю!»

Такія же слова и наканунѣ смерти.

И въ этой самой смерти сколько опять рудинскаго!

Неждановъ еще до «хожденія въ народъ» доказалъ свою способность растеряться въ критическій моментъ. Маркеловъ его оскорбилъ еще больше, чѣмъ Волинцевъ Рудина, и онъ не отвѣчалъ на обиду, какъ настоящий «кургузый». Въ обоихъ случаяхъ мотивъ обиды—любовь къ дѣвушкамъ, и отвѣтъ былъ бы защитой этой любви. Но какъ защищать какое бы то ни было чувство, когда нѣтъ настоящей воли жить дорогой идеей или слѣпой страстью? Неждановъ молчаливо разрѣшаетъ этотъ вопросъ скрѣ Рудина, но въ томъ же направленіи до буквального сходства

Въ его письмѣ къ Силину находится будто намѣренное объясненіе рудинской трагедіи:

«Право, мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—что если бы гдѣ-нибудь теперь происходила народная война, я бы отправился туда не для того, чтобы освободить кого бы то ни было, но чтобы покончить съ собою...»

Но немного раньше Неждановъ находитъ, что смерть при такихъ условіяхъ—«какое-то сложное самоубійство», и предпочитаетъ *просто* покончить съ собой: «по крайней мѣрѣ, буду знать, когда и какъ, и самъ выберу, въ какое мѣсто выпалить».

Ждать пришлось недолго. Неждановъ умеръ, заявляя въ предсмертномъ письмѣ, что онъ не вѣрилъ «въ дѣло» и что его жизнь была «ложью».

Ложь—здѣсь неумѣстное понятіе. Неждановъ отъ начала до конца былъ правдивымъ человѣкомъ. Правдивость вызвала у него самопризнанія, которыя мы можемъ принять за истинное изображеніе его личности и судьбы.

Этихъ самопризнаній множество. Недаромъ Неждановъ велъ поэтический альбомъ и дружескую переписку.

Еще до «хожденія въ народъ» онъ разсуждаетъ:

«Если ты рефлектеръ и меланхоликъ,—ты пиши, стихи, да книги, да возись съ собственными мыслишками и ощущеньцами, да копайся въ разныхъ непрактическихъ соображеніяхъ и тонкостяхъ, а главное — не принимай твоихъ болѣзненныхъ нервическихъ раздраженій и капризовъ за мужественное негодованіе, за честную злобу убѣжденнаго человѣка»...

Нервнымъ людямъ, особенно неудачникамъ свойственно громить самихъ себя жестокими укоризнами, часто несправедливыми и преувеличенными. Но слова Нежданова соответствуютъ дѣйствитель-

ности, потому что его устами самъ авторъ излагаетъ его психологію и характеризуетъ его практическое положеніе...

Эти характеристики становятся тѣмъ внушительнѣе, чѣмъ ближе сталкивается съ жизнью нигилизмъ Нежданова. Тогда, какъ бы унижительно ни было самообличеніе юнаго героя, оно всецѣло опирается на факты, иногда даже отстаетъ отъ нихъ. Напримеръ, послѣ перваго опыта Неждановъ говоритъ о себѣ:

«Охъ, трудно, трудно эстетику соприкасаться съ дѣйствительной жизнью!»

Это слишкомъ много послѣ трагикомическихъ приключеній съ мужиками. Но правда беретъ свое. Дыханіе смерти уже начинается вѣять надъ Неждановымъ. «Онъ хотѣлъ умереть, онъ зналъ, что умереть скоро».

«Хожденіе» повторяется и исповѣдь Нежданова становится все искреннѣе и страстнѣе, переходитъ минутами въ крикъ отчаянія.

Послѣ двухнедѣльнаго опыта онъ пишетъ Силину:

«О, какъ я прокливаю эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость, все это наслѣдіе моего аристократическаго отца! Какое право имѣлъ онъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые несвойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу — да и пихнулъ ее въ воду? Эстетика да въ грязь! Демократа, народолюбца, въ которомъ одинъ запахъ этой поганой водки — «зеленá вина» — возбуждаетъ тошноту, чуть не рвоту?»...

Драгоцннѣйшія слова, — и не потому, что они превосходно изображаютъ неждановскую драму, а потому, что они — лучшая критика на самый романъ. Неждановъ сколько угодно можетъ обижаться на своего естественнаго отца, но главнѣйшая вина: толкнуть птицу въ воду — лежитъ не на совѣсти отца. Напротивъ, князь менѣе всего посовѣтовалъ бы своему даже незаконному сыну превратиться въ нигилиста, онъ даже существенно облегчилъ для него борьбу за существованіе капиталомъ въ 6.000 руб., не то, что судьба Базарова, — «пустилъ его по эстетикѣ» съ явнымъ намѣреніемъ создать полную гармонію практической дѣятельности сына съ его природными наклонностями. Гармонію эту разрушилъ самъ Неждановъ въ союзѣ съ авторомъ. Идеальный отецъ Нежданова несравненно больше естественнаго виноватъ во всѣхъ противорѣчіяхъ его судьбы.

Авторъ романа взялъ нервнаго аристократа, романтическаго эстетика, брезгливаго барина и стихотворца — и произвелъ надъ нимъ убійственный опытъ: «толкнулъ» его въ царство стихій,

безпощадно уничтожающихъ и барство, и эстетику, и романтизмъ. Птица брошенная въ воду... Мы должны быть глубоко благодарны автору, съ обычнымъ художественнымъ талантомъ давшему намъ изумительно-вѣрный образъ, живую иллюстрацію къ своему роману. Всѣ психологическія изслѣдованія могутъ придти только къ такому результату.

Но—спросите вы—что же любопытнаго рассказывать и слушать о птицѣ, попавшей въ воду? Заранѣе вѣдь извѣстно, чѣмъ окончится это приключеніе. Птица нѣкоторое время будетъ бороться, трепетать крыльями, въ минуты отдыха изображать изъ себя мокрую курицу, а потомъ все-таки выбьется изъ силъ и утонетъ. Всѣ эти моменты съ великой точностью и полнотой воспроизводитъ біографія Нежданова, и будь поставлено его призваніе Силину эпиграфомъ къ роману, а не заключеніемъ, многие, можетъ быть, не признали бы нужнымъ ломать копыя изъ-за смысла новаго произведенія гениальнаго художника.

Онъ, конечно, воленъ выбирать какихъ угодно героевъ и ставить ихъ въ какія угодно условія, разъ его вымыселъ не противорѣчитъ вѣроятному и возможному. Но онъ обязанъ точно и справедливо опредѣлить предѣлы, въ которыхъ заключенъ *внутренній смыслъ* его произведенія. Въ логикѣ, и вообще по правиламъ здраваго разсужденія считается элементарнѣйшей ошибкой дѣлать заключеніе per epimereationem simplicem, т. е. на основаніи извѣстныхъ единичныхъ фактовъ составлять общее понятіе. Еще, конечно, грубѣе ошибка придавать *общее значеніе* одному, хотя бы и очень краснорѣчивому факту.

А именно такое впечатлѣніе создаетъ *Новъ*. Темой романа послужилъ въ сущности анекдотическій случай съ милымъ барченкомъ, въ силу оскорбленнаго самолюбія и разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ попавшимъ въ нигилисты. Если въ чемъ и можетъ убѣдить насъ подобное приключеніе, то въ единственной истинѣ: аристократическіе потомки «старенькихъ романтиковъ» съ развитыми нервами совершенно не годятся въ послѣдователи направленія, именуемаго нигилизмомъ. Но стоило ли вообще доказывать эту истину? Намъ, напримѣръ, показался бы совершенно безплоднымъ замыселъ — писать романъ на тему слѣдующаго происшествія. Базаровъ, положимъ, подъ вліяніемъ безумной страсти къ какой-нибудь салонной барышнѣ (судьба, вѣдь, иногда забавляется и не такими комбинаціями противоположностей), задумалъ превратиться въ изящнаго кавалера, льстиваго донжуана, вообще рыцаря печальнаго образа. И вотъ авторъ намѣренъ изобразить намъ его неудачи на этомъ поприщѣ. При гро-

мадною талантѣ, конечно, можно представить не мало любопытныхъ подробностей, даже болѣе забавныхъ, чѣмъ «маскарадъ» Нежданова, но только всѣ эти красоты такъ и останутся матеріаломъ для интереснаго чтенія. *Общественной идеи* такой романъ не выяснитъ. Развѣ только мы лишній разъ можемъ вспомнить старый мотивъ о неограниченной власти любовнаго чувства надъ смертными, а по поводу Нежданова—о широкомъ въ свое время распространеніи идей, увлекавшихъ подчасъ даже эстетиковъ и аристократовъ.

Но самъ авторъ далекъ отъ такого скромнаго представленія о смыслѣ своего произведенія. Въ лицѣ Нежданова развѣчивается извѣстный *принципъ, политическое направленіе*. Личная непригодность героя для принципа, въ глазахъ автора, отступаетъ на задній планъ предъ идейной несостоятельностью самого принципа, и чтобы окончательно установить именно это положеніе, авторъ дѣятельность Нежданова обставляетъ эпизодами и личностями, въ конецъ добивающими политическій символъ главнаго героя.

Рядомъ съ Неждановымъ—Маркеловъ, гдѣ-то въ пространствѣ витающій Кисляковъ и таинственный незнакомецъ, заправила и гварьеръ—Василій Николаевичъ. И всѣ эти лица существуютъ за тѣмъ, чтобы закрѣпить въ читателѣ одно и то же впечатлѣніе. О Кисляковѣ нечего и говорить: это прямо арлекинъ изъ фарса. О Василии Николаевичѣ отзываются такъ: «приземистый, грузный, чернявый... Лицо скуластое, калмыцкое... грубое лицо. Только глаза очень живые»... «да не столько говоритъ, сколько командуетъ».

«Отчего же онъ сдѣлался головою?»—спрашиваетъ изумленная такимъ отзывомъ Маріанна.

«— А съ характеромъ человекъ. Ни передъ чѣмъ не отступитъ. Если нужно—убьетъ. Ну—его и боятся».

Невольно припоминается Губаревъ изъ *Дыма*. О немъ Потугинъ говоритъ почти буквально то же самое, что мы слышали сейчасъ о Василии Николаевичѣ:

«У него много воли-съ... Г-нъ Губаревъ захотѣлъ быть начальникомъ и всѣ его начальникомъ признали... Видятъ люди, — большого мнѣнія о себѣ человекъ, вѣритъ въ себя, приказываетъ, — главное приказываетъ; стало быть, онъ правъ, и слушаться его надо».

Въ *Дымѣ* изображена и сама молодежь въ соответствующемъ свѣтѣ. Вообще, мы уже замѣтили, краски въ этомъ романѣ необычайно густы и смѣлы. Въ *Нови*—тона изящнѣе, сдержаннѣе, — Василий Николаевичъ все-таки не такой пошлякъ и тупица, какъ

Губаревъ, и Неждановъ гораздо выше и симпатичнѣе Ворошилова. Но впечатлѣніе по существу одинаковое.

Остается Маркеловъ. Онъ не требуетъ никакихъ поясненій: личность простая, даже первобытная, неудачникъ чистой крови, идеалистъ мужицкаго царства до фанатизма. Изъ этихъ данныхъ и складывается его нигилизмъ—наивный до полной слѣпоты, стремительный до отчаянія, вѣрующій до удивленія. Маркеловъ не страдаетъ рефлексіей, подобно Нежданову, но и для него нигилизмъ своего рода опьяняющій напитокъ въ минуты личнаго горя. Несчастная любовь какъ-то весьма кстати переплетается у него съ рѣшительными дѣйствіями, «душевная усталость» овладѣваетъ имъ послѣ отказа Маріанны и наканунѣ заключительной пропаганды, и весьма умѣстно въ это же время Маріанна говоритъ о немъ:

«— Несчастный онъ человекъ, неудачливый!..»

Очевидно, такой же, какъ и Неждановъ.

Соберите всѣ эти черты, и онѣ поразятъ васъ изумительно-рѣзкой гармоніей красокъ и не оставятъ въ васъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ авторскихъ намѣреній.

Къ этимъ намѣреніямъ можно какъ угодно относиться, можно вполне раздѣлять взглядъ Тургенева на извѣстный вопросъ, но нельзя отрицать одного: общій принципиальный выводъ построенъ на искусственныхъ основаніяхъ, значеніе и смыслъ посылокъ несравненно уже сдѣланнаго заключенія, личность и судьба центрального героя—какъ явленія случайныя и исключительныя—обличаютъ преднамѣренность авторскаго творчества.

И для полнаго выясненія этой преднамѣренности снова слѣдуетъ *Новъ* сопоставить съ исторіей Рудина. Тамъ—мы видѣли—авторъ въ лицѣ героя казнилъ свои личныя заблужденія, здѣсь—также въ лицѣ героя—казнь совершается надъ «молодой Россіей», надъ извѣстнымъ направленіемъ. Сравненіе можно распространить дальше. Отдавъ дань самоотверженію, голосу совѣсти и ради этого изобразивъ самозванныхъ гегельянцевъ, авторъ представилъ въ томъ же романѣ и даже въ лицѣ того же, но только обновленнаго героя—настоящаго человека сороковыхъ годовъ. Въ *Нови* рядомъ съ заблудшими овцами нигилизма является представитель той самой незамѣтной *жизненной дѣятельности, темной подземной работы*, о которой писатель говоритъ въ *Дымъ* устами Потугина и безпрестанно повторяетъ въ личныхъ бесѣдахъ и письмахъ.

Великое значеніе, какое Тургеневъ придаетъ личности Соломина, ясно съ перваго же появленія этого героя на сцену. Это впечатлѣніе—силы и неотразимой привлекательности. Отъ насмѣшника и скептика Паклина до убогой Фимушки всѣ чувствуютъ, что

предъ ними существо высшей породы. Фабричные искренне любятъ его и глубоко уважаютъ и въ то же время считаютъ своимъ. Его личность до такой степени внушительна и могущественна, что даже сановникъ Сипягинъ и необыкновенно ловкая барыня—его супруга—теряются предъ «этимъ фабричнымъ», а извительный и примѣрно нахальный Каллошѣйцевъ рядомъ съ Соломинымъ напоминаетъ какого-то жалкаго, придавленного гада. Самый честный и сердечный человѣкъ въ романѣ—Маріанна—съ первой же минуты бессознательно подчиняется обаянію нравственной мощи, душевной простоты и яснаго спокойнаго ума этого удивительнаго самородка. Нежданову, всегда въ душѣ искреннему и правдивому, ничего не остается, какъ самому же раздѣлять чувства Маріанны къ Соломину, указывать ей на него, какъ на достойнаго спутника ея жизни.

«Честь и мѣсто!» шепчетъ онъ про себя, когда Соломинъ проходитъ въ комнату Маріанны.

Эти слова относятся къ побѣдѣ Соломина надъ Неждановымъ не только въ *романѣ*. Неждановъ долженъ отступить «на всѣхъ пунктахъ» и дать мѣсто дѣйствительной нравственной силѣ

Романическая роль Соломина не представляетъ психологическаго интереса. Доброе сердце, ясная энергическая мысль, непреодолимая сила воли,—все это основныя черты идеальнаго героя для тургеневской жепщины, и Маріанна совершенно естественно идетъ за Соломинымъ, какъ Елена пошла за Инсаровымъ.

Гораздо сложнѣе вопросъ о Соломинѣ, какъ общественномъ дѣятелѣ, какъ о выразителѣ извѣстныхъ общественныхъ взглядовъ. На этой сторонѣ прежде всего была сосредоточена творческая работа автора, потому что Соломинъ долженъ воплотить въ своей личности *положительныя стремленія* сильнѣйшей и разумнѣйшей части русской молодежи.

Что именно Соломину, по замыслу автора, предназначена эта роль, ясно изъ самыхъ краснорѣчивыхъ сопоставленій.

Мы знаемъ жестокія нападки Тургенева на геніальничающихъ юношей, на самообожателей-фразеровъ и его напутствія подвижникамъ будничнаго труда. Въ концѣ «Нови» тѣ же рѣчи говорятся по поводу Соломина. Говорить ихъ Паклинъ, играющій въ романѣ роль шута въ старинномъ смыслѣ слова, т.е. высказывающій многіе личные взгляды автора.

Мапурина не понимаетъ натуры Соломина, чуждой всякаго внѣшняго эффекта и шума, и Паклинъ горячо протестуетъ. Рѣчь его достойна полнаго вниманія: каждое выраженіе въ ней соотвѣтствуетъ открытымъ личнымъ заявленіямъ самого автора.

«Вы вотъ о Соломинѣ отозвались сухо. А знаете ли, что я вамъ доложу? Такіе, какъ онъ—они-то вотъ и суть настоящіе. Ихъ сразу не раскусишь, а они настоящіе, повѣрьте, и будущее имъ принадлежитъ. Это — не герои; это даже не тѣ «герои труда», о которыхъ какой-то чудакъ, американецъ или англичанинъ, написалъ книгу для назиданія насъ, убогихъ; это — крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. Теперь только такихъ и нужно! Вы смотрите на Соломина: уменъ, какъ день, и здоровъ, какъ рыба... Какъ же не чудно! Вѣдь у насъ до сихъ поръ ни души не было: коли ты живой человѣкъ, съ чувствомъ, съ сознаниемъ, такъ непремѣнно ты больной! А у Соломина сердце-то, пожалуй, тѣмъ же болѣетъ, чѣмъ и наше, и ненавидитъ онъ то же, что мы ненавидимъ, да нервы у него молчатъ, и все тѣло повинуется; какъ слѣдуетъ... значить: молодецъ! Помилуйте: человѣкъ съ идеаломъ—и безъ фразы; образованный—и изъ народа; простой—и себѣ на умѣ... какого вамъ еще надо?..»

Слѣдовательно, Соломинъ идеальная противоположность излюбленныхъ тургеневскихъ отрицательныхъ типовъ изъ образованнаго класса—лишнихъ людей и краснобаевъ на идейныя темы, жертвъ среды и героевъ эффекта.

Практическія стремленія Соломина, дѣйствительно, совершенно другія, чѣмъ русскихъ Гамлетовъ и преобразователей. Мы слышали объ этихъ стремленіяхъ отъ автора задолго до появленія *Нови*: школа, больница, нравственное сближеніе съ народомъ, черная работа культуры, вродѣ расчесыванья волосъ шелудивому мальчику... А то, о чемъ мечтаютъ герои, вызываетъ у Соломина одно лишь чувство состраданія, и здѣсь его рѣчь будто продолженіе рѣчей Потугина.

Потугинъ возводитъ эту мысль въ общій принципъ современной общественной дѣятельности.

«Въ томъ-то и штука,—говоритъ онъ,—что нынѣшняя молодежь ошиблась въ расчетѣ. Она вообразила, что время прежней темной подземной работы прошло, что хорошо было старичкамъ отцамъ рыться на подобіе кротовъ, а для насъ-де эта роль унижительная, мы на открытомъ воздухѣ дѣйствовать будемъ... Голубчики! и ваши дѣтки еще дѣйствовать не будутъ; и вамъ не угодно ли въ норку, въ норку, опять по слѣдамъ старичковъ».

Старичками, конечно, Потугинъ называетъ людей своего поколѣнія, т. е. дѣятелей, работавшихъ ради великихъ реформъ. Соломинъ идетъ по слѣдамъ этихъ дѣятелей: онъ просвѣщаетъ народъ, облегчаетъ ему условія труда, лечитъ его отъ нравственныхъ и физическихъ недуговъ. Онъ превосходно знаетъ крестьянъ

и въ то же время самъ выученикъ европейской цивилизаціи, готовъ, гдѣ требуетъ практическая польза и нравственный долгъ, свое дурное замѣнить европейскимъ хорошимъ и разумнымъ.

И этотъ фактъ вполне соответствуетъ личному идеалу Тургенева. Для него опытъ европейской культуры—неизбѣжная школа русскаго просвѣщеннаго человѣка и всего общества. Народность и цивилизація—два краеугольныхъ тургеневскихъ понятія—въ совершенной гармоніи воплощаются Соломинымъ, и ему «честь и мѣсто»...

Но всѣ наши указанія до сихъ поръ только черты извѣстнаго міросозерцанія, отдѣльные параграфы общественной программы. Для выясненія теоріи этого достаточно, но для героя художественнаго романа безусловно мало: помимо идей, требуется *личность*, плоть и кровь, облакающія отвлеченное содержаніе цѣльной реальной жизнью.

Когда вышла первая часть романа, Тургеневъ писалъ: «въ этой первой части Соломинъ—*главное* лицо, едва очерченъ»³⁰⁴). Можно было ожидать, что во второй части будетъ восполненъ пробѣлъ. Но драма Нежданова занимаетъ всю спену, на долю Соломина остается весьма мало «мѣста», хотя и много «чести»: его всѣ слушаютъ и всѣ предъ нимъ благоговѣютъ. Не за идеи, конечно: Павелъ, Татьяна въ идеяхъ неповинны, Маріанна ихъ пока не знаетъ вполне, Неждановъ съ ними не согласенъ. Слѣдовательно, *личность* Соломина производитъ такое волшебное дѣйствіе, но ея-то мы и не видимъ. Она нѣчто въ родѣ луннаго притяженія. О силѣ его можно судить только по морскимъ проливамъ, т.-е. по *отраженному дѣйствию*, а собственно на гуну сколько угодно можно смстрѣть и не подозрѣвать ея могущества у насъ на землѣ. То же самое и Соломинъ.

«Отчего ему люди такъ преданы?»—спрашиваетъ Маріанна у Нежданова, и не получаетъ отвѣта. Не получаемъ и мы—не отъ Нежданова, а отъ самого автора, хотя для насъ дѣло не въ прямомъ, словесномъ даже и краснорѣчивомъ отвѣтѣ, а въ *обшемъ психологическомъ впечатлѣніи*.

Оно—тревожно, смутно и безжизненно. Соломина мы видимъ будто въ перспективѣ, по тѣни, которая падаетъ отъ его мощной личности. И происходитъ это отъ очень простой причины.

Мы не видимъ Соломина живущимъ и дѣйствующимъ, а только говорящимъ—и то крайне мало. Правда, такіе люди неразговорчивы, но отчего бы намъ, напрімѣръ, не знать со всѣми по-

³⁰⁴) Письма, 309.

дробностями сцены, описанной въ слѣдующихъ лаконическихъ словахъ?

Соломинъ у Маркелова «почти все молчалъ» — «разъ только рассердился не на шутку и такъ ударилъ своимъ могучимъ кулакомъ по столу, что все на немъ подпрыгнуло, не исключая пудовой гири, пріютившейся возлѣ чернильницы».

Со стороны человѣка «прохладнаго» этотъ эпизодъ довольно неожиданенъ, — и врывается онъ въ рассказъ какъ-то странно, оставляетъ впечатлѣніе штриха, искусственно придуманнаго «для оживленія картины». И такое впечатлѣніе объясняется тѣмъ, что мы не знаемъ Соломина, авторъ не раскрылъ намъ его души настолько, чтобы мы могли сразу освоиться съ его дѣйствіями и рѣчами. Въ теченіи всего романа мы только наблюдаемъ, какъ проявляется Соломинъ, но что именно проявляется въ Соломинѣ — мы не знаемъ до конца, и отзывъ Паклина о немъ читаемъ почти съ тѣмъ же впечатлѣніемъ новизны, съ какимъ встрѣтили впервые самого Соломина. Прошла по нашему горизонту какая-то громадная тѣнь, бросилъ её на насъ человѣкъ будущаго, представитель цѣлой общественной полосы, которой и конца не видно; такъ насъ увѣряетъ авторъ... И могъ ли онъ послѣ этого отдать сцену своего романа другому, заранѣе осужденному на безпомощную гибель, т. е. агоніи и смерти, и человѣка жизни и побѣды показать только въ видѣ контраста мелкому мечтателю?

Это могло произойти отчасти по обстоятельствамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ намѣреніями и творческой силой автора, но, несомнѣнно, есть и другія причины.

Мы только-что указали на сцену, повергающую насъ въ нѣкоторое недоумѣніе. Такихъ сценъ въ романѣ не одна. Напримеръ, какъ объяснить слѣдующее: Соломинъ — дѣятель съ прямыми и окончательно опредѣлившимися взглядами, — можетъ слушать «даже съ уваженьемъ» разговоры такихъ какъ Неждановъ и Маркеловъ... Молчать еще возможно изъ вѣжливости, или — съ совершенно естественной соломинской точки зрѣнія — изъ сострадательнаго пренебреженія, но чувствовать уваженіе! И это при умѣ Соломина, при его способности въ одно мгновеніе понимать людей и обстоятельства!..

Очевидно, авторъ грѣшитъ въ сторону излишняго добросердечія Соломина, доходя до предѣловъ комической наивности.

Дальше. Соломинъ съ перваго взгляда чувствуетъ «участіе, почти вѣжностъ» къ Нежданову, отлично знаетъ весь безумный и безцѣльный рискъ его пропаганды, не можетъ не видѣть и своего авторитета надъ нимъ, и все-таки, безъ малѣйшихъ воз-

раженій, совѣтовъ—допускаетъ его продѣлывать водевильные, но по существу трагическіе опыты въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Положимъ, слѣдуетъ дать возможность молодому человѣку поучиться, «попохотать немножко воздуха», но зачѣмъ же изъ науки дѣлать своего рода крестный путь? Маріанну вѣдь убѣждаетъ Соломинъ и съ ней онъ очень «разговорчивъ»—не потому ли, что ее «очень любитъ», а къ Нежданову только чувствуетъ «участіе»? Относительно разговорчивости, впрочемъ это подтверждаетъ и самъ Соломинъ. Слѣдовательно, выводъ ясенъ: у Соломина отнюдь не такая высокая душа, какъ это кажется большинству героев романа и самому автору. На такой выводъ авторъ, конечно, не рассчитывалъ. Не погрѣшилъ ли онъ слишкомъ относительно соломинскаго «уравновѣшеннаго характера», «спокойной крѣпкой силы», довелъ её почти до предѣловъ безчувствія или очень тонкой политики?

Въ самомъ дѣлѣ, если Тургенева обвиняли за карточные неудачи Базарова, насколько же естественнѣе можно заподозрить Соломина въ расчетъ путемъ невмѣшательства, или, по современному, «непротивленія злу»—отдѣлаться отъ Нежданова и приобрести себѣ невѣсту въ лицѣ дѣвушки, которую онъ «очень любитъ»?

При нѣкоторомъ желаніи доказать эту мысль, можно набрать не мало фактовъ: прежде всего Неждановъ прямо говоритъ Маріаннѣ: «Я жѣшаю тебѣ... ему»... Потомъ Соломинъ, едва скончался Неждановъ, немедленно приглашаетъ Маріанну:

«Все готово, Маріанна; поѣдемъ. Надо исполнить его волю»...

И свадьба совершается.

А потомъ такіа художественно отмѣченныя авторомъ мелочи, какъ, напримѣръ, осмотръ Соломинымъ замка у двери Маріанны и вопросъ: «Запираетъ ли ключъ»,—вопросъ настолько многозначительный, что заставляетъ Маріанну прошептать отвѣтъ и долго не поднимать глазъ.

Все это при обычной сдержанности и джентльменствѣ Соломина выходитъ очень краснорѣчиво и даже эффектно, и искусному адвокату не стоило бы большого труда обвинить Соломина въ трагической участи Нежданова.

Мы отнюдь не имѣемъ въ виду этой цѣли, потому что твердо убѣждены въ идеальной роли Соломина, какъ героя романа, и какъ человѣка, по представленію автора. Мы только хотимъ указать, на какой шаткой почвѣ построена роль, какъ неопредѣленны и часто двусмысленны черты, составляющія замѣчательную личность «*главнаго* героя». Таковъ можетъ быть результатъ двухъ причинъ: или авторъ, всегда творившій на основаніи наблюде-

ній, не имѣлъ предъ глазами достаточно яркаго и совершеннаго прототипа, или не успѣлъ свои наблюденія и идеи слить въ цѣльный живой образъ.

Весь романъ, слѣдовательно, насколько онъ касается современнаго общественнаго вопроса, представляетъ два крупныхъ недостатка. *Отрицательное*, по мнѣнiю автора, направленiе молодежи подвергнуто критикѣ въ лицѣ героя, слишкомъ нравственно-ничтожнаго и по своему личному положенiю исключительнаго, чтобы служить доказательствомъ общаго принципа. *Положительное* направленiе, теоретически вполне ясное, воплощено въ личности художественно-недорисованной и психологически недостаточно определенной.

Но на эти недостатки только можно указать, обвинять же за нихъ автора, значило бы не понимать ни его литературнаго генія, ни историческаго смысла явленiй, избранныхъ имъ для послѣдняго романа.

Генiй Тургенева, мы знаемъ, ничто иное, какъ творческое перевоплощенiе дѣйствительности, а явленiя *Нови*—самая животрепещущая дѣйствительность. Тургеневъ, вѣрный своему безпримѣрно отзывчивому художественному инстинкту, въ теченiе многихъ лѣтъ наблюдалъ этотъ процессъ: доказательство — его необыкновенно оживленная переписка именно по поводу личностей, идей, фактовъ, которымъ предстояло заполнить сцену *Нови*. Въ одномъ письмѣ онъ даже самъ изумляется своей энергiи.

«Экая пошла у меня съ тобой корреспонденція,—пишетъ онъ заграничному другу, главному своему противнику по части народничества.—Можетъ быть, она тебѣ не по вкусу, да такой стихъ на меня нашелъ...»

Часто письма превращаются въ настоящиe трактаты и всегда напоминаютъ горячиe публицистическiя статьи. Но Тургеневъ не считалъ себя публицистомъ и «политическимъ человѣкомъ», а только писателемъ. Такъ онъ заявлялъ въ оффиціальномъ письмѣ... Естественно отвлеченныя разсужденiя неминуемо должны были уступить мѣсто творчеству, задумана *Новь*. Но время идетъ, а мысль все не переходитъ въ дѣло: очевидно, не легко схватить обликъ и сущность во-очiю съ каждымъ днемъ разрастающейся жизни...

Наконецъ, романъ начатъ и оконченъ съ лихорадочной быстротой. Ясно, въ немъ будетъ много недомолвокъ, неясностей, даже противорѣчiй. Мы бы сравнили его съ фотографiей быстро летящей птицы. Сравненiе, конечно, не вполне соответствуетъ нашему вопросу, но даетъ понятiе о причинѣ и основѣ недостатковъ *Нови*.

Тамъ, гдѣ предъ глазами автора были явленія законченныя, самую жизнью освобожденныя отъ неясностей и противорѣчій,— его кисть поражаетъ силой правды.

Тургеневъ очень равнодушно и даже пренебрежительно относился къ своему драматическому таланту. И его пьесы, дѣйствительно, обличаютъ первостепеннаго писателя и сравнительно блѣднаго драматурга. Онъ даже счелъ нужнымъ выразить глубокую благодарность Мартынову за то, что тотъ эту «блѣдность» превращалъ въ трогательную жизнь... Но всякій великій психологъ—драматургъ, хотя и не всегда для сцены, гдѣ, кромѣ психологіи, нужна иллюзія вѣшной кипучей жизни. И драматическій талантъ Тургенева сказывается постоянно, гдѣ его творчество на твердой почвѣ жизненныхъ наблюденій.

Мы не знаемъ, какую комедію можно поставить выше нѣкоторыхъ сценъ въ *Нови*, гдѣ дѣйствуютъ супруги Сипягины, Калломѣйцевъ... Такіе эпизоды, какъ ораторскія упражненія г-на Сипягина, бесѣда Калломѣйцева съ г-жей Сипягиной,—незабвенны, это образы, достойные Тэккерера и Гоголя. Только великимъ обличителямъ пошлости, рабскихъ инстинктовъ и лицемерія доступно было столь безпощадно клеймить презрѣнныхъ креатуръ слѣпой фортуны...

Одно только отличіе отъ Гоголя—живое, часто страстное чувство, дышащее въ картинахъ Тургенева. Авторъ, видимо, чувствуетъ глубокое презрѣніе, даже отвращеніе къ жертвамъ своего сарказма.

Въ *Нови* такой «субъективизмъ» повсюду. Мы указывали на роль Паклина. Онъ часто повторяетъ цѣлыя выдержки изъ писемъ Тургенева. Нѣкоторыя сопоставленія въ высшей степени важны для характеристики Тургенева, какъ романиста.

Паклинъ, напримѣръ, ораторствуетъ передъ Машуриной:

«...Вѣдь мы, русскіе, какой народъ? Мы все ждемъ: вотъ, молъ, придетъ что-нибудь, или кто-нибудь, и разомъ насъ излечитъ, всѣ наши раны заживитъ, выдернетъ всѣ наши недуги, какъ больной зубъ. Кто будетъ этотъ чародѣй? — Дарвинизмъ? Деревня? Архипъ Перепентьевъ? Заграничная война?—Что угодно! только, батюшка, рви зубъ!! Это все глѣзность, вялость, недомыслие!»

Въ одномъ изъ писемъ по поводу турецкой войны читаемъ:

«У насъ на Руси снова проявилась столь часто замѣчаемая черта: ото всѣхъ нашихъ «болѣзней», глѣни, вялости, пустоты, скуки—мы ищемъ излечиться разомъ, какъ зубъ заговорить! И это чудодѣйственное средство: то какой-нибудь человекъ, то естественныя науки... Хлопъ! И мы совсѣмъ стали здоровы. Все это

признакъ слабого развитія умственного и, говоря прямо, необразованія» ³⁰⁵).

Любопытна еще одна рѣчь Паклина, какъ отраженіе фактовъ изъ личной біографіи Тургенева.

Паклинъ негодуешь на пріятелей-клеветниковъ и приводитъ такіе примѣры:

«Былъ у меня, на примѣръ, пріятель—и, казалось, хорошій человекъ: такъ обо мнѣ заботился, о моей репутаціи! Бывало, смотришь: идетъ ко мнѣ... «Представьте,—кричитъ,—какую о васъ глупую клевету распустили: увѣряютъ, что вы вашего родного дядюшку отравили, что васъ ввели въ одинъ домъ, а вы сейчасъ къ хозяйкѣ сѣли спиной—и такъ весь вечеръ и просидѣли! И ужъ плакала она, плакала отъ обиды! Вѣдь этакая чепуха! Этакая негѣлица! Какіе дураки могутъ этому повѣрить!» И что же? Годъ спустя, разсорился я съ этимъ самымъ пріятелемъ... И пишетъ онъ мнѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ: «Вы, который уморили своего дядю! Вы, который не устыдились оскорбить почтенную даму, сѣвши къ ней спиной!...» и т. д., и т. д. Вотъ каковы пріятели!»

Фетъ лично приписываетъ всѣ эти рѣчи себѣ. Немедленно послѣ ссоры съ Иваномъ Сергѣевичемъ онъ рассказываетъ:

«Однажды въ Петербургѣ я передалъ Тургеневу, что премилая жена племянника Егора Петровича Ковалевскаго проситъ меня привести его къ ней на вечерній чай. Раскланявшись съ хозяйкой, Тургеневъ поставилъ шляпу подъ стулъ, сѣлъ спиною къ хозяйкѣ и, проговоривши съ кѣмъ-то все время поимю хозяйки, къ немалому сокрушенію моему, раскланялся и уѣхалъ. На другой день Егоръ Петровичъ своимъ добродушнымъ тономъ выговаривалъ мнѣ: «ну, какъ же вашему Тургеневу не стыдно такъ обижать молодую бабенку? Она всю ночь проплакала». — И это не единственный примѣръ... «Его поступокъ съ дядей»... ³⁰⁶)

Мы уже знаемъ обвиненія Фета: ихъ онъ сообщилъ въ письмѣ къ Тургеневу, и тому для характеристики «пріятелей» оставалось только воспользоваться произведеніемъ обиженного поэта.

Очевидно, Тургеневу далеко было до совершеннаго личнаго безстрастія въ минуты творчества. Онъ и не стремился къ этой добродѣтели. По поводу той же *Нови* онъ писалъ: «Мнѣ иногда

³⁰⁵) Письма, 306.

³⁰⁶) *Мои воспоминанія*. II, 305—6. Е. П. Ковалевскій, директоръ азіатскаго департамента, предсѣдатель Общества пособія литераторамъ, стоялъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Тургеневымъ. Письма къ нему Тургенева въ *Русск. Ст.* XLII, 399—402.

потому только досадно на свою лѣнь, не дающую миѣ окончить начатый мною романъ, что двѣ, три фигуры, ожидающія клейма позора, гуляютъ хотя съ мѣдными, но не выжженными еще лбами. Да авось я еще встряхнусь» ³⁰⁷⁾).

И дальше открыто называется по имени Маркевичъ, безъ всякаго сомнѣнія, «прирожденный клеветъ» Ladislav, «notre bon et cher Ladislav», по отзыву его друга Калломѣйцева.

Здѣсь не одно личное раздраженіе,—Тургеневъ считалъ возможнымъ, съ эстетической точки зрѣнія, слить сатиру на известную личность съ художественнымъ образомъ, находилъ даже, что «художественное воспроизведеніе, если оно удалось, злѣе самой злой сатиры» ³⁰⁸⁾).

Это положеніе въ общемъ справедливо и Грибоѣдовская комедія—одно изъ блестящихъ доказательствъ, требуется только обладать великимъ сатирическимъ талантомъ. У Тургенева такого таланта не было и потому его отрицательные типы выходили несравненно болѣе «портретными», чѣмъ у Грибоѣдова. И Тургеневъ, какъ вѣчно-вдумчивый, критикующій себя художникъ, зналъ это раньше своихъ судей и предпочиталъ особенно рѣзкія сатиры впадать просто въ уста дѣйствующихъ лицъ. Можетъ быть, его еще удерживала боязнь впасть въ памфлетъ, заслужить упрекъ, что онъ «вывелъ» такого-то своего недруга, и Тургеневъ предпочиталъ «указать и — пройти мимо». Во всякомъ случаѣ, въ его литературной дѣятельности нѣтъ ни одного факта, похожего на роль Кармазинова въ повѣсти Достоевскаго.

Новъ можетъ считаться послѣднимъ тургеневскимъ художественнымъ произведеніемъ великаго общественнаго и политическаго значенія. Авторъ, по обыкновенію, обѣщалъ больше не писать, и годы, и особенно недуги, дѣйствительно, по временамъ брали свое и отравляли ему бывшее наслажденіе писательства ³⁰⁹⁾. Но вѣдь старая истина—художникъ мыслить образами, и для Тургенева внутренняя творческая работа была столь же естественной необходимостью, какъ и мышленіе.

Со времени *Отцовъ и Дѣтей* произведенія безъ «соціального, политическаго и современнаго намека» ³¹⁰⁾ обыкновенно знаменовали періоды отдыха послѣ гениальныхъ лѣтописей жгучей дѣйствительности. Начиная съ *Дыма*, эти плоды «досуга»—обыкновенно воспоминанія въ исторической или художественной формѣ. Съ

³⁰⁷⁾ *Письма*, 250.

³⁰⁸⁾ *Иб.* 251.

³⁰⁹⁾ Такъ признавался Тургеневъ. Полонскому. *Op. cit.* 531.

³¹⁰⁾ Выраженіе Тургенева по поводу *Вешнихъ водъ*. *Письма*, 200.

конца шестидесятихъ годовъ Тургеневъ безпрестанно сообщаетъ о вновь открывающихся недугахъ: о подагрѣ, о болѣзни сердца, о ревматизмахъ, иногда онъ по цѣлымъ недѣлямъ лежитъ въ постели неподвижно, ходитъ съ помощью костылей или палки. Все это заставляетъ его признать себя «старѣющимъ литераторомъ», окрашиваетъ его жизнь въ «желтенькій цвѣтъ», онъ чувствуетъ «холодъ старости», и готовъ за «нѣсколько недѣль молодости—самой глупой, изломанной, исковерканной, но молодости» отдать «не только репутацію, но славу дѣйствительнаго гевія»... ³¹¹⁾.

При такихъ настроеніяхъ естественно отдаться воспоминаніямъ, и они предъ нами почти въ каждомъ второстепенномъ произведеніи Тургенева. *Несчастная* и *Литературныя и житейскія воспоминанія* открываютъ намъ путь въ прошлое автора, *Отчаянный* и *Клара Миличъ* заключаютъ его ³¹²⁾.

Но этой струей, по обыкновенію, не исчерпывались авторскіе замыслы Тургенева. Успокоительный интересъ къ прошлому уживался рядомъ все съ той же непреодолимой отзывчивостью на современность. Тургеневъ, несомнѣнно, понималъ недостатки послѣдняго своего романа, неполноту и неясность его содержанія. Прежде всего, Соломинъ и Маріанна, по своему значенію для личнаго міросозерцанія автора и по своей роли въ новомъ общественномъ движеніи Россіи, не могли безслѣдно пропасть въ туманной дали, гдѣ показываетъ ихъ заключительная бесѣда Паклина съ Машуринной. И въ личностяхъ героя, и въ судьбѣ ихъ идей оставалось слишкомъ много недосказаннаго. Авторъ снова долженъ былъ вернуться къ той же темѣ. И онъ имѣлъ это въ виду. У него уже составился планъ и, по примѣру прежнихъ лѣтъ, онъ намѣренъ былъ посвятить новому труду лѣто въ Спасскомъ. Но расчетъ падалъ на лѣто 1882 года, когда писателю суждено было изнывать въ смертельной болѣзни вдали отъ родины...

Нѣкоторыя свѣдѣнія о романѣ передаетъ одинъ изъ иностранныхъ друзей Тургенева.

«Въ прошедшемъ году», рассказывалъ Рольстонъ, «Турге-

³¹¹⁾ *Письма*, 162, 199, 205, 213.

³¹²⁾ Рассказъ *Отчаянный* Тургенева называется очеркомъ изъ *Воспоминаній своихъ и чужихъ*. Повѣсть *Клара Миличъ* сначала носила заглавіе *Послѣ смерти*. М. А. Половской Тургеневъ писалъ: «Мысль этой повѣсти явилась мнѣ послѣ того, какъ вы мнѣ рассказали о Кадминой». Въ письмѣ къ Л. Вертенсону находится болѣе подробное сообщеніе: «Исторія Кадминой (лично съ которой, т. е. съ Кадминой, я знакомъ не былъ) послужила мнѣ только толчкомъ къ написанію моей повѣсти. Біографія Клары (Миличъ) мною вымыслена, а также и отношенія ея къ Ахотову, типу, сохранившемуся въ моей памяти еще со временъ молодости».—*Письма*, 391, 502, 541.

невѣ предполагалъ вернуться въ Россію весной и провести все лѣто въ Спасскомѣ. Я надѣялся посѣтить его въ это время и перевести подъ его руководствомъ романъ, который онъ намѣревался писать. Планъ романа, какъ онъ объяснялъ мнѣ, былъ, приблизительно, слѣдующій: русская дѣвушка покидаетъ родину и поселяется въ Парижѣ. Тамъ она встрѣчаетъ молодого француза и выходитъ за него замужъ. Нѣкоторое время все идетъ какъ слѣдуетъ въ семьѣ. Но, наконецъ, молодая женщина знакомится и разговариваетъ съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ, который рассказываетъ ей, что русскіе думаютъ, говорятъ и дѣлаютъ у себя на ея родинѣ. Она узнаетъ съ ужасомъ, что цѣли и стремленія русскихъ существенно расходятся съ цѣлями французскаго и нѣмецкаго общества, и что глубокая пропасть раздѣляетъ ее отъ мужа, съ которымъ она всегда считала себя вполне согласной. Какъ должна была кончиться исторія — не знаю, но легко себѣ представить, съ какой силой и чувствомъ развилъ бы эту идею великій писатель, котораго мы утратили» ²¹³⁾.

Около этого же времени у Тургенева былъ готовъ и другой сюжетъ, безъ всякой политической окраски, но въ высшей степени любопытный. Вопросъ, поставленный Тургеневымъ, пытался разрѣшить Достоевскій въ повѣсти *Бѣдные люди*, нѣсколько лѣтъ тому назадъ та же тема вдохновила французскаго беллетриста, Маргерита.

Тургеневская повѣсть должна была носить названіе *Старые голубки*. По словамъ автора, она глубоко его занимала, содержаніе ея онъ передавалъ въ слѣдующихъ словахъ:

«У нѣкоего старика, управляющаго имѣніемъ, живетъ пріѣзжий сынъ, молодой человекъ; къ нему пріѣхалъ товарищъ его, то же молодой. Народъ веселый и безшабашный: обо всемъ зря сложились у нихъ понятія, обо всемъ они судятъ и рядятъ, такъ сказать, безапелляционно; на женщинъ глядятъ легкомысленно и даже нѣсколько цинично. Въ это же время въ усадьбѣ появляется старый помѣщикъ съ женой, оба уже не молодые, хотя жена и моложе. Старикъ только-что женился на той, которую любилъ въ молодости. Молодые люди потѣшаются надъ амурами стариковъ, начинаютъ за ними подсматривать, бьются объ закладъ... Наконецъ, сынъ управляющаго шутя начинаетъ волочиться за пожилой помѣщицей, и что же замѣчаетъ къ своему немалому удивленію?—что любовь этихъ пожилыхъ людей безконечно сильнѣе и глубже, чѣмъ та любовь, которую онъ когда-то

²¹³⁾ *Июстр. крит.* 190—1.

зналъ и наблюдалъ въ знакомыхъ ему женщинахъ. Это его озадачиваетъ. Мало-по-малу онъ влюбляется въ пожилую жену стараго помѣщика,—и увы!—безнадежно: съ разбитымъ сердцемъ уѣзжаетъ неосторожный, любопытный юноша. И пари онъ проигралъ, и проигралъ прежній миръ души своей. Любовь уже перестала казаться ему прежней шалостью, или чѣмъ-то въ родѣ веселаго препровожденія времени.

«Вотъ главное содержаніе, и это была бы одна изъ самыхъ трудныхъ по исполненію повѣстей моихъ, такъ какъ ничего нѣтъ легче, какъ въ такомъ сюжетѣ переступить черту, отдѣляющую серьезное отъ смѣшного и пошлого, и ничего нѣтъ труднѣе, какъ изобразить любовь 50-ти-лѣтняго старика, достойнаго уваженія, и изобразить такъ, чтобы это не было ни тривіально, ни сентиментально, а дѣйствовало бы на васъ всей глубиной своей простоты и правды. Да, господа, это очень трудный сюжетъ...»³¹⁴).

Изложенными опытами не ограничивались творческія думы Тургенева. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые, по мнѣнію Гёте, своей дѣятельностью и высокими достоинствами своей природы заставляютъ неизбѣжно признать безсмертіе души. У этихъ людей физическая организація разрушается раньше, чѣмъ они успѣли довести до конца свой жизненный трудъ, раньше, чѣмъ исчерпали вполне свои духовныя силы; имъ еще остается многое сказать, передать людямъ множество высокихъ идей и вдохновенныхъ образовъ, и смерть настигаетъ ихъ въ самый разгаръ новыхъ стремленій. Гёте, переживая преждевременныя кончины своихъ друзей, говорилъ: «Для меня убѣжденіе въ вѣчной жизни вытекаетъ изъ понятія дѣятельности. Если я безъ отдыха работаю до конца, то природа обязана даровать мнѣ иную форму существованія, когда нынѣшняя моя форма уже не въ силахъ удерживать мой духъ».

Можно сколько угодно спорить противъ подобнаго разсужденія, но оно для насъ драгоцѣнно: оно превосходно характеризуетъ нашего писателя. Именно онъ, не колеблясь, не отступая, не измѣняя идеаламъ просвѣщенія и общественнаго совершенствованія своего народа, выполнялъ свое назначеніе, извлекалъ изъ своего природнаго таланта искры божественнаго огня вплоть до послѣдняго часа.

Поэтическая впечатлительность Тургенева поразительна, съ годами она становится будто нервнѣе, глубже и сердечнѣе. Настроенія его дышать неизсякаемымъ лиризмомъ, это по истинѣ «вдохновенный старецъ».

³¹⁴) Полонскій, 531—2.

«миръ вождй», № 7, июль.

Стиховъ Иванъ Сергѣевичъ не писалъ со временъ своей ранней молодости. Но, много лѣтъ спустя, прежній хмѣль по временамъ охватывалъ сѣдѣющую голову романиста, и тогда изъ подъ его пера лились звучныя риѣмы, часто шуточные, забавныя привѣтствія друзьямъ, эпиграммы на смѣхотворныхъ философовъ и патріотовъ, въ родѣ Фета, но подчасъ тургеневскія строфы, небрежно, случайно брошенныя на бумагу, заставляютъ забыть все «количество ведеръ воды» изъ фетовскаго «потока» ³¹⁵).

Напримѣръ, какъ изящно и тепло по тону слѣдующее обращеніе къ Фету:

Въ отвѣтъ на возгласъ соловьиный
 (Онъ устарѣлъ, но голосистъ!)
 Шлетъ щуръ сѣдой съ полей чужбины
 Хоть хриплый, но привѣтный свистъ.
 Эхъ! плохи стали птицы обѣ
 И ужъ не поюютъ имъ вновь!
 Но движется у каждой въ вобѣ
 Все то же сердце, та же кровь...
 И знай: едва весна проснется
 И заиграетъ жизнь въ лѣсахъ,—
 Щуръ отряхнется, встрепенется
 И въ гости къ соловью махъ-махъ!

Стихотвореніе, очевидно, плодъ минутнаго вдохновенія, почти экспромтъ. Такъ же былъ написанъ и знаменитый *Крокетъ въ Виндзорѣ*. Въ юлѣ въ 1876 году, во время пребыванія въ Петербургѣ, Тургеневу не спалось ночью, и онъ набросалъ строфы, быстро разошедшіяся потомъ въ многочисленныхъ спискахъ. По обыкновенію, онъ судилъ о своихъ стихахъ пренебрежительно, но читатели были другого мнѣнія ³¹⁶).

Но всѣ эти элегіи въ риѣмахъ—случайности въ литературной дѣятельности Тургенева. Онъ не признавалъ въ себѣ таланта пи-

³¹⁵) Такъ гр. Толстому, безъ всякаго злого умысла, напротивъ, съ самыми благими намѣреніями, пришлось однажды весьма двусмысленно охарактеризовать поэтическій талантъ своего друга. Эта характеристика находится въ письмѣ, гдѣ гр. Толстой изрекалъ смертный приговоръ Тургеневу, какъ писателю, по поводу *Дыма*. Фетъ, конечно, оказывался неизмѣримо выше погибшаго романиста. «Я свѣжѣе и сильнѣе всего не знаю человѣка», писалъ гр. Толстой. «Потокъ вашъ все течетъ, давая то же извѣстное количество ведеръ воды—силы. Колесо, на которое онъ падалъ, сломалось, разстроилось, принято прочь, но потокъ все течетъ, и ежели онъ ушелъ въ землю, онъ гдѣ-нибудь опять выйдетъ и довершитъ другія колеса. Ради Бога не думайте, чтобы я это вамъ говорилъ потому, что долгъ платежомъ красенъ, что вы мнѣ всегда говорите подбадривающія вещи, нѣтъ, я всегда и объ одномъ васъ такъ думаю».—Фетъ, II, 121. Письмо отъ 27 іюня 1867 года.

³¹⁶) Р. Ст. XL, 217—8; Письма, 299.

сать стихи и создалъ для своихъ лирическихъ настроеній особый жанръ—*стихотворенія въ прозѣ*. Имъ авторъ не придавалъ большого значенія, писалъ «для самого себя и для небольшого кружка людей, сочувствующихъ такого рода вещамъ», пришелъ даже въ ужасъ, когда услышалъ, будто нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній хотятъ читать публично. Отдавая ихъ въ *Вѣстникъ Европы*, Тургеневъ поставилъ-было условіемъ—печатать ихъ безъ говора...³¹⁸).

И между тѣмъ, можно только пожалѣть, что этихъ *senilia* слишкомъ мало: тогда бы у насъ была самая поэтическая автобіографія. Отъ нихъ вѣетъ мелонхалическимъ чувствомъ; будто предъ нами закатъ солнца и постепенно набѣгающія тѣни вечера. Стихотворенія, дѣйствительно, «вечернія тѣни»: всѣ они написаны Тургеневымъ незадолго до смерти въ теченіи четырехъ съ половиною лѣтъ.

Жизнь, столь богатая «шумомъ житейскимъ», «жертвами Аполлону» и идейной борьбой, должна была превратить писателя въ спокойнаго, мудраго, безгранично-гуманнаго, иногда глубоко-грустнаго судью человѣческихъ дѣлъ и суетъ. Ледяное дыханіе смерти часто вѣетъ надъ поэтомъ: смерти, безжалостной къ гению, къ силѣ и къ красотѣ. Но еще страшнѣе для него другое столь же таинственное существо—*природа*, вѣчно равнодушная, вѣчно преслѣдующая свои цѣли независимо отъ людскихъ самонадѣянныхъ мечтаній и идеальныхъ надеждъ...

Эти два мотива—не только лирическія дѣтища тургеневской музыки: они всю жизнь преслѣдовали писателя, будто страшная *старуха*, во снѣ и на яву: стихотвореніе о *старухѣ*, по рассказамъ друга Тургенева, возникло послѣ сновидѣнія... Тургеневъ отличался крайней мнительностью, боялся всякой заразы и самъ шутилъ надъ своимъ истинно-паническимъ ужасомъ предъ холерой. Но съ годами это чувство утратило рѣзкій субъективный характеръ, превратилось въ философски-элегическое созерцаніе неизбѣжнаго разрушенія, парящаго всюду среди жизни.

Зато другой мотивъ—невольный трепетъ предъ равнодушной неотразимой природой—съ теченіемъ времени—звучитъ все постояннѣе и безнадежнѣе. Это—въ полномъ смыслѣ трагедія, потому что таже природа для Тургенева, какъ художника, неистощимый источникъ наслажденій и поэтического восторга. Въ молодости онъ могъ по цѣлымъ часамъ теряться взоромъ въ бездонномъ синемъ небѣ, ловить чуткимъ ухомъ бесчисленные таин-

³¹⁸) *Листья*, 513, 522.

ственные звуки гѣсной жизни,—и въ старости его рѣчь начинала блистать неподражаемыми красками, когда онъ принимался описывать свое любимое божество.

«Въ немногіе хорошіе дни», рассказываетъ его другъ, «когда вѣтеръ подувалъ съ востока, теплый и мягкій, а пестрыя, тухлыя, крылья низко пролетавшихъ сорокъ мелькали на солнцѣ, Тургеневъ просыпался рано и уходилъ къ пруду—посидѣть на своей любимой скамеечкѣ. Разъ проснулся онъ до зари и, какъ поэтъ, передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія того, что онъ видѣлъ и слышалъ: какія птицы проснулись раньше, до восхода солнца, какіе голоса подавали, какъ перекликались и какъ постепенно всѣ эти птичьи напѣвы сливались въ одинъ хоръ, ни съ чѣмъ несравнимый, непередаваемый никакою человѣческою музыкой... Если бы было возможно повторить слово въ слово то, что говорилъ Тургеневъ, вы бы прочли одно изъ самыхъ поэтическихъ описаній—такъ глубоко онъ чувствовалъ природу и такъ былъ радъ, что въ кои-то вѣки, на ранней зарѣ, въ чудесную погоду былъ свидѣтелемъ ея пробужденія» ³¹⁹).

Но чуткое сердце поэта сосалъ будто червь.

Въ элегіи *Довольно* онъ изобразилъ угнетенное состояніе своего творческаго генія передъ могучей, всеистребляющей властью естественныхъ законовъ. Она не различаетъ величайшихъ созданий человѣческаго духа отъ простыхъ камней, и одинаково топить ихъ въ рѣкѣ забвенія. Семь лѣтъ раньше въ поэтическомъ очеркѣ *Полѣдка въ Полтвѣ* предъ читателями явилось то же настроеніе, облеченное въ чудную картину гѣса.

Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго бора напоминаетъ поэту видъ моря,—только въ гѣсу человѣкъ чувствуетъ себя еще ничтожнѣе, придавленнѣе.

«Изъ нѣдръ вѣковыхъ гѣсовъ, съ безсмертнаго лона вода поднимается тотъ же голосъ: «Мнѣ нѣтъ до тебя дѣло,—говоритъ природа человѣку,—я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть». Но гѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый гѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкаетъ, оно играетъ всѣми красками, говоритъ всѣми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью какъ будто намъ нечуждой... Неизмѣнный мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо—и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго

³¹⁹) Полонскій, 578—9.

дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному къ смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, окваченныя ледянымъ дыханіемъ стихій; нѣтъ—вся душа его вѣмѣетъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братьевъ можетъ исчезнуть съ лица земли—и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность—и съ торопливымъ тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ, здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и въ свою силу».

Незадолго до смерти то же горькое чувство вызываетъ стихотвореніе *Природа*. Поэтъ ведетъ бесѣду съ величавой богиней, размышляющей о судьбѣ блохи; онъ дерзаетъ напомнить ей, что люди ея «любимыя дѣти», что существуютъ «добро, разумъ, справедливость»...

И въ отвѣтъ раздается желѣзный голосъ:

«— Это человѣческія слова. Я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ, и что такое справедливость? Я тебѣ даю жизнь—я ее отниму и дамъ другому, червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты, пока защищайся и не мѣшай мнѣ!»

Тургеневъ и въ откровенныхъ бесѣдахъ неоднократно возвращался къ той же идеѣ. Трудно повѣрить, чтобы художникъ съ такими силами мысли и чувства могъ поддаваться мрачнымъ пессимистическимъ думамъ. Эти думы не мѣшали ему лучшія минуты своей жизни отдавать именно тѣмъ стремленіямъ и созданіямъ, какія, по его мнѣнію, природа безучастно осуждаетъ на безслѣдное исчезновеніе наравнѣ съ послѣднимъ насѣкомымъ. Пессимизмъ свидѣтельствовавъ о безсмертномъ чувствѣ любви ко всему живому и мучительномъ безпокойствѣ за благороднѣйшія усилія лучшихъ сыновъ человѣчества. Это не шопенгауэровскій пессимизмъ, награждающій удачливаго мудреца чувствомъ самодовольства, сознаніемъ, что постигнута истина, непостижимая для суетно-мятежнаго людскаго стада и только придающая особый пріятный вкусъ жизненному напитку обладателя истины... Тургеневскій пессимизмъ—идеально-человѣческая грусть, та *Sehnsucht*, «желаніе и тоска», въ которой сливается вмѣстѣ и горе о разрушенныхъ идеалахъ, и стремленіе безпрестанно вновь созидать красоту и благо.

Тургеневу совершенно недоступенъ пессимизмъ современной французской литературной школы. Для нея особенное наслажденіе въ подавляющемъ обиліи тѣней всюду, и—среди человѣческаго

общества, и въ царствѣ природы. Она, съ отчаяніемъ нравственнаго убожества или жестокостью дѣтскаго легкомыслія, выказываетъ изнанку каждаго явленія и скорѣе согласится измыслить небывалое зло, чѣмъ признать дѣйствительно существующее благо. Общій выводъ заранѣе установленъ: хлопотать объ идеяхъ, значитъ уподобляться лошади въ циркѣ или мухѣ въ закупоренной бутылкѣ. И то, и другое положеніе недостойно здравомыслящаго человѣка.

Неудивительно, если Тургеневъ производилъ на своихъ парижскихъ пріятелей странное впечатлѣніе, когда, по русской привычкѣ, пускался въ сердечныя изліянія и ни одно изъ нихъ не заключало «натуралистическаго» анекдота на счетъ «славянскаго женскаго типа». Тогда французамъ оставалось только прислушиваться къ пѣвучимъ звукамъ голоса рассказчика, обмѣниваться другъ съ другомъ улыбками, и самые благосклонные дѣлали знаки русскому идеалисту—«не то ребенку, не то негру», чтобы онъ не морилъ со смѣху цивилизованное общество.

Нѣкоторые застольные маленькіе рассказы Тургеневъ превращалъ въ стихотворенія. Таковъ рассказъ *Маша*, изображающій шекспировскій трагизмъ крестьянскаго горя... Для «натуралиста» несчастный извозчикъ, потерявшій жену, забавный оригиналъ, годный въ мелодраму, для Тургенева—незабвенный примѣръ глубочайшихъ движеній сердца. Въ безысходномъ отчаяніи, среди беспощадной власти вѣшной силы, поэтъ съумѣлъ показать искру человѣческой души и въ бездну стихійнаго мрака бросилъ лучъ бессмертной сознательной мысли. А гдѣ этотъ лучъ, тамъ уже нѣтъ ни смерти, ни отчаянія.

И посмотрите, какъ поэтъ умѣетъ подмѣтить тайны природы-матери, только-что изобразивъ предъ вами природу-силу. Эти тайны не желѣзное, все подавляющее могущество, а нѣчто другое. Его нѣтъ силъ объяснить, но оно именно источникъ и поэзіи, и красоты, и блага.

Прочтите стихотвореніе *Воробей*—одинъ моментъ изъ исторіи птички, съ опасностью жизни защитившей своего птенца, рассказъ о *Голубяхъ*, напомнившихъ поэту одиночество его цѣлой жизни, послушайте, что распозналъ поэтъ въ глазахъ своей собаки-друга—это одна и та же жизнь, бьющаяся въ двухъ разныхъ существахъ, сближающая ихъ, какъ дѣтей одной и той же творческой силы... Но трогательнѣе всего исторія маленькой обезьяны. Она—единственная, «словно родная» спутница поэта, плывущаго одиноко на кораблѣ съ суровымъ, молчаливымъ капитаномъ. Наконецъ, эта рѣшимость: «Мы еще повоюемъ!..»

Какъ она нужна была поэту въ годы одинокой тоски, на

склонѣ жизни, отказавшей въ счастіѣ и безпрестанно обманывавшей даже въ законной славѣ!.. И опять та же птичья семья. Мы проходимъ ежедневно мимо подобныхъ сценъ совершенно равнодушно, немедленно забывая о нихъ, но поэтамъ дана иная способность видѣть и талантъ одухотворять творческой мыслью мельчайшія явленія будничной дѣйствительности.

«Какая ничтожная малость можетъ иногда перестроить всего человѣка!» восклицаетъ Тургеневъ въ началѣ своего стихотворенія, и дальше рассказываетъ совершенно ничтожный, отчасти даже комическій эпизодъ, но въ разсказѣ столько сердечной теплоты, прочувствованной правды, что въ немъ невольно слышится задушевное личное признаніе многолѣтняго подвижника мысли и слова.

«Полный раздумья, шелъ я однажды по большой дорогѣ.

«Тяжкія предчувствія стѣсняли мою грудь; унылость овладѣвала мною.

«Я поднялъ голову... Предо мною, между двухъ рядовъ высокихъ тополей, стрѣлою уходила въ даль дорога.

«И черезъ нее, черезъ эту самую дорогу, въ десяти шагахъ отъ меня, вся раззолоченная яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, прошла гуськомъ цѣлая семейка воробьевъ, прошла бойко, забавно, самонадѣянно!

«Особенно одинъ изъ нихъ такъ и подсаживалъ бочкомъ, бочкомъ, выпуча зобъ и дерзко чирикавая, словно и чортъ ему не братъ! Завоеватель да и полно!

«А между тѣмъ, высоко на небѣ кружилъ ястребъ, которому, быть можетъ, суждено сожрать именно этого самого завоевателя.

«Я поглядѣлъ, разсмѣялся, встряхнулся—и грустные думы тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удалъ, охоту къ жизни почувствовалъ я.

«И пускай надо мной кружить мой ястребъ...

«Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!»

Тургеневу подъ конецъ жизни приходилось переживать тѣ же самыя настроенія и при тѣхъ же условіяхъ, какъ это было въ его дѣтствѣ. Среди окружавшихъ его людей—семьи г-жи Віардо и застольныхъ пріятелей-французовъ не было ни одного настоящаго близкаго сердцемъ друга. Совѣтовъ и утѣшеній невозможно было ожидать отъ людей, смотрѣвшихъ на Ивана Сергѣевича или какъ на драгоценный подарокъ благосклонной судьбы, или созерцавшихъ въ лицѣ его рѣдкостный продуктъ полудикой Скѣіи. Если бы положеніе знаменитаго писателя въ личномъ отношеніи было иное, мы не слышали бы безпрестанно тоскливыхъ рѣчей:

вѣчныхъ жалобъ на холодную, безпріютную старость и его не сопровождало бы до самой могилы желаніе спастись навсегда отъ своего «прекраснаго далека» и отъ «друзей», нравственно и душевно не имѣвшихъ съ нимъ ничего общаго.

Въ дѣтствѣ и ранней молодости Тургеневъ находилъ отраду въ родной природѣ, не знавшей тайнъ для его поэтически-чуткаго взора. То же повторяется и въ старости. «Вкусные часы» и теперь создаются для одинокаго писателя гораздо чаще среди той самой бессознательной могучей жизни, которая столь глубоко поражала его равнодушіемъ къ человѣческимъ стремленіямъ и человѣческому гению,—чѣмъ въ обществѣ до такой степени «сознательномъ» и просвѣщенномъ, что русскому «негру» приходилось стыдиться своей «наивности». Скорѣе забавная сцена бойкихъ воробьевъ, воспоминаніе о маленькой несчастной обезьянѣ, могли внушить «старому словеснику» энергическое нравственное чувство, чѣмъ отважное благѣрство парижскихъ blasés, не вѣрившихъ, по собственному признанію, ни въ жизнь, ни въ литературу...

А энергическое чувство было въ высшей степени необходимо Тургеневу, и восклицаніе: «Мы еще повоюемъ»—звучало настоятельнымъ призывомъ для самого писателя къ дѣйствительной войнѣ.

Нападки на Тургенева послѣ *Нови*, совершенно естественно направленные съ двухъ сторонъ, не прекращались въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ. Со стороны молодого поколѣнія на этотъ разъ чувство педовольства и многочисленныя недоумѣнія были, конечно, основательнѣе, чѣмъ послѣ *Отцовъ и Дѣтей*. Неждановъ — неудачникъ и Соломинъ — «постепеновецъ», фигура блѣдная и таинственная, не могли удовлетворить впечатлительной и шумной публики. Именно этотъ шумъ и доказывалъ громадность тургеневскаго авторитета, свидѣтельствовалъ о небывалой силѣ его голоса, даже когда звуки выходили смутными и подчасъ слабыми. Самолюбію молодого писателя такой фактъ доставилъ бы великое удовлетвореніе, въ старости, при неотвязчивой боязни близкаго конца — нужны совершенно другія впечатлѣнія, успокоительныя и радостныя, какъ несомнѣнное предвѣстіе наступающей безсмертной славы... Эти впечатлѣнія, конечно, не могли отсутствовать совершенно, но слишкомъ часто слышались диссонансы, и они-то съ особенной болѣзненностью должны были отзываться на старѣющемъ романистѣ.

Тургеневу одновременно съ жалобами на недуги, на могилу, которая «словно торопится проглотить» его, приходится упрашивать своего друга не посвящать ему стихотворенія.

«Умоляю тебя, какъ друга», пишетъ онъ, «не печатать твоего посланія ко мнѣ; уже теперь мое имя не появляется въ печати иначе, какъ сопровождаемое нареканіями и насмѣшками—зачѣмъ же давать поводъ всѣмъ моимъ недоброжелателямъ присоединить къ моему имени другое, которое мнѣ гораздо дороже моего собственнаго и дать пищу всякимъ сплетнямъ и грязнымъ намекамъ? Я увѣренъ, что ты меня поймешь и уважишь мою просьбу».

Спустя нѣсколько времени онъ повторяетъ ту же просьбу и даже заявляетъ: «Я былъ бы очень счастливъ, если бы обо мнѣ совсѣмъ перестали упоминать» ²²⁰).

Это писалось вскорѣ послѣ овацій въ Англіи и въ Россіи. Въ началѣ 1879 года Иванъ Сергѣевичъ получилъ отъ Оксфордскаго университета почетную степень доктора обычнаго права, въ февралѣ пріѣхалъ въ Россію и встрѣтилъ восторженный пріемъ у публики обѣихъ столицъ.

Въ Москвѣ Тургеневъ появился въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности. Еще раньше распространился по городу слухъ о желаніи гостя посѣтить Общество. Публика переполнила обширную физическую аудиторію задолго до начала засѣданія. Тургеневъ былъ встрѣченъ громомъ криковъ и рукоплесканій, молодежь благодарила великаго писателя.

Тургеневъ не ожидалъ ни овацій, ни еще менѣе благодарности. Онъ здѣсь же заявилъ объ этомъ, выражая свою глубокую признательность и смущеніе. Оваціи и на публику произвели сильнѣйшее впечатлѣніе: очевидцы говорятъ о нихъ, какъ о настоящемъ событіи московской общественной жизни.

Событію суждено было продлиться. Четвертаго марта состоялся литературный вечеръ въ Благородномъ собраніи. Тургенева публика встрѣтила *стоя*, когда онъ вступилъ на эстраду, молодежь снова привѣтствовала его рѣчью и поднесла ему вѣнокъ. Тургеневъ отвѣчалъ скромными выраженіями благодарности, приписывая права на вѣнокъ своимъ учителямъ—Пушкину и Гоголю. Для вечера имъ былъ прочтенъ рассказъ *Бурмистръ*.

Два дня спустя въ честь Тургенева устроили обѣдъ. Юрьевъ въ застольной рѣчи указалъ на манифестаціи, всюду встрѣчавшія въ Москвѣ знаменитаго писателя, и въ этихъ манифестаціяхъ принимали одинаково горячее участіе люди различныхъ поколѣній. Личность Тургенева объединила представителей самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и возрастовъ. Ректоръ университета, Тихо-

²²⁰) Письмо къ Полонскому. *Письма*, 317, 345.

нравовъ, указалъ на сознательное отношеніе молодежи къ идеаламъ своихъ наставниковъ, Грановскаго, Бѣлинскаго и Тургенева. Опредѣляя истинный либерализмъ, какъ уваженіе къ наукѣ и образованію, любовь къ поэзіи и художеству и, наконецъ, выше всего любовь къ народу, Иванъ Сергѣевичъ, провозглашая тоску за процвѣтаніе московскаго университета и «всестороннее и мощное развитіе нашего молодого поколѣнія—нашей надежды и нашей будущности»—назвалъ свои «московскіе дни»—«лучшей наградой писателя предъ концомъ его поприща».

Тургеневъ уѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь возобновились тѣ же оваціи, сначала на вечерѣ литературнаго фонда 9-го марта, гдѣ Тургеневъ снова читалъ *Бурмистра*. Въ вечерѣ принимали участіе, кромѣ Тургенева, Салтыковъ, Достоевскій, Потѣхинъ, Плещеевъ, Половскій, но героемъ вечера оказался Тургеневъ, читавшій послѣднимъ. Его выходъ изъ залы былъ триумфальнымъ шествіемъ. Тринадцатаго марта состоялся въ честь гостя обѣдъ, соединившій представителей литературы, науки, искусства, театра. Тургеневъ, отвѣчая на многочисленныя привѣтствія, указалъ на совершающееся объединеніе поколѣній, на общія стремленія и надежды, на опредѣленный идеалъ, одинаково дорогой и близкій «отцамъ» и «дѣтямъ». Называя себя человѣкомъ сороковыхъ годовъ, «человѣкомъ старымъ»,—Тургеневъ провозгласилъ тоску «за молодость, за будущее, за счастливое и здоровое развитіе его судьбы...»

Всюду, гдѣ ни являлся Тургеневъ, его встрѣчали горячія привѣтствія. На вечерѣ педагогическихъ и высшихъ курсовъ, 15-го марта, Тургеневу поднесли адресъ и вѣнокъ. Представительницы учащихся женщины благодарили писателя за «правду» о нихъ. Тургеневъ прочелъ свой разсказъ *Любовь*; клики и рукоплесканія провожали его до кареты.

На слѣдующій день въ Александринскомъ театрѣ шла пьеса *Мысли въ деревнѣ*,—появленіе автора пьесы и здѣсь сопровождалось восторженными привѣтствіями.

Ни одинъ писатель въ Россіи не доживалъ до такого шумнаго, эффектнаго признанія своихъ заслугъ. Русская общественная мысль первые плоды своего самосознанія приносила дѣятелю, которому болѣе всего была обязана своей силой и зрѣлостью. Это былъ логически-послѣдовательный и исторически-справедливый ходъ общественныхъ явленій.

Оваціи ясно доказывали популярность автора *Нови* у читателей, умѣвшихъ среди необыкновенно бурныхъ, крайнихъ суж-

деній о дѣятельности писателя сохранить ясное представленіе о просвѣтительномъ значеніи его произведеній. Можетъ быть, среди привѣтствовавшихъ не всѣ были согласны съ его «постепеновскими» воззрѣніями, но только безнадежная ограниченность или незрѣлость ума могли не оцѣнить громаднаго воздѣйствія тургеневскихъ романовъ на развитіе русскихъ образованныхъ классовъ, могли привлекать къ своему школьническому суду писателя, искренне и мужественно отзывавшагося на гражданскіе запросы своей родины. Но, съ другой стороны, эти судьи-недоумки могли принести существенную пользу своимъ союзникамъ въ войнѣ противъ Тургенева — Каллоужъцевымъ и Ladislas'амъ, могли убѣдить ихъ въ одной несомнѣнной истинѣ: Тургеневъ не имѣлъ въ виду угождать пылкимъ представителямъ «молодой Россіи»; при его талантѣ и авторитетѣ достигнуть этого было бы чрезвычайно легко...

По истинѣ странный путь избралъ гениальный художникъ для угожденія современникамъ молодежь!..

Враги его съ накипѣвшей злобой слѣдили за его торжествомъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Они не проронили ни слова объ этомъ торжествѣ.

Нельзя представлять, чтобы самъ Иванъ Сергѣевичъ являлся лишь безотвѣтной жертвой нападокъ. Мы знаемъ, съ какимъ страстнымъ чувствомъ онъ стремился заклеить нѣкоторыя позорныя личности и сдѣлалъ это въ *Нови*, не прикрываясь никакими намеками и недомолвками. Легко понять чувства Ladislas'овъ. Замѣчанія на страницахъ популярнѣйшаго романа равнялись цѣлой сатирѣ и не могли не раздражить причастныхъ лицъ.

Тургеневъ, какъ извѣстно, безпрестанно оказывалъ покровительство своимъ соотечественникамъ, попадавшимъ за границу. Въ готовности снабдить рекомендаціей, устроить судьбу, дать денегъ, даже ежегодную пенсію и въ особенности провести литературное произведеніе начинающаго, никому невѣдомаго автора, — всѣ эти виды благотворительности занимали Тургенева всю жизнь. Нерѣдко его любезностью пользовались люди, совершенно недостойные, а часто результаты бывали весьма печальные: поступокъ, имѣвшій единственной побудительной причиной, — состраданіе и привычку не отказывать въ помощи, объяснялся совершенно другими мотивами. И объясненія шли съ двухъ противоположныхъ сторонъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, заинтересованныхъ въ извѣстномъ толкованіи поведенія Ивана Сергѣевича.

Авторъ *Отцовъ и Дѣтей* обладалъ громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ, стоялъ на виду у всего культурнаго міра, ни одинъ его шагъ не ускользалъ отъ общественнаго вниманія. Этотъ фактъ

становился очевиднымъ для всѣхъ, особенно послѣ московскихъ и петербургскихъ овацій. Естественно для всѣхъ, кому требовалась крѣпкая внушительная опора для своихъ идей или дѣйствій Иванъ Сергѣевичъ являлся самымъ вождѣннымъ покровителемъ.

Навязать ему эту роль не требовалось большого труда; стоило только подѣйствовать на его доброе отзывчивое сердце. Всякій, кто бы ни нуждался въ помощи, находилъ ее у знаменитѣйшаго русскаго писателя. Обыкновеннаго человѣка подобная благотворительность въ худшихъ случаяхъ можетъ вовлечь развѣ только въ непріятныя или забавныя затрудненія и ошибки. Человѣку, дѣйствующему на міровой сценѣ, она можетъ создать множество самыхъ тягостныхъ положеній: нравственная отвѣтственность его въ глазахъ общества увеличивается сообразно съ уваженіемъ, ему оказываемымъ. Онъ становится невольной жертвой своего высокаго положенія и деспотической власти толпы, мелочными обслѣдованіями будто мстящей генію за его превосходство надъ ней.

Тургеневу, при его доступности, идеально-культурномъ характерѣ, въ высшей степени было просто попасть въ «друзья», «доброжелатели», «единомышленники» перваго встрѣчнаго и еще проще вызвать подозрѣніе въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ къ людямъ, которымъ онъ могъ только сочувствовать ради ихъ лишеній, нужды, вообще—по основаніямъ *чисто личнымъ*. Но ни эти люди, ни наблюдатели со стороны не хотѣли, а часто и имѣли всѣ расчеты не дѣлать столь тонкихъ различій.

Такъ поступали и мнимые единомышленники Тургенева, и его дѣйствительные враги.

Писатель, всю жизнь посвятившій увлекательному воспроизведенію общественной жизни, единственный—среди всѣхъ своихъ современниковъ—рѣшившійся выводить на сценѣ своихъ романовъ вновь нарождающіеся типы и идеалы молодыхъ поколѣній, подвергался исключительной опасности—быть завербованнымъ, даже безъ своего вѣдома, въ какую угодно партію. Неизмѣнный интересъ Тургенева къ молодежи, его постоянная готовность привѣтствовать новый литературный талантъ, поощрять стремленіе всякаго юноши къ знанію и развитію, съ самаго начала пребыванія Тургенева за границей создали почву—съ одной стороны для отважныхъ заявленій о радикализмѣ тургеневскихъ взглядовъ, съ другой—для жестокихъ обвиненій въ отступничествѣ и трусости.

Мы уже видѣли, какъ легко создавались мнѣнія на счетъ ра-

дикализма Тургенева. Фантазія поэта Фета въ одно мгновеніе совершила головокружительное превращеніе Ивана Сергѣевича въ подстрекателя невинныхъ юношей къ бунту. А между тѣмъ, у Фета дѣйствовало, главнымъ образомъ, личное чувство.

Онъ открыто укоряетъ Тургенева въ «постыдномъ подлизываніи къ мальчишкамъ»²²¹). Обвиненіе весьма нехитрое, если принять во вниманіе вообще популярность автора *Отцовъ и Дѣтей*, и совершенно бессмысленное, если познакомиться съ критическими упражненіями «мальчишекъ» по поводу романовъ Тургенева. Но отъ клеветы всегда что-нибудь остается, и потомъ самая бессмыслица навѣтовъ говоритъ за ихъ достовѣрность.

Другой лагерь, повидимому, долженъ бы преслѣдовать одну цѣль, завѣрять Фетовъ, до какой степени они, «мальчишки», мало похожи на тургеневскихъ,—Базарова и Нежданова. На страницахъ журналовъ такъ это и дѣлалось, но—мы уже объяснили, гениальный писатель являлся слишкомъ соблазнительнымъ искушеніемъ, чтобы съ нимъ можно было покончить разъ навсегда. Пусть Тургеневъ не понялъ настоящей русской молодежи, унизилъ Базарова, наклеветалъ на Нежданова, но онъ—всемирная знаменитость и предъ нимъ преклоняются всѣ, не зараженные тенденціознымъ кривотолкомъ. Въ результатѣ, онъ долженъ быть «нашъ». А если онъ не захочетъ этой чести, онъ трусъ и отступникъ: быть «не нашимъ» онъ не можетъ...

Такимъ путемъ для Тургенева съ теченіемъ времени создалась страшная дилемма. Въ глазахъ «отцовъ»—не изъ *Дворянскаго мѣзда*, а отцовъ изъ *Нови*, онъ, можетъ быть, отчасти и невольный данникъ молодежи, такъ какъ она преимущественно создаетъ славу и дѣлаетъ оваціи. По мнѣнію «дѣтей», Тургеневу непременно слѣдовало исповѣдовать программу «молодой Россіи», иначе ему грозило клеймо позора.

Факты съ удручающей послѣдовательностью поддерживали эту дилемму въ теченіи многихъ лѣтъ.

Тургеневъ не пропускалъ случая заявить о своихъ дѣйствительныхъ убѣжденіяхъ. Его переписка съ русскими и заграничными друзьями переполнена признаніями на этотъ счетъ, если только у кого-либо послѣ его романовъ могло оставаться сомнѣніе, особенно послѣ Соломина. И замѣчательно: *словесная форма* признаній почти тождественна въ личныхъ письмахъ Тургенева и его публичныхъ заявленіяхъ. Очевидно, извѣстные взгляды сложились прочно и не допускали никакихъ отступленій даже въ частностяхъ...

²²¹) Это выраженіе Фетомъ приписывается Кетчеру. *Мои восп.* II, 306.

Открытие памятника Пушкину являлось для Тургенева *личнымъ* праздникомъ въ полномъ смыслѣ слова. Мы знаемъ, какія сердечныя связи соединяли великаго художника съ памятью обожаемаго учителя, и среди всѣхъ современныхъ писателей, среди всѣхъ искреннѣйшихъ цѣнителей пушкинскаго таланта, Тургеневу принадлежало первое мѣсто у памятника, какъ преданнѣйшему и достоиннѣйшему ученику поэта.

Тургенева особенно глубоко занималъ одинъ вопросъ. Онъ хотѣлъ, «чтобы вся литература единодушно сгруппировалась на этомъ пушкинскомъ праздникѣ». Въ эту группу, конечно, не могли войти люди, поставившіе своей задачей—поносить и преслѣдовать даровитѣйшихъ представителей русскаго слова, и Тургеневъ выражалъ надежду, что «никакая дисгармонія не нарушитъ торжества во имя общественной мысли и просвѣщенія» ³²²).

Надежды Тургенева осуществились не вполне.

Пушкинскіе дни лично для Ивана Сергѣевича должны были оставить воспоминаніе о непрерывныхъ оваціяхъ. Всюду, гдѣ показывался любимый писатель, публика встрѣчала его восторженными привѣтствіями. Всѣ другіе участники празднествъ, за исключеніемъ Достоевскаго, и то лишь на одинъ моментъ, заняли второй планъ. Не только рѣчь самого Тургенева сопровождалась единодушными рукоплесканіями, даже въ рѣчахъ другихъ публика искала предлога выразить Тургеневу свое благодарное чувство. Стоило Достоевскому, въ своей рѣчи, только намекнуть на героиню *Дворянскаго мѣзда*, — и зала огласилась привѣтствіями. Ораторамъ необходимо было прерывать рѣчи, когда въ залу входилъ Тургеневъ: публика ждала его прихода, встрѣчала и провожала аплодисментами, не смотря ни на чье краснорѣчіе. Клики и киданье шапокъ происходили даже на улицахъ, неизмѣнно скромному писателю приходилось спасаться отъ овацій, уходить изъ залъ собраній другими выходами...

Никогда ничего подобнаго не видѣла русская публика. Тургеневъ вызывалъ шумные восторги даже у такихъ соотечественниковъ, которые чувствовали вообще крайне незначительный интересъ къ литературнымъ событіямъ, никогда въ жизни не посѣщали собраній въ родѣ засѣданій Общества любителей словесности. Такіе слушатели, затаивъ дыханіе, слушали рѣчь Тургенева о Пушкинѣ... Очевидцы единодушно приходятъ къ убѣжденію, что только искренне чтимый и дѣйствительно вліятельный общественный дѣятель могъ удостоиться такого приѣма.

³²²) *Письма*, 357, 358.

Замѣчательно, Тургеневъ невольно явился на праздникъ представителемъ русской дѣйствующей литературы. Первостепенные иностранные писатели на его имя присылали свои поздравленія русскому обществу съ литературнымъ праздникомъ. Такъ были получены письма Ауэрбаха, Теннисона, Виктора Гюго...

Высшими моментами тургеневского триумфа была, конечно, его рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общества любителей словесности седьмого іюня.

Въ свое время много писали и говорили о рѣчи Достоевскаго въ слѣдующемъ засѣданіи того же Общества. Авторъ *Записокъ изъ мертвого дома* вызвалъ сильнѣйшій энтузіазмъ, настоящее нервное потрясеніе у публики, уже въ теченіи нѣсколькихъ дней переживавшей небывалыя волненія. Та же самая рѣчь въ печати не оставляетъ и тѣни подобнаго впечатлѣнія; напротивъ, каждой мыслью, каждымъ эффектнымъ словомъ возбуждаетъ сомнѣнія, противорѣчія и поражаетъ необыкновенной пестротой внутренняго содержанія. Въ общемъ это наборъ прорицаній, ясновидѣній, выпренне льстивыхъ обращеній къ «чистой русской душѣ», къ русской женщинѣ, къ русскому «всечеловѣку», апофеозъ русской народности, стремящейся къ «всемирности и всечеловѣчности»... Основа славянофильская со всевозможными лирическими украшеніями въ патріотическомъ стилѣ.

Въ извѣстныя минуты такая поэзія должна была встрѣтить сильнѣйшій отголосокъ и она имѣла свою цѣну, какъ личное «стихотвореніе въ прозѣ» одного изъ даровитыхъ русскихъ писателей. Но по существу подобная рѣчь на культурномъ общественномъ праздникѣ представляла отрицательное и для русскаго самосознанія опасное явленіе, какъ всякія самовосхваленія какой бы то ни было націи, а тѣмъ болѣе націи, едва начавшей путь общественнаго развитія и всесторонней цивилизаціи. Раньше, чѣмъ русскому «всечеловѣку» думать о «новомъ словѣ» для цѣлаго міра, простымъ русскимъ людямъ предстояло у себя дома завоевать первые начатки гражданственности, просвѣщенія и терпимости, давно уже осуществленные другими народами.

Совершенно другого характера рѣчь Тургенева. Она не изрекала никакихъ пророчествъ, не развертывала упоеннымъ слушателямъ сказочныхъ горизонтовъ въ отдаленномъ будущемъ, а просто и скромно опредѣляла общественную и нравственную силу истиннаго искусства и національное значеніе Пушкина. Говорилъ горячій и глубокій цѣнитель поэзіи, самъ отдавшій всѣ свои силы родной литературѣ, говорилъ въ полномъ сознаніи отвѣтственности за каждое слово похвалы своему учителю и народу, его создав-

пешу. Весьма кстати были указаны дѣйствительно національныя черты пушкинской поэзіи, не имѣющія ничего общаго съ надменными мечтами о всемірности.

Тургеневъ говорилъ:

«Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силѣ и ясности его языка — эта прямодушная правда, отсутствіе лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущеній — всѣ эти хорошія черты хорошихъ русскихъ людей поражаютъ въ твореніяхъ Пушкина не однихъ насъ, его соотечественниковъ, но и тѣхъ изъ иностранцевъ, которымъ онъ сталъ доступенъ».

Въ заключеніе авторъ рѣчи высказывалъ, сравнительно съ пророчествами Достоевскаго, скромныя, но на самомъ дѣлѣ великія надежды, не на завоеваніе цѣлаго міра русскимъ «всечеловѣкомъ», а на распространеніе «освободительныхъ» и «возвышающихъ» идеаловъ пушкинской поэзіи среди русскаго народа, на то будущее, когда сыновья крестьянъ сознательно станутъ повторять: «это — памятникъ учителю».

Надежды Тургенева и теперь свидѣтельствовали о спокойныхъ и ясныхъ общественныхъ идеяхъ. У памятника Пушкина былъ все тотъ же человѣкъ *сороковыхъ годовъ*, мыслью и сердцемъ преданный цивилизаціи, народному благу и народному умственному развитію. Когда-то московскій университетъ не могъ удовлетворить стремленій даровитаго юноши къ званію и потомъ къ ученой дѣятельности: теперь тотъ же университетъ торжественно объявилъ Тургенева своимъ почетнымъ членомъ. Это избраніе было одновременно и возмездіемъ за прошлыя разочарованія студента, и наградой за истинно-просвѣтительную дѣятельность писателя.

Пушкинскіе праздники, увѣнчавъ Тургенева такой же славой, какъ и его учителя, не прошли при совершенно безоблачномъ небѣ. Въ настоящее время трудно разобраться въ подробностяхъ, хотя рассказовъ и сообщеній огромное количество. Но, въ сущности, намъ и не требуется подробныхъ изслѣдованій, потому что не въ частностяхъ дѣло, а въ общемъ смыслѣ.

Изъ Москвы Тургеневъ уѣхалъ за границу, гдѣ и осень провелъ въ Буживалѣ, зиму въ Парижѣ, а въ декабрѣ и январѣ пережилъ извѣстную намъ исторію по поводу подписки на памятникъ Флобера и въ юнѣ былъ въ Спасскомъ ³²³). Последнее

³²³) Этому гѣту посвящены воспоминанія Я. П. Полонскаго: *И. С. Тургеневъ у себя*.

гѣто Иванъ Сергѣевичъ проводитъ въ своей любимой деревнѣ: больше ему не суждено было вернуться въ Россію.

Сначала время шло ровно и весело. Тургеневъ писалъ *Письмо торжествующей любви*, обдумывалъ планы новыхъ произведеній, гулялъ съ дѣтьми, рассказывалъ имъ сказки, по временамъ въ разговорахъ и общихъ разсужденіяхъ всплывали давнишнія безотрадныя мысли, но родина по прежнему вѣяла свѣжестью и энергіей на истомленную многодумную душу писателя. Только извѣстіе о приключеніи съ г-жей Віардо, укушенной какой-то злокачественной мухой, и о холерѣ въ Брянскѣ, разстроили было Тургенева. Но безпокойства прошли и до конца гѣта жизнь текла спокойно. Съ августа погода стала мѣняться къ худшему, приходилось думать о путешествіи въ Парижъ, и Тургеневъ, будто предчувствуя недалекую смерть, на этотъ разъ особенно тяжело разставался съ родиной, все чаще принимался мечтать объ окончательномъ переселеніи въ Россію, не сообщалъ при этомъ никакихъ подробностей о своей жизни въ семьѣ Віардо, но не щадилъ французъ вообще въ своихъ отзывахъ. Въ концѣ августа Тургеневъ уѣхалъ за границу, обѣщая вернуться въ Россію даже раньше гѣта.

Осенью, въ октябрѣ, Тургеневъ посѣтилъ Англію и участвовалъ въ обѣдѣ, устроенномъ въ честь его англійскими писателями и художниками, въ ноябрѣ окончилъ рассказъ *Отчаянный*, собирався приняться за *Клару Милличъ*, а нѣмецкія и англійскія газеты извѣщали даже о большомъ романѣ. И романъ былъ задуманъ и, можетъ быть, уже готовъ въ умѣ автора, по крайней мѣрѣ въ одномъ письмѣ Тургенева встрѣчается крайне рѣдкое у него радостное чувство на счетъ будущаго:

«Неужели изъ стараго, засохшаго дерева пойдутъ новые листья и даже вѣтки? Посмотримъ»³²⁴).

Съ января слѣдующаго 1882 года начались испытанія. Почти три мѣсяца наполнила исторія дочери Тургенева съ мужемъ, а въ первыхъ числахъ апрѣля Тургеневъ извѣщаетъ о болѣзни—грудной жабѣ, и съ этого времени подобныя извѣстія уже не прекращаются: жизнь писателя превращается въ непрерывную страшную агонію, его письма— настоящая исторія мученичества и отнюдь не по его жалобамъ, а по простымъ медицинскимъ фактамъ. Тургеневъ менѣе всего былъ склоненъ занимать другихъ своей особой. Въ самые тяжелые періоды болѣзни онъ проситъ друзей не говорить съ нимъ объ его здоровьѣ и въ его письмахъ «обо-

³²⁴) Письмо отъ 9 ноября 1881 г. *Письма*, 390.

«миръ вождѣ», № 7, июль.

дить сей предметъ молчаніемъ»³²⁵). Его общіе интересы нисколько не падаютъ. Онъ, по обыкновенію, слѣдитъ за литературой, пріѣтствуетъ новые таланты, глубоко волнуется по поводу общественныхъ вопросовъ своей родины, принимаетъ самое горячее участіе въ судьбѣ даже невѣдомыхъ ему людей. Въ этомъ отношеніи любопытенъ фактъ, взволновавшій Тургенева гѣтомъ, въ іюлѣ.

Здоровье его было настолько безнадежно, что онъ заявлялъ друзьямъ о прекращеніи своей *личной* жизни, его существованіе приняло «желтенькій цвѣтъ», писать онъ не въ силахъ, послѣ пятой строчки начинаетъ чувствовать боль и колики въ плечѣ, безъ морфія глазъ закрыть не можетъ... И вотъ въ это время его извѣщаютъ о желѣзнодорожной катастрофѣ недалеко отъ Спасскаго. Тургеневъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на несчастіи. «Ужасныя слова», пишетъ онъ, «стоны слышались подъ землей до 10 часовъ утра—такъ и засѣли гвоздемъ въ голову. Неужели же не было сейчасъ приступлено къ раскопкѣ?» Въ слѣдующемъ письмѣ: «Какъ меня измучила Бастыевская катастрофа—вы представить не можете. Мнѣ постоянно мерещатся эти несчастные, задохнувшіеся въ тинѣ, и хотя открытіе ихъ теперь уже, конечно, ничему не поможетъ, но я весь горю негодованіемъ при мысли, что въ теченіи нѣсколькихъ дней ничего не было сдѣлано». Онъ упрасиваетъ друзей, живущихъ въ его деревнѣ, сдѣлать для родственниковъ погибшихъ путешественниковъ «все, что бы онъ сдѣлалъ, еслибъ находился на мѣстѣ»³²⁶).

Съ особой силой Тургеневъ говорилъ о Спасскомъ. Оно стало для него теперь еще дороже. Онъ посылаетъ поклонны старымъ слугамъ, любимымъ мѣстамъ, памятнымъ съ дѣтства, дому, саду, молодому дубу. Слезы звучатъ въ его словахъ, когда онъ отчаивается увидѣть родину, и бывшее доброе чувство къ крестьянамъ вновь вспыхиваетъ въ его письмѣ къ нимъ³²⁷).

У высшихъ натуръ физическія страданія постоянно усиливаются нравственными муками и волненіями. Тургеневъ—одна изъ такихъ натуръ, до конца не могъ успокоиться и отдаться исключительно заботамъ о своемъ положеніи. Даже совершенно естественный эгоизмъ безнадежно больоваго, умирающаго человѣка не находилъ

³²⁵) *Письма*, 481.

³²⁶) *Письма*, 433, 435, 449, 459, 456, 453, 454.

³²⁷) *Письма*, 437, 487, 474, 475. Въ письмѣ къ старому товарищу по берлинскому университету въ сентябрѣ 1862 г. Тургеневъ вспоминалъ далекое студенческое прошлое, сообщалъ о своей болѣзни и называлъ «величайшей неприятностью» невозможность побывать въ Спасскомъ. *Р. Ст.* XLII, 392.

мѣста въ нравственномъ мірѣ художника. Онъ привѣтствуетъ чужую живучесть и силу, напутствуетъ г. Григоровича «съ Богомъ! въ дальнюю дорогу», когда тотъ задумываетъ новый романъ, жалѣетъ Гончарова именно потому, что самъ страдаетъ и, следовательно, «ближе принимаетъ къ сердцу» чужія страданія, съ смертнаго одра посылаетъ безпримѣрное въ литературной исторіи письмо къ гр. Толстому... ³²⁸⁾).

Такъ могъ страдать и умирать только истинный подвижникъ мысли, обладавшій великой благородной душой и евангельски-совершеннымъ сердцемъ...

Для *личной жизни* въ это время Тургеневъ находитъ только одно вполне подходящее выраженіе. Ровно за годъ до смерти онъ сравниваетъ себя съ устрицей, приросшей къ скалѣ, потому онъ постоянно возвращается къ этому сравненію. Въ срединѣ октября 1882 года онъ пишетъ:

«Оказывается, что можно отлично существовать, не будучи въ состояніи ни стоять, ни ходить, ни ѣздить. Живутъ же такъ устрицы! А у меня есть много развлеченій, недоступныхъ устрицамъ».

Въ концѣ того же мѣсяца:

«Всѣмъ молодецъ—только ни стоять, ни ходить! И представь, я съ этимъ примирился. Сажу или лежу цѣлыхъ 24 часа сряду и—баста! Моллюскъ, такъ моллюскъ. Живутъ же они и даже многіе годы и никакого желанія и перемѣщенія не ощущаютъ» ³²⁹⁾).

Въ такомъ положеніи неопѣненно общество близкихъ людей. Было ли оно у Тургенева? Нѣкоторымъ друзьямъ казалось, что нѣтъ и они даже предлагали пріѣхать къ нему. До нихъ доходили слухи о заброшенномъ, одинокомъ положеніи Ивана Сергѣевича, о неудобствахъ комнаты, гдѣ ему приходилось лежать, о постоянномъ грохотѣ музыки, о равнодушіи окружающихъ къ его страданіямъ. Эти рассказы шли отъ очевидцевъ, и Тургеневу стоило не малыхъ усилій опровергать ихъ. На счетъ этого онъ неутомимъ. Онъ не въ силахъ допустить, чтобы люди, имъ благодѣтельствованные, казались другимъ, недостойными благодѣяній.

Это—обычная психологія всѣхъ добрыхъ и сердечныхъ людей. Безупречность ихъ избранниковъ является для нихъ вопросомъ личнаго самолюбія. И Тургеневъ настойчиво отклоняетъ всякое вмѣшательство въ его парижскую жизнь, описываетъ свое помѣщеніе, перечисляетъ комнаты; по поводу своей низкой и тѣсной спальни сообщаетъ, что парижскія спальни вообще таковы, а на

³²⁸⁾ *Ib.* 514, 543, 550.

³²⁹⁾ *Ib.* 475, 502.

счетъ музыки совершенно успокаиваетъ друзей. Вообще, по его словамъ, онъ «какъ сыръ въ маслѣ», а что касается главнаго вопроса объ одиночествѣ, то онъ остается одинъ только тогда, когда самъ этого желаетъ ³³⁰).

Намъ трудно разобратъся въ утвержденіяхъ и отрицаніяхъ, какъ бы глубоко ни интересовалъ насъ предметъ. Будущее, несомнѣнно, броситъ истинный свѣтъ и на эту полосу тургеневской жизни. Мы можемъ только съ извѣстной достовѣрностью рѣшить послѣдній только-что указанный вопросъ.

Альфонсъ Додэ, искренне вѣровавшій въ счастье Тургенева въ нѣдрахъ французской семьи, посѣщалъ его во время болѣзни и рисуетъ неизмѣнно одну и ту же картину.

Когда бы онъ ни приходилъ къ своему русскому другу, внизу въ роскошныхъ залахъ неумолкаемо звучала музыка и пѣніе, а въ третьемъ этажѣ, въ крохотномъ полутемномъ кабинетѣ лежала на софѣ молчаливая, согбенная фигура больного старика. И подъ аккомпаниментъ этой музыки Тургеневъ рассказывалъ Додэ, какія ощущенія онъ испыталъ во время операціи—извлеченія кисты... Французу казалось, что умирающій чувствовалъ себя счастливымъ—среди любимыхъ искусствъ ³³¹). Никто здѣсь не догадывался, что въ извѣстныя минуты человѣку нужны люди, а не искусства...

Но не всегда бывали съ Тургеневымъ и любимыя искусства.

По его письмамъ можно подробно прослѣдить его жизнь осенью и зимой 1882 года. Лѣто семья Віардо жила съ нимъ въ Буживалѣ. Въ сентябрѣ предсталъ вопросъ о переселеніи, и Тургеневъ соглашался остаться на дачѣ одинъ, забывая ради этого свой страхъ одиночества. Теперь, когда всѣ Віардо должны уѣхать въ Парижъ, ему «одиночество по вкусу», «и что бы я сталъ дѣлать въ Парижѣ, при невозможности движенія? Здѣсь, по крайней мѣрѣ, не тянетъ никуда». Сначала Віардо испугались—было тифа, свирѣпствовавшего въ Парижѣ, но скоро все-таки уѣхали, и на жалобы другихъ Тургеневъ пишетъ:

«На счетъ одиночества я съ вами не согласенъ. Вотъ я теперь совершенно одинокъ «аки перстъ»—и ничего!» ³³²).

³³⁰) *Тб.* 428, 436, 437. Фетъ такъ же, какъ и друзья Тургенева, гг. Лонские, очевидно, вѣрилъ слухамъ. Сообщеніе объ этихъ слухахъ онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Скажу только, что высказываемая имъ когда-то мечта о женскомъ каблукѣ, нагнетающемъ его затылокъ лицомъ въ грязь, сбылась въ переносномъ значеніи въ самомъ блистательномъ видѣ». *О. сіѣ.* II. 396—7.

³³¹) *Иностран. крит.* 209, 210.

³³²) *Письма*, 499.

Это заявленіе, очевидно, исходило изъ такого же чувства, какъ и довольство жизнью устрицъ и моллюсковъ.

Но, мы видѣли, большой говорилъ о радостяхъ, недоступныхъ устрицамъ. Онъ разумѣлъ печальныя радости, ихъ только съ горечью въ сердцѣ можно было называть развлеченіями. О нихъ поэтъ оставилъ два прелестнѣйшихъ стихотворенія. Темы стихотвореній тождественны, но предметы ихъ совершенно различны. И въ томъ, и въ другомъ рѣчь идетъ о грѣзахъ. Одно написано зимой, въ февралѣ 1878 года, другое—весной, въ маѣ того же года. Одно—*Старуха*, исторія о томъ, какъ поэтъ встрѣтилъ въ полѣ маленькую сгорбленную старушку, и какъ она пошла по слѣдамъ его и какъ онъ не могъ уйти отъ нея, какъ отъ своей судьбы... Другое стихотвореніе называется *Посѣщеніе*. Оно рассказываетъ о томъ, что случилось «раннимъ утромъ перваго мая». А случилось то, что происходило съ поэтомъ всю жизнь въ минуты вдохновеннаго творчества.

Въ раскрытое окно влетѣла крылатая маленькая женщина, одѣтая въ тѣсное, длинное, книзу волнистое платье, съ вѣнкомъ изъ лавдышей на разбросанныхъ кудряхъ, съ павлиньими перьями надъ красивымъ выпуклымъ лобикомъ, съ цвѣтнымъ «царскимъ жезломъ» въ рукахъ, со смѣхомъ въ огромныхъ черныхъ, свѣтлыхъ глазахъ. Поэтъ узналъ гостью: это была богиня фантазіи!..

Миръ видѣній, живой невольной игры воображенія, былъ другимъ царствомъ поэтического духа Тургенева, когда дѣйствительность налегала на него невыносимымъ бременемъ физическихъ и нравственныхъ испытаній. И Тургеневъ покорно отдавался во власть богини фантазіи, до самаго конца прилетавшей къ нему и приносявшей вереницу образовъ и впечатлѣній, никому еще невѣдомыхъ. Очевидецъ, посѣщавшій Тургенева незадолго до смерти, слышалъ отъ него множество чудныхъ фантастическихъ сказокъ, навѣянныхъ грѣзами во время болѣзни, и эти сказки напоминали слушателю лучшія «стихотворенія въ прозѣ»²²³⁾. Муза, слѣдовательно, оставалась неизмѣнно вѣрной подругой своего любимца до самаго конца. Это была муза страданій, безотчетныхъ видѣній, умирающему могли чаще грезиться образы, похожіе скорѣе на *старуху*, чѣмъ на *богиню фантазіи*, но и надъ самыми мрачными видѣніями носилась эта богиня въ томъ же вѣнкѣ изъ лавдышей и съ тѣмъ же жезломъ изъ степного цвѣтка и обвѣвала все той же поэтической красотой и оригинальной прелестью созданія смертельно страдающей, но высшей природы...

²²³⁾ Изъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ И. С. Тургенева. М. С. Вѣсти. Евр. 1883, октябрь, стр. 848.

Мы не станемъ подробно пересказывать заключительный актъ драмы: онъ для всѣхъ смертныхъ по существу одинаковъ. Мы только напомнимъ одну изъ сценъ этого акта, рассказанную очевидцемъ ³³⁴): такихъ сценъ бываетъ немного не только наканунѣ конца, но и въ самый расцвѣтъ счастливѣйшихъ человѣческихъ существованій.

За нѣсколько дней до смерти Ивана Сергѣевича навѣстили въ Буживалѣ нѣкоторые изъ его соотечественниковъ, проживавшихъ въ то время въ Парижѣ.

Умирающій принялъ гостей съ обычной пригѣтливостью, сердечно бесѣдовалъ съ ними и, наконецъ, обратился къ нимъ съ такими словами:

«Въ послѣдній разъ прощайте!..»

Это были страшныя слова. А между тѣмъ блѣдное, изможденное многолѣтними недугами лицо писателя слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствовало, что прощаніе происходитъ дѣйствительно въ послѣдній разъ...

Одинъ изъ присутствовавшихъ наклонился — поцѣловать руку любимаго наставника... Иванъ Сергѣевичъ быстро отдернулъ руку и произнесъ:

«Живите и любите людей, какъ я ихъ всегда любилъ».

Благороднѣйшій завѣтъ, какой только писатель можетъ оставить своимъ соотечественникамъ.

Двадцать втораго августа, въ понедѣльникъ, въ два часа пополудни, Тургенева не стало.

Г-жа Віардо такъ извѣщала о событіи Пича:

«За два дня до своей смерти онъ совершенно утратилъ всякое сознание. Онъ уже не страдалъ болѣе: жизнь его медленно угасала, и послѣ двухъ всхлипываній, онъ скончался... Мы всѣ были при немъ. Онъ опять сталъ такъ же красивъ, какъ былъ нѣкогда, въ царственномъ покоѣ смерти... Въ первый день послѣ его смерти замѣчена была еще глубокая морщина между бровями, образовавшаяся подъ вліяніемъ судорожной боли. Это придавало ему строгій и энергичный видъ. На второй день на его лицѣ появилось прежнее доброе, пріятное выраженіе: были моменты, когда можно было ожи дать, что онъ улыбнется. О, Боже! какое ужасное горе!..» ³³⁵).

Мы не знаемъ, насколько глубоко и искренне было чувство г-жи Віардо, но то же самое восклицаніе въ самыхъ разнообразныхъ рѣчахъ, статьяхъ, стихотвореніяхъ пронеслось по всему просвѣщенному міру и съ особенной болью отозвалось въ осиротѣвшемъ отечествѣ гениальнаго художника.

³³⁴) Рассказъ доктора Бѣлоголоваго. *Нива*, 1883.

³³⁵) *Иностр. крит.* 182—3.

Парижане были изумлены громадной толпой русскихъ, собравшихся проводить гробъ Тургенева въ Россію ²²⁶). Знаменитѣйшіе представители французской литературы и науки напутствовали русскаго писателя восторженными рѣчами. Ренанъ говорилъ надъ его гробомъ:

«Онъ поистинѣ обладалъ словомъ вѣчной жизни, словомъ мира, справедливости, любви и свободы».

Абу выразилъ идею памятника Тургеневу:

«Кусокъ разбитой цѣпи на бѣлой мраморной плитѣ всего лучше шель бы къ вашей славы и удовлетворилъ бы, я увѣренъ въ томъ, ваше скромное самолюбіе».

На родинѣ покойнаго ждалъ неслыханный триумфъ, если только это выраженіе уместно въ виду гроба. Но иначе вельзя назвать—единодушный, страстный и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественный откликъ общества, науки, литературы, искусства, молодежи и стариковъ—различныхъ націй и сословій—на печальное событіе. Гробъ сопровождали до двухъ сотъ восьмидесяти депутацій, погребальная колесница утопала въ вѣнкахъ, начальныя школы, гимназіи, лицеи, академія наукъ и университеты отдавали послѣднія почести великому борцу за просвѣщеніе, крестьяне, женскіе курсы, представители далекихъ провинціальныхъ захолустій несли дань благоговѣнія мужественному защитнику народной свободы, общественной равноправности и культурной гражданственности; періодическія изданія, консерваторіи, театры сошлись на поклонъ къ геніальному подвижнику благороднаго русскаго слова и художественнаго творчества; французы, иѣмцы, евреи, поляки, болгары привѣтствовали прахъ безсмертнаго вождя своего народа по пути національной терпимости и всемірной цивилизаціи...

И самое отдаленное будущее не отниметъ у Тургенева правъ на эти привѣтствія, почести и вѣнки. Чѣмъ шире будетъ развиваться самосознаніе русскаго народа, чѣмъ глубже будутъ проникать въ среду русскаго общества идеи умственного свѣта и нравственнаго совершенствованія, чѣмъ прочнѣе русскій человекъ усвоитъ идеалы гражданина и человека,—тѣмъ выше поднимется слава Тургенева, тѣмъ тщательнѣе и благоговѣннѣе станутъ изучать его жизнь, личность и творчество. Это будетъ только законная дань духовныхъ дѣтей своему отцу, и она, конечно, окажется неизмѣримо достойнѣе его генія и подвига, чѣмъ нашъ скромный и неполный трудъ.

Ив. Ивановъ.

²²⁶) *Journal des Goncourt*. VI, 273.

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Валенберга.

ПЕРЕВ. СЪ ШВЕДСКАГО В. ФИРСОВА.

(Продолженіе *).

III.

Проходили недѣли, а все оставалось по-прежнему. Изъ Берлина писемъ все не получалось и розыски жены не приводили ни къ чему.

Въ книжномъ шкафу Гильдуръ по-прежнему лежали непереведенные еще иностранныя книги, и по-прежнему одна изъ такихъ книгъ валялась на столѣ Бурмана непрочитанной.

Больше, чѣмъ когда-либо, было у Гильдуръ времени предаваться невеселымъ размышленіямъ, тѣмъ болѣе, что и порученные ей Бурманомъ переводы отнимали у нея немного времени. Скоро она убѣдилась, что такой трудъ не могъ удовлетворить ея жажды интеллигентной работы и только раздражалъ ее. А такъ какъ все сводилось лишь къ матеріальной поддержкѣ новой газеты, то она и передала эту работу въ другія руки. И вотъ, переводы отмѣченныхъ статей, чисто переписанные, стали поступать въ редакцію газеты „Стража“. Это былъ необременительный матеріалъ, собранный со всего бѣлаго свѣта.

Когда она въ первый разъ принесла Бурману, эти исполненные наемной рукой переводы, она-таки немного трусила. Она ожидала неприятнаго объясненія, пришлось бы признаться, что порученная ей работа совсѣмъ не соответство-

*) См. «Міръ Вожей», № 6, іюнь, 1895 г.

вала ея желаніямъ. Но никакого объясненія не вышло. Несмотря на то, что рукописи были написаны чужой рукой, Бурманъ не замѣтилъ этого. Каждую недѣлю принималъ онъ приносимую Гильдуръ работу и, кромѣ короткаго: „спасибо, милая“, ни словомъ не заикался о ней. Онъ ни разу даже не поинтересовался, какъ сдѣланы переводы...

Между тѣмъ Гильдуръ, безъ дѣла предоставленная угнетавшимъ ее думамъ, дошла до полной апатіи, и на все махнула рукой. О будущемъ она уже не мечтала. Отъ всякихъ надеждъ на духовное сближеніе съ Сетомъ—отказалась. На ужасавшую ее прежде пустоту предстоявшей жизни она смотрѣла равнодушно, какъ на неизбѣжное зло, и наружно сповойная жила изо дня въ день, безъ ропота, безъ радостей, безъ желаній...

Съ Бурманомъ ея отношенія оставались, какъ будто бы и прежнія; пережѣна была только та, что Гильдуръ уже безъ всякаго увлеченія слушала его разсужденія, а то и совсѣмъ не слушала. Въ концѣ концовъ, ей надобно было только слушательницей, замѣчанія которой отбрасывались двумя, тремя назиданіями, какъ соръ. Такія назиданія нисколько ея ни въ чемъ не убѣждали, и достигали только одной цѣли—заставляли ее молчать.

„Зачѣмъ онъ говорить мнѣ все это?“ спрашивала она себя иногда, пока онъ, разсказывалъ ей о задуманномъ романѣ или о какой-нибудь политической комбинаціи. „Неужели это только мысли вслухъ? Иначе бы онъ не требовалъ только поддакиваній. Но, въ такомъ случаѣ, онъ говорить только для себя, и мнѣ незачѣмъ слушать“.

И она равнодушно поддакивала. Это было невесело и довольно однообразно, тѣмъ болѣе, что Сеть Бурманъ часто повторялся. Но поступать иначе было нельзя.

Больше всего ей надобдала политика, до которой она никогда не была охотницей, и которой старалась одно время заинтересоваться только ради Сета. Но теперь эта политика наводила на нее гнетущую тоску.

Она даже чувствовала въ глубинѣ души, что начинаетъ просто ненавидѣть все, что касалось газетъ и политики.

Счастливѣе всего бывала Гильдуръ, когда Сеть говорилъ съ нею о простыхъ, домашнихъ, дѣлахъ. Тогда она точно оживала, и сама удивлялась этому. Въ ней не осталось и слѣдовъ прежней склонности къ философскимъ размышленіямъ и глубокомыслию,—такъ опротивѣли ей мудрствованія

Сета. Она начала много выѣзжать, начинала любить свѣтскія удовольствія и безъ всякаго огорченія пропускала по нѣскольку дней, не выдавъ съ Сетомъ. Это казалось ей даже полезнымъ на тотъ случай, если... если бы случилось такъ, что ничего не вышло бы изъ ихъ помолвки.

Она вообще сильно измѣнилась за послѣднія недѣли. Возможность разрыва съ Сетомъ ее больше не ужасала—она такъ много готовила себя къ той мысли, что она потеряла для нея все свое устрашающее значеніе. Она не знала, какъ все это произойдетъ и какъ она приметъ ударъ, но привыкла думать, что этотъ ударъ почти неизбѣженъ.

Въ ожиданіи его, она не упустила ни одного случая, дававшего ей возможность забыться, развлечься. Общество, въ которомъ она прежде скучала, начинало ей нравиться, потому именно, что тамъ не надо было напрягать мысли; она стала привѣтлива во всемъ знакомымъ ей брата. Но самымъ пріятнымъ развлеченіемъ было для нея провести часъ, другой въ обществѣ Валеріуса.

Съ нимъ она совсѣмъ не дружилась ради Сета, который увидѣлъ бы въ этомъ предательство; она не принимала отъ Валеріуса никакихъ услугъ, но отказывать себѣ въ удовольствіи проводить съ нимъ время—она не считала нужнымъ. И онъ сдѣлался ея повѣреннымъ, ея постояннымъ собесѣдникомъ и совѣтникомъ, словомъ, всемъ тѣмъ, чѣмъ не могъ быть, занятый исключительно собой и своими дѣлами, Сеть.

Они вмѣстѣ катались на конькахъ. Потомъ, весной, вмѣстѣ ѣздили верхомъ. Гертрудъ, явно покровительствовавшая этому сближенію, всегда сопровождала свою золовку, но умѣла устраивать такъ, что большею частью къ ея услугамъ являлся какой-нибудь посторонній кавалеръ, и Гильдуръ съ Валеріусомъ могли ѣхать рядомъ.

Случилось какъ-то, что четвертаго спутника не нашлось, и Гильдуръ, Гертрудъ и Валеріусъ катались верхомъ втроемъ. Погода была прекрасная; на обратномъ пути изъ Дьургорда, когда они ѣхали по бульвару, вдругъ Валеріусъ натянулъ поводья и молча указалъ Гильдуръ хлыстомъ на шедшую впереди нихъ парочку.

Это были кавалеръ съ дамой. Кавалеръ—совсѣмъ молодой человекъ, повидимому, студентъ, былъ отлично одѣтъ, но безъ фуражки, дама же несла свою шляпу въ рукахъ, а на головѣ ея была новенькая студенческая фуражка.

Къ великому своему удивленію, съ перваго же взгляда на граціозную фигурку дѣвушки, Гильдуръ узнала въ ней Лену.

Лена тоже замѣтила приближающихся верховыхъ и узнала Валеріуса и его дамъ; быстро отдала она студенту его фуражку и поспѣшно надѣла шляпу. Но было уже поздно, и она поняла, что опять попалась.

Бѣдная Лена такъ сконфузилась, что едва могла отвѣтить на поклонъ знакомыхъ.

— Вѣдь вотъ какая это маленькая святоша!—улыбаясь, замѣтила Гильдуръ.—Я всегда думала, что она совсѣмъ не такова, какой прикидывается.

Гертрудъ тоже была озадачена. Она не знала, что и подумать о Ленѣ. Выходка съ фуражкой была, конечно, простое ребячество. Но бродить по загороднымъ бульварамъ съ кавалеромъ, во всякомъ случаѣ, не слѣдовало.

Валеріусъ смѣялся.

— Ничего!—сказалъ онъ.—Дайте же дѣвочкѣ немножко пошалить на свободѣ. Уже натура возьметъ свое, и лучше не слишкомъ ее стѣснять...

Онъ опять расхохотался, вспомнивъ, что во второй разъ накрываетъ Лену на мѣстѣ ея маленькихъ преступленій. Не везетъ ей!

На слѣдующій день, выходя послѣ обѣда изъ квартиры Скюгъ, Валеріусъ былъ увѣренъ, что сейчасъ „случайно“ встрѣтится съ Леной, у которой навѣрное найдется о чемъ съ нимъ поговорить послѣ вчерашняго приключенія.

И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послышались за нимъ быстрые шаги, и, оглянувшись, онъ увидѣлъ догонявшую его Лену. Очевидно, она дожидалась его подъ воротами сосѣдняго дома.

Не теряя времени на предисловія и пытливо заглянувъ ему въ лицо, она спросила:

— Что онѣ подумали обо мнѣ?

Онъ разсмѣялся.

— Онѣ нашли, что студенческая фуражка на вашей головкѣ была довольно эксцентричнымъ украшеніемъ.

Лена сдѣлала нетерпѣливое движеніе зонтикомъ, досадливо сжала губки и сказала, не глядя на Валеріуса:

— Да вѣдь это еще мальчикъ! Онъ только на-дняхъ поступилъ въ университетъ. Притомъ, я нисколько не интересуюсь имъ...

— Не интересуетесь? Однако прогуливаетесь же съ нимъ „въ тиши уединенія“, на загородныхъ бульварахъ.

— О, это была случайная встрѣча!

Валеріусъ былъ настолько деликатень, что не сталъ возражать, да и не успѣлъ бы, такъ какъ Лена сейчасъ же прибавила:

— Объ этомъ она, конечно, скажетъ папѣ?

— Кто „она“?

— Гильдуръ.

— Не думаю.

— А я увѣрена, что скажетъ, какъ только папа вернется домой. Къ счастью, онъ уѣхалъ сегодня въ Мальмэ и вернется только послѣ завтра. До тѣхъ поръ есть еще время...

— Да что васъ такъ тревожить? Большая бѣда, если вашъ отецъ и узнаетъ объ этомъ!

— Конечно, бѣда не особенная, — сказала она, постукивая зонтикомъ о тротуарныя плиты, — но все-таки... Папа не любитъ этого... А главное, онъ и не знаетъ, что я знакома съ этимъ мальчикомъ.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло!

— Но увѣрю васъ, я нисколько, т.-е. нисколько не интересуюсь имъ!

Она говорила это съ такимъ жаромъ, точно больше всего опасалась обвиненія въ томъ, что „интересуется“ какимъ-то мальчикомъ.

— Не можете ли сказать Гильдуръ, чтобы она не говорила объ этомъ папѣ?—прибавила она умоляющимъ голосомъ.

— А почему вы не хотите сдѣлать этого сами?

Она промолчала.

— Это было бы гораздо лучше,—продолжалъ онъ, вспоминая жалобы Гильдуръ на невозможность приручить къ себѣ Лену.— Не покажется ли ей страннымъ, если явлюсь вашимъ ходатаемъ я?

— Да, но я ни о чемъ не хочу просить ее!—проговорила Лена негромко, но твердо.

Оба съ минуту помолчали.

— Однако, не легко же вамъ будетъ ужиться вдвоемъ подъ одной кровлей!—замѣтилъ Валеріусъ, какъ бы заключая невысказанныя размышленія.

— Авось и не придется уживаться съ нею! — отвѣтила Лена по-прежнему тихо, но съ удареніемъ.

— Вотъ какъ? Вы не останетесь въ домѣ?

— Напротивъ, останусь... Но врядъ ли имъ удастся пожениться!

Она сказала это съ злорадствомъ, очевидно, надѣясь, что угроза, высказанная ея матерью въ письмѣ изъ Берлина, будетъ приведена въ исполненіе. Притомъ, въ ея голосѣ было что-то странное, точно затаенная угроза. Валеріусъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. И вдругъ ему пришло въ голову, что, можетъ быть, она знаетъ больше, чѣмъ говорить. Вѣдь она дочь той, въ чьихъ рукахъ теперь всецѣло участь помолвленныхъ. Что, если она съ матерью въ перепискѣ и дѣлаетъ это тайкомъ, какъ и многое другое? Что, если именно она сообщила матери о помолвкѣ? Никому и въ голову не приходило еще подозрѣвать ее, но ничего неправдоподобнаго однако въ этомъ не было.

— Ну, что вы можете знать объ этомъ! — съ притворнымъ сомнѣніемъ замѣтилъ Валеріусъ, которому вдругъ захотѣлось провѣрить свои подозрѣнія и подзадорить ее на дальнѣйшую откровенность.

— А вотъ и знаю! — вскричала она.

На этотъ разъ, въ ея голосѣ слышно было такое злобное торжество, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Валеріусъ угадалъ истину. Притомъ, замѣтно было, что ей самой страстно хотѣлось похвастаться своими дипломатическими способностями и подѣлиться своими тайнами. Стоило задать ей еще одинъ вопросъ, и истина была бы обнаружена полностью.

Но Валеріусъ успѣлъ одуматься. Зачѣмъ ему было вмѣшиваться въ эту интригу? Обнаруженіе истины принесло бы пользу только двоимъ, и тогда поневолѣ пришлось бы открыть имъ глаза... Но слѣдовало ли сдѣлать это? Догадокъ своихъ онъ не обязанъ высказывать... Зачѣмъ же ему добиваться формальнаго подтвержденія своихъ догадокъ?

Выраженіе его лица вдругъ измѣнилось, и онъ сказалъ шутливо:

— И такъ, барышня, у васъ не хватаетъ храбрости поговорить съ дамами Свогъ объ этомъ маленькомъ приключеніи съ студенческой фуражкой? Извольте же, я сдѣлаю это за васъ.

Лена посмотрѣла на него съ удивленіемъ и съ неудовольствіемъ. Отчего онъ уклонялся отъ ея признаній? Это обидѣло ее.

Валеріусъ заговорилъ о постороннихъ предметахъ и сталъ шутить. Она отмалчивалась и дулась. Но въ концѣ концовъ ему все-таки удалось разсмѣшить ее. Послѣ этого ледъ былъ

проломленъ, и они непринужденно болтали до самаго крыльца ея учительницы музыки. Она простила ему его равнодушіе къ ея тайнамъ, а можетъ быть, даже и повѣрила, что онъ дѣйствительно ничего не понялъ...

IV.

Приближалось лѣто и стали поговаривать о переѣздѣ на дачу. Господа Свогъ имѣли обыкновеніе поселяться на лѣто въ Тунадалѣ, хорошенькомъ мѣстечкѣ на берегу озера, съ удобнымъ сообщеніемъ съ городомъ и хорошими дачами. Туда же собирались они и въ этомъ году.

Сеть Бурманъ тоже искалъ дачу въ Тунадалѣ, но ничего подходящаго не нашель, и рѣшился остаться въ городѣ. Его и не тянуло изъ города. У него было много работы, съ которой легче было справляться, не выѣзжая изъ города; къ тому же, онъ намѣревался за лѣто приготовиться къ осеннимъ выборамъ, а для этого нужно было ни на минуту не покидать политическихъ кружковъ столицы.

Судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ находилъ, что сталъ достаточно популяренъ среди избирателей. Въ самомъ дѣлѣ, его книги и брошюры расходились въ большомъ числѣ экземпляровъ, а на публичныя лекціи „о правахъ народа и законодательствѣ“, читанныя имъ въ началѣ весны, являлось много слушателей, неизмѣнно награждавшихъ его громкими рукоплесканіями. Что же касается газеты, то съ этой стороны, дѣйствительно, являлось нѣкоторое разочарованіе. Не смотря на всѣ заботы Бурмана, не смотря на всю пикантность стила, на задорныя статьи, которыми предполагалось заинтересовать публику, подписчиковъ было мало, и „Стражъ“ не прививался среди читателей газетъ. Одни видѣли причину такой неудачи въ социалистическомъ оттѣнкѣ программы, другіе были недовольны сложностью и вообще неясностью программы. Третьи, наконецъ, подозрѣвали, что больше всего вредило „Стражу“ то, что онъ появлялся только разъ въ недѣлю. Въ самомъ дѣлѣ, умѣстны ли задорныя и черезчуръ страстныя разсужденія газеты о событіяхъ, которыми остальная печать уже переставала иногда и заниматься. Съ этимъ соглашались даже руководители изданія и уже подумывали о томъ, не увеличить-ли число номеровъ „Стража“, выпуская газету раза два, три въ недѣлю. Такимъ образомъ, представилась бы возможность высказываться своевременно, что было особенно важно передъ выборами.

Но увеличеніе числа нумеровъ требовало увеличенія и работы сотрудииковъ. При такихъ условіяхъ Бурману становилось окончательно невозможнымъ переселиться на лѣто на дачу, но предстоявшая разлука съ Гильдуръ ему тоже была не по душѣ, и онъ былъ не въ духѣ.

Однако, какъ-то вечеромъ онъ пришелъ въ Гильдуръ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ. Оказывалось, что онъ нашелъ выходъ изъ затрудненія! Гильдуръ съ Леной могли поселиться у господъ Ветерлингъ, на ихъ подгородней дачѣ. Туда онъ могъ бы пріѣзжать по нѣскольку разъ въ недѣлю. Что же касается согласія Ветерлинговъ, то онъ уже забинулъ словечко, и старики, повидимому, очень рады принять ихъ.

Гильдуръ потупилась надъ своей работой и не отвѣтила ничего на его вопросъ, довольна ли она такой комбинаціей.

Что же, наконецъ, это такое?—думала она.—„Неужели онъ опять забылъ, что эта семья мнѣ антипатична? Сколько же разъ твердить ему одно и то же, чтобы онъ удостоилъ помнить желанія и нежеланія своихъ близкихъ?“

Даже бывшая при этомъ Гертрудъ удивилась. Она подняла голову, усмѣхнулась и проговорила, поглядывая на Гильдуръ:

— Это настоящая находка для тебя, Гильдуръ. Ты вѣдь съ такимъ удовольствіемъ бываешь въ обществѣ этихъ прекрасныхъ людей.

Сказавъ это, она посмотрѣла на Бурмана, прищурилась и разсмѣялась, какъ умѣла смѣяться, когда насмѣхалась надъ кѣмъ-нибудь въ глаза.

Бурманъ насупился.

— Это въ самомъ дѣлѣ прекрасные люди!—сказалъ онъ наставительно.—Только надо дать себѣ трудъ узнать ихъ поближе.

Однако, онъ, все-таки съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ посмотрѣлъ на Гильдуръ, которая по-прежнему молчала и, склонившись надъ работой, шила какъ-то особенно прилежно.

— Я думалъ,—сказалъ онъ протяжно,— что Гильдуръ согласится на мое предложеніе не ради удовольствія жить съ моими друзьями, а ради возможности чаще видаться со мной.

— Ты знаешь, Сеть,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія,—что я столько же дорожу возможностью чаще встрѣчаться съ тобой, какъ и ты со мной. Но...

— Да почему же вамъ не встрѣчаться у насъ?—вскричала Гертрудъ.—Къ намъ вѣдь не многимъ дальше, чѣмъ къ Ветерлингамъ.

Глаза Бурмана блеснули. Въ головѣ его уже успѣла родиться новая идея. Вѣдь можно попросить Гертрудъ взять къ себѣ на лѣто и Лену. Тогда все бы устроилось почти такъ же хорошо, какъ если бы Гильдуръ согласилась жить у Верлинговъ.

Не долго думая, онъ изложилъ свою просьбу госпожѣ Скогъ и сдѣлалъ это такъ наивно, съ такой радостью по поводу найденнаго рѣшенія задачи, что Гертрудъ даже растерялась.

Въ сущности, молодой женщинѣ вовсе не хотѣлось брать къ себѣ на все лѣто Лену. Это была, вообще, порядочная обуза, да и послужила бы поводомъ къ сближенію съ Бурманами, что вовсе не входило въ расчеты Гертрудъ. Но трудно было отказать Бурману, не оскорбляя его, и Гертрудъ отъ души пожалѣла о сдѣланномъ ею гостепріимномъ замѣчаніи. Она еще прискивала способъ такъ или иначе отказать Бурману, какъ тотъ уже сдѣлалъ еще два, три вопроса, и дѣло оказалось рѣшеннымъ: Лена должна на все лѣто поселиться въ семействѣ Скогъ, но отнюдь не гостьей, а квартирантвой.

Въ первыхъ числахъ іюня господа Скогъ вмѣстѣ съ Леной переѣхали въ Тунадаль.

Дни стояли чудные. Весело было смотрѣть на свѣжую зелень, обутивавшую поля и луга.

По цѣлымъ часамъ Гильдуръ съ наслажденіемъ оставалась въ густой травѣ подъ тѣнью дубовъ, и ей казалось, что ее перенесли въ какой-то другой міръ. Она чувствовала себя со-всѣмъ иначе, чѣмъ въ городѣ, даже думала и разсуждала иначе, сама удивляясь происшедшей въ ней перемѣнѣ. А вѣдь въ сущности ровно ничего не измѣнилось. Она только оторвалась отъ своихъ городскихъ привычекъ, отъ развлеченій, которыя больше утомляли, чѣмъ развлекали, и отъ регулярныхъ свиданій съ Сетомъ Бурманомъ. Но чувствовалось, точно со всѣмъ старымъ покончено навсегда, и наступала новая жизнь.

Появлялись даже какія-то неопредѣленныя мечты, не имѣвшія еще ясной формы, какія-то смутныя желанія чего-то новаго... Старыя заботы не возвращались.

Она отдавалась судьбѣ съ безпечной довѣрчивостью, въ которой уже не было ничего общаго съ недавней апатіей. Въ концѣ концовъ, ничего другого ей и не оставалось. Можно же было хоть немножко положиться на случайность, которая вѣдь то и дѣло вмѣшивается въ нашу судьбу.

Часто бродила она по лѣсамъ и по берегу моря съ книгой въ рукахъ, но не всегда раскрывала ее. Большую часть времени она проводила въ полной праздности, наслаждаясь лѣснымъ запахомъ и прислушиваясь къ шопоту колеблемыхъ вѣтромъ вѣтвей. Иногда она забиралась въ лѣсную глушь.

Какъ-то на этихъ скалахъ послѣ обѣда она слишкомъ замечталась, и вдругъ вспомнила, что обѣщала невѣсткѣ сходить на пристань къ приходу парохода, чтобы встрѣтить и провести домой ожидаемую изъ города портниху. Взглянувъ на часы, она увидѣла, что до прихода парохода оставалось всего нѣсколько минутъ, а такъ какъ до пристани было довольно далеко, то нечего было и надѣяться поспѣть туда вовремя. Тѣмъ не менѣе встрѣтить портниху нужно было хоть на дорогѣ. Иначе—этой несчастной предстояло скитаться по всему полуострову, расспрашивая дорогу у всѣхъ встрѣчныхъ.

Она побѣжала прямо черезъ лѣсъ, довольно глухими тропинками, и черезъ нѣсколько минутъ, запыхавшись, выбѣжала на дорогу къ пристани. Вдали раздавался уже свистокъ снова отходившаго парохода. По дорогѣ виднѣлись группы пріѣхавшихъ изъ города пассажировъ.

Сообразивъ, что ея туалетъ былъ далеко не въ блестящемъ видѣ—легкое батистовое платье измялось и загрязнилось, волосы растрепались и развились, булавка отъ шляпы затерялась, и шляпа никакъ не хотѣла держаться на головѣ,—Гильдуръ не рѣшилась идти большой дорогой и пошла дальше лѣскомъ, высматривая портниху изъ за кустовъ.

Но портнихи нигдѣ не оказывалось. На пристани не было уже ни одной женщины, и только какой-то господинъ въ свѣтломъ, лѣтнемъ костюмѣ, стоявшій къ Гильдуръ спиной, махалъ кому-то шляпой, кто уѣзжалъ дальше на уже отвалившемъ отъ пристани пароходѣ.

Пароходъ ушелъ, и господинъ обернулся. Это былъ Валеріусъ.

Гильдуръ хотѣла спрятаться въ кусты, не желая показываться Валеріусу въ такомъ, какъ ей казалось, не изящномъ видѣ. Но было поздно. Онъ узналъ ее и подошелъ, сіяя отъ радости, что встрѣтилъ ее, нисколько не скрывая этой радости.

Гильдуръ тоже стало весело.

— Вы къ намъ?—спросила она, улыбаясь.

— Разумѣется! Я поймалъ Гуго на словѣ и воспользовался его приглашеніемъ пріѣхать, когда мнѣ будетъ удобно.

Положимъ, гостить придется недолго... всего нѣсколько часовъ. Но вѣдь чего-нибудь да стоитъ хоть часокъ подышать чистымъ деревенскимъ воздухомъ, да еще среди друзей!

— Не пойти ли намъ тутъ?—предложила Гильдуръ, сворачивая съ большой дороги на маленькую лѣсную тропинку.

— А развѣ такъ прямѣе?

— Нѣтъ, наоборотъ...

— Еще бы! Конечно, конечно!—согласился онъ.

Гильдуръ разсмѣялась. Но, чтобы не быть заподозрѣнной въ такомъ странномъ пристрастіи къ окольнымъ дорогамъ, она откровенно объяснила, что не хочетъ идти большой дорогой, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ.

Они шли не торопясь и весело болтали.

Валеріусъ рассказывалъ о своемъ недавнемъ путешествіи въ провинцію, передавалъ послѣднія городскія новости, острилъ по поводу литературныхъ и театральныхъ новинокъ. Она описывала прелести дачной жизни и не умолчала о происшедшей въ ней перемѣнѣ. Рассказывая о наслажденіи проводить цѣлые часы на какой-нибудь горѣ, въ лѣсной тиши, она призналась, что иной разъ фантазируетъ такъ, точно рассказываетъ себѣ сказки.

— Видите, какой я ребенокъ!—прибавила она, смѣясь.— До сихъ поръ люблю сказки. Когда же притупится наконецъ у меня такое дѣтское воображеніе?

— Боюсь, что никогда!—отвѣтилъ онъ, опуская глаза.

— Никогда? Неужели и вы предаетесь иногда сказочнымъ фантазіямъ?

— Нѣтъ, для меня ужъ съ этимъ покончено!

Онъ посмотрѣлъ на нее и горько улыбнулся.

— Не хочется вѣдь мечтать некрасиво,—прибавилъ онъ,— а тотъ, у кого совѣсть не чиста, не можетъ мечтать красиво. Только добрыя дѣти любятъ красивыя сказки.

— А развѣ у васъ нечистая совѣсть?

— Да, у меня на душѣ большой грѣхъ.

Она взглянула на него съ недоумѣніемъ.

— Не пугайтесь!—успокоилъ онъ ее, усмѣхаясь.—Мое преступленіе не изъ тѣхъ, за которыя сажаютъ въ тюрьму.

Гильдуръ посмотрѣла на него съ прежнимъ недоумѣніемъ. По его невеселой улыбкѣ она видѣла, что онъ не шутитъ, и прежде иногда приходило ей въ голову, что онъ слишкомъ мало говоритъ о себѣ, а когда и заговорить, то

становится мраченъ, точно у него есть какая-то тайна. И ей захотѣлось, чтобы онъ довѣрилъ ей эту тайну, но въ то же время она этого боялась. Да и вправѣ ли она принимать участіе въ тайнахъ Валеріуса? Такая близость съ нимъ врядъ ли понравилась бы Сету... а скрыть отъ него было бы тоже не хорошо.

— Вы, положительно, боитесь меня! — замѣтилъ между тѣмъ Валеріусъ. — Но будьте спокойны, я не стану обременять вашу совѣсть моими тайнами.

Едва онъ это сказалъ, какъ всякія колебанія въ ея душѣ исчезли.

— Напротивъ, — сказала она. — Довѣрьтесь. Всегда становится легче, когда подѣлишься своими сомнѣніями съ другимъ.

Но, вопреки ея ожиданіямъ и не смотря на всю дружбу къ ней, онъ оказался недостаточно довѣрчивъ. Въ выраженіи его лица появился даже какой-то оттѣнокъ раздражительности, когда она предложила ему исповѣдаться. Но онъ быстро овладѣлъ собой и отвѣтилъ обычнымъ своимъ шутовымъ тономъ:

— Только не теперь! Когда-нибудь, когда мы состаримся, непременно воспользуюсь вашимъ разрѣшеніемъ. Легче всего признаваться въ стародавнихъ грѣхахъ...

— А если вы ихъ къ тому времени забудете?

— Ну, врядъ ли... — вырвалось у него со вздохомъ.

— Покаяться вамъ обещаюсь во всякомъ случаѣ! — сказалъ онъ. — Но я сдѣлаю это либо старикомъ, либо передъ разлукой съ вами навсегда.

— Да не смѣйтесь же! — вскричала Гильдуръ. — Никогда васъ не разберешь!! Можете повторить то, что сказали, не смѣясь?

— Да, могу!

Въ его лицѣ произошла странная перемена. Точно маска спала съ этого лица. Онъ былъ блѣденъ, губы вздрагивали, въ серьезномъ взглядѣ была точно мольба о пощадѣ.

— Когда мы будемъ сѣдыми стариками! — прибавилъ онъ глухо.

Гильдуръ вздрогнула. Не любитъ ли онъ ея? мелькнуло въ ея умѣ.

Какъ мелькнула въ ней эта мысль, она и сама не могла бы сказать. Его признанія вѣдь не шли дальше намековъ на какія-то угрызенія совѣсти, что не могло относиться къ ней.

Тѣмъ не менѣе, она чувствовала, что напала на вѣрный слѣдъ, какъ ни казалась эта мысль нелѣпой и ни на чемъ не основанной.

Нѣкоторое время оба шли молча. Валеріусъ первый возобновилъ легкій, шутливый разговоръ, какъ будто ничего особеннаго и не было сказано. Понемногу и Гильдуръ успокоилась. Ей удалось убѣдить себя, что ее напугало ея собственное воображеніе, что ничего особеннаго и не было... Она опять повеселѣла, и настроеніе обоихъ стало, повидимому, прежнее.

Вскорѣ они вышли на дорогу, и изъ-за группы деревьевъ заблѣла дача господъ Скогъ. На встрѣчу имъ шла Гертрудъ.

Она разсѣянно поздоровалась съ Валеріусомъ и стала бранить Гильдуръ за причиненное безпокойство.

— Мы не могли понять, гдѣ ты, и разослали людей тебя разыскивать!—говорила она.—Что ты не была на пароходной пристани, это мы узнали отъ портнихи, и еще отъ одной особы, пріѣхавшей съ тѣмъ же пароходомъ.

— Отъ какой особы?—удивилась Гильдуръ.

Гертрудъ, любившая подразнить, ничего не отвѣтила, предоставляя Гильдуръ самой узнать, кто пріѣхалъ. Но въ это время Гильдуръ уже узнала эту „особу“. На выступившей изъ за кустовъ верандѣ она увидѣла Сета Бурмана, сидѣвшаго въ креслѣ рядомъ съ Леной.

Съ непритворной радостью бросилась Гильдуръ къ нему. Ей было такъ отрадно увидѣть его именно теперь.

Однако, Сеть принялъ ее далеко не съ той сердечностью, какой она вправѣ была отъ него ожидать.

Увидѣвъ ее въ обществѣ Валеріуса, онъ сдвинулъ брови, и прежде всего потребовалъ отъ Гильдуръ точнаго отчета, какимъ образомъ она встрѣтилась съ Валеріусомъ, и гдѣ они провели столько времени. Въ довершеніе всего оказалось, что оба гостя пріѣхали съ однимъ и тѣмъ же пароходомъ, но ухитрились не встрѣтиться.

Въ концѣ концовъ все объяснилось. Гильдуръ рассказала, какъ она забылась на скалахъ, а потомъ опрометью побѣжала къ пристани, а Валеріусъ, смѣясь, признался, что все время на пароходѣ просидѣлъ съ знакомыми въ буфетѣ, за стаканомъ пунша, и сошелъ съ парохода позже другихъ, когда уже убирали трапъ. Бурманъ, повидимому, удовлетворился этими объясненіями и просвѣтлѣлъ. Когда затѣмъ Гильдуръ ласково взяла его подъ руку и увела съ собой въ садъ,

онъ даже забылся на минуту, весь отдавшись радости встрѣчѣ послѣ недѣльной разлуки.

Но скоро мысль о Валеріусѣ опять стала его мучить. Онъ не могъ выкинуть изъ головы, что, не смотря ни на какія объясненія, прогулка Гильдуръ и Валеріуса отъ пристани до дачи длилась непомерно долго. Съ чего это Гильдуръ опоздала къ пароходу именно сегодня, когда Валеріусъ совсѣмъ неожиданно пріѣхалъ изъ города, и точно прячась въ буфетѣ? И что это за глупое объясненіе: боязнь показаться на большой дорогѣ въ измятомъ платьѣ?

Ему лѣзли въ голову самыя ребяческія сомнѣнія, и онъ снова сталъ хмуриться. Войдя, наконецъ, вмѣстѣ съ Гильдуръ въ бесѣдку, онъ бросился на скамейку, взялъ ее за руки и жалобно сказалъ:

— Я несчастный человекъ, Гильдуръ! Сердись, не сердись, а это сильнѣе меня... Я ревную!

— Къ Валеріусу?

— Да.

— И тебѣ не стыдно?

Она разсмѣялась, но болѣе нервно, чѣмъ сердечно. Ее поразило, что именно сегодня, когда и у нея самой мелькнули странныя мысли о Валеріусѣ, онъ заподозрилъ его... Но, очевидно, это было самое простое совпаденіе, плодъ двухъ взвинченныхъ фантазій. Не стоило отравлять радость свиданія такими глупыми бреднями!

Она стала ласкать и цѣловать его, смѣялась надъ нимъ и, въ заключеніе, обѣщалась приглашать Валеріуса каждое воскресенье, нарочно, чтобы дать Сету случай устыдиться своей подозрительности.

Послѣдняя угроза мигомъ вылѣчила Бурмана. Онъ тотчасъ же повлялся разогнать всѣхъ демоновъ ревности, и сдѣлаться самымъ довѣрчивымъ человекомъ въ мірѣ.

Затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ было дано и принято множество различныхъ обѣщаній, и Сеть совсѣмъ развеселился. Особенно сіяло его лицо вечеромъ, когда, стоя на пароходной пристани, онъ въ послѣдній разъ раскланивался съ увѣжавшимъ обратно, въ городъ, Валеріусомъ. Самъ онъ оставался въ Тунадалѣ, гдѣ его просили переночевать и провести весь слѣдующій день.

Сеть Бурманъ долженъ былъ сдѣлать надъ собой порядочное усиліе воли, чтобы оторваться отъ дѣлъ въ городѣ и посвятить цѣлыя сутки свиданію съ Гильдуръ, но и на дачѣ

заботы о газетѣ не повидали его. Эти заботы преслѣдовали его, какъ тѣнь, отравляя короткія минуты отдыха.

Дѣло въ томъ, что неминуемо предстояло обратити „Стража“ въ ежедневную газету, чтобы приобрѣсти хоть какое-нибудь вліяніе на избирателей. Недѣльный листокъ не имѣлъ значенія, а такая полумѣра, какъ двукратный въ недѣлю выпускъ газеты, казалась Бурману недѣйствительною. По его мнѣнію, всё уже сдѣланная на газету затраты оказались бы брошенными деньгами, если не превратити „Стража“ въ большую ежедневную газету. Но не такъ смотрѣли на дѣло его осторожные компаньоны. Они колебались и не знали, на что рѣшиться. Самъ редакторъ Ветерлингъ не сочувствовалъ этому проекту и угрожалъ устраниваться при первыхъ требованіяхъ новыхъ жертвъ съ его стороны.

Разказы объ этомъ произвели на Гильдуръ довольно сильное впечатлѣніе. Особенно ее обезпожило извѣстіе объ оппозиціи Ветерлинга. Этотъ господинъ не особенно ей нравился, но она всегда считала его дѣльнымъ и правичнымъ человекомъ. Притомъ онъ былъ уменъ и хорошо зналъ условія печатнаго дѣла. Поэтому ей сейчасъ же пришло въ голову, что если ужъ онъ находитъ расширеніе дѣла рискованнымъ, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, оно таково и есть на самомъ дѣлѣ. Осторожно стала она спрашивать Сета о возраженіяхъ, какія ему дѣлалъ Ветерлингъ, и, наконецъ, сама высказалась за необходимость осторожности.

Но это оказалось только наилучшимъ способомъ сразу взбѣсить Бурмана. Ничто не раздражало его такъ, какъ напоминаніе о преобладающемъ значеніи, какое во всякомъ предпріятіи имѣютъ денежныя расчеты. Неужели же нельзя хоть немножко любить дѣло, которому служишь? Неужели нельзя рискнуть какой-нибудь малостью, ради крупнаго и вѣрнаго матеріальнаго выигрыша впоследствии?

Бурманъ нисколько не сомнѣвался, что въ свое время и Ветерлингъ, и другіе компаньоны поймутъ свою мелочную трусость и опомнятся. Но противно было уговаривать ихъ, торговаться изъ-за грошей, и видѣть, какъ тѣмъ временемъ безвозвратно упускаются самыя благопріятныя минуты. Если бы онъ только зналъ, гдѣ взять деньги помимо этихъ господъ, онъ взялъ бы все на свою отвѣтственность и сказалъ своимъ товарищамъ по редакціи: „Вотъ вамъ, господа! Садитесь и пишите, не стѣсняясь рамками. Пишите и посылайте въ типографію. Я плачу за все!“

Этотъ разговоръ происходилъ на берегу моря, гдѣ Сеть съ Гильдуръ отдыхали послѣ продолжительной прогулки по лѣсамъ. Гильдуръ молча слушала его разсужденія. При послѣднихъ словахъ она подняла голову и улыбнулась.

— Какой ты энтузіастъ, Сеть!—проговорила она.

— Гильдуръ!—вскричалъ онъ вдругъ радостно.—Мнѣ приходитъ въ голову, что ты могла бы помочь мнѣ и пристыдить всѣхъ этихъ трусовъ!

— Я?—переспросила она съ удивленіемъ.

— Да, ты. Ты принадлежишь къ счастливымъ, имѣющимъ состояніе. Предоставь въ мое распоряженіе пятнадцать, двадцать тысячъ, и я вырученъ изъ бѣды!

Эта просьба была такъ неожиданна, что Гильдуръ не нашла, что и отвѣтить. Ни разу еще не разговаривали они о своихъ денежныхъ дѣлахъ, и Гильдуръ никогда не допускала мысли, чтобы Сеть пожелалъ воспользоваться ея средствами!..

— Развѣ ты не знаешь, что у меня только пожизненная рента?—проговорила она наконецъ.

— Ренту можно вѣдь продать.

Она низко склонилась, чтобы скрыть выступившую на ея щекахъ краску негодованія. Продать ея ренту! Да вѣдь это значить отнять у нея независимость, свободу, все... Быстро овладѣвъ собой, она подняла голову и сказала спокойно.

— Въ такомъ случаѣ, переговоры съ Гуго. Онъ завѣдуетъ всѣмъ этимъ.

Бурманъ обнялъ ее и горячо поцѣловалъ. Онъ назвалъ ее при этомъ своей храброй, великодушной дѣвочкой. Никогда онъ не сомнѣвался, что именно въ ней онъ всегда найдетъ друга и товарища въ минуту испытанія! И какъ онъ счастливъ, что не ошибся въ ней! Весело заглядывать въ будущее, которое сулитъ столько счастья, потому что всегда будетъ подлѣ него настоящій, испытанный другъ.

Чѣмъ больше онъ ее ласкалъ, чѣмъ горячѣе благодарилъ за довѣріе, тѣмъ гуще румянились ея щеки. Ей было стыдно, что она совсѣмъ не такая, какой онъ воображалъ ее. Она не въ силахъ была раздѣлять его радости, и безъ всякаго великодушія, а наоборотъ, съ тоской въ душѣ приносила свою жертву. Неужели же она такъ жадна и мелочна, что не способна на великодушный порывъ?

Послѣ обѣда Сеть Бурманъ отправился переговорить съ Свогомъ, а Гильдуръ осталась въ саду, съ волненіемъ ожи-

дая окончанія переговоровъ. Сеть долго не возвращался, и добрыхъ полчаса Гильдуръ ходила взадъ и впередъ по садовой дорожкѣ. Но вотъ, наконецъ, появился Сеть. Выраженіе его лица было пасмурно.

— Ну, что?—спросила она съ недоумѣніемъ.

— Изъ этого ничего не вышло!—сказалъ онъ, вздыхая.— Все разбивается объ это проклятое письмо, о которомъ я и не подумалъ. Да, да, онъ правъ... Можно побиться объ завладѣть, что теперь цѣлый годъ не будетъ оттуда никакихъ извѣстій. А тѣмъ временемъ проходитъ дорогое, невознаградимое время, и я остаюсь въ сторонѣ только потому, что не могу назвать себя свободнымъ человѣкомъ.

Чувство душевнаго облегченія заставило Гильдуръ глубоко перевести духъ. Но она тотчасъ же устыдилась своей радости.

— Однако, я вѣдь совершеннолѣтняя и вправѣ дѣлать съ моими деньгами, что хочу,—сказала она.

— Да что въ этомъ толку!—возразилъ онъ уныло.—Если бы я воспользовался твоимъ великодушіемъ, это стоило бы мнѣ честнаго имени. Не могу же я опозориться!

Еще нѣкоторое время поговорилъ онъ о „проклятомъ“ письмѣ и всѣхъ происходившихъ отъ него бѣдахъ. Но уже раньше вечера вопросъ былъ покинутъ и точно забытъ. Сеть Бурманъ никогда не горевалъ по-долгу изъ за какой-нибудь неудачи. Когда разбивалась у него одна надежда, онъ сейчасъ же замѣнялъ ее другими и отдавался имъ съ такой же страстью, какъ и предыдущей.

Но Гильдуръ не такъ скоро забыла его выдумку. Вся безпечность, благодаря которой она такъ пріятно проводила время на дачѣ, исчезла безслѣдно. Снова поднялись тяжелыя опасенія за будущее. Но теперь пугали ее уже не угрозы изъ Берлина. Наоборотъ, страшнѣе всего ей становилось, когда она задумывалась о судьбѣ, ожидавшей ее въ случаѣ выхода замужъ за Сета Бурмана...

Она вѣдь любила его и давно желала этого брака. И тѣмъ не менѣе, она не могла больше безъ ужаса представить себя женой Сета. Неужели она боялась его? Это было непонятно, а между тѣмъ, именно подлѣ этого борца за свободу она не могла себя представить иначе, какъ несвободной, зависимой вполне, почти невольницей. Со всѣхъ сторонъ предвидѣлись ограниченія этой свободы. Развѣ онъ обращалъ хоть какое-нибудь вниманіе на ея мнѣнія? Онъ даже не

даль ей возможности посвятить себя самостоятельному труду. Во всемъ она должна была сообразоваться съ его личными особенностями. *Его* трудъ, *его* интересы, *его* намѣренія, *его* взгляды, *его* друзья, *его* вкусы — все это она должна была раздѣлять съ нимъ, но самъ онъ не желалъ раздѣлять ничего подобнаго по отношенію къ ней. Призованной къ его триумфальной колесницѣ—это разрѣшалось ей быть, но сѣсть рядомъ съ нимъ—ни въ какомъ случаѣ! Единственное ея право это радовать *его* и восхищаться *имъ*!

Онъ намѣревался даже отнять у нея послѣднее, что могло остаться на ея долю отъ ея личной свободы—ея независимость въ матеріальномъ отношеніи... Теперь ему не удалось сдѣлать этого, но было ясно, какъ день, что онъ не преминетъ сдѣлать это, какъ только она станетъ его женой. Затѣмъ она будетъ связана окончательно и станетъ въ полную отъ него зависимость, какъ дитя или невольница.

Эта мысль возмутила ее. Примириться со всѣмъ этимъ было даже унижительно; да она и не стумѣла бы. Она чувствовала, что ожесточилась бы и возненавидѣла бы его. И очень возможно, что при такихъ условіяхъ она сдѣлалась бы не лучше его первой жены. А вѣдь при первомъ же возмущеніи съ ея стороны и онъ перемѣнился бы къ ней и сталъ бы преслѣдовать ее со всей ненавистью, съ какой онъ преслѣдуетъ всякаго, кто идетъ противъ него. Предвидѣлись одни бѣдствія, ужаснѣйшія бѣдствія... И это, несмотря на всю ихъ теперешнюю взаимную любовь.

Ей казалось, что кто-то громко кричитъ ей всѣ эти горькія истины. Спать она не могла... Она зажигала свѣчу и начинала перечитывать письма Сета, надѣясь найти въ этихъ письмахъ опроверженіе тому, что ее ужасало.

Да, письма были написаны горячо. Мыслимо ли, чтобы она могла быть несчастна съ человѣкомъ, который такъ любитъ ее?

Исписанные листы почтовой бумаги шелестѣли въ ея горячихъ, какъ въ лихорадѣѣ, рукахъ. Она поворачивала страницы и читала, съ жадностью читала все одно и то же.

„Возлюбленная моя!“ — начиналось одно изъ писемъ.— „Пока намъ не пришлось разстаться, я и не подозрѣвалъ, до какой степени ты мнѣ дорога, какъ счастье мое всецѣло зависитъ отъ милаго лица и улыбки уѣхавшей теперь отъ меня дѣвочки!“

„Ужъ не заколдовала ли ты меня? Или это гипнотизмъ?“

Но почему же я постоянно забываюсь и думаю, что ты подлѣ меня? Какъ только мнѣ приходитъ въ голову какая-нибудь хорошая мысль, я всякій разъ оборачиваюсь, желая подѣлиться съ тобой этой мыслью. Я вѣдь привыкъ повѣрять тебѣ все и судить о моихъ мысляхъ по выраженію твоего лица...

„И вдругъ, оказывается, тебя нѣтъ.

„Но это не убѣждаетъ меня въ томъ, что тебя нѣтъ. Я готовъ искать тебя по всѣмъ комнатамъ и при каждомъ шорохѣ оборачиваться, воображая, что это ты... Но вокругъ меня по-прежнему все тихо, и приходится убѣдиться, что я только чудакъ съ разстроеннымъ воображеніемъ.

„Тебѣ не слѣдовало бы покидать меня ни на одинъ часъ!

„У меня только твой портретъ, чтобы любоваться тобой. Впрочемъ, есть у меня еще какъ-то забытая тобой перчатка, которую я могу цѣловать. Когда и гдѣ я нашель эту перчатку—не знаю. Знаю, одно, что теперь она всегда со мной. Я даже готовъ думать, что эта милая перчатка вовсе и не забыта, а сама выпрыгнула изъ твоего кармана, именно для того, чтобы утѣшать меня, чтобы я могъ воображать, что прикасаюсь къ твоимъ нѣжнымъ пальчикамъ.

„А знаешь ли, я становлюсь суевѣренъ? Есть повѣрье, что тотъ, кто что-нибудь забылъ, скоро вернется. Такъ помни же, — у меня лежитъ твой залогъ, который нашептываетъ мнѣ, что ты скоро вернешься ко мнѣ. И тогда я буду держать въ рукахъ уже не перчатку, а маленькую, теплую ручку, которую постараюсь держать такъ крѣпко, что она уже больше у меня не вырвется. Я не могу жить безъ этой маленькой, обожаемой, ручки! Она слишкомъ мила и дорога мнѣ. Притомъ она виновата предо мной. Она похитила всѣ мои богатства: пылъ горячаго сердца моего и всѣ мои лучшія мысли.

„Цѣлую пока перчатку съ этой ручки и маю тебя ею назадъ.

„Милая, мнѣ скучно безъ тебя! Одиночество пугаетъ меня! Ты мнѣ слишкомъ дорога...“

Она не могла продолжать чтенія: — слезы застилали ей глаза. Она плакала о томъ, что онъ такъ горячо ее любилъ.

V.

Къ срединѣ лѣта дачный сезонъ въ Тунадалѣ былъ въ полномъ разгарѣ. Развлеченій было вволю, и молодежь веселилась направо и налево.

Любившая всякія удовольствія, Гертрудъ участвовала во всемъ, а Лена слѣдовала за ней, какъ тѣнь. Въ концѣ концовъ общность вкусовъ сдѣлала ихъ друзьями, и Лена откровенно признавалась, что еще никогда ей не жилось такъ хорошо. Тѣ самыя удовольствія, которыми она прежде пользовалась тайкомъ и лишь изрѣдка, давались ей теперь открыто, и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Надо прибавить и то, что Гертрудъ оказывала на нее замѣтное вліяніе, благодаря которому Лена стала гораздо милѣе и общительнѣе, чѣмъ прежде, и въ то же время стала особенно заниматься собой и своими туалетами.

Гертрудъ страстно любила лаунъ-теннисъ, и Лена заразилась отъ нея этой страстью. Гильдуръ уже не привлекали лѣсные прогулки, и она опять, какъ и въ городѣ, стала замѣтно избѣгать одиночества. Ей не подъ силу было оставаться наединѣ со своими тревогами и сомнѣніями.

Какъ-то появившись, по обыкновенію, на площадкѣ, отведенной для лаунъ-тенниса, онѣ очень изумились, увидѣвъ тамъ и Валеріуса, разговаривавшаго съ какими-то мужчинами.

Гертрудъ поспѣшила къ нему, вполне увѣренная, что онъ идетъ къ нимъ, и только случайно остановился здѣсь, встрѣтивъ знакомыхъ.

Какое было ихъ удивленіе, когда оказалось, что онъ поселился въ Тунадалѣ. Двое изъ его пріятелей занимали здѣсь небольшую дачу, и недавно одному изъ нихъ нужно было неожиданно уѣхать за границу. Валеріусъ и занялъ его мѣсто. По утрамъ онъ ежедневно ѣздитъ въ городъ, а къ вечеру возвращается къ себѣ и думаетъ часто навѣщать своихъ друзей.

Гильдуръ выслушала все это съ нѣкоторой холодностью; она очень сдержанно отвѣтила на его рукопожатіе, и, при первой же возможности, отвернулась отъ него.

Она сама не знала, почему робѣла передъ нимъ. Недавнее подозрѣніе по поводу его „тайны“ она вѣдь отбросила, какъ лишнюю нелѣпость. Нельзя же допустить, чтобы, питая къ ней затаенныя чувства, онъ сталъ бы ежедневно бывать въ ихъ домѣ. Для этого онъ слишкомъ честенъ, слишкомъ расположенъ къ Бурману, не смотря на всѣ выходки этого друга!

Однако, все-таки она чувствовала въ его присутствіи какое-то, совсѣмъ непонятное и сильно раздражавшее ее смущеніе. Ей просто не подъ силу было оставаться въ его обще-

ствѣ, и, въ послѣдній его прїѣздъ въ Тунадаль, она положительно избѣгала оставаться съ нимъ наединѣ. То же самое чувствовалось и теперь...

Съ этого дня ей пришлось часто встрѣчаться съ Валеріусомъ. Она уклонялась отъ такихъ встрѣчъ, насколько могла, да и Валеріусъ съ своей стороны тоже сталъ сдержаннѣе, видимо, не желая навязываться. Онъ даже рѣдко появлялся на дачѣ господъ Сюогъ. Но въ такой маленькой и тѣсной колоніи, какъ Тунадаль, встрѣчи были неизбѣжны. Приходилось сталкиваться въ паркѣ, въ общественныхъ собраніяхъ, у знакомыхъ... Впрочемъ, такія, совершенно случайныя, встрѣчи не тревожили Гильдуръ. Ея совѣсть оставалась спокойна, такъ какъ съ ея стороны дѣлалось все для избѣжанія этихъ встрѣчъ. Случалось даже такъ, что, совершенно неожиданно встрѣчаясь съ нимъ въ паркѣ, она относилась къ нему сердечно и довѣрчиво, какъ и прежде. Но если встрѣчу можно было хоть сколько-нибудь предвидѣть, Гильдуръ становилась холодна и сдержанна.

За то Гертрудъ и Лена были очень рады, нашедши въ Валеріусѣ новаго искуснаго партнера для лаунъ-тенниса, и стали бывать на площадке чаще прежняго. Особенно увлекалась игрой Лена. Она развила въ себѣ большую ловкость, изворачивалась во время игры, какъ настоящей котенокъ, и была при этомъ такъ граціозна, что приковывала къ себѣ вниманіе всѣхъ мужчинъ. Но дорожила она вниманіемъ одного Валеріуса и только ради его похвалъ старалась во время игры изо всѣхъ силъ.

Наблюдательная Гертрудъ все это замѣчала и чувствовала иногда нѣкоторую досаду. Коветство Лены раздражало ее. Зато Гильдуръ стала спокойнѣе. Теперь она могла съ чистой совѣстью отвѣчать Сету Бурману, что встрѣчается съ Валеріусомъ, сравнительно, рѣдко,—во всякомъ случаѣ гораздо рѣже Гертрудъ и Лены, особенно Лены.

Въ началѣ августа назначенъ былъ большой общественный балъ въ Тунальскомъ стеклянномъ павильонѣ. На этотъ балъ ожидалось множество гостей изъ города и окрестностей, и приготовления къ празднеству дѣлались большія.

Лена много хлопотала о своемъ туалетѣ, а Гертрудъ помогала ей: дружба между ними снова была восстановлена, и маленькія недоразумѣнія лаунъ-тенниса были забыты. Она ѣздила съ ней въ городъ для покупки матеріи на бальное платье. Выбрали бѣлый, затканый розовыми мушками газъ.

Платье рѣшили сдѣлать на розовомъ чехлѣ, съ отдѣлкой изъ бѣлыхъ лентъ и широкихъ кружевъ; вырѣзъ лифа—умѣренный; рукава—полукороткіе.

Платье вышло прелестное. Когда Лена вошла въ спальню Гертрудъ уже совсѣмъ одѣтая къ балу, та даже всплеснула руками отъ восторга. Въ самомъ дѣлѣ Лена была чрезвычайно мила.

Гертрудъ съ гордостью осмотрѣла нарядъ со всѣхъ сторонъ, приколола Ленѣ на грудь двѣ розовыя гвоздики, поправила ей прическу и объявила, что теперь все какъ слѣдуетъ. Затѣмъ, оглядѣвъ свой собственный нарядъ, она стала торопить ѣхать. Было уже очень поздно...

— Но гдѣ же Гильдуръ?—спохватилась она.

Послали служанку наверхъ, и та застала барышню, уже совершенно одѣтую, за чтеніемъ книги. Она дожидалась только, чтобъ ей сказали, что и остальные готовы.

Сойдя внизъ, она поразилась красотой Лены. Ей доставило истинное удовольствіе полюбоваться ею.

— Ты просто красавица! Весело смотрѣть на тебя,—вскричала она съ непритворнымъ восторгомъ.

— Ну, вотъ еще!..

Лена отвернулась и сдѣлала нѣсколько шаговъ въ комнату, стараясь казаться равнодушной. Но лицо ея такъ и сіяло отъ удовольствія.

Между тѣмъ Гертрудъ съ удивленіемъ оглядывала зловку.

— Это очень, очень недурно!—проговорила она, серьезно разсматривая ея бѣлое, шелковое платье, съ золотистой плюшевой отдѣлкой на лифѣ. — Эта плюшевая отдѣлка просто прелесть... Право, я, кажется, никогда еще не видала тебя такой хорошенькой!

Гильдуръ разсмѣялась и случайно взглянула на Лену. Та смотрѣла на нее пристальнымъ, внезапно потемнѣвшимъ отъ зависти взглядомъ. Встрѣтившись съ взглядомъ Гильдуръ, она потупилась и отвернулась.

Отъ природы Лена вовсе не была завистлива, а теперь, когда она сама была такъ восхитительно мила, завидовать Гильдуръ было, кажется, нечего. И все-таки изящный нарядъ Гильдуръ былъ ей непріятенъ.

Однако, еще дорогой на балъ, она опять пришла въ хорошее расположеніе духа, а на балу ея успѣхъ превзошелъ ея ожиданія. Приглашеній на танцы было въ десять разъ

больше, чѣмъ она могла принять. И она всей душой отдавалась удовольствію быть царицей бала. Она держала себя находчиво и смѣло, точно опытная свѣтская львица. Никто и не повѣрилъ бы, что не далѣе, какъ полгода назадъ, она еще была застѣнчивой, неуклюжей дѣвочкой.

Валеріусъ, тоже бывшій на балѣ, смотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ. До нѣкоторой степени онъ считалъ себя ея покровителемъ, такъ какъ два поневолѣ былъ повѣреннымъ ея маленькихъ проступковъ, и оба раза довольно легко далъ ей отпущеніе грѣховъ.

Она смотрѣла на него сіяющими отъ радости глазами, когда онъ подошелъ къ ней, и съ такимъ увлеченіемъ отвѣчала на его вопросы, что не замѣтила даже подходившихъ къ ней кавалеровъ.

— Скажите-ка мнѣ теперь, — спросилъ онъ съ улыбкой, — есть здѣсь кавалеры, съ которыми не скучнѣе, чѣмъ съ тѣмъ „весеннимъ“ студентомъ?

Тутъ она забыла свою роль свѣтской львицы и отвѣтила въ томъ же школьническомъ тонѣ, въ какомъ отвѣчала, бывало, на его шутки, когда шла рядомъ съ нимъ по тротуару, постукивая зонтикомъ о тумбы и размахивая нотной папкой.

— Будьте покойны, — сказала она съ удареніемъ. — Здѣсь есть такіе, которые лучше всякихъ студентовъ!

Ему даже показалось, что она при этомъ такъ выразительно посмотрѣла на него, точно хотѣла, чтобы онъ принял ея слова за лично къ нему относящуюся любезность.

Это разсмѣшило его, и онъ далъ ей отеческій совѣтъ отнюдь не пренебрегать студентами, и предупредительно уступилъ свое мѣсто подходившему къ ней въ это время совсѣмъ юному студенту.

Оставшись одинъ, онъ сталъ неотступно слѣдить за дѣвучкой въ бѣломъ платьѣ съ золотистой плюшевой отдѣлкой, танцовавшей въ это время съ незнакомымъ ему офицеромъ...

Въ началѣ вечера онъ успѣлъ сказать нѣсколько словъ съ Гильдуръ, но нашелъ ее опять какой-то натянутой. На его просьбу удѣлить ему какую-нибудь кадрили, она отвѣтила отказомъ.

Онъ не сталъ настаивать, но, явно оскорбленный ея отказомъ, началъ держаться вдали отъ нея. Ему было скучно, и раздававшіеся вокругъ него смѣхъ, шутки и бальная музыка раздражали его. Уйти же онъ не могъ. Онъ чувствовалъ непреодолимую потребность хоть издали слѣдить за ней.

Онъ не принялъ даже приглашенія Гуго, настойчиво звавшего его занять мѣсто у ихъ стола. Ему чувствовалось свободнѣе въ кругу веселыхъ товарищей, которые не замѣчали его дурного расположенія духа и не мѣшали ему молчать, когда онъ не хотѣлъ говорить.

Послѣ ужина снова начались танцы. Валеріусъ вышелъ изъ столовой вмѣстѣ со всѣми, но не вошелъ въ бальную залу, а выбрался въ садъ, подъ липы, и закурилъ сигару. Черезъ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ бѣлую фигуру, тоже спускавшуюся съ веранды въ садъ. Онъ сейчасъ же узналъ въ этой фигурѣ Гильдуръ. Она остановилась на ступенькахъ веранды, какъ бы съ наслажденіемъ вдыхая въ себя свѣжій ночной воздухъ, потомъ прошла площадку и опустилась на скамейку, почти со всѣхъ сторонъ укутанную нависшими вѣтвями деревьевъ.

Не долго думалъ, бросился Валеріусъ въ переднюю павильона, схватилъ первую попавшуюся ему подъ руку дамскую шаль и съ этой шалью въ рукахъ черезъ минуту появился передъ Гильдуръ, воображавшей себя спрятанной отъ всѣхъ.

Не давая ей времени высказать свое удивленіе, онъ укуталъ ее шалью.

— Неужели, вы воображаете, что я позволю вамъ простужаться здѣсь, на росѣ?—сказалъ онъ.

— Да вѣдь вовсе не холодно, и я хотѣла остаться только нѣсколько минутъ. Я просто задыхалась тамъ, въ залѣ.

— Въ шали вы можете оставаться здѣсь, сколько хотите. Но никакъ не иначе!

— Это, наконецъ, насиліе!—сказала она улыбаясь, однако укуталась въ шаль и опустилась опять на скамейку.

Онъ сѣлъ рядомъ, и они заговорили о фантастичномъ освѣщеніи павильона, о цвѣтѣ липовой листвы при искусствennomъ освѣщеніи, точно только что познакомившіеся люди.

Но оба чувствовали нелѣпность продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ, и понемногу умоляли.

Съ минуту длилось молчаніе.

— Почему вы избѣгаете меня?—неожиданно вырвался у него вопросъ, который онъ давно уже собирался сдѣлать.

— Развѣ я васъ избѣгаю?—переспросила она, вовсе не удивленная вопросомъ, но пытаясь уклониться отъ объясненія.

— Да, вы избѣгаете меня. Въ чемъ я провинился передъ вами?

— Ни въ чемъ, конечно... Я даже не понимаю, о чемъ вы говорите.

— Нѣтъ, вы отлично понимаете!

Оба сознавали, что попали на скользкую почву, и замолчали, пугаясь дальнѣйшаго объясненія. Онъ продолжалъ вопросительно смотрѣть на нее, хотя и зналъ, что настоящие вопросы только болѣе отдаляютъ ее отъ него.

Онъ такъ сильно волновался, что утратилъ свое обычное самообладаніе.

— Скоро же вамъ надоѣдаютъ друзья!—вскричалъ онъ, не добившись отвѣта.

— Не знаю, почему вы говорите это,—возразила она тихо.

— Почему? Развѣ вы не уходите, какъ только я приближаюсь къ вамъ? Развѣ вы не избѣгаете малѣйшаго случая встрѣчаться со мной? За послѣднія двѣ недѣли вы не сказали мнѣ и двадцати словъ. Скажите откровенно, вы за что-нибудь сердитесь на меня?

— Это, наконецъ, невыносимо!—вспылила она.—Не понимаю, по какому праву...

— Позвольте,—перебилъ онъ.—Вправѣ же человекъ хоть узнать, въ чемъ онъ провинился. Вамъ не понравилось, что я переѣхалъ сюда?

Она быстро обернулась къ нему и хотѣла что-то сказать, но одумалась и промолчала.

— Вамъ это не понравилось?—повторилъ онъ.

— Мнѣ не нравится, что вы говорите глупости!—отвѣтила она.

Это упорное уклоненіе отъ прямого отвѣта стало его раздражать. Его лицо, слабо освѣщенное разноцвѣтными фонариками, окружавшими павильонъ, поблѣднѣло и приняло суровое выраженіе; но глаза сверкали, какъ угольки. Онъ требовалъ отвѣта съ настойчивостью несправедливо оскорбленнаго человека.

— Я поселился здѣсь, главнымъ образомъ, изъ-за васъ!—прибавилъ онъ медленно.

Она вздрогнула, но сейчасъ же овладѣла собой, инстинктивно сознавая, что не должна обнаружить ни одного движенія своей души. Она нашла въ себѣ силы даже разсмѣяться.

— Я замѣчаю, что вы вооружаетесь комплиментами!—сказала она свѣтскимъ тономъ.—Но это очень слабое оружіе. Не на площадкѣ ли, гдѣ играютъ въ лаунъ-теннисъ, вы научились владѣть имъ?

Онъ не удостоилъ ея шутку даже отвѣтомъ.

— Если вы не хотите сказать, почему вы перемѣнились ко мнѣ, — сказалъ онъ, понижая голосъ и ближе придвигаясь къ ней, — то я вправѣ принять это за попытку въ разрыву. Если хотите, пусть это и будетъ разрывомъ, даже разрывомъ навсегда... Но вѣдь мы условились, что прежде, чѣмъ разстаться съ вами навсегда, я долженъ покаяться передъ вами. Я надѣялся, что сдѣлаю это еще не скоро, когда мы оба посѣдимъ и состаримся. Но пусть будетъ по вашему: я сдѣлаю свое признаніе сейчасъ же.

Она поняла, что не должна долѣе слушать его и въ испугѣ поднялась со скамьи. При этомъ шаль соскользнула съ ея плечь.

— Нѣтъ, — вскричала она, забывая всякую осторожность. — Я не хочу слушать васъ.

— Даже въ томъ случаѣ, если намъ не предстоитъ больше встрѣчаться?

— Даже въ этомъ!

Онъ снова поднялъ шаль и властно укуталъ ее. Почувствовавъ, что она вся дрожитъ, онъ смягчился.

— Вы вѣдь не знаете, о чемъ я хочу говорить, — сказалъ онъ печально.

— Нѣтъ, не знаю, и не хочу знать! Слышите, — не хочу!

Она сдѣлала движеніе, чтобы сбросить шаль и уйти въ залу, какъ въ глаза ей бросилась какая-то свѣтлая фигура, стоявшая прямо передъ ней.

Она остановилась, какъ вкопанная. Въ двухъ шагахъ отъ нея стояла Лена, пристально на нее смотрѣвшая.

„Давно ли она тутъ? И что она успѣла подслушать?“ пронеслось въ головѣ Гильдуръ.

Но ея ужасъ тотчасъ же нѣсколько разсѣялся. Она успокоила себя, сообразивъ, что говорили они негромко, и только намегами.

Между тѣмъ Лена продолжала молчать. По лицу ея было видно, что даже если она и ничего не слыхала, то достаточно видѣла. Она смотрѣла на Гильдуръ непріязненно и съ холоднымъ негодованіемъ.

— Гертрудь и Гуго уѣзжаютъ, — сказала она наконецъ. — Мы нигдѣ не могли найти тебя.

Съ этими словами она обернулась, и быстро пошла къ павильону.

Гильдуръ продолжала стоять на мѣстѣ, провожая ее тре-

вожнымъ взглядомъ. Снова сердце ея сжалось отъ страха. Что подумала о ней Лена? Что теперь выйдетъ изъ всего этого?

— Простите меня!—тихо проговорилъ Валеріусъ, о которомъ она совсѣмъ забыла.—Простите, если можете! Я въ самомъ дѣлѣ очень виноватъ передъ вами.

Онъ сказалъ это такъ печально, съ такой безнадежной тоской во взглядѣ, что вдругъ ей стало невыносимо грустно. Ей было жаль себя, ей было жаль его; она чувствовала, что надвигаются бѣды и скорби. Она еле сдерживала душившія ее рыданія.

— Прощайте!—прошептала она и подала ему руку, но, едва почувствовавъ прикосновеніе его руки, тотчасъ же вырвала ее и быстро ушла въ павильонъ.

Ея бѣлое платье мелькнуло на верандѣ среди разноцвѣтныхъ фонарей и скрылось. Валеріусъ остался подъ липами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ.

Джона Леббока.

(Переводъ съ англійскаго).

(Окончаніе *).

ГЛАВА XV.

Надежда.

Мнѣ часто приходилось слышать, какъ люди удивлялись тому, что надежда считается добродѣтелью, точно также какъ вѣра и любовь. Вѣра, любовь несомнѣнно добродѣтели, но почему надежда должна считаться добродѣтелью?

Между тѣмъ, отчаяніе—несомнѣнное зло; если же отчаяніе—зло, то надежда—благо. Терпѣніе и неуклонная твердость подразумѣваютъ надежду, а по терпѣнію можно гораздо лучше судить о характерѣ, чѣмъ по одному какому-нибудь геройскому поступку, какъ бы онъ ни былъ благороденъ. Многія преданныя, несчастныя женщины—настоящія мученицы.

Не принимайте всего слишкомъ близко къ сердцу. Пока человѣкъ не отчаявается, онъ, въ сущности, еще не побѣжденъ. Сидней Смитъ (Sydney Smith) далъ прекрасный совѣтъ съ свойственнымъ ему юморомъ и здравымъ смысломъ: «Если мы хотимъ дѣйствительно совершить что-нибудь хорошее въ мірѣ, мы не должны стоять на берегу, дрожа и размышляя о холодѣ и опасности, а смѣло бросаться въ воду и бороться, стараясь, по мѣрѣ силъ, справиться съ стихіей». Любопытно, что люди рѣдко боятся настоящей опасности: ихъ гораздо больше волнуетъ воображаемая. Между прочимъ, они боятся до смѣшнаго стать предметомъ насмѣшки. Не поддавайтесь никогда ложному стыду. Петръ муже-

*) См. «Міръ Божій», № 6, июнь.

ственно встрѣтилъ фарисеевъ и солдатъ, но не вынесъ насмѣшекъ прислуги въ домѣ первосвященника.

Шекспиръ говоритъ: «Трусые умираютъ много разъ до наступленія смерти; безстрашный же человѣкъ только разъ умираетъ». Когда Довъ-Кихотъ зацѣпился рукавомъ за окно конюшни, онъ вообразилъ, что виситъ надъ страшной пропастью; когда же Мариторна его освободила, онъ увидѣлъ, что висѣлъ лишь въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ земли. Сколько армій, одержавъ побѣду на полѣ битвы, обращались ночью въ бѣгство, вслѣдствіе охватившей ихъ паники. Самое слово «паника» означаетъ безпричинный страхъ. Да развѣ не бываетъ, часто даже при яркомъ свѣтѣ дня, самыхъ неосновательныхъ опасеній?

Человѣкъ, недовольный судьбой, долженъ бы спросить себя, съ кѣмъ онъ желалъ бы помѣняться? Онъ не могъ-бы пожелать здорovia одного, богатство другого, семью третьяго. Если онъ недоволенъ, пусть мѣняется всѣмъ или ничѣмъ.

И такъ, никогда не отчаявайтесь. Все исправимо, кромѣ отчаянія. «Горе тому, кто слабъ душой!» говоритъ Иисусъ сынъ Сираховъ. «Когда мужество пропало, все пропало! — говоритъ Гете. — Лучше бы тебѣ не родиться!» Вынести все значитъ завоевать свою судьбу. «Остерегайтесь отчаянныхъ поступковъ, — говоритъ Куперъ, — проживите до завтра, и самый мрачный день пройдетъ».

Каждый человѣкъ ошибается. Хорошо сказано, что человѣкъ, который никогда не ошибается, никогда ничего не сдѣлаетъ. Но нечего впадать дважды въ ту же ошибку. Пусть ошибки служатъ урокомъ для насъ, и онѣ сдѣлаются ступенями къ лучшей жизни.

Дж. Юмъ говорилъ часто, что предпочелъ бы веселое расположение духа имѣнію съ 10.000 ф. ст. ежегоднаго дохода.

Настоящее — самое важное время для дѣятельности, но, въ одномъ смыслѣ, разумнѣе — жить прошедшимъ и будущимъ. Много несчастій въ жизни происходитъ оттого, что мы жертвуемъ будущимъ для настоящаго, будущимъ счастьемъ для минутнаго удовольствія. Конечно, вѣрно, что синица въ руку лучше журавля въ небѣ; но дѣло въ томъ, что, по всей вѣроятности, журавля нельзя было бы поймать и посадить въ клетку, тогда какъ, напротивъ, будущее, навѣрное, придетъ, и самые счастливые люди тѣ, счастье которыхъ заключается, по выраженію Рескина, «въ воспоминаніи, а желанія — въ небѣ». Если бы мы обращали больше вниманія на будущее, мы избѣгли бы большихъ промаховъ, потому что стоитъ человѣку махнуть рукой на преходящее и временное, не имѣющее ничего общаго съ истинной жизнью, и съ нимъ будетъ пребывать вѣчное, со всѣмъ своимъ благословеніемъ.

Человѣкъ долженъ быть, прежде всего, мужественнымъ и, по выраженію Скотта, долженъ «создать въ себѣ волю и смѣлый духъ». Мужество — не только добродѣтель, но и часть существа человѣка. Мужчина, желающій быть мужчиной, долженъ быть мужественнымъ, все равно какъ женщина, желающая быть женщиной, должна быть кроткой, хотя, конечно, желательнo, чтобы мужчины были такъ же кротки, какъ и мужественны, а женщины — такъ же мужественны, какъ и кротки. Безпечность — не мужество. Мужество не заключается въ презрѣніи опасности, а въ смѣлой встрѣчѣ съ нею. Безсмысленное исканіе опасности — не мужество, но, когда опасность приходитъ, трусость ее удваиваетъ: спасеніе заключается въ томъ, чтобы встрѣтить ее смѣло и хладнокровно. Бѣжать во время сраженія — лучшее средство быть убитымъ, особенно для тѣхъ, у кого, какъ у Ахиллеса, слабое мѣсто — въ пяткахъ.

«Вообще, — говоритъ Борнъ, — мракъ необходимъ, чтобы что-нибудь казалось ужаснымъ. Когда мы знаемъ весь размѣръ опасности, когда мы можемъ приучиться къ ней, то большая часть страха исчезаетъ». Въ старой баснѣ, олень, перепуганный перьями, попалъ въ руки охотниковъ, а солдаты, принявшіе облако пыли, поднятое стадомъ овецъ, за непріятеля, попали въ ловушку. Сохраняйте хладнокровіе и мужество. «Изъ крапивы опасности вырывайте цвѣтокъ спасенія!». Не ожидайте слишкомъ многого. «Тайна успѣха, — говоритъ Гёте, — заключается въ томъ, чтобы умѣть ожидать малаго и наслаждаться многимъ». Не ожидайте слишкомъ многого и не ожидайте его слишкомъ скоро. Все приходитъ тому, кто умѣетъ ждать. Самую темную тѣнь въ жизни человѣкъ образуетъ самъ, застилая собой свѣтъ. Тѣмъ не менѣе, что бы мы ни дѣлали, горе должно придти, и мы должны умѣть перенести его мужественно.

«Въ самыя мрачныя минуты, — говоритъ Рихтеръ, — вызывайте воспоминаніе о самыхъ свѣтлыхъ». «Познайте, какая великая вещь — страдать и быть сильнымъ», сказалъ Лонгфелло.

Что бы ни случилось, но время проходитъ и въ самый тяжелый день, и въ этомъ великое утѣшеніе.

Послѣ зимы приходитъ лѣто, послѣ ночи — день, а послѣ бури — великая тишина. Какъ бы тяжелъ ни былъ нашъ путь, помните, время успокаиваетъ величайшее горе. «Горе можетъ продолжиться всю ночь, но утромъ приходитъ радость».

Въ случаѣ переменъ, кажущейся на первый взглядъ большимъ несчастьемъ, прежде всего убѣдитесь, дѣйствительно ли это такъ. Видимость часто обманчива; въ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, не-

позволительно приходитъ въ отчаяніе отъ всякаго пустяка. Мы никогда не знаемъ, на что мы способны, пока не попробуемъ. Часто забота и горе—лишь переодѣтые друзья. Нельсонъ часто прибѣгалъ къ своему слѣвному глазу, когда не желалъ видѣть сигнала къ отступленію. Сэръ М. Грантъ-Дуффъ говоритъ въ своей прелестной «Жизни Ренана»: «Есть много людей, жизни которыхъ мы не позавидовали бы, но смерти которыхъ завидуемъ». Въ исторіи столько же людей обязаны своимъ бессмертіемъ эшафоту, сколько и престолу. Мы страдаемъ или по своей винѣ, или для общаго блага.

«Мудрые люди, — говоритъ Шекспиръ, — никогда не сидятъ оплакивая свои потери, а бодро ищутъ средствъ поправить свои неудачи».

Слѣдовательно, мы должны быть благодарными и вполне наслаждаться безчисленными радостями жизни, и не должно смотрѣть на горе и страданіе, какъ на одно лишь зло. Постоянный и неизмѣнный успѣхъ никому не доставилъ бы счастья; если бы онъ и оказался подъ силу человѣку, то непременно подѣйствовалъ бы на него раздражающимъ и расслабляющимъ образомъ. Побѣждать препятствія, сопротивляться соблазну, мужественно переносить горе, — все это возвышаетъ, укрѣпляетъ и облагораживаетъ характеръ.

«Стоя лицомъ къ лицу съ вѣчностью, — говоритъ Гейки, — главное заключается въ томъ, чтобы величественно идти къ ней».

Много наслажденія доставляетъ намъ мягкій лѣтній воздухъ и солнечное сіяніе, но природа обязана большей частью своего величія и красоты—зимнему снѣгу и зимнимъ бурямъ.

Заботы и огорченія, какъ сѣверо-восточный вѣтеръ, укрѣпляютъ и закаляютъ насъ.

Эпиктетъ говоритъ: «Какъ вы думаете, чѣмъ былъ бы Геркулесъ, если бы не было льва, гидры, кабана и нѣкоторыхъ несправедливыхъ, звѣрскихъ людей, съ которыми онъ боролся и которыхъ уничтожалъ? Что бы онъ дѣлалъ, если бы ничего подобнаго не существовало? Не очевидно ли, что онъ былъ легъ и заснулъ? Слѣдовательно, онъ не былъ бы Геркулесомъ, если бы проводилъ свою жизнь въ роскоши и покоѣ; да если бы онъ и былъ имъ, то какая польза была бы отъ него? На что послужили бы ему руки, сила его тѣла, выносливость и благородный духъ, если бы не явился случай примѣнить ихъ и испытать?».

Когда осудили Сократа, Апполондоръ сокрушался о несправедливости его страданій. «Развѣ ты желалъ бы, — сказалъ философъ, — чтобы я былъ виновенъ?».

Св. Петръ говоритъ: «Похвально, если человѣкъ, изъ вѣрности своей Богу, претерпѣваетъ незаслуженно горе и страданія. Ибо въ чемъ же заслуга терпѣливо выносить наказаніе за свою вину? Но если вы пострадаете за то, что поступали хорошо, и несете терпѣливо страданіе, то Богу это будетъ угодно».

ГЛАВА XVI.

Любовь.

Мы не только должны поступать съ другими такъ, какъ желали бы, чтобы поступали съ нами, но и думать о нихъ такъ же хорошо, какъ желали бы, чтобы и о насъ думали. Если мы не будемъ снисходительны къ другимъ, какъ же мы можемъ рассчитывать на снисходительность къ себѣ? Кромѣ того, въ концѣ концовъ, мы убѣдимся сами, что хорошее мнѣніе о другихъ чаще всего оправдывается.

Иные готовы на жертвы, но пренебрегаютъ тѣми маленькими доказательствами доброжелательности и привязанности, которыя вносятъ столько свѣта и счастья въ жизнь.

Если у насъ даже есть поводъ жаловаться, обида рѣдко бываетъ такъ велика, какъ она намъ представляется, а раздраженіе только удваиваетъ ее. Местъ приноситъ больше зла, чѣмъ сама обида; человѣкъ, желающій сдѣлать зло другому, всегда больше всего вредитъ себѣ, подобно пчелѣ, погибающей, когда она жалитъ въ гнѣвъ.

Иные люди ищутъ вездѣ недостатки. Между тѣмъ, гораздо разумнѣе восхищаться, чѣмъ критиковать; придирчивость не критика. Если въ шкафу и будетъ скелетъ,*) то, навѣрное, тамъ найдется еще что-нибудь, кромѣ него. Кости не составляютъ человѣка. Критика можетъ быть справедлива, и всетаки въ ней не вся истина. Очень интересно побывать за сценой, но чтобы смотрѣть на представленіе, лучше выбрать другое мѣсто. Старайтесь найти въ людяхъ и въ жизни не зло, а добро, и вы найдете то, чего ищете.

Будьте всегда терпѣливы. Мы знаемъ, что въ девяти случаяхъ изъ десяти дѣти капризничаютъ, потому что нездоровы; а въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, мы всѣ — взрослые дѣти. Въ большинствѣ случаевъ мы бы жалѣли, а не сердились на раздражительныхъ людей, если бы знали всѣ обстоятельства ихъ жизни и всѣ ихъ чувства.

*) Англійская пословица, — въ каждомъ домѣ есть свой скелетъ, т. е. тягостная тайна, которую тщательно скрываютъ отъ другихъ.

Съ больнымъ человѣкомъ мы обращаемся очень осторожно. Мы все ему прощаемъ. Мы дѣлаемъ все, что только приходится на умъ, для облегченія больнаго. Мы стараемся его избавить отъ всякой непріятности, отъ всякаго повода къ раздраженію. Но почему же только въ этомъ случаѣ? Было бы гораздо лучше, если бы всегда мы были также добры и осторожны.

Мы не знаемъ чужихъ заботъ, волненій, огорченій и тайныхъ страданій. Будьте же снисходительны, хотя вамъ и кажется, что вы имѣете право быть недовольными. Не бойтесь быть излишне снисходительными. Старайтесь видѣть лучшее во всемъ и во всѣхъ.

«De mortuis nil nisi bonum» (о мертвыхъ слѣдуетъ говорить только хорошее)—очень хорошее правило, но почему примѣнять его только къ мертвымъ? Отчего на одно доброе слово или поступокъ другихъ мы слышимъ столько злыхъ исторій, столько недоброжелательныхъ толковъ? Какъ было бы хорошо, если бы люди говорили о живыхъ, какъ о мертвыхъ.

Не спѣшите осуждать, если ужъ необходимо осуждать.

Конечно, бываютъ случаи, когда необходимо высказать свое неодобреніе, но, вообще, лучше смолчать, чѣмъ сказать что-нибудь нехорошее. Сидней Смитъ, говорятъ, написалъ одному знакомому, который злословилъ въ его отсутствіи, что онъ позволяетъ ему и бить его, когда его не будетъ тутъ. Почти всѣ мы предпочитаемъ, чтобы насъ обвиняли въ лицо, давая намъ возможность защищаться; мы всѣ страшно чувствительны къ тому, что говорится за нашей спиной. Можетъ быть, люди посмѣются и будутъ забавляться злыми вещами, сказанными о другихъ, но, повѣрьте, они сдѣлаютъ естественный выводъ, что скоро придетъ и ихъ очередь, и они охладѣютъ къ вамъ, какъ бы ни смѣялись въ эту минуту съ вами.

Я долженъ то же сказать слово въ защиту животныхъ. Сенека справедливо замѣчаетъ, что мы во враждѣ со всѣми живыми существами, благодаря крючкамъ, сѣтямъ, ловушкамъ и собакамъ (мы можемъ прибавить, и ружьямъ). Можетъ быть намъ необходимо, до извѣстной степени, жить на счетъ другихъ животныхъ. Если же мы имъ такъ много обязаны, то мы тѣмъ болѣе должны стараться не подвергать ихъ ненужнымъ страданіямъ.

Ома Кемпійскій говоритъ: «если твое сердце справедливо, то каждая тварь будетъ для тебя зеркаломъ жизни и книгой святаго ученія».

Птицы имѣютъ, дѣйствительно, что-то особенно воздушное. «Св. Францискъ,—говоритъ Кингслей,—увѣренный въ томъ, что

онъ духовное существо, допускалъ, что птицы могутъ также быть духовными существами, воплощенными, какъ и онъ, въ смертное тѣло, и не видѣлъ никакого униженія для достоинства человѣческой природы въ родствѣ своемъ съ такими прекрасными, прелестными созданіями, которыя, какъ ему казалось при его мирозерцаніи, восхваляли Бога въ гѣсу, какъ ангелы — на небѣ».

Какъ бы то ни было, съ животными слѣдуетъ всегда обращаться хорошо и заботливо; подвергать ихъ ненужнымъ страданіямъ — преступленіе. Уордсуортъ говорить, что «лучшую часть жизни хорошаго человѣка составляютъ маленькіе, неизвѣстные или забытые поступки любви».

✓ Слишкомъ часто понимаютъ милосердіе, какъ милостыню; конечно, правъ греческій поэтъ, говоря: «всѣхъ чужестранцевъ и бѣдныхъ посылаетъ Зевсъ, и какъ бы ни было мало подаяніе, оно пріятно ему». ✓

Но, тѣмъ не менѣе, подаяніе лишь одна форма милосердія, и притомъ никакъ не главная, а такая, которая можетъ принести больше вреда, чѣмъ добра, если она не вполне разумна. ✓

Чувство симпатіи и привязанности гораздо важнѣе. ✓ «Научите меня, — говоритъ Поупъ, — чувствовать чужое горе, скрывать ошибки, которыя я замѣчаю въ другихъ, и выказывайте ко мнѣ такое же милосердіе, какое я выказываю къ другимъ». ✓

✓ Забывайте обиды, но никогда не забывайте добра. ✓

✓ «Неблагодарность ребенка, — говоритъ Шекспиръ, — больнѣе укушенія змѣи». ✓

«Сколько людей, — по мнѣнію Сенеки, — недостойныхъ видѣть дневной свѣтъ, а, между тѣмъ, солнце восходитъ».

Кто не прощаетъ другимъ, не можетъ рассчитывать на прощаніе себѣ.

«Представьте себѣ, — говоритъ др. Бутлеръ, — что васъ страшитъ приближающаяся смерть, что вы сейчасъ представляете безъ покрова, открыто передъ Судьей всей земли, чтобы дать отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ вашимъ братьямъ: что можетъ быть въ такой моментъ ужаснѣе мысли, что вы были немилосердны и неумолимы къ тѣмъ, кто васъ обидѣлъ? Вы не были одушевлены духомъ всепрощенія къ другимъ, а теперь, вся ваша надежда — на милосердіе. Весь ужасъ этого положенія прекрасно выраженъ въ словахъ Господа: «Такъ и Отецъ Мой Небесный поступитъ съ вами, если не проститъ каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его».

Божественное ученіе — прощать обиды и любить враговъ — принадлежитъ преимущественно христіанству, хотя оно и не от-

существуетъ въ другихъ системахъ нравственности. Евангеліе часто повторяетъ его: «Ибо, если вы простите людямъ ихъ прегрѣшенія, то и Отецъ вашъ Небесный проститъ вамъ; если же вы не простите людямъ ихъ прегрѣшеній, то и Отецъ вашъ Небесный не проститъ вамъ».

Но недостаточно прощать. Мы должны идти дальше.

«А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ;

«Да будете сынами Отца вашего небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ».

Святой Павелъ говоритъ: «Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ, любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упраздняется... А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше».

Г л а в а XVII.

Характеръ.

Для успѣха въ жизни характеръ и настойчивость важнѣе всѣхъ способностей. Я, конечно, не желаю основывать важность характера исключительно на этомъ соображеніи, но, тѣмъ не менѣе, оно вполне вѣрно. Гораздо важнѣе поступать правильно, чѣмъ знать, какъ поступить; путь одинъ и тотъ же, желаемъ ли мы быть добрыми, или счастливыми. Золотые поступки создаютъ золотые дни.

Достоинство жизни измѣряется ея нравственной цѣной. Кемъ говоритъ: «Разъ навсегда возьмите себѣ за правило — никогда не ждать и не колебаться, когда совѣсть вамъ подсказываетъ, что дѣлать, и у васъ будетъ ключъ ко всѣмъ радостямъ, которыхъ можетъ надѣяться грѣшникъ».

Въ концѣ концовъ, вы никогда не увеличите своего счастья тѣмъ, что пренебрегли какой-нибудь обязанностью или обошли ее. Характерная черта мудраго и добраго человѣка, по словамъ Вордсворта, заключается въ томъ, что онъ никогда не предается малодушному страху, а спокойно берется за исполненіе долга. При

первомъ знакѣ онъ идетъ на встрѣчу тысячѣ опасностей, и, надеясь на Бога, ихъ всѣ побѣждаетъ.

✓ Что необходимо для истиннаго успѣха въ жизни? «Только одно,—говоритъ Блэки. Деньги не нужны, власть не нужна; способность тоже, ни слава, ни свобода, даже здоровье не важнѣе всего,—но характеръ, въ совершенствѣ выработанная воля, вотъ что насъ, дѣйствительно, можетъ спасти; и если мы не можемъ спастись даже при этомъ условіи, то мы, дѣйствительно, погибли». !!!

Вашъ характеръ будетъ такимъ, какимъ вы захотите его сдѣлать. «Мы не можемъ всѣ сдѣлаться поэтами, музыкантами, великими артистами или учеными, но есть много другихъ вещей,—говоритъ Маркъ-Аврелій, — о которыхъ ты не можешь сказать, что природа тебя не создала для нихъ. Выказывай же тѣ качества, которыя въ твоей власти: искренность, серьезность, выносливость въ трудѣ, отвращеніе къ роскоши, доброжелательство, откровенность, умѣренность и великодушіе. Развѣ ты не видишь, сколько можешь сейчасъ же проявить качествъ, отсутствіе которыхъ нельзя извинить природной неспособностью, а между тѣмъ, ты добровольно унижаешь себя. Неужели природа такъ плохо одарила тебя, что ты можешь только жаловаться, быть мелочнымъ, льстить, искать въ себѣ недостатки, подлаживаться къ людямъ и беспокоиться? Нѣтъ, во имя боговъ! ты могъ бы давно освободиться отъ всего этого. Если же ты дѣйствительно нѣсколько медлителенъ и неповѣтливъ, ты долженъ работать надъ собой, а не отчаиваться и искать оправданія въ своей неспособости».

✓ Не дѣлайте никогда того, чего можете впоследствии стыдиться. Важнѣе всего—доброе мнѣніе о себѣ. ✓ Спокойная совѣсть,—говоритъ Сенека,—постоянный праздникъ». ✓

Я не могу рекомендовать примѣръ Франклина, хотя у него можно найти много поучительнаго. Кратко пересчитавъ добродѣтели, онъ говоритъ: «Такъ какъ я рѣшился приобрести привычку ко всѣмъ этимъ добродѣтелямъ, мнѣ показалось, что было бы хорошо не отвлекать своего вниманія, гоняясь за всѣми сразу, а лучше сперва заняться только одной изъ нихъ; когда же я овладѣю ею, то перейти къ другой, и такъ далѣе, пока не приобрету всѣ тринадцать» (умѣренность въ питьѣ, молчаніе, порядокъ, рѣшительность, умѣренность въ пищѣ, трудолюбіе, искренность, справедливость, умѣренность въ жизни, чистоплотность, спокойствіе, цѣломудріе и смиреніе). Трудно представить, чтобы онъ дѣйствительно слѣдовалъ этой теоріи, потому что, извѣстно, «если вы пустите въ домъ одного изъ родственниковъ сатаны, за нимъ послѣдуетъ вся семья его».

Хотеть! Епископъ Уильсонъ говоритъ: «Какъ бы мы удивились, услышавъ, что кто-нибудь, подавая милостыню, совѣтуетъ бѣдняку идти въ кабакъ или въ игорный домъ, или купить себѣ игрушку! Зачѣмъ же намъ дѣлать самимъ то, что было бы, какъ мы со- знаешь, смѣшно совѣтовать другимъ?»

Смотрите вверхъ, а не внизъ. Лордъ Биконсфильдъ говоритъ: «кто не смотритъ вверхъ, непременно будетъ смотрѣть внизъ, и духу, не рѣшающемуся стремиться кверху, придется, можетъ быть, пресмыкаться».

Безъ сомнѣнія, что касается реальной стороны жизни, обы- денныя формы честолюбія не стоютъ нашего вниманія, и дѣйстви- тельно, наши великіе люди, Шекспиръ, Мильтонъ, Ньютонъ, Дар- винъ, были далеки отъ почестей и титуловъ, которые могутъ да- ровать правительства. Мучительная сторона честолюбія—его не- насытность. При восхожденіи на гору, взобравшись на вершину, мы опять видимъ передъ собой вершину. Величайшіе завоеватели, какъ Александръ и Наполеонъ, никогда не были удовлетворены. Жертвы плохо направленаго честолюбія, они не могли «отдохнуть и быть благодарными». Бэконъ говоритъ: «кто привыкъ идти впередъ и вынужденъ внезапно остановиться, падаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и уже перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ».

Впрочемъ, поэтъ зашелъ черезчуръ далеко, говоря, что «одинъ часъ жизни, полной славы, стоитъ цѣлаго вѣка въ неиз- вѣстности».

Эгоистическое честолюбіе непрочно, какъ соломинка; оно не- премѣнно приведетъ къ разочарованію, хотя сперва покажется и заманчивымъ.

Что можетъ сдѣлать одно положеніе? Марія Медичи, королева Франціи, регентша Франціи, мать французскаго короля, королева Испаніи, королева Англіи и герцогиня Савойская, была брошена своими царственными дѣтьми, которые не хотѣли ее даже впустить въ свои владѣнія, и послѣ 10 лѣтъ гоненій умерла въ Кельнѣ (Cologne), въ нищетѣ, чуть не съ голода. Всѣ короны, болѣе или менѣе,—терновые вѣнцы. Чѣмъ лучше и добросовѣстнѣе вѣнце- носецъ, тѣмъ тяжелѣе на него ложится отвѣтственность его вла- сти. Нельзя быть спокойнымъ, когда одна ошибка можетъ соста- вить несчастіе тысячи людей.

Несомнѣнно, жизнь интересна при самомъ медленномъ про- грессѣ; безъ того же она невыносима. Человѣку предназначено— рости, а не стоять на мѣстѣ. Но въ своихъ стремленіяхъ будьте столь же разборчивы въ средствахъ, какъ и въ цѣляхъ. Достиг- нутое дурными средствами торжество, въ сущности,—падевіе. Во

всякомъ случаѣ многіе изъ насъ не могутъ стоять на мѣстѣ: мы должны идти впередъ или умереть.

Какъ же примирить эти двѣ потребности нашей природы? Наше честолюбіе должно заключаться въ умѣнны управлять собой, а это и есть истинное царство каждаго изъ насъ: истинный прогрессъ заключается въ стремленіи все больше и больше знать, быть большимъ и быть способнымъ на большее. Въ такомъ прогрессѣ никогда не будетъ остановки, съ каждымъ шагомъ онъ дѣлается болѣе увѣреннымъ, а не болѣе случайнымъ. Первое и высшее честолюбіе человѣка должно заключаться въ исполненіи долга.

Слово «слава», говорятъ, отсутствуетъ въ депешахъ герцога Веллингтона. Его пароль былъ: «долгъ».

И такъ, не исключайте честолюбія, но пусть оно будетъ честолюбіемъ праведника и мудреца.

«Само тщеславіе лучше нашло бы вѣрный путь къ славѣ, — говоритъ Байронъ, — если бы оно указало на бесполезной страницѣ исторіи—десять тысячъ завоевателей на одного мудреца».

Не все ли равно будетъ черезъ сто лѣтъ, были ли вы богатымъ, или бѣднымъ, перомъ или крестьяниномъ? Но большая разница—поступали ли вы хорошо, или нѣтъ. «Въ концѣ-концовъ, — говоритъ Рѣскингъ, — не важно: что мы думаемъ, что знаемъ, или во что вѣримъ. Единственно важное, это—что мы дѣлаемъ».

Будьте честны и правдивы. Жанъ-Поль Рихтеръ говоритъ: «первымъ грѣхомъ на землѣ (къ счастью, его совершилъ дьяволъ) была ложь». Честность—лучшая и единственно разумная политика.

«Правда, — говоритъ Чаусеръ, — величайшая вещь, которую человѣкъ можетъ сохранить».

«Человѣкъ, — говоритъ Плутархъ, — отдаляющійся отъ правды, свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, что онъ не уважаетъ Бога, а затѣмъ, что боится человѣка».

Хорошо стыдиться своей неправоты, но никогда не слѣдуетъ стыдиться признаться въ ней.

«Есть безчисленныя качества, — говоритъ Максъ Мюллеръ, — составляющія человѣка и дѣлающія его способнымъ исполнять работу, назначенную ему въ жизни. Но есть лишь одно существенное качество, безъ котораго человѣкъ—не человѣкъ, безъ котораго не была прожита ни одна великая жизнь, безъ котораго не было окончено ни одного великаго дѣла, это—правда, правда во внутреннемъ жрѣ. Посмотрите на всѣхъ истинно-великихъ и хорошихъ людей. Почему мы ихъ называемъ великими и хорошими? Потому, что они имѣли мужество быть правдивыми по отношенію къ себѣ, они имѣли мужество быть тѣмъ, чѣмъ они были».

Уордсуортъ говоритъ: «Не смотря на свою кажущуюся противоположность, мужественная зависимость и мужественная независимость должны идти вмѣстѣ; мужественное довѣріе связано съ мужественной самоувѣренностью». Научитесь повиноваться, и вы научитесь повелѣвать. Ученіе—хорошая дисциплина для души и для тѣла; плохой солдатъ никогда не будетъ хорошимъ генераломъ.

Не гордитесь въ случаѣ успѣха. Часто за торжествомъ идетъ гибель, и за гордостью—паденіе.

Мы часто отождествляемъ страстность съ дѣятельностью, а терпѣніе съ бездѣятельностью. Но это—заблужденіе. Терпѣніе требуетъ силы, а гнѣвъ—признакъ слабости и недостатка самообладанія.

Обладая властью, будьте до мелочей справедливы и вѣжливы.

Власть ведетъ за собой отвѣтственность. Но, во всякомъ случаѣ, думайте не о томъ, что вамъ хочется дѣлать, а о томъ, что должны дѣлать. Это—единственно вѣрный путь къ счастью.

Если предъ вами два дѣла и вы не знаете, за которое взяться, начните съ ближайшаго. Есть хорошіе люди, которые бросаютъ семью ради язычниковъ, но симпатія, какъ и любовь, должна начинаться съ домашнего очага.

Въ этомъ мірѣ все говоритъ въ пользу справедливости, въ чемъ легко убѣдиться. Мы говоримъ о наказаніи за грѣхи. Кто насъ наказываетъ? Мы сами себя наказываемъ. Міръ такъ устроенъ, что добро приноситъ радость, а зло—горе. Грѣшникъ и не страдать было бы нарушеніемъ законовъ природы.

Прощеніе грѣховъ не значитъ, что мы не будемъ наказаны. Это не только невозможно, но было бы и несчастьемъ. Въ сущности, нѣтъ большаго несчастія, какъ успѣхъ при нехорошей жизни. Если вы поступаете нехорошо, то въ будущемъ васъ будетъ преслѣдовать воспоминавіе прошлаго. Тѣ, кого вы обидѣли, могутъ васъ простить, но, прощая, они соберутъ груды горящихъ угольевъ на вашу голову, потому что ихъ великодушіе еще увеличитъ вашу вину.

Внѣшнія обстоятельства — сравнительно маловажны; то, что насъ окружаетъ, не такъ важно, какъ то, что мы изъ себя представляемъ. Слѣдите же за собой день за днемъ.

Привычка—вторая натура. «Посѣйте поступокъ, и вы пожнете привычку; посѣйте привычку, и вы пожнете характеръ; посѣйте характеръ, и вы пожнете судьбу». Мы всѣ ежедневно дѣлаемся немного лучше или немного хуже. Хорошо отдавать себѣ въ этомъ отчетъ каждый вечеръ.

Эмерсонъ говоритъ: «Человѣчество дѣлится на классъ благодѣ-

телей и классъ злодѣевъ». Если вы принадлежите ко второму, то вы превращаете своихъ друзей во враговъ, воспоминаніе—въ мученіе, жизнь—въ горе, міръ—въ темницу, и смерть—въ ужасъ. Съ другой стороны, если вы можете дать одну свѣтлую хорошую мысль, или одинъ счастливый часъ другому,—вы совершили дѣло добраго ангела.

Было бы очень важно для каждаго — запираяться ежедневно на часъ и проводить его въ мирномъ размышленіи.

Нельзя ссылаться на недостатокъ времени. Р. Пиль, по возвращеніи изъ палаты общинъ, читалъ, каждый вечеръ, главу изъ Библии; впрочемъ, я долженъ замѣтить, что въ то время палата общинъ не засѣдала такъ долго, какъ въ настоящее время.

Думайте о хорошемъ, и вы не будете дѣлать дурного. А награда—велика. Не откладываете хорошаго. Не оправдываетесь юностью. Маргарита де-Валуа говорила: «Мы всѣ будемъ достаточно добродѣтельны, когда въ насъ останутся только кожа и кости».

«Помни своего Творца въ дни юности». Чтобы умереть, какъ мы хотимъ, мы должны жить, какъ слѣдуетъ. Смерть нисколько не страшна хорошему человѣку. Во время своей недавней болѣзни, епископъ Тэрлуоль занимался тѣмъ, что переводилъ на семь языковъ слѣдующій отрывокъ: «Такъ какъ сонъ—братъ смерти, то мы должны осторожно вѣрять себя Тому, кто насъ разбудитъ отъ смерти сна, какъ и отъ сна смерти».

Цицеронъ говоритъ, что Сократъ держалъ себя передъ своими обвинителями не какъ человѣкъ, осужденный на смерть, а какъ человѣкъ, восходящій на небо.

«Что вы выиграете,—говоритъ Сенека,—мужественно и великодушно исполняя свой долгъ? Вы выиграете то, что сдѣлали—само дѣло уже выиграешь». Мы должны были бы поступать хорошо, не изъ надежды на обѣщаніе или изъ страха наказанія, а изъ любви къ добру, потому что «твое свидѣтельство составляетъ радость моего сердца».

О сэрѣ Фрэнсисѣ Дрэкѣ Фуллерѣ говоритъ: «Онъ былъ цѣломудренъ въ жизни, справедливъ въ поступкахъ, вѣренъ слову, милостивъ къ своимъ подчиненнымъ, и ничего такъ не ненавидѣлъ, какъ лѣнь; въ дѣлахъ, особенно неотлагательныхъ, онъ никогда не полагался на другихъ; не боясь ни опасности, ни труда, онъ всегда былъ первымъ вездѣ, гдѣ требовались храбрость, умѣніе или трудолюбіе».

Мы знаемъ, что не можемъ быть совершенными, но, тѣмъ не менѣе, мы должны стремиться къ совершенству въ характерѣ,

какъ и во всемъ другомъ. Кромѣ того, въ насъ во всѣхъ есть вѣрный указатель; если мы будемъ всегда слушаться совѣсти, мы не можемъ много заблуждаться. Всякій, кто захочетъ, можетъ жить благородно.

Послѣднія слова сэра В. Скотта къ Локэрту на смертномъ одрѣ были: «Будь добродѣтеленъ, будь религіозенъ, будь хорошимъ человѣкомъ. Это будетъ единственное твое утѣшеніе, когда тебѣ придется тутъ лежать, какъ мнѣ теперь».

Даже Валаамъ сказалъ: «Дайте мнѣ умереть смертью праведника, пусть мой конецъ будетъ такимъ же, какъ и его».

Глава XVIII.

О покоѣ и счастьи.

Изобиліе всякихъ благъ далеко не всегда идетъ рука объ руку съ счастьемъ, и многіе бывають несчастны, хотя у нихъ, повидимому, все есть для счастья. Природа можетъ все дать, какъ проф. Гескли выражается, своему любимцу—сильнѣйшему, но она не можетъ дать ему счастья. Этого онъ долженъ самъ достигнуть. Жизнь, полная успѣха, полна тревогъ и опасностей. Если человѣкъ не имѣетъ въ себѣ самомъ элементовъ счастья, ихъ не дадутъ ему никакія красота, разнообразіе, удовольствія и интересы въ мірѣ.

«Одному человѣку,—говоритъ Шопенгауеръ,—міръ представляется безплоднымъ, скучнымъ и поверхностнымъ; другому же—богатымъ, интереснымъ и полнымъ значенія». Счастье требуетъ практики, какъ и скрипка. Если избранъ настоящій путь, мы его получимъ, но его не слѣдуетъ искать слишкомъ тщательно. Наша величайшая радость возвратится въ Аидъ, если мы, какъ Орфей, обернемся, чтобы на нее взглянуть. Франклинъ говоритъ: «Бѣгите отъ удовольствій, и они за вами послѣдуютъ».

Не думайте слишкомъ много о себѣ; вы не единственный человѣкъ на свѣтѣ.

«Не ищите развлеченій,—говоритъ Рѣскинъ,—но будьте всегда готовы развлечься». Великая вещь — превратить жизнь въ рядъ удовольствій, хотя бы и маленькихъ.

Чувство юмора, на примѣръ, особенный даръ человѣка. Есть нѣкоторыя сомнѣнія относительно разума животныхъ, но дара смѣшливости они, повидимому, совсѣмъ лишены, а Шамфоръ говоритъ, что «самый потерянный день тотъ, въ которомъ мы не посмѣялись». Какое удовольствіе услышать веселый смѣхъ! Какъ онъ все скрашиваетъ!

Бёрнсъ говоритъ: «Веселое сердце пройдетъ весь путь, а грустное—утомится, пройдя версту».

«Доброе расположеніе духа,—говоритъ одинъ изъ нашихъ епископовъ,—составляетъ $\frac{9}{10}$ христіанства», и если вы раздражены, не давайте солнцу заходить въ вашемъ грѣбѣ. Ссора требуетъ двухъ человѣкъ,—не будьте однимъ изъ нихъ.

Иные люди постоянно ворчатъ; если бы они родились въ саду Эдема, они и тамъ бы нашли предлогъ быть недовольными. Другіе же бываютъ вездѣ счастливы; они всегда видятъ вокругъ себя красоту и радость.

Веселость—великое, нравственно-укрѣпляющее средство. Точно также, какъ при солнечномъ свѣтѣ пвѣты распускаются и плоды зрѣютъ, такъ и веселость, т.-е. чувство свободы и жизни, развивается въ насъ всѣ сѣмена добра и все, что есть лучшаго въ насъ.

Нашъ долгъ по отношенію къ другимъ—быть веселыми. Есть старое вѣрованіе, что тамъ, гдѣ радуга соприкасается съ землей, можно найти золотую чашу; есть люди, улыбка, голосъ, само присутствіе которыхъ дѣйствуетъ, какъ лучъ солнца, и превращаетъ въ золото все, къ чему бы они ни прикоснулись. Люди никогда не отчаиваются, пока остаются веселыми. Бэкстонъ говоритъ: «Радостное сердце—постоянный праздникъ не только для себя, но и для другихъ». Тѣнь Флоренсы Найтингаль (Florence Nightingale) дѣйствовала сильнѣе ея лекарствъ; если мы помогаемъ другимъ нести заботы, мы облегчаемъ собственные.

Есть мнѣніе, что веселость происходитъ отъ легкомыслія; но между ними нѣтъ ничего общаго. Арнольдъ говоритъ: «Самыя легкія настроенія, составляющія одну изъ величайшихъ земныхъ радостей, часто витаютъ вокругъ самой серьезной мысли и самой нѣжной привязанности».

Много людей обречены съ самаго рожденія на тяжелую, трудовую жизнь. Но это не относится исключительно къ бѣднымъ. Богатые, въ настоящее время, работаютъ не меньше, а иногда и больше бѣдныхъ. А сколько ихъ дѣлаетъ несчастными самое обладаніе деньгами! Въ ихъ жизни нѣтъ ни отдыха, ни покоя, ни мира. Мы не можемъ, въ этомъ мірѣ, избѣжать страданій, но мы можемъ, если захотимъ, стать выше ихъ. Для этого мы должны разукрасить стѣны комнаты нашей памяти прекрасными картинами и счастливыми воспоминаніями.

Всѣ желаютъ, но мало кто умѣетъ—наслаждаться. Люди не понимаютъ достоинства и прелести жизни. Не раздувайте маленькихъ испытаній въ великія несчастья. Цицеронъ говоритъ: «Какое горе въ жизни можетъ показаться великимъ тому, кто по-

зналъ вѣчность и размѣры вселенной? Ибо, что въ области знанія или въ краткомъ періодѣ земной жизни могло бы показаться великимъ мудрому человѣку, умъ котораго всегда на готовѣ, и ничего неожиданнаго не можетъ съ нимъ случиться?»

Мы часто воображаемъ себѣ, что мы смертельно ранены, когда мы только оцарапаны. Фуллеръ рассказываетъ, что врачъ, котораго призвали осмотрѣть легкую рану, послалъ, какъ можно скорѣе, за пластыремъ. «Развѣ рана такъ опасна?» спросили его. — «Нѣтъ, — отвѣтилъ врачъ, — но если посланный не будетъ страшно спѣшить, то рана заживетъ сама собой до его возвращенія». Время излечиваетъ горе, какъ и раны.

Джонъ Стюартъ Милль говоритъ: «Всякій культивированный умъ, я не говорю о философскомъ умѣ, а просто объ умѣ, которому раскрылись источники знанія и который научился сносно упражнять свои способности, найдетъ во всемъ окружающемъ — источники неизсякаемаго интереса; онъ ихъ найдетъ во всей природѣ, въ твореніяхъ искусства и поэзіи, въ историческихъ происшествіяхъ, во всѣхъ прошлыхъ и настоящихъ дѣяніяхъ человѣчества и въ его надеждахъ на будущее. Можно, не вкусивъ и тысячной части всего этого, сдѣлаться ко всему равнодушнымъ; но это бываетъ только съ людьми, которые никогда не чувствовали нравственнаго или человѣческаго интереса къ этимъ вещамъ, или которые искали въ нихъ только удовольственія любопытства».

Мы живемъ въ мірѣ цвѣтовъ, деревьевъ, травъ, рѣкъ, озеръ, морей, горъ и солнечнаго свѣта. Природа полна свѣта для свѣтлыхъ, и даетъ утѣшеніе тому, кто захочетъ принять его.

Но мы должны чувствовать прекрасное, чтобы умѣть его цѣнить. Мы много слышимъ объ умѣ собаки и слона, но нѣтъ повода думать, чтобы самый прекрасный видъ на свѣтѣ могъ доставить имъ какое-нибудь удовольствіе.

Иногда люди жалуются на скуку, на то, что имъ нечего дѣлать; но въ этомъ случаѣ скука — въ нихъ самихъ. «Если воспитанный человѣкъ, — говоритъ Соути, — имѣющій здоровье, глаза, руки и досугъ, чего-нибудь желаетъ, то это только потому, что Всемогущій Богъ ниспослалъ всѣ эти радости человѣку, не достойному ихъ.»

Ни богатство, ни положеніе не могутъ гарантировать счастья. При отсутствіи любви, милосердія и душевнаго спокойствія можно быть богатымъ, великимъ и могущественнымъ, но нельзя быть счастливымъ.

Есть одинъ персидскій рассказъ, въ которомъ скучающій царь призвалъ своихъ астрологовъ на совѣтъ; они сказали ему, что онъ

будеть счастливымъ, если надѣнетъ рубашку совершенно счастливаго человѣка. Напрасно искали среди двора и богатыхъ классовъ. Нельзя было найти такого человѣка. Накопецъ, возвращающійся съ работы пахарь оказался подходящимъ человѣкомъ: онъ былъ совершенно счастливъ. Но, увы! лекарства опять не нашлось: этотъ человѣкъ не имѣлъ рубашки.

Я уже показалъ, что счастье, по мнѣнію всѣхъ мудрѣйшихъ людей, не покупается деньгами и не достигается властью. Царскія короны перевиты шипами. Геронъ Сиракузскій сказалъ Симиониду: «Царское великолѣпіе вводитъ въ обманъ большую часть человѣчества; я этому нисколько не удивляюсь, потому что, мнѣ кажется, толпа всегда судитъ по внѣшности о счастіи или несчастіи человѣка. А царская власть выставляетъ міру на показъ все, что считается самымъ цѣннымъ; царскія же заботы таятся въ самой глубинѣ души, гдѣ жвуютъ счастье и горе человѣка. Что касается меня, то я прекрасно знаю по опыту, увѣряю тебя, Симионидъ, что царямъ достается меньше другихъ величайшихъ наслажденій и больше всѣхъ—величайшихъ золъ».

Несчастный можетъ найти утѣшеніе въ словахъ Массильона: «Отчего это происходитъ, о человѣкъ? не оттого ли, что здѣсь, на землѣ, ты не на своемъ мѣстѣ, что ты созданъ для неба, что земля не родина твоя, и что все, что не для Бога, не имѣетъ значенія для тебя?»

Бэконъ говоритъ: «Мы совсѣмъ не умѣемъ выразить словами все свѣтлое разнообразіе удовольствій, всю обаятельную силу доброты самое большее, что мы можемъ сказать о величайшей добротѣ. это—что въ ней кроется невѣдомое, неизяснимое очарованіе; самое большее, что мы можемъ сказать о высочайшемъ счастьи, это—что оно невыразимо.»

Если мы смотримъ правильно на вещи, мы всѣ можемъ сказать съ Данте: «Все, что я видѣлъ, было одно очарованіе; казалось, это была одна улыбка вселенной; несравненная радость, невыразимое ликованіе; безконечная жизнь мира и любви; неистощимое богатство и безконечное счастье».

Все въ природѣ управляется мудрымъ и благодѣтельнымъ закономъ, все связано между собой, все идетъ къ лучшему. Мы страдаемъ или по своей винѣ; или для блага общаго. Сенека говоритъ: «Нѣтъ такой обязанности, исполненіе которой не сдѣлало бы человѣка счастливѣе, и нѣтъ искушенія, противъ котораго не нашлось бы лекарства».

По словамъ Цицерона, Эпикуръ признавалъ «три рода желаній: во-первыхъ, естественныя и необходимыя; во-вторыхъ, естествен-

ныя, но не необходимы; въ-третьихъ, ни естественныя, ни необходимыя. И всё они таковы, что необходимыя—удовлетворяются безъ особеннаго затрудненія или затратъ; даже естественныя, но не необходимыя не требуютъ многого, потому что сама природа доставляетъ для ихъ удовлетворенія въ достаточномъ количествѣ легко приобретаемыхъ благъ; но что касается искусственныхъ желаній, то имъ нѣтъ ни границъ, ни мѣры».

Чтобы наслаждаться жизнью, мы должны быть всегда готовѣ пожертвовать собой, отказать себѣ во многихъ соблазнительныхъ удовольствіяхъ.

Самопожертвованіе приноситъ много радости. Какъ бы ни были очаровательны наши чувства, если мы имъ поддадимся, они погубятъ насъ, какъ древнія Сирены, на скалахъ и водоворотахъ жизни.

Уоттонъ говоритъ: «Счастливъ тотъ, кто не служитъ чужой волѣ, чье вооруженіе заключается въ честной мысли, а всё таланты—въ простой истинѣ».

Недостатокъ досуга составляетъ одно изъ несчастій нашего вѣка. Мы живемъ въ постоянномъ водоворотѣ. Сколько женщинъ и мужчинъ могли бы сказать виѣстѣ съ Порціей: «Мое маленькое тѣло устало отъ этого великаго міра».

Хорошую работу нельзя сдѣлать впопыхахъ; размышленіе требуетъ времени и покоя.

Кингслей говоритъ: «Я знаю, мы всё нуждаемся во внутреннемъ покоѣ, въ покоѣ сердца и мозга, въ спокойномъ, сильномъ, сдержанномъ и самоотверженномъ характерѣ, не нуждающемся ни въ какихъ возбудителяхъ, потому что онъ не знаетъ угнетеннаго состоянія, ни въ какихъ наркотикахъ, потому что онъ не знаетъ возбужденія, ни въ аскетическихъ ограниченіяхъ, потому что достаточно силенъ, чтобы не злоупотреблять Божьими дарами,—словомъ, въ характерѣ, умѣренномъ не только въ питъѣ и пицѣ, но и во всѣхъ желаніяхъ, мысляхъ и поступкахъ: ему чужды грубыя страсти и стремленія, которыя, овладѣвъ Адамомъ, заставили его искать запретными путями свѣтъ и жизнь и привели его къ болѣзни и смерти. Да, я это знаю и знаю, что этотъ покой можно найти только тамъ, гдѣ вы уже нашли его».

Эпиктетъ говоритъ: «Поступайте согласно велѣніямъ Зевса; иначе заплатите за ослушаніе страданіями, будете наказаны. Въ чемъ же наказаніе? Въ томъ, что вы не исполнили долга и утратили скромность, вѣрность и порядочность. Можетъ ли быть наказаніе еще ужаснѣе?»

Рёскинъ говоритъ: «Мы жалуемся, что намъ многого недо-

стаетъ: намъ не достаетъ всеобщей подачи голосовъ, свободы, развлеченій, денегъ. Кто изъ насъ, однако, сознаетъ, что ему недостаетъ покоя? Если вамъ недостаетъ его, то приобрести его можно двоякимъ способомъ, и первое средство всецѣло въ вашихъ рукахъ: свейте себѣ гнѣздо пріятныхъ мыслей... Никто изъ насъ не знаетъ,—потому что никого съ ранней юности этому не учатъ,—какіе волшебные дворцы, убѣжище отъ великихъ ударовъ судьбы, можетъ создать прекрасная мысль. Свѣтлыя мечты, счастливыя воспоминанія, благородныя происшествія, драгоценныя и успокоительныя мысли, изъ всего можно выстроить хранилище сокровищъ, дома, которые не можетъ разрушить забота, не можетъ омрачить горе, не можетъ отнять у насъ бѣдность,—дома, выстроенныя безъ участія нашихъ рукъ, жилище нашей души».

Послѣднее слово, сказанное передъ смертью великимъ императоромъ Антоніемъ дежурному офицеру, было: «Aequalitas» (единодушіе). Ничто не нарушало свѣтлаго спокойствія жизни Христа.

Святой Тома Кемпійскій говоритъ: «Подавляй желанія, и обрѣтешь покой». Почти столько же разстраиваютъ насъ мелочи жизни, какъ огорчаютъ важныя причины.

Кумберландъ (Cumberland) говоритъ: «Изъ всѣхъ золъ, которыя ложатся, какъ проклятіе, на человѣка, самое худшее—дурной характеръ».

Мы не должны искать счастья внѣ насъ, а въ себѣ, въ своей душѣ. «Царствіе Божіе внутри васъ». Если не можемъ быть счастливы здѣсь, то какъ же мы можемъ рассчитывать на счастье въ загробной жизни? Развѣ Провидѣніе будетъ болѣе о насъ заботиться, чѣмъ теперь? Если мы не создадимъ себѣ сами покой на землѣ, то какъ же мы можемъ думать, что найдемъ его въ небѣ? Что насъ лишаетъ его? Гордость, скупость, эгоизмъ и честолюбіе. Безъ нихъ мы могли бы быть здѣсь счастливы, а съ ними мы вездѣ не обрѣтемъ счастья. Если мы боимся утратить здѣсь то, чѣмъ дорожимъ, то въ небѣ мы еще болѣе будемъ бояться этого. Если мы не можемъ жить здѣсь въ мирѣ съ другими, то какаѣ у насъ надежда жить въ мирѣ гдѣ-нибудь въ иномъ мирѣ? Если мы основываемъ свой покой и счастье на внѣшнихъ вещахъ и живемъ исключительно въ ожиданіи иного міра, то можетъ случиться, что во второй жизни мы будемъ ждать третьей, и такъ до безконечности. Такъ какъ, безъ сомнѣнія, надежда трижды благословенна, въ ожиданіи, исполненіи и воспоминаніи, то будущее можетъ быть великимъ и чистымъ источникомъ счастья, какъ упованіе на встрѣчу съ тѣми, кого мы любили и потеряли, и какъ надежда на болѣе ясное пониманіе того, что теперь скрыто отъ насъ.

И ничего не имѣю противъ этого источника утѣшенія и радости, но мы должны цѣнить и настоящія радости и быть благодарны за нихъ.

Уордсуортъ говоритъ: «Умѣйте наслаждаться покоемъ природы, безмолвіемъ звѣзднаго неба, своимъ, витающимъ надъ пустынными холмами».

Тогда въ вашъ домъ спустятся ангелы, какъ они, много лѣтъ тому назадъ, спускались къ Аврааму въ равнинѣ Мамре.

Вполнѣ возможно также, какъ говоритъ Монтегацца, что человѣкъ еще не знаетъ многихъ радостей, ожидающихъ его на славномъ пути цивилизаціи.

Только душа, полная мудрыхъ и благородныхъ мыслей, можетъ обрѣсти покой и счастье. Платонъ говоритъ въ «Федръ»: «Божественное, это—красота, мудрость, доброта и тому подобное; питаясь ими, душа быстро окрыляется, но при дурномъ питаніи, душа сохнетъ и увядаетъ».

«Лучшій человѣкъ—тотъ, кто старается больше всего усовершенствоваться, а самый счастливый человѣкъ тотъ, кто больше всего сознаетъ, что онъ совершенствуется»,—говоритъ Сократъ.

А. Н.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

Ю. М. Станюковича.

(Продолженіе *).

XXIV.

Молодая дѣвушка возвращалась домой растроганная и взволнованная, одушевленная горячимъ желаніемъ во что бы то ни стало устроить несчастнаго дядю. Онъ положительно ее очаровалъ, этотъ нищій и пропойца, какъ брезгливо называлъ отецъ ея роднаго брата. Необходимо—и какъ можно скорѣе—перевести его изъ этой крошечной, полутемной комнаты въ лучшую; надо дать возможность ему одѣться сколько-нибудь прилично, завести бѣлье, теплую одежду... вообще успокоить его хоть на склонѣ жизни...

Она замѣтила и этотъ дырявый халатъ неопредѣленнаго цвѣта, бывшій на немъ, и эти туфли, которыя не надѣла бы ея горничная, и это отвратительное, порыжѣлое пальто, тоненькое, заштопанное, висѣвшее на гвоздикѣ.

И въ такомъ одѣяніи родной братъ ея отпа выходилъ на улицу просить милостыню!

О, папа, папа!

Бѣдный дядя! какъ долженъ страдать онъ, всѣми брошенный, всѣми презираемый. Какъ зябъ онъ, едва прикрытый, въ то время, когда его близкіе родные ѣздили въ роскошныхъ шубахъ или сидѣли въ уютныхъ, теплыхъ комнатахъ. И никто не вспомнилъ о немъ, никто не пожалѣлъ его!

*) См. «Миръ Вошія», № 6, июнь.

— Отчего такая жестокость?—спрашивала себя потрясенная дѣвушка.

А между тѣмъ, какъ онъ былъ тронутъ малѣйшимъ вниманіемъ и сколько въ немъ доброты, сколько нѣжности въ спасенному имъ мальчику. Самъ нищій заботится о такомъ же нищемъ. А отецъ говорилъ, что онъ изолгавшійся, пропавшій человѣкъ!

— Господи! Отчего отецъ такъ озлобленъ противъ него?

Нина—эта тепличная барышня, оберегаемая отъ всякаго прикосновенія съ дѣйствительной жизнью—первый разъ въ теченіе своей двадцатилѣтней жизни увидала, какъ живутъ бѣдные люди. Ей, не имѣвшей понятія о томъ, въ какихъ, дѣйствительно, ужасныхъ подвалахъ и труппахъ гнѣздится бѣдный людъ, и это, сравнительно еще сносное помѣщеніе „графа“, о которомъ не смѣли бы мечтать болѣе несчастные люди,—казалось чѣмъ-то ужаснымъ, чѣмъ-то невозможнымъ.

И передъ ней, словно бы внезапно, приподнялась завѣса новаго міра—міра нищеты и страданія, о которомъ прежде она ничего не знала и никогда не думала сколько-нибудь сознательно.

Она, положимъ, и раньше слыхала, что существуютъ на свѣтѣ нищіе люди, но они представлялись ей какими-то порочными отверженцами, какими-то страшными людьми, сдѣлавшимися такими по собственной винѣ.

По крайней мѣрѣ такъ говорилъ о нихъ отецъ, и она ему вѣрила.

Слышала она отъ отца и другія своеобразныя сужденія вообще о народѣ.

Его превосходительство неизмѣнно и съ присущимъ ему апломбомъ говорилъ — и въ послѣднее время все чаще и настойчивѣе,—что русскій народъ въ конецъ развращенъ и испорченъ: онъ лѣнивъ и беспеченъ, живетъ, какъ свинья, пьянствуетъ и совсѣмъ распущенъ, благодаря тому, что послѣ освобожденія съ нимъ сентиментальничали вмѣсто того, чтобъ поставить надъ нимъ строгую непосредственную власть. Необходимо народъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ и не стѣсняться учить его по старинному — розгой. Такая строгость, разумѣется, разумная, необходима въ собственныхъ его же интересахъ—иначе прежнія патріархаль-

ныя качества русскаго мужика исчезнуть окончательно. Подобная опека вполне отвѣчаетъ и государственнымъ задачамъ, и самобытнымъ русскимъ устоямъ.

— Разнуздайте этого звѣря или дайте ему попробовать европейской цивилизаціи, и вы увидите, что будетъ...

Его превосходительство не досказывалъ, что будетъ, но его, гладко выбритое лицо чиновнаго авгура становилось таинственнымъ, и онъ какъ-то угрожающе разводилъ выхлещенными руками съ крѣпкими ногтями, предоставляя слушателю догадываться, что можетъ произойти...

Такия положенія сдѣлались любимымъ конькомъ Ополева послѣ того, какъ онъ, умудренный, вѣроятно, житейскимъ опытомъ, круто перемѣнилъ прежніе свои взгляды, когда составлялъ краснорѣчивые записки по порученію прежняго начальства совѣмъ въ другомъ духѣ о томъ же самомъ народѣ.

Теперь же онъ любилъ выставять на видъ новыя свои воззрѣнія, къ которымъ пришелъ, какъ говорилъ онъ, путемъ горькаго разочарованія въ приложимости къ русской жизни многихъ, казалось бы, и полезныхъ реформъ. Насколько было возможно, онъ старался провести свои новыя мнѣнія путемъ бойкихъ записокъ, снабженныхъ многочисленными историческими, экономическими и даже богословскими данными.

Онъ называлъ себя здравомыслящимъ консерваторомъ и находилъ, что рѣшительный консерватизмъ булто бы вполне соответствуетъ духу времени и въ то же время не бесполезенъ для увѣнчанія блестящей карьеры.

Однако, онъ заблуждался на счетъ своихъ честолюбивыхъ надеждъ. Его рѣшительные проекты погребены были въ министерскомъ архивѣ, и его не призывали осуществлять ихъ.

Другихъ мнѣній не приходилось слышать молодой дѣвушкѣ въ отчетъ домѣ, и когда отецъ высказывалъ ихъ, бывало, за обѣдомъ, какому-нибудь приглашенному гостю, то гость не противорѣчилъ, а соглашался съ его превосходительствомъ.

Но и таіе разговоры изъ области государственной политики происходили рѣдко въ присутствіи молодой дѣвушки. Они обыкновенно велись въ кабинетѣ. Ей же приходилось только слушать во время визитовъ разныя свѣтскія и административныя сплетни и не особенно остроумныя *beaux-mots*,

сообщавшіяся матери, шаблонно-свѣтскую, непосредственно къ ней обращенную безсодержательную болтовню порядочныхъ молодыхъ людей, или пошловатыя любезности ухаживателей, которые не прочь были предложить ей руку и сердце и взять ея хорошее приданое. Въ дамскомъ обществѣ, среди кузинъ и пріятельницъ, ей приходилось слушать одни и тѣ же разговоры о нарядахъ, о Михайловскомъ театрѣ, о флиртѣ того-то съ той-то и самыя злыя сплетни на счетъ замужнихъ женщинъ, увлеченія которыхъ обсуждались даже молодыми дѣвицами.

И молодая дѣвушка жила въ этомъ обособленномъ кружкѣ, полномъ своихъ интересовъ, интригъ и искательствъ, точно въ какомъ-то заколдованномъ замкѣ, до котораго не доносилась широкая волна жизни. Все, что происходило тамъ, за предѣлами волшебнаго замка, ей было такъ же невѣдомо, какъ невѣдома внутренность Африки.

Не помогло ей нисколько въ этомъ отношеніи и шестилѣтнее пребываніе въ учебномъ заведеніи. И тамъ всѣ вопросы, болѣе или менѣе интересующіе обыкновенныхъ смертныхъ, предусмотрительно обходились, какъ совершенно бесполезныя для будущихъ свѣтскихъ дамъ, которымъ рѣшительно не нужно знать: дѣйствительно ли земля кругла, и отчего крестьяне не имѣютъ ни бріюшей къ чаю, ни жареной курицы за обѣдомъ. Наука тамъ имѣла какой-то элегантно-веселый характеръ анекдотовъ и болѣе или менѣе достовѣрныхъ фактовъ безъ какихъ бы то ни было обобщеній. Въ воображеніи юницъ весь божій міръ представлялся ареной для пріятнаго препровожденія генеральскихъ дочерей, особенно если у родителей или у мужа есть хорошія средства, а для остальныхъ скучнымъ прозябаніемъ съ плохими костюмами и плохимъ выговоромъ французскаго языка. Въ теоретическомъ представленіи нарядъ являлся какимъ-то таинственнымъ сборищемъ бородатыхъ и грязныхъ пахарей, обязанность которыхъ трудиться въ потѣ лица своего, собирать въ житницы. Въ конкретномъ видѣ народъ представлялся горничными, лакеями, кучерами и швейцарами, назначеніе которыхъ не оставило мѣста для какихъ-либо сомнѣній. Нѣсколько странной породой людей казались воспитанницамъ учителя. Ихъ можно было обожать и въ то же время нельзя было пригласить въ

домъ и выдти за нихъ замужъ. Ихъ надобно было уважать и слушаться и слегка презирать за дурной костюмъ и немодную прическу.

Выйдя изъ учебнаго заведенія, Нина говорила хорошо по-французски и по-англійски, довольно плохо играла на фортепiano, знала языкъ цвѣтовъ, и нѣсколько не совсѣмъ приличныхъ французскихъ романовъ, прочитанныхъ тайкомъ, и имѣла болѣе чѣмъ смутныя понятія о русской литературѣ послѣ Гоголя.

Въ домѣ она тоже не особенно культивировалась, тѣмъ болѣе, что самъ Ополевъ далеко не былъ поклонникомъ русской литературы, особенно новѣйшей. Толстого онъ порицалъ, а Салтыкова такъ просто ненавидѣлъ. Другихъ новѣйшихъ писателей онъ не читалъ и къ прессѣ относился съ недоброжелательствомъ за то, что она суетъ носъ туда, куда ей не слѣдуетъ, и позволяетъ себѣ судить о томъ, чего не понимаетъ.

Его превосходительство, впрочемъ, выписывалъ одинъ русскій журналъ и одну газету, направленіе которыхъ соотвѣтствовали его взглядамъ. Газету онъ аккуратно прочитывалъ и изрѣдка самъ посылалъ редактору статейки подъ псевдонимомъ конечно, въ которыхъ излагалъ свои государственныя соображенія.

Ополева, добродушная и не особенно далекая женщина, до сихъ поръ влюбленная въ мужа и слушавшая каждое его слово съ благоговѣніемъ вѣрующей, тоже относилась къ отечественной литературѣ съ боязливой брезгливостью и, конечно, оберегала и дочь отъ знакомства съ произведеніями, въ которыхъ, какъ она думала, описываются все мужики да мужики, или занимаются какими-то курсиствами да учителями. Мать и дочь исключительно читали французскіе и англійскіе романы, и многіе извѣстные русскіе писатели неизвѣстны были имъ даже по именамъ.

И, не смотря на такое полное отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, не смотря на самое основательное воспитаніе въ духѣ полнаго индифферентизма ко всему, что не имѣетъ отношенія къ интересамъ маленькаго замкнутаго кружка, такъ называемыхъ, сливокъ общества,—молодая дѣвушка смутно чувствовала ложь этой жизни и бакую-то неудовлетворенность.

Не глупая, наблюдательная и чуткая, она не могла не замѣтить лицемѣрія и фальши, угодничества и лести, поддѣльной наивности и двуличія, наглости и безстыдства въ погонѣ за положеніемъ, за богатствомъ, и полнѣйшаго отсутствія какихъ-нибудь другихъ интересовъ среди представителей и представительницъ того общества, въ которомъ Нина вращалась. Она видѣла, съ какою неразборчивостью молодые барышни при помощи матерей и отцовъ ловили богатыхъ жениховъ, а молодые люди—богатыхъ невѣстъ, насколько не думая о взаимной привязанности; она слышала циничные разговоры знакомыхъ барышень о флиртѣ, и понимала, чего стоятъ эти условныя фразы о нравственности, религіи и супружескомъ долгѣ въ устахъ тѣхъ молодыхъ свѣтскихъ женщинъ, которыя яростнѣе всѣхъ нападали на неприличное поведеніе своихъ, менѣе осторожныхъ подругъ, а сами...

Нѣтъ, рѣшительно этотъ „свѣтъ“ съ его блескомъ и роскошью, съ удовольствіями и выставкой тщеславія, обманулъ прежнія ея ожиданія и совсѣмъ не прельщаль эту худенькую брюнетку съ ясными, довѣрчивыми глазами. Она была словно бы чужая среди своихъ и слишкомъ серьезна для веселящихся и довольныхъ жизнью пріятельницъ и знакомыхъ. Надъ ней посмѣивались, называли ее оригинальной и находили, что она „trop rude“.

Нина не любила выѣздовъ и баловъ и появлялась на нихъ больше по настоянію матери. Порой она скучала и, чтобъ убить время, занялась живописью.

Мать, любившая единственную свою дочь до безумія, нѣсколько удивлялась и ея нелюдимству, и ея хандрѣ.

„Пора Нинѣ замужъ!“ думала она и зорко присматривалась, кто изъ молодыхъ людей, бывавшихъ у нихъ въ домѣ, нравится дочери, но какъ она ни приглядывалась, а ничего не замѣчала.

— Тебѣ никто Нина не нравится?—спрашивала мать.

— Никто, мама...

— А Бѣжецкій, а Лорней, а Скуратовъ... развѣ не хорошіе и милые молодые люди...

— Такъ чтожъ изъ этого, мама?

— Надо тебѣ выходить замужъ, Ниночка...

— Будто ужъ такъ надо... Надоѣла я тебѣ, что ли?— смѣясь, говорила дочь.

Такъ и кончались подобныя объясненія, и мать не знала, чѣмъ объяснить, что Нина въ послѣдніе годы стала совсѣмъ не той веселой беззаботной и любящей балы дѣвушкой, какою была раньше.

Посѣщеніе больного „графа“, ужасная исторія Антошки, трогательное отношеніе къ нему того, кого всѣ называли отверженцемъ,—все это словно бы пробудило Нину отъ сна, словно бы съ глазъ ея сняли вдругъ повязку, и она увидала, что за очарованнымъ замкомъ есть и другая жизнь, не та беззаботная и роскошная, но жизнь, полная лишеній и страданій. Она почувствовала, что люди, которыхъ отецъ безпощадно влеймилъ пропащими и не заслуживающими участія, далеко не такіе ужасные. Напротивъ... И если она видѣла только двухъ такихъ нищихъ—„графа“ и Антошку, то вѣрно и другіе заслуживаютъ любви и милосердія...

Такія мысли бродили въ головѣ молодой дѣвушки, и въ этотъ день она впервые задумалась о такихъ вещахъ, о которыхъ прежде не думала.

О, въ какой ужасъ пришелъ бы отецъ, еслибъ заглянулъ въ эти минуты въ душу своей горячо любимой дочери.

XXV.

Вопросъ о томъ, гдѣ она достанетъ деньги, обѣщанныя дядѣ, былъ рѣшенъ ею безъ колебаній. Это такъ просто. Зачѣмъ ей, напримѣръ, брилліантовыя серьги, которыя подарилъ отецъ на именины. Можно возвратить ихъ ювелиру, и онъ не откажется купить ихъ.

Вернувшись домой, молодая дѣвушка тотчасъ же прошла къ матери.

— Ну, мама, все устроено,—возбужденно заговорила она,—тетя Мери не отниметъ мальчика. Онъ останется при дядѣ...

— Ты у тети завтракала?

— Да... Тетя тебѣ кланяется... И ея мужъ... Ахъ, мама, еслибъ ты знала, въ какомъ ужасномъ положеніи дядя...

— Что съ вьяземъ?—участливо воскликнула княгиня, думая, что рѣчь идетъ о мужѣ ея двоюродной сестры.

— Я не о князѣ... Я о дядѣ Ополевѣ... Какой онъ худой, худой и блѣдный... А какая у него комната! Маленькая, безъ мебели, грязная, темная...

— Да ты откуда знаешь всѣ эти подробности?

— Я сама видѣла. Я только-что отъ дяди.

— Что!? Ты была у него!?—воскликнула Ополева.

Въ ея красивомъ молодежьемъ, нѣсколько полноватомъ лицѣ, въ ея большихъ темныхъ глазахъ отразился ужасъ и изумленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, дочь тайнаго совѣтника Ополева и вдругъ въ гостяхъ у какаго-то пропойцы-нищаго. О, Господи!

— Чему ты такъ изумляешься, мама?

— И ты еще спрашиваешь, Нина?

— Да развѣ я сдѣлала что-нибудь нехорошее, навѣстивъ несчастнаго, больнаго дядю?

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ добродушную женщину.

— Ты поступила нехорошо относительно отца.

— Но, мама...

— Дай мнѣ сказать... Ты вѣдь знала, что отецъ не велѣлъ пускать этого господина и не признаетъ его своимъ братомъ... И вдругъ дочь къ нему ѣдетъ! Ты, значить, ни во что не ставишь мнѣніе отца? И, не посовѣтовавшись со мной, одна отправляешься въ какую-то трущобу... Ахъ, Нина, Нина... Какая это нелѣпая выходка!

— Во-первыхъ, папа заблуждается, относительно дяди, считая его какимъ-то негодяемъ... Онъ, напротивъ, добрый, хорошій человекъ!—горячо проговорила Нина.

— Что ты говоришь, Нина. Развѣ можно осуждать отца?

— Я не осуждаю... Я говорю только, что папа не правъ... Я въ этомъ убѣждена и меня никто не разубѣдитъ... Во-вторыхъ, я не скрою отъ папы, что была у его брата... Я расскажу, что видѣла, и папа убѣдится, что онъ заблуждается...

— Боже тебя сохрани, Нина... Не говори ничего отцу, не огорчай его... Но дай мнѣ слово, что ты не согласишься своего безразсудства... Помогай этому несчастному, если хочешь—хотя и это ужъ протестъ противъ отца!—но бываешь у него...

— Мама! Да что ты говоришь! — воскликнула молодая

дѣвушка, и въ голосѣ ея звучала грустная нотка, а глаза ея, свѣтлые и ясные, съ нѣмымъ укоромъ глядѣли на мать. — Ты, добрая, хорошая, ты, сама заступившаяся за дядю — поминишь, когда папа принесъ его письмо? — и осуждаешь меня... И за что же? За то, что я была у больного, несчастнаго, всѣми брошеннаго человѣка? Ахъ, еслибъ ты видѣла его? Еслибъ ты видѣла, какъ онъ былъ тронутъ моимъ посѣщеніемъ... Какъ онъ чуть не заплакалъ отъ волненія...

— Но, отецъ твой...

— Ахъ, мама... Твое сердце само говоритъ, что папа въ данномъ случаѣ не правъ... Если бы и папа увидаль этого сгорбленнаго, исхудавшаго старика съ лицомъ мертвеца...

— Развѣ онъ такъ боленъ?

— Было воспаленіе легкихъ... Простудился, выйдя на улицу въ холодномъ пальто... Еще слава Богу, что нашлись добрые люди... Одна женщина-врачъ лечила его, а хозяйка квартиры, какая-то прачка, содержала дядю во время болѣзни... И это сдѣлали посторонніе люди, а мы... родные... Ахъ, какъ это все нехорошо, мама!

И Нина взволнованно стала рассказывать матери подробности своего визита.

И по мѣрѣ того, какъ Нина передавала о своей встрѣчѣ съ дядей, о томъ, какъ онъ говорилъ съ ней, какъ благодарили ее и дядя, и этотъ мальчикъ, котораго дядя спасъ отъ ужасной жизни у какого-то солдата, — на глазахъ у Опольевой заблестѣли слезы, и она нѣсколько разъ во время рассказа повторяла:

— Ахъ несчастный, несчастный!

— Вотъ видишь ли, мама, какъ всѣ были безжалостны и несправедливы къ дядѣ, считая его совсѣмъ дурнымъ человѣкомъ! — возбужденно проговорила Нина, окончивъ свой рассказъ.

— Да, Нина... Онъ много перенесъ... этотъ бѣдный Александръ Ивановичъ!

— А вѣдь онъ, мама, куда лучше многихъ изъ тѣхъ людей нашего общества, которыхъ всѣ принимаютъ и уважаютъ. Право, лучше, хоть и считается падшимъ. И это я поняла только сегодня, когда поговорила съ ними. Такъ неужели

такъ и оставить его, не выказать ему участія, не навѣстить его! Вѣдь это было бы возмутительно, жестоко... Не правда ли?

Опольева чувствовала справедливость словъ дочери.

Дѣйствительно, всѣ родные слишкомъ сурово отнеслись тогда къ Опольеву. И мужъ былъ слишкомъ не снисходителенъ къ брату. Но мужъ — человекъ правилъ, принципа. Кто знаетъ, не жалѣлъ ли онъ брата въ душѣ, но и не могъ отступить отъ принятаго рѣшенія. У него есть эта черта. Но за то, какой онъ примѣрный мужъ, какой отецъ!..

И Опольева безъ особеннаго труда оправдала мужа.

— Ты слишкомъ принимаешь все близко къ сердцу, Ниночка, — проговорила мать. — Я не спорю, что дядя несчастенъ, что онъ ужъ не такой дурной и заслуживаетъ помощи... И я ничего не имѣю противъ того, чтобы ты помогала ему но за чѣмъ же ѣздить къ дядѣ, если отецъ твой не хочетъ знать его ... Вѣдь онъ пришелъ бы въ ужасъ, еслибъ узналъ о твоёмъ посѣщеніи... А развѣ ты захочешь огорчать отца, который тебя боготворить... Подумала ли ты объ этомъ?

— Но что-же мнѣ дѣлать? Не могу же я согласиться съ папой, что дядя негодай, и никогда съ этимъ не соглашусь. Ну, хорошо, я не скажу папѣ о своемъ визитѣ, если ты этого не хочешь, но я все-таки навѣщу дядю...

— Но если отецъ какъ-нибудь узнаетъ?

— Ну что жъ? Тогда я все объясню ему, все...

Этого-то и боялась пуще всего мать. О, она хорошо знала, какъ самолюбивъ ея мужъ и какъ ему непріятно всякое противорѣчіе. А тутъ дочь вдругъ явится какъ бы въ роли обвинительницы отца!..

И, вдругъ принимая строгій видъ, Опольева сказала:

— Нина! Ты больше не поѣдешь къ дядѣ. Слышишь, я тебя прошу объ этомъ... Не заставляй привязывать.

— Мама, мнѣ непріятно тебя огорчать, но я должна быть у дяди... Я ему обѣщала и исполню свое обѣщаніе! — прибавила молодая дѣвушка, внезапно блѣднѣя.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ всегда ласковой, кроткой Нины ошеломилъ Опольеву. Она рѣшительно не знала, какъ ей быть, что сказать дочери и, чувствуя, что ея авторитетъ поколебленъ, растерянно смотрѣла на дочь и вдругъ заплакала.

— Мама... не сердись. Ты пойми, что я не могу поступить иначе. Это не вапризь!—умоляла Нина.

Кончилось тѣмъ, что Опольева, какъ всё слабѣя натуры, сдалась и пошла на компромиссъ. Она позволила Нинѣ, когда дядя устроится нѣсколько приличнѣе, разъ въ мѣсяцъ навѣщать его.

— Дастъ Богъ, отецъ не узнаетъ объ этомъ! — прибавила она.

Нина съ горячностью цѣловала мать.

— Какая ты у меня горячая, моя дѣвочка! — говорила мать, утирая слезы...—А вотъ до сихъ поръ ни въ кого не влюбилась!—неожиданно прибавила она и вздохнула.

— Нѣтъ, влюбилась, мама.

— Кто онъ, этотъ счастливецъ?

— Дядя, мама...

— Ты вотъ все шутишь, а пора бы тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, полюбить кого-нибудь...

— Еще успѣю, мама... Не старая же я дѣва. А пока я хочу поступить въ Общество „Помогай ближнему!“, въ которомъ тета Мери предсѣдательница.

— Это она тебя зоветъ?

— Она...

— Что жъ, поступиай...

— А папа позволить?.. Онъ вѣдь не особенно любитъ благотворительныхъ дамъ?..

— Ну, тетю Мери онъ хоть и недолжливаетъ, а уважаетъ... Подъ ея крыломъ можно... Я поговорю объ этомъ съ отцомъ... А вечеромъ сегодня ты въ какомъ платьѣ?—вдругъ перемѣнила разговоръ Опольева.

— А что сегодня вечеромъ, мама?

— Ты и забыла? Мы у Иртеневыхъ.

— Развѣ необходимо ѣхать?

— Ты не хочешь?

— У нихъ такая скука, мама...

— А надо ѣхать...

— Почему?

— Иртеньева обидится... И то мы рѣдко у нея бываемъ...

— Что жъ, ѣхать такъ ѣхать, сказалъ попугай, когда

его тащили за хвостъ изъ влѣтѣи!—смѣясь проговорила Нина и прибавила:—А въ какомъ платьѣ, мама, быть попугаю?..

— Надѣнь новое, что надняхъ принесли. Оно къ тебѣ идетъ...

— Такъ я его и надѣну... — отвѣтила Нина и вышла изъ спальни.

На другой день Нина, отдавая горничной футляръ съ серьгами, проговорила:

— Отвезите серьги, Дуняша, въ ювелиру съ этой записочкой.. Только, прошу васъ, никому объ этомъ ни слова!— прибавила, краснѣя, Нина.

— Что вы барышня... Ни душа не узнаетъ...

— Онъ вамъ за нихъ дастъ деньги...

— Продать ихъ, значить?

— Ну да... Ювелиръ навѣрное купить.

— А за сколько прикажете отдать ихъ?

— Право, не знаю... Кажется, за нихъ заплачено триста рублей.

— Этихъ денегъ, барышня, онъ не дастъ.

— Берите, что дастъ. Мнѣ очень нужны деньги.

Дуняша догадывалась, на что нужны барышнѣ деньги. Кучеръ вчера разсказалъ ей, гдѣ была Нина, и какъ Антошка благодарилъ ее.

Ей было жаль, что барышня лишается этихъ серегъ ради какого-то пьяницы дяденьки, котораго не даромъ же генералъ не приказываетъ принимать въ домъ и который навѣрное проплетъ деньги, и она замѣтила:

— Жаль, барышня, продавать такія чудесныя сережки... Не найдете ли вы что-нибудь другое?..

— За другое меньше дадутъ, Дуняша... Да и мнѣ нисколько не жаль... Поѣзжайте, пожалуйста, и поскорѣе вернитесь.

Черезъ часъ Дуняша привезла двѣсти рублей.

— Больше не хотѣлъ давать, барышня... Да сперва и покупать не хотѣлъ.

— Почему?

— А справился въ какой-то своей книжкѣ, да и спрашиваетъ: зачѣмъ, молъ, дочь такого важнаго генерала продаетъ свои вещи?.. Какъ бы, говорить, не вышло какихъ-

нибудь неприятностей. Насилу я уговорила его, что ниваких неприятностей ему не будетъ... Папенька, молъ, знаютъ объ этомъ...

— Благодарю васъ, Дуняша, что уговорили... А теперь я васъ попрошу отвезти эти деньги къ моему бѣдному родственнику... Я сейчасъ напишу только письмо.

И, присѣвъ къ столу, Нина написала дядѣ небольшое, необыкновенно ласковое и деликатное письмо, въ которомъ просила принять отъ любящей племянницы деньги и переѣхать въ лучшее помѣщеніе, сдѣлать себѣ все необходимое и непременно теплое пальто. „А то вы опять простудитесь и заболѣете, дорогой дядя“, прибавила она и кончила просьбой непременно сообщить новый адресъ, какъ только здоровье дяди позволитъ ему переѣхать на другую квартиру.

— Передайте Дуняша этотъ конвертъ въ руки моему дядѣ и кланяйтесь отъ меня...

— Слушаю, барышня...

— И объ этомъ никому не говорите, Дуняша.

— Будьте покойны, добрая барышня... То-то вашъ дяденька обрадуется такимъ большимъ деньгамъ...

— Да, для него это большія деньги теперь... А мое бальное платье триста рублей стоило. На что оно мнѣ, Дуняша? А на эти деньги можно было бы избавить человѣка отъ нищеты! — неожиданно прибавила Нина въ какомъ-то раздумьи.

— Какъ на что, барышня? Вообще даже необходимо по вашему положенію! — запротестовала Дуняша, совсѣмъ не раздѣлая, повидимому, такого страннаго мнѣнія барышни. — Вамъ ежели и въ тысячу рублей платье, такъ очень даже хорошо...

— Вы думаете, что хорошо? — улыбнулась Нина.

— А то какъ же... Вы такого важнаго генерала дочь...

— И въ этомъ все мое право! — какъ будто отвѣчала на какія-то свои мысли молодая дѣвушка и прибавила: — Поѣзжайте, Дуняша, и скорѣе возвращайтесь!

XXVI.

Эти двѣсти рублей, присланные Ниной, теперь казались „графу“, когда-то швырявшему тысячами, цѣлымъ состояніемъ.

И онъ глядѣлъ на двѣ толстыя пачки бумажекъ, лежавшихъ на его кривоногомъ столикѣ, и словно бы не вѣрилъ своимъ глазамъ, что такое богатство въ полномъ его распоряженіи. Онъ словно бы сомнѣвался, что послѣ долгихъ лѣтъ нищенства, благодаря обѣщаннымъ тридцати пяти рублямъ въ мѣсяцъ, онъ можетъ не шататься по вечерамъ на улицахъ, останавливая прохожихъ на разныхъ діалектахъ и придумывая болѣе или менѣе остроумныя словечки, чтобъ получить какую-нибудь монетку, и можетъ не писать больше писемъ къ разнымъ родственникамъ и бывшимъ знакомымъ. Какъ ни привыкъ онъ къ этой жизни, съ какимъ цинизмомъ нищеты ни эксплуатировалъ онъ близкихъ, а все же эта жизнь была отвратительна.

А теперь вотъ еще эти деньги!

Вѣдь онъ можетъ разстаться со своимъ нищенскимъ тряпьемъ, внушавшемъ ему самому отвращеніе, и одѣться прилично, не вызывая на улицѣ подозрительныхъ взглядовъ, можетъ завести бѣлье, переѣхать въ болѣе чистую и свѣтлую комнату и зажить съ Антошкой хорошо и уютно. У нихъ будутъ кровати съ хорошими тюфяками, крѣпкіе сапоги... Они будутъ каждый день обѣдать... Антошка станетъ ходить въ школу...

Это сознаніе неожиданнаго благополучія приводило „графа“ въ радостно-счастливое настроеніе, наполняя его сердце чувствомъ горячей благодарности къ виновницѣ такой рѣзкой перемѣны въ его жизни.

Ожидалъ ли онъ, что, на склонѣ его жизни, судьба смилуется надъ нимъ такъ великодушно и такъ таровато? Онъ проведетъ послѣдніе годы не нищимъ оборванцемъ и не одинъ, какъ перстъ, а съ этимъ славнымъ и добрымъ мальчикомъ, который заставилъ его вновь полюбить жизнь.

И „графъ“ проговорилъ, обращаясь къ Антошкѣ, который тоже очарованными глазами глядѣлъ на такое количество денегъ.

— А вѣдь все это точно въ сказкѣ, Антошка!

— Въ какой сказкѣ, графъ?—переспросилъ Антошка, не понимая, что хочетъ сказать „графъ“.

— Не называй ты меня графомъ, братецъ. Теперь ужъ я, слава Богу, не графъ, а опять Александръ Ивановичъ Ополъевъ!

— Слушаю, Александръ Иванычъ!—проговорилъ сконфу-женно Антошка и словно бы и самъ понялъ, что теперъ не слѣдуетъ называть Опольева нищенскимъ прозвищемъ „графа“.

— Ты знаешь, что такое сказка?

— Небылица, значить.

— Ну такъ вотъ, въ сказкахъ обыкновенно случается такъ, что нищій вдругъ оказывается принцемъ, а дуракъ—умнымъ...

— Зачѣмъ же это?

— А зачѣмъ, мой мальчикъ, чтобы утѣшать нищихъ и дураковъ... Въ дѣйствительности же такія превращенія бываютъ очень рѣдки... А вотъ съ нами это случилось... И, если по правдѣ говорить, то такъ же нелѣпо, какъ и въ сказкѣ... Слѣдовало бы, по настоящему, мнѣ остаться такимъ же нищимъ, какимъ я былъ, и выходить на работу вотъ въ этомъ самомъ пальтишкѣ и... вдругъ...

„Графъ“, вмѣсто окончанія фразы, взявъ своей исхудавшей рукой одну изъ пачекъ и потрясъ ее въ воздухѣ...

— Не правдѣ ли, Антошка, удивительно, что мы съ тобою вдругъ сдѣлались принцами?—прибавилъ „графъ“.

Но Антошка, въ качествѣ большого почитателя „графа“, горячо протестовалъ и находилъ, что такъ и слѣдовало быть. Нельзя же, чтобы такой человѣкъ безвинно терпѣлъ... Еще если бы какой-нибудь простой, а то настоящий господинъ, у котораго такіе важные и богатые сродственники.

— Положимъ, не безвинно, Антошка, помни это разъ навсегда... Не въ этомъ, впрочемъ, дѣло, а въ томъ, что богатые и важные „сродственники“, какъ ты выражаешься, совершенно спокойно оставили бы меня умереть нищимъ, считая—и не безъ нѣкотораго основанія,—что я пропавшій человѣкъ, а такому человѣку помочь не слѣдуетъ, а надо его скорѣй забыть... и шашъ И такъ бы я и околѣлъ гдѣ-нибудь на улицѣ отъ неизвѣстной причины—такъ, Антошка, въ газетахъ пишутъ, когда умираютъ нищіе—еслибъ не эта добрая дѣвушка... Она одна пожалѣла... Одна среди всѣхъ... Пожа-лѣла и повѣрила, что я тогда обратился къ ея отцу за помощью не для того, чтобы пропить деньги, а для того, чтобы тебя одѣть... Не будь такой дѣвушки, и не были бы мы принцами, и ходилъ бы я опять по вечерамъ на работу... просить милостыню. Понялъ?..

- Понялъ, Александръ Иванычъ...
- А что изъ этого слѣдуетъ, сообразилъ?
- Не въ домекъ что-то, Александръ Иванычъ!—добро-совестно признался Антошка.
- А то, что надо разсчитывать только на себя самого. Мнѣ-то ужъ поздно, а ты, Антошка, не забывай этого.
- Извѣстно, самъ трудись, ежели ты бѣдный!—подтвердилъ и Антошка.
- Да, удивительно, какъ эта дѣвушка такая жалостливая у такого безжалостнаго отца и въ такой средѣ!—продолжалъ философствовать „графъ“, словно бы отвѣчая на занимавшія его мысли...—Непостижимо!—прибавилъ онъ.
- Сердце, значить, доброе у барышни... Я такъ полагаю, Александръ Иванычъ.
- Это ты вѣрно полагаешь, но добраго сердца еще мало... Надо понимать... Вотъ, на примѣръ, Авсинья Ивановна понимаетъ, каково бѣдному человѣку, и при своемъ добромъ сердцѣ насъ съ тобою и кормила, и поила, когда я былъ боленъ... Изъ послѣднихъ крохъ отдавала... Вотъ и докторша... Она тоже знаетъ, какъ трудомъ достается кусокъ хлѣба, и... пожагѣла, братецъ, нищаго... лечила и ухаживала за мной, зная, что не получить ни гроша... И вино носила... Она и жалѣла, и понимала, а племянница...
- Да развѣ она не понимаетъ, что ежели нѣтъ ни одежи, ни пищи, то хоть пропадай! Всякій, кажется, понять это можетъ. Не трудная штука!
- То-то самая трудная это штука и есть!—категорически отрёзалъ „графъ“.
- Что-то чудно вы говорите, Александръ Иванычъ...
- И я былъ не злой, когда богатъ былъ, а не понималъ этой штуки и никогда прежде о ней не думалъ... Дашь подъ пьяную руку пять рублей и забылъ... А гдѣ же объ этой штуцѣ думать барышнѣ, для которой жизнь—точно сплошной праздникъ?.. Сегодня въ гости, завтра въ гости, по баламъ да по театрамъ... Да и не знаетъ она, что значить не обѣдать и какъ это есть люди, которые не обѣдаютъ.
- Ну?.. Обученая и не знаетъ?..—усомнился Антошка.
- Этому, Антошка, не вездѣ учать... И меня этому не учили, и, навѣрное, племянницу не учили... Если бы учили,

можетъ и я не истратилъ глупо огромнаго состоянія... Учили другому, что совсѣмъ не нужно... А вотъ она, племянница, и не училась этому, а какъ горячо приняла къ сердцу нашу бѣду, Антошка... Не то, что пожалѣла да кинула подачку— нѣтъ! И сама пріѣхала, и пенсію назначила, и деньги на обзаведеніе прислала... И не оставитъ она насъ съ тобой... Не такая... То-то и удивительно!

— И простая бабая, Александръ Ивановичъ... Совсѣмъ не похоже, что дочь важнаго генерала...

— Дда... И, можетъ, еще потерпитъ она за свою доброту...

— Отъ кого?

— Отъ отца, отъ матери...

— За то, что помогла родному дядѣ?—изумился Антошка.

— Именно за это самое! — усмѣхнулся „графъ“. — Ты слышалъ, какъ ея горничная призналась, что барышня серьги свои продала, чтобъ прислать мнѣ эти деньги...

— У нея, должно быть, много этихъ серегъ...

— Много, не много, а она, значить, сдѣлала это по секрету... Если узнаютъ родители—ей будутъ непріятности... О, милая, свѣтлая душа!—воскликнулъ графъ въ какомъ-то восторженномъ умиленіи.

— Ругать будутъ, что ли?—поинтересовался Антошка.

— Будутъ говорить, что она поступаетъ безразсудно, что помогаетъ пропойцѣ... Извѣстно, что говорятъ люди о нищихъ... А ты, Антошка,—съ неожиданною торжественностью прибавилъ „графъ“, обращаясь къ мальчику, —никогда не забывай этой диковинной барышни и помни, что если мы съ тобою заживемъ хорошо, то обязаны этимъ ей... Такия барышни очень рѣдки среди тѣхъ, которыхъ ты зовешь „важными графинями и княгинями“. Не забудешь?

— Никогда не забуду, Александръ Ивановичъ! — съ чувствомъ проговорилъ Антошка.

— То-то... Ты у меня признательный мальчикъ... Это, братецъ, хорошая черта... Ну, а теперь зови Анисью Ивановну... Надо съ ней разсчитаться...

Добрая женщина обрадовалась отъ всей души, узнавши, какую значительную сумму прислала племянница ея жильцу, и поздравила его.

— На экипировку прислала и вообще на обзаведенье...

Комната, говорить, темная и маленькая... Требуется, чтобъ я перебрался отъ васъ, Аксиныя Ивановна!—объяснялъ „графъ“.

— Ужъ какая же это комната... Въ таковой ли вамъ жить!..

— И въ труппобахъ жилъ, Аксиныя Ивановна, всего бывало... Но только я долженъ вамъ сказать, что мнѣ очень грустно разстаться съ вами, Анисья Ивановна... Я испыталъ на себѣ, какая вы добрая женщина... Знаю, кто содержалъ меня во время болѣзни и, повѣрьте, никогда этого не забуду...

— Ну, что вы, что вы, батюшка, Александръ Ивановичъ!—говорила смущенная хозяйка... Отчего и не подѣлиться, чѣмъ можешь... У всякаго человѣка бываетъ нужда...

— Да только не всякій дѣлится... Ну, не будемъ объ этомъ говорить... Сколько я вамъ долженъ?

— Восемь рублей, Александръ Ивановичъ, да за комнату пять, всего тринадцать рублей.

— Только-то?.. Ужъ что-то слишкомъ мало?

— Да за что же я съ васъ буду брать лишнее?.. Вотъ и счетъ на восемь рублей, что во время болѣзни трчено... Чужого я не хочу... Я, слава Богу, крещеная...

— Видно, очень добрый попъ васъ крестилъ, Анисья Ивановна,—усмѣхнулся Ополъевъ.—Вотъ извольте получить ваши тринадцать рублей...

— Да вы счетецъ-то просмотрите.

— Вашъ счетецъ и просматривать не надо, — сказалъ „графъ“, разрывая счетъ съ небрежностью джентльмена, и прибавилъ: — А какъ я поправлюсь и стану выходить, то позволю доставить себѣ удовольствіе, Аксиныя Ивановна, поднести вамъ маленькій подарочекъ въ знакъ глубокой моей благодарности...

Анисья Ивановна, совсѣмъ тронутая и обѣщаніемъ подарка, и такую деликатною формою выраженія, начала, было, протестовать, но Ополъевъ остановилъ ее словами:

— Надѣюсь, вы не захотите обидѣть меня отказомъ, Аксиныя Ивановна?

— Помилуйте, Александръ Ивановичъ... Я простая женщина, а вы...

— А я... нищій баринъ, котораго вы пожалѣли!—перебилъ „графъ“.—Ну и объ этомъ не станемъ больше разго-

варивать, а перейдемъ въ слѣдующему вопросу: Надѣюсь, вы не откажетесь стирать мнѣ бѣлье, когда я его заведу?

— Съ большимъ удовольствіемъ, Александръ Ивановичъ!

— Но дѣло въ томъ, что я думаю поселиться на Васильевскомъ островѣ... тамъ, знаете ли, и уединеннѣе, и воздухъ лучше... Особенно лѣтомъ... И сады... и Петровскій паркъ близко,—говорилъ „графъ“, намѣтившій эту мѣстность вовсе не потому, что тамъ „воздухъ лучше“, а, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что эта часть города никогда не бывала цѣлью его вечернихъ экскурсій и тамъ не могли узнать въ немъ прежняго нищаго.—Такъ не далеко ли вамъ будетъ ходить за бѣльемъ?..

— Совсѣмъ не далеко... И у меня есть на острову одинъ давалець...

— Ну, значить, и отлично... И я всегда буду радъ видѣть васъ и попотчивать васъ, чѣмъ могу.

— А вы когда думаете перебираться, Александръ Ивановичъ?

— А вотъ какъ силъ прибавится...

— То-то, вамъ надо побережъся. Долго-ли опять простудиться.

— И докторша запретила рано выходить... Ну да теперь у меня будетъ теплое пальто!—проговорилъ „графъ“ съ радостной, почти ребячьей, улыбкой. — Черезъ недѣлку я и выйду.

XXVII.

„Графъ“ быстро оправлялся отъ болѣзни въ радости Антошки, замѣчавшаго, что Александръ Ивановичъ не такой ужъ худой, какимъ былъ послѣ болѣзни. И ѣлъ онъ хорошо, и спалъ крѣпко, былъ въ веселомъ настроеніи духа и ждалъ съ нетерпѣніемъ яснаго дня, чтобъ отправиться за покупками.

Докторша, совсѣмъ неожиданно навѣстившая Опольева подъ деликатно сочиненнымъ предлогомъ, что была у больного въ этомъ же домѣ, осмотрѣла его и нашла, что онъ совсѣмъ молодцомъ.

— Только вамъ беречься нужно... Не простудиться опять...

— Не простужусь... Теперь я буду тепло одѣтъ и мнѣ не придется проводить время на улицахъ, рискуя новымъ воспаленіемъ легкихъ...

— Дѣла ваши, значить, поправились?—осторожно спросила докторша.

— Добрая фея явилась ко мнѣ, какъ это ни странно въ нынѣшнія времена, когда никто не вѣритъ въ фей, такъ онѣ рѣдки, эти добрыя феи. И однако нашла одна въ лицѣ моей племянницы... дочери известнаго Опольева... Вы вѣрно слышали эту фамилію?.. Ну, разумѣется.

И Опольевъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи подробно рассказать докторшѣ о своей племянницѣ и превознести до небесъ ея доброту и участіе.

— А отецъ меня давно приказалъ не пускать на порогъ. Замѣйте это!—прибавилъ онъ, усмѣхаясь. — Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, принять нищаго... въ такомъ великолѣпномъ домѣ, какъ у него!..

— Какая чудная дѣвушка! И какъ я рада за васъ!—горячо воскликнула докторша.

— Спасибо... Оттого-то я и позволилъ отнять у васъ пять минутъ времени, что на себѣ испыталъ ваше участіе и доброту. Я зналъ, что вы порадуетесь о томъ, что и въ той средѣ, гдѣ только думаютъ о себѣ, являются такія чистыя души, какъ эта дѣвушка... Только выдержать ли она?.. Не заключаютъ ли ее?

— Однако вы шептигъ...

— Жизнь не пріучила къ восторгамъ.

— Но теперь, вы, конечно, не такъ уже мрачно смотрите на тотъ кругъ, въ которому принадлежали?—спрашивала докторша, заинтересованная этимъ страннымъ человѣкомъ.

— Отчего же теперь?.. Оттого, что я не буду нищенствовать—вы вѣдь знаете, конечно, мою бывшую профессию? Но вѣдь тысячи отверженцевъ, заслуживающихъ еще большаго участія, чѣмъ вашъ покорный слуга, по прежнему не возбуждаютъ ни малѣйшаго участія въ тѣхъ людяхъ, которые могли бы помочь имъ... Исключеніе — не правило. Одна ласточка весны не дѣлаетъ...

„Графъ“ вспомнилъ все то, что онъ видѣлъ и чему научился во время своей скитальческой жизни, и довольный, что можетъ высказаться и излить свою душу передъ человѣкомъ, который его пойметъ, продолжалъ, указывая на Антошку:

— Если вотъ этотъ мальчикъ, благодаря случаю, быть можетъ, спасенъ отъ нищеты, тюрьмы и преступленія, то развѣ мало гибнетъ такихъ же несчастныхъ, обреченныхъ на все это... О, добрая госпожа-докторша, я посмотрѣлся на этихъ жертвъ... Да и вы должны ихъ знать... А они, эти господа, отдѣлываются грошовой филантропіей да пріютами и больше для удовлетворенія тщеславія... Да... какъ вамъ ни покажется страннымъ, а я, отставной штабсъ-ротмистръ Ополъевъ терпѣть не могу то самое общество, которое само меня погубило и первое же отшатнулось отъ меня... И если бы мнѣ сказали: живи между ними опять, я не пойду... Чортъ съ ними!.. Однако, извините, госпожа докторша, я рѣшительно дѣлаюсь болтуномъ, пользуясь вашей снисходительностью, — оборвалъ Ополъевъ.

И хотя докторша и говорила, что у нея есть время и что ей очень пріятно поговорить, но Ополъевъ замолкъ.

Прощаясь, докторша снова повторила, что надо беречься.

— И не одной простуды!—значительно прибавила она.

— А чего же еще?

— Всякихъ излишествъ. Напримѣръ, пить вамъ безусловно нельзя...

— Я съ этимъ покончилъ!—промолвилъ графъ.

— И отлично...

— А мнѣ можно выходить?

— Только не сегодня, а когда будетъ лучше день... Прощайте... Отъ души желаю вамъ всего хорошаго...

— Прощайте... Спасибо вамъ за все, за все...

— Прощайте, Антоша.

Когда докторша ушла, Антошка проговорилъ:

— Вотъ и жидовка, а какая хорошая!..

— А ты думаешь, что жида должны быть не хорошіе?..

— А то какъ же? Извѣстно, жида... Всѣ ихъ ругаютъ.

— Между всѣми людьми есть, братъ, и хорошіе, и дурные люди... А если жидовъ всѣ ругаютъ, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Люди часто бываютъ несправедливы и злы... Вотъ и меня всѣ ругаютъ, а развѣ я ужъ такой дурной?

— Что вы, Александръ Ивановичъ...

— Ну, вотъ, видишь ли. И знаешь еще что, Антошка?

Ты всегда своимъ умомъ смекай, а не повторяй того, что говорятъ другіе!

На слѣдующій день погода выдалась хорошая. Стояло ясное морозное утро и послѣ чая „графъ“ съ Антошкой отправились за покупками.

— Вы насъ не ждите къ обѣду, Авсинья Ивановна. Мы сегодня съ Антошкой кутить будемъ! — весело проговорилъ „графъ“.

Они сѣли въ сани и скоро доѣхали до Маріинской линіи, гдѣ Ополевъ рассчитывалъ купить теплое пальто. Оно было тотчасъ же куплено, это давно желанное пальто на вакомъ-то мѣху, съ барашковымъ воротникомъ. Оно имѣло вполне приличный видъ и грѣло отлично. Выйдя изъ лавки въ пальто и барашковой шапкѣ, „графъ“ не смотря на морозъ, чувствовалъ пріятную теплоту и испытывалъ счастливое состояніе удовлетворенности. Послѣ пятнадцати лѣтъ у него, наконецъ, теплая одежда! Онъ радовался, какъ ребенокъ, и весело говорилъ Антошеѣ:

— Да, братъ... Славная это штука мѣховое пальто...

— Прекрасное у васъ пальто, Александръ Ивановичъ.

— Ты находишь?

— Очень даже нахожу.

— И я нахожу, что недурное и грѣетъ отлично.

Вслѣдъ затѣмъ были куплены и надѣты новая пара платья, сапоги и теплыя валопы и перчатки. Теперь „графъ“ былъ рѣшительно неузнаваемъ и глядѣлъ совсѣмъ бариномъ. И походка у него стала будто тверже и увѣреннѣе, и станъ выпрямился... Антошка только глядѣлъ и восхищался.

— И какой же вы важный теперь стали, Александръ Ивановичъ!—говорилъ Антошка.

Они зашли въ парикмахерскую. „Графъ“ велѣлъ подстричь себѣ волосы и бороду и вышелъ оттуда значительно помолодѣвшимъ.

— Ну теперь пойдѣмъ завтракать, Антошка...

Они зашли въ ресторанъ. Лавки предупредительно спрашивали „графа“, что онъ прикажетъ.

— Видишь, Антошка, что значить платье,—усмѣхнулся „графъ“, заказавъ завтракъ,—зайди я въ прежнемъ платьѣ, такъ, пожалуй, и не пустили бы, а теперь... юлятъ, подлецы...

„Графъ“ выпилъ рюмку водки, потомъ другую и хотѣлъ, было, выпить третью, какъ Антошка робко замѣтилъ:

— Не вредно ли вамъ будетъ, Александръ Ивановичъ?

„Графъ“ нѣсколько смутился и сказалъ:

— Ты правъ, Антошка... Спасибо... И впредь останав-
ливай меня... Лучше спросимъ полъ-бутылки краснаго вина...
Это будетъ полезно... И ты можешь выпить немного... Че-
ловѣкъ! Полъ-бутылки бордо... Да подогрѣйте, пожалуйста!—
обратился „графъ“ къ лакею.

Заигралъ органъ, и Антошка пришелъ окончательно въ
восхищеніе и отъ вкуснаго завтрака, и отъ полуставана
вина, и отъ музыки, и оттого, что его покровитель такой
представительный въ своемъ новомъ платьѣ, такой веселый
и довольный...

Послѣ завтрака они отправились снова въ лавки и вер-
нулись домой только въ четвертомъ часу съ огромной кор-
зиной, полной всякаго добра. А дома уже принесены были
двѣ желѣзныя кровати съ мягкими матрацами.

— Ну вотъ и мы!—весело говорилъ „графъ“ встрѣтившей
ихъ Аксиныѣ Ивановнѣ.

— Съ покупками, Александръ Ивановичъ! И какой же вы,
можно сказать, нарядный, Александръ Ивановичъ!—восклик-
нула хозяйка, когда разглядѣла при свѣтѣ лампы костюмъ
Опольева.

Теперь эта комнатка показалась Опольеву еще мрачнѣе
и тѣснѣе.

— А вотъ и вамъ позвольте поднести, Аксиныя Ива-
новна!—проговорилъ „графъ“, подавая квартирной хозяйкѣ
штучку шерстяной матеріи.

— Ахъ, что вы! Зачѣмъ такое дорогое!—говорила трону-
тая подаркомъ Аксиныя Ивановна, рассыпаясь въ благодар-
ностяхъ.

— Полноте, Аксиныя Ивановна... И шелковое купилъ бы,
еслибъ могъ... Да вотъ бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ...
Ну-съ, обмундировались мы вполнѣ съ Антошкой... И платья,
и бѣлья всего накупили... Не угодно ли взглянуть, хорошо ли
бѣлье... Вы толь въ бѣльѣ понимаете?

Открыли корзину, и Аксиныя Ивановна одобрила бѣлье...
Все было очень хорошо, и всего было довольно для обоихъ.

— Что, много вы истратили денегъ-то?—полюбопытствовала Аксиныя Ивановна...

— Сто съ чѣмъ-то... Еще на запасъ осталось... Кое-что еще надо купить... Тамъ видно будетъ на новой квартирѣ... Ну, а теперъ самоварчикъ, да пожалуйте къ намъ чай пить, Аксиныя Ивановна...

На слѣдующее утро, въ одной изъ дальнихъ линій Васильевского острова была пріискана свѣтлая, довольно приличная комната отъ жильцовъ, вдовы старухи чиновницы съ дочерью и съ сыномъ технологомъ-студентомъ, и въ тотъ же день, послѣ горячаго прощанія съ Аксиной Ивановной, прежніе ея жильцы отправились на новую квартиру...

Когда они ѣхали по Васильевскому острову, Антошка вдругъ дернулъ „графа“ за рукавъ, указывая на вереницу дѣвочекъ, которыя выходили попарно изъ подъѣзда.

— Александръ Ивановичъ! Анютка!—радостно воскликнулъ Антошка.—Какъ она попала сюда?.. Что это за дѣвочки?

— Онѣ въ пріютѣ, куда и тебя хотѣла помѣстить княгиня.

— А Анютку можно увидеть... Можно къ ней придти?

— Я думаю, можно... Мы навѣстимъ ее...

— То-то... Каково-то живется Анюткѣ?..

— А вотъ разспросимъ... И снесемъ ей чего-нибудь...

— Это хорошо... А то кормятъ поди не очень!—замѣтилъ Антошка, питавшій къ пріютамъ, благодаря княгинѣ, сильную ненависть.

Къ вечеру жильцы устроились на новой квартирѣ и рано легли спать. Эти мягкіе матрацы, чистое бѣлье, теплыя новыя одѣяла, этотъ уютъ и теплота комнаты—все это казалось прежнимъ горемыкамъ чѣмъ-то необыкновенно хорошимъ и приятнымъ, какимъ-то земнымъ раемъ.

Оба они заснули съ радостными мыслями о предстоящей имъ новой жизни.

Н. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Воспоминанія г. Мертваго «Не по торному пути». — Чего искали гѣтъ пятнадцатъ назадъ и чего ищутъ теперь. — Французскій «пролетарій» и русскій общинникъ. — Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи Л. Келльнера. — Какъ понимаютъ значеніе учителя въ Германіи и у насъ. — «Историческое Обзорѣніе» т. восьмой. — Благородное соревнованіе. — Новыя программы для самообразованія. — Нѣкоторыя ихъ особенности и общая односторонность.

Когда люди старѣются, они пишутъ воспоминанія, въ которыхъ съ перваго слова заявляютъ, что прежде было все лучше. И солнце свѣтило тогда ярче, и люди были добрѣе, умнѣе, великодушнѣе, а, главное, жилось веселѣе, бодрѣе и легче. Отдавъ дань этой общечеловѣческой слабости и г. Мертваго въ своихъ, вообще, очень интересныхъ воспоминаніяхъ — «Не по торному пути», посвященныхъ его блужденіямъ по свѣту, въ поискахъ за лучшимъ разрѣшеніемъ хозяйственныхъ вопросовъ. «Пятнадцатъ гѣтъ тому назадъ», — говоритъ онъ, — въ Россіи были еще всякіе вопросы, которые мучили, волновали; эти вопросы заставляли искать отвѣта и не нашли еще тогда себѣ разрѣшенія въ игрѣ въ винтъ и кутежахъ. «Было время, а теперь другое», говоритъ поговорка. У всякаго былъ свой вопросъ, всякій искалъ своего *raison d'être* и всякій разрѣшалъ его по своему». Въ его словахъ есть доля правды. Положимъ, и теперь всякихъ вопросовъ хоть отбавляй, но правъ авторъ, что теперь мы равнодушнѣе къ нимъ и не очень утруждаемъ себя исканіемъ отвѣтовъ, предпочитая плыть по теченію, которое куда-нибудь да вынесетъ...

Г-на Мертваго волновали и интересовали вопросы сельскохозяйственные. Тогда всѣхъ привлекали статьи покойнаго Энгельгардта, для многихъ явившіяся своего рода откровеніемъ. Перечитывая ихъ теперь, намъ уже трудно понять, что такъ увлекало читателей 70-хъ годовъ, которымъ эти статьи словно открывали новый міръ, куда, по обычаю русскихъ людей, немедленно началось паломничество. Въ Батищево, имѣніе Энгельгарда, одни шли съ вѣрою обрѣсти «спасеніе души», какъ, спустя нѣсколько

лѣтъ, другіе шли съ тою же цѣлью въ Ясную Поляну. Иные имѣли въ виду болѣе простыя и практическія задачи: они хотѣли поучиться, какъ вести хозяйство въ деревнѣ, откуда до сихъ поръ всё бѣжали, кромѣ кулака. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и г. Мертваго, рисующій нѣсколько любопытныхъ очерковъ изъ своего пребыванія въ Батищевѣ. Но насъ интересуютъ не они, а тѣ «тонконогіе»,—какъ ихъ прозвали крестьяне,—которые въ земледѣльской химіи видѣли средство для «спасенія души», а въ фосфоритѣ—рычагъ, съ помощью котораго они намѣревались вознести русскую деревню на небывалую высоту.

Подумаешь, съ какой простотой разрѣшались тогда вопросы. Но эта простота характерна не только для тогдашняго времени. Черезъ всю краткую исторію русской интеллигенціи проходитъ красною нитью общая черта «тонконогихъ»—необыкновенное легкомысліе, съ которымъ мы хватаемся за всякія средства для спасенія души. Начиная съ діалектики Гегеля, въ которой еще Бѣлинскій видѣлъ одну изъ панацей (положимъ, быстро отъ нея отказавшійся), и до самоновѣйшаго видоизмѣненія ея — «марксизма»,—мы твердо уповаемъ, что можемъ изыскать средство, которое насъ «спасетъ». То и дѣло проявляются пророки, благодѣтельствующіе грѣшнаго обывателя новымъ средствомъ, и немедленно являются послѣдователи, съ восторгомъ хватающіе «новое слово», какъ принято у насъ называть открытія, до которыхъ русскій человѣкъ «своимъ умомъ дошелъ». Иногда это бываетъ трогательно, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ—смѣшно, обнаруживая въ насъ отсутствіе того, что европейцы называютъ «убѣжденіями». Это тоже отличительная наша черта, — полная свобода отъ всякихъ убѣжденій, хотя и нѣтъ въ мірѣ другого общества, въ которомъ такъ горячо и много говорили бы насчетъ убѣжденій, какъ въ нашемъ.

Отчего это зависитъ? Причины такого печальнаго явленія, этой неустойчивости русской «души», скрыты глубоко въ условіяхъ нашего общественнаго быта и, прежде всего, въ слабости нашей культуры. Европейецъ, появляясь на свѣтъ божій, уже несетъ въ себѣ зародышъ тѣхъ прочно-сложившихся взглядовъ и убѣжденій, которыя его дѣды и отцы завоевали въ свое время, выносили въ себѣ и кровью заплатили за нихъ. Въ путешествіяхъ нашихъ туристовъ часто встрѣчаются насмѣшки надъ нѣкоторыми особенностями европейцевъ. Больше всего достается англичанамъ, которые нигдѣ не измѣняютъ своимъ привычкамъ. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ, откуда и происходитъ наша чрезвычайная воспримчивость и неустойчивость. «Общій характеръ націй,—замѣчаетъ г. Мерт-

ваго, — опредѣляется не возможностью извѣстнаго направленія, но уже сложившимся направленіемъ въ данный историческій моментъ. Теперь пока мы еще можемъ называть себя націей *чиновничьей*— служебной». А взгляды, тѣмъ болѣе убѣжденія, вовсе не нужны чиновничьей средѣ, которая обязана выполнять и слѣдовать предписаніямъ начальства. То же самое происходитъ и въ интеллигенціи, гдѣ роль начальства сегодня изображаетъ Энгельгардтъ, завтра Толстой, послѣ завтра Маркъ. Каждому изъ нихъ русскій интеллигентъ воздастъ слѣдуемое, и такъ какъ, въ сущности, къ ихъ «предписаніямъ» онъ относится также легко, какъ легко увлекается ими, то въ концѣ концовъ онъ оказывается въ той или иной канцеляріи, гдѣ вчерашній «марксистъ» или «народникъ» съ усердіемъ выводитъ отношенія и подписываетъ «входящія» и «исходящія»...

Г. Мертваго, послѣ своихъ батищевскихъ опытовъ — изображать работника изъ «топконогихъ», направился въ Европу и, между прочимъ, въ Парижъ, гдѣ поступилъ въ работники къ огороднику. Чему и какъ онъ тамъ учился, — интересующихся отсылаемъ къ его книгѣ, вполне заслуживающей такого вниманія. Для насъ здѣсь любопытнѣе всего его сравненія тѣхъ условій, въ которыхъ живетъ европейскій «пролетарій» и нашъ русскій общинникъ. Каждому изъ нашихъ читателей хорошо извѣстно, сколько безкорыстныхъ слезъ пролила русская литература надъ этимъ несчастнымъ «пролетаріемъ», и какъ въ примѣръ ему и поученіе воспѣвала она нашего «общинника». Побывавъ въ роли того и другого, г. Мертваго является довольно компетентнымъ судьей и въ вопросѣ, кому изъ нихъ живется лучше. Когда онъ заявилъ Энгельгардту о своемъ желаніи учиться у него, тотъ прислалъ свои условія, изъ которыхъ выписываемъ слѣдующія: «2) Помѣщаются и харчуются (желающіе работать) вмѣстѣ со всѣми рабочими. Помѣщеніе — *сарай* и изба. Харчи — *черный хлѣбъ*, *щи* со свинымъ саломъ, крупникъ или каша. Въ постные дни сало замѣняется коноплянымъ масломъ. По праздни-камъ *сотка водки*. 3) Жалованье получаютъ полное или половинное, или ничего, смотря по работѣ. *Полное жалованіе июль, августъ—6 р., сентябрь—5 р., остальные мѣсяцы по 3 р.*»

Въ письмѣ къ Мертваго Энгельгардтъ пишетъ, что будетъ говорить «ты», ибо «назвался груздемъ — погѣзай въ кузовъ». Это «ты» чрезвычайно характерно для насъ.

Г. Мертваго говоритъ дальше, что эти условія были лучшими для рабочихъ всей мѣстности, гдѣ находится Батищево, и крестьяне шли къ Энгельгардту особенно охотно, такъ какъ «харчъ

былъ вполне удовлетворительный». Самъ онъ, впрочемъ, какъ и другіе «тонконогіе», не могъ его ѣсть, и пропитывался молокомъ. Если любознательные читатели заглянуть въ земскіе сборники по текущей статистикѣ, они увидятъ, что условія Энгельгардта, приблизительно, среднія для всей Россіи: вездѣ почти жалованье на хозяйскихъ харчахъ колеблется около 60 р. въ годъ, лѣтомъ около 6—8 р., зимой около 3—4. Рабочими являются вездѣ крестьяне-общинники, и если охотно идутъ на такія условія, значитъ находятъ ихъ для себя выгодными, ибо ничего лучшаго не имѣютъ. Если бы «общинныя условія» жизни были лучше, это повлекло бы за собой, какъ необходимое послѣдствіе, и повышеніе заработной платы, и улучшеніе содержанія. Связь между тѣми и другими условіями столь ясна, что нѣтъ надобности на ней долже останавливаться.

Затѣмъ, спустя два года, г. Мертваго работалъ у хозяина-огородника въ Парижѣ. Жалованье «полнаго работника» на хозяйскомъ содержаніи составляло въ его время 60—65 франковъ въ мѣсяцъ, что по курсу 1882 г. равнялось 25—30 р. А условія содержанія были слѣдующія. Онъ и другой работникъ Поль помѣщались въ особой комнатѣ; «въ ней стояло 2 кровати съ мягкими шерстяными тюфяками; подушка и постельное бѣлье были также отъ хозяевъ». Какъ это напоминаетъ «сарай», гдѣ помѣщались работники Энгельгардта! Работа начиналась въ четыре часа утра, но «прежде чѣмъ идти на работу полагалось выпить погѣ-чайнаго стакана коньяку («по праздникамъ сотка водки!») и закусить его хлѣбомъ—это называлось «prendre la goutte» (капельку пропустить)». Въ 7 часовъ возвращался другой работникъ съ поля, гдѣ онъ бралъ навозъ для огорода, «и мы, прежде чѣмъ разгрузать возъ, принимались втроемъ (съ хозяиномъ) «casser la goutte», т. е. закусывать хлѣбомъ, сыромъ бри съ холодными остатками ужина, запивая ѣду стаканомъ краснаго вина» («по праздникамъ сотка водки!»). Работа, затѣмъ, продолжалась до 11 часовъ, когда наступало время *завтрака*. «Подавалось одно кушанье—какое-нибудь жареное съ соусомъ изъ овощей и, по обыкновенію, сыръ и вино («по праздникамъ сотка водки!»). Послѣ завтрака всѣ ложились спать, причемъ на ѣду и отдыхъ полагалось 2 часа, послѣ которыхъ мы принимались за прерванные работы и продолжали ихъ до 4 часовъ, когда приходило время обѣда, состоявшаго изъ *мясного супа*, *овощей* (артишоки, цвѣтная капуста и т. п.), *мяса* (обыкновенно изъ супа, а иногда, если супъ былъ съ саломъ, то жаренаго мяса), *салата*, если во время ягодъ—земляника, или малина съ *краснымъ виномъ* («по праздникамъ сотка

водки!») и кофе. Такимъ образомъ, обѣдъ состоялъ всегда изъ 4 блюдъ и кофе». Послѣ обѣда отдыха не было, въ виду особаго характера работы, которая и продолжалась до 10 часовъ вечера, когда «всѣ садятся *ужинать* и расходятся спать». Итого, пять разъ въ день ѣда, и притомъ, такая, о которой не можетъ мечтать даже «властитель русскихъ думъ»—чиновникъ, хотя на его долю и приходится 13% изъ нашего миллиарднаго бюджета.

Положимъ, такія условія работы не могутъ быть разсматриваемы, какъ общія для всей Франціи. Близость Парижа не можетъ не оказывать вліянія, о чемъ говоритъ и г. Мертваго. Но несомнѣнно, что «пролетарій», узнавъ объ условіяхъ «общинника», врядъ ли пожелалъ бы помѣняться съ нимъ, какъ бы ему ни захваливали эту пресловутую общину. Тѣмъ болѣе, что и у себя на родинѣ онъ имѣетъ общину. «Вѣдь и здѣсь,—говоритъ г. Мертваго,—деревня называется «la commune», т. е. община, и, благодаря этому, здѣсь мостовыя, шоссе, общественныя школы,—и люди не тратятъ времени бесполезно на печеніе хлѣба *каждый для себя*, на заготовленіе запасовъ *каждый для себя*, а дѣлаютъ все это люди, которые специально этимъ занимаются. У насъ община стѣсняетъ способности человѣка (не стѣсняя, впрочемъ, кулака, который въ общинѣ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ): она приравниваетъ его къ одной сенькиной шапкѣ: здѣсь община помогаетъ ему легче жить, но ни въ чемъ не останавливаетъ хозяина въ его задачѣ».

Когда у насъ говорятъ объ «общинѣ», выставляя ее какъ бы въ укоръ Западу, у котораго одинъ «пролетаріатъ»,—обыкновенно упускаютъ изъ виду, что на Западѣ *общественныхъ* стороны «общины» несравненно сильнѣе и лучше развиты, чѣмъ у насъ. Европейецъ, отбросивъ всѣ стороны общины, стѣснявшія его личность, сохранилъ и развилъ до недосягаемаго совершенства всѣ остальные. Въ противоположность европейской общинѣ, которую личность подчинила себѣ, можно указать на китайскую общину, которая цѣлкомъ подавила личность. Есть чрезвычайно поучительная книга Пирсона, англійскаго консула въ Шанхаѣ, въ которой онъ описываетъ могучее развитіе общины въ Китаѣ. Здѣсь община является всѣмъ: для китайца она служитъ альфой и омегой его существованія. Каждый китаецъ, обращаясь къ общинѣ, могъ бы повторить слова Андромахи къ Гектору: «ты мнѣ теперь—и отецъ, и любезная мать, ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный». Вѣдь общины китаецъ немислимъ. Она подавила въ немъ волю, желанія, умъ и безпощадно наказуетъ малѣйшее отступленіе отъ освященныхъ тысячелѣтними традицій. Пир-

*

совѣ приводитъ поразительные факты власти общины надъ китайцемъ, который, куда бы ни бросила его судьба, несетъ съ собою и общину, что даетъ ему въ борьбѣ за существованіе среди другихъ народностей необычайную стойкость. По словамъ Пирсона, китайцы медленно, но неуклонно завоевываютъ Малайскій архипелагъ, вытѣсняя малайскую расу, и завоевали бы Америку, если бы не во время принятія энергичныя мѣры, воспреотившія китайскую иммиграцію. Но въ общинѣ лежитъ и китайская слабость. За предѣлами ея для китайца кончается міръ, и понятія о государствѣ, въ нашемъ смыслѣ, онъ не имѣетъ. Этимъ объясняется легкость, съ которой манчжуры завоевали и управляютъ Китаемъ, хотя ихъ неизмѣримо меньше. Этимъ же объясняются и результаты японско-китайскаго столкновенія. Китайской націи нѣтъ, а есть китайская раса, которая охотно подчиняется кому угодно, только бы не мѣшали ей размножаться; китаецъ—не гражданинъ своего отечества, а членъ своей общины, подобно микробу, который является членомъ расплодившейся въ благопріятныхъ условіяхъ микробной общины.

Русская община занимаетъ какъ бы середину между указанными двумя полюсами, повидимому, все больше и больше склоняясь къ европейскому образцу. Съ паденіемъ крѣпостнаго права, бывшего главнымъ оплотомъ нашей общины, она быстро пошла по той дорогѣ, по которой шла нѣкогда и европейская община, превратившаяся въ современную «la commune». Г. Мертваго, возвратившись изъ-заграничнаго странствованія, рассказываетъ о впечатлѣніи, какое произвела на него русская деревня.

«Когда я смотрѣлъ на заграничныя поля, они мена не радовали—я видѣлъ на ними безземельнаго кнехта, и мнѣ поэтому привлекательнѣе рисовались наши поля, созданныя положеніемъ 19 февраля. Теперь я былъ въ центрѣ Россіи, въ хозяйствѣ «свободнаго», работающаго на себя крестьянина, и былъ пораженъ этой необходимостью бѣжать ему отъ своей земли въ городъ на заработки. Это бѣгство необходимо, такъ какъ населеніе не можетъ прокормиться, такъ какъ въ его надѣлѣ нѣтъ выгона, нѣтъ покоса, нѣтъ лѣса и вдобавокъ оно прикрѣплено къ этому надѣлу, какъ къ поворотному столбу; оно не можетъ оставить его, убѣжать куда-нибудь на сѣверъ или въ Сибирь, или въ степь, на свободныя земли, какъ дѣлали въ старину, гдѣ бы оно могло приложить свой трудъ, создать вдвое, втрое цѣнностей на пользу своего отечества...»

Въ послѣднемъ г. Мертваго ошибается. Если бы даже всѣ наши общинники разбрелись врозь, на разныя «теплыя воды», количество «цѣнностей на пользу отечества» оттого не возрасло бы. Цѣнности растутъ только съ возрастаніемъ потребностей, ростъ которыхъ зависитъ отъ условій общественной жизни и уровня развитія.

«Сто лѣтъ назадъ,—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ,—жилося во Франціи точно у насъ въ Россіи теперь. Сто лѣтъ назадъ, французы ѣли ржаной хлѣбъ, который приходилось часто замѣнять овсянымъ, а иногда подбавлять въ него коры, пили не вино, а какой-то хлѣбный напитокъ, похожій на пашъ квасъ; голодовки и недомжки были ужасны. Такъ жились въ деревнѣ. Огородники, которые всюду стоятъ нѣсколько выше деревенскаго населенія, были безграмотны, шло въ плохихъ положеніяхъ, плохо одѣвались и плохо ѣли... Овощей требовалось тогда немного, такъ какъ, конечно, отъ спроса зависѣлъ прогрессъ огородничества. Какой же прогрессъ былъ возможенъ въ этомъ дѣлѣ, когда только высшіе классы покупали парниковыя овощи, да и ихъ вкусъ, подобно современному русскому, стоялъ еще только на огурцахъ?..»

Въ концѣ своихъ скитаній г. Мертваго убѣдился, что для «чиновничьей націи» пока еще не наступило время французскихъ огородовъ, а для русскаго хозяйства нѣтъ пока торнаго пути. «Не торный путь будетъ только когда-нибудь менѣе тяжелъ,—заканчиваетъ авторъ свои воспоминанія,—когда создастся у насъ крѣпкая связь между наукой и жизнью, и когда сознаніе необходимости общей работы проникнетъ въ каждую усадьбу, въ каждую избу», что можетъ быть достигнуто только путемъ, по которому шло развитіе этого сознанія въ западной Европѣ.

Первымъ этапомъ на этомъ пути должно быть созданіе народной школы. Много мы говоримъ о ней и очень мало дѣлаемъ. Быть можетъ, это покажется парадоксомъ, но, по нашему мнѣнію, въ дѣлѣ народнаго образованія мы пошли назадъ за послѣднія 10—15 лѣтъ, сравнительно съ тѣмъ, какъ стояло и шло это дѣло въ первое время земскихъ учрежденій. Но прежде нѣсколько словъ о томъ, что такое народная школа?

У сѣверо-американцевъ есть извѣстная національная пѣснь, народный гимнъ «Yanke Doodle»; ее поютъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о народной чести и силѣ. Въ десятой строфѣ этой пѣсни говорится:

У насъ, какъ васильки на полѣ,
Повсюду школы расцвѣли
И къ просвѣщенію изъ неволи
И умъ и сердце привели.

«Мнѣ хорошо извѣстно,—замѣчаетъ нѣмецкій педагогъ и инспекторъ народныхъ школъ Л. Кельнеръ,—какъ велика пропасть между пѣсней и дѣломъ, но я нахожу трогательнымъ, что этотъ народъ въ своей любимой пѣснѣ вспоминаетъ о школѣ! Само собой напрашивается заключеніе, что у него народная школа—учрежденіе *народное!*» Иными словами: народная школа—такое учрежденіе, которое въ жизни народа занимаетъ одно изъ глав-

ныхъ мѣсть, когда она является не случайнымъ придаткомъ, который сегодня есть, а завтра можетъ и не быть, какъ это у насъ сплошь и рядомъ бываетъ, когда школа живетъ своей особой жизнью въ всякихъ теченій и направленій, политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ, такъ какъ всѣ, какихъ бы они ни были взглядовъ и убѣжденій, согласны въ одномъ,—что школа такъ же необходима, какъ солнце. До такой школы мы еще не доросли, и потому говорить у насъ о школѣ приходится всегда въ желательномъ тонѣ, а во многихъ случаяхъ и доказывать ея необходимость. Въ сущности, это значитъ, что народная школа еще не вошла въ кругъ потребностей народа, и ее надо ему прививать.

Какое значеніе имѣетъ школа тамъ, гдѣ она народное учрежденіе, показываетъ очень интересное сочиненіе упомянутого Л. Келльнера—«Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи», изданное недавно и на русскомъ языкѣ К. И. Тихомировымъ въ его «Педагогической библіотекѣ». На нѣмецкомъ языкѣ книга Келльнера выдержала двѣнадцать изданій, и врядъ ли найдется въ Германіи учитель, у котораго не оказалось бы этой книги въ числѣ его настольныхъ руководствъ. И эта популярность вполне понятна. Келльнеръ предназначилъ свою книгу для учителей, главнымъ образомъ, которымъ онъ путемъ бесѣды внушаетъ одну основную мысль—возвышенность ихъ призванія и огромную отвѣтственность, отсюда вытекающую. Школа для Келльнера—это храмъ, а учитель въ немъ—главный жрецъ (для незнакомыхъ съ нѣмецкими школами считаемъ нужнымъ пояснить, что Законъ Божій въ нихъ преподается учителями, и духовенство, какъ католическое, такъ и протестантское, не имѣетъ права вмѣшиваться въ школьную жизнь,—вообще, касаться школы какимъ бы то ни было образомъ).

«Хорошо,—говоритъ онъ,—если бы школа всегда стояла на самомъ веселомъ, солнечномъ мѣстѣ во всемъ селеніи; если бы она всегда строилась въ уютномъ, тихомъ, уголкѣ, вдали отъ базарной площади, вообще отъ суеты и движенія, вблизи церкви; и хотѣлось бы мнѣ, чтобы въ довершеніе прелести она была окружена тѣнистыми, красивыми деревьями, подъ которыми въ вольные лѣтніе дни дѣти могли бы собираться для веселья, игръ и пѣсенъ. Но *классная комната*, сверхъ того, должна бы представлять собой истинный дѣтскій храмъ, который подходилъ бы къ блеску молодой жизни, и въ тоже время могъ бы приводить его въ соотвѣтствіе съ высокой и важной задачей ученія... Маленькаго нищаго не пускаютъ въ покои знатныхъ и богатыхъ, но двери школы для него открыты (въ Германіи), какъ и двери храма, и развѣ не необходимо, чтобы хоть на короткое время онъ могъ наслаждаться привѣтливой опрятностью, свѣжимъ воздухомъ, веселой чистотой? Знаешь ли ты, какія сѣмена благороднаго стремленія можетъ заронить въ душу бѣдняка такое наслажденіе?»

Положимъ, это описаніе школы и въ Германіи еще идеаль, но по высотѣ его можно судить о дѣйствительности. Какое идеаль школы у нашихъ педагоговъ,—никому неизвѣстно, такъ какъ отличительное качество ихъ—полное пренебреженіе къ печатному общенію мыслей. Впрочемъ, можетъ быть, это зависитъ отъ скромности, а еще болѣе отъ условій ихъ дѣятельности, при которыхъ не полагается имѣть мыслей, тѣмъ болѣе—идеаловъ. Но если намъ неизвѣстны послѣдніе, за то мы хорошо знаемъ школьную обстановку современной русской «народной» школы. За рѣдкими исключеніями, обусловленными всегда посторонними счастливыми обстоятельствами, помѣщенія школъ ниже всякихъ, самыхъ умѣренныхъ, требованій школьной порядочности. И это не въ какихъ-либо глухихъ углахъ, а даже въ такихъ яко бы культурныхъ центрахъ, какъ, напр., Петербургскій уѣздъ. Три года тому назадъ были собраны земской управой свѣдѣнія о школахъ посредствомъ опроса учителей. Изъ полученныхъ 60 отвѣтовъ мы не помнимъ ни одного, въ которомъ школьное помѣщеніе было бы признано вполнѣ удовлетворительнымъ въ самыхъ примитивныхъ требованіяхъ гигиены. Школьные помѣщенія тѣсны, темны, грязны и всѣ съ дурной вентиляціей, лучше сказать—безъ всякой вентиляціи. Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ сообщаются давныя, невозможныя для оглашенія въ общей печати. Нѣсколько школъ помѣщаются въ одномъ зданіи съ волостными правленіями, и учителя жалуются, что «часто экзекуціи надъ отцами нарушаютъ тишину и порядокъ среди дѣтей».

Отъ школы Келльнеръ переходитъ къ учителю, къ которому онъ обращается съ словами: «Знаешь ли ты, учитель малыхъ и бѣдныхъ, что хочетъ Богъ сдѣлать посредствомъ твоихъ учениковъ, и приходило ли тебѣ въ голову, что, можетъ быть, изъ твоей деревенской школы возсіяетъ умъ, который покроетъ міръ славой своего имени? Слова и мысли, которыя сходятъ съ твоихъ устъ, подобно брошеннымъ камнямъ, уже болѣе не въ твоей власти, и ты не знаешь, какой отзвукъ они встрѣтятъ, какіе дадутъ толчки». Чтобы такъ говорить, надо имѣть подготовленную аудиторію, и Келльнеръ знаетъ, конечно, къ кому обращается. Дѣло въ томъ, что Германія имѣетъ дѣйствительно настоящаго *народнаго* учителя. Типъ его вырабатывался вѣками, а начало ему было положено реформацией. Путемъ эволюціи, очень долгой и сложной, учитель постепенно преображался изъ бродячаго студента среднихъ вѣковъ, учившаго урывками и переходившаго съ мѣста на мѣсто, переменявшаго самые разнообразныя занятія,—въ осѣдлаго учителя, получающаго строгое, систематическое, педагогическое

образованіе въ многочисленныхъ учительскихъ семинаріяхъ, послужившихъ потомъ образцами для всѣхъ народовъ. Теперь въ Германіи нельзя встрѣтить «случайнаго» учителя, попавшаго въ учителя только потому, что ничего лучшаго для него не нашлось. Народные учителя составляютъ тамъ особое сословіе, очень разборчивое въ своихъ членахъ, управляющееся вѣками выработанными традиціями, и имѣющее для завѣдыванія своими интересами особый панъ-германскій учительскій союзъ, предъ упорнымъ сопротивленіемъ котораго отступалъ даже Бисмаркъ. И въ словахъ Мольтке, что Францію побѣдилъ нѣмецкій школьный учитель, далеко не столько преувеличеній, какъ кажется русскому обывателю, привыкшему подъ словомъ «народный учитель» понимать нѣчто жалкое, загнанное, забитое и убогое, едва терпимое и едва влачащее существованіе.

Кому изъ русскихъ читателей незнакома нѣсколько каррикатурная, хотя и съ любовью изображаемая въ нѣмецкой литературѣ, фигура германскаго народнаго учителя, съ его ермолкой на головѣ, очками на длинномъ носу и линейкой въ рукахъ, тощая и высокая, восторженная и добродушная? Въ литературѣ Германіи эта фигура разработана въ совершенствѣ, и нѣтъ ни одного классическаго писателя тамъ, который не посвятилъ бы ей нѣсколько теплыхъ словъ. И, напр., Гауптманъ, въ своей «Ганеле», желая представить все, что было хорошаго, что согрѣвало и освѣщало жизнь бѣдной Ганеле, — олицетворилъ это въ учителя. Въ безчисленныхъ иллюстрированныхъ журналахъ, издаваемыхъ въ Германіи для средняго домашняго круга и для народа, преимущественно крестьянъ, учитель фигурируетъ въ любомъ номерѣ, какъ онъ фигурируетъ и въ жизни, во всѣхъ торжественныхъ и обыденныхъ случаяхъ деревни.

Интересно отмѣтить, что въ русской литературѣ народный учитель всецѣло отсутствуетъ. О немъ писали и пишутъ въ передовыхъ статьяхъ и въ земскихъ изслѣдованіяхъ, но учителя, какъ художественный типъ, изящная литература не знаетъ. Объясняется это, на первый взглядъ, странное явленіе тѣмъ, что художникъ беретъ типы изъ жизни, онъ ничего не создаетъ, а только обобщаетъ разсѣянные въ жизни черты одного и того же характера, объединяетъ ихъ и возводитъ въ «перлъ созданія». Когда Гоголь создавалъ свои бессмертные типы чиновничьей, помѣщичьей и народной среды, онъ имѣлъ богатѣйшій выборъ среди безчисленныхъ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ и Сквозниковъ-Дмухановскихъ. Тоже имѣлъ и Щедринъ, выводя Балабайкиныхъ, Іудушекъ и Разуваевыхъ. Но когда тотъ же же Щедринъ захотѣлъ

отдохнуть на минуту отъ вѣчнаго лицедрѣнія русскаго обывателя, онъ долженъ былъ закрыть глаза на русскую жизнь, и только во «снѣ» изобразилъ учителя. Въ современной русской жизни нѣтъ народнаго учителя,—это типъ будущаго. Нѣтъ даже отдѣльныхъ разсѣянныхъ черточекъ типа, по которымъ можно бы судить, каковъ онъ будетъ. Въ составѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ учителей низшихъ школъ можно встрѣтить представителей всевозможныхъ профессій и сословій, въ большинствѣ занесенныхъ въ деревню случаямъ и готовыхъ убраться оттуда при первой возможности. Правда, можно найти и среди учителей—людей, работающихъ по призванію, по «велѣнію сердца», но не они даютъ окраску всему составу учителей. Эту окраску даетъ среда, а не единичныя личности, какъ бы высоки ни были ихъ нравственныя достоинства.

Только съ измѣненіемъ общественныхъ условій, при которомъ живетъ и дѣйствуетъ учитель, выработается постепенно типъ высокой нравственной личности, типъ народнаго учителя какъ его понималъ, напр., Гизо, такъ характеризующій истиннаго народнаго учителя:

«Это человѣкъ, который обязанъ знать больше того, чему учить, чтобы вести обученіе обдуманно и съ интересомъ; который долженъ жить и дѣйствовать въ низкой средѣ и тѣмъ не менѣе обладать возвышенной душой, чтобы сохранить въ своихъ взглядахъ и даже въ поведеніи достоинство, безъ котораго онъ никогда не завоюетъ уваженія и довѣрія семей; который долженъ обладать рѣдкимъ соединеніемъ кротости и твердости, такъ какъ въ обществѣ поставленъ ниже многихъ другихъ людей, но ни къ кому не долженъ униженно прислуживаться; который не можетъ не знать своихъ правъ, но гораздо болѣе долженъ быть озабоченъ своими обязанностями; который долженъ служить для всѣхъ примѣромъ, всѣмъ помогать совѣтами; который, прежде всего, не долженъ стремиться выйти изъ своей среды, долженъ быть доволенъ своимъ положеніемъ, такъ какъ дѣлаетъ въ немъ добро, рѣшившись на службѣ скромной школѣ, которую считаетъ служеніемъ Богу и людямъ,—жить и умереть».

Приведа это мнѣніе Гизо, Келльнеръ съ грустью замѣчаетъ; «Всѣ двѣнадцать пунктовъ, подставленныхъ намъ, нѣмцамъ, какъ зеркало, хороши и прекрасны, но я желалъ бы, чтобы не только всѣ учителя, но и большинство людей вообще исполняло ихъ», потому что,—замѣтимъ отъ себя,—только при этомъ условіи и мыслимъ подобный высокій типъ учителя. Пока этого нѣтъ, никто не въ правѣ требовать отъ современныхъ нашихъ учителей, чтобы они непремѣнно были такими, какъ ихъ изображаетъ Гизо. И еще менѣе въ правѣ мы укорять ихъ за то, что они не таковы. Скорѣе, напротивъ, должно удивляться, что въ общемъ контингентъ русскихъ сельскихъ учителей сравнительно такъ удов-

летворителемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуя всѣ земскіе ежегодные отчеты. Скажемъ даже больше,—и навѣрное, люди свѣдущіе согласятся съ нами,—что уровень учительской среды не понизился за послѣднее время, хотя взгляды на народное образование, въ общемъ, довольно замѣтно измѣнились къ худшему.

Лѣтъ пятнадцать назадъ, немыслимо было въ литературѣ отстаивать самый низкій типъ школъ, школы грамотности, видя въ нихъ какъ бы удобную замѣну дорогихъ (!) земскихъ школъ. Тогда въ дѣлѣ народнаго образованія отстаивался не тотъ принципъ, что «по одежкѣ—протягивай ножки», а совершенно обратный,—доставать «одежку» по мѣрѣ протягиванія «ножекъ». Всѣми, или, по крайней мѣрѣ, лучшей частью литературы, признавалось, что потребность въ знаніяхъ растетъ и надо ее удовлетворять—не самымъ дешевымъ, а самымъ лучшимъ способомъ, и школы заводились. Огромное большинство земскихъ школъ было устроено именно тогда, и если съ тѣхъ поръ число ихъ возрасло, то далеко не въ той пропорціи, какъ того требуетъ дѣйствительность.

Второй принципъ, казалось, установленный тогда незыблимо, былъ—даровое образованіе. Признавалось, что народное образованіе не есть частная потребность Ивана или Петра, а—всего государства. Этотъ принципъ распространялся на все образованіе, разъ оно должно было стать народнымъ. Теперь же во многихъ городахъ взимается плата, правда, незначительная, съ учениковъ городскихъ школъ, а въ земствахъ раздавались голоса за взиманіе такой платы и съ учениковъ сельскихъ школъ. Даже нашли благовидный софизмъ для такой мѣры, основанный на особомъ качествѣ русскаго народа, который «дорожитъ только тѣмъ, за что онъ платитъ». По существу, это принципъ *ретроградный* въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, которое всегда и вездѣ есть *даровое*, разъ оно дѣйствительно *народное*. Народная школа, какъ справедливо говоритъ Келльнеръ, должна быть храмомъ, двери котораго широко открыты для всѣхъ—богатыхъ и нищихъ, умныхъ и убогихъ, сильныхъ и слабыхъ.

Третій принципъ, проводимый тогда и въ литературѣ и въ жизни, заключался въ томъ, что «пока будутъ существовать школы, выпускающія дѣтей въ жизнь, не давъ имъ ничего, кромѣ механическаго навыка въ чтеніи, пока будутъ существовать учителя, у которыхъ обученіе письму сводится на списываніе и диктантъ, а не поднимается до самостоятельнаго выраженія мыслей, пока счетъ не сдѣлается умственнымъ, примѣнительно къ требованіямъ практической жизни,—до тѣхъ поръ народъ будетъ имѣть право смотрѣть на такія школы равнодушно». Чтобы поднять уро-

вень школьнаго образованія, устраивались семинаріи для учителей. Съ того времени не было сдѣлано для народной школы ничего. Пусть укажутъ хотя бы одну учительскую семинарію, открытую за послѣднія 10—15 лѣтъ. Были ли закрыты нѣкоторыя изъ нихъ, не помнимъ, но, какъ примѣръ, можно указать на петербургское губернское земское собраніе, въ которомъ ежегодно горячо дебатировать о закрытіи учительской семинаріи — за неадаптованностью!..

Только въ самое послѣднее время началось какъ бы возрожденіе школьнаго дѣла, но, наученные горькимъ опытомъ, мы далеки отъ всякихъ иллюзій и думаемъ, что народное образованіе у насъ еще только въ зародышѣ. Хорошо лишь одно, — всѣ, повидимому, согласны теперь, что, по словамъ Келльнера, «въ наше время человѣкъ невѣжественный похожъ не на ребенка, которому нѣтъ нужды въ знаніи, такъ какъ отецъ и мать заботятся о его потребностяхъ, но на человѣка, который ничему не научился и внезапно попалъ въ міръ, не умѣя стоять на собственныхъ ногахъ и не обладая силой и способностью къ самопомощи».

Когда появились «Программы домашняго чтенія», составленныя московскою комиссіей, ихъ встрѣтили всѣ съ громаднымъ сочувствіемъ, и, спустя мѣсяць по выходѣ въ свѣтъ, понадобилось второе изданіе. Въ литературѣ, насколько помнится, было сдѣлано одно лишь возраженіе, правда, довольно серьезное, что программы излишне обширны и имѣютъ цѣлью не столько самообразованіе, сколько эрудицію, ученость. Справедливъ или нѣтъ этотъ упрекъ, разбирать не станемъ. Каждый и самъ можетъ видѣть, насколько онѣ ему полезны, что онъ можетъ позаимствовать отсюда и въ какихъ предѣлахъ. Огромнымъ достоинствомъ ихъ является обширность программы и величайшая ея объективность, научность, отсутствие подтасовки, хотя бы невольной, согласно тѣмъ или инымъ воззрѣніямъ составителей, личность которыхъ всецѣло отсутствуетъ. Въ свое время мы назвали ихъ «новымъ шагомъ» въ дѣлѣ просвѣщенія. Теперь мы имѣемъ новую попытку въ томъ же родѣ, познакомить съ которой нашихъ читателей считаемъ далеко не лишнимъ.

Предъ нами восьмой томъ «Историческаго обозрѣнія», издаваемого подъ редакціей профессора Н. И. Карѣева, Историческимъ Обществомъ при Петербургскомъ университетѣ. Во второмъ отдѣлѣ этого тома помѣщена статья Н. И. Карѣева «Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія», служащая какъ бы введеніемъ къ «Энциклопедиче-

ской программѣ для самообразованія», тутъ же приложенной вѣстѣ съ двумя спеціальными программами—по русской исторіи и политической экономіи.

«За послѣднее время,—говорить въ своей статьѣ г. Карѣевъ,—сильно оживились толки о самообразованіи, о его цѣли, о его способахъ, о программахъ самообразовательнаго чтенія. Настоящая моя статья стоитъ въ тѣсной связи съ тѣми, что самому мнѣ уже пришлось высказать по этому вопросу въ «Письмахъ къ учащейся молодежи о самообразованіи» и въ «Весѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія», причѣмъ въ обѣихъ этихъ книжкахъ [я старался выставить на видъ особую важность историческаго образованія. Я вовсе не думаю повторять теперь то, что было тамъ сказано.. Скажу и о поводѣ, вызвавшемъ мою настоящую статью. Осенью прошлаго года образовалась изъ *спеціалистовъ разныхъ наукъ* комиссія для выработки программы образовательнаго чтенія. Въ такой программѣ существуетъ настоятельная необходимость, которая до сихъ поръ удовлетворялась разными, большею частью, *неумѣло и односторонне составленными списками* книгъ. Быстрый успѣхъ программъ, изданныхъ московскою комиссіей для организаціи домашняго чтенія, указываетъ на то, какъ сильна потребность читающей публики въ подобнаго рода программахъ и спискахъ. Петербургская комиссія поставила своею задачею выработать общую, такъ сказать, *энциклопедическую* программу, исходя изъ того принципа, что главною задачею систематическаго общеобразовательнаго чтенія должно быть усвоеніе *современныхъ научныхъ данныхъ* и выводовъ для выработки теоретическаго и нравственно-общественнаго міросозерцанія, и что литературныя указанія должны быть согласованы не только съ указанною цѣлью, но и съ предполагаемою у громаднаго большинства читателей степенью знанія и пониманія».

Далѣе почтенный авторъ приводитъ многократно высказанную мысль о необходимости, какъ онъ выражается, «историзма» при изученіи всѣхъ наукъ, особенно же гуманитарныхъ.

Затѣмъ идетъ самая «энциклопедическая программа», составленная комиссіей «изъ спеціалистовъ разныхъ наукъ», въ числѣ которыхъ изъ 17 человѣкъ только 4 спеціалиста по естествознанію: профессора физики гг. Боргманъ и фанъ-деръ-Флитъ, химіи г. Меньшуткинъ и физиологіи г. Павловъ. Остальные—историки, экономисты и юристы. Это уже указываетъ на общій характеръ «энциклопедической» программы. Впрочемъ, мы забыли упомянуть, что всѣ отдѣлы естествознанія, кромѣ физики, химіи и физиологіи человѣка, именно программы по астрономіи, геологіи, физической географіи, ботаникѣ, зоологіи, общей физиологіи и физической антропологіи, составлены гг. М. А. Автоновичемъ и Н. А. Рубакинымъ, которые, судя по заявленію комиссіи, тоже должны быть отнесены къ числу спеціалистовъ по естествознанію. Мы, конечно, не сомнѣваемся въ ихъ знаніяхъ въ этой области, хотя насъ нѣсколько поражаетъ необычайная широта ихъ спеціальности. Если мы говоримъ «судя по заявленію комиссіи», то

лишь потому, что Н. А. Рубакинъ, превосходную книгу котораго мы отиѣтили въ прошлый разъ, былъ намъ извѣстенъ до сихъ поръ, какъ опытный публицистъ по нѣкоторымъ вопросамъ въ области просвѣщенія народа. Что же касается М. А. Антоновича, то еще въ шестидесятыхъ годахъ онъ снискалъ себѣ почетную извѣстность, какъ критикъ и публицистъ, а впослѣдствіи какъ переводчикъ многихъ цѣнныхъ сочиненій. Имъ, между прочимъ, была переведена «Исторія индуктивныхъ наукъ» Уэвеля. Съ тѣхъ поръ, положимъ, прошло 20 лѣтъ,—время, болѣе чѣмъ достаточное, чтобы при нѣкоторомъ усердіи стать специалистомъ по астрономіи, геологіи, географіи, ботаникѣ, зоологіи, физиологіи, антропологіи и проч.

Какъ извѣстно, специалисты страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ, подмѣченнымъ еще Кузьмою Прутковымъ въ его афоризмъ: «специалистъ подобенъ флюсу, ибо полнота его односторонняя». Къ счастью, отъ такого упрека вполне свободны наши специалисты, гг. Антоновичъ и Рубакинъ, какъ показываетъ ихъ «энциклопедическая» программа по естествознанію. Такъ, по геологіи, какъ книгу, безъ сомнѣнія, вполне доступную для всѣхъ, они рекомендуютъ «А. Карпинскій, Очеркъ физико-географическихъ условій Европейской Россіи въ минувшіе геологическіе періоды. Приложение къ LV тому Записокъ Академіи Наукъ, 1887 г., № 8». За это указаніе имъ въ особенности будутъ благодарны провинціальныя читатели. Или, они рекомендуютъ знаменитый трудъ такого извѣстнаго русскаго геолога, какъ почтенный П. А. Ососковъ, — «Жигули и известнякъ, которымъ мостятъ улицы въ Самарѣ». Если же они и рекомендуютъ болѣе спеціальныя и мало распространенныя книги, въ родѣ Гельмгольца—«Популярныя и научныя статьи» и Тиндаля—«Популярныя лекціи», то спѣшатъ пояснить, что «вмѣсто обѣихъ этихъ книгъ, можно ограничиться одною: «М. А. Антоновичъ. Ледниковая гипотеза и ледниковыя явленія въ Финляндіи и Повѣнецкомъ уѣздѣ. Двѣ статьи въ «Горномъ Журналѣ» 1878 г. февраль и мартъ». Для всякаго, надѣмся, ясно, что «Горный журналъ» 1878 г. легче достать, чѣмъ Тиндаля и Гельмгольца. Да, наконецъ, если даже и нѣтъ, то стоитъ поискать, чтобы прочесть статью, въ которой г. Антоновичъ совмѣстилъ Гельмгольца и Тиндаля. И никого не должно удивлять такое сопоставленіе: вѣдь, ни Тиндаль, ни Гельмголецъ не обладали такой всеобъемлющей спеціальностью—по астрономіи, геологіи, географіи, ботаникѣ, зоологіи, физиологіи, антропологіи,—какъ г. Антоновичъ.

Составители любятъ всякія «упрощенія», подчасъ, весьма ори-

гинальныя. Указавъ по исторіи земли авторовъ: Гейки («Геологія»), Пэдждъ («Философія геологіи»), упомянутого выше П. А. Ососкова, Уильямсона, Котта, Соколова, составители программы заявляютъ: «Послѣднія шесть книгъ могутъ быть замѣнены одною — «Агафоновъ. Прошедшее и настоящее земли». Не слишкомъ ли ужъ опасаются впасть въ спеціализацію г.г. Антоновичъ и Рубакинъ, рекомендуя одной этой книгой замѣнить такихъ извѣстныхъ ученыхъ? Мы думаемъ, что ни г. Агафоновъ, ни редація журнала, въ которомъ былъ помѣщенъ его трудъ, и не мечтали о такой высокой чести.

Въ другихъ отдѣлахъ своей программы составители оказываются столь же на высотѣ положенія, какъ и въ геологіи. Такъ, по физиологіи они рекомендуютъ: «Физиологическія письма Карла Фохта, 1863 г.», «Физиологію растительныхъ процессовъ проф. Сѣченова 1870 г.», «Уроки элементарной физиологіи Гексли, 1868 г.», и въ довершеніе эффекта — «Физиологію обыденной жизни Льюиса, 1867 г.» Въ этомъ нельзя не видѣть трогательной черты, дань воспоминаніямъ молодости, когда еще г. Антоновичъ былъ не всеобъемлющимъ естествоиспытателемъ, а просто публицистомъ. И намъ вполне понятно появленіе этихъ почтенныхъ ветерановъ въ «энциклопедической» программѣ, назначенной для молодого поколѣнія, хотя бы и по наукѣ, претерпѣвшей за послѣднія тридцать лѣтъ огромныя измѣненія. Положимъ, тотъ же Кузьма Прутковъ и говоритъ: «всякому овощу свое время», и кто теперѣ сталъ бы изучать физиологію по Льюису, получилъ-бы объ этой наукѣ превратное во многомъ представленіе. Но слѣдуетъ помнить основной принципъ «энциклопедической» программы — «историческое изученіе»...

Не касаясь другихъ особенностей программы по естествознанію, въ надеждѣ, что люди болѣе свѣдущіе окажутъ имъ должное и весьма, по нашему мнѣнію, необходимое въ этомъ случаѣ вниманіе, перейдемъ къ другимъ отдѣламъ.

По социологіи составляя программу самъ г. Карѣевъ. Будучи, какъ мы видѣли, врагомъ односторонности, онъ рекомендуетъ... свои собственныя сочиненія, какъ основу, и къ нимъ, въ качествѣ легкаго гарнира, Бокля, Льюиса, Милля, Спенсера, Эспинаса, Н. К. Михайловскаго, С. Н. Южакова и П. Николаева. Свои сочиненія г. Карѣевъ рекомендуетъ въ этой программѣ 12 разъ, сочиненія же другихъ авторовъ по разу, по два, и только Н. К. Михайловскому сдѣлано уваженіе: онъ упомянутъ три раза. Столь же видное мѣсто отводитъ себѣ г. Карѣевъ въ программѣ по всеобщей исторіи, въ основу изученія которой онъ кладетъ свой

курсъ—«Исторія Западной Европы», доведенный до 1830 г., но—предупредительно успокаиваетъ почтенный авторъ программы—«онъ *будетъ* продолженъ до 1871 г.». Мы ничего не имѣемъ возразить противъ прекраснаго курса г. Карѣева, но видѣть его во главѣ изученія истории и лишь какъ дополненія къ нему такія имена, какъ Гизо, Брайсъ, Корелинъ, Фюстель-де-Куланжъ, Морлей и другія,—намъ кажется, по меньшей мѣрѣ, страннымъ.

Въ другихъ отдѣлахъ «энциклопедической» программы мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Въ специальной программѣ по русской исторіи, составленной гг. Семеновскимъ, Мякотинымъ и Сиповскимъ, г. Семеновскій весь отдѣлъ «крестьяне и крестьянскій вопросъ въ XVIII вѣкѣ» составилъ изъ своихъ сочиненій, прибавивъ къ нимъ даже свои статьи, печатавшіяся въ журналахъ. «Для не имѣющихъ возможности,—любезно добавляетъ въ примѣчаніи г. Семеновскій,—читать всѣ отмѣченныя звѣздочкой (напечатанныя въ журналахъ) монографіи авторъ составилъ небольшую статью, въ которой изложилъ главные выводы изъ своихъ трудовъ о бытѣ крестьянъ этого времени. Статья эта *будетъ* скоро напечатана». Г. Мякотинъ, не желая отстать отъ г. Семеновскаго, рекомендуетъ собственные статьи, даже по два раза: «Прикрѣпленіе крестьянъ лѣвобережной Малороссіи къ Россіи. «Русское Богатство» 1894 г. № 2» фигурируетъ въ главѣ «Малороссія въ XVII вѣкѣ» и въ главѣ «Малороссія въ XVIII вѣкѣ», съ добавленіемъ «Р. Бог. №№ 2—4».

Но верхъ совершенства по широтѣ и объективности представляетъ программа по политической экономіи, составленная гг. Яроцкимъ и Карышевымъ, въ которой г. Яроцкій рекомендуетъ г. Карышева, а г. Карышевъ не менѣе предупредительно — г. Яроцкаго. Такъ, г. Яроцкій перечислилъ не только отдѣльныя сочиненія г. Карышева, но и всѣ его статьи въ журналахъ и даже въ энциклопедическихъ словаряхъ, а г. Карышевъ—магистерскую диссертацию г. Яроцкаго. Главу третью специальной программы по политической экономіи оба составителя распредѣлили такъ: «изслѣдованіе хозяйственнаго быта Россіи»—25 сочиненій и отдѣльныхъ статей въ журналахъ (конечно, не забыть и г. Карышевъ) посвящено общинѣ и земледѣлію, 3—кустарнымъ промысламъ, 5—фабричной промышленности, одна Сибири и одна переселенію. Это ли не объективное отношеніе къ программѣ для самообразованія, чуждое всякой односторонности? Изученіе политической экономіи гг. Карышевъ и Яроцкій предлагаютъ начать слѣдующимъ образомъ: «Занятія по политической экономіи рекомендуются начать съ чтенія краткаго учебника, схематически изла-

гающаго систематику предмета и содержаніе каждаго его отдѣла. Для такого подготовительнаго чтенія пригодны курсъ г. Карелина и книжка г. *Карышева*. Въ первомъ изъ нихъ обращаютъ на себя преимущественное вниманіе прикладныя части, знакомящія попутно съ многими интересными фактами хозяйственной жизни Россіи; во второй имѣется вопросникъ, могущій служить важнымъ подспорьемъ начинающему для усвоенія предмета. Лучше всего—соединить оба учебника, пополняя теоретическія главы г. *Карышева* прикладными частями работы г. Карелина». При всемъ уваженіи къ гг. Карышеву и Яроцкому, позволительно спросить, неужели «лучше всего» начать съ г. Карышева, хотя бы и дополняемаго г. Карелинымъ?

Сказаннаго, намъ кажется, достаточно для характеристики «энциклопедической» программы. Благородное соревнованіе, побудившее комиссію при Историческомъ Обществѣ создать свои программы для самообразованія, въ высшей степени почтено, но программы петербургской комиссіи много выиграли бы, если бы составители ихъ послѣдовали примѣру членовъ московской комиссіи, которые суждали затушевать свою личность, нигдѣ не выходя на первый планъ. Труды такихъ ученыхъ, какъ г. Карѣевъ или г. Семевскій, безспорно, должны занять видное мѣсто въ любой программѣ, но когда ими эти программы начинаются и кончаются, то такая односторонность едва ли служить на пользу дѣлу. Что же касается программъ по отдѣламъ астрономіи, геологіи, физической географіи, батаники, зоологіи, физиологіи и антропологіи, составленныхъ двумя такими специалистами, какъ гг. М. А. Антоновичъ и Н. А. Рубакинъ, то, при всемъ довѣрїи къ ихъ научнымъ силамъ, было бы небезполезно пригласить имъ на помощь кого-либо изъ настоящихъ специалистовъ по каждой изъ этихъ семи наукъ. Ибо все тотъ же Кузьма Прутковъ не безъ основанія замѣчаетъ: «можешь ли объять необъятное?» А въ наше время область естествознанія, дѣйствительно, необъятна, и попытка упомянутыхъ специалистовъ вдвоемъ охватить ее — по меньшей мѣрѣ, рискованна...

Въ заключеніе, нельзя не указать на общую односторонность всей «энциклопедической» программы. Въ послѣдней нѣтъ соразмѣрности частей, и насколько подробно разработаны такія науки, какъ исторія, всеобщая и русская, и политическая экономія, на столько же слабо развиты всѣ естественныя науки. Въ сущности, естествознаніе едва затронуто и, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ весьма страннымъ образомъ. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто комиссія только терпитъ естественныя

науки. Такая односторонность вполне понятна въ комиссіи, изъ семнадцати членовъ которой только четыре естествознателя. Но для того, кто пожелалъ бы пользоваться программами комиссіи, отъ того нисколько не легче. Наша средняя школа не даетъ никакихъ свѣдѣній по естествознанію, и единственный путь для ихъ пріобрѣтенія—самостоятельное чтеніе. Поэтому, если важны *общія* программы для домашняго чтенія, то несравненно важнѣе—программы *по естественнымъ наукамъ*. Принято, почему-то, до сихъ поръ отводить имъ какое-то подчиненное мѣсто, чуть не на запяткахъ, въ дѣлѣ воспитанія и образованія. На чемъ основанъ этотъ предразсудокъ, трудно понять въ настоящее время. Его можно объяснить только переживаніемъ, какъ остатокъ возрѣвнй, преобладавшихъ прежде въ системѣ образованія, которое цѣликомъ сводилось къ классицизму и исторіи. Съ великимъ трудомъ на ряду съ ними водворилась математика и изученіе родного языка, а естественныя науки до сихъ поръ не могутъ отвоевать себѣ мѣстечка. Между тѣмъ, нельзя быть въ настоящее время образованнымъ человекомъ, оставаясь невѣждой во всемъ, что касается окружающей насъ природы. Немыслимо выработать себѣ какое-нибудь «міросозерцаніе», не ознакомившись съ этимъ міромъ, хотя бы въ главнѣйшихъ его явленіяхъ, и никакое знакомство съ исторіей не можетъ замѣнить этого недостатка. Въ этомъ и заключается самый существенный недостатокъ петербургскихъ программъ въ сравненіи ихъ съ московскими, въ которыхъ естествознанію отведено надлежащее мѣсто,—оно не подавляетъ другія науки, но и само не отодвинуто на задній планъ. Московская комиссія, въ этомъ случаѣ, оказалась вполне объективной, открывая каждому доступъ къ тому, къ чему онъ имѣетъ больше склонности.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Всесословная волость. Какъ извѣстно изъ газетъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, предполагая произвести реформу въ крестьянскомъ самоуправленіи, передало на обсужденіе мѣстныхъ совѣщаній (изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ подъ предѣлательствомъ губернаторовъ) рядъ вопросовъ о томъ, въ какомъ направленіи желательно было бы реформировать наше сельское управленіе и самоуправленіе. Подобное совѣщаніе состоялось и въ Черниговѣ и пришло къ заключенію, что никакихъ существенныхъ измѣненій въ сельскомъ самоуправленіи не требуется. Среди высказанныхъ тамъ мнѣній наибольшій интересъ представляетъ особое мнѣніе, поданное предѣтелемъ Черниговской губернской земской управы В. М. Хижняковымъ. Приведемъ, въ общихъ чертахъ, взгляды, высказанные В. М. Хижняковымъ, какъ они изложены въ кievской газетѣ «Жизнь и искусство».

«Цѣлый рядъ вопросовъ,—говоритъ г. Хижняковъ,—обсуждаемой совѣщаніемъ программы о правильной организаціи сходовъ, объ упорядоченіи сельскихъ сборовъ и пр., указываетъ на то, что министерство широко ставитъ возбужденный имъ общій вопросъ, что самыя основы мѣстнаго управленія признаются имъ несостоятельными, что сельское населеніе,

остающаеся и до сихъ поръ на весьма низкой ступени развитія, не можетъ при настоящихъ условіяхъ правильно справляться со своимъ самоуправленіемъ, и что для обновленія нездоровой атмосферы этого самоуправления нужна свѣжая, здоровая струя; нужны новыя силы. Откуда же могутъ явиться такія силы?

«Со времени реформы 1861 г. картина сельской жизни, землевладѣнія и состава населенія значительно измѣнилась. Многія крупныя имѣнія раздробились, и явилось много мелкихъ собственниковъ. Развилась во многихъ селахъ промышленная дѣятельность, и представители такой дѣятельности и мелкаго землевладѣнія составляютъ нерѣдко довольно значительный процентъ среди обывателей сельскаго состоянія. Этотъ новый контингентъ сельскихъ жителей, къ сожалѣнію, представляетъ въ значительной части самый нежелательный элементъ сельскихъ эксплуататоровъ. Но есть не мало и такихъ, которые представляютъ лучшій культурный элементъ въ селахъ и могли бы съ большой пользой принять участіе въ сельскомъ управленіи. Устраненіе же ихъ отъ этого участія часто гонитъ ихъ изъ села. Не имѣя возможности вліять на упорядоченіе дѣла въ селахъ и волостяхъ и испытывая на себѣ послѣдствія мѣстной неурядицы, они

бываютъ не въ силахъ вести свои хозяйства и ищутъ дѣятельности въ сель. Насколько желательно удержаніе въ селахъ такого элемента и предоставленіе ему возможности дѣятельно участвовать въ отправленіяхъ мѣстной жизни, могутъ служить поучительнымъ примѣромъ польскія губернія, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Послѣ послѣдняго возстанія доступъ польской молодежи въ учебныя заведенія и на службу былъ весьма ограниченъ, и многіе ограничивались невысокимъ курсомъ обученія и, не имѣя служебныхъ правъ, поселились въ селахъ и всецѣло посвятили себя хозяйству, стоя по развитію все-таки гораздо выше массы сельскаго населенія, принимая участіе въ мѣстномъ гминномъ управленіи и служа во многихъ случаяхъ для массы примѣромъ лучшей жизни и культуры. Эти люди сдѣлали весьма много для поднятія сель въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ, и благодаря, главнымъ образомъ, имъ, сельская промышленность и хозяйство въ польскихъ губерніяхъ въ сравнительно короткое время быстро подвинулись впередъ. Вопросъ о допущеніи живущихъ въ селахъ лицъ не сельскаго состоянія къ участію въ мѣстномъ управленіи далеко не новъ. Но образованіе бессословнаго управленія въ селахъ, о которомъ у насъ есть цѣлая литература, признавалось многими несвоевременнымъ болѣе всего потому, что крупные землевладѣльцы, при своей экономической силѣ, могли бы имѣть слишкомъ подавляющее вліяніе на весь ходъ управленія. Но такія опасенія въ настоящее время не могутъ имѣть мѣста какъ потому, что распредѣленіе землевладѣнія и персоналъ землевладѣльцевъ совершенно измѣнились, такъ и потому, что масса сельскаго населенія, живя среди многихъ экономическихъ невзгодъ и столкновеній, научилась разбираться съ своими нуждами и

обстановкой, и не представляется такою инертной, какъ въ первое время послѣ реформы. Нынѣшнее совѣщаніе, согласившись съ тѣмъ, что рѣшеніе дѣлъ всѣмъ сельскимъ сходомъ, безпорядочною толпой, не представляетъ ничего хорошаго, высказалось уже за образованіе схода выборныхъ—по одному отъ каждыхъ 10 дворовъ. Такія выборныя совѣщанія, образованныя изъ лучшихъ людей, несомнѣнно, поведутъ дѣло правильнѣе нынѣшнихъ шумныхъ сходовъ, и вліяніе на рѣшеніе водки и другихъ косвенныхъ воздѣйствій будетъ имѣть гораздо меньше мѣста, такъ какъ за всякое противообщественное рѣшеніе выборные отвѣтственны предъ остальными ^{9/10} населенія, тогда какъ на сходѣ всякое подобное рѣшеніе принимается поневолѣ: виноваты всѣ, но взыскивать не съ кого».

Допущеніе къ участію въ волостномъ сходѣ лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, по мнѣнію В. М. Хижнякова, чрезвычайно оживило бы деревенскую жизнь и подвинуло ее впередъ въ культурномъ отношеніи. На выборныя крестьянскія должности, при нѣкоторой обезпеченности содержаніемъ, «охотно пойдутъ интеллигентныя лица, и тогда возможно надѣяться, что многія нужды села въ санитарномъ, противопожарномъ и экономическомъ отношеніяхъ,—нужды, къ которымъ безсознательно и съ полной апатіей относятся нынѣшнія сельскія власти, получатъ посильное удовлетвореніе, а расходъ на содержаніе этихъ лучшихъ людей само населеніе скоро признаетъ производителнымъ».

Было время, когда надъ идеей всесословной волости много потѣшались, въ особенности въ народнической литературѣ. По мнѣнію послѣдней, народъ прежде всего нуждается въ опекѣ, обереганіи отъ «тлетворнаго духа интеллигенціи», а всесословная волость откроетъ ей доступъ къ нему.

*

Но опытъ показалъ, что народъ лучшаго мнѣнія объ интеллигенціи, признавъ ее въ качествѣ врача и учителя, — и кто знаетъ? — можетъ быть, если бы тридцать лѣтъ тому назадъ идея всеобщей волости была осуществлена, мы не видѣли бы теперь многихъ темныхъ сторонъ въ народной жизни, которыя доставляли и доставляютъ столько хлопотъ правительству и земству.

Дѣти-работники. Недавно въ Петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло мѣщанки Алексѣевой, интересное потому, что оно рисуетъ бытъ дѣтей, отданныхъ «въ работу» и принужденныхъ съ малыхъ лѣтъ самимъ добывать себѣ пропитаніе. По словамъ «Новаго Времени», во второй половинѣ января текущаго года «Обществомъ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ» получены были свѣдѣнія, что въ бѣловшейной мастерской А. Вагнеръ, помѣщающейся по Казанской ул., д. № 39, четырнадцатилѣтняя ученица Надежда Крафтъ подвергается жестокому обращенію и постояннымъ истязаніямъ со стороны мастерицы Алексѣевой, у которой дѣвочка состояла подѣ началомъ, о чемъ Общество и сообщило прокурору суда, прося о производствѣ слѣдствія.

Допросомъ семи свидѣтельницъ, мастерицъ и ученицъ Вагнеръ, выяснено слѣдующее: съ мая 1894 г., когда Крафтъ поступила въ мастерскую Вагнеръ подѣ начало Алексѣевой, вплоть до второй половины января 1895 г., когда дѣвочка была взята изъ мастерской, — Алексѣева почти ежедневно была эту ученицу по лицу и тѣлу, такъ-что дѣвочка была постоянно въ синякахъ; Алексѣева билла ее руками, рвала ей волосы, выдергивая ихъ цѣлыми прядями, щипала и душила за горло, трепала за уши до того, что у Крафтъ уши часто были надорваны и изъ нихъ текла кровь; царапала уши ногтями, сзади срывая кожу до крови,

билла ножами подѣ носъ дѣвочки, изъ котораго отъ этого сочилась кровь. Алексѣева наказывала Крафтъ и за то, что та, отъ боли носа, не сморкалась, засовывала ей въ ротъ катушку изъ-подъ нитокъ, вымазавъ ее предварительно деревяннымъ масломъ; кромѣ того, въ видѣ наказанія, принуждала ученицу выпивать изъ чашки смѣсь, которую Алексѣева составляла изъ горячей воды, укуса, соли, прибавляя туда иногда накрошенный черныи хлѣбъ, сахаръ и холодную воду. Около Рождества прошлаго года Алексѣева, услыжавъ однажды, что старшая ученица Галкина за что-то бранить младшую ученицу Сидоровичъ, заставила Галкину приготовить составъ, подобный тому, который она сама дѣлала для Крафтъ, т. е. смѣсь изъ горячей воды, укуса и соли, и принудила Сидоровичъ выпить эту смѣсь. Въ другой разъ, около того же времени, замѣтивъ у Сидоровичъ на щекѣ головнаго паразита, Алексѣева приказала Галкиной изготовить ту же самую смѣсь и, положивъ въ нее паразита со щекъ Сидоровичъ, заставила послѣднюю проглотить все это.

Между тѣмъ, по общему отзыву, Крафтъ была послушная и работающая дѣвочка, къ которой Алексѣева проявляла настоящую жестокость. Дѣвочку свидѣтельствовала врачъ Бенуа. На волосистой части головы ояъ нашелъ нѣсколько плѣшииъ отъ недавно выдернутыхъ волосъ, царпины на обѣихъ ушныхъ раковинахъ, синяки на лѣвомъ вискѣ и щекѣ впереди уха и едва замѣтныя пятна на лѣвомъ плечѣ и рукѣ. Все это Бенуа относитъ къ истязаніямъ, причинявшимся дѣвочкѣ продолжительную степень страданія, которое, кромѣ физической боли, могло отразиться и на нравственномъ развитіи ученицы.

Вотъ въ общихъ чертахъ похождения «мастерицы» Алексѣевой, терпимой хозяйкой бѣловшейнаго магазина А. Вагнеръ. Подсудимая говорить,

что лишь изрѣдка наказывала Крафтъ за ея лѣность, при чемъ была рукою, но только по спинѣ, трепала за волосы и оставляла безъ обѣда, но не истязала дѣвочку никогда. Алексѣева—изъ ученицъ Вагнеръ и на себѣ испытала тѣ же пинки, колотушки и потасовки, которые потомъ примѣняла къ Крафтъ, не видя въ этомъ ничего особеннаго. Ей только-что исполнилось 19 лѣтъ и она сама выглядитъ еще дѣвочкой. Прежде чѣмъ явиться на скамью подсудимыхъ, она четыре мѣсяца сидѣла въ одиночной камерѣ дома предварительнаго заключенія, не видя никого изъ близкихъ.

По разсказу Крафтъ, Алексѣева была ее или за то, что «худо сдѣлаешь, или что-нибудь забудешь»; помимо подсудимой, ей доставалось и отъ самой хозяйки Вагнеръ, женщины «очень злой», которая даже сбѣла ее розгами; злая хозяйка была иногда и мастерицъ своихъ.

На вопросъ суда, что это за веревка, которую Алексѣева ударила Крафтъ, подсудимая наивно отвѣтила, что это «педагогическая веревка, свитая самою хозяйкою и лежавшая въ ея комнатѣ». Веревка, по словамъ свидѣтельницъ-ученицъ, хаживала по всѣмъ. Относительно состава напитка показанія разошлись, несомнѣнно только, что дѣвочку поняли какой-то бурдой.

Послѣ пятиминутнаго совѣщанія, присяжные засѣдатели вынесли Алексѣевой оправдательный вердиктъ, и она тутъ же была освобождена изъ подъ стражи.

Оправдательный приговоръ присяжныхъ вполне понятенъ: Алексѣева уже получила должное наказаніе, выйдя въ 4 мѣсяца въ тюрьмѣ предварительнаго заключенія. Кромѣ того, изъ дѣла выяснилось, что несравненно болѣе виновной, чѣмъ она, была сама хозяйка магазина, г-жа Вагнеръ, хотя послѣдняя и не попала на скамью подсудимыхъ. Мастерица никогда не

посмѣла бы такъ обращаться съ дѣвочками, если бы не рассчитывала на поддержку хозяйки, да и «педагогическая веревка», о которой упоминалось на судѣ, достаточно характеризуетъ педагогическіе приемы самой г-жи Вагнеръ. Судебное разбирательство, во всякомъ случаѣ, послужить ей урокомъ и, можно думать, что теперь она нѣсколько смягчитъ свое отношеніе къ подвластнымъ ей дѣтямъ.

Но до суда доходятъ только немногія, исключительныя дѣла; а между тѣмъ, сколько такихъ же дѣлъ совершаются ежедневно въ нашихъ мастерскихъ и на фабрикахъ, сколько есть дѣтей, участь которыхъ ничѣмъ не уступаетъ участи 14-ти-лѣтней Крафтъ, и которымъ не удается привлечь къ себѣ вниманія и заступничества какого-нибудь благотворительнаго Общества.

Вотъ какой случай разсказываетъ, напр., г. Далинъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» объ истязаніи ребенка на кievской шоколадной фабрикѣ Ефимова: «Одинъ изъ мальчиковъ, работавшихъ на фабрикѣ — Федоровъ — взялъ пустую коробку изъ подъ шоколада. Узналъ объ этомъ хозяинъ.

— Подать мнѣ сюда этого мальчишку Федорова! — раздалось его приказаніе.

И «мальчишка Федоровъ», одинъ изъ тѣхъ полуодѣтыхъ и полуголодныхъ ребятишекъ, которые работаютъ на сладкой фабрикѣ, немедленно предсталъ передъ хозяйскія ясныя очи.

— Воровать, каналья, вздумалъ?

Мальчишка затрясся — ни живъ, ни мертвъ.

— Я... я... пустую коробочку..

— Еще бы ты не пустую, а съ конфетками взялъ!.. Принести жгуты сюда.

Но тутъ почтеннаго кievскаго прогрессиста по части сѣченія осянула вдругъ новая мысль:

— А что, если этого мальчишку раздѣть и завернуть въ мокрую про-

стыню?.. Вѣдь куда вольготнѣе будетъ работать жгутомъ! Хватилъ изо всѣхъ силъ—а слѣда не будетъ...

— Простыню, мокрую простыню сюда!

И началось истязаніе маленькаго, полуголоднаго и беззащитнаго работника хозяиномъ, началось по новому. Вмѣсто розогъ—мокрые жгуты, голаго тѣла—тѣло, обернутое въ мокрую простыню.

И вопить, кричить истязуемое маленькое человѣческое существо, кричить отъ страшной боли, отъ остраго физическаго страданія.

Попробовала, было, вступить за истязуемаго полиція, но получила отъ г. Ефимова отвѣтъ, что она не имѣетъ права вмѣшиваться, что дѣла объ истязаніи дѣтей могутъ возбуждать только родители. А родителей у Федорова нѣтъ. Онъ—сирота.

Эта жестокость, заключаетъ г. Далинъ, является не только не преступленіемъ, но даже и не проступкомъ. Это всего только нарушеніе извѣстныхъ правилъ, въ силу которыхъ хозяевамъ разрѣшается фабричныхъ штрафоватъ только, но отнюдь ни съ какими жгутами не знакомить и ни въ какія простыни не завертывать. Ну, а нарушеніе этихъ правилъ подлежитъ рассмотрѣнію г. фабричнаго инспектора.

И находится теперь это «дѣло» не у судебного слѣдователя, а именно у фабричнаго инспектора».

Грустный фактъ,—одинъ изъ тысячи,—лишній разъ свидѣтельствующій о нашей дикости и некультурности. Нѣтъ закона, разрѣшающаго подобное обращеніе съ дѣтьми, и тѣмъ не менѣе эти факты совершаются на каждомъ шагѣ. Только общій подъемъ развитія можетъ спасти насъ отъ дѣтскихъ воплей, которымъ до тѣхъ поръ суждено раздаваться невозбранно.

Фабричныя школы. Въ газетахъ сообщалось, что при Министерствѣ

Народнаго Просвѣщенія въ настоящее время учреждена коммиссія для рассмотрѣнія вопроса «о школьномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ». По свѣдѣніямъ, собраннымъ фабричными инспекторами, въ Россіи теперь имѣется всего 213 фабричныхъ школъ, въ нихъ обучается 19.000 дѣтей, изъ которыхъ только 6.232 человѣка работаютъ на фабрикѣ. Незначительность этой цифры по сравненію съ общимъ количествомъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, краснорѣчиво свидѣтельствуєтъ, что обученіе малолѣтнихъ рабочихъ нельзя предоставлять волѣ предпринимателей.

Какъ извѣстно, работа дѣтей на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ ограничена у насъ восемью часами въ сутки и притомъ должна быть распределена такъ, чтобы малолѣтніе рабочіе, въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, если они не имѣютъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса одноклассныхъ народныхъ училищъ, могли посѣщать школу. Въ этихъ видахъ на владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій налагается обязанность предоставлять малолѣтнимъ рабочимъ для ихъ школьныхъ занятій не менѣе 3 часовъ ежедневно или 15 часовъ въ недѣлю; фабричная же инспекція должна заботиться о томъ, чтобы фабриканты и заводчики открывали при своихъ заведеніяхъ школы для малолѣтнихъ, а въ случаѣ отказа фабрикантовъ, инспекторамъ разрѣшено входить въ сношенія по тому же предмету съ училищнымъ начальствомъ, земствами, городами и даже частными лицами, отъ которыхъ можно ожидать сочувствія дѣлу народнаго образованія.

Въ дѣйствительности задача, возложенная на фабричную инспекцію, оказалась неосуществимой. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ перенесены жалобами на то, что фабричныхъ школъ нигдѣ нѣтъ и фабри-

канты отказываются устраивать ихъ. «Владѣльцы промышленныхъ заведеній, писалъ, напр., варшавскій инспекторъ, по настоящее время вообще мало заботились о школьномъ образованіи малолѣтнихъ, работавшихъ на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ. Если же при нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ промышленныхъ заведеніяхъ существуютъ фабричныя школы, то таковыя учреждены вовсе не для малолѣтнихъ, занимающихся на фабрикѣ, но для дѣтей мѣстныхъ постоянныхъ фабричныхъ работниковъ, составляя, такъ сказать, дополненіе обезпеченія семейныхъ нуждъ сихъ послѣднихъ. Хотя къ занятіямъ на фабрикахъ поступаютъ и дѣти мѣстныхъ рабочихъ, но въ заведеніяхъ, нуждающихся въ значительномъ числѣ малолѣтнихъ рабочихъ, большинство этихъ послѣднихъ нанимается со стороны, и никто не интересовался тѣмъ: грамотны ли они, или нѣтъ, и нуждаются ли въ школьномъ образованіи?» По словамъ виденскаго инспектора, «школъ фабричныхъ, въ коихъ учебныя занятія были бы согласованы съ распредѣленіемъ рабочихъ часовъ малолѣтнихъ и съ ихъ свободнымъ отъ работъ временемъ, въ осмотрѣнныхъ заведеніяхъ виденскаго фабричнаго округа не было ни одной». Даже въ такомъ районѣ, какъ петербургскій, «изъ промышленныхъ заведеній, осмотрѣнныхъ въ округѣ, только немногія, находящіяся въ городахъ, имѣютъ свои школы». Въ провинціи, напр., въ харьковскомъ округѣ, въ этомъ отношеніи не выдѣлялись и города: «городскія фабрики, — читаемъ мы въ отчетѣ, — повидному, не богаче грамотными дѣтьми — фабрикъ, расположенныхъ гдѣ-нибудь въ глуши, вдали отъ городовъ». Естественно, что при такомъ безучастіи фабрикантовъ къ школьному обученію малолѣтнихъ рабочихъ, «въ числѣ грамотныхъ и полуграмотныхъ, какъ подмѣчено въ

харьковскомъ же округѣ, — никогда не встрѣчаются дѣти, которыя научились бы грамотѣ послѣ поступленія на фабрику».

Убѣжденія фабричныхъ инспекторовъ, доказывавшихъ фабрикантамъ необходимость дать образованіе дѣтямъ, работающимъ на ихъ фабрикахъ, обыкновенно не приводили ни къ какому результату. Вотъ, напр., что говорится по этому поводу въ отчетѣ владимірскаго фабричнаго инспектора: «Что касается переговоровъ съ фабрикантами относительно устройства и приспособленія существующихъ школъ, то въ этомъ отношеніи только на трехъ фабрикахъ удалось мнѣ, — говорятъ авторъ отчета, — достигнуть болѣе или менѣе положительныхъ результатовъ... На всѣхъ же остальныхъ фабрикахъ къ вопросу этому владѣльцы хотя и отнеслись сочувственно, но устройство школъ и содержаніе ихъ на свой счетъ признаютъ для себя обременительнымъ. А нѣкоторые фабриканты, при малѣйшей съ моей стороны настойчивости, сейчасъ же изъявляли желаніе распустить малолѣтнихъ». По мнѣнію казанскаго инспектора, съ мѣстными владѣльцами фабрикъ нельзя было даже и начинать переговоры объ устройствѣ школъ, «такъ какъ, при несочувственномъ отношеніи большинства промышленниковъ къ закону 1-го іюня 1882 года и при убѣжденіи ихъ въ отяготительности для нихъ исполненія даже однихъ обязательныхъ требованій этого закона, склонять ихъ къ необязательнымъ для нихъ матеріальнымъ жертвованіямъ, для предоставленія работающимъ въ ихъ заведеніяхъ дѣтямъ возможности школьнаго обученія, представлялось исполнѣнн несвоевременнымъ и бесполезнымъ». Кіевскій инспекторъ иллюстрируетъ эту мысль фактами. Такъ, въ Кіевѣ предприниматель «заявилъ дѣтямъ, работавшимъ на фабрикѣ, что отпускаетъ ихъ въ виду

предложенія фабричной инспекціи о школьномъ образованіи для малолѣтнихъ рабочихъ. Пораженные такимъ неожиданнымъ заявленіемъ, дѣти, работавшія на фабрикѣ, и ихъ родители пришли ко мнѣ, — пишетъ кievскій фабричный инспекторъ, — съ просьбой выяснить настоящее положеніе дѣла». И вотъ инспекторъ вынужденъ былъ вступить въ переговоры съ фабрикантомъ и убѣждать его не въ томъ, что необходимо устроить школу для малолѣтнихъ рабочихъ, а въ томъ, что законъ вовсе не обязываетъ предпринимателя къ какимъ-либо тратамъ для образованія работающих у него дѣтей, что его дѣло предоставить столько-то часовъ въ день для посѣщенія школъ, а есть такая школа или нѣтъ — за это предприниматель не несетъ отвѣтственности. Дѣйствовать такимъ образомъ пришлось не одному кievскому инспектору. Почти всюду фабриканты и заводчики стали угрожать отказомъ отъ пользованія услугами дѣтей. Не принимать во вниманіе этихъ заявленій фабричная инспекція не могла, опасаясь поставитъ тѣхъ же дѣтей и ихъ родителей въ безвыходное положеніе вслѣдствіе внезапнаго лишенія заработка. Волей-неволей фабричнымъ инспекторамъ приходилось ограничиваться предъявленіемъ лишь обязательныхъ требованій закона и поступаться школьнымъ обученіемъ малолѣтнихъ. Недовольные регламентаціей труда въ обрабатывающей промышленности не упустили случая воспользоваться этимъ преимуществомъ своего положенія: по выраженію московскаго фабричнаго инспектора, «владѣлецъ завода, фабрики или мануфактуры не имѣетъ надобности строго и обдуманно относиться и къ факту допущенія или недопущенія малолѣтнихъ на свои фабрики. Вѣдь, все равно тратиться на школу онъ ничѣмъ не вынужденъ и каждую минуту потому можетъ вновь нанять

малолѣтнихъ, если, по его соображеніямъ, это понадобится, не принося за то никакой жертвы». Но какъ и часто фабриканты заявляли о нежеланіи держать на фабрикахъ дѣтей, въ серьезности этого намѣренія позволительно сомнѣваться, хотя бы потому, что большинство до настоящаго времени пользуется трудомъ тысячъ малолѣтнихъ.

Лучшимъ выходомъ изъ этого ненормальнаго положенія было бы признаніе обязательности обученія для дѣтей, работающих на фабрикахъ. Къ такому выводу пришелъ и состоявшійся года два тому назадъ первый съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи. Съѣздъ этотъ призналъ, что посѣщеніе школы должно быть непреложнымъ условіемъ самаго участія малолѣтнихъ въ работѣ фабрикъ и заводовъ, а повсемѣстное устройство фабричныхъ школъ достижимо при установленіи особаго сбора на этотъ предметъ съ фабрикантовъ.

Можно надѣяться, что къ тому же выводу придетъ и коммиссія, работающая въ настоящее время при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Помощь вятскаго земства кустарямъ. Вятская губернія занимаетъ совсѣмъ особенное положеніе въ ряду русскихъ областей: она дѣйствительно можетъ быть названа «крестьянскимъ царствомъ»; дворянскій элементъ въ ней отсутствуетъ, и земля почти цѣликомъ находится въ рукахъ крестьянъ. Эта особенность Вятской губерніи отразилась и на характерѣ ея земства, которое извѣстно по всей Россіи своей широкою дѣятельностью на пользу мѣстнаго населенія. Быть можетъ, ни одно изъ русскихъ земствъ не сдѣлало такъ много для поднятія крестьянскаго хозяйства, распространенія въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній, поддержки кустарныхъ промысловъ и пр., какъ вятское зем-

ство. Дѣятельность его въ этомъ направленіи служить образцомъ для другихъ земствъ, которыя хотятъ идти по тому же пути. Такъ, казанское земство, имѣя намѣреніе устроить въ Казанской губерніи земскій складъ кустарныхъ издѣлій, командировало недавно члена губернской управы Н. Бѣльковича въ Вятскую губернію, для ознакомленія на мѣстѣ съ земской организаціей помощи кустарямъ. Докладъ г-на Бѣльковича, являющійся результатомъ его командировки, сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Приведемъ въ общихъ чертахъ содержаніе этого доклада, напечатаннаго въ «Волжск. Вѣст.».

«По даннымъ г. Бѣльковича, перечисленнымъ изъ матеріаловъ вятскаго земства, оказывается, что въ Вятской губерніи занято кустарными промыслами до 160.000 человѣкъ, при валовомъ годовомъ оборотѣ до 16.000.000 рублей, — цифры эти, нельзя не согласиться, дѣйствительно, весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о важности кустарной промышленности въ бюджетѣ крестьянскаго населенія Вятской губерніи. Вятское земство, въ своихъ стремленіяхъ помочь кустарю и развитію его промысла, руководилось тѣмъ взглядомъ, что въ этомъ дѣлѣ прежде всего необходимо кредитъ, затѣмъ организація сбыта издѣлій и усовершенствованіе техники производства. Вятскій кустарный музей и складъ кустарныхъ издѣлій, мысль объ устройствѣ которыхъ возникла въ земствѣ еще въ 1888 году, организованъ по образцу лучшаго въ Россіи московскаго торгово-промышленнаго музея. Эти учрежденія служатъ не только выставками кустарныхъ работъ, но и являются дѣйствительными посредниками для кустарей въ дѣлѣ продажи ихъ издѣлій и снабженія необходимыми для работъ матеріалами. Такимъ путемъ устранено вредное вліяніе скупщиковъ кустарныхъ издѣлій и удешев-

ленъ на 50 проц. стоимости для кустарей сырой матеріалъ. Несмотря на весьма широкую по своимъ результатамъ дѣятельность музея, это учрежденіе въ настоящее время не приноситъ вятскому земству ни одной копѣйки убытка, даже болѣе—ассигнованные для оборотовъ прошлаго года 30.000 рублей не только возмѣщены цѣликомъ, но, за покрытіемъ расходовъ по содержанію музея съ его дорожной стоющей администраціей, очистилось въ пользу земства чистой прибылью 1.000 рублей, а «вятскій кустарь, — какъ говорить въ своемъ докладѣ г. Бѣльковичъ, — дѣйствительно вздохнулъ, избавившись отъ гнета зависимости, въ которой онъ прежде обрѣтался у скупщиковъ его издѣлій». Въ настоящее время, по словамъ докладчика, вятскій кустарь уже самъ диктуетъ условія сбыта своихъ издѣлій г. скупщикамъ. На 1895 годъ вятское губернское земство открыло кредитъ своему музею въ 50.000 рублей и разрѣшило кредитоваться изъ государственнаго банка на 25.000 рублей».

Кромѣ устройства кустарнаго музея, Вятское земство заботится также объ усовершенствованіи техники кустарнаго производства, и съ этой цѣлью устраиваетъ рядъ учебныхъ мастерскихъ. Г. Бѣльковичъ описываетъ нѣсколько такихъ мастерскихъ, видѣнныхъ имъ во время своей командировки—ткацкія учебныя мастерскія, имѣющіяся почти при всѣхъ уѣздныхъ управахъ съ учителями, обученными въ центральной мастерской при Вятскомъ музеѣ, Букарскую кружевную мастерскую въ Яранскомъ уѣздѣ, Нолинскую мастерскую производства роговыхъ предметовъ, и др. Г. Бѣльковичъ отмѣчаетъ слѣдующія особенности въ постановкѣ вятскихъ учебныхъ мастерскихъ, чрезвычайно способствующія успѣшному веденію дѣла: «во-1-хъ, всѣ онѣ поставлены независимо отъ общеобразо-

вательныхъ школъ, чѣмъ достигается доступность ихъ для всякаго, а во 2-хъ, каждый учащійся въ этихъ мастерскихъ, разъ онъ пріобъежъ къ мастерству (что достигается не болѣе, какъ въ продолженіе 2-хъ мѣсяцевъ) и въ состояніи производить предметы, могущіе быть допущенными въ продажу, получаетъ за свои издѣлія плату отъ 3 до 5 рублей въ мѣсяцъ, такъ что самое содержаніе обучающагося оплачивается; послѣднее обстоятельство сильно содѣйствуетъ увеличенію контингента желающихъ обучаться».

Главный контингентъ учащихся въ этихъ мастерскихъ составляютъ крестьяне и крестьянки, а затѣмъ идутъ сельскіе учителя. Учебныя мастерскія имѣютъ большое вліяніе на укрѣпленіе и развитіе кустарныхъ промысловъ, такъ какъ, благодаря имъ, кустари научаются дѣлать издѣлія высшаго качества, находящія себѣ лучшій сбытъ. Такъ, напр., въ «г. Вяткѣ при учебной мастерской губернскаго земства имѣется отдѣленіе для обученія плетенью изъ ивы, корней, бересты, смолы и мочала. Учитель въ этой мастерской выписанъ земствомъ изъ Вологодской губерніи. Учениками въ мастерской по преимуществу дѣти и желающихъ учиться много, такъ что приходится отказывать желающимъ за тѣснотой помѣщенія. Вліяніе мастерской на развитіе въ губерніи этого промысла значительно, и съ каждымъ годомъ число кустарей увеличивается. До открытія школы, какъ видно, было занято этимъ промысломъ только 105 лицъ, преимущественно изъ деревень, прилегающихъ къ селу Бобино, которое составляетъ центральное мѣсто производства. Кустари эти плели прежде простыя корзинки-увладки, а изъ бересты грубые пещеры исключительно для мѣстнаго потребленія. Въ настоящее же время плетутъ болѣе изящные предметы, находящіе себѣ сбытъ и за предѣлами

губерніи; въ особенности ходво идетъ даже за границу плетенье изъ бересты».

То же самое, по словамъ г. Бѣльковича, можно сказать и относительно роговаго промысла:

«Роговое производство хотя не особенно развито въ Нолинскомъ уѣздѣ и вообще по губерніи, но, въ виду незначительнаго заработка этихъ кустарей и въ высшей степени антигигиеничныхъ условий самой работы, вятское земство обратило вниманіе на этотъ промыселъ, который, при лучшей техникѣ производства и самой обстановки работы, можетъ устранить указанные недостатки. До 1892 года кустари выдѣлывали по преимуществу гребешки самой простой и дешевой формы. Ради усовершенствованія производства, земство открыло въ Нолинскѣ учебную мастерскую, учителемъ въ которую пригласило мастера изъ Вологодской губерніи, и въ настоящее время, благодаря этой мастерской, роговое производство усовершенствовалось и кустари производятъ дорогія и изящныя издѣлія, спросъ на которыя на рынокъ очень значителенъ, такъ что этотъ товаръ въ вятскомъ музеѣ не залеживается. Вятскій кустарный музеѣ ежегодно пріобрѣтаетъ новые образцы издѣлій, и кустари по образцамъ работаютъ вполне удовлетворительно. Промыселъ этотъ въ настоящее время очень прибыльный и число лицъ, занимающихся имъ, съ каждымъ годомъ увеличивается, такъ какъ матеріалъ, сравнительно съ высокой цѣнностью производимыхъ предметовъ, дешевъ. Сто паръ крупныхъ черкасскихъ роговъ музеемъ покупается въ Москвѣ по 22 рубля. Въ непродолжительномъ времени вятское земство предполагаетъ перенести учебную мастерскую въ Вятскій уѣздъ, гдѣ по преимуществу живутъ гребенщики».

Въ заключеніе своего доклада г. Бѣльковичъ замѣчаетъ, что «дѣя-

тельность вятскаго земства по отношенію къ кустарнымъ промысламъ только еще начинается, и для расширенія этой дѣятельности впереди громадное поле. По статистическимъ даннымъ, въ губерніи насчитывается 36 родовъ промысловъ, и пока въ отношеніи большей части этихъ промысловъ помощь земства ограничивается тѣмъ, что можетъ дать кустарный музей, который дѣлаетъ въ предѣлахъ возможнаго все, что можетъ облегчить условія промысла, но въ большей части производствъ видно еще подражаніе избитымъ формамъ, собственно же самобытное творчество мало еще проявляется въ издѣліяхъ вятскихъ кустарей, каковой недостатокъ только и можетъ восполнить правильно организованное художественное образованіе».

Бурашевская психіатрическая колонія. Въ газетахъ появились недавно краткія сообщенія о печальномъ инцидентѣ въ Бурашевской психіатрической колоніи тверскаго земства, окончившимся тѣмъ, что всѣ врачи колоніи коллективно подали въ отставку. Основатель этой колоніи, д-ръ Литвиновъ, пользующійся во врачебныхъ и земскихъ кругахъ большой популярностью, какъ талантливый психіатръ, положившій 10 лѣтъ жизни на организацію лучшей въ Россіи психіатрической больницы и всегда находившій полную поддержку въ земствѣ, не поладилъ съ новымъ составомъ земской управы, и принужденъ былъ подать въ отставку, которая и была принята. По словамъ «Врача», помѣстившаго горячую сочувственную статью по поводу д-ра Литвинова, «въ настоящемъ году новая губернская управа, даже не ознакомившись въ достаточной мѣрѣ съ Бурашевской колоніею, тотчасъ по вступленіи въ должность явно обнаружила по отношенію къ Бурашевской больницѣ и ея руководителю,

представителю и главѣ, недобѣрчивое отношеніе. Последнею каплею, переполнившю чашу, послужило то обстоятельство, что управа, даже не переговоривъ съ главнымъ врачомъ, уволила смотрителя Бурашевской колоніи и на его мѣсто назначила другое лицо, которое уже ранѣе занимало эту должность и было устранено по требованію д-ра Литвинова. Естественно, что послѣдній былъ принужденъ понять это, какъ вызовъ и выраженіе такого недобѣрія, при которомъ дальнѣйшая работа стала уже невозможною. Неудивительно также, что и управа, которая только и ждала этого, поспѣшила принять его отставку».

Ординаторы Бурашевской колоніи, глубоко возмущенные поведеніемъ управы, тотчасъ же подали коллективное прошеніе объ отставкѣ, и мѣста ихъ до сихъ поръ еще не замѣнены. Земская управа въ теченіе дѣлаго мѣсяца путемъ газетныхъ объявленій и личныхъ обращеній къ профессорамъ искала лицъ, которые бы заняли освобождающіяся должности, но ни одинъ изъ русскихъ психіатровъ не согласился принять ея предложенія. «Врачъ» справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Весь русскій психіатрическій міръ возмущенъ этою исторіею: клиники, ученые общества, больницы единодушно шлютъ врачамъ Бурашевской колоніи сочувственные адреса и телеграммы, а управа на свои предложенія получаетъ отовсюду отказы, то простые, то обоснованные. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто же рѣшится теперь занять мѣста, оставленные д-ромъ Литвиновымъ и его достойными сотрудниками? Всѣ психіатры знаютъ, что это человѣкъ убѣжденный, покойный, корректный, горячо преданный дѣлу и любящій страстно созданіе своихъ рукъ—Бурашево. Нужно обладать большимъ самомиѣніемъ, чтобы разсчитывать правильно и хорошо вести дѣло при

такихъ условіяхъ, при которыхъ даже Михайлъ Павловичъ счелъ всё свои усилія бесполезными и напрасными, нередь которыми даже его опытъ, его энергія, его преданность дѣлу оказались бессильными! А если бы и нашелся столь смѣлый и увѣренный въ себя человѣкъ, то гдѣ бы онъ собралъ себѣ ординаторовъ? Въѣдъ, шутка сказать, рѣчь идетъ о колоніи, призывающей не менѣе 500 душевно-больныхъ! Хотя и говорятъ, что въ семьѣ не безъ уroda, но мы рѣшительно сомнѣваемся, чтобы тверской управѣ удалось пригласить на службу врачей съ достаточнымъ психіатрическимъ прошлымъ, ибо кто же рѣшится связать свое имя съ дѣломъ разрушенія въ Бурашевѣ того, что было сдѣлано его предшественниками».

«Врачъ» приводитъ также прошеніе объ отставкѣ, поданное ординаторами Бурашевской колоніи, послѣ того какъ они узнали объ отставкѣ Литвинова: «Господину предсѣдателю тверской губернской земской управы. Милостивый государь, Александръ Степановичъ! Третьяго мая нашъ глубокоуважаемый товарищъ Михайлъ Павловичъ Литвиновъ сообщилъ намъ, что послѣ объясненія съ тверской губернской земской управой онъ вынужденъ былъ подать прошеніе объ отставкѣ, и прошеніе это управой принято. По словамъ Михайла Павловича, основаніемъ къ подачѣ такого прошенія было убѣжденіе его, Михайла Павловича, въ томъ, что дальнѣйшее веденіе дѣла Бурашевской колоніи въ прежнемъ направленіи, вызывавшемъ неоднократное одобреніе со стороны собраній тверскаго земства, становится отнынѣ невозможнымъ. Убѣжденіе это сложилось у Михайла Павловича въ виду, главнымъ образомъ, нѣкоторыхъ распоряженій управы. Эти распоряженія были приняты управой въ самомъ началѣ ея дѣятельности, безъ ознакомленія съ положеніемъ колоніи и ходомъ въ ней дѣлъ. Ме-

жду тѣмъ, распоряженія эти обнимаютъ собою одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ учрежденія. Этими распоряженіямъ точно также не предшествовало совѣщаніе съ старшимъ врачомъ, какъ то было въ практикѣ тверскаго губернскаго земства до сихъ поръ. Изложенныя обстоятельства привели Михайла Павловича къ несомнѣнному заключенію, съ одной стороны, что условія дальнѣйшаго существованія Бурашевской колоніи подвергаются кореннымъ измѣненіямъ въ направленіи, не отвѣчающемъ требованіямъ дѣла, а, съ другой, что онъ, Михайлъ Павловичъ, уже не встрѣтитъ довѣрія со стороны управы въ настоящемъ ея составѣ въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для правильнаго и успѣшнаго веденія дѣла. Раздѣляя вполне это мнѣніе Михайла Павловича и будучи убѣждены, что онъ, такъ много потрудившійся для колоніи, безъ достаточныхъ основаній не оставилъ бы дѣятельность въ колоніи, мы изъ того обстоятельства, что отставка Михайла Павловича принята управой, заключаемъ, что отношенія управы къ дѣятельности колоніи въ настоящее время существенно измѣняются. Не желая не только участвовать, но и присутствовать при разрушеніи того, что создавалось въ теченіе болѣе, чѣмъ десяти лѣтъ, на что потрачено такъ много труда, что, наконецъ, служить во многихъ отношеніяхъ образцомъ, мы просимъ тверскую губернскую земскую управу сложить съ насъ обязанности ординаторовъ колоніи. Къ изложенному мы считаемъ излишнимъ добавить, что въ правильности нашихъ соображеній насъ убѣждаютъ еще и другія распоряженія управы, непосредственно не касающіяся колоніи. Мая 4-го 1895 г.»

Затѣмъ слѣдуютъ подписи всѣхъ ординаторовъ колоніи.

«Въ семьѣ не безъ уroda», замѣчаетъ «Врачъ» по адресу тѣхъ, кто

рѣшился бы принять на себя обязанности подавшихъ въ отставку врачей. То же замѣчаніе можно сдѣлать и по адресу иныхъ земскихъ дѣятелей, унижающихъ учрежденіе, которое, какъ мы только-что видѣли на примѣрѣ вятскаго земства, столько сдѣлало и дѣлаетъ для народа. Пожелаемъ, чтобы неприятный и тяжелый инцидентъ съ Бурашевской колоніей былъ улаженъ возможно скорѣе. Путь для этого одинъ: управѣ слѣдуетъ признать свой промахъ и извиниться предъ д-ромъ Литвиновымъ и просить его и его товарищей вновь взять на себя руководство и завѣдываніе колоніей.

Вымираніе инородцевъ. Въ прошлой книгѣ, въ отдѣлѣ библиографіи, мы сообщали со словъ г. Дюнео о постепенномъ вымираніи населенія Якутской области, именно, Колымскаго края, который, по даннымъ г. Дюнео, черезъ 50 лѣтъ превратится въ пустыню. Теперь, въ «Журналѣ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія» напечатано интересное сообщеніе д-ра Почтарева о вымираніи инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Авторъ былъ въ 1893 г. недолгое время на сѣверной окраинѣ Тобольской губ., и ему пришлось наблюдать тамъ такіа явленія въ жизни инородцевъ, которыя побудили его привлечь вниманіе общества къ этому вопросу. По его словамъ, «преступно (ради какихъ-либо соображеній) долже отглядывать освѣщеніе того мрака, который покрываетъ этотъ край: давно уже наступила пора вмѣшаться въ ихъ бытъ, какъ людямъ науки, такъ и правительству, потому что вопросы эти не филантропическіе, а чисто экономическіе, имѣющіе общегосударственное значеніе».

«Обращаясь къ быту инородцевъ и ихъ странѣ, — говоритъ далѣе г. Почтаревъ, — поражаешься богатствомъ ея, а равно и бѣдностью об-

ладателей этой территоріи, — скудость и жалкое, хуже скотскаго существованіе ихъ по истинѣ ужасно! Рядомъ съ этими лица, пользующіися трудомъ инородца и эксплуатирующія его невѣжество, довѣрчивость, пользуются прекраснымъ здоровьемъ и быстро наживаютъ капиталы, не прикладывая для этого ни труда, ни ума».

Авторъ лично ознакомился съ жизнью инородцевъ на рыбныхъ промыслахъ. Одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ сѣверной части Тобольской губерніи, — рассказываетъ онъ, — рыба, ловомъ которой занято болѣе 5 тыс. человекъ. Рабочіе на рыбныхъ промыслахъ, по преимуществу — остяки, находятся въ самой высокой степени зависимости отъ своихъ хозяевъ: это, можно сказать, «настоящіе рабы прасола, круглый годъ работающіе на него за ничтожный свой долгъ и возможность постоянного кредита, безъ котораго они существовать не могутъ». Есть нѣсколько формъ найма инородцевъ, но въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ отработка долга: трудъ иныхъ изъ инородцевъ («рабочіе») оцѣнивается прямо на деньги, причемъ вся заработная плата идетъ на погашеніе стараго долга; въ другихъ случаяхъ хозяинъ за извѣстную плату даетъ своимъ инородцамъ-должникамъ («половинщики») неводъ, подъ условіемъ, что половина улова идетъ въ его пользу, а остальное должно быть сдано ему же по назначенной имъ цѣнѣ. Самый интересный для характеристики взаимныхъ отношеній инородцевъ и торговцевъ разрядъ составляютъ «вотчинники», т. е. владѣльцы рыболовнаго угодья, эксплуатируемаго прасоломъ. Даже будучи такимъ владѣльцемъ, инородецъ не выходитъ изъ положенія «заклѣпленного подневольнаго рабочаго», не могущаго выбиться изъ сѣтей кредитора. «Для того, чтобы ни одной

минуты,—пишетъ г. Почтаревъ,—не прерывать этого «*regretium mobile*» отработки стараго долга и производства новой задолженности, рыбопромышленникъ въ Тобольскѣ нагружаетъ паузки различными предметами потребленія инородцевъ»... Въ маѣ мѣсяцъ начинается ловъ, начинается и торговля заботливо доставляемыми къ тому же времени «инородческими» товарами: «сдатчики», «половинщики» и прочіе разряды рыбаолововъ каждый день несутъ свою добычу приказчику своего кредитора и получаютъ кредитъ въ наскоро устроенномъ магазинѣ. Къ концу сезона производится расчетъ: «прасоль беретъ книгу, по ней подсчитываетъ, сколько ему былъ долженъ рабочий, сколько онъ вновь задолжалъ во время рыболовнаго сезона,—обыкновенно получается солидная цифра, такъ какъ все забранное цѣнится по произволу; затѣмъ считается, сколько сдано рабочимъ рыбы, оцѣненной тоже прасоломъ; и при сравненіи долга съ выработанной суммой обыкновенно въ результатъ рабочий не только не получаетъ ничего, но еще остается должникомъ. Между тѣмъ ему завтра же нужно на что-нибудь питаться, для себя же лично работать уже поздно, да и не чѣмъ, ибо снасти всѣ рыбопромышленника и имъ увозятся съ собой. Но прасоль великодушень; онъ, прочитавъ должное наставленіе о дикости и лѣности, ссужаетъ его малой толикой негодныхъ припасовъ и беретъ съ него обязательство на будущій сезонъ вновь явиться на работу, что свято и исполняется». Впрочемъ, бываетъ и такъ, что, «какъ ни ведетъ свою «бухгалтерію» прасоль, а все-же инородцу приходится что-нибудь съ него получить». Тогда припоминается старый долгъ умершаго отца инородца тому же прасолу—и расчетъ заканчивается по-прежнему закабаленіемъ «дикаря» и на слѣдующій годъ.

Понятно, что, при такихъ условіяхъ труда, инородцы постоянно находятся въ самой ужасной нищетѣ, которая и является главной причиною вымиранія инородческихъ племенъ. Самый фактъ этого вымиранія или «угасанія» констатируется всѣми изслѣдователями Сибири, и оно идетъ впередъ съ ужасающей быстротой, угрожая, по словамъ г. Почтарева, въ недалекомъ будущемъ превратить нашъ богатый Сѣверный край въ непроходимую тундру.

Н. Х. Бунге (некрологъ). 3-го іюня текущаго года скончался извѣстный ученый, государственный дѣятель и писатель Н. Х. Бунге. Покойный въ теченіе 6-ти лѣтъ занималъ постъ министра финансовъ, и время его управленія ознаменовалось цѣлымъ рядомъ крупныхъ экономическихъ реформъ, каковы, напр., отмена подушной подати, учрежденіе Крестьянскаго банка, введеніе фабричной инспекціи и др. До назначенія на министерскій постъ Н. Х. Бунге долгое время былъ профессоромъ политической экономіи въ кievскомъ университетѣ и вступилъ въ управленіе министерствомъ съ твердо выработанной экономической программой. Приведемъ изъ газетъ краткія біографическія свѣдѣнія объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ:

Н. Х. родился въ Кіевѣ 11-го ноября 1823 года, образованіе получилъ тамъ же въ 1-й гимназій и университетѣ св. Владиміра, гдѣ окончилъ курсъ въ 1845 году со степенью кандидата. Черезъ два года молодой ученый защитилъ магистерскую диссертацию («Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра Великаго»); въ 1852 году кievскій университетъ удостоилъ Бунге степени доктора политическихъ наукъ за диссертацию «Теорія кредита». Его профессорская дѣятельность началась еще ранѣе. Прямо по окончаніи университетскаго курса покойный былъ на-

значенъ преподавателемъ въ нѣжинскій лицей князя Безбородко, а по защитѣ магистерской диссертациі онъ былъ утвержденъ профессоромъ лицея. Въ 1850 году Н. Х. Бунге получилъ кафедру политической экономіи и статистики въ университетѣ св. Владиміра. Съ 1859 по 1862 г. Н. Х. состоялъ ректоромъ кievскаго университета по назначенію, позднѣе онъ дважды занималъ тотъ же постъ по выборамъ. Работая въ университетѣ, Н. Х. не прекращалъ и публицистической дѣятельности, которая началась въ 1852 году. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ разныхъ периодическихъ изданіяхъ («Отечественныя Записки», «Русскій Вѣстникъ», «Журналъ для акціонеровъ») появились статьи Н. Х. о крестьянской реформѣ (покойный самъ участвовалъ въ разработкѣ финансовыхъ вопросовъ въ редакціонной коммисіи), объ акціонерныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, объ устройствѣ учебной части въ университетахъ. Позднѣе, въ семидесятихъ годахъ, онъ выступилъ съ рядомъ изслѣдоваій о способахъ упорядоченія нашего денежнаго обращенія. Государственная дѣятельность, которой были посвящены послѣдніе годы Бунге, не отвлекла его и отъ литературныхъ занятій. Въ 1890 г. Н. Х. издава книга «Государственное счетоводство и финансовая отчетность въ Англіи», и еще только на-дняхъ появилось другое произведеніе покойнаго—«Очерки по исторіи литературы политической экономіи». Заслуженный профессоръ съ 1876 года и ординарный академикъ съ 1890 года, Бунге состоялъ почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ Обществъ, а также университетовъ петербургскаго, новороссійскаго и св. Владиміра и академіи наукъ. Въ нынѣшнемъ году предполагалось празднованіе пятидесятилѣтія его учено-литературной дѣятельности.

Государственная дѣятельность по-

койнаго, какъ уже упомянуто, началась съ 1880 года. Въ министерствѣ, которое вскорѣ ему было ввѣрено, Бунге служилъ еще съ шестидесятихъ годовъ, въ должности управляющаго кievскою конторою Государственнаго банка. Въ 1881 году, послѣ кратковременнаго исполненія обязанностей товарища министра финансовъ, покойный былъ поставленъ во главѣ финансоваго вѣдомства и оставался на этомъ постѣ въ теченіе шести лѣтъ (1881—1886 г.). Этотъ періодъ ознаменовался рядомъ важныхъ финансовыхъ и экономическихъ мѣропріятій. При Н. Х. совершились весьма существенныя преобразованія въ системѣ нашихъ налоговъ. Въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ по росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ Н. Х. указалъ на подоходный налогъ, какъ на самый цѣлесообразный и справедливый способъ обложенія. Не рѣшался сразу осуществить такую коренную реформу, какъ общій подоходный налогъ, Н. Х. Бунге провелъ рядъ частныхъ налоговъ, въ которыхъ видѣлъ подготовительныя мѣры къ рачіональному преобразованію нашей податной системы. Таковы были: налогъ на доходъ съ процентныхъ бумагъ, процентный и раскладочный сборы съ промышленныхъ предпріятій, налогъ съ имущества, переходящихъ безмездными способами. Та же цѣль болѣе правильнаго распределенія налоговъ и привлеченія достаточныхъ классовъ къ участию въ податномъ бремени преслѣдовалась также другими законодательными мѣрами того времени, когда во главѣ министерства финансовъ стоялъ Н. Х. Бунге, напр., пониженіемъ выкупныхъ платежей съ бывшихъ помещичьихъ крестьянъ и отмѣной подушной подати. Если въ таможенной политикѣ Н. Х., какъ извѣстно, дѣлалъ не мало уступокъ протекціонизму, если питейная реформа 1885 г., обращеніе оброчной подати бывшихъ

государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи и нѣкоторыя другія частныя мѣропріятія и не были исполнѣ согласованы съ рациональными основами финансовой политики Н. Х., то исполнѣ плодотворны были начинанія покойнаго въ цѣляхъ возстановленія у насъ правильнаго денежнаго обращенія. Несомнѣнную заслугу министерской дѣятельности Н. Х. Бунге составляютъ также первые шаги нашего законодательства въ дѣлѣ регламентаціи фабричнаго труда и учрежденіе фабричной инспекціи.

Въ 1887 г. закончилась дѣятельность Н. Х. Бунге какъ министра финансовъ. Онъ былъ назначенъ на высокій постъ предсѣдателя комитета министровъ и въ этой должности пробылъ восемь лѣтъ, до самой смерти.

Переписка Бѣлинскаго съ его невѣстой. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» напечатаны интересныя письма Бѣлинскаго къ его невѣстѣ, М. В. Орловой. Марія Васильевна Орлова кончила курсъ въ одномъ изъ московскихъ институтовъ, нѣкоторое время была гувернанткой въ частномъ домѣ, и затѣмъ поступила въ институтъ классной дамой. Съ Бѣлинскимъ она познакомилась въ 1835 г., хотя уже раньше зачитывалась его статьями и была горячей поклонницей его таланта. Въ 1843 г., когда ей было уже 31 годъ, она вышла за него замужъ. Бѣлинскій сдѣлалъ ей предложеніе уже послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, протекшихъ между ихъ помолвкой и свадьбой, они постоянно обмѣнивались письмами, часть которыхъ напечатана теперь въ «Русск. Вѣд.». Письма эти, полная глубокой нѣжности и любви, представляютъ большой интересъ для характеристики Бѣлинскаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя выдержки.

Въ письмѣ отъ 7-го сентября 1843 г. онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мысль о васъ дѣлаетъ меня счастливымъ, и я несчастенъ моимъ счастьемъ, ибо могу только думать о васъ. Самая роскошная мечта стоитъ меньше самой небогатаго существованности; а меня ожидаетъ богатая существованность: что же и въ чему мнѣ всѣ мечты и могутъ ли онѣ дать мнѣ счастье? Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока вы не со мной, — я самъ не свой, не могу ничего дѣлать, ничего думать. Послѣ этого очень естественно, что всѣ мои думы, желанія, стремленія сосредоточились въ одной мысли, въ одномъ вопросѣ, когда же это будетъ? И пока я еще не знаю, когда именно, но что-то внутри меня говоритъ мнѣ, что скоро. О, если бы это могло быть въ будущемъ мѣсяцѣ!

Погода въ Пб. чудесная, весенняя. Она прибыла сюда вмѣстѣ со мною, потому что до моего пріѣзда здѣсь были дождь и холодъ. А теперь на небѣ ни облачка, все обито блескомъ солнца, тепло, какъ въ ясный апрѣльскій день. Вчера было туманно, и я думалъ, что погода переменится; но сегодня снова блещетъ солнце, и мои окна отворены. А ночи? Если бы вы знали, какія теперь ночи! Цвѣтъ неба густо-темень и въ то же время ярко блестящъ усыпавшими его звѣздами. Не думайте, что я не берегусь, обрадовавшись такой погодѣ. Напротивъ: я и днемъ, какъ и вечеромъ, хожу въ моемъ тепломъ пальто, чему, между прочимъ, причиную и то, что еще не пришелъ въ П. посланный по транспорту ящикъ съ моими вещами, гдѣ обрѣтается и мое лѣтнее пальто. Не повѣрите, какъ жарко: окна отворены, а я задыхаюсь отъ жару. На небѣ такъ (ярко) и свѣтло, а на душѣ такъ легко и весело!

Безъ меня мои растенія ужасно

разрослись, а что больше всего обрадовало меня, так это то, что безъ меня разцвѣла одна изъ моихъ олеандръ. Я очень люблю это растеніе, и у меня ихъ цѣлыхъ три горшка. Одна олеандра выше меня ростомъ. Послѣ тысячи мелкихъ и ядовитыхъ досадъ и хлопотъ, Ботвинъ наконецъ уѣхалъ за границу. Это было въ субботу (4-го сент.). Я провожалъ его до Бронштадта. День былъ чудесный,—и мнѣ такъ отраднo было думать и мечтать о васъ на морѣ. Разстались мы съ Б. довольно грустно, чему была важная причина, о которой узнаете послѣ. Странное дѣло! Я едва могъ дожидаться, когда переѣду на мою квартиру, а тутъ мнѣ тяжела была мысль, что я вотъ сегодня же ночую въ ней. И теперь еще мнѣ какъ-то дико въ ней. Впрочемъ это будетъ такъ до тѣхъ поръ, пока я вновь не найду самого себя, т. е. пока вы не возвратите меня самому мнѣ. До тѣхъ же поръ мнѣ одно утѣшеніе и одно наслажденіе: смотрѣть на стѣны и мысленно опредѣлять перемѣщеніе картинъ и мебели. Это меня ужасно занимаетъ.

Скажите: скоро ли получу я отъ васъ письмо? Жду—и не вѣрю, что дождусь; увѣренъ, что получу скоро—и боюсь даже надѣяться. О, не мучьте меня; но вѣдь, вы уже послали ваше письмо, и я получу его сегодня, завтра!—не правда ли?

Прощайте. Храни васъ Господь. Пусть добрые духи окружаютъ васъ днемъ, нашептываютъ вамъ слова любви и счастья, а ночью посылаютъ вамъ хорошіе сны. А я,—я хотѣлъ бы теперь хоть на минуту увидеть васъ, долго, долго посмотрѣть вамъ въ глаза, обнять ваши колѣна и поцѣловать край вашего платья. Но нѣтъ, лучше дольше, какъ можно дольше не видѣться, совсѣмъ, нежели увидѣться на одну только минуту, и вновь разстаться, какъ мы уже разстались разъ. Простите меня за

«миръ вождй», № 7, июль.

эту болтовню; грудь моя горитъ, на глазахъ накипаютъ слеза: въ такомъ глупомъ состояніи обыкновенно хочется сказать много и ничего не говорится, или говорится очень глупо. Странное дѣло! Въ мечтахъ я лучше говорю съ вами, чѣмъ на письмѣ, какъ нѣкогда заочно я лучше говорилъ съ вами, чѣмъ при свиданіяхъ. Что-то теперь Сокольникови? Что завѣтная дорожка, зеленая скамеечка, великолѣпная аллея? Какъ грустно вспоминать обо всемъ этомъ, и сколько отрады и счастья въ грусти этого воспоминанія!»

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Бѣлинскій, жалуясь на то, что долго не получаетъ письма, говоритъ: «Наконецъ-то вы и Богъ сжалялись надо мною. О, если бы вы знали, чего мнѣ стоило ваше долгое молчаніе. Первое письмо мое пошло къ вамъ 3-го сент. (въ пятн.), слѣд. 6-го (въ понед.) вы получили его. Я рассчиталъ, что во вторникъ Агр. В. дежурная, и потому думалъ, что вашъ отвѣтъ пойдетъ въ среду (8-го), а ко мнѣ придетъ въ субботу. Но въ субботу ничего не пришло, и мнѣ съ чего-то вообразилось, что я жду вашего отвѣта на мое письмо уже недѣли двѣ. Въ воскр. нѣтъ; я приунылъ,—и въ голову полѣзли разные вздоры: то мое письмо пропало на почтѣ и не дошло до васъ, то вы больны, и больны тяжело, то (смѣйтесь надо мною—я зналъ, что я глупъ—вѣдь вы же сдѣлали меня дуракомъ) вы вдругъ охладѣли ко мнѣ. Я не могъ работать (а съ работою и такъ опоздалъ, все думаю объ васъ); мнѣ было тяжело, жизнь опять приняла въ глазахъ моихъ мрачный колоритъ. Къ тому же, съ воскресенья началась холодная и дождливая погода, а погода всегда имѣетъ сильное вліяніе на расположеніе моего духа. Въ понедѣльникъ опять нѣтъ, сегодня ждалъ почти до 3-хъ часовъ, и съ горя, не смотря на дождь, пошелъ обѣдать на другой ка-

нецъ Невскаго проспекта. Возвращаясь домой, возымѣлъ благое желаніе угѣшить себя въ горѣ двумя десятками грушъ, твердо рѣшившись истребить ихъ менѣе чѣмъ въ двадцать минутъ. Прихожу домой, и изъ залы вижу въ кабинетѣ, на бюро, что-то въ родѣ письма. У меня зарыбило въ глазахъ и захватило духъ. Рука женская, но, можетъ быть, это отъ Бак—хъ? Нѣтъ, на конвертѣ штампель московскій. Что жъ бы вы думали!—я сейчасъ схватилъ, расчиталъ, прочелъ? — Ничуть не бывало. Я перодѣлся, дождался, пока мой валетъ уйдетъ въ свою комнату, — а сердце между тѣмъ билось...

Боже мой! сколько мученій прекратило ваше письмо! Сколько разъ думалъ я: если это отъ болѣзни, то сохрани и помилуй меня Богъ (это чуть ли не первая была моя молитва въ жизни), если же это такъ — нынче да завтра, то прости ее, Господи! Я сталъ робокъ и всего боюсь, но больше всего въ мірѣ — вашей болѣзни. Мнѣ кажется, что я такъ крѣповъ, что смѣшно и думать и заботиться обо мнѣ; но вы—о Боже мой, Боже мой, сколько тяжелыхъ грѣзъ, сколько мрачныхъ опасеній!

Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ за ваше милое письмо. Оно такъ просто, такъ чуждо всякой изысканности, и между тѣмъ такъ много говорить. Особенно восхитило оно меня тѣмъ, что въ немъ вашъ характеръ какъ живой мечтается у меня передъ глазами,—вашъ характеръ, весь составленный изъ благородной простоты, твердости и достоинства. Ваши выговоры мнѣ за то и другое—я перечитывалъ ихъ слово по слову, будучи по буквѣ, медленно, какъ гастрономъ, наслаждающійся лакомымъ кушаньемъ. Я далъ себѣ слово какъ можно больше провиняться передъ вами, чтобы вы какъ можно больше бранили меня. Впрочемъ, вы въ одномъ вашемъ упрекѣ мнѣ рѣшительно непра-

вы. Какъ вы мало меня знаете, говорите вы мнѣ и говорите неправду. Я васъ знаю хорошо, и самая ваша безтребовательность могла уже меня заставить немножко зафантазировать. Притомъ же, какъ русскій чело-вѣкъ, я какъ-то привыкъ думать, что, жениась, надо жить *шире*. Это, конечно, глупо. Я васъ знаю, — знаю, что васъ нельзя ни удивить, ни обрадовать мелочами и вздорами; но не отнимайте же совсѣмъ у меня права думать больше о васъ, чѣмъ о себѣ. Я знаю, что для васъ все равно, тотъ или этотъ стулъ, лишь бы можно было сидѣть на немъ; но что жъ мнѣ дѣлать, если я счастливъ мыслю, что лучший стулъ будетъ у васъ, а не у меня. Глупо, глупо и глупо — вижу самъ; да развѣ я претендую теперь хоть на капельку ума? Развѣ я не знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ началъ посѣщать Сов.,—сдѣлался такимъ дуракомъ, какимъ еще не бывалъ. Теперь я понялъ ту великую истину, что на свѣтѣ только дураки счастливы. Я, было, отчаялся въ возможности быть сколько-нибудь счастливымъ, не понимая того, что не велика бѣда, если родился не дуракомъ—стоитъ сойти съ ума. Зарапортовался!»

Марья Васильевна писала своему жениху про какой-то балъ, данный начальницей института, и Бѣлинскій, упоминая объ этомъ балѣ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, пишетъ ей, что она, навѣрное, была тамъ красивѣе всѣхъ:

«Другія могли быть свѣжѣе, граціознѣе, миловиднѣе васъ,—это такъ; но только у одной у васъ черты лица такъ строго правильны, и дышутъ такимъ благородствомъ, такимъ достоинствомъ. Въ вашей красотѣ есть то величіе и та грандіозность, которыя даются умомъ и глубокимъ чувствомъ. Вы были красавицей въ полномъ значеніи этого слова, и вы много утратили отъ своей красоты; но при васъ осталось еще то, чему по-

завидуютъ и красота и молодость, и что не можетъ быть отнято отъ васъ никогда. Я это давно ужъ начиналъ понимать; но опытъ — лучшей учитель, и я недавно, чужимъ опытомъ, еще болѣе убѣдился въ томъ, что ничего нѣтъ опаснѣе, какъ связывать свою участь съ участью женщины за то только, что она прекрасна и молода».

«Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ, — продолжаетъ онъ далѣе, — какъ глубоко, какъ сильно люблю я васъ, сказать вамъ, что вы дали смыслъ моей жизни, и много, много хотѣлось бы сказать мнѣ вамъ такого, что вы и безъ сказыванья должны знать. Но не буду говорить, потому что и на словахъ, и на письмѣ все это выходитъ у меня какъ то пошло и нисколько не выражаетъ того, что бы должно было выразить. Теперь я понимаю, что поэту совсѣмъ не нужно влюбляться, чтобы хорошо писать о любви, и скорѣе не нужно влюбляться, чтобы мочь хорошо писать о любви. Теперь я понялъ, что мы лучше всего умѣемъ говорить о томъ, чего бы намъ хотѣлось, но чего у насъ нѣтъ, и что мы совсѣмъ не умѣемъ говорить о томъ, чѣмъ мы полны».

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, Бѣлинскій, повидимому въ отвѣтъ на опасенія и безпокойства своей невѣсты, возвращается къ вопросу объ ея наружности и годахъ...

«Что же касается до старой, больной, бѣдной дурной жены, *sauvage* въ обществѣ и не смыслящей ничего въ хозяйствѣ, которою наказываетъ меня Богъ, — то позвольте имѣть честь донести вамъ, Магic, что вы изволите говорить глупости. Я особенно благодаренъ вамъ за эпитетъ *бѣдной*; въ самомъ дѣлѣ, вы погубили меня своею бѣдностію: вѣдь я было располагался жениться на толстой купчихѣ съ черными зубами и 100.000 приданого. Что касается до вашей старости, я былъ бы отъ нея въ совершенномъ

отчаяніи, если бы, во-1-хъ, мнѣ хотѣлось имѣть молоденькую жену, à la madame Maniloff, и во-2-хъ, если бы я не видѣлъ и не зналъ людей, которые отъ молодости женъ своихъ страдаютъ такъ, какъ другіе отъ старости. Изъ этого я заключаю, что дѣло ни въ старости, ни въ молодости, и вообще, нѣтъ ничего бесполезнѣе, какъ заглядывать впередъ и говорить утвердительно о томъ, что еще только будетъ, но чего еще нѣтъ. Я надѣюсь, что мы будемъ счастливы; но рѣшеніе на этотъ вопросъ можетъ дать не надежда, не предчувствіе, не расчетъ, а только сама дѣйствительность. И потому пойдемъ впередъ безъ оглядокъ и будемъ готовы на все — быть человѣчески достойными счастья, если судьба дастъ намъ его, и съ достоинствомъ, по-человѣчески, нести несчастье, въ которомъ никто изъ насъ не будетъ виновать. Кто не стремится, тотъ и не достигаетъ; кто не дерзаетъ, тотъ и не получаетъ. Всякое важное обстоятельство въ жизни есть лотерея, особенно бракъ; нельзя, чтобы рука не дрожала, опускаясь въ таинственную урну за страшнымъ билетомъ, но неужели же слѣдуетъ отторгивать руку потому, что она дрожитъ? Вы больны, это правда; но вѣдь и я боленъ; я былъ бы въ тягость здоровой женѣ, которая не знала бы по себѣ, что такое страданіе. Намъ же не въ чемъ будетъ завидовать другъ другу, и мы будемъ понимать одинъ другого во всемъ — даже и въ болѣзняхъ. Какъ добрые друзья, будемъ подавать другъ другу лекарства, — и они не такъ горьки будутъ намъ казаться.

Дайте мнѣ вашу руку, мой добрый, милый другъ — то опираясь на нее, то поддерживая ее, я готовъ идти по дорогѣ моей жизни, съ надеждою и бодро. Я вѣрю, что чувствовать подлѣ своего сердца такое сердце, какъ ваше, быть любимымъ такою душою, какъ ваша, есть не наказаніе, а награда выше мѣры и заслуги. Вы называете

*

себя дурною и даже букою: что жъ? Я люблю ваше дурное лицо и нахожу его прекраснымъ: стало быть, наказанія и тутъ нѣтъ. Вы дики въ обществѣ—я тоже, и тѣмъ веселѣе будетъ намъ въ обществѣ одинъ съ другимъ. Если бы вы были общительны и любили общество—тогда бы я дѣйствительно былъ наказанъ крѣпко за грѣхи мои».

Интересно также и слѣдующее письмо Бѣлинскаго:

«Суббота, сент. 25. Наконецъ, я получилъ ваше письмо, ожиданіе котораго дѣлало меня безумнымъ за три дня до четверга (23) и два дня послѣ четверга, ибо въ четвергъ ожидалъ я его. Мое третье письмо вы получили въ прошлую субботу (18); а какъ въ понедѣльникъ m-lle Agrippine *) свободна отъ дежурства, то, благодаря ея добротѣ и снисходительности, вашъ отвѣтъ и могъ быть посланъ. Я даже думалъ, что онъ не могъ быть посланъ; но ваше письмо вывело меня изъ заблужденія и показало мнѣ, что я былъ невыносимо глупъ. Признаюсь въ глупости и прошу васъ извинить меня за нее, а за то, что вы навели меня на сознаніе моей глупости, чувствительнѣйше благодарю васъ. Точно, я теперь вспомнилъ, что вы говорили, что будете писать ко мнѣ разъ въ двѣ недѣли. Но вѣдь помнится, и я тоже хотѣлъ писать къ вамъ только разъ въ недѣлю; но, получивъ ваше письмо, не могу не отвѣтить на него въ ту же минуту, а пославъ его на почту, считаю дни, часы и минуты, въ продолженіе которыхъ оно должно дойти до васъ. Меня занимаетъ (и какъ еще—если бы вы знали!) не одна только мысль, когда ваше письмо обрадуетъ меня, но и когда мое письмо обрадуетъ васъ. Я думалъ, что и вы также точно, и

моимъ душевнымъ состояніемъ мѣрять состояніе вашей души. Это было глупо, какъ я вижу теперь. Вы обѣщали писать въ двѣ недѣли разъ, теперь пишете каждую недѣлю, и чаще писать не намѣрены. Хвалю такую геройскую рѣшительность и такую непоколебимую твердость характера. Я въ восторгѣ отъ нихъ. И такъ, теперь мнѣ уже не отъ чего беспокоиться, мучиться, не получая отъ васъ долго письма: вы здоровы, и мои опасенія—грезы больного воображенія, вы здоровы, и наслаждаетесь своимъ рѣшеніемъ не писать больше одного раза въ недѣлю. Но скажите же, отчего мнѣ жаль моего беспокойства, моей тревоги, тоски и мученія? Отчего не радуется меня мысль, что теперь ваше молчаніе не означаетъ вашего нездоровья? Не знаю—или я слишкомъ слабохарактеренъ и въ моемъ чувствѣ много дѣтскаго, или вы написали ко мнѣ ваше третье письмо въ состояніи той враждебности, которую чувствовали вы ко мнѣ въ одну изъ субботъ, когда мы втроемъ гуляли въ Сох. Такъ или такъ; но только мнѣ грустно, очень грустно. Я ждалъ себя сегодня свѣтлаго праздника...

Что я писалъ къ вамъ письмо до 12 часовъ ночи. вы можете бранить меня за это сколько вамъ угодно. Что мнѣ дѣлать? У меня нѣтъ вашего благоразумія въ дѣлѣ переписки съ вами, и я не могу сказать себѣ «буду писать тогда-то», а пишу, когда захочется писать. Вотъ сегодня хотя бы я и рано легъ, а не усну скоро, и потому хочу работать. Работу я запустилъ, ибо, не зная причины вашего долгаго молчанія, все безпокоился и тосковалъ, а работа не шла на умъ. Я точно безтолковъ, а вы, надо въ этомъ отдать вамъ полную справедливость, вы очень благоразумны...

Да! скажите: можетъ быть, ваше твердое намѣреніе не писать ко мнѣ

*) Сестра Марьи Васильевны, служившая классной дамой въ томъ же институтѣ.

больше одного раза въ недѣлю, означаетъ также и нежеланіе получать отъ меня больше одного письма въ недѣлю? Увѣдомьте меня о вашей волѣ въ этомъ отношеніи. И если такова дѣйствительно ваша воля, то какъ ни больно мнѣ это, а я постараюсь ее выполнить. Какія ночи, Боже мой! какія ночи! моя зала облита фантастическимъ серебрянымъ свѣтомъ луны. Не могу смотрѣть на луну безъ увлеченія: она такъ часто сопровождала меня, въ то прекрасное время, когда, бывало, возвращался я изъ Сок. Но теперь, въ эту минуту, мнѣ не весело смотрѣть и на чудную ночь. Прощайте, Marie, жму и цѣлую вашу руку, и прошу ее написать ко мнѣ хотя одно ласковое слово—оно утѣшило бы меня. Почему-то мнѣ захотѣлось перечестъ ваше второе письмо—оно доставило мнѣ столько счастья».

«Среда 29-го. Долго не имѣлъ я духу ни перечестъ своего письма, ни отослать его къ вамъ. А все потому, что боялся или огорчить и обезпокоить васъ долгимъ молчаніемъ, или показаться вамъ смѣшнымъ, придавая важное значеніе тому, что въ глазахъ вашихъ, можетъ быть, очень обыкновенно и мелко. О, тысячу разъ

простите меня, если я былъ глупъ и понялъ ваше письмо не такъ, какъ должно было понять его! Во всякомъ случаѣ, я былъ бы радъ и счастливъ, если бы это мое письмо не огорчило васъ.

Все это время я былъ не въ духѣ и не совсѣмъ здоровъ. Я слишкомъ impressionnable, и душевное состояніе мое такъ же сильно дѣйствуетъ на здоровье, какъ и здоровье на душу. Теперь мнѣ какъ будто лучше, и для того, чтобы мнѣ было совершенно хорошо, недостаетъ только нѣсколькихъ дружественныхъ строкъ, написанныхъ вашей рукою. О, тогда я снова буду счастливъ и снова буду жить и дышать ожиданіемъ вашихъ писемъ!

Отвѣтъ на мое послѣднее письмо надѣюсь получить послѣзавтра (въ пятницу, 1-го окт.), думаю, что онъ отосланъ во вторникъ; не знаю, обманетъ ли меня моя надежда.

Вчера только отдѣлался я отъ 10-й книжки «Отеч. Зап.». Мочи нѣтъ, какъ усталъ и душою, и тѣломъ; правая рука одеревенѣла и ломить».

Эти нисыма войдутъ въ особое изданіе—«Письма В. Г. Бѣлинскаго», которое появится въ концѣ текущаго года.

Изъ русскихъ журналовъ.

Условія распространенія образованія въ народѣ. Какими причинами обусловливается распространеніе образованія въ народѣ? Зависитъ ли оно исключительно отъ степени экономического благосостоянія народа, или же экономической факторъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе въ ряду другихъ факторовъ? Вотъ вопросы, которые ставятся В. Вахтеровымъ въ его интересной статьѣ «Условія распространенія образованія въ народѣ», помѣщенной въ майскомъ номерѣ «Русской Мысли». Отвѣта на эти вопросы

онъ ищетъ въ изслѣдованіяхъ земской статистики, цифровыя данныя которой наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что прямой зависимости между благосостояніемъ населенія и грамотностью не существуетъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ «наибольшій процентъ грамотности оказывается у крестьянъ, которые имѣютъ всего меньше скота и совсѣмъ не имѣютъ земли».

Приведя примѣры, касающіеся различныхъ мѣстностей Россіи, г. Вахтеровъ замѣчаетъ далѣе, что «у го-

сударственныхъ крестьянъ надѣлъ больше, а процентъ грамотныхъ меньше, нежели у бывшихъ удѣльныхъ, равно какъ и у собственниковъ изъ помѣщичьихъ надѣлъ значительно больше, а процентъ грамотности въ-сколько меньше, нежели у дарственныховъ». Итакъ, величина надѣла, которая является главнымъ источникомъ благосостоянія для крестьянъ, еще не обуславливаетъ собою распространенія грамотности, точно также, какъ бѣдность не служитъ непреодолимымъ препятствіемъ для образованія. На основаніи обширнаго статистическаго матеріала, г. Вахтеровъ приходитъ къ заключенію, что ближайшей и очевидной причиной нашей безграмотности является недостаточное число училищъ. «При наличности сознанія среди мѣстнаго населенія въ необходимости грамотности и при достаточномъ числѣ училищъ, огромное большинство дѣтей будетъ посѣщать школу, несмотря ни на экономическія препятствія, ни на семейныя обстоятельства, ни на что другое. Очень небольшая часть людей, уменьшающаяся въ зависимости отъ сокращенія школьныхъ разстояній, не будетъ посѣщать школы по экономическимъ причинамъ».

Не отрицая важности экономического фактора въ дѣлѣ распространенія грамотности, г. Вахтеровъ настаиваетъ на томъ, что ему нельзя придавать первенствующаго, рѣшающаго значенія: «Первые поселенцы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ начали съ того, что сдѣлали начальное образованіе обязательнымъ,—говорить онъ.—Здѣсь, стало быть, не экономическое благосостояніе страны предшествовало развитію народнаго просвѣщенія, а наоборотъ, широкое распространеніе просвѣщенія—подъему народнаго благосостоянія. Точкой отправленія широкихъ реформъ въ области народнаго образованія во Франціи былъ 1870 г.—моментъ погрома, огромной

контрибуціи, раззоренія страны. Значить, и здѣсь причина быстраго распространенія народнаго образованія была другая, а не высокое экономическое благосостояніе народа. У насъ такимъ исходнымъ пунктомъ былъ 1850 г., отнюдь не совпадающій съ особымъ подъемомъ народнаго благосостоянія... не избытокъ національнаго благосостоянія, а финансовое разстройство въ странѣ заставило Петра Великаго предпринять самыя энергическія усилія къ насажденію образованія въ Россіи...»

Очень важнымъ факторомъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія является, по словамъ г. Вахтерова, сословный составъ земствъ. По даннымъ земской статистики оказывается, что «въ губерніяхъ съ наибольшимъ числомъ гласныхъ отъ крестьянъ, процентъ расходовъ на народное образованіе тоже наибольший и выше средняго по всей Россіи». Въ земствахъ съ преобладаніемъ дворянскаго элемента замѣчается обратное явленіе. Но этотъ факторъ тоже не составляетъ «фатальной причины нашей безграмотности», и дѣйствіе его во многихъ случаяхъ парализируется другими условіями. Разсмотрѣвъ затѣмъ другіе важные факторы въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія—вліяніе религіи, правовыхъ условій, содѣйствія съ культурными центрами и др., г. Вахтеровъ приходитъ къ заключенію, что наиболѣе важнымъ факторомъ въ этомъ дѣлѣ является *сознаніе* самого народа и господствующихъ классовъ въ необходимости образованія. «Если бы сознаніе въ пользу грамотности проникло во всѣ слои крестьянскаго населенія, безъ различія вѣры, расы, занятій и близости къ культурнымъ центрамъ, мы не встрѣчали бы наибольшаго невѣжества въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, тамъ, гдѣ грамотность болѣе всего необходима... Тогда наши великоруссы не отставали бы въ дѣлѣ

просвѣщенія отъ эстовъ, латышей, евреевъ, а православное населеніе отъ сектантовъ. Если бы наши господствующіе классы сознавали необходимость первоначальнаго образованія для народа, хотя бы наравнѣ съ Японіей, гдѣ еще въ 80-хъ годахъ числилось

учащихся въ 2^{1/2} раза болѣе нашего, то мы расходовали бы на школу не 1^{1/2}% нашего бюджета, а хотя бы вдвое больше, и этого на первый разъ было бы достаточно, чтобы количество нашихъ школъ соответствовало бы сознаннымъ потребностямъ населенія».

За границей.

Ирландскіе ландлорды и ихъ фермеры. Ирландскій вопросъ безспорно принадлежитъ къ числу роковыхъ наслѣдій, оставляемыхъ девятнадцатымъ вѣкомъ своему преемнику, двадцатому столѣтію. Ирландскій призракъ постоянно тревожитъ англичанъ, и лучшіе люди въ Англіи давно уже сознали необходимость облегчить участь Ирландіи, но до сихъ поръ еще очень мало сдѣлано въ этомъ направленіи. Всего болѣе давитъ Ирландію существующая система землевладѣнія, являющаяся главнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій несчастныхъ ирландцевъ. Въ настоящее время въ Ирландіи свирѣпствуетъ опять «картофельный голодъ», но ирландскіе ландлорды, живущіе постоянно въ Англіи, не хотятъ ничего знать о бѣдствіяхъ ирландскаго населенія и требуютъ уплаты аренды со своихъ фермеровъ, не смотря на то, что этимъ послѣднимъ не изъ чего платить. Слѣдующіе факты въ достаточной степени освѣщаютъ положеніе ирландскихъ фермеровъ. Въ одной изъ бѣднѣйшихъ ирландскихъ провинцій, въ графствѣ Мано, земля принадлежитъ шести ландлордамъ. Всѣ эти ландлорды живутъ въ Англіи и никогда не пріѣзжаютъ въ свои ирландскія помѣстья, а только интересуются ими тогда, когда надо получить ренту. Разумѣется, всѣ эти благородные лорды принадлежатъ къ парти «торіевъ», трое изъ нихъ засѣдаютъ въ палатѣ пэровъ и вотировали вмѣстѣ съ лордомъ Салисбюри противъ билля объ ирландской авто-

номіи (Home rule Bill) и билля о выгнанныхъ арендаторахъ (Evictionants Bill); оба билля, внесенные въ палату Гладстономъ, имѣли цѣлью облегченіе положенія Ирландіи. Но ни англійскіе, ни ирландскіе ландлорды не желаютъ автономіи Ирландіи, опасаясь, что та глубокая пропасть, которая образовалась историческимъ путемъ между Англіей и Ирландіей вслѣдствіе національныхъ и религіозныхъ различій, увеличится еще болѣе; до бѣдствій же ирландскихъ фермеровъ имъ было мало дѣла! Между тѣмъ, англійскіе лорды въ трудную годину всегда сбавляютъ арендную плату своимъ фермерамъ. Такъ поступилъ въ прошломъ году лордъ Салпсбюри, сбавившій 25% арендной платы на своей землѣ, но ирландскіе ландлорды, идущіе за нимъ въ ирландскомъ вопросѣ, на этотъ разъ не послѣдовали его примѣру. Когда арендаторы въ ирландскомъ помѣстьи лорда Слиго, въ графствѣ Мано, уплачивающіе ему ежегодно 20.000 ф., въ этомъ году робко обратились къ лорду Слиго съ просьбой принять въ соображеніе то, что три четверти его арендаторовъ съѣли уже весь свой запасъ картофеля и какъ они протянутъ до слѣдующаго года — одному Богу извѣстно, то лордъ Слиго отвѣчалъ имъ черезъ своего секретаря, что не считаетъ возможнымъ сдѣлать имъ никакой сбавки. Разумѣется, если правительство и придетъ на помощь къ бѣднымъ фермерамъ, то, во всякомъ случаѣ, большая часть этой помощи попадетъ въ карманъ

лорда Слиго, въ видѣ уплаты недоимки.

Одною изъ самыхъ убійственныхъ системъ, отражающихся наиболѣе вреднымъ образомъ на положеніи фермеровъ, является, безъ сомнѣнія, система «аренды въ компаніи». Такъ, напримѣръ, помѣстье Булабрианъ, все состоящее изъ свалистыхъ полей, пріютившихся по склону горъ, арендуется девятью семействами сообща и всѣ они въ настоящее время, со дня на день, ожидаютъ появленія шерифа, такъ какъ за ними числятся большія недоимки. Въ ноябрѣ истекъ послѣдній срокъ отсрочки и теперь въ любой день агентъ лорда Слиго можетъ отправить къ нимъ шерифа, который выдворитъ ихъ безъ дальнихъ церемоній и уже на усмотрѣніе лорда Слиго будетъ представлено, отправятъ ли ихъ всѣхъ въ рабочій домъ или же водворитъ ихъ снова, но уже на гораздо болѣе тяжелыхъ условіяхъ, которыя сдѣлаютъ изъ нихъ настоящихъ рабовъ почтеннаго лорда. Ежедневно со страхомъ глядятъ бѣдные фермеры вдаль, ожидая, что вотъ-вотъ они увидятъ изъ за горъ кончикъ ружья и заостренный шишакъ—признаки приближенія шерифа. Это единственный посѣтитель, котораго ожидаютъ къ себѣ несчастные фермеры и ихъ семья на праздникъ Рождества. Рента, которую приходится платить фермерамъ, не превышаетъ въ общемъ 25 ф. 10 шиллинговъ въ годъ, и она распределяется между девятью семействами, смотря по количеству эксплуатируемой ими земли, и на долю самаго зажиточнаго изъ нихъ приходится 4 ф. 4 шиллинга, а на долю бѣдаѣвшихъ членовъ этой общины приходится 1 ф. 15, 18 шиллинговъ. И даже эту ничтожную плату они заплатить не въ состояніи. На основаніи общинной системы аренды, устанавливающей круговую поруку, каждый изъ девяти членовъ общины отвѣчаетъ за другихъ. Если не внесена

полная сумма арендной платы, то онъ также подлежитъ выселенію, хотя бы внесъ свою долю сполна. Въ результатѣ получается только выгода для ландлорда и полное разореніе общины, такъ какъ болѣе имущіе и трудолюбивые ея члены должны жертвовать зачастую всѣми своими сбереженіями, для того, чтобы не быть выгнанными изъ за неисправности своихъ сосѣдей, чѣмъ бы на была обусловлена эта неисправность. Но, установивъ у себя въ помѣстьи такую систему, ландлордъ гораздо менѣе рискуетъ не получать доходовъ со своего имѣнія, нежели при системѣ одиночной аренды. Для его же фермеровъ жизнь представляетъ вѣчную Сизифову работу, такъ какъ они должны постоянно заботиться о томъ, чтобы рента была собрана сполна, но роковымъ образомъ имъ этого никогда не удастся достигнуть, за ними всегда числятся недоимки, а когда съ нихъ взыскиваютъ эти недоимки, то къ суммѣ ихъ присоединяются еще и судебныя издержки по взысканію. Разумѣется, все это ведетъ къ окончательному обнищанію фермеровъ.

Каждо, кто посѣтитъ эти Богомъ забытыя мѣста, должна поразить прежде всего какая-то безропотная покорность жителей своей судьбѣ. Они никогда не выдали своего ландлорда и онъ имъ представляется какимъ-то могущественнымъ и недосягаемымъ существомъ и они привыкли трепетать передъ его властью. Даже агентъ ландлорда никогда не показывается и фермеры его никогда не видѣли. Когда они являлись вносить свою ренту, то ихъ встрѣчалъ или повѣренный агента, или же его секретарь. Разумѣется, они не знаютъ ничего о томъ, что сдѣлано Гладстономъ въ смыслѣ и въ котораго улучшенія ихъ положенія; у нихъ нѣтъ адвоката, который разъяснилъ бы имъ ихъ права или взялся поддерживать ихъ. Поэтому, какъ разъ въ то время, когда Гладстонъ про-

возгласилъ въ англійскомъ парламентѣ необходимость разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Ирландіи въ пользу ирландскихъ фермеровъ и внесъ свой законопроектъ, составленный въ этомъ смыслѣ, булабріенскіе фермеры были приглашены въ управленіе и имъ было объявлено, что они могутъ получить сбавку теперешней арендной платы настолько, что она всего лишь на десять шиллинговъ будетъ превышать ту, которую они платили 25 лѣтъ назадъ. Фермеры, не имѣя ничего, кто бы посоветовалъ имъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ и не имѣя возможности тягаться со своимъ ландлордомъ, приняли предложеніе и подписали договоръ, закабаливъ себя еще на пятнадцать лѣтъ. Такой договоръ называется по странной ироніи «добровольнымъ соглашеніемъ». Подобныя «добровольныя соглашенія» представляютъ довольно обычное явленіе въ Ирландіи и сдѣлали то, что Гладстоновскій законъ, имѣвшій цѣлью доставить фермерамъ владѣніе землей, которую они арендуютъ, прошелъ для большинства совершенно безслѣдно. Всѣ эти условія вызываютъ ежегодное увеличеніе эмиграціи въ Ирландіи. Вышеупомянутые булабріенскіе фермеры отправили своихъ сыновей и дочерей въ Соединенные Штаты. Каждый изъ этихъ девяти арендаторовъ лорда Слиго имѣетъ своего представителя въ Америкѣ, на какой-нибудь изъ фабрикъ или заводовъ, и деньги, высылаемые эмигрантами своимъ роднымъ, идутъ на уплату ренты, т.-е. въ карманъ ландлорда. Но въ этомъ году и въ Америкѣ дѣла были плохи и вѣсти оттуда получались самыя печальныя. Очень часто, отправившіеся на чужбину молодые люди въ поиски за счастьемъ, возвращаются на родину съ разбитымъ здоровьемъ и дѣлаются обузою для своихъ несчастныхъ родныхъ. Такъ, одна булабріенская вдова, фермерша, отправила сына въ Америку въ надеждѣ,

что ему удастся тамъ лучше устроиться и быть ей поддержкою. Дѣйствительно, первое время судьба какъ будто снисходивилась надъ ней, сынъ ея нашелъ хорошую работу на постройкѣ и она надѣялась, что онъ пришлетъ ей деньги, которыя дадутъ ей возможность уплатить недоимку. Но, увы! надеждамъ ея не суждено было сбыться; сынъ ея упалъ съ высоты лѣсовъ, и хотя остался живъ, но долгое время пролежалъ въ больницѣ и затѣмъ вернулся домой совершеннымъ калѣкой, за которымъ нуженъ былъ постоянный уходъ. Можно себя представить, какая участь ожидаетъ ихъ обоихъ, и мать, и сына, когда, вслѣдствіе накопившейся за ними недоимки, они будутъ выгнаны изъ своего убогаго убѣжища на булабріенскихъ скалахъ! И такія исторіи повторяются часто, даже и слишкомъ часто въ Ирландіи. Вообще положеніе этой страны ложится темнымъ пятномъ на современную Англію безцеремонно попирающую, изъ личныхъ соображеній и выгодъ, права цѣлаго народа.

Научное путешествіе на воздушномъ шарѣ. Последнее и очень важное въ научномъ отношеніи путешествіе на воздушномъ шарѣ совершено было докторомъ Берсономъ 4-го декабря прошлаго года, и описано имъ въ «Journal of Aeronautics and Atmospheric Physics». Наканунѣ съ вечера задулъ очень сильный восточный вѣтеръ, такъ что докторъ Берсонъ началъ уже сомнѣваться, возможно ли будетъ совершить полетъ. Къ утру, однако, вѣтеръ стихъ, и въ пять часовъ утра, при свѣтѣ электрической лампы, приступили къ наполненію шара водороднымъ газомъ, для чего потребовалось 2.000 куб. метровъ газа. Устройство шара было таково, что имъ легко было управлять. Онъ былъ снабженъ самопишущими приборами самаго совершеннаго устройства, такъ что наблюденія могли производиться

даже безъ участія челоуѣка, въ случаѣ, если бы на большой высотѣ у него обнаружился бы упадокъ силъ. Въ 10 часовъ 28 минутъ послѣдовала команда «Пускай!», и шаръ полетѣлъ вверхъ. Въ четверть часа онъ уже достигъ высоты 2.000 метровъ. Шаръ былъ спущенъ въ Штассъ-фуртѣ и полетѣлъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Прелестныя горы Гарца видѣлись далеко внизу на горизонтѣ; въ воздухѣ носился туманъ, и густыя, хотя и небольшія облака, мѣстами заволакивали землю. Вначалѣ температура повысилась; на высотѣ 1.500 метровъ она была болѣе чѣмъ на 5 градусоуъ выше нуля. Тогда докторъ Берсонъ, записавъ показанія самопишущихъ приборовъ, поглядѣлъ внизъ на землю, въ туманѣ разстилавшуюся подъ его ногами, и бросилъ внизъ два мѣшка съ балластомъ. Черезъ часъ онъ уже поднялся на 5.000 метровъ и температура упала на 18° ниже нуля; воздухъ былъ очень сухъ, и солнечныя лучи потеряли свою напряженность. На высотѣ 4.200 метровъ воздухоплаватель впервые почувствовалъ легкое сердцебіеніе, когда приподнималъ тяжелыя мѣшки съ пескомъ. Въ 11 часовъ 49 минутъ онъ достигъ высоты 6.000 метровъ и температура упала на 25,5 ниже нуля. Воздухоплаватель началъ чувствовать какое-то стѣсненіе, и сердцебіеніе у него еще болѣе усилилось, тѣмъ не менѣе упадка силъ не было. Однако въ 12 часовъ, когда онъ достигъ высоты 5.650 метровъ и температура понизилась до 29 градусоуъ ниже нуля, онъ уже долженъ былъ прибѣгнуть къ вдыханію кислорода, запасъ котораго имѣлъ съ собою въ газометрахъ. Это произвело превосходное дѣйствіе. Но смѣлый воздухоплаватель не остановился и поднялся еще до 8.000 метровъ, гдѣ температура была уже 39 градусоуъ ниже нуля. Тутъ онъ уже почти не переставая дышалъ кислородомъ, такъ какъ, лишь

только онъ прекращалъ вдыханіе, медленно съ нимъ дѣлалось головокруженіе, и онъ ощущалъ страшную и опасную слабость. Продолжая же искусственныя вдыханія, онъ чувствовалъ себя относительно сносно и могъ исполнять всю нужную работу. Только одинъ разъ, помимо воли, онъ закрылъ глаза, однако тотчасъ же вскопчилъ, громко ругая себя за свою неосторожность и небрежность; голосъ его въ разрѣженномъ воздухѣ звучалъ какъ-то странно глухо. Докторъ Берсонъ поднялся выше воздухоплавателя Глешера, записавшаго послѣдній разъ температуру на высотѣ 7.700 метровъ и достигшаго высоты 8.500 метровъ, гдѣ онъ лишился чувствъ и пришелъ въ себя лишь послѣ того, какъ шаръ спустился. Надо прибавить, что на этой же высотѣ погибли передъ тѣмъ двое французскихъ ученыхъ. Но докторъ Берсонъ, попробовавъ свои силы и найдя, что онъ еще достаточно сохранился, попробовалъ подняться еще выше. Температура упала на 42 градуса ниже нуля. На высотѣ 9.000 метровъ шаръ прошелъ черезъ тонкій слой перистыхъ облакоуъ, которыя Берсонъ замѣтилъ на очень большой высотѣ въ тотъ моментъ, когда поднимался на своемъ шарѣ. Этотъ слой облакоуъ состоялъ не изъ ледяныхъ кристаллоуъ, а изъ хорошо организованныхъ, очень мелкихъ снѣжныхъ хлопьевъ. Черезъ два съ половиною часа послѣ своего восхожденія, воздухоплаватель находился уже на высотѣ 9.150 метровъ; термометръ показывалъ 47,9° ниже нуля. На этой высотѣ шаръ остановился, такъ какъ запасъ балласта уже весь истощился, и у воздухоплавателя оставалось лишь нужное количество для высадки на землю; шаръ находился надъ снѣжными облаками, и кругомъ его было ярко голубое небо, казавшееся неизмѣримо глубокимъ и разстилавшееся на неизмѣримое пространство. Эта глубина и прозрачность

голубого свода производили очень сильное впечатлѣніе. Замѣчательно, что на высотѣ 9.150 метровъ воздухоплаватель чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ передъ этимъ. Онъ былъ восхищенъ красотою и величіемъ окружающаго его небеснаго свода; ему бы хотѣлось подняться еще, по крайней мѣрѣ, на тысячу метровъ, но онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ тогда подвергалъ риску весь успѣхъ своего путешествія. Записавъ наблюденія на этой высотѣ, докторъ Берсонъ открылъ клапанъ воздушнаго шара и сталъ выпускать газъ. Шаръ спустился до 7.500 метровъ и остановился на этой высотѣ. Далеко внизу докторъ Берсонъ увидѣлъ очень извилистую рѣчку. Это была Эльба. Но тутъ сказались послѣдствія ужаснаго холода, который пришлось вынести Берсону. Онъ былъ одѣтъ въ теплыя мѣха, но, тѣмъ не менѣе, онъ сильно страдалъ отъ холода; его пробирала такая дрожь, что временами онъ долженъ былъ держаться за край корзины, чтобы не упасть. Шаръ опускался очень быстро, и, чтобы замедлить опусканіе, былъ выброшенъ одинъ мѣшокъ съ балластомъ. Между тѣмъ, густой слой облаковъ скрылъ отъ глазъ воздухоплавателя землю, и онъ совершенно не могъ ориентироваться, надъ какимъ мѣстомъ онъ спускается. Пальцы воздухоплавателя совершенно оковѣли, и только энергическимъ треніемъ онъ возстановилъ въ нихъ жизнь. Спусти въ некоторое время, онъ могъ уже различить шумъ, указывающій на близость какого-то большого города, но туманъ все еще былъ такъ густъ, что нельзя было ничего разглядѣть. Только, когда шаръ опустился на разстояніе 250 метровъ отъ поверхности земли, Берсонъ могъ разглядѣть, что онъ находится надъ Килемъ. Въ три часа 45 минутъ онъ спустился въ окрестностяхъ Кила и, съ помощью сбѣжавшихся жителей, прикрѣпилъ шаръ якоремъ и вышелъ на землю.

Такимъ образомъ, весь полетъ продолжался пять часовъ 17 минутъ, и въ этотъ промежутокъ времени шаръ успѣлъ пролетѣть болѣе 310 километровъ. Воздухоплаватель замѣтилъ, что въ то время, какъ на поверхности земли почти не было замѣтно движенія воздуха, въ высокихъ слояхъ атмосферы господствовалъ сильный вѣтеръ, чѣмъ и объясняется такой быстрый полетъ шара.

Борьба женщинъ противъ пьянства въ Америкѣ. Нѣтъ такого общественнаго движенія въ Америкѣ, во главѣ котораго не шествовали бы женщины. Мы уже говорили о той роли, которую играли женщины въ аболиціонистскомъ движеніи; университетское движеніе также много обязано женщинамъ своимъ распространѣніемъ. Не мало способствовали женщины развитію и организаціи разнаго рода соціальныхъ учрежденій. Но огромное значеніе имѣтъ дѣятельность женщинъ въ борьбѣ съ распространѣніемъ пьянства въ Америкѣ. Женщины храбро вступили въ борьбу съ этимъ ужаснымъ зломъ и, не опасаясь ни насмѣшекъ, ни неудачъ, повели свою пропаганду самымъ энергичнымъ образомъ. Во главѣ этого движенія находится журналистка миссъ Френсисъ Вилларъ, объявившая крестовый походъ противъ пьянства. Цѣлая армія дамъ и дѣвицъ присоединилась къ ней, и въ результатъ ихъ пропаганды было вотированіе законовъ противъ пьянства, закрытіе многихъ питейныхъ заведеній и т. п. Вначалѣ женщинамъ, конечно, пришлось испытать не мало неприяностей и затрудненій. Американки до этого никогда не выступили въ качествѣ распространительницъ идеи трезвости, то подверглись, разумѣется, всевозможнымъ насмѣшкамъ. Первые пропагандистки отличались особеннымъ фанатизмомъ. Онѣ, безъ всякаго страха, проникали

въ самые мрачные притоны пьянства, въ разнаго рода кабачки и питейныя заведенія и, не задумываясь, съ жаромъ начинали свою проповѣдь, иногда въ минуту увлеченія надая на колѣни и умоляя пьяницъ вернуться на путь истины, или же осыпая ихъ проклятіями за то, что они предаются пороку. Проповѣдницъ осыпали насмѣшками, имъ давали прозвище «крикуній» (shriekers), но тѣмъ не менѣе горячее слово убѣжденія, мало-помалу, прокладывало себѣ дорогу. Постепенно фанатическая проповѣдь замѣнилась болѣе спокойною пропагандою посредствомъ печати и публичныхъ конференцій. Одна изъ главныхъ дѣятельницъ на этомъ поприщѣ была миссисъ Мэри Гюнтъ, профессоръ химіи въ восточной коллегіи. Мэри Гюнтъ, заботясь о воспитаніи своего единственнаго сына и опасаясь за его будущность, занялась спеціальнымъ изслѣдованіемъ дѣйствія алкоголя на организмъ человѣка. Эти научныя изслѣдованія возбудили въ ней, въ концѣ концовъ, искреннюю тревогу за будущность той націи, которая потребляетъ такое громадное количество алкоголя. Она пришла къ заключенію, что одни только нравственные доводы не могутъ подѣйствовать въ данномъ случаѣ и остановить развитіе пьянства; необходимо, чтобы народъ сознавалъ, какой ущербъ онъ наноситъ своему здоровью, и какое дѣйствіе имѣетъ тотъ ядъ, который онъ вводитъ въ свой организмъ. По инициативѣ Мэри Гюнтъ, въ различныхъ публичныхъ школахъ были введены чтенія по этому предмету, и составлено руководство, знакомящее воспитанниковъ съ разрушительнымъ дѣйствіемъ спирта на организмъ. На генеральномъ митингѣ женскаго христіанскаго общества трезвости, устроенномъ въ 1878 году, были приняты очень важныя резолюціи, и комитетъ, подъ предѣлательствомъ Мэри Гюнтъ, объявилъ безпощадную войну противъ

пьянства, въ которой приняли участіе: духовенство, профессора, общественныя дѣятели, филантропы и врачи. Пропаганда велась при помощи брошюръ, рассчитанныхъ на всѣ возрасты, начиная со спеціальной азбуки «Child's health primer» до «Гигиенической физиологіи» Стиля, заключающей въ себѣ компендіумъ серьезныхъ свѣдѣній по физиологіи, имѣющихъ спеціальное отношеніе къ потребленію алкоголя. Въ 1882 году штатъ Вермонтъ издалъ законъ, который вводилъ во всѣхъ публичныхъ школахъ обязательный курсъ по гигиенѣ и элементарной физиологіи, со спеціальнымъ изложеніемъ дѣйствія спиртныхъ и наркотическихъ напитковъ на человѣческій организмъ. Другіе штаты вскорѣ послѣдовали примѣру Вермонта, и въ настоящее время трудно найти маленькаго американца, посѣщающаго школу, который бы не могъ разсказать, какъ дѣйствуетъ спиртъ на организмъ человѣка.

Англійское общество покровительства дѣтямъ. Ни въ одной странѣ Общество покровительства дѣтямъ не имѣетъ такого большого распространенія и не пользуется такимъ вліяніемъ, какъ въ Англіи. Между тѣмъ, оно возникло не болѣе, какъ дѣтъ десять тому назадъ и вначалѣ имѣло весьма скромные размѣры и даже на первыхъ порахъ не пользовалось особенными симпатіями населенія. Но это не могло остановить людей, глубоко убѣжденныхъ въ пользу своего дѣла и проникнутыхъ жалостью къ судьбѣ беззащитныхъ дѣтей, особенно въ низшихъ слояхъ лондонскаго населенія. Не мало труда и энергіи потратили они на то, чтобы убѣдить общество въ необходимости внимательства государства въ отношенія родителей къ дѣтямъ и огражденія закономъ правъ дѣтей. Только послѣ пятилѣтней упорной пропаганды, удалось, наконецъ, добиться воз-

бужденія вопроса въ парламентѣ объ этомъ предметѣ, и въ 1889 году былъ внесенъ въ парламентъ и принятъ билль, по которому всѣ лица, на попеченіи которыхъ находятся дѣти моложе 16-ти лѣтъ, могутъ привлекаться къ отвѣтственности за дурное обращеніе съ дѣтьми, а также за то, если они бросятъ ребенка на произволъ судьбы. Такіе проступки подлежатъ вѣдѣнію мировыхъ судей и суда присяжныхъ, и виновные могутъ быть приговариваемы къ штрафамъ или къ тюремному заключенію до двухъ лѣтъ.

Принятіе этого закона въ значительной мѣрѣ способствовало расширенію практической дѣятельности Общества. Въ настоящее время дѣятельность его распространилась по всей Англій, Валлисѣ и Ирландіи, и ежегодный доходъ его простирается до 40.000 ф. ст. Центральный комитетъ Общества находится въ Лондонѣ, но, кромѣ того существуетъ еще 123 провинціальныхъ комитета, по числу секцій. Комитетъ обязанъ тотчасъ же оказывать помощь покинутымъ и несчастнымъ дѣтямъ, изслѣдовать всѣ случаи жестокаго обращенія и позаботиться объ устройствѣ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, приютахъ и, если это нужно, въ больницахъ. Кромѣ того, комитетъ возбуждаетъ судебныя преслѣдованія и привлекаетъ къ отвѣтственности жестокихъ родителей, принимая на себя въ такихъ случаяхъ роль истца. За десять лѣтъ существованія Общество пришло на помощь 109.364 дѣтямъ. Изслѣдуя случаи жестокаго обращенія, Общество увидѣло, что въ громадномъ числѣ случаевъ дѣти страдаютъ не отъ злонамѣренной жестокости родителей, а отъ ихъ крайней нищеты. Поэтому, Общество, кромѣ непосредственной помощи дѣтямъ, заботится о пріисканіи работы взрослымъ членамъ семьи, а также помогаетъ семьѣ, чѣмъ можно. Въ каждомъ случаѣ жестокаго обра-

щенія съ ребенкомъ, Общество, прежде всего, старается употребить нравственное воздѣйствіе на родителей или опекуновъ ребенка, угрожая имъ обратиться къ суду, если они не перемѣнятъ своего обращенія; обыкновенно одной такой угрозы уже бываетъ достаточно. Изъ отчетовъ общества видно, что за десятилѣтній періодъ своего существованія, оно изслѣдовало 40.000 случаевъ жестокаго обращенія съ дѣтьми, но лишь въ 5.792 случаяхъ оно прибѣгло къ суду, такъ какъ во всѣхъ остальныхъ оказалось достаточно одного внушенія и угрозъ. Въ настоящее время Общество, носящее названіе «Англійскаго національнаго Общества огражденія дѣтей отъ жестокаго обращенія», пользуется большими симпатіями во всей Англій, и съ каждымъ годомъ число его членовъ возрастаетъ.

Благотворительность во Франціи. Городъ Седанъ, имѣвшій такое печальное значеніе въ исторіи Франціи, ввелъ особенный способъ общественной благотворительности, уже принесшей благіе результаты. Седанское благотворительное Общество, исходя изъ того принципа, что раздача пособій служить лишь палліативнымъ средствомъ въ борьбѣ съ нищетой, рѣшило испробовать другой способъ. Оно стало покупать участки невоздѣланной земли въ окрестностяхъ города и раздавать ихъ для устройства небольшихъ огородовъ бѣднѣйшимъ семьямъ городскихъ обывателей, снабжая ихъ въ то же время земледѣльческими орудіями, удобреніемъ и сѣменами. Въ свободное отъ фабричной или другой какой работы время, члены этихъ семействъ занимаются воздѣлываніемъ своего участка, и овощи, которыя они выращиваютъ, конечно, служатъ имъ огромнымъ подспорьемъ въ ихъ скудномъ хозяйствѣ. Многіе были этимъ спасены отъ тяжелой необходимости просить подаяніе, что дало

имъ возможность пережить трудное время безработицы. Уже этотъ одинъ результатъ говоритъ въ пользу Общества и заставляетъ сочувствовать его дѣятельности. Общество начало дѣйствовать помаленьку. Въ первый годъ своего существованія оно купило 14.000 кв. метровъ довольно плохой земли и, раздѣливъ ее на участки, роздало 21-му семейству—въ общемъ 45 чел. Не мало пришлось потратить труда, чтобы привести землю въ годное состояніе, удобрить ее и сдѣлать плодородной. Но результаты превзошли ожиданія. Въ отчетахъ земледѣльческаго Общества Седана значится, что эти земельные участки даютъ хорошій урожай, очень часто даже выше средняго. Нѣкоторые изъ семействъ, получившихъ участки, не имѣли понятія о земледѣліи; имъ пришлось учиться этому дѣлу, что они исполнили весьма охотно, желая добиться хорошаго урожая.

Въ слѣдующемъ же году Общество расширило свою дѣятельность и закупило 30.880 кв. метровъ земли, которые и отдало въ распоряженіе 56 семействъ (въ общемъ 240 чел.). Всѣ эти лица съ жаромъ принялись за работу, и всѣ констатируютъ, что трудъ ихъ былъ оплаченъ съ лихвою; нѣкоторые изъ семействъ просуществовали всю зиму продуктами сбора, другіе же даже извлекли небольшую прибыль, такъ какъ могли продать часть собранныхъ ими овощей.

Поощряя такимъ образомъ земледѣліе и трудъ, Седанское Общество въ сравнительно короткое время достигло такихъ прекрасныхъ результатовъ, какихъ врядъ ли могъ бы достигнуть какой-нибудь иной способъ благотворительности. Нищета, дѣйствительно, замѣтно стала уменьшаться, а вмѣстѣ съ этимъ стали исчезать и всегдашніе ея печальные спутники: пьянство, бродяжничество и др. пороки. Заботясь о развитіи въ молодомъ поколѣніи любви къ труду, Общество

выбрало пятнадцать юношей шестнадцати-семнадцати лѣтъ, изъ тѣхъ семействъ, которымъ оно оказало поддержку, и организовало «ассоціацію молодежи». Каждый членъ этой ассоціаціи вноситъ одинъ франкъ въ мѣсяцъ, и на полученные такимъ образомъ 180 франковъ арендуется участокъ земли; Общество даетъ сѣмена и удобреніе, члены же ассоціаціи воздѣлываютъ землю и засѣваютъ ее. Полученный сборъ продается и вырученные деньги вносятся въ сберегательную кассу. Для поощренія молодыхъ членовъ ассоціаціи, Общество сдѣлало вкладъ на ихъ имя въ сберегательную кассу, и этотъ вкладъ служитъ имъ вознагражденіемъ за ихъ труды.

Седанское благотворительное Общество основано женщиной, г-жею Гервие, назвавшей его «Обществомъ возстановленія семьи» (*La société de la Reconstitution de la famille*). Основательница общества окрестила его такимъ именемъ потому, что главная цѣль ея была—задержать переселеніе въ большіе города рабочихъ, вынужденныхъ искать заработка на сторонѣ. Дать имъ занятіе, возможность своимъ трудомъ достать себѣ дома кусокъ хлѣба—вотъ къ чему стремится Общество, и частью уже достигло своей цѣли. Во всякомъ случаѣ, Общество это подало примѣръ новаго способа общественной благотворительности, оказавшагося гораздо болѣе успѣшнымъ, чѣмъ многіе другіе.

Крестьянскіе ферейны въ Германіи. Заплативъ марку (50 коп.) въ годъ, германскій крестьянинъ становится дѣйствительнымъ членомъ крестьянскаго союза «*Bauernverein*» и, благодаря этому, становится величиною, силой, съ которою уже надо считаться, тогда какъ раньше былъ незначительнымъ атомомъ, песчинкой, затерявшейся въ массѣ другихъ подобныхъ же песчинокъ. Прежде всего

нѣмецкій крестьянинъ, становясь членомъ союза, приобретаетъ точку опоры, сознание своихъ правъ. Объ этихъ правахъ говоритъ ему листокъ, издаваемый союзомъ или ферейномъ. Какъ членъ этого ферейна, крестьянинъ получаетъ этотъ листокъ и, читая его, приобретаетъ много полезныхъ и новыхъ для себя свѣдѣнй, такъ какъ листокъ говоритъ ему не только о его правахъ, но и о томъ, что ему нужно и полезно знать, какъ сельскому хозяину. Вообще, ферейнъ приходитъ на помощь къ крестьянину во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нуждается въ этой помощи. Съ этими именно цѣлями крестьянскіе ферейны устраиваютъ въ разныхъ мѣстахъ химическія станціи, куда крестьяне и обращаются за всевозможными свѣдѣніями и разъясненіями, и гдѣ даромъ даются имъ сельскохозяйственные совѣты и производятся для нихъ всевозможные анализы. Кромѣ того, крестьянинъ прибѣгаетъ къ ферейну и въ такомъ случаѣ, когда его обманетъ какой-нибудь промышленникъ, недоплатитъ ему денегъ или же продастъ ему недоброкачественный товаръ. Ферейнъ вступается за интересы крестьянина; для этого онъ устраиваетъ третейскіе суды для рѣшенія всякихъ спорныхъ вопросовъ и тяжбныхъ дѣлъ между членами союза. Если же тотъ, на кого жалуется крестьянинъ, не состоитъ членомъ союза, или же просто ростовщикъ, то ферейнъ имѣетъ своихъ адвокатовъ, которые будутъ защищать дѣло крестьянина въ судѣ. Вообще, благодаря ферейнамъ, многіе недобросовѣстные эксплуататоры, не постѣсившіеся бы въ другое время потащить въ судъ неопытнаго крестьянина, воздерживаются отъ этого, не желая имѣть дѣло съ опытнымъ адвокатомъ ферейна. Во всѣхъ дѣлахъ, заключеніи контрактовъ, страхованій и т. п., ферейнъ всегда служитъ крестьянину посредникомъ, на практикѣ доказывая

крестьянину, какъ много могутъ сдѣлать соединенныя усилія и какое важное значеніе имѣетъ кооперація для ихъ собственныхъ интересовъ.

Голландскій писатель I. Кремеръ и его произведенія. Русское общество мало знакомо съ голландскою литературой, но и не только въ Россіи, а и въ Европѣ сравнительно недавно начали интересоваться ею, хотя среди голландскихъ писателей встрѣчаются выдающіеся, не только по своему таланту, но и по тому социальному вліянію, какое имѣли ихъ произведенія. Таковъ, на примѣръ, I. Кремеръ, прозванный голландскимъ Диккенсомъ, бичующій во всѣхъ своихъ произведеніяхъ недостатки и предрасудки общества и несомнѣнно имѣвшій огромное вліяніе на общество. Кремеръ родился въ 1827 году; вначалѣ онъ хотѣлъ посвятить себя живописи, и въ 1851 году на выставкѣ въ Роттердамѣ, его картины обратили на себя вниманіе. Но, тѣмъ не менѣе, литература вскорѣ такъ увлекла его, что онъ совершенно бросилъ живопись и предался литературнымъ занятіямъ тѣмъ съ большимъ жаромъ, что видѣлъ въ нихъ лучшее средство для распространенія своихъ идей въ обществѣ и для борьбы съ общественными предрасудками. Первая же повѣсть, написанная имъ, обратила на себя вниманіе, и онъ сразу былъ зачисленъ въ разрядъ первоклассныхъ писателей. На самый огромный успѣхъ имѣла его повѣсть «Fabrikskinderen» (Фабричныя дѣти), описывающая яркими красками положеніе несчастныхъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. Такъ много значила сила литературнаго таланта, яркость литературныхъ образовъ, представленныхъ Кремеромъ, что общество было потрясено ими до глубины души и впервые обратило вниманіе на безсовѣстную эксплуатацию слабыхъ и беззащитныхъ, которая совершалась передъ его глазами.

Результатомъ этого было движеніе, которое привело въ концѣ концовъ къ тому, что закономъ была воспрещена работа дѣтей на фабрикахъ. Разумѣется, такой необычайный успѣхъ произведенія Кремера сразу опредѣлилъ его соціальную роль и значеніе и онъ сталъ не только писателемъ, но и апостоломъ, и его горячая проповѣдь, предлагаемая обществу въ легко усваиваемой формѣ беллетристическихъ произведеній, получила огромное распространеніе, тѣмъ болѣе, что Кремеръ, затрогивая въ своихъ повѣстяхъ всѣ стороны народной жизни и выступая защитникомъ униженныхъ и слабыхъ, въ то же время давалъ въ своихъ произведеніяхъ рядъ художественныхъ изображеній сельской жизни, отличающихся свѣжестью и безыскусственностью. Описывая жизнь и нравы сельскаго населенія, Кремеръ всегда имѣлъ въ виду главную цѣль — облегчить судьбу этого населенія, обративъ вниманіе общества на тяжелыя условія крестьянской жизни.

Крестьянскія повѣсти Кремера имѣли гораздо болѣе усилѣхъ, нежели его романы, написанные, впрочемъ, также съ чисто соціальными цѣлями. Онъ писалъ также и драматическія произведенія на ту же тѣму. Кромѣ того, Кремеръ проповѣдовалъ свои идеи въ различныхъ публичныхъ конференціяхъ, которыя въ свое время вызвали много шума въ странѣ. Выступая публично, въ качествѣ оратора, Кремеръ проповѣдовалъ тѣ же самыя идеи, что и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и съ разныхъ концовъ Нидерландовъ стекались его послушать. Народъ буквально поклонялся ему и гордился имъ, и всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся, его встрѣчали самымъ восторженнымъ образомъ, чувствуя въ немъ не только замѣчательнаго писателя, но и соціального проповѣдника, ратующаго за правду и справедливость. Когда

онъ умеръ, въ 1880 году, толпы народа провожали его въ его послѣднее жилище, и безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что цѣлая страна оплакивала его, не только какъ замѣчательнаго писателя, но и какъ великаго друга народа, такъ какъ онъ подтвердилъ своимъ примѣромъ еще разъ, какъ много можетъ сдѣлать литературный талантъ, если писатель имъ пользуется не для самоуслажденія или наживы, а имѣетъ въ виду «глаголомъ жечь сердца людей».

«*Revue des Deux Mondes*». Въ числѣ разнообразныхъ школъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, существующихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, заслуживаютъ вниманія превосходныя школы, обучающія уходу за больными. Такихъ школъ устроено 35, и женскій персоналъ преобладаетъ въ нихъ надъ мужскимъ. Впрочемъ, далеко не всѣ молодыя дѣвушки, обучающіяся въ этихъ школахъ, посвящаютъ себя службѣ въ больницахъ; многія посѣщаютъ школу только для того, чтобы пріобрѣсти въ ней полезныя познанія, которыя могутъ пригодиться имъ въ частной жизни, въ домашней и семейной обстановкѣ, и въ этомъ отношеніи приносимая школами польза очень велика, такъ какъ содѣйствуетъ распространенію въ обществѣ здоровыхъ понятій по гигиенѣ и медицинѣ.

Г-жа Бентонъ въ своихъ очеркахъ американской жизни въ «*Revue des Deux Mondes*» описываетъ свое посѣщеніе одной изъ такихъ школъ въ Балтиморѣ. Школа устроена при госпиталѣ Джона Гопкинса, одномъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ по своей величинѣ и устройству. Джонъ Гопкинсъ, скромный квакеръ, нажившій громадное состояніе торговлей, послѣ своей смерти завѣщалъ по три съ половиною милліона двумъ учрежденіямъ, которыми такъ гордится Балтимора, госпиталю и университету. Оба эти учрежденія теперь носятъ его имя,

и, благодаря его великодушному пожертвованію, достигли въ настоящее время высокой степени развитія и процвѣтанія. Школа сидѣлокъ, находящаяся при этомъ госпиталѣ, устроена по образцу коллегій. Многія молодыя дѣвушки, исполняющія должность сидѣлокъ въ госпиталѣ, происходятъ изъ семействъ такъ называемой аристократіи юга, разорившейся послѣ войны. Онѣ получаютъ хорошую плату и помѣщаются въ общежитіи, обставленномъ очень комфортабельно, совершенно такъ, какъ въ женскихъ коллегіяхъ. Въ одной изъ комнатъ этого общежитія г-жа Бентонъ увидѣла слѣдующее изреченіе, сдѣланное на стѣнѣ: «Будемъ всегда помнить, что время назадъ не возвращается, и что мы должны употреблять его съ пользою для своихъ ближнихъ, такъ какъ если мы упустимъ теперь благопріятный случай, который намъ представляется, то не найдемъ его больше; два раза нельзя идти по одной и той же дорогѣ!». Курсъ школы продолжается, два года и затѣмъ выдается дипломъ. Лекціи читаютъ профессора университета. При школѣ, кромѣ того, устроена образцовая специальная кухня, гдѣ слушательницы приобрѣтаютъ нужныя имъ познанія въ этой области.

Такое же благопріятное впечатлѣніе г-жа Бентонъ вынесла изъ своего посѣщенія другой подобной школы, устроенной при госпиталѣ Шаритъ, въ Новомъ Орлеанѣ. Этотъ госпиталь былъ основанъ въ 1784 году, однимъ бѣднымъ французскимъ морякомъ, пожертвовавшимъ свои небольшія сбереженія городу на устройство больницы, въ благодарность за оказанное ему жителями попеченіе. Вслѣдствіи маленькій госпиталь, благодаря пожертвованіямъ богатыхъ гражданъ, превратился въ громадное и роскошное учрежденіе, устроенное по всѣмъ правиламъ медицинской науки. Молодыя дѣвушки, поступающія въ школу сидѣлокъ, всѣ обладаютъ среднимъ

образованіемъ и поэтому далеко не похожи на тѣхъ сидѣлокъ, которыхъ мы привыкли встрѣчать въ нашихъ больницахъ. Но это образованіе ничуть не мѣшаетъ имъ выполнять самымъ добросовѣстнымъ образомъ трудныя и, подчасъ даже непріятныя, обязанности сидѣлки. Сознательно выбирая себѣ карьеру, американка уже не останавливается на полпути и всегда твердо идетъ къ развѣнчанной цѣли.

«*Journal des Savants*». Многочисленные папирусы, найденные въ послѣднее время, все болѣе и болѣе раскрываютъ передъ нами тайны древней египетской жизни. Берлинскій музей, обладающій цѣлою коллекціей такихъ папирусовъ, публиковалъ недавно содержаніе 360 экземпляровъ, заключающихъ въ себѣ официальные акты, всякаго рода контракты, приговоры, частныя письма и т. д. Всѣ папирусы происходятъ изъ древняго города Арсиное, близъ знаменитаго озера Мерое, написаны по гречески и относятся къ римской эпохѣ. Расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, членъ французскаго института Дарестъ попробовалъ извлечь изъ папирусовъ главныя характеристичныя черты древне-египетской жизни и результаты своихъ изслѣдованій изложилъ въ статьѣ, въ вышеозначенномъ журналѣ. Вотъ что, наприимѣръ, Дарестъ говоритъ о положеніи женщины въ Египтѣ: египетская женщина, замужняя или вѣтъ, не имѣла права заключать никакихъ официальныхъ актовъ отъ своего имени и должна была являться въ официальныхъ мѣстахъ не иначе, какъ въ сопровожденіи кого-нибудь изъ мужскихъ членовъ своей семьи. Бывали случаи, впрочемъ, когда женщины заключали договоры сами отъ своего имени или же подавали официальные заявленія; такъ въ 114 году какъ гласитъ папирусъ, одна женщина подала жалобу префекту

отъ своего имени, на томъ основаніи, что ея мужъ находится въ отсутствіи. Папирусы указываютъ также, что въ древнемъ Египтѣ заключались браки между сестрами и братьями. Приданое, приносимое женой, оставалось ея собственностью и она имѣла право потребовать его назадъ, въ случаѣ развода съ мужемъ. При заключеніи брака мужъ признавалъ это право жены въ особой формулѣ, одинаковой для всѣхъ случаевъ, въ которой заявлялось, что приданое жены находится въ рукахъ мужа до тѣхъ поръ, пока они живутъ въ добромъ согласіи; въ случаѣ же, если это согласіе исчезнетъ и они разстанутся, то мужъ обязанъ немедленно вернуть женѣ приданое, если изгоняетъ ее, или въ продолженіи мѣсяца, если разводъ происходитъ по добровольному соглашенію.

Египетскіе солдаты не имѣли права жениться, пока находились на службѣ. Заключенные ими браки не признавались закономъ; поэтому жена солдата не имѣла права требовать обратно свое приданое. Но уже и тогда существовали искусные адвокаты, которые умѣли отыскивать лазейки для того, чтобы обойти законъ. Вышеуказанная формула измѣнялась для солдата и, вмѣсто того, чтобы признавать фактъ полученія за женою приданого, солдатъ заявлялъ, что онъ получилъ отъ нея ссуду или же взялъ извѣстную сумму на храненіе. При наслѣдованіи имущества дочери пользовались такими же правами, какъ и сыновья. Коллекція папирусовъ, заключающая въ себѣ разнаго рода завѣщанія и документы, относящіеся къ раздѣленію наслѣдства, въ высшей степени интересна, такъ какъ указываетъ, что и въ тѣ времена тяжбы изъ-за наслѣдства составляли обычное явленіе и представляли для адвокатовъ удобный случай, чтобы проявить свое краснорѣчіе и свою изворотливость. Нѣкоторые изъ папирусовъ заключаютъ въ себѣ рѣчи адво-

катовъ. По словамъ Дареста, читая ихъ, можно совершенно забыть, что онѣ относятся къ столь древнимъ временамъ—до такой степени онѣ напоминаютъ современныхъ адвокатскія упражненія въ краснорѣчій и уловки.

Въ коллекціи также находится много папирусовъ, касающихся взиманія налоговъ. Оказывается, что въ древнемъ Египтѣ, какъ и въ современныхъ государствахъ, все было обложено пошлиной, даже жертвенныя животныя. Огромное количество папирусовъ заключаетъ въ себѣ разнаго рода доносы, обнаруживающія многіе любопытныя черты египетской жизни и уже порядочную испорченность тогдашняго общества, могущаго посперить и въ этомъ отношеніи съ современнымъ обществомъ. Вообще, чтеніе этихъ папирусовъ указываетъ, что египетская жизнь уже достигла большаго развитія 1800 лѣтъ тому назадъ.

«Cosmopolitan». Знаменитый германскій писатель Фридрихъ Шпильгагенъ сообщаетъ въ вышеназванномъ журналѣ интересныя свѣдѣнія о современномъ германскомъ театрѣ и германскихъ драматургахъ. Первымъ изъ современныхъ драматическихъ писателей въ Германіи Шпильгагенъ считаетъ Эрнста фонъ-Вильденбруха, послѣдняго защитника и представителя классической драмы. Эрнстъ фонъ-Вильденбрухъ въ самомъ началѣ стяжалъ блестящія лавры, слѣдуя во всемъ традиціямъ германскихъ классиковъ, но въ настоящее время, когда сцена подпадаетъ все болѣе и болѣе вліянію демократическихъ тенденцій, публика съ каждымъ днемъ перестаетъ интересоваться своими прежними героями, и слава Вильденбруха начала блекнуть. Однако, блестящій успѣхъ волшебной пьесы Людвигъ Фульда «Талисманъ» отчасти говорить противъ пристрастія публики къ натуралистическому жанру. Пьеса эта давалась безчисленное множество разъ и всегда

при полномъ театрѣ. Сюжетъ пьесы заимствованъ авторомъ изъ известной сказки Андерсона «Новое королевское платье» и разработанъ такъ искусно, что успѣхъ ея становится вполнѣ объяснимымъ. Но дѣло въ томъ, что драматическіе авторы въ Германіи, съ какимъ бы презрѣніемъ они ни относились къ устарѣвшимъ театральнымъ традиціямъ, все-таки не могутъ или не рѣшаются отрѣшиться отъ нихъ. Исключеніемъ изъ этого правила является лишь Германъ Зудерманнъ.

Зудерманнъ родился въ 1857 году, въ восточной Пруссіи, отъ очень бѣдныхъ родителей, что, по всей вѣроятности, не осталось безъ вліянія на развитіе его интеллектуальныхъ силъ. Въ настоящее время Зудерманнъ пользуется репутаціей не только драматурга, но и перворазряднаго романиста. Зудерманнъ написалъ три пьесы, которыя произвели громадное впечатлѣніе: «Sodom's Ende» (Конецъ Содома), «Die Ehre» (Честь) и «Heimat» (Родина). «Sodom's Ende» вызвала особенно много шума, такъ какъ авторъ, самымъ безпощаднымъ образомъ разоблачаетъ въ ней дѣятельность биржи и жизнь финансовой аристократіи, рисуя картину нравственнаго и физическаго паденія одного молодого и гениальнаго художника. Въ «Heimat» Зудерманнъ бичуетъ высокомеріе и тщеславіе высшихъ гражданскихъ и военныхъ классовъ. Третья пьеса «Die Ehre» сближаетъ понятія о чести бѣдняковъ съ тѣми, которыя существуютъ у привилегированнаго меньшинства. Зудерманнъ находитъ эти понятія совершенно аналогичными по существу и одинаково непрочными; такъ, въ первомъ случаѣ нужда, а во второмъ страсть къ роскоши совершенно ихъ уничтожаетъ и заставляетъ людей забывать о ихъ существованіи.

Изъ самыхъ молодыхъ драматическихъ авторовъ, Шнильгагенъ упоминается какъ объ одномъ изъ выдаю-

щихся писателей объ Отто Эрихѣ Гартлебенѣ, уроженцѣ Гарца. Въ 1890 году, Гартлебенъ только-что кончилъ отбываніе воинской повинности, и чтобы отпраздновать свое избавленіе, поставилъ на сценѣ свободнаго театра (Freie Bühne) свое первое произведеніе «Анжель». Газеты расхвалили его, и дѣйствительно Гартлебенъ, какъ въ этой, такъ и во-второй своей пьесѣ обнаруживаетъ большой талантъ, но, къ сожалѣнію, у него не хватаетъ ясности, которая особенно необходима въ театральныхъ произведеніяхъ.

Другой драматическій писатель изъ молодыхъ, Максъ Гальбэ, сынъ помѣщика изъ восточной Пруссіи, написалъ четыре пьесы, изъ которыхъ только двѣ послѣднія были поставлены на сценѣ народнаго театра. Недостаткомъ автора является слишкомъ большая догматичность, нѣсколько заслоняющая его талантъ. Но бесспорно главою всѣхъ молодыхъ современныхъ драматурговъ слѣдуетъ считать Гергардта Гаушмана, автора превосходной пьесы «Ткачи». Гаушманъ — уроженецъ Силезіи, сынъ простаго ремесленника, но отецъ его постарался дать ему самое тщательное воспитаніе. Молодой Гергардтъ долгое время никакъ не могъ найти свое призваніе и бросался отъ одного занятія къ другому. Онъ бросилъ школу, занялся сельскимъ хозяйствомъ подъ руководствомъ своего дяди, но вскорѣ бросилъ и это и началъ посѣщать академію художествъ въ Бреславлѣ. Но и это продолжалось недолго, и Гергардтъ вышелъ изъ академіи, хотя профессора находили у него талантъ къ валянію. Какъ Фаустъ, онъ переходилъ отъ одной науки къ другой, пока, наконецъ, не нашелъ своего истиннаго призванія. Удивительнымъ образомъ это совпало съ его женитьбой; онъ женился 22-хъ лѣтъ и тогда же написалъ свою первую поэмѣ «Promethidenloos». Первая драма его, «До зари», поставленная на сценѣ «Freie

Bühne», вызвала настоящей скандалъ, такъ какъ она самымъ смѣлымъ образомъ нарушала всѣ, признанныя священными, правила драматическаго искусства. Въ то время, какъ послѣдователи молодой драматической школы раздражались восторженными аплодисментами, остальные зрители, возмущенные нарушеніемъ всѣхъ старинныхъ традицій сцены, свистали, кричали и встрѣчали ироническимъ хохотомъ каждое дѣйствіе. Гергардтъ Гауптманнъ представилъ въ своей пьесѣ жизнь въ такомъ видѣ, въ какомъ она есть, безъ всякихъ прикрасъ, и имѣлъ мужество опуститься въ самые ея нѣдра, туда, гдѣ обитаютъ дивныя звѣри и пожираютъ другъ друга въ борьбѣ за существованіе... Пьеса Гауптманна провалилась, но, тѣмъ не менѣе, онъ все-таки одержалъ верхъ. Та самая публика, которая овистала его первую пьесу, неистово аплодировала его «Ткачамъ», хотя и въ этой пьесѣ Гергардтъ такъ же безпощадно срываетъ покрывало съ социальныхъ ранъ, какъ и въ первой. Энергія и сила воли Гауптманна побѣдили предубѣжденіе толпы и заставили ее взглянуть истиннѣе прямо въ глаза, а не отворачиваться отъ нея, когда она является имъ въ неприкрашенномъ видѣ. Такимъ образомъ, Гергардтъ Гауптманнъ одержалъ побѣду и сталъ во главѣ молодой нѣмецкой драматической школы. Однако, Шпильгагенъ не считаетъ эту школу окончательнымъ выраженіемъ эволюціи; онъ полагаетъ, что она лишь подготовляетъ пути къ достиженію конечной формулы драматическаго искусства, и поэтому имѣетъ лишь переходный характеръ. Каково же будетъ драматическое искусство будущаго—Шпильгагенъ рѣшительно не берется сказать; онъ только желаетъ, чтобы школа будущаго «приняла изъ рукъ правды покрывало поэзіи», или, выражаясь яснѣе: «не дѣлала бы изъ театра орудіе научныхъ изслѣдованій, не разры-

вала бы покрывало поэзіи и сохранила бы въ неприкосновенности культъ высокыхъ и благородныхъ идей и вдохновеній».

Литературная жизнь въ Англии. Школа Диккенса и литературная богема. Английскіе писатели обладаютъ особеннымъ пристрастіемъ къ автобіографіямъ. Въ послѣднее время такія автобіографіи расплодилось множество, и, безъ сомнѣнія, нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ огромный литературный и историческій интересъ. Укажемъ на двѣ такія автобіографіи: «Memoirs of the author» (воспоминанія автора) Перси Фитцджеральда и «The life and adventures of George Augustus Sala, written by himself» (Жизнь и приключенія Георга Августа Сала, написанныя имъ самимъ), обрисовывающія очень ярко извѣстную литературную эпоху и нѣкоторыхъ выдающихся литературныхъ дѣятелей. Въ числу послѣднихъ, разумѣется, принадлежитъ Диккенсъ, которому Перси Фитцджеральдъ посвящаетъ нѣсколько очень интересныхъ главъ своей книги.

Популярность Диккенса началась съ 1837 года и распространилась съ необыкновенною силой, когда появились первые номера Ниввикскаго клуба. Врядъ ли можно встрѣтить въ исторіи литературы другой такой примѣръ необыкновенно, быстро распространившейся популярности автора среди цѣлой націи. Не было ни одного разносчика въ Англии, лавочника, трубочиста и т. д., которымъ не было бы извѣстно имя Диккенса, какъ автора Ниввикскаго клуба. Всѣ собаки, во всемъ соединенномъ королевствѣ получали кличку «Sam» по имени слуги Ниввика. Дѣти всегда въ своихъ играхъ изображали героев произведеній Диккенса. Рассказываютъ, что въ церквахъ иногда вдругъ раздавался хохотъ, и люди, совершившіе этотъ неприличный проступокъ, сознавались, что они

нечаянно вспомнили какую-нибудь фразу из Пиквика. Одинъ умирающій больной спросилъ своего доктора сколько ему осталось жить, и тотъ отвѣчалъ, что около мѣсяца. Больной вздохнулъ и затѣмъ прибавилъ: «Хорошо, что я успѣю все-таки прочесть слѣдующій номеръ Пиквика, который выйдетъ черезъ двѣ недѣли!»

Подобныя анекдоты, разумѣется, указываютъ, что слава Диккенса находилась тогда въ апогеѣ. Не то уже было въ пятидесятыхъ годахъ, когда ему пришлось-раздѣлить эту славу съ другимъ свѣтиломъ на литературномъ горизонтѣ, Теккеремъ. Но, тѣмъ не менѣе, въ 1851—59 годахъ еще вся Англія устремляла свои взоры на окно съ выступомъ,—изъ тѣхъ, которыя называются въ Англіи «bow windows», въ домѣ, гдѣ помѣщалась редакція «Household Words», еженедѣльнаго журнала, издаваемого Диккенсомъ въ то время. Впослѣдствіи этотъ журналъ былъ преобразованъ въ «All the year Round».

Не разъ, съ бьющимся сердцемъ, вступали молодые люди, начинающіе свое литературное поприще, въ это святилище, именуемое редакціей. Двѣ стеклянныя двери вели туда; на одной была надпись: «Мистеръ Уилльсъ», на другой: «Мистеръ Диккенсъ». Уилльсъ былъ помощникомъ издателя; онъ занимался лишь текущими дѣлами и не касался литературной части журнала, поэтому передъ его дверью не останавливались съ замирающимъ сердцемъ литературные дебютанты, какъ передъ дверью Диккенса. На легкой ступѣ въ эту дверь слышался голосъ: «Войдите!» и посѣтитель, безъ всякаго доклада и другаго церемоніала, столъ обыкновеннаго во всѣхъ почти современныхъ редакціяхъ, оказывался лицомъ къ лицу съ знаменитымъ писателемъ, имя котораго гремѣло во всей Англіи.

Диккенсъ отличался простотою обращенія, которая сразу подбуждала въ

его пользу. Онъ всегда былъ одѣтъ въ блузу и широкія панталоны и безъ церемоніи предлагалъ посѣтителю половину своего завтрака, если тотъ попадалъ какъ разъ въ такое время. «Но, несмотря на всю эту простоту и сердечность, говоритъ Фитцджеральдъ, онъ былъ болѣе дружелюбнымъ, нежели другомъ». Фитцджеральдъ, также какъ и Сала, въ своихъ воспоминаніяхъ о Диккенсѣ, ясно даютъ понять, что доброта Диккенса была поверхностной и не исходила отъ сердца. Со своими мелодыми сотрудниками Диккенсъ, по словамъ Сала, обращался хорошо и подкупалъ ихъ тѣмъ, что часто прощалъ имъ авансы, но, тѣмъ не менѣе, онъ умѣлъ извлечь изъ нихъ все, что только можно было извлечь изъ ихъ литературныхъ способностей, и такимъ образомъ всегда оставался въ барышахъ. Диккенсъ самъ писалъ только изрѣдка для своего журнала и наполнялъ его столбцы тѣмъ, что называлось тогда въ редакціонныхъ кружкахъ «Dickens and water» (Диккенсъ и вода)—литературными произведеніями, написанными на его глазахъ, подъ его руководствомъ и флагомъ, его молодыми сотрудниками, которыхъ онъ дрессировалъ для этой цѣли, заставляя подражать своей манерѣ писанія до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Это была школа, изъ которой потомъ вышли многія изъ выдающихся англійскихъ писателей, свергнувшихъ съ себя впослѣдствіи тяготѣвшее надъ ними иго Диккенса.

Одновременно съ этою школою, образовывавшею и дрессировавшею литературные таланты, существовало въ Англіи другое учрежденіе, оказывавшее также не малое влияние на литературные нравы. Это, такъ называемый «клубъ дикихъ»—Savage club, сборный пунктъ англійской литературной богемы, которую Теккерей, въ одномъ изъ своихъ романовъ, описалъ какъ «веселую страну, гдѣ всѣ оди-

наково бѣдны, но всѣ молоды и безпечны. Если же случайно въ это собраніе молодежи попадалъ старикъ, то это означало, что, несмотря на свои лѣта, онъ сохранилъ въ себѣ еще достаточно юношескаго жара...» Теккерю такъ нравилась эта юность, безпечность и жизнерадостное веселье, что въ заключеніе онъ восклицаетъ: «Увы! зачѣмъ я позабылъ дорогу въ эту прекрасную страну?»

Другой англійскій писатель, Эдмундъ Ятсъ, часто посѣщавшій клубъ литературной молодежи, говоритъ: «Общее у всѣхъ было—молодость, талантъ, непредусмотрительность и безпечность, перемежающаяся и спазмодическая работа, приливы восторженности, чередующейся съ днями унынія и, наконецъ, полный и абсолютный индифферентизмъ и презрѣніе къ буржуазіи, къ ея воззрѣніямъ, образу жизни и разговору». Эта развеселая молодежь составляла ядро англійской журналистики въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ. У многихъ слава была впереди, но пока еще стремленіе къ этой славѣ не составляло главной цѣли ихъ жизни. Будущіе знаменитые журналисты и писатели довольствовались скромнымъ заработкомъ безъимянныхъ авторовъ и почитали себя крезами, если имъ удавалось заработать 5 фунтовъ (около 50 р).

Основателемъ «Клуба дикихъ» былъ нѣкто докторъ Страуссъ, уроженецъ Канады, но въ жилахъ котораго текла кровь славянская, итальянская и французская. Это былъ очень оригинальный человѣкъ, не придававшій никакой цѣны деньгамъ и всегда ставившій ребромъ послѣднюю копѣйку. Основанный имъ клубъ замѣнялъ ему домашній очагъ, котораго у него никогда не было, и потому неудиви-

тельно, что онъ такъ заботился о процвѣтаніи этого клуба. Несмотря на свою склонность къ безшабашному образу жизни, характерному для богемы, докторъ Страуссъ все-таки какъ-то ухитрился находить время для занятій и успѣлъ издать болѣе ста книгъ на разныхъ языкахъ. Кромѣ того, докторъ Страуссъ занимался медицинскою практикою и былъ затѣмъ редакторомъ газеты «National». Его жизнь, вообще, была полна самыхъ необыкновенныхъ приключеній, такъ какъ онъ часто мѣнялъ свой родъ занятій и мѣстожительство. Тѣмъ не менѣе, онъ долгое время оставался душою «Клуба дикихъ»; его юморъ и добродушіе влекли къ нему сердца молодежи, и онъ долго оставался центромъ, вокругъ котораго она группировалась, тѣмъ болѣе, что у него въ запасѣ было всегда много любопытныхъ рассказовъ, между прочимъ, о знакомствѣ съ Альфредомъ Мюссе, Бавеньякомъ и встрѣчѣ съ Людовикою Наполеоною.

Прошли годы, и «Клубъ дикихъ» подчинился неизбѣжному закону эволюціи; онъ сдѣлался такимъ же, какъ и всѣ прочіе англійскіе клубы. Богема исчезла. Нѣкоторые изъ ея членовъ, наиболѣе неосторожные и пылкіе, рано сошли со сцены; другіе, сдѣлавшись знаменитостями, отчасти позабыли, отчасти же добровольно отвернулись отъ своего прошлаго, когда пять фунтовъ казались имъ цѣлымъ богатствомъ, которое они, съ легкимъ сердцемъ, раздѣляли со своими товарищами. Большинство потонуло въ омутѣ буржуазной жизни и мелкихъ интересовъ дня, и англійская литературная богема перешла въ область воспоминаній и теперь уже сдѣлалась достояніемъ исторіи.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Іюль

1895 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Записки, воспоминанія и біографіи.—Политическая экономія.—Юридическія науки.—Медицина.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Д. Маминъ-Сибирякъ «Золото», романъ. — *И. А. Саловъ* «Гревы», повѣсть. — *В. Быстренинъ* «Житейскія быдла, очерки и рассказы». — *Ломфелло* «Стихотворенія».

Д. Маминъ-Сибирякъ. Золото. Романъ. Москва. 1895 г. Изд. И. Д. Сытина. Ц. 1 р. 50 к. Трудно передать въ небольшой рецензіи то глубокое впечатлѣніе, какое производитъ безотрадная картина, широко и мастерски написанная въ новомъ произведеніи г. Маминъ-Сибиряка. Уралъ, съ его оригинальной, во многомъ отличающейся отъ общерусской жизнью, служитъ фономъ, на которомъ разыгрывается трагикомедія, именуемая «золотой горячкой». Промысловое населеніе, перебивавшееся кое-какъ на работахъ компаніи, захватившей въ свои руки золотоносную дачу въ 50 квадратныхъ верстъ, бросаетъ старыя работы и пускается на поиски свободнаго золота въ новой, открытой для всѣхъ казенной дачѣ. Первый подбиваетъ на поиски старая канцелярская крыса, бывшій служащій еще во время казенныхъ каторжныхъ работъ, Кишкинъ, измотавшійся и опустившійся, когда-то въ доброе старое время воровавшій вмѣстѣ со всѣми. Отъ прежняго ничего у него не осталось, кромѣ неутолимаго аппетита и ненависти къ тѣмъ, кто лучше сумѣлъ устроиться, обезпечить себя. «Въ тѣ поры, — плачетъ старый ворище, — отсѣчь бы мнѣ руки, да и то мало. Дуракъ я былъ». Другіе кради десятками тысячъ, а ему доставались сотни рублей, хотя и ихъ было довольно, какъ видно изъ его воспоминаній о собственномъ домѣ, мадерѣ, картахъ и прочихъ прелестяхъ казенныхъ работъ, когда не кралъ только лѣнивый. Изъ постоянныхъ воздыханій старыхъ служащихъ объ этомъ времени и изъ доноса, который сочиняетъ Кишкинъ на всѣхъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ, вырисовывается ужасающая картина казенныхъ работъ. Помимо воровства, составлявшаго самую невинную черту казеннаго завѣдыванія, все управленіе сводилось къ такой

эксплуатаціи подневольнаго каторжнаго люда, о которой теперь трудно составить понятіе. Это время выработывало особые типы; наиболее интереснымъ и выдержаннымъ является старый штейгеръ Родіонъ Поталычъ, «фанатикъ казеннаго присковаго дѣла. Старикъ весь былъ въ прошломъ, въ томъ жестокомъ прошломъ, когда казенное золото добывалось шпирутенами». Самъ изъ бывшихъ каторжныхъ, онъ неумолимымъ исполненіемъ долга и добросовѣстностью завоевалъ себѣ почетную извѣстность, какъ чрезвычайно знающій и опытный, строгій, но справедливый человѣкъ. Эту преданность дѣлу, а не себѣ, онъ переноситъ затѣмъ съ казеннаго управления на компанейское, замѣнившее казну, и съ недоустріемъ и насмѣшкою относится къ старателямъ и вольнымъ прискамъ. Но такіе типы, конечно, являлись лишь исключеніемъ. Въ общемъ, подъ вліяніемъ разлагавшаго всѣхъ каторжнаго труда, жизнь слагалась на чисто животныхъ, по выраженію мѣстнаго населенія, «звѣриныхъ» началахъ. Г. Маминъ съ обычнымъ талантомъ выводитъ типъ за типомъ различныхъ представителей этого промысловаго люда, не знавшаго иной правды, кромѣ «стихійной», о которой такъ плачутъ теперь иные «народные благодѣтели». Тутъ и рабочіе, какъ безшабашный пьяница Мыльниковъ и его дочь Окся, нарисованные съ неподражаемымъ юморомъ. Мыльниковъ вѣчно пьянъ, бахвалъ и лодырь, пользуется всѣхъ охватившей горячкой и обманываетъ своими рѣчами о золотѣ, которое, по его словамъ, вездѣ такъ и «претъ», только умѣй подбирать. Случайно наткнувшись на «жилку», онъ сматывается окончательно, быстро пропиваетъ все и ютится подъ успокоительной сѣнью каоака. Кабатчикъ Ермошка и его жена Дарья представляютъ не менѣе оригинальную пару. Положеніе Дарьи было самое забытое. Ермошка изводитъ ее всѣми способами, не зная, какъ избавиться отъ старой и больной жены. Дарья тоже жалѣла, что никакъ не можетъ умереть. «Связала я тебя, — говорила она мужу о себѣ, какъ говорятъ о покойникахъ. — Въ самый бы тебѣ разъ жениться... Охъ, нейдетъ моя смертынька»... — «Это ты правильно, — отвѣчаетъ мужъ, — только помирай скорѣе, а то время напрасно идетъ. Совсѣмъ изъ годовъ выйду, покедова подохнешь»... Дарья употребляла всѣ мѣры, чтобы умереть и освободить мужа, которому выбирала сама невѣсть на случай смерти. Но смерть, какъ на грѣхъ, не приходила. «Когда же ты померешь, Дарья? — серьезно спрашивалъ Ермолай свою супругу. — Эдакъ я съ тобой всѣхъ невѣсть пропущу»... — «Помру, Ермолай Семенычъ... Потерпи до осеви-то». — Съ горя Ермошка билъ безотвѣтную Дарью чѣмъ попадая, но та опять поднималась. «Не по тому мѣсту бьешь, — жаловалась она. — Ты бы въ самую кость норовилъ... Охъ, въ чужой вѣкъ живу! А то страви чѣмъ ни на есть... Вонъ Кожинъ какъ жену свою изводитъ: одна страсть».

Кожинъ, молодой раскольникъ, тоже жертва стихійной правды. Одинъ разъ онъ нарушилъ ее, поддавшись правдѣ человѣческой, полюбивъ глубоко и искренне. Но семья возсталъ съ той и другой стороны. Влюбленныхъ разлучили, Кожинъ женился по выбору матери и возненавидѣлъ свою жену той же стихійной ненавистью,

которая, какъ и прославленная стихійная правда, коренится въ животныхъ началахъ человѣческой природы. «Кожинъ совсѣмъ озвѣрѣлъ и на глазахъ у всѣхъ изводилъ жену. Въ морозъ выгонялъ ее во дворъ босую, тонялся за нею съ ножомъ, билъ до безпамятства и вообще продѣлывалъ тѣ звѣрства, на какія способенъ очертѣвшій русскій человѣкъ. Знали объ этомъ всѣ сосѣди, женива родня, вся деревня, и ни одна душа не заступилась еще за несчастную бабу, потому что между мужемъ и женой одинъ Богъ судья»...

Золотая горячка, въ концѣ концовъ, обманула всѣхъ, раззоривъ большинство населенія и разпатавъ старые устои жизни, сложившейся на началахъ крѣпостнаго труда. Послѣдній представитель и фанатикъ его, старый штейгеръ сходитъ съ ума и самъ разрушаетъ шахту, стоившую компаніи сотенъ тысячъ рублей. Компанія закрываетъ работы за ихъ невыгодностью, — «и это въ такой мѣстности, гдѣ при правильномъ хозяйствѣ могло благоденствовать стотысячное населеніе и десятокъ такихъ компаній».

Эпическій тонъ, въ которомъ ведется весь романъ, объективное отношеніе автора, не позволяющаго себѣ никакихъ подчеркиваній или лирическихъ отступленій, придаютъ роману художественную законченность, а яркій и колоритный языкъ, сжатый и сильный, дѣлаетъ его однимъ изъ лучшихъ произведеній г. Мамина, которое можно поставить на ряду съ его «Уральскими разсказами» и «Горнымъ гнѣздомъ». Между прочимъ, отличительная черта таланта г. Мамина — художественная объективность, съ особенной силой проявляющаяся въ этомъ романѣ, — послужила поводомъ къ упреку, будто авторъ совершенно равнодушенъ къ тому, что рассказываетъ. Странность такого упрека, намъ кажется, доказываетъ только, что рецензентъ упустилъ изъ виду различіе въ творчествѣ, которое бываетъ субъективнымъ, какъ, напр., у Гаршина или г. Короленко, или объективнымъ, какъ у Гончарова или Писемскаго. Оба вида творчества вполне законны, потому что преслѣдуютъ одну и ту же цѣль — дать художественный образъ. У субъективнаго художника при этомъ на первомъ планѣ его личное настроеніе, то впечатлѣніе, какое на него произвелъ данный образъ. Объективный художникъ не заботится объ этомъ, исчезая самъ за нарисованной имъ картиной, и если она художественна, если впечатлѣніе вполне отвѣчаетъ дѣйствительному, то задача художника выполнена, и выполнена насколько не хуже, чѣмъ задача художника-субъективиста. Скорѣе напротивъ, — чѣмъ объективнѣе художникъ, тѣмъ лучше онъ выполняетъ свое назначеніе, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе отъ созданнаго имъ образа. Въ этомъ отношеніи, романъ г. Мамина «Золото» — безупреченъ. Писатель, обладающій меньшимъ талантомъ, пролилъ бы слезу сочувствія и надъ женой Ермошки, и надъ загубленной жизнью Кожина, но врядъ ли вызвалъ бы этимъ отвѣтную слезу у читателя. Художникъ никогда не долженъ забывать, что онъ — не публицистъ, для котораго обязательно высказаться возможно ясно, на чей онъ сторонѣ, — Ермошки или его жены. Для художника обязательно одно — изобразить ихъ обоихъ правдиво, а это ужъ наше, чита-

тельское, дѣло, какъ мы къ нимъ отнесемъ, кого осудимъ, кого оправдаемъ. Идеальнымъ художникомъ былъ бы тотъ, кто могъ бы быть такъ же безпристрастенъ, какъ природа. Но это—лишь идеаль, потому что всякій художникъ прежде всего человѣкъ и его сочувствіе или отвращеніе даетъ себя чувствовать помногу его воли. Такъ, въ томъ же романѣ «Золото» читатель не можетъ не видѣть, что всѣ симпатіи автора на сторонѣ тѣхъ его персонажей, въ которыхъ человѣческая правда подавляетъ стихійную. Ему симпатиченъ старый штейгеръ, въ которомъ главную черту характера составляетъ преданность долгу, хотя бы и ложно понятому, и его дочь. Оня, несчастный предметъ любви Кожина, очерченная вѣжными штрихами, образъ, полный глубокой поэзіи и дѣвственной красоты. И если не замѣтно этой симпатіи въ обрисовкѣ отношеній Ермошки и его жены, то иначе и быть не можетъ. Палачъ и его жертва равно противны въ даяномъ случаѣ, какъ подлинныя, не прикрашенные представители стихійной правды, и г. Маминъ явился истиннымъ художникомъ, довѣрившись вполне чувствамъ читателей и воздерживаясь отъ выказыванія собственныхъ.

И. А. Саловъ. Грезы. Повѣсть. Изд. И. А. Куманина. Москва. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. Существуетъ особый сортъ людей, о которыхъ принято выражаться, что они родились «въ сорочкѣ». Если посмотрѣть на нихъ со стороны повнимательнѣе,—ничего особеннаго въ нихъ не замѣчается. Люди, какъ люди, носъ, глаза, ротъ и все прочее—на своемъ мѣстѣ, а между тѣмъ, свой жизненный путь они проходятъ съ какою-то, имъ однимъ свойственною, легкостью. Гдѣ другимъ выпадаютъ на долю лишь тернія,—имъ достаются если и не лавры, то во всякомъ случаѣ многообразныя цвѣты удовольствія. Доискиваться причинъ сопровождающихъ ихъ удачу, это—напрасный трудъ. Просто—родился человѣкъ «въ сорочкѣ», и только. Есть такіе счастливыя и среди писателей, и къ ихъ числу принадлежитъ г. Саловъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ выступилъ онъ съ первыми своими рассказами, въ числѣ которыхъ «Ольшанскій молодой баринъ» былъ единственно выдающимся, и какъ-то сразу попалъ въ разрядъ «нашихъ талантливыхъ беллетристовъ». Съ тѣхъ поръ погибло много, повидимому, прочно установившихся репутацій, но г. Саловъ, какъ стоялъ, такъ и стоитъ на занятой имъ, легко и безъ бою, позиціи. Журналы его охотно печатаютъ, критика благосклонно одобряетъ, читатели почитываютъ, а г. Куманинъ, регулярно изъ года въ годъ, выпускаетъ отдѣльнымъ изданіемъ. Мало того: г. Саловъ съ 1889 г. состоитъ земскимъ начальникомъ Балашевскаго уѣзда, Саратовской губерніи, что не только не препятствуетъ ему быть литераторомъ, но даже какъ бы окрыляетъ его перо. По крайней мѣрѣ, за послѣднія пять лѣтъ онъ проявилъ особую плодовитость, выпуская иногда по два тома своихъ произведеній въ годъ. И несомнѣнно, что на поприщѣ земскаго начальника онъ столь же преуспѣваетъ, какъ и въ литературѣ,—ибо г. Саловъ родился «въ сорочкѣ».

Только этимъ счастливымъ обстоятельствомъ и можно объяс-

нить его успѣхи, такъ какъ въ его произведеніяхъ невозможно найти для этого давныхъ. Все имъ написанное отмѣчено одной общей печатью: мелко по замыслу, блѣдно по выполненію и, главное, неумно. Прочитавъ всѣ его многочисленные рассказы и повѣсти, вы не найдете въ нихъ, — за исключеніемъ «Ольшанскаго барина», — ни одной яркой черты, ни одного характера, типа или художественнаго образа. Прежде всего, у г. Салова вполне отсутствуетъ вымыселъ. Его рассказы напоминаютъ пѣсни первобытныхъ народовъ или нашихъ черемисовъ и киргизовъ, которые обыкновенно воспѣваютъ то, что въ данную минуту у нихъ передъ глазами: лѣсъ — такъ лѣсъ, заборъ — такъ заборъ, и вся пѣсня тутъ. Такъ и г. Саловъ. Онъ — своего рода статистикъ въ беллетристикѣ. Дальше констатированія факта онъ не идетъ. Съ добросовѣстностью статистика, онъ перечислитъ всѣ предметы, попавшіеся ему подъ перо, но не ищите у него ни психологическаго анализа, ни обобщеній, ни художественнаго настроенія, безъ котораго нѣтъ художественнаго образа. Но и какъ наблюдатель, г. Саловъ крайне поверхностный бытописатель. Въ «Грезахъ» онъ описываетъ съ мучительною подробностью судьбу юной дѣвицы, увлекавшейся театромъ, но, не смотря на присущій ей, по словамъ автора, талантъ, бросившей сцену и вышедшей потомъ прелюбополюща замужъ за друга дѣтства. Расписавъ дѣла и дни своей героини на двадцати листахъ, г. Саловъ ухитрился въ концѣ концовъ оставить своего читателя въ недоумѣніи, гдѣ же «грѣзы»? Героиня ходитъ, пьетъ, ѣстъ, въ антрактахъ попадаетъ въ объятія одного пошляка, затѣмъ другого ему подобнаго, счастливо отъ обоихъ увертывается и, наконецъ, попадаетъ въ объятія третьяго, но уже на законномъ основаніи, гдѣ и остается, къ великому утѣшенію читателя, которому всѣ эти неудачныя паденія наскучиваютъ до зѣботы. При нѣкоторой усидчивости, такихъ повѣстей можно настрапать сколько угодно — и г. Саловъ, на обложкѣ «Грѣзъ», обѣщаетъ «Дѣла житейскія». Какъ показываетъ заглавіе, это будетъ противовѣсъ «Грѣзамъ», и напередъ можно предсказать, что въ этихъ «дѣлахъ» найдется все, кромѣ жизни. Потому что г. Саловъ — не художникъ. За исключеніемъ этого недостатка, онъ во всемъ остальномъ — писатель «въ сорокъ родившійся».

В. Быстренинъ. Житейскія были. Очерки и рассказы. Москва. 1895 г. Ц. 1 р. Каждому, конечно, приходилось присутствовать на ученическихъ концертахъ или концертахъ начинающихъ посредственныхъ виртуозовъ. Общій характеръ такой музыки всегда одинъ и тотъ же: старательное, до мелочей гладкое, но безжизненное и скучное выполненіе. Играетъ ли концертантъ Листа, или Шопена, или Шумана, — для слушателей совершенно безразлично, такъ какъ въ исполненіи дебютанта каждый изъ этихъ великихъ мастеровъ теряетъ свою оригинальность и, взаменъ того, получаетъ совсѣмъ ему несвойственную сѣренькую, чистенькую и умильную физиономию. Сходное съ такимъ музыкантомъ впечатлѣніе производитъ г. Быстренинъ своими «Житейскими былями». Въ 14-ти рассказахъ, составляющихъ содержаніе его книги, затронуты различныя житейскія темы, написанныя старательно и умѣло, безъ лишняго

жара и пошлыхъ разсужденій, но не оригинально и не художественно. Описывая сѣренькую жизнь своихъ героевъ, авторъ не смогъ подняться надъ нею, и въ лучшихъ изъ этихъ разсказовъ— «Сухарь», «На мірскихъ хлѣбахъ» и «Вора поймали»—онъ далъ нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ фотографій. Остальные разсказы не даютъ даже и этого. Они обнаруживаютъ въ авторѣ извѣстную наблюдательность и умѣніе владѣть перомъ. Онъ ни разу не извращаетъ дѣйствительности, не идеализируетъ и не впадаетъ въ шаржъ, но не умѣетъ отдѣлать типичнаго отъ случайнаго, выдѣлать характерныя черты даннаго лица или положенія и на нихъ сосредоточить вниманіе читателя. Не будучи художникомъ, г. Быстренинъ не обладаетъ тайной—передать свое настроеніе читателю, который все время остается равнодушнымъ, несмотря на печальныя стороны жизни, преимущественно избираемыхъ авторомъ. Въ разсказѣ «Сухарь», напр., очевидно навѣяномъ извѣстной картиной Прянишникова, выведенъ пропойца, шутливомъ добывающій себѣ пропитаніе. Фигура «Сухаря» очерчена живо, но лишь съ вѣшной стороны, безъ психологической подкладки, вслѣдствіе чего его жалкая судьба не внушаетъ ни интереса, ни жалости. Чего не бываетъ на свѣтѣ, — вотъ общій выводъ, получающійся послѣ чтенія очерковъ г. Быстренина. Написанные хорошимъ языкомъ, они вполне умѣтны, напр., въ фельетонѣ газеты, но изданные отдѣльной книгой, они безслѣдно тонуть въ массѣ такихъ же очерковъ, ежедневно появляющихся на издательскомъ рынкѣ. Если это первый дебютъ г. Быстренина, то его нельзя назвать ни удачнымъ, ни неудачнымъ. Мало быть наблюдательнымъ и умѣть писать,—нужно еще быть оригинальнымъ и обладать той искрой божьей, которая самому обыденному явленію придаетъ интересъ новизны, освѣщая его съ новой стороны и вызывая въ душѣ читателя соотвѣтственныя настроенія.

Моя бібліотека. Вып. № 114—115. Лонгфелло. Стихотворенія въ переводахъ Д. Л. Михаловскаго, М. Л. Михайлова, Д. Н. Садовникова, Н. И. Костомарова, Д. Д. Минаева и П. И. Вейнберга. Подъ редакціей Д. Л. Михаловскаго. Спб. Изд. М. М. Ледерле. 1894 г. Ц. 40 к. Разбираемая небольшая, изящно изданная съ портретомъ поэта и краткимъ біографическимъ вступленіемъ самого издателя, книжка эта должна служить необходимымъ, доступнымъ по цѣнѣ, украшеніемъ каждой бібліотеки. Она представляетъ прекрасный выборъ, сдѣланный мастерской рукой почтеннаго высоко-художественнаго поэта-переводчика Д. Л. Михаловскаго, почти всего, наиболѣе интереснаго для насъ, изъ сочиненій знаменитѣйшаго и популярнѣйшаго американскаго поэта. Генрихъ Лонгфелло родился въ 1807 г. въ Портландѣ, въ штатѣ Мэнъ; былъ сначала адвокатомъ, три года путешествовалъ по Европѣ; съ 1834 по 1854 былъ профессоромъ новѣйшихъ языковъ и литературы въ Кембриджѣ при Гарвардской коллегіи, а потомъ совсѣмъ оставилъ ученую дѣятельность, поселившись близъ Бостона среди семьи и друзей. и отданнись исключительно литературѣ. Умеръ онъ 75 лѣтъ, въ 1882 г., въ Кембриджѣ, въ штатѣ Массачусетсѣ.

Лонгфелло—поэтъ необыкновенно задушевный и, такъ сказать, реальный по преимуществу, въ смыслѣ опредѣленности и жизненности, въ противоположность заоблачнымъ романтикамъ, празднымъ мечтателямъ и всякимъ декадентамъ и символистамъ, эгоистически носящимся съ своими вымученными страданіями и большими грезами. Это поэтъ земли, любящій ее съ ея дивной природой и человѣчествомъ, котораго горе и страданіе, униженіе и рабство вызываютъ въ немъ глубоко прочувствованныя строфы. Его знаменитыя, выдержавшія болѣе тридцати изданій, *Пьсни о невольничествѣ*, вмѣстѣ съ *Хижиной дяди Тома* г-жи Бичеръ-Стоу, не мало повліявъ въ свое время на освобожденіе негровъ, остаются и до сихъ поръ художественнымъ памятникомъ могучаго протеста противъ рабства. Посвященныя одному изъ крупнѣйшихъ борцовъ за идею освобожденія, Вильяму Чаннингу, онѣ имѣли особенный успѣхъ и у насъ въ эпоху передъ освобожденіемъ крестьянъ. Изъ нихъ въ книжкѣ выбраны восемь лучшихъ, изъ которыхъ отмѣтимъ особенно: *Сонъ негра*, *Негръ въ проклятомъ болотѣ*, *Благая часть, яже не отыметя* (чудный образъ христіанки-учительницы посвятившей себя всю просвѣщенію отверженнаго племени) и *«Предостереженіе»*, изъ котораго почему-то опущена третья строфа, гдѣ именно и заключается основной смыслъ пьесы, помѣщенной, однако, въ извѣстной книгѣ Гербея *«Англійскіе поэты»* цѣликомъ. Указывая на опасность для страны отъ дальнѣйшаго существованія дикаго, все болѣе и болѣе озлобляющаго негровъ, рабства, поэтъ говоритъ:

«Самсонъ поработенный, ослѣпленный
Есть и у насъ въ странѣ. Онъ силъ лишенъ,
И цѣпь на немъ. Но—горе! если онъ
Подниметь руки въ скорби наступленной
И пошатнетъ, кланя свой тяжкій плѣвъ,
Столпы и основанья нашихъ стѣвъ—
И безобразной грудой рухнуть своды
Надъ горделивой храминой свободы!»

Не менѣе знаменита, напоминающая финскую *Калевалу*, народная индійская поэма *Гайавата* (пророкъ, учитель) о сѣверо-американскомъ героѣ чудеснаго происхожденія, посланномъ съ неба, чтобы воздѣлать пустыни и научить людей мирнымъ искусствамъ. Двѣнадцать пѣсень ея, прекрасно переведенныя самимъ редакторомъ книжки Д. Л. Михаловскимъ, отличаются оригинальнымъ интересомъ, свѣжей простотой и прелестью народной поэзии и проникнуты горячей любовью къ человѣчеству.

Красивыя баллады *«Норманскій баронъ»* (освобожденіе умирающимъ подѣ Рождество барономъ своихъ вассаловъ) и *Вальтеръ фонъ Фогельвейде* (монахи отнимаютъ въ свою пользу птичій кормъ, разсыпавъ на могилѣ пѣвца)—исчерпываютъ эпическое содержаніе книжки, въ которой, къ сожалѣнію, нѣтъ другой юмористической монашеской баллады *Кастель-Маджюрскій монахъ* (см. *Англ. поэты* Гербея, пер. П. И. Вейнберга, стр. 390) и хотя бы отрывковъ изъ большой поэмы *Евangelина* (см. Гербель, стр. 394). Кромѣ *Пьсенъ о невольничествѣ* и эпоса, въ книжкѣ очень удачно выбрано двадцать два стихотворенія разнаго содержанія, но

тѣсно связанныя общимъ духомъ реальной поэзіи глашатая правды и призыва къ твердости духа, борьбѣ за истину и человѣчество и къ любви ко всему, что слабо и бѣдно. Посвящая свою книжку стиховъ (*Посвященіе*) любящимъ друзьямъ, Лонгфелло очень опредѣленно высказываетъ въ своихъ *Пѣсняхъ* задачу своей поэзіи: «пѣвять, учить толпу могучими нагѣвами будить въ ней духъ для жизни новой и душу умилять». Онъ твердо вѣритъ, что пѣсня его будетъ жить въ сердцѣ друга (*Стрѣла и тѣсня*), вѣритъ въ силу поэзіи (*Водоросли*), и въ ней же находитъ утѣшеніе и покой, прося подѣ вечеръ почитать и спѣть ему пѣсню изъ негромкихъ поэтовъ, — «тѣхъ, чья пѣсня изъ сердца льется звукомъ теплыхъ, нѣжныхъ словъ, какъ на жаждущую землю дождь изъ лѣтнихъ облаковъ... Пѣсни ихъ имѣютъ силу пульсъ тревоги унимать, какъ усердная молитва въ душу сладкій миръ вливать» (*День прошелъ*). Поэты же успокоиваютъ и поддерживаютъ въ авторѣ бодрость духа, когда въ ненастную осень присаживается онъ къ камину съ любимыми своими книгами, изъ которыхъ «узнаетъ про чуждые края и въ этихъ чудныхъ строкахъ» обрѣтаетъ прозрѣніе мировой жизни (*У камина*).

Еще болѣе, чѣмъ поэзія, живить человѣка любовь, которой «всю силу познаемъ мы въ дни надеждъ и ликованій». Любовь подсказываетъ поэту одно изъ лучшихъ стихотвореній — *Маленькія ножки*, гдѣ онъ съ ужасомъ помышляетъ о томъ, сколько горя придется испытать беззаботнымъ дѣтямъ въ ихъ долгій и тернистый путь жизни; она же порождаетъ энергическій протестъ противъ ужасовъ войны съ ея кровавыми жертвами и призывъ къ миру (*Въ арсеналѣ*, пер. Д. Л. Михаловскаго). Любовь же даетъ и утѣшеніе въ скорбяхъ и утратахъ: «Нѣтъ стада, гдѣ бѣ все овцы были цѣлы, гдѣ бѣ хоть одинъ ягненокъ не пропахъ; нѣтъ очага, гдѣ бѣ стулъ осиротѣлый среди другихъ уныло не стоялъ». И вотъ тутъ-то, среди этихъ неизбѣжныхъ испытаній, необходимо «терпѣніе! Велики скорби наши, онѣ намъ грудь терзаютъ и гнетутъ; но благодать, подѣ видомъ горькой чаши, намъ небеса порою подають». Нашъ взоръ слабъ: — онъ «видитъ тамъ лишь факель погребальный, гдѣ свѣтитъ безсмертья дальній лучъ... Утѣшимся: нѣтъ смерти во вселенной, и въ могилѣ нѣтъ печали: — жизнь природы вѣчна, и не умеръ тотъ, надѣ кѣмъ мы такъ рыдали... Сердца муки облегчатся для насъ слезами...»

Но особенно отрадное впечатлѣніе въ наше пессимистическое, ноющее время, производитъ рядъ стихотвореній Лонгфелло, зовущихъ человѣка, ослабшаго и падающаго, къ бодрости, къ борьбѣ за истину до конца (*Excelsior*), къ смѣлому шествованію по терніямъ жизни, въ надеждѣ на лучшее будущее, которое дается только сильнымъ. Таковы *Звѣздный свѣтъ*, *Призраки*, *На разсвѣтѣ*, обращеніе къ ребенку — *Строитель замковъ* («никогда не теряй дѣтской вѣры»), и особенно чудное стихотвореніе, — напоминающее извѣстный гимнъ покойнаго А. Н. Плещеева, *Впередъ, безъ страха и сомнѣнья*, — *Ободреніе*, которое позволяемъ себѣ привести цѣликомъ въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго.

Не тверди въ тоскѣ сердечной:
 «Жизнь есть сонъ»,—да замолчить
 Этотъ ропотъ безконечный!
 Духъ тотъ мертвъ, который спитъ.
 Наша жизнь—не сновидѣнье,
 Хоть положенъ ей предѣлъ,—
 Не печаль, не наслажденье,
 Не могила нашъ удѣлъ.
 Не о духѣ Божье слово
 Раздалось въ былыхъ вѣкахъ:
 «Ты отъ праха вьять и снова
 Возвратишься ты во прахъ».
 Не тверди о градѣ тѣсномъ,
 О покорности судьбѣ,
 Будь не агнцемъ безсловеснымъ,
 А героемъ будь въ борьбѣ!
 И въ бездѣйствіи бесплодномъ
 О градушемъ не мечтай,
 Въ пеплѣ прошлаго холодномъ
 Силъ своихъ не зарывай:
 Нѣтъ въ томъ пеплѣ ледевающимъ
 Искры Божіей для нихъ;
 Бодро дѣйствуй въ настоящемъ,
 Будь живымъ среди живыхъ.
 Пусть твой трудъ слѣды оставитъ:
 Можетъ быть, имъ будетъ радъ
 И свой путь по нимъ направитъ
 Заблудившійся твой братъ;
 Можетъ быть, въ житейскомъ морѣ,
 Силу крѣпкую тая,
 Много бѣдъ, крушеній, горя
 Устранитъ рука твоя.
 Наша жизнь—не сонъ, а дѣло,
 Для себя, и для *другихъ*;
 Совершай же путь свой смѣло
 Въ честныхъ подвигахъ твоихъ!
 Честный трудъ—святое знамя!—
 Сохрани въ своей груди
 Живи духъ и вѣры пламя,
 И впередъ, впередъ иди!

КРИТИКА И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Автобіографія Гервинуса».—«H. Taine. Par Amédée de Margerie».

Автобіографія Гервинуса. Съ четырьмя портретами, переводъ
 Эд. Циммермана. Изданіе К. Солдатенкова. Москва. 1895. Ц. 1 р. 50 к.
 Имени и сочиненіямъ Гервинуса у насъ очень посчастливилось.
 Въ Россіи мало распространены его историческія сочиненія и
 книги, посвященныя нѣмецкой литературѣ, но зато обширная
 работа о Шекспирѣ знакома всякому, сколько нибудь интересую-
 щемуся великимъ англійскимъ поэтомъ. Отнюдь нельзя сказать,
 чтобы эта работа была безупречна во всѣхъ отношеніяхъ, и
 прежде всего, въ самомъ главномъ—въ толкованіи произведеній
 Шекспира. Даже заурядному читателю послѣ двухъ-трехъ статей
 бросается въ глаза совершенно опредѣленная тенденція ученаго
 толкователя—пользоваться Шекспиромъ, какъ, текстомъ для про-

повѣдей лично-нравственнаго и общественно-историческаго содержания. Изъ книги Гервинуса можно узнать объ основномъ недостаткѣ германскаго племени—склонности къ теоретической созерцательной дѣятельности и неспособности считаться съ запросами дѣйствительности. Таковъ именно Гамлетъ. Въ той же книгѣ читатель, относительно личной и семейной нравственности, можетъ прочитать любопытное объясненіе, почему погибли Ромео и Джульетта. Оказывается, это жертва за безумное увлеченіе любовной страсти и притомъ вопреки родительской волѣ... Подобныя толкованія менѣе всего, конечно, въ интересахъ самого поэта, но они очень характерны для самого толкователя, характеризуюя въ высшей степени энергическое чувство гражданина и человѣка.

Гервинусъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ особому типу ученыхъ, совершенно далекихъ отъ жреческаго служенія наукъ, какъ своего рода чистому искусству. Когда это направленіе переносится на критику литературныхъ произведеній и сосредоточивается на поискахъ непременно какой-нибудь нравственной тенденции въ томъ или другомъ произведеніи поэта, тогда критикъ и историкъ рискуетъ впасть въ пристрастіе и слишкомъ искусственный анализъ. Но когда тотъ же ученый стремится каждыймъ своимъ изслѣдованіемъ положить камень въ зданіе общественнаго и культурнаго самосознанія своего народа, и ученія изысканія дѣлать не ради только процесса работы, безъ всякаго отношенія къ ихъ общему смыслу и значенію,—тогда даже заблужденія такого историка дѣлныя и поучительныя, чѣмъ мертвая бумажная правда дѣлаго сонмища Вагнеровъ. Гервинусъ держался именно такого взгляда, и искреннее горячее національное чувство вызвало у него элегію по поводу любимаго шекспировскаго героя. Мы можемъ не признавать этой элегіи выраженіемъ дѣйствительнаго смысла шекспировской трагедіи, но насколько же намъ ближе и понятнѣе этотъ авторъ меланхолическихъ изліяній, чѣмъ самый основательный комментаторъ поэтическаго произведенія, съ спокойствіемъ анатома разсѣкающій его съ различныхъ точекъ зрѣнія—стилистической, художественной, исторической, теоретической, автобіографической и даже археологической—на счетъ списковъ и изданій! Это не значитъ, будто всѣ эти точки зрѣнія вообще излишни, но онѣ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, совершенно блѣднѣютъ предъ живымъ духомъ, провикающимъ трудъ идейно-мыслящей и глубоко чувствующей личности.

Автобіографія Гервинуса интересна, конечно, прежде всего по отношенію къ самому автору, но лучшая глава въ ней посвящена все-таки не личной жизни автора, а характеристикѣ другого также популярнаго у насъ нѣмецкаго историка—Фридриха Шлоссера. Его *Восемнадцатый вѣкъ*—съ самаго начала приобрѣлъ громадную популярность, былъ переведенъ даже во Франціи еще въ то время, когда франко-прусская война еще не успѣла раскрыть французамъ глаза на нѣмецкую литературу и науку.

А между тѣмъ, это сочиненіе крайне неблагоприятное для черевода и популярнаго чтенія. Врядъ ли кто изъ ученыхъ историковъ XIX-го вѣка писалъ до такой степени небрежно—относительно

внѣшней формы, быстро и часто прямо неуклюже. Понятіе изящнаго, просто правильнаго стиля для Шлоссера не существуетъ, и онъ даже вообще подозрительно смотрѣлъ на историковъ и мыслителей, владѣвшихъ слишкомъ красивымъ слогомъ. Ему казалось, что погоня за красотой формы убиваетъ серьезность, а главное, правдивость содержанія. И это дѣйствительно бываетъ нерѣдко, но Шлоссерь готовъ былъ возвести отдѣльные факты въ правило и въ своихъ работахъ впадалъ въ рѣшительную крайность. Этотъ недостатокъ весьма важенъ, особенно при тѣхъ воззрѣніяхъ на историческую науку, какія исповѣдывалъ Шлоссерь. Но именно въ этихъ воззрѣніяхъ и заключается тайна популярности историка, столь усердно загромождавшего себѣ путь своимъ безошаднымъ отношеніемъ къ внѣшней привлекательности историческихъ трудовъ. Гервинусъ—преданнѣйшій ученикъ Шлоссера, и страницы, посвященные знаменитому историку,—настоящій памятникъ его мысли и оригинальной личности.

Шлоссерь—сынъ народа и по происхожденію, и по своему нравственному міру, и по своимъ житейскимъ и общественнымъ симпатіямъ и вкусамъ. Судьба предназначила ему пройти весьма тяжелую школу. Онъ былъ младшій сынъ изъ двѣнадцати дѣтей, рано лишился отца, вынесъ въ высшей степени суровое дѣтство на рукахъ матери, пятнадцати лѣтъ, послѣ ея смерти,—оказался полнымъ господиномъ своего настоящаго и будущаго. При такихъ условіяхъ у крѣпкихъ натуръ неминуемо развивается самоувѣренность, стойкость и сильное чувство личнаго достоинства. Всѣмъ этимъ Шлоссерь обладалъ во всей полнотѣ, и прошелъ жизненный путь среди самыхъ разнообразныхъ условій—отъ крестьянской среды и домашняго учительства въ семьяхъ аристократовъ и простыхъ мѣщанъ до университетской кафедры—непреклонный и вѣрный себѣ въ личной жизни и ученой дѣятельности. Это была жизнь одинокаго труженика вплоть до пятидесяти лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ Шлоссерь женился на свѣтской дѣвушкѣ, которую любилъ, и быстро овладѣлъ новыми условіями, въ которыя его поставилъ бракъ, явился такимъ же энергичнымъ, самоувѣреннымъ, членомъ общества, посѣтителемъ гостиныхъ, участникомъ разныхъ *parties de plaisir*, какимъ равнѣе былъ кабинетнымъ авторомъ книгъ. Могучая, закаленная натура Шлоссера сказывалась во всемъ—въ личныхъ отношеніяхъ и въ ученыхъ трудахъ, и трудно оцѣнить, гдѣ сильнѣе сказывалось его вліяніе—среди публики или среди близкихъ учениковъ.

Шлоссерь засталъ нѣмецкую историческую науку въ далеко не блестящемъ положеніи, даже относительно родной исторіи. Ему приходилось самому работать по источникамъ для каждаго курса своихъ лекцій. Это была упорная работа истаго кабинетнаго ученаго,—работа, вызывавшая на свѣтъ новые факты, изслѣдовавшая нетронутые никѣмъ документы. И вотъ при такомъ положеніи вещей, вѣчно окруженный фоліантами и архивной пылью, Шлоссерь умѣлъ спасти и развить въ высшей степени живую душу человека своего времени, страстно живущую горемъ и радостями своей родины.

Гервинусъ преимущественно и останавливается на этой чертѣ.

личности Шлоссера и выше всего цѣнить ее: именно ей авторъ обязанъ благодѣтельнѣйшимъ вліяніемъ, какое на него произвелъ Шлоссерь, какъ человекъ и какъ профессоръ.

Въ эпоху Шлоссера въ германской исторической наукѣ возникло два теченія, господствующія надъ многими—не только нѣмецкими учеными—до послѣднихъ дней. Оба теченія по существу однородны, оба далеки отъ самаго духа исторіи, какъ общественной науки, оба стремятся изъ исторіи сдѣлать своего рода лабораторію схоластики, чисто-художественныхъ архивныхъ изысканій. Шлоссерь возмущался претензіями филологовъ, преклоняющихся предъ сомнительными отрывочными данными археологіи, надписей и приносящихъ въ жертву этому гробокопательскому труду—этой *критической микрологи*, по выраженію Гервинуса,—ясную, чистую исторію. Такъ же презрительно Шлоссерь относился и къ фанатическимъ поискамъ за новыми документами, за новыми фактами, хотя бы они «сами по себѣ и не имѣли важнаго значенія». Какъ бы обыкновеннымъ смертнымъ ни казалось это страннымъ, но на самомъ дѣлѣ существуетъ цѣлая раса ученыхъ историковъ, нагромождающихъ матеріалы безъ всякой опредѣленной цѣли, единственно потому, что эти матеріалы уцѣлѣли въ архивахъ,—историковъ, собирающихъ всевозможные документы только потому, что они связаны съ извѣстными историческими именами, особенно съ дѣятельностью дипломатовъ, официальныхъ агентовъ. Шлоссерь указывалъ, сколько опасностей предстоитъ именно этимъ изслѣдователямъ, воображающимъ себя непогрѣшимыми служителями чистой науки. Во-первыхъ, усердный изыскатель всегда можетъ придать особенное значеніе какому угодно документу именно потому, что онъ самъ отыскалъ его. Потомъ, эти документы—въ особенности официальные и дипломатическія бумаги, по мнѣнію Шлоссера, представляютъ источникъ безчисленныхъ недоразумѣній. Эти оумаги часто предназначаются прямо для искаженія истины, отражаютъ узкіе взгляды замкнутой среды,—людей, исполняющихъ лишь волю своихъ господъ или предающихся коварнымъ проискамъ. Исторія на основаніи подобныхъ документовъ рискуетъ превратиться въ сплетню. Такъ думалъ Шлоссерь и пользовался въ своихъ трудахъ совершенно другимъ методомъ. Онъ не углублялся въ архивныя бумажныя дебри, а старался на основаніи подвиговъ и фактовъ, т. е. жизни самой по себѣ, уяснить натуру и духъ личностей, народовъ и эпохъ.

Для этого историкъ съ особеннымъ вниманіемъ освѣщалъ идеальныя побужденія въ исторіи, и эта цѣль естественнымъ путемъ приводила Шлоссера къ тщательной оцѣнкѣ литературныхъ явленій. «Неотъемлемая заслуга Шлоссера,—говоритъ его ученикъ,—состоитъ въ томъ, что онъ первый воспользовался литературой для озаренія духа политической исторіи. Благодаря этому, онъ не только плодотворно расширилъ методъ исторіографіи, но сдѣлался настоящимъ народнымъ историкомъ въ лучшемъ смыслѣ слова, не вслѣдствіе популярной формы изложенія, но вслѣдствіе своего отношенія къ идеальной сторонѣ исторіи, къ духовнымъ стремленіямъ народа».

На этомъ пути Шлоссеръ часто приводилъ въ отчаяніе современныхъ архивныхъ *black-doge* своимъ пренебреженіемъ къ вспомогательнымъ наукамъ исторіи—генеалогіи, хронологіи, географіи. По его мнѣнію, только «дѣти и новички считаютъ главнымъ дѣломъ въ исторіи»—вопросы и указанія этихъ наукъ. Въ результатѣ,—«дѣти и новички» озлобленно мстили Шлоссеру за всякій промахъ въ его книгахъ,—хронологическій или географическій. Но часто Шлоссеръ даже предупреждалъ своихъ критиковъ, откровенно указывая на собственныя ошибки по «дѣтскимъ» вопросамъ. Можно, конечно, знаменитаго историка упрекнуть въ известной крайности, но основа его возрѣній была ввухена истинно культурнымъ и нравственнымъ смысломъ настоящей зрѣлой исторической науки и главное—заботой принести посильную пользу въ разрѣшеніи мучительныхъ вопросовъ народной и государственной жизни.

Идея, одушевлявшая Шлоссера въ многочисленныхъ научныхъ предпріятіяхъ, весьма проста: «сообщить историографіи практическое отношеніе къ современнымъ условіямъ, избирать предметы для изслѣдованія согласно съ требованіемъ минуты и обработывать ихъ съ той точки зрѣнія, какая обуславливается этимъ требованіемъ». Для Шлоссера эта идея отнюдь не была теоріей, а созданіемъ всей его мужественной демократической патуры,—честной, жившей стремленіями къ общему благу, дышавшей одною жизнью съ эпохой и человѣчествомъ. Шлоссеръ поэтому легко создалъ цѣлую школу историковъ, поставившихъ себя цѣлью дѣйствительно служить отечеству и народу своими историческими знаніями. И Гервинусъ одинъ изъ первыхъ представителей этой школы, и здѣсь заключается объясненіе всѣхъ его нравственно-поучительныхъ и публицистическихъ разсужденій въ необыкновенно ученомъ сочиненіи о Шекспирѣ.

У Шлоссера вся жизнь была подтвержденіемъ принципа, и популярнѣйшая его работа—*Восемнадцатый вѣкъ*—ознаменовала самый блестящій періодъ его научно-просвѣтительной дѣятельности. Книга появилась въ самый расцвѣтъ системы Меттерниха, въ эпоху крайне тяжелаго настроенія европейскаго общества подъ вліяніемъ только-что пережитыхъ идеальныхъ разочарованій и политическихъ переворотовъ. Книга Шлоссера имѣла въ виду напомнить недалекое прошлое, представить въ яркихъ, сильныхъ образахъ исторію французской мысли... Цѣль была достигнута съ такимъ успѣхомъ, какъ Шлоссеръ и не ожидалъ. Въ короткій срокъ сочиненіе выдержало четыре изданія и было встрѣчено полнымъ сочувствіемъ даже во Франціи, гдѣ еще исторія не говорила въ такомъ тонѣ о минувшей эпохѣ. А между тѣмъ, французамъ было особенно трудно освоиться съ манерой нѣмецкаго историка, независимо отъ неуклюжести его стиля. Шлоссеръ поражаетъ своихъ читателей рѣзкостью приговоровъ, необыкновенно суровыми взглядами на историческія событія и личности. Его столь же часто обвиняли, продолжаютъ обвинять въ нравственной нетерпимости, какъ и въ недостаткѣ литературныхъ способностей. Но эта черта легко объясняется самой личностью историка и особенно его отношеніемъ къ прошлому человѣчества. Шлоссеръ, какъ натура цѣльная, всѣмъ обязанная

собственнымъ усиліямъ, побѣдоносно вышедшая изъ тяжелой житейской борьбы, неизмѣнно должна была вынести изъ этой борьбы извѣстный ригоризмъ, предъявлять и другимъ требованія такой же нравственной высоты, какимъ удовлетворила она сама. Шлоссеръ глубоко возмущался учеными, которые отдѣляютъ свою личную жизнь отъ науки, удовлетворяются вѣшнимъ выполненіемъ казенныхъ обязанностей и на занятія наукой смотрятъ съ узко-практической точки зрѣнія. Для Шлоссера человѣкъ и ученый—одно цѣлое, историческій трудъ—моментъ личнаго бытія, принципы, управляющіе личной жизнью ученаго и его научнымъ изслѣдованіемъ—тождественны.

Въ этой цѣльности коренилась неотразимая нравственная власть, которую испытывали близкіе ученики Шлоссера. Гервинусъ подробно описываетъ душевный переворотъ, совершившійся съ нимъ въ гейдельбергскомъ университетѣ подъ вліяніемъ лекцій Шлоссера. Изъ родной семьи Гервинусъ вышелъ романтикомъ, мечтателемъ, поклонникомъ того «отвлеченнаго героизма», который такъ увлекателенъ въ произведеніяхъ Шиллера и которому поклонялась молодежь не въ одной Германіи. Извѣстно, что и Вѣлинскій и его сверстники должны были пройти эту полосу нравственнаго развитія. Для Гервинуса увлеченіе Шиллеромъ и выпреними героическими планами было, конечно, еще естественнѣе, какъ для современника наполеоновской эпопеи и національнаго движенія своей родины. Въ Гейдельбергѣ будущій историкъ созналъ всю бесплодность романтическихъ мечтаній, отрывающихъ юныя силы отъ насущной работы надъ дѣйствительностью ради миражей и несбыточныхъ грѣзъ. Это сознаніе стоило великихъ душевныхъ страданій начинающему ученому, и на помощь пришелъ здравый, сильный умъ Шлоссера, его ясная, вся пропитанная реальными общественными инстинктами наука, его суровая, но глубоко сердечная и искренняя личность. Гервинусъ никогда не могъ забыть всего, что сдѣлало для него преподаваніе и общество Шлоссера, и слова, которыми онъ заканчиваетъ свою характеристику профессора, приносятъ одинаково высокую честь и учителю, и ученику: «Если кто-нибудь повліялъ на человѣка такъ, какъ Шлоссеръ на меня, то, я увѣренъ, этого одного было бы уже достаточно, чтобы возвысить значеніе человѣческой жизни».

H. Taine. *Par Amédée de Margerie*. Paris. 1894. Тѣмъ, несомнѣнно, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ именъ современной ученой и литературной Франціи,—и соотечественники отдають должное этому имени. Недавняя кончина историка вызвала многочисленныя біографическіе и критическіе очерки, посвященные его многосторонней дѣятельности. Общій тонъ этихъ очерковъ, какъ вообще всѣхъ некрологовъ, въ высшей степени благодушный и даже хвалебный. Но кое-гдѣ слышались и диссонансы, не замолкають они и до сихъ поръ. Едва ли не самый громкій и авторитетный изъ этихъ диссонансовъ принадлежитъ профессору литературы и философіи — Амедею Маржери. Его книга вышла уже вторымъ изданіемъ, хотя по содержанію и тону менѣе всего разсчитана на «большую публику». Содержаніе заключается въ критической

опѣнокъ философскихъ, историко-литературныхъ и историческихъ трудовъ Тэна, біографическихъ свѣдѣній почти нѣтъ, зато очень много цитатъ изъ сочиненій Тэна и цитаты сопровождаются весьма дѣльными, но нѣсколько тяжеловѣсно выраженными замѣчаніями. Эти недостатки, какъ видимъ, не помѣшали популярности книги, и популярность эта вполне заслуженная.

Сочиненія Тэна весьма распространены среди русской публики, особенно три его работы — *Лекціи объ искусствѣ*, *Исторія англійской литературы* и *Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи*. Каждый, читавшій эти сочиненія, составилъ непременно очень лестное представленіе объ учености, литературномъ талантѣ, остроуміи и даже художественныхъ способностяхъ автора. Въ русской печати, вообще, немного говорилось до сихъ поръ о французскомъ философѣ и историкѣ, и эти разговоры чаще всего состояли изъ простаго изложенія мыслей Тэна и сопровождались кое-какими замѣчаніями хвалебнаго и чрезвычайно почтительнаго характера. Русская публика такъ и оставалась при убѣжденіи, что въ лицѣ Тэна предъ ней — новый «властитель думъ», по крайней мѣрѣ не меньшей силы, чѣмъ въ былое время Дарвинъ и Бокль. Такое настроеніе дѣйствительно и вполне господствовало одно время. Оно постепенно стало ослабѣвать, и въ наши дни Тэнъ уже не вербуетъ у насъ новыхъ вассаловъ. Въ этомъ фактѣ менѣе всего повинна русская историческая и литературная критика. Сами французы дали тонъ другому отношенію къ своей знаменитости.

Три года тому назадъ, въ русскомъ переводѣ появилось небольшое сочиненіе Эмиля Геннекэна — *Эстетическая психологія*, т.-е. опытъ новой критической школы. Въ нашемъ журналѣ говорилось объ этой книгѣ, и читатели помнятъ, что главное оружіе Геннекэна направлено противъ Тэна, какъ историка литературы и критика искусства. Молодой противникъ, къ сожалѣнію, рано умершій, оказался очень опаснымъ протестантомъ и, подрывая пресловутую теорію о трехъ моментахъ или силахъ, наносилъ косячно весьма чувствительные удары также Тэну-психологу и, конечно, касался и Тэна-историка, потому что писатель, столь поверхностно опѣнивавшій источники и основы художественнаго творчества, не могъ удовлетворительно понимать развитія и сущности таланта въ какой угодно другой области.

Геннекэну очень посчастливилось. Не смотря на очень кратковременную дѣятельность, онъ завоевалъ себѣ право считаться основателемъ новыхъ критическихъ воззрѣній. Положительная сторона этихъ воззрѣній — стремленіе сосредоточить анализъ исключительно на произведеніи и личности художника — не выдерживаетъ строгой критики, но отрицательная — опроверженіе тэновскихъ теорій — въ высшей степени важна и прямо драгоцѣнна въ виду многочисленныхъ и мало сознательныхъ поклонниковъ прославленнаго автора.

Геннекэнъ не остается однимъ въ полѣ воинствъ. Недавно появилась книга малоизвѣстнаго у насъ писателя Моно (Monod) со статьей о Тэнѣ. Это — искренній поклонникъ Тэна, но въ то же

время онъ совершенно не похожъ на русскихъ вѣрнопопдавшихъ вассаловъ французскаго историка. Онъ позволяетъ себѣ замѣчанія, весьма опасныя для Тэна, обвиняетъ его ни болѣе, ни менѣе, какъ въ постоянной тенденціи—*кальчить дѣйствительность*—*titiler la réalité*—ради предвзятой георіи, заранѣе поставленнаго положенія. Это въ сущности тоже самое, что говорилъ Геннеканъ, но Моно распространилъ тяжкое обвиненіе на *всѣ* произведенія Тэна. Вотъ его собственныя слова.

«Все сводится для Тэна къ задачѣ по динамикѣ: внѣшній міръ, человѣческая личность, произведеніе искусства, историческое событіе, каждая изъ этихъ задачъ выражается въ наиболѣе простыхъ опредѣленіяхъ. Рискаю даже искалѣчить дѣйствительность, Тэнь преслѣдуетъ разрѣшеніе своихъ задачъ съ непоколебимой строгостью математика, доказывающаго теорему,—логика, составляющаго силлогизмъ. Если онъ имѣетъ дѣло съ писателемъ или артистомъ, онъ *вводитъ* то, чѣмъ этотъ писатель или артистъ долженъ быть подъ вліяніемъ расы, среды, эпохи (момента); потомъ, когда онъ, г.-е. Тэнь, уловилъ господствующую наклонность его натуры. — онъ *выводитъ* изъ этой наклонности всѣ поступки и всѣ художественныя произведенія даннаго лица».

Послѣ такого заявленія трудно представить, что именно у Тэна заслуживаетъ преклоненія, и невольно поднимается другой, несравненно болѣе серьезный вопросъ, какъ въ историческихъ и историко-литературныхъ сочиненіяхъ отличить фактическую дѣйствительность отъ дѣйствительности, искалѣченной историкомъ во имя теорема?

Маржери отнюдь не враждебно настроенъ противъ Тэна. Католическая точка зрѣнія профессора сказывается только въ вопросахъ высшаго теоретическаго содержанія и притомъ сказывается безъ всякаго фанатизма. Это скорѣе точка зрѣнія идеальна-настроеннаго дуалиста, чѣмъ писателя, принадлежащаго къ опредѣленному религиозному вѣроисповѣданію. Маржери обыкновенно возстаетъ противъ матеріалистическихъ воззрѣній Тэна, противъ *исключительнаго значенія* внѣшней дѣйствительности и вообще «земли», которое признано Тэномъ за аксіому. А для подобныхъ возраженій не требуется быть непременно католикомъ. Во всѣхъ другихъ вопросахъ Маржери только весьма свѣдущій, тонкій и провидательный критикъ. Мы и обратимъ вниманіе именно на тѣ замѣчанія автора, гдѣ сказались эти неоспоримо положительныя качества его работы.

Маржери подробно разбираетъ всѣ главныя произведенія Тэна. Первая часть книги посвящена разбору философіи Тэна. Для русскихъ читателей она не имѣетъ существеннаго значенія: Тэнь-философъ менѣе всего популяренъ у насъ, онъ совершенно блѣднѣетъ предъ славой Тэна-литературнаго критика и политическаго историка. Маржери вторую часть озаглавливаетъ: *Littérature et art*, третью—*Histoire*. Совершенно естественно дѣло начинается характеристикой тэновскаго стиля. Этотъ стиль едва ли не самый роскошный пѣвѣтокъ въ вѣнкѣ историка; по крайней мѣрѣ, ни одинъ почитатель Тэна не обходится безъ многочисленныхъ указаній на художественность тэновскихъ описаній и разсказовъ. Мар-

жери не отрицаетъ художественности, но онъ отмѣчаетъ нѣкоторыя черты, конечно, ускользнувшія отъ вниманія загнипнотизированныхъ поклонниковъ Тэна. Во-первыхъ, въ описаніяхъ Тэна вы никогда не чувствуете *цѣлой картины*, васъ поражаетъ головокружительная вереница блестящихъ *подробностей*, мелкихъ отдѣльныхъ предметовъ, признаковъ, штриховъ, но всей живой картины нѣтъ, какъ она есть, на примѣръ—прибавляетъ авторъ—въ описаніяхъ Жоржъ Зонда. Это замѣчаніе, между прочимъ, свидѣтельствуемъ о широтѣ взгляда и полной терпимости автора, очевидно, имѣющаго въ виду только *предметъ* своей критики, а не попутныя обстоятельства и посторонніе выводы.

Дальше, у Тэна нѣтъ теплоты, нѣтъ пламени, которое бы сообщалось читателю. Онъ никогда не увлекается тѣмъ, о чемъ говоритъ. Для него увлеченіе—только предметъ для микроскопическаго изслѣдованія, умственнаго анализа, все равно, какъ сахаръ, на примѣръ—предметъ химическаго анализа. Въ произведеніяхъ Тэна вы не найдете отзывчивой души, трепетнаго сердца: одинъ лишь холодный умъ математика и логика, точнѣе силлогизатора, т. е. составителя теоремъ и формально доказываемыхъ положеній. Наконецъ, Тэнъ совершенно лишенъ идеальныхъ настроеній. Онъ не выходитъ за предѣлы дѣйствительности—все равно, настоящей или искалѣченной, ему чужды возвышенные идейные порывы, превращающіе писателя въ учителя съ неотразимымъ нравственнымъ вліяніемъ на читателей и учениковъ.

Маржери переходитъ къ разбору литературной теоріи Тэна, и съ первыхъ же страницъ приходитъ къ тому же выводу, какой мы видѣли у Моно: для Тэна самыя сложныя задачи духовнаго міра сводятся къ механическимъ построеніямъ, результатъ опредѣленъ заранѣе,—данныя подгоняются къ этому результату, жизнь насильно вдвигается въ деспотическія доктринерскія рамки. Маржери прежде всего доказываетъ, что Тэнъ отнюдь не первый изобрѣтатель пресловутой теоріи о вліяніи расы, среды, эпохи или, какъ онъ выражается, момента. Вся оригинальность Тэна заключается въ осуществленіи извѣстнаго принципа, часто характеризующаго вошюція челоѳеческія нелѣпости: онъ—только *plus royaliste que le roi même*, т. е. онъ систематизировалъ и довелъ до послѣдней крайности чужія идеи, совершенно поработилъ личность вѣтшимъ физическимъ силамъ. Критику ничего не стоить отыскать множество натяжекъ, софистическихъ уловокъ въ характеристикахъ, которыя Тэнъ даетъ различнымъ писателямъ для оправданія своихъ положеній. Подобные примѣры были приведены еще Геннеканомъ. Маржери направляетъ свои удары преимущественно на другую *idée fixe* Тэна, на теорію *преобладающей способности*—*faculté maîtresse*. По мнѣнію Тэна художественная дѣятельность какого угодно писателя коренится въ какомъ нибудь одномъ свойствѣ его натуры, созданномъ извѣстными намъ тремя силами. На примѣръ, цѣлая книга о Титѣ Ливіи построена на доказательствѣ, что римскій историкъ былъ по природѣ—*ораторъ*, и этой *faculté maîtresse* объясняются всѣ достоинства и недостатки его труда.

Маржери шагъ за шагомъ разбираетъ это положеніе, основываясь, большею частью, на собственныхъ же данныхъ Тэна. Прежде всего курьёзны основанія, почему Ливій долженъ былъ оказаться ораторомъ. Онъ родился въ Падуѣ—городѣ, имѣвшемъ самоуправленіе; ему было 14 лѣтъ, когда Цицеронъ произнесъ свои знаменитыя филиппики; вѣроятно, онъ обучался у риторы, а потомъ у него зять былъ риторъ...

Такъ пишется исторія... Дальше указывается, что Ливій весьма равнодушенъ къ ученымъ изысканіямъ: по соображеніямъ Тэна, это, будто бы, неотъемлемое свойство оратора. Такой цѣны и другіе доводы историка: Маржери въ заключеніе имѣетъ полное право положеніе Тэна признать менѣе всего научнымъ, а простою *idée fixe*, вызывающей автора на самыя откровенныя подтасовки и усиленныя діалектическія хитрости.

Еще подробнѣе Маржери разбираетъ книги Тэна о Лафонтэнѣ, объ античной литературѣ. Особенно интересны страницы, посвященныя Шекспиру. Тэнъ и этого поэта не преминулъ приурочить къ своей схоластической машинѣ, открывъ у него *преобладающую способность*—воображеніе, и вообразилъ, что разоблачилъ всѣ тайны творчества величайшаго драматурга и психолога.

Стоитъ обратиться къ фактамъ, чтобы все хитросплетеніе историка разсѣялось прахомъ. Добролюбовъ, доказывая, что въ открытіи новыхъ истинъ художественная литература обыкновенно отстаетъ отъ науки, дѣлалъ исключеніе для Шекспира. Именно онъ, по мнѣнію нашего критика, предупредилъ глубочайшія истины психологіи, въ познаніи человѣческой природы ушелъ неизмѣримо дальше своей эпохи, хотя эта эпоха и считала своимъ сномъ Бэкона.

Если вѣрить Тэну, оказывается, всѣхъ этихъ результатовъ Шекспиръ достигъ при помощи необыкновенно горячаго воображенія, граничившаго съ безуміемъ. Маржери однимъ ударомъ уничтожаетъ тэновскій вымыселъ. *Воображеніе*, говоритъ онъ, въ изобиліи дало въ распоряженіе поэту *образы* (*L'imagination fournit les images en surabondance*). И это не игра словъ, а психологическій законъ. Напротивъ, будетъ «психологическая бессмыслица», будто та же самая сила привела *образы* въ такой художественный порядокъ, исполненный красоты и разума, какой мы видимъ въ созданіяхъ Шекспира. Поэтъ, очевидно, долженъ былъ *выбирать* только извѣстные образы изъ великаго множества, названнаго воображеніемъ, а для этого требовалось нѣчто другое помимо воображенія, способность, прямо противоположная,—сознательный критическій анализъ. Маржери совершенно основательно не вѣритъ, чтобы путемъ одного воображенія можно было создать такія психологическія драмы, каковы *Гамлетъ* и *Макбетъ*. И еще невѣроятнѣе, прибавимъ мы, чтобы тотъ же Шекспиръ подъ вліяніемъ одного лишь воображенія рѣшался по нѣскольку разъ передѣлывать *Гамлета*, радикально измѣняя его характеръ въ позднѣйшихъ редакціяхъ, усиливая умственную дѣятельность на счетъ практической, анализъ на счетъ энергіи.

Можно представить, въ какомъ видѣ являются характеристики

англійскихъ поэтовъ и ихъ произведеній сквозь такіе очки! И Маржери все время еще остается только на почвѣ психологіи, не касаясь фактическихъ увѣчій, наносимыхъ Тэномъ біографіямъ, личностямъ и эпохамъ англійской литературной исторіи. Только относительно рыцарства Маржери вступаетъ съ Тэномъ въ споръ: подобную полемику онъ могъ бы вести по поводу почти каждаго столѣтія. Жизнь весьма рѣдко, вѣрнѣе, никогда не подчиняется одностороннимъ теоріямъ, построеннымъ въ тиши узкаго кабинета по математическому методу. Явленія никогда не были и не будутъ знаками алгебраической формулы. А Тэнъ именно этого свойства ищетъ въ явленіяхъ самой богатой, жизненной и органически могучей литературы. Онъ и выбралъ именно англійскую литературу за тѣмъ, что къ ней—такъ казалось ему—легче всего примѣнить свои теоретическіе принципы.

Слабѣе, сравнительно, критика Маржери, направленная противъ историческихъ работъ Тэна. Авторъ прежде всего не придаетъ должнаго значенія идеѣ, побудившей Тэна написать исторію старой революціонной и новой Франціи. Именно эту идею слѣдуетъ выдвинуть на первый планъ: она—въ формальномъ мышленіи Тэна играетъ первенствующую роль. Историческую работу Тэнъ предпринялъ съ опредѣленной цѣлью открыть французамъ глаза на ихъ идеалистическія заблужденія относительно недавняго прошлаго, прежде всего относительно революціи и ея героевъ. Задача Тэна—состояла въ томъ, чтобы въ возможно отгакивающемъ, грубо-матеріальномъ видѣ представить революціонное движеніе, развѣичать его героевъ и приурочить его исключительно къ темпераменту, инстинктамъ, совершенно удаливъ со сцены такъ называемыя просвѣтительныя идеи и вообще элементъ разума и сознанія. И при такой рѣшительной окраскѣ цѣлой эпохи въ одинъ цвѣтъ, отъ суда историка не спасаются не только люди, но и принципы, особенно, конечно, демократическій принципъ.

Развѣичавъ дѣятелей революціи, Тэнъ всю силу своего литературно-ораторскаго таланта сосредоточиваетъ на Наполеонѣ. Въ свое время тэновской характеристикой Бонапарта возмущались бонапартисты,—преимущественно за то, что историкъ преобладающей чертой въ характерѣ цезаря признавалъ *эгоизмъ*. Но бонапартистскія чувства оказались не въ мѣру деликатными и не по разуму ретивыми. Они помѣшали поклонникамъ Наполеона рассмотреть, что въ сущности Тэнъ своимъ трактатомъ возвелъ настоящий пьедесталъ для единственнаго великаго человѣка революціи. Не понимаетъ этого и Маржери. Въ дѣйствительности Тэнъ—одинъ изъ творцовъ наполеоновской легенды. Въ русской журналистикѣ это было указано въ самое недавнее время—въ статьѣ г. Слонимскаго въ апрѣльской книгѣ *Вѣстника Европы—Наполеонъ и Кромвель*. И указать было крайне нетрудно: стоило только вчитаться въ диаграммъ, который Тэнъ пишетъ умственнымъ способностямъ Наполеона, его волѣ и особенно его власти—не матеріальной, а нравственной—надъ людьми, надъ всѣми, кто приближался къ нему. Историкъ доставляетъ видимое наслажденіе возвышать героя имперіи надъ выскочками предъидущей эпохи, и онъ

*

имѣлъ полное право сѣтовать, какъ на незаслуженную обиду, когда именитые бонапартисты закрыли ему доступъ въ ихъ салоны. Именно въ этихъ салонахъ Тэну принадлежало почетное мѣсто.

Таковы общіе мотивы политической исторіи Тэна. Они особенно любопытны тѣмъ, что обличаютъ явную тенденціозность автора, и на этотъ разъ не теоретическую только. Тэнь кладетъ въ основу исторіи революціи совершенно опредѣленный символъ, придающій его работѣ характеръ памфлета тамъ, гдѣ авторъ касается дѣятелей и смысла цѣлой эпохи.

У Маржери нѣсколько въ высшей степени любопытныхъ страницъ посвящено характеристикѣ общаго философскаго міросозерцанія Тэна. Это міросозерцаніе, какъ и слѣдовало ожидать, крайне безотрадное. Историкъ, привязывающій человѣка безусловно къ землѣ, къ внѣшнимъ матеріальнымъ силамъ, ищущій въ исторіи разгула грубыхъ инстинктовъ и эгоистическихъ страстей, долженъ представлять себѣ многовѣковую жизнь человѣчества въ очень мрачной картинѣ—одинаково и въ прошломъ, и въ будущемъ.

Ему человѣкъ представляется «бѣднымъ крупнымъ существомъ», которое тѣснить со всѣхъ сторонъ стихійныя силы, и если ему выпадаетъ на долю хотя бы минута радости—это «счастливая случайность». Прогресса не существуетъ, въ смыслѣ могучаго развитія разума и поднятія человѣческой природы. Человѣкъ по прежнему остается хищнымъ животнымъ и готовъ при первомъ случаѣ растерзать своего ближняго за матеріальныя блага. Высшая мудрость—стать подалеже отъ арены дикой людской борьбы и отдаться созерцанію...

Уже по этимъ выводамъ можно судить о достоинствѣ тэновской мысли и исторіи. И то, и другое—типичныя дѣтища нашего вѣка. Это легко понять, но не легко оцѣнить нравственный и теоретическій смыслъ основъ, на которыхъ вырастаетъ подобная литературная дѣятельность и такая нравственная философія. Книга Маржери въ этомъ отношеніи весьма цѣнное явленіе, особенно для насъ, весьма часто почти безсознательно отдающихъ себя во власть перваго прославленнаго имени.

ЗАПИСКИ, ВОСПОМИНАНІЯ И БІОГРАФІИ.

«Un anglais à Paris. Notes et souvenirs». — *Софія Ковось-Дехтерева*. «А. Г. Рубинштейнъ», біографическій очеркъ.

Un anglais à Paris. Notes et souvenirs. Предъ нами второй, недавно вышедшій томъ «Замѣтокъ и воспоминаній», надѣлавшій много шума въ Англіи и во Франціи при первомъ появленіи. Сочиненіе принадлежитъ неизвѣстному автору. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ имя его не открыто съ полной достовѣрностью. Несомнѣнно одно—авторъ принадлежитъ къ высшему кругу англійской аристократіи, по профессіи дипломатъ, былъ въ Парижѣ очень долго и въ самую интересную эпоху—съ 1835 года по 1871 годъ. Въ первомъ томѣ преимущественный интересъ автора былъ сосредоточенъ на общественныхъ явленіяхъ французской столицы,

особенно много говорилось о студентахъ, артистахъ, площадяхъ, о театрахъ. Второй томъ носитъ нѣсколько иной характеръ. Авторъ попрежнему вращается въ самыхъ разнообразныхъ столичныхъ кружкахъ, но на этотъ разъ его литературныя свѣдѣнія на счетъ, напримѣръ, Ламартина, Гизо, Беранже не отличаются ни новизной, ни полнотой, ни даже фактической вѣрностью. Последнее обстоятельство отчасти объясняется личными пристрастіями *анличанина*. Онъ не любитъ народныхъ вождей и ораторовъ, вообще участниковъ политическихъ движеній, и, слѣдовательно, настроенъ противъ Ламартина.

Извѣстно, что этотъ писатель и революціонный трибунъ съ теченіемъ времени впалъ въ бѣдность и принужденъ былъ обратиться за помощью къ національной подпискѣ. Былъ организованъ комитетъ, и авторъ рассказываетъ, какъ Ламартинъ досаждалъ комитету требованіями денегъ до заключенія подписки. Это—вѣроятно, но совершенно ложно, будто во главѣ подписнаго листа стояло имя Бонапарта. Наполеонъ III два раза предлагалъ посту заплатить его долги, и оба раза предложеніе было отвергнуто. Ламартинъ принималъ благодѣянія только отъ націи и города Парижа: правительство дало исключительно административное разрѣшеніе на подписку.

Гораздо точнѣе свѣдѣнія автора о второмъ цезарѣ Франціи и въ особенности о франко-прусской войнѣ. Здѣсь нѣкоторыя данныя должны войти въ политическую исторію эпохи: онѣ бросаютъ яркій свѣтъ на важнѣйшіе вопросы наполеоновской политики и причины паденія имперіи.

Прежде всего превосходна характеристика императрицы Евгении. Эта женщина играла гораздо болѣе вліятельную роль, чѣмъ обыкновенно принимается историками. Франція, столь богатая авантюристами, врядъ ли знаетъ на этомъ поприщѣ болѣе удачливую и смѣлую героиню. Наполеонъ, ставши императоромъ, мечталъ изобразить изъ себя второго «короля солнца», Людовика XIV, героя г-жи Ментенонъ, m-De Лавальеръ и проч., и проч. Красавица Евгенія де-Монтихо должна была открыть галерею императорскихъ звѣздъ. Но подобная карьера совершенно не входила въ планы честолюбивой и суевѣрной испанки. Когда-то въ Гренадѣ цыганка предсказала ей королевскую корону, и теперь Бонапарту, по ея безусловному убѣжденію, предстояло оправдать эти предсказанія. Съ Евгенией при парижскомъ дворѣ жила ея мать, идеальный типъ мамыши, устраивающей судьбу дочери всѣми правдами и неправдами. Политика оказалась весьма простой: Бонапартъ былъ побѣжденъ въ нѣсколько пріемовъ, хотя не безъ серьезнаго риска для чести будущей императрицы. Авторъ подробно рассказываетъ рѣшительный моментъ въ этой «борьбѣ за корону», и успѣхъ m-De Монтихо былъ хорошимъ предзнаменованіемъ для ея честолюбивыхъ плановъ уже на тронѣ. Планы эти простирались весьма далеко: ей хотѣлось не только царствовать, но и управлять.

Парижане отнесли къ браку своего императора крайне недружелюбно. Буржуа и лавочники прямо обижались, что императоръ не взялъ себѣ супругу изъ среды ихъ дочерей, если ужъ на

его долю не досталось принцессы крови. Припоминалась вся карьера Бонапартовъ, болѣе чѣмъ демократическая исторія первой имперіи, не забыли и императрицы Жозефины—легкомысленнѣйшаго существа эпохи перваго цезаря. По обыкновенію, не было недостатка въ злыхъ каламбурахъ. Въ день бракосочетанія появилось множество портретовъ и біографій Евгеніи съ надписью: *Портретъ и доблести императрицы, все за два су...* Несравненно дороже заплатила Франція за политику этой же императрицы. Въ исторической литературѣ не новость—участіе Евгеніи въ разрывѣ Германіи съ Франціей въ 1870 году, но авторъ на этотъ счетъ имѣетъ въ высшей степени подробныя и любопытныя свѣдѣнія.

Евгенія, едва надѣвъ корону, стала искать путей—единолично управлять Франціей. Цѣль преслѣдовалась съ чисто-женской стремительностью и совершенной откровенностью. Она непремѣнно рѣшила воплотить въ своей особѣ одновременно двухъ знаменитыхъ государынь—англійскую Елизавету и Екатерину II. При дворѣ, конечно, нашлось не мало услужливыхъ господъ, пришедшихъ въ восторгъ отъ этой идеи. Въ то время, когда въ Парижѣ открыто насмѣхались надъ умственной ограниченностью «испанки», при дворѣ составлялись планы, какъ бы удалить изъ страны императора и супругу его облечь саномъ регентши. Первый случай представился во время крымской войны. Но на этотъ разъ старанія императрицы встрѣтили сильнѣйшій отпоръ со стороны министровъ и королевы Викторіи, посѣтившей Парижъ. Наполеонъ не отправился съ войскомъ, несмотря на всѣ настоянія Евгеніи,—и регентство не состоялось.

Но въ 1859 году желаніе императрица получило, наконецъ, удовлетвореніе. Дамы очень энергично вмѣшивались въ итальянскую войну, отстаивали интересы Австріи, какъ страны католической и консервативной, и нападали на Италію, какъ вѣчный очагъ всякихъ революцій. Франція, слѣдовательно, вела двѣ политики: во главѣ одной стоялъ императоръ и его министры, во главѣ другой—императрица и ея фрейлины. Послѣдняя партія побѣдила. Послѣ битвы при Сольферино, Наполеонъ принужденъ былъ прекратить военныя дѣйствія, потому что «регентша» не разрѣшила новымъ войскамъ выступить изъ Франціи.

Въ 1865 году императоръ отправился въ Алжирію въ надеждѣ поправить свое здоровье. Въ регентствѣ не было нужды, такъ какъ Наполеонъ, въ сущности, не покидалъ французской страны, но Евгенія, разъ вкусивъ власти, не хотѣла отказаться отъ своего счастья. Съ этихъ поръ она начинаетъ присутствовать въ совѣтѣ министровъ, лично принимать ихъ доклады, давать аудиенціи посламъ. Даже по возвращеніи императора у его супруги продолжало существовать нѣчто въ родѣ отдѣльнаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ. Легко представить, какъ хранились дипломатическія и государственныя тайны среди фрейлинъ императрицы! Иностранныя державы воспользовались оригинальнымъ положеніемъ дѣлъ, и въ результатѣ «вся политика Бисмарка», говоритъ авторъ, «состояла въ томъ, что онъ оплачивалъ счета модистокъ и портнихъ—для дамъ, къ изяществу и чарамъ которыхъ онъ былъ глубоко равнодушенъ»...

Дальше читаемъ разсказъ объ объявленіи роковой войны.

Войны не хотѣли въ Берлинѣ, по крайней мѣрѣ, не объявили бы ея безъ серьезныхъ причинъ. Положеніе Наполеона было самое трагическое, почти безвыходное. Сохранить миръ было рискованно: республиканская партія, весьма сильная въ парламентѣ, не преминула бы поднять вопль, что правительство императора слишкомъ слабо, что оно не въ состояніи поддержать достоинство страны. Начать войну—представляло еще болѣйшій рискъ для Наполеона и еще болѣйшую выгоду для противниковъ имперіи.

Во время плебисцита большинство голосовъ, поданныхъ противъ Наполеона, принадлежало офицерамъ. Это указывало на прочное господство республиканскихъ идей въ арміи. Но еще важнѣе были другія обстоятельства.

Армія не только не питала добрыхъ чувствъ по отношенію къ императору, но и ея боевое состояніе было крайне плачевно. Авторъ сообщаетъ на этотъ счетъ поразительные факты, въ достаточной степени объясняющіе позднѣйшія катастрофы во время войны. Наполеонъ III ни единой чертой не походилъ на основателя своей династіи и преимущественно по части военныхъ талантовъ. Наполеонъ I хвалился тѣмъ, что превосходно зналъ личныя качества каждаго своего генерала и напередъ могъ предсказать его поведеніе на войнѣ. Наполеонъ III даже не интересовался этимъ вопросомъ. Мѣста въ арміи доставались не военнымъ талантамъ, а придворнымъ кавалерамъ. Штабъ Евгеніи игралъ здѣсь главную роль. Во главѣ кавалеріи, напримѣръ, стояли люди, едва умѣвшіе держаться на лошади; дивизіями и даже корпусами командовали генералы, лишенные всякаго спеціального образованія и полагавшіеся исключительно на свое вдохновеніе и храбрость. Въ военномъ министерствѣ не было даже удовлетворительной карты Франціи, а если бы и оказалась таковая, ея командиры не въ состояніи были бы пользоваться. Всѣ предложенія—исправить положеніе дѣлъ—отвергались дворомъ, и авторы этихъ предложеній верѣдко подвергались даже карѣ. Генералъ Трошю, единственный, внушавшій извѣстныя опасенія нѣмецкимъ генераламъ, впалъ въ немилость и лишился доступа въ Тюльери за свою книгу о французской арміи. Пышные стратеги, окружавшіе императрицу, подняли на смѣхъ сочиненіе Трошю, и совершенно дискредитировали его въ глазахъ вліятельныхъ придворныхъ политиковъ, хотя самъ Наполеонъ признавалъ основательность его указаній. Съ другой стороны, военный атташе въ Берлинѣ, державшій извѣщать императора о великолѣпномъ состояніи нѣмецкой арміи, получилъ строжайшій выговоръ отъ военнаго министра и его «танцующихъ» помощниковъ. Одинъ императоръ понималъ, насколько военное положеніе Франціи уступаетъ военнымъ успѣхамъ Германіи, но въ будуарѣ Евгеніи Наполеона III считали мечтателемъ, философомъ, своего рода нѣмецкимъ педагогомъ и смѣялись надъ его соображеніями на счетъ военныхъ реформъ. «Храбрость дѣлаетъ все», говорили въ Тюльери и спокойно шли на встрѣчу будущему. Самоувѣренность будуарныхъ полководцевъ была до такой степени велика, что во французскомъ министерствѣ считали излишнимъ даже

составить предварительный планъ кампаніи. Цѣль была и безъ того ясна: *въ Берлинѣ!*.

Замѣчательно, народные представители имѣли свою и очень большую долю въ этомъ ослѣпленіи. Парламентъ систематически сокращалъ военный бюджетъ, и въ особенности въ теченіе двухъ лѣтъ, предшествовавшихъ войнѣ. Императоръ ничего не могъ сдѣлать съ оппозиціей и умолялъ Тьера какъ-нибудь помочь горю. Но усилія Тьера явились слишкомъ поздно. Императоръ даже самъ приготовилъ специальную брошюру, подъ заглавіемъ *Дурно понятая экономія*. Брошюра предназначалась для депутатовъ и излагала сравнительное состояніе нѣмецкой и французской армій. Брошюра осталась неопубликованной, и въ результатѣ французскія войска не только по качеству, но даже по количеству совершенно разочаровали патріотовъ. На бумагѣ значилось 650.000, готовыхъ выступить въ походъ, на самомъ дѣлѣ оказалось—250.000.

Наполеонъ до самаго конца противился войнѣ. Жестоко больной физически, утомленный нравственно, знающій настроеніе и матеріальное состояніе арміи, онъ въ войнѣ видѣлъ катастрофу для своей имперіи, если не для Франціи. За двѣ недѣли до объявленія войны здоровье императора разстроилось до такой степени, что консультація врачей рѣшила немедленно приступить къ операціи: Наполеонъ страдалъ уже той самой болѣзью, которая свела его въ могилу. Но рѣшеніе врачей осталось на бумагѣ, и императрица употребляла всѣ усилія довести дѣло до разрыва съ Германіей.

Нашъ авторъ рѣшительный шагъ къ объявленію войны приписываетъ безусловно Евгеніи, и ему трудно не вѣрить на этотъ разъ. Онъ по днямъ и часамъ рассказываетъ событія, предшествовавшія роковому акту, приводитъ отзывы освѣдомленныхъ людей, и результатъ очевиденъ: Евгенія пылала страстью снова стать регентшей, побѣдить въ войнѣ протестантскую страну, разбить возрождающееся единство Италіи, и вмѣстѣ съ папой стать руководительницей европейскихъ судебъ. Суевѣрная и фанатическая испанка влекла Францію къ неминуемой пропасти. Таково было убѣжденіе всѣхъ, способныхъ безпристрастно отдавать отчетъ въ совершавшихся событіяхъ.

На окончательномъ министерскомъ совѣтѣ въ 10 часовъ вечера императоръ заявилъ свое твердое желаніе — сохранить миръ, но непосредственно за этимъ у него произошелъ разговоръ съ императрицей, продолжавшійся до часу ночи, и жребій былъ брошенъ...

Въ Парижѣ были убѣждены, что Франція останется побѣдительницей. Страницы *Воспоминаній*, по этому поводу, въ высшей степени любопытны. Столичное населеніе выказало во всемъ блестящую исконную самонадѣянность французскихъ героевъ, ихъ органическое презрѣніе къ «варварамъ», національную надменность, доходящую до высоко-комическихъ сценъ. По улицамъ Парижа раздавались крики: «*Въ Берлинѣ!*», продавался специальный *французско-нѣмецкій словарь для французовъ въ Берлинѣ*, одинъ извозчикъ, доставивши прусскаго офицера на вокзалъ, отказался взять плату, произнесши такую фразу: «Никто не платитъ за свои

похороны, и вы, м. г., можете быть покойны,—я выполнилъ для васъ обязанности факельщика. Прощайте». Эти слова характеризовали вообще настроеніе низшихъ классовъ парижскаго населенія. По улицамъ распѣвали *Марсельезу*, на каждомъ шагу встрѣчались такія сцены: женщина держала на рукахъ малютку, едва умѣющаго говорить, но поющаго воинственный гимнъ, публика плотной стѣной окружала пѣвца и при заключительномъ аккордѣ раздражалась бурными аплодисментами. Въ театрахъ тоже самое одушевленіе: актрисы должны были исполнять *Марсельезу* чуть не ежедневно. Когда пришло извѣстіе о томъ, что французамъ попалось нѣсколько нѣмцевъ въ плѣнъ, въ Парижѣ стали требовать, чтобы плѣнниковъ доставили въ столицу и выставили ихъ публично. А пока на бульварныхъ сценахъ давали представления, гдѣ французы являлись героями, а нѣмцы на колѣняхъ просили у нихъ пощады. Вообще, поведеніе парижанъ напоминало скорѣе становище дикарей, чѣмъ столицу культурнаго міра.

Но ослѣпленіе должно было исчезнуть съ безпощадной, убійственной быстротой. Не смотря на всѣ усилія цензуры, бѣдствія французской арміи стали извѣстны парижанамъ изъ иностранныхъ газетъ, а скоро эти бѣдствія не было никакой нужды и скрывать. Авторъ мимоходомъ касается событій, сопровождавшихъ паденіе имперіи, но очень подробно останавливается на описаніи осады. Онъ все время оставался въ Парижѣ, и его рассказъ—драгоценнѣйшій матеріалъ, чуждый всякаго пристрастнаго чувства. Вначалѣ парижанамъ трудно было увѣровать въ окончательную гибель своихъ силъ, и въ столицѣ, уже окруженной нѣмецкими войсками, долго еще продолжалась обычная жизнь, сыпались острооты на нѣмцевъ, въ громадномъ количествѣ истреблялось вино, слышались патріотическіе крики, страсбургская статуя сдѣлалась пунктомъ паломничества. Здѣсь происходили такія сцены. Являлся какой-нибудь гражданинъ въ сопровожденіи своего малолѣтняго сына и производилъ по его адресу, но на самомъ дѣлѣ по адресу толпы,—напыщенную рѣчь. Публика горячо аплодировала, и ораторъ удалялся въ торжественномъ молчаніи. Подобные эпизоды заставляютъ рассказчика припомнить саркастическое выраженіе Гейне: «Всѣ французы—актеры и худшіе изъ нихъ—въ театрѣ». Но не всѣ удовлетворялись только патріотическими аріями или рѣчами. Многіе патріоты пустились въ изобрѣтательность и наперерывъ представляли властямъ проекты, какъ истребить нѣмцевъ во мгновеніе ока. Авторъ терпѣливо пересказываетъ нѣкоторые изъ этихъ проектовъ, явно характеризующіе большое воображеніе изобрѣтателей съ прихвѣсью чисто-французскаго легкомыслія и самоувѣренности. Эти черты даютъ «англичанину» множество мотивовъ для злыхъ замѣчаній, всегда, впрочемъ, иллюстрируемыхъ фактами. Рядомъ идутъ сообщенія и гораздо болѣе печальнаго характера. Помимо патріотическихъ изобрѣтеній, парижанами во время осады овладѣла манія погони за шпионами. Лавочникамъ и рабочимъ всюду грезились шпионы, и самъ авторъ *Воспоминаній* сталъ однажды жертвой этой подозрительности, отнюдь не шуточной: въ случаѣхъ такого рода всегда шельзъ вопросъ о жизни подозрѣваемаго, не сумѣвшаго оправдаться или просто найтись.

Не все только комическія и болѣзненно-патріотическія сцены совершались въ осажденномъ Парижѣ. Авторъ цѣлую главу посвящаетъ самому жестокому вопросу—голоду, разразившемуся зимой надъ населеніемъ. Авторъ увѣряетъ, что никто въ Парижѣ за все время осады не умеръ голодной смертью, но его подробнѣйшія сообщенія о томъ, чѣмъ питались парижане и провинціалы, переполнившіе столицу,—по истинѣ ужасны. И вотъ здѣсь-то выказалась доблестная сторона французскаго характера. Авторъ не говоритъ объ отчаяніи, даже о мольбахъ. Напротивъ, театры, сначала-было прекратившіе свою дѣятельность, снова открылись, толпа переполняла ихъ во время жестокихъ лишеній, неизмѣнное французское *esprits* и не думало умирать или уступать мѣсто горю, остроты сыпались на парижскихъ улицахъ при самыхъ тягостныхъ обстоятельствахъ, обычная *blague* даже приобрѣтала особенную пикантность въ то время, когда улицы не освѣщались, крысы и мыши считались роскошнѣйшимъ блюдомъ, многіе смѣльчаки покупались даже на собакъ... Французскому поваренному искусству предстояли критическія испытанія и англичанинъ свидѣтельствуеетъ, что оно вышло изъ этихъ испытаній съ честью. Его однажды угостили обѣдомъ изъ «полевыхъ мышей» и «толстыхъ крысъ», и онъ остался въ полномъ восторгѣ, въ теченіи всего обѣда даже не заподозривъ истины... Въ заключеніе онъ выслушалъ отъ хозяина цѣлую лекцію на счетъ того, что французская кухня можетъ замаскировать рѣшительно какое угодно мясо и французскій соусъ превратить въ очаровательное блюдо все, что угодно, за исключеніемъ собаки... Авторъ испыталъ справедливость этихъ словъ на самомъ себѣ... Авторъ приводитъ подробные списки цѣнъ на разные «продукты» во время осады: во главѣ списка стоитъ: «собака или кошка—20 франковъ», «крыса, ворона или воробей отъ 3 до 4...» И все это парижане выносили съ невозмутимымъ мужествомъ. Даже бомбардировка не лишила ихъ обычнаго настроенія...

Воспоминанія заканчиваются разсказомъ о коммунѣ. Здѣсь авторъ опять не даетъ ничего новаго все по тѣмъ же причинамъ—по своимъ аристократическимъ чувствамъ и по неповиманію народныхъ движеній. Но этотъ пробѣлъ исполнѣт искупается свѣдѣніями о другихъ сторонахъ и событіяхъ парижской жизни. Эти свѣдѣнія даютъ право запискамъ «англичанина» считаться важнымъ историко-общественнымъ документомъ для многихъ важнѣйшихъ фактовъ французской жизни нашего вѣка.

Софія Кавось-Дехтерева. А. Г. Рубинштейнъ. Біографическій очеркъ 1829—1894 г. и музыкальныя лекціи 1888—89 г. Съ двумя портретами и 35 нотными примѣрами. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.—«Не стало Рубинштейна, не стало цѣлаго музыкальнаго міра... Только теперь, при всей жгучей боли утраты понятно, что это была личность, что это была за сила»... Такъ начинается свой «біографическій» очеркъ г-жа Софія Кавось-Дехтерева, и читатель, судя по такому началу, можетъ невольно подумать, что предъ нимъ—не біографія, а некрологъ, написанный въ обычномъ хвалебномъ стилѣ, съ необходимыми вздохами, восклицаніями и краснорѣчи-

выми многоточіями. И чѣмъ далѣе знакомится онъ съ очеркомъ, тѣмъ болѣе убѣждается, что первое впечатлѣніе его не обмануло,—тонъ некролога выдержанъ до конца въ совершенствѣ. На протяженіи всей книги г-жа Софія Кавось-Дехтерева ни на минуту не выходитъ изъ роли плачущей музы надъ урной съ прахомъ «единственнаго, великаго, незабвеннаго», лишь мѣстами позволяя себѣ легкія уклоненія въ сторону, въ видѣ намековъ «на то, чего не вѣдаетъ никто».

Въ результатѣ такой работы получился не тотъ Рубенштейнъ, какого всѣ знали, образъ котораго чуть не съ дѣтства сроднился съ каждымъ—величавый и страстный, своенравный и необузданный, большой человекъ, почти геній, съ громаднымъ талантомъ, но и крупными недостатками, а какой-то Рубинштейнъ въ мишюрѣ, если можно такъ выразиться, дамскій Рубинштейнъ, приглаженный и франтоватый, неизмѣнно въ бѣлыхъ перчаткахъ, сентиментальный и претенціозный, скромный и благодушный, ласковый и добрый, примѣрный семьянинъ и общественный дѣятель,—словомъ, вмѣстилище всѣхъ добродѣтелей, какъ ихъ понимаетъ г-жа Софія Кавось-Дехтерева. Можно представить, какъ-бы вскипѣлъ отъ негодованія подлинный Рубинштейнъ, прочитавъ этотъ «библиографическій» очеркъ, изображающій его такимъ «душкой», если позволительно къ такому колоссу примѣнять такія уменьшительныя названія. Онъ—добрый и благодушный, этотъ порывистый гигантъ съ львиной гривой, сумрачными и гнѣвными глазами, надменнымъ лицомъ, на которомъ всѣ страсти, кажется, оставили отпечатокъ, на которомъ, что угодно, можно прочесть, только не доброту и благодушіе. Онъ—тихий и скромный, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ надпись, сдѣланная имъ самому себѣ въ альбомѣ М. В. Семевского: «Dieu ne puis, roi ne daigne, artiste je suis»,—надпись, въ которой сказался весь Антонъ Григорьевичъ, артистъ прежде всего и исключительно артистъ, для котораго внѣ музыки ничего не существовало, который любилъ только музыку, жилъ ею и для нея. «Человекъ, выпуская въ свѣтъ свое сочиненіе,—говоритъ онъ въ статьѣ «О музыкѣ въ Россіи»,—долженъ стараться приобрести имъ имя въ музыкѣ, право на славу, европейскую извѣстность, безсмертіе, и только тогда онъ будетъ работать такъ, какъ работаютъ, когда хотятъ сдѣлаться достойными своего искусства. Для этого надо быть *свято и всецѣло артистомъ* и, главное, ничего не дѣлать *безъ честолюбія*». Эти нѣсколько строчекъ лучше характеризуютъ Рубенштейна, чѣмъ двѣсти страницъ жеманныхъ величаній г-жи Софіи Кавось-Дехтеревой. Общественнымъ дѣятелемъ онъ никогда не былъ въ томъ смыслѣ, какъ его представляетъ авторъ, чуждался этой дѣятельности и уходилъ отъ нея при первой возможности, чувствуя себя счастливымъ только вдали отъ всѣхъ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, гдѣ-бы никто не мѣшалъ ему жить въ мірѣ звуковъ. Совершенно невѣрно утвержденіе г-жи Софіи Кавось-Дехтеревой, будто «музыкальное дѣло, какъ школа, обязано у насъ *единственно ему* своимъ возникновеніемъ и *широкимъ развитіемъ*». Какъ человекъ необыкновенно правдивый, до грубости, спокойный

первый протестовалъ бы противъ этого. Въ письмѣ въ «Нов. Время», приводимомъ и г-жею Софіей Кавось-Дехтеревой, онъ самъ называетъ себя «однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ» учрежденія консерваторій—и только. «Широкое развитіе» ихъ шло помимо его и въ разрѣзъ съ его основнымъ взглядомъ на консерваторіи, какъ на школы только для избранныхъ, а не для всѣхъ, жаждущихъ музыкальнаго образованія. Изъ-за этого онъ и разошелся съ остальными «главными зачинщиками» петербургской консерваторіи, «которая,—по его словамъ въ «Автобіографіи»,—должна была вырасти въ вышину, а раздалась въ ширь и стала музыкальной фабрикой».

Не касаясь другихъ невѣрностей, неточностей и извращеній, отмѣтимъ еще одну, въ высшей степени характерную черту—характерную не для Рубинштейна, который въ этомъ неповиненъ, а для «біографическаго» очерка г-жи Софія Кавось-Дехтеревой «Совершенно естественно,—говоритъ она вначалѣ,—начинать біографію лица съ характеристики его родителей и даже иногда искать объясненія его психологическихъ особенностей въ жизни и привычкахъ его предковъ». Мысль—вполнѣ вѣрная, и едва ли для подтвержденія ея необходимо привлекать къ отвѣтственности авторитеты, въ родѣ Гальтона, де-Кандоля и Рибо, какъ дѣлаетъ нашъ авторъ. Послѣ этого читателю «совершенно естественно» ожидать, что г-жа Софія Кавось-Дехтерева скажетъ ему, кто былъ по происхожденію Рубинштейнъ, какой національности, тѣмъ болѣе, что самъ Рубинштейнъ,—если вѣрить автору очерка,—придавалъ «огромное значеніе національности въ музыкѣ». Но, къ великому удивленію читателя, ни въ началѣ, ни въ концѣ, ни во всей книгѣ, г-жа Софія Кавось-Дехтерева ни однимъ словомъ не обмолвилась о національности Рубинштейна. Прочитавъ съ большимъ вниманіемъ ея очеркъ, мы такъ и остаемся въ недоумѣніи, да кто же такой былъ Рубинштейнъ,—нѣмецъ, французъ, итальянецъ, испанецъ? Мыслимо ли представить біографію Гейне или Берне, Мейербера или Мендельсона, въ которой бы не было ни слова о томъ, что эти великіе писатели и композиторы были евреи? Г-жа Софія Кавось-Дехтерева ухитрилась, однако, не смотря на велерѣчивую ссылку на Гальтона, де-Кандоля и Рибо,—написать «біографію», обойдя молчаніемъ важнѣйшій во всякой біографіи вопросъ о національности. Для читателя такъ и остается тайной такой, вѣроятно, по мнѣнію г-жи Софіи Кавось-Дехтеревой, ужасный фактъ, что Рубинштейнъ, онъ «единственный, незабвенный, великій и проч.»,—былъ... еврей, и еврей самый настоящій, «von echtem Schrot und Korn», какъ говорятъ нѣмцы. Отецъ его былъ купецъ изъ Бердичева, а мать изъ силезскихъ евреевъ, по фамилии Левенштейнъ.

Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ, на стр. 136—137, г-жа Софія Кавось-Дехтерева, стыдливо опустивъ глаза и краснѣя отъ смущенія, шепчетъ на ушко читателю: «Къ Рубинштейну часто были несправедливы и старались умалить его заслуги. Не находя для этого достаточнаго матеріала, главной темой для его отчужденія была современная тема о происхожденіи. Чувствительный и

чуткій по натурѣ, Автономъ Григорьевичъ очень огорчился этимъ отношеніемъ: «Евреи считаютъ меня христіаниномъ, — говоритъ онъ, — христіане — евреемъ, классики — вагнеріанцемъ, вагнеріанцы — классикомъ, русскіе — вѣмцемъ, вѣмцы — русскимъ». «Удивительно! — восклицаетъ г-жа Софія Кавось-Дехтерева — до чего близоруки бываютъ люди! Точно для всякаго народа не огромная честь считать между своими Рубинштейна и будущія поколѣнія не будутъ оспаривать другъ у друга право причислить его славное имя къ своей національности». Да, люди бываютъ подчасъ удивительно близоруки! Вся Россія знаетъ, кто былъ Рубинштейнъ, а г-жа Софія Кавось-Дехтерева изо всѣхъ силъ старается скрыть это отъ будущихъ поколѣній.

Позволительно спросить, однако, зачѣмъ г-жа Софія Кавось-Дехтерева скрываетъ національность Рубинштейна? Если съ цѣлью его возвеличенія, то это — чисто медвѣжья услуга. Самъ покойный никогда не скрывалъ этого: онъ былъ слишкомъ великъ для подобныхъ мелочей. Но, если бы даже и скрывалъ, — что, конечно, не дѣлало бы ему чести, — то всякій добросовѣстный біографъ не долженъ подражать ему. Ибо, перефразируя стихъ, приведенный г-жею Софіей Кавось-Дехтеревой, «прекрасное останется величавымъ», хотя бы и происходило изъ народа... давшего міру Христа.

Такъ, расписывая своего героя розовыми красками съ головы до пятъ, г-жа Софія Кавось-Дехтерева не замѣчаетъ, что въ своемъ усердіи низводитъ его съ пьедестала, который онъ занимаетъ по праву. Не считаясь ни съ исторической правдой, ни съ тѣмъ, что личность великаго артиста еще слишкомъ близка къ намъ, слишкомъ жива въ памяти всѣхъ, г-жа Софія Кавось-Дехтерева только затемняетъ его образъ, извращая его истинный характеръ и представляя въ ложномъ свѣтѣ то, что не боится никакого свѣта. Можно сказать, Рубинштейнъ, этотъ счастливецъ и баювань судьбы при жизни, терпитъ теперь, подъ перомъ г-жи Софіи Кавось-Дехтеревой, жестокую казнь послѣ смерти. Но, мы надѣмся, эту незаслуженную обиду съумѣетъ загладить другой, болѣе безпристрастный и опытный, біографъ, представивъ личность и жизнь знаменитаго «маэстро» въ настоящемъ свѣтѣ, безъ умолчаній, прикрасъ и преувеличеній, въ которыхъ меньше всего нуждается Рубинштейнъ: онъ достаточно великъ самъ по себѣ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. А. Исаевъ. «Начала политической экономіи». — «Библ. общественныхъ знаній»: *Бруно Шелланкъ.* «Промысловые синдикаты». — В. В. «Артель въ кустарномъ производствѣ».

А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи. С. — Петербургъ. 1894. У насъ есть довольно много руководствъ по политической экономіи, рассчитанныхъ на болѣе подготовленнаго читателя и излагающихъ предметъ въ объемѣ университетскихъ курсовъ. Въ свое время былъ очень популяренъ курсъ г. Иванюкова, привлекавшій читателей легкостью и живостью изложенія.

Два года тому назадъ вышелъ курсъ г. Чупрова, очень сжатый, имѣющій даже нѣсколько конспективный характеръ, но въ тоже время весьма содержательный и научный. Курсъ г. Исаева, вышедшій въ прошломъ году, былъ встрѣченъ очень сочувственно всей нашей печатью, и за короткое время выдержалъ два изданія. Успѣхъ обязываетъ, и потому мы вправѣ предъявлять работѣ г. Исаева тѣмъ болѣе серьезныя требованія, чѣмъ несомнѣннѣе ея успѣхъ.

Г-нъ Исаевъ заявляетъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ дедуктивнаго метода въ политической экономіи. По его мнѣнію, экономическіе факты не могутъ быть открыты путемъ изученія конкретныхъ явленій, какъ бы ни были точны и многочисленны наши наблюденія. Единственное средство возвыситься надъ грубыми, эмпирическими обобщеніями заключается въ выводѣ общихъ законовъ, управляющихъ хозяйственной дѣятельностью человѣка, изъ немногихъ точно установленныхъ основныхъ посылокъ, играющихъ въ экономической наукѣ такую же роль, какъ въ геометріи аксіомы. Дѣйствительная жизнь складается изъ взаимодѣйствія множества самыхъ разнообразныхъ факторовъ; если въ определенннй моментъ не наступаетъ того или иного слѣдствія, предвидимаго теоріей, то это еще не значитъ, что теорія не вѣрна. Дѣйствіе одного экономического фактора можетъ быть нейтрализовано другимъ—и этимъ объясняются кажущіяся противорѣчія теоріи и практики.

При такомъ взглядѣ на задачи и методы политической экономіи, естественно ожидать, что г. Исаевъ будетъ особенно точенъ и тщателенъ въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ. Между тѣмъ, его курсъ составленъ такъ, какъ будто авторъ совсѣмъ не считаетъ теорію важной вещью, а предпочитаетъ ей тѣ самыя факты и указанія практики, которые онъ признаетъ непригодными для выработки научныхъ законовъ. Тѣ главы курса, въ которыхъ описываются явленія русской хозяйственной жизни, читаются съ большимъ интересомъ. Но когда авторъ переходитъ къ рѣшенію вопросовъ болѣе абстрактнаго характера, читатель почти всегда остается неудовлетвореннымъ. Чтобы дать понятіе, на какихъ шаткихъ основаніяхъ, авторъ строитъ свою теорію, приведемъ нѣсколько опредѣленій г-на Исаева.

Вотъ, напр., какъ опредѣляетъ авторъ цѣнность: «Цѣнность есть способность блага обмѣниваться на другія блага» (стр. 8). Г-нъ Исаевъ—горячій защитникъ такъназыв. трудовой теоріи цѣнности,—ученія, по которому предметы заимствуютъ свою цѣнность отъ затраченнаго на производство ихъ труда. Въ такомъ случаѣ, цѣнностью должны обладать продукты труда и при полномъ отсутствіи обмѣна, напр., въ натуральномъ хозяйствѣ, а слѣдовательно, и нельзя вводить элементъ обмѣна въ опредѣленіе цѣнности.

«Богатствомъ называемъ мы большое имущество сравнительно со многими другими имуществами» (стр. 9). Нельзя сказать, чтобы это опредѣленіе было особенно ясно. Можно было бы привести гораздо больше примѣровъ подобныхъ неудачныхъ опредѣленій

въ курсѣ г. Исаева. Въ концѣ концовъ, все это было бы не такъ важно, если бы неточность опредѣленій не отражалась на неточности и даже нѣкоторой спутанности выводовъ. Къ сожалѣнію, этимъ страдаютъ многіе отдѣлы разбираемаго курса. Такъ, напр., ученіе о капиталѣ изложено г. Исаевымъ очень неясно, отчасти вслѣдствіе неудачнаго опредѣленія капитала. Авторъ совершенно игнорируетъ различіе капитала съ національной и частно-хозяйственной точки зрѣнія и считаетъ возможнымъ умолчать о свойствѣ капитала давать доходъ, не основанный на трудѣ—прибавочную цѣнность. Все изложеніе ведется такъ, какъ будто объ функціи капитала въ современномъ хозяйствѣ—быть средствомъ производства и источникомъ прибыли—совершенно совпадаютъ и находятся въ полной гармоніи другъ съ другомъ. А что это не такъ, можно видѣть хотя бы изъ примѣра машинъ, которыя употребляются въ странахъ съ высокой заработной платой, и не выдерживаютъ конкуренціи съ ручнымъ трудомъ въ странахъ, гдѣ заработная плата низка, хотя въ обѣихъ случаяхъ производительность машины одинакова. Вообще, отдѣлъ о капиталѣ кажется намъ однимъ изъ самыхъ слабыхъ въ книгѣ г. Исаева.

Въ отдѣлѣ о производствѣ поражаетъ странная группировка предмета. Подъ общимъ заголовкомъ «Системы хозяйства», говорится о вещахъ совершенно различныхъ—системахъ полеводства—переложенной, трехпольѣ, плодосмѣнной и пр., и о формахъ промышленныхъ предприятий—ремеслѣ, мануфактурѣ и фабрикѣ. Между тѣмъ, системы полеводства отличаются другъ отъ друга только по условіямъ земледѣльской техники, а различіе ремесла, мануфактуры и фабрики имѣетъ социальный характеръ. Подъ рубрику формы *производства* помѣщено общинное *землевладѣніе*. Авторъ, очевидно, чувствовалъ, что производство и владѣніе не одно и то же, и потому во вступительной главѣ къ этому отдѣлу говоритъ объ *общинномъ производствѣ*. Но вѣдь это нѣчто совсѣмъ иное; при общинномъ землевладѣніи преобладающую роль играетъ единоличное или семейное производство. Въ какой же странѣ крестьянское хозяйство основывается на общинномъ *производствѣ*? Во всякомъ случаѣ не въ Россіи.

Гораздо лучше обработанъ отдѣлъ о распредѣленіи. Г-нъ Исаевъ считаетъ ошибочнымъ извѣстное ученіе Тюрго—Рикардо, что заработная плата тяготеетъ къ минимуму средствъ существованія рабочаго. Противъ этого ученія нерѣдко возражаютъ, что заработная плата можетъ быть выше уровня, строго необходимаго для жизни. Г-нъ Исаевъ не согласенъ съ ученіемъ классической школы по совершенно противоположнымъ основаніямъ. Въ краснорѣчивыхъ страницахъ онъ описываетъ, какъ тяжело положеніе рабочаго во всѣхъ странахъ Европы, какъ многого не хватаетъ рабочему, чтобы удовлетворять свои самыя элементарныя потребности въ пищѣ, одеждѣ и свѣжемъ воздухѣ. Изъ этого авторъ заключаетъ, что дѣйствительная заработная плата никогда не достигаетъ минимума средствъ существованія. Только тогда можно будетъ сказать, что рабочій имѣетъ строго необходимое для жизни, когда его жизнь не будетъ сокращаема постоянными ли-

шеніями и борьбой съ нуждою. Во всемъ этомъ много правды, но, по нашему мнѣнію, г-нъ Исаевъ, по французской пословицѣ, ломится въ открытую дверь. Трудно заподозрить въ несочувствіи рабочему классу или излишнемъ оптимизмѣ такихъ сторонниковъ «железнаго закона заработной платы», какъ, напр., извѣстный нѣмецкій экономистъ, окрестивпій этимъ именемъ ученіе Рикардо. Послѣдователи этого ученія не отрицаютъ тяжелаго положенія рабочихъ; но какъ бы ни была низка заработная плата, во всякомъ случаѣ она достаточна, чтобы рабочей рынокъ не опустѣлъ, а въ этомъ и заключается весь смыслъ ученія Рикардо.

Двѣ обширныхъ главы авторъ отводитъ вопросу о хозяйственныхъ кризисахъ. Единственное коренное средство противъ кризисовъ заключается, по мнѣнію г-на Исаева, въ распространеніи такихъ промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ рента, прибыль и заработная плата достаются одному и тому же лицу. Г-нъ Исаевъ надѣется, что наша община разовьется въ болѣе совершенную форму земледѣльческой производительной ассоціаціи, члены которой воспользуются выгодами производства въ крупныхъ размѣрахъ, сохраняя свою экономическую самостоятельность. Такой общинѣ не придется бояться кризисовъ. Съ послѣднимъ можно, пожалуй, согласиться, но откуда явится такая община—этого, г-нъ Исаевъ не объясняетъ.

Какъ уже сказано выше, въ курсѣ г-на Исаева много мѣста отведено Россіи. Авторъ не отрицаетъ, что Россія теперь переживаетъ тяжелый кризисъ, который можетъ кончиться крушеніемъ общины и кустарнаго производства. На кустарное производство г-нъ Исаевъ не возлагаетъ большихъ надеждъ; по его мнѣнію, значительная часть кустарныхъ промысловъ должна быть поглощена фабрикой, и только мелкія производства, матеріалъ для которыхъ дешевле или подъ рукою, могутъ сохраниться еще долгое время, и то лишь въ томъ случаѣ, если правительство и общество придутъ на помощь кустарямъ открытіемъ дешеваго кредита и устройствомъ артельныхъ складовъ. Зато община и артель, по мнѣнію г. Исаева, должны реформировать все наше народное хозяйство, такъ какъ въ нихъ заложено великое начало коллективнаго производства.

Въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ нашей экономической политики г-нъ Исаевъ постоянно руководится горячимъ сочувствіемъ къ трудящемуся люду, не дѣлая, при этомъ, себѣ кумира изъ мужика и мужицкаго строя жизни, подобно большинству нашихъ «народниковъ». Именно благодаря этому, новый курсъ политической экономіи, несмотря на указанныя слабыя стороны, можетъ быть очень полезенъ не только для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ онъ прежде всего назначается, но и для широкой публики.

Библіотека Общественныхъ Знаній. Вып. I. Бруно Шенланнъ. Промысловые синдикаты (картели, трэсты и пр.). Пер. съ нѣмецкаго Л. Зана. Приложение. Синдикаты въ Россіи С. Сергѣева. Ц. 20 к. Одесса. 1895. Картели или синдикаты, союзы предпринимателей для регулированія производства и торговли, появились еще очень недавно.

Но развитіе ихъ шло съ такой поражающей быстротой, что теперь вопросъ о картеляхъ принадлежитъ къ числу самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности. Какъ относиться къ этимъ гигантскимъ союзамъ капитала, грозящимъ совершенно уничтожить частную предпримчивость и превратить безчисленныя отдѣльныя частныя предпріятія, въ одно планомѣрное, организованное и управляемое немногими лицами общественное хозяйство? Уже давно критики современнаго хозяйственнаго строя предсказывали, что свободная конкуренція должна неизбѣжно выродиться въ монополію.

И вотъ, это превращеніе совершается на нашихъ глазахъ. По мѣрѣ того, какъ денежные капиталы и средства производства сосредоточиваются все въ менѣе многочисленныхъ предпріятіяхъ, соглашеніе между предпринимателями становится легче выполнимымъ. Ожесточенная конкуренція на мировомъ рынкѣ, вызванная усовершенствованіемъ путей сообщенія и приобщеніемъ многихъ странъ къ мировой культурѣ, привела къ паденію товарныхъ цѣнъ и предпринимательской прибыли. Тогда пробилъ часъ картелей.

Характеристику этихъ картелей и даетъ разбираемая брошюра Шенланка. Въ живой и увлекательной формѣ Шенланкъ объясняетъ значеніе картелей въ современномъ хозяйствѣ. Картели возникаютъ не вслѣдствіе покровительственныхъ пошлинъ, какъ думаютъ многіе правовѣрные экономисты (они существуютъ и въ классической странѣ свободной торговли—Англіи). Нѣтъ, они такой же естественный продуктъ экономическаго развитія, какимъ была фабрика по отношенію къ мелкому производству въ началѣ этого вѣка. Государство можетъ и должно бороться съ вредными сторонами картелей, но вѣчего надѣяться на уничтоженіе ихъ въ странахъ съ широко развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, каковы Соединенные Штаты и Западная Европа.

Но въ какомъ положеніи стоитъ дѣло въ Россіи? Небольшая статейка г. Сергѣева даетъ на это вполне правильный отвѣтъ. Русскіе синдикаты (напр. знаменитая «нормировка» сахарозаводчиковъ и синдикатъ нефтепромышленниковъ) не вызывается, какъ на Западѣ, паденіемъ предпринимательской прибыли. У насъ капитализмъ и частная предпримчивость пока развиты слабо, а прибыль громадна. Поэтому, мы еще не доросли до картелей, и наши картели только задерживаютъ наше экономическое развитіе, повышая цѣны товаровъ, въ ущербъ интересамъ потребителей и препятствуя расширенію производства, для котораго имѣется достаточно обширный рынокъ внутри страны.

Если бы читатель пожелалъ ознакомиться съ союзами предпринимателей болѣе обстоятельно, то ему можно порекомендовать недавно вышедшее обширное изслѣдованіе проф. И. И. Янжула «Промышленные синдикаты, или предпринимательскіе союзы».

Артель въ кустарномъ промыслѣ. В. В. С.-Петербургъ. 1895 г. 1 руб. Итъ 9 тому назадъ вышла очень интересная книжка г. В. В.: «Очерки кустарной промышленности», обратившая на себя должное вниманіе всѣхъ, интересующихся русской экономической жизнью, и познакомившая читающую публику со многими такими сторо-

нами кустарной промышленности, которая до того времени оставались для громаднаго большинства интеллигенціи terra incognita. Такъ, изъ книжки В. В. мы узнали, что мелкими промыслами въ Россіи занимаются до пяти миллионъ человѣкъ, узнали о той роли, какую играютъ здѣсь женщины и дѣти, познакомились съ формами сбыта кустарныхъ издѣлій (непосредственныя сношенія производителей съ потребителями и участие скупщиковъ), съ кредитомъ среди кустарей (отсутствіе въ большинствѣ случаевъ кредита и закабаленіе кустарей кулаку-скупщику, кредитъ частныхъ лицъ, денежный и натуральный, волостныя кассы и ссудосберегательныя товарищества), съ техникой кустарнаго производства и т. п. Въ этой же книжкѣ находится глава о «примѣненіи кооперации къ мелкому производству»,—глава, которая и послужила самостоятельной темой для другого труда того же автора: «Артель въ кустарномъ промыслѣ».

Первичная и самая естественная форма артельного начала въ кустарномъ промыслѣ, это—*семейная ассоціація*. Само собою разумѣется, что артельное начало можетъ оставаться въ этихъ узкихъ рамкахъ лишь до тѣхъ поръ, пока позволяютъ самые разнѣры того или другого производства или какія-либо иныя условія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда кустарю предстоитъ «операція, превышающая силы семьи, онъ обращается за помощью къ сосѣдямъ, причемъ обыкновенно участіе послѣднихъ построено на началѣ взаимопомощи, хотя иногда здѣсь играетъ роль и плата за трудъ деньгами». Среди кустарей довольно часто практикуется обычай созывать такъ называемыя «помочи», которыя обыкновенно обращаются во взаимопомощь, т. е. сначала сообща работаютъ у одного кустаря, затѣмъ, переходятъ къ другому, отъ этого къ третьему и т. д.; такія помочи угощеніями не сопровождаются (между тѣмъ какъ въ сельскохозяйственныхъ «позовушкахъ» угощеніе стоитъ на первомъ планѣ, и интенсивность работы «помочанъ» — прямо пропорціональна количеству предлагаемой хозяиномъ водки и разныхъ яствъ). Не менѣе важное значеніе имѣетъ *примѣненіе артельного начала къ приобрѣтенію* нужнаго для кустарей сырья *матеріала*, кожи, желѣза, дерева и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, всякому хорошо извѣстно, что покупка какого бы то ни было товара въ розницу и по мелочамъ обходится несравненно дороже, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она совершается сообща и оптомъ. Но оптовая покупка матеріаловъ союзомъ кустарей не такъ широко практикуется, какъ это можно было бы предполагать: частію бѣдность мелкихъ промышленниковъ, частію другія обстоятельства не позволяютъ имъ приобрѣтать болѣе или менѣе цѣнный товаръ сообща и оптомъ. Тѣмъ или инымъ мелкимъ производствомъ чаще всего кустари занимаются въ своихъ жилыхъ избахъ. Однако, есть промыслы, «всѣ или отдѣльныя операціи которыхъ не могутъ абсолютно быть исполняемы въ жилыхъ помѣщеніяхъ или могутъ вестись въ нихъ съ крайними неудобствами для семьи кустаря и съ ущербомъ для качества издѣлія». Но артельное начало и здѣсь помогаетъ кустарю, послѣдній старается устроить *мастерскія сообща* съ другими производителями. Такъ возникаютъ артельныя

кузницы и смолокурные заводы. Нерѣдко бываютъ такіе случаи, когда кустари *совмѣстно продаютъ свои издѣлія*. «Сговорившись торговать вмѣстѣ на ярмаркѣ, кустари назначаютъ цѣны издѣліямъ и уговариваются, сколько кому выставить товару. На ярмаркѣ одинъ продаетъ, другой получаетъ деньги, третій записываетъ. При такой торговлѣ цѣны нѣсколько повышаются, но при этомъ требуется участіе всѣхъ прибывшихъ на ярмарку представителей даннаго промысла. Общая продажа ведетъ къ сокращенію ярмарочныхъ расходовъ». Наконецъ, кустари соединяются въ такъ называемыя *производительныя артели*, т. е. сообща выполняютъ то или другое производство, что представляетъ для нихъ немаловажныя преимущества предъ одиночнымъ трудомъ. Таковы тѣ общіе выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, на основаніи массы фактическаго матеріала, придающей труду его особую цѣнность.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

А. Д. Градовскій. «Государственное право». — Изданія «Международной библиотеки»: А. Шенбаха. «Государственный строй Сѣверо-Американскихъ Штатовъ»; по Лабанду «Государственный строй Германской имперіи»; по Лебому «Государственный строй Франціи». — Ф. Мартенсъ. «Современное международное право».

А. Д. Градовскій. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Лекціи, читанныя въ 1885 году. Издано подъ редакціей Н. М. Коркунова. Спб. 1895. 3 р. 528 стр. Недавно вышедшая книга покойнаго профессора с.-петербургскаго университета А. Д. Градовскаго пополняетъ очень важный пробѣлъ въ русской общеобразовательной литературѣ. Оставляя совершенно въ сторонѣ Россію, для которой по тому же вопросу существуетъ нѣсколько весьма хорошихъ книгъ *), Градовскій занимается исключительно устройствомъ только такъ-называемыхъ конституціонныхъ государствъ, т. е. государствъ западной Европы и Америки (о которой въ заголовкѣ книги не упоминается). Въ первой части своей книги Градовскій объясняетъ сущность конституціоннаго строя. Конституціонныя государства, какъ всѣ вообще государства, сильно различаются другъ отъ друга по своему устройству: въ однихъ (напр., въ Ури, Унтервальденѣ и др. кантонахъ Швейцаріи) законодательная власть принадлежитъ всему народу и отправляется имъ на всенародныхъ сходкахъ, эта же власть контролируетъ выбранныхъ ею же чиновниковъ; въ другихъ (напр., въ Германіи) законодательная власть принадлежитъ парламенту, т. е. собранію депутатовъ, выбранныхъ народомъ; надъ чиновниками же, приводящими законы въ исполненіе, народъ ни прямо, ни черезъ посредство своихъ депутатовъ не имѣетъ власти. Общее тутъ то, что государственная власть во всей полнотѣ или одна изъ важнѣй-

*) Между прочимъ, того же Градовскаго: «Начала русскаго государственнаго права». 3 тома. Спб. 1875—1887. Цѣна 7 р. 50 к. Также Коркунова: «Русское государственное право». 2 тома. Спб. 1892—1893. Цѣна 5 р.

шихъ ея частей принадлежить народу, прямо или въ лицѣ его представителей. Однако, сущность конституціоннаго строя все не въ этомъ: то же самое было, напр., въ древнихъ Аѳинахъ и въ республиканскій періодъ Рима,—и, однако, эти государства никакѣмъ не называются конституціонными. Современные конституціонныя государства, какъ республики, такъ и монархіи, одинаково отличаются отъ древнихъ демократій не тѣмъ, что въ нихъ государственная власть принадлежитъ кому-нибудь другому, а тѣмъ, что свойства отношеній государственной власти къ управляемымъ, другими словами, тѣ условія, тотъ способъ и форма, въ которыхъ она осуществляетъ свои верховныя права, стали совершенно иными. Въ древнихъ демократіяхъ личность гражданина цѣликомъ принадлежала государству; государство могло сдѣлать съ нею все, что ему заблагоразсудилось бы; родъ жизни, одежда, вступленіе въ бракъ,—все это подлежало общественному контролю; человѣкъ не обладалъ ни однимъ правомъ, которое не могло бы быть у него отнято распоряженіемъ государственной власти. Совершенно иное наблюдается въ современныхъ конституціонныхъ странахъ: государственная власть принадлежитъ прямо или косвенно, цѣликомъ или частью, тому же народу, но дѣятельность ея связана *письменными законами*, такъ-называемыми *конституціями*. Нарушеніе ихъ, правда, не невозможно и теперь, но очень трудно въ истинно-конституціонныхъ государствахъ; законная ихъ перемѣна тоже сопряжена съ большими трудностями, хотя и иного рода. Англія—единственное изъ конституціонныхъ государствъ, гдѣ вѣтъ писанной конституціи, но въ ней эта конституція такъ ярко написана въ сердцѣ гражданъ, что нарушеніе ея еще гораздо труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Всѣ эти конституціи, писанныя и не—писанныя, гарантируютъ, хотя и весьма различно, извѣстныя права гражданъ: право личной свободы, свободы религіи, печати, передвиженія, правосудія и т. д. Гдѣ нарушеніе этихъ правъ безусловно необходимо, какъ, напр., обязательная воинская повинность или арестъ лицъ для защиты общества отъ преступленій, тамъ эти вторженія въ область личной свободы человѣка производятся въ точно и ясно предписанныхъ конституціей или закономъ формахъ (Градовскій, стр. 1—92). Въ этомъ и заключается существо конституціоннаго строя.

Вопросъ, какимъ способомъ осуществляются имъ эти задачи, Градовскій рассматриваетъ во второй части своей книги (стр. 93—528). Послѣ общаго вступленія, онъ говоритъ о правахъ и обязанностяхъ королевской власти въ конституціонныхъ монархіяхъ; потомъ переходитъ къ организаціи, дѣятельности, способу избранія и проч. парламентовъ въ разныхъ странахъ. Тутъ онъ довольно подробно останавливается на разныхъ системахъ выборовъ депутатовъ, а также на сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ дѣленія парламента на двѣ палаты—верхнюю и нижнюю (какъ въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Франціи и др.), или же однопалатнаго ея устройства (какъ въ Сербіи, Греціи и друг.). Одинъ отдѣлъ посвященъ организаціи исполнительной власти (министерствъ), а въ заключеніе Градовскій посвящаетъ особую главу

спеціально французской конституціи; конституцій другихъ странъ въ отдѣльности и такъ подробно онъ не разсматриваетъ.

Все это изложено Градовскимъ довольно кратко, бѣгло и иногда нѣсколько сухо, вслѣдствіе малаго объема книги сравнительно съ обширностью ея задачи, но въ общемъ ясно, просто и очень содержательно.

Переходя во второй части книги—къ догматическому изложенію государственнаго устройства, Градовскій дѣлаетъ такую оговорку: «многія конституціонныя хартіи не только позаимствовали другъ у друга часть своего содержанія, но являлись даже простой перепечаткой, такъ что отъ чисто догматическаго изложенія получается впечатлѣніе тождества. Но, принявъ во вниманіе исторію происхожденія учреждений и фактическую подкладку дѣйствія конституціонныхъ законовъ, мы безъ особаго труда сумѣемъ найти различія и несоотвѣтствія между провозглашаемымъ принципомъ съ одной стороны и его осуществленіемъ — съ другой, что главнымъ образомъ и создаетъ тѣ особенности, которыми отличаются другъ отъ друга различныя формы конституціонной монархіи» (стр. 127—128). Къ сожалѣнію, читатель, недостаточно знакомый съ новѣйшей исторіей, не всегда сумѣетъ «безъ особаго труда найти различіе между провозглашаемымъ принципомъ и его осуществленіемъ». Такъ, напр., Градовскій указываетъ, что въ Италіи право голоса на парламентскихъ выборахъ принадлежитъ съ извѣстными ограниченіями народу; народу же, тоже съ извѣстными ограниченіями, это право принадлежитъ и въ Англіи. По-видимому, между государствами въ этомъ отношеніи существуетъ весьма большое сходство; въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе. Въ Англіи истекаетъ срокъ парламентскихъ полномочій; правительство распускаетъ парламентъ и назначаетъ новые выборы, и на этихъ выборахъ народъ нерѣдко посылаетъ въ парламентъ такихъ депутатовъ, которые заставляютъ правительство подать въ отставку. Распускаетъ парламентъ правительство въ Италіи; какъ бы народъ ни былъ недоволенъ этимъ правительствомъ, каково бы ни было это правительство, въ результатѣ выборовъ обыкновенно является парламентъ, его поддерживающій. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что въ Англіи выбираютъ дѣйствительно всѣ тѣ, которые имѣютъ на то право и которые желаютъ воспользоваться своимъ правомъ; въ Италіи же чиновники, завѣдующіе организаціей выборовъ (составленіемъ списковъ избирателей и проч.), пускаютъ въ ходъ всевозможныя ухищренія, чтобы не допустить до выборовъ лицъ, подозрѣваемыхъ во враждебности министерству, и въ избрѣтеніи этихъ средствъ доходятъ до виртуозности. Такъ, напр., въ Италіи имѣютъ право голосовать только грамотные, и вотъ нѣкоторые профессора университета не допускаются до выборовъ, такъ какъ они не представили доказательствъ грамотности. Въ Германіи и въ Болгаріи существуютъ, приблизительно, одинаковыя постановленія о свободѣ печати; между тѣмъ, въ Германіи дѣйствительно господствуетъ свобода печати, а въ Болгаріи газеты, возстающія противъ безобразій своего правительства, еле влчатъ существованіе. Дѣло въ томъ, что въ Болгаріи судьи на-

ходятся въ полной зависимости отъ правительства; поэтому, когда правительство отдастъ редактора газеты подъ судъ за оклеветаніе князя или министра, то судъ неизбѣжно его осуждаетъ, хотя бы въ статьѣ была сама святая истина. Въ Германіи же судьи пользуются полною независимостью, и потому къ ихъ помощи правительство не можетъ прибѣгнуть для подавленія свободы печати.

Объ этой сторонѣ дѣла Градовскій почти не говоритъ. Чтобы понять ее, нужно болѣе глубокое знакомство съ государственнымъ правомъ *) и исторіей; книга же Градовскаго можетъ послужить хорошимъ вступленіемъ къ изученію государственнаго права вообще. Нѣкоторая устарѣлость книги (она написана въ 1885 г. и тогда же была отпечатана для студентовъ, слушателей Градовскаго; теперь же она только стала доступной для публики) — вещь, конечно, непріятная; но нѣкоторыя изъ происшедшихъ за послѣднія 10 лѣтъ измѣненій въ государственномъ строѣ европейскихъ державъ, хотя и безъ достаточной полноты, указаны въ примѣчаніяхъ редактора книги, проф. Коркунова. Непріятное впечатлѣніе производитъ также мѣстами нѣкоторая небрежность изложенія, неточность выраженій, происходящая отъ того, что книга, записанная студентами за живымъ словомъ профессора, не была имъ самимъ предназначена для печати и потому не была проредактирована съ достаточной тщательностью, — но все это лишь въ нѣкоторой степени уменьшаетъ достоинства книги.

Антонъ Шёнбахъ. Государственный строй Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ («Международная бібліотека», изд. Бейленсона и Юровскаго, № 5) 2-е изд. Одесса. 1894. 15 коп. 40 стр. По Лабанду. Государственный строй Германской Имперіи. (Тоже № 19). Од. 1894. 15 к. 32 стр. По Лебону. Государственный строй Франціи. (Тоже № 29) Од. 1895. 15 к. 32 стр. Кто желалъ бы познакомиться съ тѣми же вопросами, съ какими знакомитъ Градовскій, но съ меньшей затратой труда и времени, тому можно указать на три названныя брошюры. Само собою разумѣется, что меньшая затрата времени ведетъ за собой и меньшую серьезность и глубину получаемыхъ свѣдѣній. Эти брошюры знакомятъ съ вопросомъ чисто внѣшнимъ образомъ; историческія объясненія, даваемые ими, крайне ничтожны; матеріала для сравненій описываемыхъ государствъ съ другими онѣ тоже не даютъ. Въ нихъ читатель найдетъ только описаніе въ отдѣльныхъ странахъ государственныхъ учреждений, ихъ взаимныхъ отношеній, какъ оно имѣетъ мѣсто въ писанныхъ конституціяхъ; къ этому присоединены краткія (даже очень краткія) и внѣшнія замѣчанія о политическихъ партіяхъ. Теоретическихъ объясненій въ брошюрахъ вовсе нѣтъ; поэтому, смыслъ выраженій: «конституціонное управленіе», противопоставляемое «парламентарному управленію» (брошюра о Франціи, стр. 21), и многихъ дру-

*) Можно рекомендовать прекрасную книгу А. В. Дэйси — «Основы государственнаго права Англіи». Спб. 1891 г. Цѣна 2 р. 50 к., дающую понятіе государственнаго строя одной страны. Довольно подробный обзоръ книгъ по государственному праву былъ сообщенъ въ «Мірѣ Вожіемъ» 1893 г., №№ 6, 7 и 12.

гихъ—многимъ читателямъ можетъ быть непонятно. Лучше другихъ—брошюра о Германіи. Въ ней разсматривается вопросъ, обобщенный въ книгѣ Градовскаго, именно вопросъ объ организациіи федеративныхъ государствъ, т.-е. сложныхъ государствъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ или даже многихъ совершенно самостоятельныхъ отдѣльныхъ государствъ. Слабѣе другихъ брошюра, посвященная Франціи; въ ней встрѣчаются кое-какія недоразумѣнія.

Ф. Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. I. Изданіе 3-е Спб. 1895. Профессоръ с.-петербургскаго университета и вице-президентъ института международного права, г. Мартенсъ настолько извѣстенъ какъ въ русской, такъ и въ заграничной ученой литературѣ, что нѣтъ надобности много распространяться о причинахъ успѣха, выпавшаго на долю его курса международного права, который уже переведенъ на нѣмецкій, французскій, испанскій и итальянскій языки. Третье изданіе его на русскомъ языкѣ (первое изданіе вышло въ 1883 году) свидѣтельствуетъ о распространенности этой книги и у насъ въ Россіи. Первый томъ курса 3 изданія состоитъ изъ обширнаго введенія и общей части. Во введеніи авторъ говоритъ объ основаніи международного права, опредѣляя его понятіе (въ первыхъ 5 параграфахъ). Затѣмъ излагается исторія международныхъ отношеній и правъ (§§ 6—33), исторія науки международного права (§§ 34—38), опредѣляются задачи и цѣль науки современнаго международного права (§ 39), основныя черты системы, пространство дѣйствія международного права, его источники и кодификація (§ 40—44).

Общая часть начинается съ подробнаго выясненія понятія о международномъ общеніи. На этомъ понятіи авторъ построилъ всю систему международного права (§§ 45—51). Свообразное воззрѣніе г. Мартенсъ высказываетъ на конгрессы и конференціи, какъ на органы международного общенія, а не отдѣльныхъ государствъ. Субъектами международного права авторъ считаетъ только государства, какъ международныя личности. Затѣмъ онъ весьма подробно классифицируетъ государства на простыя и сложныя, подраздѣляя послѣднія на союзъ государствъ и соединенныя государства (55—62 §§). Не менѣе подробно разбираются условія существованія государствъ, какъ международныхъ личностей, международныя свойства государствъ и ихъ основныя права. Затѣмъ излагается ученіе о правахъ государей и частныхъ лицъ и о правахъ государствъ относительно собственныхъ подданныхъ и иностранцевъ. Третья глава посвящена ученію о территоріи, четвертая (103—117 §§)—международнымъ договорамъ. Наконецъ, въ послѣднемъ (118) параграфѣ говорится о международныхъ обязательствахъ изъ дозволенныхъ и недозволенныхъ дѣйствій.

Несмотря на богатство содержанія, курсъ г. Мартенса легко усваивается, благодаря строгой систематичности изложенія. Кромѣ того, обиліе бібліографическихъ примѣчаній, дѣлаетъ его превосходнымъ пособіемъ для самостоятельнаго изученія международного права. Наконецъ, все сочиненіе г. Мартенса проникнуто гуманнымъ духомъ. Рядомъ съ строгими юридическими воззрѣніями

мы встрѣчаемся въ немъ на каждомъ шагѣ съ возвышенными идеальными взглядами. Авторъ говоритъ не только о томъ, что было и есть, а и о томъ, что должно быть. Такимъ образомъ, книга, посвященная международному праву, даетъ читателю больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе. Не только въ области международного права, но и въ политикѣ, курсъ г. Мартенса играетъ видную роль, и равно необходимъ какъ юристу, такъ и политику.

МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА.

Др. Ковнеръ «Исторія медицины». — *В. Прейеръ* «О сохраненіи здоровья и о продленіи жизни». — *Др. Гурфинкель* «Популярная гигиена для матерей».

Исторія медицины. Составилъ С. Ковнеръ. Т. I: медицина востока и древней Греціи до Гиппократата. Т. II: Гиппократъ. Т. III: Медицина отъ смерти Гиппократата до Галена включительно. Т. IV: Исторія средневѣковой медицины: медицина западной римской имперіи; медицина восточной римской имперіи. Византійская медицина и арабская медицина. Передъ нами трудъ, начатый въ 1878 г.; за 25 лѣтъ, т. е. до 1893 года, вышло 4 тома, въ которыхъ разсмотрѣна исторія древней медицины и медицины у арабовъ. Трудъ д-ра Ковнера представляется въ высшей степени отраднымъ явленіемъ не только въ научномъ отношеніи, но и въ этическомъ. Авторъ не академикъ, не счастливый рантье, обезпеченный матеріально—онъ бѣдный, скромный врачъ, поставленный въ необходимость зарабатывать кусокъ хлѣба тяжелымъ трудомъ практикующаго врача; составленное имъ сочиненіе не имѣетъ никакихъ данныхъ на быстрое распространеніе; стало быть, приступивъ къ своей работѣ, г. Ковнеръ напередъ зналъ, что весь тяжелый трудъ составленія подобнаго сочиненія будетъ оплаченъ только удовольствіемъ сознавать, что работаешь на пользу науки, которой обучался, и товарищей, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ мало интересуются исторіей своей спеціальности.

Приступая къ изложенію исторіи медицины у какого-либо народа, авторъ даетъ предварительно небольшой очеркъ исторіи культуры и философіи даннаго народа, и такимъ образомъ, устанавливаетъ ту почву, на которой разрабатывалась въ данное время медицинская наука. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію того, въ какомъ состояніи находились медицинскія свѣдѣнія въ извѣстную историческую эпоху, авторъ указываетъ на главнѣйшихъ дѣятелей, излагаетъ ихъ ученіе, касаясь каждой медицинской спеціальности, затѣмъ приводитъ весьма подробный списокъ сочиненій того или другого изъ выдающихся медицинскихъ писателей; къ этому списку прилагается довольно обстоятельное обсужденіе самихъ сочиненій, ихъ подлинности, ихъ различныхъ изданій и переводовъ. Говоря о второстепенныхъ дѣятеляхъ, д-ръ Ковнеръ приводитъ вкратцѣ и существо ихъ работъ, а также и списокъ ихъ важнѣйшихъ сочиненій. Благодаря сжатости изложенія и обширности включеннаго фактическаго матеріала, сочиненіе производитъ мѣстами впе-

чатлѣвіе конспекта и можетъ, въ силу этого, показаться съ перваго взгляда сухимъ и скучнымъ; но такое отношеніе къ разсматриваемому труду будетъ неправильно, ибо все важнѣйшее изложено съ большими подробностями (такъ, напр., Гиппократъ занимаетъ цѣлый томъ почти въ 600 страницъ).

Особенно интересна въ 1-мъ томѣ глава о древней индійской медицинѣ, составленная преимущественно по капитальному сочиненію Thomas Wise'a «Review of the History of medicine», 1867 г. Изъ этой главы даже и современные врачи могутъ почерпнуть много интересныхъ положеній, касающихся въ особенности этики врачебнаго сословія. Вотъ, напр., образецъ: «Врачъ, который желаетъ имѣть успѣхъ въ практикѣ, долженъ быть здоровъ, опрятенъ, скромнъ, терпѣливъ, носить коротко остриженную бороду, старательно вычищенные обрѣзанные ногти, бѣлую надушенную благовошіями одежду... Онъ долженъ обладать чистымъ, спокойнѣйшимъ сердцемъ, строго правдивымъ характеромъ, спокойнымъ темпераментомъ, отличаться величайшею умѣренностью и цѣломудріемъ, постояннымъ стремленіемъ дѣлать добро». Вознагражденія врачъ не имѣлъ права брать, отъ несчастныхъ, брамановъ и друзей. Но зато имущество людей зажиточныхъ, отказывавшихъ въ вознагражденіи врачу по минованіи болѣзни, присуждалось сполна въ пользу врача. Больныхъ, страдавшихъ неизлѣчимою болѣзнями, не разрѣшалось лѣчить.

Говоря объ исторіи индійской медицины, д-ръ Ковнеръ подробно останавливается на сочиненіи Супрута «Ayurveda». Въ этомъ сочиненіи разсмотрѣна анатомія, фізіологія, общая патологія, этиологія болѣзней, затѣмъ частная патологія, діагностика, терапія, фармакологія, гигиена, хирургія, глазныя, женскія и дѣтскія болѣзни. Изъ этого сочиненія мы узнаемъ, что древнимъ индійцамъ (VI вѣка до Р. Х.) былъ извѣстенъ фактъ кровообращенія, что они прибѣгали къ оспопрививанію. Гигиенѣ древніе индійцы придавали огромное значеніе; вотъ основныя правила, касавшіяся гигиены отдѣльнаго человѣка: надо вставать рано, до восхода солнца, чистить зубы щетками и порошками, начиная съ 10-лѣтняго возраста, растирать тѣло, купаться, опрятно одѣваться, носить зонтикъ, провѣтривать по возможности часто жилища, стричь волосы на головѣ и бородѣ, обрѣзывать ногти; послѣ обѣда не спать, заниматься гимнастикой. Относительно пици Супрута рекомендуетъ слѣдующій режимъ: до конца перваго года ребенокъ долженъ питаться только молокомъ, до 3-го года—молокомъ и рисомъ, до 15-ти лѣтъ—однимъ только рисомъ. И только послѣ этого возраста допускалась смѣшанная пища при самомъ ограниченномъ количествѣ мяса. Индѣйцы были большими поклонниками рвотныхъ и слабительныхъ, такъ что каждый человѣкъ для сохраненія здоровья долженъ былъ принимать 1 разъ въ мѣсяцъ слабительное—обычай, еще и въ настоящее время сохранившійся въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ Швейцаріи. Хирургія у индійцевъ стояла чрезвычайно высоко; они тогда уже дѣлали тѣ операціи, которыми гордятся даже наши современные хирурги (кесарское сѣченіе, камнесѣченіе и т. д.).

И медицинѣ китайцевъ удѣлено въ книгѣ д-ра Ковнера нѣкоторое мѣсто; но такъ какъ вообще объ исторіи китайской медицины имѣется свѣдѣній немного, то не мудрено, что и въ большихъ сочиненіяхъ по исторіи медицины мы не найдемъ особенныхъ подробностей по этому вопросу. Тѣмъ не менѣе, существенныя особенности анатоміи, физиологіи, патологіи и терапіи Китая обрисованы авторомъ весьма ярко. Рассмотрѣвъ далѣе медицину европейскихъ народовъ и остановившись преимущественно на греческой медицинѣ до Гиппократата, авторъ заканчиваетъ 1-й томъ своего труда.

Второй томъ, въ которомъ разобрана и изложена медицина Гиппократата, представляетъ особенно большой интересъ, такъ какъ здѣсь весьма подробно изложена вся сумма медицинскихъ свѣдѣній времени Гиппократата, и мы полагаемъ, что врачъ, не прочитавшій по крайней мѣрѣ этого тома, не имѣетъ права на названіе образованнаго врача.

Третій томъ заключаетъ, помимо чистой медицины, не мало матеріала, относящагося къ исторіи философіи вообще, и такъ какъ наши врачи, по необходимости, быть можетъ, слишкомъ мало знакомы съ философіей и ея исторіей, то они въ этомъ 3-мъ томѣ (какъ, впрочемъ, и въ концѣ второго) найдутъ не мало интереснаго и изъ исторіи философіи древняго міра, и о вліяніи этой философіи на естествознаніе вообще и медицинскія науки въ частности. Въ этомъ же томѣ читатель найдетъ весьма подробное изложеніе Галена (150 страницъ).

Четвертый томъ касается средневѣковой медицины. Тутъ подробно разобрана арабская медицина и труды знаменитѣйшихъ средневѣковыхъ врачей-европейцевъ (Орибазій, Азцій, Александръ Траглійскій, Павелъ Эгинскій и Актуаріи).

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ указать почтенному автору разбираемаго труда на нѣкоторые недостатки, которые, впрочемъ, нисколько насъ не удивляютъ, въ виду того, что дѣйствительно одному человѣку да еще поставленному въ условія, въ какихъ находился д-ръ Ковнеръ, совершенно не подѣ силу управиться съ громаднымъ матеріаломъ, который приходится имѣть въ рукахъ при составленіи исторіи медицины. Первый изъ этихъ недостатковъ—не вполне строгое критическое отношеніе къ источникамъ, которыми пользовался авторъ; если этотъ недостатокъ не сказывается особенно рѣзко въ исторіи греческой медицины, такъ какъ она разработана весьма обстоятельно, то въ исторіи арабской медицины онъ сказывается довольно сильно.

Такъ, напр., говоря о Geber'ѣ, д-ръ Ковнеръ указываетъ на сочиненіе его *Summa perfectionis*, напечатанное въ 1668 г. подѣ названіемъ «Gebri Arabis Chimia, sive Traditio summae perfectionis»; между тѣмъ, слѣдовало бы указать, что сочиненіе это напечатано гораздо раньше (между 1490 и 1520 гг.), т. е. принадлежитъ, быть можетъ, къ числу инкунабулъ; оно называется: «Geberi philosophi perspicocissimi summa perfectionis magisterii и т. д. Impressum Romae per Marcellum Silber»; кромѣ того имѣется еще одно изданіе: «Geberi liber investigationum magisterii», напеча-

танное въ 1473 г. въ Римѣ. Мы считаемъ это обстоятельство весьма важнымъ, такъ какъ оно показываетъ, что немедленно же послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, въ печати появилось сочиненіе Geber'a, стало быть, черезъ 7—8 вѣковъ послѣ своей смерти Geber еще считался въ Европѣ величайшимъ авторитетомъ. Кстати укажемъ, что д-ръ Ковнеръ ошибочно приписываетъ Geber'у знаніе металловъ цинка и, въ особенности, кадмія. Хотя цинковая руда была извѣстна арабскимъ и даже греческимъ химикамъ, но металла цинка они не знали; металлъ цинкъ впервые упоминается въ 15-мъ вѣкѣ у Basilius Valentinus'a и вполне опредѣленно только у Paracelsus'a (въ 16-мъ в.). О кадмій и подавно не могло быть рѣчи. Кадмій открытъ лишь въ началѣ 19-го вѣка. Д-ръ Ковнеръ былъ, очевидно, введенъ въ заблужденіе названіемъ «Cadmia», которое употреблялось у средневѣковыхъ авторовъ для обозначенія цинковой руды. Точно также авторъ разбираемаго труда неправильно приписываетъ Geber'у трактатъ объ астролябіи; этотъ трактатъ принадлежитъ другому Geber'у—математику и астрому.

Затѣмъ, обратимъ вниманіе почтеннаго автора на то, что у него часто попадаются указанія на сочиненія тѣхъ или другихъ авторовъ арабскаго періода, подлинность которыхъ несомнѣнно опровергнута; такъ, напр., указывается сочиненіе Rhases'a «de aluminibus et salibus», а между тѣмъ Steinschneider въ Virchow's Archiv fur patholog. Anat. 1866 г. указалъ, что авторъ названнаго сочиненія, по собственному признанію, жилъ въ Испаніи, гдѣ Rhases никогда не былъ. То же можемъ сказать и о сочиненіяхъ, приписываемыхъ Avicenna'ѣ; такъ, сочиненіе «de anima», приведенное въ числѣ сочиненій Авиценны, не принадлежитъ ему; ибо въ этомъ сочиненіи, напр., предполагаемый авторъ его говоритъ, что онъ узналъ «великое дѣло отъ епископа Antroicus'a въ Африкѣ», гдѣ, какъ извѣстно, Авиценна никогда не былъ и т. д.

Такія небольшія и вполне естественныя ошибки попадаютъ въ трудъ д-ра Ковнера въ разныхъ мѣстахъ, но онѣ, конечно, нисколько не умаляютъ достоинствъ самаго труда.

Болѣе крупнымъ недостаткомъ мы считаемъ то обстоятельство, что, говоря объ арабской медицинѣ, авторъ не даетъ ей настоящей оцѣнки. Считая арабовъ рабскими подражателями, полагая, что духъ свободнаго изслѣдованія не могъ развиваться у нихъ, благодаря корану, д-ръ Ковнеръ упустилъ изъ виду, что приверженность буквѣ корана весьма скоро исчезла. и что самое свободное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ наблюдается у арабовъ уже въ XI в. Это широкое развитіе рационализма, какъ извѣстно, подало поводъ къ реакціи, и вмѣстѣ съ нею наступилъ періодъ упадка арабской культуры. Трагую арабовъ такимъ образомъ, д-ръ Ковнеръ впадаетъ въ ту же крайность, въ какую впадали столь часто цитируемые имъ авторы, въ особенности Lesleg. «У арабскихъ писателей, за немногими лишь исключеніями, нечего искать,—говоритъ д-ръ Ковнеръ (стр. 173),—ни свободнаго изслѣдованія, ни новыхъ открытій, ни художественной отдѣлки литературныхъ произведеній; имъ недоставало, главнымъ образомъ, самостоятельности». И хотя въ различныхъ мѣстахъ авторъ про-

тивъ воли доказываетъ неправильность такой точки зрѣнія, однако, она все же вездѣ сказывается и свидѣлствуетъ о томъ, что, будучи основательно знакомъ съ медицинскою дѣятельностью арабовъ, д-ръ Ковнеръ упустилъ изъ виду, что въ средніе вѣка процвѣтала у арабовъ и поэзія, и литература, славившіяся именно художественностью отдѣлки. Уже одни памятники архитектуры, составляющіе предметъ изумленія современнаго человѣчества, памятники совершенно оригинальнаго стиля—уже они одни свидѣлствуютъ, думаемъ мы, кое о чемъ; но еслибъ авторъ обратился хоть къ тому немногому, что сказано объ арабахъ въ сочиненіяхъ Кольба («Исторія человѣческой культуры») или Дрэпера («Исторія умственнаго развитія Европы»), то онъ, по всей вѣроятности, измѣнилъ бы свое мнѣніе въ вопросѣ о художественности и самостоятельности у арабовъ. Только пристрастнымъ отношеніемъ къ арабамъ и можно себѣ объяснить что д-ръ Ковнеръ не говоритъ почти ни слова о *гигіенѣ* арабовъ, которая, какъ извѣстно, стояла на столь высокой ступени своего развитія, что мы, какъ въ частной, такъ и въ общественной гигиенѣ, не далеко ушли отъ арабовъ среднихъ вѣковъ. Стоитъ только вспомнить способы вентиляціи, увлажненія воздуха, стоитъ припомнить введеніе въ обиходъ нижняго бѣлья и пр., чтобы понять, какое значеніе арабы придавали гигиенѣ. Вотъ почему намъ кажется, что, излагая весьма добросовѣстно медицинскія ученія арабовъ, авторъ долженъ былъ обстоятельно разсмотрѣть и гигиену—какъ общественную, такъ и частную; отъ этого выиграла бы не мало та часть исторіи медицины, гдѣ разсмотрѣны средніе вѣка.

Несмотря, однако, на эти, по нашему мнѣнію, несущественные для сочиненія пробѣлы, мы должны заявить, что трудъ д-ра Ковнера представляетъ въ высшей степени драгоценный вкладъ въ русскую историческую литературу вообще, и медицинскую—въ частности, и будемъ считать задачей настоящей замѣтки исполнѣ достигнутою, если она посодѣйствуетъ его возможно-широкому распространенію не только между врачами, но и въ средѣ всѣхъ образованныхъ людей, интересующихся исторіей естествознанія.

В. Прейеръ.—О сохраненіи здоровья и о продленіи жизни. Изданіе Международной библіотеки. Одесса. 1895 г. Ц. 50 коп. Всѣ хотятъ быть здоровыми, но, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ вышеозначенной брошюры, извѣстный физиологъ Прейеръ,—люди, въ своихъ дѣйствіяхъ, вовсе не соображаются со своими желаніями, и только немногіе, пока здоровы, умѣютъ приносить ради этого извѣстныя жертвы. Такъ какъ здоровье представляетъ такое состояніе организма, при которомъ всѣ функціи его отдѣльныхъ частей совершаются исполнѣ правильно, то Прейеръ и стремится, прежде всего, разъяснить своимъ читателямъ, въ чемъ заключается правильность отправленій организма, чѣмъ и какъ она нарушается, и какъ это нарушеніе отражается на состояніи всего организма. Многое изъ того, что говоритъ Прейеръ, представляетъ ходячую истину и извѣстно каждому, но эту истину не мѣшаетъ повторять, какъ можно чаще. Поэтому, брошюра Прейера

несомнѣнно полезна, и читатель — не специалистъ можетъ почерпнуть изъ нея весьма полезныя, хотя и элементарныя свѣдѣнія изъ физиологій, замѣчанія же, высказываемыя Прейеромъ по поводу современной системы школьнаго и гимназическаго воспитанія, особенно достойны вниманія. Прейеръ говоритъ, что, рассматривая программы современныхъ гимназій, онъ нашелъ имена все тѣхъ же греческихъ и латинскихъ классиковъ, которыхъ ему приходилось читать гдѣ-то 25 тому назадъ, когда онъ былъ гимназистомъ. Въ теченіе пѣтой четверти вѣка не произошло въ этомъ отношеніи никакого прогресса. «Принципъ, котораго въ настоящее время держится гуманистическая школа, — говоритъ Прейеръ, — не смотря на нѣкоторыя приспособленія къ духу новаго времени, въ существенномъ остается тѣмъ же средне-вѣковымъ принципомъ, который много столѣтій тому назадъ имѣлъ свое основаніе, такъ какъ человѣкъ тогда для развитія своего ума не имѣлъ ничего лучше древнихъ классиковъ, главнымъ образомъ, не имѣлъ точныхъ наукъ. Между тѣмъ, теперь есть много книгъ, которыя и по содержанію, и по формѣ гораздо болѣе указанныхъ классиковъ пригодны для образованія юношества. Почему не читать отрывковъ изъ сочиненій Галилея, Декарта, Ньютона, Бэкона, Фарадея, Лютера, Гарвѣя, Фридриха Великаго, Лейбница, Канта, Галлера?» Далѣе Прейеръ прибавляетъ: «Только филологъ станетъ отрицать, что грамматика съ ея правилами, имѣющими столько исключеній, представляетъ собою скорѣе подавляющій балластъ для памяти, чѣмъ средство, пригодное для развитія логической силы. Невольно ученикъ привыкаетъ и для другихъ правилъ, законовъ нравственности, законовъ природы, допускать исключенія и тамъ, гдѣ ихъ быть не можетъ. Элементы механики и химіи уже по своей наглядности гораздо привлекательнѣе для юноши, гораздо удобнѣе для упражненія его ума, экспериментъ — самый тонкій критерій правильности мышленія. Самое вѣрное средство сдѣлать умъ самостоятельнымъ заключается въ занятіяхъ точными науками, физикой и химіей, въ производствѣ элементарныхъ опытовъ, составляющихъ переходъ отъ дѣтской игры къ серьезности дѣйствительной жизни, а не въ переводѣ давно потерявшихъ свое значеніе адвокатскихъ рѣчей, не въ изученіи фразеологій мертвыхъ языковъ, съ ихъ запутанной постройкой отдѣльныхъ фразъ, съ ихъ излишними частицами». Прейеръ особенно порицаетъ такой «противуестественный порядокъ вещей» потому, что онъ вреденъ для здоровья и, слѣдовательно, грѣшитъ противъ основнаго принципа общественнаго блага, такъ какъ вовсе не стремится образовывать «здоровыхъ», полезныхъ членовъ общества. Физическое развитіе остается въ полномъ пренебреженіи, умственное же имѣетъ такой характеръ, «какъ будто всѣмъ гимназистамъ предстоитъ непременно стать учителями гимназій». Не менѣе справедливы замѣчанія Прейера относительно необходимости распространенія физиологическихъ познаній въ обществѣ, о томъ, что преподаваніе физиологій, знакомство съ жизненными процессами необходимо было бы ввести во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, взамѣнъ массы другихъ свѣдѣ-

ній, только обременяющихъ память учащагося и не приносящихъ ни малѣйшей помощи ни его духовному развитію, ни его умственному и нравственному образованію.

Вторая часть брошюры Прейера посвящается вопросу о продолженіи жизни. Для обыкновеннаго читателя эта часть представляется, пожалуй, даже болѣе интереса, чѣмъ первая, заключающая въ себѣ физиологическія свѣдѣнія. Въ этой части собрано много любопытныхъ фактовъ и вѣрныхъ взглядовъ, касающихся макробіотики.

Популярная гигиена для матерей. Дитя и уходъ за нимъ. Перевелъ съ нѣмецкаго и дополнилъ д-ръ Л. М. Гурфинкель. Москва. Изданіе книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Ц. 1 р. 1895 г. Никто не станетъ отрицать огромнаго значенія дѣтской гигиены, заботящейся о правильномъ развитіи всѣхъ сторонъ жизни дитяти и обезпечивающей появленіе здоровыхъ поколѣній. Кромѣ того, дѣтская гигиена является еще подспорьемъ педагогикѣ, такъ какъ, помимо заботъ о физическомъ развитіи ребенка, она обращаетъ вниманіе и на правильность его духовныхъ отправленій, на тѣ условія, которыя способствуютъ ихъ развитію или затрудняютъ его. Несмотря, однако, на такое важное значеніе дѣтской гигиены, она часто совершенно игнорируется современнымъ образованнымъ обществомъ, обнаруживающимъ, въ этомъ отношеніи, поразительное невѣжество, обиліе предрассудковъ и полное непониманіе дѣтской природы. Для борьбы съ такого рода прискорбнымъ явленіемъ предназначаются всевозможныя, большія и малыя, популярныя изданія, къ числу которыхъ принадлежитъ и вышеназванная книжка, обладающая тѣмъ несомнѣннымъ преимуществомъ, что въ сжатой формѣ, безъ излишнихъ разглагольствованій и уклоненій въ сторону, она знакомитъ мать или воспитателей ребенка съ главными и основными правилами дѣтской гигиены и сообщаетъ свѣдѣнія о дѣтской природѣ, безусловно необходимыя каждой матери. Книга раздѣлена на три части соответственно періодамъ жизни ребенка, которые опредѣляются процессами развитія его организма, т. е. измѣненіями въ строеніи и отправленіяхъ всѣхъ его органовъ. Въ первой части собраны свѣдѣнія, относящіяся къ строенію и особенностямъ организма новорожденнаго и уходу за нимъ, а также уходъ за груднымъ ребенкомъ и все, что сюда относится. Эта часть занимаетъ большую половину книги, такъ какъ свѣдѣнія, въ ней заключающіяся, представляютъ краеугольный камень гигиены дѣтскаго возраста. Вторая часть посвящена гигиенѣ младшаго дѣтскаго возраста, обнимающаго періодъ отъ конца перваго года жизни до перемѣны молочныхъ зубовъ на постоянные. Въ третьей части заключаются свѣдѣнія по гигиенѣ старшаго дѣтскаго возраста, такъ называемаго школьнаго. Последняя глава посвящена оспопрививанію. Изъ этого краткаго перечня видно, что книга представляетъ возможно полный, хотя и сжатый, конспектъ по гигиенѣ дѣтскаго возраста. Къ сожалѣнію, не указавъ источникъ, съ котораго сдѣланъ переводъ, и неизвѣстно, какія сдѣланы дополненія къ нѣмецкому подлиннику.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

«*The Story of the stars*» By George F. Chambers author of a *Handbook of descriptive and Practical Anatomy. Illustrated.* (Исторія звездъ). Этотъ первый томъ популярной библіотеки, носящей названіе «*The Library of useful stories*», написанъ сжатимъ и образнымъ языкомъ и знакомитъ читателя со всѣми новѣйшими открытіями въ области астрономіи, съ ея исторіей и воззрѣніями ученыхъ. Интересующіеся этой наукой найдутъ въ этой книгѣ много матеріала. (Popular Science Monthly).

«*Education for Economics and Citizenship; and the Place of History and Geography in this*» by professor Patrick Geddes (Cooperative Wholesale Society) Manchester. 1895. (Политикоэкономическое и гражданское воспитаніе и мѣсто исторіи и географіи въ немъ). Профессоръ Геддесъ излагаетъ свои взгляды въ этой книгѣ на гражданственность и воспитаніе и признаетъ, что воспитаніе гражданина представляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ задачъ. Онъ указываетъ на важную роль въ этомъ отношеніи домашняго воспитанія, на огромное значеніе чтенія и выборъ книгъ по исторіи, географіи и др. предметамъ. Соответствующій выборъ беллетристическихъ произведеній также много значитъ въ дѣлѣ развитія гражданского міровоззрѣнія. Такой методъ воспитанія содѣйствуетъ развитію индивидуальности. «Чтобы воспитать хорошихъ гражданъ,—говоритъ авторъ,—мы должны соединить научную культуру съ сознаниемъ индивидуальныхъ и социальныхъ обязанностей и развить стремленіе къ служенію обществу и странѣ въ подростующемъ поколѣніи».

(University Extension Journal).
«*La Logique Sociale*» par M. Tarde. Paris, Alcan, 1895. (Соціальная логика). Авторъ этой довольно объемистой кни-

ги, Тардъ, пользуется большою извѣстностью въ кружкѣ профессиональныхъ социологовъ и криминалистовъ, какъ писатель, въ сочиненіяхъ котораго можно встрѣтить много вѣрныхъ и оригинальныхъ мыслей. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать Тарду, заключается въ томъ, что онъ печатаетъ слишкомъ объемистые томы, и это, безъ сомнѣнія, мѣшаетъ большому распространенію его сочиненій въ публикѣ. Вышеназванный трудъ является лишь повтореніемъ и нѣсколько большимъ развитіемъ его идеи о роли подражанія въ обществѣ. (Journal des Débats).

«*L'Année psychologique*» publié par H. Beaunis, A. Binet, directeur du laboratoire de psychologie physiologique à la Sorbonne (Alcan) 1895. (Психологическій годъ). Въ этомъ году въ первый разъ появился въ свѣтъ ежегодникъ, изданный психологической лабораторіей въ Сорбоннѣ, въ которомъ собраны результаты работъ и научныхъ изслѣдованій и наблюденій, произведенныхъ въ этой лабораторіи. Преобладаніе экспериментальнаго метода въ психологіи вызвало появленіе особыхъ лабораторій, «психофизиологическихъ», уже одно названіе которыхъ заставило бы улыбнуться психологовъ лѣтъ тридцать тому назадъ. Америка первая подала примѣръ организаціи подобныхъ специальныхъ лабораторій для психофизиологическихъ наблюденій, и въ Америкѣ ихъ существуетъ уже болѣе тридцати въ настоящее время. Германія обладаетъ знаменитою психофизиологическою лабораторіей въ Лейпцигѣ, которая была создана Вундтомъ въ 1878 году, а въ Парижѣ во главѣ такой лабораторіи въ Сорбоннѣ стоитъ Биво. Только-что вышедшее изданіе ежегодника этой лабораторіи не только заключаетъ въ себѣ массу въ высшей степени интересныхъ

и важныхъ въ научномъ отношеніи работъ, но и указываетъ на важное значеніе и пользу экспериментальнаго метода въ психологии. Ежегодникъ представляетъ не только необходимое руководство для всѣхъ психологовъ, литераторовъ и ученыхъ, но и можетъ служить популярною психологическою энциклопедіей для большой публики. Укажемъ, между прочимъ, на помѣщенные въ этомъ ежегодникъ статьи: о памяти (Бинэ и Санро), психологическія замѣтки, касающіяся драматическихъ авторовъ (Бинэ и Пасся); дѣтство великихъ людей (Голера)—статья, заключающая въ себѣ особенно много интересныхъ для обыкновенныхъ образованныхъ читателей подробностей.

(Revue des Revues).

«From Darkness to Light in Polynesia» with Illustrative Clan Songs. By the Rev. William W. Gill (Religious Tract Society). (Отъ мрака къ свету). Авторъ этой книги, миссіонеръ, высадившійся въ 1851 году въ Мангаиа, на островахъ Тихаго Океана, провель болѣе 33 лѣтъ среди дикаго населенія архипелага Гервей. Конечно, такое продолжительное пребываніе среди дикарей дало возможность миссіонеру основательно изучить ихъ бытъ и собрать множество важныхъ наблюденій въ этнологическомъ отношеніи. Книга эта можетъ представить интересъ не для однихъ только этнологовъ, а и для обыкновенныхъ читателей, такъ какъ авторъ очень занимательно рассказываетъ свою жизнь среди дикарей, исторію введенія христіанства и т. д.

(Bookseller).

«The Earth; an introduction to the Study of inorganic Nature» by Evan W. Small. (Methuen and Co) London. (Земля; введеніе къ изученію неорганической природы). Этотъ томъ входитъ въ составъ «University Extension Series», и уже это одно служитъ ему лучшую рекомендаціей. Цѣль книги—ознакомить читателя со всѣмъ, что касается планеты, на которой мы живемъ. Авторъ не предполагаетъ въ читателѣ никакихъ предвѣстныхъ знаній по геологии, физикѣ, астрономіи и биологіи и поэтому старается какъ можно популярнѣе изложить всѣ необходимыя свѣдѣнія, которыя должны служить введеніемъ къ дальнѣйшему изученію неорганической природы. Очень интересны главы, въ которыхъ говорится о работѣ и энергіи и объ эволюціи земли. Въ концѣ книги приложены рисунки для волшебныхъ фонарей, которыми можно пользоваться для публичныхъ лекцій.

(Bookseller).

«The Essentials of Logic» by Bernard Bosanquet (Macmillan and Co) London. (Главныя основанія логики). Книга включаетъ десять публичныхъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ связи съ университетскимъ движеніемъ, въ которыхъ излагаются главныя основанія логики. Для лицъ, приступающихъ къ изученію логики, книга эта можетъ служить очень удобнымъ вступленіемъ и облегчить имъ занятіе этою наукою.

(University Extension Journal).

«The Ruskin Reader» (G. Allen) London. (Читатель Рѣскина). Маленькая книжка, знакомящая читателей со взглядами и главными произведеніями Джона Рѣскина. Цитаты изъ произведеній Рѣскина выбраны очень умѣло и даютъ полное представленіе о сущности теорій Рѣскина касательно искусства и главныхъ, наиболѣе характерныхъ чертъ его прозаическихъ произведеній.

(Daily News).

«Physical Education» by Archibald MacLaren (Clarendon Press). Oxford 1895. (Физическое воспитаніе). Книга снабжена превосходными иллюстраціями (около 400) и даетъ полное понятіе объ основныя принципахъ физическаго воспитанія, его пользы и способахъ его примѣненія. (Daily News).

«Among the Gods: Scenes of India». By Augusta Klein (William Blackwood and Sons). London 1895. (Среди боговъ; индійскія сцены). Сюжетомъ этой книги служитъ поѣздка въ Индію цѣлой семьи, состоящей изъ отца и трехъ дочерей. Описаніе путешествія и связанныхъ съ нимъ приключеній сдѣлано очень живо и увлекательно; одна картина смѣняется другою, и передъ читателемъ проносятся, какъ въ панорамѣ, различныя сцены индійской жизни. Къ книгѣ приложены прекрасные фотографическіе снимки мѣстностей, типовъ и замѣчательныхъ развалинъ. (Daily News).

«An Australian in China: Being the Narrative of a Quiet Journey across China to British Burma» by Dr. G. E. Morrison (Horace Cox). (Австралиецъ въ Куман). Авторъ книги, докторъ Моррисонъ, совершилъ путешествіе черезъ весь Китай въ Бирманію. Онъ высадился въ Шанхаѣ, поднялся по Янтсикянгу, до города Чунгконга, и затѣмъ, переодѣвшись китайцемъ, проникъ въ центральныя китайскія провинціи до бирманской границы. Онъ путешествовалъ одинъ, безъ переводчика, хотя и не говорить по китайски. Спутниками его были только китайскіе кули, которыхъ онъ нанялъ переносить свои вещи во время путешествія. Большую

часть своего путешествія онъ совершилъ пѣшкомъ и безъ оружія. Описание этого путешествія и составляетъ предметъ книги. (Daily News).

«*Sport on the Pamirs and Turkestan Steppes*» by Major Q. S. Cumberland (Blackwood and Sons). (Спортъ на Памирахъ и въ Туркестанскихъ степяхъ). Авторъ книги — страстный охотникъ, выѣхалъ во главѣ охотничьей экспедиціи изъ Сринагара (столица Кашмира) и совершилъ очень интересную экскурсію по мало изслѣдованнымъ мѣстностямъ въ Гималаяхъ, Памирахъ и китайскомъ Туркестанѣ. Въ своемъ описаніи этой замѣчательной экскурсіи авторъ не ограничивается только рассказомъ о своихъ охотничьихъ похожденияхъ и приключеніяхъ, а рисуетъ цѣлыя картины жизни племенъ, обитающихъ въ неприступныхъ ущельяхъ, въ горахъ и степяхъ, куда рѣдко проникаютъ европейцы. Описанія мѣстностей и быта этихъ племенъ очень увлекательны; особенно хорошо описаніе Гималаевъ — Каракорумскаго прохода, черезъ который прошелъ авторъ. Проходъ этотъ находится на три тысячи футовъ выше Мовлана. Крімъ того, въ описаніяхъ автора можно найти много очень любопытныхъ свѣдѣній, касающихся обитателей китайскаго Туркестана и Памировъ. (Daily News).

«*The Origins of Invention: A study of Industry among primitive Peoples*». By Otis T. Mason. Illustrated (Walker Scott Ltd. New-York). (Происхожденіе изобрѣтеній). Авторъ этого труда, профессоръ и кураторъ этнологическаго отдѣленія при національномъ музеѣ Соединенныхъ Штатовъ, задался цѣлью прослѣдить весь ходъ развитія изобрѣтеній и промышленности у первобытныхъ народовъ. Въ сжатомъ, но ясномъ очеркѣ онъ представлялъ цѣлую картину развитія промышленности и постепеннаго усовершенствованія орудій производства труда. Авторъ старается разъяснить, какими путями умъ первобытнаго человѣка дошелъ до того или другаго изобрѣтенія и какъ постепенно расширялся кругъ его потребностей. Съ нѣкоторыми выводами и заключеніями автора можно, пожалуй, не согласиться, но, тѣмъ не менѣе, трудъ его не только заслуживаетъ вниманія и прочтенія, но долженъ быть поставленъ въ ряду первоклассныхъ этнологическихъ изслѣдованій. (Literary World).

«*The Life and Duties of a Citizen*» by Henry Elliot Malden (Methuen and Co). (Жизнь и обязанности гражданина). Развитие политическихъ событій въ по-

слѣднее время заставило многихъ серьезныхъ мыслителей Великобританіи обратить вниманіе на необходимость такого воспитанія подросткаго поколѣнія, которое научило бы ихъ понимать своей гражданской долгъ и обязанности и сознавать отвѣтственность, возложенную на нихъ демократическими учрежденіями страны. Въ этомъ отношеніи уже сдѣлано очень многое, и университетское движеніе устроило превосходныя лекціи какъ въ Лондонѣ, такъ и въ провинціи, имѣющія цѣлью распространить понятія о гражданскихъ обязанностяхъ среди молодежи и воспитать въ нихъ патріотическое чувство. Маленькая книга Генри Малдена также удовлетворяетъ этой цѣли, такъ какъ чтеніе ея можетъ заставить молодыхъ читателей призадуматься о своихъ политическихъ правахъ и сознать ихъ какъ слѣдуетъ.

(University Extension Journal).

«*Origine du mariage dans l'espece humaine*» par Edouard Westermarck, traduit de l'anglais par Henry de Varigny. Collection d'auteurs etrangers contemporains; Paris, Guillaumin 1895. (Происхожденіе брака у людей). Авторъ этого замѣчательнаго труда, изучая происхожденіе брака, слѣдовалъ психофизиологическому методу, стараясь опредѣлить роль, которую играли простыя инстинкты въ образованіи этого учрежденія. Во многихъ отношеніяхъ заключенія Вестермарка расходятся съ заключеніями его предшественниковъ, но аргументы его, во всякомъ случаѣ, очень интересны и достойны вниманія также точно, какъ и его выводы. Эволюція брака совершалась, по словамъ автора, различными способами и не всегда одинаковыми путями. Преобладающая тенденція этого процесса въ его новѣйшихъ фазахъ было расширеніе правъ женщины. Женщина уже болѣе не составляетъ собственности мужчины, и, согласно современнымъ идеямъ, бракъ заключается обѣими сторонами на совершенно равныхъ правахъ. Такимъ образомъ, исторію брака можно считать исторіею такихъ отношеній, въ которыхъ женщины постепенно одерживали побѣду надъ страстями, предубѣжденіями и эгоистическими интересами мужчинъ. (Revue Scientifique).

«*History of Epidemics in Britain*» par M. C. Creighton; University Press of Cambridge. (Исторія эпидемій въ Англій). Въ высшей степени почтенный трудъ, представляющій огромный философскій интересъ и рисующій картину цивилизаціи прошлаго. Читателю предло-

ставляется полная возможность судить о дѣйствительномъ прогрессѣ, достигнутомъ человѣкомъ въ области улучшенія какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго, своихъ условій жизни. Авторъ заставляетъ читателя на каждомъ шагѣ дѣлать оцѣнку тѣмъ благодѣяніямъ, которыя принесла наука человѣчеству. Жить вообще не легко, а въ прошлыя эпохи это было еще труднѣе, нежели теперь. И это понятно, если вспомнить, до какой степени тогда преобладали нелѣпыя воззрѣнія, и какъ игнорировались людьми самыя элементарныя правила гигиены. Авторъ собралъ въ своей книгѣ много любопытныхъ подробностей, касающихся жизни прошлаго, и рисуетъ эту жизнь довольно-таки непривлекательными красками. Во второмъ томѣ своего обширнаго труда авторъ гово-

ритъ, между прочимъ, объ эпидеміяхъ инфлуэнцы съ 1875 по 1894 г., особенно любопытныхъ въ томъ отношеніи, что нѣкоторые изъ этихъ эпидемій возникали въ открытомъ морѣ, среди морскихъ экипажей или на островахъ, очень удаленныхъ отъ материка и не имѣющихъ съ нимъ сношеній. Очень интересны главы, въ которыхъ описываются голодовки и эпидеміи въ Ирландіи. Чтеніе этой книги приводитъ къ заключенію, что многое уже сдѣлано въ смыслѣ борьбы съ разрушительными силами, но еще многое остается сдѣлать, и это многое, пожалуй, было бы уже сдѣлано, если бы не варварское состояніе, въ которомъ находится Европа, превратившаяся въ настоящее время въ одинъ вооруженный лагерь.

(Revue Scientifique).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 1-го мая по 15-е іюня.

Изданіе Павленкова. Иллюстрированные романы *Вальтеръ-Скотта* въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой—съ рисунками. Цѣна каждому выпуску 40 коп., въ пакѣ 50 коп.:

Робертъ — Графъ Парижскій, Революцїя, Опасный замокъ, Два пастуха, Приключенія Ниселя, Сенъ-Романскія воды.

Капитанъ Майнъ-Ридъ. *Островъ Діавола*—приложеніе къ журналу «Вокругъ Свѣта» за 1895 г.

— *Морской волкъ*—приложеніе къ журналу «Вокругъ Свѣта» за 1895 г.

Несчастные, Нищій и Старый Васыня — *Мопасана. Ванька—Чехова.* Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой. Москва. 1895 г. Ц. 2 коп.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Изданіе Павленкова. Полное собраніе въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. Спб. 1895 г.

Изданіе читальни Народной школы. Спб. Русскій книжный магазинъ Морева. 1895 г.: *Житіе милостиваго мужа Геодора Ртищева.* Съ портретами. Ц. 15 к. *Муравей - Чудодѣй.* Съ рисунками. Ц. 10 коп. *Михайло-Простота*—В. Прусса. Ц. 7 коп. *Счастливыя уюты*—Корсунскаго. Ц. 15 коп. *Люди подземнаго міра.* Съ рис. Ц. 20 коп. *Разказы о землѣ Аравійской*—Деполовича. Три книги, съ рисунками, въ одн. обложкѣ. Ц. 40 коп. *Малютка*—быль по Сентину. Ц. 15 коп. *Вольный человекъ Ялика*—Мамина-Сибиряка. Ц. 5 коп. *Кормилецъ*—Мамина-Сибиряка. Ц. 8 коп. *Маленькая колдунья* по Жоржъ-Занду. Ц. 10 коп. *Вымирающіе богатыри.* Ц. 15 коп. *Юманика* по Оржешко. Ц. 10 коп. *Пятьдесятъ басенъ Крылова.* Съ рисунками. Ц. 35 коп. *Избранныя прит-*

чи Круммахера. Ц. 10 коп. *Витязи Стюера*—Деполовича. Съ рисунками въ одной обложкѣ. Ц. 30 коп. *Обезьяны.* Съ рисунками. Ц. 15 коп. *Побѣдитель* по Сенкевичу. Ц. 10 к. *Скопа*—А. Чеглока. Съ 2 рис. *Катка*—О. Вѣляевской. Съ рисункомъ. Ц. 3 коп. *Пройдоха* или *Кто кою.* Шутка для народнаго театра. Съ рисунками. Ц. 15 коп. *Оспа и докторъ Дженнеръ.* Съ портретоми. Ц. 10 коп. *Добрый смѣхъ—не грѣхъ.* Сборникъ шутливыхъ разказовъ съ рисунками. Цѣна 2 кн. въ одной обложкѣ 25 коп.

Джонъ Леббокъ. *Какъ надо жить.* Переводъ съ англійскаго Д. Коропчевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 80 коп.

Бруно Шенланнъ. *Промысловые синдикаты.* Перев. съ нѣм. Л. Зава. Библиотека общественныхъ знаній. Одесса. 1895 г. Ц. 20 коп.

Борисъ Бируковъ. *Къ вопросу о насльдственности функциональныхъ измѣненій.* Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

С. Бураковскій. *Ревизоръ, Н. В. Гоюля.* Разборъ комедіи, для учащихся. Новгородъ. 1895 г. Ц. 35 коп.

Л. Кельнеръ. *Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи.* Перев. съ нѣм. О. Масловой, подъ ред. Н. Горбова. Москва. 1895 г. Изданіе К. Тихомирова и А. Адольфа. Ц. 1 р. 50 к.

Международная библиотека. Изданіе Г. Бейленсона и Г. Юровскаго: По А. Лебону. *Государственный строй Франціи.* Ц. 15 коп. Проф. Меркель. *Сила и право.* Перев. съ нѣм. Ц. 15 коп. Адольфъ Гацфельдъ. *Основы литературной критики.* Переводъ Дюнео. Ц. 15 коп. Л. Флейшнеръ. *Исторія народнаго образованія въ Англїи.* Ц. 15 коп.

- Изданіе Сойкина. Полезная бібліотека:
Первая помощь при несчастіяхъ съ людьми. Съ рисунками; приложение къ журналу «Природа и Люди» за 1895 г. *Рыболовъ-любитель*—Ө. Пескова. *Научныя развлеченія.* Съ рисунк. сост. В. Буринскій.
- Ч. Вѣтринскій. *Н. В. Гоголь и его произведенія.* Изданіе склада А. М. Муриновой. Ц. 8 коп.
- Популярно-научная бібліотека. Изд. Павленкова: *Очеркъ происхожденія семьи и собственности*—М. Ковалевскаго. Перев. съ французск. М. Голшина. Ц. 60 коп. Спб. 1895 г. *Духовный прогрессъ и счастье.* Психологическое изслѣдованіе. П. Лоскутова. Ц. 1 р. Спб. 1895 г.
- Библіотека полезныхъ знаній. Изданіе Павленкова: *Ручной трудъ.* Руководство для домашнихъ занятій ремеслами. Сост. А. Графиньи. Перев. Е. Предтеченскаго съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1895 г.
- Т. Циглеръ. *Что такое нравственность.* Перев. А. Острогорскаго. Ц. 50 коп. Спб. 1895 г.
- Русскій хирургическій архивъ. Подъ редакціей *Н. А. Вельяминова.* Выпускъ I. Спб. 1895 г.
- Дж. В. Дрелеръ. *Исторія умственнаго развитія Европы.* Перев. съ послѣдн. англійскаго изданія. М. В. Луцицкой, въ двухъ томахъ. Ц. 1 р. 50 к. Кіевъ. 1895 г.
- Проф. Генрихъ Гойеръ. *Мозгъ и мысль.* Бесплатное приложение къ журналу «Научное Обзорніе».
- Н. Карѣвъ. *Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи.* Изданіе III, Ц. 50 к. 1895 г.
- Н. Карѣвъ. *Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія.* Ц. 50 коп. Доходъ съ изданія въ пользу Общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.
- Н. С. Нестеровъ. *Сахарный кленъ и кленосахарное производство въ Сѣверной Америкѣ.* Спб. 1895, г. Ц. 50 коп.
- Луио Брентано. *Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда.* Перев. В. Э. Дена и В. В. Святловскаго Спб. 1895 г. Ц. 75 коп.
- Сочиненія Н. В. Шелгунова. Второе изданіе съ портретами автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. за два тома 3 р.
- Сознана ли населеніемъ потребность во всеобщемъ обученіи? Докладъ секретаря комиссіи по вопросу о всеобщемъ обученіи. А. Ө. Гартвига. Москва. 1895 г.
- И. Селивановскій. *Деревенскія неязоды.* Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1895 г. Ц. 10 коп.
- М. Нетыкса. *Руководство столярнаго ремесла.* Москва. Изданіе К. И. Тихомирова. Ц. 75 коп.
- Бесѣды о землѣ. Книжка I. Сост. А. Селескій. Изданіе склада Муриновой. Москва 1895 г. Ц. 8 коп.
- Отчетъ комиссіи по устройству въ Москвѣ народныхъ читаленъ и бібліотекъ при больницахъ, пріютахъ и проч. съ 1892 г. по февраль 1895 г.

Годъ IV-й.

№ 8-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

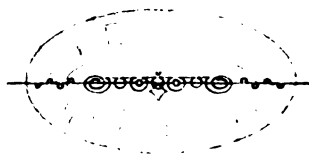
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

А В Г У С Т Ъ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го іюля 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ЖИВОТНЫЙ ОРГАНИЗМЪ И ПОГОДА. Д. Найгородова	1
2. РАННИЕ ВСХОДЫ. (Романъ изъ дѣтской жизни). Евгенія Чирикова.	20
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. * * * Н. Бальмонта.	56
4. ПРАДѢДЪ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА. Винтора Острогорскаго.	57
5. НАУЛАБА. Романъ Рюдіарда Киплинга и Уолькотта Балестриера. (Продолженіе)	71
6. ИЗЪ СКАНДИНАВСКОЙ ЖИЗНИ. Шведско-норвежскій конфликтъ. М. Лучицкой.	93
7. ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Окончаніе). А. Валенберга. Пер. съ шведскаго В. Фирсова.	103
8. ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). И. П. Бородинна	155
9. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ А. ДЕ-МЮССЕ. 1) Другу. 2) Сонетъ. Ѳ. Чуминой.	180
10. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). К. М. Станюковича.	181
11. БРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.—Любопытная страничка изъ жизни тридцатыхъ годовъ.—«Записки А. О. Смирновой».—Литературный салонъ, его хозяйка и ея гости.—Личность Смирновой.—Отсутствіе интересовъ общественнаго характера.—Пушкинъ и трагизмъ его положенія.—Неизбѣжность его гибели.—Изъ воспоминаній Н. В. Шелгунова о томъ же времени: «Полное собраніе сочиненій», 2 т.—Бъ характеристикѣ современной молодежи.—Отвѣтъ г-ну Коппе его «юнаго друга».—«Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи» г-ну Карѣву на его «Письма о самообразованіи» и «Обращеніе товарища къ студентамъ». А. Б.	201
12. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Земскія мнѣнія о необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ реформахъ.—Отношеніе народа къ школѣ.—Шадринскій пріютъ для сиротъ.—Павловская артель кустарей.—Дѣло о безпорядкахъ близъ Святогорскаго монастыря.—На дальнемъ Востоцкѣ.	220
13. За границей. Экономическіе вопросы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.—Положеніе женщины въ Индіи.—Вліяніе душевнобольныхъ на здоровыхъ.—Т. Г. Гексли. (Некрологъ). Съ портретомъ.—«Revue scientifique». — «Popular Science Monthly».	233
14. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВАНІЯ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей прив.-доц. Г. Челпанова	1
15. 2) СЕНЪ-МАРСЪ или заговоръ при Людовикѣ XIII. Историческій романъ. Альфреда де-Виньи. Переводъ съ французскаго А. М.	25
16. 3) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дююдрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позенъ, подъ редакціей Д. А. Корочевскаго	153
17. ВИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Беллетристика. — Исторія литературы. — Антропология. — Психология и этика. — Политическая экономія. — Новыя иностранныя книги. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	1
18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ЖИВОТНЫЙ ОРГАНИЗМЪ И ПОГОДА *).

Что измѣненія погоды оказываютъ вліяніе на организмъ человѣка и животныхъ, это извѣстно уже съ давнихъ временъ. Кто не слыхалъ о болѣзненности старыхъ ранъ передъ наступленіемъ ненастья или вообще непогоды? Кому неизвѣстны жалобы лицъ, имѣющихъ непріятность обладать мозолями, на болѣзненность этихъ послѣднихъ передъ измѣненіемъ погоды къ худшему? Кому не случалось слышать, что у старыхъ людей передъ непогодой нерѣдко болятъ «косточки»? Старые охотники и рыболовы, какъ преимущественные обладатели застарѣлыхъ ревматизмовъ и хирагрическихъ (на пальцахъ рукъ) наростовъ, прекрасно знаютъ, что когда безъ всякой видимой причины начинаетъ давать о себѣ знать старый знакомецъ-ревматизмъ, или начинаетъ покалывать въ хирагрическіе наросты,—слѣдуетъ ожидать наступленія перемѣны погоды. Все это факты общезвѣстные.

То же самое и относительно животныхъ. Стоитъ только заглянуть въ календарную страничку народныхъ примѣтъ, чтобы найти тамъ цѣлый рядъ указаній на тѣ или другія предстоящія измѣненія въ погодѣ, въ зависимости отъ характерныхъ измѣненій въ поведеніи того или другого животного, преимущественно изъ числа домашнихъ. Такъ, напримѣръ:

«Загѣли во время продолжительнаго ненастья пѣтухи—ожидай, что оно скоро кончится».

«Когда воробьи усиленно вьютъ гнѣзда и летаютъ во множествѣ—знакъ, что погода будетъ ясная и ведренная».

«Когда цыплята собираются въ закрытое мѣсто или подъ матку—будетъ ненастье».

«Кошка жметя къ печи или лежитъ свернувшись комкомъ—къ стужѣ».

*) Публичная лекція, читанная въ Кронштадтскомъ Морскомъ Собраніи 27-го января 1895 г.

«Коски царапають когтями двери или столъ, или что-нибудь въ избѣ—къ вѣтрамъ и свѣгу».

Большая часть этихъ и многихъ другихъ народныхъ примѣтъ не пустая болтовня, а многовѣковой опытъ наблюдательнаго народа, жизнь котораго проходила и проходитъ въ самомъ тѣсномъ общеніи съ природой. Народъ продолжаетъ и по сейчасъ пользоваться этими, унаслѣдованными отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, примѣтами, при различныхъ своихъ хозяйственныхъ работахъ. Мы же, интеллигенція, оторвавшись отъ народной жизни и гордясь обладаніемъ барометра и гигрометра, въ своемъ большомъ самолюбіи давно уже забросили эти примѣты и привыкли относиться къ нимъ свысока,—смотрѣть на нихъ почти какъ на суевѣрія и предрасудки, совершенно такъ же, какъ и медицина второй половины истекающаго вѣка, увлекшаяся легкостью приготовленія—благодаря успѣхамъ химіи — многообразныхъ искусственныхъ лекарственныхъ препаратовъ, давно уже привыкла относиться свысока къ народной медицинѣ и забросила народный травникъ,—къ благу ли страждущаго человѣчества—это еще большой вопросъ.

Между тѣмъ, вѣдь не пренебрегаемъ же мы народными пословицами, напротивъ, даже открыто признаемъ ихъ народную мудрость, а вѣдь онѣ являются продуктомъ той же народной наблюдательности, только въ другой области явленій.

Мы часто видимъ у людей недоучившихся, схватившихъ кое-какія скудныя знанія, что они почитаютъ себя чуть не мудрецами, для которыхъ нѣтъ на свѣтѣ ничего неяснаго и непонятнаго, а чего они не могутъ понять и объяснить, то сплеча относятъ къ суевѣрію и предрасудкамъ. Нѣчто въ такомъ же родѣ, нужно сознаться, случилось и съ нами: вступивъ въ обладаніе барометромъ, термометромъ и гигрометромъ, мы вообразили себя уже во всеоружіи по отношенію къ метеорологическимъ явленіямъ и смѣло забросили народную метеорологическую мудрость, изрѣдка удѣляя ей лишь страничку въ томъ или другомъ календарѣ, гдѣ она появляется почти-что въ качествѣ—странички любопытныхъ курьезовъ и предрасудковъ.

«Кошка царапаетъ ногтями столъ въ избѣ—къ вѣтрамъ и свѣгу», говоритъ народная примѣта. При поверхностномъ взглядѣ, это звучитъ, дѣйствительно, какъ будто курьезно. Въ самомъ дѣлѣ: у кошки отчего-то зачесались когти, вотъ она и зацарапала столъ или двери,—при чемъ же тутъ свѣгъ или вѣтеръ?..

Тѣмъ болѣе, что по справкѣ у барометра сплошь да рядомъ оказывается, что онъ въ это время благополучно поднимается вверхъ или продолжаетъ стоять неподвижно на прежней высотѣ.

Гигрометръ (въ отопляемой комнатѣ) также, по прежнему, показываетъ на «очень сухо». Но, повторяю, это кажется только такъ при поверхностномъ взглядѣ человѣка, не довѣряющаго народной наблюдательности, создавшей вышеприведенную примѣту. Попробуемъ же отнестись къ этой примѣтѣ съ довѣріемъ и взглянемъ на нее съ нѣсколько иной точки зрѣнія.

Кто является болѣе чувствительнымъ приборомъ—барометръ ли, сдѣланный изъ мертваго металла, или же организмъ живого существа, сложенный изъ тончайшихъ элементовъ, внутри которыхъ циркулируютъ тончайшіе нервные и другіе токи? Конечно, я думаю, сомнѣнія быть не можетъ, что организмъ живого существа, въ данномъ случаѣ кошки, является несравненно болѣе тонкимъ и чувствительнымъ приборомъ, чѣмъ барометръ.

Далѣе. Могутъ ли существовать въ природѣ явленія, которыя, не будучи улавливаемы барометромъ и другими нашими метеорологическими приборами, могутъ дѣйствовать на живой организмъ кошки? Я думаю, что могутъ (и даже увѣренъ, что существуютъ).

И, наконецъ, можетъ ли дѣйствіе на организмъ кошки одного изъ такихъ, пока еще для насъ неизвѣстныхъ, явленій, вызвать въ этомъ животномъ извѣстное нервное возбужденіе, проявляющееся въ какомъ-нибудь произвольномъ движеніи, какъ, напримеръ, въ данномъ случаѣ, въ царапаньи того или другого предмета когтями? Я думаю, что мы не имѣемъ основанія отвѣтить и на этотъ вопросъ отрицательно.

Въ результатъ получается слѣдующее: относясь съ довѣріемъ къ опытности и наблюдательности народа, я говорю,—по всей вѣроятности, вѣтрамъ и выпаденію снѣга предшествуютъ явленія особаго порядка, до сихъ поръ существующими метеорологическими приборами еще не улавливаемыя, которыя, однако, дѣйствуютъ на чувствительный организмъ кошки и вызываютъ въ немъ рефлективные движенія, выражающіяся царапаньемъ когтями различныхъ предметовъ. Я не говорю, чтобы это было именно и непременно такъ, но говорю, что это весьма вѣроятно и возможно, а потому данная примѣта заслуживаетъ нашего вниманія и провѣрки. Къ подобному же результату привело бы насъ и разсмотрѣніе многихъ другихъ народныхъ примѣтъ.

Итакъ, многія обыденныя явленія и многія народныя примѣты о погодѣ несомнѣнно указываютъ на многообразное вліяніе на животный организмъ различныхъ извѣстныхъ, а также и какихъ-то до сихъ поръ намъ не извѣстныхъ, метеорологическихъ факторовъ.

Всѣ явленія подобнаго рода, т. е. явленія, происходящія въ животномъ организмѣ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ метеороло-

*

логическихъ факторовъ, могутъ быть раздѣлены на слѣдующія двѣ категоріи. Во-1-хъ, явленія, происходящія въ животномъ организмѣ вслѣдствіе вліянія на него метеорологическихъ факторовъ, имѣющихъ мѣсто въ *настоящее время*, и, во-2-хъ, явленія, происходящія въ животномъ организмѣ вслѣдствіе вліянія на него *приближающихся* метеорологическихъ явленій. Кромѣ явленій этихъ двухъ категорій, существуютъ еще явленія, указывающія на возможность предчувствія животнымъ организмомъ метеорологическаго характера цѣлыхъ временъ года.

Разсмотримъ, нѣкоторыя изъ наиболее интересныхъ явленій каждой изъ этихъ категорій.

I.

1. *Вліяніе дующихъ на дворъ вѣтровъ на изолированный отъ наружнаго воздуха животный организмъ.*

Нѣкоторые люди и животныя несомнѣнно чувствуютъ на себѣ вліяніе тѣхъ или другихъ вѣтровъ, дующихъ въ данное время на дворѣ, не смотря на то, что они, т.-е. люди и животныя, находятся въ это время въ закрытомъ помѣщеніи, болѣе или менѣе изолированномъ отъ наружнаго воздуха, на примѣръ, въ комнатѣ. Такъ, вѣтры изъ южныхъ румбовъ, повидимому, дѣйствуютъ вообще благоприятнымъ образомъ на организмъ человека и животныхъ, а изъ сѣверныхъ—неблагоприятнымъ, на примѣръ, по отношенію къ душевному настроенію и состоянію здоровья.

Такъ, на примѣръ, одинъ нашъ извѣстный литераторъ сообщаетъ мнѣ, что въ продолженіи всей его 55-ти-лѣтней жизни, насколько только онъ можетъ запомнить, онъ всегда замѣчалъ, что настроеніе свѣтлое и жизнерадостное смѣняется у него мрачнымъ и пессимистическимъ, въ зависимости отъ направленія вѣтровъ: при южныхъ вѣтрахъ, тѣ же самыя обстоятельства, неприятности, обиды и т. п. кажутся ему нестоящими, чтобы о нихъ думать, и все рисуется ему въ розовомъ свѣтѣ. Совѣмъ другое дѣло, когда западный вѣтеръ переходитъ въ сѣверозападный. За день, за два до этого, въ немъ начинается смутная тревога, страхъ, безпредѣльная тоска, муки совѣсти и т. п. Если сѣверозападный вѣтеръ продолжаетъ упорствовать—имъ овладѣваетъ бессонница, онъ дѣлается раздражительнымъ и склоннымъ къ гнѣву изъ-за пустяковъ, при чемъ весь свѣтъ продолжаетъ рисоваться въ его глазахъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Всѣ эти симптомы онъ испытываетъ, впрочемъ, только при сѣверозападныхъ и сѣверныхъ вѣтрахъ, при сѣверо-восточныхъ же они исчезаютъ. И это онъ замѣчалъ не только на себѣ, но и на окру-

жающихъ его лицахъ, т.-е., что и у нихъ, при сѣверныхъ вѣтрахъ, расположеніе духа омрачается, сонъ дѣлается чуткимъ или совсѣмъ исчезаетъ и является расположеніе къ сварливости. Къ этому онъ еще добавляетъ, что появляющійся у него раза два, три въ годъ, застарѣлый бронхитъ, въ теченія своемъ также подвергается вліянію вѣтровъ: при сѣверномъ вѣтрѣ катарръ обостряется, мѣшаетъ спать по ночамъ, при южныхъ же смягчается, хотя бы онъ при этомъ, въ обоихъ случаяхъ, не выходилъ даже вовсе изъ дому.

Изъ моихъ личныхъ наблюденій въ этомъ направленіи, т.-е., относительно вліянія вѣтровъ на человѣка, могу сообщить здѣсь лишь слѣдующее: у меня осталось положительное впечатлѣніе изъ младенческихъ лѣтъ моихъ дѣтей, что они т.-е. дѣти, въ тѣ годы особенно безпокойно спали въ тѣ, по преимуществу, осеннія ночи, въ которыя на дворѣ бушевали бурные западные и юго-западные вѣтры, при чемъ нерѣдко, послѣ продолжительнаго безпокойства, засыпали поперекъ кровати. Въ подобныхъ случаяхъ мнѣ даже случалось иногда съ успѣхомъ прибѣгать къ перемѣщенію дѣтскихъ кроватокъ подъ прямымъ угломъ къ первоначальному ихъ направленію,—вслѣдъ затѣмъ слѣдовалъ болѣе спокойный сонъ.

Англійскій метеорологъ Ральфъ Аберкромбю, въ своемъ прекрасномъ популярномъ сочиненіи о погодѣ *), между прочимъ, приводитъ слѣдующую пословицу (англійскую?): «дѣлай съ людьми дѣла тогда, когда дуетъ сѣверо-западный вѣтеръ», при этомъ, какъ бы въ поясненіе приведенной пословицы, прибавляетъ: «сѣверо-западный вѣтеръ выступаетъ на задней сторонѣ циклона и просвѣтляетъ душевное настроеніе человѣка, въ противоположность невралгическимъ и ревматическимъ болямъ, приносимымъ передней стороной циклона и дѣлающимъ людей сварливыми». Хотя эти слова англійскаго метеоролога находятся въ прямомъ противорѣчій съ вышеприведенными наблюденіями нашего русскаго литератора, но это не должно насъ смущать: въ данное время для насъ важно установить самый фактъ вліянія вѣтра на организмъ человѣка, дѣло же дальнѣйшихъ наблюденій въ этомъ направленіи будетъ—выяснить, какіе именно вѣтры и какъ именно дѣйствуютъ на людей, и одинаковы-ли эти дѣйствія для разныхъ странъ, разныхъ временъ года и т. п.

Перехожу затѣмъ къ міру животныхъ. Всякому птичнику и орнитологу, часто наблюдающему птицъ подъ открытымъ небомъ,

*) *Ralph Abercromby*: «Das Wetter». (Deutsch, von Dr. I. M. Pernter).

хорошо извѣстно, что въ весеннее время, въ пору наиболѣе оживленнаго и обильнаго птичьяго пѣнія, при наступленіи холодныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ,—а нерѣдко еще и раньше ихъ наступленія—пѣніе птицъ значительно ослабѣваетъ и даже вовсе прекращается, до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ не стихнетъ или не перейдетъ на другіе, болѣе теплые румбы. Конечно, при поверхностномъ взглядѣ, повидимому, ничего не представляется особеннаго въ томъ, что птицы не поютъ при холодномъ вѣтрѣ. Обыкновенно это объясняютъ тѣмъ, что, молъ, такъ какъ при сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ температура воздуха значительно понижается, вслѣдствіе чего уменьшается количество летающихъ и бѣгающихъ по землѣ насѣкомыхъ, забывающихся отъ холода въ разные укромные уголки, то поэтому птицамъ приходится терпѣть нужду въ пищѣ, а при пустомъ желудкѣ, извѣстно—не до пѣсенъ. Отчасти это вѣрно; но при этомъ упускаются изъ виду зерноядныя птицы, мало интересующіяся насѣкомыми, а между тѣмъ и эти птицы также примолкаютъ; даже воробьи—ужь они ли, кажется, не обтерпѣлись и не привыкли къ всевозможнымъ нашимъ метеорологическимъ осеннимъ и зимнимъ невздамъ, а и тѣ не только прекращаютъ въ такіе дни свое неугомонное чириканье, но нерѣдко всѣ куда-то запрятываются. Кромѣ того, говорятъ, самой птицѣ холодно и не уютно при холодномъ вѣтрѣ, а потому, естественно, что она молчитъ и боится, молъ, простудить свое горлышко... Допустимъ даже, что оно и такъ, но въ такомъ случаѣ тѣ птицы, которыя находятся въ надежномъ, тепломъ пріютѣ и имѣютъ предъ собой въ обиліи свой обычный кормъ—комнатныя птицы, содержащіяся въ садкахъ и клѣткахъ,—конечно, не должны бы имѣть никакихъ причинъ сбавлять свои пѣсни въ вышеупомянутые дни, когда на дворѣ дуютъ холодные сѣверо-восточные вѣтры, а между тѣмъ и онѣ сбавляютъ и нерѣдко вовсе даже умолкаютъ и сидятъ на жердочкахъ, нахохлившись и насупившись, точно такъ же, какъ и ихъ сестры, тамъ, подъ открытымъ небомъ. Вотъ тутъ-то и приходится признать неудовлетворительность вышеприведенныхъ ходячихъ объясненій и поставить большой вопросительный знакъ. И замѣчательно, что, въ то самое время, какъ комнатныя птицы начнутъ снова подавать свои голоса и заводить пѣсни,—въ особенности если еще при этомъ въ клѣткахъ начнется общее оживленное купанье и охорашиванье—въ то же самое время и на дворѣ начинаютъ раздаваться птичьи голоса и пѣсни, а въ лужахъ можно увидѣть купающихся воронъ и повысыпавшихъ изъ своихъ притоновъ и убѣжищъ воробьевъ. Взглянувъ же въ это время на флюгеръ, можно убѣдиться, что вѣтеръ повернулъ на ЮВ, Ю или ЮЗ или вовсе стихъ.

Рыбы, въ ихъ подводномъ царствѣ, также несомнѣнно испытываютъ на себѣ вліяніе вѣтровъ. Такъ, всякому опытному рыболову извѣстно—и это можно даже найти во многихъ руководствахъ по рыбной ловлѣ,—что при извѣстныхъ вѣтрахъ, преимущественно дующихъ съ С, СВ и В, рыбы, по крайней мѣрѣ, извѣстныя породы ихъ—плохо и даже нерѣдко и вовсе не ловятся. Рыба не «клюетъ» и не «гуляетъ», какъ говорятъ рыболовы, а стоитъ на одномъ мѣстѣ, забравшись въ глубокія ямы, омуты и другія крѣпкія мѣста. Перешелъ вѣтеръ на другіе румбы или стихъ,—пошла гулять и рыба, и на удочкахъ у рыболововъ начался клѣвъ. Положимъ, явленіе клѣва рыбы есть явленіе весьма сложное, зависящее отъ многообразныхъ причинъ, но что одною изъ такихъ причинъ, несомнѣнно, является также направленіе и сила вѣтра—это не подлежитъ сомнѣнію. И здѣсь, какъ и въ мірѣ птицъ, повторяется то явленіе, что и комнатныя рыбы, живущія въ акваріумахъ (по крайней мѣрѣ, караси и, такъ называемыя, золотыя и серебряныя рыбки, которыхъ мнѣ преимущественно приходилось наблюдать), повидимому, также чувствуютъ на себѣ дѣйствіе дующихъ на дворѣ вѣтровъ, какъ и ихъ сородичи на волѣ въ прудахъ, рѣкахъ и озерахъ. Такъ, мнѣ неоднократно приходилось наблюдать въ моемъ акваріумѣ, что при очень сильныхъ вѣтрахъ рыбки часто стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, причѣмъ преимущественно принимаютъ направленіе перпендикулярное къ направленію дующаго на дворѣ вѣтра, и если при этомъ потревожить ихъ покой, то онѣ, описавъ вялымъ, медленнымъ движеніемъ одинъ или два круга, вокругъ помѣщающейся по среди акваріума туфовой скалы, снова останавливаются неподвижно въ прежнемъ направленіи.

Итакъ, дующіе на дворѣ вѣтры реагируютъ извѣстнымъ образомъ на животный организмъ, даже и въ томъ случаѣ, когда этотъ организмъ находится въ такомъ изолированіи отъ наружнаго воздуха, въ какомъ, напримѣръ, находятся рыбки въ комнатномъ акваріумѣ въ зимнее время.

2. Явленіе труднаго пробужденія во время выпаданія осадковъ на дворѣ или незадолго до ихъ выпаденія.

Еще въ бытность мою воспитанникомъ одного изъ закрытыхъ военно-учебныхъ заведеній, я замѣтилъ, что въ нѣкоторые изъ дней, въ которые мнѣ, въ качествѣ дежурнаго, приходилось утромъ будить товарищей по ротѣ, добудиться ихъ было особенно трудно, и это бывало именно по утрамъ пасмурныхъ—дождливыхъ, снѣжныхъ или туманныхъ дней. Впослѣдствіи я сталъ замѣчать это явленіе труднаго пробужденія въ извѣстные дни и на своей семьѣ,

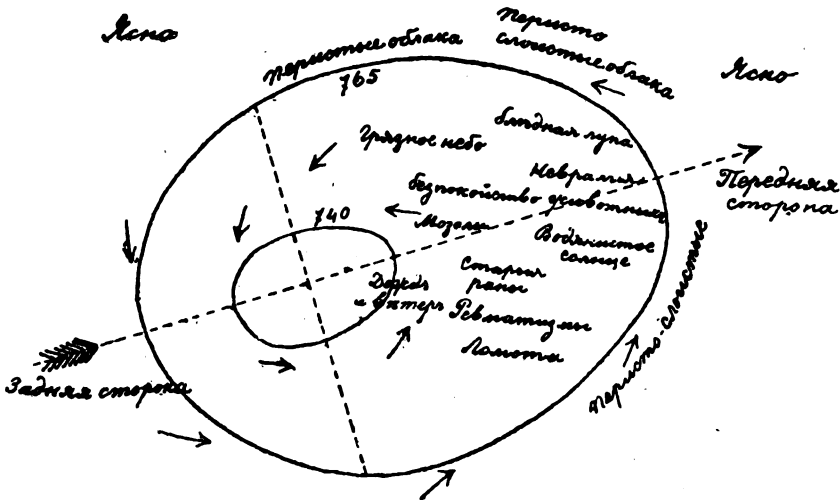
и не только на дѣтяхъ, но и на себѣ, а также и на прочихъ взрослыхъ членахъ семьи. Мнѣ случалось также слышать и отъ другихъ лицъ, что ими замѣчалась связь между тяжелымъ пробужденіемъ и непогодю. Отмѣтки этого явленія начали производиться въ моихъ записныхъ книжкахъ съ 1889 г., причеъ записывались лишь съ осени до весны, въ лѣтнее же время записей этого рода не дѣлалось. Всего сдѣлано было, по 20 января текущаго года, 49 наблюдений. Изъ этого числа наблюдений, въ 46 случаяхъ (93 проц.) трудное пробужденіе сопровождалось выпаданіемъ осадковъ на дворѣ, частію во время самаго пробужденія, частію же спустя нѣсколько (обыкновенно немного) часовъ, при чемъ въ 32 случаяхъ наблюдался снѣгъ, въ 7—дождь и въ 7—туманъ и иней. Изъ числа этихъ 49-ти наблюдений труднаго пробужденія 22 имѣли мѣсто при *поднимающемся* барометрѣ и 27 при *падающемъ*, причеъ высота барометра, въ часъ пробужденія, колебалась въ очень широкихъ границахъ: отъ 726 до 783 мм. Изъ этихъ данныхъ, я полагаю, можно вывести заключеніе, что рассматриваемое явленіе труднаго пробужденія находится внѣ зависимости отъ давленія воздуха, такъ какъ оно (т. е. явленіе) почти одинаково часто наблюдается, какъ при поднимающемся, такъ и при падающемъ барометрѣ,—какъ при очень высокомъ, такъ и при очень низкомъ его положеніи. То же самое можно сказать и относительно вліянія влажности, такъ какъ въ зимнее время, въ которое это явленіе также нерѣдко наблюдается, врядъ ли могутъ происходить, въ отапливаемыхъ комнатахъ и за двойными оконными рамами, сколько-нибудь значительныя колебанія во влажности воздуха, отличающагося въ это время года, обыкновенно чрезвычайною сухостью.

Перейдемъ теперь къ явленіямъ второй категоріи, т. е. къ явленіямъ вызываемымъ въ животномъ организмѣ *приближающимися* переѣнами погоды.

II.

1. *Бользненныя явленія въ организмѣ человека.* Сюда относятся всѣ тѣ невралгическія, ревматическія, подагрическія, хирагрическія боли, болѣзненность старыхъ ранъ, мозолей и т. п., а также измѣненія въ психическомъ состояніи душевно-больныхъ, каковыя наблюдаются, за большій или меньшій періодъ времени, до наступленія извѣстныхъ измѣненій въ состояніи атмосферы, и именно, главнымъ образомъ, передъ измѣненіемъ хорошей (тихой и ясной) погоды въ дурную (вѣтряную, сопровождающуюся дождемъ или снѣгомъ). Такъ какъ таковыя измѣненія погоды, къ худшему, въ

большинствѣ случаевъ, обуславливаются у насъ прохожденіемъ циклоновъ*), то, слѣдовательно, всѣ вышеупомянутыя болѣзненные явленія предшествуютъ приближающимся циклонамъ—служатъ ихъ показателями. Теперь вопросъ въ томъ, какъ велико то разстояніе во времени и пространствѣ, которое отдѣляетъ упомянутыя болѣзненные явленія отъ приближающагося циклона,—именно отъ той его части, со вступленіемъ которой въ наши предѣлы собственно начинается уже непогода? Вопросъ этотъ представляетъ собою огромный интересъ, но въ настоящее время онъ, можно сказать, находится еще только въ стадіи своего рожденія. Несомнѣнно, что этотъ вопросъ не можетъ имѣть одного общаго рѣшенія, а долженъ рѣшаться по частямъ, такъ какъ природа его весьма сложная. Разстояніе, отдѣляющее болѣзненные явленія отъ, такъ сказать, непогодной линіи приближающагося циклона,

есть несомнѣнно величина крайне измѣнчивая: тотъ или иной видъ болѣзненнаго явленія, та или иная сила циклона, та или иная скорость поступательнаго его движенія—все это, несомнѣнно, должно вліять на величину упомянутаго разстоянія. Аберкромбю, въ своемъ упомянутомъ уже выше сочиненіи о погодѣ, даетъ слѣдующій схематическій рисунокъ циклона, внутри котораго, и именно въ передней части циклона, между прочимъ, вписаны на разныхъ мѣстахъ, слѣдующія болѣзненные явленія: невралгія, болѣзненность старыхъ заросшихъ ранъ, ревматизмъ, ломота (Reissen) и болѣзненность мозолей.

*) Циклономъ называется область низкаго стоянія барометра (область барометрическаго минимума). Антициклономъ называется область высокаго стоянія барометра (барометрическаго максимума).

Какъ видно изъ этой схемы, Аберкромбю отводитъ для невралгіи самое переднее мѣсто—вслѣдъ за появленіемъ перисто-слоистыхъ облаковъ (Cirro-Stratus), являющихся на небѣ первымъ видимымъ признакомъ приближающагося циклона. Приблизительно въ одномъ мѣстѣ съ невралгіей показаны «водянистое» солнце и «блѣдная» луна. Перисто-слоистыя облака показаны на изобарѣ *) 765 (миллиметровъ барометрическаго давленія), невралгія же находится, приблизительно, около изобары 760. За невралгіей слѣдуетъ, нѣсколько ближе къ центру циклона, ревматизмъ и ломота—приблизительно на изобарѣ 755, когда небо становится уже «грязнымъ» (Schmutziger Himmel). Въ этомъ же мѣстѣ показано и *безпокойство животныхъ*. Отступя, приблизительно, еще на одну изобару (750) показаны *старыя раны* (Narben) и *мозоли*. Такимъ образомъ, по Аберкромбю, прежде всего дають знать о приближеніи циклона невралгическія болѣзненные явленія, затѣмъ слѣдуютъ *ревматическія боли и ломота* (Reissen), и наконецъ, еще позже, болѣзненность закрытыхъ, старыхъ ранъ и мозолей, послѣ чего вскорѣ начинается уже и дождь (изобара 740). Такой послѣдовательный порядокъ болѣзненныхъ явленій, предшествующихъ приближающейся непогодѣ, въ общемъ сходится и съ моими наблюденіями въ этомъ направленіи. (Я бы еще поставилъ въ эту схему разсмотрѣнное выше явленіе *труднаго пробужденія*, и именно между изобарами 745 и 740). Однако, въ настоящее время, послѣ того, какъ стала извѣстна работа д-ра М. Н. Нижегородцева «О вліяніи метеорологическихъ условій на душевное разстройство» **), я думаю, что граница схемы, предложенной Аберкромбю, должна быть нѣсколько расширена, и именно въ томъ смыслѣ, что вліяніе приближающагося циклона на организмъ чело­вѣка распространяется далѣе изобары 765 и сказывается ивогда еще задолго до появленія на небѣ перисто-слоистыхъ облаковъ (что подтверждается также и моими наблюденіями надъ криками лягушки-древесницы, о которыхъ рѣчь будетъ впереди). На основаніи своихъ наблюденій надъ душевно-больными, въ сопоставленіи съ синоптическими картами погоды, д-ръ Нижегородцевъ пришелъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ заключеніямъ:

«Продолжительными наблюденіями автору удалось установить фактъ воздѣйствія на душевное разстройство циклоновъ и антициклоновъ, на возникновеніе и передвиженіе которыхъ сводятся

*) Изобары—линіи равной высоты барометра; линіи эти, въ циклонахъ и антициклонахъ, образуютъ собою замкнутую фигуру, б. ч. эллиптической формы.

***) Труды V съѣзда общества русскихъ врачей въ память Н. Пиргоова.

основныя перемены погоды». И далѣе: «въ большинствѣ случаевъ, максимумъ эффекта сказывается (на большихъ) при приближеніи барометрическаго минимума. При отстояніи этого минимума, приблизительно, на 10 град. широты, эффектъ уже ясно выраженъ». 10 градусовъ широты—это слишкомъ 1000 верстъ, начало же перисто-слоистыхъ облаковъ врядъ ли отстоитъ на такомъ большомъ разстояніи отъ мѣстонахожденія минимума. Что начало воздѣйствія приближающагося циклона на животный организмъ находится иногда на весьма большомъ разстояніи отъ собственно непогодной части циклона, это еще рельефнѣе выступаетъ изъ нижеслѣдующихъ моихъ наблюденій надъ криками лягушки-древесницы.

2. *Крикъ лягушки-древесницы или квакши (Hyla arborea), какъ показатель предстоящей перемены погоды.* Многимъ, вѣроятно, случалось видѣть на картинкахъ (преимущественно въ дѣтскихъ книжкахъ заграничнаго происхожденія) изображеніе этой лягушки, сидящей въ стеклянной банкѣ на маленькой лѣсенкѣ. За границей, преимущественно въ Германіи, эту хорошенькую, маленькую, свѣтло-зеленую лягушечку часто держатъ въ комнатахъ, причѣмъ, обыкновенно, говорятъ, что, будто бы, она передъ хорошей погодой влѣзаетъ на свою лѣсенку, а передъ худой—уходитъ въ воду, налитую на двѣ банки. На волѣ эта лягушка живетъ въ западной Европѣ, а также въ западной и южной Россіи. Зиму, подобно прочимъ лягушкамъ, квакша проводитъ въ спячкѣ, съ весны же и до конца осени держится на деревьяхъ, среди листвы, подъ цвѣтъ которой вполне подходитъ своей окраской, и занимается тамъ ловлей насѣкомыхъ, которыми питается. Въ случаѣ кратковременнаго, преходящаго дождя, квакша прицѣпляется или, вѣрнѣе, присасывается кончиками своихъ пальцевъ и брюшною поверхностью къ нижней сторонѣ листовой пластинки, подъ прикрытіемъ которой, какъ подъ зонтикомъ, и выжидаетъ окончанія непогоды. При продолжительномъ же ненастьи, она спускается съ дерева и, забравшись въ воду ближайшей канавы или пруда, отсиживается тамъ до окончанія ненастья, послѣ чего снова переселяется на древесныя вѣтви. Такимъ образомъ, слѣдовательно, жизнь этого маленькаго животнаго находится въ тѣсной зависимости отъ погоды: ведреная погода, ясно свѣтитъ солнышко, ей сытно и уютно въ зеленомъ древесномъ шатрѣ; напротивъ, если погода продолжительно-ненастная, квакша голодаетъ и отсиживается въ прудовой тинѣ. Въ весеннее время, когда весь животный міръ заботится о продолженіи своего рода, квакши-самцы много и по-долгу кричатъ, причѣмъ крикъ ихъ ближе всего можно сравнить съ зву-

ками колотушки ночнаго сторожа. Въ прочее время гѣта, квакши, по словамъ Брема, кричатъ особенно много и громко передъ грозой. Желая прослѣдить за квакшей и ея криками въ комнатѣ у себя дома, я, пять гѣтъ тому назадъ, приобрѣлъ въ одномъ изъ петербургскихъ магазиновъ экземпляръ квакши-самца. Выбирая для меня, изъ большого количества квакшъ, экземпляръ съ черноватымъ, складчатымъ горлышкомъ—признакомъ взрослога, способнаго кричать, самца, продавщица, между прочимъ, сказала, что въ ночь, наканунѣ, ея квакши сильно кричали, «какъ это онѣ всегда дѣлаютъ передъ оттепелью», добавила она (дѣло было въ декабрѣ и на дворѣ, дѣйствительно, стояла сильная оттепель, съ дождемъ и вѣтромъ). Это обстоятельство, т.-е. способность квакши предсказывать зиму наступленіе оттепели, придадо, конечно, еще большій интересъ моей покупкѣ, и я сталъ дѣлать отмѣтки въ моей записной книжкѣ, каждый разъ, какъ моя квакша принималась кричать. Прожила у меня эта квакша двѣ зимы и два гѣта, причемъ крики ея записывались только въ зимніе мѣсяцы (въ гѣтніе я бываю обыкновенно въ отъѣздѣ). Результаты получились слѣдующіе:

Всего было записано 26 наблюденій крика квакши. Изъ этого числа въ 21-мъ случаѣ (или 81%) *послѣ* крика слѣдовали осадки (дождь, снѣгъ и иней), причемъ въ 9-ти случаяхъ (42%) осадки слѣдовали въ *первыя же* сутки послѣ крика, въ 8-ми случаяхъ (38%)—во вторыя сутки и въ 4-хъ случаяхъ (19%)—въ третьи сутки.

Изъ остальныхъ 6-ти наблюденій, *въ одномъ* случаѣ послѣдовала, въ первыя же сутки, *оттепель*, безъ осадковъ, въ *одномъ* случаѣ, также въ первыя сутки, сильная *буря* съ юго-запада, и *въ 3-хъ* случаяхъ не произошло никакихъ особенныхъ видимыхъ атмосферическихъ явленій, по крайней мѣрѣ въ ближайшіе за крикомъ трое сутокъ.

Изъ тѣхъ же 26-ти наблюденій, *въ 11-ти* случаяхъ квакша кричала при *поднимающемся* барометрѣ, *въ 12-ти* случаяхъ—при *падающемъ* барометрѣ и *въ 3-хъ* случаяхъ—при *неподвижномъ* барометрѣ. При этомъ, во всѣхъ случаяхъ, когда крики наблюдались при поднимающемся и неподвижномъ барометрѣ, послѣдовало, въ ближайшія трое сутокъ, паденіе барометра, причемъ въ *одномъ* случаѣ въ теченіе первыхъ, послѣ крика, сутокъ, послѣдовало даже поднятіе барометра, но затѣмъ, во вторыя сутки, барометръ началъ падать, и на третьи сутки послѣдовало выпаденіе осадковъ (снѣгъ).

Такимъ образомъ, изъ вышеприведенныхъ цифръ видно, что

въ 14-ти случаяхъ изъ 26-ти, квакша указала на предстоящее измѣненіе погоды *раньше*, чѣмъ это сдѣлалъ барометръ, который во всѣхъ этихъ 14-ти случаяхъ или поднимался кверху во время крика, или стоялъ неподвижно.

Осенью прошлаго (1894) года мнѣ снова удалось обзавестись прекраснымъ экземпляромъ квакши-крикуньи. Купленная 29 сентября, она уже 1 октября подала первый голосъ. Всего было записано (по 11 марта сего года) 65 криковъ. Изъ этого числа въ 55-ти случаяхъ (83%) послѣ крика слѣдовали осадки (дождь, снѣгъ, иней), при чемъ въ 27 случаяхъ (49%) осадки слѣдовали *въ первую же* сутки послѣ крика, въ 25 случаяхъ (45%)—*во вторыя* и въ 3-хъ случаяхъ (5%) *въ третьи* сутки.

Изъ остальныхъ 11-ти наблюденій *въ 5-ти* случаяхъ послѣдовала *оттепель*, безъ осадковъ (въ 2-хъ случаяхъ въ первыя сутки, въ 2-хъ—во вторыя и въ одномъ—въ третьи сутки послѣ крика) и въ 6-ти случаяхъ не послѣдовало никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ состояніи погоды, по крайней мѣрѣ въ ближайшія трое сутокъ.

Изъ тѣхъ же 65-ти наблюденій, *въ 33-хъ* случаяхъ квакша кричала при *поднимающемся* барометрѣ, *въ 27* случаяхъ—при *падающемъ* и *въ 6-ти*—при почти неподвижно-стоявшемъ барометрѣ.

Изъ всѣхъ этихъ наблюденій вытекаетъ, что *крики квакши находятся внѣ зависимости отъ измѣненій давленія воздуха*, и что на организмъ этого животнаго, видимо, дѣйствуютъ какія-то явленія *особаго порядка*, барометромъ не воспринимаемыя.

(Измѣненія во влажности наружнаго воздуха не могли играть, при этомъ, никакой роли, такъ какъ моя квакша, помѣщавшаяся въ стеклянномъ терраріумѣ, стоявшемъ въ отапливаемой комнатѣ, съ двойными оконными рамами, была, можно сказать, почти вполне изолирована отъ вліянія наружнаго воздуха).

То обстоятельство, что за криками квакши, или по крайней мѣрѣ за большинствомъ изъ нихъ, вскорѣ слѣдовало измѣненіе погоды къ худшему, естественно должно было подать мысль о связи этихъ криковъ съ движеніями циклоновъ, въ большинствѣ случаевъ приносящихъ намъ дурную погоду. И дѣйствительно, сдѣланныя мною сопоставленія криковъ квакши съ соответствующими синоптическими картами погоды (по бюллетенямъ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ), вполне оправдали сдѣланное предположеніе. Именно оказалось, что дни, въ которые кричала моя квакша, въ Лѣсномъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, совпали съ тѣми днями, въ которые на материкѣ Европы появлялись болѣе или менѣе значительные минимумы. Для примѣра

приведу здѣсь слѣдующее сопоставленіе дней крика моей квакши, съ 13 по 26 октября, съ днями появленія минимумовъ на материкѣ Европы, какъ они показаны на картѣ обзора погоды за октябрь мѣсяць (нов. стиля), помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ «Метеорологическаго Вѣстника» за 1894 г.

Дни криковъ квакши: октября 13, 15, 16, 17, 19, 21, 25, 26 *). Дни появленія минимумовъ: октября 13, 15, 16, 17, 19, 21, 24, 25, (съ 26 по 31 октября квакша ни разу не кричала и за это же время не показано на картѣ ни одного новаго появленія минимума).

Изъ сопоставленія этихъ цифръ видно, что изъ 8-ми дней, въ которые кричала квакша, 7 совпали съ днями появленія минимумовъ на материкѣ Европы. 24 октября въ моей записной книжкѣ не значится записи крика квакши, а между тѣмъ въ этотъ день вступилъ на материкѣ Европы минимумъ со стороны Ледовитаго океана, черезъ Бѣлое море. Это обстоятельство, т. е. отсутствіе записи крика квакши 24 октября, могло произойти отъ недосмотра— онъ могъ быть не услышанъ, вслѣдствіе случайнаго отсутствія изъ дому всѣхъ членовъ моей семьи; или же квакша могла кричать ночью (что она иногда и дѣлаетъ) и остаться, потому, не услышанной. 26 октября квакша кричала (вечеромъ), хотя на этотъ день и не показано появленіе новаго минимума; 27-го утромъ выпалъ густой снѣгъ. Въ моихъ записныхъ книжкахъ есть нѣсколько подобныхъ случаевъ, когда квакша кричала незадолго до выпаданія осадковъ (преимущественно снѣга), безъ того, чтобы въ это время появился гдѣ-нибудь новый минимумъ, но такіе случаи бывали, сравнительно, довольно рѣдко.

Повидимому, квакша реагируетъ также и на появленія максимумовъ (антициклоновъ). Такъ, на картѣ обзора погоды за декабрь мѣсяць 1894 г. («Метеорологич. Вѣстн.», январь, 1895 г.), показаны появленія максимумовъ 2, 4, 7, 10, 20 числа, и въ эти же дни, кромѣ лишь 20 декабря, у меня отмѣчены также и крики квакши. Докторъ Нижегородцевъ тоже нашелъ, что его больные реагировали на антициклоны. Такъ, онъ говоритъ: «вліяніе погоды на душевно-больныхъ выражается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче, внезапнѣе ея переменна, чѣмъ рѣзче само данное метеорологическое состояніе, чѣмъ долѣе оно не наблюдалось и чѣмъ болѣе отличается отъ предшествовавшаго (смѣна антициклона циклономъ и наоборотъ **). И далѣе: «антициклонамъ» ***) (звнимѣ,

*) Всѣ числа по старому стилю.

**) Подчеркнуто мною.

***) Тоже.

осеннимъ и весеннимъ) свойственно, вообще говоря, болѣе благотворное вліяніе, хотя и *возбуждающее*, но тонизирующаго характера *).

Впрочемъ, что касается до дѣйствія на квакшу антициклоновъ, то въ этомъ отношеніи требуются еще дальнѣйшія изслѣдованія. Что же касается до циклоновъ (минимумовъ), то я могу смѣло утверждать, на основаніи моихъ наблюденій надъ криками квакши, что эта лягушка чувствуетъ (и кричитъ) въ Петербургѣ, когда минимумъ приближается съ океана къ западнымъ берегамъ Европы, отстоящихъ отъ насъ на 1000 и болѣе верстъ, точно такъ же, какъ это имѣетъ мѣсто и у душевно-больныхъ людей, по наблюденіямъ д-ра Нижегородцева.

3. *Пауки-паутинники, какъ предсказатели перемѣны погоды.* Это тѣ пауки, которыя ткутъ, для ловли насѣкомыхъ, сѣти изъ паутиннаго вещества, выдѣляющагося изъ особыхъ бородавочекъ, находящихся на заднемъ концѣ брюшка этихъ животныхъ. (Кромѣ пауковъ-паутинниковъ есть еще много видовъ пауковъ, ведущихъ бродячую жизнь и ловящихъ свою добычу, бросаясь на нее, подобно тому, какъ это дѣлаютъ хищныя животныя). Надо замѣтить, что запасъ паутиннаго вещества въ тѣлѣ паука-паутинника находится въ тѣсной зависимости отъ количества принимаемой паукомъ пищи: обильно питается паукъ—много паутиннаго запаса, и наоборотъ. Такимъ образомъ, паукъ долженъ весьма осмотрительно расходовать запасъ своего паутиннаго вещества, потому что, если онъ, напримѣръ, израсходуетъ его на свою паутинную постройку передъ дурной погодой, которая, наступивъ, вымочитъ и изорветъ его постройку, то онъ рискуетъ погибнуть отъ голода, такъ какъ, по прекращеніи ненастья ему не изъ чего будетъ соткать себѣ новую паутинную сѣть, потому что онъ, отощавши за время ненастья, не найдетъ въ себѣ достаточнаго запаса паутиннаго вещества для новой паутинной постройки. Вотъ почему у пауковъ-паутинниковъ и должно было выработаться тонкое чутье относительно предстоящихъ измѣненій погоды, которыя эти пауки повидимому и предчувствуютъ за большее или меньшее время впередъ. Извѣстный нѣмецкій натуралистъ-энтомологъ Ташенбергъ говоритъ **), что если *крестовый паукъ* (*Ereifa diadema*) разрываетъ основныя нити своей колесообразной паутинной постройки, по извѣстному направленію, и затѣмъ скрывается, а также, если *домашній паукъ* (*Tegenaria domestica*), ткущій воронкообраз-

*) «Метеорологич. Вѣстникъ» ноября 1894 г.

**) Brehms Thierleben. Bd. IX, S. 712.

ную паутину, забирается въ глубину своей воронки и тамъ поворачиваетъ конецъ своего брюшка въ извѣстную сторону, то въ непродолжительномъ времени нужно ожидать наступленія сильнаго вѣтра, съ той именно стороны, съ которой крестовый паукъ началъ обрывать свои нити и въ которую сторону обратилъ свое брюшко домашній паукъ, забравшись въ конецъ своей паутинной воронки. Точно такъ же и наоборотъ: когда крестовый паукъ выходитъ изъ своего убѣжища и начинаетъ вновь прикрѣплять основныя нити своей паутины, а домашній паукъ появляется у отверстия своей паутинной воронки и выставляетъ изъ нея свои переднія лапки, какъ бы приготовившись къ схватыванію добычи—можно быть увѣреннымъ въ скоромъ наступленіи тихой и ясной погоды. Далѣе *), Ташенбергъ приводитъ, между прочимъ, еще слѣдующій историческій эпизодъ, въ которомъ способность пауковъ предчувствовать предстоящаго измѣненія погоды играла весьма выдающуюся роль. Въ 1794 году главнокомандующій французской революціонной арміей, Пишегрю, былъ того мнѣнія, что съ затопленіемъ въ то время водою Голландію ничего нельзя подѣлать, и хотѣлъ уже отдать приказъ объ отступленіи. Въ то время, какъ онъ еще колебался въ принятіи окончательнаго рѣшенія, находившійся въ плѣну у голландцевъ французскій генералъ Катремеръ Дижонваль прислалъ ему изъ Утрехтской тюрьмы (сидя въ которой онъ прилежно изучалъ жизнь и нравы пауковъ) извѣстіе, что пауки предсказываютъ ему наступленіе, въ теченіе ближайшихъ 10-ти дней, холодовъ. Пишегрю выждалъ; холода дѣйствительно наступили; французская армія стремительно двинулась по льду на Амстердамъ, и освобожденный изъ плѣна генералъ, сообщившій столь важное извѣстіе—о предстоящемъ наступленіи морозовъ—съ триумфомъ возвратился въ Парижъ.

На островѣ Соединенія, по свидѣтельству Винсона, живетъ одинъ паукъ, раскидывающій свою паутину надъ ручейками и маленькими водопадами. Иногда этотъ паукъ покидаетъ свою паутину, иногда же совершенно уничтожаетъ и дѣлаетъ новую, отстоящую значительно выше отъ уровня воды. Такое его дѣйствіе всегда связано съ появленіемъ въ скоромъ будущемъ суровой, дождливой погоды, вслѣдствіе которой уровни ручейковъ и водопадовъ поднимаются значительно вверхъ, и потому могли бы затопить его гнѣздо **).

4. *Примѣры предчувствія птицами предстоящихъ измѣненій*

*) Тамъ же.

**) Н. и М. Фесенко: Пауки-паутинники (Монографія), Спб. 1883 г., стр. 60.

погоды. И въ мірѣ птицъ можно также найти не мало явленій, указывающихъ на существованіе у нихъ предчувствія предстоящихъ измѣненій погоды. Такъ, охотники могутъ разсказать не мало случаевъ, когда на ранне-весеннихъ глухариныхъ и тетеревиныхъ токахъ, при вполнѣ, повидимому, благоприятной для токованія погодѣ, въ лѣсу царить, иногда, совершенно непонятное молчаніе, которое объясняется большею частью лишь на слѣдующій день, вдругъ разыгрывающеюся снѣжной завирухой или наступленіемъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, съ рѣзкимъ пониженіемъ температуры воздуха.

Пѣтухи, куры, утки и прочія домашнія птицы также, несомнѣнно, реагируютъ на предстоящія рѣзкія измѣненія погоды, что хорошо извѣстно наблюдательнымъ птицеводамъ, и на что указываютъ многочисленныя народныя примѣты, существующія почти у всѣхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи открыто еще обширное поле для наблюденій. Въ особенности пригодной для того птицей является пѣтухъ, съ его громкимъ и характернымъ крикомъ. Я увѣренъ, что хорошо обставленные наблюденія надъ криками этой птицы, хотя бы въ теченіи одного только года, могли бы не мало пролить свѣта на интересующій насъ вопросъ.

Въ заключеніе намъ остается еще разсмотрѣть

III.

Явленія, указывающія на возможность предчувствія животнымъ организмомъ метеорологическаго характера цѣлыхъ времянь года.

Такъ, напримѣръ, обильный прилетъ къ намъ осенью сѣверныхъ видовъ птицъ (чечетокъ, свирестелей, щуровъ и друг.) находится, повидимому, въ связи не только съ урожаемъ у насъ нѣкоторыхъ ягодъ и сѣмянъ, но также—и нерѣдко—предвѣщаетъ снѣжную и суровую зиму. Послѣднимъ яркимъ тому примѣромъ можетъ служить суровая зима 1892—1893 года, при началѣ которой происходили совершенно необычайныя, по размѣрамъ, нашествія къ намъ сѣверныхъ птицъ. Также и передъ прошлой, довольно суровой, зимой наплывъ сѣверныхъ птицъ къ намъ былъ весьма обильный.

У лѣсничихъ есть примѣта, что если извѣстныя бабочки откладываютъ на зиму свои яички на стволѣ дерева близъ самой поверхности земли, то зима будетъ малоснѣжная, если же высоко на стволѣ, то, наоборотъ—обильная снѣгомъ.

Одно лицо, бывшее на Амурѣ, сообщаетъ мнѣ слѣдующую интересную примѣту, существующую тамъ, относительно разливовъ

этой рѣки. Если осенью, въ долині Амура, встрѣчается много мертвыхъ полевыхъ мышей, висящихъ на кустахъ и маленькихъ деревцахъ, съ зачепленной въ развѣтвленіи вѣточекъ шей, то въ маѣ мѣсяцѣ будущаго года будетъ сильный разливъ рѣки. Эта странная примѣта, по моему мнѣнію, можетъ быть единственно объяснена массовой перекочевкой полевыхъ мышей изъ мѣстностей, угрожаемыхъ разливомъ, въ другія, болѣе возвышенныя, при чемъ, тѣсня другъ дружку, нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ животныхъ могутъ соскальзывать съ вѣтокъ, на которыя онѣ взбираются для объѣданія почекъ, и застрять шей въ развилинахъ вѣтвей. У комчадаловъ также существуетъ примѣта, что когда полевые мыши массами откочевываютъ изъ мѣстности, то нужно ожидать мокраго года *). Также у нашего народа есть примѣта, которая гласитъ, что «если мыши выютъ гнѣзда наверху суслоновъ или копенъ, то осень будетъ мокрая, если же въ копнахъ снизу и на полосахъ въ землѣ, то будетъ сухая весна».

Итакъ, мы ознакомились, въ бѣгломъ очеркѣ, съ явленіями всѣхъ трехъ категорій, относительно вліянія погоды на организмъ человѣка и животныхъ. Разсматривая эти явленія, мы видѣли, что если не всѣ они, то, во всякомъ случаѣ, большинство изъ нихъ находятся *вне* зависимости отъ измѣненій въ давленіи воздуха и другихъ метеорологическихъ факторовъ, показателями которыхъ являются наши теперешніе метеорологическіе приборы. Намъ здѣсь, очевидно, приходится имѣть дѣло съ явленіями *особаго порядка*, не улавливаемыми нашими современными метеорологическими приборами. На основаніи моего многолѣтняго и близкаго общенія съ природой,—на основаніи вышеприведенныхъ моихъ наблюденій надъ криками квакши и надъ явленіемъ труднаго пробужденія и многихъ другихъ моихъ мелкихъ наблюденій, здѣсь не упоминавшихся, а также и на основаніи наблюденій д-ра Нижегородцева, пришедшаго совсѣмъ инымъ путемъ къ результатамъ, аналогичнымъ съ результатами моихъ наблюденій,—я рѣшаюсь высказать увѣренность, что всѣ эти явленія *особаго порядка*—не что иное, какъ *токи*,—въ однихъ случаяхъ электрическіе, въ другихъ, можетъ быть, магнитные, а въ третьихъ—тѣ и другіе вмѣстѣ. Въ извѣстныхъ явленіяхъ, повидимому, дѣйствуютъ токи *земные, горизонтальные*; этими токами могутъ вызываться въ организмѣ человѣка или животныхъ индуктивные (наведенные) токи, которые, дѣйствуя извѣстнымъ образомъ на

*) *Бремъ. Жизнь животныхъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Томъ II, стр. 574.*

нервы, могутъ обусловливать тѣ или другія явленія, какъ, напр., крики квакши и пѣтуха, усиленіе болѣзненнаго состоянія у душевно-больныхъ, особенное поведеніе пауковъ-паутильниковъ, угнетенное состояніе духа у людей и животныхъ во время извѣстныхъ вѣтровъ и друг. Иныя же явленія, повидимому, указываютъ на токи *надземные вертикальные*, проявляющіеся между землей и облаками, какъ, напр., въ явленіяхъ труднаго пробужденія, болѣзненности ранъ и мозолей, и друг., наблюдаемыхъ незадолго до выпаденія осадковъ, уже въ то время, когда небо покроеся облаками. Таковы мои предположенія. Насколько они близки къ истинѣ—покажетъ будущее, когда будутъ найдены средства для болѣе удобнаго изслѣдованія всѣхъ этихъ земныхъ и надземныхъ токовъ, которые въ настоящее время являются еще для насъ своего рода terra incognita.

Что же касается до предчувствія животными характера погоды за цѣлые мѣсяцы впередъ, современныя наши познанія не даютъ намъ еще пока никакого отвѣта, относительно природы этихъ явленій. Будемъ надѣяться, что незнающая преградъ мысль человѣческая, въ недалекомъ будущемъ, прольетъ свѣтъ и на эту пока еще для насъ вполне таинственную загадку.

Д. Найгородовъ.

17 марта 1895 года. Лѣсной.

РАННИЕ ВСХОДЫ.

(Романъ изъ дѣтской жизни).

Посвящаю Валѣ.

I.

Весна идетъ!..

Солнышко грѣетъ, припекаетъ... По улицамъ стремительно катятся шумные ручейки и потоки. Съ домовъ и карнизовъ валятся и разбиваются въ дребезги ледяныя сосульки... Небо чистое, прозрачное, голубое, и маленькія облачка плывутъ въ немъ, какъ бѣлые лебеди, куда-то мимо... Вездѣ хорошо, привѣтливо и радостно: и на небѣ, и на землѣ... Люди добрые, веселые, радостные: всѣ чего-то ждутъ и на что-то надѣются, словно съ приходомъ этой новой весны они будутъ и жить по новому, жить не такъ, какъ жили и живутъ до сихъ поръ...

За высовимъ, утыганнымъ гвоздями заборомъ гимназическаго сада воробьи подняли такое чириканье, такой гвалтъ и содомъ, что дремлющему на припекѣ солнечныхъ лучей старому усатому будочнику, чтò стоитъ на углу, недалеко отъ сада, грезится какой-то скандалъ, и сердце тревожится смутно сознаваемой потребностью вмѣшаться въ это „безобразіе“ ...

На обсохшихъ отъ грязи проталинахъ и на крышахъ воркуютъ голуби: нахохлившись и распустивъ крылья, увиваются вокругъ и около своихъ голубокъ и, вѣрно, напѣваютъ имъ прекрасныя романсы о любви и счастіи... Галки, собравшись толпою на угрюмыхъ башняхъ тюремнаго замка, галдятъ, словно бранятся.

Всѣ рады!.. Даже и вонъ тотъ серьезный старый песъ, чтò лежитъ на площадкѣ параднаго крыльца, видимо, очень

доволенъ: онъ сперва почесалъ задней ногой за ухомъ, потомъ лѣнливо потянулся, устремилъ свой взоръ въ голубую небесную синеву и застылъ въ позѣ блаженнаго созерцателя...

Но, безъ сомнѣнія, всѣхъ больше довольны и рады классики, реалисты и гимназистки: сегодня у нихъ былъ послѣдній день занятій. Уроки прошли какъ-то вяло, безпорядочно. Мальчуганы были непосѣдливы, не могли „внимать“ и не были расположены бояться... Да и сами преподаватели больше разговаривали, чѣмъ поучали, и лишь для видимости сердито покрикивали „тише!“, когда школьники, чуя близкій отпускъ, входили въ такую азитацію, что классъ напоминалъ тѣхъ самыхъ воробьевъ, которые тревожили сердце дремавшаго на солнышкѣ городского... Какъ-ни-какъ, а всѣ четыре урока, назначенныхъ по росписанію, прошли и, наконецъ, распустили... Въ души школьниковъ повѣяло волей, просторомъ, свободой, и теперь, расходясь по домамъ, они радостно и весело стучали ногами по панели, двигаясь по разнымъ направленіямъ шумливыми и драчливыми стайками. Двѣ недѣли отдыха казались ребятамъ столь продолжительнымъ временемъ, что понедѣльникъ Оминой недѣли рисовался въ далекомъ туманѣ... До этого понедѣльника можно успѣть передѣлать массу всякихъ дѣлъ, пережить много всякихъ радостей и горестей.

II.

Отдѣлившись отъ шумной компаніи, по панели торопливо шли два второбластника, Петровъ и Павловъ, и разговаривали между собою:

— Опоздали! Маріиною отпускаютъ, вѣдь, раньше!..

— Ничего... Онъ какъ идутъ-то? Бабы! Мы съ тобой въ пять минутъ, а онъ въ двадцать пять,—отвѣтилъ Петровъ и замѣтилъ товарищу:

— Отворотилъ брюки-то!.. Засучилъ, словно пригостишка...

Петрова компрометировали эти „завороченныя брюки“.

Павловъ пріостановился, наклонился и „отворотилъ“. „Не забыть бы опять завернуть, какъ къ дому приду, а то мамаша опять бранить станеть“ — подумалъ онъ и побѣжалъ вдогонку за быстроходнымъ Петровымъ, который на всѣхъ парахъ летѣлъ по направленію къ женской гимназіи.

— Только бы узнать, гдѣ она живетъ! Кажется, на Нижольской улицѣ. Я вчера слѣдилъ, да упустилъ: зашла за

уголь, а я прямо продраль... опростоволосился...—быстро на ходу бросаетъ слова Петровъ.

— А фамилію не узналъ?

— Нѣтъ. Зовутъ слышалъ какъ: Леля. Да узнаю и фамилію, только бы того... Имя хорошее... Значить,—Елена...

— А можетъ быть, и не Елена? Вотъ у нашей „курносой балалайки“ сестренку тоже Лелей зовутъ, а она—не Елена, а какъ-то по другому.

Гимназисты завернули влѣво и стали подниматься по проулку въ гору. Здѣсь они убавили шагъ, такъ какъ навстрѣчу уже стали попадаться гимназистки разныхъ возрастовъ, начиная отъ сформировавшихся дѣвушекъ, шедшихъ молча и величаво, до крошечныхъ дѣвчурокъ съ треплющими локонами, звонко щебечущихъ своими серебристыми голосами...

— Гм... Она!—произнесъ Петровъ, подтолкнувъ локтемъ въ бокъ Павлова.

— Гдѣ?

— Вотъ! Слепой... Съ реалистомъ идетъ...

— Да, да...

— Еamus на другую сторону!

Навстрѣчу, по другой сторонѣ проулка, шла миленькая гимназисточка, подростокъ лѣтъ двѣнадцати-тринадцати, съ русой золотистой косой, съ румяными щечками и веселыми умными бойкими глазенками. Она оживленно болтала съ кавалеромъ-реалистомъ и весело поматывала книжками въ ремняхъ въ тактъ замедленному шагу. Съ книжками лежалъ жестяной пеналъ и онъ побрякивалъ очень бойко и звонко.

Это и была она...

Петровъ былъ нѣсколько озадаченъ: „значить, у нея уже есть“—подумалъ онъ, и ему стало досадно и грустно.

— Ну, иди скорѣе! опять съ тобой упустишь!—недовольно замѣтилъ онъ Павлову, спущенныя брюки котораго попадали подъ пятки и замедляли передвиженіе. Товарищи пошли слѣдомъ за Лелей. Петровъ очень внимательно разглядывалъ косу, голубую ленточку въ ней и оборку коричневаго платица. У Лели новыя калоши, и слѣдъ ясно печатается на сырой панели. Петровъ нарочитъ попадать своими ногами въ этотъ слѣдъ: это ему очень пріятно. Павловъ—тюря, и недаромъ Петровъ раза три уже обругалъ его „кислымъ молокомъ“: не умѣетъ онъ поддержать разговоръ, чтобы обратить вниманіе Лели, или начнетъ говорить тогда,

когда надо молчать и слушать. Реалистъ давно уже почувалъ „преслѣдованіе“. Онъ нѣсколько разъ обертывался уже назадъ и сердито сверкалъ глазами. Но Петровъ не смущался: онъ былъ достаточно храбръ, хотя и не силенъ...

— Яичница съ лукомъ!—какъ бы про себя бурчить Петровъ въ отвѣтъ на сердитые взгляды реалиста.

Реалистъ не отвѣчаетъ, но на лицѣ его ясно съвозить затаенная мысль: „Постой! дай только провѣдывать,—я тебѣ всыплю“, въ то время, какъ языкъ его продолжалъ занимать даму разговоромъ.

— У насъ вскорѣ послѣ Пасхи—экзамены и 15 мая конецъ всему! Распустятъ!

— Счастливишки! А у насъ только 10 мая начнутся... Да, Алевтина Николаевна, прощайте!—грустно говорилъ реалистъ.

— Слышишь? Алевтина Николаевна,—шепчетъ, подталкивая товарища, Петровъ.

Вѣроятно, Леля услышала голосъ, назвавшій позади ея имя: она обернулась, и на ея миломъ личикѣ скользнула довольная улыбка.

Леля очень самолюбива и тщеславна... Очевидно, идущіе позади гимназисты ею заинтересованы, а это такъ льститъ самолюбію!

Леля граціозно мотнула головкой, какъ бы небрежно откидывая свою косу, и заговорила съ реалистомъ нѣсколько приподнятымъ тономъ, какъ говорятъ, когда знаютъ, что есть другіе слушатели, кромѣ собесѣдника, и когда желаютъ, чтобы и эти „другіе“ тоже слышали:

— А у гимназистовъ, кажется, позже всѣхъ экзамены? Бѣдненькіе!—произноситъ Леля самымъ пѣвучимъ голоскомъ.

Петровъ счелъ необходимымъ кашлянуть и крякнуть. Реалистъ молчалъ; только лицо его сдѣлалось еще болѣе недовольнымъ.

Павловъ испачкалъ въ грязи концы своихъ новыхъ брюкъ и это его сильно беспокоило; онъ подумывалъ уже, „не заворотить ли“ ихъ опять, но почему-то не рѣшался...

Такъ они дошли до Никольской улицы, гдѣ вчера Петровъ упустилъ Лелю. Леля съ реалистомъ свернула влѣво. Гимназисты—тоже. Прошли три-четыре дома,—и не только мѣстожителство Лели обнаружилось, но была открыта—по визитной карточкѣ на двери, куда вошла Леля,—и ея фамилія—„Троицкая“.

— А можетъ быть, она на хлѣбахъ и это не ея папаша?—усумнился, было, Павловъ.

— Дуракъ! видишь,—„Николай“? А ее величаютъ Николаевной. Значить—отець...

И, такимъ образомъ, Петровъ добился узнать, какъ ее зовутъ, какъ ея фамилія, гдѣ она живетъ... Но этого ему было мало,—онъ рѣшилъ во что бы то ни стало, познакомиться. „Ужъ я добьюсь!“—говоритъ Петровъ.—„Она, навѣрно, будетъ говѣть у Покрова“...

А реалистъ прошелъ уже шаговъ десять впередъ и нѣтъ-нѣтъ да и оглянется.

— Яичница съ лукомъ!—крикнулъ Петровъ въ одинъ изъ такихъ моментовъ.

— Молчи, синяя говядина по грошу за пудъ и собаки не жрутъ!..—отчеканивая каждое слово, отвѣтилъ реалистъ.

Петровъ предложилъ, было, Павлову „вздуть“ реалиста, но Павловъ струсиль. И всѣ „провожатели“ мирно разошлись въ разныя стороны.

III.

Стояла страстная седмица. Весна шла быстро. Солнце свѣтило все ярче и небеса дѣлались все глубже и прозрачнѣе. Снѣгъ совершенно стаялъ. Кое-гдѣ уже выставляли зимнія рамы...

Люди готовились къ встрѣчѣ великаго праздника.

По утрамъ и по вечерамъ раздавался протяжный благоговѣсть къ „часамъ“ и „вечернѣ“. По улицамъ медленно тянулись вереницы говѣльщивовъ, медленно шагающихъ по направлению къ приходскимъ церквамъ.

Петровъ и Павловъ тоже говѣли, какъ и слѣдуетъ.

Они мыкались по церквамъ, какъ угорѣлые... Полетать къ Покрову, протолкаются впередъ, встанутъ, торопливо перекрестятся и съ одышкой, словно сейчасъ только бѣгали взапуски, начинаютъ вопросительно обводить взорами молящихся, видимо, кого-то отыскивая... Постоятъ минутъ десять, Петровъ толкнетъ Павлова локтемъ,—и говѣльщивы лѣзутъ вонъ изъ церкви. Выбравшись на паперть, они мигомъ накрываютъ головы фуражками и стремительно летятъ къ Петру и Павлу. И тамъ повторяется та же исторія. Благоговѣйно настроенные старики и старухи сердятся:

— Вотъ, прости Господи, угомону нѣтъ! взадъ-впередъ! взадъ-впередъ!..

Но гимназисты не смущаются, — лѣзутъ себѣ, куда имъ надо.

Эти поиски продолжались очень долго. Петровъ уже отчаявался, какъ вдругъ судьба улыбнулась.

— Зайдемъ, что ли, еще въ Семинарскую! — сказала Петровъ уже совершенно печально, когда они тщетно путешествовали со свѣчами въ рукахъ изъ церкви въ церковь во время чтенія „Двѣнадцати Евангелій“.

Они вошли въ Семинарскую домовую церковь.

Петровъ повелъ взоромъ: сердце его вздрогнуло и застучало, — онъ увидѣлъ золотистую косу съ голубой ленточкой.

— Здѣсь! — переводя духъ, шепнулъ онъ Павлову.

Павловъ вытянулъ шею, но по близорукости не находилъ. Однако, не желая выказать себя ротозѣемъ, Павловъ шепнулъ въ отвѣтъ:

— Вижу!..

Петровъ протискался впередъ и всталъ недалеко отъ Лели, сбоку. Леля словно почувствовала устремленный на нее пристальный взглядъ и, полуобернувшись и встрѣтя знакомое лицо гимназиста, чуть-чуть улыбнулась и опять стала неподвижна, какъ статуя...

Теперь Петровъ уже никого не возмущалъ и никому не мѣшалъ. Онъ смиреннѣе стоялъ на мѣстѣ и усердно молился, нѣсколько скланивая глаза въ правую сторону, на Лелю...

Храмъ былъ биткомъ набитъ молящимися. Слышалось чтеніе евангелій, рѣдкіе удары колокола на колокольнѣ и глубокіе вздохи старушекъ вблизи. Потомъ неслись стройные, торжественные звуки хора, замиравшіе въ вышинѣ, подъ потонувшими въ таинственномъ полумракѣ сводами храма. Блистали огоньками сотни восковыхъ свѣчъ, и когда кончалось „евангеліе“, огоньки эти мигали, гасли, и къ запаху ладона примѣшивался запахъ дыма и копоти отъ тлѣющихъ фитилей.

У Петрова была свѣчка, но она была тонкая, стояла всего пятачекъ и, притомъ, Петровъ половину ея уже успѣлъ сжевать отъ скуки и волненія во время „поисковъ“. Петровъ купилъ себѣ новую свѣчку, потолще, въ десять копѣекъ, „съ золотомъ“. Когда приближалось чтеніе евангелія, онъ первый зажигалъ свою свѣчу съ золотомъ и приближался къ Лелѣ. Онъ даже нѣсколько нагибалъ свою свѣчу въ ея сторону и, какъ только Леля выказывала своимъ движеніемъ намѣреніе зажечь свой огарокъ, Петровъ подсовывалъ ей огонекъ.

— Мерси! — чуть слышно шептали Лелины губки. Она слегка улыбалась, зажимала свою свѣчу отъ блиставшей золотомъ свѣчи Петрова и опять дѣлалась неподвижной, серьезной, какъ „большая“...

Но у товарищей было уже напередъ условлено, какъ надо „дѣйствовать“.

Павловъ, стоявшій позади Лели, съ другого бока, тихо, незамѣтно дулъ черезъ ея плечо на огонекъ свѣчи, и она потухала. Тогда Петровъ быстро подставлялъ свой огонекъ. Потомъ Петровъ умышленно тушилъ свою свѣчу и тянулся, чтобы позаимствоваться огонькомъ у Лели, при чемъ называлъ уже ее Алевтиной Николаевной, что для той было столь же неожиданно, сколь и пріятно.

Когда настало время „прикладываться“, Петровъ пошелъ слѣдомъ за Лелей не отставая отъ нея ни на шагъ. Немного толкались, но это было ничего, даже веселѣе. Мямля-Павловъ отсталъ, былъ оттертъ толпою и пропалъ безслѣдно... Не таковъ былъ Петровъ: онъ-таки „приложился“ сейчасъ же за Лелей, въ тому же самому мѣсту, и пошелъ за нею обратно. Навстрѣчу проталкивался тотъ реалистъ, который смущалъ Петрова, и послѣдній мимоходомъ ткнулъ его локтемъ какъ бы нечаянно... Но и реалистъ затерялся въ толпѣ. Леля шла къ выходу. Петровъ не отставалъ. Леля, видимо, кого-то поджидала.

— Намъ вѣдь, Алевтина Николаевна, по пути... Я черезъ Никольскую кожу, все равно, пойдемте вмѣстѣ, — привралъ Петровъ. Леля была рада: она потеряла свою провожатую, горничную Феню, а одна идти боялась: было поздно и темно.

Петровъ пошелъ провожать. Дорогой онъ съ успѣхомъ поддерживалъ разговоръ съ дамой и, между прочимъ, вспомнивъ реалиста, не преминулъ уронить его „шансы“.

— Вѣдь реалистамъ въ университетъ нельзя... Ихъ не принимаютъ туда...

— Нѣтъ, если выдержать какой-то экзаменъ, такъ можно.

— Гдѣ имъ? Не придется: мелко плаваютъ.

— Но за то они могутъ въ офицеры!

— Въ офицеры? Эка штука! Въ офицеры и мы можемъ, если захотимъ... Не стоитъ только.

— У офицеровъ очень красивая форма...

Петровъ не подыскалъ возраженія.

— Чего особеннаго! — вскользь замѣтилъ онъ и перевелъ

разговоръ ближе къ цѣли. Онъ узналъ, что Леля во второмъ классѣ, что она ходитъ каждый день въ пять часовъ гулять съ папой, и что на Пасхѣ у нихъ на дворѣ будутъ играть въ крокетъ.

IV.

Былъ прекрасный весенній день,—второй день Пасхи.

Надъ городомъ разносился радостный не смолгаемый гулъ отъ сотенъ трезвонящихъ колоколовъ. По улицамъ мыкались на извозчикахъ визитеры въ цилиндрахъ и двигались по панелямъ разряженные „плебеи“, поплевывавшие шелухою подсолнечныхъ сѣмячекъ.

Природа ликовала вмѣстѣ съ людьми, праздноя свое обновленіе.

Петровъ и Павловъ прохаживались около четвертаго дома на Никольской улицѣ. Со двора этого дома вырывались на улицу веселые дѣтскіе голоса, смѣхъ и крики. Тамъ во что-то звонко стучали, перекликались и спорили. Конечно, тамъ играли въ крокетъ. Петровъ это сразу понялъ и сообщилъ Павлову. Обоишь хотѣлось зайти во дворъ и присоединиться къ играющимъ, но какъ-то не было рѣшимости. Особенно колебался Павловъ.

— Навѣрно и реалистъ тамъ! Отдуетъ палкой, вотъ тебѣ и крокетъ!

Петровъ прислушивался и узнавалъ звонкій голосокъ Лели. Ему такъ хотѣлось поиграть съ ней въ крокетъ, такъ тянуло на этотъ дворъ. Растворивъ тяжелую калитку, съ цѣпью въ воротахъ, онъ заглянулъ внутрь. Но ничего не видать: справа — стѣна, слѣва — крыльцо, и дворъ загибается за уголъ. Слышались лишь голоса и крики, да стучь молотковъ о шары.

— Ну, идемъ, что ли? — сказала Петровъ, шагнувъ въ калитку и оборачиваясь къ Павлову.

— А реалистъ?

— Ахъ, ты трусъ презрѣнный!—отвѣтилъ съ сердцемъ Петровъ, вытаскивая обратно свою ногу.

Но чу! Лелинъ голосокъ близко, близко... Слышенъ топоть ея ножекъ и хохотъ. Шаръ выкатился со двора въ узкій проулокъ, ведущій къ воротамъ. Петровъ моментально всунулъ свою голову въ калитку, подъ цѣпь, и посмотрѣлъ.

— Ахъ! кто тамъ?—испуганно вскрикнула Леля, увидя просунутую въ калитку голову, съ улыбающейся фізіономіей.

— Въ кроветъ играетъ, Алевтина Николаевна?—спросилъ Петровъ, еще болѣе всовываясь въ калитку.

— Ахъ, это вы, Петровъ? Что же вы не идете? Идите! Будемъ играть въ кроветъ.

— Я не одинъ. Тутъ еще есть... мой товарищъ.

— Пусть и онъ идетъ!

Но—увь!—товарища уже не было у воротъ, когда Петровъ обернулся, чтобы позвать его. Павловъ, какъ только услышалъ выкрикъ „кто тамъ?“ такъ сейчасъ же представилъ себѣ „реалиста съ палкой“, и далъ тягу.

„Дуракъ и трусъ!“ подумалъ Петровъ и смѣло вошелъ въ калитку.

Запустивъ руку въ карманъ мундира, онъ вытащилъ оттуда специально приготовленное имъ для Лели яичко, съ нацарапанной на немъ надписью:

Я на этомъ, на яичкѣ,
Какъ на красной на страничкѣ,
Про любовь свою пишу
И Красоткѣ подношу...
Христось Воскресе!!
А. Н. Т. отъ меня.

Вытащилъ и, подавая яичко Лелѣ и жадно смотря на нее своими черными глазенками, сказалъ:

— Христось воскресе, Леля!

Леля взяла яичко, смутилась, вспыхнула, какъ розанчикъ, потупилась и тихо отвѣтила:

— Но... но я не христосуюсь... съ мужчинами!

— Вотъ, бѣда какая!—проговорилъ Петровъ и, моментально подскочивъ къ Лелѣ, обвилъ лѣвой рукой ея талию и сталъ цѣловать ея пылавшую щеку.

— Ахъ, да будетъ, будетъ!—кричала Леля, стыдливо пряча отъ гимназиста свое раскраснѣвшееся личико.

Но не таковъ былъ Петровъ.

— Нѣтъ, не будетъ! не будетъ!—приговаривалъ онъ и чмокалъ своими влажными губами Лелину шейку и щеку.

Фуражка съ Петрова спала на земь и была смята ногами. Тщательная прическа „съ проборомъ“ спуталась.

Настойчивый Петровъ, вѣроятно, еще долго бы не выпустилъ изъ рукъ Лелину талию, если бы не раздался вдругъ близкій окрикъ появившейся изъ-за угла дѣвочки:

— Ай-да Леля! Ай-да Леля!—закричала эта дѣвочка, захлопавши въ ладоши.

Петровъ опомнился и выпустилъ Лелю. А изъ-за угла выскочилъ вдругъ реалистъ и дѣйствительно съ палкой...

— Ахъ ты, синяя говядина! Да я тебя,—закричалъ реалистъ, замахалъ палкой и побѣждалъ съ явнымъ намѣреніемъ отдуть Петрова.

Петровъ подхватилъ съ земли свою запыленную фуражку и весьма проворно выскочилъ въ калитку.

„Ладно! все - таки похристосовался!“ думалъ Петровъ, спасаясь отъ преслѣдованія реалиста, и когда понялъ, что опасность миновала, обернулся къ воротамъ, погрозилъ кулакомъ и прокричалъ:

— А тебѣ, яичница съ лукомъ, мы бова намнемъ! погоди!..

V.

Лѣто Петровъ провелъ въ деревнѣ Ольшанкѣ, у дяди Гриши.

Сильно тосковалъ Петя первое время по приѣздѣ о Лелѣ. Круглое одиночество чувствовалъ онъ въ большомъ барскомъ домѣ и тоскливо слонялся по комнатамъ, не находя никакихъ развлеченій. Въ прошломъ году здѣсь было весело. Тогда очень веселый былъ дядя Гриша: они съ нимъ были большими друзьями, вмѣстѣ ѣздили въ лѣсъ и въ поле, пускали змѣя, удили рыбу въ пруду... Вообще тогда дядя Гриша относился къ Петѣ внимательнѣе, чѣмъ теперь. Теперь не то. Дядя Гриша женился на тетѣ Дунѣ и все вергится около своей молодой жены... Дядя, казалось, позабылъ о существованіи на свѣтѣ Петрова... Это обидно, но Петровъ не станетъ „навязываться“: не хочетъ, и не надо!.. Новая тетья тоже не особенно интересуется Петровымъ, да Петрову и не больно нужно... Идутъ въ лѣсъ подъ руку, а Петѣ ничего не говорятъ... Ужъ когда вышли за ворота и стали спускаться подъ горку, тетья Дуня обернулась и крикнула торчавшему у воротъ Петрову:

— Петя! не хочешь ли съ нами?..

— Не хочу,—отвѣтилъ громко Петровъ и тихонько прибавилъ:—давеча не звали, а теперь лѣзутъ!..

И остался у воротъ... Потомъ пошелъ въ садъ и срѣзалъ себѣ изъ вишни палочку. На корѣ онъ вырѣзалъ двѣ буквы „Л“, что означало „люблю Лелю“. Въ бесѣдѣ Петя изрѣзалъ перочиннымъ ножомъ весь столъ и всѣ подовонники вензелями „Л. Т.“.

Скучно Петѣ... Брякнется онъ на траву, закроетъ глаза и начнетъ думать о Лелѣ... Русая головка съ вздернутымъ носикомъ встанетъ передъ его мысленнымъ взоромъ, маленькое сердечко запрыгаетъ отъ радости и тоски, и всѣмъ существомъ своимъ Петя устремится въ городъ, гдѣ... гдѣ, въ сущности, теперь и Лели-то нѣтъ вовсе... "Дядѣ весело, — думаетъ Петя, — потому, что у него есть жена, а у меня нѣтъ жены и потому мнѣ одному скучно".. Хорошо бы привезти сюда Лелю... Они ходили бы съ ней подъ ручку, какъ ходятъ дядя съ тетей, и то же не брали бы ихъ съ собой гулять.

Первую недѣлю Петя тосковалъ такъ сильно, что наводилъ тоску даже на тетю Дуню.

— Что ты ничѣмъ не займешься? — спрашиваетъ съ досадой тетя.

— Нечѣмъ заниматься...

— Читаль бы!..

— Все давно прочиталь...

— Ну, пошелъ бы играть...

— Не съ кѣмъ...

— Пускай змѣя!

— Вѣтру нѣтъ...

— Такъ неужели же никакого дѣла такъ и не можешь себѣ придумать?

— Никакого дѣла здѣсь нѣтъ...

Но прошла недѣля, другая, и Петина тоска стала понемногу утихать. Прошла еще недѣля, и Петя нашелъ себѣ столько дѣловъ, что рѣшительно не успѣвалъ уже ихъ передѣлывать. Онъ привыкъ къ новой тетѣ и опять подружился съ дядей Гришей. Впрочемъ, теперь и дядя, и тетя ушли на второй планъ, да, пожалуй, Петя не особенно опечалился бы, если бы ихъ совсѣмъ и не было... У Пети завелись друзья-приятели изъ крестьянскихъ ребятшекъ, и масса игръ и развлеченій поглотила его съ головой. Съ утра до поздняго вечера Петя носился по деревнѣ, по огороду, по саду. Прибѣгалъ запыхавшись и раскраснѣвшись въ кухню къ Аграфенѣ и наскоро пилъ воду, тыкался головой прямо въ ведро.

— Ковшикъ взялъ бы! Разя хорошо прямо мордой лѣзть?.. На!

И Аграфена совала Петѣ ковшъ.

— Какъ ты смѣешь!.. — произносилъ на-скоро Петя, вышрнувъ изъ ведра, и быстро исчезалъ за дверью.

Какъ обѣдать,—начинаются поиски: Петрова, какъ говорится, собаками не сыщешь.

— Ба-ри-нъ!.. Петръ Васил-и-чъ!..—оретъ Аграфена съ кухоннаго крыльца. А Никита выйдетъ за ворота, на косогорь, и кричитъ оттуда.

Каждый день новыя игры и забавы. Одной изъ такихъ забавъ было сраженіе съ крапивой.

Вдоль плетня по огороду росла высокая густая крапива. Пыльная, колючая, съ кистями желтыхъ цвѣтовъ, она представлялась большимъ препятствіемъ при прямомъ сообщеніи съ рѣчкой чрезъ плетень. Петя считалъ эту крапиву врагомъ и порѣшилъ ее уничтожить. Изъ Прошекъ, Тришекъ, Мишекъ Петя составилъ воинственную армію, вооружилъ ее деревянными саблями и водилъ сражаться съ крапивой.

— Сабли вонь!—командовалъ Петя.

— Насту-пай!..

И начиналась атака.

Ребята съ какой-то злобою и остервененіемъ накидывались на крапиву и изо всѣхъ силъ рубили ее своими саблями. Непріятельскія головы такъ и сыпались, такъ и клонились долу подъ ударами храбрыхъ воиновъ и частенько жгли имъ руки своими колючками. Но это только еще сильнѣе воодушевляло бойцовъ:

— Колоться? Вотъ ты какъ?.. Такъ вотъ тебѣ! вотъ! вотъ! — кричалъ Петя и отчаянно махалъ на обѣ стороны саблей и ногами топталъ непріятеля.

Армія утомлялась. Потъ градомъ катился съ героевъ, мускулы рукъ начинали ныть, а между тѣмъ непріятеля стоялъ еще сплошной стѣной вдоль плетня съ гордо поднятою головою—и Петѣ вдругъ надоѣдало „сражаться“.

— Будеть! Прошка! Не стойтъ, надоѣло...—лѣниво говорилъ онъ неутомимымъ соратникамъ и валился на траву отдыхать.

VI.

Купанье на „яру“ было такъ же пріятно, какъ и сраженіе съ крапивой.

— Петя, пойдѣмъ купаться! — кричалъ Прошка, ежедневно въ полдень появлявшійся у рѣшетки палисадника барскаго дома.

— Сейчасъ! Дозавтракаю!..—звонко отвѣчалъ Петя, представляясь въ открытое окно.

— А ты,—скорѣй!..

Петя быстро кончалъ съ завтракомъ и галопомъ вылеталъ на крыльцо.

— А гдѣ Тришка и Мишка?—освѣдомлялся онъ о своихъ пріятеляхъ, наскоро прожевывая хлѣбъ съ масломъ...

— Ужъ купаются...

И Петя съ Прошкой отправлялись въ огородъ, а оттуда, черезъ плетень, за околицу, къ новому мосту. Здѣсь рѣчка Ольшанка — пошире и поглубже, и почему-то называется „Яромъ“, хотя глубина этого яра не больше аршина...

Вотъ къ этому-то „Яру“ и бѣгутъ Петя съ Прошкой.

Теперь здѣсь дымъ коромысломъ: крикъ, гамъ, смѣхъ, плачь и ругань... Парнишки и дѣвченки бултыхаются въ грязной взбаламученной водѣ и продѣлываютъ всевозможные фокусы: и „березку ставятъ“, и „блины ѣдятъ“, и въ чехарду играютъ, и съ моста вверхъ-тормашвами выдуются, плаваютъ и по-бабы, и по-собачьи, и по-лягушечьи, стараясь перещеголять другъ друга...

Петя съ Прошкой моментально сбрасываютъ одежду и бултыхаются въ рѣчку. Въ водѣ масса русыхъ головокъ, голыхъ рукъ и ногъ. Трудно разобрать и разсортировать ихъ по принадлежности. Вдоль берега сидятъ измазанные съ ногъ до головы жидкой грязью ребята, — отдыхаютъ. По периламъ моста возсѣдаютъ рядкомъ, какъ птицы, такія же фигурки.

— Прошка! А Прошь! Поставь березку!

Прошка куврыкается, скрывается въ грязной водѣ, и черезъ нѣсколько секундъ оттуда выставляются Прошкины ноги.

Это и есть „березка“.

— Ширну-мырну, гдѣ вымырну!

— Огашка! Огашь!

— Чиво?

— Глядь, сколь блиновъ съѣмъ!—кричитъ, выходя изъ себя, маленький карапузъ, съ большой головой.

Карапузъ выдаетъ по водѣ черепокъ. Черепокъ подпрыгиваетъ и оставляетъ на водѣ круги, все шире и шире расплзающіеся на поверхности.

— Одинъ, два, три... чатыре!.. пять!..

— Пять только!.. А вотъ гляди,—я!..

Общество съ каждой минутой разростается. То и дѣло

подходить новыя партіи ребятшекъ, торопливо сбрасываютъ рубашенки, бѣгутъ на мостъ и, перекрестившись, бросаются внизъ головой, поднимая при паденіи цѣлый каскадъ грязныхъ брызгъ...

Своимъ примѣромъ новички увлекаютъ выкупавшихся и успѣвшихъ уже обсохнуть ребятъ... Стараясь опередить другъ друга, они тоже сбрасываютъ рубашенки и кидаются въ рѣчку.

Петя совсѣмъ „опростился“: онъ такъ сроднился съ этимъ новымъ обществомъ, что чувствовалъ себя теперь равноправнымъ членомъ его. Ребятишки успѣли къ нему привыкнуть и скоро стали называть его Петькой; никакого почтенія къ нему они теперь уже не чувствуютъ и вообще обращаются съ нимъ за панибрата. Впрочемъ, такое отношеніе Петѣ кажется теперь совершенно правильнымъ, такъ какъ онъ давно уже отвыкъ раздѣлять мальчишекъ, какъ собакъ, на двѣ категоріи: уличныхъ и комнатныхъ.

День проходитъ быстро, незамѣтно... А каждый новый день приноситъ новое удовольствіе, новое наслажденіе.

Леля совсѣмъ вылетѣла изъ памяти. Петя уже не только не тосковалъ о ней, но даже пересталъ думать... некогда было: съ утра до поздняго вечера—на улицѣ съ друзьями и пріятелями; домой возвращается утомленный, ложится и спитъ, какъ убитый, безъ просыпа до слѣдующаго утра... А тамъ опять—дѣла...

Незамѣтно пролетѣлъ и вакать... Былъ уже августъ въ началѣ. Погода стояла прекрасная, но вечера сдѣлались уже прохладными, и въ саду начали желтѣть листья. Невольно мысль останавливалась на городѣ, на гимназій, а главнымъ образомъ на „вакаціонныхъ работахъ“... Ничего не готово и нѣтъ никакой охоты браться за книги...

Однажды, за нѣсколько дней до отъѣзда въ городъ, дядя Гриша получилъ вмѣстѣ съ газетами письмо, на конвертѣ котораго было написано старательнымъ дѣтскимъ почеркомъ: „съ передачей ученику III класса N—ской гимназій Петру Петрову“. Дядя долго дразнилъ письмомъ Петю. Поднявъ руку съ письмомъ вверху, дядя не давалъ Петѣ письмо, а Петя прыгалъ около дяди и старался вырвать его. Петя покраснѣлъ, какъ ракъ, и уже готовъ былъ обидѣться и сказать „не больно нужно“, но тутъ въ дѣло вмѣшалась тетя Дуня и, выхвативъ у мужа письмо, отдала взволнованному адресату.

Убѣжавъ въ садъ, въ бесѣдку, Петя дрожащей рукой разорвалъ конвертъ. Оттуда выглянула голубая почтовая бумага... „отъ Лели“ — подумалъ Петя и жадно впился глазами въ развернутое письмо.

„Здравствуйте, Петровъ! Какъ вы поживаете, а я слава Богу ничего. Ваше яичко я подложила подъ насѣдку, потому что очень хотѣла, чтобы изъ него вышелъ цыпленокъ, а оно оказалось вкрутую, и его съѣлъ противный пѣтухъ. Мы уже пріѣхали въ городъ и въ понедѣльникъ я пойду въ гимназію. Больше писать нечего, до свиданія, всего вамъ хорошаго.

Алевтина Троицкая“.

Внизу была сдѣлана приписка:

„Пріѣзжайте скорѣе, будемъ играть въ крокетъ“.

Воспоминанія хлынули въ Петину душу и разбудили тамъ прежнее померкнувшее, было, чувство... Опять Леля встала передъ нимъ, какъ живая, и опять его потянуло въ городъ. Все ему вдругъ здѣсь надоѣло и все стало казаться такимъ пустымъ и неинтереснымъ.

— Петянька! Пойдемъ съ красивой сражаться, — предлагаетъ Прошка.

— Вотъ больно нужно, — разсѣянно отвѣчаетъ Петя.

Теперь онъ уже не находитъ болѣе удовольствія въ этихъ „сраженіяхъ“ и мелѣетъ въ душѣ одну встрѣчу съ милой Лелей...

VII.

По пріѣздѣ въ городъ Петя прежде всего отправился къ Павлову.

Встрѣча была самая простая, безъ волненій, словно они вчера только видѣлись:

— Сдѣлалъ вакаціонную задачу? — спросилъ Петровъ.

— Сдѣлалъ, только по отвѣту не выходитъ... Вѣрно, въ задачникѣ наврано?..

— Все равно... Дай, голубчикъ, содрать!

— Сдирай! Приходи завтра!..

Петѣ хотѣлось поскорѣе узнать о Лелѣ, но что-то мѣшало ему спросить о ней Павлова.

— Въ крокетъ играешь? — спросилъ онъ издалека.

— Вчера играли...

Петя хотѣлъ спросить, гдѣ игралъ Павловъ въ крокетъ и играла ли Леля, но опять спросилъ обходомъ:

— Много народу играло?

— Много... Леля ловко играет...

Петя вздрогнул и вспыхнул.

— Какъ-нибудь надо сразиться, — произнесъ Петровъ, какъ бы мимоходомъ.

— Пойдемъ сейчасъ! — предложилъ Павловъ. — У нихъ, навѣрно, теперь играютъ...

Они переѣхали на новую квартиру и теперь дворъ у нихъ большой... Лужокъ... Теперь только въ кроветъ играютъ рѣдко, а больше — въ ловилышки...

— Что же, въ ловилышки тоже весело...

— А реалиста помнишь? — спросилъ Павловъ.

— Ну?

— Я съ нимъ помирился... Вмѣстѣ теперь играемъ...

— Не стоитъ обращать вниманія...

— У Лели есть двоюродный братъ, Кузушкинъ... Онъ къ намъ въ гимназію поступилъ, прямо въ третій... Живутъ на томъ же дворѣ...

Петя слушалъ съ нѣкоторой завистью. Онъ видѣлъ, что Павловъ успѣлъ все узнать и, видимо, хорошо познакомился съ Лелей: Павловъ говорить о ней, какъ о товарищѣ...

— Ты, вѣрно, влюбился въ Лелю-то? — высказалъ Петя съ умысломъ: онъ хотѣлъ узнать, какъ отнесется къ такому предположенію Павловъ.

Павловъ обидѣлся:

— Ты самъ втрескался, такъ думаешь, — и всё...

Павловъ надулъ губы. Товарищи замолчали. Павловъ, пожалуй, и совсѣмъ разсорился бы съ Петровымъ, да дѣло въ томъ, что Петровъ написалъ переводъ изъ латинскаго и придется у него содрать...

— Такъ я тебѣ завтра принесу изъ латинскаго, а ты мнѣ дашь списать задачу, — желая порвать неловкое молчаніе, произнесъ Петровъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ Павловъ и подобралъ губы.

— Ну, идти, такъ идти, — сказалъ Петровъ.

— Куда?

— Какъ куда? Самъ звалъ, а теперь...

Павловъ долго искалъ свою фуражку.

— Вотъ она! — сказала Петровъ, поднимая фуражку изъ-подъ стола и, такимъ образомъ, стараясь смягчить нанесенную товарищу обиду.

На козырькѣ фуражки у Павлова было написано чернилами; „Кто возьметъ ее безъ спросу, тотъ останется безъ носу“ ...

*

Петровъ и Павловъ отправились.

Сильно волновался Петя дорогой. Ему было пріятно и какъ-то страшно; то хотѣлось дойти поскорѣе, то подольше не приходить и оттянуть минуту свиданья съ Лелей...

Выдался теплый августовскій вечеръ. Пріятная прохлада носилась въ воздухѣ и кое-гдѣ изъ оконъ вырывались аккорды піанино.

Какое-то новое невѣдомое чувство проснулось въ душѣ Петрова. Кабая-то восторженная радость овладѣла имъ всецѣло и такъ хорошо было дышать, и слушать музыку, и смотрѣть вокругъ. Такъ давно уже онъ не былъ въ городѣ, и теперь все ему кажется новымъ: и громоуханіе пролетовъ, и выкрикиваніе разнощиковъ, продающихъ лимоны, и вся эта городская сутолка...

Петя нѣсколько разъ поправлялъ блинъ своей фуражки: ему хотѣлось, чтобы фуражка выглядѣла молодецки, браво, какъ у офицера, а не такъ, какъ она выглядитъ у Павлова... Нѣсколько разъ онъ вытаскивалъ пальцами бѣлые рукавички и воротничекъ крахмальной рубашки, чтобы ихъ было виднѣе; нѣсколько разъ вынималъ платокъ и отиралъ выступавшій на лбу потъ; нѣсколько разъ оправлялъ прическу на головѣ...

Но, вотъ, дошли!..

Домъ—большой, двухъэтажный и смотреть какъ-то особенно важно и торжественно. Какой-то дымкой таинственности и привлекательности окутанъ этотъ домъ для Петинаго взора... „Въ этомъ самомъ домѣ, гдѣ-нибудь тамъ, внутри, живетъ Леля“, думалъ Петя, и домъ казался дорогимъ, близкимъ, роднымъ, а отчасти и святымъ даже. И все въ этомъ домѣ какъ-то иначе, чѣмъ во всѣхъ другихъ домахъ: и окна, и выглядывающіе черезъ нихъ цвѣты, и ворота, и трубы для стока дождевой воды... Вонъ, напримѣръ, одна труба кончается раскрытой пастью какого-то звѣря, не то дракона, не то кроводила...

VIII.

Съ чувствомъ благоговѣнія вошелъ Петя во дворъ этого чуднаго дома. Большой лужокъ пересѣкается крестъ-на-крестъ перебѣгающими тропинками... Два флигеля съ палисадниками смотреть изъ-за желтѣющей уже листвы красными желѣзными крышами. Индѣйскій пѣтухъ ходитъ, гордо распутивъ хвостъ, около единственной индюшки. — „Пыринъ, пыринъ

нехорошъ, пырка лучше тебя!“ подразнилъ Павловъ индюка. Тотъ побагровѣлъ отъ злости и проболталъ что-то очень недовольно. На черномъ крыльцѣ лежитъ породистый пестъ: онъ привѣтливо замахалъ хвостомъ, увидя Павлова. (Видимо, они хорошо знакомы)...

— Какъ зовуть?—спросилъ Петровъ.

— Картушъ...

На дворѣ пусто. Только чрезъ растворенныя настѣжь двери каретника видна кумачевая рубаха кучера Ивана, моющаго пролетку, да на мгновение изъ окна кухни выставилась чья-то голая рука и выплеснула на дворъ изъ полоскательной чашки содержимое.

Павловъ направился къ каретнику.

— Гдѣ Кукушкинъ?—спросилъ онъ Ивана.

Кучеръ обернулся, но, не обративъ никакого вниманія на вопросъ Павлова, продолжалъ мыть пролетку, тихо напѣвая какую-то грустную пѣсенку.

Изъ раскрытыхъ оконъ главнаго дома доносился звонъ посуды и говоръ,—тамъ обѣдали.

Съ замираніемъ сердца Петровъ прислушивался къ этому говору, желая услышать голосокъ Лели. Но голосокъ не звучалъ.

— Гдѣ живутъ Троицкіе-то?—рѣшился спросить Петровъ товарища.

— Наверху... Вонъ окно, четвертое съ краю...

— Павловъ! Я сейчасъ!—вырвался вдругъ голосъ изъ окна флигеля.

Петровъ вздрогнулъ и спросилъ:

— Кто?

— Кукушкинъ, двоюродный братъ Лелинъ.

Кукушкинъ „выручилъ“. Наскоро допивши чай, онъ выскочилъ на дворъ и предложилъ играть „въ ямки“.

— Народу мало,—замѣтилъ Петровъ.

— Я позову... Лелька придетъ...

Петрову только это и надо было.

Кукушкинъ проворно взбѣжалъ на крыльцо и скрылся, топая каблуками по лѣстницѣ, а Петровъ и Павловъ остались ждать.

Томительное ожиданіе! Петровъ прихорашивался незаметно для товарища и едва переводилъ духъ. Какъ только гдѣ-нибудь хлопала дверь, Петровъ вздрагивалъ, краснѣлъ и начиналъ играть съ Картушемъ, какъ бы совершенно не интересуясь выходомъ Лели. Между тѣмъ, его сердце билось гром-

ко и порывисто... Вотъ опять стукнула дверь, Кукушкинъ стучаетъ каблучками по лѣстницѣ: онъ бѣжитъ... А вотъ еще слышны шаги, мягкіе, торопливые... Это она! Леля!..

У Петрова захватило духъ и замерло сердце...

— Ахъ, Петровъ! Какъ это вы?.. — воскликнула пораженная Леля, остановившись на послѣдней ступени крыльца.

— Мое почтеніе! — отвѣтилъ вспыхнувшій Петровъ и, снявъ фуражку, такъ сильно прицѣлнулъ ножкой, что даже взбилъ подъ ногами пыль.

Леля радостно побѣжала ему навстрѣчу. Они пожали другъ другу руки и нѣсколько мгновеній не знали, что сказать теперь.

— Весело было на вакатѣ? — спросила, наконецъ, Леля.

— Страшная тоска! — меланхолично отвѣтилъ Петровъ, которому теперь казалось, что дѣйствительно въ деревнѣ онъ все скучалъ по Лелѣ.

— А яйцо-то, которое вы подарили, пѣтухъ съѣлъ... Такая досада.

— Будетъ вамъ — про яйца... Давайте же играть, — перебилъ ихъ Кукушкинъ.

— Въ ямки! — громко выкрикнулъ Павловъ.

Они стали играть въ „ямки“.

Петровъ съ любопытствомъ осматривалъ Лелю. Леля стала выше; загорѣла, голосъ какъ-то по другому звучитъ, а можетъ быть это только такъ кажется, потому что давно Петровъ не слыхалъ этого милаго голоса... Леля еще лучше стала. Смѣется она все по-прежнему, звонко... Леля въ бѣломъ ситцевомъ платьицѣ. Она такъ жива и подвижна. Когда бѣжить, — трясеть головкой и звонко-звонко визжитъ... Онъ не сводитъ съ нея глазъ и играетъ разсѣянно, не отдаваясь игрѣ всецѣло, какъ другіе.

Долго играли „въ ямки“. Когда Лелю позвали домой, Петровъ захотѣлъ пить, и Кукушкинъ повелъ его къ себѣ.

— Ты вѣдь тоже въ нашей гимназіи? — спросилъ Кукушкинъ.

— Да...

Кукушкинъ подскочилъ отъ восторга и ударилъ Петрова по спинѣ такъ больно, что не будь онъ двоюродный братъ Лелѣ, Петровъ „сдалъ бы сдачи“. Больше уже не играли. Игра безъ Лели для Петрова была совершенно неинтересна и они съ Павловымъ ушли.

Петровъ уходилъ довольный, удовлетворенный: впереди

смутно рисовалась дружба съ Кукушкинымъ и возможность такимъ образомъ часто видѣться съ Лелей.

IX.

Разсчеты Петрова оказались вѣрными: осенью онъ то и дѣло бѣгалъ въ Кукушкину, а вскорѣ „затесался“ въ гости и къ самой Лелѣ...

Теперь Петровъ былъ въ третьемъ классѣ гимназiи, а Леля—въ пятомъ. Но это ровно ничего не значило, такъ какъ у гимназистокъ классы считались, какъ говорили гимназисты, шиворотъ на выворотъ; такъ что въ сущности Петровъ и Леля были по классу ровнями.

Петровъ по буднямъ то и дѣло бѣгалъ въ Кукушкину справляться, что задано то изъ русскаго, то изъ нѣмецкаго, а передъ праздниками ходилъ къ нему въ гости.

Послѣ двухъ игръ „въ короли“ и въ особенности одной игры „въ жмурки“, Петровъ понялъ, что онъ любитъ Лелю безповоротно и просто не можетъ жить безъ нея... Петровъ рѣшилъ жениться на Лелѣ... Классы, вѣдь, считаются шиворотъ на выворотъ, поэтому Лелѣ недолго придется ждать, пока онъ кончитъ свое ученье и сдѣлается, какъ папа, мировымъ судьей.

По любитъ ли его Леля?—вотъ что главное...

Да, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнiя!.. И вотъ почему:

Однажды, когда они играли „въ короли“,—Леля замѣтно старалась сдѣлаться „королемъ“, а Петрова пристроить въ „принцы“, даже сплutowала въ этихъ видахъ, что Петровъ замѣтилъ, но никому не сказалъ. Леля толкнула тогда его подъ столomъ ножкой. Въ другой разъ Леля спросила Петрова: „Придете вы въ слѣдующую субботу?“ и при этомъ добавила: „Если вы придете, и я—тоже“... Наконецъ, однажды Леля сказала: „Петя!.. голубчикъ!.. Садитесь сюда!..“—дѣло было за чаемъ и Петровъ сѣлъ противъ Лели, а она хотѣла сидѣть непременно рядомъ...

Такъ что, конечно, Леля согласится выйти замужъ за Петрова.

Сперва Петрова беспокоило то обстоятельство, что Леля, приходя къ Кукушкинымъ и уходя отъ нихъ, цѣлуется съ Василюмъ, но потомъ онъ успокоился и сообразилъ, что двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ цѣловаться можно, но выхо-

дить другъ за друга замужъ нельзя. Впрочемъ, послѣ одного памятнаго вечера у Петрова не осталось никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ: они были у Кукушкиныхъ и играли „въ жмурки“; Леля нарочно сдѣлала такъ, что съ ея платья свалился маленькій голубой бантикъ; Петровъ поднялъ его съ пола и спряталъ...

Онъ хранилъ этотъ бантикъ въ хорошенькой разукрашенной разноцвѣтными ракушками коробочкѣ и никому не показывалъ его. За то самъ каждый день, передъ тѣмъ, какъ идти въ гимназію, вынималъ бантикъ изъ коробочки и, прикладывая его къ своимъ губамъ, мысленно говорилъ: „Милый бантикъ! спаси меня сегодня изъ латинскаго“!.. Петровъ убѣдился, что бантикъ „дѣйствуетъ“: какъ-то разъ онъ не приготовилъ хорошенько урова изъ латинской грамматики, а когда спросили, — получилъ четверку. Да, это было просто чудо!.. Совсѣмъ не зналъ съ вечера исключеній, а какъ вызвали, — вспомнилъ бантикъ и началъ валять:

Много есть именъ на іs
 Masculini generis:
 Panis, piscis, crinis, finis...

— Довольно! отлично! — останавливаетъ учитель, а Петровъ жаритъ себѣ, безъ запинки. — Получилъ бы пять, если бы не сбился въ склоненіи...

Х.

Наступила и зима. Приближались рождественскіе каникулы, и наши герои начинали мечтать о елкахъ... Если елка вообще вещь очень занимательная, то елка у Троицкихъ въ глазахъ Петрова являлась безспорно грандіознымъ событіемъ, поглотившимъ все его вниманіе и всѣ помыслы.

Леля пригласила Петрова еще, когда ихъ распустили, и Петровъ началъ тщательно готовиться къ этому знаменательному событію. Никогда еще на Петрова не находило такого наплыва опрятности, какъ случилось теперь. Стерѣвши въ порошокъ кусокъ унесеннаго изъ гимназіи мѣла, Петровъ, напѣвая веселые мотивы, чистилъ на своемъ мундирѣ пуговицы и галуны; затѣмъ купилъ на 20 в. бензину и принялся мыть лайковыя перчатки, купленные еще къ Пасхѣ и потому немного грязныя. Своей матери онъ надоѣлъ съ просьбою купить новые сапоги.

— Да вѣдь у тебя еще крѣпкіе?

— А это что?—горячо возражалъ Петровъ, поднималъ ногу и показывалъ каблукы.

— Ну, что же?.. Немного каблукъ скривился.

— А ты думаешь, мнѣ не треть ногу?.. — убѣждалъ Петровъ.

Сапоги купили, такъ какъ Петровъ началъ хромать и рѣшительно отказывался надѣвать сапогъ на лѣвую ногу.

Когда Петровъ окончательно привелъ себя въ порядокъ, ему пришла въ голову мысль подарить что-нибудь Лелѣ на память. Онъ остановился на альбомѣ и потратилъ на него весь рубль, скопленный по три копейки, которая давала ему мать въ гимназію на завтракъ ежедневно. Альбомъ былъ изящный, въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ и съ букетомъ цвѣтовъ на первой страницѣ. До глубокой полночи мучился Петровъ, придумывая, что бы написать ему собственноручно на память Лелѣ въ этомъ альбомѣ. Наконецъ придумалъ. Подъ букетомъ цвѣтовъ онъ очень красиво вывелъ:

Ты прекрасна, словно роза,
Только разница одна—
Роза вянетъ отъ мороза,
Твоя прелесть—никогда..

Ученикъ III класса основнаго отдѣленія
N-ской гимназіи Петръ Петровъ.

Все было готово, дѣлать уже было нечего и ожиданіе становилось прямо мучительнымъ. До елки оставалось еще два дня, и Петровъ слонялся по комнатамъ изъ угла въ уголъ, всѣмъ надоѣдалъ и ссорился съ маленькимъ братишкой.

— Займись чѣмъ-нибудь!—кричитъ мать, выведенная изъ терпѣнія. Но въ томъ-то и дѣло, что Петровъ могъ теперь только думать объ елкѣ и о Лелѣ... Присядеть за книжку, пробѣжить нѣсколько строкъ и бросить. „Не сходить ли къ Букушкинымъ?“—размышлялъ онъ.— „Неловко... всѣ убираются къ праздникамъ, а Леля такъ и сказала, что до Рождества ей некогда и гулять даже она не будетъ ходить“.

„Все-таки пройдуся“. Надѣвъ пальто, Петровъ отправляется бродить по улицамъ, и какъ-то невольно его клонитъ все въ одну и ту же сторону, а именно—къ Лелину дому. Пройдетъ мимо этого дома, заглянетъ во дворъ и пойдетъ дальше. Пройдетъ до угла и снова вернется, и снова пройдетъ мимо этого дома и заглянетъ во дворъ.

Скучно! ахъ, какъ скучно!..

Но вотъ, наконецъ, насталь и желанный день... Ровно въ семь часовъ вечера Петровъ съ тщательно завернутымъ въ бумагу альбомомъ заявился въ квартиру Троицкихъ.

Роскошно убранная елка торжественно возвышалась посреди зала. Масса яркихъ огней придавала ей видъ красивой пирамиды изъ звѣздъ. Разноцвѣтные фонарики прятались въ вѣтвяхъ елки, какъ въ густыхъ таинственныхъ аллеяхъ какого-то волшебнаго сказочнаго парка. Позолоченные и посеребренные орѣхи и картонные ордена, металлическія игрушки и зеркальные стеклянные шарики, покачиваясь на ниточкахъ, сверкали искрами, какъ снѣжинки въ лунную морозную ночь...

Сколько заманчивыхъ вещицъ, сколько красивыхъ бомбоньерокъ и вкусныхъ сластей скрывалось въ этой волшебной пирамидѣ изъ звѣздъ. Кругомъ красиво ниспадають гирляндами разноцвѣтныя бумажныя цѣпи. Огни отражаются и на поверхности гладкаго наложеннаго паркета. А на самой верхушкѣ горитъ розовый глазокъ-фонарикъ и словно подмигиваетъ окружающему елку обществу.

ХІ.

Общество состояло исключительно изъ маленькихъ людей, большіе предоставили имъ полнѣйшую самостоятельность, — имъ некогда. Мамочка засѣла съ гостями за зеленый столъ и „винтить“, папочка завелъ нескончаемый разговоръ съ отставнымъ усатымъ полковникомъ на тему о значеніи и великихъ заслугахъ русскаго дворянства предъ престоломъ и отечествомъ (оба собесѣдника — дворяне, имѣющіе заложенные имѣнія). Бабушка сидитъ въ столовой за самоваромъ и съ ворчаніемъ подсыпаетъ въ чайникъ все новыя и новыя „заварки“. Горничная сбилась съ ногъ, едва успѣвая выполнять различныя приказанія.

Леля и ея братишка Володя прекрасно выдерживали роли радушныхъ и гостепріимныхъ хозяевъ. Завитой барашкомъ, въ изящномъ костюмчикѣ моряка, Володя съ любовью гостинаго кавалера скользилъ своими тоненькими ножками по паркету и занималъ дамъ разговорами. Леля тоже не уступала въ этомъ отношеніи брату: она старалась со всѣми подругами походить подъ руку и каждого кавалера подарить своимъ вниманіемъ. Живая, востроглазая хохотунья, шалунья и проказница Леля была „душою“ общества. Она знала массу

всевозможныхъ игръ и всюду являлась инициаторомъ и организаторомъ. Громкій звонкій голосокъ ея серебрянымъ колокольчикомъ звенѣлъ безостановочно. Кривы, вовгласы и кохотъ Лели покрывали общій гамъ непринужденнаго общества... Съ завитыми, ниспадавшими на плечи локонами, съ открытымъ задорнымъ личикомъ и бойкими синими глазенками, эта двѣнадцатилѣтняя красавица всецѣло овладѣла вниманіемъ и симпатіями не только кавалеровъ, но даже и всѣхъ дамъ, которыя наперерывъ другъ передъ другомъ стремились поймать Лелю подъ руку, погулять съ ней вокругъ елки и написать ей въ подаренный Петровымъ альбомъ стихи на память. Альбомъ быстро заполнился автографами. Нина Влохина, другъ Лели, вписала ей на память:

«Все на свѣтъ пустяки,
И любовь игрушка,
Всѣ мужчины дураки,
Моя Леля—душка!..»

Изъ мужскаго персонала больше всѣхъ выдѣлялся реалистъ Гриша, знакомый уже намъ соперникъ Петрова. Онъ былъ старше всѣхъ классомъ и только одинъ—реалистъ. Сознавая себя въ нѣкоторомъ смыслѣ единственнымъ, реалистъ держался съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Онъ критически относился къ играмъ, явно отдавая предпочтеніе танцамъ, раскланивался съ дамами, какъ настоящій кавалеръ: покорно склонялъ свою остриженную подъ гребенку голову и пристукивалъ по военному ножкой; къ мальчикамъ въ курточкахъ относился, какъ большой серьезный песъ относится къ маленькимъ шавкамъ, — отчасти снисходительно, отчасти покровительственно. На гимназистовъ смотрѣлъ свысока.

Дирижерство въ танцахъ, бантъ распорядителя на груди и часы съ цѣпочкой, бѣлыя перчатки и особенно свободное куреніе папиросъ неволью содѣйствовали поднятію престижа реалиста въ глазахъ общества и особенно дамъ.

Исключеніе представляли только двое — Петровъ и Павлюкъ. Петровъ смотрѣлъ на реалиста пренебрежительно и самъ закурилъ, а Павлюкъ былъ роднымъ братомъ реалиста и потому не чувствовалъ къ нему рѣшительно никакой почтительности: въ глазахъ Павлюка, хотя онъ и ходилъ въ курточкѣ, реалистъ былъ самымъ обыкновеннымъ смертнымъ. Павлюкъ—человѣкъ рѣзкій, радикальный, мужественный; онъ никогда не плачетъ, не хнычетъ, не ябедничаетъ, а чуть что, сейчасъ запустить „дурака“ или обратится къ содѣйствію

собственнаго кулака; авторитетовъ для него не существуетъ. Игрушекъ Павлюкъ терпѣть не можетъ, потому всѣ куклы его сестеръ представляютъ всегда калѣвъ и уродовъ: у одной нѣтъ носа, у другой ноги, третья—безъ волосъ... Всѣхъ, кто плачетъ, Павлюкъ называетъ „бабами“; однажды назвалъ бабой даже маму. Голосъ у Павлюка грубый, басистый и манеры угловатыя.

И такъ общество чувствовало себя превосходно и все шло прекрасно. Павлюкъ вертѣлъ ручку герофона, остальные танцовали. Играли „въ почту“, въ „гуси-лебеди домой“ (Павлюкъ оборвалъ у Лели оборку); потомъ стали играть „въ фанты“. Когда раскраснѣвшаяся Леля подошла къ серьезно и молчаливо сидѣвшему въ углу реалисту и скороговоркой произнесла:

Барыня прислала сто рублей,
Что хотите, то купите,
Черный съ бѣлымъ не берите,
Что желаете купить?

Реалистъ подпустилъ свептицизму:

— Глупая игра,—сказалъ онъ.—Ужъ лучше—„въ свои сосѣди“!

Леля обернулась къ обществу и неожиданно объявила:

— Эта игра надоѣла! Глупая! Давайте, господа, въ свои сосѣди!

Общество поддержало. Гости разсѣлись по стульямъ. Петровъ, все время увивавшійся около Лели, конечно, поспѣшилъ воспользоваться моментомъ и сѣлъ рядомъ съ Лелей.

И здѣсь-то вскрылась причина крупнаго столкновенія на вечерѣ, о которомъ вы узнаете изъ слѣдующей главы.

ХІІ.

Послѣ того, какъ Леля заявила, что она недовольна своимъ сосѣдомъ Петровымъ и тому пришлось убраться на другой стулъ къ несимпатичной совсѣмъ дамѣ,—Петровъ сдѣлался вдругъ злымъ. „И не больно нужно“, шепотомъ пробурчалъ онъ, идя на другое мѣсто, хотя ему страшно хотѣлось имѣть своей сосѣдкой Лелю... Впрочемъ, кому этого не хотѣлось! Реалистъ тоже объ этомъ старался... Павловъ—тоже. Даже грубый Павлюкъ нарочито былъ поближе къ Лелѣ!..

Съ этого момента Петровъ пересталъ быть любезнымъ кавалеромъ, неделикатно огрызался на дамъ и, сидя въ глухомъ молчаніи, изподлобья поглядывалъ въ сторону от-

вергнувшей его дамы... Петровъ замѣтилъ, что когда на его мѣсто, по требованію Лели, сѣлъ реалистъ, она стала говорить: „Довольна! очень!..“ а реалистъ, перебивая ее, восклицалъ: „и я—тоже!“ Петровъ два раза пытался разъединить ихъ: онъ сердито кричалъ:

— Всѣми недоволенъ!

Но толку не выходило никакого. Когда крики и визги стихали, а общій переполохъ и сумятица прекращались, Петровъ видѣлъ, что реалистъ только помѣнялся съ Лелей стульями...

„Измѣнница!..“ думалъ Петровъ. До сихъ поръ Леля всюду, гдѣ имъ приходилось бывать вмѣстѣ, всегда отдавала явное предпочтеніе передъ другими Петрову, на примѣръ, дамы „приглашали“ кавалеровъ, Леля стремглавъ бѣжала прежде всего къ нему; когда играли „въ рекруты“, Петровъ шелъ прямо къ Лелѣ и всегда угадывалъ свою избирательницу...

И вотъ, сегодня, вдругъ—„недовольна!..“

Въ душѣ Петрова вспыхнула страшная злоба на реалиста.

Сѣли играть въ „на кого принцъ похожъ?“ Спрашивать пришлось Лелѣ, а принцемъ быть—реалисту.

— На кого?—шепотомъ спросила она, подставляя свое ушко Петрову.

— На безхвостаго осла... — не задумываясь, отвѣтилъ Петровъ (онъ давно уже придумалъ для реалиста это обидное сравненіе).

Леля сконфузилась и покраснѣла: ей казалось совершенно невозможнымъ сказать такое „названіе“ вслухъ и притомъ въ лицо распорядителю танцевъ...

— Нѣтъ, другое что-нибудь придумайте!.. Скорѣй!..— попросила Леля.

— Нечего мнѣ придумывать... Сказалъ,—на безхвостаго осла!—настойчиво и дерзко отвѣтилъ Петровъ.

— Ну, смотрите! Я скажу, только...

— На безхвостаго осла!—еще разъ и съ еще большей твердостью повторилъ Петровъ.

Леля, пригибая къ ладони пальчики, шепотомъ стала припоминать всѣ названія, которыя надавали реалисту, но названіе Петрова не проговорила, а только произнесла „м-м“ и прижала мизинчикъ. Потомъ она еще разъ обошла всѣхъ играющихъ и съ каждымъ пошептала, только къ Петрову не подошла, а прошла мимо...

— На безхвостаго осла!—тихо напoмвилъ ей еще разъ Петровъ, подбѣжавъ сзади. Леля не обратила вниманія.

Реалистъ волновался: онъ словно предчувствовалъ что-то недоброе и сидѣлъ на стулѣ, подъ елкой, какъ преступникъ, ожидающій судебного приговора, съ низко опущенной головой и съ устремленными въ полъ взорами.

Подoшла Леля и начала:

— На розу!.. На...офицерива!.. На...на...рыцаря!.. На...кого еще? ахъ, да... На самоваръ (это сказалъ Павлюкъ).. На кивимору! (реалистъ обидно ухмыльнулся)... На милаго молодого человѣка!.. На...

Тутъ Леля замаялась...

— На осла! — рѣшительно выговорила она вдругъ, набравшись храбрости.

— На безхвостаго! — во все горло присовокупилъ Петровъ, внимательно слѣдившій за тѣмъ, чтобы его обидное названіе было передано въ точности...

Реалистъ покраснѣлъ до ушей и окончательно смутился. Все общество закричало, завизжало, захохотало и захопало въ ладоши. Особенно доволенъ былъ Павлюкъ.

— Ура!.. Ура! На безхвостаго осла!—кричалъ онъ басомъ, хлопая въ ладоши и судорожно болтая ногами—Ура!..

— Совсѣмъ ничего не смѣшно, а даже очень глупо,—проговорилъ, наконецъ, дрожащимъ голосомъ глубоко оскорбленный реалистъ,—ословъ безхвостыхъ на свѣтѣ не бываетъ. Вотъ и видно, что естественную исторію не знаетъ. Невѣжество!..

— Мало ли что! — закричалъ, вскочивъ со стула, Павлюкъ, — Кивиморъ вѣдь тоже не бываетъ?.. Ослу можно хвостъ отрубить... У нашего бульдога нѣтъ же хвоста? А раньше былъ; его отрубили... Нечего, безхвостый оселъ! Ура!..

— Я вотъ ужo скажу отцу,—онъ тебѣ задастъ,—пригрозилъ реалистъ брату.

— А ты—ябеда! дуракъ!..—отвѣтилъ Павлюкъ.

Наступило глубокое неловкое молчаніе.

— Выбирайте!—тихо, какъ-то виновато сказала Леля.

— На рыцаря,—выбралъ реалистъ.

— Это я сказала!—радно воскликнула Леля и прогнала прочь вспогѣвшаго отъ волненія и обиды реалиста.

— А я не играю...—объявилъ неожиданно Петровъ.

— Нельзя! Ты еще не былъ принцемъ... — запротестовалъ Кукушкинъ.

— Онъ трусить... Ба-ба! ба-ба!—закричалъ Павлюкъ.

— Трусъ,—презрительно замѣтилъ реалистъ.

— Трусъ! Трусъ—повторила, хлопая въ ладоши, Леля.

— А ты, безхвостый осель, не лѣзь! Съ тобой не разговариваютъ,—злбно крикнулъ Петровъ.

— Молокосось!—отвѣтилъ реалистъ, закуривая папиросу...

И тутъ съ Петровымъ случилось что-то странное... Онъ вдругъ заплакалъ самымъ отчаяннымъ образомъ и пошелъ вонъ изъ залы.

— Ба-ба! Ба-ба! Ре-ветъ! — кричалъ вдогонку Петрову Павлюкъ.

— Что тутъ у васъ вышло? Изъ-за чего поссорились?—недовольно спросила мадамъ Троицкая, появляясь среди смущеннаго общества.

— Петровъ Гришу безхвостымъ осломъ обругалъ и самъ же реветъ,—выступая впередъ, объяснилъ Павлюкъ.

— Гриша! — обратилась хозяйка къ реалисту, не разбиравъ въ чемъ дѣло,—что же это такое? Вы вѣдь постарше... Стыдно!..

— Я... его не тро...галъ... Онъ самъ же полѣзь, а я ви...но...вать!..

И реалистъ, возмущенный и обиженный несправедливостью, расплакался вдругъ, позабывши всякую солидность.

Ревъ раздался теперь въ двухъ различныхъ комнатахъ, и хозяйка рѣшительно не могла понять, кто тутъ правъ и кто виноватъ...

— Надежда Васильевна! Ваша сдача!—сказалъ появившійся въ дверяхъ господинъ въ пенснѣ и быстро исчезъ, словно провалился.

— Ахъ, Господи, какое наказаніе! Поиграть не дадутъ... Извольте сію же минуту прекратить ссоры и слезы, иначе я велю погасить елку! — раздраженно проговорила мадамъ Троицкая и торопливо отправилась „сдавать“...

XIII.

По воскресеньямъ, Леля, обыкновенно, приходила съ папой и мамой на катокъ.

Разумѣется, Петровъ тоже ходилъ туда. За три пятерки подъ рядъ изъ ариеметики мама купила Петрову американскіе коньки, и онъ не пропускалъ ни одного праздничнаго дня. Кое-какъ пообѣдавъ, не отвѣдавши часто даже второго блюда, Петровъ хваталъ коньки и направлялся на катокъ...

Ноги его рѣшительно не слушались, — бѣжали скорѣй, чѣмъ заставлялъ ихъ Петровъ; его сердце ёкало, щеки горѣли... Хотя катокъ находился и близко отъ дома, гдѣ жилъ Петровъ, но ему казалось, что путь безконечно дологъ... Петровъ тогда только могъ перевести духъ, вздохнуть свободно, когда вступалъ на лѣстницу, которая вела въ теплушку катка. Наскоро пристроивъ коньки, онъ выходилъ на ледъ, дѣлалъ нѣсколько оборотовъ на мѣстѣ, поправлялъ фуражку справлялся рукой, чисто ли у него подъ носомъ, и начиналъ вглядываться въ окружающихъ... Глаза Петрова искали ентовый воротникъ и шапку съ зеленымъ околышемъ; по этимъ признакамъ онъ узнавалъ Лелинаго папу. А ужъ если ентовый воротникъ и при немъ шапка съ зеленымъ околышемъ отыскавались, — значитъ, Леля тоже здѣсь... А это только и требуется...

Отыскавъ взоромъ Лелю, Петровъ закладывалъ руки въ карманы пальто и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, катился солидно, гигантскими шагами къ Лелѣ... Передъ самымъ ея носомъ онъ дѣлалъ крутой поворотъ, и Леля его замѣчала:

— Петровъ! Давайте вмѣстѣ!..

— Ахъ, Алевтина Николаевна!..

Петровъ лѣнивымъ движеніемъ ноги подворачивалъ къ Алевтинѣ Николаевнѣ, они брались за руки и катились быстро, такъ что замиралъ духъ...

Павловъ тоже ходилъ на катокъ, но катался онъ очень плохо: низко наклонялся всѣмъ корпусомъ внизъ, махалъ руками и то и дѣло брыкался... Пола его пальто, считаго съ большимъ запасомъ на ростъ, возились по льду и всегда были въ снѣгу, какъ и фуражка... По правдѣ говоря, Петрову было совѣстно кататься вмѣстѣ съ Павловымъ и онъ сторонился его на каткѣ...

Что касается реалиста, то онъ вовсе не умѣлъ кататься на конькахъ и приходилъ только смотрѣть и гулять по льду вмѣстѣ съ Лелей... Леля катится, а реалистъ идетъ рядомъ и разговариваетъ. Петрова это обстоятельство возмущало: на льду нечего гулять, а надо кататься; гуляющіе только мѣшаютъ...

Если Петровъ падалъ, онъ обвинялъ именно гуляющихъ и всегда очень досадовалъ... Хорошо, если Леля не видѣла... А если она видѣла, какъ некрасиво онъ упалъ, дрыгнувъ въ воздухъ ногами?..

Происшедшая на елѣхъ размолвка надолго нарушила эти пріятныя свиданія на ватѣхъ. Петрову было совѣстно передъ Лелей, которая, какъ онъ слышалъ отъ Павлова, называетъ его „плаксою“. Вмѣстѣ съ чувствомъ горячаго стыда въ душѣ Петрова накипала какая-то горечь обиды, оскорбленія, и его терзали ужасныя муки ревности... „Яичница съ лукомъ!“ — называлъ онъ мысленно счастливаго соперника и создавалъ десятки плановъ ужасной мести. „Я ему всю морду сворочу“, хвастался онъ передъ Павловымъ, но, въ сущности, Петровъ сознавалъ, что этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ реалистъ сильнѣе его... „Нашла себѣ безхвостаго осла, ну и ладно! Пусть! Имъ въ университетъ нельзя... У него и такъ все колы да двойки.. Выгонять изъ реалки и отдадутъ въ сапожники... И Лельва будетъ сапожницей“, злорадствовалъ Петровъ. Но, увы!—въ его воображеніи вставала эта сапожница, съ золотистой косой и съ синими, какъ незабудки, глазами, въ его ухахъ звучалъ ея мелодичный голосокъ, и сердце Петрова замирало отъ сладкаго чувства благоговѣнія передъ этой сапожницей, а руки тянулись къ коробочкѣ и открывали ее: тамъ лежалъ завѣтный бантикъ.. Воспоминанія лучшихъ дней моментально воскресали передъ Петровымъ и онъ впадалъ въ какое-отчаяніе... „Возьму у папы револьверъ и застрѣлюсь.. вотъ и будетъ тогда знать“, шепталъ онъ.

И воображеніе рисовало Петрову такую картину:

Онъ застрѣлился... Прямо—въ сердце... Папа съ мамой плачутъ и говорятъ: „Ахъ, бѣдный Петя, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?“ Петровъ оставитъ записку и они узнаютъ, зачѣмъ... „Прощайте папа и мама! передайте Алевтинѣ Николаевнѣ, что я не желаю мѣшать ей счастью“,—такъ будетъ написано въ запискѣ... Леля узнала... Она испугалась, не вѣрить... Но какъ же не вѣрить, когда у ихъ дома выставлена крышка гроба?.. Леля идетъ мимо и тревожно спрашиваетъ, кто это здѣсь умеръ?.. „Гимназистъ Петровъ застрѣлился“,—говоритъ дворникъ... „Неужели?“ — „Да, вчера выстрѣлилъ прямо въ сердце...“ Да, все кончено!.. не вортишь! Петрова хоронятъ... Онъ лежитъ въ бѣломъ парчевомъ гробу, въ цвѣтахъ, въ церкви у Николы.. Рыжій дячекъ читаетъ... толстыя свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ пылаютъ огнями у гроба... Леля входитъ тихо въ церковь и, подходя къ гробу, опускается на колѣни... „Петя, милый, голубчикъ... Я виновата предъ тобою“. Леля рыдаетъ и горько

расскаивается, что измѣнила Петрову... Какъ бы рада была она, если бы Петровъ ожилъ!.. Но этого не можетъ быть... Вотъ уже поютъ „со святыми упокой“... Скоро будутъ прощаться...

Такъ фантазируетъ Петровъ, лежа въ постели въ сумеркахъ зимняго вечера, и ему такъ жалко дѣлается себя, что на глазахъ его показываются слезы.

Однажды, въ скучный зимній день, Петровъ сидѣлъ одинъ у окна въ гостиной и предавался грустнымъ думамъ о своей преждевременной смерти.. Когда онъ развилъ тему о своей смерти до момента появленія въ мѣстномъ „Листкѣ“ описанія его похоронъ, въ окно кто-то постучалъ. То былъ Кукушкинъ. Онъ близко подошелъ къ окну и прижался носомъ къ стеклу...

Сперва Петровъ испугался, такъ какъ расплоснутый носъ и губы Кукушкина совершенно обезобразили его физиономію, но потомъ, когда Кукушкинъ отдернулъ свое лицо отъ стекла и улыбнулся во весь ротъ, Петровъ узналъ его и вздрогнулъ отъ предчувствія какой-то радости...

Петровъ усиленно замахалъ руками, прося жестами Кукушкина зайти. Кукушкинъ зашелъ.

— Ты что къ намъ не ходишь?—спросилъ Кукушкинъ.

— Такъ... Читаю теперь все.

— Тебѣ Лелька кланяется...

Петровъ вспыхнулъ. Чувство радости смѣнялось въ немъ чувствомъ недовѣрія, и потому онъ сказалъ:

— Враки!..

— Она вчера у насъ сидѣла и думала, что ты придешь, ждала. Играли въ короли. Приходи въ воскресенье на катокъ; Лелька тебѣ велѣла приходить... Непремѣнно!.. Мы разошлись съ реалистомъ...

— Враки!—повторилъ Петровъ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Ей-Богу!.. Клянусь Богомъ!—поклонился Кукушкинъ.

— Изъ-за чего?

— Лельку кокеткой обругалъ...

— Болванъ!—замѣтилъ Петровъ.—Его выгонять скоро изъ реалки-то; у него все колы да двойки...

— А на елкѣ-то, помнишь, хвалился, что пятый ученикъ?

— Пятый съ конца,—злорадно сострилъ Петровъ.

Петровъ живо вспомнилъ елку и вспомнилъ, что онъ постыдно ревѣлъ тамъ... Но воспоминаніе же подняло и духъ его: „И онъ вѣдь ревѣлъ... Ужъ если плаксы, такъ оба“,—утѣшилъ себя Петровъ.

— Смотри, приходи въ воскресенье на ватокъ-то! Лелька велѣла... Она тебѣ скажетъ тамъ что-то очень важное...

— Не врешь?

— Ей-Богу!.. Клянусь Богомъ! Такъ и сказала: „Пусть непременно придетъ,—я ему скажу очень, очень важное“.

Кузушкинъ ушелъ, оставивъ Петрова въ мучительномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ радостномъ настроеніи...

XIV.

Настало воскресенье,—день, назначенный Лелей для свиданія...

Петровъ цѣлый день наканунѣ думалъ, что бы такое могло быть это „очень, очень важное“, и потому не успѣлъ выучить въ понедѣльникъ ни одного урока... Хотя онъ и смотрѣлъ цѣлый часъ въ латинскую „Книгу упражненій“, да два часа въ греческую грамматику, но ровно ничего не видѣлъ и не понималъ... Въ его рукахъ, которыя онъ пряталъ подъ столомъ, была коробка съ голубымъ бантикомъ, и Петя то и дѣло отрывался отъ книги, чтобы смотрѣть и цѣловать его... „Очень, очень важное“, — мысленно повторялъ онъ, въ то время, какъ губы его говорили: „Леонидъ и 300 спартанцевъ погибли при Фермопилахъ“...

Петровъ плохо спалъ ночью. Онъ долго ворочался въ постели и вздыхалъ. Подушка казалась ему невыносимо горячей и онъ поминутно переворачивалъ ее съ одной стороны на другую... Петровъ сердился на старую няньку: она очень громко и страшно храпѣла, безпрестанно кряхтѣла, что-то шептала, кашляла и мѣшала Петрову спать... Только когда большіе стѣнные часы въ столовой пробили „два“, Петровъ закрылъ глаза и въ полномъ изнеможеніи заснулъ, наконецъ, какъ убитый...

Какъ долго тянулось сегодня время до обѣда! Петрову казалось, что часы совсѣмъ перестали двигать стрѣлками, а что они отстаютъ,—въ этомъ онъ былъ глубоко убѣжденъ... Петровъ взобрался на стулъ съ намѣреніемъ помочь часамъ двигать стрѣлками, но вошла мать и запретила:

— Это еще что за новости?—удивленно спросила мать...

— Отстаютъ, мамочка!.. На полчаса отстаютъ...

— Не ври, пожалуйста! Часы идутъ вѣрно...—отвѣтила мать, посмотрѣвъ на свои золотыя часики.

— Опоздаю вотъ завтра въ гимназію...

— Оставьте, пожалуйста! Слѣзьте!..

Наконецъ-то, горничная загремѣла тарелками, — стала накрывать столъ.

— Поворачивайся поскорѣй!... Я ѣсть до смерти хочу, — торопилъ Петровъ горничную...

Сегодня Петровъ пренебрегъ даже своимъ любимымъ клюквеннымъ киселемъ. И все это изъ-за Лели, изъ-за „очень-очень важнаго“, что пообѣщала она сказать ему на каткѣ...

Высочивъ изъ-за стола раньше всѣхъ и, не прожевавъ даже взятаго въ ротъ куска мяса, Петя на лету чмокнулъ маму, папу и намѣревался, было, уже отправиться на катокъ, но отецъ остановилъ его:

— Развѣ ты не знаешь, что послѣ обѣда слѣдуетъ перекрестить лобъ?..

Петя машинально перекрестилъ лобъ и намѣревался бѣжать за коньками, но отецъ опять остановилъ его:

— А уроки готовы?

Петя нѣсколько замаялся, но, оправившись, бойко, хотя и глядя въ сторону, отвѣтилъ:

— Да учить-то нечего.. Изъ латинскаго — старое, изъ русскаго — не задано, а изъ ариѳметики — я давно это знаю...

Но отецъ, бывшій съ самаго утра почему-то не въ духѣ, потребовалъ у Пети журналъ. Петя съ огорченіемъ вытащилъ его изъ ранца и принесъ отцу.

— Переводъ написалъ? Покажи! — хмуро спросилъ отецъ, посмотрѣвши въ Петинъ журналъ.

— Переводъ?.. успѣю... вечеромъ... — смущенно отвѣтилъ Петя.

— Гм... А задача № 1784 сдѣлана? Объясненіе написано? Покажи!

— Нѣтъ, папочка... Я успѣю...

— Изволь сѣсть за уроки. На катокъ не пойдешь, — небрежно бросилъ отецъ, швырнувъ Петинъ журналъ и уткнулся бородою въ тарелку съ клюквеннымъ киселемъ.

О, если бы отецъ зналъ, какое горе причиняетъ онъ своему Петю!.. Онъ никогда, никогда не сказалъ бы этого...

Петя не просилъ „пустить“: онъ зналъ, что когда отецъ скажетъ что-нибудь такимъ спокойнымъ тономъ, то никогда не измѣнитъ своего рѣшенія. Петя разсердился только на папу... Когда Петя вырастетъ большой и сдѣлается мировымъ судьей, и когда у нихъ съ Лелей будутъ свои дѣти, онъ никогда не поступитъ съ ними такъ жестоко, какъ папа...

Петя ушелъ къ себѣ наверхъ, со злостью раскрылъ ра-

нецъ и, вытаскивая изъ него книгу за книгой, сердито бросалъ ихъ на кровать. Задача № 1784, какъ нарочно, не рѣшалась. Петя бранилъ ее „проклятою“, ругалъ учителя ариеметики, ерзалъ на стулѣ, три раза ломалъ карандашъ, перемаралъ половину „общей тетради“, и все-таки не „рѣшилъ“. Переводъ изъ латинскаго выдался, какъ на зло, тоже какой-то безтолковый. Всѣ „слова“ вылетѣли изъ памяти и приходилось ихъ отыскивать въ словарѣ и записывать. А перо топырилось и только царапало тетрадку...

— Господи! Да что это за мученіе такое!—со слезами на глазахъ вскрикивалъ время отъ времени Петя, привскакивая на стулѣ.

А день погасалъ и меркъ. Часы пробили четыре, полъпятого... Стало темнѣть. Няня принесла зажженную лампу съ зеленымъ абажуромъ. Изъ окна было видно, какъ въ противоположномъ домѣ мигнулъ огонекъ. А спустя еще нѣсколько минутъ зажгли и фонари на улицѣ.

Значить, сегодня нельзя уже идти на катокъ, поздно. Значить, сегодня Петя не увидитъ Лелю и не узнаетъ такъ сильно мучившее его „очень-очень важное“...

XV.

Что же, что теперь дѣлать? Еще одна послѣдняя надежда: идти къ Василию Кукушкину. Можетъ быть, Леля у нихъ теперь...

Обстоятельства благопріятствовали: папа съ мамой поссорились изъ-за театра, и отецъ, хлопнувъ дверью кабинета и сердито откашлянувшись, прошелъ въ переднюю, одѣлся и куда-то ушелъ.

Петя побѣжалъ къ матери.

— Мама, мнѣ надо къ Василию Кукушкину: я не записалъ, что задано изъ русскаго...

— Ахъ, Петя, какой ты разсѣянный! — пѣвуче протянула мать. — Ты вѣчно что-нибудь не запишешь, не отмѣтишь...

— Что же, мамочка?..—довольно неопредѣленно сказалъ Петя въ свое оправданіе.

— Ну, хорошо, иди! Только не на долго...

Петя подскочилъ на мѣстѣ, перевернулся на каблукъ и не прошло десяти минутъ, какъ онъ уже звонилъ у парадныхъ дверей, гдѣ желтѣла мѣдная досочка съ надписью: „Николай Николаевичъ Кукушкинъ“.

Когда Петя вошелъ въ переднюю, онъ сразу догадался, что Лели нѣтъ: когда она бываетъ у Кукушкиныхъ, на всѣ комнаты звенить ея серебристый голосокъ... А теперь—тихо-тихо. Слышно только, какъ со звономъ тикають стѣнные часы, да гдѣ-то вдали сердитый хриплый басъ кричить: „Болванъ!.. Оболтусъ!.. На третій годъ, что-ли хочешь остаться?“ (Это отецъ ругаетъ Василю Кукушкина).

— Кто тамъ?—грозно окрикнулъ вдругъ басъ, переставши браниться.

— Это—я...—пискнулъ Петя и, робко войдя въ залъ, спросилъ:

— А гдѣ Вася?

— Въ углу стоять!—сердито буркнулъ басъ, и въ дверяхъ показалась тучная фигура Николая Николаевича, въ туфляхъ и халатѣ. Петя еще болѣе смутился: чрезъ раскрытую половину двери онъ увидѣлъ, какъ изъ проулочка между письменнымъ столомъ и стѣною торчатъ толстыя ноги Василю Кукушкина...

— А вамъ что угодно, молодой человѣкъ?

— Я такъ...—пискнулъ Петя.

— „Такъ“... „такъ“... учиться слѣдуетъ, почаще въ книгу заглядывать, а не баклуши бить, молодой человѣкъ—вотъ что!..

— Я не бью...

Петя стоялъ передъ сердитымъ господиномъ и смотрѣлъ на кисти низко спустившагося на его животъ пояса.

— Гм!—вашиланулъ Николай Николаевичъ, потомъ зашлепалъ туфлями, подошелъ къ тазику съ пескомъ и плюнулъ.

— П-шелъ!..—крикнулъ онъ вдругъ на всѣ комнаты.

Василій Кукушкинъ, красный, потный съ взерошенною головою, вынырнулъ изъ проулка и, подойдя къ окну, сталъ молча и задумчиво водить по стеклу пальцемъ. Петя подошелъ къ товарищу. „Пойдемъ въ дѣтскую“,—тихо шепнулъ тотъ, не отрывая глазъ и пальца отъ стекла.

Лишь только они очутились въ столовой, Василій преобразился: онъ какъ-то прыснулъ, скорчивъ отвратительную гримасу, дрыгнулъ ногой и понесся вверхъ по лѣстницѣ, сломя голову.

— Что не приходилъ на катокъ? Дуракъ!.. Сдѣлалъ задачу? Дашь содрать, голубчивъ?

— Папа не пустилъ меня на катокъ.

— Не пустилъ! Эхъ, ты, Лельва на тебя разсердилась... Она тебѣ прислала письмо... На вотъ!..

Кукушкинъ подалъ Петрову записку.

Петровъ торопливо поймалъ бумажку и быстро запряталъ ее въ карманъ.

Проболтавшись минутъ десять у Кукушкиныхъ, Петровъ распрощался и ушелъ домой.

Тамъ, у себя наверху, онъ трясущимися отъ волненія руками вытащилъ изъ кармана записочку, поднесъ ее къ лампѣ и прочиталъ:

„Вы меня обманули и не пришли сегодня на катокъ. Я этого никакъ отъ васъ не ожидала, поэтому между нами все кончено и вы отдайте назадъ мой бантикъ отъ платья. Алевтина Троицкая“.

Петровъ перечиталъ письмо еще разъ.

На рѣсницахъ его блеснули двѣ слезинки и, сватившись, стувнули о корочку латинской грамматики. Его сердце сжалось отъ боли. Оттуда-то со dna души попозло вверхъ что-то тяжелое, неприятное, гнетущее и влещами сдавило Петрову горло.

Голова Петрова упала на латинскую грамматику.

— Леля! Милая! Ангелъ мой! Святая моя!..— тихо шептали его губы.— Если бы ты только знала, почему я не пришелъ! Если бы ты знала! Ахъ, папка, папка, что ты надѣлалъ?..

Петровъ вскочилъ со стула, бросился въ постель и, спрятавъ лицо въ подушку, горько-горько разрыдался...

Евгеній Чириковъ.

* * *

Ахъ, только бы знать, что могу я молиться,
Что можно молиться, кому я молюсь!
Ахъ, только бы въ мысляхъ, въ желаніяхъ слиться
Съ тѣмъ чистымъ, въ чему я такъ жадно стремлюсь!
И что мнѣ лишенье, и что мнѣ страданья,
И что мнѣ рыдающихъ струнъ трепетанья,
Пусть буду я ждать и томиться года,
Безумствовать, падать во тѣмъ испытанья,—
Но только бы вѣрить всегда,
Но только бы видѣть изъ бездны преступной,
Что тамъ, надо мной, въ высотѣ недоступной,
Горить—и не меркнетъ звѣзда!..

К. Бальмонтъ.

ПРАДЪДЪ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА.

(Фильдингъ въ его Томъ-Джонсъ *).

Реальное изображеніе дѣйствительности безъ всякихъ прикрасть, преувеличеній, романической окраски и сентиментальности, ставится въ настоящее время самымъ главнымъ условіемъ всѣхъ художественныхъ произведеній, между которыми самое распространенное, излюбленное и интересное—это *романъ*, захватывающій въ широкой картинѣ всѣ стороны человѣческой жизни. Эту реальность особенно цѣнимъ мы въ Бальзакъ, Флоберъ, Зола, Теккерей, Диккенсъ, наконецъ, въ нашихъ русскихъ романистахъ. Правда жизни, такъ сказать, человѣческіе документы, переработанные и приведенные въ стройный порядокъ творческимъ гениемъ, и притомъ, освѣщенные съ точки зрѣнія опредѣленныхъ идеальныхъ требованій автора,—вотъ что единственно даетъ современному роману прочный и серьезный успѣхъ и значеніе. Но для того, чтобы такія требованія жизненной, общечеловѣческой и національной, правды сдѣлались для всѣхъ естественными и необходимыми, нужно было пройти цѣлымъ вѣкамъ. Только въ XVI в. явился во Франціи Раблэ; но его романы, «Пантагрюэль» и «Гаргантюа», гениальныя, но грубыя, часто циничныя, сатиры современности, стоятъ особнякомъ, совсѣмъ заслоненные литературой классической, и читаются мало. Семнадцатый вѣкъ во Франціи создаетъ «здоровяка» реалиста Мольера, чудесно пробившагося даже среди господствовавшаго классицизма. Немного ранѣе, въ Испаніи, въ 1605 году, появляется первая часть безсмертнаго «Донъ-Кихота»—этого, до сихъ поръ такого свѣжаго, глубоко-общечеловѣческаго, великаго, произведенія,—этого истиннаго прототипа того новаго европейскаго романа, который старается соединить реальность съ здоровой идеальной оцѣнкой дѣйствитель-

*) «Исторія Тома-Джонса—найденыша», романъ Фильдинга. Изданіе А. С. Суворина. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к., три тома.

ности. Но «Донъ-Кихота» современники цѣнили за его сюжетъ, фабулу, мастерство разсказа; больше смѣялись, зачитывались имъ, чѣмъ понимали его глубокое значеніе, точно такъ же, какъ и недостаточно цѣнили другого, еще болѣе великаго, реалиста, Шекспира. Эти-то четыре колосса литературы, Раблэ, Сервантесъ, Шекспиръ и Мольеръ, оцѣненные только вполсѣдствіи, далеко опередили свой вѣкъ, и, при всемъ своемъ значеніи, въ XVIII вѣкѣ, временно, должны были уступить лавры повсемѣстнаго успѣха англійскому роману, какъ болѣе понятному и близкому массѣ, представлявшему обыденную ежедневность и прямо обращающемуся къ человѣческому сердцу съ его горемъ и радостью. Выдержавшая вѣковую политическую и религіозную борьбу, Англія раньше другихъ странъ Европы выработала у себя личность, семью; раньше другихъ, подъ вліяніемъ болѣе независимости и свободы мысли, проявила широкое философское движеніе; менѣе, чѣмъ другія страны, подверглась вліянію классицизма, хотя и основательно изучала классиковъ по первоисточникамъ. И вотъ, какъ слѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ, и должна была именно тамъ, въ Англіи, въ XVIII в., явиться богатая литература, имѣвшая непосредственное и быстрое вліяніе на всю новѣйшую литературу Европы. Самымъ характернымъ и вліятельнымъ видомъ этой литературы былъ романъ, не героическій, не рыцарскій, не историческій, не «плутовской», какъ въ Испаніи, а именно семейный, нравоописательный, сентиментальный и сатирическо-юмористическій «романъ» изъ жизни обыкновеннаго, средняго, человѣка, котораго сердечныя исторіи и судьба въ водоворотѣ общественной жизни и стали теперь предметами общаго вниманія. Піонеромъ выступилъ Дефо съ *Робинзономъ Крузо* (1719 г.),—этимъ апофеозомъ самостоятельной, полной самообладанія, силы воли и изобрѣтательности, чисто англійской, личности. Но здѣсь еще нѣтъ семьи, нѣтъ и общества; здѣсь только, собственно, одна личность въ ея стремленіи къ чужимъ краямъ и ихъ чудесамъ,—одна, такъ сказать, психологія изолированной отъ свѣта души. Не проходитъ десятка лѣтъ, и Англія изумляетъ и восхищаетъ Европу *Путешествіемъ Гулливера*, Свифта (1727), этого горькаго скорбника, этого англійскаго Ювенала, отважно бросившаго перчатку соотечественникамъ и всему человѣчеству своей безошадной сатирой. Но это все еще не романъ, который заставитъ биться миллионы сердець во всемирѣ, и во всѣхъ странахъ вызоветъ тьму подражаній. Здѣсь тоже личность, какъ и у Дефо, но личность, вся освѣщенная ослѣпительнымъ рефлекторнымъ свѣтомъ озлобленной сатиры, взятой только, или по преимуществу, со стороны политической и обще-

ственной; здѣсь нѣтъ ни домашняго очага, ни женщины, ни любви; нѣтъ и сердечной теплоты; здѣсь не на чемъ успокоиться душѣ:—холодно страшно отъ этого безощаднаго ума, не согрѣтаго любовью къ человѣчеству. Но вотъ, изъ замкнутой, буржуазной, семейственной, пуританской среды, возмущенной нравственной разнузданностью литературы и легкомысленными, доходящими до разврата, нравами общества, гдѣ унижалась или игнорировалась простая, чувствующая, личность человѣка; гдѣ, вмѣсто любви, чистой и возвышенной, царилъ одна чувственность, въ 1740 г. выступаетъ Ричардсонъ съ романомъ *Памела*, а въ 1748 г. и съ другимъ—*Кларисса*. Эти-то произведенія, уже чисто семейные, развертывающіе передъ нами самую тонкую психологію личности, оскорбляемой обществомъ въ ея возвышеннѣйшихъ привязанностяхъ сердца, и были настоящими родоначальниками новѣйшаго сентиментальнаго романа. Но несомнѣнному таланту пятидесятилѣтняго автора, увлекшаго всѣхъ новостью содержанія, вредила излишняя растянутасть, нѣкоторая слезливость, а больше всего, преднамѣренная, сознательная, нравственная тенденція. Авторъ, всегда безупречный и аккуратный въ своемъ поведеніи, никогда ничѣмъ не увлекавшійся, ровно шедшій разъ опредѣленной тропой и созерцавшій весь свѣтъ изъ окна своей типографіи, вздумалъ не столько рисовать личность и общество, сколько поучать, наставлять, предостерегать и исправлять. Для этого выставилъ онъ идеалы хорошихъ характеровъ, которые, по остроумію выраженію Вальтера Скотта, вышли у него «такими уродами совершенства, какихъ свѣтъ никогда и не видывалъ», а рядомъ съ ними выставилъ, въ видѣ назиданія, — какую-нибудь испорченную личность, чтобы показать на нихъ читателямъ, что должно дѣлать, и чего не дѣлать *).

Яркій контрастъ этому талантливому, но часто сухому и чопорному, всегда поучительному, моралисту Ричардсону представляетъ и по жизни, и по сочиненіямъ, заклятый врагъ его, Генри Фильдингъ (1707—1754). Аристократъ по рожденію, ведущій свой родъ отъ Габсбурговъ; бѣднякъ, хотя и получившій за женой большое приданое, но все прокутившій; учившійся въ Итонской школѣ и лейденскомъ университетѣ, дополнившій свое образованіе самостоятельнымъ усидчивымъ трудомъ; другъ одного изъ образованнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей вѣка, лорда Литтль-

*) Съ личностью Ричардсона и съ изложеніемъ лучшаго его романа читатель познакомится въ сочиненіяхъ Дружинина т. V ст. «*Кларисса Гарлоу*». Авторъ.

тона; знатокъ какъ большаго свѣта, гдѣ онъ былъ прекрасно принять, такъ и самыхъ низменныхъ подонокъ общества, которое писатель узналъ въ тавернахъ и пивныхъ, гдѣ любилъ проводить время съ низшей братіей; страстный любитель и знатокъ театра, драматургъ и закадычный другъ величайшаго актера Гаррика: журналистъ, наконецъ, безкорыстѣйшій мировой судья, написавшій замѣчательное сочиненіе о *тактѣ для бѣдныхъ*,—этотъ гениальный человѣкъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ всѣхъ его знавшихъ, однимъ изъ людей самыхъ милыхъ и симпатичныхъ. Всегда заразительно веселый и бодрый духомъ, какія бы бѣды на него ни обрушивались, остроумнѣйшій собесѣдникъ, обладавшій неистощимымъ юморомъ, добродушный и гуманный, готовый отдать другу, или любому бѣдняку, послѣднюю копѣйку, — это былъ увлекающійся и легкомысленнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, менѣе всего умѣвшій устроить свою собственную жизнь. А какъ любилъ онъ эту жизнь, забывая все за паштетомъ изъ дичи или бутылкой шампанскаго, а чаще—за кружкой пива, въ кабачкѣ; какъ прожигалъ онъ жизнь, не обращая вниманія ни на свое здоровье, ни на репутацію у чопорной аристократіи, приходившей въ ужасъ отъ поведенія и проказъ этого настоящаго *enfant terrible* «порядочнаго» общества. Такой натурѣ менѣе всего возможно было остаться равнодушной къ такому благонаправленному моралисту, какъ Ричардсонъ. Его слащавая и лицемерная добродѣтель, придуманная въ кабинетѣ, изображеніе высшаго, незнакомаго автору, общества и прописная мораль, раздѣляющая людей на добродѣтельныхъ и порочныхъ, должны были поднять изъ глубины души Фильдинга весь его безпощадный юморъ, до сихъ поръ размѣниваемый по мелочамъ, въ пріятельскихъ бесѣдахъ, въ многочисленныхъ, писанныхъ на спѣхъ, пьесахъ, да журнальныхъ статейкахъ. Великій романистъ нашелъ свое призваніе. И вотъ, въ томъ же 1740 г., когда вышла и *Памела*, является и его романъ—пародія на нее «*Исторія и приключенія Иосафа Андрюса и его друга господина Адамса*», съ предисловіемъ, гдѣ Фильдингъ, намекая на Ричардсона, прямо называетъ аффектацію смѣшною тѣмъ болѣе, чѣмъ больше въ ней лицемерія.

Но вполнѣ, во всю ширь, развернулся гений Фильдинга въ главномъ его произведеніи, въ *Томѣ Джонсѣ*, вышедшемъ въ 1749 г., черезъ годъ послѣ *Клариссы* (1748), и составившемъ автору безсмертное имя основателя новѣйшаго юмористическаго, романа, развертывающаго передъ читателемъ цѣлую картину жизни *всѣхъ сословій*; Диккенсъ и Теккерей, и по формѣ, и по характеру своихъ произведеній, ближайшіе послѣдователи Фильдинга.

Томъ Джонсъ, именемъ котораго романъ называется, — дитя неизвѣстнаго происхожденія, подкинутое кѣмъ-то почтенному бездѣтному вдовцу помѣщику и мировому судѣ сквайру Альворти, живущему въ полномъ довольствѣ въ своемъ богатомъ помѣстьѣ, съ сестрой, чопорной и некрасивой перезрѣлой дѣвой, миссъ Бриджетъ. Сквайръ оставляетъ ребенка у себя. Сестра выходитъ вскорѣ замужъ за капитана Блейфиля, который, однако, умираетъ, подаривъ ее сыномъ, воспитывающимся у Альворти вмѣстѣ съ найденышемъ, любимцемъ своего второго отца. Рано обнаруживаются у обоихъ мальчиковъ совершенно противоположные характеры. Какъ Джонсъ живъ, прямодушенъ, смѣлъ, правдивъ, — такъ Блейфиль, напротивъ, не по лѣтамъ степененъ, скрытенъ, робокъ, льстивъ и завистливъ. Съ лѣтами между юношами отношенія обостряются, и Блейфиль, разсчитывающій на богатое приданое ирландской сосѣдки по имѣнью, дочери вдовца Вестерна, Софьи, въ которую влюбился Джонсъ, оклеветываетъ съ помощью своихъ учителей, ученаго Сквера и пастора Тваккума, своего товарища передъ дядей. Альворти, у котораго около этого же времени умерла сестра — мать Блейфиля, выгоняетъ Джонса изъ дому, вполнѣ довѣрившись племяннику. Послѣ цѣлаго ряда приключеній, дающихъ автору поводъ представить множество лицъ разныхъ классовъ общества, Томъ Джонсъ попадаетъ, наконецъ, въ Лондонъ. Туда же прѣѣзжаетъ къ своей родственницѣ, леди Белластонъ, и оставившая отца, Софья, едва не выданная насильно замужъ за ненавистнаго Блейфиля. Въ Лондонѣ Джонсъ сталкивается съ развращенной аристократіей, едва не погубившей легкомысленнаго и увлекающагося юношу, оклеветаннаго влюбившеюся въ него леди Белластонъ, и передъ Софьей, которую накрываютъ въ столицѣ пустившіеся за ней въ погоню отецъ съ старой дѣвой, теткой, желающіе, во что бы то ни стало, выдать ее за Блейфиля, съ каковою цѣлью въ Лондонъ выписывается и Альворти съ племянникомъ. Адвокатъ, бывшій при послѣднихъ минутахъ покойной сестры сквайра, и женщина, служившая у нея въ то время, когда, въ отсутствіе ея брата, родился Джонсъ, открываютъ тайну происхожденія юноши, который оказывается никѣмъ инымъ, какъ сыномъ той же самой сестры отъ тайной любви къ молодому, умершему отъ оспы, сыну друга Альворти, также воспитанному сквайромъ. Раскрывается и вѣроломство Блейфиля, скрывшаго письмо покойной матери къ брату, гдѣ та передъ смертью открыла послѣднему тайну, а также открывается и намѣреніе гнуснаго юноши вконецъ погубить Джонса. Альворти, видя, какъ страшно былъ обманутъ, снова возвращаетъ оклеветанному племяннику свое

расположеніе, и Джонсъ, великедушно подѣлившись съ своимъ заклятымъ врагомъ дядинымъ состояніемъ, женится, къ великой радости обоихъ отцовъ, на возлюбленной Софьѣ, простившей легкомысленныя измѣны милаго жениха.

Такова канва этой обширной эпопеи, распадающейся по содержанию, на три части: деревенская помѣщичья жизнь по простотѣ, воспитаніе Джонса и Блейфиля и любовь перваго къ Софьѣ; скитанія Джонса и Софьи съ различными дорожными приключеніями, напоминающими любимаго Филидингоуъ «*Донъ-Кихота*», какъ ихъ комической причудливостью и мѣстомъ дѣйствія (дороги, гостиницы, постоялые дворы), такъ и тѣмъ, что и Джонса, какъ и Рыцаря печальнаго образа Пансо, неизмѣнно сопровождаетъ простоватый слуга-фактотумъ, брадобрѣй-эксъ-учитель, Партриджъ; наконецъ, третья часть — нравы лондонской аристократіи, представляющіе столько соблазновъ для выросшаго въ деревнѣ юноши.

Все съ болѣе и болѣе возрастающимъ интересомъ слѣдитъ читатель за чрезвычайно искусно развивающейся интригой, естественно, послѣдовательно, безъ всякихъ скачковъ и нарочно придуманныхъ случайностей, вытекающей изъ ловко поставленной завязки (таинственное происхожденіе Джонса). Безъ малѣйшаго ослабленія вниманія прочитываются эти цѣлыхъ двѣсти семь главъ обширнаго романа, такіа, маленькія, страницъ въ 3 — 7, малаго формата, не больше, — каждая съ особымъ юмористическимъ заглавіемъ, указывающимъ на ея содержаніе — форма, принятая вполнѣ Диккенсомъ и Теккереемъ. То до упаду хохочетъ читатель надъ уморительными, иногда немножко и нескромными, но никогда грязными, сценами; то до слезъ трогается самыми высокими чувствами даже, повидимому, въ совсѣмъ опустившихся, едва не погибшихъ, личностяхъ; то серьезно задумывается надъ сложностью встрѣчающихся въ жизни положеній, или удивительными противоположностями, — повидимому, противорѣчіями, уживающимися, въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же человѣкѣ. И такъ привязывается читатель не только къ главнымъ лицамъ, Джонсу и Софьѣ, но и къ этимъ добрѣйшимъ папашамъ, степенному Альворти и, какъ порохъ вспыхивающему, пылкому охотнику чудаку Вестерну и всѣмъ другимъ, невольно принимаетъ въ нихъ такое участіе, точно они настоящіе живые люди, въ судьбѣ которыхъ онъ, читатель, лично заинтересованъ, — что, по прочтеніи книги, жалѣеть, что этотъ длинный романъ такъ скоро кончился.

Но не въ общей концепціи произведенія, не въ искусствѣ завязки, развитія дѣйствія или мастерствѣ разсказа здѣсь сиза. Душа этого романа, — его плоть и кровь, его сущность, — это ха-

рактеры, отъ которыхъ все исходитъ, и которыми обусловливаются и объясняются проступки, нерѣдко предосудительные, взятые отдѣльно, сами по себѣ, но извинительные и вполне объяснимые, когда подумаемъ, *къмъ* и при *какихъ* обстоятельствахъ они совершены. Здѣсь нѣтъ ни добродѣтельныхъ, ни порочныхъ, ни исключительно добрыхъ, ни злыхъ,—здѣсь просто люди, выставленные такими, какими они и бываютъ въ жизни, т. е. самую разнообразною, разнovidною, смѣсю и добродѣтелей, и пороковъ, частію зависящихъ отъ натуры, темперамента, частію—отъ воспитанія, среды, примѣра, условій жизни, обстоятельствъ, въ которыхъ люди поставлены. Не судить порока, не восхвалять добродѣтели хочетъ авторъ, вполне понимающій, что никто не безъ грѣха, и какъ легко согрѣшить, какъ легко упасть, и какъ трудно подняться;—онъ только правдивый и безпристрастный историкъ, бытописатель, каковымъ называетъ себя и самъ, показывающій намъ ту человѣческую комедію, которая, то смѣша до упаду, то, трогая до слезъ, носить названіе жизни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и объясняющій, почему то или другое случилось. Люди Фильдинга—это или люди болѣе умные, хорошіе, а слѣдовательно, по мнѣнію автора, и болѣе любящіе, доброжелательные, сердечные, ибо безъ сердца, безъ любви, нѣтъ и добра; или болѣе дурные, т. е. эгоистичные, ограниченные, слабые, но все-таки сохраняющіе въ себѣ хоть частицу добра, совѣсти, симпатичности. Герой Джонсъ,—натура благороднѣйшая, симпатичнѣйшая, это—цѣлый родникъ самой трогательной гуманности, прямодушія, самой нѣжной любви, дружбы, благодарности, самопожертвованія, и въ то же время это балованное дитя, которому никогда ни въ чемъ не отказывали, къ шалостямъ котораго всегда снисходили. Это—юноша полный красоты, физической силы, ловкости, страсти, легко увлекающійся и въ увлеченіи легкомысленно опускающійся до порока, какъ, напримѣръ, въ своихъ отношеніяхъ къ Молли, къ Вестернъ, къ леди Белластонъ. Его увлеченія—молодая игра крови, которой онъ, по слабости воли, темпераменту и легкомыслію, не можетъ, какъ совѣтуетъ у Пушкина старецъ Пименъ Григорію, «смирять молитвой и постомъ». Всѣ его пороки, кажется, исключительно сводятся къ слабости къ женскому полу, который, надобно сказать правду, не мало и самъ ухаживаетъ за красивымъ юношей. Но всѣ эти увлеченія, за которыя онъ дорого платится укорами совѣсти и едва не поплатился потерей Софьи, не мѣшаютъ ему оставаться великодушнымъ до самоотверженія, рыцаремъ, всегда готовымъ защитить слабого, отдать бѣдняку послѣднія деньги, возстановить честь бѣдной, оболыщенной легкомысленнымъ фатомъ, дѣвушки

(Нанси), невинностью которой онъ самъ не позволилъ бы себѣ воспользоваться. Его собственныя увлеченія не влекутъ за собой ни для кого несчастія, горя,—и никто, никогда, не проливалъ изъ-за Джонса слезъ; а у сколькихъ людей осушилъ онъ слезы своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ чужомъ горѣ! Таковъ этотъ добродушнѣйшій, во время опомнившійся, и раскаявшійся повѣса, напоминающій собой самого автора, котораго, какъ и Джонса, нельзя не прощать и не любить.

Не менѣе жизненна, естественна и симпатична первая и единственная, серьезная, любовь Джонса—Софья, особенная любимица автора, кажется, списанная съ дѣвушки, которую Фильдингъ любилъ. Это ли не соблазнъ создать чудо красоты и добродѣтели, на что такъ падки писатели-моралисты?! Фильдингъ и не покупился на изображенія прекрасныхъ качествъ своей любимицы; но всѣ эти качества, хотя и рѣдко, но все-таки чудно соединяются въ избранныхъ натурахъ. Она удивительно хороша собой; у нея чудеснѣйшее, великодушнѣйшее, сердце, умѣющее любить и прощать; она—прекрасная дочь, кротко сносящая всѣ чудачества и сумасбродства старика-отца, развлекающая его одиночество любимыми его пѣснями; она такъ проста, естественна, скромна, безъ малѣйшей чопорности и педантизма. Но въ то же время она и не совершенство. Она вспыльчива, немножко капризна, какъ тоже балованное дитя, кокетлива, сознавая свою красоту, немножко груда, какъ барышня, воспитанная аристократическою тетенькою, немножко легковѣрна и довѣрчива къ лукавой своей горничной Гоноріи, которая держитъ барышню въ рукахъ, — словомъ, она, какъ и Джонсъ, хорошій, очень хорошій человекъ, даже, можетъ быть, лучше Джонса,—по крайней мѣрѣ, глубже, серьезнѣе его (но вѣдь для нея, какъ женщины и соблазновъ меньше). Это уже вовсе не добродѣтельнѣйшая ричардсоновская Памела, или Кларисса.

Удачно справившись съ этими двумя своими любимцами, остающимися во всемъ романѣ, до конца, живыми людьми, Фильдингъ великъ въ созданіи и остальныхъ характеровъ. Не говоря уже объ этихъ двухъ типичнѣйшихъ контрастахъ—отцахъ; объ этомъ, такомъ степенномъ, всегда спокойномъ, нравственномъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно-таки простоватомъ и слабохарактерномъ Альворти, и о добродушнѣйшемъ уморительномъ чудаки Вестернѣ,—сколько чудесно очерченныхъ характеровъ проходитъ передъ читателемъ. Тутъ и два ученыхъ педагога, воспитатели Джонса и Блейфиля:—педантъ, но въ душѣ благородный человекъ, философъ Скверъ и высоко нравственный пасторъ Тваккумъ, обдѣлывающій

дѣлишки при помощи религіи и грѣшницій изподтишка не хуже всякаго другого. Какъ бы въ pendant къ пастору Тваккуму, поставленъ добродушный пасторъ Сушплъ, собутыльникъ и что-то въ родѣ шута старика Вестерна; и типы прислуги,—блюстительница нравственности Дебора Вилькинсъ, горничныя Софьи и тетушки, егеръ Блэкъ Джорджъ, благодѣтельствованный Джонсомъ и его же и обокравшій; дѣвушки: разсчетливая Дженни Джонсъ (впослѣдствіи Ватерсъ), красавица Молли — легкомысленная цирцея Джонса; военные, напр., нахаль поручикъ Нортертонъ; хозяйева гостиницы; остепенившійся впослѣдствіи жуиуръ Нейтингель,—наконецъ, аристократія, правдиво и безпристрастно представленная въ лицѣ тетушки Вестерна, леди Фицпатрикъ, леди Белластонъ, ирландскаго лорда, лорда Фицпатрикъ и лорда Феллмора, — аристократія, о которой авторъ замѣчаетъ, что «beau monde отличается больше безцвѣтностью, чѣмъ пороками, и единственный приличный для него эпитетъ—пустой» (т. III, стр. 56). Если ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ типамъ присоединимъ еще брадобрѣя—учителя Партриджа, болтуна и простака себѣ на умѣ—этого неизмѣннаго Санчо-Пансу Тома Джонса,—то нельзя не признать, что романъ даетъ картину жизни, гораздо живѣе, образнѣе, разностороннѣе и шире, чѣмъ всѣ романы восемнадцатаго столѣтія, за исключеніемъ развѣ одного только «Вертера».

Но, кромѣ многочисленныхъ лицъ, есть въ этомъ романѣ еще одно интереснѣйшее лицо, съ которымъ читателю пріятно и полезно познакомиться поближе. Это лицо—самъ авторъ, выступающій не только въ общемъ освѣщеніи изображаемаго, или въ отношеніяхъ къ своимъ героямъ, но и въ маленькихъ юмористическихъ вступленіяхъ къ каждой изъ 18 книгъ его произведенія. Эти 18 главъ—не что иное, какъ задушевнѣйшая бесѣда съ читателемъ, котораго авторъ любитъ, какъ друга, и передъ которымъ откровенно, безъ малѣйшаго педантизма, или авторскаго самолюбія, просто и сердечно, раскрываетъ тайны своего творчества, свои завѣтныя литературныя и житейскія убѣжденія. Эти главы, составляющія вмѣстѣ совершенно оригинальное, съ одной стороны, какъ бы особое, съ другой—тѣсно связанное съ романомъ, цѣлое,—настоящій, своеобразный, трактатъ о поэтическомъ творчествѣ, болѣе чѣмъ на цѣлый вѣкъ опережающій наши требованія конца девятнадцатаго столѣтія, по которымъ реальное изображеніе дѣйствительности составляетъ первое и необходимое условіе творчества. Въ этихъ главахъ, въ эпоху господства во всей Европѣ ложнаго классицизма, еще до Руссо и Лессинга, Фильдингъ смѣло выступаетъ его противникомъ, призывая себѣ въ вдохновителя

Аристотеля, котораго понималъ онъ въ его глубокомъ смыслѣ, Раблэ, Мольера, Шекспира, Свифта и Мариво (кн. XIII, гл. I, стр. 1—4 втораго тома). Другъ Гаррика, воскресившаго на англійской сценѣ Шекспира, Фильдингъ смотритъ на театрѣ, какъ на изображеніе дѣйствительной жизни, и въ главѣ, гдѣ Джонсъ ведетъ на представленіе Гамлета своего Партриджа, никогда не выдавашаго настоящей игры, показываетъ огромную силу впечатлѣнія отъ реального сценическаго воспроизведенія человѣка (т. III, гл. V, стр. 172—177). Приступая къ юмористическому изображенію какой-нибудь бабьей драки, сцены между супругами Партриджами, побоища въ гостиницѣ на большой дорогѣ, онъ зло пародируетъ напыщенную манеру эпиковъ, ловко пользуясь классическими сравненіями, а появленію въ романѣ своей героини Софьи предпосылаетъ сентиментально-классическое вступленіе, и, быстро покончивъ съ нимъ, какъ бы съ уступкой современному вкусу, снова впадаетъ въ свой обыкновенный, естественный, тонъ (т. I, кн. IV, гл. 2, стр. 121). Но насмѣшки надъ псевдоклассицизмомъ и педантическимъ злоупотребленіемъ классиками, напр., надъ щегольствомъ полуграмотными и неумѣстными цитатами, къ которымъ такъ любитъ прибѣгать школьный учитель и брадобрѣй Партриджъ, отнюдь не исключаютъ въ Фильдингѣ, основательно знакомомъ съ древними классиками, самаго глубокаго уваженія къ великимъ писателямъ, какъ Гомеръ, Виргилій, Гораций, Цицеронъ. Онъ считаетъ ихъ своими наставниками, какъ по богатству творческой силы, такъ и по благородству глубокихъ мыслей, и не стыдится признаться въ неоднократныхъ у нихъ заимствованіяхъ, которыми пользуется умѣло и кстати, не *«шипя» своего сочиненія классическими крохами, чтобы обмануть грамотный міръ, на удивленіе дамъ и моднаго свѣта, пересыпаньемъ своего творенія латынью»*, но пользуясь только ихъ мыслями, сравненіями, выраженіями, творческимъ приѣмомъ. *«Древніе писатели,—говоритъ Фильдингъ,—это обираемые богачи-сквайры въ литературномъ мірѣ, [и мы, бѣдняки Парнаса, съ незапамятныхъ временъ пользуемся правомъ брать у нихъ, что попадетъ подъ руку»*. *«Совѣсть не упрекаетъ меня въ такомъ воровствѣ, а что касается до обиранія богатыхъ, такъ я охотно въ томъ сознаюсь, и никогда не задумаюсь взять, если понадобится, цѣлую цитату у древняго писателя и не объявить, у кого она взята»* (кн. XII, гл. I, томъ II, стр. 294—297).

Опредѣливъ отношеніе автора къ ложному классицизму и древнимъ писателямъ, посмотримъ, какую теорію творчества предлагаетъ онъ въ своихъ оригинальныхъ вступленіяхъ.

Въ первой же главѣ первой книги онъ юмористически преподноситъ читателю «*объденную карту*», по которой тотъ, подобно посѣтителю гостинницы, могъ бы заранѣе видѣть, что предложить ему авторъ. Онъ можетъ предложить только одну *провизию*. Эта «провизія ничто иное, какъ *человѣческая природа*, чудесно разнообразная и никогда не исчерпываемая вполнѣ ни однимъ писателемъ». Это кушанье, по мнѣнію избалованныхъ людей, слишкомъ обыкновенно и вседневно, но вѣдь истинную-то природу, подъ именемъ которой читателю преподносится, въ видѣ романовъ, повѣстей, драмъ и поэмъ, всякая дрянь, найти у писателей такъ же трудно, какъ въ лавкахъ настоящей байонскій окорокъ или болонскую колбасу. Все однакоже зависитъ отъ искусства автора какъ отъ искусства повара зависитъ приготовить вкусно въ разныхъ видахъ одинъ и тотъ же матеріалъ. И вотъ, авторъ обѣщаетъ голодному читателю сначала «эту *человѣческую натуру* въ томъ простомъ и безъискусственномъ видѣ, въ какомъ она встрѣчается въ деревнѣ, а потомъ, когда голодъ уже утоленъ, онъ напигуетъ и приправитъ ее лучшими пряностями притворства и пороковъ, какія только можно найти въ городахъ». Предлагая читателю только правду, онъ называетъ свой романъ *исторіей*, и признавая себя «основателемъ новой области въ литературѣ», будетъ, подобно историку, не останавливаясь на мелочахъ, сжать и кратко, выдвигая только самое важное существенное (кн. II гл. I). Онъ предложитъ читателю чтеніе не безплодное и скучное, которое отняло бы у него только время, но такое, которое принесло бы читателю и пользу для ума и сердца, ибо гораздо лучше умѣть предугадать поступки человѣка, основываясь на знаніи его характера, нежели судить о характерѣ по его поступкамъ (кн. III гл. I). Твореніе Филдингга, которое онъ юмористически называетъ героико-историко-прозаической поэмой, рѣзко отличается отъ пустыхъ романовъ, наполненныхъ чудовищами, отъ произведеній большого мозга, противныхъ природѣ, годныхъ только для кухни и портерной, и отличіе это—*истина*, почему даже излюбленная героиня автора, хотя и рѣдко, но все-таки встрѣчающееся въ жизни, въ своемъ родѣ, совершенство—ничто иное, какъ списанный съ натуры портретъ (кн. IV гл. I). Говоря о *чудесномъ*, столь излюбленномъ многими писателями, авторъ совѣтуетъ пользоваться имъ съ осторожностью и всегда держаться въ границахъ вѣроятнаго и возможнаго, чтобы это *чудесное* являлось, такъ сказать, только въ воображеніи суевѣрнаго народа, или большой фантазіи простодушнаго невѣжды; точно также, рассказывая о дѣлахъ человѣка, который есть высочайшій предметъ для пера

*

современнаго намъ историка и поэта, писатель долженъ остерегаться, какъ бы не перемахнуть за предѣлъ для него возможнаго (кн. VIII, гл. I). Что же касается правилъ, такъ строго предписываемыхъ критиками писателямъ, то эти правила только стѣсняють творчество генія, который самъ въ своей области искусствъ создаетъ законы мощной силой своего духа. Эти «критики, какъ люди недалежнаго ума, часто принимаютъ форму за сущность дѣла, и въ своихъ приговорахъ мертвой буквы закона не обращаютъ повсе вниманія на его духъ. Вещи мелочныя и случайныя, незамѣченныя у великаго писателя, они принимаютъ за главнѣйшія его достоинства и передаютъ потомству какъ существенныя условія красоты. Время и невѣжество, великіе помощники шарлатанства, придали имъ силу авторитета, и такимъ образомъ установилось множество законовъ изящнаго, не основанныхъ ни на истинѣ, ни на природѣ, и служащихъ только къ стѣсненію творчества, какъ «стѣснила бы танцора какая-нибудь глубокомысленная теорія его искусства, въ которой было бы поставлено существеннымъ условіемъ, что человѣкъ долженъ танцевать не иначе, какъ въ кандалахъ». Точно такъ же возстаетъ авторъ противъ произвольнаго дѣленія явленій жизни на «высокія» и «низкія», благодаря чему изгоняется изъ театра юморъ, и «самъ театръ сдѣлался глупѣе салона». Единственнымъ же закономъ для писателя признаетъ Фильдингъ, кромѣ истины, законъ контраста, который «проходить по всему міру и, конечно, не мало способствовалъ пробужденію въ насъ идеи красоты, какъ естественной, такъ и искусственной, ибо что лучше противоположности можетъ уяснить красоту или превосходство вещи?» (кн. V гл. I). Но, рисуя зло, какъ контрастъ добру, «никогда нельзя видѣть въ человѣкѣ только отвратительнаго негодяя, стараясь въ глубинѣ его души или въ побужденіяхъ его отыскать и хорошее, точно такъ же, какъ одинъ дурной поступокъ еще не дѣлаетъ человѣка негодяемъ и часто объясняется только страстями, надъ которыми мы не всегда властны. Поэтому-то человѣкъ благоразумный и разсудительный никогда не спѣшитъ приговоромъ, хоть и осуждая слабости и пороки, но не питая ненависти къ виновному, — и чѣмъ самъ человѣкъ хуже, тѣмъ щедрѣе онъ на эпитеты — негодяй и мерзавецъ» (кн. VII, гл. I).

Но всего полнѣе и опредѣленнѣе раскрывается писательскій кодексъ Фильдинга, его заветныя требованія отъ писателя, во вступленіяхъ къ книгамъ IX, XIII и XIV. Чтобы писать исторіи, подобныя исторіи Томъ-Джонса, нужны не какія-нибудь особыя правила, никогда писателемъ никого не сдѣлавшія, а только слѣдующія четыре необходимыя качества. *Во-первыхъ* — особый,

полученный отъ рожденія *геній*, безъ котораго и ученіе не служить ни къ чему. Этотъ «геній ничто иное, какъ *изобрѣтательность*, т. е. способность открывать, находить или, выражаясь сильнѣе, искусство проникать быстро и далеко въ настоящую сущность всѣхъ предметовъ нашего размысленія». «Я полагаю,— говоритъ Фильдингъ,— что эта способность не можетъ существовать безъ сужденія: мнѣ кажется невозможнымъ постичь сущность двухъ вещей, не постигая ихъ различія. А въ этомъ-то неоспоримо и состоитъ все дѣло размысленія; и, не смотря на то, нѣсколько умныхъ людей, заодно съ дураками всего свѣта, утверждали, что эти двѣ способности очень рѣдко, или даже никогда, не совмѣщались въ одномъ и томъ же лицѣ».

Но и самый геній для писателя недостаточенъ, если нѣтъ у него *второго* качества—*хорошей дозы учености*, или образованія, точно такъ же какъ ремесленнику недостаточно инструментовъ, если онъ не умѣетъ ими управлять. И если природа снабдила насъ способностями, то эрудиція должна привести ихъ въ дѣйствіе и показать ихъ употребленіе, причемъ для писателя совершенно необходимо знаніе исторіи и изящныхъ искусствъ, и память о томъ, что Гомеръ и Мильтонъ обладали всѣми знаніями своего времени.

Къ учености или образованію, вообще, должно присоединиться *третье*:—*обращеніе съ людьми*, потому что безъ этого нельзя уразумѣть характеровъ, и ученые педанты, проводящіе всю свою жизнь въ коллегіяхъ и надъ книгами, въ этомъ отношеніи самыя глубокіе невѣжды. «Ибо, какъ бы искусно ни была описана сочинителями человѣческая природа, истинное понятіе о ней можно вынести только изъ свѣта». «И при этомъ, сношеніе историка съ людьми должно быть всеобщимъ, т. е. со всѣми званіями и состояніями, потому что знаніе, такъ называемаго, высшаго общества не доставитъ ему знанія низшаго класса,—и наоборотъ, а знать людей нужно всякихъ, такъ какъ одни и тѣ же слабости и пороки, точно такъ же какъ и добродѣтели, въ каждомъ классѣ проявляются по своему». Образованіе и знаніе жизни находятъ въ авторѣ особенно горячаго защитника, не разъ возвращающагося къ этому вопросу, которому посвящаетъ онъ начала книгъ XIII и XIV.

Но ни геній, ни ученость, ни самыя разнообразныя знанія жизни не послужатъ писателю ни къ чему, если не будетъ у него *четвертаго*, великаго, качества: онъ долженъ имѣть *доброе сердце*, *обладать чувствительностью*, чтобы заставлять читателя смѣяться и плакать. Эту силу сердца, любви, ставитъ авторъ выше всего и во всякомъ человѣкѣ, не только въ писателѣ. Эту любовь видитъ онъ въ способности чувствовать себя счастливѣе, при видѣ

счастья другихъ. «Эта способность доставляетъ человѣку великое наслажденіе, въ любви этой кроются источники благодарности и уваженія, и даже сама старость и болѣзнь, уничтожающія другія страсти, не могутъ имѣть никакого вліянія на любовь, какъ на чувство, основанное на уваженіи и благодарности» (кн. VI, гл. I.).

Таковъ въ своемъ Томѣ Джонсѣ этотъ Фильдингъ, прадѣдъ романа XIX вѣка,—романа, который, въ лицѣ Диккенса и Теккерея, Шпильгагена, Фрейтага и Ауербаха, Бальзака, Флобера, Додэ и Зола, нашихъ—Гоголя, Тургенева, Гончарова и графа Л. Н. Толстого, захватилъ всю литературу. Фильдингъ, сдѣлавъ своимъ героемъ—найденыша, человѣка очень хорошаго по натурѣ но вмѣстѣ съ тѣмъ не выше средняго уровня, рассказавъ о событіяхъ самыхъ обыденныхъ, низвелъ литературу до изображенія всѣхъ сторонъ жизни, смѣшавъ высокое съ низкимъ, и этому низкому давъ право литературнаго гражданства. Романтическій Вертеръ и скорбники:—Шатобриановскій Рене, Оберманъ, Адольфъ, герои Мюссе временно отвлекутъ литературу отъ изображенія будничной жизни; Викторъ Гюго, и отчасти, Жоржъ-Зандъ завлекутъ читателя въ приподнятый романтизмъ. Но повѣсть со второй четверти столѣтія новымъ духомъ, обратитъ наука вниманіе на изученіе жизни массъ и человѣка вообще, на физиологію общества,—и снова возродится и въ Англии, и на материкѣ этотъ старый, *фильдинговскій*, романъ. Конечно, сообразно требованіямъ времени, содержаніе романа значительно расширится, изъ личнаго сдѣлается болѣе общимъ, и даже самую любовь введетъ въ связь съ общественнымъ, политическимъ. Но завѣты прадѣда—изображать только правду, быть историкомъ общества безпристрастнымъ, широко образованнымъ, непремѣнно любящимъ человѣка,—эти завѣты станутъ завѣтами всѣхъ лучшихъ писателей. Старый же романъ, несравненный «Томъ Джонсъ», которому скоро исполнится уже полтора ста лѣтъ, и теперь еще читается съ величайшимъ интересомъ и пользой, принадлежа, по выраженію Морлея, къ тѣмъ немногимъ книгамъ, гдѣ «нравственная истина и человѣческая страсть затрогиваются съ извѣстной широтою, здравомысліемъ и привлекательностью формы».

Викторъ Острогорскій.

НАУЛАКА.

Романъ Рюдиарда Киплинга и Уольботта Балестриера.

(Продолженіе *).

IX.

Мы встрѣтились въ страшной странѣ, недалеко отъ преддверія ада; я жду твоихъ приказаній, я хочу служить, помогать тебѣ или удерживать тебя,—а ты говоришь, что я не хорошо поступилъ!

О, милая, эти красные цвѣты — отблескъ пламени, эта земля наполнена мертвецами, только что убитыми, еще не успокоившимися мертвецами; опасности окружаютъ тебя со всѣхъ сторонъ, носятся надъ головой твоей, и я стою стражемъ у воротъ твоихъ, оберегая тебя отъ бѣдъ и слишкомъ смѣлыхъ поступковъ, отъ словъ, которыхъ ты не можешь слышать, отъ янаковъ, которыхъ ты не можешь видѣть,—а ты говоришь, что я напрасно пришелъ?

Въ странѣ тьмѣй.

Пока Кэтъ причесывала волосы передъ зеркаломъ, въ комнатѣ, приготовленной для нея миссисъ Эстесъ, слезы стояли въ глазахъ ея, слезы досады. Она уже привыкла къ тому, что люди не хотятъ, чтобы имъ приносили пользу, и относятся неприязненно къ тѣмъ, кто старается потревожить ихъ лѣнивое довольство.

Но она надѣялась, что, добравшись до Бомбея, она преодолѣла всѣ внѣшнія препятствія и помѣхи, что теперь ей предстоитъ бороться только съ трудностями настоящаго дѣла.

И вдругъ Никъ здѣсь!

Во все время пути отъ Топазы она была въ возбужденномъ состояніи. Она чувствовала себя веселой и счастливой, какъ маль-

*) См. «Міръ Вожій», № 7, іюль, 1895 г.

чикъ, первый разъ пытающійся вести жизнь мужчины. Наконецъ-то она свободна. Никто не можетъ остановить ее. Ничто не можетъ удержать ее отъ той жизни, къ которой она себя предназначила. Еще нѣсколько времени и она твердой рукой возьмется за свое дѣло. Еще нѣсколько дней и она своими глазами увидитъ тѣ страданія, ради которыхъ она переплыла океанъ. Въ мечтахъ ей представлялись женщины, которыя съ мольбой простираютъ къ ней руки, довѣрчиво повѣряютъ ей свои горести. Быстрый ходъ судна казался ей слишкомъ медленнымъ; она слышала рыданія толпы, призывавшей ее. Она стояла на носу корабля, вѣтеръ трепалъ ея волосы, глаза ея глядѣли въ сторону Индіи, душа ея нетерпѣливо стремилась къ страдальцамъ, ради которыхъ она ѣхала; казалось, вся жизнь покинула ее, улетѣла за океанъ къ нимъ и отдалась имъ. Когда она вышла на берегъ, ее на минуту охватило чувство страха. Она приблизилась къ своему дѣлу, но способна ли она исполнить его? Она знала этотъ страхъ, онъ съ самаго начала заставлялъ ее сомнѣваться въ задуманномъ предпріятіи, но теперь она отогнала его прочь, твердо рѣшившись не поддаваться никакимъ колебаніямъ. Она будетъ дѣлать свое дѣло настолько хорошо, насколько Богъ дастъ ей силы; и она пошла впередъ, проникнутая новымъ, твердымъ и смиреннымъ чувствомъ покорности воли Божіей.

Въ такомъ настроеніи вышла она изъ экипажа въ Раторѣ—и очутилась въ объятіяхъ Тарвина.

Она отдавала справедливость тому доброму чувству, которое заставило его проѣхать столько миль, но ей было бы гораздо пріятнѣе, если бы онъ не пріѣзжалъ. Довольно грустно и тяжело было сознавать, что за 14.000 миль живетъ человекъ, который ее любить и для котораго она ничего не можетъ сдѣлать; но видѣть его лицомъ къ лицу, знать, что онъ здѣсь, въ Индіи, одинъ, это было невыносимо; его присутствіе положительно становилось между нею и всѣми ея надеждами принести серьезную пользу другимъ. Въ настоящую минуту вовсе не любовь, а нѣчто совсѣмъ иное казалось ей самымъ важнымъ въ жизни; но это не мѣшало ей придавать значеніе появленію Ника, думать о немъ, пока она причесывала волосы. Съ завтрашняго дня она начнетъ жизнь, которая должна явиться благословеніемъ для окружающихъ, а между тѣмъ мысли ея постоянно обращаются къ Николаю Тарвину.

Она предчувствовала, что будетъ думать о немъ, оттого ей и не хотѣлось встрѣчаться съ нимъ. Въ ея душѣ онъ былъ точно туристъ, расхаживающій среди молящихся въ храмѣ; мысль о немъ отвлекала ее совершенно въ другую сторону. Онъ являлся оли-

цетвореніемъ и символомъ той жизни, которую она покинула; хуже того, онъ являлся олицетвореніемъ страданія, котораго она не могла подавить. Невозможно осуществить великое предпріятіе, когда васъ преслѣдуетъ призракъ нѣжной любви. Чтобы завоевать міръ, нельзя служить двумъ богамъ. Для достиженія цѣли, одушевлявшей ее, оза должна отдать всю себя. Она не можетъ отдѣлить часть себя даже для Ника. А между тѣмъ, какой онъ добрый, что пріѣхалъ, какъ это похоже на него! Она знала, что онъ пріѣхалъ не съ эгоистичною цѣлью; она знала, что онъ дѣйствительно не могъ спать по ночамъ, думая о тѣхъ опасностяхъ, какимъ она себя подвергала. Это, право, очень хорошо съ его стороны.

Наканунѣ, когда еще не было извѣстно, что Кэтъ пріѣдетъ, миссисъ Эстесъ пригласила къ себѣ Тарвина на завтракъ въ этотъ день и, конечно, Тарвинъ не отказался отъ приглашенія вслѣдствіе пріѣзда молодой дѣвушки; въ это утро за завтракомъ онъ сидѣлъ противъ нея и съ улыбкой смотрѣлъ на нее черезъ столъ, заставляя и ее нехотя улыбаться. Несмотря на бессонную ночь, она была очень свѣжа и мила въ бѣлой кисейной блузѣ, которую она замѣнила свое дорожное платье, и когда, послѣ завтрака, онъ очутился съ ней вдвоемъ на верандѣ (миссисъ Эстесъ пошла дѣлать распоряженія по хозяйству, а м. Эстесъ ушелъ въ городъ въ миссіонерскую школу), онъ началъ хвалить ея прохладный бѣлый костюмъ, какихъ не носятъ на западѣ. Кэтъ сразу остановила его:

— Никъ,—сказала она, смотря ему прямо въ глаза,—можете ли вы оказать мнѣ услугу?

Видя, что она глядитъ очень серьезно, Тарвинъ попытался отдѣлаться шуткой, но она перебила его:

— Нѣтъ, это очень важно для меня, Никъ, сдѣлаете вы это мнѣ?

— Развѣ есть что-нибудь, чего бы я для васъ не сдѣлалъ?—спросилъ онъ серьезно.

— Не знаю; можетъ быть, именно этого вы не сдѣлаете; но вы должны сдѣлать!

— Что же это такое?

— Уѣзжайте отсюда!

Онъ покачалъ головой.

— Но вы должны.

— Послушайте, Кэтъ, — сказалъ Тарвинъ, засунувъ руки въ широкіе карманы своего скоттука, — я не могу. Вы сами не знаете, въ какое мѣсто пріѣхали. Повторите мнѣ вашу просьбу черезъ недѣлю. Я и тогда не соглашусь уѣхать, но тогда я могу поговорить съ вами объ этомъ.

— Я теперь знаю все, что мнѣ нужно, — отвѣчала она. — Я хочу дѣлать то, зачѣмъ сюда пріѣхала, и не могу, пока вы здѣсь. Понимаете, не могу, Никъ? Этого нельзя измѣнить...

— Нѣтъ, можно. Я могу. Я попробую.

— Вамъ нечего говорить мнѣ, что вы будете добры. Я это и безъ того знаю. Но, несмотря на всю вашу доброту, вы будете мѣшать мнѣ. Повѣрьте этому, Никъ, и уѣзжайте. Не думайте, что я васъ прогоняю, потому что мнѣ неприятно васъ видѣть.

— О! — замѣтилъ Тарвинъ съ улыбкою.

— Ну, вы понимаете, что я хочу сказать, — отвѣчала Кэтъ съ прежнею серьезностію.

— Да, я понимаю. Но если вы считаете меня добрымъ, все уладится, я увѣренъ, вы сами увидите, — ласково сказалъ онъ. — Что, путешествіе было отвратительно?

— Вы мнѣ обѣщали, что не поѣдете!

— Я и не ѣхалъ за вами, — отвѣчалъ Тарвинъ, улыбаясь и подвѣшивая для нея гамакъ, между тѣмъ какъ самъ онъ усѣлся на одномъ изъ креселъ, стоявшихъ на верандѣ. Онъ заложилъ ногу на ногу и глядѣлъ на бѣлую фуражку, лежавшую у него на колѣнѣ. — Я нарочно пріѣхалъ совсѣмъ съ другой стороны.

— Какъ такъ? — спросила Кэтъ, не устоявъ противъ искушенія опуститься въ гамакъ.

— Черезъ Санъ-Франциско и Йокагаму. Вѣдь вы же мнѣ сказали, чтобы я не ѣхалъ за вами.

— Никъ! — въ этомъ одномъ слогѣ выразились и упрекъ, и неодобреніе, и удовольствіе, и отчаяніе, съ какимъ она приняла эту послѣднюю и величайшую его дерзость.

Тарвину пока нечего было больше говорить, они сидѣли молча нѣсколько минутъ, и въ это время она успѣла снова убѣдить себя, что негодуетъ на его присутствіе здѣсь, она успѣла смирить чувство гордости, подсказывавшее ей, что очень пріятно видѣть, какъ изъ любви къ ней человѣкъ обѣхалъ половину земного шара, и чувство восхищенія предъ его преданностію, а главное, она успѣла — это было всего хуже, всего стыднѣе — побѣдить ощущеніе одиночества и заброшенности, какъ облако, налетѣвшее на нее изъ пустыни и заставившее ее на минуту найти пріятнымъ и желательнымъ присутствіе и заботливость человѣка, знавшаго ее въ другой жизни.

— Полно, Кэтъ, неужели вы могли думать, что я останусь дома и предоставлю вамъ одной переносить всѣ прелести этой старой песчаной кучи? Надобно быть холоднымъ, какъ ледъ, чтобы пустить васъ одинокою, молодую дѣвушку одну въ Гокраль Сита-

рунъ; я въ этомъ убѣдился съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что это за мѣстечко.

— Отчего же вы мнѣ не сказали, что вы собираетесь ѣхать?

— Когда мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ, вы не очень интересовались тѣмъ, что я собираюсь дѣлать.

— Никъ! Я не хотѣла, чтобы вы пріѣзжали сюда, а сама очень хотѣла пріѣхать...

— Ну вотъ, вы и пріѣхали. Надѣюсь, вы останетесь довольны,—сказалъ онъ мрачно.

— А здѣсь очень худо?—спросила она.—Впрочемъ, мнѣ все-равно.

— Худо! Помните Мостодонъ?

Мостодонъ былъ одинъ изъ тѣхъ западныхъ городовъ, которые не имѣютъ будущаго, городъ безъ жителей, всѣми покинутый и заброшенный.

— Возьмите такое же мертвое мѣсто, какъ Мостодонъ, и наполните его десятью развратными Ледвиллями, такими, какъ былъ Ледвилль въ первый годъ, и вы получите понятіе о здѣшнемъ городѣ.

И онъ принялся излагать ей исторію, политику и общественную жизнь Гокрала Ситаруна съ своей собственной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія живого Запада на мертвый Востокъ. Онъ говорилъ краснорѣчиво, тема увлекала его, онъ былъ радъ, что нашелъ слушателя, который понималъ его взгляды, если и не всегда раздѣлялъ ихъ. Онъ былъ остроуменъ, ему хотѣлось, чтобы она хоть немножко посмѣялась съ нимъ вмѣстѣ, и Кэтъ засмѣялась, но тотчасъ же замѣтила, что все это гораздо болѣе грустно, чѣмъ смѣшно.

Тарвинъ охотно согласился съ ней, и сказалъ, что смѣется только, чтобы не заплакать. Ему противно было видѣть косность, апатію, безжизненность этой богатой и многолюдной страны, которой давно слѣдовало проснуться, завести торговлю, организовать, дѣлать изобрѣтенія, строить новые города, проводить желѣзныя дороги, затѣвать предпріятія, поддерживать общее движеніе...

— У нихъ довольно средствъ,—говорилъ онъ,—они не могутъ оправдываться тѣмъ, что страна ихъ бѣдна,—напротивъ это богатая страна. Перенесите оживленное населеніе Колорадо въ Раторъ, заведите хорошую газету, организуйте торговую биржу, пусть весь свѣтъ знаетъ, что здѣсь можно найти, и въ полгода мы поднимемъ здѣсь такую сумятицу, что вся имперія задрожитъ. Но къ чему имъ это? Они мертвецы, они муміи, деревянныя куклы. Для Гокрала Ситаруна довольно и того шума, той суеты, какую дѣлаетъ телѣга съ молокомъ, когда проѣзжаетъ по улицѣ.

— Да, да,—прошептала она, какъ бы про себя, и въ глазахъ ея зажегся огонь,—оттого-то я и пріѣхала.

— Какъ такъ?

— Отъ того, что они не похожи на насъ,—отвѣчала она, обращая къ нему свое сіяющее лицо.—Если бы они были умны и образованы, что бы мы могли для нихъ сдѣлать? Мы имъ нужны именно потому, что они неразвиты, слабы, неразумны.—Она глубоко вздохнула.—Хорошо, что я пріѣхала.

— Хорошо быть съ вами,—сказалъ. Тарвинъ.

Она вздрогнула.

— Не говорите ничего такого, пожалуйста, не говорите, Никъ,—сказала она.

— О, извольте!—пробормоталъ онъ.

— Понимаете въ чемъ дѣло, Никъ,—сказала она серьезно, но ласково.—Все такое не существуетъ для меня больше, даже возможность этого не существуетъ. Смотрите на меня, какъ на монахиню. Смотрите на меня, какъ на человѣка, который отказался отъ всякаго подобнаго счастья, и вообще отъ всякаго рода счастья, исключая своего дѣла.

— Гм... Можно курить?

Она кивнула головой, и онъ закурилъ сигару.

— Я очень радъ, что пріѣхалъ сюда къ церемоніи.

— Къ какой церемоніи?—спросила она.

— Къ вашему постриженію. Впрочемъ, его не будетъ...

— Отчего?

Онъ проворчалъ что-то невнятное. Затѣмъ поднялъ на нее глаза.

— Готовъ поручиться всѣмъ моимъ имуществомъ. Я знаю васъ, знаю Раторъ и знаю...

— Что? кого?

— Себя,—проговорилъ онъ, пристально глядя на нее.

Она сложила руки на груди.

— Никъ,—сказала она, склоняясь къ нему,—вы знаете, что я васъ люблю. Я такъ васъ люблю, что мнѣ неприятно, когда вы безпокоитесь; вы говорите, что не можете спать по ночамъ. А развѣ вы думаете, я буду спать спокойно, зная, что вы себѣ готовите страданіе и разочарованіе, которыя я не могу облегчить; а если и могу, то только однимъ способомъ, попросивъ васъ уѣхать теперь же. И прошу васъ. Пожалуйста, уѣзжайте!

Тарвинъ нѣсколько секундъ держалъ сигару въ рукѣ, не закуривая ее.

— Дорогая дѣвушка, я нисколько не боюсь.

Она вздохнула и отвернулась къ пустыни.

— Лучше бы вы боялись,—проговорила она безнадежно.

— Законодатели не знаютъ страха! — произнесъ онъ сентенциозно.

Она быстро повернулась къ нему.

— Законодатели! О, Никъ, неужели вы...

— Боюсь, что да, большинствомъ 1.518 голосовъ.—Онъ подалъ ей телеграмму.

— Бѣдный отецъ!

— Право, не знаю...

— Во всякомъ случаѣ поздравляю васъ!

— Благодарю.

— Но я не увѣрена, что это для васъ хорошо.

— Нѣтъ, хорошо; я обрадовался, когда получилъ это извѣстіе. Но если я проживу здѣсь весь срокъ, на который выбранъ, не знаю, пожелають ли мои избиратели поддерживать меня въ моей дальнѣйшей политической карьерѣ, когда я вернусь...

— Тѣмъ болѣе оснований...

— Нѣтъ, тѣмъ болѣе оснований сначала позаботиться о самомъ важномъ дѣлѣ. Я успѣю завоевать себѣ политическую карьеру и послѣ. Но завоевать свое мѣсто около васъ, Кэтъ, я могу только теперь и здѣсь...—Онъ всталъ и наклонился надъ ней. — Вы думаете, я могу откладывать это, дорогая? Я могу ждать дни, недѣли, ждать терпѣливо и вы никогда ничего объ этомъ не услышите, пока сами не захотите. Но вы меня любите, Кэтъ. Я это знаю. И я, я также люблю васъ. Этому можетъ быть только одинъ конецъ.—Онъ взялъ ея руку.—Прощайте, завтра я приду къ вамъ и мы пойдемъ осматривать городъ.

Кэтъ долго смотрѣла вслѣдъ его удаляющейся фигурѣ и затѣмъ вошла въ домъ, гдѣ дружеская, веселая бесѣда съ миссисъ Эстесъ, главнымъ образомъ о бангорскихъ дѣтяхъ, помогла ей спокойно посмотреть на положеніе, созданное прїѣздомъ Тарвина. Она поняла, что онъ твердо рѣшилъ остаться, и если она сама не хочеть уѣхать, то должна примирить этотъ фактъ со своими надеждами. Его упрямство усложняло задачу, которую она никогда не считала легкою; она безусловно вѣрила всему, что онъ говорилъ, и вполне полагалась на его обѣщаніе «молчать». Большаго, конечно, нельзя ждать отъ Тарвина,—можетъ быть, она и не желала ничего большаго.

Въ концѣ концовъ она могла бы спастись отъ него бѣгствомъ; но когда онъ пришелъ на слѣдующее утро, она, къ стыду своему, почувствовала, что страшная тоска по родинѣ привязываетъ ее къ

нему, заставляетъ ее находить удовольствіе въ его веселомъ, нѣсколько рѣзкомъ обращеніи. Миссисъ Эстесъ была добра къ ней. Обѣ женщины почувствовали взаимную симпатію и скоро подружились. Но человекъ съ родины, это совсѣмъ другое и, можетъ быть, именно Никъ совсѣмъ другое. Во всякомъ случаѣ она охотно согласилась на его предложеніе показать ей городъ.

Во время этой прогулки Тарвинъ щедро расточалъ передъ ней всѣ тѣ свѣдѣнія, какія пріобрѣлъ за 10 дней жизни въ Раторѣ; онъ взялъ на себя роль ея проводника и говорилъ обо всемъ окружающемъ съ такою увѣренностью, какой позавидовалъ бы самый старый политическій резидентъ. Его интересовала политическая жизнь этой страны, хотя онъ не былъ призванъ участвовать въ ней. Вѣдь онъ самъ былъ членомъ правительственнаго учрежденія. Его неутомимая и плодотворная любознательность помогла ему въ десять дней собрать массу свѣдѣній о Раторѣ и Гокралѣ Ситарунѣ и онъ могъ показывать Кэти всѣ чудеса узкихъ песчаныхъ улицъ, на которыхъ замирали шаги людей и верблюдовъ. Они постояли у звѣринца короля и поглядѣли на голодныхъ тигровъ, на клѣтки съ двумя прирученными для охоты леопардами въ шалочкахъ на головѣ, точно охотничьи сокола; леопарды спали, зѣвали и царапали свои подстилки около самыхъ воротъ города; онъ обратилъ ея вниманіе на массивную дверь въ этихъ огромныхъ воротахъ, утыканную пол-аршинными гвоздями, въ защиту отъ нападеній живыхъ тарановъ-слоновъ; онъ прошелся съ нею по длинному ряду темныхъ лавченокъ, настроенныхъ среди развалинъ дворцовъ, владѣтели которыхъ давно исчезли съ лица земли, мимо бараконъ, около которыхъ толпились солдаты въ фантастическихъ костюмахъ; онъ показалъ ей гробницу королей Гокралѣ Ситаруна, подъ тѣнью великаго храма, куда сходились на молитву дѣти Солнца и Луны и откуда большой быкъ изъ полированного чернаго камня глядѣлъ черезъ обширную площадь на жалкую статую предшественника полковника Нолана—заносчиваго, но эвергичнаго и прямодушнаго іоркширца.

Наконецъ, выйдя за городскія стѣны, они встрѣтили шумный караванъ торговцевъ; черезъ ворота Трехъ боговъ, направляясь къ желѣзной дорогѣ, проходила длинная вереница верблюдовъ, нагруженныхъ блестящею горною солью. Въ этомъ мѣстѣ день и ночь толпились и кричали сыны пустыни, говорившіе на какомъ-то языкѣ, котораго никто не понималъ, и пріѣхавшіе изъ какой-то никому неизвѣстной страны по ту сторону бѣлыхъ холмовъ Джейзульмира.

Во время прогулки Тарвинъ сталъ спрашивать ее о Топазѣ.

Не случилось ли тамъ чегонибудь передъ ея отъѣздомъ? Какое былъ милый, старый городъ? Кэтъ напомнила ему, что она уѣхала всего черезъ три дня послѣ него.

— Три дня! Три дня очень много въ жизни развивающагося города!

Кэтъ улыбнулась.

— Я не замѣтила никакихъ перемѣнъ,—сказала она.

— Неужели? Петерсъ собирался на другой день послѣ моего отъѣзда начать строить новый каменный салонъ на улицѣ Г.; Парсонсъ устанавливалъ новый аппаратъ для электрическаго освѣщенія города; на Массачузетскомъ бульварѣ только-что начались работы и первое дерево посажено на моемъ участкѣ; Кирней, дрогистъ, вставлялъ зеркальное стекло въ окно своего магазина, а Максимъ, пожалуй, до вашего отъѣзда получилъ новые почтовые ящики изъ Меридена. Вы не замѣтили?

Кэтъ покачала головой.

— Я въ то время думала совсѣмъ о другомъ.

— А мнѣ интересно было бы узнать обо всемъ этомъ. Ну, все равно. Пожалуй, отъ женщины нельзя ожидать, чтобы она занималась своимъ дѣломъ и въ то же время слѣдила за развитіемъ города,—разсуждалъ онъ.—Женщины не такой народъ. А вотъ я, я велъ выборную кампанію, я работалъ въ двухъ, трехъ городскихъ предпріятіяхъ и, кромѣ того, еще занимался однимъ личнымъ дѣломъ.—Онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на Кэтъ, которая подняла руки въ знакъ предостереженія.—Запрещенный предметъ? Хорошо. Я добрый человекъ. Но у насъ въ городѣ развѣ темной ночью можно было сдѣлать что-нибудь безъ моего участія. А что говорили вамъ на прощанье отецъ и мать?

— Не спрашивайте объ этомъ,—просила Кэтъ.

— Хорошо, не буду.

— Я просыпаюсь по ночамъ и думаю о матери. Это ужасно. Въ концѣ концовъ я, пожалуй, осталась бы и отказалась отъ поѣздки, если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ рѣшительное слово въ то время, когда я сидѣла въ вагонѣ и махала имъ платкомъ.

— Господи, Боже мой! Отчего я не осталась!—простоналъ онъ.

— Вы не могли бы сказать такого слова, Никъ,—спокойно замѣтила она ему.

— А вашъ отецъ могъ бы? Конечно, могъ, и всякій другой на его мѣстѣ сказалъ бы. Когда я объ этомъ думаю, мнѣ хочется...

— Пожалуйста, не говорите ничего дурного о моемъ отцѣ,—сказала она и губы ея дрожали.

— О, милое дитя!—проговорилъ онъ съ сожалѣніемъ, — я и не думалъ. Но мнѣ очень хочется сказать дурное про кого-нибудь. Позвольте мнѣ выбранить кого-нибудь и я успокоюсь.

— Никъ!

— Да вѣдь я же не деревяшка!—проворчалъ онъ.

— Нѣтъ, но вы очень неразумный человѣкъ.

Тарвинъ улыбнулся.

— Вотъ теперь вы бранитесь.

Чтобы переимѣнить разговоръ, она стала спрашивать его о магараджѣ Кенварѣ и Тарвинъ сказалъ ей, что онъ славный мальчикъ, но прибавилъ, что прочее общество въ Раторѣ далеко не хорошо.

— Вы увидите, что такое Ситабхаи!

И онъ сталъ рассказывать ей о магараджѣ и о придворныхъ, съ которыми ей придется имѣть сношенія. Они говорили о странной смѣси спокойствія и ребячества въ этомъ народѣ, черта, поразившая Кэтъ еще равнѣе, о его первобытныхъ страстяхъ и простыхъ идеяхъ, простыхъ, какъ проста тяжеловѣсная сила Востока.

— Они вовсе не развиты въ нашемъ значеніи этого слова. Они не имѣютъ понятія объ Ибсенѣ и нисколько не интересуются Толстымъ,—сказалъ Тарвинъ, который не даромъ читалъ въ Топазѣ три газеты въ день. — Если бы они знали, что такое настоящая современная молодая женщина, они, пожалуй, очень не высоко оцѣнили бы ее. У нихъ сохранились нѣкоторыя старомодныя идеи въ родѣ тѣхъ, какія я когда-то слышалъ, сидя на колѣняхъ у своей старой матери въ далекомъ штатѣ Менѣ. Вы знаете, моя мать вѣрила въ бракъ, и въ этомъ она сходилась со мною и съ благородными старомодными туземцами Индіи. Почтенное, дряхлое, распадающееся учрежденіе брака, представьте себѣ, здѣсь еще существуетъ.

— Но вѣдь я никогда не симпатизировала Норѣ, Никъ, — вскричала Кэтъ, отлично понимая его намеки.

— Ну, въ такомъ случаѣ, въ этомъ вы сойдетесь съ Индѣйской имперіей. «Долина домъ» процвѣтаетъ въ этой благословенной старомодной странѣ. Вы, можетъ быть, не знаете, что есть травы, гдѣ онъ разрушентъ?

— Но я все-таки не раздѣляю всѣхъ вашихъ мыслей,—сочла она себя обязанной прибавить.

— Одной, по крайней мѣрѣ, не раздѣляете,—возразилъ Тарвинъ съ кривой усмѣшкой.—Но я васъ заставлю думать по моему.

Кэтъ остановилась среди улицы.

— Я вамъ довѣряла, Никъ,—произнесла она съ упрекомъ.

Онъ остановился и поглядѣлъ на нее съ выраженіемъ раскаянія.

— О Господи!—пробормоталъ онъ.—Я и самъ себя довѣрялъ! Но я постоянно объ этомъ думаю. Что тутъ дѣлать? Но вотъ что я вамъ скажу, Кэтъ, это было послѣдній разъ, самый послѣдній изъ послѣднихъ. Все кончено. Съ этихъ поръ я—другой человѣкъ. Я не обещаю вамъ, что не буду думать, не буду чувствовать по прежнему. Но я буду молчать. Вотъ вамъ моя рука,—онъ протянулъ руку, и Кэтъ пожала ее.

Они шли нѣсколько минутъ молча, пока Тарвинъ не заговорилъ опять грустнымъ голосомъ:

— Вы не видали Геклера передъ своимъ отъѣздомъ?—спросилъ онъ.

Она отрицательно покачала головой.

— Да, правда, вы съ Джимомъ рѣдко видались. Но мнѣ очень хотѣлось бы знать, что онъ обо мнѣ думаетъ. До васъ не доходили какіе-нибудь слухи, какіе-нибудь рассказы о томъ, что со мной случилось?

— Въ городѣ, кажется, думали, что вы уѣхали въ С.-Франциско повидаться съ однимъ изъ западныхъ директоровъ Колорадской и Калифорнійской желѣзной дороги. Они это думали потому, что кондукторъ вашего поѣзда передалъ, будто вы рассказали ему, что ѣдете на Аляску. Этому никто не повѣрилъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы въ Топазѣ болѣе довѣряли вашей правдивости, Никъ.

— Да, и мнѣ бы этого хотѣлось, Кэтъ,—съ жаромъ воскликнулъ Тарвинъ.—Но, въ такомъ случаѣ, какъ бы я могъ сдѣлать, чтобы они вѣрили тому, что мнѣ нужно? Мнѣ было нужно, чтобы они думали, будто я уѣхалъ по ихъ дѣламъ. Чтобы они стали говорить, если бы я рассказалъ правду? Навѣрно въ тотъ же вечеръ пошли бы слухи, что я уѣхалъ въ Чили покупать землю. Да, кстати, когда будете писать домой, не говорите, пожалуйста, что я здѣсь. Можетъ быть, они это сами придумаютъ, если я имъ помогу, но я не хочу помогать имъ.

— Я не буду писать о васъ,—сказала Кэтъ, краснѣя.

Черезъ нѣсколько минутъ она опять заговорила о своей матери. Тоска по домѣ снова овладѣла ею среди всѣхъ тѣхъ чуждыхъ предметовъ, которые Тарвинъ показывалъ ей, и мысль о матери, терпѣливой, одинокой, ожидавшей отъ нея вѣсточки, отозвалась въ сердцѣ ея съ такою же болью, какъ и въ первый разъ. Воспоминаніе о ней было нестерпимо мучительно, но, когда

Тарвинъ спросилъ ее, зачѣмъ же она уѣхала, если ей такъ тяжело, она мужественно отвѣчала ему:

— А зачѣмъ мужчины идутъ на войну?

Въ слѣдующіе дни Кэтъ почти не встрѣчалась съ Тарвинымъ. Миссисъ Эстесъ сводила ее во дворецъ, и то, что ей пришлось увидеть тамъ, вполне заняло и умъ, и сердце ея. Странное чувство охватило ее, когда она вступила въ эту область, гдѣ парили вѣчныя сумерки, въ этомъ лабиринтѣ корридоровъ, дворовъ, лѣстницъ, потайныхъ ходовъ, по которымъ безпрестанно скользили женщины подъ покрывалами, съ удивленіемъ глядѣвшія на нее и смѣявшіяся вслѣдъ ей или съ ребяческимъ любопытствомъ разсматривавшія ея платье, ея шляпку и перчатки. Ей казалось, что она никогда не освоится ни съ одною частью этого огромнаго заповѣднаго помѣщенія, что въ этомъ полумракѣ она никогда не привыкнетъ отличать одно блѣдное лицо отъ другого. А женщины водили ее по длиннымъ рядамъ уединенныхъ комнатъ, спокойствіе которыхъ не нарушалось ничѣмъ, кромѣ вздоховъ вѣтра надъ освѣщеннымъ сверху потолкомъ; по висячимъ садамъ, которые возвышались на двѣсти футовъ надъ уровнемъ земли и были все-таки ревниво окружены высокими стѣнами; по безконечнымъ лѣстницамъ, которыя спускались съ плоскихъ крышъ, залитыхъ сіяніемъ голубого неба, до безмолвныхъ подвальныхъ помѣщеній, высѣченыхъ въ скалѣ на 60 футовъ глубины и служившихъ убѣжищемъ отъ лѣтняго зноя. На каждомъ шагѣ она встрѣчала женщинъ и дѣтей, все новыхъ женщинъ и дѣтей. По слухамъ, во дворцѣ скрывалось 4.000 живыхъ существъ и неизвѣстно сколько — мертвыхъ.

Нѣкоторыя женщины — она не знала, сколько именно — подъ вліяніемъ интригъ, смысла которыхъ она не понимала, рѣшительно отказались отъ ея услугъ. Онѣ заявили, что не больны, и что прикосновеніе бѣлой женщины считаютъ оскверненіемъ. Другія приносили ей своихъ дѣтей и просили, чтобы она возвратила румянецъ и силу блѣднымъ малюткамъ, рожденнымъ во мракѣ; дѣвочки съ лихорадочно блестящими глазами бросались на нее изъ темныхъ угловъ и преслѣдовали ее страстными жалобами, которыхъ она не понимала и не рѣшалась понимать. Безобразныя и неприличныя картины глядѣли на нее со стѣнъ маленькихъ комнатокъ, и изображенія безстыдныхъ боговъ улыбались ей изъ своихъ грязныхъ нишъ надъ дверьми. Жаръ и чадъ отъ приготовления кушаній, легкій дымъ куреній и своеобразный запахъ массы живыхъ существъ — все это дѣйствовало на нее удушающе. Но то, что она слышала, и то, что она угадывала, поражало ее

богѣ болѣзненно, чѣмъ всѣ ужасы, представлявшіеся глазамъ ея. Она ясно почувствовала, какая громадная разница—увлечется великодушнымъ порывомъ подъ вліяніемъ живого разказа о бѣдствіяхъ индѣйской женщины и стоять лицомъ къ лицу съ самымъ фактомъ этого бѣдствія въ уединеніи женскихъ покоевъ дворца Раторы.

Въ это время Тарвинъ знакомился со всѣмъ окружающимъ по своей собственной системѣ. Онъ руководствовался тѣмъ правиломъ, что чѣмъ важнѣе получаемыя свѣдѣнія, тѣмъ подробнѣе слѣдуетъ на нихъ останавливаться, важнымъ же считалъ все то, что имѣло прямое, хотя не всегда очевидное отношеніе къ Наулакѣ.

Ему позволяли свободно ходить по королевскимъ садамъ, гдѣ безчисленное множество садовниковъ, рѣдко получавшихъ жалованье, боролись противъ губительнаго зноя пустыни съ помощью мѣховъ, воды и колодцовъ.

Его охотно пускали въ конюшни магараджи, гдѣ каждую ночь проводили въ стойлахъ до 800 лошадей; ему позволяли смотрѣть какъ каждое утро выводили этихъ лошадей на прогулку по 400 за разъ, и какъ онѣ бѣгали по двору, поднимая облака пыли. По всѣмъ внѣшнимъ дворамъ дворца онъ безпрепятственно ходилъ, куда хотѣлъ, онъ смотрѣлъ, какъ снаряжали словозъ для парадныхъ выѣздовъ магараджи, смѣялся съ часовыми, переворачивалъ странное орудіе, имѣвшее видъ не то дракона, не то змѣи, изобрѣтеніе туземныхъ артиллеристовъ, мечтавшихъ создать свою восточную митральезу. Но Кэтъ могла ходить туда, куда доступъ ему былъ закрытъ. Онъ зналъ, что жизнь бѣлой женщины такъ же безопасна въ Раторѣ, какъ и въ Топазѣ; но въ первый же день, когда она безъ всякой тревоги и сомнѣній исчезла за занавѣсью двери, ведущей въ женскія комнаты дворца, онъ почувствовалъ, что рука его инстинктивно хватается за рукоятку револьвера.

Магараджа былъ хорошимъ пріятелемъ и недурнымъ партнеромъ въ какизи; но, сидя противъ него полчаса спустя, Тарвинъ раздумывалъ, что не посовѣтуетъ никому принять на страхъ его жизнь, если что нибудь случится съ его милой, пока она скрывается въ этихъ таинственныхъ комнатахъ, изъ которыхъ никакого звука не доходило до внѣшняго міра, кромѣ постоянного шопота и шороха. Когда Кэтъ вышла оттуда съ маленькимъ магараджей-Кенваромъ, цѣплявшимся за ея руку, лицо ея было блѣдно и испуганно, на глазахъ блестя слезы негодованія. Она все видѣла.

Тарвинъ бросился къ ней, но она оттолкнула его повелительнымъ жестомъ и поспѣшила къ миссисъ Эстесъ.

*

Тарвину почувствовалось, какъ будто въ эту минуту она грубо вырвала его изъ своей жизни. Въ этотъ же вечеръ магараджа Кенваръ встрѣтилъ его на верандѣ гостиницы; онъ ходилъ взадъ и впередъ и почти жалѣлъ, что не убилъ магараджу за тотъ взглядъ, который, изъ-за него, получилъ отъ Кэтъ. Какъ онъ благодарилъ Бога, что находился здѣсь, могъ наблюдать за ней, охранять ее, а въ случаѣ надобности, увезти ее, увезти даже насильно. Дрожь охватывала его, когда онъ воображалъ, какъ бы она жила здѣсь одна подъ охраною только миссисъ Эстесъ.

— Я привезъ вотъ это для Кэтъ,—сказалъ мальчикъ, осторожно вылѣзая изъ экипажа со сверткомъ, который онъ держалъ обѣими руками.—Поѣдемъ со мною къ ней.

Тарвинъ тотчасъ же спустился съ лѣстницы, и они поѣхали къ дому миссисъ.

— Всѣ у меня во дворцѣ говорятъ,—сказалъ мальчикъ дорогой,—что Кэтъ ваша.

— Я очень радъ, что они это понимаютъ,—сердито пробормоталъ про себя Тарвинъ.—Что это вы ей везете?—громко спросилъ онъ магараджу, дотрагиваясь до свертка.

— Это отъ моей матери, отъ королевы—отъ настоящей королевы, понимаете, потому что я вѣдь принцъ. Она мнѣ еще велѣла ей сказать одну вещь, только этого я не могу говорить вамъ,—и онъ началъ по дѣтски шептать, чтобы не забыть слова матери.

Кэтъ была на верандѣ, когда они пріѣхали, и лицо ея нѣсколько прояснилось при видѣ мальчика.

— Велите моимъ гвардейцамъ стоять около сада и не входить въ него. Поѣзжайте и ждите на дорогѣ.

Экипажъ и солдаты отѣхали. Мальчикъ, все еще держа Тарвина за руку, протянулъ свертокъ Кэтъ.

— Это отъ моей матери,—сказалъ онъ.—Вы ее видѣли. Этотъ человѣкъ можетъ не уходить. Онъ,—мальчикъ нѣсколько замаяся,—онъ вашъ возлюбленный, вѣдь правда? Вашъ языкъ—и его языкъ

Кэтъ покраснѣла, но не стала опровергать словъ ребенка. Что могла она ему объяснить?

— Прежде всего я долженъ вамъ сказать вотъ это,—продолжалъ онъ,—сказать такъ, чтобы вы меня поняли.—Онъ заговорилъ нетвердымъ голосомъ, очевидно, переводя съ мѣстнаго нарѣчія, при чемъ выпрямился во весь ростъ и отбросилъ со лба изумрудную кисть.—Моя мать-королева—настоящая королева—сказала: «Я три мѣсяца сидѣла за этой работой. Я вамъ даю ее, потому что я видѣла ваше лицо. То, что было сработано, можетъ быть уничтожено противъ нашего желанія, и руки злыхъ гевіевъ

вѣчно заняты уничтоженіемъ. Ради боговъ, берегите его, чтобы злой гений не уничтожилъ того, что я сдѣлала, такъ какъ въ этомъ моя жизнь и моя душа. Берегите мою работу, которую я вамъ посылаю,—платье, которое было девять лѣтъ на ткацкомъ станкѣ».

— Я знаю по англійски больше, чѣмъ мать,—сказалъ мальчикъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

Кэтъ развернула свертокъ и вынула толстую желтую съ чернымъ блузу, обшитую ярко-красною бахромой, грубо сотканной. Такого рода работами королевы Гокраль Ситаруна обыкновенно наполняютъ свои досуги.

— Это все,—сказалъ мальчикъ. Но онъ видимо не хотѣлъ уходить. Судорога сдавила горло Кэтъ, пока она развертывала жалкій подарокъ. Видя, что на него не обращаютъ вниманія, мальчикъ, продолжая крѣпко держать за руку Тарвина, снова повторилъ отъ слова до слова порученіе матери.

— Передайте, что я очень, очень благодарна,—сказала Кэтъ въ недоумѣніи и не вполне владѣя своимъ голосомъ.

— Не такой долженъ быть отвѣтъ,—сказалъ мальчикъ и съ умоляющимъ видомъ обратился къ своему высокому другу, англичанину.

Тарвину пришли въ голову рассказы и сплетни приказчиковъ въ верандѣ гостинницы.

Онъ подошелъ къ Кэтъ, положилъ ей руку на плечо и прошепталъ быстро:

— Развѣ вы не догадываетесь? Платье, которое девять лѣтъ было на ткацкомъ станкѣ—это мальчикъ.

— Но что же я могу сдѣлать?!—съ удивленіемъ вскричала Кэтъ.

— Смотрите за нимъ. Беречь его. Вы искусны во многихъ вещахъ. Ситабхаѣ нужна его жизнь. Смотрите, чтобы у нея ее не взяли.

Кэтъ начинала понимать. Все было возможно въ этомъ дворцѣ, даже убійство ребенка. Она уже замѣтила, какая господствуетъ ненависть между бездѣтными королевами и королевами-матерями. Магараджа Кенваръ стоялъ неподвижно въ сумеркахъ угасавшаго дня, сверкая алмазами своей драгоцѣнной одежды.

— Повторить еще разъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, дитя мое! Нѣтъ!—вскричала Кэтъ, бросаясь на колѣни передъ нимъ и прижимая его маленькую фигурку къ своей груди, съ внезапнымъ приливомъ нѣжности и состраданія.—О, Никъ! Что намъ дѣлать въ этой ужасной странѣ?—Она начала плакать.

— А! — сказалъ магараджа совершенно спокойно, — мнѣ приказано уйти, когда я увижу, что вы заплакали. — Онъ позвалъ экипажъ и солдатъ и уѣхалъ, оставивъ жалкую блузу на полу.

Кэтъ рыдала. Ни мисиссъ Эстесъ, ни ея мужа не было дома. Словечко «намъ», произнесенное ею, наполнило сердце Тарвина восторгомъ. Онъ остановился передъ ней, заключилъ ее въ объятія, и Кэтъ не разсердилась на него.

— Мы будемъ вмѣстѣ бороться, моя дѣвочка, — прошепталъ онъ, когда ея головка склонилась къ его плечу.

X.

Ты знаешь тѣ стократъ опасныя часы, когда ты покрываешь дѣвѣтами и украшениями своихъ домашнихъ боговъ, чтобы вымолить ихъ помощь; ты знаешь ту ветхую, полусгнившую постель, на которой лежатъ твоя дочь; ты знаешь ту грязную «женскую» комнату, ту каморку, гдѣ она умираетъ. Она умираетъ съ младенцемъ на рукахъ, подъ немолчный шопотъ заклинаній повивальной бабки, умираетъ не смотря на молодость, на желаніе жить, умираетъ въ этой четырежды ненавистой комнатѣ, задыхаясь отъ жара Родильнаго Огня, обреченная, говоришь ты себѣ въ утѣшеніе, и послѣ смерти посѣщать свой домъ.

Письма женщины.

«Дорогой другъ! Вы поступили нехорошо, вы меня огорчили. Я знаю, что сама была слаба. Мальчикъ совѣмъ разстроилъ меня. Но я должна дѣлать то, зачѣмъ сюда пріѣхала и, я надѣюсь, вы будете поддерживать меня, Никъ, а не мѣшать мнѣ. Пожалуйста, не приходите нѣсколько дней. Я должна собрать всѣ свои силы для того дѣла, которое мнѣ предстоитъ. Мнѣ кажется, я, дѣйствительно, могу принести здѣсь нѣкоторую пользу. Пожалуйста, оставьте меня. Кэтъ».

Тарвинъ пятьдесятъ разъ перечелъ это письмо, полученное имъ утромъ на другой день послѣ поцѣлуя на верандѣ, и каждый разъ иначе толковалъ себѣ его смыслъ. Наконецъ, одно стало ему ясно: не смотря на минутную слабость, Кэтъ рѣшила продолжать свое дѣло. Онъ до сихъ поръ не могъ побѣдить ея кроткаго упорства и, можетъ быть, лучше будетъ не возобновлять попытокъ. Конечно, пріятно было вести съ нею разговоры на верандѣ и незамѣтно слѣдить за ней, когда она ходила во дворецъ, чтобы, въ случаѣ надобности, явиться ея защитникомъ, но вѣдь онъ пріѣхалъ

въ Раторъ не для того только, чтобы доказывать ей свою любовь. Топазь, будущность котораго занимала вторую половину его сердца, хорошо зналъ это и Топазь ждалъ прибытія трехъ компаній также нетерпѣливо, какъ Никъ ждалъ прихода Кэтъ. Дѣвушка чувствовала себя несчастной, утомленной, розочарованной, но онъ, слава Богу, былъ здѣсь и всегда могъ отвратить отъ нея слишкомъ тяжелый ударъ судьбы, а пока миссисъ Эстесъ поддержитъ ее своею дружбой и участіемъ.

Она, очевидно, уже стала приобретать вліяніе въ строго охраняемой женской половинѣ двора, если мать магараджи Кенвара поручила ей охранѣ жизнь своего единственнаго сына; впрочемъ, кто могъ не полюбить Кэтъ, не почувствовать къ ней довѣрія? А самъ онъ, что сдѣлалъ онъ за это время для Топаза? Ничего,— «развѣ только,—онъ посмотрѣлъ въ сторону города,—что онъ игралъ съ магараджей въ пакизи».

Солнце только-что взошло и зданіе гостинницы отбрасывало длинную тѣнь прямо передъ нимъ. Приказчики торговыхъ фирмъ выходили одинъ за другимъ изъ комнатъ, смотрѣли на стѣны Ратора и проклинали его. Тарвинъ сѣлъ на лошадь и направился къ городу, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе магараджѣ. Если онъ можетъ черезъ кого-нибудь добыть Наулаку, то только черезъ него; онъ тщательно наблюдалъ его, соображалъ всѣ обстоятельства и составилъ планъ, который долженъ былъ тѣсно сблизить его съ магараджей, помочь ему добыть Наулаку и во всякомъ случаѣ дать ему возможность пожить подольше въ Раторѣ. По нѣкоторымъ намекамъ полковника Нолана въ послѣдніе дни, Тарвинъ заключилъ, что этой возможности грозитъ опасность, и онъ рѣшилъ, что непремѣнно долженъ имѣть и открыто заявить какой-нибудь практической предлогъ для своего пребыванія въ Раторѣ. Чтобы жить въ этомъ городѣ, онъ долженъ предпринять что-нибудь особенное. И онъ придумалъ нѣчто совсѣмъ особенное, что можно было начать теперь же. Въ случаѣ удачи онъ приобрететъ Наулаку, а затѣмъ—если онъ дѣйствительно такой человѣкъ, какимъ себя считаетъ,—и Кэтъ.

Подъѣзжая къ воротамъ, онъ увидѣлъ Кэтъ на лошади, одѣтую въ темное платье и выѣзжавшую вмѣстѣ съ м-съ Эстесъ изъ сада мисси.

— Не бойтесь, дорогая, я не стану надобѣдать вамъ,—проговорилъ онъ про себя, съ улыбкой глядя на облако пыли, поднимаемой саади нея.— Но я хотѣлъ бы знать, что заставило ее выѣхать такъ рано.

Задача, поставленная себѣ Кэтъ, не могла ограничиться облег-

ченіемъ только тѣхъ страданій за стѣнами дворца, отъ которыхъ она, вся въ слезахъ, бѣжала къ миссисъ Эстесъ. Если подь стѣною трона такъ много несчастныхъ, что же долженъ былъ терпѣть остальной народъ? Кэтъ ѣхала въ это утро осмотрѣть больницу.

— Въ больницѣ только одинъ врачъ изъ туземцевъ,—говорила ей миссисъ Эстесъ дорогой,—онъ туземецъ—это значитъ лѣнтяй.

— Какъ можетъ кто-нибудь лѣниться здѣсь?—вскричала ея спутница. Онѣ выѣзжали въ городскіе ворота и на нихъ пахнула жаркая струя удушливаго воздуха.

— Въ Раторѣ всѣ очень скоро облѣиваются, — отвѣчала миссисъ Эстесъ съ легкимъ вздохомъ; она вспомнила свѣтлыя надежды и широкіе планы своего Люсьена, давно уступившіе мѣсто такой апатіи.

Кэтъ ѣхала на лошади съ увѣренностью западной дѣвушки, умѣющей и ѣздить верхомъ, и ходить пѣшкомъ. Ея стройная маленькая фигура выигрывала на лошади. Выраженіе рѣшимости придавало духовную красоту неправильнымъ чертамъ ея лица; щеки ея горѣли отъ сознанія, что она, наконецъ, достигла цѣли, о которой мечтала, ради которой работала два года. Когда онѣ повернули на главную улицу города, глазамъ ихъ представилась толпа народа, которая ждала у подножія лѣстницы изъ краснаго песчаника; эта лѣстница вела къ подъѣзду бѣлаго трехъ-этажнаго дома, на которомъ красовалась вывѣска: «Государственная больница». Буквы склонялись одна на другую и спускались съ каждой стороны двери.

Кэтъ показалось, что она видитъ сонъ, когда передъ ней замелькала вся эта толпа женщинъ въ красныхъ, синихъ, желтыхъ, голубыхъ, розовыхъ и бирюзовыхъ шелковыхъ платьяхъ. Почти у каждой женщины на рукахъ былъ ребенокъ и, подѣхавъ ближе, Кэтъ услышала гулъ жалобныхъ голосовъ. Женщины хватали ее за стремяна, за ногу и протягивали къ ней своихъ дѣтей. Она взяла одного ребенка и прижала его къ груди; онъ весь горѣлъ въ лихорадкѣ.

— Будьте осторожниѣ,—замѣтила г-жа Эстесъ,—въ деревняхъ по ту сторону горъ ходитъ оспа, а здѣшній народъ не имѣетъ понятія ни о какихъ мѣрахъ предосторожности.

Кэтъ ничего не отвѣчала, она слышала только жалобы женщинъ. Высокій туземецъ съ бѣлой бородой, въ одеждѣ изъ верблюжьей шерсти и въ кожаныхъ сапогахъ, вышелъ изъ больницы, расталкивая женщинъ направо и налево, и низко поклонился.

— Вы, леди, новый врачъ?—спросилъ онъ.—Пожалуйте, больница готова. — Отойдите отъ миссъ саиби! — закричалъ онъ на

мѣстномъ нарѣчїи, пока Кэтъ сходила съ лошади и толпа окружала ее. Миссисъ Эстесъ осталась на лошади, наблюдая эту сцену.

Одна женщина, жительница пустыни, очень высокая, съ золотистымъ цвѣтомъ кожи и пурпурными губами откинула свое покрывало, схватила Кэтъ за руку и потащила ее за собой, громко крича что-то. Глаза ея смотрѣли дико. Кэтъ послѣдовала за ней безъ сопротивленія, и когда толпа разступилась передъ ними, увидѣла верблюда, опустившагося на колѣни среди дороги. На немъ сидѣлъ мужчина худой, какъ скелетъ, бормоталъ что-то и безцѣльно щипалъ утыканное гвоздями сѣдло. Женщина выпрямилась во весь ростъ и затѣмъ, не говоря ни слова, упала на землю и обхватила руками ноги Кэтъ. Кэтъ старалась поднять ее, ея нижняя губа дрожала, а докторъ весело кричалъ съ высоты лѣстницы.

— О, это ничего. Онъ сумасшедшій, ея мужъ. Она постоянно привозить его сюда.

— А вы ничѣмъ ему не помогли?—спросила Кэтъ, съ неудовольствїемъ обращаясь къ нему.

— Что же я могу сдѣлать? Она не хочетъ оставить его здѣсь лечиться, а то я поставилъ бы ему мушку.

— Мушку!—прошептала Кэтъ въ ужасъ. Ей удалось, наконецъ, схватить руки женщины и она крѣпко держала ихъ. — Скажите ей: я говорю, что его надобно оставить здѣсь, — произнесла она громко. Докторъ исполнилъ ея приказаніе. Женщина глубоко вздохнула и съ полминуты пристально смотрѣла на Кэтъ. Затѣмъ она взяла ея руку и положила на лобъ своего мужа, а сама сѣла на землю и закрылась покрываломъ.

Кэтъ, пораженная этими странными выраженїями душевныхъ ощущеній восточныхъ людей, смотрѣла на нее нѣсколько секундъ съ выраженїемъ состраданія, не признающаго различія расъ, затѣмъ нагнулась и тихонько поцѣловала ее въ лобъ.

— Снесите этого человѣка наверхъ,—приказала она; его понесли по лѣстницѣ въ больницу и жена пошла вслѣдъ за нимъ съ покорностью собаки. Дойдя до конца лѣстницы, она повернулась и что-то сказала своимъ подругамъ, стоявшимъ внизу, а онѣ отвѣчали ей всѣ за разъ, и въ ихъ словахъ слышались и слезы, и смѣхъ.

— Она говоритъ,—перевелъ докторъ, — что убьетъ всякаго, кто будетъ невѣжливъ съ вами, и что она будетъ нянчить вашего сына,

Кэтъ остановилась, чтобы сказать нѣсколько словъ миссисъ Эстесъ, которая должна была ѣхать дальше въ городъ по своимъ дѣламъ; затѣмъ она вошла на лѣстницу вмѣстѣ съ докторомъ.

— Теперь вы осмотрите больницу?—спросилъ онъ.—Но прежде позвольте мнѣ представить вамъ себя. Я — Лалла Душпаты Рай, кандидатъ медицины изъ коллегіи Дуфъ. Я первый изъ уроженцевъ нашей провинціи получилъ это званіе. Это было 20 лѣтъ тому назадъ.

Кэтъ съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Гдѣ же вы жили съ тѣхъ поръ?—спросила она.

— Нѣсколько времени я прожилъ въ домѣ отца моего. Потомъ я былъ конторщикомъ въ аптекарскихъ складахъ въ Британской Индіи. Потомъ его высочество милостиво назначили меня на это мѣсто, которое я и занимаю до сихъ поръ.

Кэтъ сдвинула брови. Вотъ, слѣдовательно, кто будетъ ея товарищемъ. Они молча прошли въ больницу, и Кэтъ должна была приподнимать платье, чтобы не выпачкать его въ грязи, покрывавшей полъ.

Шесть грубо сколоченныхъ коекъ, перевязанныхъ веревками и покрытыхъ кожами, стояли въ грязномъ центральномъ дворѣ дома, и на каждой изъ нихъ лежалъ человѣкъ, завернутый въ бѣлую простыню; всѣ они метались, стонали, бредили. Къ нимъ подошла женщина съ горшкомъ какого-то протухлаго мѣстнаго кушанья и напрасно пыталась заставить ихъ поѣсть ея угощенія. На самомъ солнечномъ припекѣ стоялъ молодой человѣкъ, почти голый, держа руки на головѣ и пытаясь смотрѣть, не моргая, на солнце. Онъ что-то запѣлъ, потомъ сталъ бѣгать отъ одной постели къ другой, произнося какія-то слова, которыхъ Кэтъ не понимала. Затѣмъ онъ вернулся на свое мѣсто посрединѣ двора и снова запѣлъ.

— Онъ тоже совсѣмъ сумасшедшій,—сказалъ докторъ.—Я ему ставилъ мушки и банки, но онъ ни за что не хочетъ уходить отсюда. Онъ совершенно безвреденъ, если давать ему его порцію опиума.

— Неужели вы даете опиумъ своимъ пациентамъ?—вскричала Кэтъ.

— Конечно, даю. Они безъ этого умрутъ. Всѣ раджпутане ѣдятъ опиумъ.

— А вы?—съ отвращеніемъ спросила Кэтъ.

— Прежде я не ѣлъ, когда только что пріѣхалъ сюда. А теперь...

Онъ вынулъ изъ кармана потертую табакерку и взялъ изъ нея, какъ показалось Кэтъ, цѣлую горсть пилюльнаго опиума. Отчаяніе начинало овладѣвать ею.

— Покажите мнѣ женскую палату,—сказала она усталымъ голосомъ.

— О, женщины помѣщаются у насъ и наверху, и внизу, и вездѣ,—отвѣчалъ докторъ.

— А гдѣ же у васъ родильницы?—спросила она.

— Да гдѣ есть мѣсто, тамъ мы ихъ и помѣщаемъ.

— Кто же ходитъ за ними?

— Онѣ меня не любятъ. Но къ намъ приходитъ со стороны одна очень искусная женщина.

— Что же, эта женщина получила образованіе, училась гдѣ-нибудь?

— Она пользуется большимъ уваженіемъ въ своей деревнѣ,—сказалъ докторъ.—Она теперь здѣсь, если хотите, можете повидать ее.

— Гдѣ?—спросила Кэтъ.

Дунпатъ Раи, чувствуя себя не вполне правымъ, поспѣшилъ указать ей дорогу по узкой лѣстницѣ къ запертой двери, за которой начинались страданія новыхъ пришельцевъ въ свѣтъ.

Кэтъ нетерпѣливо отворила дверь. Въ этой палатѣ «Государственной больницы» стояли глиняныя изображенія двухъ боговъ, и женщина, призванная ухаживать за больными, украшала ихъ золотоцвѣтомъ. Всѣ окна, всякое отверстіе, черезъ которое могъ проникнуть въ комнату свѣжій воздухъ, были тщательно закрыты, въ углу горѣлъ родильный огонь, и Кэтъ съ перваго шага едва не задохлась отъ дыма.

Что произошло между Кэтъ и женщиной, «пользующейся большимъ уваженіемъ», — покрыто мракомъ неизвѣстности. Молодая дѣвушка пробыла въ комнатѣ болѣе получаса; женщина вышла гораздо раньше ее, съ растрепанными волосами, бормоча что-то себѣ подъ носъ.

Послѣ этого Кэтъ уже ничему больше не удивлялась, ни неряшливому приготовленію лекарствъ въ аптекѣ — ступка была такъ грязна, что въ каждомъ лекарствѣ больные получали снадобья, которыя вовсе не были прописаны имъ, — ни грязи немыхъ, темныхъ, не вентилированныхъ комнатъ, по которымъ она ходила съ полною безнадежностью. Больнымъ позволяли принимать своихъ знакомыхъ когда угодно и брать отъ этихъ знакомыхъ все, что тѣ имъ принесутъ. Когда кто-нибудь умиралъ, плакальщики выли надъ тѣломъ и несли раздѣтаго покойника черезъ дворъ, среди смѣха сумасшедшихъ, въ городъ, распространяя тамъ всевозможныя заразительныя болѣзни.

Больныхъ заразными болѣзнями и не думали отдѣлять отъ другихъ, и дѣти, страдавшія воспаленіемъ глазъ, спокойно играли съ дѣтьми посѣтителей и около кроватей дифтеритныхъ. Въ од-

номъ, только въ одномъ пунктѣ докторъ былъ силенъ; онъ успѣшно лечилъ только одну болѣзнь, весьма обычную въ той странѣ и значившуюся въ дневникѣ подъ именемъ «укусовъ звѣрей». Дровосѣки и мелкіе торговцы, которымъ приходилось путешествовать по пустыннымъ дорогамъ государства, часто подвергались нападенію тигровъ, и въ этихъ случаяхъ докторъ отбрасывалъ всю англійскую фармакопею, прибѣгалъ къ домашнимъ средствамъ, пользовавшимся извѣстностью въ сосѣднихъ деревняхъ, и творилъ чудеса. Не смотря на это, ему было заявлено, что отнынѣ въ «Государственной Больницѣ» будетъ одна начальница, приказаніямъ которой слѣдуетъ повиноваться безпрекословно, и имя этой начальницы миссъ Кэтъ Шерифъ.

Докторъ, вспомнивъ, что она лечитъ придворныхъ женщинъ, не сдѣлалъ никакого возраженія. Онъ пережилъ уже нѣсколько такихъ періодовъ реформъ и преобразованій, онъ зналъ, что его инерція и его сладкая рѣчь помогутъ ему пережить еще много другихъ. Онъ кланялся и соглашался, упреки Кэтъ пролетали мимо его головы, не задѣвая ее, а на всѣ ея вопросы и убѣжденія онъ заявлялъ:

— Эта больница получаетъ всего полтора ста рупій въ мѣсяцъ изъ казенныхъ доходовъ. Какъ же можно на эти деньги достать изъ Калькутты всѣ нужныя лекарства?

— Я плачу по этому счету,—сказала Кэтъ, написавъ списокъ необходимыхъ лекарствъ и аптекарскихъ принадлежностей,—и я буду платить за все, что найду необходимымъ.

— Счетъ будетъ подписанъ мною, какъ официальнымъ лицомъ?—спросилъ Дунпатъ Рай, склонивъ голову на сторону.

Не желая создавать лишнія затрудненія, Кэтъ согласилась. Она не могла торговаться за комиссіонныя деньги, когда въ сосѣднихъ комнатахъ лежали несчастныя созданія, невымытыя, безъ призора, предоставленныя во власть этого человѣка.

— Да, конечно,—рѣшительно сказала она.

И докторъ сообразилъ стоимость составленнаго ею списка и почувствовалъ, что можетъ многое перенести отъ ея руки.

Черезъ три часа Кэтъ вышла изъ больницы, изнемогая отъ усталости, голода и сильной головной боли.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ СКАНДИНАВСКОЙ ЖИЗНИ.

Шведско-норвежскій конфликтъ.

Въ русскихъ газетахъ встрѣчаются чуть ли не каждый день то телеграммы, то замѣтки, то статьи о шведско-норвежскомъ конфликтѣ, о борьбѣ между родственными странами, связанными братскими узами,—борьбѣ, готовой перейти отъ словъ къ дѣлу и привести къ кровавой развязкѣ. Съ одной стороны мы видимъ крестьянскій народъ съ небольшимъ 40 тысячнымъ войскомъ, который старается сбросить съ себя вѣковое иго, и во главѣ котораго стоятъ представители умственной силы страны, выдающіеся писатели и ученые, Бьернсонъ, Ибсенъ, Ариэ Гарборгъ, Сарсъ и т. д., съ другой,—сравнительно аристократичную страну, обладающую гораздо большими денежными и матеріальными средствами и 200-тысячнымъ войскомъ, во главѣ котораго стоитъ потомокъ сподвижника Наполеона, талантливаго полководца Бернадотта. Но настоящее столкновеніе, какъ оно ни обострилось, является лишь однимъ изъ эпизодовъ почти вѣковой борьбы норвежскаго народа за самостоятельность. Чтобы понять, какъ эта борьба возникла, какъ она развилась и усилилась, надо вспомнить, какъ произошелъ шведско-норвежскій союзъ, чѣмъ онъ былъ обусловленъ и каковы были его ближайшіе результаты.

1809 г. застаеъ Норвегію соединенною въ одно королевство съ Данією, подъ управленіемъ старинной королевской династіи Ольденбурговъ. Благодаря тому, что цѣлый рядъ поколѣній прожилъ подъ этимъ режимомъ, норвежскій народъ свыкъся съ нимъ, видѣлъ въ соединеніи съ Данією нѣчто незыблемое, почетное и выгодное для обоихъ народовъ, и относился съ глубокою преданностью къ старинному королевскому дому, управлявшему страню въ теченіе такого продолжительнаго времени. Норвежцы и датчане во многихъ отношеніяхъ чувствовали себя единымъ народомъ. «Я нисколько не беспокоюсь о прочности союза, связывающаго нор-

вежскую и датскую націи,—пишетъ Nordal Brun въ 1773 г.,—подобно тому, какъ не считаю возможнымъ, чтобы моя правая рука поссорилась съ лѣвою: мы нуждаемся другъ въ другѣ, и нашъ союзъ представляетъ выгоды для обѣихъ сторонъ». Конечно, союзъ представлялъ и свои шипы, и Норвегія, какъ страна, удаленная отъ фокуса власти, отъ мѣста ея сосредоточенія, должна была отступать на задній планъ передъ Данією, испытывая нѣкоторыя неудобства. Вслѣдствіе этого, среди ея обывателей выдѣлилась партія патриотовъ, желавшихъ порвать вѣковой союзъ и замѣнить его союзомъ съ Швецією, но партія эта была крайне малочисленна и не находила опоры въ народѣ, не смотря на энергію и талантливость ея вождя, графа Веделя.

Между тѣмъ, Швеція въ 1809 г. очутилась въ самомъ тяжеломъ положеніи. Тѣснимая съ трехъ сторонъ, Россією, Норвегією и Данією, она не въ силахъ была защищаться и вынуждена была заключить миръ, въ результатѣ котораго получила уступку Россіи Финляндіи. Благодаря этому, Швеція изъ великой державы обратилась въ малую, утративъ большую часть своего значенія. Эта мысль была невыносима для гордости шведовъ, и они не переставали думать о возвращеніи утраченной области. Надѣясь найти опору въ Наполеонѣ I, они заставили своего бездѣтнаго короля Карла XIII признать наслѣдникомъ знаменитаго французскаго генерала Бернадотта, подъ именемъ Карла-Юанна. Но всѣ эти расчеты были уничтожены послѣдовавшимъ затѣмъ паденіемъ Наполеона. Бернадотту пришлось изыскивать другія средства, помощью которыхъ онъ могъ бы удержаться на престолѣ и приобрести права на привязанность и благодарность шведскаго народа. О завоеваніи Финляндіи теперь нечего было и думать, и вотъ всѣ мысли его обратились на завоеваніе Норвегіи, которая должна была вознаградить Швецію за потерю Финляндіи

Это присоединеніе Норвегіи къ Швеціи Карлъ-Юаннъ поставилъ условіемъ своего участія въ войнѣ противъ Наполеона. Державы, послѣ нѣкотораго колебанія, дали на него свое согласіе, при чемъ Англія обусловила его тѣмъ, что король Швеціи гарантируетъ «свободу и благосостояніе норвежскаго народа». Данія не согласилась на добровольную уступку, и ей объявлена была война. Шведскія войска вступили въ Голштинію. Данія оказалась не въ состояніи отстоять свои права на Норвегію, и король ея былъ поставленъ въ необходимость подписать въ 1813 г. кильскій договоръ, въ силу котораго уступалъ всѣ свои права на Норвегію шведскому королю, а новый государь обязывался управлять Норвегією, какъ самостоятельнымъ государствомъ, «по ея собственнымъ законамъ, вольностямъ, правамъ и привилегіямъ».

Итакъ, начало союзу положено было шведами; въ основѣ его лежали исключительно шведскіе интересы. Это былъ результатъ чисто кабинетной политики, ставящей себѣ цѣлью не добровольное соединеніе воедино двухъ родственныхъ по духу и крови народовъ, а расширение территоріи, округленіе границъ, возмѣщеніе убытковъ; это былъ результатъ воззрѣнія на государство, какъ на частную собственность. Согласія норвежскаго народа никто не спрашивалъ. Норвегію передали изъ рукъ въ руки, не заботясь о томъ, какъ отнесутся къ такой сдѣлкѣ ея обитатели.

Вся Европа знала уже о мирѣ, заключенномъ въ Килѣ и о его условіяхъ; одинъ только народъ, судьба котораго рѣшалась, не имѣлъ никакого понятія объ исходѣ войны. Зима была въ полномъ разгарѣ, ледъ загромаждалъ входъ въ норвежскія гавани, почта не получалась, сообщенія Норвегіи съ внѣшнимъ міромъ были прерваны. Когда же, наконецъ, извѣстіе было получено и прибыли послы изъ Швеціи съ требованіемъ передать Норвегію въ вѣдѣніе шведскаго правительства, взрывъ негодованія провесся по всей странѣ. Какое право имѣлъ датскій король распоряжаться судьбою Норвегіи? Если онъ властвовалъ надъ нею, то въ силу древняго закона Норвегіи, какъ норвежскій король, и распоряжаться ею онъ могъ только въ предѣлахъ законности. Разъ Норвегія составляла самостоятельное государство, то король ея не имѣлъ права передавать ее кому-либо безъ ея согласія, онъ могъ сдѣлать только одно—отказаться отъ престола; но въ такомъ случаѣ Норвегія получала право самостоятельно распоряжаться своею судьбою, такъ какъ отказъ отъ престола ея короля освобождалъ ее отъ вѣрно-подданнической присяги. И вотъ все населеніе возстало, какъ одинъ человекъ, и сгруппировалось около своего штатгальтера, принца Христіана-Фридриха, съ твердою рѣшимостью жертвовать всѣмъ, жизнью и имуществомъ, для защиты дорогого отечества и для поддержанія своихъ исконныхъ правъ. «Мы норвежцы и хотимъ оставаться норвежцами, не хотимъ дѣлаться шведами!»—таковъ былъ лозунгъ, заставлявшій биться усиленно всѣ сердца.

По приглашенію принца-регента, приступлено было къ избранію представителей народа, которые должны были собраться въ Эйдсволдѣ для рѣшенія судьбы своей родины. Въ одинъ и тотъ же день члены всѣхъ общинъ въ Норвегіи приглашены были явиться въ церковь; священникъ каждаго прихода въ краткой вступительной рѣчи сообщилъ своимъ прихожанамъ, что король Фридрихъ былъ вынужденъ уступить Норвегію Швеціи и освобождаетъ народъ отъ вѣрно-подданнической присяги, что норвежскій народъ твердо рѣшился не подчиняться Швеціи, а, получивъ

самостоятельность, имѣть теперь полное право опредѣлить самъ свой будущій государственнѣйшій строй, и что штатгальтеръ принцъ Христіанъ-Фридрихъ, повинаясь громко выраженному желанію народа, согласился до рѣшенія сейма управлять страной въ качествѣ регента. Затѣмъ, послѣ прочтенія посланія датскаго короля и прокламаціи принца-регента, пасторъ каждой общины обратился къ своимъ слушателямъ съ вопросомъ: «клянётесь ли вы защищать самостоятельность Норвегіи и принести дорогому отечеству въ жертву свою жизнь и свое имущество?» Всѣ присутствовавшіе, поднявъ руки вверхъ, отвѣчали: «Клянемся, и да поможетъ намъ Богъ!» Торжественнѣе всего прошелъ этотъ день въ столицѣ, гдѣ такую же присягу принесли принцъ-регентъ и тысячная толпа, наполнявшая церкви, а также вся гражданская гвардія, всѣ войска и весь флотъ. Таковъ былъ отвѣтъ норвежскаго народа на требованіе присоединить Норвегію къ Швеціи.

10 апрѣля 1814 г. собрался въ Эйдсвольдѣ народный сеймъ въ числѣ 112 представителей: 33 военныхъ (изъ нихъ 4 солдатъ), 26 гражданскихъ чиновниковъ (22 юриста), 23 крестьянина, 14 духовныхъ, 12 купцовъ, 4 землевладѣльца, и среди нихъ графъ Ведель, сторонникъ союза съ Швеціею, но не подчиненія ей. Всѣ были одушевлены горячимъ желаніемъ работать по мѣрѣ силъ на благо родины, всѣ понимали громадную отвѣтственность, возложенную на нихъ, всѣ твердо рѣшили не отдавать судьбы родины въ руки чужеземной державы и не унижать своей свободной страны до положенія провинціи сосѣдняго государства. Послѣ продолжительныхъ преній выработана была конституція, которая лежитъ въ основаніи и теперешняго норвежскаго строя. Вотъ главные ея положенія: Норвегія объявляется свободнымъ, независимымъ и нераздѣльнымъ королевствомъ, а ея правитель получаетъ титулъ короля, который передается по наслѣдству его потомкамъ. Законодательная власть и право обложенія предоставляются представителямъ народа, которые образуютъ палату, называемую *стортингомъ*. Судебная власть отдѣляется отъ законодательной и исполнительной. Королю предоставляется право объявлять войну и заключать миръ, и ему принадлежитъ *veto suspensivum*, но не *absolutum*, т. е. право отсрочивать на время исполненіе рѣшеній палаты, но не отмѣнять ихъ. Объявляется полная свобода печати. Евангелическо-лютеранская религія признается религіею государственною, но въ то же время допускается полная свобода вѣроисповѣданія. Уничтожаются всѣ лично приобрѣтенныя или доставшіяся отъ предковъ привилегіи и преимущества, дворянство, титулы и т. д. Вводится всеобщая воинская повинность.

Права короля подвергаются слѣдующимъ ограниченіямъ: 1) король можетъ принять другую корону не иначе, какъ съ согласія стортинга, для чего требуется $\frac{2}{3}$ голосовъ; 2) король долженъ всегда жить въ королевствѣ и не можетъ оставаться внѣ королевства дольше, чѣмъ шесть мѣсяцевъ, безъ согласія стортинга, иначе теряетъ свои права на престолъ.

16 мая конституція была принята, а 19 мая Христіану-Фридриху былъ предложенъ титулъ короля. Страна была теперь такъ же свободна и самостоятельна, какъ и въ давно прошедшіе дни, и народъ ликовалъ, мужественно готовясь къ борьбѣ, которая грозила принять большіе размѣры, судя по рѣшительному и вызывающему поведенію шведскаго короля и его наслѣдника. Они находили, что норвежцы «мятежные подданные, не имѣющіе никакихъ правъ на самостоятельность»; сеймъ въ Эйдсвольдѣ—«противузаконное собраніе»; все, что на немъ постановлено,—«незаконно»; все норвежское движеніе 1814 г. — «бунтъ и преступленіе». «Я готовъ каждый годъ брать по одному хутору, одному поселку, одному округу,—говорилъ Карлъ-Іоаннъ,—я готовъ вести войну два года, пять, десять, двадцать лѣтъ, если понадобится. Пусть погибнуть въ борьбѣ 60.000 шведовъ, пусть я паду, пусть падеть сынъ мой Оскаръ, но Норвегія должна быть покорена». За словами послѣдовали дѣйствія. Карлъ-Іоаннъ собралъ войско для покоренія Норвегіи и двинулся къ ея границамъ.

Между тѣмъ новыи норвежскій король изъ Эйдсвольда перѣхалъ въ Христіанію, гдѣ успѣлъ во время своего краткаго пребыванія приобрѣсть громадную популярность. Онъ держалъ себя настоящимъ крестьянскимъ королемъ. Придворный этикетъ, препятствовавшій свободному общенію государя съ народомъ, былъ уничтоженъ. Съ ласковою любезностью, чуждою всякой аффектаціи, онъ принималъ каждаго, самаго ничтожнаго изъ подданныхъ, обращавшихся къ нему за какимъ-нибудь дѣломъ, и всякій, уходя отъ него, уносилъ самое отрадное воспоминаніе о свиданіи съ нимъ. Въ простомъ кабриолетѣ, какіе постоянно употребляются въ Норвегіи, въ сопровожденіи одного только подростка-слуги, сидѣвшаго на заднемъ сидѣніи, развѣзжалъ онъ изъ своей дачи Ладегардо въ Христіанію и обратно; громадныя толпы крестьянъ нерѣдко осаждали его во время проѣзда по улицамъ города, обращаясь къ нему на «ты», повѣряя ему свои нужды, выражая ему свои желанія; онъ самымъ дружескимъ образомъ выслушивалъ ихъ, увѣщая терпѣливо переносить теперешнее тяжелое положеніе дѣла и обѣщая лучшее будущее.

Получивъ извѣстіе о приближеніи шведскихъ войскъ, король «миръ вождій», № 8. августъ.

Христіанъ-Фридрихъ заявилъ норвежскому народу и норвежской арміи, что наступила наконецъ пора исполнить данную присягу и пожертвовать жизнью и имуществомъ для защиты дорогого отечества. Пылая ненавистью къ шведамъ, впитавною съ молокомъ матери и еще болѣе усилившеюся благодаря послѣднимъ событіямъ, воодушевленные любовью къ отечеству и преданностью къ юной свободной конституціи и къ избранному ими самими королю, норвежскія войска мужественно ожидали непріятели. Будь у нихъ опытный, искусный, безстрашный полководецъ, онъ могъ бы совершить чудеса съ такою арміею, пользуясь вдобавокъ природными особенностями Норвегіи, ея горами, лѣсами, болотами, озерами, рѣками, которыя, препятствуя правильному веденію войны, должны были оказать неоцѣнныя услуги при партизанской войнѣ, какъ нельзя болѣе удобной для отраженія непріятели. Но во главѣ норвежскаго войска стоялъ человекъ, который, несмотря на всѣ свои блестящія качества, свой умъ, свое краснорѣчіе, свое искреннее желаніе служить всѣми силами на пользу довѣрившейся ему страны, лишень былъ энергіи, воли и легко падалъ духомъ при первой неудачѣ. Совершенно вѣрно было сказано ему одною старухою послѣ полученія извѣстія о грозившей Норвегіи опасности: «красивое лицо, хорошая кровь, но ты слишкомъ слабъ и нѣженъ, чтобы сдѣлаться спасителемъ Норвегіи». Послѣ всевозможныхъ задержекъ и проволочекъ, въ конецъ измучившихъ норвежскихъ солдатъ, внушившихъ имъ подозрѣніе въ измѣнѣ короля и отнявшихъ у нихъ всякую надежду на благополучный исходъ борьбы, начались переговоры о мирѣ раньше, чѣмъ сдѣланы были первыя серьезныя попытки нападенія или защиты. Съ своей стороны шведы, понявъ, какъ трудно будетъ имъ справиться съ такими упорными противниками, умѣрили свои требованія. Слова «завоеваніе», «покореніе», замѣнились словами «союзъ», «сліяніе». Карлъ-Юаннъ согласился признать Норвегію самостоятельною страной и принять выработанную въ Эйдсвольдѣ конституцію, только съ условіемъ видоизмѣнить ее согласно съ новымъ положеніемъ дѣла. 7 октября 1814 г. созванъ былъ экстренный стортингъ для рѣшенія вопроса о соединеніи Норвегіи съ Швеціею.

Съ тяжелымъ чувствомъ, въ самомъ удрученномъ состояніи сѣзжались на стортингъ представители. Стортингъ состоялъ теперь изъ 80 членовъ, при чемъ лишь 20 изъ нихъ входило въ составъ прежняго собранія. Онъ прежде всего избралъ комиссію, уполномоченныя изслѣдовать положеніе страны; представленный ими докладъ повергъ членовъ собранія еще въ большее уныніе. Численность войскъ была слишкомъ незначительна; въ военныхъ

арсеналахъ не хватало запасовъ; крѣпости были недостаточно снабжены порохомъ; финансы страны находились въ самомъ плачевномъ состояніи; государственный долгъ достигалъ громадныхъ размѣровъ и лишь съ крайнимъ трудомъ можно было достать суммы, необходимыя для удовлетворенія насущныхъ потребностей государства и для веденія войны. Хотя страна продолжала съ прежнимъ воодушевленіемъ готовиться къ борьбѣ, но рисковано было продолжать ее. И все же, несмотря на убѣжденные рѣчи Веделя, большинство лицъ съ крайнимъ неудовольствіемъ согласилось на соединеніе съ Швеціею, согласилось въ виду крайности, въ какую было поставлено. На вопросъ: должна ли Норвегія быть соединена съ Швеціею подъ властью одного короля въ качествѣ самостоятельнаго королевства? всѣ, за исключеніемъ пяти, отвѣтили утвердительно. Затѣмъ приступлено было къ обсужденію условій этого соединенія. Собраніе обнаружило въ этомъ случаѣ большую энергію, ясное пониманіе своего долга и твердую рѣшимость исполнить его. Несмотря на шведское войско, стоявшее въ трехъ миляхъ разстоянія отъ стортинга, несмотря на ловушки, разставляемыя дипломатіею, несмотря на то, что въ ряды противниковъ Норвегіи становились европейскія державы и что никто, даже собственный король норвежцевъ, не поддерживалъ ихъ, собраніе спокойно и увѣренно, сознавая свое право, вело пренія согласно собственнымъ ясно опредѣленнымъ принципамъ. Вотъ условія соединенія, выработанныя имъ: Норвегія образуетъ свободное и самостоятельное государство, имѣющее общаго съ Швеціею короля. Во всѣхъ собственныхъ дѣлахъ она должна управляться самостоятельно, во всѣхъ общихъ пользоваться равнымъ съ Швеціею вліяніемъ. Тотъ же принципъ проводился и по отношенію внѣшней политики. Норвегія должна была имѣть свое отдѣльное управленіе иностранными дѣлами, но иностранныя дѣла, которыя касались обоихъ государствъ, должны были обсуждаться въ государственномъ совѣтѣ при участіи какъ норвежскихъ, такъ и шведскихъ представителей, на основаніи принципа: равное вліяніе или полное равенство. Въ случаѣ непріятія этихъ условій шведскимъ королемъ, стортингъ рѣшился вести войну и жертвовать всѣмъ для защиты самостоятельности Норвегіи. Но за это время и шведы нѣсколько пріуныли. Въ виду неясности и неопредѣленности собственнаго положенія и опасенія вмѣшательства со стороны великихъ державъ въ пользу тѣснимои Норвегіи, Карлъ XIII и его наслѣдникъ обнаружили необыкновенную сговорчивость. Какъ ни непріятны были условія, предлагаемыя норвежскимъ стортингомъ, Карлъ XIII изъявилъ на нихъ согласіе, и лишь тогда

*

стортингъ принялъ отреченіе отъ престола короля Христіана-Фридриха и избралъ Карла XIII «норвежскимъ конституціоннымъ королемъ», основывая свое избраніе не на кильскомъ договорѣ, а на норвежской конституціи. Шведскій король принесть присягу этой конституціи и заявилъ, что соединеніе совершилось не силою оружія, а вслѣдствіе свободнаго согласія обоихъ народовъ.

Но изъ вышесказаннаго ясно, что дѣятельность собранія и выработанная имъ унія обусловливалась не свободнымъ согласіемъ и не желаніемъ двухъ народовъ соединиться въ одно, а необходимою, тяжкою необходимою, въ виду которой болѣе слабому приходилось преклониться, а болѣе сильному дѣлать неприятыя для него уступки въ надеждѣ при первой возможности 'взять ихъ назадъ и настоять на своемъ. Унія являлась въ одно и то же время напоминаніемъ и о пораженіи шведовъ, и о пораженіи норвежцевъ. Идея норвежской самостоятельности, олицетворявшаяся въ норвежскомъ стортингѣ, и идея завоеванія, олицетворявшаяся Карломъ-Іоанномъ, стояли въ 1814 г. лицомъ къ лицу, готовясь къ смертельному бою,—или панъ, или пропасть. Но съ теченіемъ времени оказалось, что ни та, ни другая идея не были достаточно сильны, чтобы всецѣло выполнить свою программу. И вотъ обѣ идеи заключили перемиріе и подписали унію. «Перемиріе никогда не можетъ перейти въ миръ,—пишетъ Сарсъ,—потому что тѣ двѣ идеи, тѣ два направленія, которыя обусловливали его заключеніе, являются прямыми, непримиримыми противоположностями, и каждый разъ, когда та или другая идея начинаетъ шевелиться, узы потрясаются и готовы распасться. Унія компромиссъ; въ виду этого она лишена внутреннихъ условій развитія и роста. Это мертвое тѣло. Если намъ иногда кажется, что оно еще живо, то этой жизни бываетъ въ немъ лишь настолько, насколько она проявляется и въ испорченномъ плодѣ или гнѣющемъ окорокѣ».

Идеи не замедлили зашевелиться, и прежде всего, конечно, подняла голову идея завоеванія.

Швеція употребляла всѣ усилія, чтобы подчинить своей власти соединившуюся съ нею страну. Столкновенія начались съ 1821 г., когда король воспротивился закону объ уничтоженіи дворянства. Онъ оказалъ сильное сопротивленіе и даже пригрозилъ вмѣшательствомъ великихъ державъ, но стортингъ поставилъ на своемъ. За этимъ послѣдовалъ рядъ попытокъ со стороны короля ограничить самостоятельность Норвегіи, но эти попытки встрѣчали всякій разъ сильнѣйшій отпоръ со стороны Норвегіи. Въ 1827 г. дала себя впервые знать и идея норвежской самостоятельности. Завязалось цѣлое дѣло съ Англіею по поводу контрабандной торговли въ

Бодѣ въ Норвегіи. Дѣло это закончилось тѣмъ, что ни въ чемъ неповинная Норвегія должна была уплатить 130.000 кронъ. Оно доказало во-очію, какъ сказано въ протоколѣ, «необходимость для Норвегіи и ея короля имѣть отдѣльныхъ норвежскихъ дипломатическихъ агентовъ въ странахъ, съ которыми Норвегія находилась въ наиболѣе близкихъ сношеніяхъ». На эту же необходимость указалъ и стортингъ въ адресѣ къ королю. Но на это именно условіе ни за что не хотѣла соглашаться Швеція: она дѣлала мелкія уступки, но въ главномъ оставалась непоколебимою.

Въ 1859 г. началась борьба по вопросу о штатгалтерѣ; на эту должность, согласно конституціи, могли назначаться безразлично норвежцы, и шведы,—условіе, крайне тягостное для Норвегіи, которая много разъ предлагала отнѣнить должность штатгалтера. Но для отнѣны требовалось согласіе шведскихъ и норвежскихъ членовъ стортинга: норвежцы возставали противъ этого, увѣряя, что это вопросъ внутренняго управленія ихъ родиною и что онъ долженъ рѣшаться только норвежцами. Въ 1860 г. былъ поданъ королю адресъ въ этомъ смыслѣ. Шведскій ригсдагъ предложилъ подвергнуть разсмотрѣнію условія соединенія, что и было исполнено стортингомъ 1871 г.

По постановленію этого стортинга, вмѣсто прежняго смѣшаннаго государственнаго совѣта учреждался союзный совѣтъ, съ общимъ министерствомъ для обоихъ государствъ; вѣдѣнію этого совѣта подлежало гораздо больше дѣлъ, чѣмъ вѣдѣнію прежняго. Совершенно понятно, говоритъ Арне Гарборгъ, что при союзѣ двухъ неравныхъ по силѣ государствъ, большее будетъ всегда стараться подчинить общему надзору и большее количество дѣлъ, такъ какъ его голосъ представляетъ болѣе важное значеніе, и чѣмъ больше будетъ у него общихъ дѣлъ съ меньшимъ государствомъ, тѣмъ сильнѣе возрастетъ его вліяніе на послѣднее. Поэтому, Швеція всегда желала получить право разсматривать со-обща не только общія дѣла, но и тѣ, которыя касались непосредственно одного государства и лишь косвенно затрогивали другое, между тѣмъ какъ съ норвежской точки зрѣнія только тѣ дѣла должны считаться общими, которыя касаются непосредственно обоихъ государствъ. Этому-то взгляду и придерживались норвежскіе дѣятели, съ 1871 г. неуклонно отстаивавшіе самостоятельность Норвегіи, тѣмъ болѣе, что если старый порядокъ вещей считался неблагоприятнымъ для Норвегіи, то новый былъ уже «совершенно неудовлетворителенъ».

Вѣдѣнію политикою Норвегіи руководилъ теперь не король, а шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ, отвѣчавшій за свои дѣй-

ствія не передъ норвежскою націею, а передъ шведскою. Верховная власть короля надъ норвежскою внѣшнею политикою перешла такимъ образомъ къ Швеціи, что уничтожило всякое равенство между обоими союзными государствами. Вотъ что говорилъ въ стортингѣ 1871 г. по этому поводу профессоръ Ашегугъ: «То обстоятельство, что наши внѣшнія дѣла, представляющія для насъ наиболѣе важное значеніе, рѣшаются безъ права участія въ этомъ рѣшеніи норвежцевъ, составляетъ такой важный ущербъ въ нашей самостоятельности, что можно принять за иронию заявленіе: Норвегія и Швеція равноправны, только съ однимъ исключеніемъ, а именно,—Норвегія не имѣетъ права участія въ управленіи дипломатическими дѣлами, потому что это исключеніе такъ велико, что равноправность, которую оно оставляетъ за собою, является какимъ-то миеомъ». И вотъ борьба между Швеціею и Норвегіею сосредоточилась на правѣ меньшаго государства имѣть своего отдѣльнаго министра иностранныхъ дѣлъ и своихъ отдѣльныхъ консуловъ. «Мы не желаемъ выступать изъ союза,—говоритъ одинъ изъ представителей норвежской партіи, Сарсъ,—но мы желаемъ поставить союзъ, унію, обратно въ то положеніе, какое она занимала первоначально, привести ее въ полное соотвѣтствіе съ эйдсвольдскимъ договоромъ».

Въ 1892 г. радикальное большинство норвежскаго стортинга издало постановленіе объ устройствѣ собственныхъ консульствъ для Норвегіи. Въ 1893 г. это рѣшеніе стортинга было подтверждено и срокъ для отдѣленія норвежскаго консульства отъ шведскаго назначенъ на 1 января 1895 г. Но король не подтвердилъ этого постановленія. Радикальное министерство подало въ отставку. Всѣ усилія короля, «чужого человѣка въ чужой странѣ», какъ назвалъ его одинъ изъ ораторовъ лѣвой, не повели ни къ чему, и парламентская борьба въ Норвегіи продолжается покажѣсть легальнымъ оружіемъ. Шведы восторженно привѣтствовали короля по возвращеніи его изъ Норвегіи и, повидимому, такъ же твердо рѣшились отстаивать свои права, какъ норвежцы свои. Что выйдетъ изъ этой борьбы, покажетъ намъ будущее.

М. Лучицкая.

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Валенберга.

ПЕРЕВ. СЪ ШВЕДСКАГО В. ФИРСОВА.

(Окончаніе *).

VI.

На слѣдующее утро завтракъ въ семействѣ Сьогъ былъ поданъ позднѣе, обыкновеннаго. Надо было дать время выспаться послѣ бала, къ тому же было воскресенье, и Сьогъ не собирался въ городъ.

Въ двѣнадцатомъ часу, однако, всѣ уже сидѣли за столомъ, кромѣ Лены. Наконецъ, явилась и она.

— Ого! Да ты и теперь еще выглядишь нехорошо!—сказала Гертрудъ, цѣлуя ее.—Вотъ какъ затанцовалась, неразумное дитя!

Въ самомъ дѣлѣ, Лена была блѣдна, глаза ея были обрамлены темными кругами, взглядъ затуманенъ. Казалось, будто она и не ложилась...

Въ продолженіе всего завтрака Гильдуръ наблюдала за ней. Она едва отвѣчала на ея вопросы и явно чуждалась ея.

Когда встали изъ-за стола, она стала искать случая переговорить съ Леной наединѣ, чтобы хоть узнать, что она думаетъ. Но Лена упрямо избѣгала такого случая, и держалась въ обществѣ другихъ.

Наконецъ, передъ обѣдомъ, Гильдуръ удалось поймать ее на верандѣ, въ то время, какъ она спускалась въ садъ.

*) См. «Міръ Божій», № 7, июль, 1895 г.

— Не пойдешь ли послѣ обѣда играть въ лаунъ-теннисъ?—спросила Гульдуръ.

— Нѣтъ.

— Отчего же? Я бы тоже пошла...

Большіе темные глаза Лены, обыкновенно такіе кроткіе и нѣжные, сверкнули недобримъ огонькомъ.

— Зачѣмъ я тебѣ?—сказала она рѣзко.—Тамъ довольно людей безъ меня. Директора Валеріуса, напримѣръ, ты навѣрное тамъ застанешь...

Гильдуръ отвернулась и вошла въ комнаты. Она теперь знала, въ чемъ дѣло! Очевидно, Лена обвиняла ее въ кокетствѣ съ Валеріусомъ и серьезно принимала это къ сердцу. Можетъ она предполагала даже измѣну ея отцу и презирала ее.

Это было тяжело, и Гильдуръ было на столько не по себѣ, что не хотѣлось оставаться одной съ мучащими ее мыслями. Она поспѣшила къ Гертрудъ стараясь казаться веселой.

Но Гертрудъ и Гуго, какъ на зло, должны были ѣхать куда-то съ визитомъ; тогда она надѣла шляпу, взяла зонтикъ, и вышла въ паркъ.

На этотъ разъ она не стала избирать безлюдныхъ тропинокъ и пошла большой еловой аллеей, желая встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ. Гуляющихъ было много, но знакомыхъ между ними не оказалось. Наконецъ, на поворотѣ аллеи, уже возлѣ лѣса, она увидѣла знакомую фигуру Валеріуса. Онъ былъ одинъ и медленными шагами шелъ ей навстрѣчу.

Послѣ нѣсколькихъ банальныхъ фразъ о вчерашнемъ балѣ и освѣдомившись, не чувствуетъ ли она себя утомленной, Валеріусъ пытливо посмотрѣлъ на нее, какъ бы мысленно задавая ей другой, болѣе интересовавшій его, вопросъ.

Она заодно подняла голову.

— А знаете, что вы надѣлали?—спросила она.

— Имѣю нѣкоторое понятіе... Но, можетъ быть, вы просвѣтите меня еще больше?

— Вы поставили меня въ положеніе женщины, которую заподозрѣваютъ въ дурномъ поступкѣ.

— Вы шутите?!—сказалъ онъ блѣднѣя и пытаясь улыбаться.

Гильдуръ молчала.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ онъ.

— Въ томъ, что Лена презираетъ меня.

— По моей винѣ?

— Да, по вашей.

— Какъ она, однако, легко допускаетъ о людяхъ дурныя мысли.

— Обо мнѣ особенно. Никогда я не могла сойтись съ ней. А теперь она считаетъ себя вправѣ подозрѣвать меня въ нечестномъ отношеніи къ ея отцу, и никто не разубѣдитъ ее въ этомъ.

Онъ искоса взглянулъ на Гильдуръ.

— Однако, это не должно васъ затрогивать слишкомъ глубоко, вы вѣдь знаете, что совершенно невинны, — сказалъ онъ.

Чувствуя на себѣ его пытливый взглядъ, она сдѣлала надъ собой усиліе и лицо ея точно окаменѣло.

— Она можетъ злоупотребить своимъ подозрѣніемъ, — сказала она холодно.

Онъ усмѣхнулся.

— Развѣ бы ей повѣрили? — спросилъ онъ съ ироніей и, не получивъ отвѣта, продолжалъ: — Она должна будетъ очень скоро отбросить свои нелѣпыя предположенія! Факты вѣдь на лицо.

Въ его голосѣ слышался сарказмъ, и Гильдуръ хотѣлось съ гордостью отвѣтить ему: да, факты на лицо! Но какъ онъ смѣлъ говорить объ этихъ фактахъ съ оскорбительной ироніей? Какъ онъ смѣлъ такъ явно сомнѣваться въ ея счастіи? Но гордые слова замерли на ея губахъ. Ничего она не въ силахъ была возразить; въ эту минуту она почти ненавидѣла этого друга.

Между тѣмъ онъ задумался. Взглянувъ на него, она увидѣла, что лицо его приняло такое же выраженіе безнадежной тоски, какъ вчера вечеромъ, а лобъ наморщился, точно отъ остраго страданія. Можетъ быть, и онъ страдалъ такъ же сильно, какъ и она? Но ей дѣла нѣтъ до его страданій! Она не имѣетъ права и не желаетъ даже думать объ этомъ.

— Если хотите, я могу дать вамъ средство сразу вернуть себѣ довѣріе Лены, — сказалъ онъ вдругъ съ неестественнымъ спокойствіемъ... — Это вѣрное средство и оно вдвойнѣ вамъ выгодно. Она увидитъ, что вы никогда не измѣняли своихъ чувствъ къ ея отцу, и кромѣ того, можетъ быть, ускорите благоприятную развязку.

Благоприятную развязку! Она вздрогнула.

— Есть и еще одна хорошая сторона въ этомъ совѣтѣ, —

продолжалъ онъ съ горькой усмѣшкой.—это докажетъ вамъ мое безкорыстіе. Давая этотъ совѣтъ, я очищаюсь отъ всякихъ обвиненій, такъ какъ если бы я былъ эгоистомъ, я ни за что не далъ бы вамъ такого совѣта.

— Въ чемъ же онъ заключается?—спросила она.

— Вотъ въ чемъ. Пойдите къ Ленѣ и попросите ее написать своей матери о васъ. Ленѣ ничего не стоитъ уговорить эту особу отказаться отъ своей мести и освободить мужа навсегда.

Холодный ужасъ охватилъ Гильдуръ. Неужели онъ говорить серьезно?! Но развѣ шутятъ съ такимъ мучительнымъ выраженіемъ въ лицѣ?..

— Какъ же она напишетъ матери?—сказала она раздражительно.—Она столько же знаетъ, гдѣ теперь эта мать, какъ и всѣ мы.

Онъ посмотрѣлъ на нее уже съ меньшей тоской во взглядѣ.

— Нѣтъ, она знаетъ!—сказалъ онъ.

Оба помолчали и какъ-то машинально свернули на залитую солнцемъ боковую дорожку, на которой гуляющихъ не было.

— Пустяки!—вскричала она вдругъ съ нервнымъ смѣхомъ.—Неужели она могла бы столько времени видѣть горе родного отца, не попытавшись даже помочь ему?

— Повидимому, да,—сказалъ онъ спокойно.—Я не могу сказать, чтобы она вполне призналась мнѣ въ этомъ, но разъ она уже готова была признаться, и сдѣлала бы это, если бы я не остановилъ ее. Я не хотѣлъ выслушивать ее признаній. Но вамъ они нужны и ихъ вовсе нетрудно получить отъ нея. Совѣтую поговорить съ нею.

Она холодно поблагодарила его за совѣтъ, и на обратномъ пути оба разсуждали уже исключительно о погодѣ.

На выручку имъ явились Гуго и Гертрудъ, успѣвшіе окончить свои визиты и тоже вышедшіе прогуляться на большую аллею. Гильдуръ и Валеріусъ почувствовали большое облегченіе, завидѣвъ ихъ, и подошли къ нимъ. Затѣмъ, Валеріусъ проводилъ всю семью до дачи и распрощался, наотрѣвъ отказавшись отъ приглашенія къ обѣду.

Было уже поздно. Проголодавшаяся Лена встрѣтила Гертрудъ на верандѣ и бросилась къ ней въ объятія, со смѣхомъ говоря, что радуется ей, какъ избавительницѣ отъ голодной смерти. Съ Гильдуръ она по прежнему была сдержана.

За столомъ Гильдуръ съ недоумѣніемъ поглядывала на нее.

Неужели эта дѣвочка способна на такую выдержку, что дѣльные мѣсяцы могла спокойно смотрѣть на горе отца, не подавая даже вида, что можетъ его прекратить? Во взглядѣ Лены, въ самомъ дѣлѣ, было что-то недоброе, какое-то затаенное выраженіе холодной безсердечности. Она молча, но безпощадно, обвиняла свою будущую мачиху, а та опускала глаза, чувствовала непривычную робость и не смѣла опровергнуть ея обвиненія, хотя бы однимъ гордымъ взглядомъ. Она боялась Лены.

А вѣдь у нея было средство сразу очистить себя въ глазахъ будущей падчерицы. Даже въ томъ случаѣ, если бы Лена и не оказалась въ перепискѣ съ матерью, просьба Гильдуръ послужила бы неопровержимымъ доказательствомъ честности ея намѣреній относительно Сета...

Да, она должна испытать это средство! Вѣдь она любитъ Сета не менѣе прежняго!.. Правда, будущее ее стало страшить... Но, одна мысль о возможности потерять его—заставляетъ ее содрогаться.

„Непремѣнно надо сегодня же послѣ обѣда поговорить съ Леной!“—порѣшила она окончательно.

Но послѣ обѣда пришли гости, и случая поговорить съ Леной наединѣ не представилось. Пришлось отложить объясненіе до другого раза.

Гости ушли рано, и уже въ девять часовъ подали ужинъ. Сейчасъ же послѣ ужина всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Комната Гильдуръ была около комнаты Лены, во второмъ этажѣ.

Поднявшись наверхъ, она остановилась у дверей Лены и стала прислушиваться. За дверьми было тихо. Къ сожалѣнію, Лена еще не спала...

Гильдуръ постучала, услышала въ отвѣтъ „войдите“ и раскрыла дверь.

Увидѣвъ Гильдуръ, Лена безъ особенной любезности спросила, что ей нужно.

Эта холодность, въ которой не было однако ничего неожиданнаго, смутила Гильдуръ. Ей показалось, по меньшей мѣрѣ, несвоевременнымъ обращаться съ щекотливой просьбой къ той, которая избѣгала даже говорить съ нею. Надо было выбрать болѣе удобную минуту... Надо дать остыть ея раздраженію.

Чтобы объяснить свое появленіе, она попросила одолжить

ей спичекъ, взяла совѣтъ ненужную ей коробочку и ушла къ себѣ.

На слѣдующій день обстоятельства оказались такими же неблагоприятными, хотя Лена уже не дулась, но удобная для объясненія минута—не выдавалась... Притомъ вѣдь не было и никакого спѣха... Стоило только вооружиться терпѣніемъ, и навѣрное, представится очень удобный случай.

Такъ прошла цѣлая недѣля. Не разъ обѣ дѣвушки оставались вдвоемъ, при чемъ Лена была любезнѣе и разговорчивѣе обыкновеннаго, но все это ни къ чему не повело... Рѣшимость поговорить съ Леной объ ея матери исчезала.

„Зачѣмъ онъ сказалъ мнѣ это?“ — думала она съ мучительной досадой. — „Зачѣмъ предоставилъ мнѣ самой рѣшать свою участь!.. Это жестоко“...

Какъ-то, гуляя съ Гертрудъ, она случайно встрѣтила Валеріуса, пропадавшаго всю эту недѣлю въ городѣ. Онъ пошелъ рядомъ съ ними и сталъ разговаривать, обращаясь преимущественно къ Гертрудъ. Но затѣмъ встрѣтились еще знакомые, Гертрудъ заговорила съ ними, и Гильдуръ очутилась съ Валеріусомъ.

— Что же?—спросилъ онъ.—Какъ подѣйствовало рекомендованное мною средство?

— Я не успѣла еще воспользоваться имъ.

— Не воспользовались?

Онъ вскричалъ это съ такой неудержимой радостью, и глаза его при этомъ такъ заблестѣли, что она испугалась. Какое заключеніе вывелъ онъ изъ ея отвѣта? Страшно было даже и подумать... Одно было ясно ей въ данную минуту, и она не пыталась скрывать этого отъ себя, что онъ ее любилъ. Она не хотѣла думать объ этомъ, увѣряла себя, что не вѣритъ этому, но безусловно вѣрила... Понимала она теперь и его признаніе въ какомъ-то преступленіи... Очевидно, онъ осуждалъ себя за то, что не въ силахъ былъ отказаться отъ нея, несмотря на свою дружбу съ Бурманомъ!

„Но онъ жестоко ошибается, если рассчитываетъ на это!“ — подумала она съ такимъ гнѣвнымъ порывомъ, что ей хотѣлось затопать ногами и расплакаться. Но, такія желанія приходилось конечно сдерживать; не глядя ему въ лицо, она сказала:

— Но я не премину воспользоваться вашимъ совѣтомъ!..

И тѣмъ не менѣе она имъ не воспользовалась. Проходили дни за днями. По ночамъ она принимала „окончатель-

ное“ рѣшеніе завтра же высказать свою просьбу Ленѣ. Но утромъ отъ рѣшимости не оставалось и слѣда.

Ее мучили угрызенія совѣсти. Давно уже не пріѣзжавшій на дачу Сеть Бурманъ могъ явиться со дня на день, и она не знала, какъ посмотреть ему въ лицо. Вѣдь съ ея стороны было измѣной не сдѣлать всего, что было въ ея власти для осуществленія его намѣреній. А тутъ еще вспоминался сіяющій радостью взглядъ Валеріуса, когда онъ узналъ, что она еще не переговорила съ Леной... Она содрогалась при мысли объ этомъ взглядѣ и боялась встрѣчи какъ съ Валеріусомъ, такъ и съ Бурманомъ. Въ концѣ концовъ Валеріусъ могъ подумать, что она въ самомъ дѣлѣ разлюбила Сета и полюбила его, Валеріуса...

Вооружившись мужествомъ, она робко спрашивала себя, имѣлось ли какое-нибудь основаніе для такого заключенія, и въ самомъ ли дѣлѣ мысль о Валеріусѣ была при чемъ-нибудь въ ея нерѣшимости попросить содѣйствія къ браку у Лены? На эти вопросы она, однако, не давала себѣ отвѣтовъ... никогда.

И вотъ, постепенно, она убѣдилась, что никогда не попросить Лену написать къ ея матери. Убѣдилась она и въ томъ, что, какъ ни любить Сета, а не можетъ безъ ужаса думать о союзѣ съ нимъ, такъ какъ предвидитъ отъ такого союза только одно горе. Нельзя же съ радостью идти на встрѣчу полному поработченію! Она, конечно, сдержитъ слово, и безропотно подчинится своей участи, если это отъ нея потребуется; но нельзя же требовать отъ нея, чтобы она сама, своими собственными руками, заковала себя въ цѣпи?!

Какъ-то Гильдуръ сидѣла за письменнымъ столомъ, собираясь написать къ одной родственницѣ за границей, къ которой ей хотѣлось уѣхать, чтобы хоть на время оторваться отъ всего, что ее мучило, вдругъ въ передней раздался звонокъ. Никого, кромѣ нея, дома не было, и кто-то стремительно бросился къ ней изъ передней и заключилъ ее въ объятія.

Это былъ Сеть Бурманъ, помолодѣвшій и такой сіяющій, Сеть Бурманъ, какого она еще и не знавала. Ее даже испугала его шумная радость. Что случилось? Она задавала себѣ этотъ вопросъ съ такой тревогой, точно видѣла въ этой радости предзнаменованіе какого-нибудь несчастія.

— Гильдуръ, Гильдуръ! — заговорилъ онъ наконецъ. — Теперь ты моя, моя навсегда!

Она широко раскрыла глаза и смотрѣла на него съ тупымъ недоумѣніемъ, не смѣя разспрашивать и не находя въ себѣ силъ притворяться.

Но онъ былъ такъ занятъ своей радостью, что и не видѣлъ ужаса Гильдуръ.

— Подумай, я свободенъ!—говорилъ онъ.—Не осталось ни малѣйшаго препятствія... Милая моя, бѣдная моя Гильдуръ! Тебѣ пришлось такъ много выстрадать изъ-за меня. Но теперь я твой, до гробовой доски!

Молча высвободилась она изъ его объятій и дрожащими руками взяла письмо, которое онъ ей подалъ.

Почеркъ былъ торопливый, обращенія въ заголовкѣ письма не было.

„Въ продолженіе цѣлыхъ четырнадцати лѣтъ ты мучилъ и терзалъ меня!“—стояло въ письмѣ.—„Четырнадцать лѣтъ я терпѣливо переносила все. Наконецъ, терпѣніе лопнуло, и я ушла отъ тебя. Но тогда, не имѣя возможности иначе вредить мнѣ, ты отказалъ мнѣ въ разводѣ, помѣшавъ такимъ образомъ представлявшемуся мнѣ счастью въ союзѣ съ другимъ... Теперь его ужъ нѣтъ на свѣтѣ, измѣнить ты ничего не можешь, и мнѣ оставалось только мстить, мстить тебѣ тѣмъ же оружіемъ, какимъ ты поражалъ меня. Такъ я и предполагала поступить. Но обстоятельства складываются иначе... Богъ съ тобой! Пожалуй, даже легче будетъ умирать, сознавая, что мести не было. Но ты и безъ меня полатишься, въ этомъ я увѣрена. Ты отнял у меня покой и счастье. Пользуйся же своимъ счастьемъ, пока можешь. Это будетъ недолго. Но я не буду больше мѣшать тебѣ. Ты свободенъ!“

Гильдуръ стояла въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Она всматривалась въ прочитанное письмо, точно надѣясь найти въ немъ хоть какую-нибудь оговорку, хоть малѣйшій поводъ къ сомнѣнію.

Сеть Бурманъ стала недоумѣвать. Что неожиданность поразила ее, это понятно. Но что она столько времени оставалась въ полномъ уныніи, это, по меньшей мѣрѣ, странно.

— Ну, дай же взглянуть на себя!—вскричалъ онъ нетерпѣливо.—Ты довольна?

Она сдѣлала надъ собой усиліе и принудила себя улыбнуться. Но улыбка вышла неестественная, а взглядъ остался страннымъ, болѣзненнымъ, точно ей больно было смотреть на свѣтъ.

Все это было для него такъ неожиданно и непонятно, что онъ отступилъ отъ нея на шагъ.

— Ты не рада?—проговорилъ онъ глухо.

— Что ты! Напротивъ, я очень рада... Еще бы мнѣ не радоваться? Ахъ, Сеть!

Она вдругъ поняла, что своимъ смущеніемъ выдаетъ себя головой, и такъ испугалась, что не сознавала, что говорить.

— Меня ужаснуло это письмо!—продолжала она, хватаясь за первое попавшееся объясненіе.—Оно написано съ такой злобой, что мнѣ становится страшно.

— Такъ страшно, что ты не въ силахъ радоваться моей свободѣ?—переспросилъ онъ.

— Да я же рада, рада, Сеть! Развѣ ты не видишь?

Онъ посмотрѣлъ на нее долгимъ, подозрительнымъ взглядомъ и провелъ рукой по лбу.

— Нѣтъ, этого я не вижу!—сказалъ онъ.

Въ то же время лицо его приняло выраженіе такого безграничнаго горя, что ею овладѣло отчаяніе. „Будь, что будетъ, а я не вправѣ разбивать его жизнь!“—подумала она и рѣшилась, во что бы то ни стало, успокоить его.

Она стала обнимать его, цѣловала глаза, руки.

— Сеть, Сеть!—говорила она. — Развѣ ты не видишь, что я люблю тебя, люблю?..

Но именно эта внезапная и вовсе не свойственная ей горячность, усилила его подозрѣнія, и онъ тихонько отстранилъ ее рукой.

— Нѣтъ, Гильдуръ!—сказалъ онъ печально.—Я уже замѣчалъ и раньше... Ты уже не любишь меня, какъ прежде.

— О, какъ ты можешь говорить это!

Онъ опустился на стулъ и закрылъ лицо руками. Напрасно она пыталась отвести его руки отъ лица и ласкалась къ нему. Онъ только все ниже и ниже опускалъ голову. Но вдругъ онъ выпрямился, открылъ лицо и пылающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Гильдуръ.

— Признайся!—крикнулъ онъ.

— Въ чемъ?

— Признайся, что ты разлюбила меня!

— Нѣтъ, это неправда!

Какъ молнія, пронеслась въ ея головѣ мысль, что она лгала. Но она принудила себя смотрѣть ему прямо въ глаза.

— Признайся, что ты не рада этому письму!—снова потребовалъ онъ, отнимая у нея письмо и гнѣвно потрясая имъ.

— Да нѣтъ же, ты съ ума сошелъ! Я была бы такъ счастлива, если бы не твое раздраженіе.

Онъ снова опустилъ голову, не зная, чему вѣрить. Что-то обманывало его; было ли это ея лицо, или ея слова?..

Между тѣмъ она снова стала ласкаться къ нему. Страстное желаніе убѣдить и утѣшить его замѣнило ей дѣйствительную любовь, и голосъ ея звучалъ страстью, и въ глазахъ ея горѣло чувство. Понемногу она сама увлеклась своимъ краснорѣчіемъ и стала думать, что и въ самомъ дѣлѣ попрежнему любить его. Тогда на помощь ей явилась всепобѣждающая искренность, и сомнѣнія его начали разсѣиваться. Но онъ еще не сдавался.

— Ужъ не онъ ли, мой неизмѣнный другъ Валеріусъ, повліялъ на тебя?—спросилъ онъ вдругъ.

— Сеть,—сказала она,— на такіе вопросы я не стану отвѣчать. Но если ты добиваешься, чтобы я ушла отъ тебя, то продолжай, продолжай... Это вѣдь лучший способъ оскорбить меня!

Онъ помолчалъ, потомъ съ какимъ-то страстнымъ порывомъ обнялъ ее и, въ свою очередь, началъ осыпать ее ласками.

— Ты, значитъ, любишь меня?—спрашивалъ онъ ее между поцѣлуями.

— Да.

— Такъ же горячо, какъ прежде?

— Да.

— И ты рада, что мы, наконецъ, соединимся.

— Да.

— И это правда?

— Да.

Каждое изъ этихъ „да“ отдавалось въ ея груди, какъ тяжелый ударъ, и то экзальтированное чувство, которое только-что показалось ей возвратомъ любви къ нему,—угасло. Онъ только-что повѣрилъ ея любви, какъ она снова почувствовала, что солгала...

— Милая, — сказалъ онъ, переводя духъ. — Въ другой разъ не пугай меня такъ ужасно... Я вѣдь стремился къ тебѣ въ полномъ убѣжденіи, что еще никогда не бывалъ такъ близокъ къ счастью. И вдругъ, мнѣ показалось, что ты отъ меня далеко, и вокругъ меня все померкло...

При воспоминаніи о только-что пережитомъ страданіи онъ безпомощно опустилъ руки и съ ужасомъ посмотрѣлъ на нее.

— Я вѣдь точно маленькое дитя!—прибавилъ онъ без-

звучно.—Я пугаюсь собственнаго воображенія и не могу ни минуты оставаться одинъ въ темнотѣ. Не пугай же меня...

Она общалась ему, что ничего подобнаго не повторится. Все было свалено на неожиданность и злобный тонъ письма, и вскорѣ ей удалось окончательно успокоить его. Понемногу прежняя свѣтлая радость озарила его лицо, и онъ снова сталъ веселъ, какъ въ началѣ свиданія. Но каждая его улыбка мучила ее почти такъ же сильно, какъ его недавнее горе. Его радость растревляла въ ней тщательно скрытую рану, которая болѣла сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ сама она входила въ роль и естественнѣе притворялась счастливой.

Она и смѣялась, и шутила, и говорила о будущемъ до самаго вечера. Никто бы не могъ рѣшить, кто выглядѣлъ счастливѣе: Гильдуръ или ее женихъ.

За то потомъ, когда она осталась одна въ своей комнатѣ, лицо ея вдругъ осунулось, руки безсильно опустились, она чувствовала только смертельную усталость.

Въ головѣ ея была одна мысль: сознаніе, что цѣлый день притворялась и обманывала Сета...

VII.

Сетъ Бурманъ остался ночевать и пробылъ на дачѣ еще все слѣдующее утро. Онъ не могъ наговориться вдоволь о своихъ надеждахъ на будущее. Свадьба, разумѣется, предполагалась какъ можно скорѣе. Но раньше осени было невозможно. Процессъ о разводѣ требовалъ нѣкотораго времени, притомъ Бурманъ былъ всецѣло поглощенъ своей журнальной дѣятельностью и ранѣе окончанія парламентскихъ выборовъ ничѣмъ другимъ не могъ заняться.

За послѣднее время въ его дѣлахъ произошли двѣ важныя перемѣны. Во-первыхъ, партія свободомыслящихъ неожиданно выставила его кандидатуру; во-вторыхъ, „Стражъ“ превратился въ большую ежедневную газету.

Расширеніе газеты произошло уже нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, и этимъ, главнымъ образомъ, объяснялось рѣдкое появленіе Бурмана на дачѣ. Къ сожалѣнію, его блестящія ожиданія не вполне оправдывались. Въ политическомъ смыслѣ его газета, несомнѣнно, стала значительно вліятельнѣе; но того распространенія, какого можно было ожидать съ ея расширеніемъ, не было, и подписка шла довольно вяло. Ве-

терлингъ, принимавшій очень близко къ сердцу денежные дѣла газеты, былъ крайне недоволенъ и озабоченъ. Онъ поговаривалъ даже объ отступленіи... Но Бурманъ и слышать не хотѣлъ о такомъ малодушіи. Онъ всячески утѣшалъ и ободрялъ своего издателя, доказывалъ ему, что, покидая дѣло въ самую критическую минуту, онъ погубитъ его, и ручался за успѣхъ при малѣйшей выдержкѣ. Онъ хорошо сознавалъ, что, съ удаленіемъ Ветерлинга, газета неминуемо прекратила бы свое существованіе, а съ этимъ исчезло бы все его собственное значеніе среди избирателей.

— Когда мы будемъ обвинены, — сказалъ Бурманъ, объяснивъ невѣстѣ положеніе дѣлъ, — я знаю, что мы сдѣлаемъ, и тогда мнѣ бояться нечего. Но теперь этого сдѣлать нельзя. Въ послѣдній разъ, когда я заговорилъ съ твоимъ братомъ о дѣлахъ, мнѣ пришлось выслушать тяжелыя вещи, и вторично я не хочу подвергаться тому же. Остается только ухаживать за Ветерлингомъ.

Онъ вздохнулъ и, увидѣвъ Лену, шедшую изъ сада, позволялъ ее къ себѣ.

— Кстати, Лена, — сказалъ онъ. — Я и забылъ тебя предупредить, что послѣ обѣда ты поѣдешь со мной въ городъ. Ты приглашена погостить у Ветерлинговъ.

Со вчерашняго вечера Лена была въ какомъ-то особенно веселомъ настроеніи. Повидимому, у нея была какая-то своя, тайная радость, которой она ни съ кѣмъ не хотѣла подѣлиться, но которая то и дѣло побуждала ее счастливо улыбаться. Гильдуръ подозрительно посматривала на нее, тѣмъ болѣе, что улавливала иногда на себѣ ея странный, насмѣшливый взглядъ. Ужъ не имѣла ли ея радость какой-нибудь связи съ полученнымъ изъ Берлина письмомъ? Кто знаетъ... Можетъ, она-то и побудила свою мать освободить, наконецъ, Сета Бурмана! Она вѣдь сама была равнодушна къ Валериусу — это всѣ замѣчали — и послѣ той сцены, на балѣ, она могла придумать эту интригу съ цѣлью освободиться отъ Гильдуръ, къ которой начинала ревновать его...

Такія подозрѣнія Гильдуръ укрѣпились, когда она увидѣла испугъ, съ какимъ Лена приняла извѣстіе объ отъѣздѣ.

— Но, милый папа, — сказала она съ тревогой; — это вѣдь на долго... Не лучше ли обождать немного. Я бы могла поѣхать къ Ветерлингамъ позже, осенью, когда мы переѣдемъ опять въ городъ.

— Такъ не поступаютъ съ друзьями! — сказалъ Бурманъ

назидательно. — Тебя приглашаютъ теперь, а не осенью, и можно только принять, или отклонить приглашеніе, а не измѣнять времени. Отклонить же приглашеніе Ветерлинговъ, которые всегда были къ тебѣ любезны, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Притомъ, ты всегда говорила, что тебѣ бываетъ весело у нихъ. Развѣ не такъ?

Лена покраснѣла и опустила глаза.

— Да, такъ,—тихо отвѣтила она дрогнувшимъ голосомъ.

Не смотря на отсутствіе всякаго расположенія къ Ленѣ, Гильдуръ стало жаль ее въ эту минуту. Ея отвѣтъ прозвучалъ, какъ сдержанный стонъ. Невольно приходило на умъ, что не красно живется бѣдной дѣвушкѣ, какъ она ни хитрить, чтобы облегчить свою жизнь. Но Сетъ Бурманъ ничего подобнаго не замѣчалъ. Онъ потрепалъ свою „милую дѣвочку“ по щекѣ, и улыбнулся ей, вполне увѣренный, что она смущена только отъ застѣнчивости. Онъ вѣдь обладалъ способностью видѣть только то, что желалъ видѣть...

Гильдуръ пытливо посмотрѣла на него. Ужъ не желаетъ ли онъ, чтобы Гаральдъ Ветерлингъ и Лена полюбили другъ друга ради укрѣпленія связей между „Стражемъ“ и его нынѣшнимъ редакторомъ? Онъ способенъ былъ на это, не сознавая даже, насколько это нечестно... Онъ просто вѣрилъ въ существованіе чувствъ, которыя были ему желательны.

Лена получила еще одинъ поцѣлуй отъ своего папаши и пошла къ себѣ укладываться. Когда она снова сошла внизъ, радостное настроеніе къ ней уже не возвращалось. Она какъ-то вся притихла, и уже больше не смѣялась.

Черезъ нѣсколько дней Гильдуръ возвращалась отсюда-то домой, какъ вдругъ позади нея раздались торопливые шаги. Она сразу угадала, что это былъ Валеріусъ.

Въ послѣднее время она много думала о немъ. Не странно ли было совпаденіе всего, что случилось: его совѣтъ обратиться къ Ленѣ, ея мучительная нерѣшительность сдѣлать это и въ заключеніе, все разрѣшившее, неожиданное письмо изъ Берлина? Во всякомъ случаѣ, онъ усилилъ ея страданія, заставивъ убѣдиться въ томъ, что она недостаточно любитъ Сета!

— Какъ я радъ, что случайно встрѣтилъ васъ!—сказалъ онъ.—Я вѣдь спѣшилъ къ вамъ, поздравить... Миѣ сказали, что ваша свадьба состоится очень скоро.

— Да, осенью.

— Поздравляю! Выходитъ, что я далъ вамъ хорошій совѣтъ...

Она ничего не возразила. Ей хотѣлось сказать, что его совѣтъ тутъ не причемъ, что все устроилось само собой... безъ ея содѣйствія. Но она не сказала этого... Да и не могла вообще говорить,—ея душило какое-то внутреннее волненіе.

— Я думалъ, что вы хоть поблагодарите меня!—сказалъ онъ, не дождавшись отвѣта.

— Благодарю...

Она чуть не плакала, такъ ей было больно обманывать его. Она всегда говорила съ нимъ откровенно и привыкла довѣрять ему; теперь же приходилось молчать... А съ какой радостью рассказала бы она ему все, всю свою несложную исторію, какъ она увлекалась мечтами, какъ эти мечты разлетѣлись въ прахъ и какъ она теперь вынуждена идти прямо на встрѣчу тому, чего она страшится, и чему обрекаетъ себя вполне сознательно! Какое было бы огромное облегченіе высказать все это хоть разъ въ жизни! Можетъ быть, онъ утѣшилъ бы ее, успокоилъ, чѣмъ—она и сама не знала, но твердо вѣрила, что только у него нашлось бы для нея утѣшеніе.

И вотъ, вмѣсто всего этого, она должна молчать; мало того;—улыбаться, притворяться счастливой, чтобы не выдать себя.

— А я какъ разъ сегодня переѣзжаю въ городъ,—сказалъ онъ, сопровождая слова эти такимъ страннымъ взглядомъ, что она потупилась и замолчала.

Молча прошли они до изгороди окружавшей садъ и дачу господъ Скогъ. Гильдуръ открыла калитку и вошла, полагая, что и онъ пойдетъ за нею; но громкое „прощайте!“ оставило ее.

— Здѣсь наши дороги расходятся,—сказалъ онъ, подавая ей руку черезъ низенькую изгородь, и прибавилъ съ принужденной усмѣшкой:—Навсегда!

— Какъ это навсегда?—переспросила она съ недоумѣніемъ.—Развѣ вы не будете бывать у насъ въ городѣ?

— Нѣтъ.

— Почему же?

— Потому что... Потому что не имѣю права бывать у васъ!—закончилъ онъ.

— Въ чемъ же дѣло? Что случилось?—спросила она.

— Развѣ вы не знаете? Я вѣдь люблю васъ!—говорилъ онъ негромко.

Густой румянецъ залилъ ея лицо. Она знала это, и все-таки его признаніе поразило ее, какъ неожиданный ударъ.

— Этого вамъ не слѣдовало говорить!—сказала она, поворачиваясь къ дачѣ.

— Вы уходите?

Она остановилась, не зная, на что рѣшиться.

— Я вѣдь зналъ, что мое признаніе прогонитъ васъ!— продолжалъ онъ.— Но мы видимся съ вами въ послѣдній разъ, и вы могли бы быть великодушнѣе и хотъ, по крайней мѣрѣ, проститься со мной.

Не поднимая головы, она вернулась и подала ему руку, которую онъ удерживалъ въ своей.

— Не правда ли, мы разстанемся съ вами друзьями?— спросилъ онъ.

— Да.

Онъ перевелъ духъ.

— А теперь,— продолжалъ онъ,— позвольте мнѣ сказать, что я доволенъ... Я доволенъ хотъ тѣмъ, что мое преступленіе не причинило никому зла... Съ какихъ поръ я люблю васъ, я и самъ не знаю. Знаю только, что послѣ вашей помолвки съ Сетомъ я жестоко страдалъ. Потомъ я сталъ убѣждать себя, что уже успокоился, и, понадѣявшись на свою разсудительность, вернулся въ домъ вашего брата. Но я ошибался, а опять уйти былъ не въ силахъ. Въ этомъ вся моя вина. Мнѣ не надо было видаться съ вами.

— Да, вамъ не слѣдовало дѣлать этого!—прошептала она.

Онъ провелъ рукой по волосамъ и проговорилъ угрюмо:

— Конечно, не слѣдовало... Но вѣдь не зналъ же я, что Сеть получитъ свободу... Кромѣ того...

— Что, кромѣ того?—переспросила она.

— Кромѣ того, мнѣ приходило въ голову, что... что, можетъ быть, Сеть Вурманъ не окажется въ концѣ концовъ тѣмъ героемъ, какимъ вы себѣ его вообразили. Въ такомъ случаѣ...

Она вырвала у него руку, хотѣла что-то сказать, но не промолвила ни слова.

— Да, да, это было нехорошо съ моей стороны,— продолжалъ Валеріусъ.— Выходило вѣдь, что я подсиживалъ своего друга! Онъ инстинктивно ненавидитъ меня, и я это заслужилъ.

Съ минуту оба молчали.

— Во всякомъ случаѣ, я не сдѣлалъ ему настоящаго зла!—сказалъ онъ въ заключеніе.— Вы любите его по прежнему... Стало быть, онъ именно таковъ, какимъ вы вообразили его, и я только помогъ вамъ добиться его свободы.

Она стояла неподвижно, точно не слушала его.

— Прощайте!—сказала она тихо и рѣшительно направилась къ дачѣ.

Онъ провожалъ ее глазами. Нѣкоторое время ея свѣтлое платье мелькало между кустами сада, потомъ она совсѣмъ скрылась, и въ глазахъ Валеріуса потемнѣло...

Онъ поднялся съ изгороди, поднялъ брошенную въ траву трость и вялой походкой побрелъ назадъ по тропинкѣ.

День былъ удушливый; солнце сильно припекало. Но онъ ничего не чувствовалъ, ничего не видѣлъ, и шелъ равнодушно, какъ человѣкъ, которому все равно, куда ни идти.

VIII.

Начало осени было ненастное. Постоянные дожди отравляли жизнь дачникамъ, и на улицахъ стали все чаще и чаще появляться возы возвращающихся въ городъ.

Скогъ переселялись обыкновенно не ранѣе сентября. Но такъ какъ въ этомъ году оказалось много дѣлавъ конторѣ, а погода стояла совсѣмъ не заманчивая, то Гуго уговорилъ жену съ сестрой вернуться въ городъ раньше, и въ концѣ августа они уже были опять на своей городской квартирѣ.

Лена все еще гостила на дачѣ у Ветерлинговъ. Старики привязались къ ней и не отпускали ее, уговаривая пожить съ ними до ихъ переѣзда въ городъ. Съ своей стороны, Сеть Бурманъ также поддерживалъ ихъ, находя, что Ленѣ вредно рано возвращаться въ душный городъ.

За нѣсколько дней до выборовъ онъ самъ пріѣхалъ къ Ветерлингамъ навѣстить дочь и отдохнуть послѣ усиленныхъ трудовъ. Онъ уже говорилъ свою первую рѣчь передъ избирателями, окончилъ длинный рядъ соотвѣтственныхъ статей въ газетѣ, и утомился до нельзя. Впрочемъ, все шло хорошо и, не смотря на нервное переутомленіе, онъ былъ доволенъ.

Правда, онъ замѣтилъ, что среди избирателей образовалась оппозиціонная ему партія. Но рѣчь его имѣла несомнѣнный успѣхъ, хотя и не единодушный, и Бурманъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ и ходилъ, высоко поднявъ голову. Онъ говорилъ, что чувствуетъ за собой цѣлую армию сторонниковъ.

День отдыха онъ охотнѣе провелъ бы съ Гильдуръ, чѣмъ въ обществѣ Лены и Ветерлинговъ. Но оказалось, что Гильдуръ уже приняла отъ какихъ-то знакомыхъ приглашеніе на

обѣдъ и не могла измѣнить своему слову. Пришлось удовольствоваться обществомъ друзей.

Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали на дачу Гаральдъ Ветерлингъ и еще нѣсколько ихъ общихъ знакомыхъ.

Лена въ своемъ новомъ платьѣ плѣняла всѣхъ мужчинъ. Старыя дамы нашептывали ей, что она просто обворожительна; мужчины утверждали то же самое, но украшали эту мысль еще и разными комплементами. Она принимала все это очень милостиво, однако, временами задумывалась и съ какой-то затаенной тревогой посматривала на отца. Безпокойство ея усиливалось всякій разъ, когда Бурманъ и Гаральдъ Ветерлингъ разговаривали вдвоемъ, и она замѣтно прислушивалась ко всему, о чемъ они говорили, не смотря на то, что разговаривали они, какъ и всегда, почти исключительно о своей газетѣ.

Повидимому, ее тревожило не содержаніе ихъ разговоръ, а та новая манера, съ какой Бурманъ разговаривалъ съ молодымъ Ветерлингомъ. Онъ бралъ его подъ руку и говорилъ, понижая голосъ, какъ говорятъ только съ лучшими друзьями. Притомъ, чѣмъ сдержаннѣе становился Гаральдъ, тѣмъ сердечнѣе и проще относился къ нему Бурманъ.

Лена хорошо знала, что каждый номеръ „Стража“ приноситъ довольно значительный убытокъ главному пайщику изданія, Гаральду Ветерлингу. Знала она и то, что Ветерлингъ далъ слово ея отцу не прекращать изданія до окончанія выборовъ. Стало быть, ея отецъ былъ крупнымъ должникомъ Ветерлинга и обязанъ ему кругомъ. Это-то и беспокоило Лену.

Недѣли двѣ назадъ, Гаральдъ говорилъ, что хочетъ прекратить убыточное изданіе. Но на слѣдующій же день рѣшеніе это было отмѣнено, и Лена почувствовала себя болѣе, чѣмъ когда-либо, угнетенной зависимостью отца. Теперь она со страхомъ поглядывала на него, стараясь угадать, въ какой степени онъ признаетъ себя должникомъ Ветерлинга.

Послѣ сытнаго обѣда все общество перешло въ садъ, куда подали кофе и ливеры. Лена, вспомнивъ, что уѣзжаетъ вмѣстѣ съ отцомъ дня на два въ городъ, подумала, что не мѣшало бы привезти Маѣ цвѣтовъ. Она встала, подошла къ старой госпожѣ Ветерлингъ и, опершись на спинку ея стула, тихонько попросила у нея позволенія набрать въ саду бузетъ.

— Конечно, дитя мое! — вскричала старушка. — Бери сколько хочешь. Не стоило и спрашивать.

Лена отошла къ цвѣтнику, и когда она скрылась за кустами, госпожа Ветерлингъ подозвала сына.

— Поди-ка,—шепнула она ему.—Срѣжь ей нѣсколько центифолій и еще чего-нибудь получше. А то она постѣснится срѣзать хорошихъ цвѣтовъ.

И вивнувъ сыну, она добродушно улыбнулась.

Гаральдъ сейчасъ же пошелъ къ Ленѣ.

Занятая своимъ дѣломъ и вдругъ неожиданно увидѣвъ его передъ собой, она даже вздрогнула.

— Вамъ, кажется, трудно справляться одной,—сказалъ онъ.—Позвольте помочь вамъ?

— Очень буду благодарна, если подержите цвѣты! — сказала она.—Въ самомъ дѣлѣ становилось затруднительно.

И она опять наклонилась надъ грядкой. За послѣднее время она стала гораздо развязнѣе, чѣмъ прежде. Но при Ветерлингѣ она терялась, была неловка и застѣнчива, потому что онъ продолжалъ за ней ухаживать, по прежнему очень церемонно, но тѣмъ не менѣе прилежно.

— Однако, не довольно-ли этой драки?—сказалъ онъ.— Вѣдь мама прислала меня сюда позаботиться, чтобы вы набрали хорошихъ цвѣтовъ. Пойдемте-ка къ розамъ!

Лена оживилась. Ее успокоило извѣстіе, что его прислала къ ней мать. Ловкимъ прыжкомъ перескочила она черезъ грядку и очутилась возлѣ Гаральда на дорожкѣ.

Когда было срѣзано порядочное количество пышныхъ розъ, Лена весело воскликнула:

— Довольно! довольно! Надо же оставить что-нибудь и вашей милой мамашѣ!

— Да и вамъ самимъ понадобятся цвѣты, когда вернетесь,—вставилъ Гаральдъ;—вѣдь вы вернетесь завтра вечеромъ?

— Да, завтра или послѣ завтра.

— Съ вашей стороны очень великодушно подарить намъ еще нѣсколько дней!—сказалъ онъ со своей обычной, нѣсколько чопорной учтивостью.— Ваше присутствіе положительно оживляетъ насъ всѣхъ...

Она поняла, что и ей нужно отвѣтить любезностью.

— Больше всего выигрываю вѣдь я,—сказала она.—Я провожу у васъ время такъ пріятно...

— Ну, нѣтъ! Пріятнѣе всего мнѣ! — объявилъ онъ съ увѣренностью.

— Полноте говорить глупости! — вырвалось у нея уже

совѣмъ не свѣтское возраженіе, и, сконфузившись, она склонилась къ кусту.

Гаральдъ Ветерлингъ не любилъ спорить, и возраженія всегда разжигали его. Притомъ же ему не понравилось, что она не обратила должнаго вниманія на ударенія, съ какими онъ говорилъ свои любезности.

— Увѣряю васъ, что это такъ! — сказалъ онъ. — Никогда еще мнѣ не бывало на дачѣ такъ весело, какъ нынѣшней осенью... и именно съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхали къ намъ вы. Неужели вы не вѣрите мнѣ?

— Нѣтъ!

Протянувъ этотъ отвѣтъ, она тихонько пошла по дорожкѣ впередъ, не побѣжавъ только изъ опасенія разсердить его, но въ душѣ ей хотѣлось какъ можно скорѣе вернуться къ остальному обществу.

Онъ пошелъ рядомъ съ нею.

— Скажите мнѣ, mademoiselle Лена! — заговорилъ онъ, помолчавъ. — Можете вы указать мнѣ случай, когда бы я отнесся къ кому-нибудь безчестно?

— Конечно, нѣтъ! — отвѣтила она торопливо и съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Или считаете вы меня неискреннимъ?

— Да нѣтъ же...

— Такъ зачѣмъ же вы говорите „нѣтъ“, когда я спрашиваю васъ, вѣрите ли вы мнѣ?

Лена покраснѣла и потупилась.

— А когда я говорю вамъ чистѣйшую правду, что для меня пріятнѣе всего, вы отвѣчаете: „полноте говорить глупости!“ — продолжалъ онъ распевать ее.

— Да я же теперь молчу... — возразила Лена съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— Но вы это сказали. Вашъ отецъ былъ ко мнѣ всегда очень добръ и снисходителенъ, mademoiselle Лена. Несмотря на то, что онъ стоитъ неизмѣримо выше меня, онъ всегда относился ко мнѣ, какъ къ другу, и... и... мнѣ кажется, что ему было бы пріятно, если бы и вамъ понравилось у насъ. Вотъ почему...

Онъ попытался уловить ея взглядъ, но она тревожно переводила глаза съ одного предмета на другой.

— Вотъ почему, — продолжалъ онъ, — съ вашей стороны было бы очень мило подарить намъ еще такое же лѣто!

— Благодарю васъ... Это очень любезное приглашеніе!.. Но до будущаго лѣта еще такъ далеко.

— Да мы предпочли бы видѣть васъ здѣсь и лѣтомъ, и зимою!—сказаль онъ торжественно.

Она промолчала.

— А и въ самомъ дѣлѣ до лѣта слишкомъ далеко! — поясниль онъ, понижая голосъ.

Она пробормотала что-то непонятное, стараясь казаться равнодушной.

— По крайней мѣрѣ, для меня будетъ не легко дожидаться такъ долго!—сказаль онъ еще тише и смолкъ.

Она не прерывала молчанія и нѣсколько шаговъ оба шли молча.

Въ это время очень кстати изъ рукавъ ея выскользнули ножницы, которыми она срѣзывала цвѣты. Это прервало томительную для обоихъ паузу. Съ негромкимъ „ай!“ наклонилась Лена поднять ножницы, но ее предупредилъ учтивый Ветерлингъ. Онъ подалъ ей ножницы и опять заговорилъ о томъ, что будетъ очень скучать зимой.

— Какъ бы я былъ счастливъ, если бы намъ удавалось видаться зимой чаще!—сказаль онъ, и не получая отвѣта, продолжалъ свои подходы со свойственной ему неторопливой настойчивостью.—Можетъ быть, и можно будетъ такъ устроить? Вы вѣдь понимаете меня? Вы согласны?

— Конечно!.. Только я не знаю..

Она хотѣла отвѣтить совсѣмъ другое. Хотѣе всего она бы просто убѣжала отъ него безъ всякаго отвѣта. Но она такъ боялась раздражить его, считая это очень опаснымъ для ея отца, что не посмѣла дать ему отрицательнаго отвѣта. Притомъ она была крайне смущена и сама не ясно сознавала, что говорила...

Между тѣмъ онъ овладѣль ея рукой, и глаза его за-сверкали.

-- Какая вы милая, Лена!—сказаль онъ горячо.—Стало быть, вы общаете?.. Вы согласны?.. Вы хоть сколько-нибудь расположены ко мнѣ?

Въ концѣ дорожки появились въ это время двѣ фигуры. Это были Сеть Бурманъ и старый заводчикъ. Гаральдъ тотчасъ же выпустиль руку Лены, но Бурманъ успѣль это замѣтить. Онъ улыбнулся Ленѣ очень многозначительно и весело... Надо сказать, что наружность ея отнюдь не опровергала его догадки. Она вся раскраснѣлась, и лицо ея выражало крайнее смущеніе; когда же старіе съ отцомъ стали подшучивать надъ нею, она совсѣмъ растерялась, и не смѣла разувѣрить ихъ въ ошибочности ихъ предположеній.

Впрочемъ, шутки скоро прекратились, такъ какъ Гаральдъ Ветерлингъ оказался въ крайне неотзывчивомъ настроеніи. Онъ держалъ себя торжественнѣе и недоступнѣе, чѣмъ когда-либо, и былъ не въ духѣ, какъ человекъ, которому помѣшали.

Тѣмъ не менѣе, отцы остались въ отличномъ настроеніи. Вмѣстѣ съ молодыми людьми они вернулись къ столу съ ликерами и потребовали, чтобы Гаральдъ и Лена выпили по рюмкѣ вмѣстѣ съ ними. Никакіе протесты не помогли, и пришлось чокнуться; но отъ тоста ихъ пока избавили.

Было уже совсѣмъ темно, когда къ пристани подошелъ послѣдній въ этотъ день пароходъ, и Сеть Бурманъ съ дочерью взошли на палубу.

Пароходъ сейчасъ же отчалилъ, и провожавшіе гостей хозяева въ послѣдній разъ помахали имъ съ пристани платками. Бурманъ отыскалъ на кормѣ диванчикъ, подальше отъ пассажировъ, и усѣлся тамъ рядомъ съ Леной.

Погода стояла превосходная. Несмотря на поздній вечеръ, воздухъ былъ теплый, какъ среди лѣта. Море разстилалось, какъ зеркало, отражая звѣздное небо и восходившую луну, къ которой тянулся по водѣ широкій серебристый столбъ.

Бурману было жарко. Онъ разстегнулъ пальто, сдвинулъ шляпу съ влажнаго лба на затылокъ и обмахивался платкомъ, поглядывая черезъ бортъ парохода; онъ любовался тихой ночью, чувствовалъ себя счастливымъ, и на все поглядывалъ веселымъ побѣдоноснымъ взглядомъ. Потомъ онъ посмотрѣлъ на дочь, и тотчасъ же выраженіе его взгляда сдѣлалось нѣжнымъ.

— Мой весенній цвѣточекъ! — сказалъ онъ мягко, привлекая ее къ себѣ. — Ты довольна?

— Да! — отвѣтила она едва слышно. Потомъ, какъ бы сознавая, что это надо подтвердить, она подняла глаза на отца, улыбнулась и опять потупилась.

Нѣкоторое время оба молчали. Онъ держалъ ее руку и тихонько поглаживалъ ее. Счастливая улыбка не сходила съ его устъ.

— А Гаральдъ Ветерлингъ славный малый! — сказалъ онъ вдругъ, какъ бы продолжая вслухъ свои размышленія. — У него есть и честь, и способности, и сила воли. Притомъ, онъ не шаркунъ, но въ немъ нѣтъ и ничего мѣщанскаго.

Можно поручиться въ томъ, что онъ пробьетъ себѣ отличную дорогу въ жизни. А главное, это — здоровая, сильная натура. Я люблю его, какъ истиннаго друга, какимъ онъ и показалъ себя въ критическія минуты. Такими людьми надо дорожить.

Онъ умолъ, ожидая, что она скажетъ что-нибудь въ подтвержденіе его похвалъ издателю „Стража“, но она не сказала ни слова, и онъ продолжалъ:

— Гаральдъ смѣлъ и великодушень. Въ отчаянной борьбѣ, которую мы ведемъ съ главенствующими партіями, онъ выказалъ себя не только храбрецомъ, но и честнымъ товарищемъ. Зато я увѣренъ, что каждый изъ насъ будетъ вознагражденъ по заслугамъ и пожнетъ прекраснѣйшіе плоды всѣхъ нашихъ усилій. Да, дитя мое! Теперь будущность представляется мнѣ озаренной яркимъ свѣтомъ. Становится правдоподобнымъ, что я выйду побѣдителемъ изъ борьбы, а тогда я буду въ силахъ вознаградить Гаральда за всѣ его жертвы, потому что тогда въ рукахъ у меня будетъ власть. Я не хочу сказать, что всякій представитель народа располагаетъ большой властью, но въ моихъ рукахъ депутатскія полномочія дадутъ большую власть. Кто обладаетъ даромъ слова, тотъ въ палатѣ всесилень... А у меня есть, что сказать, и говорить я умѣю.

Лена искоса посмотрѣла на отца, мягко озареннаго луннымъ свѣтомъ. Никогда еще она не видѣла его такимъ красивымъ, какимъ онъ былъ въ эту минуту! Во взглядѣ, во всей его фигурѣ, было гордое сознаніе своей силы. Онъ былъ величественъ. Вдобавокъ довольство и радость смягчали его выраженіе лица.

— Да, моя милая Лена! — сказалъ онъ, пожимая ей руку. — Ты вѣдь знаешь, что скоро состоится моя свадьба... Исполнится одно изъ самыхъ горячихъ моихъ желаній въ жизни... Можетъ быть, ожиданіе этого счастья и окрашиваетъ мнѣ все такимъ чуднымъ свѣтомъ. Во всякомъ случаѣ, я счастливъ и желалъ бы, чтобы и всѣ вокругъ меня были счастливы! Вѣдь и ты счастлива?

— Да, конечно...

Опять она сказала это безъ всякаго колебанія, но съ принужденной улыбкой, и слишкомъ ужъ торопливо.

Бя отецъ увидѣлъ въ этомъ только женскую робость и опять тихонько привлекъ дѣвushку къ себѣ.

— Дорогое дитя мое! — сказалъ онъ. — Ты вѣдь цвѣто-

чекъ, скрасившій всю мою жизнь! Какъ я радъ, что и твое сердце переполнено счастиемъ...

— О, папа!

Не отъ счастья, а отъ мучительной тревоги забилось ея сердце, и она съ усиленіемъ освободилась изъ объятий отца.

— Ну, ну, мы больше не будемъ говорить объ этомъ... ни слова!—усмѣхнулся онъ. — Успокойся, дитя. Но не можешь же ты помѣшать мнѣ радоваться тому, чему радуется и твое сердце... хотя бы и втихомолку.

— Да нѣтъ же, папа, ты ошибаешься.

— Ошибаюсь? Въ такомъ случаѣ, почему же ты такъ смутилась и покраснѣла? Ну, ну, молчу! Полюбуюсь лучше вмѣстѣ всей этой прелестью, которая насъ окружаетъ; а вотъ и городъ! Онъ точно ждетъ насъ и расцвѣтился разноцвѣтными огнями. Точно иллюминація! Давай воображать, что все это зажжено по случаю нашихъ радостей!

Онъ заботливо укуталъ плечи Лены концомъ своего пледъ и прижалъ ее къ своей груди.

IX.

Пробило четыре часа, — время, когда Валеріусъ имѣлъ обыкновеніе прекращать занятія въ конторѣ и обѣдать. Заслышавъ бой часовъ, онъ сложилъ конторскія книги на полку, замѣнулъ письменный столъ и вышелъ изъ кабинета.

На улицѣ онъ былъ не мало изумленъ, увидѣвъ передъ собой Лену. Она медленно прохаживалась по тротуару и видимо кого-то поджидала.

Увидѣвъ его, она оживилась и прямо пошла ему на встрѣчу.

— Мнѣ очень нужно поговорить съ вами!—сказала она торопливо и совсѣмъ не пытаясь придать встрѣчѣ видъ случайности. Повидимому, она была чѣмъ-то сильно взволнована...

— Не угодно ли войти?—предложилъ онъ, указывая на дверь конторы.

Этого она не желала.

— Такъ я васъ провожу. Вы, вѣрно, идете домой?

— Нѣтъ. Но это все равно. Пойдемте куда-нибудь... прямо...

Они пошли рядомъ, и Валеріусъ приготовился выслушать то, что она имѣла ему сообщить. Но они успѣли пройти

довольно длинную улицу до конца, а она все еще молчала. На свѣтскіе вопросы Валеріуса объ ея удовольствіяхъ на дачѣ, дѣлаемые только для того, чтобы не идти молча, она отвѣчала разсѣянно, односложно. Наконецъ, когда они свернули на бульваръ, Лена предложила Валеріусу посидѣть и, не дожидаясь отвѣта, опустила на первую попавшуюся на глаза скамейку. Но и здѣсь она не стала смѣлѣе. Молча выслушивала она все, что рассказывалъ Валеріусъ, старавшійся дать ей время оправиться, и разсѣянно поигрывала лентой отъ зонтика.

Къ нимъ подошла маленькая босоногая дѣвочка цвѣточница и жалобно предложила имъ свой товаръ. Валеріусъ выбралъ букетикъ изъ розъ и незабудокъ, бросилъ дѣвочкѣ монету и предложилъ букетикъ Ленѣ.

Она взяла, вся просіявъ отъ удовольствія, и озабоченность, такъ не шедшая къ ея хорошенькому еще дѣтскому личику, вдругъ разсѣялась, и въ лицѣ ея выразилась рѣшимость.

— Видите ли, въ чемъ дѣло,— сказала она. — Мнѣ бы надо узнать, какииъ путемъ удобнѣе всего ѣхать въ Берлинъ.

— Въ Берлинъ?

Онъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности и замолчалъ— на такія сложныя размышленія наводилъ его этотъ городъ.

— Да. Туда должна ѣхать одна моя знакомая.

Онъ сталъ обстоятельно объяснять преимущества и неудобства каждаго изъ существующихъ путей въ Берлинъ, въ то же время внимательно наблюдая за нею. Она слушала какъ-то напряженно, дѣлая по временамъ замѣчанія, показывавшія, что она много думала объ этомъ путешествіи. Особенно его поразила лихорадочность, съ какою она относилась къ вопросу.

— Вѣдь ваша знакомая поѣдетъ, конечно, не одна?— сказалъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ, одна.

— А не лучше ли было бы, если бы она искала попутчиковъ? Есть вѣдь много одинокихъ дамъ, которыя были бы въ восторгѣ ѣхать вдвоемъ.

— Ей некогда искать попутчицы.

— Вотъ какъ? Значитъ, она ѣдетъ очень скоро.

— Да.

Отвѣты становились все глуше и голова дѣвушки опускалась все ниже и ниже.

— Послушайте, Лена,—сказаль онъ мягко.— Неужели вы сами хотите ѣхать въ Берлинъ.

— Да, я сама,—отвѣтила она, помолчавъ.

— Къ вашей матери?

— Да.

Она низко склонялась надъ букетомъ, и за широкими полями ея шляпы онъ не могъ уловить выраженія ея лица.

— Значить, вы хотите оставить отца?

— Да.

— Навсегда?

— Да.

— И онъ согласенъ?

— Онъ еще ничего не знаетъ.

— Что вы говорите! Но вѣдь переговоры же вы съ нимъ прежде, чѣмъ уѣдете?

— Нѣтъ.

Съ минуту онъ помолчаль, озадаченный такимъ сообщеніемъ. Онъ не могъ понять, для чего это ей вздумалось запутать именно его въ свою продѣлку, и зачѣмъ это она бѣжить изъ дому?

— Скажите пожалуйста, Лена,—проговорилъ онъ, наконецъ,—почему вы довѣряете эту тайну мнѣ. Неужели вы думаете, что я тоже буду скрывать ее отъ вашего отца?

Она посмотрѣла на него съ испугомъ.

— Ради Бога, не говорите ему!—вскричала она.

— Вы сами понимаете, что я долженъ это сдѣлать. Если вамъ не хотѣлось этого, такъ не слѣдовало рассказывать мнѣ.

Раза два она нерѣшительно вскидывала на него глаза и всякій разъ снова потуплялась надъ цвѣтами. Но вдругъ она остановила на немъ робкій взглядъ и сказала совсѣмъ дѣтскимъ голосомъ:

— Я хотѣла узнать, одобрите ли вы мое рѣшеніе ѣхать. Видите ли, я не могу оставаться здѣсь дольше... Это невозможно... совсѣмъ невозможно!

Она помнила, что сидить на бульварѣ, на виду у всѣхъ прохожихъ, и это давало ей силы сдерживаться. Тѣмъ не менѣе, ея негромкія слова прозвучали, какъ крикъ отчаянія, настоящаго дѣтскаго отчаянія. Личико ея какъ-то перекосилось; видно было, что она едва сдерживала рыданія.

Ему стало жаль ея.

— Но почему же невозможно?—спросилъ онъ, какъ спрашиваютъ ребенка о его горѣ, чтобы скорѣе утѣшить его.

— Потому... потому, что я не могу здѣсь остаться иначе... иначе, какъ выйдя замужъ!

И она посмотрѣла на него такъ пристально, точно хотѣла узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на него новость. Но онъ, хотя немножко и удивился, но отнесся къ новости очень спокойно.

— Почему вамъ необходимо выйти замужъ? — спросилъ онъ.

— Потому что папа этого хочетъ. Онъ думаетъ, что и я довольна... Онъ счелъ бы меня чудовищемъ неблагодарности, еслибъ я стала противиться. Если я останусь, поневолѣ мнѣ придется выйти замужъ. А я не хочу! И вотъ, нѣтъ другого выхода, какъ уѣхать...

Она говорила торопливо, захлебываясь, точно слова сами собой вырывались изъ ея спертой груди.

Валеріусъ далъ ей время успокоиться и сталъ мягко уговаривать ее. По его мнѣнію, ей слѣдовало откровенно поговорить съ отцомъ, объяснивъ ему, что, въ этомъ случаѣ, она не въ силахъ поступить согласно его желанію. Это можно сдѣлать спокойно, не раздражая его.

Но при одной мысли объ объясненіи съ отцомъ Лена заволновалась больше прежняго. Нечего и думать объ этомъ! Прежде всего, она не съумѣетъ объяснить съ нимъ. Отецъ вообразилъ, что она любитъ того, кого онъ предназначилъ ей въ женихи, а она не привыкла говорить съ нимъ прямо... Положимъ, онъ не станетъ принуждать ее... Но все-таки выйдетъ такъ, что она поступитъ въ концѣ концовъ, какъ онъ хочетъ. Немыслимо жить съ нимъ, не исполняя его желаній. Она не бралась объяснить, почему это такъ. Но это было такъ!

Валеріусъ задумался. Онъ понялъ, что уговаривать Лену бесполезно.

— Наконецъ,— вдругъ горько прибавила она,— кому я здѣсь нужна? Папа съ Гильдуръ будутъ и безъ меня очень счастливы; имъ я только обуза... А тамъ бѣдная мама одна, и тоскуетъ по мнѣ. У нея вѣдь нѣтъ никого... рѣшительно никого. Когда я написала ей и попросила ее согласиться на желаніе папы—я вѣдь сдѣлала это...

— Я догадывался,— сказалъ Валеріусъ.

— Неужели?—удивилась она.

— Да вѣдь вы сами говорили какъ-то о дѣлахъ вашего отца въ такихъ выраженіяхъ, что я долженъ былъ понять ваши отношенія къ матери. Но это меня не касалось, и я не сталъ васъ спрашивать.

Она помолчала, точно припоминая и обдумывая что-то, но затѣмъ заговорила снова.

— Такъ вотъ... Когда я написала мамѣ объ этомъ, она сначала соглашалась, только съ тѣмъ, чтобы я сейчасъ же переѣхала къ ней. Но тогда мнѣ показалось это невозможнымъ. Въ концѣ концовъ она все-таки сдѣлала такъ, какъ я просила, и написала мнѣ: пріѣзжай ко мнѣ, когда твоя любовь къ матери будетъ сильнѣе того, что удерживаетъ тебя тамъ.

Она ждала, что онъ что-нибудь скажетъ, но онъ молчалъ.

— Потомъ, она прислала мнѣ деньги на дорогу...—привадила она.

— Вы очень любите вашу мать?

— Да, очень. Кромѣ того, она такъ несчастна. Скажите же, ѣхать мнѣ, или нѣтъ?

И она замерла въ ожиданіи отвѣта; губы ея вздрагивали. Она чего-то страшно боялась, и въ то же время на что-то надѣялась.

Валеріусъ внимательно посмотрѣлъ на нее. Онъ думалъ, что врядъ ли ей полезно оставаться въ домѣ отца, гдѣ испытываемый гнетъ только развивалъ въ ней рабскую скрытность, и гдѣ у нея не было руководительницы.

— По моему,—сказалъ онъ,—если ужъ все такъ устроилось, вамъ было бы полезно уѣхать на время къ вашей матери. Но прежде всего вы должны получить на это согласіе вашего отца.

Она задрожала, опустивъ голову.

— Понимаете?—продолжалъ онъ.—Вы непременно должны переговорить съ отцомъ до принятія окончательнаго рѣшенія.

Она подняла на него неподвижный взглядъ.

— Если вы находите, что мнѣ слѣдуетъ ѣхать, я такъ и сдѣлаю!—сказала она глухо.

— Но, прежде всего, переговорите съ отцомъ!—повторилъ онъ.

— Я поѣду и... и никогда не вернусь!—сказала она тихо.

— Когда же вы поѣдете?

— Не знаю. Я ничего не знаю... Прощайте!

Она быстро поднялась и ушла бы отъ него, не простившись, если бы онъ самъ не пошелъ съ нею рядомъ.

— Послушайте, Лена!—сказалъ онъ съ нѣкоторой тревогой.—Вы должны мнѣ обѣщать, что до отъѣзда поговорите

съ вашимъ отцомъ. Иначе, мнѣ придется сдѣлать это... даже сейчасъ.

— Будьте покойны!—сказала она, останавливаясь и подавая ему руку.—Я скажу ему о своемъ рѣшеніи. Прощайте же, господинъ директоръ!

Она какъ-то 'вдругъ успокоилась и говорила уже своимъ обычнымъ голосомъ, даже улыбаясь. Теперь это была обыкновенная воспитанная дѣвушка, любезно прощавшаяся съ другомъ своего отца и не забывавшая, что она на улицѣ.

Валеріусъ тихо пошелъ дальше, провожая глазами Лену, свернувшую въ боковую улицу. Что-то въ ея манерахъ возбуждало въ немъ безпокойство. Во всякомъ случаѣ, это была престранная дѣвушка, запутавшая его въ свою таинственную исторію!

Между тѣмъ Лена быстро шла по тротуару, все прибавляя шагу.

— Онъ сказалъ, что мнѣ слѣдуетъ ѣхать... Онъ сказалъ это... Онъ сказалъ это...—повторяла она, судорожно сжимая въ рукѣ его букетикъ.

Черезъ четверть часа она была уже дома.

Въ ея комнатѣ лежалъ на стулѣ саквояжъ съ уложенными, для поѣздки къ Ветерлингамъ, вещами. Она раскрыла его, положила еще нѣсколько бездѣлушекъ и послала Маю за каретой. При этомъ она объяснила, что беретъ карету для того, чтобы никто не провожалъ ее на пароходную пристань. Съ отцомъ, которому до самаго обѣда нужно было просидѣть въ редакціи, она простилась еще утромъ.

Пока Мая ходила за каретой, Лена медленно обошла всѣ комнаты, со слезами оглядывая старые предметы, слившіеся въ ея представленіи съ понятіемъ о родномъ пепелищѣ. Дольше всего она оставалась въ комнатѣ отца. Она бережно поставила его туфли на привычное мѣсто, сама постлала ему на ночь постель, потомъ спрятала лицо въ его халатъ, висѣвшій возлѣ кровати, и горько заплакала. Но вотъ раздался звукъ отпираемой въ передней двери. Она быстро отерла слезы, еще разъ склонилась надъ подушкой отца, и вышла.

Это была Мая, объявившая, что карета готова.

Когда саквояжъ былъ уже вынесенъ въ переднюю, и Лена стояла въ пальто, вдругъ она бросилась на шею къ своей старой нянѣ и чуть не задушила ее въ объятіяхъ. Прощанію, казалось, не будетъ конца.

— Ну, ну... что съ тобой, дитя мое?—проговорила наконецъ старуха.—Вѣдь не надолго же ты покидаешь насъ...

Лена ничего не отвѣтила и, глотая слезы, быстро стала спускаться съ лѣстницы.

— Милая Мая,—сказала она, пока старуха укутывала ей ноги пледомъ.—Когда папа вернется, скажи, что я поцѣловала его подушку...

Карета покатила. На тротуарѣ осталась только Мая, улыбающаяся вслѣдъ своей любимицѣ и махавшая ей платкомъ.

Х.

Разставшись съ Леной, Валеріусъ сожалѣлъ, что не удержалъ ее, не проводилъ ее домой. Правда, она обѣщала связать отцу о принятомъ рѣшеніи... Но въ этомъ обѣщаніи было что-то уклончивое. Что, если она просто оставитъ письмо?

И ему стало ясно, что дѣвочка одурачила его. Послѣ обѣда его безновоество дошло до того, что онъ рѣшилъ пойти къ Бурману и еще разъ поговорить съ Леной, или же предупредить Сета.

На квартирѣ Бурмана никого, кромѣ старой Маи, не оказалось. Отъ нея Валеріусъ узналъ, что докторъ опять ушелъ въ редакцію и не вернется раньше поздней ночи, а барышня уѣхала на дачу.

Сомнѣнія Валеріуса еще усилились. „Уѣхала на дачу!—думалъ онъ.—А что, если она съ дачи махнетъ въ Берлинъ, а то и теперь уже уѣхала туда?“

Оставалось одно: не теряя времени, предупредить отца.

Валеріусъ отправился въ редакцію „Стража“, но Бурмана тамъ не оказалось. Онъ снова пошелъ къ нему въ домъ, но дома Бурмана еще не было. Очевидно, онъ ушелъ куда-нибудь прямо изъ редакціи.

Раздосадованный всѣми этими неудачами, Валеріусъ попросилъ Маю передать доктору, что заходилъ къ нему по спѣшному дѣлу, и хотѣлъ уже идти домой, какъ вдругъ ему въ голову пришла новая мысль. Вѣдь онъ можетъ поговорить съ господами Скогъ! Они могутъ повліять на Лену и, если еще не поздно, отговорить ее отъ легкомысленнаго поступка, вовсе и не тревожа Бурмана. Такъ было бы даже лучше, потому что представилась бы возможность пощадить впечатлительнаго Сета, котораго глубоко огорчило бы такое явное недовѣріе дочери.

Сообразивъ это, онъ поднялся опять по лѣстницѣ и позвонилъ у дверей негоціанта Скога. Ему отперли, но оказа-

лось, что неудача продолжала его преслѣдовать: самъ Скогъ былъ въ отъѣздѣ, а госпожа Скогъ нездорова и лежитъ въ постели.

— Впрочемъ, барышня дома,—прибавила горничная.— Если господину директору очень нужно, можно доложить барышнѣ.

Валеріусъ задумался. Съ Гильдуръ онъ не встрѣчался съ той минуты, какъ простился съ нею черезъ каменную ограду. Вѣдь они простились тогда навсегда... Всякая новая встрѣча была бы только лишней мукой. Лучше не встрѣчаться... Но Лена?.. Кто знаетъ, можетъ быть, все счастье Сета зависить теперь отъ своевременности предупрежденія о томъ, что задумала Лена!..

— Скажите барышнѣ,—проговорилъ онъ твердо,— что необходимо переговорить объ одномъ спѣшномъ дѣлѣ съ барыней, но, такъ какъ она не можетъ принять меня, то я долженъ побеспокоить барышню.

Горничная раскрыла двери въ гостиную и пошла доложить. Черезъ минуту вошла Гильдуръ.

Она подошла къ нему, смотря на него холодно и вопросительно. Онъ тоже церемонно раскланялся и тотчасъ же изложилъ, въ чемъ дѣло, не принявъ даже предложеннаго стула.

Выраженіе лица Гильдуръ сразу измѣнилось. Разсказъ Валеріуса сильно взволновалъ ее, и едва онъ смолкъ, какъ она вскричала:

— Да вѣдь это ясно. Она любила васъ!

— Меня?

Онъ спокойно улыбнулся, какъ бы давая понять, что не стоитъ даже обсуждать такое предположеніе.

— Да, васъ!—съ увѣренностью подтвердила Гильдуръ.— Иначе бы она не довѣрилась вамъ.

— Позвольте. Но она вѣдь довѣрилась и вамъ!—возразилъ онъ.

— Нѣтъ, никогда она мнѣ не довѣрилась.

— Однако, призналась же она вамъ, что переписывается съ своей матерью?

— Нѣтъ, никогда!

Сказавъ это, она спохватилась, что выдала свою тайну, и покраснѣла такъ, что у ней выступили на глаза слезы. Она увидѣла по его лицу, что онъ понялъ ее, и это еще увеличило ея смущеніе.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, схватившись за спину ближайшаго стула.

— Стало быть... стало быть, не вы попросили Лену написать ея матери?—спросилъ онъ.

Не стоило, да и не нашлось словъ отпираться! По его глазамъ, по напряженному выраженію всего его лица, видно было, что онъ сумѣетъ добиться истины, какъ бы ее ни прятали. Главное-то вѣдь онъ зналъ.

По жѣрѣ того, какъ смущеніе ея росло, глаза его наполнились кажимъ-то внутреннимъ блескомъ. Ей невыносимо становилось оставаться подъ его пристальнымъ, радостнымъ взглядомъ, и она отвернулася. Но вдругъ сознаніе своего пораженія и безсилія возмутило ее, и, обернувшись къ нему, она вызывающе посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Такъ не вы попросили Лену?—повторилъ онъ вопросъ.

— Нѣтъ. Она только предупредила мое намѣреніе. Это простая случайность.

— Конечно, конечно!..

Лицо его совсѣмъ просвѣтлѣло. Онъ забылъ даже Лену и дѣло, съ которымъ пришелъ,—такъ его поразило сдѣланное случайно радостное открытіе.

Гильдуръ схватила съ обѣими руками за голову и сознавая, что не стоитъ больше притворяться, желала только одного, чтобы онъ пересталъ на нее смотрѣть. Его взглядъ точно пронизывалъ и мучилъ ее. Она чувствовала, что не должна больше видѣть его... никогда въ жизни!

— Уйдите же!.. Пожалуйста, уйдите!—проговорила она съ мольбой, сознавая, что теряетъ всякое самообладаніе.

Онъ вдругъ точно опомнился, и взялся за шляпу.

— Я исполню ваше желаніе,—сказалъ онъ покорно.— Я исполню всякое ваше желаніе!

Онъ поклонился и пошелъ къ дверямъ. Но раздался звонокъ, и послышался въ передней голосъ Сета Бурмана. Онъ говорилъ такъ громко, что изъ залы было слышно каждое слово.

— Мая сказала мнѣ,—говорилъ онъ горничной,— что директоръ два раза разыскивалъ меня и, какъ ей показалось, зашелъ сюда?

Гильдуръ бѣгомъ бросилась въ переднюю и сказала Сету, что Валеріусъ здѣсь, въ гостиной.

Онъ вошелъ, но, не дойдя еще до Валеріуса, остановился и подозрительно посмотрѣлъ сперва на него, потомъ на Гильдуръ. Въ ихъ лицахъ было что-то особенное, сразу бросившееся ему въ глаза.

Однако, онъ поборолъ свою подозрительность и поздоровался съ Валеріусомъ безъ враждебности.

— Ты искалъ меня?—сказалъ онъ.—Тебѣ надо сообщить мнѣ что-то спѣшное?

— Да, я хотѣлъ поговорить съ тобой объ одномъ обстоятельстве...

Изложить это „обстоятельство“ оказалось такъ трудно, что Валеріусъ остановился на полусловѣ.

— Ну, въ чемъ дѣло?—нетерпѣливо спросилъ Бурманъ.

Волей-неволей приходилось говорить все, какъ было.

— Видишь ли Сеть, предупреждаю тебя, что, можетъ быть, вся поднятая мною тревога—совершенный вздоръ,—началъ онъ, прохаживаясь рядомъ съ Бурманомъ по комнатѣ,—но поговорить съ тобой я все-таки обязанъ. Не находишь ли и ты, что твоя дочь бываетъ иногда эксцентрична?

— Лена? Нѣтъ, вовсе не нахожу!

Бурманъ даже усмѣхнулся, но тотчасъ же опять сталъ серьезенъ. Его безпокоило то, что Валеріусъ точно готовлялъ его къ чему-то.

— По какому это случаю ты заговорилъ объ этомъ?—спросилъ онъ.

— Я случайно встрѣтилъ ее сегодня, и она сказала мнѣ, что собирается уѣзжать.

— Да, она и уѣхала.

— На дачу, да! Но она собиралась ѣхать гораздо дальше. Она спрашивала у меня, какъ удобнѣе проѣхать въ Берлинъ.

Дѣло было сдѣлано!

Разсказывать было очень неприятно; такъ какъ Бурманъ съ высокоуміемъ посматривалъ на разсказчика, и тотъ чувствовалъ себя въ положеніи школьника.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ, выслушавъ все до конца.—Она получила письмо отъ своей матери?

— Да. По крайней мѣрѣ, такъ я понялъ изъ ея словъ.

Сеть Бурманъ забарабанилъ пальцами по столу.

— И теперь она хочетъ ѣхать къ ней?—спросилъ онъ.

— По совѣсти говоря, мнѣ, право, неприятно вмѣшиваться во все это и дѣлаться ея предателемъ. Но приходится говорить, чтобы не чувствовать себя ея сообщникомъ противъ тебя... Конечно, въ томъ случаѣ, если она въ самомъ дѣлѣ совершить что-нибудь необдуманное. Дѣло въ томъ, что, повидимому, она боялась какого-то рѣшенія ея будущности, что-ли... Не знаю! Она говорила только, что не можетъ поступить согласно твоему желанію, но не въ силахъ и противиться тебѣ... Знаю только, что все это ее

ужасно огорчало, и что она, видимо, любить тебя очень горячо. Можетъ быть, ей пришло въ голову уѣхать къ матери только для того, чтобы не видѣть твоего недовольства ею... Во всякомъ случаѣ, теперь тебѣ извѣстно то, что творится въ ея головѣ; и ты можешь успокоить ее.

Сетъ Бурманъ съклонилъ голову и задумался, стараясь разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ.

Лена въ романической роли принуждаемой невѣсты! Лена готова уѣхать отъ него только для того, чтобы не быть вынужденной противостоять его намѣреніямъ!

Но гдѣ же тутъ смыслъ?

Бурманъ былъ совершенно увѣренъ, что Гаральдъ Ветерлингъ, вѣдь, ей нравился—онъ ручался за это чѣмъ угодно. Притомъ никакого рѣшенія отъ нея еще и не требовалось.

Вдругъ Бурманъ поднялъ голову и разсмѣялся.

— Ну, и наговорилъ же ты! — сказалъ онъ, продолжая смѣяться. — Пойми же, что все это вздоръ, надъ которымъ можно только посмѣяться.

— Да, да, конечно, очень возможно, что она говорила не серьезно! — согласился Валеріусъ. — Въ такомъ случаѣ можешь отъ души посмѣяться надо мной.

— Почему она тебя взяла въ повѣренныя? — продолжалъ посмѣиваться Бурманъ. — Тебя, чужого ей человѣка, когда у нея есть отецъ, и болѣе близкіе друзья!..

Валеріусъ опять взялъ со стола шляпу.

— Да, все это очень странно! — сказалъ онъ. — Можно приписать это нервному возбужденію, подъ вліяніемъ котораго она довѣрилась первому встрѣчному. А можетъ быть, — онъ добродушно улыбнулся, — она просто подшутила надо мной...

Сославшись на слѣпныя дѣла, онъ прибавилъ, что долженъ идти домой и сталъ прощаться, еще разъ выразивъ надежду, что потревожилъ всѣхъ понапрасну. Но, уже въ дверяхъ, онъ сказалъ Бурману.

— А все-таки ты лучше скорѣе поговори съ дочерью.

— Я завтра же поѣду на дачу. Во всякомъ случаѣ, спасибо.

Это „спасибо“ сопровождалось взглядомъ, въ которомъ выражалось все, что угодно, только не благодарность. Въ эту минуту Бурманъ отъ души ненавидѣлъ своего стараго товарища, и почти не скрывалъ этого.

Когда Валеріусъ вышелъ, Сеть Бурманъ подошелъ къ Гильдуръ, которая все время оставалась въ сторонѣ, не вмѣшиваясь въ разговоръ мужчинъ.

— Для этого-то онъ и прибѣжалъ сюда?—спросилъ Бурманъ.—Только ради этой глупой исторіи?

— Да.

Гильдуръ взяла съ рабочаго столика Гертрудъ клубокъ шерсти и разсѣянно поигрывала съ нимъ, наматывая шерсть на пальцы.

— Это на него похоже!—усмѣхнулся Сеть.—Ну, конечно, теперь онъ бѣгаетъ повсему городу и всюду рассказываетъ, что я безчеловѣчный отецъ, отъ котораго готова бѣжать родная дочь.

— Онъ хотѣлъ только, чтобы кто-нибудь изъ насъ поговорилъ съ Леной, чтобы образумить ее. Онъ предпочелъ бы даже вовсе не огорчать тебя этой исторіей и предоставить все дѣло мнѣ или Гертрудъ.

Бурманъ расхохотался.

— Ну, и наивна же ты!—сказалъ онъ.— Неужели ты ничего не понимаешь? Неужели ты не видѣла даже того, что онъ торжествовалъ? Вѣдь это его излюбленная идея, что я не знаю людей даже самыхъ мнѣ близкихъ. Какъ же ему не радоваться случаю, который даетъ ему возможность говорить: вотъ видите,—онъ такъ далеко отъ своей родной дочери, что даже тогда, когда она собирается отъ него бѣжать, онъ не можетъ понять, чѣмъ она недовольна!

— О, Сеть!—вскричала Гильдуръ укоризненно, испуганная мыслями, назойливо лѣвшими ей въ голову.

— Да, да,—продолжалъ между тѣмъ Бурманъ.— Приблизительно я даже могу себѣ представить, какъ дѣло было въ дѣйствительности. Она получила письмо отъ матери. Это правдоподобно. Та поняла, вѣроятно, что бесполезно пытаться препятствовать моему браку съ тобой, но захотѣла отомстить мнѣ иначе. Для этого она вздумала уговорить Лену бросить меня и потребовала, чтобы та сохранила ея письмо отъ меня въ тайнѣ. Дѣвочкѣ, конечно, и въ голову не приходило ухѣтать... Но она дитя, совершенное дитя. И вотъ ей вздумалось похвастаться передъ Валеріусомъ, что у нея тоже есть тайны, и что она можетъ хѣтать и въ Берлинъ, если только захочетъ. Вотъ и все. А что касается романической исторіи, то, можетъ быть, Лена вздумала поинтересничать, или же Валеріусъ просто все перевралъ. Ко-

нечно, такъ! И вдругъ онъ прибѣгаетъ съ извѣстіемъ, что она собирается бѣжать. Бѣжать отъ меня, съ которымъ она столько лѣтъ жила душа въ душу! Мы вдругъ не поняли другъ друга... Мой весенній цвѣточекъ, моя ласковая дѣвочка, которая такъ любитъ меня—она вдругъ станетъ бояться меня, вздумаетъ повинуть меня, уйти къ женщинѣ, которая столько лѣтъ не думала о ней, которая безбожно бросила ее и меня! Да развѣ ты не видишь, что все это сущій вздоръ? Онъ лжетъ, вотъ и все!

Гильдуръ продолжала молчать. „Бѣдный Сетъ! Бѣдный Сетъ!“—шепталъ ей кто-то внутри, въ ея душѣ.

— Что же ты молчишь, Гильдуръ? — сказала онъ. — Скажи же, что ты тоже думаешь, что онъ лжетъ.

— Нѣтъ, онъ не лжетъ!—отвѣтила она отрывисто. Несмотря на всю жалость къ Бурману, она вдругъ почувствовала раздраженіе, которое вызывала въ ней его несправедливость къ Валеріусу.

— Во всякомъ случаѣ, онъ все преувеличилъ, чтобы порисоваться?

— Никогда онъ этого не дѣлаетъ.

— Вотъ какъ!?—Онъ пытливо посмотрѣлъ ей въ лицо.— Такъ что, по твоему, онъ просто заблуждается отъ избытка воображенія, что ли?

— Напротивъ, онъ всегда разсудительнѣе, и тебя, и меня.

— Чортъ возьми! Да что жъ онъ сталъ твоимъ богомъ, что ли?

— Нѣтъ, но я не въ силахъ оставаться равнодушной, когда ты такъ несправедливо относишься къ человѣку.

Онъ вдругъ сдѣлался неестественно спокоенъ и холоденъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, кажется, дѣло зашло дальше, чѣмъ я допускалъ,—сказалъ онъ.— Этотъ интриганъ вкрался въ душу и къ тебѣ, и къ Ленѣ...

— Сетъ!—вскричала она, и смолкла.

— Онъ всегда преслѣдовалъ меня своими кознями, во всемъ мѣшалъ и вредилъ. А когда оказалось, что я слишкомъ хитеръ для того, чтобы попасться въ его сѣти, онъ нашелъ средство поразить меня еще глубже: онъ подкрался ко мнѣ, какъ воръ, и укралъ ваше довѣріе, довѣріе моего ребенка и твое. Онъ подлець!

Вся его ненависть къ бывшему другу, эта ненависть, выросшая на почвѣ оскорбленнаго тщеславія и мелочной подозрительности, выразилась въ томъ злобномъ взглядѣ, которымъ сопровождалась эти слова.

Гильдуръ вспыхнула. Она съ негодованіемъ посмотрѣла на Сета и проговорила смѣло:

— Неправда, Сеть! Онъ не могъ украсть того, чего у тебя никогда не было, чего ты и не добивался отъ насъ.

Онъ промолчалъ, пораженный ея словами.

— Я никогда не владѣлъ вашимъ довѣріемъ?—спросилъ онъ наконецъ.—Твоимъ и Лены?

— Никогда. Ты только великодушно дарилъ намъ свое. Но о томъ, что мы думали, что мы чувствовали, ты и не спрашивалъ. Для тебя это было безразлично. Ты много говоришь о свободѣ личности, но самъ признаешь только свою собственную личность! Что ты знаешь о Ленѣ? Что ты знаешь обо мнѣ? Ничего. Мы знаемъ тебя, но насъ ты и знать не хочешь. Мы не виноваты, что остались для тебя совершенно чужими.

Это были ея сокровеннѣйшія мысли о немъ, и она высказала ихъ съ такой силой, что онъ невольно почувствовалъ всю глубину упрека, хотя и не понималъ своей вины. Впрочемъ, больше всего онъ почувствовалъ только негодованіе по поводу того, что она смѣла такъ выразиться о немъ. И это послѣ того, какъ она только что заступалась за другого! Сопоставляя эти два впечатлѣнія, онъ вскричалъ съ негодованіемъ.

— Стало быть, ты менѣе чужда Валеріусу, чѣмъ мнѣ?

— Да.

Она отвѣтила громко и ясно, вполне сознавая, что дѣлаетъ. Ей даже доставило въ эту минуту наслажденіе высказать, наконецъ, всю правду. Точно вышла она изъ душнаго, зачумленнаго погреба на свѣжій воздухъ и вздохнула, наконецъ, полной грудью!

Сеть Бурманъ схватилъ ее за плечо.

— Въ такомъ случаѣ ты любишь, конечно, его, а не меня?—вскричалъ онъ.

Услышавъ это заключеніе, она опомнилась. Весь ея задоръ исчезъ—ее охватилъ ужасъ. Господи, что наговорила она въ своемъ безумномъ увлеченіи!!

— Нѣтъ, Сеть, — сказала она тихо. — Ты знаешь, что этого нѣтъ. Я хочу любить только тебя...

— Да, но ты не можешь! Такъ вѣдь?

— Нѣтъ, нѣтъ... Я могу тебя любить, и люблю тебя. Я только хотѣла сказать, что полюбила бы тебя еще больше... неизмѣримо больше... если бы...

— Если бы ты не была мнѣ чужая? Да?

И онъ грубо оттолкнулъ ее. Она опустилась на стулъ и заплакала.

— Мнѣ слѣдовало понять это раньше, — сказалъ онъ мрачно. — Я вѣдь видѣлъ еще тогда, что тебя ничуть не порадовало извѣстiе о моей свободѣ... Слѣдовало тогда понять, что ты разлюбила меня.

— Сеть, Сеть, не говори такъ...

Но онъ уже не слушалъ ея. Онъ стоялъ въ раздумьи, и не пошевелился даже, когда Гильдуръ подошла къ нему, взяла за руку и стала нѣжно увѣрять его въ своей любви. Онъ какъ-бы не слышалъ ни одного слова изъ всего, что она говорила, и не обращалъ на нее никакого вниманiя.

— Выходить, что онъ былъ правъ! — проговорилъ онъ, наконецъ. — Я не знаю людей, не знаю даже самыхъ близкихъ мнѣ людей!

Глаза его сверкнули.

— А мое дитя? Неужели я ошибся и въ своемъ родномъ ребенкѣ? Это мы еще посмотримъ! Это мы сейчасъ же узнаемъ! Сегодня же она будетъ здѣсь...

Онъ швырнулъ державшую въ рукахъ книгу и быстро пошелъ въ кабинетъ Скога. Гильдуръ поняла, что онъ идетъ къ телефону, и въ страхѣ пошла за нимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ подошелъ къ аппарату и, позвонивъ, велѣлъ соединить себя съ дачей Ветерлинговъ. Потомъ онъ опять позвонилъ и приложилъ слуховую трубку къ уху.

Ему пришлось ждать довольно долго, такъ какъ въ домѣ никого не оказалось. Наконецъ, кто-то откликнулся: Но это была не Лена.

— Развѣ Лены нѣтъ дома? Вѣрно, она гуляетъ? — спросилъ Бурманъ.

Ему что-то отвѣтили.

— Быть не можетъ! — крикнулъ онъ, и повѣсилъ трубку на мѣсто.

Когда онъ обернулся къ Гильдуръ, она тоже невольно вскрикнула. Его нельзя было узнать, такъ исказились его черты отъ горя.

— Сеть! Что случилось? — вскричала Гильдуръ.

— Она туда не прiѣзжала, — отвѣтилъ онъ беззвучно.

Въ комнатѣ воцарилось безмолвiе. Онъ держался за ручку дивана, точно не надѣясь устоять на ногахъ. Голова его без-

сильно опустилась на грудь. Безпомощно, жалобно оглядывался онъ по сторонамъ, и Гильдуръ казалось, что онъ какъ-то мгновенно постарѣлъ на десятки лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, въ наружности этого человѣка теперь уже ничто не напоминало прежняго гордаго Сета Бурмана, который одинаково высоко поднималъ смѣлую голову и въ счастіи, и въ несчастіи.

— Таеъ... таеъ... таеъ, — бормоталъ онъ медленно. — Антонъ былъ правъ. Я ихъ не зналъ. Ни одной изъ нихъ... ни одной...

— Сеть, о Сеть!

Гильдуръ бросилась къ нему, но онъ вдругъ выпрямился, отстранилъ ее отъ себя рукой, и молча вышелъ изъ комнаты.

Нѣкоторое время Гильдуръ оставалась на мѣстѣ, какъ бы ошеломленная всѣмъ случившимся.

„Нѣтъ, онъ не долженъ оставаться въ такомъ отчаяніи!“ — подумала она. — „Если въ моей власти хоть сколько-нибудь поправить то, что случилось, я обязана это сдѣлать, чего бы это мнѣ ни стоило“.

И она побѣжала къ Бурману.

Но дверь Бурмана была уже заперта, и Гильдуръ не рѣшилась позвонить. Она боялась, что Сеть не позволитъ впустить ее, или самъ откроетъ дверь, и велитъ ей уйти. И вотъ она обошла съ чернаго хода, и постучала въ дверь кухни. Пришлось повторить стукъ два, три раза, такъ какъ Мая не являлась. Наконецъ, раздались тяжелые шаги старухи, и дверь открылась. Обыкновенно привѣтливое и улыбающееся лицо старой Май было на этотъ разъ печально и заплакано.

— Вы уже знаете, Мая? — спросила Гильдуръ, удивленная тѣмъ, что до Май уже успѣла дойти печальная вѣсть.

— Да, да! — отвѣтила она. — Барышня написала мнѣ, также какъ и доктору... Но онъ, кажется, и такъ уже все зналъ.

Мая отошла къ кухонному столу съ очевидной цѣлью показать Гильдуръ лежавшее на этомъ столѣ письмо. Но, едва смятый листокъ почтовой бумаги оказался въ ея дрожащихъ, старыхъ рукахъ, какъ новый приступъ горя охватилъ ее. Лицо переверосилось, изъ глазъ хлынули слезы, и старуха разрыдалась склонившись надъ письмомъ, этимъ послѣднимъ воспоминаніемъ объ ея барышнѣ, ея любимицѣ, ея маленькой Ленѣ...

— Боже мой! только подумать, что я сама провожала ее до варты!—всклипывала она. — Сама усадила, укутала ей ножки пледомъ и... и я не знала, что вижу ее въ послѣдній разъ...

Гильдуръ обняла старуху, не находя словъ, чтобы утѣшить ее...

— И докторъ получилъ такое же письмо? — спросила она, когда Мая немного успокоилась.

— Да, я передала ему, когда онъ пришелъ отъ васъ.

— Ну, и что же?

— Ничего. Онъ молча взялъ письмо и заперся въ кабинетъ.

Гильдуръ тихонько пошла къ нему. Онъ былъ въ гостиной, на маленькомъ диванѣ, съ котораго обыкновенно слушалъ игру Лены на роялѣ. Онъ сидѣлъ неподвижно, приклонивъ голову къ спинкѣ дивана, вытянувъ руку вдоль ручья. Возлѣ него лежало развернутое, вѣроятно, выпавшее изъ его рукъ, письмо.

При появленіи Гильдуръ онъ не пошевелился, и горестное выраженіе его лица не измѣнилось.

— Сеть!—робко обликнула она... Но онъ по прежнему остался неподвиженъ.

Гильдуръ подняла письмо. Оно было написано карандашомъ, дрожащимъ, неровнымъ, почеркомъ, очевидно на полномъ ходу поѣзда въ вагонѣ.

— Можно прочесть?—тихо спросила она, и, замѣтивъ слабый утвердительный знакъ, которымъ отвѣтилъ ей Бурманъ, развернула письмо, въ которомъ прочитала:

„Милый папа! Прости меня! Попробуй хоть простить меня! Я знаю, что ужасно огорчаю тебя. Но я не могу поступить иначе, потому что я глупа и всего боюсь.

„Ты всегда былъ добръ и любилъ меня. Ты самый лучший изъ людей, которыхъ я знаю... А все-таки я никогда бы не рѣшилась чистосердечно рассказать тебѣ все, что у меня на душѣ! Ты бы слишкомъ разсердился на меня.

„Гораздо легче написать издали. Разъ ужъ меня нѣтъ, ты скорѣе перестанешь сердиться на меня за то, что я не могу исполнить твоего желанія. Видишь ли, я, право, не могу выйти замужъ за того, котораго ты мнѣ выбралъ. Ты напрасно думаешь, что онъ мнѣ нравится. Напротивъ! Прости меня, но я положительно не въ силахъ выйти за него, милый, дорогой папа... А вчера онъ почти прямо просилъ меня

объ этомъ. Вотъ, я ишла, что не слѣдуетъ ѣхать къ нимъ на дачу, а чтобы не противорѣчить тебѣ—рѣшилась теперь же уѣхать совсѣмъ.

„Ты не думай и не тоскуй обо мнѣ; я этого не стою. Я вѣдь вовсе не такая, какой ты меня считаешь. Я успѣла надѣлать много глупостей, даже много худого, о чемъ ты и не подозрѣваешь. Ты бы не повѣрилъ даже, на что я способна! Не смотря на твое запрещеніе, я постоянно бывала съ Мимми Гельстрэмъ. Я познакомилась и бывала въ обществѣ ея друзей, молодыхъ мужичковъ, которыхъ ты не знаешь. Иарѣдва мы принимали отъ нихъ даже приглашенія, конечно, только на чай, въ какомъ-нибудь скромномъ ресторанѣ. Я знала, что это очень дурно, а все-таки...

„Теперь, милый папа, ты навѣрное разлюбишь меня!

„Но знаешь, что я еще сдѣлала? Я была въ переноскѣ съ мамой... Все время, съ самаго начала! Я ничего тебѣ не говорила, потому что знала, какъ бы ты рассердился. Черезъ меня она узнала, что ты хочешь жениться на Гильдуръ. Но хуже всего было то, что я видѣла, какъ ты былъ озабоченъ, не получая адреса мамы и не зная, какъ къ ней обратиться, и, тѣмъ не менѣе, я не сказала тебѣ ни слова! Вотъ какая я была злая, и вотъ какъ худо я относилась къ тебѣ, не смотря на всю твою доброту.

„Ахъ, милый, бѣдный папа! Я и сама не знаю, почему я такая. Сколько разъ я мучилась укорами совѣсти и готова была во всемъ тебѣ признаться. Но ты называлъ меня „весеннимъ цвѣточкомъ“ и смотрѣлъ на меня такъ нѣжно, что мнѣ было жаль разубѣждать тебя. Ну, какъ бы я вдругъ подошла къ тебѣ и сказала: я вовсе не такая, какъ ты думаешь! Это очень трудно! Мнѣ было иногда совѣстно, и я отъ души желала быть такой изящной, хорошей, доброй, какой ты воображалъ меня. Но я не могла. Ничего не выходило, какъ ни старалась я исправиться.

„У тебя остаются Гильдуръ и многіе другіе, которые любить тебя. А я ѣду къ мамѣ, у которой совсѣмъ никого нѣтъ. Кромѣ того, ты же не станешь сожалѣть обо мнѣ, когда узнаешь, что я была дурная и злая, которую бы ты ни за что не называлъ своимъ весеннимъ цвѣточкомъ.

„Впрочемъ, я постараюсь еще сдѣлаться именно такой, какой ты желалъ меня видѣть, и тогда, можетъ быть, ты простишь твою

Лену“.

Гильдуръ опустилась на диванъ рядомъ съ Сетомъ.

— Ты видишь, по крайней мѣрѣ, какъ горячо она любить тебя!—сказала она, чтобы утѣшить его.

Онъ сидѣлъ неподвижный, какъ статуя, и ничего не слыхалъ. Изъ кухни доносились всхлипыванья Май... Гильдуръ стало даже жутко.

— Сеть!—овлинула она, и положила руку ему на плечо.

Онъ не пошевелился и все упорно смотрѣлъ куда-то вдаль.

Но вотъ онъ сдѣлалъ слабое движеніе рукой, и губы его шевельнулись.

— Одинъ!.. Одинъ!..—прошепталъ онъ.

Эта жалоба была для Гильдуръ точно ножъ, вонзенный ей въ самое сердце. Она терялась въ мучительныхъ размысленіяхъ, чѣмъ бы хоть сколько-нибудь утѣшить его.

Но вдругъ онъ точно очнулся и поднялся съ дивана. Нѣкоторое время онъ постоялъ среди комнаты, дико озираясь по сторонамъ и точно спрашивая себя, гдѣ онъ. Затѣмъ онъ мрачно насупилъ брови, сложилъ руки на груди и заговорилъ, прислонясь къ печкѣ:

— Ну, хорошо! Пусть будетъ такъ! Это проклятіе, котораго я не могъ миновать. Призванный бороться не долженъ имѣть ни отца, ни матери, ни сестеръ, ни братьевъ, ни жены, ни дѣтей... Онъ избранникъ судьбы, а избранникъ долженъ быть отторгнутъ отъ всего міра. Избранникъ судьбы обреченъ на одиночество! И вотъ я одинъ... Совсѣмъ одинъ! Но такъ и должно быть!

Его голосъ былъ точно надломленъ и послѣднія слова онъ произнесъ почти шепотомъ.

Гильдуръ подошла къ нему.

— Сеть,—сказала она.—Зачѣмъ ты говоришь объ одиночествѣ? Развѣ я не съ тобой?

Онъ посмотрѣлъ на нее, но холодно, почти съ презрѣніемъ.

— Ты?!—сказалъ онъ и криво усмѣхнулся.—Ты, которая стоишь ближе къ другому, чѣмъ ко мнѣ! Нѣтъ, поговоримъ серьезно. На что ты мнѣ теперь? Вѣдь если говорить по совѣсти, то я совсѣмъ ужъ не такъ одинокъ, какъ это мнѣ показалось. У меня вѣдь мои читатели! У меня тысячи друзей, которые страдаютъ и радуются вмѣстѣ со мной. Я могу заботиться о ихъ благѣ, могу говорить съ ними, находить отвѣликъ въ ихъ душахъ и пользоваться ихъ благодарностью. Зачѣмъ мнѣ жена и дѣти? У меня и безъ того большая семья!

— Нѣтъ, Сеть! Этихъ тысячъ друзей легче потерять, чѣмъ одного искренно любящаго друга. А я вѣдь люблю тебя... Я вѣдь только на то и сердилась, что не могла быть ближе всѣхъ къ тебѣ. Я хочу быть съ тобой.

— Не надо, не надо, не надо!—крикнулъ онъ раздражительно и замахалъ рукой, точно отгоняя отъ себя что-то назойливое.—Вотъ мой другъ!—прибавилъ онъ, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, схватилъ со стола номеръ „Стража“.

Съ этими словами онъ отошелъ къ окну, бросился въ кресло и развернулъ газету. Но, взглянувъ на первый столбецъ, онъ точно вспомнилъ что-то, отложилъ газету въ сторону и поднялся съ кресла. Даже не взглянувъ на Гильдуръ, онъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ пальто и шляпу и ушелъ, точно совсѣмъ позабывъ о существованіи своей невѣсты.

Когда она, въ свою очередь, вышла въ переднюю, его уже не было...

Бѣгство Лены всполошило всю семью Сюогъ.

Гертрудъ немножко для вида негодовала, но въ душѣ удивлялась рѣшительности и храбрости Лены. Гуго жалѣлъ, главнымъ образомъ, Сета Бурмана, и мало думалъ о бѣглецѣ. Вернувшись домой и узнавъ о происшествіи, онъ даже хотѣлъ-было предложить свои услуги Бурману, на случай, если бы потребовалось послать кого-нибудь въ Берлинъ; но, явившись для этого въ квартиру будущаго зятя, засталъ тамъ одну Маю.

Гильдуръ заперлась у себя въ комнатѣ. Она сидѣла въ тупомъ недоумѣніи, не зная, чѣмъ окончится ея ссора съ Сетомъ. То ей казалось, что, какъ ни жаль Сета, лучше не противиться естественному разрыву; то ее начинали мучить угрызения совѣсти, и она считала невозможнымъ покинуть Сета именно теперь. Въ концѣ концовъ, она не знала, что думать и чего желать.

Когда ее позвали ужинать, она вышла. Но за столомъ ей было страшно мучительно выслушивать разныя догадки о Бурманѣ и отвѣчать на вопросы. Она отмалчивалась, какъ могла, стараясь казаться равнодушной.

Гуго продолжалъ соболѣзновать Бурману.

— Вѣдь этакая жестокая судьба!—говорилъ онъ.—И нужно было случиться этому именно сегодня, когда ему и безъ того есть о чемъ подумать!

— Что же такое еще случилось сегодня?—спросила Гертрудъ.

— Да вѣдь сегодня выборы.

Гильдуръ вздрогнула. Значить, вотъ куда онъ пошелъ! Когда всякая надежда на семейное счастье рушилась, онъ пошелъ къ своимъ избирателямъ, ища у нихъ утѣшенія и забвенія... Въ послѣднее время онъ только и говорилъ, что о выборахъ. Онъ такъ надѣялся, такъ вѣрилъ въ свою побѣду... А что, если и тамъ его ждетъ разочарованіе? Что, если и это послѣднее утѣшеніе, эта послѣдняя опора будетъ отнята у него?

— Какъ ты думаешь, его выберутъ?—спросила она брата.

Гуго поморщился.

— Можетъ быть, и выберутъ. Но, сколько я слышала, едва ли...

Гильдуръ быстро поднялась съ мѣста и схватила брата за руку.

— Гуго!—сказала она.—Разыщи его! Разыщи и не оставляй его одного. Обѣщай мнѣ это!

Онъ нѣсколько удивился ея порыву, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ недоумѣвалъ въ душѣ передъ ея страннымъ равнодушіемъ. Онъ обѣщаль исполнить ея просьбу и, несмотря на позднее время, пошелъ разыскивать Бурмана.

Когда онъ пришелъ въ помѣщеніе собранія, выборы уже кончились. Но въ залахъ толпа была еще довольно густая; Сета Бурмана не было.

Скогъ пробрался къ предсѣдательскому столу и попросилъ сообщить результаты выборовъ. Имя Бурмана стояло на листѣ однимъ изъ послѣднихъ. За него было едва сто голосовъ.

Прежде, чѣмъ уйти, Скогъ спросилъ, былъ ли на выборахъ Бурманъ. Оказалось, что онъ приходилъ, справлялся о результатѣ и только-что ушелъ.

— Ну, а какъ же онъ отнесся къ своему поражению?

— Какъ обыкновенно относятся ко всѣмъ такимъ впередъ извѣстнымъ вещамъ: спокойно, даже равнодушно.

Скогъ съ облегченнымъ сердцемъ пошелъ искать Бурмана по ближайшимъ ресторанамъ. Но нигдѣ его не оказалось. Конечно, онъ или дома, или у кого-нибудь изъ друзей.

Около часу ночи Гуго вернулся домой и нѣсколько удивился, увидѣвъ въ гостиной свѣтъ.

На встрѣчу ему выбѣжала Гильдуръ.

Оба посмотрѣли другъ на друга вопросительно, и оба замолчали.

Гуго нигдѣ не нашель Бурмана—и дома его тоже не было.

ХІ.

Казалось, этой ночи не будетъ и конца. Гильдуръ долго не засыпала, и лишь передъ утромъ забылась слабымъ, тревожнымъ сномъ. Съ разсвѣтомъ она была уже на ногахъ и еще съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ ночью, дожидалась общаго пробужденія въ домѣ. Наконецъ, пробило семь часовъ, и она тихонько вышла изъ квартиры.

— Мая навѣрное уже встала!—подумала она, постучавъ въ кухонную дверь квартиры Бурмана.

Дверь сейчасъ же открылась, и въ ней показалось перепуганное старушечье лицо. Всякая надежда сразу покинула Гильдуръ.

Сета все еще не было дома: онъ не возвращался со вчерашняго дня.

Гильдуръ ушла еще въ большемъ смятеніи, чѣмъ прежде. Долго бродила она изъ комнаты въ комнату, нигдѣ не находя покоя, и то и дѣло подходила къ окну.

Не будучи болѣе въ состояніи оставаться въ неизвѣстности, она рѣшилась сама идти искать Сета, и вышла изъ дому. Она обошла всѣ улицы, по которымъ Сетъ имѣлъ обыкновеніе гулять съ нею, вышла даже за городъ, подъ тѣнистыя ели, куда они ходили въ первые ясные дни ихъ любви. Ни на улицахъ, ни подъ елями Сета не было.

Когда она вернулась домой, было уже далеко за полдень.

Взбѣжавъ по лѣстницѣ, она сейчасъ же замѣтила, что дверь Бурмана не заперта, а только притворена. Изнутри слышались голоса...

Она толкнула дверь и вошла въ переднюю.

Изъ кабинета доносился голосъ Сета. Онъ говорилъ очень громко, рѣзко и какъ-то странно. Казалось, онъ угрожалъ кому-то, кого-то проклиналъ... Но въ это время дверь въ кабинетъ заперли, и продолжавшій говорить голосъ сталъ доноситься глухо, такъ что нельзя было разслышать словъ.

Въ гостиной слышался шепотъ. Гильдуръ различила голоса Гертрудъ, Гаральда Ветерлинга и еще какой-то, незнакомый... Собравъ все свое мужество, она вошла.

При ея появленіи всѣ смолкли, а Гертрудъ поспѣшила къ ней на встрѣчу, серьезная и озабоченная.

— Онъ вернулся!—сказала она.—Онъ пришелъ отъ господина Ветерлинга...

Гильдуръ промолчала и пошла-было въ кабинетъ. Но Гертрудъ загородила ей дорогу.

— Нѣтъ, нѣтъ, Гильдуръ, не входи туда!—сказала она торопливо. Онъ не совсѣмъ здоровъ,—тамъ теперь докторъ.

— Но я слышала его голосъ. Онъ говорилъ очень громко и твердо...

Гертрудъ взяла ее за руку и попыталась увести.

— Видишь ли, докторъ предписалъ оставить его въ полномъ покоѣ,—сказала она.—Онъ немножко бредить...

Гильдуръ недовѣрчиво оглядѣла всѣхъ присутствовавшихъ. У всѣхъ были какія-то странныя лица... И кто этотъ чужой? Что ему здѣсь нужно? Судя по платью, это какой-то ремесленникъ...

Но что-то удерживало ее отъ рѣспросовъ. Она начала дрожать и, прижавшись къ Гертрудъ, съ мольбою посмотрѣла на нее. Та поняла и стала рассказывать.

Сетъ явился сегодня въ редакцію, гдѣ въ это время былъ одинъ Гаральдъ Ветерлингъ, и сталъ крайне возбужденно говорить о вчерашнихъ выборахъ. Повидимому, онъ провелъ ночь на улицѣ, и Ветерлингъ сейчасъ же увидѣлъ, что гость не только сильно разстроенъ, но и нездоровъ. Его привезли домой и послали за врачомъ. Теперь докторъ еще у него, но успѣлъ уже сказать, что, судя по бреду и другимъ признакамъ, болѣзнь серьезная. На всякій случай, позаботились даже послать за фельдшеромъ, который оставался бы при больномъ неотлучно.

Выслушавъ все это, Гильдуръ опустила голову и позволила увести себя домой... Ее сковывалъ ледяной ужасъ, который мѣшалъ ей думать и отнялъ всякую волю. Она угадывала ужасную истину.

Цѣлый день она провела въ мучительной тревогѣ, какъ и утромъ безцѣльно бродя по комнатамъ и нигдѣ не находя покоя. Раза два она хотѣла-было идти къ Сету, но ее не пускали: докторъ строго запретилъ тревожить больного, и фельдшеръ не впускалъ никого.

На слѣдующій день было то же самое.

Только на третій день въ ней проснулась прежняя энергія, и она рѣшилась, во что бы то ни стало, узнать всю правду, какъ бы страшна она ни была.

Тихонько прокралась она на лѣстницу, постучала въ дверь и, какъ только дверь отерлась, проскользнула въ комнаты, несмотря на протесты Май.

Старуха побѣжала за нею.

— Барышня, барышня... нельзя туда!—кричала она:—докторъ строго запретилъ...

*

Но Гильдуръ не обратила ни малѣйшаго вниманія на докторское запрещеніе, а когда старушка попробовала удержать ее силой, спокойно отстранила ее слабыя руки и пошла дальше.

Изъ гостиной она опять услышала въ кабинетѣ Бурмана его громкій, гнѣвный голосъ. Въ этомъ голосѣ было что-то страшное, и она въ ужасѣ замерла на мѣстѣ.

— Милая барышня, пойдите отсюда! — умоляла ее Мая.

Гильдуръ слышала только голосъ, гремѣвшій въ кабинетѣ.

— Молчать! — приказывалъ онъ какому-то воображаемому врагу съ несвойственной ему грубостью. — Ты думаешь, я не знаю всѣхъ твоихъ продѣлокъ, чортова собака? Знаю! Это ты бѣгалъ по городу и разносилъ слухъ, что у меня телячьи глаза... Возьму-ка я тебя за шиворотъ да швырну отъ себя такъ, что ты пролетишь у меня сквозь стѣны, прямо на свои поганые печатные станки! И какъ ты смѣлъ думать, что Бурмана можно подкупить? Нѣтъ, чортъ возьми, меня не подкупишь, хотя бы сто тысячъ такихъ ословъ, какъ ты, стояли передо мной на колѣняхъ и подносили мнѣ каждый по газетному листу въ пятьдесятъ футовъ длиною... Прочь отъ меня! Прочь!

Раздался топотъ и шумъ. Слышно было, что больной изступленно метался по комнатѣ. Но вдругъ онъ утихъ и вслѣдъ затѣмъ заговорилъ жалобно:

— Помогите, помогите! Видите, онъ хочетъ разрѣзать меня, хочетъ вскрыть меня живьемъ... О, не подходи! Говорю тебѣ, въ головѣ у меня нѣтъ ничего особеннаго. Только простое солнце, которое скоро взойдетъ и озаритъ весь міръ... Не смѣй же подходить. — Спасите!... Смотрите, онъ лѣзетъ изъ угла... изъ подъ пола... Спасите!

— Онъ плохо спалъ эту ночь! — шепотомъ пояснила Мая. — Вотъ отчего онъ такъ ужасно бредитъ. Но это пройдетъ... Уйдите же, барышня! Не хорошо слушать...

Вдругъ распахнулась дверь кабинета, и на порогъ появился фельдшеръ, хотѣвшій позвать Маю. Изъ-за фельдшера выглянула взлохмаченная голова съ дико сверкавшими глазами и сильно посѣдѣвшей за эти дни бородой.

Гильдуръ громко вскрикнула и прижалась къ Маѣ. Но Бурманъ узналъ ее.

— Ага, это ты? — вскричалъ онъ. — Иди же сюда, я расскажу тебѣ кое-что любопытное.

Она не пошевелилась.

Вдругъ глаза его широко раскрылись, ноздри раздулись. Онъ съ ненавистью и въ то же время съ смертельнымъ страхомъ смотрѣлъ на нее.

— Такъ я и зналъ!—проговорилъ онъ свистящимъ шепотомъ. — Ты прячешь его позади себя... Нечего сказать, хороша парочка! Змѣи вы, оба! Прочь отъ меня, прочь! Оставьте меня въ покоѣ!

Затѣмъ онъ съ страшнымъ усиліемъ оттолкнулъ фельдшера, и захлопнулъ дверь съ таковой силой, что съ потолка посыпалась штукатурка.

Мая увела Гильдуръ домой.

Потянулись сѣрые, тяжелые дни. Изъ нихъ сложились длинныя недѣли и безконечныя мѣсяцы. Гильдуръ не была больна, и тѣмъ не менѣе не понимала, какъ это она осталась жива. Она жестоко страдала. Ее мучили угрызенія совѣсти, ее постоянно давилъ ужасный страхъ. Она думала, что и съ нею будетъ тоже, что и съ Сетомъ.

Ее утѣшали надеждой, что онъ можетъ еще выздоровѣть, что ему уже значительно лучше, и что онъ сталъ спокоенъ; она только печально качала головой. Она знала, что въ такихъ болѣзняхъ тихое помѣшательство хуже бѣшенства.

— Во всякомъ случаѣ, онъ хоть не страдаетъ!—сказала ей однажды мать, вернувшись отъ Бурмана, котораго онъ регулярно навѣщалъ.

Это была правда. Манія преслѣдованія у него исчезла; онъ былъ совершенно спокоенъ и ни на что не жаловался. Не было больше и рѣчи о помѣщеніи его въ домъ для душевно больныхъ. Предполагалось даже отпустить фельдшера, такъ какъ для присмотра за такимъ покойнымъ больнымъ достаточно было одной Май.

— Развѣ не утѣшительно знать, что онъ по крайней мѣрѣ не страдаетъ?—ласково спросилъ Гуго сестру.

Но она ничего не отвѣтила. Она не могла себѣ представить, чтобы Сеть могъ быть доволенъ и спокоенъ. Ей казалось, что такое предположеніе было бы съ ея стороны лишь уклоненіемъ отъ вполне заслуженныхъ ею укуровъ совѣсти.

Однажды, войдя въ залу, она увидѣла неожиданнаго гостя, сидѣвшаго рядомъ съ Гертрудъ и подыавшагося съ своего мѣста при ея появленіи.

Это былъ Валеріусъ.

Она остановилась-было въ нерѣшительности, соображая, не уйти ли ей. Но онъ такъ сердечно поздоровался съ нею, такъ естественно продолжалъ прерванный ея приходомъ разговоръ, что она рѣшилась остаться. Ей понравилось, что онъ точно не обращалъ на нее никакого вниманія, только изрѣдка обращаясь къ ней съ какимъ-нибудь общимъ замѣчаніемъ, чѣмъ сразу съумѣлъ какъ бы успокоить ее. Черезъ нѣсколько минутъ она уже чувствовала себя спокойнѣе, чѣмъ за все послѣднее время. Страшно подумать, что она сидѣла рядомъ съ своимъ сообщникомъ! Вѣдь и на немъ, какъ и на ней, лежала часть отвѣтственности за то, что случилось съ Сетомъ. Тѣмъ не менѣе, она все-таки оставалась рядомъ съ нимъ...

Когда черезъ нѣсколько времени Гертрудъ вышла на минуту изъ зала, Валеріусъ, вдругъ измѣнившись въ лицѣ, обратился къ Гильдуръ.

— Я пришелъ сюда, главнымъ образомъ, изъ за одной мучившей меня догадки,—сказалъ онъ.—Позвольте поговорить объ этомъ съ вами?

— Говорите.

— Я боюсь, что вы обвиняете себя и другихъ за то, что случилось?

— Разумѣется!—отвѣтила она твердо.

— Я догадывался. Но повѣрьте, что въ этомъ случаѣ вы относитесь къ себѣ несправедливо.

— Какъ же это такъ? Неужели, по вашему, никто не виноватъ?

— Да, таково мое убѣжденіе! Я вѣдь знаю своего друга дѣтства, знаю его хорошо и увѣренъ, что случившагося съ нимъ несчастія онъ не могъ миновать. Раньше или позже, но онъ долженъ былъ заболѣть этой болѣзью. Въ немъ давно уже были корни недуга, и онъ самъ создавалъ условія, въ которыхъ недугъ развился. Такова ужъ его судьба.

— Какъ вы можете это говорить! — вскричала Гильдуръ.—Если бы мы всѣ не были къ нему такъ возмутительно жестоки, если бы его не покинули всѣ, всѣ, какъ есть, да еще въ самыя трудныя минуты жизни, онъ не заболѣлъ бы этой ужасной болѣзью.

— Mademoiselle Скогъ,—сказалъ онъ тихо,—неужели вы въ самомъ дѣлѣ предполагаете, что это мы, т.-е. вы, я, его дочь и многіе другіе, покинули его? Не мы ли были покинутые? Развѣ Лена виновата, что не могла довѣряться

родному отцу, который самъ не желалъ такого довѣрія? Развѣ виноваты избиратели, что онъ не желалъ сообразоваться съ ихъ требованіями, не желалъ даже ихъ и знать? А вы-то сами? Кто изъ васъ, вы или онъ, напрасно добивались полнаго сближенія, взаимнаго довѣрія?

Она поднялась въ сильнѣйшемъ волненіи и хотѣла уйти, но, вмѣсто того, бросилась на диванъ, спрятавъ лицо въ подушвахъ.

— Простите, если я оскорбилъ васъ!—раздался надъ ней мягкій голосъ.—Но не могу же я спокойно смотрѣть на ваши страданія...

— Да, я знаю... Вы добрый...

Это было сказано беззвучно, но онъ оживился.

— Вѣдь подумайте сами,—продолжалъ онъ.—Долженъ же былъ, наконецъ, наступить день, когда Сетъ понялъ бы, что онъ одинъ—неминуемо! Есть люди, для которыхъ такое открытіе было бы безразлично, но Сетъ слишкомъ нуждался въ людяхъ и ихъ сочувствіи, чтобы перенести это. Не сознательно же онъ отталкивалъ людей, безъ которыхъ не могъ жить?

— О, Сетъ!.. Бѣдный Сетъ!—прошептала заплакавшая Гильдуръ.

— Чѣмъ же вы или кто другой виноваты во всемъ этомъ? Виноваты ли тѣ, которыхъ держать отъ себя на такомъ разстояніи, что они не могутъ приблизиться?

Онъ говорилъ еще долго, и она не возражала... Понемногу она перестала плакать и стала все съ большимъ и большимъ вниманіемъ прислушиваться къ его голосу, который утѣшалъ ее помимо ея воли. Въ концѣ концовъ, она поднялась и сама заговорила о Сетѣ. Два раза она видѣла его во время болѣзни, оба раза тайкомъ пробравшись въ его квартиру, и оба раза чуть не сошла съ ума отъ ужаса и жалости. Но теперь ей говорили, что онъ сталъ спокоенъ и тихъ,—даже доволенъ... Можно ли было на что-нибудь надѣяться?..

Валеріусъ осторожно намекнулъ, что, какъ ему передавали, нельзя было надѣяться на возстановленіе прежнихъ способностей Бурмана. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдовало ждать, такъ какъ уже нѣкоторое улучшеніе было...

Вернувшаяся Гертрудъ прервала этотъ разговоръ.

Валеріусъ сталъ опять бывать въ семействѣ Скогъ. Раза два или три онъ оставался даже обѣдать. Какъ-то за десертъ

томъ послѣ болѣе оживленнаго, чѣмъ обыкновенно, обѣда, чокаясь съ Валеріусомъ, Скогъ вскричалъ:

— А знаете ли что мнѣ приходитъ въ голову? Отчего бы тебѣ не начать опять столоваться у насъ, Антонъ? Вотъ было бы хорошо!

Это предложеніе нѣсколько озадачило всѣхъ остальныхъ. Гертрудъ и самъ Валеріусъ невольно посмотрѣли на Гильдуръ. Та растерялась. Но Валеріусъ тотчасъ же сумѣлъ смягчить впечатлѣніе, обративъ все въ шутку.

Однако послѣ обѣда, когда онъ и Гильдуръ остались случайно одни въ гостиной, онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вы не отвѣтили еще, могу ли я принять предложеніе вашего брата.

— Развѣ я рѣшаю въ домѣ такія дѣла?

— Въ этомъ случаѣ—вы! Можетъ быть, вы забыли, однажды я признался вамъ, почему не могу часто бывать у васъ. Но если...

Она раздражительно бросила работу на диванъ и хотѣла уйти, но онъ быстро загородилъ ей дорогу.

— Пойдите... Успокойтесь!—сказалъ онъ въ волненіи.— Я не сказалъ ничего такого... Я вѣдь не прошу ничего, что бы связало или стѣснило васъ. Мнѣ только надо было спросить, не будетъ ли вамъ непріятно видѣть меня здѣсь постояннымъ гостемъ?

Онъ говорилъ наудачу, что попало,—такъ его огорчали опрометчиво вырвавшіяся у него слова, которыя могли снова изгнать его изъ этой семьи.

Она смотрѣла на него съ испугомъ, и въ то же время съ упрекомъ.

— Я никакъ не ожидала...—начала она дрожащимъ голосомъ, но рѣчь ея была прервана шумомъ, раздавшимся въ передней. Слышалась какая-то возня. Кого-то старались удерживать, раздавался знакомый голосъ, услышавъ который, Гильдуръ вся похолодѣла.

И вотъ, въ дверяхъ гостиной появилась немного согорбленная, но все еще внушительная, фигура Сета Бурмана. Его волосы и борода сильно посѣдѣли и были нѣсколько растрепаны. Не застегнутый на груди халатъ неряшливо сбился въ складки, показывая, что Бурманъ не прифрантился, собираясь въ гости. Зато черезъ плечо на немъ была надѣта какая-то широкая лента, а на бортахъ халата красовались звѣзды и медали—большею частью котильонныя.

Онъ весело махнулъ кому-то позади себя рукой и сказалъ посмѣиваясь:

— Ну, ну! Ладно! Можешь теперь съ Богомъ идти.

Онъ ласково кивнулъ Валеріусу и Гильдуръ, и, подойдя къ нимъ, заговорилъ въ самомъ дружелюбномъ тонѣ, точно никогда не имѣлъ съ ними ни малѣйшаго раздора и встрѣчался съ ними ежедневно.

— Я зашелъ сообщить вамъ хорошую новость! — прошепталъ онъ таинственно и съ сильной жестикуляціей. — Да, это новость!

Онъ взялъ Валеріуса подъ руку, овладѣвъ рукой Гильдуръ и, приблизивъ ихъ обоихъ къ себѣ, продолжалъ:

— Черезъ нѣсколько дней я вступаю на англійскій престолъ! Да-съ! Женщины для этого не годятся. Это мнѣ удалось, наконецъ, разъяснить имъ. Ну, и рѣшено посадить ее въ шпифъ, даромъ что она стара!

Валеріусъ попытался отвести больного отъ Гильдуръ. Но тотъ не выпускалъ ее руки и продолжалъ рассказывать свою новость.

— До моего отъѣзда пройдетъ еще нѣсколько дней. — объяснилъ онъ торопливо. — Дѣло въ томъ, что не прибыло еще посольство, которое за мною послано. Кромѣ того... — онъ подмигнулъ имъ сначала однимъ глазомъ, потомъ другимъ, и засмѣялся радостнымъ смѣхомъ: — кромѣ того, я еще не рѣшилъ окончательно. Вѣдь вотъ какая штука! Французы тоже хотятъ меня къ себѣ, президентомъ!.. Вотъ и разберите, что лучше. Президентъ французской республики... это вѣдь тоже на пѣлыхъ семь лѣтъ... Зато королемъ въ Англии...

— Господинъ докторъ! Господинъ докторъ! — усиленно звала его старая Мая, но онъ не обращалъ на нее вниманія и съ увлеченіемъ разсуждалъ о своемъ двойномъ избраніи. Особенно онъ налегалъ на исключительную честь, какую оказывали ему французы. Вѣдь они выбрали иностранца! Но все это объясняется его громкой литературной славой. Будь Викторъ Гюго живъ, честь выпала бы на его долю, но теперь оставался только одинъ человекъ, достойный выбора, — и это Сеть Бурманъ!

Убѣдившись, что безъ хитрости нельзя увести больного, Мая подошла къ нему и шепнула ему что-то на ухо.

— Вотъ какъ? — вскричалъ онъ. — Ладно, сейчасъ приду.

И, обернувшись къ другимъ, онъ объяснилъ, что долженъ спѣшить домой, такъ какъ его дожидаются тамъ англійскіе министры.

— Не ловко заставлять ихъ дожидаться, — прибавилъ онъ. — Вы ужъ, пожалуйста, извините меня.

Затѣмъ, поправивъ на груди ордена и пріосанившись, онъ вышелъ изъ комнаты, не переставая самодовольно улыбаться. Гильдуръ опустила въ кресло и сидѣла, дрожа всѣмъ тѣломъ. Валеріусъ склонился къ ней.

— Вы видите, онъ уже не думаетъ о насъ! — сказалъ онъ тихо.

— Слава Богу, слава Богу! — пробормотала она.

— И развѣ вы не видѣли, что онъ вполнѣ счастливъ?..

— Неужели это возможно? — нерѣшительно спросила она.

— Какъ видите! И будьте увѣрены, онъ счастливѣе всѣхъ смертныхъ на землѣ. Онъ всегда жилъ въ мірѣ своей фантазіи, куда не допускалъ своихъ ближнихъ. Но ему мѣшала иногда дѣйствительность. Теперь уже ничто ему не мѣшаетъ. Онъ надѣлъ на голову корону и властвуетъ себѣ въ своемъ царствѣ, какъ хочетъ.

Оба помолчали. Они чувствовали себя точно у только-что засыпанной могилы.

— А если онъ счастливъ, — мягко сказалъ Валеріусъ, — почему же и намъ не быть счастливыми?..

Онъ ближе склонился къ ней и смотрѣлъ на нее съ мольбой. Вдругъ руки ея потянулись къ нему, и она прижалась головой къ его груди.

— Да, да! — прошептала она, — Я тоже хочу счастья. Имѣю же вѣдь и я право на счастье!

Онъ обнялъ ее. Заглянувъ ему въ глаза, она почувствовала, что переносится въ другой міръ, въ міръ беззавѣтной любви, который былъ прекраснѣе всего, о чемъ она когда-нибудь мечтала.

К о н е ц ъ .

ПРОЦЕССЪ ОПОЛОДОВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

И. П. ВОРОДИНА.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Опыленіе.—Роль насѣкомыхъ.—Помѣси и законы скрещенія.—Заключеніе.

Описывая оплодотвореніе скрытосѣмянныхъ, мы предположили, что пыльца попала изъ тычинокъ, въ которыхъ она развилась, на рыльце пестика, не разбирая далѣе — какимъ образомъ это произошло. Теперь мы обратимся именно къ этому вопросу, ознакомимся съ процессомъ *опыленія*, который предшествуетъ оплодотворенію и иногда отдѣленъ отъ послѣдняго значительнымъ промежуткомъ времени. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что для нашей цѣли, для знакомства съ оплодотвореніемъ, вопросъ о томъ, какъ совершается опыленіе, представляется второстепеннымъ, но въ дѣйствительности это не такъ. Изученіе опыленія открываетъ намъ фактъ капитальной важности, фактъ, который кладется въ основу всякой теоріи оплодотворенія: это — если и не всеобщее, то весьма распространенное отвращеніе природы отъ слишкомъ близкаго родства сочетающихся при оплодотворенія элементовъ. Для полового воспроизведенія оказывается обыкновенно далеко не безразличнымъ — попадетъ ли на рыльце пыль того же цвѣтка, пыль съ другаго экземпляра того же вида или, наконецъ, пыль, принадлежащая постороннему растенію другаго какаголибо вида.

Такъ какъ большинство сѣмянныхъ растеній снабжено обоеполыми цвѣтами, то непосредственная близость пыльниковъ и рылецъ должна, повидимому, обезпечивать опыленіе: стоитъ пыльникамъ лопнуть — и пыль высыплется тутъ же на рыльце. Между тѣмъ, какъ мы видѣли въ историческомъ очеркѣ, уже въ концѣ прошлаго столѣтія было замѣчено, что даже въ обоеполыхъ цвѣ-

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

тахъ пыль переносится съ одного экземпляра на другой насекомыми и что нерѣдко замѣчаются особенныя приспособленія, препятствующія самоопыленію цвѣтка, словно природа боится этого самоопыленія. Для растений съ однополыми цвѣтками необходимость переноски пыли изъ мужскаго цвѣтка въ женскій понятна сама собою.

Дѣятели, производящіе переноску пыльцы, не всегда одни и тѣ же. Наименьшую роль въ этомъ отношеніи играетъ вода. Хотя водяныхъ растений довольно много, но почти всѣ они цвѣтутъ

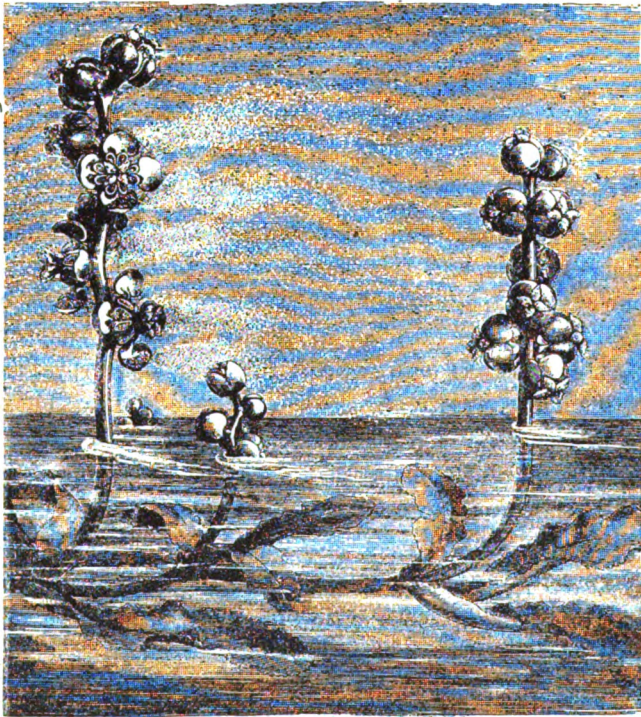

Рис. 141.

надъ водою. Бутоны ихъ нерѣдко погружены въ воду, но распускаются они лишь достигнувъ водяной поверхности, какъ это легко замѣтить на нашей кувшинкѣ или водяной лиліи (*Nymphaea alba*), состоящей въ близкомъ родствѣ съ знаменитою *Victoria regia*, а еще чаще цвѣты высовываются на особомъ стебелькѣ, возвышаясь значительно надъ уровнемъ воды, какъ у нашихъ рдестовъ (рис. 141) и многихъ другихъ подводныхъ растений. Въ томъ и другомъ случаѣ опыленіе, конечно, совершается въ воздухѣ, какъ у сухопутныхъ растений. Существуетъ, однако, нѣсколько растений

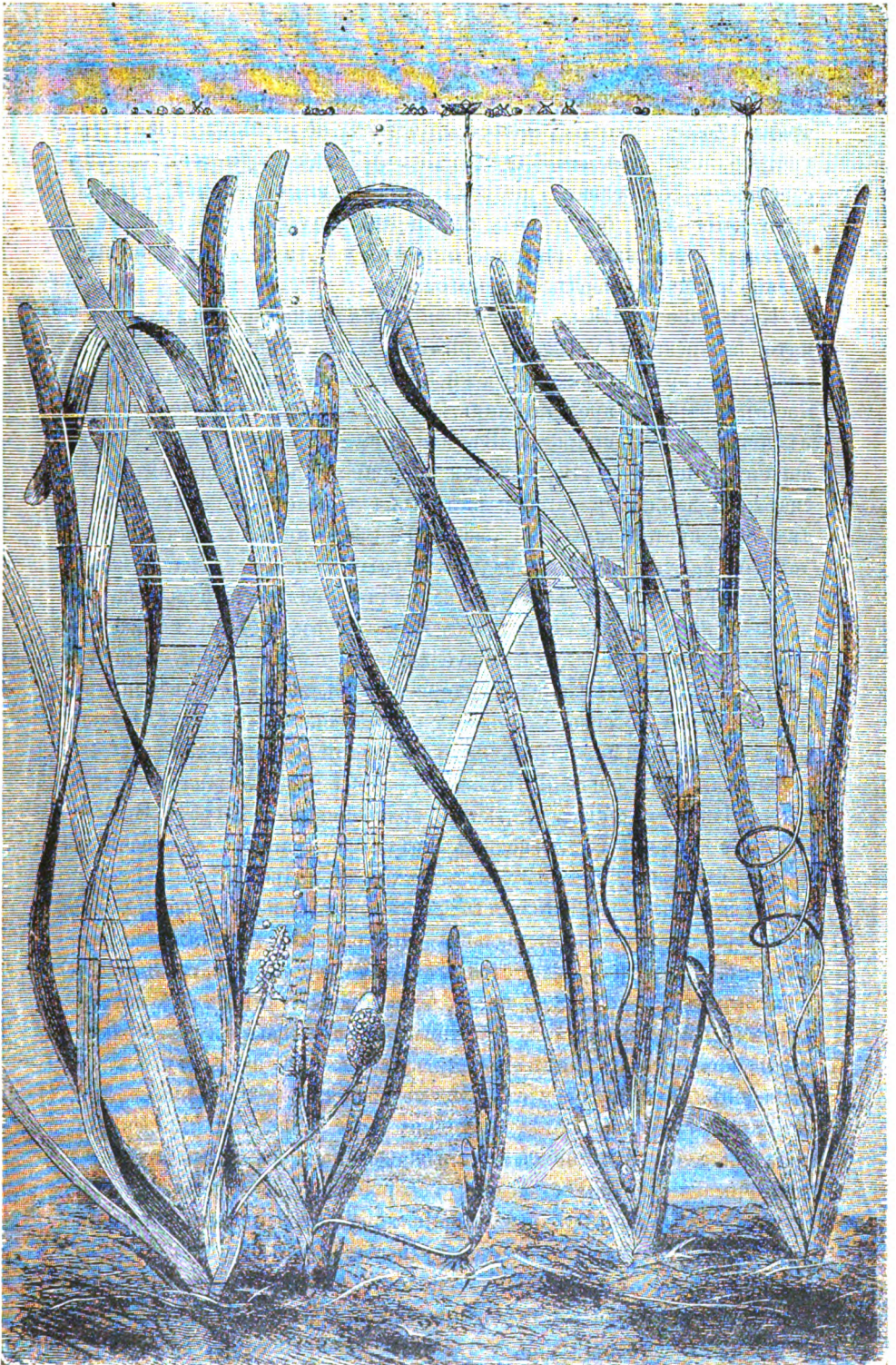

FIG. 142.

(они составляютъ группу наядовыхъ), отличающихся настоящимъ подводнымъ цвѣтеніемъ; сюда относится, напримѣръ, морская трава (*Zostera marina*), извѣстная всякому по наслышкѣ (она часто употребляется для набивки матрацовъ). У такихъ растеній пыльца совершенно особенная: пылинка имѣетъ видъ длинной, нѣжной нити; это какъ бы готовая пыльцевая трубочка, притомъ безъ знакомой уже намъ шкурки, отъ которой такъ много зависитъ разнообразіе пылинки обычнаго типа.

Косвенное участіе въ процессѣ опыленія принимаетъ вода у знаменитой валлиснеріи (*Vallisneria spiralis*). Это растеніе, встрѣчающееся массами въ прѣсныхъ водахъ южной Европы, а у насъ часто разводимое въ акваріяхъ, представляетъ, можно сказать, одно изъ поразительнѣйшихъ чудесъ природы. Въ настоящей главѣ мы ихъ узнаемъ, впрочемъ, не мало. Валлиснерія укореняется въ тинистомъ днѣ; снабжена длинными узкими листьями (въ которыхъ хорошо видно движеніе протоплазмы, ср. рис. 12) и представляетъ растеніе двудомное: на рис. 142 мы видимъ справа женскіе, слѣва мужскіе экземпляры. Цвѣты развиваются внутри особыхъ пузырей, сидящихъ на концахъ подводныхъ стебельковъ. Стѣнка такого пузырька образована двумя чешуевидными, плотно сомкнутыми листочками. Внутри пузырька содержится въ женскомъ экземплярѣ одинъ, а въ мужскомъ — значительное число цвѣтковъ. Самые цвѣтки невзрачные, мелкіе, въ особенности мужскіе; на рис. 143, изображающемъ опыленіе валлиснеріи, мы видимъ одинъ женскій и нѣсколько мужскихъ цвѣтковъ увеличенными въ 10 разъ. Ножка, несущая пузырь съ женскимъ цвѣткомъ, растетъ чрезвычайно сильно въ длину. Достигнувъ поверхности воды, цвѣтокъ прорываетъ пузырь и расправляетъ три листочка своего покрова, равно какъ три бахромчатыхъ рыльца. Цвѣтоножки мужскихъ экземпляровъ, напротивъ, остаются короткими, но пузыри съ цвѣтами вскрываются подъ водою, послѣ чего мужскіе цвѣточки, одинъ за другимъ, отрываются отъ несущаго ихъ стерженька и всплываютъ на поверхность въ видѣ замкнутыхъ вначалѣ шаровидныхъ пузырьковъ. Такимъ образомъ на поверхности воды оказываются, съ одной стороны, болѣе крупныя женскіе цвѣтки валлиснеріи, связанные съ растеніемъ длиннѣйшею ножкою, а съ другой — многочисленные, болѣе мелкіе, совершенно свободно плавающие мужскіе цвѣточки. Всѣ эти явленія хорошо поясняются рисунками 142 и 143. Очутившись на поверхности воды, мужской цвѣтокъ раскрывается, отгибая внизъ три листочка своего покрова, которые получаютъ при этомъ лодочкообразную форму. Въ то же время обнажаются двѣ тычинки, тотчасъ же раскрывающія свои пыль-

ники. Въ каждомъ изъ послѣднихъ содержится, обыкновенно, по 36 пылинокъ, которыя, благодаря своей липкости, остаются связанными между собою и не сдуваются вѣтромъ. Вместе съ тѣмъ, несмотря на то, что пыльца едва возвышается надъ уровнемъ воды, она не легко смачивается послѣднею, такъ какъ при волненіи качается, какъ въ лодочкѣ, въ трехлистомъ покровѣ цвѣтка. Въ этой-то лодочкѣ пыльца и подѣзжаетъ здѣсь къ мѣсту своего назначенія. При всякомъ дуновеніи вѣтра свободно плавающіе

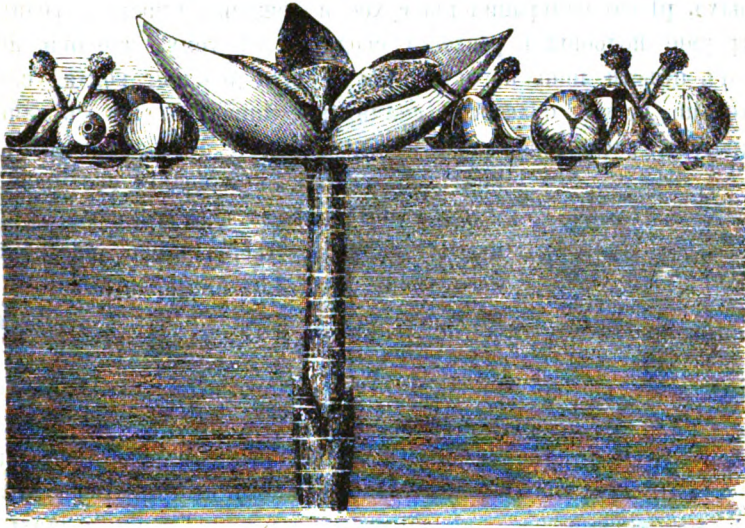

Рис. 143.

мужскіе цвѣточки перемѣщаются по поверхности воды и нѣтъ-нѣтъ да натапливаются на болѣе крупныя женскіе; а при этомъ, какъ видно изъ рис. 143, тычинка можетъ легко придти въ соприкосновеніе съ бахромчатымъ рыльцемъ и—опыленіе совершилось, цѣль достигнута. Однако и этимъ еще не исчерпывается рядъ плѣсообразныхъ странностей, обнаруживаемыхъ валлиснеріею. Поднявшіеся до уровня воды, чтобы быть опыленными, женскіе цвѣты, послѣ того, какъ опыленіе совершилось, снова втягиваются въ воду, вслѣдствіе того, что длинная, несущая ихъ ножка скручивается спиралью, и плоды развиваются почти на самомъ днѣ.

За исключеніемъ немногихъ упомянутыхъ выше растений съ подводно опыляющимися цвѣтами, пыльца весьма чувствительна къ смачиванію водою. Мы уже видѣли выше, что пылинка, будучи смочена, такъ быстро впитываетъ въ себя воду, что нерѣдко лопаются. Поэтому, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, растенію приходится позаботиться объ устраниніи подобной опасности.

Изученіе средствъ, которыми это достигается, составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ растительной біологіи. Даже съ этой, несомнѣнно, очень односторонней точки зрѣнія, становятся понятными, получаютъ опредѣленный смыслъ весьма многія особенности въ строеніи тѣхъ или другихъ цвѣтовъ. Есть растенія, у которыхъ незамѣтно рѣшительно никакихъ приспособленій въ смыслѣ защиты пыльцы отъ смачиванія, но они никакой опасности и не подвергаются; это обитатели тѣхъ тропическихъ странъ, въ которыхъ рѣзко разграничены сухое и дождливое времена года; все остроуміе подобныхъ растений сводится къ тому, что они начинаютъ цвѣсти лишь по окончаніи періода дождей, когда, слѣдовательно, всякая опасность смачиванія миновала. Но въ нашихъ широтахъ раскрывшійся цвѣтокъ долженъ постоянно имѣть въ

Рис. 144.

виду возможность смачиванія его пыли дождемъ. Опасность эта устраняется у разныхъ растений чрезвычайно различными средствами. Одно изъ простѣйшихъ состоитъ въ томъ, что цвѣтокъ является поникшимъ, обращаясь своимъ отверстиемъ внизъ; покровъ цвѣтка образуетъ тогда какъ бы естественную крышу, по которой скатываются дождевыя капли, не смачивая прикрытыхъ ею половыхъ органовъ цвѣтка. Всякому знакомо это устройство на цвѣточкахъ лавдыша; тоже можно видѣть у брусники, вереска и другихъ. У нѣкоторыхъ растений цвѣты, сами по себѣ довольно беззащитные, прячутся подъ листья, что прекрасно видно, напримеръ, у нашей липы. Бросивъ взглядъ на рис. 144, читатель, безъ сомнѣнія, вспомнитъ о весьма распространенномъ у насъ растеніи (*Trollius*), цвѣтущемъ весною и въ народѣ называемомъ бубенчиками. Какъ превосходно защищены его крупные желтые цвѣты отъ смачиванія дождемъ существенныхъ органовъ ихъ! Многочисленные лепестки прикрываютъ другъ друга такъ, что совершенно не видно скрытыхъ внутри цвѣтка многочисленныхъ тычинокъ и плодниковъ, и дождевыя капли неминуемо скатываются съ золотистой поверхности. Въ большой группѣ растений, извѣстныхъ подъ именемъ мотыльковыхъ и знакомыхъ всякому по душистому горошку, тычинки (вмѣстѣ съ пестикомъ) совершенно скрыты въ такъ называемой лодочкѣ цвѣтка; насѣкомое, садясь на цвѣтокъ, тяжестью своего тѣла можетъ отогнуть эту лодочку внизъ и обнажить при этомъ тычинки, отъ дождя же онѣ вполнѣ гарантиро-

вазы. Не менѣе цѣлесообразнымъ представляется устройство цвѣтовъ у растений губоцвѣтныхъ, гдѣ верхняя губа вѣнчика чаще всего имѣетъ видъ шлема; подъ этимъ выпуклымъ сводомъ тычинки находятъ себѣ прекрасный пріютъ отъ всегда возможнаго дождя. Въ цвѣткахъ касатиковъ (*Iris*) тычинки скрываются подъ широкими лентовиднымъ рыльцами. У нѣкоторыхъ альпійскихъ растений вѣнчикъ при вершинѣ имѣетъ видъ тарелки и отверстіе, ведущее въ трубчатую часть цвѣтка, гдѣ скрыты тычинки и пестикъ, обращено къ верху и ничѣмъ не прикрыто. Смачиваніе пыли при дождѣ кажется здѣсь неминуемымъ, а между тѣмъ возможность его совершенно устранена тѣмъ, что трубка вѣнчика при вершинѣ сжата, какъ бы перетянута; насѣкомымъ съ тонкимъ хоботкомъ этотъ перехват нисколько не мѣшаетъ лакомиться покоящимся на днѣ цвѣтка сладкимъ сокомъ, но водяныя капли задерживаются на тарелкѣ, не проникая внутрь, и скатываются отъ вѣтра.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ цвѣтокъ разъ навсегда защищенъ отъ смачиванія пыли самымъ устройствомъ своимъ

или положеніемъ. Но весьма часто беззащитный на первый взглядъ цвѣтокъ достигаетъ той же цѣли, измѣняя относительное положеніе своихъ частей въ случаѣ угрожающей опасности. Это наблюдается особенно въ цвѣтахъ широко раскрытыхъ и обращенныхъ отверстіемъ кверху. Таковы, напримѣръ, цвѣты шафрановъ (*Crocus*), служащіе однимъ изъ главныхъ украшеній нашихъ степей въ весеннюю пору. На рис. 145 мы видимъ справа цвѣтокъ, какимъ онъ представляется въ хорошей солнечный день, слѣва же — ночью или въ дождливую погоду: лепестки сомкнулись на подобіе бутона и пыльники, равно какъ и рыльца, скрылись во внутрен-

Рис. 145.

ности замкнутого покрова. Еще оригинальнѣе способъ защиты, къ которому прибѣгаетъ эшольдія, растеніе, близкое къ нашему маку (рис. 146, фиг. 1 и 2); въ дурную погоду каждый изъ четырехъ крупныхъ лепестковъ ея свертывается отдѣльно трубочкою, обво-

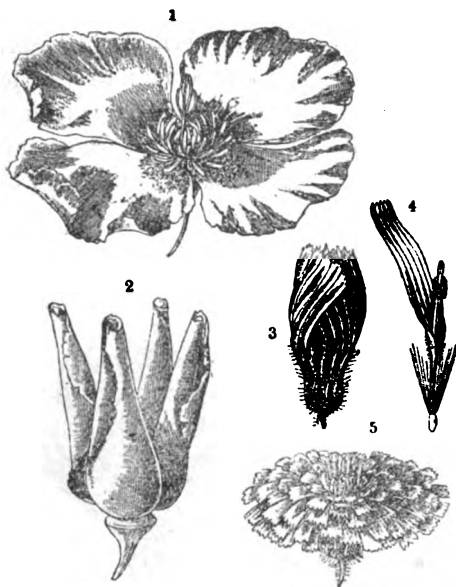

Рис. 146.

лакивая собою часть многочисленныхъ тычинокъ цвѣтка. На томъ же рисункѣ (146, фиг. 3—5) изображены соответствующія измѣненія въ такъ называемыхъ корзинкахъ сложноцвѣтнаго (ястребинки). Какъ извѣстно, въ этомъ громадномъ семействѣ, представителями котораго могутъ служить васильки, ромашка, маргаритка, георгина, одуванчикъ и т. п., то, что на первый взглядъ производитъ впечатлѣніе одного крупнаго цвѣтка, при ближайшемъ анализѣ оказывается тѣснымъ скопленіемъ (корзинкою) много-

численныхъ мелкихъ цвѣтковъ. На фиг. 4 представленъ одинъ изъ такихъ цвѣтковъ ястребинки; вѣнчикъ имѣетъ здѣсь при основаніи видъ трубочки, а далѣе отогнуть въ видѣ язычка, какъ выражаются ботаники. Днемъ въ хорошую погоду язычки эти расправлены болѣе или менѣе горизонтально (фиг. 5), на ночь же и въ дождь они приподнимаются вертикально и болѣе крупные язычки вѣшнихъ цвѣтковъ обволакиваютъ собою внутренніе (фиг. 3); общій видъ корзинки рѣзко измѣняется, какъ это легче всего замѣтить на одуванчикѣ, напримѣръ. У другихъ сложноцвѣтныхъ самыя цвѣты положенія своего не мѣняютъ, но превосходною защитою въ случаѣ надобности служатъ имъ особые листья, облекающіе корзинку снаружи и составляющіе то, что ботаники называютъ оберткою. На рис. 147 изображено альпійское растеніе (*Carlina acaulis*), близко сродное нашему чертополоху, лопуху и т. п.; слѣва мы видимъ его въ дурную погоду или ночью, а справа—въ солнечный день; сомкнутые въ первомъ случаѣ и растопыренные во второмъ—лучи на окружности корзинки здѣсь не язычковидные цвѣты, какъ, напримѣръ, у ромашки, а листочки обертки.

Быгъ можетъ, я нѣсколько увлекся, остановившись такъ долго

на различныхъ приспособленіяхъ, направленныхъ къ защитѣ плодотворной пыли отъ дождя. Надѣюсь, однако, что читатель меня за это не осудитъ. Рѣзкая переиѣна общей картины цвѣтущаго луга, смотря по погодѣ или времени дня, знакомая богѣе или менѣе каждому, способна навести на размышленіе. Цѣлесообразность бьетъ здѣсь въ глаза и невольно напрашивается сравненіе съ людскимъ муравейникомъ, съ его раскрытыми въ дождь зонтиками, закутываніемъ въ плащи и т. п. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ, несомнѣнно, дѣло съ актами сознательными, разумными, ну, а тамъ, на лугу, мы видимъ проявленія чего-то темнаго, называемаго нами въ животномъ мірѣ инстинктомъ, какого-то

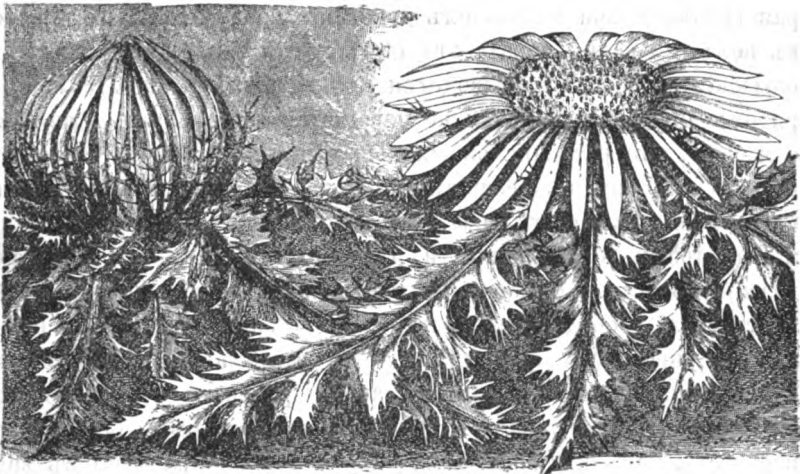

Рис. 147.

безсознательнаго разума, умѣющаго приноровляться къ условіямъ, выжидать и, при помощи самыхъ разнообразныхъ средствъ, достигать полезныхъ организму цѣлей.

И такъ, вода лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ служитъ для переноски пыли на рыльца. Обыкновенно это производится либо вѣтромъ, либо животными, главнымъ образомъ насѣкомыми. Сообразно съ этимъ, можно всѣ цвѣтущія растенія раздѣлить на опыляемыя вѣтромъ или *анемофильныя* и—опыляемыя животными или *зоидіофильныя*. Вполнѣ строго провести такое дѣленіе однако не всегда удастся. Есть растенія (верескъ, напримѣръ), едва раскрывшіеся цвѣтки которыхъ обильно посѣщаются насѣкомыми, привлекаемыми медомъ, но вскорѣ запасъ меда изсякаетъ, зато нити тычинокъ сильно вытягиваются, пыльники высовываются свободно изъ цвѣтка, и пыльца можетъ разноситься вѣтромъ. Здѣсь,

*

можно сказать, на случай неудачи перваго способа опыленія припасенъ второй. Какъ бы то ни было, существуетъ не мало растеній, опыленіе которыхъ производится исключительно вѣтромъ. По приблизительному разсчету сюда относится десятая часть всѣхъ растеній нашихъ странъ (цвѣтковыхъ, разумѣется). Таковы большинство нашихъ древесныхъ растеній (кромѣ липы, кленовъ и плодовыхъ), а изъ травянистыхъ въ особенности злаки и сродныя съ ними осоки, щавели, конопля, крапива и многія другія. Общая черта ихъ заключается въ мелкости и невзрачности ихъ цвѣтовъ, которые лишены яркой окраски, не имѣютъ запаха, и обыкновенно, не заключаютъ меда. Пыльца превосходно приспособлена къ разнесенію вѣтромъ: пылинки совершенно гладкія, отнюдь не клейкія, разсѣиваются при малѣйшемъ дуновеніи воздуха и долго носятся въ немъ, не падая внизъ; это тѣмъ характернѣе, что у растеній, опыленіе которыхъ производится насѣкомыми, пыльца сплошь и рядомъ липкая, вязкая и не порохится вовсе. Давно уже было замѣчено, что растенія, опыляемая вѣтромъ, цвѣтутъ часто раннею весною, еще въ безлиственномъ состояніи; таковы большинство нашихъ ивъ (впрочемъ, ивы, заключающія медъ, опыляются насѣкомыми), тополи, ольхи, вязы и др. Обстоятельство это, очевидно, должно облегчать опыленіе, такъ какъ отсутствіе листвы позволяетъ пыли свободнѣе разноситься во всѣ стороны. Рыльца, обыкновенно, прекрасно приспособлены къ задержанію носящихся въ воздухѣ пылинкокъ; благодаря слабому развитію покрововъ, они свободно выставляются изъ цвѣтка и представляютъ большую поверхность, такъ какъ покрыты бахромками или развиты въ видѣ перышекъ, что особенно хорошо выражено у злаковъ (рис. 148). Но едва-ли не важнѣйшее условіе, обезпечивающее успѣхъ при опыленіи вѣтромъ, это изобиліе пыльцы. Когда цвѣтетъ сосна, напримѣръ, при сотрясеніи ея вѣтви поднимаются въ воздухѣ цѣлая облака желтой пыли, подавшія поводъ къ ложнымъ показаніямъ о падающемъ съ неба сѣрнымъ дождѣ. Въ этой необходимости производить массу пылинкокъ, большая часть которыхъ, безъ сомнѣнія, пропадетъ, не достигнувъ цѣли, заключается очевидная невыгода подобнаго первобытнаго способа опыленія, при которомъ растеніе выпускаетъ свою пыльцу, въ буквальномъ смыслѣ, «на вѣтеръ».

Наиболѣе любопытныя приспособленія для опыленія вѣтромъ обнаруживаютъ злаки. Рис. 148 поясняетъ этотъ процессъ на примѣрѣ французскаго райграса (одного изъ дикихъ овсовъ). Цвѣтетъ этотъ злакъ метелкою, подобно всѣмъ извѣстному овсу. На рисункѣ представлены два, такъ-называемыхъ, колоска изъ этой

метелки. Внутри каждого колоска, охваченнаго двумя чешуями, известными подъ именемъ створокъ, находится здѣсь по два цвѣтка (у другихъ злаковъ въ колоскѣ заключенъ всего одинъ, а не то и больше двухъ цвѣтковъ). Вначалѣ створки колоска плотно сомкнуты, скрывая содержащіяся въ нихъ цвѣтки. Но внутри колоска при основаніи находятся крошечныя бородавки, которыя, въ хорошую погоду, быстро наливаясь водою, заставляютъ створки почти внезапно разступиться; раздвигаются вмѣстѣ съ тѣмъ и двѣ чешуйки (пленки), имѣющіяся въ каждомъ изъ двухъ цвѣтковъ колоска. Сначала высовываются наружу только перистыя рыльца; нѣсколько позже настаетъ очередь тычинокъ, которыхъ въ каждомъ цвѣткѣ три. Нити ихъ, до тѣхъ поръ едва замѣтныя, вы-

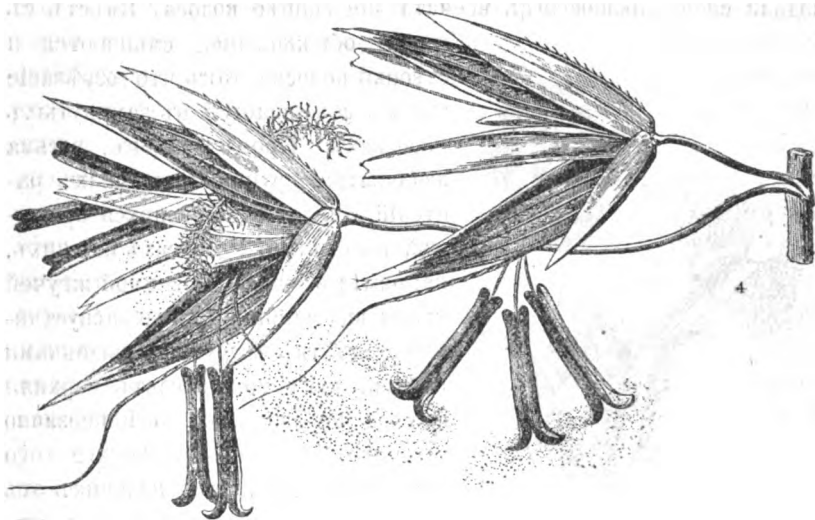

Рис. 148.

тягиваются съ невѣроятною быстротою: въ какихъ-нибудь 10 минутъ, онѣ уже четверо длиннѣе прежняго. Пыльники, качающіеся на своихъ нитяхъ, словно на шарнирахъ, трескаются по всей длинѣ, но трещины расширяются въ настоящія отверстія только при вершинѣ и пыль отсюда высыпается небольшими порціями при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. Дурная погода задерживаетъ вскрытіе колосковъ нерѣдко на нѣсколько дней; растение какъ бы выжидаетъ благоприятнаго момента, чтобы приступить къ этой операціи. Если эти ожиданія слишкомъ долго не оправдываются, то пыльники могутъ лопнуть (отъ нетерпѣнія) внутри замкнутаго колоска и пыль, конечно, попадаетъ на рыльце того же самаго цвѣтка; такое самоопыленіе наступаетъ, на примѣръ, у яменя и пшеницы въ случаѣ продолжительнаго ненастья. Вскрытіе колосковъ совер-

шается въ извѣстные часы дня, различныя для разныхъ злаковъ; чаще всего утромъ, на разсвѣтѣ. Изображенный на рис. 148 злакъ въ этомъ отношеніи одинъ изъ самыхъ раннихъ: онъ начинаетъ пылить между 4 и 5 часами утра, пшеница и ячмень просыпаются часомъ позже, за ними овесъ; немногіе злаки (напримѣръ, костры—*Bromus*) вскрываютъ свои колоски послѣ полудня. Опустѣвшіе пыльники остаются висѣть до вечера, а затѣмъ опадаютъ. У злаковъ, цвѣтущихъ, подобно овсу, метелкою, съ раскрываніемъ колосковъ связано чрезвычайно рѣзкое измѣненіе послѣдней: вѣтви метелки, до тѣхъ поръ прижатыя вертикально къ стержню, растопыряются болѣе или, менѣе горизонтально, а когда цвѣтеніе окончено, снова принимаютъ прежнее положеніе, такъ что метелка издали снова производитъ впечатлѣніе скорѣе колоса. Вмѣстѣ съ

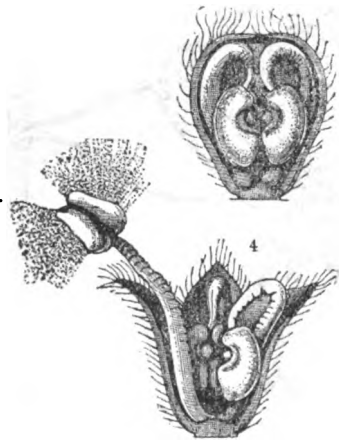

Рис. 149.

тѣмъ, обыкновенно, смыкаются и створки колоска, такъ что созрѣваніе зеренъ совершается въ замкнутыхъ колоскахъ. Кромѣ злаковъ, весьма любопытна группа крапивныхъ растений, также опыляющихся при содѣйствіи вѣтра. У многихъ изъ нихъ, напримѣръ, у обыкновенной жгучей крапивы, тычинки въ нераспустившемся цвѣткѣ закручены пылинками внутрь, какъ показываетъ верхняя фигура на рис. 149; онѣ внезапно выпрямляются (нижняя фигура того же рисунка), причѣмъ пыльникъ отъ сотрясенія лопается и выпускаетъ облачко пыли. Въ совершенно тихую

или дождливую погоду явленіе не происходитъ; растение и здѣсь какъ бы выжидаетъ благоприятныхъ для достиженія цѣли условій.

Какъ уже сказано, опыляется при помощи вѣтра не болѣе десятой части всѣхъ цвѣтковыхъ растений. Громадное большинство для перенесенія пыльцы прибѣгаетъ къ содѣйствію *животныхъ* причѣмъ главнѣйшую роль играютъ *насъкомыя*, изрѣдка мелкія *птички* (колибри подѣ тропиками) или, по нѣкоторымъ все еще сомнительнымъ показаніямъ, *улитки*. Судя по необычному распространенію опыленія съ помощью *насъкомыхъ*, очевидно, что этотъ способъ оказался наиболѣе практичнымъ. Не всѣ отряды *насъкомыхъ* имѣютъ для растений одинаковую важность; на первомъ планѣ стоятъ перепончатокрылыя (напримѣръ, пчелы) и чешуекрылыя, т.-е. бабочки, тогда какъ жуки, напримѣръ, рѣдко спо-

способствуютъ опыленію. Не подлежитъ сомнѣнію, что опыленіе насѣкомыми при развитіи растительнаго міра на землѣ появилось позже опыленія вѣтромъ; доказательствомъ служитъ уже то, что старѣйшія изъ сѣмянныхъ растений—голосѣмянныя принадлежатъ къ вѣтроопыляющимся. Такимъ образомъ, изъ растений, лишенихъ нектара и окрашенныхъ покрововъ, постепенно развились растенія съ сладкимъ сокомъ и яркимъ вѣнчикомъ, а разъ выработался способъ опыленія насѣкомыми—природа окончательно остановилась на немъ и разнообразила его на всѣ лады.

Общепринятая въ настоящее время «теорія цвѣтка» старается объяснить различныя особенности его, исходя изъ того основнаго положенія, что побочныя части цвѣтка такъ или иначе способствуютъ перекрестному опыленію съ помощью насѣкомыхъ. Съ этой точки зрѣнія нектаръ (медъ), обыкновенно выдѣляющійся въ извѣстномъ мѣстѣ цвѣтка, служитъ приманкою насѣкомымъ; растеніе жертвуетъ весьма цѣнное для него самого вещество (сахаръ), лишь бы добиться посѣщенія цвѣтка насѣкомымъ и съ его помощью достигнуть болѣе выгоднаго для растенія перекрестнаго опыленія; тамъ, гдѣ вѣтъ сладкаго сока, приманкою можетъ служить сама пыльца, усердно собираемая пчелами, напримѣръ. Окрашенные лепестки дѣлаютъ цвѣтокъ издали примѣтнымъ насѣкомому, играя роль какъ бы вывѣски, съ тою же цѣлью мелкіе цвѣтки охотно собираются въ тѣсныя группы, замѣтныя уже издали. Различныя формы, принимаемыя покровами цвѣтка, рассматриваются какъ приспособленія къ опыленію различными насѣкомыми. Одни растенія, въ силу устройства ихъ цвѣтка, доступны для самыхъ разнообразныхъ насѣкомыхъ, тогда какъ другія пріурочены къ посѣщенію лишь насѣкомыхъ извѣстной категоріи; такъ, напримѣръ, цвѣты съ длинною трубкою вѣнчика, на днѣ которой скрывается нектаръ, могутъ опыляться только насѣкомыми съ длиннымъ хоботкомъ, напримѣръ бабочками. Далѣе, форма, принимаемая лепестками, нерѣдко удовлетворительно объясняется, если принять въ соображеніе защиту меда и пыльцы отъ дождя, стремленіе создать площадку, на которой насѣкомое могло бы удобно расположиться, и т. д. Разумѣется, въ частностяхъ всей этой теоріи встрѣчается много увлеченій и натяжекъ; стремленіе объяснить каждую крапинку въ вѣнчикѣ, указывающую будто бы насѣкомому путь къ нектару, неволью вызываетъ у многихъ скептическую улыбку, но въ цѣломъ, въ основѣ своей, эта теорія наврядъ ли можетъ быть оспариваема, и разъ мы ее отвергнемъ—мы очутимся по отношенію къ формамъ цвѣтка въ совершенныхъ погемкахъ. Съ легкой руки Дарвина, воскресившаго изъ забытія

замѣчательныя открытія Шпренгеля, ученые ревностно занялись изученіемъ различныхъ приспособленій къ перекрестному опыленію, и въ сравнительно короткое время вопросъ этотъ породилъ громадную литературу.

Насѣкомыя посѣщаютъ цвѣты съ различными цѣлями. Въ нѣкоторыхъ, сравнительно рѣдкихъ случаяхъ это дѣлается съ цѣлью отложенія яицъ. Такъ, извѣстныя ночныя бабочки кладутъ яйца въ цвѣты гвоздичныхъ, а именно въ ихъ завязь. Вышедшія изъ яицъ гусеницы питаются яичками завязи или, вѣрнѣе, молодыми незрѣлыми сѣменами, потомъ прогрызаютъ стѣнку завязи, выбираются наружу и окукливаются въ землѣ. Большаго вреда расте-

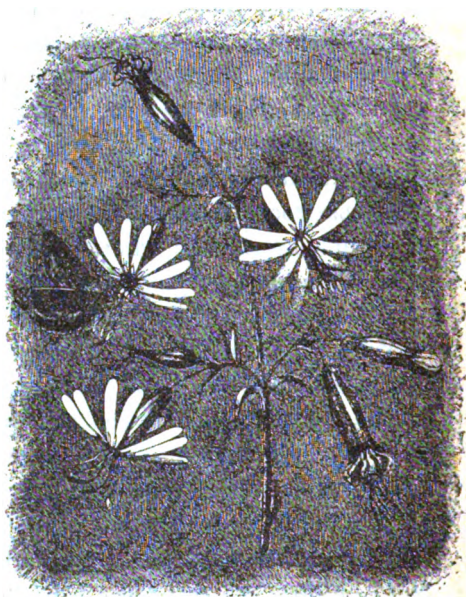
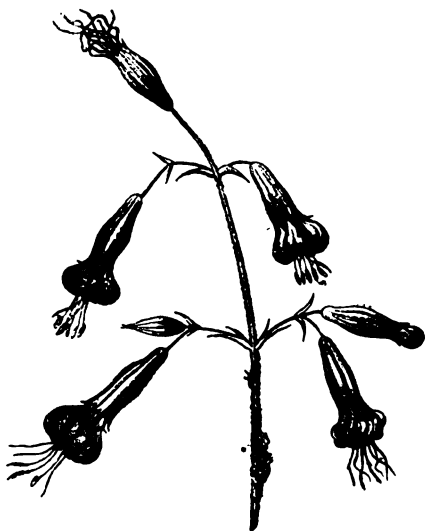

Рис. 150 и 151.

нію, при обиліи его яичекъ, бабочки этимъ, повидимому, не причиняютъ, а пользу приносятъ ему несомнѣнную, производя опыленіе его цвѣтковъ и притомъ, какъ выяснится ниже, перекрестное. Большинство такихъ гвоздичныхъ (изъ родовъ *Silene*, *Lychnis*) цвѣтеть ночью. Рисунки 150—151 поясняютъ дѣло для *Silene nutans*. Днемъ (рис. 150) цвѣты ея имѣютъ весьма невзрачный видъ, лепестки завернуты кончиками внутрь, закрывая отверстие цвѣтка, который производитъ впечатлѣніе увядшаго и этимъ вводитъ въ обманъ дневныхъ насѣкомыхъ, равнодушно пролетающихъ мимо. На ночь же эти самые цвѣты расправляютъ свой вѣнчикъ и привлекаютъ этимъ бабочекъ (рис. 151). Каждый цвѣтокъ распускается три ночи сряду, причемъ въ первую выставляются на-

ружу первыя пять тычинокъ, на вторую—другія пять (въ цвѣткахъ гвоздичныхъ всего десять тычинокъ), а на третью ночь, когда всѣ тычинки уже завяли, высовываются столбики съ рыльцами (въ числѣ трехъ).

Къ той же категоріи относится любопытное опыленіе смоковницы (*Ficus*), о которомъ мы упоминали уже въ историческомъ очеркѣ. Видовъ *Ficus* въ жаркихъ странахъ множество (до 600), но въ Европѣ встрѣчается дико и разводится лишь одинъ *Ficus Carica* (рис. 152). Когда дерево цвѣтетъ, на немъ появляются

Рис. 152.

словно груши; это оригинальныя соцвѣтія, цвѣтки которыхъ снаружи незамѣтны, — они скрыты внутри груши. Если послѣднюю разрѣзать, то въ ней оказывается полость (рис. 153, фиг. 1 и 2), лишь узкимъ отверстіемъ на верхнемъ тупомъ концѣ груши открывающаяся наружу; стѣнки этой полости густо-усыяны мелкими некрасивыми цвѣточками, которые оказываются различными, смотря по экземпляру. Если это настоящій *Ficus*, т. е. культурный экземпляръ, дающій винныя ягоды или фиги, то внутри грушевиднаго соцвѣтія (фиг. 1) оказываются исключительно женскіе цвѣточки, одинъ изъ которыхъ представленъ отдѣльно на фигурѣ 3. Если же это дикая смоковница, называемая *sarificus* (см. выше, въ первой главѣ), плодовъ недающая, то внутри ея грушъ (фиг. 2) находятся цвѣты двоякаго рода: одни изъ нихъ занимающіе небольшую верхнюю часть полости, близъ узкаго наружнаго отверстія, чисто мужскіе (на рис. 153 они не изображены); всѣ же прочіе, одинъ изъ которыхъ представленъ отдѣльно на фиг. 4, производятъ на первый взглядъ впечатлѣніе женскихъ; однако, при сравненіи съ настоящимъ женскимъ цвѣткомъ (фиг. 3) поражаетъ сильное вздутіе завязи ихъ, а главное, короткость ихъ

столбика. Это особые женскіе цвѣтки, спеціально предназначенные для отложенія въ нихъ яицъ извѣстнымъ насѣкомымъ изъ орѣхотворокъ, представленныхъ въ естественную величину на фиг. 6, а въ увеличенномъ видѣ на фиг. 7. Насѣкомое забирается чрезъ отверстіе во внутренность груши и тамъ, прободая своимъ короткимъ яйцекладомъ короткій столбикъ, сноситъ въ полость завязи яйцо, изъ котораго развивается личинка; яичко растенія гложетъ, завязь же вздувается, образуя галль или орѣшекъ, вродѣ общеизвѣстныхъ чернильныхъ орѣшковъ на дубахъ. Впослѣдствіи изъ этихъ галль вылупляются взрослые насѣкомыя, сначала безкрылые самцы, а нѣсколько позже и крылатыя самки. На фиг. 5 мы видимъ уморительную рожицу самки, собираю-

Рис. 153.

щейся покинуть свою оригинальную колыбель. Пробираясь затѣмъ къ выводящему отверстию груши, насѣкомое неминуемо приходитъ въ соприкосновеніе съ расположенными здѣсь мужскими цвѣтами и вылѣзаетъ обсыпанное пылью. Очувившись на свободѣ, самка тотчасъ бѣгомъ (именно—бѣгомъ, не пользуясь крыльями) направляется къ другой грушѣ по сосѣдству, торопясь отложить яйца. Если она случайно заберется въ соцвѣтіе женскаго экземпляра, то произведетъ тамъ опыленіе рылецъ, но яйца отложить совершенно втунѣ: короткій яйцекладъ ея по длинному столбику (фиг. 3) не въ состояніи проникнуть до завязи и снесенное яйцо не развивается. Изъ всего сказаннаго, очевидно, что у *Ficus* опыленіе, въ силу расположенія мужскихъ и женскихъ цвѣтовъ въ отдѣльныхъ замкнутыхъ полостяхъ, совершенно-немыслимо иначе, какъ при содѣйствіи подходящаго насѣкомаго. Правда, что для культурныхъ цѣлей оно и ненужно, такъ какъ прекрасныя, сочныя фиги развиваются и безъ всякаго опыленія; только сѣмянъ онѣ при этомъ, разумѣется, не содержатъ. Съ этой точки зрѣніи

такъ называемая капрификація, практикуемая и до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ (см. первую главу), дѣйствительно оказывается предрасудкомъ, сохранившимся отъ тѣхъ временъ, когда смоковницу разводили изъ сѣмянъ, тогда какъ теперь ее размножаютъ черенками.

Но какъ ни удивительны явленія, сопровождающія опыленіе смоковницы, еще поразительнѣе то, что наблюдается при опыленіи нѣкоторыхъ юккъ (Уисса). Эти лилейныя растенія, близко сродныя съ драценами, столь часто воспитываемыми въ комнатахъ, цвѣтутъ крупными колокольчатыми поникшими цвѣтами, которые распускаются только на одну ночь. Безъ содѣйствія насѣкомыхъ, и притомъ извѣстныхъ, подходящихъ насѣкомыхъ, липкая, связанная пыльца юккъ не можетъ никакъ попасть на рыльце. Такимъ насѣкомымъ оказывается особая моль, посѣщающая цвѣтокъ юкки, чтобы отложить яйца въ его завязь. Но въ тоже время она набираетъ изъ тычинокъ большой комъ пыльцы, по размѣрамъ нерѣдко втрое превосходящій собственную ея голову, и тщательно запикиваетъ его въ воронковидное углубленіе рыльца. Такой поступокъ со стороны моли въ высшей степени цѣлесообразенъ: безъ этого не произошло бы оплодотворенія, яички растенія не стали бы разрастаться въ сѣмена и ея собственному потомству, вылупившемуся внутри завязи изъ отложенныхъ ею яичекъ, нечего было бы тамъ жрать. Но невольно является вопросъ: откуда у нея такая необычайная догадливость и такія глубокія научныя познанія? Она, эта ничтожная моль, своимъ бессознательнымъ разумомъ знаетъ, что для развитія яичекъ нужно содѣйствіе пыльцы и знаетъ, куда эту пыльцу надо положить, знаетъ то, чего не знали ни великій Аристотель, ни гениальный Ньютонъ! Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься, а между тѣмъ умъ рѣшительно отказывается представить себѣ, хоть сколько-нибудь наглядно, какимъ путемъ могли выработаться столь удивительно сложные соотношенія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ насѣкомыя забираются въ цвѣты съ цѣлью найти въ нихъ убѣжище, особенно на ночь или въ непогоду, благо во внутренности цвѣтка и сухо, и тепло, а подчасъ и сладко. Такъ поступаютъ въ особенности жучки, мухи и сѣтчатокрылыя, не имѣющія постоянныхъ жилищъ. Цвѣты колокольчиковъ, аконитовъ, напримѣръ, служатъ имъ излюбленнымъ пристанищемъ, въ которомъ они нерѣдко проводятъ даже нѣсколько дней сряду. Иногда, однако, такая невинная экскурсія оканчивается весьма печально: забравшись внутрь цвѣтка или, въ другихъ случаяхъ, цѣлаго соцвѣтія, несчастныя насѣкомыя не въ состояніи уже оттуда

выбраться,—они попались въ западню; растеніе, руководясь своими цѣлями, устроило имъ ловушку, стоющую имъ жизни или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ дней томительнаго безпокойства. На-

Рис. 154.

болѣе извѣстны ловушки аронниковъ (*Arum*) и кирказоновъ (*Aristolochia*). Аронники цвѣтутъ початками, т. е. колосьями съ толстымъ стержнемъ, охваченнымъ крыловиднымъ чехломъ. Одинъ такой початокъ представленъ на рис. 154, причеиъ нижняя часть его вскрыта продольнымъ разрѣзомъ, чтобы показать внутренность. Это отнюдь не цвѣтокъ, а цѣлое соцвѣтіе. Выставляется изъ чехла только бесплодная часть стержня, утолщенная на подобіе булавы, цвѣтки же скрыты внутри котловидно-расширенной нижней части чехла. Они сидятъ здѣсь на стержнѣ двумя группами: въ самомъ низу женскіе, а повыше отдѣленные небольшимъ промежуткомъ отъ первыхъ, — мужскіе. Но кромѣ цвѣтовъ тутъ же на стержнѣ помѣщаются, то въ одномъ лишь мѣстѣ, то даже въ двухъ, какъ у растенія, изображеннаго на рис. 154, образованія вродѣ волосковъ, направленныхъ остріями внизъ; они составляютъ, въ силу своего расположенія, какъ бы клапаны, позволяющіе насѣкомымъ свободно проникать во внутрь котла, но преграждающіе имъ выходъ оттуда. Початки аронниковъ, благодаря своему энергичному дыханію, какъ давно извѣстно физиологамъ, очень сильно нагрѣваются; внутри котла температура достигаетъ часто 30 и даже 40 градусовъ. Это-ли обстоятельство или отвратительный

трупный запахъ, издаваемый обыкновенно цвѣтущими початками, или, наконецъ, пустое любопытство привлекаетъ насѣкомыхъ, но они забираются во множествѣ во внутрь котла, въ особенности мухи

и жучки. Въ початкѣ одного изъ наиболѣе жестокихъ аронниковъ, раскрывшемся утромъ, къ вечеру того-же дня найдено было 466 мухъ, изъ коихъ 438 оказались уже мертвыми. Обыкновенно однако дѣло кончается менѣе трагически; плѣненіе насѣкомыхъ въ котлѣ лишь временное, однако продолжается нѣсколько дней. Когда раскроются пыльники мужскихъ цвѣтковъ и высыплютъ на дно котла свою пыльцу, то упомянутые выше волоски, мѣшавшіе выходу насѣкомыхъ, начинаютъ сохнуть, препятствіе устраняется, и мухи спѣшатъ выбраться на свободу.

Смыслъ оригинальнаго описаннаго устройства, временно задерживающаго насѣкомыхъ въ котлѣ початка, надо сознаться, несовѣтъ ясенъ. Обыкновенно, въ немъ усматриваютъ хитроумное приспособленіе къ производству перекрестнаго опыленія при помощи невольныхъ узниковъ, ссылаясь на то, что мужскіе цвѣтки початка распускаются всегда нѣсколько позже женскихъ. Для этого, однако, необходимо предположить, что насѣкомое, обсыпанное при выходѣ изъ котла пыльцею, тотчасъ направится въ другой початокъ и снова подвергнетъ себя, на этотъ разъ уже добровольному, заточенію. Только при этомъ условіи на рыльцахъ женскихъ цвѣтковъ, распускающіяся, какъ сказано раньше тычинокъ мужскихъ, могла бы попасть пыльца изъ другаго початка. Между тѣмъ, судя по фактамъ, выяснившимся въ последнее время относительно кирказоновъ такое предположеніе является

весьма мало вѣроятнымъ. Цвѣты кирказоновъ (рис. 155) по внѣшности напоминаютъ початки аронниковъ, но большая разница въ томъ, что здѣсь это одинъ крупный цвѣтокъ, а тамъ—цѣлое соцвѣтіе. Роль чехла, исполняемую у аронниковъ особымъ листомъ, у кирказоновъ играетъ покровъ цвѣтка. Онъ тоже суженъ въ средней части, (*p*), а при основаніи расширенъ на подобіе котла (*k*). Подъ этимъ расширеніемъ находится обнаженная длинная завязь (*kf*), широкое же рыльце *n*, а также расположенныя непосред-

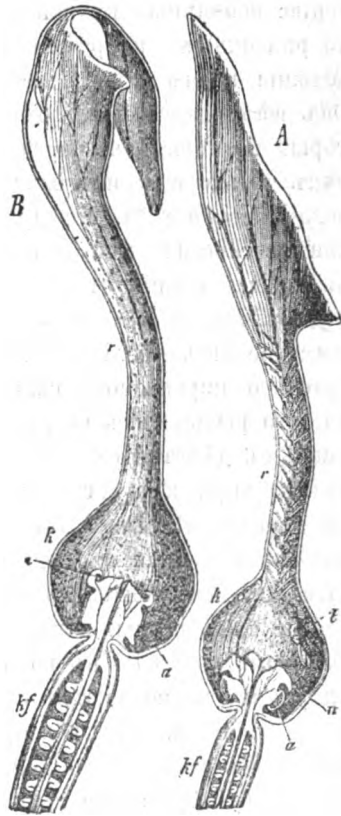

Рис. 155.

ственно подъ нимъ тычинки (а) скрыты внутри котла. Вся сѣуженная, трубчатая часть покрова усажена совнутри (рис. 155, фиг. А) волосками, направленными внизъ, вслѣдствіе чего насѣкомыя и здѣсь могутъ свободно забраться въ котель, но не въ состояніи оттуда выбраться до тѣхъ поръ, пока не засохнутъ и не отпадутъ упомянутые волоски (фиг. В), что дѣйствительно происходитъ подъ конецъ цвѣтенія. Шпренгель, впервые описавшій это устройство цвѣтка кирказоновъ, считалъ его приспособленнымъ къ самоопыленію: пойманныя въ западню насѣкомыя, тревожно перемѣщаясь по различнымъ направленіямъ внутри своей тюрьмы, неминуемо должны, по его мнѣнію, перенести пыль изъ тычинокъ на рыльце. Онъ восторгался при этомъ мудростью и милосердіемъ Творца, который не томитъ несчастныхъ мушекъ въ неволѣ бесплодно, а, какъ только цѣль ихъ заключенія достигнута, предоставляетъ имъ полную свободу *). Между тѣмъ, когда въ нашемъ столѣтіи Дарвинъ воскресилъ изъ незаслуженнаго забвенія замѣчательно точныя изслѣдованія отца біологіи—Шпренгеля, явилось стремленіе, подъ вліяніемъ предвзятой идеи, всюду искать непремѣнно перекрестное опыленіе. И вотъ, стали утверждать, что Шпренгель относительно кирказоновъ сильно ошибся, не обративъ вниманія на то, что рыльце ихъ созрѣваетъ раньше, чѣмъ раскроются пыльники; въ дѣйствительности, насѣкомое, будто бы, вылетаетъ изъ цвѣтка кирказона обсыпанное пыльцею, и, забираясь тотчасъ же въ другой цвѣтокъ, оставляетъ ее на рыльцѣ послѣдняго. Однако, новѣйшія точныя наблюденія *Бурка* на островѣ Явѣ ясно доказали всю несостоятельность подобнаго толкованія: насѣкомыя вовсе не такъ глупы, какъ предполагали умные изслѣдователи, и, побывавъ однажды въ подобномъ невольномъ заточеніи, вторично на удочку не поддаются и ни за что въ подобные цвѣтки уже не заираются. Буркъ хлороформировалъ свѣжіе цвѣты кирказоновъ подвѣчеръ того дня, когда они распустились; къ этому времени они успѣвали уже наловить значительное число мушекъ, а пыльники оставались еще замкнутыми,—они раскрываются только на второй день цвѣтенія. Тщательный осмотръ насѣкомыхъ, извлеченныхъ изъ хлороформированныхъ цвѣтовъ, а равно и самыхъ цвѣтовъ, не открылъ, буквально, ни единой пылинки; очевидно, что мушки попали туда впервые, а не изъ другаго цвѣтка. Кромѣ того между яванскими кирказонами оказался одинъ видъ, настолько жестокій, что онъ не выпускаетъ вовсе однажды попавшихъ въ его

*) Подробности см. въ моей статьѣ «Столѣтіе тайны природы» («Миръ Божій», декабрь 1894).

котель насѣкомыхъ вплоть до ихъ смерти. О перекрестномъ опыленіи у кирказоновъ, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи. Въ виду этихъ ясныхъ результатовъ оно становится сомнительнымъ и для аронниковъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ насѣкомыя посѣщаютъ цвѣты въ поискахъ за пищею или лакомствомъ. Иногда, какъ, напримѣръ, въ цвѣтахъ анемоновъ, мака, розы, единственною пищею насѣкомымъ служить пыльца. Это, обыкновенно, широко раскрытые, чашкообразные цвѣты, устроенные сравнительно просто, лишенные меда, и всегда снабженные многочисленными тычинками. Между орхидными есть растенія, съ успѣхомъ предлагающія насѣкомымъ, вмѣсто настоящей, ложную пыльцу: съ поверхности одного изъ лепестковъ, называемаго губою, отдѣляются, въ видѣ порошинокъ, клѣточки, паразитально похожія на пыльцу и изобилующія питательными веществами. Но чаще всего приманкою насѣкомому служитъ медъ (нектаръ), выдѣляемый извѣстными, строго опредѣленными частями цвѣтка. Каждый изъ органовъ послѣдняго, чашелистики, лепестки, тычинки, пестикъ или, наконецъ, такъ называемый, торъ цвѣтка, на которомъ располагаются перечисленные его органы, можетъ, смотря по растенію, цѣликомъ или въ извѣстной части своей, служить для отдѣленія меда, играть роль нектарія или медника, или же являться медохранилищемъ. Въ этомъ отношеніи природа обнаруживаетъ неистощимое разнообразіе. Въ однихъ цвѣтахъ, напримѣръ, у зонтичныхъ, медъ отдѣляется открыто и въ такомъ случаѣ становится доступнымъ самымъ разнообразнымъ насѣкомымъ. Чаше, однако, онъ снаружи не примѣтенъ, верѣдко скрытъ гдѣ-нибудь глубоко на днѣ цвѣтка или въ особомъ вмѣстилищѣ и доступенъ лишь насѣкомымъ извѣстной организаціи, напримѣръ, снабженнымъ длиннымъ хоботкомъ. Съ этой точки зрѣнія одни цвѣты оказываются приспособленными къ опыленію специально бабочками, то дневными, то ночными (какъ описанная выше *Silene nutans*, рис. 150 и 151), другіе—къ опыленію осами, третьи—пчелами, четвертые—мухами и т. д. Насколько тѣсно иногда это соотношеніе, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстное растеніе, будучи перенесено въ чуждую ему страну, иногда оказывалось почти или совершенно бесплоднымъ, за отсутствіемъ подходящаго для его опыленія насѣкомаго. Яблоня, напримѣръ, попавъ въ Австралію, первое время совершенно не давала плодовъ, несмотря на роскошное цвѣтеніе, пока однимъ изъ переселенцевъ не были привезены туда пчелы. Клеверъ въ той же Австраліи сталъ давать обильныя сѣмена лишь съ появленіемъ

шмелей, такъ какъ ни одно изъ туземныхъ насѣкомыхъ не оказалось подходящимъ для совершенія опыленія. Съ этой же точки зрѣнія объясняется общеизвѣстное и столь распространенное явленіе пустоцвѣта; обильное цвѣтеніе не всегда служитъ гарантіею обильнаго образованія плодовъ: если цвѣтеніе происходитъ въ холодную, дождливую погоду, препятствующую лету насѣкомыхъ, то плодовъ завязывается мало.

Согласно общепринятой въ настоящее время теоріи, насѣкомое, посѣщая цвѣтокъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ производитъ не просто опыленіе вообще, а именно перекрестное опыленіе, безсознательно перенося на рыльце пыль, захваченную имъ изъ другаго цвѣтка. Самое устройство цвѣтка въ однихъ случаяхъ совершенно исключаетъ всякую возможность самоопыленія, въ другихъ—въ большей или меньшей степени затрудняетъ последнее, благоприятствуя опыленію перекрестному, дѣлая последнее болѣе вѣроятнымъ. Чаще всего, повидимому, цвѣтокъ устроенъ такъ, что самоопыленіе его не абсолютно невозможно, а только менѣе вѣроятно; оно, такъ сказать, припасается про запасъ, на всякій случай: если, вслѣдствіе какихъ-либо неблагоприятныхъ обстоятельствъ, не удастся перекрестное опыленіе при содѣйствіи насѣкомыхъ, тогда цвѣтокъ прибѣгаетъ къ послѣднему средству достигнуть цѣли—къ самоопыленію.

Самое простое и въ тоже время самое распространенное въ природѣ приспособленіе, препятствующее самоопыленію, заключается въ неодновременномъ развитіи мужскихъ и женскихъ органовъ каждаго отдѣльнаго цвѣтка. Явленіе это, открытое еще въ концѣ прошлаго столѣтія Шпренгелемъ, носитъ вообще названіе *дихогаміи*. Очевидно, что дихогамія можетъ проявиться двоякимъ образомъ: либо тычинки развиваются раньше пестика и пыль высыпается изъ пыльниковъ, когда рыльце еще не готово къ воспріятію, либо, наоборотъ—готовое къ воспріятію рыльце выставляется изъ цвѣтка въ то время, когда его пыльца еще не созрѣла. Первый случай называютъ *протандрією*, второй — *протогинією*. Возможность опыленія въ томъ и другомъ случаѣ легко понять, если имѣть въ виду, что цвѣты никогда не распускаются всѣ одновременно, а одни раньше, другіе позже; такимъ образомъ, за исключеніемъ самаго начала и самаго конца цвѣтенія, всегда будетъ готовая пыль въ однихъ, готовое рыльце въ другихъ цвѣткахъ того же вида. Тутъ-то и проявляется дѣятельность насѣкомаго. Перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, оно задѣнетъ въ одномъ случаѣ раскрышіеся пыльники и въ волоскахъ, покрывающихъ тѣло насѣкомаго, застрянетъ зрѣлая пыль, а въ другомъ

цвѣткѣ та же часть тѣла коснется ликаго, готоваго къ воспріятію рыльца, къ которому и пристанутъ пылинки. Протандрія встрѣчается въ природѣ чаще протогиніи; есть цѣлыя большія семейства, у всѣхъ представителей которыхъ пылинки созрѣваютъ раньше рыльца. Таковы сложноцвѣтныя, колокольчиковыя, зонтичныя, гераніевыя и другія. Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ протандріи служитъ цвѣтокъ полевой герани, изображенный на рис. 156. Онъ заключаетъ десять тычинокъ и столбикъ, заканчивающійся пятью рыльцами. Въ только-что распустившемся цвѣткѣ (лѣвая фигура) эти рыльца еще сложены лихими сторонами въ булавовидную головку (b). Тычинки, вначалѣ расправленныя горизонтально, вскорѣ приподнимаются (сначала только пять, потомъ и другія пять) и становятся вертикально, причемъ пылинки ихъ оказываются въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ

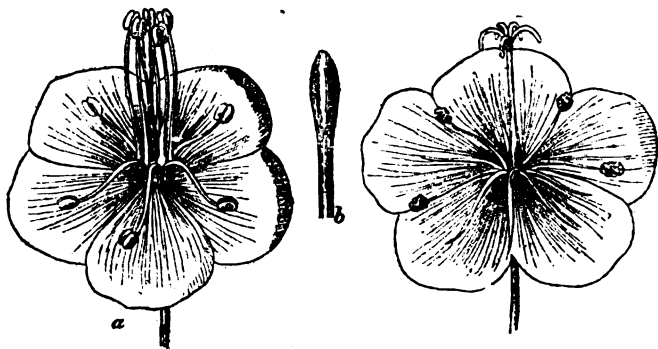

Рис. 156.

головкою сложенныхъ рылецъ. Въ это время пылинки трескаются, и пыльца увосится насѣкомыми. Вслѣдъ затѣмъ тычинки съ опорожненными пыльниками снова возвращаются въ прежнее горизонтальное положеніе. Только теперь (правая фигура рис. 156), расправляются сложенные до тѣхъ поръ рыльца. Такимъ образомъ обоеполюй цвѣтокъ герани проходитъ послѣдовательно чрезъ двѣ стадіи: вначалѣ онъ является, можно сказать, чисто мужскимъ, а потомъ, наоборотъ,—женскимъ. Очевидно, что на рыльце должна быть принесена здѣсь пыль изъ другаго, болѣе молодаго, т.-е. позже распустившагося цвѣтка, находящагося въ первомъ, мужскомъ періодѣ цвѣтенія. Описанное выше движеніе тычинокъ на первый взглядъ кажется направленнымъ къ самоопыленію; тычинки поднимаются словно нарочно для того, чтобы обсыпать пылецоу рыльце; но если принять во вниманіе, что рыльца въ это время сложены въ булаву, съ гладкой поверхности кото-

рой пыль скатывается, не задерживаясь, то приходится искать другого объясненія. Въ дѣйствительности, явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, должно помогать перекрестному опыленію. Посѣщая цвѣтокъ, насѣкомое располагается на немъ такъ, что принимаетъ опредѣленное положеніе по отношенію къ частямъ цвѣтка; вслѣдствіе вертикальнаго положенія тычинокъ во время ихъ зрѣлости, насѣкомое будетъ касаться зрѣлаго рыльца тою же частью своего тѣла, которою оно коснулось раньше раскрытыхъ пыльниковъ. Прекрасно наблюдается протандрія въ цвѣтахъ гвоздики: на рис. 157 слѣва представленъ цвѣтокъ въ первой, мужской стадіи, причемъ изъ него выставляются пять тычинокъ (другія пять еще скрыты въ трубкѣ чашечки; ср. выше сказанное о *Silene*

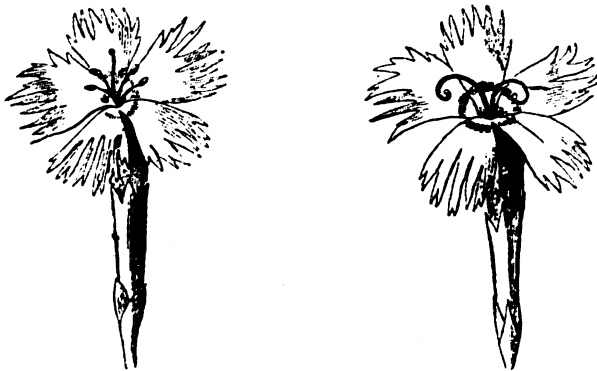

Рис. 157.

nutans, рис. 151), а справа мы видимъ гвоздику въ позднѣйшей, женской стадіи: тычинокъ уже незамѣтно, зато высовываются два столбика.

Сравнительно рѣже встрѣчается другая форма дихогаміи—*протогинія*. Здѣсь, наоборотъ, женская стадія въ обоеполомъ цвѣткѣ предшествуетъ мужской. Рис. 158 поясняетъ это для двухъ растений съ мелкими невзрачными цвѣтками. Фигуры *a* и *b* изображаютъ цвѣтки ожики (*Luzula pilosa*), весьма распространенной въ нашихъ лѣсахъ. Сначала изъ еще плотно сомкнутого цвѣтка (*a*) выглядываютъ только три перистыхъ рыльца; впоследствии, когда они уже успѣли засохнуть, будучи опылены пылью другого цвѣтка, распустившася раньше даннаго, раскрывается покровъ цвѣтка (*b*) и обнаруживаются тычинки, вскорѣ затѣмъ высыпающія свою пылью. Въ еще болѣе рѣзкой формѣ, исключаящей всякую мысль о самоопыленіи, проявляется протогинія у *Parietaria*, растенія, близкаго къ крапивѣ. Въ началѣ цвѣтенія (фиг. *c*) выглядываетъ

лишь кистевидное рыльце; послѣ опыленія она здѣсь не только засыхаетъ, но вмѣстѣ съ столбикомъ совершенно сбрасывается съ завязи (*d*). Только теперь обнаруживаются въ раскрывающемся цвѣткѣ тычинки, вначалѣ, какъ у всѣхъ крапивныхъ, закручен-

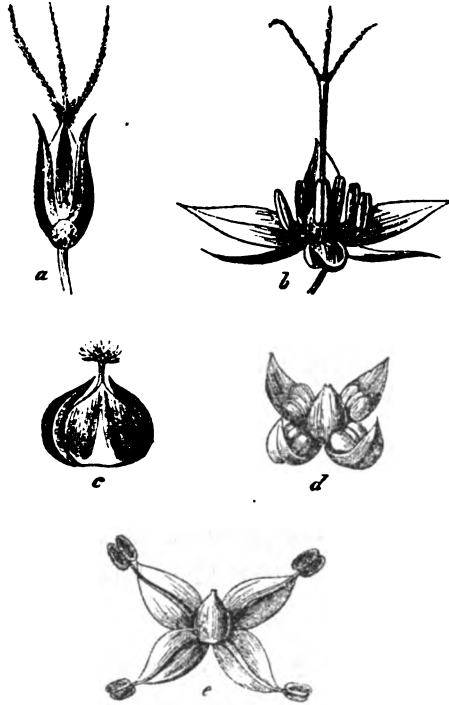

Рис. 158.

ныя пыльниками внутрь (*d*), а затѣмъ (*e*) онѣ внезапно выпрямляются (ср. рис. 149) и пылятъ. Хорошо видна также протогинія у рдестовъ; на рис. 141 мы видимъ справа недавно раскрывшіеся цвѣтки въ женской ихъ стадіи, а слѣва раньше распустившіеся, теперь пылящіе цвѣты. Тоже легко наблюдать на подорожникахъ (*Plantago*) и весьма многихъ злакахъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ А. ДЕ-МЮССЕ.

1. Другу.

Кто измѣрялъ пучину водъ морскихъ,
Кто бездну ихъ проникъ пытливымъ взоромъ?
Полдневный лучъ, скользя, дробится въ нихъ,
Какъ мечъ бойца, бѣжавшаго съ позоромъ.

Едва ли кто измѣрилъ и постигъ
И скорбь твою глубокую, какъ море;
Въ душѣ твоей, въ твоемъ поникшемъ взорѣ—
Страданій миръ и мощныхъ думъ тайникъ.

Меня влечетъ ихъ темная пучина,
Какъ насъ влечетъ собою океанъ.
Мнѣ—юному бойцу мила твоя кручина,
Завидна боль твоихъ кровавыхъ ранъ...

2. Сонетъ.

Люблю я дыханіе первое стужи
И утренникъ первый межъ блеклыхъ куртинъ,
Въ лѣсахъ обнаженныхъ замерзшія лужи,
 Пылающій ярко каминъ.

Я помню въ столицу мое возвращенье
 Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ,
Движеніе, говоръ и крикъ кучеровъ,
И въ царственной Сенѣ огней отраженъе.

Въ тотъ вечеръ мнѣ все улыбалось кругомъ;
Съ волненъемъ знакомый увидѣлъ я домъ,
 И жаждалъ я милаго взора,
И самъ сознавалъ я, какъ сердце стучить...
Тогда я не думалъ, что буду забыть
 Такъ скоро!

В. Чюмина.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

К. М. Станюковича.

(Продолженіе *).

XXVIII.

Нѣсколько мѣсяцевъ пролетѣло для „графа“ и Антошки совсѣмъ незамѣтно.

Послѣ многихъ лѣтъ „собачьяго“ существованія, полнаго лишеній, бродяжничества и всякихъ неожиданностей, имъ обоимъ было особенно пріятно нѣсколько монотонное однообразіе регулярной жизни людей, болѣе или менѣе обеспеченныхъ, не заботящихся о завтрашнемъ днѣ.

И какое счастье испытывали оба эти горемыки, живя по-человѣчески, въ теплой, свѣтлой, опрятной комнатѣ, одѣтые въ приличный костюмъ, обутые, умытые, въ чистомъ бѣльѣ, не чувствующіе себя какими-то отверженцами.

Теперь они никого не боялись.

Теперь имъ не для чего было выходить на работу, за добычей, не всегда вѣрной и обезпечивающей обѣдъ, незачѣмъ было забнуть на холодѣ или мокнуть на дождѣ въ отрешьяхъ, выслѣживая сердобольныхъ или подгулявшихъ людей.

Все это казалось имъ давно прошедшимъ, хотя ни „графъ“, ни Антошка не забыли его и при случаѣ вспоминали о немъ.

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

Теперь, благодаря счастливой случайности — доброй дѣвухѣ, встрѣтившейся на ихъ тернистомъ пути — они ежедневно, и даже въ опредѣленные часы, пили чай со свѣжими булками, не разчитывая, хватитъ ли куска сахара на нѣсколько стакановъ, и обѣдали настоящимъ образомъ: не обѣдками и отбросами закусовыхъ, а получали отъ квартирной хозяйки — видимо порядочной женщины — два сытныхъ блюда, приготовленныхъ изъ свѣжей провизіи.

И съ какимъ удовольствіемъ и графъ, и Антошка ѣли эти обѣды.

Антошка считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ и давно простилъ и „дяденьку“, и „рыжую вѣдму“ послѣ того, какъ „графъ“ объяснилъ какъ-то ему, почему на свѣтѣ существуютъ и „дяденьки“, и „рыжія вѣдмы“. Настоящее было очень хорошо, но будущее представлялось еще свѣтлѣе и лучезарнѣе и, конечно, нераздѣльнымъ съ „графомъ“, преданность въ которому благодарнаго мальчика не знала границъ. Онъ нерѣдко мечталъ о томъ времени, какъ онъ обучится всему, чему нужно, и будетъ зарабатывать хорошія деньги. То-то они заживутъ тогда вдвоемъ, не нуждаясь болѣе ни въ чьей помощи!

И Антошка нерѣдко отрывалъ свои мечты „графу“. И „графъ“, слушая болтовню мальчика, тихо улыбался и, казалось, тоже вѣрилъ этимъ мечтамъ. Ему такъ хотѣлось имъ вѣрить!

Тѣ тридцать пять рублей, которые каждое первое число привозила дядѣ племянница, казались и „графу“, и, разумѣется, Антошкѣ едва ли не бѣльшимъ состояніемъ, чѣмъ Ротшильду его милліоны, и бывший мотъ, спустившій въ молодости цѣлое состояніе, теперь обнаруживалъ такое умѣнье справляться съ бюджетомъ и былъ столь бережливъ и аккуратенъ, что его талантамъ могъ бы позавидовать любой министръ финансовъ.

Получаемыхъ денегъ хватало не только на все необходимое для обоихъ, но даже для нѣкоторыхъ предметовъ роскоши — на рюмку, одну только рюмку, водки передъ обѣдомъ, на покупку дешеваго табаку, вчерашней газеты и, по праздникамъ, лакомствъ для Антошки и для Анютки, которую они навѣщали въ пріютѣ.

Кромѣ опредѣленной ренты, у предусмотрительнаго „графа“ былъ еще и запасный капиталъ въ пятьдесятъ рублей, отложенныхъ изъ денегъ, полученныхъ на обзаведеніе, который предназначался на экстренные расходы и въ то же время былъ подспорьемъ на черный день. Мало ли что могло случиться?

Подобная бережливость „графа“ объяснялась, главнымъ образомъ, его воздержаніемъ отъ спиртныхъ напитковъ. Сознаніе принятыхъ имъ на себя обязанностей относительно горячо имъ любимаго мальчика заставило его обратить серьезное вниманіе на предостереженіе докторовъ, и онъ рѣшительно пересталъ пить и только позволялъ себѣ одну рюмку передъ обѣдомъ.

О, какъ ему хотѣлось теперь жить, какъ хотѣлось поднятъ на ноги своего любимца, и какъ онъ внимательно сталъ теперь относиться къ своему здоровью, чтобъ быть полезнымъ Антошкѣ.

И какъ онъ былъ благодаренъ Нинѣ, которая явилась доброй феей подъ конецъ его горемычной жизни!

Когда она навѣщала его, онъ былъ несказанно радъ и словно бы гордился тѣмъ, что вѣра молодой дѣвушки въ него не только не поколебалась, но, напротивъ, крѣпла. Она могла окончательно убѣдиться, что онъ не пропавшій человекъ и не пропиваетъ ея денегъ. И Нина дѣйствительно привязалась къ дядѣ, случалось, просиживала у него болѣе часа, и мнѣнія дяди находили болѣе отклика въ ея сердцѣ, чѣмъ мнѣнія ея отца.

Нина уѣзжала отъ дяди еще болѣе душевно смятенная подъ впечатлѣніемъ его озлобленныхъ и страстныхъ рѣчей, въ которыхъ скорѣе чувствовала, чѣмъ понимала, долю истины. И жизнь дома казалась ей еще болѣе безсодержательною. Даже и усердная дѣятельность въ Обществѣ „Помогай ближнему!“ не удовлетворяла ее, особенно послѣ рассказовъ дяди о томъ, какъ обманываютъ благотворительныхъ дамъ и какіе люди въ большинствѣ случаевъ пользуются ихъ помощію.

А „графъ“, провожая свою гостью, горячо цѣловалъ ее и благодарилъ ее за то, что она навѣстила, и за деньги.

Съ тѣхъ поръ, какъ „графъ“ зажилъ въ благополучіи, онъ съ особенною ретивостью предался педагогической дѣя-

тельности, имѣя въ Антошкѣ весьма способнаго ученика. Ему непремѣнно хотѣлось, чтобы Антошка поступилъ въ какую-нибудь ремесленную школу и имѣлъ бы въ будущемъ вѣрный кусокъ хлѣба. О выборѣ такой школы ужъ онъ совѣтовался съ студентомъ-технологомъ, сыномъ квартирной хозяйки, и рѣшено было, что къ осени Антошка поступить въ школу при одномъ изъ заводовъ на Васильевскомъ островѣ. Нужно было только подготовить мальчика надлежащимъ образомъ.

Каждое утро послѣ чая и послѣ внимательнаго прочтенія вчерашней газеты, „графъ“ занимался съ Антошкой два часа, послѣ которыхъ учитель, повидимому, утомлялся гораздо болѣе, чѣмъ ученикъ. Антошка читалъ вслухъ, писалъ съ прописи и подъ диктовку. „Графъ“ поправлялъ чтеніе и—чтобы показать, какъ надо выразительно читать—самъ прочитывалъ иногда страничку другую хрестоматіи, прибрѣтенной для Антошки въ числѣ другихъ учебныхъ пособій. Читалъ „графъ“ недурно, и Антошка заслушивался, какъ складно выходили у „графа“ басни. Но за то при исправленіяхъ диктовки учитель, повидимому, не особенно довѣрялъ себѣ и постоянно справлялся съ книгой, при чемъ не умѣлъ удовлетворять любознательности ученика, когда тотъ задавалъ вопросы: почему надо писать, напримѣръ, „того“, а не „тово“.

— Такъ, братецъ, слѣдуетъ писать, а я и самъ не знаю почему!—доброе совѣстно признавался „графъ“.

— Развѣ васъ этому не обучали?—удивился Антошка, полагавшій, что „графъ“ долженъ все знать.

— Навѣрно обучали, да я забылъ. Послѣ тебѣ объяснять въ школѣ, а пока запоминай, какъ въ книгѣ написано. Такъ и пиши.

„Графъ“, впрочемъ, купилъ грамматику и проштудировалъ ее, послѣ чего ужъ могъ давать нѣкоторыя объясненія, хотя далеко не на всѣ вопросы любознательнаго Антошки.

Тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ большіе успѣхи: читалъ весьма недурно и писалъ довольно красиво, и ошибки его не особенно рѣзали глазъ. И „графъ“ не разъ выражалъ одобреніе, чѣмъ доставлялъ Антошкѣ большое удовольствіе. Въ классныхъ занятіяхъ Антошка просто-таки пожиралъ книги,

которыя ему покупалъ „графъ“, руководствуясь въ выборѣ указаніями студента и его сестры. Такимъ образомъ Антошкой были прочитаны многія изданія „Посредника“ и „Комитета Грамотности“ и затѣмъ онъ читалъ все, что попадалось ему подъ руку: и газеты, и книжки, которыя одолживались „графу“ съ хозяйской половины.

Хотя и далеко не систематическое, но чтеніе это вмѣстѣ съ бесѣдами „графа“ быстро развивали смышленнаго Антошку, уже хорошо подготовленнаго раннимъ знакомствомъ съ жизнью и съ людьми, благодаря прежнимъ его профессіямъ—нищенки и торговца спичками, и онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе „всему научиться“.

Увы! Въ ариѳметикѣ Александръ Ивановичъ былъ еще менѣе силенъ, чѣмъ въ грамматикѣ, и напрасно онъ усердно прочитывалъ учебникъ. Онъ сознавалъ, что понимаетъ въ немъ очень мало, и это весьма огорчало его, тѣмъ болѣе, что Антошка обладалъ блестящими математическими способностями и умѣлъ дѣлать всѣ четыре правила куда лучше своего учителя.

Но въ этихъ затрудненіяхъ „графу“ совершенно неожиданно помогъ молодой студентъ-технологъ.

Его комната была рядомъ съ комнатою жильцовъ и до него иногда долетали и философскія бесѣды, и ариѳметическія объясненія учителя. Онъ сильно заинтересовался и этимъ оригинальнымъ „баринѣмъ-демократомъ“, и его сожителемъ, вопросы котораго во время уроковъ ставили нерѣдко въ тупикъ учителя, и вообще ихъ отшельнической жизнью и взаимной привязанностью.

Кто они? Что ихъ связало?—объ этомъ никто изъ семьи не зналъ. И старый баринъ, и его мальчикъ рѣдко показывались, держали себя необыкновенно скромно и тихо, и выходили со двора почти всегда вмѣстѣ. Молодая горничная Агаша, прислуживавшая жильцамъ и носившая имъ обѣды въ комнату, не могла нахвалиться ими, особенно старымъ баринѣмъ. Такой ласковый, никогда безъ нужды не побеспокоить, никуда не пошлетъ—не то, что прежніе жильцы.

— А этотъ мальчикъ должно быть сынъ его!—докладывала Агаша свои предположенія баринѣ, пожилой, когда-то красивой женщинѣ съ сбитымъ на бокъ чепцомъ, вѣчно за-

нятой то на кухнѣ, то чинившей бѣлье, то убиравшей комнаты.

— Совсѣмъ онъ не похожъ на него, Агаша. Вѣрно, пріемышъ! — отвѣчала госпожа Никифорова и прибавила: — а, впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ! Жильцы они тихіе, спокойные, и слава Богу! А до остального намъ дѣла нѣтъ.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ переѣзда жильцовъ, и молодой студентъ, сухощавый блондинъ съ серіознымъ лицомъ и вихрастой головой, встрѣтивъ однажды Опольева въ корридорѣ, подошелъ къ нему и, поклонившись, проговорилъ молодымъ баскомъ:

— Студентъ Никифоровъ.

— Ополевъ! Очень пріятно! — любезно отвѣчалъ Александръ Ивановичъ, протягивая руку.

— Вамъ, кажется, нѣсколько затруднительно заниматься математикой съ вашимъ сожителемъ? — продолжалъ студентъ нѣсколько рѣзкимъ, умышленно грубоватымъ тономъ.

— И даже очень, молодой человѣкъ! — нѣсколько сконфуженно проговорилъ „графъ“... — А вы почему это догадались? — прибавилъ онъ.

— За стѣной слышно...

— Быть можетъ, мы вамъ мѣшаемъ?

— Я не къ тому... Я, видите ли, готовъ избавить васъ отъ этихъ уроковъ и позаняться съ мальчикомъ... Онъ очень способный...

Видимо обрадованный и нѣсколько удивленный такимъ предложеніемъ, „графъ“, однако, поспѣшилъ отвѣтить:

— Премного вамъ благодаренъ, г. Никифоровъ, но я долженъ предупредить васъ, что, къ сожалѣнію, я не въ состояніи заплатить вамъ настоящей платы за уроки... Такъ, если небольшую плату...

— Да мнѣ никакой платы не нужно... Съ чего это вы взяли? — перебилъ студентъ и сконфуженно покраснѣлъ.

— То-есть, почему же не нужно?

— А такъ, не нужно, вотъ и все. Въ противномъ случаѣ, развѣ сталь бы я навязываться...

— Но позвольте, молодой человѣкъ; у васъ время дорого, я знаю. За что же вы будете терять его даромъ?

— Это ужь мое дѣло.

— И, позволю себѣ замѣтить, вы вѣдь, кажется, и сами не очень-то богаты?

— И вовсе даже не богаты! — разсмѣялся студентъ, и лицо его при смѣхѣ сдѣлалось необыкновенно добродушнымъ.

— Потому-то вы, вѣроятно, и предлагаете учить моего Антошку gratis? — усмѣхнулся, въ свою очередь, и Ополевъ.

— Потому ли, или не потому, не все ли вамъ равно? Слѣдовательно, и говорить объ этомъ нечего. Не такъ ли, Александръ Иванычъ?

— Пожалуй, что и такъ! — протянулъ, улыбаясь, „графъ“.

— А ваше имя отчество? — освѣдомился онъ.

— Николай Алексѣичъ.

— И я, Николай Алексѣичъ, могу только поблагодарить васъ! — горячо проговорилъ Ополевъ, пожимая руку студента. — Вы это очень деликатно дѣлаете доброе дѣло... Спасибо вамъ за Антошку...

— Не за что благодарить! — отвѣтилъ студентъ, нѣсколько удивленный порывистостью и сердечностью тона этого „барина-демократа“. — Самое обыкновенное дѣло! Такъ съ завтрашняго дня мы начнемъ заниматься съ вашимъ Антошкой... Ежедневно одинъ часъ послѣ обѣда у меня свободенъ... Пошлите его ко мнѣ... А затѣмъ, до свиданья... Спѣшу на урокъ...

И съ этими словами студентъ крѣпко пожалъ руку Ополева и, кивнувъ вихрастой головой, хотѣлъ, было, уходить, какъ внезапно спросилъ:

— Надѣюсь, вамъ не родственникъ этотъ извѣстный Ополевъ?

— Этотъ прохвостъ мой родной братецъ.

Студентъ издалъ восклицаніе не то удивленія, не то сожалѣнія.

— Но только я съ нимъ вовсе незнакомъ... Я, видите ли... А впрочемъ, не смѣю васъ задерживать... Когда-нибудь я сообщу вамъ біографическія данныя о своей особѣ, чтобы вы знали, съ кѣмъ имѣете дѣло! — прибавилъ „графъ“, дѣлая студенту прощальный жестъ рукой.

Вернувшись въ свою комнату, Ополевъ весело воскликнулъ, обращаясь къ Антошкѣ:

— Ну, братъ, тебѣ рѣшительно везеть!.. У тебя будетъ настоящій учитель. Онъ тебя обучитъ ариметикѣ по настоящему, не то, что я...

— Кто это?

— А сынъ хозяйки... студентъ. Даромъ предложилъ учить; говорить, что ты способный мальчикъ... Слышалъ за стѣной, какъ мы съ тобой занимались... Смотри, Антоша, старайся!

— Еще какъ буду стараться, Александръ Ивановичъ!

— А добрый этотъ технологъ, хотя и смотритъ букой и напускаетъ на себя серьезность. Не то, что эти университетскіе студенты, особенно франты... Никто изъ нихъ никогда не одалживалъ мнѣ ни одной монетки... Я это хорошо помню. Еще издѣваются. „Мы, молъ, сами у васъ бы заняли!“ или, бывало, говорятъ: „Если есть сдачи со сторублевой, то получите пятакъ въ займы!..“ Однимъ словомъ, со всѣмъ готовые молодые мерзавцы...

— И у меня, Александръ Ивановичъ, рѣдко, рѣдко, когда студентъ покупалъ бумаги или конвертовъ... Развѣ какой-нибудь бѣдно одѣтый студентъ...

— А вотъ этотъ, сейчасъ видно, человекъ... И вся семья ихъ, кажется, добрая...

— То-то и мнѣ сдается, что они добрые... И хозяйка сама, и барышня... Третьяго дня и встрѣтилъ хозяйку въ коридорѣ...

— Въ коридорѣ, Антоша!—поправилъ „графъ“.

— Встрѣтилъ, говорю, въ коридорѣ, а она такъ ласково посмотрѣла на меня и спрашиваетъ: что, молъ, доволенъ, мальчикъ, моей стряпней?.. Не бойсь, злая какая такъ бы не смотрѣла и не спросила бы...

— Умозаключеніе вполнѣ правильное!—протянулъ, улыбаясь, графъ.—Что жъ ты отвѣтилъ?

— Отвѣтилъ, что очень даже довольны пищей и вообще всѣмъ... „Ну я, говорить, очень рада!“ — А барышня такъ разъ даже спрашивала: отчего я такой маленькій и здоровъ ли я... Тоже ласковая... Куда только это она каждое утро съ книжками изъ дому уходитъ...

— На высшіе курсы... Такое, братецъ, заведеніе есть для барышень, вродѣ университета. Окончатъ онѣ ученье въ

гимназіи и потомъ, если пожелаютъ, могутъ на курсы... Тамъ еще больше научатся...

— Ишь ты! И зачѣмъ имъ столько учиться, барышнямъ? — полюбопытствовалъ Антошка.

— Тоже и барышниѣ иной разъ нужно себѣ достать кусокъ хлѣба... Не вышла замужъ, смотришь, и не пропала: пошла въ учительницы или въ гувернантки. Ту, которая больше знаетъ, скорѣе возьмутъ на мѣсто.

— Значить, изъ небогатыхъ... Наши хозяйева тоже небогатые?..

— Небогатые. Всѣ они въ трудахъ живутъ... И братъ, и сестра учатся, да еще уроки даютъ... да мать, вѣрно, получаетъ какой-нибудь пенсіонъ за службу мужа... Такъ и живутъ, одинъ другому помогаютъ.

Вскорѣ и „графъ“, и Антошка, благодаря посредству студента, которому „графъ“ счелъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя біографическія подробности о себѣ и объ Антошкѣ, познакомились съ семьей Никифоровыхъ. Вся семья отнеслась къ жильцамъ очень тепло и участливо. Подъ конецъ третьяго мѣсяца жильцы ужъ обѣдали вмѣстѣ съ хозяевами и, случалось, по приглашенію, заходили пить чай. Эта семейная обстановка необыкновенно пріятно дѣйствовала на прежнихъ бродягъ, тѣмъ болѣе, что семья Никифоровыхъ была дружная, хорошая семья, всѣ члены которой бодро и стойко несли тяготу жизни, стараясь помочь другъ другу.

И сама хозяйка, эта милая хлопотунья Анна Васильевна, обожавшая своихъ дѣтей, всегда за какой-нибудь работой, всегда добродушная и веселая, не смотря на заботы, какъ-то сьумѣвшая послѣ смерти мужа поднять дѣтей, испытывая лишенія и урѣзывая себя до послѣдней крайности, и ея дочь Вѣра, кончавшая курсъ и въ то же время бравшая, ради заработка, работу, — красивая, стройная брюнетка лѣтъ двадцати шести, съ строгими чертами нѣсколько трагическаго лица, необыкновенно добрая, не смотря на свой, повидимому, строгій и холодный видъ, и студентъ Николай, вихрастый и не особенно красивый, близорукій блондинъ въ очкахъ, признающій одну науку и больше ничего — всѣ они, ближе ознакомившись съ жильцами и узнавши отъ Антошки, что сдѣлать для него этотъ „графъ“, отнесли къ нимъ съ сердеч-

ностью добрыхъ людей, понимающихъ нужду, и считали ихъ какъ бы своими. А студентъ просто-таки былъ въ восторгѣ отъ своего ученика—до того Антошка поразилъ его своею понятливостью и быстротой математическаго соображенія.

И какъ былъ доволенъ старый бродяга „графъ“, проводя вечера среди этой честной, работающей семьи, въ которой—онъ это чувствовалъ—никто не ставилъ въ вину его прошлаго. Въ этой маленькой комнатѣ, служившей и гостиной, и столовой, за круглымъ столомъ, на которомъ тихо напѣвалъ свою пѣсенку самоваръ, онъ, случалось, велъ споры со студентомъ и философствовалъ, вызывая удивленіе своими необыкновенно мѣткими сужденіями, выработанными тяжелой жизнью.

И, возвращаясь съ Антошкой отъ хозяевъ, „графъ“ нерѣдко говорилъ:

— Ты мнѣ счастье принеси, Антошка... Не будь тебя, не видать бы мнѣ, мой другъ, такихъ хорошихъ дней... Молчи... Я вѣрно говорю! — смѣясь, прибавлялъ онъ, видя, что Антошка хочетъ протестовать противъ такого утверженія.

И, съ удовольствіемъ потягиваясь на мягкой постели, иногда произносилъ въ видѣ сентенціи:

— Да, есть-таки хорошіе люди на свѣтѣ!

И какъ бы для большаго убѣжденія стараго озлобленнаго скептика, что дѣйствительно есть добрые люди, однажды Вѣра Алексѣевна предложила ему работу.

Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Мнѣ? Работу? Что жъ я сдумѣю сдѣлать? — какъ-то беспомощно произнесъ Ополъевъ съ грустной усмѣшкой.

— Отлично сдумѣете, я увѣрена. Работа не трудная, но только кропотливая. Надо переписывать статистическія таблицы. Хотите попробовать, Александръ Ивановичъ?

— Еще бы не хотѣть!

О, эта дѣвушка отлично понимала психологію человѣческой души и знала, какъ пріободрить и приподнять бывшаго пропойцу и нищаго въ его собственныхъ глазахъ.

— Но какъ же вы сами, Вѣра Алексѣевна. Хотите лишиться себя работы, чтобъ дать мнѣ?—спрашивалъ „графъ“, стараясь подъ шутливымъ тономъ скрыть свое волненіе.

— И не думаю. Мнѣ дадутъ этой работы, сколько угодно.

— Въ такомъ случаѣ, я попробую на старости лѣтъ что-нибудь заработать...

И „графъ“ на другой же день засѣлъ за работу, кажется, въ первый разъ во все время своей жизни.

И какъ же онъ работалъ. Съ какимъ благоговѣйнымъ усердіемъ. Это была не работа, а какое-то священнодѣйствіе.

Черезъ нѣсколько дней онъ переписалъ нѣсколько листовъ, и когда Вѣра Алексѣевна, провѣривъ его работу, нашла ее превосходной, „графъ“ радовался, какъ малый ребенокъ.

Десять или пятнадцать рублей заработка у него было обеспечены, пока ему служили глаза и не очень дрожали руки.

Могъ ли „графъ“ когда-нибудь думать, что и онъ на что-нибудь годенъ?!

И это сознаніе, что онъ не совсѣмъ беспомощенъ значительно подбодрило его, и онъ говорилъ Антошеѣ:

— Вотъ, братъ, у насъ и непредвидѣнный доходъ будетъ. Вѣдь это недурно, а?

— Очень даже хорошо, Александръ Ивановичъ, но только...

— Что только?

— Очень ужъ вы утомляете себя за этими таблицами... Вы бы поменьше ихъ переписывали, Александръ Ивановичъ. А то не долго и заболѣть!

— Вотъ вздоръ! Вовсе не утомляюсь... Напротивъ, теперь я чувствую себя куда здоровѣе, чѣмъ прежде!—храбрился „графъ“.

XXIX.

Май стоялъ замѣчательно теплый.

Въ одно изъ воскресеній, въ концѣ мѣсяца, графъ и Антошка, оба одѣтые по праздничному, въ довольно приличныхъ костюмахъ, послѣ вкуснаго пирога, шли въ пріютъ Общества „Помогай ближнему!“ навѣстить Анютку. Въ корзинѣ, которую несъ Антошка, были: большой кусокъ пирога, полфунта колбасы и коробка леденцовъ.

Они поднялись въ хорошо знакомую имъ небольшую приемную со скамьями около стѣнъ. Тамъ ужъ сидѣли по кучкамъ посѣтители—преимущественно женщины плохо одѣтыя— вмѣстѣ съ дѣвочками, которыхъ они навѣщали.

И отъ этой пріемной, чистой, аккуратно выметенной, и отъ этой, словно проглотившей аршинъ, надзирательницы, и отъ этихъ пріютскихъ дѣвочекъ, словно бы похожихъ одна на другую, благодаря казеннымъ темнымъ платьцамъ и чепчикамъ на головахъ,—вѣяло чѣмъ-то мертвящимъ... Все здѣсь напоминало не то казарму, не то хорошо устроенное тюремное заключеніе, а эти дѣвочки—хорошо выдрессированныхъ куколокъ съ лицами, по большей части блѣдными, въ выраженіи которыхъ было что-то приниженно-лицемѣрное и въ то же время нѣсколько торжественно-праздничное. Не слышно было ни громкаго разговора, ни веселаго смѣха, точно это сидѣли не дѣти, полныя жизни, а какія-то крошки-монашки, приговоренныя Обществомъ „Помогай ближнему!“ къ неустанному покаянію, вѣроятно, за то, что онѣ имѣли счастье пользоваться милостями благотворительницъ, во главѣ которыхъ стояла непреклонная княгиня Марія Николаевна Моравская, обладавшая замѣчательными способностями накладывать печать казенщины и формализма на подвѣдомственные ей благотворительныя учрежденія, которыя она считала, конечно, образцовыми.

Послѣ добрыхъ пяти минутъ ожиданія, „къ графу“ и Антошкѣ подошла тихими, равномерными шажками, маленькая дѣвочка, чинная, тихая, съ опущенными внизъ глазами, совсѣмъ не походила на ту востроглазую шуструю Анютку, которая прежде съ особенной назойливостью приставала на улицахъ къ „миленькимъ барынькамъ“ и „добрымъ баринамъ“, выпрашивая копѣечку для „голодной маменьки“, и строила недобримъ прохожимъ, гонявшимъ ее прочь, самыя оскорбительныя гримасы, а подчасъ и запускала ругательныя словечки, попрыгивая отъ холода на одной ножкѣ.

Княгиня Моравская могла гордиться: разница между прежней Анюткой и этой степенной дѣвочкой была такая же разительная, какъ между живымъ существомъ и мертвецомъ.

— Здравствуй, Анюта,—промолвилъ „графъ“.

— Здорово, Анютка! — привѣтствовала Антошка свою старую пріятельницу, которой онъ всегда покровительствовалъ во время пребыванія у „дядевки“.

— Здравствуйте, Александръ Ивановичъ. Здравствуй, Антоша! — отвѣчала Анютка, дѣлая передъ Ополевымъ книксенъ.

— Ишь какъ тебя выучили?—засмѣялся Антошка.

— Насъ всему учать!—степенно замѣтила Анютка.

— То-то и видно... Совсѣмъ ты вродѣ ученой обезьяны стала, Анютка!—сочувственно замѣтилъ Антошка.

— Такія слова не хорошо говорить, Антоша. Это только мужики такія слова говорятъ!—нарочно громко проговорила дѣвочка, оглядываясь на „аршинъ“ въ темномъ платьѣ, сидѣвшій неподалеку.

— Не приставай къ ней, Антошка... У нихъ тутъ этого нельзя!—вступился „графъ“.—Ну, садись около насъ Анюта... Рассказывай, какъ живешь... Хорошо тебѣ тутъ... Да вотъ возьми гостинца.

— Очень хорошо... Благодарю за гостинецъ, Александръ Иванычъ.

— Ой, врешь, Анютка?—проговорилъ Антошка.—Ничего тутъ у васъ нѣтъ хорошаго...

— Зачѣмъ я буду лгать? Лгать грѣшно!.. — выговорила Анютка словно затверженный урокъ и снова посмотрѣла на надзирательницу.

— Да ты не бойся этой рыжемордой, Анютка... Чего ты все на нее смотришь... Она не услышитъ...

— Она все слышитъ,—почти шопотомъ произнесла дѣвочка.

— И бьетъ?—такъ же тихо спрашивалъ Антошка.

— У насъ не бьютъ!—съ обиженнымъ видомъ сказала Анютка.

— Не бьютъ?—удивился Антошка.—Значить, порять.

— И не порять.

— А какъ же у васъ наказываютъ?

— Безъ обѣда наказываютъ... Одну въ комнатѣ оставляютъ... Заставляютъ молитвы читать...

— И тебя такъ наказывали?—допрашивалъ Антошка.

— Нѣтъ... я хорошо себя веду; меня рѣдко наказываютъ.

— А кормятъ хорошо? Сыта, по крайней мѣрѣ?—спросилъ „графъ“.

— Хорошо... Только въ постные дни не очень... Только вы объ этомъ никому не говорите, а то достанется!—опять шопотомъ проговорила Анютка.

— Кому жъ я буду говорить, дурочка! — ласково шеп-

нуль „графъ“ и, поглядѣвъ съ грустной улыбкой на Анютку, прибавилъ:—Ну и дрессируетъ же здѣсь васъ, бѣдненькихъ, моя кузина...

— Какая кузина?

— Да княгиня Моравская.

Анютка широко раскрыла глаза и видимо не повѣрила, чтобы княгиня Моравская могла быть кузиной господину, который за панибрата съ Антошкой.

Однако она промолчала.

— Она часто бываетъ у васъ?

— Часто. Въ недѣлю два раза.

— И вы любите ее?

— Какъ же не любить? Она наша благодѣтельница. Мы за нее каждый день молимся.

— Гм.. Похвально.. Похвально! Кто же это заставляетъ васъ за нее молиться?—спрашивалъ „графъ“.

— Начальница.

— Эхъ, кузина... кузина! — прошепталъ сквозь зубы „графъ“ и по его губамъ скользнула проницательная улыбка.

„А вѣдь тоже думаетъ, что вырываетъ людей изъ когтей порока!“—пронеслось у него въ головѣ.

Они поговорили еще съ Анюткой съ четверть часа и говорить больше рѣшительно было не о чемъ. И Анютка, видимо успѣвшая заслужить себѣ реноме благодѣтельной дѣвочки и боявшаяся надзирательницы, не особенно охотно отвѣчала на щекотливые вопросы, а больше бросала украдкой быстрые и жадные взгляды прежней Анютки на корзинку съ гостинцами.

— Ну, прощай, Анюта, — промолвилъ „графъ“, цѣлуя дѣвочку.—Блѣдненькая ты очень... Это нехорошо... Здорова?

— Я, слава Богу, здорова...

— Даже и „слава Богу!..“—усмѣхнулся словно бы про себя „графъ“. Да...—скоро тутъ васъ обрабатываютъ... Будь здорова, дѣвочка.

Антошка потрясъ руку Анютки.

Они поднялись и хотѣли, было, уходить, какъ вдругъ двери пріемной стремительно распахнулись, въ нихъ показалась въ форменномъ картузѣ голова испуганнаго швейцара, который громко крикнулъ: „Ея сіятельство!“ и въ то же мгновение скрылся.

Сидѣвшій неподвижно „аршинъ“ въ темномъ платьѣ вскочилъ, точно ужаленный, и бросился черезъ приемную къ выходу, крикнувъ посѣтителѣмъ „встаньте!“ Какая-то дѣвочка убѣжала за начальницей.

Въ приемной воцарилась мертвая тишина. Всѣ поднялись со своихъ мѣсть.

Только одинъ „графъ“ какъ-то особенно плотно усѣлся на скамейку и заложилъ нога на ногу, расположившись въ самой непринужденной позѣ. Однако онъ былъ видимо взволнованъ предстоявшей встрѣчей съ кузиной—она его встрѣчала на улицѣ года три тому назадъ и могла легко узнать—и нервно оправлялъ волосы и свою сѣдую подстриженную бородку...

— Господинъ! Встаньте... Княгиня сейчасъ идетъ!—кинула ему на ходу пролетѣвшая начальница.

Но „графъ“ продолжалъ сидѣть къ ужасу Аютеки и удивленію всѣхъ присутствовавшихъ.

Распахнулись двери, и въ приемной появилась княгиня и тихо пошла, оглядывая въ рѣссе-пез публику и ласково кивая въ отвѣтъ на поклонъ посѣтителей и низкіе кивесены дѣвочекъ.

И начальница, и „аршинъ“, слѣдовавшіе за княгиней, давно дѣлали знаки „графу“, чтобъ онъ всталъ, но онъ какъ будто не замѣчалъ ихъ и взглядывалъ на княгиню.

„Однако сохранилась. До сихъ поръ и свѣжа, и хороша... Видно, режимъ помогаетъ!“—подумалъ Александръ Ивановичъ.

— Садитесь, прошу васъ, садитесь! — говорила между тѣмъ княгиня своимъ низковатымъ контральтомъ, обращаясь къ посѣтителѣмъ и останавливаясь около дѣвочекъ, чтобы потрепать ихъ по щечкамъ, далеко не похожимъ на ея румяныя пышныя щеки...—А это къ кому пришелъ этотъ господинъ?—обратилась княгиня къ начальницѣ, замѣтивъ сидящаго посѣтителя.

— Къ Аютѣ Бастрюковой...

— Я и не знала, что ее кто-нибудь навѣщаетъ... Родной?

— Кажется, нѣтъ, княгиня... Этотъ господинъ приходитъ съ мальчикомъ, знакомымъ Аютѣ...

Чуть-чуть шелестя платьемъ, княгиня направилась къ Аютѣ.

*

Когда княгиня приблизилась, „графъ“ поднялся.

— Ну, какъ ты поживаешь, Анюта?.. Надѣюсь, хорошо?.. И ведешь себя хорошо?—спрашивала княгиня, трепля своею бѣлой пухлой рукой дѣвочку.

— Анюта одна изъ лучшихъ дѣвочекъ... И учится прекрасно.

— Спасибо тебѣ, дѣвочка... Радуюсь ты меня...

Княгиня уже давно взглядывала на „графа“ и не узнавала въ этомъ представительномъ, прилично одѣтомъ господинѣ, съ изысканными манерами, того обтрепаннаго нищаго въ порыжѣлой шляпѣ, котораго нѣсколько разъ встрѣчала на улицѣ. Въ чертахъ этого господина, повидимому бывшаго въ обществѣ, она припоминала что-то хорошо и близко знакомое когда-то раньше и досадовала, что не могла припомнить.

Взглядъ, нечаянно скользяшій по Антошкѣ, котораго княгиня сразу узнала, не смотря на его востюмъ, мгновенно напомнилъ ей и прежняго ея поклонника, красавца улана „Шурку“, и несчастнаго отверженца, писавшаго ей письма съ просьбами трехъ рублей. Оба эти лица почему-то слились въ одномъ представленіи.

Она еще разъ взглянула на „графа“, который не спускалъ съ нея своихъ темныхъ, чуть-чуть насмѣшливо улыбающихся глазъ и послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, слегка смутившаяся, обратилась къ Ополеву и предусмотрительно на англійскомъ языкѣ, увѣренная, что этого языка никто не пойметъ:

— Я васъ совсѣмъ не узнала. Очень рада встрѣтиться съ вами и видѣть васъ бодрымъ и здоровымъ... Въ послѣднее время я такъ много слышала о васъ отъ Нины!—подчеркнула она и протянула руку.

Въ голосѣ княгини звучала участливая нотка.

— Меня не мудрено не узнать... А васъ я сейчасъ узналъ... Вы такъ мало перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь встрѣчаться съ вами еще тогда... въ обществѣ!—съ рыцарской любезностью отвѣчалъ когда-то свѣтскій Донъ-Жуанъ, почтительно пожимая руку княгини и склоняя свою сѣдую кудрявую голову по всѣмъ правиламъ хорошо воспитаннаго свѣтскаго человѣка прежнихъ временъ.

И по-англійски онъ не разучился говорить.

— Ну и я постарѣла. Годы идутъ и не возвращаются!— промолвила княгиня, чуть-чуть краснѣя.

И словно бы боясь, чтобъ разговоръ не продолжался на интимныя тѣмы, продолжала уже по-русски и нѣсколько дѣловымъ тономъ предсѣдательницы Общества „Помогай ближнему!“

— А вы съ вашимъ питомцемъ навѣщаете мою дѣвочку? Это очень мило съ вашей стороны.

И „графъ“ тотчасъ же понялъ, чего хочетъ княгиня, и отвѣчалъ:

— Старая знакомая моего питомца, княгиня.

— Какъ же... Тогда вѣдь мы всѣхъ бѣдняжекъ освободили, благодаря указаніямъ этого мальчика... А этотъ солдатъ куда-то исчезъ... Посмотрите, казая стала славная дѣвочка эта Аня, и какъ она полюбила пріють. Ты любишь пріють, дѣвочка? Говори правду... Не бойся...

— Очень люблю...

— Вотъ видите... А вашъ мальчикъ такъ его боялся... И вы написали мнѣ тогда такое письмо...

— Простите, княгиня, если оно было рѣзко,— снова заговорилъ по-англійски Александръ Ивановичъ, — но вы меня лишали дорогого существа и хотѣли отнять его чуть ли не силою...

— Но для его же пользы...

— Вы думаете княгиня?..

— Увѣрена.

— А я такъ увѣренъ, что въ вашихъ пріютахъ дрессируютъ будущихъ лицемѣровъ... Взгляните, какъ всѣ эти дѣвочки забиты... Надѣюсь, вы извините свободу чужого мнѣнія? Не правда ли? А затѣмъ позвольте, княгиня, искренно поблагодарить васъ за помощь, которую вы оказывали лично мнѣ и пожелать вамъ всего лучшаго... Имѣю честь кланяться, княгиня!— прибавилъ „графъ“ по-русски и почтительно склонилъ голову.

— Мы съ вами разныхъ взглядовъ... Дай Богъ и вамъ всего хорошаго, а главное, мира душевнаго и здоровья!

Княгиня протянула руку „графу“, ласково кивнула Антошкѣ и пошла дальше.

Нѣсколько времени „графъ“ и Антошка шли молча по улицѣ.

Навонецъ Антошка, спросилъ:

— По каковски это вы говорили съ этой княгиней, Александръ Ивановичъ?

— По англійски...

— Должно быть, отчекривали ее?

— Положимъ, не „отчекриваль“, какъ ты выражаешься, а кое-что ей сказалъ!—отвѣчалъ, улыбаясь, „графъ“.

— На счетъ пріюта?

— Именно. А почему ты догадался?

— Да какъ же... Совсѣмъ Аниютка какая-то глупая стала въ этомъ самомъ пріютѣ... Прежде она не такая была. Ужъ на что у этого „дяденьки“, били ее, а все тамъ она когда и веселая бывала... А здѣсь — порченая какая-то... Видно, что эти самыя княгини да графини только людей портятъ...

— Ты, братъ, правъ... Портятъ... Но только думаютъ, что спасаютъ...

— Глупыя онѣ, что-ли?

— Нѣтъ, Антошка... Онѣ и не глупыя иногда, и бываютъ добрыя, но сами тоже порченныя, какъ ты говоришь... Ну куда же мы пойдѣмъ сегодня съ тобой!—круто перемѣнилъ „графъ“ разговоръ.—На набережную смотрѣть пароходы или отправимся на острова... День-то чудесный...

— На острова бы не дурно... Только какъ бы вы не устали, Александръ Ивановичъ...

— Слава Богу, не мало хаживаль... Идемъ на острова. А оттуда можно и на пароходѣ. Надняхъ за статистику получу деньги!—не безъ гордости прибавилъ „графъ“.

Часа черезъ полтора они уже сидѣли на скамейкѣ на Елагиномъ островѣ и мирно бесѣдовали, наслаждаясь чуднымъ свѣжимъ воздухомъ. По временамъ проѣзжали экипажи, и оба они смотрѣли на разряженныхъ въ яркихъ лѣтнихъ платьяхъ дамъ и на изящныхъ кавалеровъ.

Антошка спрашивалъ „графа“ кто это такіе: князья или графы, или просто обыкновенные господа.

— А вонъ смотрите, Александръ Ивановичъ... Одинъ господинъ въ большой коляскѣ сидитъ... Должно, какой-нибудь богатый... Только лошади что-то не шибко бѣгутъ.

„Графъ“ взглянулъ на пожилого, виднаго брюнета въ вязанномъ темномъ пальто и въ цилиндрѣ на головѣ. И господинъ, въ свою очередь, пристально и долго смотрѣлъ на „графа“. Ихъ глаза встрѣтились, и оба они тотчасъ же отвели взгляды.

Коляска проѣхала.

— Знаешь кто это ѣхалъ въ коляскѣ?

— Кто?

— Братецъ мой... Константинъ Ивановичъ Ополевъ!— проговорилъ „графъ“ съ чувствомъ озлобленія.

— Ну? И онъ призналъ васъ?

— Кажется...

— И, не бойсь, не поклонился?

— Станеть онъ кланяться!.. Поклонись даже я ему, такъ онъ отвернулся бы... Но только онъ этого никогда не дождется...

„Графъ“ помолчалъ и послѣ паузы прибавилъ:

— И у этого человѣка такая прелестная дочь!

— Красивый вашъ братъ, Александръ Ивановичъ!— заговорилъ Антошка.

— Да... сохранился.

— И важный?

— Важный...

— А богатый?

— Очень...

— Ишь ты!—воскликнулъ Антошка, словно бы выказалъ въ этомъ отношеніи досаду, что такой нехорошій человѣкъ и важный, и богатый, тогда какъ Александръ Ивановичъ изъ за этого самаго человѣка терпѣлъ...

— И любить онъ Нину Константиновну?— снова спросилъ Антошка.

— Вѣрно любить...

— А какъ же она можетъ любить такого отца... Или не знаетъ, какъ онъ съ вами поступилъ?..

— И дай Богъ, чтобъ не знала... Ну однако поѣдемъ, Антошка, домой... Пожалуй, не въ добру намъ эти встрѣчи съ родственниками...

И дѣйствительно, встрѣча съ братомъ оказалась не въ добру.

Черезъ недѣлю, перваго іюня, вмѣсто обычнаго прїѣзда Нины, явилась горничная ея съ деньгами и объявила, что Нина Константиновна „очень разстроены... имѣли крупный разговоръ съ папенькой“.

— Изъ-за чего?—испуганно спросилъ „графъ“.

— Извѣстно изъ-за васъ, Александръ Ивановичъ!—съ сердцемъ проговорила горничная и торопливо ушла.

Н. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Любопытная страничка изъ жизни тридцатыхъ годовъ.—«Записки А. О. Смирновой».—Литературный салонъ, его хозяйка и ея гости.—Личность Смирновой.—Отсутствіе интересовъ общественнаго характера.—Пушкинъ и трагизмъ его положенія.—Неизбѣжность его гибели.—Изъ воспоминаній Н. В. Шелгунова о томъ же времени: «Полное собраніе сочиненій», 2 т.—Къ характеристикѣ современной молодежи.—Отвѣтъ г-ну Коппе его «юнаго друга».—Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи г-ну Карѣву на его «Письма о самообразованіи» и «Обращеніе товарища къ студентамъ».

«Записки А. О. Смирновой», недавно изданныя отдѣльнымъ выпускомъ редакціей «Сѣвернаго Вѣстника», раскрываютъ предъ нами интереснѣйшую страничку въ исторіи тридцатыхъ годовъ. Сколько бы ни нападали на ихъ автора за тѣ или иныя неточности, всегда возможные въ литературѣ такого рода, записки ни мало не теряютъ своего значенія. Дѣло вовсе не въ ошибочныхъ указаніяхъ времени или невѣрныхъ цитатахъ, чѣмъ такъ возмущаются иные гробокопатели, для которыхъ весь смыслъ исторіи сводится къ тому, когда Пушкинъ или Жуковскій сказали такую-то фразу и кто при семъ присутствовалъ. Для насъ смыслъ «Записокъ» заключается въ ихъ общемъ тонѣ, личности автора и томъ кружкѣ, который въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ собирался въ салонѣ Смирновой. «Интересны подробные діалоги, — говоритъ издательница этихъ «Записокъ», дочь А. О. Смирновой, — интересно живое отраженіе эпохи, двора, салона Карамзина, свѣтскаго кружка, гдѣ вращались Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Вяземскій—все, что мыслило и писало въ Россіи».

На страницахъ «Записокъ» оживаетъ предъ нами прежде всего кружокъ лицъ, группирующихся около молодой, изящной, остроумной женщины, фрейлины двора, веселой вдохновительницы самыхъ разнообразныхъ по содержанію разговоровъ, которые она тщательно заноситъ въ «дневникъ», какіе тогда, на ряду съ альбомами, были очень въ модѣ. Но, кромѣ моды, ею руководило и сознаніе, что люди, разговоры которыхъ она

слышать, первые люди своего времени, и ихъ мнѣнія, даже вскользь брошенныя словечки, имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ многотомныя писанія иныхъ. Понимала ли она ихъ вполне, могла ли проникнуть въ духъ такого генія, какимъ былъ Пушкинъ,—это большой вопросъ, на который ея «Записки» дають скорѣе отвѣтъ отрицательный.

Несомнѣнно, однако, сама Смирнова была не заурядной, выдающейся личностью, одною изъ тѣхъ счастливыхъ организацій, которыя какимъ-то чудомъ сохраняютъ душу живую среди мерзости запустѣнія, окружающей ихъ въ жизни. Сначала простенькая институтка, потомъ любимица двора, впоследствии губернаторша, она неизмѣнно привлекаетъ къ себѣ симпатіи всѣхъ, съ кѣмъ ее сталкиваетъ жизнь. Пушкинъ, Жуковский, Гоголь, Вяземскій, А. Тургеневъ и И. С. Тургеневъ, Самаринъ, Аксаковъ—считаютъ за честь быть въ числѣ ея друзей. Въ ихъ отношеніяхъ къ ней чувствуется не простая *galanterie*, веселое ухаживаніе за остроумной красавицей, «дѣвой-розой», какъ называетъ ее кн. Вяземскій въ посвященномъ ей стихотвореніи, за «грозою придворныхъ витязей», любимой фрейлиной императрицы и ловкой дипломаткой въ придворныхъ сферахъ. Жуковский предлагаетъ ей руку и сердце, отъ чего она умно уклонилась, и послѣ отказа сохраняетъ къ ней самое дружеское расположеніе. Пушкинъ съ перваго знакомства и до смерти поддерживаеетъ дружескія къ ней отношенія, обсуждаетъ съ ней самыя серьезныя вопросы литературы, самъ поправляетъ ея записи въ «дневникѣ», сообщаетъ свои планы, огорченія, довѣряетъ ей свои стихи, которыхъ никому не рѣшается показывать, даетъ ей на просмотръ свои стихотворенія, которыя предназначены для государя. Вы видите, что въ ея обществѣ онъ чувствуетъ себя свободно, искрененъ, смѣлъ и относится къ ней скорѣе какъ къ товарищу, чѣмъ къ свѣтской дамѣ. Не менѣе дружески отношенія и остальныхъ къ Смирновой, какъ показываютъ ихъ письма,—многолѣтняя переписка ея съ Гоголемъ, напримѣръ.

Положимъ, помимо личности хозяйки, было еще много причинъ, собиравшихъ въ ея гостепріимный салонъ всѣхъ выдающихся людей того времени. Здѣсь, и только здѣсь, ови чувствовали себя безопасными отъ мстительной зависти «надменныхъ потомковъ извѣстныхъ подлостью родовъ». Здѣсь Пушкинъ могъ отводить душу отъ мелочныхъ преслѣдованій «Катона-Бенкендорфа», съ безжалостной систематичностью нѣмца-исполнителя травившаго его всю жизнь, стремившагося, по словамъ Смирновой, «упразднить всю русскую литературу, хотя и считалъ себя *sehr gebildet*». Другіе находили себѣ вѣскую защиту, когда, казалось, не было спасенія.

Такъ, «Ревизоръ» Гоголя былъ окончательно приговоренъ пензурою Бенкендорфа къ смертной казни, но Смирнова спасла его ловкимъ и умнымъ заступничествомъ, заинтересовавъ въ немъ высшія сферы, и провела «Ревизора» на театральные подмостки. Здѣсь, наконецъ, они сходились, какъ равные, свободные отъ стѣсненія свѣтскихъ обычаевъ.

Этимъ объясняется свобода мысли, царившая въ салонѣ Смирновой, что и придаетъ такое огромное историко-литературное значеніе разговорамъ, какіе велись тамъ. Насколько свободно вели себя собесѣдники, показываетъ замѣчаніе, вырвавшееся у Баранта послѣ одного вечера: «Вы очень независимы въ Петербургѣ, независимѣе, чѣмъ мы въ Парижѣ». Но эту свободу слѣдуетъ понимать лишь въ отвлеченномъ идейномъ значеніи, такъ какъ мысль собесѣдниковъ, царившая на самыхъ недоступныхъ высотахъ отвлеченности, изумлявшая своимъ полетомъ такихъ просвѣщенныхъ иностранцевъ, какимъ былъ Барантъ, авторъ исторіи герцоговъ Бургундскихъ,—была скована и еле-еле двигалась, какъ только разговоръ спускался къ землѣ. И въ этомъ характернѣйшая черта кружка, въ то же время очень важная для характеристики той эпохи.

За дверями салона жизнь какъ бы исчезаетъ. Кажется, будто у его порога смолкаетъ шумъ ея, и все, что имѣетъ какія-либо отношенія къ обществу, народу, государству, не находитъ себѣ мѣста въ средѣ этихъ, безспорно, первыхъ умовъ времени. Это удивительно, странно, непонятно, на первый взглядъ, но это такъ, и двѣ-три занесенныхъ на страницы дневника сухихъ замѣтки Смирновой о текущихъ дѣлахъ—звучать рѣзкимъ диссонансомъ среди гармоничныхъ разсужденій о литературѣ и искусствѣ, полныхъ блеска, глубокой мысли и проницательности. Разъ, только разъ отиѣчаетъ она въ дневникѣ: «Говорили о военныхъ поселеніяхъ». Есть нѣсколько словъ по поводу войны въ Польшѣ, но и то не о самой войнѣ, а о прѣздѣ кн. Суворова съ донесеніемъ о взятіи Варшавы.

Такое умолчаніе о разговорахъ общественнаго характера не слѣдуетъ приписывать Смирновой. Этому противорѣчило бы общее откровенное изложеніе всего, что она слышала. Причина здѣсь другая, на которую «Записки» дадутъ косвенный отвѣтъ. Жизнь не давала никакого матеріала для общественнаго интереса, потому что не было жизни общественной, какъ мы ее понимаемъ теперь. Общество ни въ чемъ не принимало участія, печати не было. Существовала одна только газета, въ которой «два задорныхъ поляка» фиглярничали на потѣху грамотной черни. Умы

мельчали въ праздномъ бездѣльи, или уносились въ безбрежную отвлеченность, въ гегелевскую философію или въ искусство.

Что кружокъ Пушкина не чуждался общественныхъ вопросовъ, показываетъ его отношеніе къ крѣпостному праву. Это былъ единственный вопросъ, который слишкомъ давилъ всѣхъ, являясь исходнымъ пунктомъ всякой реформы, любого движенія общественной мысли. Пушкинъ превосходно понималъ, что пока не рѣшенъ этотъ вопросъ, всѣ остальные являются праздною мечтой, и съ горечью насмѣхался надъ «либералами», которые жаждутъ самостоятельности, оставаясь сами крѣпостниками. «Пропастъ насъ поглотитъ лишь въ томъ случаѣ,—говоритъ онъ, возражая на замѣчаніе Мицкевича, что Россія свалится въ бездну,—если мы не совершимъ того, о чемъ я мечтаю съ лица—не освободимъ крѣпостныхъ, не возвратимъ имъ правъ гражданина и собственности. Остальные виды свободы придутъ потомъ, въ силу вещей. Я недвѣхъ спорилъ съ Х., который воображаетъ себя либераломъ и подъ предлогомъ, что мужикъ—варваръ, находитъ, что освободить его нельзя, хочетъ сдѣлать изъ него вѣчнаго несовершеннѣшняго, вмѣсто взрослого человѣка» (стр. 287). Къ этой темѣ Пушкинъ возвращался много разъ, выказывая необыкновенное для тогдашняго времени пониманіе условій русской жизни. Въ спорахъ съ Хомяковымъ, осуждавшимъ реформы Петра, разрушившаго, по его мнѣнію, народныя традиціи, Пушкинъ пылко возражаетъ: «Пропастъ наша заключается въ томъ, что мы еще слишкомъ завязли въ привычкахъ прошлаго, побѣждать приходится не политическія идеи, а предрасудки, самый узкій изъ всѣхъ—это вѣрить, что единообразіе есть порядокъ, безмолвіе—согласіе, и что истина не выигрываетъ при обсужденіи мнѣній... Въ сущности, мы еще въ Европѣ варвары или язычники, но когда-нибудь мы сдѣлаемся людьми цивилизованными и христіанами, только мы-то, въ Россіи, слишкомъ молоды и страстны, чтобы быть всегда справедливыми. Одни обзываютъ меня демократомъ, другіе—аристократомъ,—я ни то, ни другое, такъ какъ въ Россіи все это лишь слова, лишеныя положительнаго содержанія» (стр. 288). Ранѣе онъ замѣчаетъ по поводу мнѣнія Карамзина, что нельзя освободить народъ, такой отсталый, какъ русскій крестьянинъ: «Когда крестьянинъ болѣе не будетъ подъ опекой, онъ разовьется; увѣряю васъ, что если будутъ ждать, чтобы онъ былъ вполне цивилизованъ, его никогда не освободятъ, а страну все болѣе и болѣе будутъ развращать. Крѣпостничество—анахронизмъ».

Пушкинъ превосходно понималъ весь ужасъ опеки, которая тогда давила все живое, и такъ выражаетъ свое политическое

credo: «Вообще, слѣдуетъ признать, что у государей плохіе слуги, и что дѣлается все, чтобы скрыть отъ нихъ истину. Я не за парламентаризмъ въ Россіи, а скорѣе за генеральныя штаты—отъ времени до времени, по всѣмъ преобразованіямъ должны ждать освобожденія крестьянъ,—это пока единственная важная реформа, остальные придутъ потомъ, въ силу вещей» (стр. 226). Большое значеніе онъ придаетъ печати, надѣясь «достигнуть результата черезъ журналъ, создать между правительствомъ и публикой, которая меня будетъ читать, дѣйствительную солидарность», и «доказать цензурѣ и нѣкоторымъ личностямъ, что пресса можетъ оказывать правительству услуги, пользуясь нѣкоторой свободою слова» (стр. 271).

Отсутствіе общественныхъ интересовъ заставляетъ кружокъ Смирновой всецѣло уйти въ литературу и искусство, но условія времени и здѣсь ставятъ преграды Пушкину на каждомъ шагѣ. На него нападаютъ Вяземскій и другіе, зачѣмъ онъ мало пишетъ. «У него въ головѣ пятьдесятъ проектовъ; онъ отъ времени до времени подноситъ намъ лакомый кусочекъ, заставляетъ насъ облизнуться—и займется чѣмъ-нибудь другимъ». Пушкинъ грустно улыбался на такіе упреки, понимая, что большая часть его проектовъ невыполнимы. И не потому, чтобы онъ задавался цѣлями, враждебными «нѣкоторымъ личностямъ». Но онъ самъ, все, что составляло его гений,—его умъ, необычайная провицательность, глубина его мыслей, даже красота ихъ формы, —слишкомъ отличалось отъ того, что было понятно низменному строю времени. Смирнова убѣждаетъ его быть «терпѣливымъ, не раздражать другихъ». Она удивляется, что «можно поставить въ упрекъ Пушкину?—его гений, его умъ!» Какъ будто этого мало въ средѣ, гдѣ главнымъ приемомъ общественной мудрости было—«не разсуждать, а повиноваться».

Самое искусство, къ которому усиленно призывали Пушкина его друзья, было подъ стражей, не только въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Смирнова рассказываетъ, что Брюловъ написалъ картину «Распятіе». Ее выставили для публики, поставивъ для охраны часовыхъ. «Часовые,—пишетъ она,—произвели на насъ тяжелое впечатлѣніе; эти солдаты такъ не отвѣчаютъ сюжету картины. Пушкинъ говорилъ намъ: «Это меня оскорбляетъ, это язычество; я убѣжденъ, что это измышленіе дьявола». Когда онъ уѣхалъ, мой мужъ сказалъ мнѣ: «Онъ правъ, тутъ одновременно оскорблено религіозное и артистическое чувство». Я отвѣчала ему: «Хочешь пари держать, что онъ напишетъ стихотвореніе на этотъ случай; когда что-нибудь произведетъ на него сильное впечатлѣніе, ему надо излить его въ

стихахъ». И дѣйствительно, Пушкинъ написалъ свое знаменитое стихотвореніе:

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа,
Марія-грѣшница и пресвятая Дѣва,
Стояли двѣ жены
Въ неизмѣримую печаль погружены.
Но у подножья теперь креста честнаго,
Какъ-будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зримъ—поставлено на мѣсто женъ святыхъ—
Въ ружьѣ и киверѣ два гродныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе—казенная поклажа,
И вы боитесь воровъ или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и кошію?
Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила?
И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ.

Часовой въ «ружьѣ и киверѣ» вставалъ передъ Пушкинымъ на каждомъ шагѣ, чего не понимала Смирнова, скорбя надъ постоянной неудовлетворенностью поэта и грустнымъ настроеніемъ его духа. «Невеселая штука — Россія!» восклицаетъ онъ, прослушавъ начало «Мертвыхъ душъ», и, обращаясь къ Смирнову, впоследствии калужскому губернатору, произволомъ своихъ дѣйствій вызвавшему жалобы на превышеніе власти, онъ добавляетъ: «Храни васъ Богъ служить съ чиновниками!»

Не имѣя простора ни въ жизни, ни въ литературѣ и искусствѣ, Пушкинъ томился въ окружающей его средѣ. Геній его развился до той высоты, которая не укладывалась ни въ какія рамки. Онъ понималъ это, и среда это понимала. Онъ долженъ былъ погибнуть, и гибель его была лишь вопросомъ времени. Пушкинъ словно предчувствовалъ это. Онъ страстно завидуетъ Гоголю, которому разрѣшили, наконецъ, поѣздку за границу. «Ты будешь путешествовать, ты увидишь, что Западъ создалъ въ мірѣ искусства. Я завидую тебѣ, что ты можешь путешествовать». Въ его разговорахъ съ Смирновой слышится въ это время такая мрачная нота, что и теперь, шестьдесятъ лѣтъ спустя, за человѣка страшно становится. Вамъ кажется, будто вы присутствуете при агоніи, видите, какъ все плотнѣе сдвигается стѣна тупоумія и рабства вокругъ гениальнаго поэта.

Это агонія титана, замученнаго пигмеями. Пушкинъ задыхается. Передъ отъѣздомъ Смирновыхъ онъ говорить ей: «Увезите меня въ одномъ изъ вашихъ чемодановъ... Я смотрю на Неву и мнѣ безумно хочется доплыть до Кронштадта, вскарабкаться на пароходъ... Мнѣ кажется, что мнѣ сильнѣе хочется уѣхать *очень, очень далеко*, чѣмъ въ ранней молодости, когда я просидѣлъ два года въ Михайловскомъ, одинъ на одинъ съ Ариной, вмѣсто всякаго общества... Впрочемъ, у меня есть предчувствія, я думаю, что уже недолго проживу»... Онъ и раньше неоднократно возвращался къ мысли о смерти, надъ чѣмъ въ кружкѣ Смирновой шутили, стараясь отвлечь его отъ грустныхъ мыслей.

На этотъ разъ предчувствія не обманули, и черезъ полгода послѣ отъѣзда Смирновой величайшій геній, какимъ гордится наша литература, палъ, «оклеветанный молвой», подавленный пигмеями, задохся отъ недостатка воздуха, свѣта, жизни. Если бы то время не было отмѣчено никакимъ другимъ преступленіемъ, этого одного было бы достаточно, чтобы запятнать его на вѣки позоромъ...

«Какой свѣтильникъ разума угасъ, какое сердце биться перестало», показываютъ тѣ же «Записки» Смирновой, въ которыхъ собраны его мысли о литературѣ. Пушкинъ былъ въ высокой степени образованный человѣкъ. Онъ зналъ европейскую литературу такъ, какъ никто изъ его современниковъ, что признавали за нимъ и Жуковский, и Вяземскій, и остальные члены кружка. Такого же мнѣнія о немъ были иностранцы,—Барантъ, Ксавье де-Местръ, англійскій посланникъ и графъ Фикельмонъ. Въ литературѣ каждаго народа онъ чувствовалъ себя, какъ дома, и его характеристики Байрона, Шелли, Гете, Гюго, Мицкевича, Данте не теряютъ своего значенія и теперь. Было бы странно защищать теперь Пушкина отъ тѣхъ нападеній, которыя были вызваны въ свое время его стихотвореніями «Поэтъ» и «Поэтъ и чернь», но приведемъ небольшую выдержку изъ «Записокъ», гдѣ самъ Пушкинъ разъясняетъ свое пониманіе поэта. «Его отвѣтъ превосходно характеризуетъ его личность», — замѣчаетъ Смирнова, съ чѣмъ навѣрно согласятся и читатели.

«Я продолжаю думать,—говоритъ Пушкинъ,—что поэтъ стоитъ не выше чѣмъ окружающіе его люди, до того момента, когда заговоритъ божество. Поэтъ вдохновенъ, это несомнѣнно. Выпадаютъ часы, когда я не могъ бы написать и двухъ строкъ, а въ *часъ божества* стихи льются, точно вода. Но затѣмъ, однако, приходится пересмотрѣть, измѣнить, исправить. Божество даетъ мысли, чувства, но, кромѣ того, есть еще искусство, и это уже дѣло завтрашняго дня. Я часто встаю ночью, чтобы писать, уже послѣ сна; кака-нибудь мысль преслѣдовала меня съ вечера, но я не могъ тотчасъ ее выразить, я долженъ было ею проникнуться до глубины души, ей надо было

улецься въ гармоническіе аккорды. Тогда въ душѣ моей происходитъ какое-то пробужденіе, что я и высказалъ въ своемъ «Повѣ». Но если чернь меня не понимаетъ, если разныя посредственности не чувствуютъ того, что чувствую я, — это не даетъ мнѣ никакого права отдаляться отъ человѣчества, такъ какъ прежде чѣмъ быть поэтомъ—я человѣкъ и гражданинъ» (стр. 293).

Такимъ отвѣтомъ врядъ ли остались бы довольны поклонники чистаго искусства, не признающіе въ поэтѣ человѣка и гражданина. Современные декаденты и символисты тоже имѣютъ поводъ быть недовольными Пушкинымъ, который съ простотой, составлявшей характерную и главную особенность его личности, сказалъ Смирновой: «Мы всѣ должны умереть не высказавшись. Какой языкъ человѣческой можетъ выразить все, что чувствуетъ и думаетъ сердце и мозгъ, все, что предвидитъ и угадываетъ душа?» Погоню за формой онъ называетъ «литературничаніемъ» и своими «великими учителями» признаетъ Гёте, Шекспира и Данте. «Не стихи Шекспира слѣдуетъ изучать, а мысли его», говоритъ онъ, т. е. совершенно обратное тому, къ чему стремятся символисты, для которыхъ форма—все, желающіе посредствомъ сочетанія звуковъ, красокъ, образовъ выразить то, что не можетъ быть выражено «ни на какомъ языкѣ человѣческомъ». Символика была знакома и въ его время, и Пушкинъ зло подсмѣивался надъ де-Виньи за его поэму «Элоа», о которой онъ говоритъ: «Это поэтической софизмъ, и мнѣ не по вкусу эти тонкости» (стр. 194).

Вообще, въ пониманіи литературныхъ явленій Пушкинъ далеко опередилъ свое время, какъ опередилъ его въ пониманіи явленій общественныхъ и политическихъ...

Прошло тридцать лѣтъ, и многое, о чемъ мечталъ Пушкинъ, осуществилось, вошло въ жизнь и дало именно тѣ результаты, которые провидѣлъ этотъ великій умъ. Осуществилась прежде всего его мечта, выраженная имъ съ такою страстной силой:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря!

Рядъ послѣдовавшихъ затѣмъ реформъ, давшихъ обществу извѣстный кругъ самодѣятельности, и «нѣкоторая свобода печати» вызвали тотъ подъемъ духа, который представлялся Пушкину необходимымъ для плодотворной общественной работы. Началась борьба съ «предразсудками», отмѣченными Пушкинымъ, какъ главные устои нашей отсталости и «варварства», препятствовавшіе намъ быть «христіанами и европейцами». Взошла, по-истинѣ, «заря свободы просвѣщенной», и бѣдствія, таившіяся до сихъ

поръ подѣ спудомъ, которыя она освѣтила, не только не смутили никого страхомъ неувѣренности въ свои силы, но вызвали безпримѣрную кипучую работу на всѣхъ пунктахъ народной, общественной и государственной жизни. «Тогда все кипѣло жизнью,—говорить «Гражданинъ», характеризуя то время,—и именно жизнью духовной, тогда лучшіе люди шли на общественную службу, тогда въ каждомъ русскомъ челоѣкъ билось сильно сердце, тогда либералы создали цѣлую Ниагару мыслей, стремленій, цѣлей въ руслѣ русской умственной жизни, и этимъ вызвали къ жизни и противниковъ этого громаднаго урагана,—словомъ, тогда все, что дремало до того, проснулось, и на борьбу выступили всѣ силы добра и зла, на борьбу живую и, можно безъ преувеличенія сказать, народную, въ смыслѣ животрепещущихъ вопросовъ судьбы русскаго государства, эпохою создавшихся».

Живымъ свидѣтельствомъ этой кипучей работы могутъ служить для насъ «Сочиненія Н. В. Шелгунова», вышедшія вторымъ изданіемъ недавно *). Трудно найти въ литературѣ другую личность, которая служила бы лучшимъ олицетвореніемъ той эпохи, какъ Шелгуновъ, и Н. К. Михайловскій совершенно правъ, говоря въ своей вступительной статьѣ, что «Шелгуновъ впиталъ въ себя весь духъ того времени». Въ чемъ заключался этотъ «духъ», Шелгуновъ разъясняетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», составляющихъ самую интересную для нашей эпохи часть его сочиненій:

«Внизу освобождались крестьяне отъ крѣпостнаго права, вверху освобождалась интеллигенція отъ служилаго государства и отъ московскихъ понятій. И болѣе великаго момента, какъ этотъ переходъ отъ идеи крѣпостнаго и служилаго государства къ идеѣ государства свободнаго, въ нашей исторіи не было, да, пожалуй, и не будетъ. Мы, современники этого перелома, стремясь къ личной и общественной свободѣ и работая только для нея, конечно, не имѣли времени думать, дѣлаемъ ли мы что-нибудь великое или невеликое. Мы просто стремились къ простору, и каждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ и отъ чего ему было нужно. Хотя работа эта была, повидимому, мелкая, такъ сказать, единоличная, потому что каждый дѣйствовалъ за свой страхъ и для себя, но именно отъ этого общественное оказывалось сильнѣе, неудержимѣе, стихійнѣе. Идея свободы, охватившая всѣхъ, проникала всюду, и совершалось что-то небывалое и невиданное... Освободительный порывъ только и поддерживался общественно-гуманными идеалами, только они создали всѣ реформы и только благодаря освободительнымъ, гуманнымъ идеаламъ Россія шестидесятихъ годовъ выдвинула такую массу замѣчательныхъ людей въ литературѣ, въ журналистикѣ, въ художествѣ, въ музыкѣ, на общественномъ поприщѣ и въ сферѣ государственныхъ преобра-

*) «Сочиненія Н. В. Шелгунова». Второе изданіе съ портретами автора и вступительной статьёй Н. К. Михайловскаго. Два тома. Спб. 1895. Ц. 3 р.

зованій. Въ короткій періодъ трехъ-четырехъ лѣтъ обществу дана была такая масса идей, понятій и знаній, большая часть которыхъ и до сихъ поръ не дождалась практическаго осуществленія... Однимъ словомъ, общество напрягло всѣ силы, чтобы создать себѣ новое независимое положеніе и перенести центръ тяжести общественной инициативы на себя... Реакція противъ прежняго всепоглощающаго государственнаго вмѣшательства и казеннаго руководительства была не только всеобщей, но и легла въ основу общественно-экономическихъ реформъ и всей системы государственнаго хозяйства» (т. II, стр. 654—5).

Шелгуновъ, въ то время офицеръ лѣснаго корпуса, цѣликомъ былъ захваченъ освободительнымъ духомъ, вышелъ немедленно въ отставку и весь отдался на служеніе гуманнымъ освободительнымъ идеаламъ. Когда общество увидѣло передъ собой тысячи невѣдомыхъ ему до сихъ поръ путей,—оказалась прежде всего настоятельная необходимость учиться, и Шелгуновъ выступилъ съ рядомъ статей, въ которыхъ онъ касался самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, научныхъ и общественныхъ, въ легкой и популярной формѣ. Шелгуновъ былъ очень образованный и знающій человекъ, побывалъ нѣсколько разъ за границей, куда ѣздилъ по порученію своего начальства, съ цѣлью подготовиться къ кафедрѣ по лѣсоводству, которую ему предлагали и отъ которой онъ отказался ради болѣе широкой публики и болѣе ему улыбавшейся кафедры — публициста. Ему было что сказать и онъ умѣлъ сказать. Его статьи, относящіяся къ тому времени, и теперь могутъ служить образцами популяризаціи, ясности изложенія и умѣлаго освѣщенія фактическаго матеріала. Вошедшія въ первый томъ настоящаго изданія статьи историческія и общественно-педагогическія интересны не только для характеристики взглядовъ того времени, но и сами по себѣ заслуживаютъ полнаго вниманія читателя, которому могутъ многое уяснить и со многимъ познакомить. Мы вовсе не такъ много знаемъ теперь, чтобы свысока смотрѣть на знанія шестидесятихъ годовъ. Скорѣе, наоборотъ,—мы мало чему научились, за то многое забыли съ тѣхъ поръ. Но если даже въ нѣкоторыхъ изъ его статей фактическій матеріалъ и устарѣлъ,—также свѣтла та точка зрѣнія, съ которой онъ его разсматриваетъ, какъ и тогда, когда онѣ были написаны.

Драгоценную черту въ Шелгуновѣ составляетъ отсутствіе того, что онъ называетъ «ярлычками», и къ чему многіе такъ падки, въ особенности теперь. Въ статьѣ «По поводу одной книги» онъ такъ возражаетъ на разныя излюбленныя у насъ дѣленія людей—«шестидесятники», «люди сороковыхъ, пятидесятихъ годовъ»:

«Насъ приучили слышать о людяхъ двадцатыхъ годовъ, сороковыхъ, шестидесятихъ; но мы еще ни разу не слышали, чтобы у насъ были люди

ХІХ вѣка. Или десятилѣтія—наши вѣка, или русская мысль растетъ не годами, а часами? Какія умственные пропасти раздѣляютъ мыслящую Россію на десятилѣтія? Откуда эта невозможность примиренія, откуда этотъ безпощадный антагонизмъ, который даже и людей одного десятилѣтія дѣлитъ на нѣсколько враждебныхъ лагерей? Говорятъ: люди сороковыхъ годовъ—отцы теперешней эпохи; это освободители Россіи отъ крѣпостнаго права; это первые люди, сказавшіе на Руси первое слово въ пользу человѣческихъ правъ женщины, съ людьми пятидесятихъ годовъ они думали уже о гласномъ судѣ. Но развѣ люди шестидесятихъ годовъ не прямое, непосредственное слѣдствіе идей сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ? Гдѣ же логика для вражды и антагонизма, отчего «отцы» не понимаютъ «дѣтей», не понимаютъ, что они ихъ родныя дѣтя?

Затѣмъ, на примѣрѣ разбираемой имъ книги указать, что можно принадлежать по-времени къ сороковымъ годамъ и быть на уровнѣ шестидесятихъ годовъ, Шелгуновъ продолжаетъ:

«Дѣятельная натура не можетъ ни заостенѣть въ идеализмѣ, ни уйти въ филистерство, которое является тоже отъ неумѣнія примирить дѣйствительность съ идеалами. Изъ людей шестидесятихъ годовъ одни завернулись величественно въ свой идеализмъ, наклеивъ на себя ярлычекъ; меньшее число осталось безъ ярлычка, а громадное большинство примирилось съ жизнью въ филистерствѣ, въ пошлости, въ преждевременномъ старчевствѣ, въ буржуазности. Филистерство есть противоположный полюсъ идеализма и оба они одинаково вредны для жизни. За то какъ свѣжи и хороши люди безъ ярлычковъ, и какъ высоко слѣдуетъ цѣнить такихъ людей, какъ нашъ авторъ, мысли котораго сохранили текучесть на всю жизнь, а энергія тоже на всю жизнь сохранила свою юношескую силу. Такіе люди могутъ по очереди пережить двадцатые, сороковые, шестидесятые и даже сотые годы, лишь бы Богъ далъ вѣку, и не остановятся на какомъ-либо предыдущемъ періодѣ, чтобы сдѣлаться врагами послѣдующаго. Тутъ—истинная сила преемственной мысли, не знающей дѣленія на десятилѣтія» (т. II, стр. 416—22).

Къ Шелгунову вполнѣ примѣнимо все, что онъ говоритъ про автора разбираемой книги. Онъ былъ человѣкомъ безъ «ярлычка», и статьи его дышутъ такою свѣжестью, какъ если бъ были написаны вчера. Чтобы сохранить такую свѣжесть на протяженіи тридцати слишкомъ лѣтъ, надо быть натурой «дѣйственной, реальной, живучей», способной понимать текущую жизнь и готовой откликнуться на ея запросы. Шелгуновъ обладалъ всѣми этими качествами въ избыткѣ, о чемъ лучше всего свидѣтельствуетъ его долготѣнная неустанная литературная дѣятельность. Начавъ съ популярныхъ статей въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ, онъ заканчиваетъ «Очерками русской жизни» въ девяностыхъ годахъ.

На протяженіи всей этой тридцатилѣтней публицистической дѣятельности Шелгуновъ остается неизмѣнно вѣрнымъ себѣ. Никакихъ «ярлычковъ» онъ себѣ не приклеиваетъ. Онъ не «народникъ», но и не «либералъ», въ смыслѣ «западника». Не отрицая хоро-

*

шихъ сторонѣ, выработанныхъ народной жизнью, онъ вполне европеецъ по своему отношенію къ тому же народу. Въ немъ какъ бы осуществились тѣ черты, которыя Пушкинъ считаетъ необходимыми для насъ, чтобы перестать быть «варварами». Это сказывается прежде всего въ его манерѣ писать, мягкой, утонченно-вѣжливой, безъ задора и презрительнаго отношенія къ противнику, котораго онъ всегда убѣждаетъ. Отчасти это объясняется его натурой, которую превосходно очерчиваетъ Н. К. Михайловскій въ «Припискѣ» къ вступительной статьѣ.

«Я былъ такъ счастливъ,—говоритъ Н. К. Михайловскій,— что встрѣчалъ въ жизни немало истинно прекрасныхъ людей, но одно изъ первыхъ мѣстъ въ этой дорогой для меня портретной галлерей принадлежитъ Шелгунову. Не знаю, сумѣю ли я выразить словами его удивительную душевную красоту. Шелгуновъ говаривалъ, что есть особенные люди, совмѣщающіе въ себѣ черты мужского и женскаго характера, и что это-то и есть настоящіе люди. Въ самомъ Шелгуновѣ, дѣйствительно, совмѣщались лучшія стороны мужского и женскаго типа. Судьба не баловала его, и мужественнѣе, чѣмъ онъ, нельзя было, я думаю, переносить ея иногда жесточайшіе удары. Закалялся ли онъ въ житейскихъ буряхъ, которыхъ ему пришлось вынести такъ много и такихъ разнообразныхъ, или уже такимъ уродился, но всякую свою личную бѣду онъ встрѣчалъ, не моргнувъ глазомъ. Прибавьте къ этому истинно женскую нѣжность сердца, не просто добраго, а ласковаго, участливаго, тонко деликатнаго, и въ цѣломъ получится нѣчто столь же рѣдкое, какъ и привлекательное, настоящій цѣльный человѣкъ. Сочетаніе мужественной силы и женской нѣжности придавало какое-то особенное изящество всему обиходу Шелгунова, удерживая его отъ уклоненій какъ бы сторону грубости, которая иногда свойственна силѣ, такъ и въ сторону слабости, которая часто сливается съ нѣжностью».

Въ публицистикѣ Шелгуновъ навсегда останется типомъ джентльмена. Это зависитъ, помимо его личныхъ свойствъ, и отъ той нравственной и умственной высоты, съ которой онъ разсматриваетъ отдѣльныя явленія жизни и литературы. Даже когда вы съ нимъ не можете согласиться, какъ, напр., въ его характеристикахъ Пушкина или Гончарова,— вы не можете не признать, что мотивы его отрицательнаго къ нимъ отношенія—благородны. Самое же непониманіе ихъ объясняется особенностями того времени, отчасти, быть можетъ, недостаточной продуманностью, спѣшностью работы, и неполнымъ знакомствомъ съ ними.

Если Шелгуновъ, по силѣ и яркости таланта, не принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся дѣятелей литературы того времени, то по цѣльности характера ему, безспорно, принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, давая интересныя, глубоко продуманныя характеристики другихъ, Шелгуновъ почти умалчиваетъ о себѣ и той роли, которую ему пришлось играть въ журналистикѣ, но ни одинъ безпристрастный из-

слѣдователь не «затруднится поставить его имя рядомъ» съ Елисѣевымъ, Щаповымъ, Зайцевымъ и Михайловымъ. Съ ними его связывала не только совмѣстная работа, но и тѣсныя дружескія отношенія, какъ показывается, напр., слѣдующее милое стихотвореніе, полученное имъ въ день рожденія отъ Михайлова, вмѣстѣ съ разными подношеніями:

Встала младая изъ мрака съ перстами пурпурными Эосъ,
 Мирный покинула сонъ Николаева сила святая.
 Всталъ онъ и видить, въ ковчегѣ лежитъ драгоцѣнномъ (подносомъ
 Этотъ ковчегъ въ просторѣчьи зовется) подарки отъ милыхъ
 Сердцу его домочадцевъ: два чудной работы чугунныхъ
 Тяжкихъ сосуда, чтобъ пепелъ съ сигаръ отряхать въ кабинетѣ—
 Въ видѣ корзины одинъ, другой же дракону подобный;
 Восемь паръ превосходныхъ носковъ, и самой Пенелопой
 Лучше бъ не связанныхъ, и папиросница темныя кожи
 Съ внутреннимъ малымъ карманомъ, къ храненію денегъ удобнымъ,
 Если онъ не поютъ пѣтухами, просясь на волю.
 О, Шелгуновъ, дѣсоводственный мужъ, Николай благородный!
 Самъ на эти дары напросился ты хитростной рѣчью,
 Также какъ древле въ гостяхъ у святой Алкиноевой силы
 Выклянчилъ много подарковъ себѣ Одиссей хитроумный.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ коснуться этой части его воспоминаній...

Рознь между отцами и дѣтьми, на которую Шелгуновъ смотрѣлъ скорѣе какъ на результатъ взаимнаго непониманія, чѣмъ противоположности интересовъ, проявляется не только у насъ, въ Россіи. Здѣсь она только бываетъ обостреннѣе и ярче, въ силу ненормальности условій, при которыхъ приходится вырабатывать свои взгляды и отцамъ, и дѣтямъ. Сказывается она и на Западѣ, какъ показываетъ любопытное письмо молодого француза къ извѣстному поэту Франсуа Коппэ, стихотворенія котораго дышутъ жаждой возмездія и горячей ненавистью къ нѣмцамъ. Франсуа Коппэ, вмѣстѣ съ безшабашнымъ буланжистомъ Полемъ Деруледомъ и Жюльеттой Адамъ, поднялъ въ печати сильную агитацію противъ постановленія правительства, согласно рѣшенію котораго французскій флотъ принималъ участіе въ мирномъ торжествѣ въ Килѣ при открытіи Сѣверо-германскаго канала. Не будучи французскимъ шовинистомъ, нельзя понять, что собственно такъ огорчило патріотическое сердце Коппэ? Помимо обычнаго французскаго блягерства, безъ котораго ни одинъ истый французъ не можетъ обойтись въ наиторжественнѣйшій моментъ, разгадку слѣдуетъ искать въ совмѣстномъ участіи двухъ флотовъ, нѣмецкаго и французскаго, которымъ, по мнѣнію Коппэ, подобаешь встрѣтиться не

иначе, какъ въ бою. Въмѣсто того, эти флоты дружески размѣнивались салютами, а моряки угощали другъ друга завтраками и обѣдами и, надо полагать, чувствовали себя несравненно лучше, чѣмъ въ доброй дракѣ. Но воинственный Коппэ скорбѣлъ у себя въ кабинетѣ, испытывая, по его словамъ, нѣкое гнетущее чувство за все время пребыванія французскихъ военныхъ судовъ въ нѣмецкихъ водахъ, и вздохнулъ свободнѣе лишь послѣ того, какъ французскій флагъ пересталъ развѣваться на кильскомъ рейдѣ. Поэтъ надѣялся, что и всѣ его соотечественники переживаютъ такіе же тревожные дни, испытываютъ такое же гнетущее чувство. Вотъ почему на него произвелъ крайне безотрадное впечатлѣніе протестъ одного изъ его молодыхъ друзей, юноши, отличающагося «независимостью ума и прямою натурою». Изъ этого протеста Коппэ выводитъ заключеніе, что современная французская молодежь вовсе не раздѣляетъ чувствъ и воззрѣній поколѣнія, пережившаго «ужасный годъ разгрома».

«Откровенно скажу вамъ,—пишетъ молодой другъ поэта,—вы насъ изумляете. Напрасно напираете вы на *p* въ словѣ *revanche*: никакого отголоска оно въ насъ не встрѣчаетъ. Вы вызываете къ намъ, какъ къ Сиду: «as tu du coeur?», упуская изъ виду, что когда дону-Діего (старому поколѣнію) нанесено было оскорбленіе (разгромъ Франціи), Родриго (юное поколѣніе) еще не было на свѣтѣ, и что публика сначала недоумѣвала, отчего это старецъ такъ долго мирился съ фактомъ полученной имъ пощечины. При всемъ томъ, мы просимъ не считать насъ трусишками, зачатыми подавленнымъ горемъ побѣжденными. Текущая въ нашихъ жилахъ кровь не уступаетъ вашей, она также горяча и доблестна. Ни малѣйшаго оскорбленія мы не потерпимъ, и если границѣ будетъ грозить опасность, мы тотчасъ выступимъ въ походъ. Но то же время, однако, мы чувствуемъ, какъ съ каждымъ днемъ въ насъ все болѣе и болѣе гаснетъ инстинктъ мести, успокаивается историческая вражда; тѣ же, кого воздвигаетъ вражда расы противъ расы, нація противъ націи, кажутся намъ если не преступниками, то, по крайней мѣрѣ, опасными безумцами».

И не только не скорбѣлъ юный французъ, видя французскій флагъ на кильскомъ рейдѣ, а напротивъ, радовался и предавался возвышеннымъ мечтамъ. Онъ мечталъ, что если Вильгельмъ II, такой же, какъ и они, молодой человѣкъ, руки котораго тоже не обогрены кровью, воспользуется случаемъ и изречетъ чудодѣйственныя слова мира, долженствующія возродить нашъ дряхлый міръ, и въ присутствіи всѣхъ этихъ броненосцевъ, этихъ чудовищныхъ орудій войны потребуетъ отъ всѣхъ европейскихъ народовъ, чтобы они приступили къ разоруженію?!

«Но онъ этого не сдѣлалъ. Тѣмъ хуже: придется и впредь тянуть жизнь подъ низкимъ небомъ и грозвыми тучами вооруженнаго міра, пока доведенные до отчаянія и желая выйти изъ столь бѣдственнаго положенія люди

еще разъ не потребуютъ подвергнуть ихъ риску войны. Да, приходится жить такъ, а не иначе, иного исхода не представляется. Не требуйте, однако, отъ молодежи, чтобы она раздѣляла вашъ традиціонный и воинственный патріотизмъ, не удивляйтесь, если къ рѣчамъ вашимъ о чести и славѣ мы остаемся равнодушными. Мыслящая молодежь старѣетъ скоро, она рано познаетъ суету многихъ вещей. Если ей прикажутъ драться и умирать, она будетъ повиноваться, но въ глубинѣ все-таки сохранять видѣдрившееся въ нее отъращеніе къ войнѣ. Хотя она уже пала духомъ, прежде чѣмъ начать дѣйствовать, и хотя запасъ ея надеждъ очень не великъ, молодежь все-таки желаетъ сохранить для будущахъ поколѣній свой идеалъ счастья и прогресса, основанныхъ на мирѣ и трудѣ.

Коппэ только скорбитъ, но ничего не возражаетъ. И что бы онъ могъ возразить? Не одна современная молодежь, но и всѣ французы, не одурманенные шовинизмомъ, понимаютъ, что истинные интересы французскаго народа требуютъ не исканія разныхъ союзовъ, а мирнаго развитія культурныхъ силъ, которыми такъ богата Франція. Да и сами эльзась-лотарингцы сильно охладѣли къ своей прежней «матери», увидѣвъ на опытѣ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, что старая «бабушка» Германія тоже не безъ достоинствъ. Повидимому, они начинаютъ сознавать, что имя передовой націи держится теперь за французами только по традиціи, но что свѣтъ свободы и прогресса давно уже потухъ на берегахъ Сены и все ярче разгорается на берегахъ Шпрее. И если они слышатъ еще слова любви и ободренія, то они къ нимъ доносятся никакъ не изъ Парижа...

Молодежь рѣдко выступаетъ въ печати съ изложеніемъ своихъ мыслей и взглядовъ, почему такія откровенныя заявленія, какъ письмо молодого француза къ Коппэ, очень цѣнны. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, не меньшій интересъ представляютъ двѣ небольшія брошюрки, вызванныя извѣстными «Письмами» профессора Карѣва къ учащейся молодежи. Одна изъ нихъ г-на Трика—«Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на «Письма» къ ней г. Карѣва», другая г-на С.—«Обращеніе товарища къ студентамъ». Обѣ несомнѣнно принадлежать очень молодымъ людямъ, какъ можно судить и по тону, и по содержанію. Г-нъ Трико, студентъ горнаго института, съ перваго слова заявляетъ, что «въ общемъ изъ чтенія писемъ выносишь дурное впечатлѣніе (за исключеніемъ VI письма и послѣсловія). Относительно же логичности поговоримъ далѣе». Не довѣряя чужимъ мнѣніямъ, авторъ позволяетъ себѣ «имѣть собственное мнѣніе», которое, «можетъ быть, не придется по вкусу филистерамъ, но я, разумѣется, не буду на это обращать вниманія», и затѣмъ приступаетъ къ изложенію этого мнѣнія. Намѣтивъ цѣль самообразования, именно разработку міросозерцанія, г. Карѣвъ «не объясняетъ ни намъ, ни

себѣ, какъ въ насъ возникаетъ стремленіе къ самообразованію, т. е. онъ кое-что объ этомъ говорить, но такъ темно и поверхностно, что я постараюсь пополнить этотъ пробѣлъ», къ чему г-нъ Тринко не медля и приступаетъ.

«Нашу братію можно раздѣлить на двѣ категоріи: обезпеченныхъ и необезпеченныхъ. Къ первымъ принадлежатъ: 1) аристократія (какъ столичная, такъ и провинціальная) и крупные капиталисты; 2) чиновники, купцы и т. п. Мы знаемъ, насколько замкнутый кругъ представляетъ аристократія. Ей недоступны общечеловѣческіе интересы, она погрязаетъ въ глубокомъ эгоизмѣ, и въ гоньбѣ за удовольствіями и наслажденіями растрчиваетъ умъ и человѣческія чувства. Ничего не напоминаетъ ей о сотняхъ милліоновъ людей, терпящихъ нужду, часто не удовлетворяющихъ необходимѣйшимъ потребностямъ тѣла и вкуса. Въмѣсто того, чтобы достигнуть идеала самопожертвованія, она свой умъ, страсти и чувства низвела на степень прихотей. Все въ ней условно и искусственно. Потому-то Левъ Толстой, проведшій всю жизнь среди этого общества, проиѣнялъ его на крестьянъ и проклялъ цивилизацію».

Въ силу такихъ условій молодежь изъ этого круга не испытываетъ необходимости вырабатывать самостоятельно міросозерпаніе. Лучше обстоитъ дѣло во второй группѣ обезпеченныхъ, которой болѣе «сродна дѣйствительная жизнь», наталкивающая на рядъ впечатлѣній, далеко не отраднхъ, «а къ нимъ такъ восприимчива молодежь»,—воскликаетъ авторъ и съ горечью продолжаетъ:

«Сознаніе своего достоинства, своей личности просыпается въ юношѣ подъ градомъ наносимыхъ ему оскорбленій... Дома и въ гостяхъ онъ видитъ вездѣ карты, или же слышитъ совершенно бевомысленные разговоры — сплетни. Недовольство средой все болѣе и болѣе крѣпнетъ и, наконецъ, достаточно незначительнаго случая, чтобы оно вспыхнуло отчаяніемъ. Это ужасный, самый тяжелый моментъ въ жизни человѣка. Всѣ его понятія (вошедшія въ его умъ механически) начинаютъ колебаться въ основаніяхъ! Въ окружающихъ его людяхъ ярко выступаютъ: злоба, мелочность, тупоуміе и неправда»...

Но порывъ отчаянія проходитъ, и юноша жаждетъ дѣятельности, для которой онъ ищетъ идеала. Отсюда вытекаетъ необходимость самостоятельной работы мысли, выработки міросозерпанія, но не какъ цѣли, а лишь—средства «искоренить зло и неправду». Проф. Карѣевъ, по мнѣнію автора, невѣрно опредѣливъ цѣль, имѣлъ въ виду не современную молодежь. Онъ полагаетъ, что за двадцать послѣднихъ лѣтъ ничто не измѣнилось, но за это время «очень и очень многое измѣнилось! Наше общество стало гораздо развитѣе. Объ этомъ можно судить хотя бы потому, что раньше оно увлекалось естественными науками, а теперь политической экономіей. Большая разница! Жизнь, литература и наука дали намъ много новаго. Если перемѣнилось общество, перемѣнилась и учащаяся молодежь». Если прежде, по словамъ г. Карѣева, эта по-

слѣдняя жаждала *интереснаго* знанія, то, по мнѣнію автора, такое стремленіе «ничтожно: мы также ищемъ знанія, но знанія *полезнаго*». Чье же поколѣніе лучше?—спрашиваетъ авторъ. Пренее поколѣніе черпало идеи изъ литературы. «Мы же, хотя и не менѣе интересуемся литературой, все-таки не основываемъ своихъ идей, понятій, идеаловъ исключительно на ней. Нѣтъ, мы, главнымъ образомъ, черпаемъ ихъ изъ жизни, представленія о которой у насъ составляются не только по прочитаннымъ книгамъ, но и по личнымъ наблюденіямъ надъ уродливыми противорѣчіями между фактами дѣйствительности». Признавъ въ заключеніи, что г. Карѣевъ не сказалъ ничего новаго и ничего не разъяснилъ, авторъ заканчиваетъ обращеніемъ къ товарищамъ: «Воспрянемъ духомъ, товарищи, и поможемъ себѣ сами, если намъ не могутъ помочь наши наставники. Дорога, проложенная собственными усиліями, имѣетъ гораздо большую цѣну, чѣмъ доставшаяся безъ всякаго труда. Въ борьбѣ съ жизнью разовьются наши силы, а также твердость и увѣренность. Поставимъ себѣ идеаломъ добро, истину и справедливость, и смѣло пойдемъ по пути, указанному намъ Христомъ».

Нельзя сказать, чтобы и г. Трнка тоже открылъ что-либо новое. Укоряя въ нелогичности г. Карѣева, онъ и самъ не проявилъ особой послѣдовательности въ изложеніи мыслей. Вообще, авторъ «строгъ, но не справедливъ». Относительно прежняго поколѣнія онъ сильно заблуждается, будто оно только литературой и жило и интересовалось исключительно естествознаніемъ. О шестидесятихъ годахъ и говорить нечего, такъ какъ тогда именно люди и литературой интересовались лишь по столько, по сколько она отражала жизнь. Но и въ семидесятихъ годахъ интересъ къ жизни былъ не меньше, а къ политической экономіи—и подавно. Еще Некрасовъ подчеркнул эту черту въ профессорахъ, любившихъ «Марксомъ тону задавать». Кстати сказать, тогда же впервые русское общество и познакомилось съ нимъ изъ классическаго изложевія Зибера. Изученіе народнаго хозяйства было начато тогда же, а когда общество знало больше,—это трудно разрѣшимый вопросъ. Автору слѣдовало бы припомнить измѣненія въ программахъ, напр., высшихъ учебныхъ заведеній, и тогда онъ имѣлъ бы кое-какіе данныя для рѣшенія этого вопроса.

Авторъ другой брошюры, г-нъ С., съ виду много скромнѣе. По его словамъ, «Письма» г. Карѣева и «Отвѣтъ» г-на Трнка «взволновали всю нашу учащуюся братію». Ничего новаго самъ г. С. не беретъ сказать, находя, «что совершенно лишнее искать чего-то новаго, когда у насъ есть прекрасное старое, которое

вѣчно ново», и онъ надѣется, «что все, что носило характеръ конца XIX столѣтія, выраженнаго словами: «fin de siècle»,—останется далеко позади насъ и что въ новомъ столѣтіи и въ новомъ поколѣніи произойдетъ полное обновленіе». Въ противоположность своему товарищу, г. С. отличается мягкостью, его брошюрка проникнута тономъ элегическимъ, мѣстами звучитъ поэтическая струнка,—словомъ предъ нами то, что характеризуется именемъ «une ame souffrante». И онъ тоже пережилъ «то отчаяніе, когда, нося въ душѣ идеалы любви, братства, справедливости, не находилъ въ жизни отклика и починалъ чувствовать себя среди людей одинокимъ». И онъ искалъ выхода, «и плакалъ, и молился»,—выражаясь словами поэта,—пока не обрѣлъ то, чего искалъ, «не почувствовалъ почвы подъ собой». Пока еще онъ ходитъ по ней неувѣренно, но сознаетъ, что все-таки встанетъ «въ концѣ концовъ твердо и увѣренно». Жизнь, окружающіе насъ говорятъ, что все условно, все относительно, но истина, добро, справедливость должны быть абсолютны. «Есть! навѣрное есть *одна истина, одно добро, одна справедливость*, только мы ихъ не видимъ». Но если жизнь не даетъ разгадки, то кое-что сдѣлало для этого искусство.

«Два произведенія искусства поразили меня. Я ихъ самъ не видалъ, но читалъ статьи о нихъ въ «Новомъ Времени». Художникъ Веддеръ нарисовалъ на большомъ полотнѣ что-то въ родѣ високаго, покрытаго скатертью стола, на которомъ лежитъ какая-то книга. Фигуръ и лицъ на картинѣ не видно, видны только какія-то руки, которыя выступаютъ внизу изъ рамы картины. Здѣсь есть и жилистыя руки рабочаго, и холенныя ручки барыни, и окровавленные руки убійцы. Всѣ эти руки тянутся къ столу, чтобы достать лежащее на немъ. Вы скажете, что за чепуха! Самъ Веддеръ, говорятъ, признается, что не знаетъ, зачѣмъ онъ это рисуетъ. Онъ чувствуетъ какое-то проклятiе надъ собою, онъ долженъ это рисовать... Скульпторъ Роденъ, вмѣсто изображенія изящныхъ формъ классической красоты, тоже разработалъ оригинальную тему. Онъ выдѣпалъ ворота, въ которыя стремится пройти толпа, изображающая человѣчество. Лица у людей искажены. Здѣсь тоже и бѣднякъ, и богачъ—всѣ перемѣшались, желая пройти въ ворота; а между тѣмъ стоитъ имъ всѣмъ догадаться, на одинъ моментъ остановиться, и всѣ пройдутъ хорошо и спокойно».

Что же это означаетъ? Это символъ той вѣчной, единой истины, къ которой люди стремятся, но, опутавъ себя условностями, не могутъ достигнуть. «Подадимъ другъ другу руку помощи!—восторженно обращается г. С. къ молодежи, —большая заслуга была бы намъ, новому поколѣнію, если бы мы могли произвести не переворотъ въ жизни, а внутреннее перерожденіе въ насъ самихъ. Не *самообразование* пусть будетъ нашею главною цѣлью, а *самоусовершенствованіе*»,—и путь къ нему: *Евангеліе*. «*Евангеліе* есть та

книга, къ которой протягиваются руки на картинѣ Веддера; *Христосъ*—тѣ ворота въ произведеніи Родена, черезъ которыя всѣ желающіе должны пройти... Только тамъ вы найдете разгадку словъ—истина, добро, справедливость. Познать все это можно, только читая Евангеліе, т. е. познавая Христа. *Нѣтъ иного пути*».

Какъ видимъ, оба автора заканчиваютъ почти одинаково, но г-на Трико при помощи Христа хочетъ искать истинное рѣшеніе, г-нъ С. прямо во Христѣ успокаивается. И сколько являлось толкователей этого «прекраснаго», на чемъ успокаивается нашъ авторъ, но каждый понималъ его по своему. По мѣрѣ развитія знаній, толкованія становились, повидимому, все ближе и ближе къ истинѣ, но все же мы еще такъ далеки отъ нея, что порѣшить съ самообразованіемъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Въ особенности намъ, въ Россіи, гдѣ стоимиліонный народъ пребываетъ почти въ полномъ невѣжествѣ. Онъ въ правѣ ожидать, что именно молодежь, вооруженная знаніемъ, полученнымъ преемственно отъ старшаго поколѣнія, освѣтитъ ему этотъ мракъ, его окружающій, и поможетъ отыскать путь къ истинѣ. И несравненно ближе къ ней г-нъ Трико, ищущій дѣятельности, чѣмъ г-нъ С., приглашающій своихъ товарищей къ квіетизму.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Земскія мнѣнія о необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ реформахъ. Земская хроника «Хозяина» заключаетъ любопытные матеріалы, касающіеся отвѣтовъ земствъ на извѣстное обращеніе къ нимъ министра земледѣлія съ цѣлью «выясненія нуждъ сельскаго хозяйства». Всѣ отвѣты могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: большая часть земствъ (въ особенности земства съ преобладающимъ крестьянскимъ представительствомъ) «настаиваютъ на необходимости коренныхъ экономическихъ и общественныхъ реформъ». Другая, меньшая часть земствъ ограничивается указаніями на рядъ палліативныхъ мѣръ для поднятія техники земледѣлія и расширенія сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Эта сторона вопроса особенно подчеркивается тѣми земствами, въ которыхъ преобладаютъ представители отъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Наиболѣе полный проектъ реформъ, необходимыхъ для поднятія русскаго сельскаго хозяйства, представленъ уѣздными земствами Вятской губ. «Во главѣ всѣхъ мѣръ эти земства ставятъ введеніе всеобщаго начального обученія на средства земства, при пособіи отъ правительства, такъ какъ некультурность и невѣжество народа составляютъ непреодолимый тормазъ для осуществленія казихъ бы то ни

было реформъ». Затѣмъ, по мнѣнію вятскихъ земствъ, должны быть поставлены на очередь экономическія мѣры и, наконецъ, мѣры сельскохозяйственныя и техническія, которыя сами по себѣ, безъ содѣйствія образованія и экономическихъ улучшеній, «являются только палліативами и не въ состояніи принести никакой существенной пользы». Какія же экономическія мѣры признаются вятскими земствами наиболѣе необходимыми для поднятія сельскаго хозяйства? Прежде всего они высказываются за «безусловную необходимость дополнительнаго надѣленія землею всѣхъ малоземельныхъ крестьянъ до такой нормы, которая обезпечила бы имъ безбѣдное существованіе. При невозможности такихъ дополнительныхъ надѣловъ должно быть организовано переселеніе малоземельныхъ крестьянъ на свободныя казенныя земли... вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо облегчить непомерное податное бремя, лежащее на трудящемся населеніи, путемъ урегулированія размѣра налоговъ съ дѣйствительною стоимостью земли». Затѣмъ, существенными мѣрами являются: широкая организація кредита, помощь кустарной промышленности, обезпеченіе крестьянскаго населенія достаточнымъ количествомъ лѣса, и пр. и пр. Такова, въ общихъ чертахъ, экономическая и сельскохозяйственная

программа, намѣченная вятскими уѣздными земствами. Мнѣнія другихъ земствъ, тоже высказывающихся за необходимость крупныхъ экономическихъ реформъ и считающихъ одни сельскохозяйственныя и техническія мѣры недостаточными для поднятія сельскаго хозяйства, въ основныхъ пунктахъ сходятся съ мнѣніемъ вятскихъ земствъ. Почти тождественныя мѣры были предложены нижегородскимъ уѣзднымъ земствомъ. Уѣздныя земства Казанской губ. точно также подчеркиваютъ въ своихъ отвѣтахъ необходимость принятія самыхъ широкихъ мѣръ для надлежащей постановки народнаго образованія. «Такъ, чистопольское уѣздное земство заявляетъ, что обязательная грамотность народа есть единственная надежная основа всѣхъ дальнѣйшихъ улучшеній. По мнѣнію земства, безусловно необходимо, чтобы ни одно селеніе не было лишено благодѣяній школы, причѣмъ курсъ послѣдней долженъ быть значительно расширенъ».

Казанскія земства, также какъ и вятскія и нижегородское, указываютъ на другую неотложную нужду народа—на его экономическое раззореніе вслѣдствіе малоземелья и непосильнаго податнаго обложенія. Отзывы земскихъ людей о современномъ положеніи деревни крайне неутѣшительны: «Объединеніе деревни быстро прогрессируетъ (чистопольское уѣздное земство). Чтобы уплатить хотя бы $\frac{1}{4}$ часть всѣхъ платежей, крестьянину необходимо продать весь свой хлѣбъ (тетюшское). Земледѣліе при настоящихъ условіяхъ не оплачиваетъ крестьянину даже тѣхъ налоговъ, которые съ него собираются; лишь когда крестьяне будутъ сыты, можно разсуждать о воздѣйствіи на нихъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи (экономическій совѣтъ казанскаго уѣзднаго земства)». Чистопольское уѣздное земство категорически заключаетъ, что безъ пониженія поземельныхъ нало-

говъ невозможенъ успѣхъ земледѣлія. Та же мысль высказывается экономическими комиссиями курскаго и уфимскаго земствъ. Параллельно съ облегченіемъ податей, по мнѣнію выше-названныхъ земствъ, необходимо принять мѣры къ уничтоженію крестьянскаго малоземелья, къ поднятію кустарной промышленности, улучшенію сельскохозяйственной культуры, регулированію переселеній и пр.

Кромѣ того, вятское, казанское и уфимское земства высказываютъ мысль о необходимости учрежденія для востока Россіи особаго высшаго сельскохозяйственнаго заведенія.

Отношеніе народа къ школѣ. При обсужденіи вопроса о всеобщемъ обученіи чрезвычайно важно знать, какъ относится къ этому обученію наиболѣе заинтересованная въ немъ часть населенія, т. е. самъ народъ. Въ виду этого, Московскій Комитетъ Грамотности, предпринявъ, въ прошломъ году, изслѣдованіе вопроса о всеобщемъ обученіи, обратилъ вниманіе и на эту сторону дѣла и включилъ въ программу, разосланную имъ разнымъ лицамъ, вѣдающимъ дѣло народнаго образованія, слѣдующіе 5 вопросовъ:

1) вездѣ ли въ извѣстномъ вамъ районѣ крестьяне (или жители города) желаютъ учить своихъ дѣтей, и отъ какихъ причинъ зависитъ большее или меньшее стремленіе ихъ къ школѣ? 2) не можете ли указать отдѣльныхъ случаевъ, характеризующихъ стремленіе къ школѣ или равнодушіе къ ней? 3) потребность ученія созвана ли только по отношенію къ мальчикамъ или же и по отношенію къ дѣвочкамъ и отъ чего зависитъ различіе, если оно наблюдается? 4) не замѣчается ли усиленія потребности ученія за послѣднее время, и если замѣчается, то отъ какихъ причинъ зависитъ, по вашему мнѣнію, такое усиленіе? и 5) каковы главныя причи-

ны, по которымъ обучаются не всё мальчики и не всё дѣвочки? Въ настоящее время получено уже 300 отвѣтовъ на 1, 3 и 4 вопросы со стороны лицъ самаго разнообразнаго общественнаго положенія—директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, земцевъ, народныхъ учителей, предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ, священниковъ, помѣщиковъ и т. п. Всѣ эти отвѣты собраны и обработаны въ недавно вышедшей брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Сознана ли населеніемъ потребность во всеобщемъ обученіи? Докладъ секретаря комиссіи по вопросу о всеобщемъ обученіи А. О. Гартвига. Москва. 1895 г.». Приведемъ въ общихъ чертахъ содержаніе этой интересной работы. «По вопросу: вездѣ ли въ извѣстномъ вамъ районѣ населеніе желаетъ учить своихъ дѣтей, 89,3% отвѣчающихъ даютъ отвѣтъ: «да, вездѣ»; 10,7% отвѣчаютъ различно: одни — «не вездѣ», другіе — «далеко не всё». Такимъ образомъ, потребность въ школьномъ обученіи является сознанной почти повсемѣстно. Тамъ же, гдѣ наблюдаются обратныя явленія, они находятъ себѣ объясненіе въ такихъ причинахъ, какъ вѣроисповѣдное различіе, экономическая заурядность, плохая постановка школы и т. п. Такъ, отмѣчается враждебное къ русской школѣ отношеніе со стороны значительной части населенія татаръ-магометанъ, вслѣдствіе религиозныхъ причинъ, въ Симбирской и Казанской губ.; такое же отношеніе со стороны инородцевъ—мусульманъ, встаетъ сказать, замѣчается еще въ Вятской, въ Самарской и Уфимской губерніяхъ. Наконецъ, указывая на равнодушіе къ школѣ въ глухихъ и бѣдныхъ мѣстностяхъ корреспонденты изъ разныхъ концовъ Россіи констатируютъ—стремленіе народа къ званію. Отвѣты получены изъ 44 губерній, 179 уѣздовъ и 86 городовъ, и отовсюду сообщаются одно-

родные факты, подтверждающіе это стремленіе. Такъ, напримѣръ, народная учительница Муромскаго уѣзда. Владимірской губ., говоритъ, что еще задолго до начала ученья по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ крестьянскія дѣти начинаютъ толпами собираться къ училищу; за учащимися бѣгутъ и новички и просятъ приняты ихъ учиться; каждый изъ нихъ старается записаться пораньше, чтобы успѣть занять мѣсто въ школѣ. Родители часто не знаютъ, что ихъ сынъ или дочь приняты въ училище, до тѣхъ поръ, пока имъ не скажетъ или самъ записавшійся, или его товарищи. Каждый годъ многимъ приходилось отказать и многихъ принимать сверхъ назначеннаго количества учениковъ. Школа на 60 человѣкъ, а училось въ ней 90, потому что не было возможности устоять противъ просьбъ родителей и слезъ учениковъ. «Земская школа,—пишетъ сельскій учитель изъ Владимірскаго уѣзда,—успѣла воспитать въ своихъ ученикахъ интересъ къ знанію, любовь къ книгѣ, потребность въ умственномъ общеніи съ остальнымъ міромъ. беру на себя смѣлость утверждать, что это такъ, во-1-хъ потому, что у многихъ крестьянъ, особенно изъ молодыхъ, мнѣ приходилось видѣть книжки для чтенія, даже маленькія бібліотеки, приобретаемыя на собственные средства; во-2-хъ потому, что газеты, выписываемыя мѣстными держателями трактировъ, постоянно на рукахъ у посѣтителей; нѣкоторые посѣщаютъ трактиръ исключительно ради чтенія газетъ; у законоучителя училища многіе крестьяне берутъ выписываемыя имъ газеты «на разрывъ», какъ онъ выразился. При откѣзѣ въ пріемъ мнѣ приходилось видѣть слезы на глазахъ дѣтей; матери въ подобныхъ случаяхъ поднимаютъ цѣлую бурю негодованія, сѣтованій и нескончаемыхъ просьбъ».

Помѣщикъ Бѣлевскаго уѣзда, Туль-

ской губ., пишетъ: «Мнѣ извѣстны семейства, въ которыхъ имѣется по нѣскольку мальчиковъ, но мальчики одновременно посѣщать школу лишены возможности, такъ какъ на трехъ имѣется одинъ полушубокъ и одни валенки, вслѣдствіе чего они ходятъ въ школу по очереди».

Почетный мировой судья и землевладелецъ Смоленской губ. сообщаетъ слѣдующее: «Желаніе учиться у крестьянскихъ дѣтей поразительно велико; чѣмъ объяснить это—я рѣшительно недоумѣваю; казалось бы, собраны всѣ неблагопріятныя условія для учениковъ сельскихъ школъ, какъ-то: ежедневная ходьба въ школу по занесенной снѣгомъ дорогѣ на значительное разстояніе, въ зимнюю стужу, въ плохой одеждѣ, занятія въ теченіе всего дня въ классѣ, а вечеромъ за уроками, при тѣснотѣ, низкихъ потолкахъ, и, слѣдовательно, и при недостаткѣ хорошаго воздуха, скудное продовольствіе, преимущественно хлѣбъ съ водой, немногіе изъ нихъ приносятъ съ собою картофель или капусту, коими дополняютъ свой обѣдъ, кое-какъ за глаза ихъ сваривъ, и т. п., но всѣ эти неудобства нисколько не охлаждають ихъ охоты учиться». Въ Тверской губ. инспекторъ народныхъ училищъ «часто употребляетъ угрозу закрытія училища, если сельское общество не озаботится ремонтомъ школьнаго помѣщенія или постройкой новаго зданія, и общества всегда предпочитали принять мѣры къ улучшенію училищнаго помѣщенія, чѣмъ примириться съ закрытіемъ училища». Учителя и учительницы 17 школъ въ Тверской губ. въ своей коллективной работѣ приводятъ отзывъ крестьянъ о вліяніи школы: «Нынѣшніе сходы несравненно резонантнѣ рѣшаютъ общественные вопросы, теперь больше порядка и справедливости, тогда какъ прежде сходы нерѣдко оканчивались дракой; по отзыву крестьянъ одной деревни, празд-

ники проводятся теперь несравненно тише прежняго». Изъ той же губерніи сообщаютъ, что «23 крестьянскихъ общества, несмотря на строгія обязательства, выдвигаемыя учебнымъ начальствомъ и земствомъ, составили приговоры о постройкѣ школьныхъ зданій и объ открытіи школъ».

Одна изъ помѣщицъ Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губ., пишетъ, что «во многихъ деревняхъ въ зимніе вечера, особенно Великимъ постомъ, когда считается грѣхомъ пѣть пѣсни и играть «кадрели», на посидѣлкахъ устраиваются пѣлыя литературные вечера, отъ которыхъ не отказываются даже иныя любознательныя старухи. Читается, конечно, все, что случится: и газеты, которыя въ нынѣшнемъ году особенно интересовали деревенское населеніе и на нихъ былъ большой спросъ, и романы, и житія святыхъ; большой интересъ возбуждаютъ романы Жюль Верна, Купера и т. п. У нѣкоторыхъ большой вкусъ къ стихамъ, а другіе держатся божественнаго, любятъ читать по-славянски, причемъ, кажется, болѣе увлекаются звучной торжественной формой, чѣмъ содержаніемъ. Это все говорю относительно молодыхъ воспитанниковъ новой земской и церковно-приходской школы; старые грамотеи и начтчики къ намъ за книгами не ходятъ, да, по правдѣ сказать, они за послѣднее время совершенно ступевались съ своими старинными книгами, нущавшими въ еще недавнія очень времена какой-то мистическій ужасъ».

На вопросъ, желаетъ ли населеніе учить и дѣвочекъ, или только мальчиковъ,—матеріалы, полученныя комитетомъ грамотности даютъ такой отвѣтъ: «въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ городахъ родители стараются дать образованіе и дѣвочкамъ (76,7⁰/о отвѣтовъ), въ селахъ лишь незначительная часть родителей посылаетъ въ школу и дѣвочекъ, а именно: 13,4⁰/о отвѣтовъ отиѣчаютъ оди-

наковое стремленіе къ обученію какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Отвѣчающіе очень опредѣленно указываютъ и причину такого разлічія; основной причиной являются матеріальныя условія крестьянской семьи, которой дѣвочка нужна въ качествѣ няньки при маленькихъ дѣтяхъ и въ качествѣ помощницы матери по хозяйству. Такъ, хотя въ уѣздахъ Волоколамскомъ, Дмитровскомъ и Клинскомъ потребность обученія, повидимому, признана одинаково какъ по отношенію къ мальчикамъ, такъ и по отношенію къ дѣвочкамъ, однако при существованіи въ данной мѣстности фабричнаго промысла, гдѣ принимается и женскій трудъ, процентъ учащихся дѣвочекъ замѣтно понижается. Очевидно, что матери и старшія сестры, уходя на фабрику, надзоръ за домомъ, хозяйствомъ и малыми дѣтьми поручаютъ преимущественно дѣвочкамъ школьнаго возраста».

Во многихъ отвѣтахъ причиною не обученія дѣвочекъ выставляется отсутствіе специально женскихъ школъ. Такъ, изъ Балаповскаго уѣзда, Саратовской губ., сообщаютъ, что «тамъ, гдѣ существуетъ, кромѣ мужской школы, еще женское училище, послѣднее полно учащимися, и въ селѣ, гдѣ нѣтъ отдѣльной женской школы, учащихся дѣвочекъ очень мало. Такое явленіе мнѣ приходилось наблюдать не одинъ разъ и не въ одной мѣстности. Потребность ученія по отношенію къ дѣвочкамъ сознается крестьянами, но существующая система совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ не нравится крестьянамъ, и поэтому-то въ нашихъ сельскихъ школахъ такъ мало ученицъ, а въ селахъ грамотныхъ женщинъ».

Наконецъ, на третій вопросъ получено—89,2 проц. утвердительныхъ отвѣтовъ. Въ остальныхъ отвѣтахъ или говорится, что особаго усиленія нѣтъ, или дается отвѣтъ отрицательный.

Вообще же, всѣ данныя, собранныя Московскимъ Комитетомъ Грамотности, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что въ народѣ уже назрѣла потребность въ образованіи и поэтому введеніе всеобщаго обученія было бы вполне своевременнымъ.

Шадринскій пріютъ для сиротъ.

Въ 1892 г., во время неурожая и связаннаго съ нимъ голода, Шадринскій уездъ былъ однимъ изъ наиболѣе пострадавшихъ. Масса народа находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи, и многія лица ѣхали туда изъ Петербурга и другихъ мѣстностей, чтобы принести посильную помощь голодавшему народу. Въ ихъ числѣ была и г-жа Огнева, которая поѣхала въ Шадринскъ открывать столовыя и оставила по себѣ память открытіемъ пріюта для покинутыхъ дѣтей въ селѣ Пескахъ.

По словамъ «Екатеринбургской Недѣли», «основаніе пріюта было настоячивымъ требованіемъ голоднаго года. Тогда по всѣмъ весямъ нашихъ уѣздовъ оказалось столько выброшенныхъ на произволъ судьбы крестьянскихъ ребятъ, что самая численность ихъ громко вопіяла о немедленной помощи. Родители этихъ дѣтей то умерли, то разбрелись по чужимъ сторонамъ, ища хотя бы только себѣ куска хлѣба, а за исчезновеніемъ ихъ остались, какъ бы отъ разлива большой рѣвки, по подоконамъ крестьянскихъ избъ, по кладбищамъ и т. д. совсѣмъ голодные, нагія дѣти, подбирать которыхъ лежало на обязанности болѣе обезпеченныхъ добрыхъ людей. И нашлись такіе добрые люди и подобрали ребятъ буквально съ улицъ и кладбищъ».

Въ первый годъ своего существованія пріютъ былъ смѣшанный, т. е. въ немъ содержались и мальчики, и дѣвочки, всего въ количествѣ 53 чел., причѣмъ для жилья мальчиковъ была нанята особая квартира. На пропиа-

таніе, одежду, наемъ квартиры и т. п. было израсходовано въ тотъ годъ 1.234 р. 40 коп., что составить *на одного человека* въ годъ съ пищей, одеждой, отопленіемъ и освѣщеніемъ—23 руб. 28 коп., въ мѣсяцъ—1 р. 94 коп. и *въ день 6^{1/2} коп.* (Въ томъ числѣ завѣдующей пріютомъ уплачено жалованья 180 рублей).

Въ концѣ этого года мальчики были всѣ увезены въ другой мужской пріютъ въ Надырьевъ-Мостъ и къ началу новаго года, т. е. къ 1-му сентября 1893 года, было на лицо 36 дѣвочекъ, число которыхъ осталось безъ измѣненія до конца года. Въ составъ воспитанницъ пріюта, надо замѣтить, входятъ не все только дѣти псковскихъ жителей, напротивъ—они набраны изъ разныхъ селъ и деревень. Всѣ воспитанницы—круглыя сироты, за исключеніемъ трехъ, у которыхъ есть отцы, но нѣтъ матерей. Въ 1893 году израсходовано 722 р. 42 коп., что составить *на одну дѣвочку* въ годъ—20 р. 7 к., въ мѣсяцъ—1 р. 67 коп. и *въ день 5^{1/2} коп.* Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, стоимость содержанія одной дѣвочки въ пріютѣ (раньше мальч. и дѣвоч.)—*минимальная*. Если бы дать эти 6^{1/2} или 5^{1/2} коп. непосредственно въ руки тѣмъ же пріюткамъ, то, не смотря на сравнительно дешевую деревенскую жизнь, все-таки ничего на эти деньги нельзя бы было подѣлать.

Возрастъ дѣвочекъ, находящихся въ настоящее время въ пріютѣ, отъ 6 до 16 лѣтъ. Изъ нихъ 15 дѣвоч. школьнаго возраста учатся въ мѣстной земской школѣ. Но не остались безъ свѣта и тѣ дѣвочки, которыя старше школьнаго возраста: онѣ всѣ обучены писать, читать и знаютъ молитвы. Кромѣ того, «пріютки» хорошо поютъ и дома, и въ церкви, гдѣ онѣ, обыкновенно, занимаютъ тѣвый клиросъ. Собственно же пріютскія занятія состоятъ въ плетеніи кружевъ и тканьи ков-

ровъ; для послѣдняго рукодѣлія привезенъ даже недавно изъ Петербурга станокъ. Въ этихъ искусствахъ оказались такія способныя мастерицы, что нынче въ январѣ двухъ изъ нихъ увезли въ Петербургъ и помѣстили въ Маринскую школу рукодѣлій: одну для усовершенствованія въ плетеніи кружевъ, а другую учиться ткать ковры. Обѣ черезъ два года должны возвратиться въ Пески и сдѣлаться учительницами остальныхъ. Всѣ работы по пріюту исполняются самими воспитанницами, какъ-то: мытье половъ и бѣлья, шитье платья и т. д. Онѣ также прядутъ и ткутъ.

Кромѣ того, въ страду, воспитанницы работаютъ по найму у крестьянъ въ полѣ, что, напр., въ прошломъ году дало заработокъ въ количествѣ 25 рублей. Сверхъ этого выручено отъ продажи сплетенныхъ кружевъ рублей 10; есть надежда, что эта статья дохода увеличится, потому что до сихъ поръ кружева продавали «на охотника» въ предѣлахъ того же Шадринскаго уѣзда, а теперь будутъ отсылать ихъ въ Петербургъ, гдѣ этимъ произведеніямъ найдутъ наиболѣе выгодный сбытъ. Приучая такимъ образомъ дѣвочекъ къ разнообразной работѣ, незамѣтно создали и цѣль пріюта. А именно—сформировать изъ нихъ хорошихъ впоследствии работницъ, а не дармоедокъ, поставить ихъ на собственныя ноги и выпустить въ жизнь хорошими хозяйками и мастерицами. У г-жи Огневой есть даже предположеніе сдѣлать воспитанницамъ приличное приданое на случай, если которыя изъ нихъ выйдутъ замужъ».

Главный недостатокъ пріюта—это тѣснота помѣщенія. Квартира, за которую платится 35 р. въ годъ, состоитъ собственно изъ двухъ небольшихъ комнатъ, разгороженныхъ на 4 каморки, и въ этомъ-то домишечкѣ на три окна помѣщается 36 человекъ! Въ гигиеническомъ отношеніи верхъ неудобства:

тѣсно, сыро и глухо. Въ особенности зимой, когда спать, во избѣжаніе простуды, приходится подъ потолокомъ на особомъ накатѣ, а для очистки воздуха было единственное средство отворять на нѣкоторое время двери. И надо удивляться, какъ при такихъ условіяхъ эти малютки оставались здоровы и не подверглись особеннымъ острымъ заболѣваніямъ. Поэтому, чего слѣдуетъ еще пожелать пріюту, такъ, конечно, болѣе удобнаго и здороваго помѣщенія.

По справедливому замѣчанію «Екатеринбургской Недѣли», песковскій пріютъ еще разъ подтверждаетъ то положеніе, насколько плодотворна можетъ быть работа совокупныхъ силъ: петербургской, охотно жертвующей свои средства на нужды деревни, и деревенской, въ лицѣ ея немногихъ интеллигентныхъ представителей, умѣло употребляющихъ эти средства. Предлагаемая съ первой стороны деньги являются могучимъ рычагомъ въ рукахъ другой стороны. Люди въ деревнѣ есть—это опять-таки фактъ неоспоримый, но только руки этихъ людей, способныхъ приняться за любое хорошее дѣло, связаны именно неимѣніемъ средствъ. Но вотъ нашлись люди, полились жертвованія и руки деревенскихъ дѣятелей развязались. Безпомощность деревни отъ совмѣстной работы исчезла.

Павловская артель кустарей. Въ бібліографическомъ отдѣлѣ «Міра Божьяго», въ іюльской книгѣ, былъ помѣщенъ разборъ книги г. В. В. «Артельное начало въ кустарномъ промыслѣ». Теперь, со словъ «Русскихъ Вѣдомостей», можемъ привести данныя объ артели среди павловскихъ кустарей, основанной уже нѣсколько лѣтъ и начинающей приносить самые благопріятные результаты. Среди огромнаго количества такъ называемаго «павловскаго товара», расходящагося отсюда во всѣ концы нашего

отечества, вотъ уже нѣсколько лѣтъ можно видѣть издѣлія съ оттиснутымъ на нихъ клеймомъ—двѣ руки, соединенныя въ дружескомъ пожатіи. Это—клеймо такъ-называемой «Павловской кустарной артели», учрежденія очень скромнаго еще по размѣрамъ производства, но тѣмъ не менѣе представляющаго значительный интересъ и, повидимому, имѣющаго будущее. Какъ извѣстно, принципиальное значеніе артельного начала въ нашей промышленности пользуется, повидимому, общимъ признаніемъ. И, однако, исторія подобныхъ начинаній на мѣстѣ всегда и почти безъ исключенія есть исторія упорной борьбы съ мѣстными предубѣжденіями и препятствіями самаго, порой, неожиданнаго свойства. Между тѣмъ, уже и само по себѣ, по внутреннимъ условіямъ своего осуществленія — дѣло представляетъ такую массу трудностей, что, повидимому, и ихъ однихъ было бы болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы предъявить спросъ на всю энергію приверженцевъ и инициаторовъ артельного дѣла. Вѣроятно, по совокупности этихъ причинъ, наша жизнь даетъ очень мало цѣльныхъ и законченныхъ опытовъ этого рода и вопросъ остается слишкомъ долго въ области теоретическихъ дебатовъ, а то, что дѣлается, такъ усложняется влияніемъ постороннихъ неблагопріятныхъ воздѣйствій, что не даетъ убѣдительныхъ данныхъ для заключеній въ ту или другую сторону. Въ виду этого, павловская артель, прошедшая, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, одну изъ первыхъ стадій своего развитія, представляетъ особенный интересъ для всякаго наблюденія въ этой области. Какъ извѣстно, инициаторомъ ея является г. Штанге, которому въ теченіе почти десятилѣтнихъ настойчивыхъ усилій удалось, наконецъ, устранить внѣшнія препятствія, а нѣкоторая поддержка со стороны частныхъ лицъ и кустарнаго

комитета дала возможность поставить дѣло на почву чисто экономической борьбы за существование новаго начинанія въ ряду другихъ обычныхъ экономическихъ формъ... Предпріятіе, возникающее въ условіяхъ конкуренціи съ другими, давно уже существующими, и не имѣющее особыхъ преимуществъ въ техникѣ производства, — не можетъ давать прибыли, пока не достигнетъ извѣстныхъ размѣровъ. Это совершенно понятно и объясняетъ, въ свою очередь, почему артель въ первые годы своего существованія поглощала болѣе чѣмъ скромныя первоначальныя средства, давая лишь убытки. Въ 1893 году, съ перваго января артель поставила предпріятіе на почву (отчасти, разумѣется) фабричнаго производства (частная ссуда дала возможность поставить керосиновый двигатель въ 4 силы). Къ 1 июля того же года оказалось, что убытокъ прежнихъ лѣтъ равенъ еще 600 р. Второе полугодіе 1893 г. при сбытѣ товара на 7.000 р. (оборотъ 14.000 р. въ годъ) дало прибыло 62 р. 8 к., но это еще при даровомъ пользованіи двигателемъ. Прошедшій же 1894 г. является въ исторіи артели до извѣстной степени опредѣляющимъ и, такъ сказать, поворотнымъ пунктомъ. Въ этомъ году при сбытѣ, достигшемъ почти 20 тыс. руб., за надлежащими отчисленіями на погашеніе, получила уже первая настоящая прибыль 1.322 р. 27 к., а съ прибавленіемъ уплаченныхъ артелью процентовъ на занятыя деньги, — почти 1.600 р. (по отношенію къ затраченному капиталу болѣе 6%). Разумѣется, эта прибыль, такъ сказать, балансовая и по сравненію съ оборотами солидныхъ коммерческихъ предпріятій эти цифры могутъ вызвать лишь улыбку. Но ихъ внутреннее значеніе очень важно. Скромная цифра указываетъ вполне убѣдительно, что и въ артельномъ предпріятіи капиталъ, даже очень маленькій, такъ

же способенъ рождать прибыль, какъ и всякій другой, а это низводитъ артельное начинаніе изъ области теоріи и филантропическихъ затѣй на чисто реальную почву. Совершенно понятно изъ сказаннаго, что и эта белѣе чѣмъ скромная на посторонній взглядъ цифра, оглашенная впервые въ собраніи артели, происходившемъ 7 іюля въ селѣ Павловѣ, въ зданіи артельной «фабрички», произвела на членовъ артели впечатлѣніе гораздо болѣе яркое, чѣмъ она можетъ имѣть въ глазахъ постороннихъ. Написанная кѣмъ-то углемъ, на заслонкѣ сушильной печи, — она привлекала къ себѣ всѣ взгляды и давала нѣкоторый особенный оттѣнокъ собранію. Для пяти десятковъ людей, составляющихъ павловскую кустарную артель, ихъ дѣло — менѣе всего дѣло теоріи, а русский человѣкъ не легко отдается иллюзіямъ и долго съ понятнымъ недоверіемъ присматривается къ новому начинанію. Совсѣмъ не въ обиду участникамъ, можно сказать, однако, что для значительной ихъ части заработная плата, выдаваемая въ извѣстные сроки въ настоящее время, — имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ все то, что артель несетъ въ будущемъ. Однако, «первая прибыль» и для нихъ является фактомъ очень серьезнымъ, указывающимъ, что будущее можетъ стать такой же реальностью.

Дѣло о беспорядкахъ близъ Святогорскаго монастыря. Въ первой половинѣ іюля судебною палатою разбиралось дѣло о беспорядкахъ въ имѣніи графа Рибольера, близъ Святогорскаго монастыря. Обвинялось 69 крестьянъ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ., какъ участвовавшихъ въ беспорядкахъ, сопровождавшихся убійствами, грабежомъ, насиліями и сопротивленіями властямъ. Какъ видно изъ обвинительнаго акта, 14 августа прошлаго года, въ имѣніи графа

Рибопъера была успенская ярмарка. Подъ ярмарку администраціей экономіи, по примѣру прежнихъ лѣтъ, была отведена площадь, расположенная близъ рѣки Донца, между Святогорскимъ монастыремъ и постройками экономическими и дачными, отдаваемыми въ наемъ лицамъ, прїѣзжающимъ въ Святыя Горы на лѣто. Распредѣленіе мѣстъ на площади между торговцами и отводъ особаго мѣста подъ «конскій толчекъ», для торговли лошадьми, лежала на обязанности управляющаго экономіей, Авраса, и завѣдующаго дачами аптекаря Левизье, кои съ содѣйствовали въ томъ другіе служащіе—конторщикъ Урываевъ и четверо верховыхъ лѣсныхъ сторожей изъ осетинъ: Александръ и Николай Адырхаевы, Хассекъ Борсіевъ, Выбо Арбіевъ. Бромѣ послѣднихъ, 14 августа прибыли на ярмарку и въ экономію еще четыре лѣсныхъ сторожей осетинъ: Татарканъ Адырхаевъ, Гельбздыко Батаговъ, Дахчуко Мокоевъ и Иванъ Газиѣвъ. Эти осетины, лишь недавно нанятые экономіей на должности лѣсныхъ сторожей и объѣзчиковъ, успѣли возбудить противъ себя, съ самаго начала своей службы, ненависть въ жителяхъ окрестныхъ селъ, расположенныхъ вокругъ лѣсовъ и земель графа Рибопъера, на кои въ прежнее время крестьяне производили порубки и потравы. Нанятые осетины затрудняли порубки и потравы, тѣмъ болѣе, что ихъ, верховыхъ объѣзчиковъ съ кинжалами и револьверами, крестьяне боялись. Вражда послѣднихъ къ осетинамъ усиливалась еще тѣмъ, что, принадлежа къ чуждому племени, они всѣ почти исповѣдывали магометанство. Независимо отъ этого, многіе изъ прїѣхавшихъ на ярмарку крестьянъ и мелкихъ торговцевъ были недовольны за повышение экономіей цѣнъ за мѣста, отводимыя на площади, особенно на «конскомъ толчкѣ».

При стеченіи такихъ крайне не-

благопріятныхъ условій, крестьяне сошлись въ громадномъ количествѣ совершенно случайно съ осетинами въ Святыхъ Горахъ. Утромъ, 14 августа, въ нѣсколькихъ мѣстахъ «конскаго толчка» образовались лужи, такъ какъ предъ тѣмъ шелъ дождь. Нѣкоторые торговцы вслѣдствіе этого перешли на другія мѣста, за границу тѣхъ, которыя были имъ назначены. Тогда, по распоряженію управляющаго Авраса, осетины Н. Адырхаевъ, Борсіевъ и Арбіевъ, совмѣстно съ помощникомъ урядника Гребенниковымъ, стали переводить такихъ лицъ, съ ихъ лошадьми и повозками, обратно, на отведенныя имъ мѣста, чему крестьяне неохотно повиновались, а одинъ изъ нихъ, Елеазаръ Ребровъ, отказался очистить занятое мѣсто. Когда осетинъ Арбіевъ настаивалъ на этомъ, Ребровъ ударилъ плетью его лошадь; лошадь понесла, но Арбіевъ остановилъ ее, вернулся къ Реброву и, вырвавъ у него плеть, ударилъ его по спинѣ. Изъ-за этого они поссорились, схватились за концы плети и подняли крикъ; сбѣжалась на этотъ шумъ масса крестьянъ и цыганъ. Когда Арбіевъ выпустилъ плеть, Ребровъ, обращаясь къ окружающимъ, показалъ красную полосу на своей спинѣ, образовавшуюся отъ удара плетью, и сталъ кричать: «караулъ, бей его, бей всѣхъ черкесовъ!» Въ это время крестьянинъ Мартыненко выдѣлился изъ толпы и, бросившись на осетинъ, закричалъ: «Чего на нихъ смотрѣть? Будетъ имъ людей рвать!» Возбужденные этими возгласами крестьяне и цыгане обступили Арбіева и старались стащить его съ лошади, но онъ вырвался и вмѣстѣ съ Борсіевымъ ускакалъ по площади къ конторѣ экономіи; за нимъ, быстро нарастая, погналась толпа, съ крикомъ «бей черкесовъ!», причемъ нѣкоторые изъ толпы бросились на Н. Адырхаева, но послѣдній ускакалъ въ ближайшій

лѣсъ и скрылся. Помощникъ пристава гор. Изюма Бочковъ, пробѣгая къ той же конторѣ при началѣ беспорядковъ, слышалъ, какъ крестьянинъ Дегтяревъ, идя по площади, кричалъ: «Бей полицію, она за черкесовъ!» Вышедшій на конномъ толчкѣ урядникъ Гребенниковъ уговаривалъ Реброва не волновать народъ, обѣщая привлечь осетина къ отвѣту, но увѣщанія его не помогли, и Гребенниковъ послѣдовалъ за толпой, хлынувшей къ экономическимъ постройкамъ и окружившей зданіе конторы и смежныя зданія аптеки и гостиницы.

Въ то время во дворѣ экономія находилась осетины: Карсановъ, Годзіевъ и Татарканъ Адырхаевъ. Видя приближающуюся толпу и слыша угрожающіе крики, они собрались около конюшня и хотѣли ускакать въ лѣсъ, но окружившая весь дворъ толпа крестьянъ до 400 человекъ преградила имъ дорогу, и передніе, указывая на Карсанова, какъ на лицо, ударившее Реброва плетью, требовали его выдачи. Самъ Карсановъ и жившій въ гостиницѣ фонъ-Циглеръ увѣряли крестьянъ, что осетина того нѣтъ; явившіеся полицейскіе, сотскіе и десятскіе, не допуская шумѣвшихъ во дворъ, уговаривали ихъ разойтись, но толпа съ криками: «Бей всѣхъ черкесовъ, всѣ они нехристи, всѣ они рѣжутъ насъ!» прорвалась во дворъ гостиницы, а оттуда во дворъ конторы, гдѣ и соединилась съ крестьянами, вошедшими съ другой стороны въ ворота близъ зданія конторы. Тогда Годзіеву удалось незамѣтно скрыться въ помѣщеніи монастыря, а Карсановъ и Адырхаевъ, при помощи полицейскихъ, успѣли уйти въ контору, гдѣ скрывались ускакавшіе туда раньше Арбіевъ, Борсіевъ, А. Адырхаевъ, Макаевъ и Ботоговъ. Всѣ эти осетины заперлись въ телефонной комнатѣ. Всѣ же обитатели конторы бѣжали съ дѣтьми, оставивъ свои вещи. Толпа увеличилась до 2.000 чело-

вѣкъ; передніе ряды ея стремились проникнуть въ контору, требуя выдачи осетинъ, но урядники Гребенниковъ и Фитилевъ никого во внутрь зданія не впускали. Въ это время раздались крики: «Бей черкесовъ, бей полицію и урядниковъ, чтобы не защищали черкесовъ!» Многіе въ толпѣ были вооружены палками, кольями, досками. Въ это время Ребровъ снова обнажалъ передъ толпой спину, закричалъ: «А, такъ нашихъ бить! Ни за что не прощу черкесу!» и съ этими словами, вмѣстѣ съ окружавшими его, съ коломъ въ рукахъ ринулся въ дверь; полицейскіе были отброшены, крестьяне ворвались въ домъ и стали ломать, уничтожать и выбрасывать въ окна всѣ вещи, а нѣкоторые бросались къ телефонной. Находившіеся на дворѣ ломали изгороди и заборы, вооружаясь кольями и кирпичами, бросая все это въ окна конторы, съ цѣлью выбить оттуда осетинъ или убить ихъ на мѣстѣ, но опасаясь подходить близко, такъ какъ осетины были вооружены. Осетины были вскорѣ ранены, воспрепятствовать войти крестьянамъ не смогли и были смяты и сбиты съ ногъ, но кр. Духинъ, потащившій къ выходу одного изъ осетинъ, получилъ рану въ предплечіе; осетина этого вытащили уже другіе. Тогда урядникъ Гребенниковъ, защищая осетина, вытолкнулъ его въ контору, но осетинъ, отмахиваясь вилжаломъ, поранилъ въ это время руку защищавшаго его урядника. Увидя это, толпа стала бить палками урядниковъ. Гребенниковъ упалъ, обливаясь кровью, и потерялъ сознание; его вынесли сотскіе и помѣстили въ монастырь; крестьяне же, межъ тѣмъ, вновь бросались на осетинъ. Руденко вытащилъ за уши Борсіева, бросилъ его у крыльца и, ударяя ногами, кричалъ: «Да дайте ему смерти!» Послѣ этого человекъ тридцать на томъ же мѣстѣ убили Борсіева дубинами. Толпа же продол-

жала громить контору. Обезумѣвъ, съ книжалами въ рукахъ метались по комнатамъ осетины, залѣзая подъ столы, кровати, прчась по угламъ. Когда же одинъ изъ проникшихъ въ контору опрокинулъ кровать, подъ которой скрывались Макоевъ и бр. Адырхаевы, всѣ осетины, не вида спасенія, выскочили въ окна, прямо въ толпу, защищаясь книжалами, а Макоевъ выстрѣлилъ разъ изъ револьвера. Батоговъ побѣждалъ къ воротамъ, но его тутъ уже убили; его свалилъ кр. Кравченко ударомъ желѣзныхъ граблей; онъ упалъ и его добила. Адырхаевы и Макоевъ бѣжали въ аптеку, и послѣднему удалось скрыться на чердакъ. Ворвашіеся крестьяне разграбили аптеку и разбили то, что не могли похитить. Адырхаевы бѣжали затѣмъ въ гостиницу, но толпа и туда проникла, разбила всѣ вещи жильцовъ, разграбила ихъ имущество и деньги, нападая на двухъ жильцовъ—Семеновскаго и Циглера, уговаривавшихъ толпу прекратить свои насилія. Всѣ же жильцы гостиницы, не безъ основанія опасаясь за себя, бѣжали. Крестьяне открыто, на виду у полиціи, похищали ихъ имущество. Адырхаевы были разысканы внутри гостиницы. Татарканъ побѣждалъ по переулку, а затѣмъ черезъ крестьянскія усадьбы, но часть толпы, преслѣдовавшей его по пятамъ, настигла его на огородѣ, близъ экономіи, и убила кольями, Александръ же, выскочивъ на дворъ, былъ тотчасъ же окруженъ и убитъ; его добивали на глазахъ изюмскаго исправника Ковалевскаго, котораго съ трудомъ отстояли нѣкоторые изъ крестьянъ же, знающіе его. Пытавшіеся воспрепятствовать убіенію полицейскіе чины гор. Славянска Шамковъ и Слюсаренко должны были въ концѣ концовъ спастись въ лѣсъ, но за ними гнались 3 вер. Слюсаренко былъ настигнуть и его сильно били; снасли его тоже

сотскіе. Арбіевъ (ударившій плетью Реброва) скрылся на чердакѣ одной хаты, но крестьяне окружили хату, а Ник. Роменскій полѣзъ за нимъ. При этомъ Арбіевъ поранилъ ему руку и плечо, свалились они оба съ чердака, и толпа вытащила Арбіева на дворъ и убила его. Роменскій скончался ночью отъ потери крови.

Прокуроръ отказался отъ обвиненія 12 человекъ, а палата оправдала 31 человекъ, изъ остальныхъ же признала 18 человекъ виновными, какъ руководителей беспорядковъ, а 20—какъ участниковъ. На этомъ основаніи, семь человекъ приговорены къ каторжнымъ работамъ на срокъ отъ 4 до 5 лѣтъ, восемь—къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, девятнадцать—къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія, прочіе—къ тюремному заключенію.

Глубокой общественной интересъ этого дѣла,—замѣчаетъ «Новое Время»,—въ его бытовой сторонѣ, въ томъ, что оно развертываетъ передъ нами картину жизни, съ ея реальной обстановкой, рисуетъ состояніе нравовъ массы, попрежнему безмысленной и жестокой,—когда тѣ или другія обстоятельства возбуждаютъ въ ней раздраженіе. Интересъ этого дѣла въ томъ, что оно очень ярко освѣщаетъ то положеніе, которымъ у насъ такъ часто пренебрегаютъ, когда дѣло касается условій управленія народной массой,—именно, что не силой внѣшней охраняется порядокъ въ общественной жизни сельской Россіи, а почти исключительно благоумыемъ и благонамеренностью самаго населенія.

Чего, въ самомъ дѣлѣ, можетъ достигнуть сила внѣшняя, когда на одного полицейскаго приходится сотни и даже тысячи людей? А это положеніе рѣшительно общее въ сельскомъ быту. Между тѣмъ,—замѣчаетъ «Новое Время»,—мы гораздо чаще слышимъ обращенія и призывы именно къ тому, чтобы массу держать въ порядкѣ и повиненіи силою внѣшнею, а не уси-

зіями, направленными къ ея воспитанію въ духъ справедливости и долга.

И до тѣхъ поръ, пока образованіе не разольется широкой волной по лицу земли, святогорскіе огромы будутъ вполнѣ естественно повторяться...

На дальнемъ Востокѣ. Въ виду тюремнаго международнаго конгресса, бывшаго въ іюлѣ въ Парижѣ, очень своевременны интересныя сообщенія г. Шрейдера, статья котораго о Японіи была помѣщена въ «Мірѣ Божьемъ», — о положеніи русской каторги на Амурѣ. Въ «Рус. Вѣдомостяхъ» г. Шрейдеръ описываетъ свое посѣщеніе каторги и приводитъ нѣкоторыя данныя о бытѣ каторжанъ на Амурѣ.

«Праздничный день и къ тому же ненастье. Работы прекращены, и вся каторга съ самаго ранняго утра сидитъ въ своихъ баракахъ. Темный и мрачный баракъ кажется еще угрюмѣе и печальнѣе подъ давящей его сѣрой, свинцовой тучей, извергающей цѣлые потоки воды на раскисшую отъ продолжительнаго ливня землю. Тоскливо и уныло въ баракѣ, но выйти нельзя: вооруженный конвой зорко охраняетъ единственную выходную дверь и тщательно слѣдитъ за малѣйшимъ движеніемъ и шумомъ въ баракѣ.

Но внутри, повидимому, все тихо и ничто не возбуждаетъ подозрѣній въ конвойномъ: онъ такъ же часто и мѣрно совершаетъ обычный свой кругъ, какъ и прежде.

Между тѣмъ, внутри далеко не спокойно.

Пользуясь выпавшимъ ей на долю рѣдкимъ праздникомъ, каторга старается наверстать потерянное время и, по своему, развлекается. Тамъ внутри идетъ теперь большая картежная игра, распивается водка, наполовину разбавленная водой, и идутъ всякія другія азартныя игры. Подъ личиной наружнаго хладнокровія и спо-

койствія, усыпляющей бдительность зоркаго стража, играютъ и разгораются самыя жестокия страсти. Обезопасивъ себя со стороны зоркаго глаза конвойнаго, путемъ установленія цѣлага ряда сигнальщиковъ, какъ бы невинно разглядывающихъ дверное окошко, а между тѣмъ тщательно и неослабно слѣдящихъ за каждымъ движеніемъ караульнаго, — каторжники расходятся во всю, не сдерживая своихъ страстей. Но стоитъ сигнальщику полушопотомъ произнести условное слово «вода», «24» и т. д., какъ карты и водка моментально исчезаютъ, и лица игроковъ, за мгновенье до этого чуть не дошедшихъ до ножей, сразу преобразуются, и самый тонкій психологъ не замѣтилъ бы ничего подозрительнаго въ нихъ.

Страсть къ азарту во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ чрезвычайно распространена среди каторжныхъ. Страсти разгораются иногда до того, что иные проигрываютъ не только всѣ свои наличныя, кровавымъ трудомъ заработанныя деньги и вещи, но и свои пайки: хлѣбъ, мясо — и проч., иногда на мѣсяцъ и два — три впередъ. И это — при неустанномъ тяжеломъ, ежедневномъ трудѣ! Чѣмъ только живы они въ это время, — просто диву даешься.

Ни бдительный надзоръ, ни суровыя, грозныя кары не въ силахъ уберечь заключенныхъ отъ азарта и водки, — этой единственной отрады ихъ и утѣшенія въ тяжеломъ каторжномъ режимѣ. Для пріобрѣтенія и охраненія этихъ двухъ запрещенныхъ предметовъ каторжные проявляютъ большую ловкость и сметку, ставящихъ только въ тупикъ зоркихъ стражей.

Ловко умѣютъ концы скрывать каторжники: ни-почто имъ ни цѣпи, ни стѣны, ни бдительный глазъ караула, но не все имъ легко сходить съ рукъ: тюремная Ѳемида грозна, страшна и почти каждый день проявляетъ зѣбсъ надъ ними свою власть. Самымъ обык-

новеннымъ, частымъ и наиболѣе мягкимъ видомъ наказанія служатъ здѣсь розги. Наложенеіе этого наказанія не всегда даже требуетъ соотвѣтствующаго приказа по каторгѣ и въ извѣстныхъ случаяхъ (напримѣръ, во всѣхъ случаяхъ маловажныхъ проступковъ) предоставляется личному усмотрѣнію низшихъ агентовъ тюремной администраціи съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что въ одинъ пріемъ они могутъ дать провинившемуся каторжнику не болѣе тридцати ударовъ розогъ. Нѣкоторые изъ этихъ агентовъ широко пользуются своимъ правомъ, ибо «съ этимъ народомъ иначе *разговаривать* нельзя», — пояснилъ мнѣ одинъ изъ нихъ.

«По мнѣнію высшей мѣстной администраціи, тѣлесное наказаніе не является, однако же, вполне достигающимъ цѣли и «взаимнъ чрезмѣрно-частаго тѣлеснаго наказанія, по отношенію къ которому ссыльно-каторжные пришли къ полному равнодушію», для случаевъ болѣе важныхъ, здѣсь установлена «штрафная камера» — казематъ.

Это — одинъ изъ самыхъ серьезныхъ видовъ наказанія. Сверхъ заковыванія въ ручные и ножные кандалы, преступники содержатся на общей дѣпн съ прочными замками въ камерѣ, запертой, въ свою очередь, на замокъ и охраняемой усиленнымъ патрулемъ. Верхняя одежда допускается, при этомъ, лишь «въ предѣлахъ необходимости». Въ теченіе первыхъ десяти дней арестантамъ, по распоряженію начальника каторги, полагается ограниченный «раціонъ» — 2 ф. хлѣба, одинъ золотникъ чая и черезъ три дня въ четвертый — горячая пища, т. е. одинъ сулъ безъ мяса. Позже каждому прибавляется по полфунта хлѣба.

Ссыльно-поселенцы подвергаются обыкновенно почти тѣмъ же наказаніямъ, что и ссыльно-каторжные. Дѣло въ томъ, что за всякое важное нарушеніе они почти всегда обращаются

«во временныя заводскія работы», т. е. въ тѣ же каторжныя, на время до полугода, сверхъ обычнаго тѣлеснаго наказанія, и затѣмъ, уже въ качествѣ временно-каторжныхъ, — подвергаются всѣмъ послѣдствіямъ и случайностямъ своего новаго положенія.

Самымъ обычнымъ и частымъ явленіемъ, вызывающимъ суровую репрессию со стороны мѣстной администраціи, — являются здѣсь побѣги. Нужно удивляться той энергіи, изворотливости, хитрости и изобрѣтательности, которую проявляютъ каторжники въ этомъ отношеніи, преодолевая самыя невозможныя преграды. Строго говоря, бѣжать здѣсь, повидимому, не только невозможно, но и прямо некуда, и однако же каторжника, замыслившаго совершить побѣгъ, не можетъ уже ничто остановить на пути къ желанной имъ свободѣ, за которую ему всегда приходится очень и очень дорого расплачиваться.

Не нужно упускать также изъ вида, что мѣстное хуторское населеніе — новоселы, недавно основавшіеся въ краѣ и незараженные старинными сибирскими традиціями и исконнымъ дружественнымъ отношеніемъ, сочувствіемъ и участіемъ къ «несчастнѣвнымъ». Въ то время, какъ въ Центральной и Западной Сибири, напримѣръ, бѣглый каторжникъ почти всегда можетъ рассчитывать если не на гостепримство и радушный пріемъ, то хотя на пищу, которая выносятся ему сибиряками, по установившемуся обычаю (особенно въ уединенныхъ заимкахъ), за околицу, или оставляется ими на заваленкахъ, — здѣсь, въ Уссурийскомъ краѣ, населеніе встрѣчаетъ всякаго бѣглаго, какъ своего прямого врага, пулей. Само собою, такое отношеніе вызвало со стороны бѣглыхъ каторжниковъ и горячій протестъ, выражающийся здѣсь въ рядѣ убійствъ, разбоевъ и грабежей, являющихся

прямымъ послѣдствіемъ и отголоскомъ всякаго побѣга.

Бѣгле каторжники, точно затравленные звѣри, преслѣдуемые и природой, и людьми, и муками голода, озлобляются, ожесточаются и идутъ на всякія звѣрства, о какихъ, напримѣръ, въ Западной Сибири не часто слышно, и за которыя они иногда расплачиваются своими головами и почти всегда своей свободой.

И, тѣмъ не менѣе, каторжники бѣгутъ и довольно часто. Бѣгутъ, не взирая на угрожающую имъ страшную кару, не взирая на совсѣмъ невозможныя условія бѣгства, непреодолимыя препятствія и муки голода, очень часто вынуждающія ихъ добровольно возвращаться обратно. Незадолго до моего отъѣзда бѣжало нѣсколько человѣкъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ однажды утромъ явился одинъ изъ нихъ (татаринъ): изможденный, изсохшій, онъ еле дер-

жался на ногахъ отъ голода. Увидѣвъ у околицы лагеря прогуливавшуюся въ то время жену одного изъ служащихъ, онъ упалъ ей въ ноги и просилъ ея заступничества. «На Кавказѣ барина просить умѣлъ, а этого (т. е. зрителя) не умѣю», — все время бормоталъ онъ еле слышнымъ отъ слабости голосомъ. Оказалось, что онъ уже четыре дня ничего не ѣлъ. Да и передъ тѣмъ цѣлыхъ шесть дней онъ слонялся по тайгѣ, питался орѣхами и дикимъ виноградомъ и не рискуя показаться на дорогу или въ ближайшій хуторокъ, гдѣ его встрѣтила бы или пуля, или арестъ.

Обыкновенно и большинство каторжниковъ, бѣгущихъ по-одиночкѣ, подвергаются той же участи и, въ концѣ-концовъ, взнемогаютъ въ безсильной борьбѣ съ муками голода и добровольно отдаются въ руки строго карающаго ихъ тюремнаго начальства».

За границей.

Экономическіе вопросы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Однимъ изъ замѣчательныхъ явленій оканчивающагося столѣтія, безспорно, слѣдуетъ считать изумительное развитіе Соединенныхъ Штатовъ Америки, какъ въ экономическомъ, такъ и въ социальномъ отношеніи. Съ 1790 по 1890 годъ, — время самой первой и послѣдней переписи населенія американской республики, — это населеніе возросло съ 4 милліоновъ до 63 милліоновъ душъ. Приростъ населенія былъ особенно силенъ за послѣднія двадцать лѣтъ. Иммиграція европейцевъ въ Соединенные Штаты была, конечно, одною изъ главныхъ причинъ такого увеличенія населенія, такъ какъ, среднимъ числомъ, около 80.000 европейцевъ ежегодно переселялись въ Америку до 1870 года, когда европей-

ская эмиграція еще возросла и достигла за послѣднія десять лѣтъ до 320.000 человѣкъ въ годъ. Однако, несмотря на такой быстрый ростъ населенія, ростъ капитала въ Соединенныхъ Штатахъ совершался еще быстрѣе. Соединенные Штаты представляютъ въ настоящее время самое богатое государство на всемъ земномъ шарѣ, такъ какъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, общая сумма ихъ богатства простирается до 325 милліардовъ.

Европейскія націи, введя у себя систему прусскаго милитаризма и растрчивая на вооруженія свои послѣднія силы и средства, не мало способствовали такому матеріальному усиленію Соединеннымъ Штатамъ; способствовало этому, конечно, и громадное развитіе желѣзнодорожной сѣти, промышленности и техническаго производства. Чрезмѣрные вооруженія

европейскихъ государствъ вызвали усиленіе эмиграціи, такъ какъ жизнь въ Старомъ Свѣтѣ становилась все тяжелѣе и тяжелѣе, развитіе же желѣзнодорожной сѣти въ Новомъ Свѣтѣ давало возможность утилизировать такія территории въ Соединенныхъ Штатахъ, какія до этого времени не подвергались эксплуатаціи. Желѣзныя дороги, развѣтвляющіяся во всѣхъ на правленіяхъ, содѣйствовали объединенію американской національности, болѣе чѣмъ всѣ другія условія. Соединеніе желѣзнодорожной сѣти Соединенныхъ Штатовъ съ сѣтью Канады и Мексики упрочило политическое и коммерческое господство вашингтонскаго правительства, отъ береговъ Атлантическаго до Тихаго океана. Но вмѣстѣ съ такимъ необыкновенно быстрымъ ростомъ населенія и богатства въ Соединенныхъ Штатахъ стали возникать и обостряться все болѣе и болѣе столкновения между капиталомъ и трудомъ. Отношенія между рабочими и хозяевами стали портиться и, въ послѣднее время, приняла очень острый характеръ. Отчасти этому содѣйствовала иммиграція европейцевъ, благодаря которой масса людей, стоящихъ на гораздо болѣе низкомъ нравственномъ и интелектуальномъ уровнѣ, нежели американскіе рабочіе, наполнила фабрики и заводы, затѣмъ увеличеніе городского населенія въ сравненіи съ сельскимъ измѣнило условія существованія и взаимныя отношенія большинства, ослабивъ связь между людьми, матеріальное положеніе которыхъ различно. Несмотря на демократическій характеръ американскаго общества, все-таки социальныя неравенства обнаруживаются въ немъ очень сильно, вслѣдствіе неравенства состояній, такъ какъ нѣтъ ничего, что могло бы уравнивать въ данномъ случаѣ возрастающее вліяніе денегъ. Столкновения труда и капитала зачастую принимаютъ въ Америкѣ гораздо болѣе грандіозныя размѣ-

ры, нежели въ Европѣ, что и даетъ поводъ подчеркивать недостатки политической и социальной организаціи Соединенныхъ Штатовъ. Какъ въ прежнихъ, такъ и въ теперешнемъ взглядѣ на Соединенные Штаты заключается, безъ сомнѣнія, много преувеличеній. Несправедливо видѣть одні только темныя стороны политической и социальной организаціи Соединенныхъ Штатовъ, какъ это дѣлаютъ теперь въ особенности англійскіе политическіе писатели, также какъ несправедливо было видѣть эту организацію прежде чѣмъ ли не образцомъ совершенства. Но во всякомъ случаѣ, если и въ Новомъ Свѣтѣ возникаютъ такіе же политическіе и экономическіе кризисы, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ, то все же американцы, навѣрное, выйдутъ изъ всѣхъ своихъ затрудненій скорѣе и легче, нежели европейцы. Въ пользу такого предположенія говоритъ какъ самый характеръ американскаго народа, такъ и самыя условія его социальной жизни.

Хотя профессиональные союзы или ассоціація рабочихъ существуютъ въ Америкѣ уже съ начала XIX вѣка, тѣмъ не менѣе рабочее движеніе стало значительнымъ лишь со временъ американской войны. Въ 1866 году организованъ былъ первый рабочий конгрессъ въ Балтиморѣ, положившій начало множеству ассоціацій, которыя составляютъ въ настоящее время силу американскихъ рабочихъ. Однако, эти союзы рабочихъ оказались недостаточными. Поэтому - то послѣ наступленія экономическаго кризиса, еще болѣе обострившаго положеніе, организовалось нѣчто вродѣ тайнаго общества «рыцарей труда» (knights of Labour), со спеціальною цѣлью защиты интересовъ рабочихъ классовъ. Общество это было основано въ 1870 г., въ Филадельфіи, семью рабочими портняжнаго цеха. Сначала члены общества собирались тайно, такъ какъ боязливые и робкіе рабо-

че боялись зачастую, что имъ будетъ отказано отъ мѣста, если сдѣлается извѣстнымъ, что они «рыцари труда». Наиболее же интеллигентные и смѣлые между этими рабочими надѣялись однако при помощи этого общества достигнуть удовлетворенія законныхъ стремленій рабочихъ, правильно рассчитывая на то, что развитію общества будетъ содѣйствовать окружающая его тайна, оказывающая притягательное дѣйствіе на воображеніе. Дѣйствительно, дальнѣйшія событія оправдали это предположеніе. Менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ послѣ своего основанія орденъ «рыцарей труда» насчитывалъ уже полмилліона членовъ и очень расширилъ свою программу, сдѣлавшись политической силой, съ которою приходилось считаться. Чѣмъ далѣе, тѣмъ онъ болѣе распространялся, число членовъ ордена возрастало и въ 1886 году достигло уже 730.000 человекъ.

Однако, такой быстрый ростъ не принесъ счастья ордену. Члены его уже перестали принадлежать къ избранному большинству филадельфскаго рабочаго населенія, въ общество попали безпокойные элементы, сѣявшіе только смуту и совершавшіе разнаго рода грубыя насилія. Въ результатъ общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ возмущилось и въ одинъ годъ орденъ «рыцарей труда» потерялъ 300.000 своихъ членовъ. Онъ сталъ также быстро падать, какъ быстро повышался, и годъ тому назадъ насчитывалъ уже не болѣе 100.000 членовъ.

Одновременно съ паденіемъ ордена рыцарей труда началось быстрое развитіе другой американской ассоціаціи рабочихъ, «федерации труда». Эта федерация, лучше организованная, нежели орденъ рыцарей труда, скоро стала во главѣ рабочаго движенія. Уже въ 1893 году федерация насчитывала 800.000 членовъ и погло-

тила почти всѣ рабочіе союзы съверныхъ штатовъ, за исключеніемъ желѣзнодорожныхъ синдикатовъ. Успѣхъ федерации обуславливался тѣмъ, что она преслѣдовала, повидимому, гораздо болѣе цѣли практическія, нежели какія-нибудь политическія или социальныя.

Рядомъ съ этими двумя большими ассоціаціями рабочихъ, орденомъ рыцарей труда и федерацией, существуетъ еще множество отдѣльных рабочихъ синдикатовъ (Trades Unions) число которыхъ въ настоящее время достигаетъ 12.000. Между этими послѣдними встрѣчаются довольно-таки могущественныя ассоціаціи, какъ на примѣръ, желѣзнодорожный синдикатъ, насчитывающій 250.000 членовъ, и «братство плотниковъ и столяровъ», имѣющее около 100.000 членовъ.

Капиталисты, конечно, почувствовали необходимость противопоставить таковой могущественной организаціи труда столь же сильную организацію капитала. Такимъ образомъ народились синдикаты капиталистовъ со спеціальною цѣлью оказывать противодѣйствіе синдикатамъ рабочихъ, причѣмъ возникъ новый способъ борьбы — «стачка патроновъ» (Lock Out). Это, безъ всякаго сомнѣнія, сильное средство и заключается въ томъ, что хозяева, согласившись между собою, гуртомъ отказываютъ всѣмъ своимъ рабочимъ, даже тѣмъ, которыми они были довольны. Такая стачка происходила въ Нью-Йоркѣ въ прошломъ году и благополучно окончилась, лишь благодаря вмѣшательству комиссіи посредничества и третейскаго суда. Комиссія эта была организована со спеціальною цѣлью разрѣшать мирнымъ путемъ всякія столкновенія и недоразумѣнія, возникающія между рабочими и хозяевами, и ея успѣшная дѣятельность безъ сомнѣнія приноситъ пользу какъ той, такъ и другой сторонѣ. Вообще,

идея третейскаго суда все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ почву въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ двѣнадцати штатахъ уже вотированы законы въ пользу третейскаго суда, а въ четырехъ штатахъ организованы постоянныя бюро для той же цѣли.

Такого рода учрежденія даютъ поводъ надѣяться, что современемъ между капиталомъ и трудомъ въ Америкѣ установятся болѣе сносныя отношенія. Кромѣ того, американцамъ не такъ страшенъ экономическій кризисъ, какъ онъ страшенъ европейцамъ. Американецъ обладаетъ большимъ количествомъ земли, болѣе широкою желѣзнодорожною сѣтью, большимъ количествомъ угля и желѣза, у него меньше долговъ нежели у европейца и онъ не сгибается такъ подъ тяжестью вооруженій. Составъ дѣйствующей арміи въ штатахъ не превышаетъ 30.000 человекъ, военный бюджетъ не достигаетъ даже 40 милліоновъ, тогда какъ въ Европѣ онъ выходитъ за предѣлы 4¹/₂ милліардовъ. Короче говоря, преимущества американцевъ надъ европейцами заключаются въ слѣдующемъ: матеріальная жизнь въ Америкѣ не столь трудна, промышленныхъ и земледѣльческихъ ресурсовъ больше, непронзводительныхъ же расходовъ и долговъ гораздо меньше. Это матеріальныя условія, благоприятствующія разрѣшенію экономическихъ кризисовъ; но существуютъ еще условія нравственныя, обезпечивающія въ данномъ случаѣ Новому Свѣту благополучный исходъ. Къ числу этихъ условій принадлежитъ сильно развитое въ каждомъ американцѣ чувство индивидуальной свободы и глубокое пониманіе той важной роли, какую играетъ воспитаніе и обученіе въ соціальной жизни. Американцы придають гораздо большее значеніе физическому, интеллектуальному и нравственному воспитанію, т.-е., развитію энергіи и выносливости орга-

низма, нежели обогащенію ума разнаго рода теоретическими познаніями. Способность къ труду, настойчивость и сила воли вмѣстѣ съ привычкою направлять всегда свои усилія въ извѣстную опредѣленную сторону, составляютъ главные факторы успѣха американцевъ и, благодаря этимъ основнымъ чертамъ своего характера и условіямъ своей соціальной жизни, американцы, безъ всякаго сомнѣнія, съумѣютъ найти выходъ изъ труднаго положенія и благополучно разрѣшить кризисъ. Американцы обладаютъ колоссальными ресурсами и глубоко вѣрятъ въ свое будущее, поэтому никакіе кризисы и борьба не могутъ быть для нихъ страшны.

Положеніе женщины въ Индіи. Англичане уже около столѣтія владѣютъ Индіей и не безъ основанія гордятся достигнутыми ими результатами въ административномъ и политическомъ отношеніяхъ. Поддержаніе порядка въ странѣ, введеніе правосудія, развитіе путей сообщенія и т. п., составляютъ однако лишь одну часть задачи побѣдителей, которую англичане и выполняютъ должнымъ образомъ. Но можно ли сказать тоже самое относительно другихъ ихъ обязанностей по отношенію къ побѣжденнымъ? Постарались ли побѣдители развить богатство и благосостояніе страны, подѣйствовать на нравы ея обитателей, на ихъ образъ мыслей, и вообще, доставили ли они народу, землю котораго завладѣли, что-нибудь лучшее или по крайней мѣрѣ новое?— вотъ вопросы, которые задаетъ себѣ одинъ современный индусскій ученый, Праматха Натъ Бозъ, членъ индійскаго геологическаго общества, въ своей книгѣ «Исторія индусской цивилизаціи подъ дѣйствіемъ англійской власти». Праматха Натъ Бозъ, очевидно, воспитывался въ одной изъ тѣхъ великолѣпныхъ коллегій, которыя устроены англичанами въ Индіи, и обна-

руживааетъ большую ученость и эрудицію, но въ тоже время и смѣлость сужденія. На вопросъ: сдѣлались ли индусы счастливѣе отъ того, что ими управляютъ англичане—онъ не рѣшается отвѣчать да, но признаетъ, что индусы должны во многомъ восхищаться своими побѣдителями и многому могутъ у нихъ поучиться. Другое дѣло, могутъ ли индусы любить англичанъ? Праматха не стѣсняясь говоритъ: нѣтъ! Англичане слишкомъ малочисленны, чтобы дѣйствовать на массу, слишкомъ неповоротливы, слишкомъ заняты собой, чтобы привлечь къ себѣ сердца людей, съ которыми приходять въ соприкосновеніе. Англичане никогда не смѣшиваются съ побѣжденными, не принимаютъ участія въ ихъ общественной и частной жизни, не входятъ въ нее, а если и дѣлаютъ что-нибудь хорошее для побѣжденныхъ, то руководствуются въ этомъ случаѣ не расположеніемъ и чувствомъ дружбы, а политическими соображеніями и филантропіей, вовсе не согрѣвающей сердца людей, къ которымъ она примѣняется.

Однако, признавая, что индусы никогда не могутъ полюбить англичанъ, Праматха все-таки отдаетъ справедливость этимъ послѣднимъ, какъ вносителямъ культуры и цивилизаціи въ его страну. Особенно благотѣльно отразилось вліяніе англичанъ на положеніи женщины въ Индіи. Женщина въ индусскомъ обществѣ была лишена правъ, не на основаніи своего пола, а лишь на основаніи своего положенія въ этомъ обществѣ въ качествѣ дочери, супруги или вдовы. Это положеніе ставить ее въ постоянную зависимость, отъ самой колыбели до могилы. Какъ человекѣ, она имѣетъ одинаковыя права, какъ и мужчина, но именно потому, что она всегда занимаетъ положеніе дочери, жены или вдовы, она находится въ вѣчномъ подчиненіи. Однако, въ другихъ индійскихъ законахъ ничего объ этомъ не

говорится; женщина такъ же свободна, какъ и мужчина и въ самомъ раннемъ періодѣ индусской цивилизаціи она сама выбираетъ себѣ мужа. Только позднѣе это измѣняется: родители присвоиваютъ себѣ право распоряжаться судьбою дочери. Вначалѣ, все-таки, они не выдаютъ ее замужъ раньше достиженія ею извѣстнаго возраста; впоследствии же это условіе совершенно устраняется и родители, считая себя полновластными господами своихъ дочерей, выдаютъ ихъ замужъ, когда находятъ это удобнымъ для себя, а если представляется выгодная партія, то они не принимаютъ въ соображеніе того, что дочь ихъ еще не вышла изъ дѣтскаго возраста. Позднѣе, ранніе браки входятъ въ обычай и составляютъ одну изъ темныхъ сторонъ индусской жизни. Статистическія данныя, собранныя въ 1891 году, обнаруживаютъ поразительные факты. Больше 222.111 браковъ заключено съ дѣвочками, не достигшими еще 6 лѣтъ и 88.000 съ такими, которымъ еще не исполнилось и пяти лѣтъ!

Неудобства такихъ преждевременныхъ браковъ, какъ для общества, такъ и для семьи, понятны каждому; не говоря уже о другихъ пагубныхъ послѣдствіяхъ такого обычая, онъ особенно вредно отражается на положеніи женщины. Положеніе вдовы въ Индіи крайне незавидное, а между тѣмъ, ни въ одной странѣ нѣтъ такой массы вдовъ, и притомъ очень молодыхъ, какъ въ Индіи. На 46 милліоновъ замужнихъ женщинъ приходится 9 милліоновъ вдовъ, ведущихъ самый плачевный образъ жизни, такъ какъ общественные предрассудки не допускаютъ вторичнаго выхода замужъ.

Вдовство должно продолжаться всю жизнь. Причиною такого неестественнаго положенія вещей являются, разумѣется, ранніе браки, такъ какъ пяти-шестилѣтняя дѣвочка, выходя замужъ за взрослого, иногда сорока-

лѣтняго мужчину, имѣеть всѣ шансы рано овдовѣть.

Какова участь вдовы въ индусскомъ обществѣ, это достаточно было выяснено докладами на бомбейской социальной конференціи въ 1892 году. Волосы вдовы сбриваются; въ теченіе цѣлаго года она не можетъ выйти изъ дому и всѣ смотрять на нее, какъ на презрѣнное существо, навлекшее на себя гнѣвъ Божій. Встрѣтить вдову—дурное предзнаменованіе; взглянуть на нее — значить осквернить себя. Въ самомъ дѣлѣ, что же удивительнаго, что вдовы предпочитали смерть на кострѣ такой долгой безславной и безрадостной жизни? Поэтому-то отмѣна англичанами «сами» (сожженія вдовы вмѣстѣ съ трупомъ ея мужа) встрѣтила такое сопротивление среди женщинъ и, несмотря на всѣ преслѣдованія англійскихъ властей, все-таки этотъ обычай долго и упорно держался въ индусскомъ обществѣ.

Отмѣна этого варварскаго обычая была первымъ шагомъ, сдѣланнымъ англичанами въ пользу улучшенія положенія женщины въ Индіи. Но сама по себѣ эта отмѣна не можетъ принести особенной пользы, если не будутъ измѣнены сколько-нибудь условія положенія вдовъ. Надо было добиться разрѣшенія вдовамъ вторично выходить замужъ, снятія съ нихъ позорнаго клейма, которое онѣ должны были носить всю свою жизнь. И тутъ, какъ и въ вопросѣ о «сами» англо-индійское правительство нашло поддержку въ просвѣщенной части индійскаго общества, члены котораго организовали либеральную ассоціацію, поддерживающую всѣ реформы и поставившую себѣ цѣлью облегчить участь вдовъ и бороться съ общественными предрасудками. Благодаря соединеннымъ усиліямъ, въ 1856 году былъ изданъ законъ, разрѣшающій вдовамъ вторично выходить замужъ. Но, разумѣется, мало было одного разрѣше-

нія, надо было еще привлечь на сторону закона общественное мнѣніе. Къ сожалѣнію, это-то и оказалось особенно труднымъ, и до настоящаго времени, несмотря на энергичную борьбу съ общественными предрасудками, дѣло вдовъ подвинулось очень мало, хотя положеніе ихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи, сдѣлалось гораздо болѣе сноснымъ. Однако, вторичныхъ браковъ насчитывается все-таки не болѣе нѣсколькихъ сотенъ во всей Индіи, и все еще глубоко коренится убѣжденіе, что бракъ со вдовою налагаетъ позорное клеймо на человѣка.

Третья, очень важная реформа, касающаяся также положенія женщинъ, вырабатывается въ настоящее время англичанами; это — отмѣна раннихъ браковъ. И тутъ также цивилизованное индійское общество находится на сторонѣ правительства, и также точно главное затрудненіе заключается въ борьбѣ съ укоренившимися предрасудками массъ. Надо надѣяться, однако, что мало-по-малу предубѣжденія разсѣются и духъ реформъ проникнетъ въ народные слои. Въ этомъ, несомнѣнно, заключается заслуга англичанъ въ Индіи, дѣйствительно посѣявшихъ въ ней культуру и цивилизацію, которая и признается всѣми просвѣщенными индусами, хотя и ненавидящими англичанъ за ихъ высокомѣрное отношеніе ко всѣмъ людямъ, не имѣющимъ права считать себя «сынами туманнаго Альбіона», а тѣмъ болѣе къ тѣмъ, кто, по ихъ мнѣнію, принадлежитъ къ низшей расѣ.

Вліяніе душевнобольныхъ на здоровыхъ. Давно уже извѣстно, что душевнобольные, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ дѣйствовать на здоровыхъ субъектовъ и вызывать у нихъ ту же самую форму психическаго страданія. Французы первые признали фактъ психической заразы, и такіе случаи были приведены не разъ во французскихъ научныхъ журналахъ

подъ названіемъ «folie à cinq» или «folie improsée». Докторъ Чарльзъ Пильгримъ сообщаетъ факты, подтверждающіе заразительное вліяніе психическихъ болѣзней. Докторъ Эйрландъ въ своей интересной работѣ «The Blot upon the Brain» (пятно на мозгу) указываетъ, какое могущественное вліяніе имѣетъ нездоровый умъ на здоровые умы и подтверждаетъ это примѣрами изъ исторіи религиозныхъ обмановъ. Кому неизвѣстно, что люди, одержимые религиознымъ умопомѣшательствомъ, могутъ увлекать за собою сотни и даже тысячи совершенно здоровыхъ людей, глубоко убѣжденных въ справедливости ихъ рассказовъ. Подобныхъ примѣровъ можно найти не мало въ исторіи. Кирхгофъ объясняетъ появленіе такихъ «психическихъ эпидемій» постепеннымъ вліяніемъ «внушенія въ бодрствующемъ состояніи», которое дѣйствуетъ совершенно такъ же, какъ и внушеніе во время гипноза.

Въ 1887 году, въ ассоціаціи директоровъ пріютовъ для душевнобольныхъ (Association des directeurs d'asiles d'aliénés), было сдѣлано интересное сообщеніе о случаѣ одного посыльнаго Фримана, который, съ согласія своей жены, проникнувшейся его собственными фантастическими идеями, принесъ въ жертву своего сына на подобіе Авраама. До этого времени никто не подозрѣвалъ ни малѣйшей психической ненормальности въ его женѣ, но вскорѣ послѣ этого сумасшествіе ея сдѣлалось очевиднымъ для всѣхъ. Случай этотъ вызвалъ очень оживленныя пренія въ засѣданіи ассоціаціи, причемъ выяснилось, что многіе изъ членовъ ассоціаціи могутъ привести изъ своихъ наблюденій еще болѣе рельефные случаи, подтверждающіе существованіе такъ называемой «folie communiquée» (сообщеннаго безумія). Очень интересный фактъ сообщилъ докторъ Флетчеръ изъ Индіаны. Два брата и сестра,

жившіе на отдаленной фермѣ и рѣдко входившіе въ сношенія съ другими людьми, подверглись, одинъ за другимъ, вліянію одинаковыхъ галлюцинацій. Они были нѣмцы по происхожденію, очень дѣятельные и трудолюбивые, но совершенно необразованные и суевѣрные. Старшему брату, первому, вообразилось, что ихъ фермою владѣлъ дьяволъ, спрятавшійся въ одномъ изъ резервуаровъ на дворѣ, и что пока онъ будетъ тамъ находиться, урожай всегда будетъ плохой. Подъ вліяніемъ этой мысли старшій братъ началъ усердно искать дьявола на дворѣ и трудился до изнеможенія; въ концѣ концовъ къ нему присоединился младшій братъ и, наконецъ, сестра и всѣ трое начали отыскивать дьявола. Шесть недѣль упорной работы въ этомъ направленіи довели ихъ до полного истощенія силъ, и тогда уже сосѣди вступились и отправили ихъ въ больницу, гдѣ покой и хорошая пища скоро возстановили ихъ здоровье.

Въ прошломъ году, говоритъ докторъ Пильгримъ, мнѣ пришлось наблюдать двухъ сестеръ, исторія которыхъ подтверждаетъ теорію, что, при извѣстныхъ условіяхъ, больной умъ можетъ повліять на здоровый и разстроить его. Обѣ сестры, уже пожилыя и незамужнія, были прекрасно образованы, начитаны и хорошія музыкантши. Старшая отличалась энергичнымъ характеромъ, младшая же была кротка и склонна скорѣе слушаться, нежели повелѣвать. Отецъ ихъ былъ нѣсколько эксцентричный человѣкъ, но эта эксцентричность никогда не доходила до степени умопомѣшательства: мать же совершенно здорова. Со смертью родителей сестры впали въ бѣдность и имъ пришлось самимъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Бѣдняжка преслѣдовала во всемъ неудача, работу было найти трудно и имъ пришлось терпѣть большія лишения. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ,

разсудокъ старшей пошатнулся; она начала приписывать всё свои неудачи кознямъ враговъ. Вскорѣ эта идея приняла у нея настоящій характеръ мани преслѣдованія и она даже не рѣшалась выйти на улицу, такъ какъ ей все казалось, что за нею слѣдятъ и ее подстерегаютъ. Младшая сестра сначала всячески старалась разувѣрить ее и объяснить ей, какъ неосновательны ея страхи, но въ концѣ концовъ и сама подпала подъ вліяніе идей преслѣдованія. Жизнь обѣихъ сестеръ сдѣлалась невыносимой, такъ какъ онѣ вездѣ подозрѣвали опасность и находились въ состояніи вѣчнаго страха. Когда ихъ помѣстили въ больницу и совершенно отдѣлили другъ отъ друга, то черезъ четыре мѣсяца младшая выздоровѣла и совершенно избавилась отъ своихъ галлюцинацій. Старшая же еще долго находилась въ такомъ состояніи.

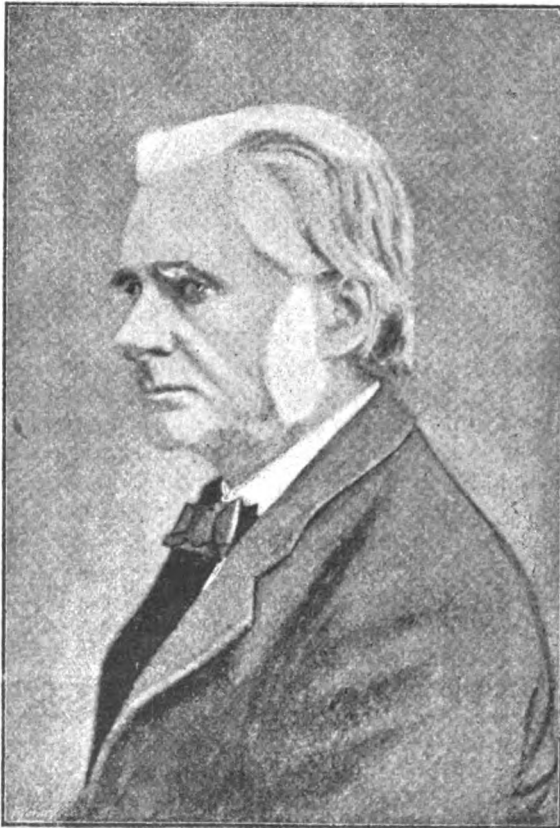
На тщательномъ медицинскомъ допросѣ младшей сестры выяснилось, что въ самомъ началѣ она прекрасно сознавала, что ея сестра больна, и употребляла всё усилія, чтобы противостоять вліянію, которое, какъ она чувствовала, тяготѣетъ надъ нею. Въ концѣ концовъ, однако, здоровый умъ уступилъ власти больного ума и младшая сестра подпала подъ вліяніе такихъ же галлюцинацій. Разумѣется, тутъ надо принимать во вниманіе то обстоятельство, что младшая сестра всегда привыкла подчиняться старшей, что онѣ никогда не разставались.

Изъ этихъ примѣровъ не слѣдуетъ, разумѣется, выводить заключенія, что безуміе можетъ быть такъ же заразительно, какъ, напримѣръ, оспа, и что достаточно жить съ сумасшедшими, чтобы самому сдѣлаться таковымъ. Служебный персоналъ въ больницахъ и доктора, сравнительно, очень рѣдко заболѣваютъ. Если не существуетъ наследственности и особливо предрасположенія къ психиче-

скимъ страданіямъ, то пребываніе среди сумасшедшихъ не можетъ быть опаснымъ. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что, при извѣстныхъ условіяхъ, безуміе можетъ передаваться и развиваться путемъ заразы. Если безуміе существуетъ въ одной какой-нибудь семьѣ, то было бы въ высшей степени неосмотрительно подвергать прочихъ членовъ семьи, особенно если они обнаруживаютъ нервность темперамента, постоянному общенію съ больнымъ. Опасность психической заразы особенно велика въ случаяхъ мани преслѣдованія, и женщины, вообще, легче подвергаются этой заразѣ, нежели мужчины. Острыя формы помѣшательства не такъ легко передаются, но, тѣмъ не менѣе, и онѣ могутъ оказывать вредное вліяніе. Во всякомъ случаѣ возможно болѣе раннее отдѣленіе душевнобольныхъ отъ здоровыхъ членовъ семьи является безусловно необходимою тамъ, гдѣ есть основанія предполагать возможность психической заразы, существованіе которой, въ настоящее время, уже не подвергается сомнѣнію и объясняетъ появленіе многихъ странныхъ эпидемій психическихъ заболѣваній и распространеніе идей бреда какъ въ давно прошедшія времена, такъ и въ современной эпохѣ.

Т. Г. Гёксли. (Некрологъ). 17 (29) іюня скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ естествоиспытателей Англій, Т. Г. Гёксли.

Гёксли родился въ 1825 г. Онъ изучалъ медицину въ Лондонѣ и въ 1846—1850 г. въ качествѣ младшаго врача участвовалъ въ экспедиціи въ Тихій океанъ и Индѣйскій архипелагъ. Во время этого путешествія онъ сдѣлалъ много цѣнныхъ наблюденій надъ жизнью морскихъ животныхъ и по возвращеніи въ Англію былъ избранъ членомъ Королевскаго Общества. Съ 1863—1869 г. Гёксли былъ профессоромъ анатоміи.

Т. Г. ГѢСЛИ.

въ медицинской коллегіи; въ 1862 г. онъ избранъ былъ предѣвателемъ біологической секціи британской ассоціаціи; въ 1869 г. предѣвателемъ Геологическаго и Этнографическаго Общества; въ 1878 г. предѣвателемъ британской ассоціаціи и членомъ коммиссіи для развитія образованія. Онъ признанъ докторомъ университетовъ дублинскаго, эднбургскаго и кэмбриджскаго и въ 1872 г. избранъ ректоромъ абердинскаго университета. «Чтобы составить себѣ ясное понятіе о Гёксли», говоритъ англійскій журналъ *Atheum*, «мы не должны смотрѣть на него только какъ на ученаго зоолога, или вообще ученаго, прославившагося своимъ яснымъ и увлекательнымъ изложеніемъ научныхъ положеній. Онъ, кромѣ того, великій учитель, съ любовью оставившагося на самомъ важномъ изъ вопросовъ, занимающихъ человѣческой умъ — на вопросахъ о происхожденіи и назначеніи человѣка, о предѣлахъ знанія, о санкціяхъ правственности. Его взгляды на нѣкоторыя положенія исторіи, философіи, этики и педагогики нерѣдко ставили его въ полемическія отношенія съ клерикалами и онъ не избѣгалъ борьбы съ ними. Онъ самъ говоритъ, что считаетъ главною цѣлью своей жизни — облегчить для послѣдующихъ поколѣній возможность свободно и правильно разсуждать о предметахъ, которыхъ ему было трудно касаться вслѣдствіе установившихся предразсудковъ и клерикальныхъ запрещеній. Кто слѣдилъ за борьбой, которую Гёксли вель въ теченіе 25 лѣтъ почти въ одиночку съ клерикализмомъ, кто знаетъ, на какихъ условіяхъ этотъ хорошо вооруженный побѣдитель заключилъ миръ съ побѣжденнымъ врагомъ, тотъ пойметъ услуги, оказанныя имъ всему міру и въ особенности той части міра, гдѣ господствуетъ англійскій языкъ. Гёксли былъ человѣкъ науки въ полномъ

значеніи этого слова, но онъ цѣнилъ науку не только за ея открытія, но и за ея методъ, за то направленіе и ту свободу, какія она даетъ человѣческой мысли. Нѣкоторые профессиональные ученые занимаются общественными вопросами, какъ дилеттанты, отводя имъ второстепенное мѣсто,—про Гёксли можно сказать безъ преувеличенія, что во всѣхъ главныхъ своихъ произведеніяхъ онъ всегда оставался публицистомъ, воспитателемъ, учителемъ, реформаторомъ на великомъ поприщѣ философской и религіозной мысли, захватывающей всѣхъ образованныхъ людей. Онъ случайно избралъ зоологію своею спеціальностью и несомнѣнно явился однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и оригинальныхъ зоологовъ нашего времени. Какъ писатель онъ обладалъ замѣчательнымъ талантомъ, развитымъ изученіемъ лучшихъ образцовъ западно-европейской литературы. Слогъ его отличается оригинальностью, ясностью и образностью. Лица, изучавшія только спеціально зоологическія произведенія Гёксли, часто не знаютъ его сочиненій по болѣе общимъ вопросамъ и склонны умалять ихъ значеніе, даже сожалѣть о томъ, что онъ тратилъ на нихъ время и силы. Другія, знакомыя исключительно съ его философскими и критическими статьями, желали бы знать, каково истинное достоинство и значеніе его спеціально научныхъ работъ. Только потомство рѣшить, насколько долговѣчно вліяніе его изслѣдованій по общимъ вопросамъ; мы, современники, можемъ лишь признавать ихъ литературное достоинство и ихъ громадное развивающее, воспитательное значеніе для нашего времени. О значеніи его чисто научныхъ произведеній легче высказать опредѣленное мнѣніе. Они обнимаютъ почти всѣ отряды царства животныхъ и касаются почти всѣхъ отраслей біологической науки. Вернувшись изъ экспедиціи въ Тихомъ

и Индѣйскомъ океанѣ, Гексли посвятилъ себя изслѣдованіямъ разнообразныхъ животныхъ группъ и, несмотря на молодые годы, сразу занялъ прочное мѣсто въ научномъ мірѣ. Первые работы его касались медузъ и разныхъ простѣйшихъ животныхъ, затѣмъ онъ перешелъ къ ископаемымъ и современнымъ позвоночнымъ; онъ далъ превосходныя изслѣдованія современныхъ и ископаемыхъ рыбъ, допотопныхъ амфибій, ископаемыхъ полупресмыкающихся—полуптицъ и различныхъ исчезнувшихъ видовъ млекопитающихъ. Онъ первый обратилъ вниманіе на то, что эктодерма и энтодерма (основныя пласты) тѣла медузы имѣютъ поразительное сходство съ зародышевыми пластами позвоночныхъ; ученіе о черепѣ позвоночныхъ и о близкомъ родствѣ между птицами и пресмыкающимися развилось подъ влияніемъ его открытій и теорій.

Распространенію животныхъ въ пространствахъ и времени онъ посвятилъ нѣсколько работъ, имѣющихъ прочное научное значеніе. Количествомъ Гексли далъ меньше работъ по анатоміи, чѣмъ Оуенъ, но несомнѣнно, что его работы имѣли и всегда будутъ имѣть болѣе значенія, чѣмъ работы его знаменитаго соперника. Однимъ изъ послѣднихъ научныхъ произведеній Гексли былъ очеркъ анатомическихъ работъ сэра Ричарда Оуена, составленный имъ по просьбѣ внука Оуена и посвященный памяти этого ученаго.

Въ этихъ короткихъ строкахъ мы дали лишь неполный и отрывочный очеркъ дѣятельности Гексли. Въ заключеніе не можемъ не сказать, что это былъ одинъ изъ величайшихъ умовъ нашего столѣтія, слава и гордость англійскаго народа».

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ англійскаго журнала, приведемъ списокъ его работъ, существующихъ на русскомъ языкѣ. Капитальный трудъ «Мѣсто человѣка въ природѣ», 1863 г.,

переводъ подъ ред. проф. А. Бежтлова; «Начальныя основанія сравнительной анатоміи»; «Руководство къ анатоміи позвоночныхъ», 1871 г.; «Элементарный практическій курсъ биологіи», 1875 г. Изъ популярных сочиненій Гексли на русскомъ языкѣ имѣются: «Уроки элементарной физиологіи», «Кусочекъ мѣла», «Ученіе Декарта объ автоматизмъ животныхъ», «Образованіе каменнаго угля», «Автоматы ли животныя?», «Самозарожденіе», печатавшіяся въ нашихъ періодическихъ журналахъ: «Знаніе», «Природа» и вышедшія отдѣльными изданіями.

«Revue scientifique». Всѣ европейскіе врачи, практиковавшіе въ Китаѣ, констатируютъ, что бугорчатка, производящая такія большія опустошенія въ европейскихъ центрахъ, далеко не такъ часто встрѣчается среди китайцевъ, у которыхъ существуетъ, какъ будто, невоспримчивость къ этой болѣзни. Нѣкоторыми изъ ученыхъ было даже высказано мнѣніе, что эта невоспримчивость составляетъ привилегію желтой расы надъ бѣлой. Эрнестъ Мартенъ, однако, въ своей статьѣ въ «Revue scientifique», посвященной этому вопросу, объясняетъ эту невоспримчивость случайными причинами. Прежде всего, по его словамъ, тутъ играетъ роль отсутствіе той скученности, какую намъ приходится наблюдать въ большихъ европейскихъ центрахъ. Несмотря на густоту населенія Китая, превосходящаго въ этомъ отношеніи многія другія страны земного шара, въ китайскихъ городахъ населеніе все-же не такъ многочисленно, какъ въ большихъ европейскихъ городахъ. Пекинъ, напримѣръ, не имѣетъ и милліона обитателей; самый же населенный городъ въ Китаѣ, Кантонъ, имѣетъ 1.600.000 жителей. При этомъ ни въ одномъ изъ китайскихъ городовъ нельзя встрѣтить такихъ густо заселенныхъ кварталовъ,

какъ въ Парижѣ или Лондонѣ; затѣмъ въ Китаѣ нѣтъ крупной фабричной промышленности, вызывающей скученность въ извѣстныхъ мѣстахъ и такъ много способствующей разрушенію здоровья населенія и вырожденію. Не существуетъ также казарменной жизни, которая имѣетъ такое большое распространеніе въ Европѣ. Въ Китаѣ нѣтъ постоянной арміи; правда, нѣсколько тысячъ татаръ составляютъ императорскую гвардію, но и тѣ не живутъ въ казармахъ; однимъ словомъ, въ европейскомъ смыслѣ арміи не существуетъ. Между тѣмъ, именно въ европейскихъ арміяхъ, судя по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, бугорчатка выхватываетъ наибольшее число жертвъ. Во Франціи, напримѣръ, 40 проц. чахоточныхъ заболѣваній приходится на долю военныхъ, и зараза бугорчатки чаще всего распространяется въ казармахъ.

Другимъ источникомъ распространенія заразы въ Европѣ являются тюрьмы и продолжительное въ нихъ пребываніе. Въ Китаѣ тюрьмы представляютъ грязныя берлоги, гдѣ ни о какой гигиенѣ нѣтъ и помину, но уголовный китайскій кодексъ рѣдко приговариваетъ къ тюремному заключенію. Смертная казнь, изгнаніе, бамбуковая палка и деревянные ошейники—вотъ наказанія китайскихъ судей, и этимъ путемъ въ Китаѣ избѣгается накопленіе арестантовъ въ тюрьмахъ. Однако, въ китайскихъ городахъ, гдѣ совершенно отсутствуетъ всякая гигиена, бугорчатка все-таки должна была-бы найти благоприятную для себя почву; между тѣмъ, этого нѣтъ. Мартэнъ полагаетъ, что это зависитъ еще и отъ того, что пьянство почти совершенно неизвѣстно въ Китаѣ, тогда какъ въ Европѣ оно представляетъ одну изъ главныхъ причинъ развитія и распространенія чахотки. Опіумъ, въ этомъ отношеніи, оказывается не столь вреднымъ.

Нельзя, однако, отрицать, что у китайцевъ все-таки существуетъ нѣкоторая невосприимчивость къ чахоткѣ. Извѣстно, что бѣлизна кожи, рыжіе или бѣлокурные волосы считаются характеристичными признаками, которые чаще всего встрѣчаются у людей, предрасположенныхъ къ чахоткѣ,—это признается многими медицинскими авторитетами. Въ Китаѣ же блондины или рыжіе никогда не встрѣчаются; если же и приходится наблюдать уклоненія у китайцевъ въ цвѣтъ кожи и волосъ, то навѣрное въ жилахъ такихъ китайцевъ течетъ смѣшанная кровь. Мартэнъ считаетъ также необыкновенную пассивность характера китайцевъ причиною меньшаго распространенія у нихъ чахотки. Китайцы, большею частью, относятся индифферентно ко всему, нервность и нервные болѣзни составляютъ величайшую рѣдкость въ Китаѣ, а извѣстно, что именно нервность и впечатлительность, а также всякія нервныя болѣзни и составляютъ одно изъ благоприятныхъ условий для развитія чахотки.

«Popular Science Monthly». Врачамъ очень часто приходится имѣть дѣла съ разнаго рода уклоненіями въ области мышленія. Опыты Фритша, Гитцига, Феррье, Мунка и др. показали, что функція мозга могутъ быть локализованы и что извѣстныя части поверхности мозга у животныхъ вполне опредѣленнымъ образомъ соотвѣтствуютъ тому или другому чувству или двигательной функціи. Шарко, Нотнагель и Феррье подтвердили то же самое относительно человѣка. Эти опыты дали возможность хирургическаго вмѣшательства при нѣкоторыхъ мозговыхъ страданіяхъ. Извѣстно, напримѣръ, что отъ глаза, уха и поверхности кожи идутъ нервныя нити къ специальнымъ областямъ мозга. Всѣ впечатлѣнія, получаемыя глазомъ, ухомъ или кожей, проходятъ

черезъ нервныя сѣти и по нервнымъ нитямъ передаются тѣмъ мозговымъ клѣткамъ, которыя специально служатъ для ихъ воспріятія. Послѣ каждаго такого воспріятія остается опредѣленное воспоминаніе, локализирующееся именно въ тѣхъ мозговыхъ клѣткахъ, которыя были возбуждены первичнымъ образомъ. Если болѣзненный процессъ разрушаетъ какую-нибудь область въ мозгу, служащую для воспріятія ощущений, то соответствующій органъ уже болѣе не воспринимаетъ впечатлѣній и воспоминанія о нихъ совершенно изглаживаются. Простое изслѣдованіе исчезнувшихъ воспоминаній даетъ возможность опредѣлить съ точностью мѣсто нахождения болѣзни и удалить причину хирургическимъ путемъ, если это опухоль, или кровяной сгустокъ, или осколокъ кости, производящій давленіе на мозговую ткань.

Докторъ Алленъ Старръ разсказываетъ въ своей статьѣ «Some curiosities of Thinktug» (Нѣкоторые курьезы мышленія), напечатанной въ «Popular Science Monthly», объ одномъ, очень способномъ и дѣловитомъ человѣкѣ, обладавшемъ всегда прекрасною памятью и не представлявшемъ никакихъ признаковъ паралича, который вдругъ потерялъ способность читать и считать, потому что изъ его памяти совершенно исчезли буквы «d, g, q, n, v, u», и цифры: 6, 7 и 8. Онъ видѣлъ ихъ, но не узнавалъ, и эти знаки столько же говорили его уму, сколько какіе-нибудь египетскіе іероглифы или китайская азбука. Онъ не могъ читать словъ, въ составъ которыхъ входили эти буквы, и не могъ прочесть чиселъ, если въ нихъ заключались забытыя имъ цифры. Недѣлю спустя онъ вдругъ пересталъ узнавать знакомыя мѣста, улицы города, гдѣ онъ жывъ, показались ему незнакомыми, и онъ не могъ найти своего дома. Черезъ нѣсколько времени, однако, всѣ эти вос-

поминавія къ нему вернулись, за исключеніемъ буквъ и цифръ. Подобные случаи, когда болѣзнь локализируется на весьма ограниченномъ пространствѣ, далеко не рѣдки и указываютъ, что впечатлѣнія нашей памяти рѣзко раздѣлены между собой.

Къ числу любопытныхъ уклоненій въ области воспріятія впечатлѣній принадлежатъ несомнѣнно разнаго рода галлюцинаціи, слуховыя, зрительныя и т. п. Люди видятъ существующіе только въ ихъ воображеніи образы, слышатъ голоса и т. п., и все это до такой степени реально, что они невольно вѣрятъ въ дѣйствительность этихъ образовъ и звуковъ, составляющихъ, однако, продуктъ ихъ собственнаго воображенія. Откуда же берутся эти образы? Они несомнѣнно вызываются раздраженіемъ той части мозга, въ которой заключены эти образы. Болѣзнь возбуждаетъ въ ненормальной дѣятельности мозговыя клѣтки и въ результатъ этого возбужденія является воображаемое воспріятіе, которое сознаніе не имѣетъ возможности отличить отъ реальнаго воспріятія.

Локалізація двигательныхъ функций въ мозгу также не менѣе опредѣлена, какъ и локалізація дѣятельности органовъ чувствъ. Всѣ произвольныя движенія управляются опредѣленною частью мозгового слоя, и если разрушить эту часть, то соответствующая функція исчезаетъ. Когда же, наоборотъ, болѣзнь возбуждаетъ къ ненормальной дѣятельности эту часть мозга, то соответствующія функціи будутъ совершаться безъ вѣдѣнія воли, автоматическимъ путемъ и безъ всякой видимой цѣли.

Механизмъ рѣчи установленъ въ настоящее время настолько точно, что мы почти имѣемъ возможность, выражаясь фигурально, коснуться пальцемъ того мѣста въ мозгу, которое поражено болѣзненнымъ процессомъ, если только обнаруживаются какія-

нибудь уклоненія въ рѣчи. Экспериментальная психологія достигла въ этомъ отношеніи поразительныхъ успѣховъ. Физиологическая психологія была въ этомъ отношеніи не менѣе счастлива, такъ какъ ею собраны многочисленныя и очень драгоцѣнныя данныя, касающіяся процессовъ ассоціаціи, стоящихъ въ основѣ нашего процесса мышленія. Умственные образы, являющіеся результатомъ воспріятій, происходящихъ одновременно, никогда не бывають изолированы, а всегда находятся въ связи между собою. Различныя качества какого-нибудь предмета, воспріятыя нашими различными чувствами сливаются вмѣстѣ, въ одинъ общій образъ въ томъ понятіи, которое мы составляемъ себѣ объ этомъ предметѣ. Чудная красота розы, ея прелестный цвѣтъ, нѣжный запахъ, бархатистость ея лепестковъ, колючесть ея шиповъ—все это мы воспринимаемъ различными путями, но въ нашемъ сознаніи эти воспріятія соединяются, вслѣдствіе своей одновременности, въ одно общее представленіе о цвѣткѣ. Когда мы представляемъ себѣ цвѣтокъ розы, то въ нашемъ мозгу возникаетъ не какое-нибудь отдѣльное воспоминаніе, а цѣлая ассоціація воспоминаній, относящихся къ различнымъ органамъ чувствъ, обонянію, зрѣнію и осязанію. Запахъ розы всегда вызываетъ въ нашемъ умѣ представленіе о самомъ цвѣткѣ; точно также видъ розы вызываетъ представленіе о ея запахѣ и т. д. Правильность ассоціацій можетъ быть нарушена тѣмъ или другимъ образомъ; ассоціація впечатлѣній можетъ быть замедлена, или же можетъ быть измѣнена такъ, что ассоциируются между собою впечатлѣнія, не имѣющія никакой связи. Последнее имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ случаяхъ «цвѣтного слуха». У нѣкоторыхъ лицъ тотъ или другой цвѣтъ неизбѣжнымъ образомъ всегда вызываетъ воспоминаніе о какомъ-нибудь

звукѣ. Докторъ Алленъ Старръ зналъ одного человѣка, у котораго звуки скрипки всегда вызывали представленіе о зеленомъ цвѣтѣ. У другого субъекта звукъ трубы вызывалъ представленіе о красномъ цвѣтѣ. Англійскій медицинскій журналъ «Lancet» передаетъ случай сохраненія такой способности ассоціаціи у одной особы даже послѣ того, какъ она ослѣпла. Если въ ея присутствіи медленно произносили гласныя буквы, то у нея являлось ощущеніе того или другого цвѣта, какъ будто бы передъ ея глазами держали цвѣтную бумагу; съ каждою гласной у нея неизмѣнно связывалось представленіе объ извѣстномъ цвѣтѣ. Въ своей книгѣ «Les Phénomènes de Synopsie» Флуруней утверждаетъ, что изъ ста человѣкъ двѣнадцать обладаютъ цвѣтнымъ слухомъ.

Уклоненія въ правильности мозговыхъ отправленій могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Они могутъ выражаться, напримѣръ, въ чрезмерномъ развитіи мозговыхъ функций въ одномъ какомъ-нибудь направленіи и недоразвитіи ихъ въ другомъ. Таковъ, напримѣръ, случай знаменитаго математика Иноди, который не могъ до двадцати лѣтъ, по недостатку способностей, выучиться читать и писать и вообще выказывалъ явный недостатокъ развитія умственныхъ способностей, но это не помѣшало ему проявить необычайный талантъ къ математическимъ вычисленіямъ. Онъ рѣшалъ самыя сложныя математическія задачи въ умѣ въ нѣсколько минутъ, и эта способность проявилась у него въ дѣтскомъ возрастѣ, только онъ никакъ не могъ объяснить, какъ онъ дѣлаетъ свои вычисленія. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ выказываетъ сильную недоразвитость ума, такъ что, очевидно, математическія способности развились у него на счетъ всѣхъ другихъ. У каждого индивидуума существуетъ свой любимый способъ обра-

зованія представленій и онъ безсознательно уиражяетъ свой умъ въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ, процессъ мышленія бываетъ весьма различенъ у разныхъ людей и можетъ представлять любопытныя особенности. Разстройства въ этой области проявляются иногда очень странно. Одна дама, напримѣръ, стала наблюдать за своихъ дыханіемъ и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ занималась этимъ, испытывая постоянно страхъ, что дыханіе у нея остановится, какъ только она перестанетъ за нимъ слѣдить. Примѣровъ подобныхъ навязчивыхъ представленій можно найти множество. Недавно въ Нью-Йоркѣ уволили одного почтальона за то, что онъ всегда опаздывалъ. Оказалось, что его постоянно мучила мысль, что онъ забылъ запечатать почтовый ящикъ, и онъ возвращался назадъ, чтобы посмотреть, такъ ли это. Онъ продѣлывалъ это нѣсколько разъ, и притомъ съ каждымъ почтовымъ ящикомъ, и разуется, сильно отъ этого запаздывалъ.

Докторъ Алленъ Старръ рассказываетъ еще болѣе любопытный случай разстройства мозговыхъ функцій. Одинъ молодой человекъ, послѣ паденія на голову, сталъ страдать припадками падучей. Однажды онъ, какъ обыкновенно, вернулся съ работы домой, поужиналъ и легъ спать, но проснувшись черезъ два дня послѣ того въ госпиталѣ Белльвю. Онъ ничего не помнилъ изъ того, что произошло съ того момента, какъ онъ легъ спать у себя дома, до того момента, когда онъ проснулся въ больницѣ. Его семья увѣряла, что онъ, по обыкновенію, утромъ всталъ и отправился на работу. За

завтракомъ онъ дѣйствительно казался нѣсколько страннымъ, но никто не обратилъ на это особеннаго вниманія. Когда онъ пришелъ на работу, то его хозяинъ послалъ за инструментомъ къ одному своему собрату, что онъ и исполнилъ. Затѣмъ онъ какъ-то очутился совсѣмъ въ другой сторонѣ города, зашелъ въ какую-то лавочку и попросивъ позволенія отдохнуть, вступилъ въ разговоръ съ хозяиномъ. Разговоръ, однако, скоро перешелъ въ ссору и лавочникъ выгналъ его. Онъ сначала спокойно удалился, но затѣмъ вдругъ вернулся и, бросившись на лавочника, ударилъ его. Такой поступокъ совершенно не соответствовалъ его характеру, который отличался кротостью. Позвали полицейскаго, и тотъ, убѣдившись, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ, отправилъ его въ госпиталь, гдѣ бѣдняга очнулся, удивленный, какъ онъ могъ тутъ очутиться.

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ раздвоеніемъ личности; человекъ какъ будто обладаетъ двумя, совершенно отдѣльными и не имѣющими между собою ничего общаго, личностями. Всѣ ассоціаціи и воспоминанія, существующія въ одномъ состояніи, исчезаютъ въ другомъ, совершенно такъ же, какъ это наблюдается въ состояніи сомнамбулизма и въ гипнозѣ. До сихъ поръ еще не найдено удовлетворительнаго объясненія этимъ явленіямъ измѣненія сознанія и личности; они остаются еще не вполне выясненными, но, тѣмъ не менѣе, самыми любопытными уклоненіями въ области мышленія.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Августъ

1895 г.

Содержаніе. Беллетристика. — Исторія литературы. — Антропология. — Философія и психологія. — Политическая экономія. — Новости иностранной литературы. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Н. Гаринъ «Очерки и рассказы». — *Надсонъ*. «Стихотворенія». — *Элиза Ожешкова*. «Повѣсти и рассказы». — *Оноре Балзакъ*. «Рассказы».

Н. Гаринъ. Очерки и рассказы. (1) Деревенскія панорамы. — (2) На ходу. — (3) Сочельникъ въ деревнѣ. — (4) Въ усадьбѣ помѣщицы Ярищевой. — (5) Коротенькая жизнь). — Томъ второй. Изд. ред. жур. «Рус. Богатство». Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к. — «Невеселая книга», какъ въ посвященіи называетъ г. Гаринъ второй томъ своихъ очерковъ и рассказовъ, вполне оправдываетъ такое названіе. Начиная съ «Деревенскихъ панорамъ», предъ читателемъ развертывается рядъ картинъ деревенской жизни, одна мрачнѣе другой, жизни безъ просвѣта, безъ согрѣвающей теплоты общественности, безъ утѣшенія въ настоящемъ, безъ надежды на лучшее будущее. Авторъ не выбираетъ своихъ героев, не ставитъ ихъ въ исключительное положеніе, — онъ рисуетъ условія, при наличности которыхъ эта жизнь и не можетъ быть иною, и эпиграфъ, избранный имъ для одного изъ очерковъ, могъ бы служить характеристикой и для всей современной деревни: «Въ некультурныхъ условіяхъ одинаково дичаютъ — и человѣкъ, и животное, и растеніе». Суровая, своеобразная манера письма, къ которой прибѣгаетъ г. Гаринъ въ своихъ очеркахъ, еще усиливаетъ впечатлѣніе мрака и безысходной тоски, вѣющей отъ cadaго рассказа. Не останавливаясь на подробностяхъ, не отдѣлывая мелочей, — двумя-тремя яркими, рѣзкими, какъ бы небрежно брошенными штрихами г. Гаринъ очерчиваетъ каждое лицо, встающее передъ нами, какъ красно-рѣчивое олицетвореніе бѣдности, невѣжества и почти первобытной дикости. Но ни на минуту не измѣняетъ авторъ художественной правдѣ, и въ самыхъ темныхъ моментахъ изображаемой имъ жизни вы не видите утрировки, преувеличеній или невѣрнаго освѣщенія. То человѣческое, что таится въ глубинѣ хотя бы и самой примитивной жизни «дикаго человѣка», какимъ представляется одинъ изъ героев г. Гарина — Анисимовъ, суровый, нелюдямый кулакъ, весь ушедшій въ себя, замкнутый и скупой до скряжничества, — проявляется въ минуту потрясенія, вызваннаго неожиданной лаской ребенка. Въ лучшемъ изъ очерковъ — «Акулина» — это чело-

вѣческое чувствуется очень сильно и жизненно, и въ лицѣ своей героини авторъ далъ прелестный типъ женщины-крестьянки, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ сохраняющей до конца человѣческое достоинство.

По содержательности первое мѣсто во второмъ томѣ принадлежитъ «Деревенскимъ панорамамъ», захватывающимъ жизнь деревни съ различныхъ сторонъ. Но лучшимъ по художественности, необыкновенной живости и яркости представленія, является очеркъ «На ходу». Фабулы, рассказа въ общепринятомъ смыслѣ, въ немъ нѣтъ. Это рядъ сценъ и типовъ, живой вереницей проходящихъ предъ читателемъ по мѣрѣ того, какъ авторъ идетъ съ рабочими вдоль линіи будущей желѣзной дороги, набрасывая мимоходомъ свои наблюденія надъ окружающею жизнью. Тутъ и татары, лѣнивые, плутоватые и словно застывшіе въ разъ навсегда определенной для нихъ формѣ; и русскіе крестьяне, сбитые съ обычной колеи голодомъ и холерой, въ то время налетѣвшими на губернію, гдѣ велъ авторъ свои работы; и молодой помѣщикъ, — «не собранный будто», по мѣткой характеристикѣ ямщика, — только что съ университетской скамьи, откуда онъ ничего не вынесъ, никакихъ задачъ, цѣлей, безъ смысла въ жизни и радости; и земскій начальникъ, жалѣющій народъ, съ которымъ онъ совѣтуетъ быть «по-проще», рекомендуя старинный рецептъ конюшни; и, наконецъ, рабочіе автора, разнообразные, характерные и типичные. Непосредственность и живость впечатлѣнія этого очерка усиливается самой формой, свобода которой даетъ автору возможность останавливаться только надъ тѣмъ, что его больше заинтересовало, поразило, тронуло.

Слѣдующій очеркъ «Сочельникъ въ деревнѣ» — страничка, посвященная печальной памяти голоднаго года. Въ бѣдной литературѣ, относящейся къ этому времени, онъ займетъ видное мѣсто, по задушевности и искренности чувства, выдѣляющими этотъ рассказъ среди другихъ, описывающихъ тоже голодный годъ и его ужасы.

Тягостное впечатлѣніе своей «невеселой книги» авторъ какъ бы желаетъ разсѣять, или нѣсколько смягчить, по крайней мѣрѣ, заканчивая ее свѣтлой картинкой идеальной школы, устроенной помѣщикомъ въ память умершаго преждевременно сына. Такая мысль намъ кажется совершенно неудачной, какъ бы ни былъ удаченъ самый рассказъ, не вяжущійся съ общимъ содержаніемъ всей книги. Возможны такіе помѣщики, возможны и такіе школы, — но одно свѣтлое явленіе не можетъ освѣтить общаго темнаго фона картины, тѣмъ болѣе, что мы не видимъ условій для его роста и развитія въ окружающей средѣ. Безъ этого очерка книга г. Гарина ничего не потеряла бы, какъ отъ его присутствія ничего не выигрываетъ.

Да и къ чему смягченія правды? Даже самая суровая, она въ себѣ самой носитъ исплѣненіе. И какъ ни темны рисуемыя авторомъ картины, отъ его деревни вѣетъ въ общемъ здоровой силой, такой мощью жизненности, что у читателя ни на минуту нѣтъ сомнѣнія въ возможности иной жизни, иныхъ условій, при которыхъ не дичали бы ни человѣкъ, ни животное, ни растеніе.

Стихотворенія С. Я. Надсона, съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Изданіе тринадцатое. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. Въ мартѣ 1885 г. вышло *первое* изданіе стихотвореній Надсона, въ мартѣ 1895 г. вышло *тринадцатое*, причеиъ литературный фондъ, которому принадлежатъ право изданія, выпускалъ каждое въ 6.000 экземпляровъ. Эти цифры краснорѣчивѣе всего говорятъ о томъ значеніи, какое до сихъ поръ имѣетъ Надсонъ, остающійся излюбленнымъ поэтомъ молодежи. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ разные «молодые поэты», въ возрастѣ около сорока лѣтъ, собранные гостеприимными гг. Перцевыми въ ихъ сборникѣ «Молодая поэзія», гордо выступали передъ публикой, провозглашая міру то, «что людямъ не приснится никому и никогда», и затѣмъ исчезали безслѣдно. Ихъ «поэзія», не смотря на свою непостижимую воздушность, продается теперь не иначе, какъ на пуды. Но если оставить въ сторонѣ декадентовъ, символистовъ, пессимистовъ и прочихъ «сыновъ конца вѣка», эту болѣе шумную, чѣмъ многочисленную толпу, то остается еще масса культурнаго общества, которая крѣпко держится «старой» поэзіи, доступной и понятной всякому, кому ничто человѣческое нечуждо. И Надсонъ, какъ несомнѣнный представитель ея, неизмѣнно дорогъ намъ, что и подтверждаютъ 70.000 экземпляровъ его стихотвореній, разошедшихся со дня его смерти.

И почему бы онъ сталъ намъ менѣе дорогъ теперь? Что измѣнилось съ тѣхъ поръ, за эти десять лѣтъ?

Онъ вышелъ въ сумерки. Прощальный
Лучъ солнца въ тучахъ догоралъ;
Казалось, факелъ погребальный
Ему дорогу освѣщаль.
Въ темъ надвигающейся ночи
Вперивъ задумчивыя очи,
Онъ видѣлъ—смерть идетъ...

Хотѣлъ

Тревоги сердца успокоить
И хоть не могъ еще настроить
Всѣхъ струнъ души своей,—запѣлъ.
И былъ тотъ голосъ съ нервной дрожью,
Какъ голосъ брата, въ часъ глухой,
Подслушанъ пылкой молодежью
И чуткой женскою душой... *).

Тѣ же сумерки окружаютъ насъ и теперь, также пылка молодежь, также чутко прислушивается женская душа,—не раздастся ли новый «голосъ съ нервной дрожью», который сумѣлъ бы понять и выразить ея порывы и неясныя стремленія, какъ Надсонъ. Но кругомъ «тишина нѣмая», отъ времени до времени нарушаемая нестройнымъ хоромъ «молодыхъ поэтовъ»—въ возрастѣ около сорока лѣтъ. Неудивительно, мы думаемъ, если появятся вслѣдъ за тринадцатымъ новыя и новыя изданія Надсона, такъ какъ у него лишь находить молодое поколѣніе отзвукъ на свои смутныя запросы лучшихъ дней, если и не находить на нихъ отвѣта. Онъ служитъ выразителемъ тѣхъ волненій, какія переживаетъ начи-

*) Изъ стихотворенія Полонскаго «На смерть Надсона».

нающій сознательно жить юноша, и которыя такъ властно захватываютъ его душу. Никто не выразилъ ихъ съ такой искренностью, какъ Надсонъ, и въ этомъ его заслуга, въ этомъ причина его прочной, все растущей популярности.

Элиза Ожешкова. Повѣсти и разсказы. Переводъ В. М. Лаврова. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Москва. 1895. Цѣна 1 р. 50 к. Сочивенія г-жи Ожешковой русская публика читаетъ одновременно съ романами другого польскаго писателя, г. Сенкевича, но судьба авторовъ далеко неодинакова. Читатели любятъ и цѣнятъ повѣсти г-жи Ожешковой, но популярность ея рѣшительно блѣднѣетъ предъ славой ея соотечественника. И это явленіе объясняется отнюдь не законами абсолютной справедливости. Такая справедливость рѣдко бываетъ доступна современникамъ самыхъ великихъ писателей и общественныхъ дѣятелей. Вопросъ разрѣшается иначе.

Представьте, въ какой-нибудь провинціальный захолустный городишко явились два новыхъ лица. Провинціалы, какъ извѣстно, весьма интересуются проѣзжими незнакомцами и особенно тѣми, которые одѣты по послѣдней модѣ и отличаются смѣлыми манерами. И можно навѣрное сказать, — тотъ изъ двухъ «иностранцевъ», кто обнаружитъ эти достоинства въ полномъ блескѣ, сосредоточить на себѣ всеобщее вниманіе и совершенно затмитъ своего спутника, будь тотъ и умница, и красавецъ, но только скромный по польско и сдержанный въ обращеніи.

Польское общество, какъ его изображаетъ тотъ же г. Сенкевичъ, — типичная провинція — мало интеллигентная, съ ограниченными культурными интересами, почти всецѣло поглощенная вопросами «о хлѣбѣ единомъ» и о томъ, что у насъ давно окрещено именемъ «мѣщанскаго счастья». Недалеко отъ подобной провинціи ушла и русская публика, читающая исключительно журнальную беллетристику и на ней воспитывающая свои литературные вкусы. Въ результатѣ писательскія репутаціи она создаетъ по тѣмъ самымъ мотивамъ, какіе обывателей Пошехонья или Белебея заставляютъ преклоняться предъ «столичными слетками». *Провинціальный вкусъ* въ искусствѣ — это страшная сила, уступающая свою власть необыкновенно медленно не только въ захолустьяхъ, но и въ самыхъ культурныхъ центрахъ. Тотъ же вкусъ и опредѣлилъ мѣста двухъ польскихъ авторовъ въ сердцахъ современныхъ читателей.

Г. Сенкевичъ — самый модный франтъ, какой только можетъ явиться въ европейской провинціи. Онъ умѣетъ поговорить и о декадентствѣ, и о мистицизмѣ, и о скептицизмѣ, и обо всѣхъ томленіяхъ маловѣрнаго современнаго человѣка, умѣетъ также «анализировать» хотя бы даже «пустое мѣсто»... Всѣ признаки «утонченней культуры» и «столичнаго тона». Совершенно не то г-жа Ожешкова.

Она любитъ говорить о самыхъ простыхъ житейскихъ явленіяхъ и вполнѣ обыкновенныхъ, «незамѣтныхъ» людяхъ. Она даже осмѣливается свое произведеніе называть «сѣренькая идиллія», а вмѣсто сотенъ страницъ пустопорожняго анализа — скромно заяв-

яетъ относительно своихъ «мелкихъ» героевъ; «какъ бы мало эти люди ни говорили, чувствовать они могутъ какъ и всѣ другіе». И она не пытается навязывать имъ никакихъ пышныхъ разсужденій, не растягиваетъ ихъ душъ на прокрустовомъ ложѣ, а прямо заявляетъ, что ея героямъ трудно было бы на словахъ опредѣлять свои самыя глубокія и сильныя чувства, выразить свои настроенія и думы въ минуты подавляющаго горя или тихаго счастья. Авторъ рассчитываетъ, что мы поймемъ и замѣтимъ его «незамѣтныхъ» героевъ и героинь безъ крикливыхъ внѣшнихъ уборовъ, безъ громкихъ рекомендацій. Авторъ, какъ истинный художникъ, вѣритъ въ правду жизни и силу своей искренности. Но въ людскомъ обиходѣ далеко не этимъ добродѣтелямъ достается успѣхъ и должная награда. Испоконъ вѣковъ идущія отъ сердца рѣчи Корделій терялись въ дерзкомъ шумѣ лжи и разсчитанныхъ эффектовъ. И вотъ какой-нибудь рыбакъ Павелъ, по общественной глупости *хамъ*, и еврей Самсонъ, по національности— *жидъ Шимшель*, исчезаютъ почти безслѣдно въ ореолѣ размалеванныхъ каррикатуръ на разныя злобы fin de siècle'я.

Но будущее за вдохновенно-художественное творчество. Фальшивая красота тѣмъ скоротечнѣе, чѣмъ ярче ея заимствованныя краски, и тѣмъ печальнѣе ея увяданіе, чѣмъ шумнѣе было ея торжество. Какъ при дневномъ свѣтѣ театральныя декорации и румяна являются лишь безобразными пятнами, такъ и каждый шагъ въ развитіи общественной мысли обличаетъ все новыя уродства въ искусственно-созданной литературѣ, и придетъ время, когда *Семья Полашецкихъ* не будетъ читаться, и въ это же самое время произведенія Элизы Ожешковой будутъ красоваться роскошнѣйшими цвѣтами въ вѣнкѣ польской музыки.

И будетъ это не потому, чтобы г-жа Ожешкова была какимъ-нибудь великимъ, но непонятымъ пророкомъ, своего рода «гражданкой грядущихъ поколѣній». Отнюдь нѣтъ. Она ничего и не думаетъ проповѣдовать, мантія прорицателя, которую нынѣче рѣшительно затрепали всѣ посвященные и непосвященные, ея нисколько не соблазняетъ. У нея общая черта съ достойнѣйшими представителями художественнаго слова: она дѣйствуетъ на людей *простотой, сердечностью и здравымъ смысломъ*. Повидимому, это такія нехитрыя качества, а между тѣмъ всѣ вмѣстѣ они встрѣчаются только у самыхъ избранныхъ натуръ и столь же рѣдко у писателей, какъ и у обыкновенныхъ людей.

Если бы эти черты представляли заурядное явленіе, литература и вообще цивилизація не считала бы въ своей исторіи множества весьма печальныхъ страницъ,—прежде всего искусству не пришлось бы вынести столько скитаній по окольнымъ путямъ раньше, чѣмъ попасть на настоящую дорогу. Могъ ли бы, напримѣръ, процвѣтать классицизмъ съ его рабскимъ духомъ и схоластическимъ регламентомъ, если бы писатели этой эпохи отличались *сердечностью и здравымъ смысломъ*? Могла ли литература превратиться въ истинную оргію романтическихъ ужасовъ и уродствъ, если бы таланты авторовъ обладали *простотой* и тѣмъ же *здравымъ смысломъ*? Могъ ли, наконецъ, появиться золаическій натурализмъ, если бы у его осно-

вателя имѣлось болѣе развитое чувство жизненной правды? И не говорите, будто въ разные времена — разное кажется *простымъ* и *здравымъ*. Нисколько. Всегда были люди съ самымъ вѣрнымъ представленіемъ о простотѣ, здоровомъ смыслѣ и сердечности, даже при Расинѣ таковымъ былъ Мольеръ, но только подобныхъ людей всюду меньшинство, и успѣхи цивилизації именно и характеризуются количествомъ этихъ людей, и современная реальная школа не что иное, какъ осуществленіе трехъ указанныхъ чертъ въ литературѣ. Только далеко не всѣмъ дается этотъ реализмъ, въ чемъ каждый читатель можетъ убѣдиться на каждомъ шагу.

Г-жа Ожешкова одно изъ самыхъ счастливыхъ исключеній.

Подобные таланты всегда демократичны, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, всегда они исполнены теплаго чувства къ народу и вообще ко всѣмъ обдѣленнымъ пасынкамъ современной культуры. Ихъ влечетъ сюда не одна *сердечность*, а также и *здравый смыслъ*, простой художественный инстинктъ. Истинному писателю нужна естественная жизнь человѣческой души, свободная отъ безцѣльныхъ мыслей, переполняющихъ часто существованіе счастливцевъ цивилизованнаго общества. Написать романъ и драму изъ этой среды — самый легкій писательскій трудъ. Одиѣ вѣдшія подробности культурнаго существованія, и особенно свѣтскаго, дадутъ ему бездну увлекательнаго матеріала. Тоже и на счетъ психологіи. Интеллигентъ, да особенно скучающій и праздный, — а среди такихъ именно и происходятъ чаще всего романическія исторіи — большой резонѣръ, «аналитикъ» и фантазѣръ. Каждому своему ощущенію онъ придаетъ громадную цѣну и, такъ сказать, прибавляетъ его гвоздемъ. Автору здѣсь полное раздолье на счетъ анализа.

Не то среди простыхъ, «незамѣтныхъ» людей. Здѣсь не философствуютъ отъ нечего дѣлать и не танцуютъ ежедневный менуэтъ такъ называемыхъ общественныхъ отношеній. Авторъ здѣсь предоставленъ исключительно своей способности *понимать человека и жизнь*, потому что «незамѣтные» люди не любятъ кричать о своихъ чувствахъ и теченіе ихъ жизни весьма рѣдко выбрасываетъ на поверхность ихъ внутреннія драмы. Подмѣтить и прослѣдить подобную драму неизмѣримо труднѣе, чѣмъ написать десятки романовъ и драмъ о кавалерскихъ и дамскихъ страданіяхъ въ Булонскомъ лѣсу или на Невскомъ проспектѣ.

Зато и пересказывать произведенія такихъ писателей, какъ г-жа Ожешкова, почти невозможно. Въ пересказахъ исчезнетъ вся душа, все «великое», чѣмъ полна исторія въ устахъ самого автора. Вѣдшихъ событій крайне мало, всѣ они какъ-то заурядны и мелки, сами по себѣ они не даютъ ни малѣйшаго понятія о художественномъ созданіи, а рядомъ съ фактами вы не передадите тончайшихъ движеній человѣческаго сердца, не сумѣете одной фразой, продолжающей, повидимому, только описаніе факта, — освѣтить, будто блескомъ молніи, тотъ другой міръ, который только и придаетъ смыслъ всѣмъ этимъ фактамъ, который возбуждаетъ въ васъ не читательскій только интересъ къ разсказу, а человѣчскій, интересъ брата къ своему брату, а не зрителя къ актерамъ, какъ

это часто бываетъ при чтеніи самыхъ глубокомысленныхъ «анализовъ» и самыхъ драматическихъ благородныхъ исторій.

Вы, напримѣръ, можете изложить фактически, какъ дѣвочка Маруся подружилась съ мальчикомъ Владекомъ. Но вы не объясните тому, кто не прочиталъ *стренской идиллии*, какъ дѣти съ первой встрѣчи почувствовали въ своемъ обоюдномъ сиротствѣ близкое родство другъ къ другу, не воспроизведете этихъ тончайшихъ штриховъ дѣтской психологіи, которые въ восьмигѣтнемъ уличномъ мальчикѣ, чуть ли не со дня рожденія предоставленномъ самому себѣ,—обличаютъ первые проблески борца за существованіе во имя только самого существованія и въ пятигѣтней заброшенной дѣвочкѣ, инстинктивно жаждущей ласки и защиты,—женственное привязчивое и вѣрное сердце. Въ новѣйшей русской литературѣ только въ разсказахъ г-на Короленко вы можете встрѣтить столь изящно и классически-просто раскрытый глубокой міръ дѣтской души. И при этомъ ни одного чувствительнаго изліянія, ни единого усилія — подкупить читателя благодарнымъ моментомъ,—истинное чувство вѣдь такъ далеко отъ чувствительности, и выигрышные моменты бываютъ только у того писателя, кому недоступна сила жизненной правды.

Вы дальше можете съ большими подробностями пересказать исторію бѣднаго «хама», но въ нашемъ пересказѣ «хамъ» рискуетъ явиться или представителемъ весьма распространеннаго типа крестьянъ, чувствующихъ слабость къ городскимъ красавицамъ, или своего рода подвижникомъ идеи христіанскаго исправленія грѣшниковъ. И для того, и для другого образа матеріала въ разсказѣ очень много и очень краснорѣчиваго. И *такой* хамъ несомнѣнно представлялъ бы свой интересъ,—но у васъ оставалось бы впечатлѣніе чего-то страннаго, чуждаго, даже комичнаго,—между тѣмъ «хамъ» г-жи Ожешковой—одно изъ трогательнѣйшихъ и серьезнѣйшихъ явленій современной литературы. И опять потому, что у нея хамъ—страстно-любящій мужъ и хамъ—религіозный католикъ—только *схематическія* черты, грубый остовъ для личности, вмѣщающей въ своемъ я всѣ благороднѣйшія основы человеческой природы, на сколько онъ могутъ развиваться въ черной трудовой жизни крестьянина. И это отнюдь не значитъ, будто хамъ существо не отъ міра сего: напротивъ—весь его *остовъ* не только вполне реальный, но даже неразрывно связанъ съ извѣстной средой и образомъ жизни. Писатель только сумѣлъ на этомъ остовѣ замѣтить такіе мускулы и нервы, которые показываютъ въ хамѣ существо одной породы съ нами, будь мы наукультурнѣйшими членами современнаго общества.

Эта способность—высказывать краснорѣчивѣйшія идеи самыми незначительными фактами жизни и притомъ взятыми изъ самой низменной среды—приваждаетъ исключительно идеалистическому реализму, какъ мы назвали бы литературное направленіе г-жи Ожешковой. Третій, напримѣръ, разсказъ—*Сильный Самсонъ*—переноситъ насъ въ самую вошющую бѣдноту и грязь еврейскаго пролетаріата. Описывается этотъ дантовскій адъ съ исторической точностью — и извѣстнымъ политикамъ еврейскаго вопроса даже

можно почерпнуть здѣсь не мало ободряющихъ мотивовъ, хотя въ вѣсьма подозрительныхъ коммерческихъ продѣлкахъ супруги «Сильнаго Самсона». На этихъ мотивахъ, конечно, можно и остановиться и изречь самый отважный приговоръ, — но посмотрите, какую перспективу открываетъ авторъ, — совершенно послѣдовательно и до такой степени правдиво, что при самомъ сильномъ предразсудкѣ нельзя не вѣрить ему. И факты опять—микроскопическіе: еврейскій праздникъ—«пуримъ», и собственно не самый праздникъ, описанный съ увлекательнѣйшимъ юморомъ, а отношеніе къ нему темной еврейской массы и значеніе героя разсказа и праздника—въ глазахъ этой же массы... Какъ эти жалкіе люди дорожатъ своимъ славнымъ историческимъ прошлымъ, какъ живо отзываются на воспоминанія о немъ, будто событія совершились вчера и создали цѣлое счастье каждой изъ этихъ семей! Потому, какъ глубоко почтеніе у этихъ людей къ умственному труду и умственнымъ труженикамъ! Прочтите сцену, гдѣ описывается визитъ ремесленниковъ къ Шимшею, припомните чувства Цицы къ своему мужу, и, право, вы забудете, что эти люди подчасъ считаются, а, можетъ быть, и дѣйствительно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являются пасынками европейскаго общества. Сколькимъ еще обществамъ въ Европѣ приходится позавидовать истинно-культурнымъ настроеніямъ и мыслямъ жидовъ г-жи Ожешковой!

Да, завидовать, потому что правда ея творчества неотразима. Эта правда, вся идущая изъ сердца и ясной вдумчивой мысли, донесетъ скромныя и простыя произведенія польской писательницы до отдаленнаго потомства—свѣжими и прекрасными.

Разсказы Онорэ Бальзака. Томъ I. Пер. Ел. Вл. Штейнъ. С.-Петербургъ, 1894. Изд. М. М. Ледерле (Моя бібліотека). Бальзакъ принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ писателей, слава которыхъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ нѣчто прочно установленное, между тѣмъ какъ ихъ произведенія читаются гораздо меньше смѣняющимися поколѣніями. Бальзакъ, вмѣстѣ съ Стендалемъ и Жоржъ Зандъ создали современный французскій романъ, и изъ нихъ наибольшее количество послѣдователей и учениковъ имѣлъ первый. Флоберъ, Гонкуры, Мопассанъ и Зола—чтобы не называть никого, кромѣ главнѣйшихъ — прямые преемники реалистическаго метода Бальзака; но, заимствовавъ у своего учителя сущность его приемовъ въ изученіи живой дѣйствительности, они разработали и усовершенствовали вышнюю форму романа; ихъ произведенія хотя и не достигаютъ, за немногими исключеніями, глубины знанія жизни и философскаго ея пониманія, обнаруживаемаго Бальзакомъ, но они болѣе цѣльны въ художественномъ отношеніи, болѣе совершенны по стилю и, быть можетъ, уступая Бальзаку въ мѣткости и силѣ создаваемыхъ типовъ и характеровъ, болѣе тонко отражаютъ настроенія своей эпохи. Этотъ разработанный видъ реалистическаго романа вытѣснилъ у массы читающей публики произведенія Бальзака, соединяющія съ своими непревзойденными качествами трудности всякаго первоисточника. Послѣ художественной прозы Флобера, послѣ «модернизма» Гонкуровъ и Мопассана и драматичности въ изложеніи «злобы дня»

у Зола, романы Бальзака производятъ впечатлѣніе гениальныхъ въ своемъ родѣ историческихъ хроникъ, знатоки и любители читаютъ ихъ съ наслажденіемъ, находя въ нихъ неистощимые кладези мудрости и ума, но громадное большинство читателей предпочитаетъ знакомиться съ тѣмъ или другимъ періодомъ исторіи по сочиненіямъ Момсена, Ранке, Грина и т. п. Установившійся среди читающей публики предрасудокъ, что романъ долженъ служить для отдохновенія отъ серьезной работы, менѣе всего оправдывается на Бальзакѣ; нужно всесторонне объять идеи, руководившія романистомъ въ общей серіи его произведеній, чтобы находить удовольствіе въ чтеніи отдѣльныхъ его романовъ, которые въ противномъ случаѣ кажутся переполненными ненужными подробностями и длиннотами и часто незаконченными въ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ общей же своей сложности, произведенія Бальзака поражаютъ колоссальностью задачи, взятой на себя и гениально выполненной этимъ «Тацитомъ первой половины XIX в.», какъ удачно называетъ Бальзака одинъ критикъ. Шестидесять томиковъ «Человѣческой комедіи» (*Comédie Humaine*) Бальзака обнимаютъ всѣ стороны французской жизни, начиная съ переживаній Наполеоновской эпохи и до революціи 1848 года. Жизнь Парижа и провинціи, аристократіи и мелкой буржуазіи, военной, свѣтской и никому невѣдомой захолустной жизни, типы, которые создаетъ лихорадочная жизнь Парижа и мелкая, вся поглощенная скопидомствомъ жизнь провинціи, благородныя и низкія, но грандіозныя по своимъ размѣрамъ страсти, крайнее честолюбіе и безграничная скупость, любовь во всѣхъ ея геройскихъ и низменныхъ проявленіяхъ, исключительныя души и мелкія будничныя существованія—все это живетъ полной, разнообразной жизнью въ цѣломъ мірѣ, созданномъ неистощимой фантазіей художника; въ воспроизведеніи этого міра тонкій наблюдатель, отъ котораго не ускользаетъ ни одна черточка въ жизни и характерѣ людей его времени, превращается въ моралиста и философа, полнога идеалистическихъ стремленій и вѣры въ человѣка, несмотря на то, что онъ безпощадно обличаетъ его пороки и падшую нравственность времени. Въ этой яркой, разнообразной и переложенной необозримой сѣтью инцидентовъ картинѣ полувѣка каждый романъ играетъ лишь роль отдѣльнаго звѣна въ цѣпи; одни и тѣ же лица встрѣчаются въ разныхъ книгахъ, освѣщающихъ ту или другую сторону ихъ существованія, одна и та же страсть освѣщается во всѣхъ своихъ хорошихъ и пагубныхъ проявленіяхъ въ разныхъ романахъ. Любовь является трогательной въ этюдахъ о молодыхъ, неиспорченныхъ натурахъ, какъ въ «*Albert Savarus*», «*Madame Firmiani*», мощной и трагической въ «*Eugenie Grandet*», и, наконецъ, порочной и низменной въ атмосферѣ парижскихъ нравовъ, описанныхъ въ «*Parents pauvres*», «*Etude de femme*», «*La femme de 30 ans*». Семейная жизнь освѣщена съ своей свѣтлой стороны въ «*Raix de ménage*», съ печальной стороны своего паденія въ большинствѣ романовъ изъ серіи «Парижской жизни». Такъ же подробно Бальзакъ входитъ въ анализъ политическихъ и соціальныхъ типовъ своей эпохи. «*Père Goriot*», «*César Birotteau*» и др. откры-

ваютъ предъ нами скрытыя пружины общественной жизни, въ которыхъ личныя страсти играютъ такую громадную роль, а погоня за деньгами составляетъ основной мотивъ всѣхъ поступковъ. И на ряду съ этимъ отъ времени до времени Бальзакъ останавливается на одиночныхъ фигурахъ мечтателей-идеалистовъ, дополняющихъ галерею «комедіантовъ жизни» печальнымъ образомъ зрителя, которому чужды страсти большинства актеровъ и который полонъ инстинктивныхъ, но безпомощныхъ порывовъ къ иной, болѣе высокой жизни. «Louis Lambert», «Chez d'oeuvrre incoppli», «Searphita» свидѣтельствуютъ объ элементѣ идеализма, не чуждаго мистицизму въ авторѣ «Comédie Humaine», и только тогъ, кто прослѣдилъ за совокупностью сдѣланныхъ Бальзакомъ анализовъ человѣческой природы во всей ея потенціальности, сможетъ понять и оцѣнить обширность его ума и глубину его таланта, какъ психолога и романиста.

Въ переводѣ рассказовъ Бальзака на русскій языкъ, г-жа Штейнъ остановилась въ I томѣ (надѣмся, что за нимъ послѣдуютъ другіе) на нѣсколькихъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ рассказовъ серіи «Картины частной и провинціальной жизни». «Полковникъ Шаберъ», вышедшій въ 1832 г., принадлежитъ къ самымъ удачнымъ картинамъ изъ судейскаго міра, изображаемаго Бальзакомъ съ особымъ проникновеніемъ во всѣ его подробности. Романистъ имѣлъ въ теченіи своей жизни печальную необходимость близко познакомиться съ міромъ дѣльцовъ, адвокатовъ, судей и разныхъ темныхъ существованій, гнѣздящихся вокругъ дѣловыхъ людей въ закоулкахъ трибуналовъ. Извѣстно, что Бальзакъ былъ самъ подверженъ бичуемой имъ въ другихъ страсти къ наживѣ; вѣчно борясь съ нуждой, онъ вѣчно мечталъ о «милліонѣ» и пу-скался въ цѣлый рядъ спекуляцій, одна непрактичнѣе другой, разоряясь въ конецъ и создавая вокругъ себя цѣлое полчище кредиторовъ, отъ которыхъ ему приходилось скрываться; неоплатные долги заставляли его работать, не покладая рукъ, надъ своими романами, и, сдѣлавшись самъ жертвой погони за деньгами, онъ постигъ ихъ значеніе въ современной жизни; отсюда роль, которую денежныя вопросы играютъ въ романахъ Бальзака, и отсюда также разнообразіе выводимыхъ имъ судейскихъ типовъ и ихъ жертвъ.

Между этими типами нѣтъ болѣе трагической и трогательной фигуры, чѣмъ полковникъ Шаберъ, прославленный герой Эйлау-скаго сраженія, спасшійся чудеснымъ образомъ послѣ дня, проведеннаго среди сваленныхъ въ кучу труповъ. Вернувшись въ Парижъ, гдѣ его мнимая вдова уже вышла замужъ, Шаберъ обиваетъ пороги у адвокатовъ, чтобы возстановить свою гражданскую личность и вернуть состояніе и жену, которую онъ любитъ, несмотря на ея очевидное вѣроломство. Мытарства несчастнаго героя, униженія, черезъ которыя онъ проходитъ, очевидныя доказательства обмана жены—все это превращаетъ мало-по-малу блестящаго героя, баловаго военной славы, въ полуидiotическаго обитателя богадѣльни для нищихъ стариковъ въ Бисетрѣ. Это превращеніе рассказано съ простотой и жизненностью, придающей фигурѣ Шабера размѣры эпическаго героя на почвѣ событий нашего

вѣка; неподражаемое изображеніе адвокатской конторы, бездѣльничаящихъ и наситѣливыхъ клерковъ и т. д. составляетъ жизненно комической фонъ трагической картины и дополняетъ торжество реализма въ художественномъ творествѣ.

Два другіе разсказа, помѣщенные въ русскомъ изданіи, тоже представляютъ большой художественный интересъ, какъ краткіе этюды исключительныхъ натуръ и необыкновенныхъ, но возможныхъ положеній въ жизни. Въ «Фачино Кане» обрисована стихійная страсть къ золоту у дошедшаго до нищенства потомка знатнаго венеціанскаго рода,—страсть, переживающая всѣ остальные и остающаяся такой же властной и безразсудной въ слѣпомъ старикѣ, какъ и въ вѣкогда блестящемъ, полномъ любви и радости жизни юношѣ. Очень любопытенъ коротенькій очеркъ «Миньона», въ которомъ граница между граціозной, привязавшейся къ человѣку съ непобѣдимой силой и вѣжностью, пантерой и соотвѣтствующимъ ей женскимъ типомъ кажется едва замѣтной.

Русскій переводъ разсказовъ Бальзака снабженъ предисловіемъ г. Вл. Штейна, обнаруживающимъ близкое знакомство съ Бальзакомъ и обширной литературой его біографовъ и критиковъ. Такого рода предисловія къ сочиненіямъ классическихъ писателей составляютъ весьма желательное нововведеніе въ популярныя русскія изданія. Въ предисловіи г. Штейна читатель, интересующійся Бальзакомъ, найдетъ не только кратко составленный біографическій очеркъ, но и очень цѣнныя указанія на литературу о Бальзакѣ и оцѣнку отдѣльныхъ критическихъ книгъ.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Русская поэзія». Изданіе С. А. Венгерова. — *Emile Deschanel*. «Etudes sur Aristophane».

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ частію въ полномъ составѣ, частію въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями, біографическими примѣчаніями и портретами. Издается подъ редакцію С. А. Венгерова. Спб. 1893—1895 г. Вып. I. Кантемиръ, Тредьяковскій и Ломоносовъ. Ц. 1 р. Вып. II. Сумароковъ, Майновъ, Костровъ и Петровъ. Ц. 1 р. 50 к. Вып. III. Хемницеръ, Херасковъ, Богдановичъ. Ц. 1 р. Вып. IV. Державинъ, Аблесимовъ, Барковъ, Княгиня Дашкова, Елагинъ, Капнистъ, Княжнинъ, Козодавлевъ и Львовъ. Ц. 1 р. Вып. V. Муравьевъ, Николаевъ, Осиповъ, Поповскій, Ридищевъ, Фонъ-Визинъ, Чулковъ и 28 мелкихъ стихотворцевъ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к. Изданіе это, имѣющее въ виду не столько школу, сколько публику вообще, широко задумано и для XVIII в. уже и выполнено очень удачно. Почтенный редакторъ, зарекомендовавшій себя такимъ обширнымъ трудомъ, какъ *Біографическій Словарь русскихъ писателей*, предполагаетъ въ трехъ большихъ томахъ, по пяти-шести выпусковъ, «соединить значительное количество *полныхъ собраній* стихотвореній русскихъ поэтовъ съ пространною историко-литературною хрестоматіею произведеній избранныхъ. Главная цѣль изданія—историко-литературная пол-

нота. Поэтому, въ него войдутъ, помимо поэтовъ первостепенныхъ, не только второстепенные и третьестепенные, но даже и такіе, которые пользуются исключительно отрицательною извѣстностью, напримѣръ, графъ Хвостовъ и др. Полныя собранія будутъ даны: 1) для большинства поэтовъ классическихъ, составляющихъ эпоху въ исторіи русской литературы; 2) для поэтовъ второстепенныхъ, писавшихъ немного, и полное собраніе стихотвореній которыхъ, поэтому, не объемисто. Съ особенной охотой это будетъ сдѣлано для поэтовъ, произведенія которыхъ еще не были собраны, и для тѣхъ, чьи собранія стали библиографическою рѣдкостью. *Вступительныя статьи* составятъ собранія—частью полностью, частью—въ видѣ пространныхъ извлеченій—лучшихъ статей о русскихъ поэтахъ. О каждомъ поэтѣ будетъ дана одна или двѣ статьи; объ остальныхъ статьяхъ, посвященныхъ данному поэту, будетъ упомянуто въ библиографическихъ примѣчаніяхъ, съ передачею ихъ содержанія. Въ концѣ каждого тома (4 выпуска; теперь уже до шести) помѣщаются примѣчанія: 1) полный перечень всего написаннаго о данномъ поэтѣ и списокъ тѣхъ его произведеній, которыя не вошли въ настоящее изданіе; 2) передача содержанія статей, посвященныхъ данному поэту, по возможности, подлинными словами; 3) поясненія историческаго, географическаго и другаго характера, необходимыя для пониманія деталей, намековъ и т. п. Всѣхъ выпусковъ будетъ отъ 12—14, въ трехъ томахъ, не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждомъ, отъ 1 р. до 1 р. 50 к. за выпускъ, такъ что все изданіе будетъ стоить приблизительно около 18 рублей.

«Первый томъ (уже почти конченный) посвященъ *поэтамъ XVIII в.*; второй—*первой половинѣ XIX в.*; третій—*сороковымъ и шестидесятымъ годамъ и новѣйшимъ* стихотворцамъ до гг. Фофанова, Фруга, Чюминой, Щиглева, Ясинскаго и мн. др. включительно».

Такова программа этого изданія, могущаго, въ значительной степени, замѣнить цѣлую дорогую бібліотеку. Въ вышедшихъ пяти выпускахъ дано 13 полныхъ собраній стихотвореній, 6 писателей въ выборѣ всего болѣе значительнаго и 28 мелкихъ поэтовъ—всего 48 поэтовъ. Съ величайшимъ интересомъ прочтутся такія статьи, какъ, напр., о Кантемірѣ—Стоюнина, о Тредьяковскомъ—И. Введенскаго, о Ломоносовѣ—Булича, прекрасная статья Д. Маслова *Державинъ, какъ гражданинъ* съ параллелью между Державинимъ и Новиковымъ. (V вып.). Любопытна обширнѣйшая монографія изъ разныхъ авторовъ о Богдановичѣ; цѣлая исторія перелицовокъ Энеиды (тамъ же); очень характерны для иллюстраціи культуры біографіи, напр., Николаева (V вып.), Львова, Козодавлева, Баркова, Муравьева (IV вып.); очень интересно полное собраніе стихотвореній Радищева (V вып.), но, къ сожалѣнію, именно этой-то, такой интересной личности посвящено всего двѣ небольшихъ статьи, Н. Радищева и А. Пушкина.

Съ своей стороны мы не можемъ не замѣтить, что, пожалуй, изданіе страдаетъ излишней полнотою. Жалкіе опыты стихоплетовъ, въ родѣ Петра Буслаева, Бѣльскаго или одописца Петрова, въ книгѣ

только тяжелый баластъ, а грубо циническая поэма Майкова *Елисей* въ цѣломъ едва ли умѣстна. Но составитель хлопоталъ объ историко-литературной полнотѣ, и, со стороны такого требованія, все это, пожалуй, и допустимо, какъ и множество примѣчаній интересныхъ только специалисту. Въ общемъ же, повторяемъ, изданіе очень интересно и для публики вообще, давая въ цѣломъ наглядную картину поэтического творчества, отношеній къ нему самихъ поэтовъ и культурнаго общества XVIII вѣка. Но, ознакомившись съ вышедшими пятью выпусками подробно, нельзя не сознаться, что, за весьма рѣдкими исключеніями, все это наше поэтическое творчество, за весь XVIII в., крайне ничтожно и жалко и по формѣ, и по содержанію, и по умственному развитію самихъ поэтовъ, почти исключительно чиновниковъ, видѣвшихъ въ стихотворствѣ наполненіе празднаго досуга, шалость, а то и средство къ приобрѣтенію служебныхъ выгодъ, вельможныхъ милостей и т. п. Отсутствіе оригинальности, рабское подражаніе ложноклассическимъ образцамъ, отсутствіе народности и естественнаго чувства, варварскій стихъ, гиперболизмъ и искусственный паеозъ дѣлаютъ эту поэзію крайне скучной и малолюбопытной для современнаго читателя, который, ознакомившись съ ней, отнесется съ тѣмъ большимъ уваженіемъ къ заслугамъ Батюшкова и Жуковского и особенно къ Пушкину, который черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ является въ своихъ чудныхъ стихахъ, полныхъ красоты, оригинальности и народности, во всеоружіи своего генія.

Emile Deschanel. Etudes sur Aristophane *). Классическій античный міръ знакомъ намъ исключительно съ казовой, праздничной стороны. По поводу грековъ и римлянъ мы чаще всего слышимъ о долголѣтнихъ войнахъ, героическихъ подвигахъ, блестящихъ триумфахъ, гениальныхъ ораторскихъ рѣчахъ. За этими декораціями совершенно ускользаетъ отъ нашего взора будничная, простая человѣческая жизнь древнихъ гражданъ. А между тѣмъ именно въ этой области несравненно больше оригинальныхъ и поучительныхъ чертъ, чѣмъ въ громкихъ и торжественныхъ событіяхъ.

Особенно многосторонне и своеобразно частная гражданская жизнь развилась у эллиновъ,—народа, необыкновенно одареннаго артистическими способностями, живымъ темпераментомъ и гибкой неутомимой мыслью. Даже въ глубокой древности домашній и общественный бытъ эллиновъ отличается въ высшей степени любопытными чертами, исполненъ чисто южнаго оживленія, блестятъ яркой національной окраской, и вся поэтическая увлекательность гомеровской Одиссеи сосредоточена на превосходномъ изображеніи эллинскихъ будней.

Для исторической эпохи существуетъ писатель, не менѣе наблюдательный и гораздо болѣе откровенный, чѣмъ легендарный слѣпецъ. Комедія Аристофана—несравненная бытовая исторія сажмаго зрѣлаго періода греческой исторія. По разсказамъ, Платонъ указалъ сиракузскому Діонисию именно на эти комедіи, когда тотъ

*) Рекомендована Московскою комиссіею помощи домашнему чтенію, какъ пособіе при изученіи классической литературы.

пожелалъ ознакомиться съ дѣломъ и нравами аѳинской республики. Новѣйшіе историки на каждомъ шагѣ слѣдуютъ указанію философа и пользуются комическимъ талантомъ Аристофана, какъ источникомъ.

Но пользование это далеко не безпрепятственно и небезопасно— и прежде всего потому, что Аристофанъ по натурѣ истый античный эллинъ, всѣми силами души жившій современными крупными и мелкими злобами дня. Каждая его пьеса непремѣнно сатира или даже памфлетъ. Это — разительнѣйшее противорѣчіе всѣмъ теоріямъ о спокойномъ поэтическомъ вдохновеніи. У Аристофана въ каждой строкѣ чувствуете страстное бѣненіе до крайней степени возбужденной крови и нервовъ. Поэтъ не признаетъ ни тонкихъ улыбокъ, ни ироническаго смѣха: его сцена безпрестанно оглашается истинно-гомерическимъ хохотомъ, остротами—часто крайне двумысленными, сарказмами, совершенно открыто направленными противъ опредѣленныхъ личностей. Спектакль для грека— не заурядное явленіе, театръ открывается только въ извѣстные праздники, въ честь Діонисія, бога вина и веселія. Комедіи даются въ заключеніе дѣлаго ряда трагическихъ представленій, и поэтъ широко пользуется своимъ правомъ—возможно радостнѣе отпраздновать день веселаго бога и облегчить настроеніе зрителей, обвиняемыхъ величественными и мрачными зрѣлищами божественныхъ трагедій. И никто успѣшнѣе Аристофана не выполнялъ этого назначенія: не даромъ только его комедіи, хотя и въ очень ограниченномъ числѣ, избѣжали «рѣзки забвенія».

Содержаніе ихъ необыкновенно разнообразно. Поэтъ не пропустилъ ни одного знаменитаго современнаго имени. Сократъ, Периклъ, Эврипидъ, Клеонъ и безконечный рядъ второстепенныхъ идоловъ аѳинской демократіи вихремъ проносятся предъ нами, и каждому достается по меткому слову, жгучему стиху, который послѣ спектакля разнесется по всему эллинскому міру. Но у поэта есть свои симпатіи и антипатіи. Онъ, какъ всякій аѳинянинъ, считалъ бы преступленіемъ—равнодушно, безъ рѣзко опредѣленнаго мнѣнія смотрѣть на героевъ и событія роднаго города. Недаромъ Солонъ, опредѣлилъ жесточайшее наказаніе гражданамъ, которые остались бы безучастными къ общественнымъ воителямъ своего отечества. И Аристофанъ сценой пользуется, какъ ораторской трибуной, и стрѣлы его краснорѣчія весьма нерѣдко поражаютъ дѣятелей, стяжавшихъ почетнѣйшую славу въ самомъ отдаленномъ потомствѣ. Аристофанъ,—человѣкъ партіи, какъ рѣшительно всякій свободный эллинъ, и притомъ партіи менѣе свободомыслящей и культурной въ широкомъ смыслѣ слова. Поэтъ по убѣжденіямъ аристократъ и консерваторъ, и съ такихъ именно точекъ зрѣнія онъ громитъ современныхъ знаменитостей политики, литературы, философіи. И дѣлаетъ онъ это предъ демократической толпой, всемогущей одинаково въ художественныхъ и государственныхъ приговорахъ. И все-таки толпа чаще чѣмъ кому-либо присуждаетъ первыя награды Аристофану и встрѣчаетъ искреннимъ смѣхомъ его, повидимому, самыя оскорбительныя выходки противъ священнѣйшихъ основъ народной власти—суда при-

сяжныхъ, народнаго собранія. Эллинъ не боится сатиры, онъ глубоко убѣжденъ въ прочности своихъ свободныхъ учрежденій, и даже благодаренъ поэту за то, что онъ указываетъ и сверхъ мѣры клеймить изьяны его политической жизни.

Эту терпимость аѳинскій народъ раздѣляетъ съ своими лучшими гражданами. Сократъ присутствуетъ на представленіи *Облаковъ*, первый смѣется выходкамъ поэта противъ софистовъ, къ которымъ, будто бы, принадлежитъ онъ самъ, Сократъ, и, можетъ быть, даже потомъ участвуетъ въ веселыхъ вечерахъ, которые, по обычаю, устраивалъ Аристофанъ, послѣ побѣды надъ своими соперниками. По крайней мѣрѣ, преданнѣйшій ученикъ Сократа, Платонъ, въ діалогѣ *Пиръ*, выводитъ на одной сценѣ—и Сократа и Аристофана. Совершенно, конечно, различныя рѣчи льются изъ устъ беззавѣтнѣйшаго жреца Вакха и Афродиты и царя философовъ, праведнѣйшаго изъ людей... Но какая многоговорящая картина—Аристофанъ и Сократъ за одной чашей вина! Въ этой картинѣ весь эллинскій міръ...

И все-таки Аристофанъ осмѣялъ софистовъ именно въ лицѣ Сократа. Онъ могъ бы выбрать кого угодно изъ среды риторовъ-спортсменовъ, дѣйствительно лишенныхъ какого бы то ни было твердаго нравственнаго и политическаго принципа, и выбралъ человѣка, всю жизнь призывавшаго своихъ согражданъ къ совѣсти и строжайшей внутренней чистотѣ. Чѣмъ же это объясняется?

Аристофанъ, какъ поэтъ, не имѣлъ себѣ равнаго среди авторовъ комедіи, но какъ мыслитель и гражданинъ едва возвышался надъ уровнемъ самаго обыкновеннаго смертнаго. Художественный талантъ далеко не всегда свидѣтельствуетъ о разностороннемъ умственномъ развитіи и благородныхъ просвѣтительныхъ стремленіяхъ даровитаго поэта, живописца, музыканта. Это двѣ различныя области духовной жизни, и только у исключительныхъ натуръ гений и мысль сливаются въ совершенной гармоніи. Автору *Фауста*—громаднѣй творческій талантъ не мѣшалъ съ полнымъ равнодушіемъ относиться къ самымъ жгучимъ вопросамъ въ современной умственной и политической жизни своей родины и помышлять о спокойномъ укрономъ пристанищѣ въ то время, когда цѣлая страна была исполнена жажды сбросить иго иноземнаго завоевателя. Гёте—поклонникъ Наполеона и безучастный олимпіецъ въ эпоху борьбы нѣмцевъ за освобожденіе—краснорѣчивѣйшій примѣръ разладицы между поэтическимъ дарованіемъ и гражданскимъ сознаніемъ.

То же самое и Аристофанъ.

Перепуганный быстрымъ развитіемъ аѳинской культуры, искусства и философіи, чувствуя невольный ужасъ предъ критикой и анализомъ, простирающимъ свою власть на все традиціонное и историческое, почти въ порывѣ патріотическаго чувства, онъ перемѣшалъ философію съ софистикой, правила элементарной общественной справедливости съ демагогіей, разумныя попытки очистить народныя вѣрованія съ безбожіемъ. Отсюда походъ на Сократа, какъ на лжеучителя и софиста, насмѣшки надъ Еврипидомъ, взявшимъ на себя смѣлость сказать слово защиты за женщинъ

и рабовъ, нападки заднимъ числомъ на Перикла, утвердившаго демократію Аѳинъ. Притомъ для Аристофана, какъ для сатирическаго поэта, не существуетъ ни отгѣнковъ, ни оговорокъ: въ политическомъ отношеніи для него демократія то же самое, что охлократія, т.-е. по-просту власть уличной толпы,—и онъ осыпаетъ ядовитѣйшими стрѣлами Клеона, вышедшаго изъ класса ремесленниковъ, достигшаго громаднаго авторитета на народной площади. Исторія не можетъ указать иныхъ «преступленій» Клеона, кромѣ его дѣйствительно слишкомъ демократическаго происхожденія. Но для Аристофана достаточно и этого: онъ пишетъ цѣлую комедію съ цѣлью унизить самую личность народнаго вождя,—и нисколько не стѣсняется въ фактическихъ данныхъ, все равно, какъ не стѣснялся чувствомъ нравственной справедливости, нападая на Сократа въ комедіи *Облака*.

Очевидно, комедіи Аристофана отнюдь не безупречныя руководительницы въ политикѣ и внутреннихъ правительственныхъ дѣлахъ Аѳинъ. Здѣсь эти комедіи требуютъ тщательнѣйшей критики; безъ историческаго и бытового освѣщенія онѣ могутъ привести читателя къ великимъ недоразумѣніямъ, почти такимъ, какъ если бы онъ сталъ судить объ общественныхъ дѣятеляхъ новаго времени по карриатурамъ сатирическихъ журналовъ или по фельетонамъ газетъ крайняго направленія. Но всѣ увлеченія и партійныя выходки Аристофана не подрываютъ общаго историческаго значенія его комедій. Безъ нихъ мы знали бы только одну сторону аѳинской политики, чисто-формальную, юридическую. Аристофанъ переноситъ насъ въ самый круговоротъ эллинской жизни, нужно только разобраться въ личныхъ пристрастіяхъ поэта, отдѣлать заносчивость сатирика и публициста отъ безусловно достовѣрныхъ фактовъ и чертъ,—и мы получимъ рядъ изумительно яркихъ жанровыхъ картинъ, какихъ не дасть намъ никакое историческое сочиненіе. Притомъ надо имѣть въ виду, что и историки у эллиновъ—политики и члены той или другой партіи. Почтеннѣйшій изъ нихъ—Фукидидъ—представитель аристократіи, даже лично пострадавшій отъ того же Клеона. Очевидно, и къ разсказу историка слѣдуетъ примѣнять очень строгую критику. Аристофанъ только рѣзче, откровеннѣе и неизмѣримо безцеремоннѣе историка.

Книга Дешанеля — прекрасный руководитель для знакомства съ сочиненіями Аристофана. Авторъ отлично знаетъ недостатки и достоинства античнаго поэта, подробно изучилъ политическіе и культурные вопросы, давшіе темы для той или другой комедіи, и всякій разъ приводитъ свидѣтельство историческихъ данныхъ тамъ, гдѣ поэтъ отдается во власть своихъ личныхъ настроеній. Дешанель, кромѣ того, хорошій литературатурный критикъ. Его приѣмъ — сопоставлять нѣкоторые мотивы и сцены изъ комедій Аристофана съ явленіями новой литературы—очень удаченъ и всегда кстати. Античная жизнь, благодаря этому приѣму, совершенно утрачиваетъ слишкомъ торжественный, чуждый намъ характеръ, и мы съ великимъ интересомъ слѣдимъ за причудливой фантазіей эллинскаго сатирика, невольно поддаваясь его блестя-

стящему, всегда смѣлому и оригинальному остроумію. Дешанель очень подробно излагаетъ содержаніе аристофановскихъ комедій, важнѣйшія сцены переводить дѣликомъ. Подчасъ эта работа является довольно рискованной при полномъ равнодушіи античной комедіи къ тому, что у насъ называется эстетической цензурностью и литературной благопристойностью. Особенно рѣзки и своевольны такъ называемыя *парабазы*, т. е. пѣсни хора въ промежуткахъ между отдѣльными явленіями, по нашему актами—комедіи. Раньше это были молитвы къ богамъ, преимущественно къ Вакху, но во времена Аристофана *парабаза* исполняла совершенно другое назначеніе. Авторъ устами хора бесѣдовалъ съ публикой о чемъ ему угодно: о политикѣ, о религіи, о городскихъ сплетняхъ, о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Поэтъ здѣсь рѣшительно ничѣмъ не стѣснялся—ни фактами, ни личностями и именами всего выраженіями. Если греческая сцена, т. е. спектакль вмѣстѣ съ публикой,—истинное дѣтище греческой свободы, то *парабаза*—центральный пунктъ этой свободы. Она исчезла раньше самой комедіи, исчезла именно въ то время, когда стала умирать эллинская свобода, и *парабазы* нѣтъ въ тѣхъ пьесахъ Аристофана, которыя были написаны въ самое критическое время аѳинской демократіи.

Въ *парабазѣ* Аристофанъ очень часто говоритъ о вольности комедіи и оправдываетъ безудержныя выходки. Лестивыхъ рѣчей аѳинянамъ и безъ него приходилось много слышать. Правду имъ скажетъ одинъ только поэтъ,—и на этомъ основаніи иная *парабаза* въ самыхъ призрачныхъ намекахъ, нерѣдко просто называя своихъ героевъ по именамъ, рассказываетъ образъ жизни какого-нибудь Клеонима изъ модныхъ представителей современной золотой молодежи. Особенно безпощаденъ Аристофанъ относительно женщинъ изъ высшаго класса, владѣвшаго многочисленными рабами и, слѣдовательно, совершенно свободнаго отъ физическаго труда. Здѣсь поэтъ неистощимъ въ разсказахъ о всевозможныхъ продѣлкахъ скучающихъ дамъ. Часто кажется,—мы читаемъ превосходную сатиру самаго новаго происхожденія: до такой степени жизненны мотивы поэта и ярки его комическія краски.

Дешанель заранѣе оговаривается, что здѣсь не все соответствуетъ строгому литературному вкусу. И всетаки *парабазы* Аристофана нѣчто совершенно иное, чѣмъ, напр., «натуралистическіе» романы и пьесы XIX вѣка. У античнаго поэта—простое, наивное, истинно-вдохновенное воспроизведеніе современной дѣйствительности. Ему и на умъ не приходитъ быть откровеннымъ ради пикантнаго раздраженія зрителей. Онъ хохочетъ въ полномъ смыслѣ отъ полноты чувствъ, и его шаловливая фантазія, безъ всякихъ разчетливыхъ усилій, осыпаетъ васъ мириадами искръ, кружитъ въ опьяняющемъ потокѣ непосредственнаго праздничнаго веселья. Если античная исторія, античныя поэмы и ораторскія рѣчи открываютъ намъ все великое, прекрасное и героическое, что создалъ древній человѣкъ,—комедіи Аристофана—несравненный калейдоскопъ античной будничной жизни, повседневныхъ характеровъ и обыкновенныхъ человѣческихъ страстей и страстишекъ. Тамъ—

эллинь—герой и божество, здѣсь—простой смертный,—и еще вопросъ, какой путь ведетъ насъ скорѣе и вѣрнѣе къ пониманію дѣйствительнаго душевнаго міра людей, отдаленныхъ отъ насъ длиннымъ рядомъ вѣковъ.

АНТРОПОЛОГІЯ.

Фридрихъ Энгельсъ. «Происхождение семьи, частной собственности и государства».—*Карль Каутскій.* «Возникновеніе брака и семьи».—*М. Ковалевскій.* «Очерки происхожденія и развитія семьи и общества».

Фридрихъ Энгельсъ. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Изд. 3-е исправл. Спб. 1895; цѣна 1 руб. Названная книга Энгельса вышла третьимъ изданіемъ и почти одновременно съ нею появились еще двѣ книги, посвященныя тому же предмету, т. е. исторіи развитія нынѣ существующихъ формъ семейнаго и общественнаго союза. Это явленіе едва ли можно считать случайнымъ. Мы склонны видѣть въ немъ стремленіе издателей удовлетворить назрѣвшую потребность читающей публики. Очевидно, для такихъ вопросовъ, какъ происхождение и развитіе семьи и общества, настало время выступить изъ рамокъ специальныхъ изданій и сдѣлаться достояніемъ всѣхъ образованныхъ читателей.

Мы начинаемъ нашъ разборъ съ книги Энгельса, извѣстнаго нѣмецкаго экономиста и социолога, такъ какъ эта книга уже замѣчена и одобрена публикой, раскупившей два ея предшествующія изданія.

Какъ справедливо замѣчетъ Энгельсъ, «до начала шестидесятихъ годовъ не могло быть и рѣчи объ исторіи семьи; патриархальная форма семьи была принимаема безъ дальнѣйшихъ разсужденій за древнѣйшую и отождествлялась съ теперешней буржуазной семьей, такъ что, собственно говоря, семья не имѣла никакой исторіи развитія». Исторія семьи начинается съ 1861 года, съ появленія «Материнскаго права» Бахофена, который впервые выставилъ положеніе, что въ началѣ человѣческаго общежитія люди жили въ неограниченномъ общеніи половъ, исключавшемъ определенность происхожденія отъ отца, и потому происхождение можно было вести только по материнской линіи. Вслѣдствіе того, женщины, какъ единственныя признанныя производительницы, какъ родоначальницы, пользовались особымъ почетомъ. Переходъ къ единобрачію, въ которомъ мужчина, какъ болѣе сильная сторона, могъ проявлять свою власть надъ женщиной и дѣтьми, совершился постепенно различными послѣдовательными ступенями, оставившими свои слѣды въ преданіяхъ и обычаяхъ историческихъ народовъ.

Книга Бахофена замѣчательна, какъ плодъ оригинальнаго и глубокаго критическаго ума, умѣвшаго извлечь изъ открытаго для всѣхъ источника, изъ классической литературы, доказательства никѣмъ незамѣченныхъ до тѣхъ поръ отношеній въ древнѣйшемъ человѣческомъ обществѣ. Къ сожалѣнію, авторъ облекъ свои выводы въ туманную мистико-философскую форму, которая ограничи-

вала число читателей, имѣвшихъ возможность пользоваться его книгою. На встрѣчу идеямъ Бахофена подоспѣли результаты изслѣдованія быта дикихъ народовъ, получившія энергичное движеніе въ началѣ тѣхъ же 60-хъ гг., благодаря вліянію ученія Дарвина и возрожденію антропологии. Идеи Бахофена были оцѣнены уже впоследствии, но привлеченіе общаго вниманія къ замѣчательнымъ особенностямъ семейнаго строя первобытныхъ народовъ было дѣломъ англичанина Мак-Ленана. Если и не впервые, то весьма настойчиво, онъ указалъ любопытный обычай многихъ дикихъ народовъ жениться не иначе, какъ на женщинѣ изъ чужого рода. Указаніе этого обычая, которому Мак-Ленанъ далъ названіе «экзогаміи», послужило точкой отправленія для многихъ послѣдующихъ изслѣдованій по исторіи брака и семьи.

Изъ отношенія Энгельса къ Бахофену и Мак-Ленану мы можемъ видѣть, что даже и въ такой небольшой области, какъ исторія семьи, первоначальная разработка которой была дѣломъ всего трехъ изслѣдователей, можетъ быть мѣсто для спора относительно ихъ заслугъ. Энгельсъ не высоко цѣнитъ Мак-Ленана, называя его «сухимъ юристомъ», не выдерживающимъ никакого сравненія съ «гениальнымъ мистикомъ» Бахофеномъ, чего не сказалъ бы ни одинъ англійскій ученый. Зато Энгельсъ первое мѣсто среди изслѣдователей, проложившихъ путь въ этой области, отводитъ америкавскому ученому Льюису Моргану, заслуги котораго оцѣниваются другими специалистами далеко не единогласно. Умаленіе и даже забвеніе заслугъ Моргана, замѣчающееся и въ нашей литературѣ, мы считаемъ дѣломъ весьма несправедливымъ и съ удовольствіемъ видимъ, что Энгельсъ энергично напоминаетъ объ этихъ заслугахъ. Помимо разъясненія родового строя первобытнаго общества,—строю, еще до сихъ поръ существующаго у дикарей и нѣкогда господствовавшаго у предковъ всѣхъ культурныхъ народовъ, и указанія, что разъ есть группа кровныхъ родственниковъ, не вступающихъ, въ силу этого родства, въ бракъ между собою,—Морганъ открылъ матриархальный родъ, т. е. родъ, основанный на родствѣ по матери, въ которомъ родоначальницей является женщина и гдѣ родословная ведется по женской линіи. Это открытіе матриархальнаго рода, какъ ступени, предшествующей патріархальному роду, по мнѣнію Энгельса, «имѣетъ для первобытной исторіи то же значеніе, какъ Дарвинова исторія эволюціи для биологій и Марксова теорія прибавочной стоимости для политической экономіи».

Въ исторіи семьи, какъ и во всякой исторіи, самымъ темнымъ мѣстомъ оказывается древнѣйшая, первоначальная эпоха, допускающая лишь гадательныя предположенія. Моргану отчасти удалось освѣтить это темное время изученіемъ системы родства у индѣйцевъ Сѣверной Америки. По этой системѣ братья и сестры, какъ родные, такъ и болѣе отдаленные, считаются между собою мужьями и женами. Она позволяетъ предположить, что прежде браки между восходящими и нисходящими поколѣніями считались возможными и даже обычными. Другими словами, тогда не существовало никакихъ запретительныхъ ограниченій относительно

*

брака, т. е. люди во всѣхъ степеняхъ родства могли вступать въ бракъ между собою. Этотъ выводъ возмущалъ многихъ, и нѣкоторые ученые совершенно отвергаютъ его. Энгельсъ, однако, стоитъ за существованіе въ древнѣйшее время такой брачной формы, поясняя, что допущеніе ея не требуетъ предположенія «непремѣннаго скрещиванія, безъ разбора»; иначе сказать, каждый мужчина не былъ тогда фактически мужемъ каждой женщины, но какое бы то ни было родство не препятствовало браку, т. е. союзу, болѣе или менѣе продолжительному. Морганъ, и за нимъ Энгельсъ предполагаютъ, что и въ то время не было недостатка въ парныхъ бракахъ, т. е. союзовъ между однимъ мужчиной и одной женщиной, которые, впрочемъ, не были обязательны для обѣихъ сторонъ и могли разрываться по желанію каждой изъ нихъ.

Послѣдующими ступенями установленія брака, по мнѣнію Энгельса, было устраненіе союзовъ между ближайшими родственниками восходящаго и нисходящаго поколѣній, а затѣмъ между такими же родственниками одного и того же поколѣнія, т. е. между родными братьями и сестрами. Далѣе исключена была возможность союзовъ между двоюродными братьями и сестрами, а впослѣдствіи и вообще между кровными родственниками. «Общечитіе, какъ выражается Энгельсъ, т. е. совмѣстная жизнь нѣсколькихъ мужчинъ и женщинъ, явилось теперь союзомъ одной или нѣсколькихъ группъ сестеръ, имѣвшихъ общихъ мужей; съ другой стороны, нѣсколько братьевъ имѣли общихъ женъ. Такъ образовалась классическая для дикаго состоянія семья, съ взаимной общностью мужей и женъ внутри опредѣленнаго круга, изъ которой были исключены братья женъ и сестры мужей». Иначе сказать, это была семья, въ которой многоженство соединялось съ многомужествомъ. Такой бракъ можетъ быть названъ «групповымъ»; онъ и до сихъ поръ существуетъ у многихъ дикарей (австралийцевъ, полинезийцевъ, американскихъ индѣйцевъ и т. д.), и есть многія доказательства, что въ прежнія времена онъ существовалъ и у культурныхъ народовъ. И этотъ бракъ не слѣдуетъ понимать такъ, что каждый мужчина бываетъ на дѣлѣ одновременно мужемъ нѣсколькихъ сестеръ или родственницъ изъ того же поколѣнія: онъ лишь можетъ, имѣть право вступить въ бракъ съ тою или съ другою изъ нихъ, или, точнѣе сказать, можетъ жениться не иначе, какъ на одной изъ женщинъ извѣстной группы. Группа кровныхъ родственниковъ и составляла «родъ», въ средѣ котораго члены не могли вступать въ брачныя отношенія между собою. Родъ явился основою первоначальнаго общественнаго устройства почти всѣхъ извѣстныхъ намъ дикихъ народовъ, и, во времена, предшествовавшія цивилизаціи, всѣхъ народовъ культурныхъ. Вопросъ, весьма еще спорный — какъ образовался порядокъ, исключавшій бракъ даже между отдаленными родственниками — разрѣшается Энгельсомъ согласно съ Морганомъ, а именно признаніемъ вреда кровосмѣшенія, признаніемъ большей крѣпости потомства, рожденнаго отъ родителей, не находящихся ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ.

Въ средѣ семейныхъ группъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ,

даже многихъ лицъ, вступавшихъ въ союзъ между собою, всегда бывали «парныя» семьи, совмѣстная жизнь которыхъ была болѣе или менѣе тѣсною и продолжительною. Энгельсъ полагаетъ, что, по мѣрѣ разростанія рода и увеличенія числа лицъ, устраненныхъ отъ возможности брака между собою, парная семья, уже ради практическаго удобства, должна была крѣпнуть. Именно, экономическая выгода должна была скрѣплять этотъ бракъ: женщины нужно было все болѣе и болѣе, и онѣ становились дороже, если не въ переносномъ, то въ прямомъ смыслѣ, такъ какъ ихъ можно было приобрести лишь за извѣстное вознагражденіе. Кто не хотѣлъ или не могъ покупать себѣ жены, тотъ долженъ былъ похищать ее силою, т. е. подвергать себя риску и опасности. Впрочемъ, бракъ на этой ступени еще долго остается не дѣломъ личнымъ, а дѣломъ рода, или, вѣрнѣе, матерей, такъ какъ отецъ при групповомъ бракѣ считается неизвѣстнымъ. Вслѣдствіе того, любовь, какъ связующее начало брака, еще не играетъ никакой роли, что не препятствуетъ, однако, женщинѣ занимать не только свободное, но и почетное положеніе. Женщина остается центромъ рода, полною хозяйкою дома и главою семьи; она имѣетъ такую силу, что можетъ даже смѣщать начальниковъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ замѣчаетъ Энгельсъ, женщина въ дикомъ обществѣ свободнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ въ цивилизованномъ.

Такое положеніе вещей могло держаться, однако, лишь въ охотничьемъ періодѣ существованія, когда прочное «богатство заключалось почти только въ дождѣ, одеждѣ, грубыхъ украшеніяхъ и въ орудіяхъ для добыванія и приготовленія пищи, лодкѣ, оружіи и простѣйшей домашней утвари, и когда пища должна была добываться изо дня въ день». Обстоятельства измѣнились со времени появленія стадъ домашнихъ животныхъ, которыя доставляли постоянное пропитаніе, добывавшееся съ несравненно меньшею затратою силъ. Стада требовали обузданія болѣе свирѣпыхъ животныхъ, присмотра за ними и защиты ихъ отъ непріятелей, а для всего этого нужнѣе были сила и энергія мужчины, чѣмъ домовитость женщины; поэтому мужчина явился собственникомъ скота и военнопленныхъ рабовъ, а вскорѣ затѣмъ, — и главнымъ лицомъ въ семьѣ. Однако, при родовомъ бытѣ, дѣти его все еще принадлежали къ роду матери, и ближайшими наследниками его были дѣти его сестры. Наконецъ, происхожденіе стало вестись по отцу, «материнское право» было замѣнено «отцовскимъ»; тогда «мужчина захватилъ власть и внутри дома, а жену принизилъ и поработилъ». Такъ произошла «патріархальная семья», которую Энгельсъ считаетъ промежуточной между «парной семьей», описанной выше, и «моногамной», выработавшейся позднѣе. Патріархальная семья, по опредѣленію Энгельса, есть организація нѣкотораго числа свободныхъ и несвободныхъ лицъ въ одну семью подъ отеческою властью главы семьи. Такую семью, въ наибольшемъ развитіи, онъ видитъ въ Римѣ, гдѣ она въ особенности утвердилась при распространеніи земледѣлія, когда богатые собственники обработку земли возложили исключительно на рабовъ.

Изъ патріархальной семьи, не исключавшей многоженства, съ

теченієм времени, образовалась «моногамная семья», отличавшаяся отъ прежней парной семьи бѣльшей прочностью союза и сильнѣйшей властью мужа. Характерныя черты моногамной семьи, на первыхъ порахъ ея развитія, а именно замкнутость женъ и свободу мужей, мы видимъ у древнихъ грековъ. Въ этомъ бракѣ любовь также не имѣетъ рѣшающаго значенія: мужчина женится ради того, чтобы имѣть дѣтей, которымъ могъ бы передать свое имущество, и считаетъ себя вправѣ принимать всякія мѣры къ охраненію вѣрности жены. Энгельсъ, идя въ этомъ случаѣ дальше своихъ собратій, пишущихъ о томъ же предметѣ, дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, что взаимное влеченіе не является необходимымъ условіемъ и средневѣковаго брака, и что пѣсни среднихъ вѣковъ воспѣваютъ любовь рыцарей не къ своимъ, а къ чужимъ женамъ. Отъ среднихъ вѣковъ онъ переходитъ къ нашимъ временамъ и указываетъ, что и нынѣшній буржуазный бракъ далеко отъ идеала семьи, связанной взаимной любовью и вѣрностью, и что святость брака соблюдается пока всего болѣе въ народѣ, въ рабочей средѣ, гдѣ онъ заключается и поддерживается помимо исключительно экономическихъ соображеній. По мнѣнію Энгельса, развитіе брака еще нельзя считать законченнымъ, такъ какъ нынѣшняя форма его требуетъ значительнаго внутренняго исправленія, чтобы быть справедливой. «Новѣйшая индивидуальная семья, говоритъ онъ,—основана на открытомъ или скрытомъ рабствѣ жены... Специфическій характеръ господства мужа надъ женой въ современной семьѣ и необходимость, какъ и способъ возстановленія дѣйствительнаго общественнаго равенства, только тогда выступаютъ на свѣтъ Божій, когда обѣ стороны будутъ юридически равноправны. Тогда окажется, что освобожденіе жены ставить первымъ условіемъ введеніе всего женскаго пола снова въ общественную промышленность... Мужъ, до сихъ поръ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, долженъ быть содержателемъ, кормильцемъ семьи, по крайней мѣрѣ, у имущихъ классовъ... Если упадутъ экономическія соображенія, вслѣдствіе которыхъ жены считались съ обычною невѣрностью мужей, т. е. забота о своемъ собственномъ существованіи, и еще болѣе о будущности дѣтей, то достигнутое этомъ равное положеніе женщины, судя по всему предшествующему опыту, въ безконечно болѣе мѣрѣ будетъ содѣйствовать тому, что мужчины сдѣлаются дѣйствительно моногамны» (59 и слѣд.).

Мы такъ долго остановились на исторіи семьи въ книгѣ Энгельса, что можемъ удѣлить лишь незначительное мѣсто послѣдующей части его сочиненія, посвященной исторіи развитія общественнаго и государственнаго строя. Впрочемъ, Энгельсъ вполне держится воззрѣній Моргана, которыя не разъ излагались на русскомъ языкѣ и, вѣроятно, извѣстны многимъ изъ нашихъ читателей. Не имѣвшие случая ознакомиться съ идеями Моргана найдутъ ихъ въ подробномъ изложеніи въ книгѣ Энгельса. Энгельсъ, безъ сомнѣнія, не ограничивается одною передачею взглядовъ Моргана, и сопровождаетъ ихъ весьма цѣнными экономическими указаніями.

Исторія семейныхъ и общественныхъ формъ—предметъ на столько обширный по своему содержанию и допускающій столь много различныхъ точекъ зрѣнія, что небольшая книга Энгельса можетъ обрисовывать его только въ главныхъ чертахъ. Тѣмъ не менѣе, она можетъ служить образцомъ *экономическаго* воззрѣнія на этотъ предметъ и представляетъ полезное пособіе для желающихъ приступить къ изученію его.

Карлъ Каутскій. Возникновеніе брака и семьи. Слб. 1895. Ц. 50 к. Книга Каутскаго посвящена тому же предмету, какъ и разсмотрѣнная выше книга Энгельса. Каутскій—нѣмецкій журналистъ, пишущій по научнымъ вопросамъ, въ особенности по развитію исторіи семьи и общества; онъ пользуется извѣстностью скорѣе любителя, чѣмъ спеціалиста, но, тѣмъ не менѣе, статьи его читаются и нравятся въ его отечествѣ. Помимо поддержанія въ публикѣ интереса къ вопросамъ большой важности, такія работы полезны въ качествѣ попытокъ подвести итогъ разнообразнымъ, часто разбросаннымъ трудамъ различныхъ авторовъ и вывести изъ нихъ нѣкоторые положительныя заключенія. Но, безъ сомнѣнія, къ подобнымъ работамъ критико-компилятивнаго характера нельзя предъявлять тѣхъ же требованій, какъ къ трудамъ самостоятельныхъ изслѣдователей и мыслителей.

Порядокъ развитія формъ семьи, начиная съ самаго первобытнаго ея состоянія, рисуется Каутскому въ иномъ видѣ, чѣмъ Энгельсу. Каутскій не раздѣляетъ выводовъ Моргана и не согласенъ видѣть въ его системѣ родства дикихъ народовъ доказательства прежняго беспорядочнаго смѣшенія половъ, когда человѣкъ не могъ отличить отца въ групповой семьѣ. По мнѣнію Каутскаго, «наименованія родства обозначаютъ здѣсь не степени происхожденія, а поколѣнія; всѣ члены одного поколѣнія обобщаются въ одинъ классъ, подъ однимъ общимъ наименованіемъ, безъ всякаго отношенія къ ихъ происхожденію». На основаніи мнѣнія Дарвина, Пешеля и др., и на основаніи наблюденій семейной жизни современныхъ низшихъ дикарей, Каутскій утверждаетъ, что «первичной формой отношеній между полами у человѣка была не общность женъ, а моногамія». Мы уже видѣли изъ изложенія Энгельса, что послѣдователи Моргана вовсе не отрицаютъ возможности существованія «парной семьи» въ эту отдаленную эпоху, и отстаиваютъ не фактическое беспорядочное смѣшеніе половъ, а отсутствіе какихъ-либо ограниченій для заключенія браковъ, даже въ видѣ ближайшаго родства. «Морганисты» поддерживаютъ и предположеніе равенства или равноправности обоихъ половъ въ первобытное время, какъ это дѣлаетъ и Каутскій. Разногласіе между ними и этимъ послѣднимъ уменьшается еще болѣе, когда и тотъ, и другіе одинаково защищаютъ легкость заключенія и легкость расторженія первичнаго брака. Въ сущности, весь споръ сводится къ терминамъ «гетеризмъ», «коммунальный бракъ» и т. п., которые одни ученые находятъ возможнымъ употреблять для обозначенія первоначальныхъ отношеній между мужчиной и женщиной, между тѣмъ какъ другіе ученые предпочли бы устранить эти термины, какъ неумѣстные и даже оскорбительные для достоинства хотя бы самаго первобытнаго человѣка.

Каутскій держится также взглядовъ, противоположныхъ воззрѣніямъ Лэббока, Спенсера и др., относительно дальнѣйшихъ превращеній семьи. Лэббокъ защищалъ мнѣніе, что первичный бракъ потерялъ свой коммунальный характеръ, благодаря захвату женщинъ въ видѣ военной добычи. При этомъ побѣдитель удерживалъ за собою исключительное право собственности на такую добычу; хотя и съ большою постепенностью, преодолевая сопротивление единоплеменниковъ, побѣдителямъ удалось отстоять это право и положить начало индивидуальному браку. Каутскій, напротивъ, полагаетъ, что хищнический бракъ долженъ былъ повести къ общности женъ, такъ какъ женщины, захваченныя на войнѣ, наравнѣ съ прочей добычей, должны были считаться достояніемъ всего племени. Онъ допускаетъ, однако, что послѣднее могло не предъявлять на нее своихъ правъ, въ случаѣ торжества права сильного. Но при допущеніи такого права, не все ли равно, когда оно проявляется надъ добычей—при самомъ захватѣ ея на чужой территоріи или позднѣе, въ предѣлахъ своего племени? Далѣе, Каутскій не дѣлаетъ различія между захватомъ случайнымъ, когда добыча достается побѣдителю неожиданно, и захватомъ намѣреннымъ, когда женщину иного племени или рода похищаютъ для вступленія въ бракъ, который не допускается съ женщинами своего рода, какъ единокровными. Положеніе тѣхъ и другихъ, т. е. рабынь и женъ, должно было представлять извѣстныя различія; между тѣмъ Каутскій соединяетъ ихъ въ одну группу «военнопленныхъ женщинъ». На самомъ дѣлѣ онъ переноситъ въ позднѣйшее время то положеніе вещей, противъ котораго возставалъ раньше, признавая, что въ періодѣ «хищническаго брака», какъ онъ его называетъ, господствовало «материнское право». То, что у него называется «племенемъ», изъ котораго впоследствии выдѣлились роды, благодаря экзогаміи, всего ближе соответствуетъ общественному строю, еще не успѣвшему выработать родовой организаціи. Каутскій стремится доказать, что именно хищнический бракъ привелъ къ этой послѣдней, образуя въ средѣ извѣстнаго племени разноплеменные группы женщинъ, составившія собою роды. Но, устраняя такимъ толкованіемъ въ некоторую натянутость объясненія морганистовъ, будто экзогамія произошла вслѣдствіе сознанія вреда родственныхъ браковъ, онъ все-таки не выясняетъ причины обширнаго распространенія ея, какъ обычая, довольствуясь произвольнымъ замѣчаніемъ, что «чѣмъ дольше существовала экзогамія, тѣмъ больше она должна была входить въ плоть и кровь людей, и стала, наконецъ, инстинктомъ» (75).

Каутскій согласенъ, однако, что «превращеніе женщины въ простую собственность мужчины началось еще въ хищническомъ бракѣ и только закончилось въ покупномъ бракѣ» (79). Онъ полагаетъ также, что «только покупной бракъ представляетъ собою бракъ въ нашемъ смыслѣ слова и только онъ выработалъ ту форму *семьи*, къ которой можно примѣнить это слово» (90). Вместе съ тѣмъ, онъ держится мнѣнія, что развитіе цивилизаціи «не *улучшало*, какъ обыкновенно полагаютъ, а *ухудшало* положеніе женщины» (89). По его воззрѣнію, покупной бракъ повелъ сперва въ

родовой семьѣ къ замѣнѣ «материнскаго» права «отцовскимъ», т. е. къ опредѣленности отца, къ родословной по его линіи и къ главенству его и, наконецъ, къ патриархальной семьѣ, съ ея особыми интересами и собственностью, переходившей къ дѣтямъ, что, понемногу, выдѣляло ее изъ клана или рода.

Книжка Каутскаго скорѣе всего можетъ быть полезна для указанія темныхъ мѣстъ и спорныхъ вопросовъ въ исторіи семьи и общества, устанавливающейся въ современной наукѣ. Сама по себѣ, эта книжка, со своимъ полу-полемическимъ характеромъ, немного дастъ читателю, незнакому съ предметомъ. Переводъ ея еще болѣе требуетъ исправленія, чѣмъ предшествующая книга Энгельса, въ особенности, въ этнографическихъ именахъ, которые неизвѣстный переводчикъ часто пишетъ латинскими буквами, предоставляя, повидимому, читателю произносить ихъ, какъ тому заблагоразсудится. Слѣдовало бы прибавить также, что книга переведена съ нѣмецкаго, чтобы у читателя не явилось предположенія, будто Карлъ Каутскій написалъ ее по русски.

М. Ковалевскій. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и общества. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Пер. съ франц. М. Юлшина. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1895 г. Ц. 60 к. Намъ нѣтъ надобности характеризовать автора этой книги, бывшаго профессора—московскаго университета, одного изъ нашихъ наиболѣе оригинальныхъ и неутомимыхъ изслѣдователей въ области сравнительнаго и первобытнаго права. Послѣдніе годы слушатели профессора уже не русскіе студенты, и лекціи его являются въ нашей литературѣ въ переводѣ съ французскаго. Мы можемъ утѣшиться только прекрасными качествами перевода г. Юлшина, который заставляетъ забывать, что мы имѣемъ дѣло не съ русскимъ текстомъ автора. Назначеніе этихъ лекцій авторъ опредѣляетъ въ предисловіи, говоря, что «онъ не столько думалъ объ анализѣ фактовъ, сколько о синтезѣ выводовъ, уже сдѣланныхъ этнографіей». Сдѣланный искусной и опытной рукой, такой синтезъ или итогъ особенно важенъ для нашего читателя, такъ какъ проводить его по всей исторіи разработки вопроса о происхожденіи и развитіи семьи и собственности и знакомить съ цѣнными выводами самого автора, которому удалось сдѣлать не мало для разъясненія нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ этой области.

Зная изъ рассмотрѣнныхъ выше книгъ главные этапы въ развитіи семейныхъ и общественныхъ формъ, мы прямо можемъ видѣть, насколько изложеніе Ковалевскаго бросаетъ на нихъ болѣе свѣта. Въ самую темную сторону этого процесса, въ сферу отношеній между полами первичной эпохи, этотъ свѣтъ почти не падаетъ: г. Ковалевскій только почти мимоходомъ отвергаетъ теорію коммунальнаго брака и даже съ упрекомъ отзывается о Лѣббокѣ за то, что тотъ ввелъ этотъ терминъ, забывая, что послѣдній раньше, подъ другимъ названіемъ, предложенъ былъ Бахофеномъ. Правда, г. Ковалевскій приводитъ фактъ, хотя и считаетъ его «единственнымъ», «указывающій, кажется, на общность женъ между членами одной группы родственниковъ, какъ на древній и едва уничтоженный обычай» (25),—обычай, запрещающій мо-

лодой женщинѣ какія бы то ни было отношенія съ отцомъ и братьями ея мужа. Групповой бракъ, съ которымъ мы познакомились въ изложеніи Энгельса, допускается нашимъ авторамъ, который видитъ его въ простѣйшемъ видѣ у австралійцевъ; у нихъ племя дѣлится на двѣ группы, причемъ браки заключаются между членами различныхъ группъ, а никакъ не одной и той же, и родство считается исключительно по матери. Безъ сомнѣнія, это — простѣйшая форма семейныхъ отношеній у современныхъ дикарей, и изъ нея легко выводится теорія матриархальной семьи, но эта форма, со строго опредѣленной организаціей, предполагаетъ нѣкоторую предшествующую ступень, на которой она должна была выработаться и которую послѣдовали Моргана называли «коммунальнымъ бракомъ». Впрочемъ, мы не ставимъ въ вину г. Ковалевскому то, что онъ лишь слегка касается этого вопроса. Не будучи антропологомъ, онъ, въ качествѣ юриста и социолога имѣетъ право исходить отъ той наиболѣе ранней общественной формы, какаѣ намъ достовѣрно извѣстна. Обиліе фактовъ и достаточная разработка ихъ позволяютъ автору установить въ началѣ человѣческаго общенія семью, состоявшую «изъ цѣлой группы лицъ, носившихъ одно и то же имя, вступавшихъ въ бракъ согласно принципамъ экзогаміи и сообща обладавшихъ своими женами» (27). семью, которая можетъ быть названа *матриархатомъ* или материнской семьей, такъ какъ во главѣ ея стояла мать, отъ которой велась родословная всего ея потомства. Вполнѣ точныя указанія, сохранныя въ древнихъ законодательствахъ и обычаяхъ, даютъ теперь мѣсто неоспоримому заключенію, что матриархатъ нѣкогда существовалъ и у семитовъ, кельтовъ, германцевъ, славянъ, грековъ, римлянъ и индусовъ. Всѣ эти народы пережили такой общественный порядокъ, когда дѣти считались принадлежащими только матери, и законнымъ покровителемъ ихъ былъ ея братъ, оставившій имъ, а не роднымъ дѣтямъ, свое имущество.

Характерной чертой брачной связи матриархальнаго періода Ковалевскій считаетъ непрочность. Дальнѣйшія ступени ея развитія онъ видитъ въ упроченіи супружескихъ отношеній, приобрѣтеніи мужемъ власти надъ женою и дѣтьми и, наконецъ, исключительное господство этой власти. Придерживаясь общепринятаго воззрѣнія, что началомъ индивидуальнаго брака послужило похищеніе невѣсты, слѣды котораго уцѣлѣли въ обычаяхъ, между прочимъ, и арійскихъ народовъ, онъ полагаетъ, что бракъ черезъ похищеніе самъ собою перешелъ въ бракъ черезъ покупку, причемъ плата за невѣсту стала играть роль выкупа за похищеніе. Относительно упроченія брачной связи Ковалевскій высказываетъ еще слѣдующее соображеніе, котораго мы не находимъ у обоихъ предшествовавшихъ авторовъ. Онъ указываетъ, что «отношенія супруговъ вполнѣ упрочиваются лишь въ тотъ моментъ, когда они становятся подъ покровительство боговъ и въ особенности геніевъ-попечителей, или пенатовъ, т. е. обожествленныхъ предковъ» (40). Это уже заключительная стадія брака, которой предшествовала замѣна семейнаго главенства матери и ея брата властью мужа и отца. Причину этой замѣны, играющей такую важную роль въ

исторіи человѣчества, Ковалевскій, подобно Энгельсу и др., видитъ въ тѣхъ измѣненіяхъ какія должны были вести за собой приростъ населенія и неизбежное распространеніе его по болѣе обширной территоріи. При этомъ матриархальный родъ раздробляется; братья женщины, нерѣдко отдѣленные отъ нея большимъ пространствомъ, уже не могутъ оказывать ей покровительства, и естественнымъ защитникомъ ея самой и ея дѣтей оказывается находящійся при ней мужъ. Связь отца съ дѣтьми устанавливается медленно; въ теченіе долгаго времени сохраняются еще слѣды прежняго порядка, а отцовская власть утверждается вполне лишь тогда, когда устанавливается частная собственность. Въ вопросѣ объ установленіи частной собственности Ковалевскій сходится со многими другими изслѣдователями того же предмета, говоря, что она «возникаетъ и развивается по мѣрѣ раздѣленія труда. Она можетъ относиться къ тѣмъ только предметамъ, которые добыты личными усилиями отдѣльнаго человѣка. Это правило подлежитъ, однако, слѣдующему важному ограниченію. Частной собственностью признаются лишь тѣ продукты индивидуальнаго труда, которыми производитель можетъ немедленно воспользоваться. Все, что онъ потребить не въ силахъ, весь избытокъ, принадлежитъ по праву всѣмъ членамъ его общественной группы» (50). «Послѣ перехода народа къ скотоводству и земледѣлію, движимость становится, если не индивидуальнымъ, то семейнымъ имуществомъ. Этотъ фактъ совпадаетъ съ установленіемъ патриархальной семьи» (52).

Личной и крушной заслугой М. М. Ковалевскаго является указаніе предварительной ступени патриархальной семьи - общины кровныхъ родственниковъ, живущихъ подъ одной кровлей и сообща ведущихъ свое хозяйство. Весьма важную черту семейной общины, упускаемую изъ виду другими изслѣдователями, нашъ авторъ отмѣчаетъ въ ея религіозномъ характерѣ, въ «существованіи тѣсной связи между этой древней формой общегитія и не менѣе древнимъ вѣрованіемъ въ духовъ» (67). Именно, культъ предковъ, служеніе умершимъ, забота объ ихъ благосостояніи въ загробной жизни, составляющія существенную сторону жизни древнихъ и новыхъ народовъ, могли возникнуть и переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, только благодаря семейной общинѣ, причѣмъ представителемъ и служителемъ этого культа являлся мужчина вмѣстѣ со своимъ мужскимъ потомствомъ. Мужъ вовсе не былъ тогда безусловнымъ властелиномъ своей жены; согласно указаніямъ г. Ковалевскаго, всѣ древнія законодательства свидѣтельствуютъ, что жена была подругой мужа, а не рабой: отъ его насилій она охранялась семьею. Семейнымъ совѣтомъ ограничивался и произволъ отца надъ дѣтьми. На первыхъ порахъ патриархальная семья не исключала многоженства, которое скорѣе даже было правиломъ, когда покупка женъ сдѣлалась обычаемъ.

Семейная община представляетъ для насъ особый интересъ, потому что она до сихъ поръ еще продолжаетъ существовать въ Россіи. Не смотря на многія полезныя качества, охрану личности и имущества членовъ, работу свободными и соединенными силами

и проч., семейная община давно уже находится въ процессѣ разложенія, вслѣдствіе развитія въ средѣ ея инстинкта индивидуализма, стремленія къ собственному, независимому хозяйству. Члены ея требуютъ выдѣла своего имущества, и, вмѣстѣ съ появленіемъ личной земельной собственности, появляется возможность отчужденія ея лицамъ постороннимъ. Чужіе люди начинаютъ входить въ составъ семейной общины, и она теряетъ характеръ союза кровныхъ родственниковъ. Такъ возникаетъ сосѣдская община, которую мы знаемъ подъ именемъ русской сельской общины. И эта послѣдняя, по мнѣнію Ковалевскаго, обречена на разложеніе. «Паденіе общины,—говоритъ онъ,—начинается съ того момента, когда она становится помѣхой для вышедшихъ изъ ея вѣдръ могущественныхъ классовъ, когда ея существованіе начинаетъ противорѣчить ихъ правильно понятымъ интересамъ. Какъ бы сильны они ни были, ихъ вліяніе не можетъ, однако, сравняться съ тѣмъ, какое оказываютъ на общину правящіе классы общества: дворянство, духовенство и буржуазія» (143). «Просуществовавъ вѣсколько столѣтій и виавъ золотые дни своего величія, общинное землевладѣніе приходитъ въ упадокъ и быстро вытѣсняется частной собственностью. Правительства то ускоряютъ этотъ процессъ, имѣя въ виду распространеніе интенсивной сельскохозяйственной культуры, то, напротивъ, замедляютъ его, исходя изъ соображеній объ общемъ благѣ и блюдя классовые интересы» (149).

Сжатость изложенія вмѣстѣ съ обиліемъ фактовъ дѣлаютъ книгу г. Ковалевскаго весьма полезной для ознакомленія съ новѣйшими положеніями въ исторіи происхожденія семьи и собственности, въ особенности съ точки зрѣнія *сравнительно-юридической*.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ И ЭТИКА.

Гойеръ. «Мозгъ и мысль».—Вундтъ. «Душа и мозгъ».—Рибо. «Современная германская психологія».—Рибо. «Исслѣдованіе аффективной памяти».—Ф. Годль. «Этика и политическая экономія».

Гойеръ. Мозгъ и мысль. Спб. 1895. Приложение къ журналу «Научное обозрѣніе».—Вундтъ. Душа и мозгъ. Одесса. 1895. Ц. 20 к. Изданіе «Международной библіотекы». Обѣ эти книжки имѣютъ своимъ предметомъ одинъ и тотъ же вопросъ, именно, отношеніе между явленіями физическими и психическими, но каждая рассматриваетъ его съ различной точки зрѣнія.

Первую книжку, написанную профессоромъ анатоміи варшавскаго университета, можно рекомендовать для изученія указаннаго вопроса тѣмъ, кто не имѣетъ предварительныхъ свѣдѣній по анатоміи и физиологіи. Очень просто и доступно авторъ въ первой части излагаетъ анатомію нервной системы; эта часть снабжена рисунками, вполне хорошо поясняющими содержаніе текста. Затѣмъ, въ отдѣлѣ «Физиологія нервной системы» авторъ знакомитъ съ тѣми научными приемами, посредствомъ которыхъ можно опредѣлить, съ дѣятельностью какой части головного мозга по присутствію связано то или другое психическое отправление.

Книжка эта составляетъ очень счастливое исключеніе въ ряду другихъ сочиненій по тому же вопросу, написанныхъ фізіологами; авторъ не впадаетъ въ крайности, къ которымъ склонны натуралисты, когда имъ приходится объяснять психическія явленія при помощи данныхъ, почерпнутыхъ изъ фізіологіи. Онъ проводитъ рѣзкую границу между двумя способами изслѣдованія психическихъ явленій,—посредствомъ такъ назыв. внутренняго наблюденія, или наблюденія своихъ собственныхъ душевныхъ явленій, и изслѣдованій при помощи фізіологическаго эксперимента. Философская точка зрѣнія автора вполне безукоризненна. Его трудъ, по заявленію автора, составляетъ попытку разъяснить психическія явленія на основаніи данныхъ, взятыхъ изъ біологіи. «Я думаю,—говоритъ онъ,—что мнѣ удалось доказать возможность примиренія между психологомъ и фізіологомъ. Не могу признать основательности матеріалистическаго, міровоззрѣнія, по которому мысль слѣдуетъ считать продуктомъ атомовъ матеріи, сущность которыхъ намъ вовсе неизвѣстна». Идеалистическое воззрѣніе, по мнѣнію автора, тоже не имѣетъ «твердой почвы въ своемъ основаніи».

Другая книжка представляетъ переводъ статьи Вундта, бывшаго профессора фізіологіи, нынѣ проф. философіи въ лейпцигскомъ университетѣ. Авторъ разсматриваетъ отношеніе души къ тѣлу съ болѣе глубокой, философской, точки зрѣнія, останавливаясь на вопросѣ, гдѣ находится душа въ нашемъ тѣлѣ? Сначала Вундтъ разсматриваетъ историческое происхожденіе «френологіи», т. е. той части фізіологіи, которая стремится опредѣлить отправленіе каждой отдѣльной части мозга. У него мы находимъ интересное указаніе на то, что френологія создана вовсе не Галлемъ, какъ обыкновенно думаютъ, а является необходимымъ послѣдствіемъ изъ предшествовавшихъ Галлю философскихъ ученій. Въ XVII в. Декартъ полагалъ, что душа имѣетъ мѣстопребываніе въ определенной части мозга. Вольфъ, жившій въ прошломъ столѣтіи, признавалъ, что душа наша дѣлится на множество «способностей» (воображеніе, память, разумъ, желаніе и т. п.). Признавъ эти двѣ теоріи, ученые естественно должны были стремиться опредѣлить, какая часть мозга служить мѣстопребываніемъ тѣхъ или иныхъ «способностей». Эта идея и до сихъ поръ удержалась въ фізіологіи. Вундтъ излагаетъ современные взгляды на этотъ вопросъ и нѣкоторыя крайности ихъ подвергаетъ вполне справедливой критикѣ. Обыкновенно, предполагаютъ, что корковая клѣтка является носителемъ *представленій*. На это Вундтъ замѣчаетъ: «мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что процессы въ нашемъ мозгу *сопровождаютъ* наши ощущенія и представленія. Но что каждое представленіе крѣпко сидитъ въ какой-нибудь нервной клѣткѣ, это невѣроятно, потому что представленіе вовсе не есть духовный *объектъ*, а духовная *дѣятельность*, слѣд., не есть что-нибудь постоянное».

Нельзя говорить, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, что *мозгъ производитъ мысль*: это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы между мозгомъ и мыслью была возможна *причинная* связь, а такой связи между ними быть не можетъ, такъ какъ явленія физическія и психическія совсѣмъ неоднородны.

Задавать вопросъ, гдѣ въ нашемъ тѣлѣ *находится* душа нельзя: такой вопросъ имѣлъ бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы душа была чѣмъ-нибудь *материальнымъ*. Призывать же душевныя явленія нематериальными и стараться указать ихъ мѣсто, значитъ мыслить ихъ пространственными, что, разумеется, совсѣмъ невозможно; отсюда вытекаетъ весьма важный выводъ для физиологіи, именно,—она, въ строгомъ смыслѣ слова, не должна говорить «о локализациі нашихъ *духовныхъ* функций, но лишь о локализациі извѣстныхъ *физиологическихъ* процессовъ, которые, по нашимъ наблюденіямъ, какъ фактъ внѣшняго опыта, сопровождають опредѣленные воспріятія внутренняго».

Переводъ книги сдѣланъ хорошо, несмотря на нѣкоторыя незначительныя шероховатости, въ общемъ незатрудняющія читателя.

Рибо. Современная германская психологія. Приложение къ журналу «Научное Обзоріе». Спб. 1895.—Изслѣдованіе аффективной памяти изъ журнала «Образованіе». Спб. 1895. Рибо, профессоръ экспериментальной психологіи въ Сорбоннѣ, въ Парижѣ, хорошо извѣстенъ русской публикѣ цѣлымъ рядомъ сочиненій, переведенныхъ на русскій языкъ и пользующихся заслуженнымъ успѣхомъ; напр., его: «Болѣзни памяти», «Болѣзни воли», «Болѣзни личности». «Наслѣдственность душевныхъ способностей», «Современная англійская психологія», «О характерѣ».

Современная германская психологія является какъ бы продолженіемъ его книги объ англійской психологіи. Въ обоихъ случаяхъ онъ разсматриваетъ то направленіе, которое называютъ «опытнымъ». Различіе между англійской психологіей и нѣмецкой въ существенныхъ чертахъ сводится къ тому, что послѣдняя стремится къ *экспериментальному* изслѣдованію душевныхъ явленій, т. е. посредствомъ искусственнаго измѣненія обычнаго теченія душевной жизни.

Въ указанной книгѣ Рибо излагаетъ психологическія теоріи философа Гербарта, который впервые стремился приложить математику къ анализу душевныхъ явленій, затѣмъ теоріи знаменитаго въ послѣднее время философа спиритуалиста Лотце, Вундта и др. Въ главѣ «ученія о воспріятіи пространства» онъ излагаетъ споръ между такъ наз. эмпиристами и нативистами, изъ которыхъ первые предполагаютъ, что когда мы впервые послѣ рожденія раскрываемъ глазъ, то видимъ не пространство, а только цвѣтъ (не пространственный), и затѣмъ, благодаря виѣшательству другихъ ощущеній, мы научаемся видѣть пространство; вторые (нативисты) полагаютъ, что мы съ самаго начала видимъ протяженный цвѣтъ. Въ главѣ 5-й Рибо разсматриваетъ такъ назыв. психофизическій законъ, по которому между ростомъ ощущенія и ростомъ возбужденія существуетъ извѣстная непропорціональность. Въ главѣ 7-й излагаются результаты, полученные изъ измѣренія скоростей психическихъ актовъ. Результаты этихъ измѣреній оказались въ высокой мѣрѣ полезными для выясненія нѣкоторыхъ основныхъ психическихъ процессовъ.

Книга Рибо предназначена для тѣхъ, кто уже въ достаточ-

ной мѣрѣ знакомъ съ основными проблемами психологіи. Но русскій читатель, желающій тщательно ознакомиться съ содержаніемъ указанной книги, встрѣтитъ серьезное затрудненіе въ многочисленныхъ ошибкахъ, допущенныхъ въ переводѣ.

Вторая книжка Рибо весьма интересна, какъ по содержанію, такъ и по методу изслѣдованія. Какъ извѣстно, существуютъ различные виды памяти, или способности сохранять въ сознаніи пережитыя нами впечатлѣнія. Есть память на цвѣта, на звуковыя и двигательныя ощущенія, и т. под. Когда говорятъ о памяти, то обыкновенно разумѣютъ именно память на указанныя ощущенія. Но у насъ есть еще и аффективная память, т. е. способность удерживать въ сознаніи и воспроизводить чувствованія. «Впечатлѣнія вкуса и обонанія, наши внутреннія ощущенія, состоянія пріятныя или тягостныя, наши эмоціи и страсти оставляютъ или могутъ оставлять въ насъ воспоминанія совершенно такъ же, какъ и воспріятія зрѣнія или слуха».

Далѣе извѣстно, что нѣкоторые лица въ своихъ умственныхъ операціяхъ пользуются по преимуществу или зрительными образами (т. наз. *зрительный типъ*), или слуховыми образами (т. наз. *слуховой типъ*), или тѣми и другими безразлично (это такъ наз. *индифферентный типъ*). Рибо задался цѣлью опредѣлить, не существуетъ ли такого же различія и по отношенію къ аффективной памяти; нѣтъ ли и здѣсь своего рода типовъ. Для этой цѣли онъ воспользовался тѣми же приѣмомъ, что и Гальтонъ для изслѣдованія указанныхъ видовъ памяти, т. е. онъ разспрашивалъ различныхъ лицъ относительно способности воспроизведенія аффективныхъ состояній, и на основаніи ихъ показанія старался сдѣлать заключенія относительно указанной способности.

Многіе психологи даже отрицаютъ вообще существованіе аффективной памяти: по ихъ мнѣнію, «мы припоминаемъ только условія и обстоятельства аффективнаго состоянія, но не состояніе само по себѣ». Рибо съ этимъ не согласенъ. По его мнѣнію, по отношенію къ аффективной памяти, «существуютъ два случая, рѣзко между собою различающіяся. Одни лица обладаютъ аффективной памятью ложною, или отвлеченною, другіе настоящей, или конкретной». Аффективная память ложная, или отвлеченная, состоитъ въ представленіи *обстоятельствъ*, сопровождавшихъ аффективное состояніе, а не самый аффектъ. Аффективная память настоящая состоитъ въ дѣйствительномъ воспроизведеніи прежняго *аффективнаго состоянія* со всѣми присущими ему чертами.

Отсюда Рибо дѣлаетъ тотъ выводъ, что «существуетъ типъ *аффективный*, такой же ясный и рѣзко очерченный, какъ типы зрительный, слуховой и моторный. Онъ характеризуется преобладаніемъ способности воспроизводить легко и сполна аффективныя представленія». Но «существуетъ не только одинъ общій аффективный типъ, но онъ допускаетъ и видоизмѣненія, и даже вѣроятно, что типы частные встрѣчаются чаще».

Фр. Іодль. Этика и политическая экономія. Переводъ съ нѣмецкаго Александра Острогорскаго. Ц. 20 к. С.-Петербургъ. 1895 г. Въ брошюрѣ проф. Іодля говорится о самыхъ разнообразныхъ

вещахъ—Адамъ Смитъ, матеріализмъ, этикъ, церковныхъ обществахъ, причеъ, по мнѣнію автора, «только слѣпая ненависть могла не видѣть, сколько необычайно великаго сдѣлали эти христіанскія церковныя общества ученіемъ и примѣромъ». Въ концѣ концовъ, проф. Юдль приходитъ къ тому выводу, что нужно «лабировать между крайностями»; съ одной стороны, нужно обезпечить «умѣренное (почему только умѣренное?), но до извѣстной степени прочное благосостояніе» рабочаго класса: съ другой—«путеъ введенія строгихъ и прочныхъ правовъ» нужно пріучить рабочихъ поменьше размножаться (!). При этомъ авторъ предостерегаетъ читателя отъ увлеченія «бредными пустыхъ утопій», и рисуемый ими государственнй строй уподобляетъ «безконечно простирающейся равнинѣ, покрытой низкимъ и чахлымъ кустарникомъ». Все виѣстѣ изложено довольно безсвязно, и остается только удивляться, для чего понадобилось переводить плохенькую брошюрку нѣмецкаго «гелертера», какъ будто и своихъ въ томъ же родѣ недостаточно?

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Адамъ Смитъ. «Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ». — В. И. Яковенко. «Адамъ Смитъ, его жизнь и научная дѣятельность». — Ев. Соловьевъ. «Ротшильды, ихъ жизнь и капиталистическая дѣятельность».

Адамъ Смитъ. Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ. Изд. Н. Т. Солдатенкова. Ц. 1 р. Москва. 1895 г. Настоящее изданіе представляетъ переводъ одной изъ книжекъ «Библиотеки экономистовъ» (*Petite bibliothèque économique française et étrangère*), издаваемой въ Парижѣ Гильеменомъ подъ общей редакціей Ж. Шэйллея (*Chailley*). Русскій переводъ сдѣланъ М. Щепкиной, подъ редакціей М. П. Щепкина и И. А. Вернера, сдѣланъ безъ всякихъ сокращеній и измѣненій по отношенію къ французскому изданію, но по отношенію къ труду, доставившему Адаму Смиу имя одного изъ величайшихъ мыслителей новаго времени, онъ составляетъ лишь извлеченіе—переводъ первыхъ двухъ книгъ, да и тѣхъ съ пропускомъ отдѣльныхъ главъ и страницъ. Изъ остальныхъ трехъ книгъ «Исслѣдованій о природѣ и причинахъ богатства народовъ» приведено не болѣе десятка страницъ. Изданіе предпринято «комиссіею по организаціи домашнихъ чтеній», съ цѣлю доставить возможность своимъ читателямъ имѣть изданія необходимыхъ имъ въ занятіяхъ авторовъ не только дешевыя, но и приспособленныя къ «домашнему чтенію». Признается, что для лицъ, не приготовленныхъ къ серьезному самостоятельному изученію, бываетъ очень трудно справиться съ избранными для чтенія слишкомъ объемистыми сочиненіями. Читателю приходится тратить очень много времени на прочтеніе отдѣловъ или главъ, имѣющихъ отдаленное отношеніе къ его специальной цѣли, прежде чѣмъ остановиться на такихъ частяхъ сочиненія, которыя представляются безусловно необходимыми по призванію руководящей ихъ занятіями комиссіи.

Къ числу «слишкомъ объемистыхъ сочиненій» отнесены «Исслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства» Адама Смита. Они

изданы въ извлеченіи, снабженныя, однако, болѣе чѣмъ 80-ю страницами предисловія, отрывковъ о жизни и трудахъ Адама Смита и перечней содержанія. Первое полное 3-томное изданіе Ад. Смита (собственно второе, потому что въ 1802—1806 г. былъ сдѣланъ переводъ его труда подъ заглавіемъ «Исслѣдованія свойствъ и причинъ богатства народовъ» И. Политковскимъ «по повелѣнію» министра финансовъ, графа Васильева) въ переводѣ И. А. Библикова относится къ 1866 г. Къ настоящему времени оно стало почти библиографическою рѣдкостью. Новое полное изданіе Ад. Смита было бы дѣломъ вполне своевременнымъ. вмѣсто него выходитъ въ свѣтъ гениальный трудъ шотландскаго мыслителя, изуродованный французскимъ буржуазнымъ экономистомъ.

Оправдывается ли по крайней мѣрѣ подобное изданіе интересами его распространенія, благодаря дешевизнѣ? Не думаемъ. Двухъ-рублевое изданіе Бокля Павленковымъ, полутарорублевое изданіе «Исторіи умственнаго развитія Европы» Дрэпера Йогансономъ доказываютъ, что труды, выходяшіе въ шестидесятыхъ годахъ въ двухъ объемистыхъ томахъ, нынѣ съ успѣхомъ могутъ издаваться въ одномъ томѣ цѣною вдвое, почти втрое дешевле. Въ появленіи полнаго изданія Ад. Смита заинтересованы не одни кліенты комиссіи домашняго чтенія, но и прочіе читатели, студенчество, лица, интересующіяся экономической литературою,—я тотъ рубль, который комиссія сохраняетъ для своихъ учениковъ, доставляя имъ сокращеннаго Адама Смита, она сохраняетъ за счетъ лицъ, вынужденныхъ пользоваться такимъ изданіемъ его вмѣсто полнаго.

Великіе писатели міра въ правѣ требовать къ своимъ трудамъ всей полноты вниманія. Они въ правѣ этого требовать потому, что за гениальнымъ произведеніемъ стоитъ гениальный человѣкъ, свѣтлыя мысли котораго такъ же характерны и цѣнны для потомства, какъ и ошибки; они въ правѣ требовать этого потому, что писали для человѣчества, а не для лицъ, преслѣдующихъ тѣ или нынѣ спеціальныя цѣли или слишкомъ дорожащихъ своимъ временемъ. Тѣмъ, кто «не приговоренъ къ серьезному и самостоятельному изученію», давайте хорошія руководства, но не давайте самихъ авторовъ, которые могутъ ожидать, что труды ихъ будутъ если не изучаться, то по крайней мѣрѣ читаться въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ подъ пера ихъ.

Мало этого. Мы убѣждены, что ознакомленіе съ сокращенными и «обработанными» изданіями классическихъ авторовъ всего менѣе можетъ служить цѣлямъ самообразованія. Нѣтъ ничего плодотворнѣе и поучительнѣе, какъ слѣдить за ходомъ мысли оригинальнаго автора, слѣдить внимательно и неустанно, не пугаясь обилія фактовъ, не теряя терпѣнія передъ отступленіями, стараясь не упустить нить главнаго предмета среди видимой безпорядочности и бессистемности изложенія. Тому, кто не способенъ къ такой работѣ, нечего и думать о самообразованіи. «Изучая Ад. Смита,—говоритъ Тойнби,—мы приходимъ въ соприкосновеніе съ великимъ оригинальнымъ умомъ, который учитъ насъ, какъ слѣдуетъ мыслить и дѣйствовать. Оригинальные люди всегда бываютъ нѣ-

сколько беспорядочны, такъ какъ они ощупью отыскиваютъ свой путь». Этому-то драгоценному умѣнью ощупью отыскивать свой путь, прежде всего и должны поучиться люди, задающіеся цѣлью самообразованія.

Какая «комиссія» въ мірѣ можетъ рѣшить безошибочно и безповоротно, что именно оставить въ умѣ читателя при чтеніи вѣчнаго произведенія наиболѣе сильное и плодотворное впечатлѣніе, что дастъ толчокъ самостоятельной работѣ мысли, что наиболѣе ярко освѣтитъ предметъ и основную идею автора? Оставьте же читателя одинъ на одинъ съ великимъ писателемъ и повѣрьте, изъ ихъ бесѣды выйдетъ гораздо болѣе пользы для перваго, чѣмъ если между ними стѣною станутъ посредники, разъясняющіе, подготавлиющіе и обрабатывающіе для пытливаго ума матеріалъ изъ чужихъ мыслей. Для тѣхъ же, кто захочетъ помочь дѣлу самообразованія—задача безусловно благородная и серьезная—остается не мало къ тому средствъ, помимо работы «приспособленія» величайшихъ произведеній всемірной литературы къ такъ или иначе понимаемымъ частнымъ интересамъ своего дѣла.

Упоминая о томъ, что выпускаемое ими въ свѣтъ изданіе заключаетъ въ себѣ важнѣйшія положенія, открытія и разсужденія знаменитаго основателя политической экономіи въ томъ видѣ, какъ они изложены имъ въ двухъ первыхъ книгахъ сочиненія, редакторы изданія категорически заявляютъ, что три остальныя книги (т.-е. $\frac{2}{3}$ всего сочиненія «знаменитаго основателя политической экономіи»), какъ «не имѣющія рѣшающаго значенія въ общемъ ученіи Смита», приведены лишь въ отрывкахъ. Такъ ли это? Что заключало въ себѣ общее ученіе Смита? Какъ смотрѣлъ онъ на него самъ, можно видѣть изъ словъ введенія, сдѣланнаго имъ къ пропущенной IV-й книгѣ: «политическая экономія, разсматриваемая какъ одна изъ наукъ, необходимыхъ для законодателя и государственнаго челоѣка, имѣетъ предметомъ своимъ двѣ цѣли: первая состоитъ въ доставленіи народу достаточнаго дохода или обильныхъ средствъ существованія, или же, вѣрнѣе, въ доставленіи ему самому возможности получать эти обильныя средства; вторая состоитъ въ доставленіи государству или обществу достаточнаго дохода на общественныя потребности; она имѣетъ въ виду обогатить одновременно какъ народъ, такъ и государя». Можетъ быть, въ позднѣйшемъ развитіи политической экономіи ея задачи были опредѣлены иначе и болѣе правильно, но намъ важно знать, какъ опредѣлялъ ихъ для себя А. Смитъ, какою цѣлью ставилъ онъ себѣ въ важнѣйшемъ трудѣ своей жизни. Эта задача такова, что содержаніе трехъ послѣднихъ книгъ его труда: объ общемъ ходѣ благосостоянія у разныхъ народовъ, о господствовавшихъ въ его время системахъ экономической политики, о государственныхъ доходахъ и расходахъ,—все это входило необходимою частью въ его «общее ученіе», въ такой же мѣрѣ, какъ основныя положенія экономической теоріи. И нѣтъ сомнѣнія, что историческое значеніе Ад. Смита лежитъ именно въ этой части его труда, которою онъ сдѣлалъ истинный переворотъ въ умахъ современниковъ, раскрывъ всю несостоятельность укореившихся

предразсудковъ и общепринятыхъ ученій. Его критика меркантилистической и физиократической теоріи, содержащаяся въ IV книгѣ, оказала такое воздѣйствіе на мнѣніе людей государственныхъ и общественное мнѣніе, что такой осторожный авторъ, какъ Бокль, могъ сказать: «*Богатство народовъ* быть можетъ самая важная изъ всѣхъ книгъ, когда-либо писанныхъ, какъ по содержащейся въ ней массѣ самобытныхъ мыслей, такъ и по практическому ея влиянію». И странно, что коммиссія домашняго чтенія, имѣя въ виду выпустить главнѣйшія сочиненія физиократовъ: Кенэ и Тюрго, не остановилась опустить въ сочиненіи Ад. Смита главу «о земледѣльческихъ системахъ», которая какъ нельзя лучше даетъ понятъ, съ одной стороны, увлеченіе физиократовъ, съ другой—то, насколько самъ Смитъ съ ними связанъ и насколько далеко ушелъ отъ нихъ впередъ. Еще большій интересъ и значеніе имѣетъ для русскихъ читателей глава IV книги III («Какимъ образомъ городская торговля содѣйствовала благосостоянію деревень»), заключающая въ себѣ исторію помѣстнаго сословія параллельно съ исторіей сословія торговаго, а также влияніе роста торговли и промышленности на введеніе правильнаго правительства и порядка, а съ ними свободы и личной безопасности въ деревенскомъ населеніи. Если редакторы французскаго изданія могли еще сказать, опуская тѣ главы IV книги, которыя разбираютъ системы протекціонной политики, что системы эти окончателно осуждены и теоріей и практикой и не представляютъ интереса, кромѣ историческаго,—то съ нашей стороны подобное отношеніе къ нимъ было бы, по меньшей мѣрѣ, неосновательно.

Мы не беремся защищать права пятой книги «Исслѣдованій», заключающей въ себѣ общій краткій очеркъ финансовой науки, — на вниманіе и интересъ читателя, не потому, что не могли бы найти къ тому основаній, но потому, что не дѣло безвѣстнаго рецензента доказывать достоинства и значеніе безсмертныхъ трудовъ Адама Смита.

Адамъ Смитъ, его жизнь и научная дѣятельность. В. И. Яковенна.—Ротшильды, ихъ жизнь и капиталистическая дѣятельность. Евг. Соловьева. Биографическая бібліотека Ф. Павленкова. Спб. Цѣна вып. 25 коп. Ничто въ такой мѣрѣ не способствовало распространенію разныхъ заблужденій и предвзятыхъ мнѣній о величайшихъ писателяхъ, какъ знакомство съ ними изъ вторыхъ рукъ, по изложеніямъ, извлеченіямъ и компиляціямъ. Не мало пострадалъ отъ этого и Ад. Смитъ. Подъ вліяніемъ позднѣйшихъ экономистовъ, преимущественно французской школы, Жана Баптиста Сэя, Жоз. Гарнье и др., усердно занимавшихся популяризациею его сочиненій, взглядъ на Ад. Смита сложился, какъ на геніальнаго творца основныхъ положеній теоретической экономіи. Личность и геній автора умалялись при этомъ ровно на столько, насколько изъ-за успѣховъ его экономической мысли забывалась широта его историческаго и политическаго міровоззрѣнія и смѣлость его замысловъ. Намъ пріятно отмѣтить, что авторъ біографіи Ад. Смита не упускаетъ изъ виду того, что знаменитый трудъ послѣдняго непосредственно примыкаетъ къ тому широкому и могучему ум-

*

ственному движенію, которымъ ознаменовалось XVIII столѣтіе, — движенію, имѣвшему въ виду на всѣхъ поприщахъ жизни освободить личность и ея дѣятельность отъ стѣсняющихъ ее узъ правительственной и церковной опеки того времени. Въ этихъ пѣляхъ надлежало рационализировать весь кругъ явленій обыкновенной жизни, раскрыть ихъ естественное теченіе, не смущаемое вѣдѣтельствомъ чуждыхъ силъ, и благотворныхъ, какъ все естественное и самопроизвольное. Отыскивая начала, руководящія естественнымъ направленіемъ человѣческой дѣятельности во всѣхъ ея сферахъ, Ад. Смитъ нашелъ ихъ въ двухъ, повидимому, взаимно противоположныхъ сторонахъ человѣческой личности: въ симпатіи и эгоизмѣ. Начало симпатіи (сочувствія, состраданія), благодаря которому мы становимся въ положеніе другихъ лицъ и представляемъ себѣ, что они испытываютъ, — какъ начало, опредѣляющее наше поведение по отношенію къ людямъ, было положено имъ въ основу сочиненія «Теорія нравственныхъ чувствъ». Въ этомъ скорѣе социальномъ, чѣмъ моральномъ трактатѣ Ад. Смитъ не только изслѣдуетъ сущность разныхъ добродѣтелей, но и прилагаетъ начало симпатіи къ самымъ разнообразнымъ положеніямъ и объясняетъ имъ не только отношенія между отдѣльными людьми, но и различныя общественныя отношенія, сословныя различія, обычаи, нравы, уголовные законы и пр. Значенію въ жизни другого начала, начала своекорыстія, личной выгоды — былъ посвященъ его трудъ «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ». Въ немъ своекорыстіе принято за главнаго двигателя всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, точно также, какъ въ первомъ сочиненіи за такого двигателя принято начало безкорыстное — симпатія. Между обоими сочиненіями прошло 17 лѣтъ («Богатство народовъ» появилась въ 1776 г., «Теорія нравственныхъ чувствъ» въ 1759 г.). Но что оба сочиненія, по мысли автора, составляли только двѣ части одного обширнаго пѣлага, это доказывается тѣмъ знаменательнымъ обстоятельствомъ, что начала, содержащіяся въ позднѣйшемъ сочиненіи, онъ излагалъ еще на публичныхъ лекціяхъ въ Глазго въ 1753 г., т. е. въ такое время, когда онъ еще только обдумывалъ первое сочиненіе и задолго до появленія его въ свѣтъ. «Такимъ образомъ, въ двухъ своихъ главныхъ сочиненіяхъ Смитъ смотритъ на общественныя явленія съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. То онъ становится на точку зрѣнія безкорыстія, исключаетъ всякіе другіе мотивы дѣятельности и показываетъ, какимъ образомъ человѣкъ, руководясь безкорыстіемъ, устраиваетъ и свою жизнь, и жизнь другихъ людей къ общему благополучію. То онъ становится на точку зрѣнія корысти, исключаетъ всякіе безкорыстные мотивы и показываетъ, какимъ образомъ человѣкъ, руководясь исключительно личной пользою, содѣйствуетъ общему благополучію. Понятно, что въ первомъ случаѣ ему приходится имѣть дѣло съ явленіями, главнымъ образомъ, моральнаго характера, а во второмъ — съ явленіями экономического характера. Но Смитъ прекрасно понималъ, что въ дѣйствительности люди не руководятся ни исключительно безкорыстными мотивами, ни исключительно корыстными»

ми». И только то обстоятельство, что экономическія положенія Ад. Смита отрывали отъ общаго его міровозрѣнія и личности, могло послужить къ упроченію ложнаго, но общепринятаго мнѣнія, будто Смитъ въ хозяйственной дѣятельности людей предполагалъ единственнымъ и исключительнымъ двигателемъ начало личной выгоды. Подобный взглядъ на ученіе основателя политической экономіи, вполнѣ отвѣчая тенденціямъ буржуазныхъ экономистовъ, послужилъ имъ на долгіе годы опорой въ апологіи личнаго интереса и невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь. Адамъ Смитъ не имѣлъ опыта позднѣйшихъ изслѣдователей для того, чтобы судить, къ чему можетъ привести свободное соперничество частныхъ интересовъ при условіяхъ мѣноваго хозяйства. Иначе онъ, совершенно чуждый доктринерства своихъ послѣдователей, значительно ограничилъ бы кругъ своихъ выводовъ. Вторымъ крупнымъ заблужденіемъ относительно характера его труда было весьма распространенное мнѣніе, что въ своихъ выводахъ Смитъ придерживался строго дедуктивнаго метода, исходя изъ основного положенія господства личнаго интереса въ экономической дѣятельности. «Между тѣмъ,—какъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ біографъ Ад. Смита,—всякаго читателя, не предубѣжденнаго въ пользу того или другого метода въ политической экономіи, при чтеніи этой книги поражаетъ первымъ дѣломъ необычайная способность автора къ наблюденію надъ общественными явленіями и его чрезвычайно обширное по тому времени знакомство съ фактами прошедшей и современной жизни. Вы чувствуете широчайшій умъ, охватывающій массу явленій,—умъ, проникающій до костей дѣйствительной природы явленій и описывающій ихъ съ ясностью, которой не удалось превзойти никому изъ послѣдующихъ политико-экономовъ. Вы не встрѣтите у Смита разсужденій, старательно нанизываемыхъ съ тою цѣлью, чтобы получить тѣ или другіе выводы изъ отвлеченныхъ положеній, но за то встрѣчаетесь на каждомъ шагу съ фактами и чувствуете непосредственное соприкосновеніе мысли автора съ дѣйствительною реальною жизнью». Именно этотъ-то конкретный реальный характеръ работы Смита, это богатство историческаго и жизненнаго матеріала, тѣсно связаннаго съ выводами автора, и составляетъ главную черту его мысли, дѣлая первыя книги, можетъ быть, даже менѣе характерными для метода его изслѣдованій, чѣмъ книги послѣдующія. Это же обстоятельство дѣлаетъ весьма затруднительнымъ всякое изложеніе содержанія «Изслѣдованій» Ад. Смита, что и пришлось испытать его біографу въ попыткѣ изложить послѣдовательно сущность всѣхъ пяти книгъ его труда. Изложеніе это мѣстами приобрѣтаетъ совершенно отрывочный характеръ и составляетъ наиболѣе слабую часть его очерка.

Отстаивая свободу индивидуальной дѣятельности, руководимой интересами личной выгоды, Ад. Смитъ былъ убѣжденъ въ томъ, что изъ свободной игры отдѣльныхъ усилій должно пристекать общее благополучіе. Убѣжденіе это стояло у него въ тѣсной связи съ ученіемъ, господствовавшимъ въ то время во многихъ умахъ и принятымъ Ад. Смитомъ, о естественномъ и благотворномъ по-

рядкѣ природы, по которому цѣли и интересы индивидуума не могутъ противорѣчить цѣлямъ и интересамъ общества, но находятъ въ полной съ нами гармоніи. Самые сильные умы способны находиться подъ обаяніемъ общепризнанной идеи вѣка, когда она лишена для провѣрки ея фактовъ и наблюдений. Наше время подарило намъ яркій примѣръ того, къ чему можетъ привести и чѣмъ сопровождается для общества упорное и неуклонное преслѣдованіе цѣлей личнаго обогащенія. Это исторія «вавилонской башни» милліоновъ, воздвигнутой Ротшильдами. Исторія эта очень живо описана въ любопытномъ очеркѣ жизни и капиталистической дѣятельности семьи Ротшильдовъ, составленномъ Евг. Соловьевымъ. Мы видимъ, какъ милліоны гессенъ-кассельскихъ ландграфовъ, добытые продажею гессенскихъ подданныхъ въ рекрута англійскому правительству, попали въ руки франкфуртскаго еврея Мейера Амшеля Ротшильда, пошли на поддержку кровопролитныхъ войнъ съ наполеоновскими арміями, завоеывая для банкирскаго дома Ротшильдовъ новые арміи золотыхъ, и дворянскіе титулы для членовъ разросшейся семьи; мы видимъ, какъ биржевые спекуляціи Натама Ротшильда, воздвигая все новые и новые этажи «золотой башни», усѣивали поле биржевой игры сотнями разоренныхъ неудачниковъ, какъ могущество денегъ, постепенно проликая во весь строй жизни Франціи, охватило заразой продажности правительственныя сферы, общество, печать... И передъ лицомъ этой поучительной исторіи мысль о гармоніи личнаго и общественнаго благополучія становится въ глазахъ однихъ злой насмѣшкой, въ глазахъ другихъ наивной мечтой благороднаго мыслителя, принявшаго за возможную дѣйствительность то, что онъ нашелъ въ своемъ сердцѣ, какъ смутное обѣщаніе грядущихъ вѣковъ.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

«Ernest Renan» par Gabrielle Séailles. Perrin. 1895 (Эрнестъ Ренанъ). Авторъ этой книги, одинъ изъ выдающихся современныхъ умовъ, задался целью прослѣдить тотъ путь, по которому совершалась эволюція философскихъ воззрѣній Ренана. Книгу можно назвать «психологической биографіей Ренана», въ которой личность Ренана, какъ мыслителя, обсуждается самымъ разностороннимъ образомъ и труды его и значеніе подвергаются безпристрастному критическому разбору.

(Revue des Deux Mondes).

«New studies in Litterature» by Edward Dowden (Kegan, Paul, French and Co). London (Новыя очерки литературы). Авторъ собралъ въ этой книгѣ свои статьи, напечатанныя въ разное время въ журналѣ «Fortnightly Review» и касающіяся различныхъ литературныхъ вопросовъ. Въ предисловіи авторъ говоритъ о современныхъ литературныхъ тенденціяхъ и возстаеъ противъ мнѣнія Поля Бурже и др. писателей, будто демократическія правительства имѣютъ пагубное вліяніе на литературу. Цѣлымъ рядомъ данныхъ авторъ доказываетъ, какъ неосновательно такое мнѣніе, и выражаетъ полныя надежды взгляды на литературу, стараясь опровергнуть предположеніе, что демократическія тенденціи должны неизбежно повести къ ея упадку.

(Daily News).

«The Presidents of the united states», 1789—1894. By John Fiske, Carl Shurz, William E. Russell, Daniel G. Gilman, William Walter Pilsb, Robert C. Winthrop, George Bancroft, John Hay and Others. Edited by James Grant Wilson With 23 Portraits, facsimile letters and other illustrations. (Президенты Соединенныхъ Штатовъ). Это сочиненіе пополняетъ пробѣлы въ био-

графической и исторической литературѣ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ даетъ понятіе о жизни и дѣятельности 23-хъ человекъ, занимавшихъ въ разное время высокой постъ главы государства Соединенныхъ Штатовъ. Книга представляетъ коллективный трудъ многихъ выдающихся авторовъ и заслуживаетъ полного вниманія не только американскихъ читателей.

(Popular Science Monthly).

«Life of sir Richard Owen» by his Grandson, the Rev. Richard Owen. M. A. With an Essay on Owen's Position in Anatomical science, by T. H. Huxley. Portraits and illustrations. In two volumes (Appleton and Co). New-York 1895 (Жизнь Ричарда Оуэна). Очень тепло и увлекательно написанная биографія, авторъ которой, внукъ Оуэна, постарался какъ можно живѣе представить читателю образъ своего знаменитаго дѣда. Въ приложенномъ къ биографіи очеркѣ Гексли указываетъ на то мѣсто, которое занимаетъ Оуэнъ въ анатомической наукѣ и говоритъ, что услуги, оказанныя Оуэномъ человѣческому знанію, никогда не могутъ быть забыты. (Popular Science Monthly).

«Wonders of Marine Life» With 95 illustrations (Appleton and Co). New-York 1895. (Чудеса морской жизни). Книга описываетъ жизнь въ глубинахъ моря и рассказываетъ о нѣкоторыхъ удивительныхъ его обитателяхъ; слѣдующія названія главъ даютъ понятіе о ея содержаніи: «Низшія формы животной жизни», «Архитекторы океана и ихъ родичи», «Бродяги океана и рѣкъ», «Аргонавты» и т. д. Интересующіеся естественнаѣмъ найдутъ въ этой книгѣ очень много полезныхъ для себя свѣдѣній. (Popular Science Monthly).

«Les Mélanges sociologiques» par M. Tardé, Lyon. 1895 (Социологическіе очер-

ки). Известный авторъ «Законовъ подражанія» издалъ въ одномъ томѣ цѣлый рядъ небольшихъ статей, въ которыхъ развиваются его социологическіе взгляды. Особенно интересны главы, посвященныя преступленіямъ толпы. Въ этомъ отношеніи, однако, къ взглядамъ автора слѣдуетъ относиться съ осторожностью и не принимать ихъ цѣликомъ, такъ какъ авторъ высказываетъ слишкомъ большой абсолютизмъ въ особенностяхъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о разныхъ собраніяхъ, политическихъ и др. и о судѣ присяжныхъ. Авторъ—защитникъ изолированнаго индивидуума и врагъ толпы, въ какой бы то ни было формѣ. Несмотря на нѣкоторое пристрастіе, обнаруживаемое авторомъ въ этомъ отношеніи, взгляды его заслуживаютъ вниманія по своей оригинальности, и съ ними не мѣшаетъ познакомиться каждому, интересующемуся социологическою наукой.

(Revue Scientifique).

«*Treu bis in den Tod*» von Famenagga Schunsui (deutsch von A. Hensel). Stuttgart. (J. G. Cotta). (Вѣрность до смерти). Романъ, написанный японскимъ авторомъ и переведенный на нѣмецкій языкъ, появився своевременно, такъ какъ Европа теперь заинтересована всѣмъ, что касается Японіи и японцевъ. Это историческій романъ; дѣйствіе его происходитъ въ 1698—1702 г. и касается выдающихся фактовъ японской исторіи, вызывающихъ у японцевъ патристическія воспоминанія. Переводчикъ старался насколько возможно сохранить характеръ этого произведенія; наявность и мѣстами очень тонкій юморъ японскаго автора ему удалось передать очень хорошо. Романъ этотъ, безъ сомнѣнія, долженъ возбудить интересъ европейской читающей публики.

(Daily News).

«*La Suggestion; son rôle dans l'éducation*» par P. Felix Thomas. Bibliothèque de philosophie Contemporaine; Paris, Alcan, 1895. (Внушеніе; его роль въ воспитаніи). Трудъ этотъ представляетъ очень ясное и всестороннее изложеніе того, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ *внушеніе* и чего можно ожидать отъ *внушенія* въ педагогическомъ отношеніи. Въ первыхъ главахъ авторъ разъясняетъ читателю теорію внушенія, его психологическія основы и говоритъ, что всякая идея есть сила и по-этому говорить объ автоматизмѣ, о роли, которую играетъ самовнушеніе въ жизни и управленіяхъ человѣческаго организма, о вліяніи воображенія и

воли и т. п. Представивъ очень любопытную, но вполнѣ точную картину безсознательнаго подражанія и нравственной заразы, исходящей отсюда, а также заразительности гипнотическаго внушенія, авторъ указываетъ, какую пользу можно извлечь отсюда въ педагогикѣ и какъ можно утилизировать всѣ эти умственные процессы съ цѣлью исправленія и воспитанія ребенка. Очень интересны главы, въ которыхъ авторъ говоритъ о роли гипнотическаго внушенія въ патологическихъ случаяхъ, въ случаяхъ дурной наследственности и т. д. Авторъ доказываетъ, что умѣлый воспитатель можетъ воспользоваться всѣми этими умственными феноменами, какъ очень важными факторами въ дѣлѣ воспитанія и внушенія, несомнѣнно, можетъ служить подспорьемъ въ педагогикѣ. Людямъ, интересующимся вопросами воспитанія, мы смѣло можемъ рекомендовать эту книгу.

(Revue Scientifique).

«*Progress of Science, its origin, Course, Promoters and Results. By J. Sillin Marmery. With and introduction by Samuel Laing.* (Chapman and Hall). (Прогрессъ науки: его происхождение, теченіе, двигатели и результаты). Современная наука прослѣдила уже ходъ эволюціи естественной, социальной и религіозной исторіи человечества. Авторъ вышеназваннаго труда задался, въ свою очередь, цѣлью прослѣдить прогрессивное развитіе науки, въ различныхъ ея отрасляхъ. Свою исторію изслѣдованій и изобрѣтеній онъ начинаетъ съ вѣка Фалеса и ведетъ вплоть до современной эпохи Эдиссона и старательно резюмируетъ прогрессъ, достигнутый наукою въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій, указывая при этомъ на наиболѣе характерныя черты, отличающія научное движеніе cadaquo изъ этихъ столѣтій. Шестнадцатый вѣкъ авторъ называетъ «вѣкомъ зарожденія», такъ какъ многія отрасли человѣческаго знанія народились въ этомъ вѣкѣ. Семнадцатый вѣкъ былъ «вѣкомъ созиданія», открытія великихъ законовъ природы и крайне быстраго развитія четырехъ отдѣловъ науки: астрономіи, математики, физики и физиологіи. Восемнадцатый вѣкъ—это вѣкъ распространенія науки, открытія физическихъ законовъ. Лапласовой теоріи, введенія паровыхъ двигателей и т. п. Нашъ вѣкъ—это вѣкъ вулгаризаціи научныхъ открытій, пара и электричества по преимуществу, открытія законовъ и принциповъ, управляющихъ явленіями природы. Очень интересна глава, въ которой авторъ

говорить о значеніи инструментовъ въ дѣлѣ научнаго прогресса. Историческій ходъ прогресса науки изображенъ авторомъ въ высшей степени рельефно и увлекательно.

(Literary World).

«*The Chinaman in his own stories*» by *Thomas G. Selby.* (*Charles H. Kelly.*) (*Китаецъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ*). Авторъ задался цѣлью познакомить европейскіихъ читателей съ китайскою жизнью черезъ посредство китайскихъ литературныхъ произведеній. И дѣйствительно, маленький томикъ китайскихъ повѣстей, изданный авторомъ, лучше знакомитъ съ китайскою жизнью, характеромъ, чувствами и вѣрованіями китайскаго народа, нежели объемистые томы, написанные съ этою цѣлью. Во всякомъ случаѣ, автору принадлежитъ та заслуга, что онъ постарался ближе познакомить европейскіихъ читателей съ литературою и жизнью страны, гдѣ европейцы такъ стремятся насадить свою цивилизацію и религію. Собраніе повѣстей снабжено очень интереснымъ предисловіемъ автора, въ которомъ онъ излагаетъ свои взгляды на китайскую цивилизацію и религію.

(Literary World).

«*Progressive Morality: an essay in Ethics.*» By *Thomas Fowler.* *Second edition corrected and enlarged.* (*Macmillan and Co*) London. (*Прогрессивная нравственность*). Профессоръ Фоулеръ постарался изложить въ популярной формѣ ученіе о нравственности, избѣжавъ, по возможности, затрудненій, сопряженныхъ съ теоретическими разсужденіями объ основахъ этого ученія. Книгу его можно по справедливости причислить къ разряду лучшихъ философскихъ сочиненій нашего вѣка.

(Athenaeum).

«*Collected Essays.*» By *Thomas Huxley.* 9 vols. (*Macmillan & Co*). (*Собраніе опытовъ*). Гексли пользуется слишкомъ большою европейскою извѣстностью, чтобы нужно было рекомендовать его сочиненія читающей и образованной публикѣ. Имя его говоритъ само за себя. «Опыты» Гексли собраны въ девяти томахъ и представляютъ рядъ статей, касающихся самыхъ разнообразныхъ научныхъ и социологическихъ вопросовъ.

(Daily News).

«*Apparitions and Thought Transference.*» By *Frank Podmore.* (*Walter Scott*). London. (*Виденія и передача мыслей*). Очень интересная книга, изданная съ одобренія Общества психическихъ изслѣдованій (*Psychical Research Society*), заключающая въ себѣ

много любопытныхъ фактовъ изъ области телепатіи и т. п. Насколько всѣ эти факты заслуживаютъ довѣрія—судить не беремся, но, тѣмъ не менѣе, многие изъ нихъ очень очень доказательны и подтверждаются такими авторитетами, что игнорировать ихъ невозможно. Предисловіе къ этой книгѣ написано очень хорошо; авторъ старается представить читателямъ общую картину современнаго состоянія науки о душѣ и указываетъ, какія открытія слѣданы въ новѣйшее время въ области психологіи.

(Bookseller).

«*The winning of the West*» by *T. Roosevelt.* *The Founding of the Trans-Alleghany Commonwealths. 1784—1790. With Maps.* (*G. P. Putnam's Son's.*) (*Завоеваніе Занады*). Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ рассказъ о событіяхъ, непосредственно слѣдовавшихъ за войною за независимость въ Соединенныхъ Штатахъ. Очень интересно описаніе организациі небольшихъ общинъ-республикъ, къ западу отъ Аллеганскихъ горъ, изъ которыхъ теперь образовались штаты: Тенесса, Кентукки и Огіо. Жизнь въ западныхъ территорияхъ, находящихся въ состояніи дикости, представляла въ то время непрерывную и тяжелую борьбу съ окружающими условіями природы и съ воинственными индѣйцами, защищавшими свои владѣнія отъ вторженія иноземцевъ. Первымъ колонистамъ въ этой области приходилось подчасъ очень трудно и врядъ ли какой-нибудь изъ романовъ, содержаніе которыхъ составляютъ необыкновенныя приключенія въ дикихъ странахъ, можетъ поспорить съ этимъ рассказомъ, преисполненнымъ исторической правды, о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя приходилось преодолевать первымъ пионерамъ на западѣ Сѣверной Америки.

(Literary World).

«*Evolution and Effort, and their Relation to Religion and Politics.*» By *Edmond Kelly.* (*Appleton and Co*). (*Эволюція и усиліе и ихъ отношеніе къ религіи и политикѣ*). Книга имѣетъ современный интересъ, такъ какъ въ ней обсуждается роль эволюціи въ современной религіозной и политической жизни, при чемъ какъ иллюстраціи берутся новѣйшія событія въ Нью-Йоркѣ. Авторъ пытается доказать, что эволюція въ нашу эпоху отличается отъ предшествующей эволюціи преобладаніемъ сознательныхъ усилій; человекъ, благодаря своей способности къ сознательному усилію, перестаетъ уже быть только продуктомъ эволюціи, а дѣлается ея руководителемъ. Авторъ особенно возстаетъ

противъ принципа «laissez faire—laissez aller» и ожидаетъ отъ сознательныхъ усилій отдѣльныхъ личностей благихъ результатовъ для всего человѣчества.

(Popular Science Monthly).

«*The peoples and Politics of the Far East*» *Travels and studies in the British French, Spanish and Portuguese colonies, Siberia, China, Japan, Korea, Siam and Malaya*. By Henry Normann, author of the *Real Japan*. With 60 illustrations and 4 maps. (Народы и политика дальняго востока). Авторъ провелъ четыре года на дальнемъ востокѣ и зачастую находился въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ, для преодоленія которыхъ ему пришлось основательно изучить народную жизнь и политику востока. Результатомъ этого изученія явился вышеназванный трудъ, заключающій массу свѣдѣній и сообщеній, имѣющихъ громадный современный интересъ. Самъ авторъ говоритъ, что цѣль его «начертать *гороскопъ* дальняго востока на основаніи тѣхъ фактовъ, которые ему удалось наблюдать во время своихъ путешествій, своихъ изслѣдованій, включеній и собранныхъ имъ статистическихъ данныхъ, а также разсказовъ и легендъ, гдѣ перемѣшивается правда и вымыселъ, но въ которыхъ отражается, какъ въ зеркалѣ, жизнь востока и его богатая фантазія».

(Popular Science Monthly).

«*Lotos-Time in Japan*». By Henry T. Finck. Illustrated (Charles Scribner's Son). (Японскіе очерки). Авторъ совершилъ недавно путешествіе по Японіи, при чемъ посетилъ не только уже извѣстные мѣста и города съ европейскою цивилизаціей, а и мало извѣстный островъ Іедцо, убѣжище ссыльныхъ и аборигеновъ страны—айносовъ. Въ своей книгѣ авторъ даетъ очень интересныя очерки японской жизни, обычаевъ, правовъ и учреждений страны, положенія женщинъ и т. п. Очень оригинальныя параллели, проводимыя авторомъ, между цивилизаціей Японіи и Америки.

(Popular Science Monthly).

«*Sea and Land*». *Features of Coasts and Oceans, with special reference to the Life of Man* By Prof. N. S. Shaler. Illustrated (Scribner's Sons), New-York. (Море и суша, очерки береговъ и океана, и ихъ специальное отношеніе къ жизни человека). Авторъ этой книги, почтенный ученый, обладаетъ въ высокой степени даромъ излагать, и дѣлать сухія научныя данныя, крайне увлекательнымъ образомъ. Книга его имѣетъ научный интересъ, но такъ живо и увлекательно написана, научныя данныя изложены въ ней такимъ популярнымъ языкомъ, что могутъ заинтересовать любого читателя.

(Popular Science Monthly).

Годъ IV-й.

№ 9-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

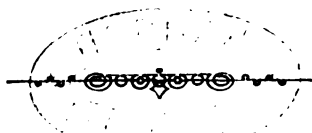
И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

С Е Н Т Я Б Р Ъ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го августа 1895 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ГРѢХИ. (Наброски и силуэты). И. Потапенко	1
2. МОЯ СЕСТРА ГЕНРИЕТТА. Эрнеста Ренана .Переводъ А. Н. Анненской .	24
3. НАПРАВЛЯЮЩЕЕ ЧУВСТВО У НАСѢКОМЫХЪ. (Изъ «Энтомологиче- скихъ воспоминаній» Фабра). Пер. Е. Шевыревой	56
4. КАРЛЬ ФОХТЪ. В. Агафонова	70
5. НАУЛАБА. Романъ Рюдіарда Киплинга и Уолькотта Балестріера. (Про- долженіе)	103
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. НА ВЕРШИНѢ. Изъ Виктора Гюго. (Посв. Д. А. Ко- ропчевскому). А. Мейснера	128
7. ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Окон- чаніе). И. П. Бородина	129
8. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. К. Бальмонта.	151
9. АВТОТОМІЯ У ЖИВОТНЫХЪ. Проф. А. М. Никольскаго	152
10. ДВА БРАТА. Разсказъ Елизы Оржешко	160
11. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. Проф. П. Н. Милюнова. (Продолженіе)	183
12. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.—Оживленіе интереса въ книгѣ.—Удовлетво- реніе этого интереса.—Новая книга о книгахъ: «Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія».—Различныя мнѣнія о влияніи книги.— Что сильнѣе—книга или жизнь?—Изъ общественной жизни за границей: «Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ», изъ отчета г. Сперанскаго.—Пародія на такія же учрежденія у насъ.—Рѣдкій у насъ типъ ученаго: Я. К. Гротъ по даннымъ его автобіографіи.—Нѣкоторыя изъ его «мыслей, посвященныхъ покойному наслѣднику Николаю Александровичу».	217
13. ВАСИЛІЙ ДМИТРИЕВИЧЪ СИДОВСКІЙ. (Некрологъ). Виктора Остро- горскаго	236
14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изъ записокъ земскаго статистика.— Изъ быта русскихъ рабочихъ.—О тѣлесномъ наказаніи.—Докладъ проф. Якобіа о вахскихъ остояхъ.—Газета для народа.—Сибирскіе бродяги.— Сельская медицина въ неземскихъ губерніяхъ.	240
15. За границей. Международный географическій конгрессъ въ Лондонѣ.— Другъ человѣчества донна Концепція Ареналь Гарція де-Барраско.—Ан- глійскіе парламентскіе обычаи.—Заработная плата и условія труда въ Японіи.—Типографія американскаго правительства.—Профессоръ Гижичей и этическое движеніе въ Германіи.—Литературныя воспоминанія Юкая.— «Popular Science Monthly»	253
16. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВАНІЯ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ПСИХОЛОГІИ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей прив.-доц. Г. Челпанова	33
17. 2) СЕНЬ-МАРСЪ или заговоръ при Людовикѣ XIII. Историческій романъ. Альфреда де-Виньи. Переводъ съ французскаго А. М.	49
18. 3) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Г. Дюнудрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позенъ, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго	201
19. ВИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЬ БОЖІЙ». Беллетри- стика. — Исторія всеобщая. — Психологія. — Юридическія науки. — По- литическая экономія. — Естествознаніе. — Учебная литература. —Новости иностранной литературы. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	1
20. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Состоящая при „Учебномъ Отдѣлѣ О—ва распространенія техническихъ знаній“ Комиссія для организаціи домашняго чтенія доводитъ до свѣдѣнія своихъ читателей, что съ 15-го сентября Комиссія возобновляетъ письменныя сношенія съ лицами, занимающимися подъ ея руководствомъ. Приемъ же подписки отъ новыхъ абонентовъ, высылка программъ и требуемыхъ читателями книгъ, приемъ прочитанныхъ книгъ обратно продолжаются безъ перерыва въ теченіе всего лѣтняго времени. Относящіяся сюда заявленія гг. читателей должны быть направляемы по прежнему адресу: Москва, Арбатъ, Спасо-Песковская площ., д. Разцвѣтовой, кв. № 14.

Комиссія обращается также къ другимъ столичнымъ и провинціальнымъ повременнымъ изданіямъ съ покорнѣйшею просьбою перепечатать настоящее ея заявленіе.

Предсѣдатель Комиссіи *В. Ф. Лучининъ.*

Въ складѣ книгъ Д. И. Тихомирова (Москва, Тверская, д. Гиршмана), въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», К. И. Тихомирова—Москва, Кузнецкій мостъ, Глазунова, Луфовникова—Петербургъ, Лештуковъ пер., д. № 2, Карбасникова—Москва, Моховая, д. Коха, и Петербургъ, Литейн., 46, и др.

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО:

- 1) Изъ міра великихъ преданій. Рассказы для юношества съ рисунками Панова и Кившенко. Изд. 3-е. М. 1893 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.
- 2) Изъ народнаго быта. Рассказы изъ пословицъ, поговорокъ и пѣсень; Титъ, Вавило, Маланья и Маша на дѣвичникѣ. Изд. 3-е. М. 1892 г. Ц. 20 к.
- 3) Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ, рассказано по народнымъ былинамъ. Спб. 1892 г. Ц. 10 коп.
- 4) Хорошіе люди. Сборникъ разск. съ рисунками Шпака и Малышева. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- 5) Памяти Пушкина. Очерки Пушкинск. Руси. Спб. 1880 г. Ц. 50 к.
- 6) Этюды о русскихъ писателяхъ: I. И. А. Гончаровъ. М. 1887 г. Ц. 75 к.—II. Н. Г. Помяловскій. Ц. 40 к.—III. М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы Лермонтовской поэзіи. 1891 г. Ц. 50 к.—IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. 1893 г. Ц. 50 к.
- 7) Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій и Н. А. Корфъ. М. 1887 г. Ц. 75 к.
- 8) Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній, Л. Эккардта съ прил. «Краткаго учебника теоріи поэзіи». Изд. 2-е. Одобрено У. К. М. Н. П., какъ руковод. Спб. 1777 г. Ц. 1 р. (готовится новое изданіе Переработанное).
- 9) Бесѣды о преподаваніи словесности. Изд. 2-е М. 1886 г. Ц. 80 к.
- 10) Выразительное чтеніе. Изд. 3-е. М. 1893 г. Ц. 50 к.
- 11) Русскіе писатели, какъ восп.-образов. матерьялъ для занятій съ дѣтми и для чтенія народу. (Жуковский, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Гр. Л. Толстой, Погосскій). Изд. 3-е. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- 12) Родные поэты, для чтенія въ классѣ и дома. Сборникъ стихотворныхъ произв. для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго: Русскіе писатели (Жуковский, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко). Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- 13) Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей для юношества, съ 20-ю портретами. Изд. 3-е. Ц. 50 к.
- 14) Наталья Борисовна Долгорукова. Ц. 10 к.
- 15) Изъ дальняго прошлаго. Драматическіе эскизы (Мгла, др. въ 5 д.; Липочка, ком. въ 3 дѣйств. съ прологомъ; сцены: На однѣхъ сѣняхъ; Первый шагъ; Въ бель-этажѣ на улицу). Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1891 года. Ц. 80 к.
- 16) С. Т. Аксаковъ. Критико-біографическій очеркъ Изд. П. Г. Мартынова. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.
- 17) МОЯ библіотека. Ж. Б. Мольеръ. Мѣщанинъ въ дворянствѣ, пер. В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- 18) Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Изд. журнала «Вѣстникъ Воспитанія». 1894 г. М. Ц. 40 к.

Г Р Ъ Х И

(Наброски и силуэты).

И. Потапенко.

I.

Бывшая нѣмка.

Всякій разъ, когда съ понедѣльника, послѣ веселой и шумной масляницы, утромъ, я раскрываю заспанные глаза и слышу проникающій въ мою комнату сквозь оконныя стекла заунывный, дребезжащій, рѣдкій звонъ „постнаго“ колокола, въ воображеніи моемъ рисуется поразительно ясно и живо картина далекаго прошлаго.

Я вновь закрываю глаза и забываю, что прошли десятки лѣтъ, и не даромъ прошли, и мнѣ представляется, что я лежу въ коротенькой дѣтской постелькѣ, подъ мягкимъ розовымъ одѣяломъ, въ большой пятиугольной комнатѣ съ тремя окнами, наглухо закрытыми со двора ставнями. Мой старшій 12-ти-лѣтній братъ Георгій, котораго всѣ называютъ Жорживомъ, на своей кровати у другой стѣны, свернулся калачикомъ и похрапываетъ, онъ любитъ поспать, болѣе всего цѣня утренній сонъ, тогда какъ я открываю глаза, едва только сквозь тонкую щелочку въ ставни проникаетъ лучъ свѣта, свидѣтельствующій о томъ, что солнце взошло, и ужъ мнѣ „жалъ дня“, мнѣ хочется прыгнуть съ постели, наскоро одѣться и бѣжать къ берегу рѣчки или въ садъ или просто торчать среди двора, радуясь плывущему по небу яркому солнцу. Если я этого не дѣлаю, то только потому, что это намъ строго запрещено, это—вредно для здоровья. Старенькій уѣздный докторъ Антонъ Павловичъ почему-то призналъ насъ слабыми и велѣлъ побольше ѣсть и спать.

У Жоржика одѣяло голубого цвѣта. Это сдѣлано для того, чтобы мы не спутывались. Оно сползло съ него и лежитъ подъ его правой ногой, превращенное въ жалкій комъ. Со двора доносится говоръ. Въ сосѣднихъ комнатахъ нашего огромнаго дома—тихое, неслышное движеніе. Говорятъ почти шепотомъ, ходятъ медленно, руки держатъ спущенными, или скрестивъ ихъ на груди, не жестикулируютъ и часто вздыхаютъ.

А вчера еще было такъ весело, такъ много смѣялись, прыгали и вкусно ѣли. Да, вчера заговлялись, а сегодня будетъ грибной супъ и рисовыя котлеты тоже съ грибнымъ соусомъ. При мысли объ этомъ я содрогаюсь. Я терпѣть не могу грибовъ и всѣхъ этихъ маслинъ, квашеной капусты и яблокъ. А между тѣмъ, цѣлую недѣлю все это будетъ составлять нашъ завтракъ и обѣдъ. Какая страшная тиранія со стороны взрослыхъ. Они всѣ любятъ грибы и почти въ восторгѣ отъ нихъ. А насъ никто не спрашиваетъ, но мы съ Жоржикомъ презираемъ грибы и маслины, мы такъ устроены, что не можемъ жить безъ куска мяса, или хотя рыбы. Но развѣ можно думать о такихъ предметахъ, когда надъ ухомъ дребезжитъ печальный постный звонъ?

И я уже совсѣмъ ясно вспоминаю, что сегодня первый понедѣльникъ поста и въ нашемъ домѣ всѣ, рѣшительно всѣ будутъ говѣть. Насъ съ Жоржикомъ поведутъ въ церковь и будутъ водить каждый день, вплоть до воскресенья.

У меня мелькаетъ мысль разбудить Жоржика. Въ этомъ нѣтъ эгоистическихъ побужденій; напротивъ, тутъ великодушіе. Это не для того, чтобы Жоржикъ игралъ со мной (да сегодня позволяютъ ли еще играть!), а чтобы онъ могъ придти въ себя и принять приказаніе въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. „Жоржикъ, а Жоржикъ“!—вличу я его, на первый разъ тихимъ шепотомъ, но Жоржикъ моего обращенія не слышитъ и продолжаетъ храпѣть! Я очень хорошо знаю, что, когда онъ проснется, то первымъ дѣломъ невнятнымъ соннымъ голосомъ обругаетъ меня дуракомъ, но потомъ онъ будетъ мнѣ благодаренъ.

— Жоржъ, проснись!—уже полнымъ голосомъ вличу я.

Жоржикъ подымаетъ голову, нѣкоторое время безумнымъ взоромъ смотритъ на меня и потомъ съ размаху швыряетъ свою голову на подушку, лицомъ внизъ, и невнятное „дурракъ“ глухо звучитъ въ глубинѣ подушки. Но я настаиваю и довожу дѣло до того, что Жоржикъ довольно разумнымъ тономъ спрашиваетъ меня:

— Ну, что тебѣ, наконецъ? Вотъ присталь!

Съ меня этого довольно. Ужъ я знаю, что съ той минуты, какъ голосъ его началъ звучать разумно, онъ больше ужъ не заснетъ, а будетъ только лежать съ раскрытыми глазами. И дѣйствительно, онъ грузно поворачивается на спину, приводитъ въ порядокъ одѣяло и лежитъ лицомъ вверху.

Я съ нѣкоторымъ опозданіемъ отвѣчаю на его вопросъ:— звонять!

— Ну, такъ что же?

— Постный звонъ!—съ горькой ироніей поясняю я.

— Ахъ, да!—со вздохомъ произноситъ Жоржикъ.

— Капуста!—выразительно говорю я, и моя иронія превращается въ сарказмъ.

— Маслины!—брезгливо восклицаетъ Жоржикъ, какъ-то презрительно выпячивая губы.

— И грибы, грибы, грибы!

— Брр...

И мы, подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ нами же самими произнесенныхъ словъ, на нѣкоторое время замолкаемъ. Мысли каждаго идутъ въ томъ направленіи, которое соотвѣтствуетъ его характеру. Жоржикъ представляетъ—и навѣрно представляетъ себѣ самыя мрачныя картины, — какъ приходятъ къ намъ, строго объявляютъ, чтобы мы вставали, потомъ мы идемъ въ столовую и застаемъ тамъ скучнѣйшую великопостную картину: самоваръ, наполовину остывшій, посуда, сахаръ и какіе-то невзрачные сухари; затѣмъ мы идѣмъ въ церковь и выстаиваемъ часы и т. д. Я смотрю мрачно и потому стараюсь игнорировать предстоящую дѣйствительность и думаю о томъ, что могло бы быть или было вчера, или будетъ потомъ. Поэтому и въ столовой мнѣ представляется совсѣмъ иначе и столъ, и стоящій окруженный сѣдымъ паромъ самоваръ, при немъ жирныя сливки, масло, сдобныя булки. Потомъ садъ, рѣчка, воздухъ, солнце... Всего этого сегодня не будетъ, не будетъ цѣлыхъ семь дней, вплоть до воскресенья; но что за дѣло? Будетъ потомъ, и этого ужъ довольно, чтобы я былъ счастливъ.

— Слушай, Котъ, — обращается ко мнѣ Жоржикъ (Котъ — происходитъ отъ моего длиннаго имени — Константинъ):— а вѣдь сегодня всѣ начнутъ каяться въ грѣхахъ...

— Нѣкоторымъ это не мѣшаетъ!..—отвѣчаю я.

— Напримѣръ, Ипполиту?

— Да, ему!..

— Онъ не можетъ, потому что онъ безгрѣшенъ.

Я приподымаюсь и въ полумракѣ большими глазами смотрю на Жоржика, стараясь понять, что онъ подъ этимъ разумѣтъ. Но лицо его, обращенное къ потолку, непроницаемо. Онъ вообще любитъ поражать меня такими внезапностями и, зная, что мой скромный десятилѣтній умъ благоговѣтъ передъ его двѣнадцатилѣтнимъ умомъ, онъ иногда кокетничаетъ со мной.

— Какъ безгрѣшенъ?—спрашиваю я.

— Такъ... Посмотри ему въ лицо, когда угодно, даже ночью, когда онъ спитъ. У него тамъ написано: я безгрѣшенъ.

Удивительное вліяніе двѣнадцатилѣтняго ума на десятилѣтній! Я тотчасъ же представилъ себѣ сухое, благообразное, хорошо выбритое лицо Ипполита и совершенно ясно увидѣлъ, что на немъ написано: „я безгрѣшенъ“.

— А въ самомъ дѣлѣ, это такъ!—сказалъ я съ выраженіемъ удивленія передъ умомъ моего старшаго брата.

— То-то и есть!—повровительственно замѣтилъ Жоржикъ.

— Какой ты умный, Жоржикъ!

— Какой ты глупый...

Въ это время постучали въ нашу дверь, и затѣмъ мы услышали глубоко-старушничій голосъ, говорившій на языкѣ, который только мы съ Жоржиномъ понимали, такъ какъ онъ, т.-е. голосъ, не произноситъ половины согласныхъ буквъ. Мы понимали этотъ языкъ потому, что достовѣрно знали, какія именно согласныя, по старости лѣтъ, не доступны Мартѣ Федоровнѣ, а также и то, какихъ именно зубовъ не достаетъ у нея во рту. Послѣднее, впрочемъ, далось намъ очень легко, такъ какъ у Марты Федоровны было всего только два-три зуба: одинъ передній наверху справа, другой—тоже передній—внизу слѣва; что же касается третьяго, то мы его никогда не видали, такъ какъ онъ помѣщенъ гдѣ-то далеко, а вѣрили Мартѣ Федоровнѣ на слово, что онъ существуетъ. Это подтверждалось и тѣмъ обстоятельствомъ, что у старушки раза три въ годъ отъ флюса распухала правая щека, и тогда она подвязывала ее носовымъ платкомъ. И вотъ, зная точно, какіе именно три зуба у нея существуютъ, мы уже легко опредѣляли, какихъ недостаетъ: всѣхъ остальныхъ.

— Дѣти, вставайте! Въ церковь!—промовила за дверью Марта Федоровна.

— Помолчимъ!—тихо сказалъ мнѣ Жоржикъ, и мы промолчали.

— Дѣти, мама просить васъ вставать!

Мы притаились и опять промолчали. Тогда Марта Федоровна пустила въ ходъ самый сильный доводъ.

— Папа желаетъ, чтобы вы вставали!.. Ипполитъ Марковичъ васъ дожидается.

И въ этой фразѣ сейчасъ же можно было замѣтить вліяніе поста и говенія. Въ обыкновенное время Марта Федоровна сказала бы: Ипполитъ Марковичъ гнѣвается, а теперь просто „желаетъ“. Очевидно сегодня, когда онъ приступилъ къ говѣнью, гнѣваться нельзя, а можно только желать. Но мы и на этотъ доводъ отвѣтили молчаніемъ. Я подчинился распоряженію Жоржика, который имѣлъ на меня безграничное вліяніе, а у Жоржика были какія-то, неизвѣстныя мнѣ цѣли. Впрочемъ, это сейчасъ же стало ясно. Марта Федоровна пріотворила дверь и вошла къ намъ. Сперва она остановилась на порогѣ и, щуря свои большіе глаза съ морщинистыми вѣками, цѣломудренно оглядѣла насъ, достаточно ли хорошо прикрываютъ насъ одѣяла, и убѣдившись, что это такъ, подошла поближе ко мнѣ, потомъ и къ Жоржику.

Я представился спящимъ, хотя неудержимая улыбка выдавала меня; а Жоржикъ привсталъ и объявилъ:

— Мы хотимъ спать, Марта Федоровна!

— Нельзя, дѣти, въ церковь надо ѣхать! — громкимъ голосомъ, явно сочувствуя намъ и сожалѣя о томъ, что мы хотимъ и не можемъ спать, сказала она.

— Охъ, какъ хочется спать! Марта Федоровна! Марта Федоровна! Неужели вамъ не жаль насъ?

— Ахъ, милые... Это же не моя воля... Папа желаетъ... Конечно, дѣтямъ можно бы начать говѣть съ четверга...

— Ну, вотъ видите... И докторъ Антонъ Павловичъ сказалъ, что намъ вредно рано вставать... Онъ вѣдь понимаетъ.

— Вы слишкомъ умны, Жоржъ. Право, вы слишкомъ умны...

— Развѣ это дурно, Марта Федоровна? — спрашиваю я, безусловно признавая, впрочемъ, что Жоржикъ слишкомъ уменъ.

— Да. Не слѣдуетъ быть умнѣ своего возраста! — Жоржикъ съ дикимъ смѣхомъ подпрыгиваетъ на кровати. — Какая вы прелесть, Марта Федоровна.

Марта Федоровна дѣлаетъ строгое лицо, вслѣдствіе чего ея тонкія губы уходятъ краями въ ротъ, не встрѣчая ника-

кого препятствія со стороны зубовъ. Она укоризненно качаетъ головой и произноситъ:

— Развѣ сегодня можно такъ хохотать? Это грѣхъ... Вотъ папа услышитъ и разсердится...

— Нѣтъ, не разсердится, Марта Федоровна!—возражаетъ Жоржикъ,—потому что сегодня постъ, онъ говѣеть и ему грѣхъ сердиться...

Я просто млѣлъ отъ изумленія передъ тонкимъ умомъ Жоржика. А Марта Федоровна направляется къ двери съ рѣшимостью принять болѣе дѣйствительныя мѣры.

— Я же говорю, что вы слишкомъ умны, Жоржъ!.. Но вставайте, вставайте, дѣти. Вѣдь вы говѣете... Папа этого хочетъ... Надо въ церковь...

— А вы тоже говѣете, Марта Федоровна?—спрашиваю я.

— А какъ же? Развѣ я не христіанка?

— Да у васъ вѣдь нѣтъ грѣховъ! — заявляетъ Жоржикъ.—У васъ не можетъ быть грѣховъ, Марта Федоровна!

Марта Федоровна качаетъ головой и грозитъ ему пальцемъ, стараясь казаться сердитой. Но это ей совсѣмъ не удается. Она уходитъ.

— А какъ ты думаешь, Коть, —спрашиваетъ меня Жоржикъ.—Есть грѣхи у Марты Федоровны?

— Нѣтъ!—съ глубокимъ убѣжденіемъ отвѣчаю я.

— Я тоже самое думаю! — заявляетъ Жоржикъ, и мнѣ доставляетъ удовольствіе сознаніе, что я подумалъ точно такъ же, какъ мой старшій братъ.

Съ Мартой Федоровной мы большіе пріатели. Мнѣ представляется, что весь остальной міръ подверженъ перемѣнамъ, но Марта Федоровна стоитъ внѣ всякихъ перемѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ, начать съ того, что она въ нашихъ глазахъ всегда была такою, какою мы видимъ ее сегодня. Всегда она была маленькой тоненькой старушкой и совершенно сѣдой головой, съ тонкой морщинистой шеей, съ маленькимъ морщинистымъ лицомъ, на которомъ очень много мѣста занимали большіе, нѣкогда голубые, а нынче цвѣтъ рѣчной воды послѣ сильнаго вѣтра, глаза, съ тремя зубами, изъ которыхъ два мы часто видѣли, а въ существованіе третьяго только вѣрили. Всегда на ней было темнокоричневое платье съ длинными бѣлыми воротничками и мягкіе туфельки изъ козловой кожи. Она всегда была съ нами, потому что на ней лежала тысяча заботъ о нашемъ благополучіи: чтобъ мы не сидѣли въ комнатахъ, когда на дворѣ хорошая погода, и

сидѣли въ комнатѣ, когда вѣтеръ или дождь; чтобъ мы не бѣгали до утомленія, не разрывали одежду, а если ужъ такое несчастье случилось—замѣняли ихъ другими; чтобы ѣли съ аппетитомъ, но не объѣдались до расстройства желудка, не ѣли бы пикантнаго и жирнаго, во время ложились спать и вставали и даже, наконецъ, чтобъ мы учились, хотя для этого были спеціальныя лица. Кромѣ того, Марта Федоровна была еще доброжелательнымъ къ намъ посредникомъ между нами и мамой, Ипполитомъ, учителями, когда кто-нибудь изъ нихъ, справедливо или нѣтъ, ссорился съ нами и лишалъ насъ своей благосклонности. Въ такихъ случаяхъ Марта Федоровна всегда находила, что мы, дѣти, заслуживаемъ снисхожденія, и ей обыкновенно удавалось премѣнить гнѣвъ на милость даже у такого твердаго человѣка, какъ Ипполитъ. Однимъ словомъ, никто въ домѣ такъ постоянно и неизмѣнно не охранялъ насъ отъ всякихъ напастей, какъ Марта Федоровна, и, конечно, мы питали къ ней безконечное довѣріе, и если сами позволяли себѣ иногда подшутить надъ нею, то лишь съ увѣренностью, что она никогда на насъ не обидится.

Да, все мѣнялось вокругъ насъ, а Марта Федоровна оставалась все та же. У насъ былъ отецъ, больной и блѣдный, котораго мы помнимъ смутно. Знаемъ только, что онъ не выходилъ изъ своей комнаты, и Марта Федоровна говорила тогда намъ про нашу мать: „ваша мама сидѣлка. Она не отходитъ отъ постели вашего отца“. Потомъ его не стало, и на лицѣ матери, какъ и во всемъ домѣ, была какая-то тихая грусть. Но года четыре тому назадъ стало веселѣе. У насъ появился новый отецъ, Ипполитъ, котораго Марта Федоровна опредѣляла такъ: „человѣкъ онъ благородный и умный, но холодной души“, и отъ вліянія холодной души Ипполита, должно быть, и мама стала къ намъ чуть-чуть похолоднѣе или, можетъ быть, только сдержаннѣе. Мѣнялись люди въ кухнѣ, съ конюшни и со двора, мѣнялись управляющіе и приказчики, а Марта Федоровна все была такая же и все съ нами, за насъ и на нашей сторонѣ.

Несомнѣнно, что она не всегда была такая, а по всей вѣроятности было время, когда Марта Федоровна была молода и, можетъ быть, красива, и у нея, конечно, были грѣхи. Мы знаемъ только, что она бывшая „нѣмка“, и что это было очень давно, т.-е. въ то время, когда Марта Федоровна была нѣмкой. Теперь въ ней ничего не осталось нѣмецкаго—ни въ языкѣ, ни въ наружности, ни въ мысляхъ, ни въ чув-

ствахъ. Вотъ развѣ только привычка къ бѣлымъ воротничкамъ, нѣкоторая методичность въ движеніяхъ, да имя. Она поступила къ нашимъ предкамъ около полусотни лѣтъ тому назадъ въ качествѣ „нѣмецкой бонны“, а потомъ перебивала въ возможныхъ „придворныхъ“ должностяхъ, пережила нѣсколько поколѣній, помнила множество катастрофъ, и теперь доживала свой вѣкъ безъ опредѣленной должности, въ качествѣ члена семьи, наиболѣе коренного, чѣмъ всѣ обыватели нашего большого деревяннаго дома. Всѣ ея воспоминанія, всѣ ея интересы были здѣсь и не выходили за предѣлы высокой каменной стѣны, которой былъ обнесенъ нашъ домъ съ экономіей и съ садомъ.

Вдругъ со двора разомъ открываются всѣ три ставни и насъ обдаетъ неизъяснимо яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Это и есть рѣшительная мѣра, въ которой прибѣгла Марта Федоровна, какъ къ крайнему средству. Мы щуримъ глаза, ворчимъ, но все же встаемъ и одѣваемся, потому что не можемъ противустоять солнцу. Оно такъ радостно волнуетъ и манитъ во дворъ, въ садъ, гдѣ уже на деревьяхъ появились почки, къ рѣкѣ.

Черезъ пять минутъ мы въ столовой. Какая скука! Почти пустой чай. Мы пьемъ его на-скоро и выбѣгаемъ во дворъ. Кучеръ Семень еще только выкатилъ изъ сарая экипажъ; значить, пока онъ выведетъ изъ конюшни лошадей и запряжетъ ихъ, мы успѣемъ побѣгать, подышать чуднымъ утреннимъ воздухомъ и погрѣться солнечнымъ лучемъ.

И мы бѣжимъ въ садъ.

II.

Человѣкъ, дѣлающій все какъ слѣдуетъ.

Ипполитъ Марковичъ ничего не дѣлаетъ. Если бы мы и всѣ остальные, не исключая даже и нашей матери, не знали, что единственная тому причина—его говѣнье, то это обстоятельство вызвало бы общее безпокойство. Это такъ трудно было представить себѣ: Ипполитъ ничего не дѣлаетъ! Въ такомъ случаѣ онъ что-нибудь замышляетъ, и такъ какъ его мы не любимъ, то замышляетъ что-нибудь вредное.

Этотъ человѣкъ всегда что-нибудь дѣлаетъ, и не просто, не такъ, какъ, напримѣръ, Марта Федоровна, которая сжилась съ домохозяйствомъ, и, если бы представить себѣ, что хозяйства вдругъ не стало и связка ключей, которую она

носить съ собой, сдѣлалась больше не нужной, то и она въ тотъ же мигъ перестала бы существовать. Все, что дѣлаетъ Ипполитъ, имѣетъ цѣлью не самое дѣло, а какъ бы только хорошій примѣръ для другихъ, менѣе совершенныхъ существъ.

Когда онъ въ своемъ кабинетѣ садится за столъ и, въ присутствіи управляющаго, провѣряетъ конторскія книги и исправляетъ итоги, онъ всѣмъ своимъ видомъ какъ бы говоритъ: „вотъ я вамъ покажу сейчасъ, какъ надо провѣрять конторскія книги. Не угодно ли вамъ посмотрѣть!“

Когда, въ горячую пору, онъ садится на лошадь и самолично объѣзжаетъ участки, гдѣ идетъ косьба и молотьба, и дѣлаетъ строгія, но въ то же время дѣльныя и спокойныя замѣчанія рабочимъ, то ясно, что онъ только хочетъ показать приказчикамъ идеаль, къ которому они должны стремиться.

Когда онъ, войдя въ церковь и, сперва остановившись у порога, трижды крестится, а затѣмъ чинно двигается впередъ, ступая ногами мягко и беззвучно, становится у клироса и молится, не оглядываясь по сторонамъ, не переминаясь съ ноги на ногу, ровно и твердо, а крестится и наклоняетъ то только голову, то верхнюю часть туловища не зря, не тогда, когда вздумается, а именно тогда, когда нужно, когда это соотвѣтствуетъ смыслу пѣснопѣній и молитвъ, то вся его фигура и осанка говорятъ: „смотрите, бѣдные люди, вотъ какъ надо молиться!“ „Вотъ какъ надо ѣсть!..“ — говорить его лицо, когда онъ садится за столъ во время завтрака или обѣда, искусно и красиво затыкая конецъ салфетки себѣ за воротъ. — „Вотъ какъ ѣдятъ супъ, такъ рыбу, такъ мясо, такъ птицу, такъ мороженое, а вотъ какъ пьютъ воду, мадеру, столовое вино, и совсѣмъ иначе пьютъ квасъ“.

Когда, послѣ обѣда, онъ сидитъ въ креслѣ или въ качалкѣ, положивъ одну ногу на другую и дымя прекрасной сигарой (онъ выкуриваетъ только одну въ сутки, послѣ обѣда), а мама въ это время сидитъ за роялемъ и играетъ какую-нибудь легкую салонную пьеску, то онъ представляетъ изъ себя ни болѣе, ни менѣе, какъ классическую фигуру чловѣка, слушающаго послѣ обѣда музыку съ сигарой во рту.

Наконецъ, даже когда онъ ложится спать и, протянувъ ноги, натягиваетъ на себя одѣяло, которое необыкновенно аккуратно облегаетъ его со всѣхъ сторонъ, и тутъ у него такой видъ, который говоритъ: „а спать надо вотъ какимъ манеромъ, и ни въ какомъ случаѣ не иначе“.

Счастливыи челоѡѡкъ, которыи все, рѣшительно все дѣлаетъ такъ, какъ слѣдуетъ. И такъ какъ въ цѣломъ домѣ больше никто не умѣетъ такъ дѣлать, потому что домъ населенъ несовершенными существами, склонными постоянно впадать въ ошибки и промахи, то между Ипполитомъ и всѣми остальными стоитъ пропасть. Къ нему всѣ относятся крайне почтительно, какъ только можно относиться къ совершенству, но когда кому-нибудь приходится остаться съ нимъ съ глазу на глазъ, то онъ начинаетъ чувствовать, будто на него надвигается со всѣхъ сторонъ какая-то громада, и это чувство затѣмъ переходитъ въ искреннее желаніе провалиться сквозь землю.

Когда мы съ Жоржикомъ бываемъ вблизи его, то инстинктивно начинаемъ застегивать наши куртки, оправлять панталоны и приглаживать волосы, чувствуя, что все это у насъ не такъ, какъ слѣдуетъ. И это вовсе не оттого, что онъ на насъ смотритъ холодно и сурово и иногда снисходить до того, что дѣлаетъ намъ замѣчанія. Нѣтъ, безъ всякихъ взглядовъ и замѣчаній, мы просто видимъ, что на немъ сюртукъ лежитъ удивительно, прическа его безукоризненна и самъ онъ держится образцово, а слѣдовательно у насъ все это какъ разъ наоборотъ, и мы чувствуемъ себя виноватыми. Челоѡѡкъ, въ присутствіи котораго всегда чувствуешь себя виноватымъ—не потому, чтобы ты былъ слишкомъ плохъ, а единственно потому, что онъ слишкомъ хорошъ,—этотъ челоѡѡкъ—Ипполитъ Марковичъ, котораго въ глаза мы называемъ папой, а за глаза Ипполитомъ. Въ дѣйствительности онъ нашъ отчимъ, мужъ нашей матери.

Ипполита мы знали давно. Еще когда былъ живъ нашъ больной отецъ, онъ къ намъ ѣздилъ часто. Онъ служилъ въ губернскомъ городѣ и очень хорошо служилъ. Объ этомъ мы узнали отъ нашей матери, которая, когда мы ни за что не хотѣли его признавать и все косились на него, говорила намъ: „Вы должны уважать его, дѣти, потому что онъ для васъ пожертвовалъ карьерой. Онъ сдѣлался вашимъ отцомъ единственно затѣмъ, чтобы поправить дѣла, которыя мы съ покойникомъ сильно запустили“.

И право, можно было подумать, что мама говорила правду. Когда, при жизни отца, Ипполитъ пріѣзжалъ къ намъ, то всегда сурово говорилъ о хозяйственныхъ дѣлахъ, которыя ведутся „не такъ, какъ слѣдуетъ“, и говорилъ съ такимъ участіемъ, какъ будто это были его собственныя дѣла. Когда

отецъ умеръ, онъ сталъ прїѣзжать чаще и уже давалъ опредѣленные совѣты и затѣмъ негодовалъ (въ весьма, впрочемъ, сдержанныхъ формахъ), когда они не исполнялись, отчего получался явный ущербъ.

— Вы разорите вашихъ мальчиковъ,—говорилъ онъ:— и они вамъ этого не простятъ.

Мать соглашалась съ нимъ, потому что онъ былъ кругомъ правъ, но ничего не могла подѣлать. Послѣ смерти отца она была такая растерянная, подавленная.

И вотъ, однажды, къ нашему изумленію, Ипполитъ сталъ нашимъ отцомъ. Онъ взялъ въ свои руки дѣла, и они пошли отлично. Матери нашей было тридцать лѣтъ, а ему за сорокъ. Должно быть, онъ любилъ ее давно, а она выбилась изъ силъ и, пугаясь перспективы разорить насъ и не быть прощенной нами за это, уступила.

Но мы были неблагодарны и ни за что не хотѣли признать Ипполита отцомъ, хотя надо сказать правду,—это ясно теперь, когда прошли тому десятки лѣтъ и Ипполита нѣтъ въ живыхъ,—онъ удивительно добросовѣстно оберегалъ наши интересы и въ самомъ дѣлѣ пожертвовалъ для насъ своей карьерой. Да, мы были неблагодарны, и тому виной была его наружность, которая всегда и всѣмъ докладывала, что онъ, и только онъ, все дѣлаетъ, какъ слѣдуетъ, и что каждое его движеніе, каждое слово, каждый поступокъ, есть образецъ того, какъ надо жить.

Звонъ уже прекратился и замеръ. Семень подаль экипажъ къ крыльцу. Насъ позвали изъ сада, гдѣ мы затѣяли, было, пресерьезную игру, которой намъ хватило бы часа на три, Марта Федоровна надѣла кружевной чепецъ съ длинными лентами, Ипполитъ ходитъ по двору, заложивъ руки за спину и дѣлаетъ видъ, что совсѣмъ не сердится. Онъ обращается къ Мартѣ Федоровнѣ:

— Попросите барыню поторопиться. Напомните барынѣ, что мы говѣемъ...

Въ голосѣ его звучитъ легкій оттѣнокъ горечи. Мы смотримъ на него и во всемъ его внѣшнемъ видѣ читаемъ: „Вотъ посмотрите на меня и вы поймете, что значить говѣть какъ слѣдуетъ. Надо, чтобы ни въ чемъ не было торопливости, чтобы движенія ваши были солидны и строги, чтобы костюмъ вашъ былъ скромный и приличенъ, а настроеніе духа ровное и спокойное. Все это у меня именно такъ и есть, какъ слѣдуетъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, Ипполитъ говѣетъ какъ слѣдуетъ. Онъ всталъ въ семь часовъ, молился ровно вдвое дольше, чѣмъ въ обыкновенное время, и затѣмъ, игнорируя письменный столъ, на которомъ въ удивительномъ порядкѣ лежали конторскіе счета, книги, контракты, вышелъ въ садъ и, глядя на востокъ, на гладкую поверхность рѣчки, на деревья, выбросившія почки, на рано прилетѣвшихъ и уже занявшихся ремонтомъ своихъ прошлогоднихъ гнѣздъ птицъ, на дальнія поля, покрывшіяся свѣжимъ зеленымъ ковромъ, онъ „созерцалъ Творца въ природѣ и размышлялъ о безконечномъ“. Въ столовую, не смотря на то, что тамъ стоялъ уже кипящій самоваръ, онъ вовсе не зашелъ. Онъ смотрѣлъ на дѣло такъ, что это только для слабыхъ духомъ. Онъ же, несомнѣнно человекъ сильный духомъ, долженъ изнурять свою плоть, заставивъ ее обойтись безъ чаю до полудня, когда въ церкви кончались часы. Кромѣ того, въ столовой обыкновенно ждали его прибывшія ночью газеты, которыя представляли много соблазна для мірскихъ мыслей. Этого тоже никакъ нельзя было дѣлать до окончанія часовъ. Да и послѣ часовъ онъ прочитаетъ телеграммы, офиціальныя отдѣлы, пожалуй, хронику, и пройдетъ мимо фельетона и другихъ легкомысленныхъ отдѣловъ.

Онъ одѣлся сегодня по постному. Не смотря на солидность, у него было необъяснимое пристрастіе къ свѣтлымъ клѣтчатымъ брюкамъ и вообще къ клѣткѣ. Но сегодня на немъ брюки темносѣрыя, сплошныя, и длинный черный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы.

Но что уже окончательно поражаетъ насъ съ Жоржикомъ, это то, что Ипполитъ сегодня не выбрился. Обыкновенно эту операцію онъ собственноручно производилъ каждое утро передъ умываніемъ. Онъ брилъ щеки, подбородокъ, усы и даже шею, и все это было у него синее, какъ ночное небо, когда нѣтъ луны. Свободно расти оставались только брови. Но вообще волосы у него на лицѣ обладали неудержимымъ стремленіемъ къ росту. Это мы видѣли изъ того, что невыбривые только сегодня, они уже настолько выглядывали изъ своихъ корней, что щеки и губы его напоминали низко скошенное жнитво. Если бы онъ не брился только мѣсяцъ, то навѣрно былъ бы усачемъ и бородачемъ. Мы съ Жоржикомъ всегда мечтали объ этомъ. Насъ ужасно интриговало посмотрѣть, каковъ былъ бы Ипполитъ съ бородой и усами.

И теперь уже Жоржикъ толкаетъ меня въ бокъ и шепчетъ на ухо:

— Не брился... Гляди. Пожалуй, бороду запустить...

— Нѣтъ, — тономъ безнадежности разочаровываю я его: — это только для говѣнья...

— А вдругъ?

— Нѣтъ, я знаю... Въ прошломъ году тоже самое было...

Нѣтъ, надежды Жоржика были неосновательны. Иполить, конечно, не думалъ запускать бороду. Онъ только хотѣлъ показать примѣръ, какъ слѣдуетъ небрежно относиться къ своей наружности въ то время, когда каешься въ грѣхахъ.

— А, вы готовы, наконецъ. Ну, поѣдемъ... Какой хороший солнечный день.

Это восклицаніе произноситъ Иполить по адресу нашей матери и семилѣтней сестренки, которую ведетъ за руку Марта Федоровна.

Мама шуршитъ чернымъ шелковымъ платьемъ, васильки дрожать у нея на шляпѣ. Она немножко побаивается Иполита, впрочемъ, не въ смыслѣ страха или подавленности его персоной, а въ смыслѣ нежеланія услышать отъ него указаніе на то, что только онъ одинъ въ данномъ случаѣ поступаетъ какъ слѣдуетъ, а всѣ остальные Богъ знаетъ какъ. Собственно этого всѣ боятся, но никто этого не понимаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, Иполить не строгъ, только немного холоденъ и сухъ, онъ никогда не кричитъ, не бранится, съ служащихъ почти никогда не взыскиваетъ; штрафовъ, на примѣръ, онъ совсѣмъ не признаетъ и на томъ основаніи, что „неисправность и нерадѣніе могутъ быть исправлены только искреннимъ желаніемъ быть исправнѣе и усерднѣе, а не лишеніемъ“. Почему же всѣ относятся къ нему опасно и стараются какъ можно меньше оставаться съ нимъ? Единственно потому, что онъ — совершенство. Ахъ, нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ чувствовать себя слабымъ въ присутствіи сильнаго, глупымъ въ присутствіи умнаго, порочнымъ въ присутствіи самой добродѣтели!

Сколько осторожности, такта, ума, однимъ словомъ, сколько этого „какъ слѣдуетъ“ было вложено въ восклицаніе, которымъ онъ встрѣтилъ мать и сестру. „А, вы готовы, наконецъ“. Вѣдь этого „наконецъ“ совершенно достаточно, чтобы мама поняла, что, опаздывая, она поступила „не какъ слѣдуетъ“. Между тѣмъ никакого замѣчанія, никакой нотации, онъ даже не сердится, хотя его заставили поль часа

ходить по двору, хотя церковный звонъ затихъ и, слѣдовательно, мы опоздаемъ въ церковь. Нѣтъ, онъ не сердится, онъ умѣренно-благодушенъ, въ доказательство чего прямо переходитъ къ природѣ.— „Какой хорошей солнечный день“. Духъ замираетъ въ присутствіи этого человѣка, который, не смотря на такіе соблазны выйти изъ себя, все-таки поступаетъ какъ слѣдуетъ.

Вотъ мы усѣлись и ѣдемъ. Главныя мѣста занимаютъ мама и Ипполитъ. Противъ нихъ сидятъ Марфа Федоровна и Жоржикъ, между ними занимаетъ очень маленькое мѣсто—тоненькая сестренка Дуся, а я помѣщаюсь на козлахъ рядомъ съ Семеномъ. Мы ѣдемъ сельской дорогой, мужики и бабы—первые въ широкихъ шароварахъ и всученныхъ въ нихъ вышитыхъ узорами рубашкахъ, вторыя просто въ бѣлыхъ рубашкахъ съ сильно открытыми плечами и цвѣтныхъ высоко подобранныхъ юбкахъ. И тѣ, и другія босикомъ, низко кланяются намъ и, вѣроятно, очень удивляются, что Ипполитъ, обыкновенно съ царственной важностью (такъ какъ онъ всегда озабоченъ мыслью о поддержаніи престижа) едва кивающей головой, теперь снимаетъ всѣмъ фуражку (въ воспоминаніе о своей карьерѣ, которой онъ пожертвовалъ ради насъ, онъ всегда носитъ фуражку съ кокардой) и низко кланяется. Жоржикъ при этомъ толкаетъ меня головой въ спину, заставляя этимъ оглянуться и посмотрѣть на примѣръ того, какъ, во время говѣнья, слѣдуетъ поступаться своимъ достоинствомъ.

Мы подъѣзжаемъ къ церкви. Она стоитъ надъ самой рѣкой, такъ что ея каменная ограда каждую весну, во время половодья, подтачивается водой и разваливается. Это самая старая постройка во всемъ селѣ, а можетъ быть, и во всемъ уѣздѣ. Красующійся на холмѣ, среди степи, недѣйствующій и, кажется, никогда не дѣйствовавшій маякъ, возведенный во время какой-то войны, видимо уступаетъ ей въ возрастѣ. Она построена въ формѣ круга, основныя стѣны ея изъ камня, а дальше все дерево, не исключая даже и купола. Дерево это сто разъ перегнивало, замѣнялось новымъ, и все-таки, когда на дворѣ идетъ хороший дождь, то онъ идетъ и въ церкви. Тутъ же въ оградѣ, на двухъ столбахъ, подпертыхъ колыями, подъ навѣсомъ болтаются пять колоколовъ, съ вѣчно развѣвающимися по вѣтру веревочными хвостами, привязанными къ языкамъ. Когда приходитъ время трезвонить, хромой церковный сторожъ, а по очень торжественнымъ

днямъ самъ пономарь, собираетъ эти веревочки, какъ бу-черь возжи отъ доброй тройки, въ обѣ руки и извлекаетъ изъ колоколовъ столько торжественности, сколько ему надо.

На площади, начиная у самой калитки, ведущей въ церковную ограду, въ два ряда расположились съ своей торговлей бабы. Торговля скромная и трезвая. Мягкіе, необыкновенно вкусные бублики, грушевый квасъ и раскрашенные праничные коники. Послѣдніе предназначаются специально для униманія малыхъ ребятъ, когда имъ вздумается поднятъ въ церкви ревъ. Тогда ихъ выносятъ, покупаютъ кониковъ, которыхъ идетъ на копейку пара, и прельщаютъ.

Бублики служатъ орудіемъ благотворительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма доступнымъ каждому смертному способомъ облегчить свои грѣхи. Въ церковной оградѣ множество нищихъ. Въ посту они покидаютъ свои малоходныя мѣста на большихъ дорогахъ, на улицахъ и перекресткахъ, а также прекращаютъ хожденіе по дворамъ, и всѣ сосредоточиваются въ томъ мѣстѣ, куда обыватели несутъ свои грѣхи за цѣлый годъ. Какъ тряпичникъ, отыскивающийъ въ грязи и навозѣ выброшенныя изношенныя и изломанныя вещи, извлекаетъ изъ этой негодной дряни средства для своего прокормленія, такъ эти несчастные дожидаются покааннаго времени, чтобъ заработать кое-что на человѣческихъ грѣхахъ; и тѣ, и другіе живутъ.

Грѣшники покупаютъ бублики и раздаютъ ихъ, а тѣ, кто наиболѣе чувствуютъ себя провинившимися передъ добродѣтелью, предлагаютъ имъ даже запивать бублики грушевымъ квасомъ.

Мнѣ и Жоржику страстно хочется и бубликовъ, и грушеваго квасу. Намъ кажется, что въ томъ и другомъ есть какая-то поэзія. Да и какъ же нѣтъ ея, когда надъ всѣмъ этимъ свѣтитъ яркое весеннее солнце, а лучи его, окунувшись въ тихихъ неподвижныхъ водахъ рѣки, превращаются въ золото, а воздухъ ясенъ, и свѣтъ весь насыщенъ тѣмъ удивительнымъ ароматомъ молодой весны, который наполняетъ грудь непобѣдимой жаждой жизни.

Но, разумѣется, мы проходимъ мимо и чинно направляемся въ церковь. Здѣсь мама съ Дусей проходятъ впередъ. Марта Федоровна ступевывается въ толпѣ бабъ, которыя занимаютъ лѣвую сторону церкви, мы съ Жоржикомъ тремся у стѣны неподалеку отъ двери, чтобы при удобномъ случаѣ войти въ ограду, а можетъ быть, пробраться и къ груше-

вому квасу; только Ипполитъ, въ качествѣ человѣка, входящаго въ церковь какъ слѣдуетъ, останавливается у двери и медленно крестится; потомъ идетъ направо, къ свѣчному столику, покупаетъ у старосты три свѣчи, подходитъ къ иконамъ и вставляетъ зажженныя свѣчи въ подсвѣчники и тогда уже занимаетъ свое мѣсто у клироса и простаиваетъ на этомъ мѣстѣ до конца службы, не оглянувшись и не перемѣнивъ позы. Мама смотритъ на него и чувствуетъ себя виноватой. Она думаетъ: „ахъ, какая я разсѣянная! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ надо было свѣчи купить. Вѣдь вотъ Ипполитъ всегда сдѣлаетъ то, что слѣдуетъ“.

Съ той минуты, какъ Ипполитъ вошелъ въ церковь и занялъ свое мѣсто, толпа, сама того не сознавая, подчинилась ему. Прежде всѣ крестились и били поклоны какъ-то въ разбродъ, теперь вся церковь крестится именно тогда, когда крестится Ипполитъ, и какъ только онъ опускается на колѣни и ударяетъ лбомъ, и всѣ остальные дѣлаютъ тоже. Это понятно: всякому очевидно, что онъ это дѣлаетъ именно тогда и именно такъ, какъ слѣдуетъ.

Молился Ипполитъ скромно. Онъ не проявляетъ экстаза, не бросается на колѣни неожиданно и отрывисто, а опускается мягко, чинно, почти граціозно; его губы не шепчутъ молитвъ, его молитва внутренняя, духовная. Это молитва человѣка, который знаетъ навѣрно, что онъ не совершилъ какихъ-нибудь значительныхъ грѣховъ и потому безъ особенныхъ усилій съ своей стороны можетъ рассчитывать на прощеніе, словомъ — человѣка, который прожилъ годъ какъ слѣдуетъ.

Мы съ Жоржикомъ находимъ въ Ипполитѣ только одно доброе качество, это то, что онъ въ продолженіи всей службы не оглядывается. Это даетъ намъ возможность довольно безгрѣшно провести время въ оградѣ, съѣсть бубликовъ и выпить по стакану грушеваго квасу. А къ концу службы мы появляемся въ церкви и принимаемъ правдоподобный видъ людей, не только отстоявшихъ службу, но и порядочно утомленныхъ этимъ. Марта Федоровна видитъ все это и понимаетъ, но такъ какъ она полагаетъ, что дѣти могли бы начать говѣнье съ четверга, то относится въ нашему преступленію снисходительно.

По окончаніи службы, проходя черезъ ограду къ экипажу, Ипполитъ привѣтливо обращается къ нищимъ и за-являетъ:

— Въ воскресенье приходите во дворъ. Васъ накормятъ! Ему низко кланяются и ловятъ его руки для поцѣлуевъ, но онъ прячетъ ихъ въ карманы и такимъ образомъ избѣгаетъ необходимости тотчасъ по приѣздѣ домой мыть руки карболовымъ мыломъ. Въ половинѣ перваго мы дома, въ столовой.

III.

Виноватая.

— Ахъ, Марточка, я просто не знаю, какъ мнѣ быть... Въ церкви будетъ такъ душно, а у меня всѣ легкія платья свѣтлыя... Вотъ что значить во время не подумать... Придется надѣть черное шелковое... А оно такое тяжелое.

Это говоритъ мама, обращаясь къ Мартѣ Федоровнѣ. Ея прекрасное слегка блѣдное, но безъ признаковъ болѣзненности, лицо дышитъ волненіемъ и тревогой. Она уже чувствуетъ за собой одинъ грѣхъ, состоящій въ томъ, что она встала не въ семь часовъ, какъ слѣдовало бы, чтобы безъ торопливости и своевременно поспѣть въ церковь, какъ и сдѣлалъ Ипполитъ, а въ половинѣ девятаго.

Мамѣ не везетъ, какъ она ни старается, никакъ не можетъ приспособить себя къ тому, чтобы все дѣлать въ-время и какъ слѣдуетъ. Она немножко избалована, это такъ, главное, у нея нѣтъ принциповъ, по крайней мѣрѣ, такихъ твердыхъ, какъ у Ипполита. Не потому ли мы съ Жоржикомъ и находимъ, что она очаровательная прелесть и любимъ ее до потери разсудка? Вѣдь она полная противоположность Ипполиту, а онъ намъ не нравится.

Марта Федоровна сочувствуетъ ей... Она, конечно, не видитъ никакого грѣха въ томъ, если бы мама поѣхала въ церковь въ свѣтломъ платьѣ, напротивъ, это ей было бы гораздо больше къ лицу. Но она знаетъ, что Ипполитъ безмолвно такъ покосился бы на это платье, что оно стало бы жечь бѣдную женщину. И потому она совѣтуетъ надѣть черное.

— Не такъ ужъ тепло нынче...—отвѣчаетъ она, очень хорошо зная, что говоритъ неправду:—весеннее тепло, знаете, обманчиво, его надо остерегаться... того и гляди, гриппъ схватишь...

Когда этотъ вопросъ уладился и мама рѣшила пожертвовать собой ради принципа, начинается цѣлый рядъ самыхъ непростительныхъ уклоненій отъ другихъ принциповъ. И такъ

какъ мама все время чувствуетъ, что все это не такъ, какъ слѣдуетъ, то тревожное волненіе ни на минуту не покидаетъ ее.

Она позволяетъ Мартѣ Федоровнѣ оставить наши ставни закрытыми еще на полчаса, хотя знаетъ, что насъ пора будить. Она разрѣшаетъ поставить въ столовой на столѣ, по крайней мѣрѣ, худосочныя печенья, хотя ей извѣстно, что мы, какъ говѣльщицы, должны предъ службой ограничиться однимъ только чаемъ. Она окончательно нарушаетъ всѣ принципы, не запрещая Мартѣ Федоровнѣ напоить Дусю молокомъ.

— Она малютка, она не можетъ...—говоритъ Марта Федоровна, а мама только качаетъ головой и не хватаетъ у ней силы возразить что-нибудь. И видитъ она, что на глазахъ у нея совершается преступленіе, и допускаетъ.

Но вотъ Марта Федоровна тащитъ подносикъ, на которомъ дребезжитъ чашка съ блюдцемъ, а въ чашкѣ кофе—черный, конечно, и тутъ же на тарелкѣ два тоненькихъ сухарика.

Мама большими глазами, молча, выражаетъ мысль, что это ужъ совершенно невозможно, а Марта Федоровна все-таки ставитъ передъ нею подносъ и говоритъ:

— Это для крѣпости нервовъ... Единственно для крѣпости...

Мама протягиваетъ руку въ чашкѣ и пьетъ кофе, потому что у нея давно уже „сосетъ подъ сердцемъ“, и вотъ, по мѣрѣ того, какъ напитокъ въ чашкѣ уменьшается, на душѣ у нея все растетъ и растетъ грѣхъ, и она его чувствуетъ такъ, какъ будто бы это былъ камень. Такимъ образомъ, все утро у нея проходитъ въ грѣхахъ, каждую минуту она сознаетъ себя грѣшницей, а въ особенности начинаетъ явственно ощущать это, когда выходитъ во дворъ, ведя за ручку Дусю, и садится въ экипажъ рядомъ съ Ипполитомъ. Отъ него такъ и вѣетъ сознаниемъ, что онъ во всемъ, рѣшительно во всемъ поступилъ точно такъ, какъ слѣдуетъ, не нарушилъ ни одного принципа, и если вается и собирается молиться о прощеніи грѣховъ, то развѣ для того, чтобы показать хорошій примѣръ другимъ.

И вотъ почему она всю службу стоитъ на колѣняхъ и съ такой безконечной мольбой устремляетъ взоры на образъ Богоматери. Вѣдь она не только сегодня, а всю жизнь чувствуетъ себя виноватой.

Когда она, еще будучи дѣвушкой, полюбила нашего отца, всѣ говорили ей:

— Что ты дѣлаешь? Вѣдь онъ больной, вѣдь онъ не про-

живеть и пяти лѣтъ... Ты выходишь замужъ, чтобы сдѣлаться вдовой.

— Но я люблю его,—отвѣчала на все это она, въ глубокой увѣренности, что для всѣхъ это таковой же вѣрный доводъ, какъ и для нея.

Но ее продолжали убѣждать: мужа надо выбирать на всю жизнь. Онъ будетъ держать въ рукахъ всѣ дѣла, онъ будетъ отцомъ дѣтей. А больной человѣкъ дастъ ей только огорченіе. Въ домѣ будутъ царить тоска и скука, она превратится въ сидѣлку... Что это за жизнь? Когда это случается неожиданно, что заболѣваетъ мужъ или жена, то это несчастье, его надо сносить терпѣливо. Но сознательно идти на это, имѣя возможность устроить свою жизнь вполне счастливо, это—безуміе. Вѣдь она наслѣдница огромнаго имѣнія, кромѣ того, она красавица, у нее жениховъ сколько угодно...

А она никакъ не могла понять этого и отвѣчала:

— Но какъ же, если я люблю его?..

Она вышла за любимаго человѣка и этимъ провинилась передъ всѣми. Потому виноватость ея нашла себѣ новыя приложенія. Отецъ, прикованный къ постели, лишенный общества, движенія, неба, становился все болѣе и болѣе раздражительнымъ. Добро и зло одинаково докучали ему, и мама, выбивавшаяся изъ силъ, стараясь угодить ему, смягчить его муки, постоянно восселицала:

— Ахъ, я такая глупая, ничего не умѣю толкомъ сдѣлать, все у меня не такъ выходитъ, какъ надо... Ужъ чего проще—ухаживать за больнымъ, а я и этого не умѣю...

И когда отецъ стоналъ, она вполне искренно считала себя виноватой въ его мукахъ. Исполить, пріѣзжавшій тогда къ намъ въ качествѣ гостя и друга, говорилъ ей:

— Это оттого, что вы неспокойны. У васъ одна тревога въ лицѣ. Чтобы успокаивать больного, надо прежде самому быть спокойнымъ.

Она отъ этого еще болѣе волновалась. И вѣдь Исполить былъ правъ. Въ ея сердцѣ было такъ много сочувствія страдавшему больному, что каждый его стонъ вызывалъ на лицѣ ея выраженіе муки. Она страдала такъ же, какъ и онъ.

— Ну, что, какъ тебѣ? Хуже?—спрашивала она, и голосъ ея дрожалъ, а въ глазахъ стояли слезы. На больного это производило потрясающее дѣйствіе, а она начинала считать себя еще болѣе виноватой.

Исполить былъ правъ и умѣлъ доказать это. Съ отцомъ

*

онъ былъ въ прекрасныхъ дружескихъ отношеніяхъ и пользовался его довѣріемъ. Онъ входилъ къ нему въ то время, какъ тотъ былъ раздраженъ какими-нибудь пустяками, которымъ придавалъ широкое значеніе, здоровался и начиналъ самымъ простымъ тономъ рассказывать разныя событія изъ городской жизни.

— Можете себѣ представить, какая у насъ исторія вышла съ губернаторской племянницей.

Отецъ, еще погруженный въ свое нервное раздраженіе, отвѣчалъ ему стопами, но Ипполитъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ свой рассказъ, какъ будто и понятія не имѣлъ о его болѣзни. Это была цѣлая исторія, въ которой фигурировалъ чиновникъ контрольной палаты и пѣхотный офицеръ, спорившіе за обладаніе губернаторской племянницей и дравшіеся даже ради этого предмета на дуэли.

Отецъ вслушивался, интересовывался, забывалъ о своихъ боляхъ, смѣялся и весело спрашивалъ:

— Ну, а что же губернаторъ?

Ипполитъ объяснялъ и переходилъ къ другимъ губернскимъ исторіямъ. Когда мама входила въ комнату, то заставляла ихъ въ веселой бесѣдѣ, отецъ былъ оживленъ и благодушно настроенъ, и она съ умиленіемъ смотрѣла на Ипполита: „Какъ онъ все умѣетъ хорошо дѣлать... Это какой-то особенный даръ“. И, конечно, тотчасъ же начинала чувствовать себя виноватой, что она этого не умѣетъ.

Потомъ—плохое веденіе дѣлъ, благодаря тому, что она вся была поглощена болѣзнию любимаго человѣка, да и мало понимала въ дѣлахъ, и это постоянное напоминаніе Ипполита о томъ, что она раззорить дѣтей и что они этого ей никогда не простятъ... Но никогда она не чувствовала себя виноватой до такой степени, какъ въ тотъ моментъ, когда согласилась сдѣлаться женой Ипполита. Тутъ все было какъ разъ наоборотъ: вся родня въ одинъ голосъ стояла за Ипполита.

— Это единственный человѣкъ, который можетъ привести твои дѣла въ порядокъ. Притомъ же онъ такъ къ тебѣ привязанъ и такъ безусловно честенъ. Да, если ты сдѣлала въ своей жизни одну ошибку, то это—единственный случай поправить ее, пока не поздно...

А дѣла, въ самомъ дѣлѣ, шли изъ рукъ вонъ плохо. Ее обкрадывали, обсчитывали, всѣ были разстроены, всѣ считали себя хозяевами, никто ничего не хотѣлъ дѣлать. Надъ головою ея висѣла грозная туча раззоренія, „котораго никогда

не простать ей дѣти“. У нея опустились руки, и она согласилась.

Она очень уважала Ипполита и знала, что онъ не только поправить дѣла, но такъ же не испортить ея жизни, но она считала себя глубоко виноватой передъ памятью нашего покойнаго отца, чего, впрочемъ, никогда никому не говорила. Но отъ этого ей было только тяжелѣе.

И вотъ они живутъ вмѣстѣ и дѣлаютъ всѣ интересы, онъ — импонирующий и давящій всѣхъ своимъ совершенствомъ, своимъ неизмѣннымъ дѣланіемъ всего „какъ слѣдуетъ“, и она — слабая вѣчнымъ сознаниемъ своей виновности каждую минуту и передъ всѣми, и живутъ дружно и мирно, она, немного побавляясь его безупречности, но глубоко уважая его, а онъ, въ глубинѣ души безумно влюбленный въ нее, но, въ силу своихъ принциповъ, проявляющій чувство сдержанно, за то окружающій ее заботой и весь безкорыстно отдавшійся ея дѣламъ и интересамъ ея дѣтей, т. е. нашимъ.

Онъ удивительно вліяетъ на нее. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ двухъ людей, одинъ изъ которыхъ такъ невольно подчинился бы другому. Безъ всякихъ усилій ее, прежде довольно легко относившуюся къ обрядамъ религіи, онъ сдѣлалъ щепетильной въ этомъ отношеніи. Ужъ она весь постъ питается рыбой и грибами, а на масляницѣ добросовѣстно ѣстъ молочное, брезгливо отворачиваясь отъ мяса. Правда, это дѣлается съ милой ребяческой миной и, кажется, больше забавляетъ и развлекаетъ ее, чѣмъ даетъ шансы на спасеніе души, но, все-таки, она это дѣлаетъ единственно потому, что онъ здѣсь присутствуетъ, хотя онъ никогда не сдѣлалъ ей замѣчанія на этотъ счетъ.

Нерѣдко, когда мы черезчуръ разрѣзвимся, она останавливаетъ насъ замѣчаніемъ, хотя въ глубинѣ души не видитъ ничего дурного въ нашей рѣзвости. Можно подумать, что она это дѣлаетъ, какъ бы въ благодарность ему за то, что онъ ради насъ, т. е. нашихъ дѣлъ, пожертвовалъ своей карьерой.

За завтракомъ мы съ Жорживомъ корчимъ гримасы надъ тѣмъ, что стоитъ на столѣ. А на столѣ стоятъ ужасныя вещи: въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ Ипполитъ, т. е. по правую руку мамы, — полкочна капуста, два соленыхъ огурца и десятокъ маслинъ и одинъ свѣжій помидоръ. Тутъ же судокъ съ уксусомъ и прованскимъ масломъ и на блюдцѣ два стебелька свѣжаго зеленого лука, который поторопили вырости специально для этого случая.

Ипполитъ не любилъ, чтобы ему приготовляли это постное кушанье, потому что никто не умѣетъ приготовить его какъ слѣдуетъ, и онъ самъ кладетъ на тарелку изрядный кусокъ капусты, нарѣзываетъ кусками огурцы, вынимаетъ маслины, четвертуетъ помидоръ и присоединяетъ его къ предыдущимъ продуктамъ, и все это присыпаетъ мелко нарѣзаннымъ свѣжимъ лукомъ и перцемъ, а затѣмъ обливаетъ уксусомъ и масломъ. Затѣмъ онъ наливаетъ себѣ полстакана столоваго вина, а не водки, которую по привычкѣ ставили на столъ, хотя по причинѣ многолѣтней привычки, ему очень хочется выпить рюмку. Разрѣзавъ капусту, искусно смѣшавъ все, онъ начинаетъ ѣсть медленно, основательно и поучительно. Аппетитъ у него превосходный. Онъ съѣдаетъ всю капусту и всѣ дополнительные къ ней продукты, и въ это время рассказываетъ какой-то историческій анекдотъ, кажется, о Суворовѣ. Ибо постомъ болѣе приличествуетъ бесѣда историческая, такъ какъ современная жизнь можетъ возбудить грѣховныя мысли, исторія же никого не касается.

Но мы съ Жорживомъ плохо слушаемъ его рассказъ. Прежде всего насъ изумляетъ, что Дуся, которая сидитъ рядомъ съ мамой, совсѣмъ отказывается отъ пищи. Но Жоржикъ съ свойственной его уму быстротой, тотчасъ находитъ объясненіе и, толкая меня въ бокъ, шепчетъ на ухо:

— Дуська наѣлась простокваши... Посмотри въ глаза Марты Федоровны, тамъ написано...

Я смотрю въ глаза Марты Федоровны и явственно читаю въ нихъ, что Дуся наѣлась простокваши. Я даже знаю, какъ это было. Марта Федоровна, желая избавить маму отъ лишняго случая почувствовать себя виноватой, тотчасъ, какъ только мы пріѣхали изъ церкви, затащила Дусю въ свою кануру и накормила ее простоквашей. Дуся ѣла поспѣшно и молча, она до страсти любила это кушанье; Марта Федоровна въ это время переодѣвалась изъ параднаго чепчика въ будничный. Отличіе состояло въ менѣ длинныхъ лентахъ и въ болѣе дешевыхъ кружевцахъ. Мама тоже ни о чемъ не спрашивала, и когда Дуся явилась къ ней минутъ черезъ пять, облизываясь, какъ вкусно поѣвшая кошечка, она сдѣлала видъ, что ничего не видитъ, хотя отлично знала все. Такимъ образомъ, грѣхъ былъ совершенъ молчаливо, и всѣ участники, не исключая и Дуси, знали, что совершаютъ грѣхъ и что нужно молчать.

А къ нашимъ услугамъ ненавистная рисовая котлетка,

облитая еще болѣе ненавистнымъ грибнымъ соусомъ, маслины и вареный картофель. Мы голодны и потому ѣдимъ, чувствуя непримиримую вражду къ Ипполиту, который въ сущности блаженствуетъ, истребляя свое мѣсиво. Онъ хитрый, вѣдь это его любимое кушанье.

Послѣ завтрака оказывается, что, не смотря на покаянье и постъ, у насъ назначены уроки съ Иваномъ Арсентьевичемъ. Въ нашей комнатѣ поставили черную доску и положили мѣлъ. Иванъ Арсентьевичъ, который живетъ въ отдѣльномъ домикѣ въ саду и обладаетъ драгоценнымъ правомъ завтракать и обѣдать отдѣльно (счастливецъ, онъ теперь ѣстъ блины, мы это знаемъ навѣрно), за исключеніемъ воскресній, когда онъ обязанъ сидѣть у насъ въ столовой, — не торопится. Онъ сидитъ на берегу рѣчки, на большомъ камнѣ и смотритъ, какъ въ прозрачной водѣ плаваютъ маленькія рыбки всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ. Его рыжая симпатичная борода вмѣстѣ съ широкимъ мужицкимъ лицомъ отражается въ водѣ.

Мы бѣжимъ къ нему; онъ комически смотритъ на насъ и спрашиваетъ:

— Ну, что, хлопцы? Наѣлись грибовъ?

— Фи, — гадливо отвѣчаетъ Жоржикъ, — не напоминайте, Иванъ Арсентьевичъ... Небойсь, у васъ были блины?

— Боже сохрани... Что вы, Жоржикъ? развѣ можно? — съ ужасомъ восклицаетъ Иванъ Арсентьевичъ. — Экія вы страсти говорите... Но въ его глазахъ столько хитрости, столько скрытаго смѣха; что для насъ уже не подлежитъ сомнѣнію: у него былъ битокъ.

Черезъ четверть часа мы за класснымъ столомъ. Впрочемъ, мы никогда не скучали во время урока. Иванъ Арсентьевичъ умѣлъ быть интереснымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЯ СЕСТРА ГЕНРИЕТТА.

Переводъ А. Н. Анненской.

Помѣщаемыя нами въ переводѣ «Воспоминанія Ренана о сестрѣ его Генриеттѣ» изданы были первоначально въ 1862 г., отдѣльной брошюрой всего въ ста экземплярахъ, и предназначались исключительно для друзей покойной. Въ предисловіи къ своимъ «Воспоминаніямъ дѣтства и юности» Ренанъ объясняетъ, почему издалъ брошюру въ такомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ: «Сестра была такъ скромна,—говоритъ онъ,—она питала такое отвращеніе къ шумному свѣту, что я боялся ея упрековъ изъ могилы, если я допущу распространеніе этихъ страницъ въ публикѣ. Я не долженъ подвергать священную для меня память суровымъ приговорамъ, которые вправѣ произносить люди, приобретающіе книгу покупкою. Мнѣ казалось, что, включивъ эти страницы въ книгу, назначенную для продажи, я поступилъ такъ же дурно, какъ если бы выставилъ ея портретъ въ гостинницѣ. Эта брошюра будетъ перепечатана только послѣ моей смерти». Въ своемъ духовномъ завѣщаніи въ 1888 г. Ренанъ повторилъ, что разрѣшаетъ перепечатать брошюру, и поручилъ это женѣ своей. Изданіе, съ котораго дѣлается настоящій переводъ, просмотрѣно г-жею Корнелией Ренанъ.

Ред.

Память, оставляемая по себѣ людьми, есть лишь слабый слѣдъ той борозды, которую жизнь каждаго изъ насъ оставляетъ на лонѣ безконечнаго. Но все-таки память эта не лишена значенія. Сознаніе человѣчества есть высочайшее извѣстное намъ отраженіе всеобщаго мірового сознанія. Уваженіе одного человѣка является частью абсолютной справедливости. Прекрасная жизнь не нуждается ни въ чьей памяти, кромѣ памяти Бога, а между тѣмъ. люди всегда старались запечатлѣть ея образъ. Съ моей стороны было бы преступленіемъ не отдать этого долга сестрѣ моей Ген-

риеттѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ одному извѣстны были всѣ сокровища этой избранной души. Ея робость, ея скромность, ея твердое убѣжденіе, что женщина должна вести замкнутую жизнь— все это набрасывало на ея рѣдкія достоинства покрывало, которое немногимъ удалось приподнять. Вся ея жизнь была рядомъ самоотверженныхъ поступковъ, остававшихся въ безвѣстности. Я не выдамъ ея тайны; эти страницы написаны не для публики и не увидятъ свѣта. Но тѣ немногіе, кому она открывала свою душу, упрекнуть меня, если я не постараюсь привести въ порядокъ все, что можетъ послужить къ дополненію ихъ воспоминаній.

I.

Сестра моя Генриетта родилась въ Трегье, 22 іюля 1811 г. Съ раннихъ лѣтъ облака печали омрачили жизнь ея, съ раннихъ лѣтъ принуждена она была подчиняться суровому долгу. Никогда не знала она другихъ радостей, кромѣ тѣхъ, что даютъ добродѣтель и сердечная привязанность.

Она унаслѣдовала отъ отца меланхолическій темпераментъ, не находила удовольствія въ пошлыхъ развлеченіяхъ, охотно удалялась отъ свѣта и его радостей. Она ни одной чергой не походила на мать, которая сохранила живость, веселость, остроуміе до самой своей старости, бодрой, прекрасной старости. Ея религиозное чувство, сначала замкнутое въ формулы католичества, всегда отличалось необыкновенной глубиной. Трегье, тотъ маленькій городокъ, гдѣ мы родились, былъ въ прежнее время епископальнымъ городомъ и до сихъ поръ половъ поэтическихъ впечатлѣній. По происхожденію, это одно изъ большихъ монастырскихъ поселеній, въ родѣ тѣхъ, которыя бретонскіе эмигранты VI столѣтія основывали въ Галіи и Ирландіи. Основателемъ его былъ аббатъ Туаль или Тугдуаль. Когда, въ IX вѣкѣ Номеное, желая создать бретонскую національность, превратилъ въ епископства всѣ эти большіе монастыри сѣвернаго берега, Пабу-Туаль или монастырь св. Туаль подвергся такому же превращенію. Въ XVI и XVII вѣкѣ Трегье былъ значительнымъ клерикальнымъ центромъ и пунктомъ, куда съѣзжалась мѣстная мелкая аристократія. Во время революціи епископство было уничтожено; но, по возстановленіи католическаго богослуженія, городъ, благодаря своимъ огромнымъ древнимъ постройкамъ, снова сдѣлался духовнымъ центромъ, городомъ монастырей и религиозныхъ учреждений. Буржуазная жизнь слабо развита въ немъ. Улицы, за исключеніемъ одной или двухъ, представляютъ длинныя пустынные аллеи, окаймленные высокими стѣнами монастырей или садами, окружающими старые дома канони-

ковъ. Всюду проглядываетъ общій оттѣнокъ аристократизма, придающій этому бѣдному мертвому городу прелесть, которой лишены богѣ живые и богатые города буржуазіи, развившіеся въ другихъ частяхъ страны.

Въ особенности соборъ, красивое зданіе XIV вѣка, съ своимъ высокимъ корпусомъ, своей замѣчательно смѣлой архитектурой, своей хорошенькой колокольней, возносящейся къ небу, своей старой романской башнею, остаткомъ богѣ древняго зданія, казалось, созданъ былъ, чтобы питать возвышенныя идеи. Вечеромъ его долго оставляли открытымъ для благочестивыхъ богомольцевъ; освѣщенный одной лампадой, наполненный сырой и теплой атмосферой, составляющей особенность старыхъ зданій, огромный пустой храмъ, казалось, скрывалъ нѣчто безконечное и страшное.

Ко многимъ мѣстностямъ въ окрестностяхъ города приурочивались красивыя или странныя легенды. За четверть лье отъ города находится часовня, выстроенная на мѣстѣ рожденія добраго адвоката, св. Ива, патрона бретонцевъ, являющагося въ народномъ повѣртіи защитникомъ слабыхъ, великимъ восстановителемъ нарушенныхъ правъ; подлѣ нея на высокомъ холмѣ стояла церковь св. Михаила, разрушенная грозой. Насъ водили туда каждый годъ въ четвергъ на страстной. Народъ вѣритъ, что въ этотъ день, пока благовѣсть въ церквахъ прекращается, всѣ колокола отправляются въ Римъ просить благословенія папы. Чтобы видѣть ихъ, надобно войти на холмъ, покрытый развалинами, и закрыть глаза; тогда можно замѣтить, какъ они двигаются по воздуху слегка наклонясь, а сзади, облекая ихъ мягкими складками, развѣваются ихъ кружевныя покрывала, тѣ самыя, которыя были на нихъ въ день ихъ крещенія. Дальше, въ прелестной долигѣ, возвышается маленькая капелла Пяти Ранъ Господнихъ; на противоположномъ берегу рѣки, около древняго священнаго источника, церковь Богородицы, куда стекается множество паломниковъ.

Сильная склонность къ замкнутой жизни развилась у сестры подъ вліяніемъ дѣтства, проведеннаго въ этой средѣ, исполненной поэзіи и тихой грусти. Нѣсколько старыхъ монахинь, изгнанныхъ изъ монастыря революціей и ставшихъ школьными учительницами, научили ее читать и произносить псалмы по латыни. Она выучила наизусть все, что поется въ церкви; позднѣе, стараясь понять эти древнія слова молитвъ, она сравнивала ихъ съ французскими и итальянскими и такимъ образомъ пріобрѣла значительныя познанія въ латинскомъ языкѣ, хотя никогда не изучала его систематически. Образованіе ея осталось бы весьма неполнымъ, если бы счастье не послало ей замѣчательно хорошую учительницу, подоб-

ной которой не бывало въ нашихъ мѣстахъ. Аристократическія семьи Трегье возвратились изъ эмиграціи совершенно раззоренными.

Барышня, принадлежавшая къ одной изъ этихъ семей, получившая образованіе въ Англіи, начала заниматься уроками. Это была особа, отличавшаяся благородствомъ вкуса и манеръ; она имѣла громадное вліяніе на сестру и оставила послѣ себя неизгладимое воспоминаніе.

Сестрѣ пришлось очень рано сдѣлаться свидѣтельницей семейныхъ несчастій, и это усилило ея прирожденную наклонность къ сосредоточенности. Напѣ дѣдъ съ отцовской стороны принадлежалъ къ чему-то въ родѣ клана моряковъ и крестьянъ, населяющихъ всю мѣстность около Гоёло. Онъ нажилъ себѣ небольшой капиталецъ своею баркой и поселился въ Трегье. Отецъ служилъ во флотѣ республики. Послѣ бѣдствій, поразившихъ нашъ флотъ въ то время, онъ сталъ командовать судами, какъ частный человекъ, и мало-по-малу завелъ довольно значительную торговлю. Это было большою ошибкой. Совершенно неспособный къ дѣламъ, простодушный и неразсчетливый, постоянно стѣсняемый тою застѣнчивостью, которая дѣлаетъ изъ моряка настоящаго ребенка въ практической жизни, онъ видѣлъ, какъ маленькое состояніе, унаследованное имъ отъ родителей, быстро исчезаетъ въ безднѣ, глубину которой онъ не могъ измѣрить. Событія 1815 г. вызвали нѣсколько коммерческихъ кризисовъ, гибельныхъ для его дѣла. Слабый и сантимантальный по природѣ, онъ не умѣлъ выносить испытаній; жизнь казалась ему все болѣе и болѣе тяжелымъ бременемъ. Сестра изо дня въ день была свидѣтельницей того, какъ тревоги и несчастія опустошали эту кроткую и добрую душу, случайно увлекшуюся несвойственнымъ ей дѣломъ. Это тяжелое зрѣлище способствовало ея преждевременному развитію. Въ 12 лѣтъ это была серьезная дѣвушка, уставшая отъ заботъ, подавленная важными мыслями и мрачными предчувствіями.

По возвращеніи изъ одного продолжительнаго путешествія по холоднымъ и печальнымъ морямъ, отцу блеснулъ послѣдній лучъ радости: я родился въ февралѣ 1823 г. Появленіе на свѣтъ маленькаго братца было великимъ утѣшеніемъ для сестры. Она привязалась ко мнѣ со всею силою робкаго и нѣжнаго сердца, чувствующаго потребность любить. Я до сихъ поръ помню, какъ депотически обращался я съ нею, и какъ она никогда не сопротивлялась моему тиранству. Когда она, бывало, наряжалась, собираясь идти въ гости къ подругамъ, я цѣплялся за ея платье и умолялъ ее не уходить; она возвращалась, снимала праздничный нарядъ и

оставалась со мной. Одинъ разъ она шутя сказала, что умереть, если я не буду умникомъ; она дѣйствительно упала въ кресло и притворилась мертвою. Ужась, какой мнѣ причинила притворная неподвижность моей дорогой подруги, былъ, можетъ быть, самымъ сильнымъ ощущеніемъ, испытаннымъ мною когда-либо, такъ какъ судьба не дозволила мнѣ присутствовать при ея послѣднемъ вздохѣ. Виѣ себя я бросился къ ней и страшно укусилъ ее за руку. Она вскрикнула, и этотъ крикъ до сихъ поръ стоитъ въ ушахъ моихъ. Меня начали бранить, но на всѣ упреки я могъ возразить только одно: «Зачѣмъ же ты умерла? Неужели ты опять умрешь?»

Въ іюлѣ 1828 г. несчастія нашего отца привели къ ужасной катастрофѣ. Его судно, возвращаясь изъ Сенъ-Мало, пришло въ Трегье безъ него. Люди экипажа отвѣчали на всѣ разспросы, что не видали его уже нѣсколько дней. Цѣлый мѣсяцъ мать разыскивала его въ страшной тревогѣ; наконецъ, она узнала, что какой-то трупъ найденъ на берегу въ Эрки, деревнѣ, лежащей между Санъ-Бріенъ и мысомъ Фрегель. Дознаніе установило, что это былъ трупъ отца нашего. Какая была причина его смерти? Паль ли онъ жертвой какой-нибудь несчастной случайности, столь обычной въ жизни моряковъ? Забылся ли онъ въ мечтахъ о безконечномъ, въ тѣхъ мечтахъ, которыя у людей бретонской расы граничатъ со сномъ безъ пробужденія? Думалъ ли онъ, что заслужилъ отдыхъ? Можетъ быть, онъ находилъ, что боролся достаточно, и вотъ онъ сѣлъ на скалу и сказалъ: «Это будетъ тотъ камень, на которомъ я вкушу вѣчный покой; здѣсь я отдохну, я избралъ его?» Мы ничего не узнали. Его зарыли въ песокъ и волны морскія два раза въ сутки подходятъ къ нему; я до сихъ поръ еще не могъ поставить на этомъ мѣстѣ каменную плиту, которая бы сказала прохожему, чѣмъ я обязанъ покоящемуся подъ ней. Горе сестры было очень глубоко. Она походила характеромъ на отца и нѣжно любила его. Она не могла говорить о немъ безъ слезъ. Она была убѣждена, что его многострадальная душа всегда оставалась чистою и праведною въ глазахъ Божіихъ.

II.

Начиная съ этого времени намъ пришлось жить въ бѣдности. Братъ, которому только-что исполнилось 19 лѣтъ, уѣхалъ въ Парижъ и началъ жизнь полную труда, до конца не получившаго должнаго вознагражденія. Мы оставили Трегье, жизнь въ которомъ соединялась для насъ съ печальными воспоминаніями и переселились въ Ланніонъ, гдѣ жили родные матери. Сестрѣ было 17 лѣтъ. Ея религіозное чувство было по прежнему очень живо,

и она не разъ серьезно останавливалась на мысли принять монашество. Въ зимніе вечера она часто водила меня въ церковь, укрывъ своимъ плащемъ; мнѣ было очень пріятно ступать по снѣгу, закутаннымъ со всѣхъ сторонъ. Если бы не я, она навѣрно поступила бы въ монастырь; ея образованіе, ея благочестивыя наклонности, недостаточность денежныхъ средствъ и мѣстные обычаи—все, повидимому, склоняло ее къ этому. Ее въ особенности привлекалъ монастырь св. Анны въ Ланнионѣ, гдѣ сестры занимались не только воспитаніемъ дѣвицъ, но и уходомъ за больными. Увы, можетъ быть, если бы она послѣдовала влеченію своего сердца, ея жизнь протекла бы гораздо спокойнѣе! Но, несмотря на религіозныя предрасудки, которые она еще раздѣляла, она была слишкомъ доброю дочерью и слишкомъ нѣжною сестрою, чтобы предпочесть собственный покой исполненію обязанностей. Она рѣшила, что на ней лежитъ вся отвѣтственность за мою будущность. Она замѣтила какъ-то, что я стѣсняюсь въ движеніяхъ, и увидѣла, что я робко стараюсь скрыть недостатки своего сильно поношеннаго платья. Она заплакала; сердце ея сжалось при видѣ жалкаго ребенка, которому суждено было переносить бѣдность, несмотря на прстивоположныя инстинкты, заложенные въ него природой. Она рѣшила вступить въ ряды борющихся за существованіе, и поставила себѣ задачей заполнить ту бездну, которую несчастія отца открыли передъ нами.

Посредствомъ женскихъ рукодѣлій молодая дѣвушка не могла достигнуть этой цѣли. Она взялась за другое дѣло, самое непріятное изъ всѣхъ. Рѣшено было, что мы возвратимся въ Трегье и что она сдѣлается тамъ учительницей. Изъ всѣхъ отраслей труда, какія можетъ избрать хорошо воспитанная, бѣдная дѣвушка, воспитаніе дѣвочекъ въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, безспорно, требуетъ наибольшей силы воли. Это были первые годы послѣ революціи 1830 г. Для глухихъ провинцій, въ родѣ нашей, настало время тяжелаго кризиса. При реставраціи, дворянство, чувствуя, что права его признаются, открыто приняло участіе въ общемъ движеніи. Теперь, считая себя обиженнымъ, оно мстило тѣмъ, что замкнулось въ свой тѣсный кругъ, а это вредно отражалось на всемъ развитіи общества. Всѣ легитимистскія семьи преднамѣренно поручали воспитаніе своихъ дѣтей исключительно религіознымъ общинамъ. Буржуазныя семьи, чтобы не отстать отъ моды и подражать аристократіи, дѣлали тоже самое. Благодаря своей деликатности, серьезности своего характера и своему солидному образованію, сестра не въ состояніи была унизиться до тѣхъ пошлыхъ уловокъ, безъ которыхъ част-

ныя учебныя заведенія почти не могутъ имѣть успѣха, и ея маленькая школа приходила въ упадокъ. Ея всегдашняя скромность, сдержанность, изящный вкусъ являлись здѣсь причиной неуспѣха. Принужденная считаться съ мелкими самолюбіями и съ самыми негнѣпными претензіями, эта благородная и великая душа томилаась въ безъисходной борьбѣ съ обществомъ, у котораго революція отняла его лучшіе элементы стараго времени и которому она еще не дала ни одного изъ своихъ благодѣяній.

Нѣкоторыя липа, возвышавшіяся надъ общимъ уровнемъ, умѣли цѣнить ее. Она внушила серьезное чувство одному господину, очень умному и свободному отъ предрасудковъ, всевластно господствующихъ въ провинціальныхъ городахъ съ тѣхъ поръ, какъ аристократія исчезла или ради реакціи пошла по ложному пути и пала умственно. Сестра была въ то время очень мила, не смотря на родимое пятнышко, къ которому легко было привыкнуть. Люди, знавшіе ее позднѣе, когда она подурнѣла подъ вліяніемъ суроваго климата, не могутъ себѣ представить, какъ были тонки и нѣжны черты лица ея. Глаза ея глядѣли необыкновенно кротко, руки были восхитительны. Ей сдѣлано было предложеніе; при этомъ деликатно выставлены нѣкоторыя условія. Условія эти имѣли цѣлью до нѣкоторой степени удалить ее отъ семьи, для которой она, будто бы, достаточно поработала. Она отвѣчала отказомъ, хотя чувствовала искреннее расположеніе къ человѣку, отличавшемуся такимъ же яснымъ, здравымъ умомъ, какъ и она сама. Она предпочла бѣдность богатству, которое не могла раздѣлить съ своей семьей. Между тѣмъ, положеніе ея становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Она такъ неаккуратно получала плату за свой трудъ, что мы часто жалѣли, зачѣмъ уѣхали изъ Ланніона, гдѣ встрѣчали гораздо больше сочувствія и поддержки.

Тогда она рѣшила испить чашу до дна. Одинъ изъ друзей нашей семьи, ѣхавшій въ это время въ Парижъ, предложилъ доставить ей мѣсто помощницы учительницы въ небольшомъ пансіонѣ для дѣвицъ. Бѣдная дѣвушка согласилась. 24 лѣтъ, безъ покровителя, безъ совѣтника она пустилась въ свѣтъ, котораго не знала и который готовилъ ей тяжелыя испытанія.

Первое время ея жизни въ Парижѣ было ужасно. Этотъ свѣтъ, наполненный холодомъ, сухостью и шарлатанствомъ, эта пустыня, гдѣ у нея не было ни одного друга, доводила ее до отчаянія. Глубокая привязанность къ землѣ, къ обычаямъ, къ семейной жизни, свойственная намъ, бретонцамъ, проснулася въ ней съ болѣзненной силою. Скромность мѣшала ей выставяться въ настоящемъ свѣтѣ, по своей крайней сдержанности она не могла заве-

сти дружескихъ связей, служащихъ для другихъ утѣшеніемъ и поддержкой, и, затерянная среди этого океана, она мучилась страшною тоскою по родинѣ,—тоскою, разстроившею ея здоровье. Въ первое время по переселеніи въ чужое мѣсто, для бретовца всего ужаснѣе то, что онъ считаетъ себя покинутымъ не только людьми, но и Богомъ. Густое облако заволакиваетъ его небо. Его сладкая вѣра въ нравственное совершенство міра, его спокойный оптимизмъ колеблются. Ему представляется, что онъ изъ рая попалъ въ адъ ледяного равнодушія: голосъ добра и красоты теряетъ для него свою звучность; онъ неохотно восклицаетъ: «Могу ли я пѣть пѣсню Господню на чужбинѣ!» Къ довершенію несчастья первые дома, куда судьба занесла ее, были недостойны ея. Представьте себѣ нѣжную молодую дѣвушку, никогда не покидавшую своего благочестиваго городка, своей матери, своихъ подругъ и вдругъ перенесенную въ одинъ изъ этихъ пустынныхъ пансіоновъ, гдѣ ея серьезныя чувства ежеминутно оскорбляются, гдѣ всѣ начальницы отличаются легкомысліемъ, беззаботностью, корыстолюбіемъ. Послѣ этого перваго опыта она навсегда сохранила очень негостеприимное мнѣніе о парижскихъ учебныхъ заведеніяхъ для женщинъ. Двадцать разъ она готова была вернуться домой и оставалась только благодаря своему непобѣдимому мужеству.

Однако, мало-по-малу ее оцѣнили. Ей поручили руководить преподаваніемъ въ одномъ, на этотъ разъ весьма порядочномъ, учебномъ заведеніи; къ сожалѣнію, ея планы постановки учебнаго дѣла встрѣчали препятствія въ мелочныхъ денежныхъ расчетахъ, неизбежныхъ при веденіи частныхъ училищъ, дающихъ весьма малый доходъ своимъ предпринимателямъ, и это мѣшало ей съ любовью отдаваться дѣлу. Она работала по 16 часовъ въ день. Она выдержала всѣ публичныя испытанія, требуемыя правилами. Эти усиленные занятія не подѣйствовали на нее такъ, какъ подѣйствовали бы на другую, менѣе даровитую натуру. Они не только не подавили ее, а, напротивъ, дали сильный толчекъ къ развитію ея мысли. Ея образованіе, и безъ того довольно солидное, расширилось еще болѣе. Она изучала работы современной исторической школы и вполнѣ постигла съ нѣсколькихъ моихъ словъ усвоила смыслъ самой тонкой критики. Исторія показала ей несовершенство всякаго догматическаго ученія; но религіозныя основы, заложенныя въ нее природой и первоначальнымъ воспитаніемъ, были слишкомъ прочны и не могли поколебаться. Все это развитіе могло бы быть опасно для другой женщины, для нея оно было безвредно, такъ какъ она ни съ кѣмъ не дѣлилась своими мыслями. Развитіе ума имѣло въ ея глазахъ внутреннюю и абсолютную цѣн-

ность; ей никогда не приходило въ голову пользоваться имъ для удовлетворенія тщеславія.

Въ 1838 г. она вызвала меня въ Парижъ. Я воспитывался въ Трегье, подъ руководствомъ превосходныхъ священниковъ, устроившихъ нѣчто въ родѣ небольшой семинаріи, и рано сталъ высказывать склонность къ духовному званію. Мои успѣхи въ наукахъ гадовали сестру, и она рассказала о нихъ врачу того учебнаго заведенія, гдѣ жила, доброму и замѣчательно умному человѣку, ревностному католику, доктору Дескюре, автору «Медицины страстей». Г. Дескюре переговорилъ обо мнѣ съ г. Дюпанлу, блестяще управлявшимъ въ то время маленькою семинаріей св. Николая, представилъ ему, что во мнѣ онъ можетъ приобрести хорошаго ученика, и объявилъ сестрѣ, что мнѣ предлагаютъ стипендію въ маленькой семинаріи. Мнѣ было около 15 съ половиной лѣтъ. Сестра, католическія вѣрованія которой начинали колебаться, смотрѣла съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ на клерикальное направленіе моего образованія. Но она знала, съ какимъ уваженіемъ слѣдуетъ относиться къ вѣрованіямъ ребенка. Никогда не сказала она мнѣ ни слова противъ того пути, который я избралъ по собственному побужденію. Она приходила каждую недѣлю ко мнѣ на свиданія; она все еще носила ту простую зеленую шерстяную шаль, которая въ Бретани прикрывала ея гордую бѣдность. Это была все та же любящая и кроткая дѣвушка, но съ отгѣнкомъ твердости и разсудительности, приобретеннымъ ею среди тяжелыхъ жизненныхъ испытаній и серьезныхъ научныхъ занятій.

Должность учительницы такъ плохо оплачивается, что черезъ 5 лѣтъ, проведенныхъ въ Парижѣ, послѣ нѣсколькихъ болѣзней, вызванныхъ усиленной работой, сестра далеко еще не могла раздѣлаться со всѣми обязательствами, какія она на себя взяла; правда, это были обязательства, отъ которыхъ отступилась бы всякая другая. Отецъ оставилъ послѣ себя долги, которые значительно превышали стоимость нашего дома, единственной собственности, оставшейся намъ. Но наша мать пользовалась такою общою любовью и дѣла велась въ нашей мѣстности такимъ патриархально-добродушнымъ образомъ, что ни одинъ изъ кредиторовъ не подумалъ требовать продажи имущества. Рѣшено было, что мать сохранить домъ и будетъ платить, сколько можетъ и когда можетъ. Сестра рѣшила не думать объ отдыхѣ, пока не ликвидируетъ вполнѣ все это тяжелое прошлое. Вслѣдствіе этого она въ 1840 г. согласилась на предложеніе поступить наставницей въ частный домъ, въ Польшѣ. Ей приходилось на нѣсколько лѣтъ покинуть родину и подчиниться тяжелой зависимости. Но она принесла гораздо большую жертву, когда уѣхала изъ Бретани и

пустилась въ свѣтъ. Она уѣхала въ январѣ 1841 г., проѣхала Шварцвальдъ и всю южную Германію, покрытую снѣгомъ, встрѣтила въ Вѣнѣ ту семью, у которой должна была жить, затѣмъ перерѣзала Карпаты и очутилась въ замкѣ Клемензовъ, на берегахъ Буга, печальномъ жилищѣ, гдѣ она въ теченіе 10 лѣтъ испытывала всю горечь изгнанія, хотя и вызваннаго благороднымъ побужденіемъ.

На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, судьба вознаградила ее за прежнія несправедливости, доставивъ ей мѣсто въ семьѣ, которую я могу назвать по имени, такъ какъ она къ своему историческому прошлому присоединила въ послѣднее время еще новую славу и приобрѣла всеобщую извѣстность; это была семья Андрея Замойскаго. Любовь, съ какою сестра относилась къ своимъ обязанностямъ, ея привязанность ко всѣмъ тремъ ученицамъ, въ особенности къ той изъ нихъ, которая по своему возрасту долѣе могла пользоваться ея уроками, къ княгинѣ Цециліи Любомірской, уваженіе, съ какимъ относилась къ ней вся эта благородная семья, продолжавшая и послѣ ея возвращенія во Францію пользоваться ея званіями и совѣтами, сходство ея прямого, серьезнаго характера съ характеромъ дома, въ которомъ она жила—все это заставляло ее забывать неприятности, неразлучныя съ положеніемъ гувернантки, и суровость климата, неблагоприятно дѣйствовавшаго на ея здоровье. Она полюбила Польшу, полюбила въ особенности польскихъ крестьянъ: она находила, что это существа добрыя, провинкутыя религіознымъ чувствомъ, напоминающія бретонскихъ крестьянъ, но только менѣе энергичныя.

Благодаря путешествіямъ по Германіи и Италіи, которыя ей пришлось сдѣлать, умъ ея развился до полной зрѣлости. Она бывала нѣсколько разъ въ Варшавѣ, въ Вѣнѣ, въ Дрезденѣ. Венеція и Флоренція привели ее въ восторгъ. Но особенно очаровалъ ее Римъ. Этотъ городъ, способный будить мысль болѣе всякаго другого, заставилъ ее понять съ полною ясностью различіе, какое всякій философскій умъ обязанъ сдѣлать между сущностью религіи и ея частными формами. Она часто вмѣстѣ съ лордомъ Байрономъ называла его «дорогой городъ души»; какъ всѣ иностранцы, жившіе въ немъ, она снисходительно смотрѣла даже на глупыя и ребяческія стороны жизни, вызываемыя современною организаціей папской власти.

III.

Въ 1845 г. я вышелъ изъ семинаріи Санъ-Сюльписъ. Благодаря серьезному и либеральному направленію, господствовавшему

въ этомъ заведеніи, мои занятія филологіей подвинулись далеко впередъ; это нѣсколько поколебало мои религіозныя воззрѣнія. Генріетта и въ этомъ случаѣ явилась мнѣ на помощь. Она опередила меня на этомъ пути: ея католическія вѣрованія совершенно исчезли; но она всегда остерегалась оказывать на меня какое-либо вліяніе въ этомъ отношеніи. Когда я сообщилъ ей сомнѣнія, мучившія меня и заставлявшія отказаться отъ званія, требующаго абсолютной вѣры, она выразила полное удовольствіе и предложила облегчить мнѣ этотъ трудный переходъ. И вотъ я вступилъ въ жизнь 23 лѣтъ, старикъ по тому, что успѣлъ передумать, но совершенный новичекъ, полный невѣжда въ практическихъ дѣлахъ. У меня буквально не было знакомыхъ, не было опытности даже 15-лѣтняго юноши. Я не имѣлъ никакого диплома, даже диплома бакалавра словесности. Мы условились, что я отыщу себѣ въ одномъ изъ пансіоновъ Парижа за столъ и квартиру такія занятія, которыя оставляютъ мнѣ много свободнаго времени для моихъ работъ. Она выслала мнѣ 1.200 фр., чтобы я могъ содержать себя, пока найду мѣсто, и имѣть небольшую прибавку къ моему скудному заработку. Эти 1.200 фр. явились краеугольнымъ камнемъ всей моей слѣдующей жизни. Я истратилъ только часть ихъ; но, благодаря имъ, я могъ спокойно отдаться умственному труду и не набирать работы, которая задавила бы меня. Ея дивныя письма были въ эту рѣшительную минуту жизни моимъ утѣшеніемъ и моею поддержкой.

Пока я боролся съ обстоятельствами, трудность которыхъ увеличивалась при моей полной неопытности, ея здоровье сильно страдало вслѣдствіе суровыхъ холодовъ польской зимы. У нея развилась хроническая болѣзнь горла, которая въ 1850 г. приняла такой серьезный характеръ, что потребовала ея немедленнаго возвращенія на родину. Къ тому же, дѣль, которую она себѣ поставила, была достигнута: долги отца были окончательно уплачены, маленькая собственность, оставленная имъ, выкуплена и находилась въ распоряженіи матери; братъ, благодаря своему трудолюбію, завоевалъ себѣ положеніе, которое обѣщало ему благосостояніе. Мы рѣшили жить вмѣстѣ. Въ 1850 г. я выѣхалъ къ ней на встрѣчу въ Берлинъ. Эти десять лѣтъ изгнанія совершенно измѣнили ее. На лбу ея появились преждевременно морщины старости; когда она прощалась со мной въ пріемной семинаріи св. Николая, она еще была прелестна; теперь отъ бывшей красоты осталось только выраженіе очаровательной ея безграничной доброты.

И вотъ, для насъ начались годы счастливой жизни, о которой

я не могу вспомнить безъ слезъ. Мы наняли маленькую квартиру въ глубинѣ сада, около Валь-де-Грасъ. Наше уединеніе никѣмъ не нарушалось. У нея не было знакомствъ, и она не стала заводить ихъ. Наши окна выходили въ садъ монастыря кармелитокъ на улицѣ Анферъ. Въ тѣ долгіе часы, какіе я проводилъ въ библіотекѣ, она ради развлеченія наблюдала жизнь этихъ затворницъ и распредѣляла по ней свое время. Ея уваженіе къ моимъ трудамъ было безупречно. Цѣлые вечера просиживала она подлѣ меня, боясь дохнуть, чтобы не помѣшать мнѣ; она постоянно хотѣла меня видѣть, и дверь, раздѣлявшая наши комнаты, никогда не запиралась. Ея любовь ко мнѣ была такая глубокая и зрѣлая, что она удовлетворялась внутреннимъ общеніемъ нашихъ душъ. Ревнивая и требовательная въ дѣлахъ чувства, она была вполне довольна, если я посвящалъ ей нѣсколько минутъ въ день, ей надобно было только знать, что я люблю ее одну; благодаря своей строгой расчетливости, она, при крайне ограниченныхъ средствахъ, устроила мнѣ домашнюю обстановку, въ которой всегда было все необходимое и которая даже отличалась своеобразною строгою прелестью. Наши мысли были до того тождественны, что намъ почти не нужно было сообщать ихъ другъ другу. Она понимала положительно всѣ самые тонкіе отѣнки теорій, которыя въ это время зрѣли въ моей головѣ. Относительно многихъ вопросовъ новѣйшей исторіи, которую она изучала по источникамъ, она знала больше меня. Общій планъ моей дѣятельности, моя рѣшимость всегда сохранять непоколебимую искренность, выработаны нами совмѣстно, какъ продуктъ ея и моего сознанія; если бы я поддался искушенію измѣнить имъ, она явилась бы передо мной, какъ часть меня самого, и напомнила бы мнѣ о моемъ долгѣ.

Такимъ образомъ, ея участіе въ направленіи моихъ идей было весьма значительно. Она была для меня незамѣнимымъ секретаремъ; она переписывала всѣ мои сочиненія и такъ глубоко понимала ихъ, что я могъ полагаться на нее, какъ на живой index моей собственной мысли. Я много обязанъ ей за выработку моего слога. Она читала въ корректурахъ все, что я писалъ, и этотъ неоцѣненный цензоръ съ необыкновенною тонкостью подмѣчалъ всякую небрежность, ускользнувшую отъ моего вниманія. Изучая древніе образцы, она выработала себѣ превосходную манеру писать, такую чистую и строгую, что навѣрно со временъ Портъ-Ройяля никто не ставилъ болѣе высокаго идеала правильнаго слога. Это дѣлало ее очень взыскательной. Она признавала весьма немногихъ изъ современныхъ писателей, и когда я ей показалъ

очерки, которые писалъ до ея прѣзда и которые не могъ послать ей въ Польшу, она не вполне одобрила ихъ. Она раздѣляла тенденцію ихъ и во всякомъ случаѣ находила, что каждый долженъ вполне свободно высказывать свои мысли по тѣмъ предметамъ, которыхъ они касались. Но форма ихъ показалась ей небрежною и рѣзкою; она находила въ нихъ черты преувеличенія, слишкомъ грубыя краски, слишкомъ безцеремонное обращеніе въ языкѣ. Она убѣдила меня, что можно все выразить простымъ и правильнымъ слогами хорошихъ писателей и что вновь изобрѣтенныя выраженія, слишкомъ рѣзкіе образы происходятъ всегда или отъ неумѣстной претензіи, или отъ незнанія настоящихъ сокровищъ нашего языка. Подъ ея вліяніемъ я совершенно измѣнилъ свою манеру писанья. Я привыкъ писать, приготовляясь заранѣе къ ея замѣчаніямъ; когда я позволялъ себѣ какой-нибудь смѣлый оборотъ рѣчи, я думалъ, понравится ли онъ ей, и былъ готовъ отказать отъ него, если она потребуетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она умерла, этотъ умственный процессъ вызываетъ во мнѣ самое горькое чувство; я похожъ на человѣка, подвергшагося ампутаціи и постоянно дѣйствующаго такъ, какъ будто ампутированный членъ не отнять у него. Она была однимъ изъ органовъ моей умственной жизни, и съ нею сошла въ могилу часть моего существа.

Во всемъ, что касалось міра нравственныхъ идей, мы дошли до того, что смотрѣли одними глазами, чувствовали однимъ сердцемъ. Идеи зарождались одновременно у нея и у меня. Она настолько понимала весь ходъ моей мысли, что почти всегда высказывала прежде меня то, что я собирался сказать. Но въ одномъ смыслѣ она меня значительно превосходила. Для меня міръ души еще являлся источникомъ борьбы и изученія, для нея ничто не затемняло чистой идеи добра. Ея поклоненіе истинѣ не допускало ни малѣйшей фальшивой ноты. Одна черта въ моихъ произведеніяхъ была ей непріятна: это—иронія, отъ которой я не могъ удержаться и съ которою относился даже къ наиболѣе высокимъ предметамъ. Я никогда не страдалъ, и мнѣ казалось, что та сдержанная улыбка, съ какою я смотрѣлъ на слабость и тщеславіе людей, имѣетъ въ себѣ нѣчто философское. Эта привычка не нравилась ей, и я мало-по-малу отдѣлялся отъ нея. Теперь я понимаю, насколько она была права. Добрый долженъ быть просто добрымъ; всякая тѣнь насмѣшки обусловливается остаткомъ тщеславія или презрѣнія къ личности, въ концѣ концовъ весьма неблагоприятныхъ. Ея религиозныя воззрѣнія достигли высшей чистоты. Ее не привлекалъ протестантизмъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Она сохраняла сладкое воспоминаніе о католицизмѣ, о его

пѣснопѣвіяхъ, его псалмахъ, религіозныхъ обрядахъ, утѣшавшихъ ее въ дѣтствѣ. Это была святая, но безъ слѣпой вѣры въ католическую символику, безъ узкой обрядности. За мѣсяць до ея смерти я и докторъ Гальярдо долго бесѣдовали съ ней о религіи на террасѣ нашего дома въ Газирѣ. Она удерживала меня отъ увлеченія плѣнявшей меня въ то время теоріи безсознательнаго божества и чисто идеальнаго безсмертія. Она не была деистомъ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, но не допускала, чтобы религія сводилась къ чистой абстраціи. Въ примѣненіи къ практической жизни, по крайней мѣрѣ, все для нея было ясно.

— Да, — говорила она намъ, — въ послѣдній часъ моей жизни я буду имѣть утѣшеніе сказать себѣ, что я сдѣлала все добро, какое могло; если есть на землѣ что-нибудь важное, то именно это.

Любовь къ природѣ являлась для нея источникомъ самыхъ тонкихъ наслажденій. Она приходила въ восторгъ отъ хорошей погоды, отъ луча солнца, отъ цвѣтка. Она отлично понимала тонкое искусство великихъ идеалистическихъ школъ Италіи; но она не могла примириться съ грубыми или тенденціозными произведениями искусства, ставящими себѣ цѣли внѣ служенія красотѣ. Особенное обстоятельство способствовало тому, что она пріобрѣла рѣдкое знаніе исторіи средневѣкового искусства. Она по моей просьбѣ собирала матеріалы для моей рѣчи о состояніи искусства въ XIV вѣкѣ, которая войдетъ въ XXIV томъ «Литературной исторіи Франціи». Съ этою цѣлью, она съ удивительнымъ терпѣніемъ и аккуратностью просматривала всѣ коллекціи археологическихъ памятниковъ, изданныя за послѣдніе 50 лѣтъ, отмѣчая все, что имѣло отношеніе къ нашей темѣ. При этомъ она обыкновенно высказывала свои собственные взгляды, и мнѣ почти всегда оставалось только согласиться съ ними. Для дополненія нашихъ изысканій мы сдѣлали вмѣстѣ путешествіе по той мѣстности, которая можетъ считаться колыбелью готическаго искусства; мы посѣтили Венсенъ, Вагуа, Бовуази, Нойанъ, Лаонъ и Реймсъ съ ихъ окрестностями. Она выказывала удивительную дѣятельность въ этихъ изысканіяхъ, которыя сильно интересовали ее. Ея идеаломъ была жизнь трудовая, уединенная, окруженная любовью. Она часто повторяла слова Фомы Кемпійскаго: *in angello, cum libello*. Въ этихъ спокойныхъ занятіяхъ она провела много счастливыхъ часовъ. Умъ ея работалъ съ полною ясностью, а обыкновенно тревожное сердце билось вполне спокойно.

Ея способность къ труду была поразительна. Я видалъ, какъ она по цѣлымъ днямъ не отрывалась отъ работы, которую брала на себя. Она принимала участіе въ редакціи педагогическихъ

журналовъ, въ особенности журнала, выходившаго подъ редакціей ея пріятельницы, г-жи Ульякъ-Тремадёръ. Она никогда не подпisyвала своихъ статей и, благодаря своей необыкновенной скромности, пользовалась извѣстностью только среди ограниченаго кружка. Дурной вкусъ, который преобладаетъ во Франціи въ педагогическихъ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для женщинъ, лишалъ ее возможности пріобрѣсти широкій успѣхъ и находить удовольствіе въ этого рода работахъ. Она занималась ими, главнымъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать пріятное своей старой большой пріятельницѣ. Произведенія, въ которыхъ она являлась вполнѣ самой собой—это были ея письма. Она писала ихъ превосходно. Ея описанія путешествій тоже очень хороши. Я поручилъ ей рассказать не научную часть нашего путешествія на востокъ; увы, всѣ воспоминанія объ этой сторонѣ моего предпріятія погибли вмѣстѣ съ нею. То, что я нашелъ по этому поводу въ ея бумагахъ, написано очень хорошо. Мы надѣемся издать эти отрывки вмѣстѣ съ ея письмами. Мы издадимъ также ея рассказъ о великихъ морскихъ путешествіяхъ XV и XVI вѣка. Для этого сочиненія она предприняла очень подробныя изслѣдованія и относилась къ своимъ источникамъ съ такою критикою, какую рѣдко примѣняютъ въ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для дѣтей. Она ничего не дѣлала вполнину. Ея прямой умъ сказывался въ постоянствѣ ея стремленій ко всему твердому и истинному.

Она не обладала остроуміемъ, если подъ этимъ словомъ разумѣть вѣчто легкое и насмѣшливое, составляющее особенность французовъ. Она никогда ни надъ кѣмъ не смѣялась. Насмѣшка была ей противна, она видѣла въ ней что-то жестокое. Я помню, какъ одинъ разъ въ Нижней Бретани мы ѣхали на гулянье въ лодкѣ. Впереди нашей лодки ѣхала другая, въ которой сидѣли какія-то бѣдныя дамы, захотѣвшія принарядиться ради праздника и устроившія себѣ жалкіе, безвкусные туалеты. Компанія, сидѣвшая съ нами, смѣялась надъ ними, и бѣдныя дамы замѣчали это. Вдругъ сестра залилась слезами: оскорблять насмѣшками добрыхъ женщинъ, которыя на минуту забывали свои несчастія, чтобы повеселиться, которыя можетъ, быть подвергали себя лишениямъ, чтобы не отстать отъ общества, казалось ей варварствомъ. Въ ея глазахъ смѣшной человѣкъ заслуживаетъ сожалѣнія, и она всегда становилась на его сторону противъ насмѣшника.

Вслѣдствіе этой особенности своего ума она холодно относилась къ свѣтскимъ удовольствіямъ и была не находчива въ обыкновенныхъ разговорахъ, состоящихъ изъ пересудовъ и пустой болтовни. Она состарилась преждевременно и казалась еще старше

по своему костюму и своимъ манерамъ. Она создала себѣ какъ бы культъ несчастія; она никогда не пропускала удобнаго случая поплакать. Всякой печали она предавалась долго и съ какимъ-то наслажденіемъ. Буржуазное общество не понимало ее, находило ее угрюмою и натянутою. Ей нравилось все только истинно доброе. Все въ ней было правдиво и глубоко; она не умѣла профанировать своихъ чувствъ. Напротивъ, простой народъ, крестьяне находили, что она необыкновенно добра, и тѣ люди, которые умѣли затронуть возвышенныя стороны ея души, скоро узнавали глубину и благородство ея натуры.

Иногда, на короткое время, въ ней вновь пробуждалась женщина; она становилась молодой дѣвушкой; она, почти улыбаясь, привязывалась къ жизни, и стѣна, стоявшая между нею и свѣтомъ, повидимому, падала. Эти кратковременные моменты очаровательныхъ увлеченій, мимолетные отблески погасшей зари, были полны грустной прелести.

Въ этомъ отношеніи она стояла выше людей, которые, слѣдуя проповѣди мистиковъ, исповѣдуютъ отреченіе отъ жизни въ его мертвой абстракціи. Она любила жизнь; она находила въ ней много пріятнаго; она могла улыбаться красивому наряду, женскимъ хлопотамъ, какъ мы улыбаемся цвѣтку. Она не относилась къ природѣ съ прямолинейнымъ отрицаніемъ. Добродѣтель не была для нея строгимъ подвигомъ, усиліемъ воли; она являлась естественнымъ инстинктомъ прекрасной души, которая направляется къ добру произвольнымъ стремленіемъ и служитъ Богу безъ страха и трепета.

Такимъ образомъ мы прожили 6 лѣтъ чистою, хорошею жизнью. Мое матеріальное положеніе было по прежнему очень скромно; но она сама этого хотѣла. Если бы я вздумалъ для улучшенія его пожертвовать малѣйшею частью своей независимости, она не допустила бы этого. Несчастіе, неожиданно постигшее брата и вызвавшее потерю всѣхъ нашихъ сбереженій, не поколебало ее. Она готова была опять уѣхать за границу, если бы это было необходимо для правильнаго устройства моей жизни. Боже мой! сдѣлалъ ли я все отъ меня зависящее для ея счастья? Съ какою горечью упрекаю я себя теперь за то, что не былъ съ ней достаточно откровененъ, не высказалъ ей, какъ сильно люблю ее, слишкомъ часто поддавался своей мрачной сосредоточенности, не пользовался каждымъ часомъ, пока она была со мною! О, если бы я могъ вернуть хоть одну изъ тѣхъ минутъ, въ которыя я не заботился о ея счастьи!.. Но я беру въ свидѣтели ея праведную душу, что она всегда жила въ глубинѣ моего сердца, что она

царила надъ всей моей нравственной жизнью, какъ никогда не царилъ никто другой, что она всегда являлась источникомъ всѣхъ моихъ печалей и моихъ радостей. Если я согрѣшилъ противъ нея, то въ этомъ виновата сдержанность моего обращенія, на которую знающія меня лица не должны обращать вниманія, и излишняя почтительность, заставлявшая меня избѣгать всего, что могло бы походить на оскорбленіе ея святости. То же самое чувство заставляло ее быть сдержанной въ отношеніи ко мнѣ. Мое продолжительное пребываніе въ клерикальскихъ школахъ, четыре года въ полномъ удаленіи отъ свѣта, развили во мнѣ эту черту характера, противъ которой она по своей деликатной скромности не боролась такъ, какъ могла бы.

IV.

Моя неопытность въ житейскихъ дѣлахъ, а въ особенности мое незнаніе глубокаго различія между сердцемъ мужчины и сердцемъ женщины допустили меня потребовать отъ нея жертвы, которая была бы не подъ силу никому другому. Я слишкомъ глубоко чувствовалъ свои обязанности относительно такого друга, и мнѣ никогда не могло придти въ голову безъ ея согласія измѣнить что-либо въ нашей жизни. Но она сама сдѣлала первый шагъ съ свойственнымъ ей благородствомъ души.

Съ самаго начала нашей совмѣстной жизни она постоянно уговаривала меня жениться. Она часто заводила объ этомъ разговоръ; она даже тайно отъ меня вела съ однимъ изъ нашихъ друзей переговоры объ одной невѣстѣ, которую она мнѣ выбрала; это сватовство не удалось. Ея хлопоты по этому дѣлу ввели меня въ полнѣйшее заблужденіе. Я искренне думалъ, что ей не будетъ неприятно, когда я объявлю ей, что напелъ особу по своему вкусу, достойную быть ея подругой.

Слушая ея разговоры о моей женитьбѣ, я никогда не воображалъ, что она разстанется со мной. Я всегда предполагалъ, что она останется для меня тѣмъ же, чѣмъ была до сихъ поръ, самой лучшей и самой любимой сестрой, неспособной ни ревновать, ни возбуждать ревность, вполне увѣренной въ моихъ чувствахъ къ себѣ и потому смотрящей спокойно на мои чувства къ другой.

Я вижу теперь насколько былъ неправъ. Женщина любить не такъ, какъ мужчина; она исключительна и ревнива во всѣхъ своихъ привязанностяхъ; она не допускаетъ различія въ характерѣ той и другой любви. Но я былъ не вполне виноватъ; меня обмануло мое собственное простодушіе, а отчасти и она сама. Впрочемъ, можетъ быть, и сама она была обманута своимъ мужествомъ?

Очень возможно. Когда бракъ, который она для меня придумала, не удался, она жалѣла объ этомъ, хотя весь этотъ проектъ до нѣкоторой степени пересталъ улыбаться ей. Но, о тайна женскаго сердца! испытаніе, которое она сама подготавливала, показалось ей жестокимъ, когда его предложили другіе. Она соглашалась выпить чашу полыни, приготовленную собственными руками, и не рѣшалась дотронуться до той, которую я ей подносилъ, хотя я всячески старался подсластить ее. Ужасныя послѣдствія излишней деликатности! Братъ и сестра, которыхъ связывала такая сильная любовь, дѣлали непріятности одинъ другому, искали другъ друга и не находили, и все оттого, что не сѣмѣли высказаться откровенно. Это были для насъ очень горькіе дни. Мы пережили всѣ бури, какія сопровождаютъ любовь. Когда она мнѣ говорила, что, предлагая мнѣ бракъ, она хотѣла только испытать, удовлетворяетъ ли меня она одна, когда она объявляла, что какъ только я жениюсь, она уйдетъ отъ меня, я чувствовалъ острый ножъ въ своемъ сердцѣ. Были ли ея чувства просты и несложны, хотѣла ли она дѣйствительно воспрепятствовать союзу, котораго я желалъ? Конечно, нѣтъ. Это была буря страстной души, возмущеніе сердца деспотичнаго въ своей любви. При первомъ свиданіи съ Корнелией Шефферъ онѣ почувствовали взаимную симпатію, которая впоследствии дала много радостей объимъ имъ. Благородный возвышенный образъ мыслей г. Ари Шеффера привлекалъ ее и внушалъ ей симпатію. Она видѣла, что онъ стоитъ выше буржуазной мелочности и щепетильности. Она желала, но въ рѣшительную минуту женщина возмущалась; она теряла силу желать.

Наконецъ, я долженъ былъ выйти изъ этого мучительнаго положенія. Принужденный дѣлать выборъ между двумя чувствами, я все принесъ въ жертву первому, тому, которое болѣе походило на обязанность. Я объявилъ m-elle Шефферъ, что расстаюсь съ ней, чтобы не терзать сердце моего друга. Это было вечеромъ; я вернулся домой и рассказалъ сестрѣ, что сдѣлалъ. Въ ней произошелъ крутой переворотъ. Она почувствовала жестокое раскаяніе, узнавъ, что явилась препятствіемъ союзу, который я желалъ и который она сама громко одобряла. На другой день, рано утромъ, она поспѣшила къ г. Шефферу; она провела нѣсколько часовъ съ моей невѣстой; онѣ вмѣстѣ поплакали; онѣ разстались друзьями и въ радости. Дѣйствительно, послѣ нашей свадьбы мы продолжали жить съ сестрой такою же общею жизнью, какъ до свадьбы. Ея сбереженія помогли намъ устроить наше маленькое хозяйство. Безъ нея я не могъ бы справиться съ своими новыми расходами. Моя увѣренность въ ея добротѣ была такъ велика, что я лишь гораздо позднѣе понялъ весь наивный эгоизмъ моего поведенія.

Душа ея не скоро успокоилась; много времени спустя случилось, что вѣчно живущій въ сердцѣ женщины жестокой и прелестный демонъ любовной тревоги, ревности, внезапнаго возмущенія, неожиданнаго раскаянія—просыпался и мучилъ ее. Тогда она съ грустью говорила, что уйдетъ изъ дома, гдѣ въ минуты горечи она считала себя бесполезной. Но это были остатки прошлыхъ тяжелыхъ предчувствій, и они мало-по-малу исчезали. Нѣжный тактъ, любящее сердце той, которую я ей далъ въ сестры, одержали полную побѣду. Въ тѣ минуты, когда мы готовы были оскорбить другъ друга упреками, милое вмѣшательство Корнеліи, ея прелестная, безъискусственная веселость превращали наши слезы въ улыбки; дѣло кончалось тѣмъ, что мы всѣ трое обнимали другъ друга. Я восхищался искренностью чувствъ и здравымъ смысломъ, какой проявляли обѣ эти женщины при разрѣшеніи самой тонкой задачи любви. Въ концѣ концовъ, я благословлялъ страданія, благодаря которымъ я былъ свидѣтелемъ такихъ чувствъ. Моя наивная надежда, что другая дополнитъ ея счастье и внесетъ въ ея жизнь веселость и оживленіе, которыхъ я не могъ дать ей, по временамъ, казалось, осуществлялась. Ослѣпленный счастьемъ, я видѣлъ, что моя неосторожность приносила хорошіе результаты, и я наслаждался плодами своего смѣлаго шага.

Рожденіе моего маленькаго Ари окончательно осушило ея слезы. Ея любовь къ этому ребенку была настоящимъ обожаніемъ. Прирожденный ей сильный материнскій инстинктъ нашелъ свое естественное примѣненіе. Ея кротость, ея невозмутимое терпѣніе, ея пристрастіе ко всему простому и доброму, все это внушало ей необыкновенную любовь къ дѣтямъ. Это былъ просто какой-то религиозный культъ, въ которомъ ея отъ природы меланхолическій характеръ находилъ удивительную привлекательность. Когда родился мой второй ребенокъ, дочь, которую я потерялъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, она много разъ повторяла, что эта малютка замѣнитъ мнѣ ее. Мысль о смерти имѣла для нея свою прелесть, и она охотно останавливалась на ней. «Вы увидите, друзья мои,—говорила она намъ,—что маленькій цвѣточекъ, который мы потеряли, оставить намъ послѣ себя сладкое благоуханіе.» Образъ умершей крошки долго былъ для нея священнымъ. Такъ, принимая участіе въ нашихъ горестяхъ и радостяхъ со всею силою своей любящей души, она мало-по-малу сдѣлала вполне свою ту новую жизнь, которую я ей устроилъ. Я былъ свидѣтелемъ великаго подвига самоотверженія и чистой преданности двухъ женщинъ, которыхъ судьба связала съ моею жизнью, и считаю это для себя величайшимъ нравственнымъ счастьемъ. Онѣ нѣжно лю-

били другъ друга, и въ настоящее время я имѣю то утѣшеніе, что мою печаль вполне раздѣляетъ близкое мнѣ существо. Каждая изъ нихъ занимала свое опредѣленное мѣсто подлѣ меня; занимала его безъ раздѣла и соперничества. Каждая изъ нихъ была по своему всеѣмъ для меня. За нѣсколько дней до своей смерти, въ ту минуту, когда она какъ бы предчувствовала близкую кончину, сестра сказала мнѣ слова, показавшія, что рана ея сердца зажила и что отъ пережитыхъ страданій у нея осталось одно воспоминаніе.

V.

Когда, въ маѣ 1860 г., императоръ предложилъ мнѣ сдѣлать научную экспедицію въ древнюю Финикію, она одна изъ первыхъ совѣтовала мнѣ принять это предложеніе. Она твердо держалась въ политикѣ либеральнаго направленія; но она находила, что все партійныя соображенія должны умолкнуть, когда дѣло идетъ о предпріятіи, которое признаешь полезнымъ и которое сопряжено съ опасностями. Мы сразу рѣшили, что она поѣдетъ со мною. Я слишкомъ привыкъ къ ея заботамъ и къ ея сотрудничеству во всеѣхъ моихъ работахъ; кромѣ того, она должна была слѣдить за моими расходами и вести счета. Она все это исполнила съ самою тщательною аккуратностью, и, благодаря ей, я могъ цѣлый годъ вести очень сложныя работы, ни на минуту не останавливаясь изъ за матеріальныхъ расчетовъ. Ея дѣятельность изумляла всеѣхъ, кто ее видѣлъ. Безъ нея я, конечно, не могъ бы выполнить въ такое короткое время ту, можетъ быть, слишкомъ широкую программу, которую я задался.

Она ни на минуту не разставалась со мной. На самыхъ крутыхъ вершинахъ Ливана и въ пустыняхъ Іордана, она слѣдовала за мной шагъ за шагомъ и видѣла все, что я видѣлъ. Если бы я умеръ въ пути, она могла бы рассказать мое путешествіе почти такъ же хорошо, какъ я самъ. Опасности страшныхъ горныхъ дорогъ и лишенія, не разлучныя съ экспедиціями такого рода, никогда не останавливали ее. Тысячу разъ сердце мое замирало, когда я видѣлъ ее на краю пропасти; на лошади она держалась удивительно крѣпко. Она ходила пѣшкомъ по 8 и по 10 часовъ въ день. Ея обыкновенно довольно слабое здоровье крѣпло подъ вліяніемъ силы воли; но вся нервная система ея подвергалась возбужденію, которое приводило къ мучительнымъ невралгіямъ. Два или три раза, среди голой пустыни, съ ней дѣлались припадки, которые приводили насъ въ ужасъ. Ея мужество обманывало и успокаивало насъ.

Она съ такою страстью увлеклась моимъ планомъ изслѣдованій, что не могла разстаться со мной до полного осуществленія его.

Впрочемъ, это путешествіе явилось для нея источникомъ сильныхъ наслажденій. Это былъ, по правдѣ сказать, единственный годъ ея жизни, когда она не пролила ни одной слезы, почти единственная награда за всю ея жизнь. Всѣ ея впечатлѣнія отличались необыкновенной свѣжестью, она отдавалась воспріятіямъ этого новаго міра съ наивною радостью ребенка. Весной и осенью Сирія замѣчательно прелестна. Благоуханный воздухъ просякаетъ всюду и, кажется, сообщаетъ жизни часть своей легкости. Необыкновенно красивые цвѣты, особенно удивительные цикломен вырываются букетами изъ каждой трещины скалы; въ долинахъ около Атрита и Тортоза ноги лошадей топчуть густые ковры, состоящіе изъ самыхъ красивыхъ цвѣтовъ нашихъ цвѣтниковъ. Воды, ниспадающія съ горъ, образуютъ съ пожирающимъ ихъ знойнымъ солнцемъ контрастъ, полный упительной прелести.

Первымъ мѣстомъ нашей остановки была деревня Амшитъ, за три четверти часа отъ Гебея (Библосъ), построенная лѣтъ 25—30 тому назадъ богатымъ маронитомъ Михаиломъ Товія. Закхей, наслѣдникъ Михаила, дѣлалъ наше пребываніе тамъ въ высшей степени приятнымъ. Онъ далъ намъ хорошенькій домикъ съ видомъ на Библосъ и на море. Кроткіе нравы жителей, ихъ любезность, любовь, которую они выказывали намъ обоимъ и ей въ особенности, глубоко трогали ее. Она съ удовольствіемъ возвращалась въ эту деревню и мы сдѣлали ее въ нѣкоторомъ родѣ центральнымъ пунктомъ нашихъ дѣйствій въ области Библоса. Деревня Сарба, около Джуни, гдѣ живетъ добрая и честная семья Кадра, извѣстная всѣмъ французамъ, путешествовавшимъ на востокъ, также очень понравилась ей. Прелестная бухта Кесруана съ своими деревнями, стоящими тамъ близко другъ къ другу, съ своими монастырями, висящими на каждой вершинѣ, своими горами, погружающимися въ море, своими чистыми волнами приводила ее въ восторгъ; всякій разъ, какъ на пути изъ Гебея мы подѣзжали къ ней съ сѣвернаго скалистаго берега, изъ груди ея вырывался крикъ радости. Марониты вообще ей очень нравились. Посѣщеніе монастыря Бкерке, гдѣ, среди сельской простоты, жилъ въ то время патріархъ, окруженный епископами, оставило ей очень приятное воспоминаніе.

• Напротивъ, ей были противны мелкія европейскія сплетни въ Бейрутѣ и сухость городовъ, съ преобладающимъ мусульманскимъ типомъ, въ родѣ Саида. Величественныя зрѣлища природы, свѣдѣтельницами которыхъ она была въ Тирѣ, приводили ее въ вос-

торгъ; тамъ она жила въ высокомъ павильонѣ, и буря буквально качала его. Кочевая жизнь, имѣющая такъ много привлекательныхъ сторонъ, нравилась ей. Жена придумывала каждый вечеръ какой-нибудь предлогъ, чтобы заставить ее выйти изъ палатки и не сидѣть тамъ одной; она уступала, но неохотно; ей нравилось это тѣсное, общее помѣщеніе, близость съ тѣми, кого она любила среди безграничнаго простора дикой страны.

Особенно сильное впечатлѣніе произвело на нее путешествіе по Палестинѣ. Иерусалимъ, съ своими несравнимыми воспоминаніями, Напрузъ и его прекрасная долина, Картель, весною утопающій въ цвѣтахъ, а главное, Галилея, этотъ земной рай, хотя раззоренный, но еще не утратившій божественнаго дыханія, держали ее пѣлыхъ шесть недѣль въ какомъ-то очарованіи. Изъ Тира и изъ Умъ-ель-Авамида мы дѣлали небольшія экскурсіи въ 6—8 дней къ древнимъ областямъ Азера и Нефтали, которыя были свидѣтелями такихъ великихъ событій. Когда я въ первый разъ показалъ ей изъ Касіуна надъ озеромъ Гупехъ всю страну верхняго Иордана и вдали бассейнъ Генезаретскаго озера, эту колыбель христіанства, она поблагодарила меня и сказала, что этимъ зрѣлищемъ я вознаградилъ ее за всю ея жизнь. Она стояла выше того узкаго чувства, которое соединяетъ историческія воспоминанія съ матеріальными предметами, почти всегда апокрифными, или съ опредѣленною мѣстностью, часто пользующеюся незаслуженнымъ уваженіемъ; она вездѣ искала душу, идею, общее впечатлѣніе. Наши длинныя экскурсіи по этой прекрасной странѣ, въ виду Ермана, вершины котораго рисовались снѣжными полосами на лазури небесъ, остались у насъ въ памяти точно сны изъ другого міра.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ жена, которая съ января была съ нами, признана была оставить насъ ради другихъ обязанностей. Раскопки были окончены, армія очистила Сирію. Мы остались вдвоемъ, чтобы присматривать за перевозкою вещей, докончить изслѣдованіе верхняго Ливана и приготовить къ слѣдующей ссени послѣднюю экспедицію на Кипръ. Теперь я оплакиваю самыми горькими слезами свое рѣшеніе остаться въ Сиріи на лѣтніе мѣсяцы, особенно опасные для европейцевъ. Наше послѣднее путешествіе по Ливану сильно утомило ее. Мы прожили три дня въ Машпанѣ на берегу рѣки Адониса, въ простой землянкѣ. Постоянные переходы изъ холодныхъ долинъ къ горячимъ скаламъ, дурная пища, ночлеги въ очень низкихъ домахъ, гдѣ, чтобы не задохнуться, приходилось держать открытыми окна и двери, положили начало тѣмъ нервнымъ страданіямъ, которыя вскорѣ развились у нея.

Сдѣлавъ переѣздъ по глубокимъ долинамъ Таннурина, мы переночевали въ монастырѣ Маръ-Якубъ, на одной изъ самыхъ крутыхъ вершинъ мѣстныхъ горъ, и затѣмъ спустились въ знойныя окрестности Тулы. Эти крутые переходы отъ одной температуры къ другой болѣзненно подѣйствовали на насъ. Около 11 часовъ, въ деревнѣ Гельтъ она почувствовала себя нехорошо. Я далъ ей отдохнуть въ бѣдной хижинѣ деревенскаго священника; мы отправились дальше и она попробовала заснуть въ часовнѣ, пока я списывалъ надписи. Но мѣстные женщины не давали ей покоя; онѣ подходили къ ней, разсматривали, ошупывали ее. Наконецъ, мы добрались до Тулы. Тамъ она провела два дня въ страшныхъ страданіяхъ. Мы были лишены всякой помощи; грубое невѣжество жителей увеличивало ея мученія. Они никогда не выдали европейцевъ и, какъ только я уходилъ на свои изслѣдованія, они наводняли домъ и невыносимо надоѣдали ей. Когда она была въ состояніи сѣсть на лошадь, мы уѣхали въ Амшитъ, гдѣ ей стало нѣсколько лучше. Но лѣвый глазъ ея былъ пораженъ; зрѣніе этого глаза ослабло, и по временамъ она страдала отъ двойного видѣнія.

Страшныя жары, стоявшія на всемъ этомъ берегу, и утомленіе, въ какомъ мы находились, заставили меня выбрать мѣстомъ нашего пребыванія Газиръ, расположенный на большой высотѣ надъ уровнемъ моря въ глубинѣ бухты Кесруана. Мы распроцались съ нашими добрыми знакомыми въ Амшитъ и Гебейлъ. Солнце садилось, когда мы подѣзжали къ устью рѣки Адониса; тамъ мы остановились на отдыхъ. Хотя боль ея далеко не утихла, но упоительный покой, разлитый въ этой чудной мѣстности, охватилъ ее; она оживилась на нѣсколько минутъ. Мы при свѣтѣ луны взошли на гору Газиръ; она была очень довольна, и намъ казалось, что, покинувъ жгучій берегъ, мы оставили на немъ и причины болѣзней, которыя мучили насъ тамъ.

Газиръ, безспорно, одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ въ свѣтѣ; сосѣднія долины покрыты восхитительною зеленью, и склоны Арамуна, возвышающагося надъ нимъ, представляютъ прелестнѣйшій пейзажъ изъ всѣхъ, какіе я видѣлъ на Ливанѣ; но населеніе, испорченное сосѣдствомъ, такъ называемою, мѣстною аристократіею, утратило добрыя качества, отличающія маронитовъ. Мы нашли для себя маленькій домикъ съ хорошею террасой. Тамъ мы отдохнули и провели нѣсколько пріятныхъ дней. Передъ нами въ расщелинахъ высокой горы лежалъ снѣгъ. Наши бѣдные спутники, ея арабская кобылка и мой мулъ Сада, паслись у насъ на глазахъ. Первыя двѣ недѣли она все еще сильно страдала;

потомъ боли утихи, и Богъ послалъ ей передъ концомъ ея жизни нѣсколько дней чистаго счастья.

Эти дни никогда не изгладятся у меня изъ памяти. Проволочки, неизбѣжныя при тѣхъ трудныхъ операціяхъ, которыя мы заканчивали тогда, оставляли мнѣ много свободнаго времени. Никогда еще мысль ея не парила такъ высоко. Вечеромъ, мы при свѣтѣ звѣздъ гуляли по нашей террасѣ: тамъ высказывала она мнѣ свои соображенія, исполненныя такта и глубины; многія изъ нихъ являлись для меня настоящимъ откровеніемъ. Она вполне наслаждалась, и это были, несомнѣнно, самыя счастливыя минуты ея жизни. Нашъ умственный и нравственный союзъ былъ тѣснѣе, чѣмъ когда-либо. Она нѣсколько разъ повторяла мнѣ, что живетъ точно въ раю. Къ этому примѣшивалось чувство сладкой грусти. Ея болѣзнь только затихла и минутами снова возвращалась, какъ мрачное предостереженіе. Тогда она жаловалась, что судьба скупа къ ней и отнимаетъ у нея единственные часы полнаго счастья, которые подарила ей.

Въ послѣднихъ числахъ сентября пребываніе въ Газирѣ сдѣлалось неудобнымъ для меня, вслѣдствіе дѣлъ, требовавшихъ моего присутствія въ Бейрутѣ. Мы не безъ слезъ распрощались съ нашимъ газирскимъ домикомъ и въ послѣдній разъ проѣхали по прекрасной дорогѣ на берегу Собачьей рѣки,—дорогѣ, къ которой мы такъ привыкли за послѣдній годъ.

Хотя жаръ былъ очень силенъ, мы все-таки провели въ Бейрутѣ нѣсколько пріятныхъ дней. Дни были томительно знойны, но ночи очаровательны, и каждый вечеръ мы могли наслаждаться зрѣлищемъ Саннина, котораго заходящее солнце окружало какъ бы сіяніемъ. Операція перевозки была уже почти окончена; мнѣ оставалось только съѣздить на Кипръ. У насъ уже начались разговоры о возвращеніи домой; мы мечтали о нашемъ кроткомъ, блѣдномъ солнцѣ, о свѣжей, сыроватой сѣверной осени, о зеленыхъ лугахъ Уазы, по которымъ мы проѣзжали въ такое же время два года тому назадъ. Она часто говорила о томъ, какъ ей хочется скорѣе обнять маленькаго Ари и нашу старушку - мать. По временамъ на нее находили минуты грусти; тогда передъ ней вставали всѣ семейныя воспоминанія; она говорила со мною о нашемъ отцѣ, о его доброй и глубокой, нѣжной и кроткой душѣ. Никогда не видалъ я ее болѣе привлекательной, болѣе благородной.

Въ воскресенье, 15 сентября, адмиралъ Ле-Барбье-де-Тинанъ предупредилъ меня, что экипажъ суда «Катонъ» могъ посвятить недѣлю на новые попытки извлечь два большихъ саркофага въ

Гебейлъ, поднятіе которыхъ считалось сначала невозможнымъ. Мое присутствіе въ Гебейлѣ на эту недѣлю не было необходимо: достаточно будетъ, если я пройду на «Катонѣ», чтобы дать нѣкоторыя указанія, а затѣмъ я могу вернуться въ Бейрутъ сухимъ путемъ. Но я зналъ, что разлука со мной будетъ ей невѣроятна. Къ тому же, ей нравился Амшитъ, и вотъ почему я придумалъ другой планъ: ѣхать намъ вмѣстѣ на «Катонѣ», прожить эту недѣлю въ Амшитѣ и вернуться на «Катонѣ» же. Мы, дѣйствительно, уѣхали въ понедѣльникъ. Наканунѣ она была не совсѣмъ здорова, но дорога принесла ей пользу. Она наслаждалась видомъ Ливана среди роскошной природы лѣта, и пока я пошелъ переговорить съ командиромъ судна о всѣхъ подробностяхъ перевозки саркофаговъ, она спокойно отдохнула на кораблѣ. Вечеромъ послѣ заката солнца мы поднялись въ Амшитъ. Наши добрые друзья, думавшіе, что уже никогда болѣе не увидятъ насъ, приняли насъ съ распростертыми объятіями. Она было очень довольна. Послѣ обѣда мы до поздней ночи сидѣли на террасѣ дома Закхея. Небо было восхитительно; я напомнилъ ей то мѣсто въ книгѣ Іова, гдѣ старый патріархъ ставитъ себѣ въ особенную заслугу, что ни разу не поднесъ руки къ устамъ въ знакъ поклоненія, когда видѣлъ воинство звѣздъ во всемъ его великолѣпіи и луну восходившую во всемъ ея величіи. Весь духъ древнихъ вѣрованій Сиріи, повидимому, воскресалъ передъ нами. Библосъ былъ у нашихъ ногъ; къ югу, въ священной странѣ Ливана рисовались причудливыя зубцы скалъ и лѣсовъ Джебель-Муза, гдѣ, по словамъ легенды, скончался Адонисъ: море, дѣлающее на сѣверѣ заворотъ къ Ботрису, повидимому, окружало насъ съ двухъ сторонъ. Этотъ день былъ послѣднимъ вполне счастливымъ днемъ моей жизни; послѣ него при всякой радости я мысленно переношусь въ прошлое и вспоминаю ту, которой нѣтъ около меня и которая не можетъ раздѣлить этой радости. Во вторникъ она почувствовала себя не совсѣмъ хорошо. Но я еще не безпокоился. Это нездоровье казалось мнѣ ничтожнымъ сравнительно съ ея прежними болѣзнями, и мы проработали цѣлый день и вечеромъ, когда мы сидѣли на террасѣ, она была весела. Въ среду болѣзнь усилилась. Тогда я рѣшилъ пригласить къ ней врача съ «Катона». Онъ меня совершенно успокоилъ. Въ четвергъ она была въ томъ же положеніи. Но этотъ день оказался гибельнымъ для насъ, потому что и я, въ свою очередь, заболѣлъ. Моя экспедиція приходила къ концу, а я ни разу еще не подвергался серьезной болѣзни. По несчастной случайности, воспоминаніе о которой будетъ какъ

кошмаръ преслѣдовать меня всю жизнь, я изнемогъ именно въ то время, когда долженъ былъ бы присутствовать при агоніи.

Въ четвергъ утромъ мнѣ надобно было сходить на пристань въ Гебейль, чтобы переговорить съ командиромъ. На возвратномъ пути въ Амшитъ, я почувствовалъ, что солнце, отражаясь отъ раскаленныхъ скалъ, дѣйствовало на меня удручающимъ образомъ. Послѣ полудня у меня сдѣлался сильный припадокъ лихорадки, сопровождавшійся невралгическими страданіями. Это была, въ сущности, та же болѣзнь, которая убивала мою бѣдную сестру. Врачъ съ «Катона», не смотря на все свое искусство, не сумѣлъ распознать ее. Злокачественныя лихорадки отличаются въ Сиріи такими особенностями, что только врачи, долго жившіе въ этой странѣ, могутъ узнать ихъ. Большой приемъ сѣрнокислаго хинина, данный во-время, быть можетъ, спасъ бы насъ обоихъ. Вечеромъ я почувствовалъ, что у меня все мутится въ головѣ. Я сообщилъ объ этомъ врачу, который, совершенно не понимая свойства нашей болѣзни, не придалъ никакого значенія моимъ словамъ и ушелъ. Тогда мнѣ въ бреду представилось то, что три дня спустя сдѣлалось страшною дѣйствительностью. Я съ ужасомъ видѣлъ, какой опасности мы подвергаемся, оставаясь одни, если потеряемъ сознаніе и попадемъ въ руки мѣстныхъ жителей, людей добрыхъ, но совершенно невѣжественныхъ, имѣвшихъ самыя нелѣпыя представленія о медицинѣ. Я прощался съ жизнью въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ: я былъ увѣренъ, что всѣ мои бумаги пропадутъ. Мы провели ужасную ночь; но, должно быть, бѣдная сестра чувствовала себя не такъ худо, какъ я: я помню, что на слѣдующее утро у нея еще хватило силы сказать мнѣ: «Ты стоналъ всю ночь».

Пятница, суббота и воскресенье мелькаютъ въ головѣ моей, какъ обрывки какого-то тяжелаго сна. Припадокъ, который чуть не убилъ меня въ слѣдующій понедѣльникъ, имѣлъ, такъ сказать, обратную силу и почти совершенно изгладилъ воспоминаніе о трехъ предшествовавшихъ дняхъ. По несчастной случайности врачъ видагъ насъ въ тѣ минуты, когда намъ было лучше, и не могъ предугадать подготавливавшася кризиса. Я еще продолжалъ работать, но чувствовалъ, что работаю дурно. Моя мысль вертѣлась въ какомъ-то безвыходномъ кругѣ и билась, какъ ручка сломанной машины. Разныя другія мелочи остались у меня въ памяти. Я писалъ сестрамъ милосердія въ Бейрутъ и просилъ у нихъ хиннаго вина, которое во всей Сиріи онѣ однѣ умѣли готовить; но я самъ чувствовалъ, что письмо мое выходитъ нескладно. Повидимому, ни она, ни я, мы не сознавали вполне всей опасности

нашей болѣзни. Я рѣшилъ, что мы отправимся во Францію въ слѣдующій четвергъ.—«Да, да, поѣдемъ», сказала она съ полною довѣрчивостью.

— Ахъ, какая я несчастная, — проговорила она въ другое время,—я вижу, что мнѣ придется сильно страдать.—Въ одинъ изъ двухъ дней, передъ закатомъ солнца, она еще могла перейти изъ одной комнаты въ другую. Она легла на диванъ въ залѣ, гдѣ я обыкновенно спалъ и работалъ. Ставни были открыты, наши глаза обращались къ Джебель-Муза. Въ эту минуту у нея явилось какъ бы предчувствіе смерти, хотя не столь близкой. На глазахъ ея навернулись слезы; на лицѣ, истомленномъ страданіемъ, появился легкій румянецъ, и она вмѣстѣ со мной бросила на свою прошлую жизнь кроткій и печальный взглядъ. «Я напишу духовное завѣщаніе, — сказала она,—ты будешь моимъ душеприказчикомъ; я оставляю немного, но все-таки кое-что оставляю; на деньги, которыя я скопила, мнѣ хочется, чтобы ты устроилъ семейный склепъ; будемъ лежать всѣ вмѣстѣ, близко другъ къ другу. Маленькую Ернестину надобно тоже перенести къ намъ». Потомъ она стала дѣлать мысленно какіе-то расчеты, начертила пальцемъ внутреннее расположеніе склепа и намѣтила какъ будто 12 мѣстъ. Она стала со слезами говорить о маленькомъ Ари, о нашей старушкѣ-матери. Она сказала мнѣ, что именно хочетъ оставить своей племянницѣ; она долго придумывала, что дать Корнелии, чтобы доставить ей удовольствіе, и остановилась на одной маленькой итальянской книжкѣ (Fioretti св. Франциска), которую ей подарилъ г. Бертело. — Я сильно тебя любила,—сказала она мнѣ послѣ этого;—иногда моя любовь заставляла тебя страдать; я была несправедлива и слишкомъ требовательна; но все это отъ того, что я тебя любила, какъ теперь уже никто не любитъ, какъ, можетъ быть, и не слѣдуетъ любить.—Я заливался слезами; я сталъ говорить ей о возвращеніи на родину; я снова напомнилъ ей о маленькомъ Ари, я зналъ, что это ей пріятно. Она много говорила о немъ и вспоминала разныя трогательныя сцены. Потомъ она еще разъ заговорила о нашемъ отцѣ. Этотъ свѣтлый промежутокъ былъ послѣднимъ для обоихъ насъ. Мы были между двумя припадками злокачественной лихорадки, лишь нѣсколько часовъ отдѣляло насъ отъ послѣдняго, убійственнаго припадка. Кромѣ тѣхъ минутъ, когда къ намъ заходилъ докторъ, мы были одни на рукахъ нашихъ слугъ—арабовъ и деревенскихъ жителей; всѣ прочія лица, входившія въ составъ экспедиціи, или уѣхали, или были заняты въ другихъ мѣстахъ.

У меня сохранилось очень мало ясныхъ воспоминаній о не-

счастлиномъ днѣ воскресенья, или, лучше сказать, другіе должны были вызывать эти воспоминанія, такъ какъ первое время они совершенно исчезли у меня изъ памяти. Я продолжалъ дѣйствовать весь этотъ день, но какъ автоматъ, повинующійся данному толчку. Я еще ясно помню чувство, съ какимъ смотрѣлъ на крестьянъ, шедшихъ къ обѣднѣ; обыкновенно, когда они знали, что и мы идемъ въ церковь, они собирались къ нашему дому и торжественно провожали насъ. Докторъ пріѣхалъ утромъ. Рѣшено было, что на слѣдующій день до солнечнаго восхода пришлютъ матросовъ съ носилками для сестры и что «Катонъ» немедленно отвезетъ насъ въ Бейрутъ. Около полудня я, вѣроятно, еще работалъ въ комнатѣ бѣдной сестры; мнѣ рассказывали, что тамъ на пыновкѣ, на которой я обыкновенно сидѣлъ, нашли раскиданными мои книги и замѣтки. Послѣ полудня сестрѣ стало гораздо хуже. Я написалъ доктору, чтобы онъ пришелъ какъ можно скорѣе, и упомянулъ о возможности припадка сердечной болѣзни. Я совершенно не помню, что писалъ это письмо, и когда мнѣ его показали нѣсколько дней спустя, оно не возбудило во мнѣ никакого воспоминанія. А между тѣмъ, я все еще двигался. Антоунъ, нашъ слуга, рассказывалъ, что я велѣлъ перенести сестру въ залу, служившую мнѣ комнатою, что я помогалъ ему нести ее и долго оставался съ нею. Можетъ быть, въ эти минуты мы съ ней простились и она сказала мнѣ какія-нибудь священные слова, которыя исчезли у меня изъ головы, какъ бы стертые какимъ-то страшнымъ ударомъ губки. Антоунъ увѣрялъ меня, что она не сознавала приближенія смерти; но онъ былъ мало развитъ, плохо понималъ по французски и, можетъ быть, не замѣтилъ того, что мы говорили другъ другу.

Докторъ пріѣхалъ въ 6-мъ часу вмѣстѣ съ командиромъ. Оба нашли, что нечего и думать везти сестру завтра въ Бейрутъ. По странному совпаденію у меня сдѣлался припадокъ, пока они сидѣли у насъ; я упалъ безъ чувствъ на руки командира. Это были люди честные и разумные, но до сихъ поръ они обманывались относительно серьезности нашего положенія; теперь они стали совѣщаться, какъ имъ поступить. Докторъ честно сознался, что не умѣетъ лѣчить болѣзни, ходъ которой ему неизвѣстенъ, и просилъ командира съѣздить въ Бейрутъ и привезти кого-нибудь ему на помощь. Командиръ согласился. Но онъ слишкомъ подчинялся всѣмъ турецкимъ формальностямъ, которыя суда другихъ націй обходили даже безъ особенно важныхъ причинъ, и потому могъ выѣхать не раньше 4 часовъ утра, въ понедѣльникъ. Въ 6 часовъ онъ былъ въ Бейрутѣ и доложилъ о нашей болѣзни адмиралу Пари,

*

который, съ своею обычною любезностью, приказалъ ему немедленно вернуться назадъ, взявъ съ собою доктора Лувига съ «Ал-жезираса», главнаго врача эскадры, и доктора Сюке, французскаго санитарнаго врача въ Бейрутѣ, который, по общему признанію основательно изучилъ мѣстныя болѣзни Сиріи.

Въ половинѣ 11-го всё эти господа были въ Амшитѣ. Почти въ то же время докторъ Гальярдо пріѣхалъ туда сухимъ путемъ.

Съ вечера воскресенья мы лежали оба безъ сознанія другъ противъ друга въ большой залѣ Закхея, на попеченіи одного только Антоуна. Добрая семья Закхея стояла около насъ въ слезахъ и защищала насъ отъ мѣстнаго священника, какого-то сумасшедшаго, хотѣвшаго лечить насъ. Меня увѣряли, что за все это время сестра ни разу не приходила въ сознаніе. Докторъ Сюке, которому естественнымъ образомъ предоставили руководить нашимъ леченіемъ, скоро убѣдился, увы, что для нея всякое леченіе слишкомъ поздно. Всѣ усилія вызвать реакцію оказались напрасными. Она не могла проглотить сѣрвокислаго хирина, который служить лучшимъ лекарствомъ въ этихъ страшныхъ przypadкахъ. О: неужели возможно, что лекарство спасло бы ее, если бы явилось нѣсколькими часами раньше! Одна тяжелая мысль будетъ вѣчно преслѣдовать меня. Если бы мы остались въ Бейрутѣ, мы не избѣжали бы болѣзни, но по всей вѣроятности докторъ Сюке, приглашенный во-время, справился бы съ нею.

Въ теченіе всего понедѣльника моя благородная и нѣжная подруга тихо угасала. Она скончалась во вторникъ, 24 сентября, въ 3 часа утра. Маронитскій священникъ, приглашенный въ послѣднія минуты, напутствовалъ ее по обрядамъ своей религіи. Вокругъ ея тѣла не было недостатка въ искреннихъ слезахъ; но, Боже мой, могъ ли я думать, что моя Генриетта будетъ умирать за два шага отъ меня, а я не приму ея послѣдняго вздоха! Да, если бы не мой несчастный обморокъ въ воскресенье вечеромъ, я думаю, что мои поцѣлун, звукъ моего голоса, удержали бы ея душу на нѣсколько часовъ, удержали бы ее, быть можетъ, до тѣхъ поръ пока пришла бы помощь. Я не могу себѣ представить, что она потеряла сознаніе настолько глубоко, чтобы я не могъ вернуть его! Два или три раза въ лихорадочномъ бреду у меня являлось страшное сомнѣніе: мнѣ казалось, что она зоветъ меня изъ того подвала, куда было поставлено ея тѣло! Присутствіе французскихъ врачей при ея смерти устраняетъ, конечно, возможность такого ужаснаго предположенія. Но что за ней ухаживали другіе, а не я, что ее касались руки наемниковъ, что я не присутствовалъ на ея похоронахъ, что я своими слезами не засвидѣтельствують

передъ землей, ее принимавшей, какъ сильно я любилъ свою дорогую сестру, что она не видала моего лица, когда въ послѣднюю минуту бросила сознательный взглядъ на мѣръ, который покидала, — это будетъ вѣчно тяготить меня и отравлять всѣ мои радости. Если она чувствовала, что умираетъ, а меня нѣтъ подлѣ нея, если она знала, что я самъ умираю, а она не можетъ ухаживать за мной, о, какую адскую муку должно было испытывать передъ смертью это небесное созданіе! Сознаніе часто не проявляется внѣшними признаками, не оставляетъ послѣ себя воспоминанія, такъ что въ этомъ отношеніи я никакъ не могу вполне успокоиться.

Менѣ истощенный, чѣмъ сестра, я могъ принять ту громадную дозу сѣрвоксида хинина, которую мнѣ дали. Я нѣсколько пришелъ въ себя во вторникъ, утромъ, приблизительно за часъ до кончины моей возлюбленной сестры. Доказательство, что въ воскресенье и во время бреда я сохранялъ гораздо больше сознанія, чѣмъ можно судить по моимъ воспоминаніямъ—это мой первый вопросъ: какъ здоровье сестры?—«Ей очень худо»,—отвѣтили мнѣ. Я безпрестанно повторялъ въ полузабытій тотъ же вопросъ. «Она умерла»,—сказали мнѣ наконецъ. Пытаться обмануть меня было бесполезно, такъ какъ рѣшено было увезти меня въ Бейрутъ. Я умолялъ, чтобы мнѣ позволили взглянуть на нее; мнѣ въ этомъ рѣшительно отказали; меня положили на тѣ самыя носилки, которыя были приготовлены для нея. Я былъ въ состоянціи полного забытія; ужасное несчастье, поразившее меня, переплеталось въ умѣ моемъ съ горячечными галлюцинаціями. Страшная жажда мучила меня. Въ бреду я постоянно видѣлъ себя вмѣстѣ съ нею въ Афакѣ, у истоковъ рѣки Адониса, подъ гигантскими орѣшниками около водопада. Она сидѣла подлѣ меня на свѣжей травѣ; я подносилъ къ ея умирающимъ устамъ чашу полную ледяной воды; мы вмѣстѣ погружались въ этотъ источникъ жизни и плакали съ чувствомъ невыразимой грусти. Только два дня спустя я окончательно пришелъ въ сознаніе, и мое несчастье явилось передъ мною во всей его ужасающей реальности.

Послѣ нашего отъѣзда г. Гальярдо остался въ Ампитѣ, чтобы распорядиться похоронами моего бѣднаго друга. Населеніе деревни, которое очень полюбило ее, слѣдовало за ея гробомъ. Средства для бальзамированія не было никакихъ; пришлось подумать, куда на время поставить ея гробъ. Закхей предложилъ склепъ Михаила Товія, находящійся на концѣ деревни, около хорошенькой часовни, въ тѣни прекрасныхъ пальмовыхъ деревьевъ. Онъ просилъ только, чтобы когда увезутъ тѣло, оставили надпись съ обозначеніемъ, что на этомъ мѣстѣ покоилась француженка. Она и до сихъ поръ

лежитъ тамъ. Я не рѣшаюсь увезти ее отъ этихъ чудныхъ горъ, гдѣ она провела такія счастливыя минуты, отъ этихъ простыхъ людей, которыхъ она любила, и положить ее въ одну изъ нашихъ печальныхъ кладбищъ, которыя внушали ей ужасъ. Конечно, я хочу, чтобы она покоилась рядомъ со мною; но кто можетъ сказать, въ какомъ уголкѣ міра мнѣ придется лечь? Пусть же она ждетъ меня подъ пальмами Амшита, въ странѣ древнихъ мистерій, подлѣ священнаго Библоса.

Смерть похитила ее въ то время, когда она достигла полной зрѣлости, она уже не могла стать болѣе совершенною. Она достигла высшей ступени добродѣтельной жизни; ея взгляды на міръ не могли идти дальше; мѣра ея самоотверженія и нѣжности была переполнена.

Ахъ, одно, чего ей не доставало, это, несомнѣнно, счастья. Я мечталъ для нея о разныхъ тихихъ, маленькихъ радостяхъ; я строилъ разные планы жизни по ея вкусу. Я представлялъ себѣ, какъ она доживетъ до старости, и я буду окружать ее сыновнимъ уваженіемъ, и она будетъ гордиться мною, и, наконецъ, отдохнетъ среди ничѣмъ невозмутимаго покоя. Мнѣ хотѣлось, чтобы это доброе и благородное сердце хоть въ преклонныхъ годахъ узнало жизнь спокойную, можно сказать, эгоистичную. Богъ уготовалъ для нея однѣ только возвышенныя и тяжелыя тропы. Она умерла, почти не получивъ награды. Тотъ часъ, когда пожинаютъ плоды посѣяннаго, когда садятся, чтобы вспомнить о прошлыхъ горестяхъ, о прошлой усталости, не пробилъ для нея!

Награда! она, по правдѣ сказать, никогда о ней не думала. Корыстные расчеты были чужды ея великой душѣ. Вѣра въ святость долга была отзвукомъ ея душевнаго благородства. Добродѣтель являлась для нея не плодомъ теоріи, она была присутіемъ ей свойствомъ. Она дѣлала добро ради добра.

Но Богъ не допускаетъ своихъ святыхъ видѣть тлѣніе. О сердце, въ которомъ вѣчно горѣлъ кроткій пламень любви; мозгъ— вмѣстилище столь чистой мысли; прекрасные глаза, сіявшіе добротой; длинные и нѣжные пальцы, которые я такъ часто сжималъ въ своихъ,—я дрожу отъ ужаса при мысли, что вы обратитесь въ прахъ! Но здѣсь на землѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ символами и образами. Вѣчная часть каждаго изъ насъ есть его отношеніе къ Безконечному. Человѣкъ безсмертенъ только въ памяти Бога. Тамъ наша Генриетта, вѣчно непорочная, окруженная вѣчнымъ сіяніемъ, живетъ въ тысячу разъ болѣе реальною жизнью, чѣмъ въ то время, когда она, помощью своихъ слабыхъ органовъ, боролась, чтобы создать свою духовную личность, и, заброшенная

среди міра, не умѣвшаго понять ее, упорно искала совершенства. Пусть память о ней останется намъ, какъ драгоцѣнное свидѣтельство тѣхъ вѣчныхъ истинъ, которыя подтверждаетъ каждая добродѣтельная жизнь. Что касается меня, я никогда не сомнѣвался въ реальности нравственнаго порядка, но теперь для меня до очевидности ясно, что весь логическій строй міровой системы былъ бы разрушенъ, если бы подобныя существованія были иллюзіей и обманчивымъ призракомъ.

Генриетта Ренанъ.

НАПРАВЛЯЮЩЕЕ ЧУВСТВО У НАСѢКОМЫХЪ.

(Изъ «Энтомологическихъ воспоминаній» Фавра).

Голубь, занесенный на сотни миль отъ своего голубятника, съумѣетъ найти его; ласточка, возвращаясь со своихъ зимнихъ квартиръ въ Африкѣ, перелетаетъ моря и опять поселяется въ старомъ гнѣздѣ. Что служитъ имъ руководителемъ въ столь продолжительныхъ путешествіяхъ? Не зрѣніе ли? Тусенель, очень умный наблюдатель, хотя уступающій другимъ въ знакомствѣ съ животными въ коллекціяхъ, но одинъ изъ лучшихъ знатоковъ животнаго, живущаго на свободѣ, удивительный авторъ «Разума животныхъ»,—даетъ въ руководители путешествующему голубю зрѣніе и метеорологію. «Французская птица знаетъ по опыту,—говоритъ онъ,—что холодъ идетъ съ сѣвера, тепло—съ юга, сухость—съ востока, сырость—съ запада. Эти метеорологическія знанія достаточны для того, чтобы указать ей главныя страны свѣта и направить ея полетъ. Голубь, привезенный изъ Брюсселя въ Тулузу въ крытой корзинѣ, не могъ, разумѣется, снять глазами географическій планъ пройденнаго пространства; но никто не въ силахъ помѣшать ему чувствовать, вслѣдствіе тепловыхъ впечатлѣній атмосферы, что онъ движется къ югу. Будучи выпущенъ на свободу въ Тулузѣ, онъ уже знаетъ, что для того, чтобы вернуться въ свой голубятникъ, онъ долженъ держаться направленія къ сѣверу. И такъ, онъ пускается прямо въ этомъ направленіи и останавливается только тогда, когда достигаетъ странъ съ умереннымъ климатомъ той широты, въ которой онъ жилъ. Если онъ не сразу находитъ свое жилище, значитъ, онъ слишкомъ отклонился вправо или влево. Во всякомъ случаѣ, ему достаточно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ поискать въ западномъ или восточномъ направленіи, чтобы открыть свою ошибку».

Прекрасное объясненіе для тѣхъ случаевъ, когда передвиженіе совершается съ сѣвера на югъ или обратно; но оно не подхо-

дять къ случаямъ передвиженія съ востока на западъ по одной изотермѣ. Это объясненіе имѣетъ еще тотъ недостатокъ, что его нельзя обобщить. Нельзя считать посредникомъ зрѣніе и еще менѣе климатическія пережѣны, когда кошка черезъ весь городъ находитъ дорогу домой, и когда при этомъ она ориентуруется среди лабиринта улицъ и переулковъ, которые видитъ въ первый разъ. Не зрѣніе также руководило моими пчелами каменщицами-халикодомами, когда я заносилъ ихъ далеко отъ гнѣзда и выпускалъ среди лѣса. Ихъ низкій полетъ, на два-три метра надъ землею, не позволяетъ имъ сразу осмотрѣть мѣстность и замѣтить планъ ея. Зачѣмъ имъ топографія? Онѣ не долго колеблются: покругившись немного вокругъ экспериментатора, онѣ сразу направляются въ сторону гнѣзда, не смотря на густую сѣть лѣса, на цѣпь высокихъ холмовъ, черезъ которые имъ придется перелетать, не поднимаясь при этомъ высоко надъ уровнемъ почвы. Зрѣніе помогаетъ имъ избѣгать препятствій, но не даетъ имъ свѣдѣній относительно направленія, котораго онѣ должны держаться. Не больше значить здѣсь и метеорологія. При перемѣщеніи на нѣсколько верстъ, не найдешь перемѣнъ климата. Впечатлѣнія тепла, холода, сухости и сырости ничему не научатъ моихъ пчелъ: этого не допускаетъ и краткость ихъ существованія, дляшагося всего нѣсколько недѣль. И даже, если бы онѣ знали главныя страны свѣта, то одинаковость климата тамъ, гдѣ ихъ гнѣзда, и тамъ, гдѣ ихъ выпустили, оставила нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, какое направленіе онѣ должны избрать. Для объясненія всѣхъ этихъ тайнъ, поневолѣ приходится призвать на помощь новую тайну—спеціальное чувство, въ которомъ отказано человѣку. Дарвинъ, авторитетъ котораго никто не станетъ оспаривать, приходитъ къ такому же заключенію. Узнавать, производятъ ли земные токи впечатлѣніе на животное, освѣдомляться, вліяетъ ли на него близость магнитной стрѣлки, — а этимъ занимался Дарвинъ,—не значить ли это признать магнетическую чувствительность? Обладаемъ ли мы подобной чувствительностью? Разумѣется, я говорю о магнетизмѣ физиковъ, а вовсе не о магнетизмѣ Месмеровъ и Калиостро. Поистинѣ, мы не обладаемъ ничѣмъ подобнымъ. Зачѣмъ понадобился бы компасъ моряку, если бы онъ самъ былъ компасомъ?

И такъ, ученый авторитетъ признаетъ, что спеціальное чувство, настолько чуждое нашему организму, что мы не можемъ даже составить о немъ вѣрнаго представленія, направляетъ голубя, ласточку, кошку, пчелу и столькоихъ другихъ среди незнакомой мѣстности.

Магнетическое ли это чувство, или нѣтъ, — не буду рѣшать, довольный уже и тѣмъ, что содѣйствовалъ доказательству его су-

ществованія. Если бы на нашу долю выпало однимъ чувствомъ больше, какое бы это было приобрутеніе, какой двигатель прогресса! Почему мы лишены его? Это было бы великолѣпнымъ и необыкновенно полезнымъ орудіемъ въ «борьбѣ за существованіе». Если, какъ предполагаютъ, весь животный міръ, включая и человѣка, происходитъ отъ одной формы, отъ первичной клѣтки и въ теченіе вѣковъ постепенно измѣняется, покровительствуя болѣе одареннымъ и предоставляя гибели менѣе одаренныхъ, то какимъ образомъ это удивительное чувство выпало на долю нѣсколькихъ скромныхъ и не оставило никакихъ слѣдовъ существованія своего у человѣка, этой кульминаціонной точки всего зоологическаго ряда? Наши предки сдѣлали большую ошибку, потерявъ такое великолѣпное наслѣдство; сохранить его было бы гораздо болѣе важно, нежели сохранить хвостовой позвонокъ или волосы на усахъ.

Помѣщается ли это неивѣстное чувство въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ у перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ, проявляется ли оно черезъ специальный органъ? Прежде всего вспоминаешь при этомъ усики насѣкомаго. Къ усикамъ прибѣгаютъ каждый разъ, когда не могутъ повясть дѣйствій насѣкомаго.

Сверхъ того, у меня не было недостатка въ основательныхъ поводахъ, чтобы приписать имъ направляющее чувство. Когда змюфила щетинистая отыскиваетъ сѣраго червяка, то именно усиками, этими пальцами, постоянно ощупывающими почву, она повидимому, узнаетъ о присутствіи дичи подъ землею. Эти изслѣдующія нити, направляющія, повидимому, животное на охотѣ, не могутъ ли также направлять его въ путешествіи? Это надо видѣть, и я видѣлъ это.

Ножницами я отрѣзываю насколько возможно коротко усики у нѣсколькихъ халикодомъ. Изуродованныхъ такимъ образомъ пчелъ я отношу отъ гнѣзда и выпускаю. Онѣ возвращаются въ гнѣздо съ такою же легкостью, какъ и другія. Я дѣлывалъ такіе же опыты и съ самой большою изъ нашихъ ось-жуколовокъ (*Cerceris tuberculata*), которая охотится на долгоносиковъ, и она также возвращалась къ своимъ норкамъ. И такъ, мы отдѣлялись отъ одной гипотезы: направляющее чувство дѣйствуетъ не черезъ усики. Гдѣ же мѣстопробываніе его? Я не знаю.

А что я знаю хорошо, такъ это то, что пчелы съ обруѣзанными усиками, возвратясь къ гнѣзду, не возобновляютъ работы. Онѣ упорно летаютъ передъ своей постройкой, присаживаются на край ячейки и долго сидятъ задумчивыя и унылыя, глядя на работу, которая никогда не будетъ окончена. Онѣ улетаютъ, опять возвращаются, охотятся на всякаго дерзкаго сосѣда, но никогда

не возобновляютъ сбора меда или извести. На другой день онѣ больше не появляются у гнѣзда: лишенный инструментовъ рабочий не имѣетъ боже охоты къ работѣ. Когда халикодома строятъ, усики ея постоянно ощупываютъ, зондируютъ, изслѣдуютъ и, по-видимому, играютъ главную роль въ совершенствѣ работы. Это ея органы измѣренія; они представляютъ собою компасъ, угло-мѣръ, ватерпасъ и отвѣсъ строителя.

До сихъ поръ мои опыты относились исключительно къ самкамъ, гораздо болѣе вѣрнымъ своему гнѣзду вслѣдствіе обязанностей материнства. Что сдѣлали бы самцы, если бы были удалены отъ мѣста жительства? Я не имѣлъ большаго довѣрія къ этимъ любовникамъ, въ теченіе многихъ дней образующимъ шумныя сборища въ ожиданіи выхода самокъ, передъ земляными пирожками, которые служатъ гнѣздами халикодомъ. Въ безмолвныхъ дракахъ оспариваютъ они обладаніе самками, выходящими изъ гнѣзда, и потомъ исчезаютъ, когда работы въ полномъ разгарѣ.

Не все ли имъ равно, думалъ я, возвратиться ли къ родимой кучкѣ земли, или устроиться въ другомъ мѣстѣ, лишь бы они нашли тамъ, кому объясниться въ любви! Я ошибался: самцы возвращаются въ гнѣздо. Правда, въ виду ихъ слабости, я не обрекалъ ихъ на большое путешествіе: всего около версты. Однако, для нихъ это далекая экспедиція, и притомъ по неизвѣстной странѣ, потому что я никогда не видалъ, чтобы они сами дѣлали длинныя экскурсіи. Днемъ они посѣщаютъ земляные пирожки-гнѣзда, или садовые цвѣты; ночью укрываются въ старыхъ гнѣздахъ, или въ щеляхъ между камнями.

Тѣ же земляные пирожки посѣщаются двумя осмиями: трехрогой и осмей Латрейля (*Osmia tricornis* и *Os. Latreillii*), которыя строятъ свои гнѣзда въ галлерейхъ, покинутыхъ халикодомами. Чаше встрѣчается осмія трехрогая. Это былъ отличный случай узнать, насколько распространено направляющее чувство между перепончатокрылыми вообще; я воспользовался этимъ случаемъ. И что же? Трехрогая осмія, какъ самки, такъ и самцы, умѣютъ находить гнѣздо. Мои опыты были сдѣланы быстро, надъ небольшимъ числомъ насѣкомыхъ и на небольшихъ разстояніяхъ; но они такъ точно совпали съ другими опытами, что убѣдили меня. Въ общемъ, возвращеніе въ гнѣздо было констатировано у 4 видовъ: у амбарной халикодомы, стѣнной халикодомы, осміи трехрогой и церцериса бугорчатаго. Долженъ ли я сдѣлать полное обобщеніе и приписать всѣмъ перепончатокрылымъ способность ориентироваться въ незнакомой мѣстности? Я воздержусь отъ этого, потому что мнѣ извѣстенъ очень важный случай противоположнаго значенія.

Среди богатствъ моей лабораторіи въ пустырь на первый планъ я ставлю муравейникъ знаменитаго рыжаго муравья, охотящагося за рабами (*Polyergus rufescens.*). Неспособный воспитать свое семейство, отыскать свою пищу, даже взять ее, когда она находится вблизи его, онъ нуждается въ слугахъ, которые бы кормили его и заботились бы о его семьѣ. Рыжіе муравьи—воры дѣтей, обреченныхъ быть слугами общины. Они грабятъ сосѣдніе муравейники другого вида; они уносятъ оттуда куколокъ, которыя, когда выведутся, дѣлаются усердными слугами въ чужомъ домѣ. Съ наступленіемъ іюньскихъ и іюльскихъ жаровъ, я часто вижу этихъ амазонокъ, выходящихъ въ послѣобѣденное время и отправляющихся въ экспедицію. Колонна имѣетъ въ длину 5—6 метровъ. Если на пути не встрѣчается ничего, достойнаго вниманія, то ряды движутся въ порядкѣ; но при малѣйшихъ признакахъ чужого муравейника, авангардъ останавливается и рассыпается суетливой толпою, которую увеличиваютъ другіе, сбѣгающіеся сюда. Развѣдчики отдѣляются, находятъ ошибку, и походъ снова продолжается. Войско проходитъ садовыя аллеи, исчезаетъ въ травѣ, потомъ опять показывается, дальше переходитъ черезъ кучу сухихъ листьевъ, опять принимается искать, причемъ ищетъ наудачу.

Наконецъ, найдено гнѣздо черныхъ муравьевъ. Поспѣшно сходятъ рыжіе муравьи въ дортуары, въ которыхъ спятъ куколки, и скоро возвращаются съ добычею. Вотъ тогда-то у дверей подземнаго города поднимается суетливая борьба черныхъ, защищающихъ свое добро, и рыжихъ, которые стараются унести его. Борьба слишкомъ неравна, чтобы быть нерѣшительной. Побѣда остается за рыжими, которые спѣшатъ къ своему жилищу, каждый держа въ своихъ челюстяхъ добычу: скрытую въ коконѣ куколку. Для читателя, незнакомаго съ этими рабовладѣльческими обычаями, исторія амазонокъ очень интересна, но, къ моему крайнему сожалѣнію, я оставляю ее, она слишкомъ отвлекла бы насъ отъ главнаго предмета, т. е. отъ возвращенія къ гнѣзду.

Разстояніе, черезъ которое воровское войско переноситъ куколку, различно и зависитъ отъ того, какъ много въ сосѣдствѣ черныхъ муравьевъ. Иногда достаточно пройти 10—20 шаговъ; въ другихъ случаяхъ, приходится пройти 50, 100 и болѣе шаговъ. Разъ я видѣлъ, экспедиція производилась за садомъ. Амазонки переползли черезъ ограду и отошли немного дальше, въ хлѣбное поле. Что касается дороги, то она безразлична для войска: будетъ ли это обнаженная земля, или густая трава, или куча сухихъ листьевъ, камней, кусты,—черезъ все оно проходитъ безъ

замѣтнаго предпочтенія. Обратный же путь строго опредѣленъ, и до малѣйшихъ извилинъ, во всѣхъ, даже самыхъ трудныхъ переходахъ, идетъ по слѣду пройденнаго пути. Обремененные добычею рыжіе муравьи, иногда возвращаются къ гнѣзду очень сложнымъ путемъ, который былъ выбранъ, благодаря случайностямъ охоты. Они идутъ тамъ, гдѣ уже проходили, и для нихъ это настолько настоятельная необходимость, что даже сильная усталость или серьезная опасность не могутъ измѣнить направленія.

Предположимъ, что они только-что перешли черезъ кучу сухихъ листьевъ: для нихъ этотъ переходъ полонъ пропастей, куда ежеминутно повторяются паденія, и многіе изнемогаютъ, стараясь выбраться изъ глубины и выкарабкаться наверхъ по колеблющимся мостикамъ, чтобы выйти, наконецъ, изъ лабиринта закоулковъ. Что за важность! При возвращеніи муравьи не преминутъ, даже обремененные ношей, перейти еще разъ трудный лабиринтъ. Что нужно имъ сдѣлать, чтобы избѣжать такого труда? Отклониться немного отъ первоначальнаго пути: вотъ, совсѣмъ близко, въ одномъ шагѣ разстоянія, хорошая дорога. Но это небольшое отклоненіе не въ ихъ видахъ.

Однажды я видѣлъ, какъ они дѣлали набѣгъ и проходили по внутренней окраинѣ каменнаго бассейна, который я наполнилъ красными рыбками. Дулъ сильный вѣтеръ и сбрасывалъ цѣлые ряды муравьевъ въ воду. Сбѣжались рыбы и глотали утопленниковъ. Это былъ трудный путь: прежде, чѣмъ перейти его, войско уменьшилось разъ въ 10. Я думалъ, что возвращеніе совершится по другому пути, который обойдетъ роковую бездну. Ничего подобнаго! Банда, обремененная куколками, опять пустилась по опасной дорогѣ, и краснымъ рыбкамъ выпала двойная манна: и муравьи, и ихъ добыча. Войско снова поплатилось массою погибшихъ, лишь бы не мѣнять направленія.

Безъ сомнѣнія, это возвращеніе домой по пути, уже пройденному, обуславливается трудностью найти жилище послѣ далекой экспедиціи, сопровождаемой капризными поворотами. Если насѣкомое не желаетъ сбиться съ дороги, то у него вѣтъ выбора: оно должно возвращаться по знакомой ему, уже разъ пройденной дорогѣ. Когда гусеницы походнаго шелкопряда вылѣзаютъ изъ гнѣзда и переползаютъ на другую вѣтку, чтобы добыть себѣ листочковъ по своему вкусу, онѣ выпускаютъ шелковую нитку и по ней возвращаются обратно. Вотъ самый элементарный способъ, употребляемый насѣкомымъ, которому грозитъ опасность заблудиться: шелковая дорожка приводитъ его домой. Шелкопрядъ со своимъ наивнымъ устройствомъ путей сообщенія очень далекъ отъ

пчелъ и другихъ насѣкомыхъ, руководящихся спеціальнымъ чувствомъ.

Амазонка, хотя она изъ породы перепончатокрылыхъ, имѣетъ также очень ограниченныя способы возвращенія домой, какъ это доказывается необходимостью для нея возвращаться по пройденному пути. Подражаетъ ли муравей, до извѣстной степени шелкопряду, т. е. оставляетъ ли онъ, если не руководящія шелковыя нити, которыхъ онъ не умѣетъ производить, то какой-нибудь запахъ, какое-нибудь испареніе муравьиной кислоты, напримѣръ, которое позволяло бы муравью руководиться чувствомъ обонянія?

Такъ смотрятъ на это многіе, говоря, что муравьи руководятся обоняніемъ, которое, повидимому, помѣщается въ усикахъ, находящихся въ постоянномъ движеніи. Я позволю себѣ не выражать особеннаго сочувствія этому мнѣнію. Прежде всего, я не питаю довѣрія къ обонянью, помѣщающемуся въ усикахъ; раньше я изложилъ основанія для этого; и потомъ я надѣюсь доказать опытами, что рыжіе муравьи не руководятся запахомъ. У меня отнимало много времени продолжительное, часто безуспѣшное, вслѣживаніе выхода муравьевъ. Я взялъ себѣ помощника, менѣе занятого, чѣмъ я. Это была моя внучка Люси, шалунья, интересовавшаяся тѣмъ, что я рассказывалъ ей о муравьяхъ. Она присутствовала при большомъ сраженіи между рыжими и черными, и задумчиво слѣдила за похищеніемъ спеленутыхъ малятокъ. Послѣ строгаго внушенія относительно важности ея обязанностей, очень гордая тѣмъ, что она, такая маленькая, уже работаетъ для такой большой дамы, какъ г-жа Наука, Люси въ хорошую погоду обѣгала садъ и слѣдила за рыжими муравьями, путешествіе которыхъ ей было поручено прослѣдить. Она уже доказала свое усердіе, и я вполне могъ рассчитывать на нее. Однажды, у дверей моего кабинета раздается стукъ:

— Это я, Люси. Иди скорѣе; рыжіе вошли въ домъ черныхъ. Скорѣе иди!

— А ты хорошо знаешь, по какой дорогѣ шли?

— Знаю; я намѣтила.

— Какъ? Намѣтила! Какимъ образомъ?

— Я сдѣлала, какъ мальчикъ-съ-пальчикъ: набросала по дорогѣ маленькихъ бѣлыхъ камешковъ.

Я бѣгу. Все произошло такъ, какъ рассказала моя шестилѣтняя помощница. Люси напередъ запаслась камешками и, увидѣвъ, что батальонъ муравьевъ выходитъ изъ своей казармы, послѣдовала за нимъ и шагъ за шагомъ разбрасывала камешки по пройденному пути. Муравьи начинали возвращаться по пройденному

пути, намѣченному камнями. Имъ оставалось пройти до гнѣзда шаговъ сто, и это дало мнѣ время сдѣлать приготовленія для опыта, задуманнаго на досугѣ.

Я вооружаюсь большой щеткой и замѣтаю слѣдъ на пространствѣ въ метръ ширины. Такимъ образомъ, пыль сметена и замѣнена другою. Если на пылинкахъ остался запахъ отъ муравьевъ, то теперь отсутствие его собьетъ ихъ съ пути. Я такъ перерѣзываю путь въ четырехъ мѣстахъ, на различныхъ разстояніяхъ. Вотъ колонна подходитъ къ первому перерыву. Колебаніе муравьевъ очевидно. Нѣкоторые идутъ назадъ, потомъ впередъ, потомъ опять назадъ; другіе разсыпаются по окраинѣ и какъ будто стараются обойти незнакомое мѣсто. Авангардъ, сначала сбившійся на пространствѣ нѣсколькихъ дециметровъ въ ширину, разсыпается вширь на 3—4 метра. Передъ препятствіемъ увеличивается число приходящихъ сзади и образуется нерѣшительная толкотня. Наконецъ, нѣсколько муравьевъ пускается наудачу по прометенному мѣсту, остальные слѣдуютъ за ними, тогда какъ большая часть нашла слѣдъ обходомъ. На остальныхъ перерывахъ тѣ же остановки, тѣ же колебанія; тѣмъ не менѣе, всѣ они пройдены прямо или обходомъ. Несмотря на мои козни, возвращеніе совершается по намѣченному камнями пути.

Опытъ какъ бы говоритъ въ пользу обонянія. Четыре раза, на каждомъ перерывѣ, повторяется колебаніе. Если, тѣмъ не менѣе, возвращеніе совершается по пройденному пути, то это можетъ зависѣть отъ того, что щетка работала недостаточно чисто и оставила на мѣстѣ частички пахнущей пыли. Муравьи, которые прошли обходомъ, могли руководиться остатками, отмеченными на край. Прежде чѣмъ высказаться за или противъ, нужно повторить опытъ въ лучшихъ условіяхъ.

Нѣсколько дней спустя, когда мой плавъ вполнѣ обдуманъ, Люси опять принимается за наблюденія и вскорѣ сообщаетъ мнѣ о выходѣ муравьевъ. Я рассчитывалъ на это, такъ какъ муравьи рѣдко упускаютъ случай отправиться въ экспедицію въ жаркіе іюньскіе и іюльскіе полудни, въ особенности передъ грозю. Камешки опять устилаютъ дорогу, на которой я выбираю наиболѣе удобную для моихъ намѣреній точку. Холщевая труба, служащая для поливки сада, прикрѣплена однимъ концомъ къ желобу бассейна; затворъ открытъ, и дорога муравьевъ залита непрерывнымъ потокомъ шириною въ большой шагъ и неопредѣленной длины. Вода течетъ обильно и быстро, чтобы смыть хорошенько съ почвы все, что могло быть пахучимъ. Смыванье длится съ четверть часа. Когда муравьи приближаются, возвращаясь съ охоты, я умень-

шаю быстроту теченія и дѣлаю глубину водной скатерти такою, чтобы она не превышала силъ насѣкомаго. Вотъ препятствіе, которое муравьи должны перейти, если имъ непремѣнно нужно идти по старому слѣду.

Здѣсь колебаніе продолжительно, задніе успѣвають догнать передовыхъ. Однако, муравьи все-таки рѣшаются пуститься черезъ потокъ при помощи нѣсколькихъ крупныхъ песчинокъ, плавающихъ тамъ и сямъ; дно уходитъ изъ подъ нихъ, потокъ увлекаетъ самыхъ отважныхъ, которые, не оставляя добычи, плывутъ по теченію, попадаютъ на мелкое мѣсто, и начинаютъ опять поиски брода. Нѣсколько маленькихъ соломенокъ, принесенныхъ водою, останавливаются тамъ и сямъ: черезъ эти колеблющіяся мостики пускаются муравьи. Сухіе оливковые листья обращаются въ плоты, обремененные пассажирами. Самые ловкіе отчасти собственными усиліями, отчасти благодаря счастливымъ случайностямъ, немедленно достигаютъ противоположнаго берега. Я вижу такихъ, которые, будучи отнесены потокомъ на разстояніе 2—3 шаговъ, кажутся очень озабоченными вопросомъ, что имъ дѣлать. Среди этого безпорядка, среди опасностей потопленія ни одинъ не выпускаетъ своей добычи. Лучше смерть, чѣмъ это. Короче, такъ или иначе, потокъ перейденъ по старому слѣду.

Послѣ опыта съ потокомъ, смывающимъ почву и обновляющимъ свою воду въ продолженіе перехода, мнѣ кажется очевиднымъ, что запахъ не можетъ играть здѣсь роли. Теперь посмотримъ, что будетъ, если запахъ муравьиной кислоты (если онъ только есть), замѣнитъ другимъ, несравненно болѣе сильнымъ запахомъ и доступнымъ нашему обонянію. Подстережимъ третій выходъ муравьевъ и въ одномъ мѣстѣ ихъ пути натремъ почву нѣсколькими горстями мяты, которую я только что срѣзалъ на моей куртнѣ. Листьями мяты же я покрываю слѣдъ нѣсколько дальше. Возвращающіеся муравьи проходятъ, не замѣчая, натертое мѣсто, но колеблются передъ мѣстомъ, усыпаннымъ листьями, черезъ которое потомъ также проходятъ.

Послѣ этихъ двухъ опытовъ, я думаю, невозможно обоняніе считать руководителемъ муравьевъ, возвращающихся въ гнѣздо. Другія доказательства окончательно убѣдятъ насъ въ этомъ. Ничего не трогая на почвѣ, я раскладываю поперекъ пути большіе газетные листы, которые укрѣпляю маленькими камешками.

Передъ этимъ ковромъ, совершенно измѣняющимъ видъ пути, не отнимая у него ничего, что могло бы издавать запахъ, муравьи колеблются еще болѣе, чѣмъ передъ всѣми другими препятствіями. Они осматриваютъ бумагу со всѣхъ сторонъ, пытаются

пройти впередъ, опять отступаютъ назадъ прежде, чѣмъ отвѣщаются на движеніе черезъ незнакомое мѣсто. Наконецъ, бумажная преграда перейдена, и войско дефилируетъ дальше.

Дальше муравьевъ ожидаетъ другая хитрость. Я перегородилъ дорогу тонкимъ слоемъ желтаго песку, тогда какъ сама почва сѣрватая. Это измѣненіе окраски достаточно, чтобы на время сбить съ толку муравьевъ, которые повторяютъ здѣсь, хотя не такъ долго, свои колебанія передъ бумажными листами. Въ концѣ концовъ препятствіе перейдено, какъ и другія.

Такъ какъ листы бумаги и песокъ не могли уничтожить запаха, то, очевидно, по остановкамъ и колебаніямъ здѣсь муравьевъ, что помогаетъ муравьямъ находить дорогу не обоняніемъ, а зрѣніемъ, потому что каждый разъ, какъ я измѣняю видъ пути, щеткой ли, водою, мятой, бумагой или пескомъ, возвращающееся войско останавливается, колеблется, старается дать себѣ отчетъ въ происшедшихъ перемѣнахъ.

Да, конечно, это зрѣніе, но очень близорукое, для котораго нѣсколько песчинокъ измѣняютъ горизонтъ, и батальонъ, торопящійся вернуться домой съ добычею, останавливается въ тревогѣ передъ мѣстностью, которая кажется ему неизвѣстной. Если эти мѣста, наконецъ, пройдены, то это потому, что послѣ повторенныхъ попытокъ перейти ихъ нѣкоторымъ муравьямъ это удастся; остальные слѣдуютъ за этими удалцами.

Зрѣнія было бы недостаточно, если бы муравей не имѣлъ хорошей памяти на мѣста. Память у муравьевъ! Что это можетъ быть? Чѣмъ она похожа на нашу память? На эти вопросы у меня нѣтъ отвѣта, но нѣсколькихъ строкъ мнѣ будетъ достаточно, чтобы доказать, что насѣкомое имѣетъ довольно устойчивую и очень вѣрную память мѣстъ, которыя оно однажды посѣтило. Вотъ чего я былъ свидѣтелемъ много разъ. Иногда случается, что ограбленный муравейникъ доставляетъ рыжимъ муравьямъ больше добычи, чѣмъ можетъ увести войско. Или же мѣстность оказывается богатою муравейниками. Значитъ, нужно сдѣлать другой набѣгъ, чтобы вполне воспользоваться богатствами мѣстности. Тогда снаряжается другая экспедиція, на другой день, или 2—3 дня спустя. На этотъ разъ отрядъ не ищетъ дороги, а прямо, по извѣстной дорогѣ направляется къ муравейнику, богатому куколками.

Мнѣ случалось усыпать мелкими камешками на протяженіи двадцати метровъ дорогу, по которой 2—3 дня тому назадъ уже проходили муравьи, и заставить ихъ въ экспедиціи на той же самой дорогѣ. Я напередъ говорилъ: они пройдутъ здѣсь и тамъ,

по слѣдамъ, намѣченнымъ камнями; и дѣйствительно, они проходили вдоль моего ряда камешковъ безъ значительныхъ отклоненій.

Можно ли предположить, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ дней дорога издавала оставленный на ней запахъ? Никто не рѣшится утверждать это. Значить, муравей руководится именно зрѣніемъ въ соединеніи съ памятью мѣстности. И эта память настолько прочна, что сохраняетъ воспоминаніе день и больше; она необыкновенно точна, потому что ведетъ отрядъ по той самой тропинкѣ, по какой онъ шелъ вчера черезъ всѣ разнообразныя изгибы мѣстности.

Какъ станетъ вести себя муравей въ незнакомой мѣстности? Обладаетъ ли онъ, хотя въ скромныхъ размѣрахъ, направляющимъ чувствомъ халикодомы, можетъ ли онъ здѣсь найти свой муравейникъ или догнать свой отрядъ?

Не всѣ части сада одинаково посѣщаются грабителями: сѣверная часть посѣщается чаще другихъ, безъ сомнѣнія, тамъ набѣги плодотворнѣе. Значить, муравьи, большею частью, направляются на сѣверъ отъ своего жилья; я очень рѣдко встрѣчаю ихъ на югѣ. Слѣдовательно, южная часть сада мало знакома имъ. Принявъ это во вниманіе, посмотримъ, какъ ведетъ себя сбившійся съ дороги муравей.

Я держусь вблизи муравейника, и когда отрядъ возвращается съ охоты за рабами, я заманиваю одного муравья на сухой листъ, который я ему подставляю. Я отношу его шага на 2—3 отъ его батальона, но въ направленіи къ югу. Этого достаточно, чтобы совершенно сбить его съ пути. Я вижу, какъ онъ, будучи положенъ на землю, начинаетъ бродить наудачу, все держа въ челюстяхъ добычу; я вижу, какъ онъ поспѣшно удаляется отъ своихъ товарищей, думая, что догоняетъ ихъ; я вижу, какъ онъ возвращается, опять удаляется, пробуетъ пойти направо, потомъ налѣво, потомъ въ другихъ направленіяхъ, и все напрасно. Этотъ побѣдитель съ сильной челюстью заблудился въ двухъ шагахъ отъ своего отряда. Въ моей памяти осталось нѣсколько такихъ случаевъ, когда заблудившійся послѣ получасовыхъ поисковъ не могъ найти дороги, а напротивъ, все болѣе и болѣе удалялся отъ нея, все съ куколкой въ челюстяхъ. Что случилось потомъ съ ними и съ ихъ добычею? У меня не хватало терпѣнія до конца прослѣдить за этими глупыми хищниками.

Повторимъ опытъ, но отнеся муравья къ сѣверу. Послѣ болѣе или менѣе долгихъ колебаній и поисковъ во всѣхъ направленіяхъ, муравей, наконецъ, догоняетъ свой отрядъ, потому что мѣстность знакома ему.

Вотъ перепончатокрылое, совершенно лишенное той направ-

ляющей способности, которой обладают другія перепончатокрылыя. У него нѣтъ ничего, кромѣ памяти мѣста. Удаленіе на 2—3 нашихъ шага достаточно, чтобы сбить его съ пути. Тогда какъ халикодому не затрудняютъ цѣлыя версты пути по незнакомой мѣстности.

До какой степени впечатлительна эта память мѣстности, прочность и точность которой я только-что наблюдаю? Нужно ли муравью сдѣлать нѣсколько путешествій, чтобы познакомиться съ мѣстностью, или достаточно одного? Рыжій муравей не поддается опытамъ, которые бы дали отвѣтъ на этотъ вопросъ. Экспериментаторъ не можетъ рѣшить, проходить ли отрядъ свой путь къ первый разъ, или нѣтъ; не въ его власти также заставить отрядъ принять то или другое направленіе; ихъ движеніе не переноситъ нашего вмѣшательства.

Поэтому, обратимся къ другимъ перепончатокрылымъ. Я выбираю для опыта осу-Помпила. Эти осы роютъ норки и охотятся на пауковъ. Дичь, будущая пища личинокъ, сначала ловится осой и парализуется, потомъ для нея выкапывается норка. Такъ какъ тяжелая добыча была бы серьезнымъ препятствіемъ для осы въ поискахъ удобнаго помѣщенія, то парализованный паукъ кладется на высокое мѣсто, на кучу травы или хворосту, подальше отъ всякихъ мародеровъ, въ особенности отъ муравьевъ, которые могли бы испортить драгоцѣнную добычу въ отсутствіе законнаго обладателя.

Помѣстивъ свою добычу на возвышеніе, оса-Помпилъ ищетъ удобнаго мѣста, въ которомъ и вырываетъ свою норку. Во время этой работы оса отъ времени до времени навѣдывается къ своему пауку; она слегка куснетъ его, пощупаетъ, какъ будто для того, чтобы порадоваться на свою роскошную добычу; потомъ опять возвращается къ норкѣ, и продолжаетъ рыть ее. Если Помпила что-нибудь беспокоитъ, то онъ не ограничивается одними визитами къ пауку: онъ переноситъ его поближе къ мѣсту работы, но всегда кладетъ на возвышеніи. Вотъ тѣ приемы, которыми мнѣ легко будетъ воспользоваться, чтобы узнать, до какой степени прочна память Помпила.

Въ то время, какъ оса трудится надъ своей норкой, я беру ея дичь и кладу на открытомъ мѣстѣ, на разстояніи околу полуметра отъ прежняго. Вскорѣ Помпилъ оставляетъ свою норку, чтобы навѣдаться къ добычѣ, и идетъ прямо туда, гдѣ оставилъ ее. Эта вѣрность направленія и точность памяти могутъ быть объяснены прежними повторенными визитами. Я не знаю, что было раньше. Пусть эта первая экспедиція не идетъ въ счетъ;

слѣдующія будутъ болѣе убѣдительно. Что касается настоящаго путешествія, то Помпиль безъ всякаго колебанія находитъ тотъ кустъ, на которомъ лежала добыча. Тогда онъ начинаетъ тщательно разыскивать ее въ кустѣ, изслѣдуя его во всѣхъ направленіяхъ и часто возвращаясь въ одно и то же мѣсто. Наконецъ, убѣдившись, что паука тамъ больше нѣтъ, оса начинаетъ изслѣдовать окрестности медленными шагами, ощупывая усиками почву. Такъ какъ я положилъ паука на открытомъ мѣстѣ, то оса замѣтила его; она поражена: то подойдетъ, то отскочитъ назадъ. Живъ ли паукъ, или нѣтъ? Дѣйствительно ли это моя дичь? какъ будто говоритъ оса.

Но колебаніе непродолжительно: охотникъ хватается паука и, пятась, уноситъ его, чтобы положить все-таки на высокомъ мѣстѣ, на кучѣ зелени, въ разстояніи 2—3 метровъ отъ перваго мѣста. Потомъ онъ возвращается къ норкѣ, которую и роетъ нѣкоторое время. Я въ другой разъ пережѣщаю паука и кладу его на обнаженную землю.

Теперь-то можно будетъ опѣнить память Помпила. Двѣ кучи зелени служили временнымъ мѣстопробываніемъ для дичи. Первое мѣсто, которое насѣкомое нашло такъ легко, оно могло узнать послѣ долгаго изученія, послѣ многихъ посѣщеній, но второе мѣсто оставило, конечно, въ его памяти только поверхностное впечатлѣніе. Оса выбрала его безъ всякаго предварительнаго изученія, она останавливалась тамъ только на то время, которое необходимо для того, чтобы поднять паука на возвышеніе; она видѣла мѣсто одинъ разъ, и притомъ мимоходомъ, въ поспѣшности. Достаточно ли для нея этого бѣглаго взгляда, чтобы сохранить точное воспоминаніе? Кромѣ того, въ памяти насѣкомаго могутъ смѣшаться два мѣста: первое и второе. Куда пойдетъ Помпиль?

Вотъ онъ покидаетъ норку и бѣжитъ прямо ко второму мѣсту, гдѣ долго ищетъ исчезнушаго паука. Оса очень хорошо знаетъ, что дичь была здѣсь, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Поискавъ здѣсь, она начинаетъ поиски въ окрестностяхъ. Найдя свою дичь на открытомъ мѣстѣ, оса переноситъ ее на третій кустъ, и опытъ опять повторяется. И въ этотъ разъ оса прибѣгаетъ безъ колебаній прямо къ третьему кусту.

Я повторяю опытъ еще раза два, и насѣкомое всегда приходитъ къ послѣднему помѣщенію, не обращая вниманія на остальные. Я пораженъ памятью этого карапуза. Ему достаточно одинъ разъ, второпяхъ, увидѣть какое-нибудь мѣсто, ничѣмъ не отличающееся отъ другихъ, чтобы хорошо вспомнить его, несмотря на свои ревностныя занятія земляной работой. Можетъ ли наша память

поспорить съ его памятью? Это очень сомнительно. Придадимъ такую же память рыжему муравью, и его путешествія и возвращенія домой по тому же пути перестанутъ казаться необъяснимыми. Эти опыты дали мнѣ еще и другіе результаты, достойные упоминанія. Когда Помпиль послѣ долгихъ и трудныхъ поисковъ убѣждается, что паука больше нѣтъ на кустѣ, на который онъ его положилъ, то, ~~сказали мнѣ~~ онъ ищетъ въ окрестностяхъ и находитъ паука, потому что я кладу его на открытомъ мѣстѣ. Увеличимъ трудность отысканія. Я дѣлаю пальцемъ небольшое углубленіе въ землѣ, куда кладу паука и прикрываю тоненькимъ листикомъ. Тогда оса мучается въ поискахъ за пропавшей дичью, проходитъ нѣсколько разъ черезъ листикъ и не подозрѣвая, что подъ нимъ лежитъ паукъ, и продолжаетъ свои поиски дальше. Значитъ ею руководить не обоняніе, а именно зрѣніе. А между тѣмъ, оса усиками ощупываетъ почву. Какая же роль этихъ органовъ? Я этого не знаю, хотя утверждаю, что это не органы обонянія. Халикодома въ поискахъ за сѣрымъ червякомъ привела меня къ этому же выводу; теперь я получаю опытное подтвержденіе, которое кажется мнѣ рѣшительнымъ. Прибавлю, что оса Помпиль видитъ очень недалеко: часто она проходитъ въ двухъ дюймахъ отъ своего паука, не замѣчая его.

Пер. Е. Шевырева.

КАРЛЪ ФОХТЪ.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя—
Богатыри, не вы...

«Бородино», *Лермонтовъ.*

Мнѣ кажется, что изслѣдованіе само по себѣ и для себя, безъ результатовъ для жизни, безъ пользы для массъ, заслуживаетъ столько же уваженія, сколько напрасное копанье въ землѣ, которому ипохондрикъ можетъ, пожалуй, ежедневно удѣлять время, чтобы расшевелить свои застоявшіеся соки. Тогда только работа получаетъ право на уваженіе, когда оказываетъ какую-либо пользу ближнему.

«Лекціи о человѣкѣ». *Карлъ Фохтъ.*

I.

«Могучее, лихое племя,—богатыри, не мы», невольно думалъ я, глядя на погребальную колесницу съ останками Карла Фохта, неумоимаго борца за свободу и знаніе, безпощаднаго врага всякаго лицемерія и всякихъ пережитковъ...

Небольшая площадка передъ университетомъ,—кругомъ колесницы, покрытой цвѣтами, студенты въ синихъ, красныхъ и зеленыхъ беретахъ, съ красивыми знаменами различныхъ корпорацій, представители Женевского кантона, профессора, родственники покойнаго,—торжественныя рѣчи... много рѣчей... Прекрасный день, прекрасное голубое небо, и все же какъ-то тускло и вяло, не чувствуешь той торжественности, которая даже въ печальныя минуты какъ-то возвышаетъ и объединяетъ людей.

Безцвѣтныя лица, безцвѣтныя рѣчи...

Полвѣка прошло лишь съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ Фохтъ началъ свою дѣятельность, и какая страшная разница: онъ глубоко вѣрится въ силу человѣческаго разума и въ свои собственные силы; онъ просто и ясно смотритъ на міръ; онъ

Карлъ Фохтъ.

наслаждается жизнью и стремится сдѣлать ее пріятной для себя и для другихъ; у него есть свои идеалы, и бьется онъ за нихъ безстрашно и настойчиво, не щадя силъ, не боясь смерти; онъ безпопаденъ къ врагамъ, но и въ нихъ уважаетъ личность. Мы же—современная европейская интеллигенція—потеряли всякую вѣру и прежде всего не вѣримъ въ самихъ себя, мы тоже любимъ жизнь, но портимы ее и себѣ и ближнему, въ основѣ этой любви лежитъ боязнь смерти; идеалы, за которые мы могли бы лечь костью, растаяли исчезли... и у насъ бываютъ враги, но бьемся мы съ ними безъ, страсти, безъ убѣжденія, какъ будто по обязанности, мы съ удовольствіемъ бы уничтожили ихъ, если бы для этого достаточно было одного желанія...

Конечно, всегда бываютъ исключенія, и въ сороковыхъ годахъ, когда дѣйствовалъ Фохтъ, были люди приближавшіеся скорѣе къ намъ, чѣмъ къ нему, но за то, можно почти съ увѣренностью сказать, что теперь уже не встрѣтишь среди насъ Карловъ Фохтовъ, а тогда они давали тонъ жизни. Я не говорю о Россіи—сороковые года наступили въ ней нѣсколько позже... мы русскіе всѣ періоды западноевропейской жизни и мысли переживали въ теплицѣ: слишкомъ поздно, слишкомъ быстро и въ миниатюрномъ видѣ. Русскіе люди сороковыхъ годовъ, конечно, не Фохты, хотя многіе изъ нихъ были даже выше его и по таланту, и по тонкости духовной организаціи, но въ нихъ не было той «спѣтости», цѣльности, которая такъ присуща знаменитому ученому; тѣмъ болѣе интересна характеристика, которую даетъ одинъ изъ русскихъ современниковъ Фохта: «Натура Карла Фохта реальная, живая, всему раскрытая—имѣетъ многое, чтобы наслаждаться, все, чтобы никогда не скучать, и почти ничего, чтобы мучиться внутренно, разъѣдать себя недовольной мыслию, страдать теоретически—сомнѣніемъ и практически—тоской по несбывшимся мечтамъ. Страстный поклонникъ красотъ природы, неутомимый работникъ въ наукѣ, онъ все дѣлалъ необыкновенно легко и удачно; вовсе не сухой ученый, а художникъ въ своемъ дѣлѣ, онъ имъ наслаждался; радикаль—по темпераменту, реалистъ—по организаціи, и гуманный человѣкъ—по ясному и добродушно ироническому взгляду, онъ жилъ именно въ той жизненной средѣ, къ которой единственно идутъ дантовскія слова: *Qui e l'uomo felice*.

«Онъ прожилъ жизнь дѣятельно и беззаботно, нигдѣ не отставая, вездѣ въ первомъ ряду; не боясь горькихъ истинъ, онъ также пристально всматривался въ людей, какъ въ полипы и медузы, ничего не требуя ни отъ тѣхъ, ни отъ другихъ, кромѣ того, что они могутъ дать. Онъ не поверхностно изучалъ, но не чувствовалъ

потребности переходить извѣстную глубину, за которой и оканчивается все свѣтлое, и которая, въ сущности, представляетъ своего рода выходъ изъ дѣйствительности. Его не манило въ тѣ первныя омуты, въ которыхъ люди упиваются страданіями. Простое и ясное отношеніе къ жизни исключало изъ его здороваго взгляда ту поэзію печальныхъ восторговъ и болѣзненнаго юмора, которую мы любимъ, какъ все потрясающее и ѣдкое. Его иронія, какъ я замѣтилъ, была добродушна, его насмѣшка весела; онъ смѣялся первый и отъ души своимъ шуткамъ, которыми отравлялъ чернило и пиво педантовъ-профессоровъ и своихъ товарищей по парламенту in der Paul's Kirche.

«Въ этомъ жизненномъ реализмѣ было то общее, симпатическое, что насъ связывало; хотя жизнь и развитіе наше были такъ розны, что мы во многомъ расходились.

«Во мнѣ не было и не могло быть той спѣтости и того единства, какъ у Фохта. Воспитаніе его шло такъ же правильно, какъ мое безсистемно; ни семейная связь, ни теоретическій ростъ никогда не обрывались у него, онъ продолжалъ традицію семьи. Отецъ стоялъ возлѣ примѣромъ и помощникомъ; глядя на него, онъ сталъ заниматься естественными науками. У насъ обыкновенно поколѣніе съ поколѣніемъ расчленено; общей, нравственной связи у насъ нѣтъ»...

Да, у Фохтовъ не было ровни между отцами и дѣтьми—это была тѣсная сплоченная семья, такія семьи довольно часто встрѣчались въ Германіи—это какіе-то духовные кланы, гдѣ самыя крайнія убѣжденія, самый послѣдовательный «материализмъ» уживался рядомъ съ семейными добродѣтелями и съ полнымъ повиновеніемъ отцовской волѣ. Здѣсь я не могу не привести блестящей характеристики семьи Фохта, сдѣланной тѣмъ же русскимъ авторомъ, довольно хорошо знавшимъ отца, мать и всю многочисленную семью Фохтовъ: «Въ однообразной, мелко и тихо текущей жизни германской встрѣчаются иногда, какъ бы на выкупъ ей, здоровыя, коренастыя семьи, исполненныя силы, упорства, талантовъ. Одно поколѣніе даровитыхъ людей смѣняется другимъ многочисленнѣйшимъ, сохраняя изъ рода въ родъ дюжестъ ума и тѣла. Глядя на какой-нибудь невзрачный, старинной архитектуры домъ въ узкомъ, темномъ переулкѣ, трудно представить себѣ, сколько въ продолженіе ста лѣтъ сошло по стопаннымъ каменнымъ ступенкамъ его лѣстницы молодыхъ парней съ котомкой за плечами, съ всевозможными сувенирами изъ волосъ и сорванныхъ цвѣтотвъ въ котомкѣ, благословляемые на путь слезами матери и сестеръ... и пошли въ міръ, оставленные на однѣ свои силы, и сдѣлались

извѣстными мужами науки, знаменитыми докторами, натуралистами, литераторами. А домикъ, крытый черепицей, въ ихъ отсутствіе опять наполнялся новымъ поколѣніемъ студентовъ, рвущихся грудью впередъ въ неизвѣстную будущность.

«За неизбѣніемъ другого, тутъ есть наслѣдство примѣра, наслѣдство фибрина. Каждый начинаеть самъ и знаетъ, что придетъ время, и его выпроводитъ старушка бабушка по стоптанной каменной лѣстницѣ, бабушка, принявшая своими руками въ жизнь три поколѣнія, мывшая ихъ въ маленькой ваннѣ и отпускавшая ихъ съ полной надеждой; онъ знаетъ, что гордая старушка увѣрена и въ немъ, увѣрена, что и изъ него выйдетъ что нибудь... и выйдетъ непременно!

«Dann und wann, черезъ много лѣтъ, все это разсѣянное населеніе побываетъ въ старомъ домикѣ, всѣ эти состарившіеся оригиналы портретовъ, висящихъ въ маленькой гостиной, гдѣ они представлены въ студенческихъ беретахъ, завернутые въ плащи, съ рембрантовскимъ притязаніемъ со стороны живописца—въ домѣ тогда становится суетливѣе, два поколѣнія знакомятся, сближаются... и потомъ опять все идетъ на трудъ».

Отецъ Фохта былъ профессоромъ медицины въ гессенскомъ университетѣ, но герцогское правительство не очень-то долюбивало безпокойнаго профессора, въ эпоху тугенбундовъ принимавшаго дѣятельное участіе въ этомъ движеніи и теперь выдававшегося самостоятельнымъ характеромъ и «крайностью» своихъ убѣжденій.

Онъ былъ нѣсколько разъ избираемъ депутатомъ, но никогда, какъ и другіе либеральные профессора, не получалъ правительственной санкции. Со стороны матери Фохтъ тоже имѣлъ не очень благонадежныхъ родственниковъ. Извѣстные Фоллены—Августъ и Карлъ, одни изъ главарей юной Германіи—демократическаго движенія двадцатыхъ годовъ, были ея братья. Они принуждены были оставить Германію; одинъ изъ нихъ эмигрировалъ въ Америку, другой нашелъ пріютъ въ Швейцаріи.

Карлъ Фохтъ былъ старшій изъ трехъ братьевъ: онъ родился 5-го іюня 1817 года, когда его отецъ былъ еще профессоромъ медицины въ Гессенѣ. Здѣсь посѣщалъ Карлъ гимназію и здѣсь же началъ съ любовью заниматься зоологіей. Но, конечно, эти занятія были чисто ученическія, да, вѣроятно, и учителя не были особенно сильны въ наукѣ; по крайней мѣрѣ, въ словахъ Фохта, что онъ считалъ ихъ «за великихъ зоологовъ, такъ какъ они знали названія всѣхъ мѣстныхъ бабочекъ»,—слышится нѣкоторая иронія.

Карлъ кончилъ гимназію очень рано; 16-ти-лѣтнимъ мальчи-

комъ мы видимъ его уже въ гессенскомъ университетѣ; здѣсь онъ въ продолженіи двухъ лѣтъ (съ 1833 по 1835 г.) съ особеннымъ увлеченіемъ занимается химіей подъ руководствомъ знаменитаго Либиха. Либихъ цѣнилъ своего способнаго ученика и очень вѣроятно, что Фохтъ сдѣлался бы химикомъ, если бы дольше остался въ Гессенѣ; по крайней мѣрѣ, первая его печатная работа была чисто химическая.

Но отецъ Фохта въ 1837 году получилъ приглашеніе занять каѳедру медицины и мѣсто директора клиники въ Бернѣ и, конечно, принявъ это предложеніе, такъ какъ радъ былъ развязаться съ Гессеномъ.

Вскорѣ Фохтовскій домъ въ Бернѣ сталъ центромъ, гдѣ собиралась масса интереснѣйшихъ личностей—ученыхъ, литераторовъ, изгнанниковъ со всѣхъ концовъ Европы.

Въ Бернѣ Фохты занимали старинный домъ въ 2 этажа съ темнымъ входомъ и винтовой лѣстницей; въ каждомъ этажѣ находились лишь двѣ комнаты, одна на улицу, другая на югъ съ чуднымъ видомъ на снѣговыя вершины Бернскаго Оберланда. 8 человѣкъ ребятъ размѣщались кое-какъ въ верхнихъ комнатахъ; отцовская комната была въ нижнемъ этажѣ, здѣсь же находилась и столовая со знаменитымъ столомъ, который старикъ Фохтъ заказалъ по собственному чертежу и который ежегодно самъ красилъ бѣлой масляной краской; самъ же растиралъ онъ и варилъ эту краску. Столъ былъ круглый на 14—16 человѣкъ, посрединѣ его, на особой подставкѣ, вертѣлся второй, меньшій кругъ, куда ставились блюда. Скатерти не полагалось. Каждый присутствующій вертѣлъ кругъ, пока блюдо не доходило до него, зѣвать нельзя было, и часто намѣченное блюдо пролетало мимо зазѣвавшагося новичка, и ложка его, вмѣсто миски съ супомъ, попадала въ горчицу.

Впрочемъ, скоро всѣ привыкали къ этому столу и находили изобрѣтеніе весьма практичнымъ.

Внизу, въ домѣ, находилась еще маленькая комнатка; тамъ стояла кровать и самая необходимая мебель. Комнатка эта служила убѣжищемъ изгнанникамъ.

Въ то время изъ разныхъ странъ въ Швейцарію бѣжала цѣлая волна «потерпѣвшихъ кораблекрушеніе». Всѣмъ этимъ бѣглецамъ знакома была комнатка и круглый столъ въ Фохтовскомъ домѣ, всѣ знали, что тамъ они найдутъ убѣжище. Старикъ Фохтъ не боялся общественнаго суда, разъ былъ убѣжденъ въ своей правотѣ; особенно характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій эпизодъ: вѣнскій эмигрантъ, докторъ Кудлихъ посватался за одну

изъ дочерей Фохта; отецъ былъ согласенъ, но вдругъ протестантская консисторія потребовала метрическія свидѣтельства жениха. Разумѣется, ему, какъ изгнаннику, ничего нельзя было достать изъ Австріи, и онъ представилъ приговоръ, по которому былъ осужденъ заочно; одного свидѣтельства Фохта и его дозволенія было бы достаточно для консисторіи, но бернскіе піэтисты, по инстинкту ненавидѣвшіе Фохта и всѣхъ изгнанниковъ, уперлись. Тогда Фохтъ собралъ всѣхъ своихъ друзей, профессоровъ и разныхъ бернскіяхъ знаменитости, рассказалъ имъ дѣло, потомъ позвалъ свою дочь и Кудлиха, взялъ ихъ руки, соединилъ и сказалъ присутствовавшимъ: «Васъ, друзья, беру въ свидѣтели, что я, какъ отецъ, благословляю этотъ бракъ и отдаю мою дочь, по ея желанію, за такого-то».

Въ Бернѣ Карль Фохтъ оставилъ занятія химіей, но за то пристрастился къ сравнительной анатоміи и физиологіи, которой занимался подъ руководствомъ извѣстнаго тогда физиолога Валентина.

Здѣсь онъ напечаталъ свои первыя работы по сравнительной анатоміи *); матеріаломъ для этихъ работъ ему послужила коллекція пресмыкающихся, собранная знаменитымъ Александромъ фонъ-Гумбольдтомъ во время путешествія его по Америкѣ.

Не хотѣлось Фохту быть практическимъ врачомъ, не вѣрилъ онъ въ «медицинскую кабалистику», тянуло въ чистую науку, къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, но воля отца—выше собственнаго желанія, и Фохтъ большую часть своего времени посвящаетъ медицинскимъ наукамъ.

«Лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ», говорилъ старикъ, «больныхъ много повсюду, и на докторскомъ сѣдлѣ можно проѣхать по всему свѣту. Если не пригодится, то и не повредитъ. Станешь докторомъ, а потомъ можешь заниматься тѣмъ, что нравится».

Но слишкомъ уменъ былъ старикъ, чтобы настаивать долго на своемъ и противиться страстному желанію сына.

«Разъ вечеромъ,—разсказываетъ Фохтъ,—у отца былъ Агассисъ; всѣ сидѣли за круглымъ столомъ, дымились трубки, вино пѣнилось въ стаканахъ, и Агассисъ съ одушевленіемъ говорилъ о своихъ обширныхъ научныхъ планахъ;—но одному ему не подъ силу ихъ выполнить, нужна посторонняя помощь.

— Вы могли бы, конечно, помочь мнѣ въ горѣ,—обратился

*) 1) Zur Neurologie von Python tigris. 1839. 2) Beiträge zur Neurologie der Reptilien. 1840.

Агассисъ къ молодому Фохту.—Пріѣзжайте по окончаніи экзаменовъ ко мнѣ и помогите въ изслѣдованіяхъ.

Я взглянулъ на отца. Тотъ одобрительно кивнулъ головой.

— Отлично,—сказалъ Агассисъ, поднимая стаканъ вина,—увидимся въ Невшателѣ!..»

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора (въ 1839 г.) сдалъ Фохтъ докторскій и государственный экзамены и черезъ нѣсколько дней былъ уже въ Невшателѣ.

Тамъ проработали они втроемъ—Агассисъ, Фохтъ и Дезоръ цѣлыхъ 5 лѣтъ.

Обѣдали и жили у Агассиса. Никакихъ денежныхъ условій между ними не было. Если у Агассиса были деньги, онъ давалъ небольшія суммы Фохту и Дезору на необходимое.

Но, вѣроятно, не всѣ родственники Карла походили на его отца, и Фохтъ передаетъ интересный разговоръ съ однимъ изъ своихъ дядей, который въ Россіи, вѣроятно, былъ бы хорошимъ знакомымъ Фамусова.

«Когда я, спустя два года (послѣ отъѣзда изъ Берна въ Невшателѣ),—разсказываетъ Фохтъ.—во время одного путешествія для изученія глетчеровъ, посѣтилъ своего дядю, почтеннаго чиновника въ Германіи, то онъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «Ну, Карлъ, у тебя вѣрно въ этомъ Невшателѣ казенное мѣсто?»

— Нѣтъ, дядя.

— Или городское?

— Также нѣтъ.

— Стало быть, тебя устроилъ на мѣсто профессоръ Агассисъ?

— Ничуть ни бывало.

— Но вѣдь отецъ не можетъ давать тебѣ денегъ!?

— Онъ мнѣ ихъ и не даетъ, дядя.

— Но, чортъ возьми, чѣмъ же ты живешь? Ты прилично одѣтъ, имѣешь карманныя деньги, повсюду путешествуешь... ужъ не воруешь ли ты, мальй?

— Но, дядя, я зарабатываю то, что имѣю...

— Ну, ну, ну, жить вѣдь невозможно, не имѣя опредѣленнаго мѣста!..»

Агассисъ своими работами, своей неутомимой энергіей, своимъ замѣчательнымъ даромъ изложенія сумѣлъ привлечь въ маленькій Невшателѣ массу молодежи и возбудить въ ней неутомимую жажду научной дѣятельности. Ближайшими его сотрудниками все время оставались Фохтъ и Дезоръ, они работали такъ, какъ можетъ работать только юность и увлеченіе; часто, передъ окон-

чаиёмъ какой-нибудь работы, торопясь сдать ее въ типографію, проводили они дѣлыя ночи за письменнымъ столомъ, и это послѣдня, посвященнаго утомительнѣйшимъ микроскопическимъ изслѣдованіямъ.

Лабораторію Агассиса Фохтъ называлъ «фабрикой» и любилъ разсказывать о той необыкновенной дѣятельности, которая царилла здѣсь: въ среднемъ каждый мѣсяцъ они выпускали не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, снабженныхъ многочисленными прекрасными рисунками.

«Это была,—говорить Фохтъ,—если можно такъ выразиться, научная фабрика съ артельнымъ хозяйствомъ. Внизу, у озера, домъ съ двумя большими магазинными помѣщеніями, биткомъ набитыми окаменѣлостями и другими матеріалами. Въ передней комнатѣ большой столъ, заваленный ископаемыми рыбами, чертежами и таблицами: здѣсь работалъ Дезоръ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который былъ разсылнымъ, чистилъ сапоги и диктовалъ описанія. М-г Charles попалъ въ хорошую школу—Дезоръ держалъ его въ строгости и распекалъ за каждую ошибку; молодой человѣкъ сдѣлался впоследствии въ Америкѣ извѣстнымъ зоологомъ. За этой комнатою слѣдовала другая, наполненная всевозможными принадлежностями для анатомическихъ и зоологическихъ изслѣдованій; здѣсь работалъ я по анатоміи рыбъ и шлифовалъ самъ на большомъ шлифовальномъ камнѣ чешую и зубы ископаемыхъ рыбъ, а также и свои ногти.

Утромъ въ 8 часовъ, гѣтомъ еще раньше, были мы уже за работой. Въ полдень подымались мы въ третій этажъ съѣсть супу съ кускомъ хлѣба—какъ второй завтрак...»

Вечера они часто проводили среди невшательскихъ горожанъ, представлявшихъ, конечно, довольно сильный контрастъ съ нашими молодыми учеными; но это нисколько не смущало ихъ—они умѣли брать отъ жизни только то, что имъ было нужно, и чуждая имъ по духу среда не только не тяготила ихъ, а была даже интересна. Добродушно смѣялись они, напр., надъ Большимъ Совѣтомъ Невшателя.

Этотъ городокъ, не смотря на свои 5—6 тысячъ жителей, имѣлъ свой Большой Совѣтъ, состоявшій ни много, ни мало—изъ 100 членовъ,—каждый поведѣльщикъ шли они въ собраніе, торжественные и важные, въ шелковыхъ чулкахъ и короткихъ брюкахъ, въ плащахъ съ бѣлыми воротничками. Засѣданіе происходило такъ таинственно, что даже, когда слуга приносилъ какія-нибудь нужныя вещи, его не впускали въ залу, и младшій членъ собранія долженъ былъ отворять дверь и брать то, что принесть

сторожъ. Между тѣмъ, предметы засѣданій далеко не заслуживали такой таинственности. Напримѣръ, когда Агассисъ—бюргеръ города Невшателя, сдѣлался членомъ Парижской академіи, то мудрая сотня долго разсуждала на ту тему, что теперь званіе невшательскаго гражданина должно сдѣлаться еще почетнѣе.

Во время пятилѣтняго пребыванія въ Невшателѣ Фохтъ принималъ участіе во всѣхъ трудахъ Агассиса, но, кромѣ того, напечаталъ нѣсколько весьма интересныхъ самостоятельныхъ работъ, сдѣлавшихся классическими *). Въ нихъ Фохтъ является однимъ изъ первыхъ послѣдователей «клеточной теоріи» Швана,—теоріи, сдѣлавшей громаднѣйшій переворотъ въ изученіи организованнаго міра.

Исслѣдованія Карла Фохта надъ развитіемъ зародыша у рыбъ и амфибій послужили исходнымъ пунктомъ для всѣхъ послѣдующихъ работъ въ этой области.

Но невшательскіе друзья не были тѣми узкими специалистами, которые составляютъ теперь преобладающій элементъ среди современныхъ ученыхъ; ихъ интересовала вся природа, вся совокупность явленій, они добивались стройнаго міросозерпанія, они не могли корпѣть цѣлую жизнь надъ какимъ-нибудь маленькимъ вопросикомъ, который, зачастую неразрѣшенный, переходитъ въ наслѣдство отъ одного Вагнера къ другому.

Лѣтомъ они отпраплялись въ горы отдыхать, но отдыхъ собственно состоялъ въ смѣнѣ одной работы другою: зоологическихъ изслѣдованій—геологическими экскурсіями. Еще въ 1836 году Агассисъ познакомился въ Бе, маленькомъ городкѣ Водскаго кантона, съ геологомъ *Шарпантье*; тотъ развилъ ему свою теорію о происхожденіи эратическихъ валуновъ. Шарпантье на основаніи детальныхъ и продолжительныхъ изслѣдованій доказывалъ, что всѣ эти камни, разсыянные по швейцарской территоріи, принесены сюда не водой, какъ то думали до сихъ поръ, а глетчернымъ льдомъ, и что, слѣдовательно, глетчеры (ледники) простирались въ былыя времена гораздо дальше, чѣмъ теперь. Послѣ экскурсій съ Шарпантье Агассисъ убѣдился въ правильности взглядовъ молодого геолога,—это убѣжденіе еще болѣе усилилось въ Агассисѣ послѣ изслѣдованій, произведенныхъ имъ въ окрестностяхъ Невшателя; тогда на собраніи естествоиспытателей въ Невшателѣ Агассисъ развилъ передъ ними такъ называемую «глетчерную теорію». Съ нѣкоторыми поправками эта теорія принимается и те-

*) 1) L'embryologie des Salmonés, составляющая первый томъ «Histoire des poissons», Агассиса. 2) L'embryologie du Staraudaccoucheur. Кромѣ того, въ Невшателѣ К. Фохтъ опубликовалъ свои изслѣдованія надъ анатомическимъ строеніемъ гастероидъ и надъ строеніемъ головы у позвоночныхъ.

перь; она утверждаетъ, что въ эпоху, предшествовавшую современной, большая часть сѣверной и средней Европы была покрыта толстымъ, въ нѣсколько сотъ футовъ, а можетъ быть, и больше, слоемъ льда; этотъ гигантскій глетчеръ (ледникъ), которому нѣкоторое подобіе мы находимъ въ современной Гренландіи, медленно, въ продолженіи многихъ столѣтій, двигался по направленію съ СЗ. на ЮВ. Послѣ періода *наступанія* ледника, насталъ періодъ его *отступанія*; можетъ быть, даже было нѣсколько такихъ смѣнъ. и наконецъ Европа освободилась отъ льда, оставивъ только, какъ воспоминавіе о сѣдой старинѣ, небольшіе ледники на высокихъ горахъ.

Большинство тогдашнихъ геологовъ сильно оспаривали эту теорію, особенно рѣзко отзывался о ней знаменитый *Леопольдъ фонъ-Бухъ*—глава тогдашнихъ геологовъ.

Агассисъ рѣшилъ отвѣчать не словами, а фактами, и организовалъ детальнѣйшее изслѣдованіе современныхъ ледниковъ, чтобы выяснитъ такимъ образомъ законы ихъ дѣятельности. Такая экспедиція была осуществлена въ 1840, 1841 и въ 1842 годахъ. Фохтъ принималъ въ ней самое дѣятельное участіе. Вотъ какъ описываетъ онъ это, дѣйствительно, одно изъ интереснѣйшихъ научныхъ предпріятій.

«Весною начались приготовленія къ экскурсіямъ на нижній Аарскій глетчеръ. Гримсельгоспицъ былъ исходнымъ пунктомъ. Въ первомъ, 1840 году, мы пробыли на глетчерѣ всего 8 дней и расположились лагеремъ подъ громадной каменной глыбой, получившей торжественное названіе «Hôtel Neuchatelois». На второй годъ была разбита маленькая палатка, на третій—большая, въ 60 фут. длиною, раздѣленная на три части: первая—столовая и рабочая комната, средняя—наша спальня, задняя—спальня проводниковъ и рабочихъ.

«Каменная глыба служила кухней и каминомъ, такъ какъ строго-на-строго было наказано, чтобы въ палаткѣ, не смотря на рѣзкую перемену температуры, никогда не зажигали огня. Въ ясный, яркій день, случалось нерѣдко, что мы днемъ возились на глетчерѣ въ однѣхъ рубашкахъ, а спустя часъ послѣ захода солнца замерзала вода въ стаканахъ. Агассисъ руководилъ всѣмъ. Дезоръ, который оказался вскорѣ неутомимымъ ходокомъ по горамъ, заботился о выступахъ въ верхнихъ частяхъ и на вершинѣ; на мнѣ лежали зоологическія и микроскопическія изслѣдованія и наблюденія за рабочими, когда Агассисъ и Дезоръ были въ отлучкѣ; хорошій топографъ Вильдъ изъ Цюриха занимался съемками; аптекарь Николе составлялъ горную флору, а художникъ Буркгардтъ срисовывалъ окрестности.

«Въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, когда мы были нависотѣ 8.000 футовъ, на большомъ Аарскомъ глетчерѣ, въ 4-хъ часахъ пути отъ Гримсель, у насъ не было недостатка ни въ занятіяхъ, ни въ удовольствіяхъ. Домъ Агассиса въ Невшателѣ былъ страннопріимнымъ домошъ для всѣхъ естествоиспытателей, какъ швейцарскихъ, такъ и заграничныхъ. Такъ что вскорѣ и «Hôtel Neuchatelois» сдѣлался какой-то голубятней, куда то прилетали, то улетали различные гости. Многіе занимались серьезно и долгое время, другіе оставались одну ночь. Съ туристами и любопытными много не церемонились, а попросту предлагали вернуться назадъ въ Гримсель, которая во все время экспедиціи была «полна гостей».

«Это была въ высшей степени оживленная жизнь. Послѣ дневныхъ экскурсій и изслѣдованій всѣ собирались въ тѣсный кругъ, закутанные въ плащи, за стаканомъ дымящагося грога. Свѣчка, вставленная въ бутылку, освѣщала эту красивую группу. Кого здѣсь не было—англичане, французы, нѣмцы, швейцарцы, итальянцы, американцы. Сколько горячихъ споровъ, возбужденныхъ новыми взглядами, новыми открытіями... Такъ тянулась, порой, цѣлая ночь. Здѣсь завязывались самыя дружескія, самыя тѣсныя связи...»

Чуднымъ, свѣжимъ, горнымъ воздухомъ вѣетъ отъ этой научной Одиссеи! Мы на всѣхъ сѣздахъ говоримъ о необходимости научныхъ ассоціацій, о важности организованной работы и все же, въ большинствѣ случаевъ, продолжаемъ, какъ кроты, копать въ своихъ маленькихъ норкахъ. Между тѣмъ, сколько научныхъ вопросовъ требуютъ именно такой, артельной, систематической работы.

Понятно, что въ продолженіи трехъ лѣтъ Агассисъ и его помощники собрали массу наблюдений, которыя въ концѣ концовъ заставили весь ученый міръ принять «глетчерную» теорію. Но когда отстаиваешь какой-нибудь новый взглядъ,—мало фактовъ, нужна пропаганда, нужна борьба. Въ исторіи науки часто новая правда долго считается ересью только потому, что ее не смогли ясно формулировать и самоотверженно защитить. Наши невшательскіе друзья умѣли дѣлать и то, и другое.

Мы видѣли уже, что Агассисъ не испугался авторитета Леопольда фонъ-Буха, но Агассисъ и самъ уже былъ большимъ челоѣкомъ въ наукѣ.

Въ 1840 г. и въ 1843 г. на сѣздахъ естествоиспытателей въ Эрлангенѣ и въ Майнцѣ мы присутствуемъ при интересномъ и поучительномъ зрѣлищѣ. Молодой ученый зоологъ, смѣло, ясно и убѣдительно отстаиваетъ передъ всѣмъ ученымъ міромъ Германіи

новую геологическую теорію. Противники его—авторитетные специалисты и среди них снова Леопольдъ фонъ-Бухъ. Вечеромъ, въ кафе, въ Эрлангенѣ, Леопольдъ фонъ-Бухъ встрѣчаетъ Фохта, завязывается жаркій споръ, довольно продолжительный. Наконецъ, старикъ поднимается и, прощаясь съ молодымъ противникомъ, говоритъ: «Ну, я пойду теперь въ театръ, а вы ступайте-ка домой, чтобы приготовить тѣ глупости, которыми хотите угостить насъ завтра».

На слѣдующій день Фохтъ излагаетъ передъ собраніемъ «свои глупости». Бухъ сидитъ противъ него, держа между колѣнами трость и опираясь на нее подбородкомъ; онъ ворчитъ и покашливаетъ. Но все же въ Эрлангенѣ они разстались довольно мирно. Гораздо болѣе острой была ихъ встрѣча въ 1843 году, на Майнцкомъ съѣздѣ естествоиспытателей. Леопольдъ фонъ-Бухъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы не допустить Фохта до трибуны, и даже позволилъ себѣ намекнуть на желтоносыхъ птенцовъ, которые суются туда, гдѣ вичего не понимаютъ. Только благодаря настойчивости и энергіи попалъ молодой ученый въ число ораторовъ съѣзда. Задѣтый за живое, возмущенный такимъ приѣмомъ борьбы, Фохтъ говорилъ даже лучше и убѣдительнѣе, чѣмъ обыкновенно, и кончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Пѣснь истины разносится по свѣту, все равно, поютъ ли ее желтоносые, или сѣдые». Какую смѣлость нужно было имѣть, чтобы вести себя такъ, какъ велъ Фохтъ, пойметъ, конечно, всякій ученый, которому пришлось имѣть дѣло съ «генералами отъ науки». Впослѣдствіи Фохту вспомнили эту смѣлость. Когда гессенскій университетъ пригласилъ Фохта на кафедру зоологіи, тамошній министръ народнаго просвѣщенія протестовалъ противъ приглашенія, мотивируя это тѣмъ, что Фохтъ непочтительно велъ себя съ такимъ «ветераномъ науки», какъ Леопольдъ фонъ-Бухъ; но послѣдній хотя и былъ «генералъ», но генералъ благородный: онъ написалъ министру горячее письмо, въ которомъ просилъ не вмѣшиваться въ его личныя дѣла и не прикрывать ими своихъ политическихъ соображеній.

Геологическія изслѣдованія невшательской колоніи, ея жизнь на аарскихъ глетчерахъ, Фохтъ описалъ весьма живо и талантливо въ своей книгѣ «Въ горахъ и на глетчерахъ» *).

Пять лѣтъ проработалъ Фохтъ съ Агассисомъ, но, наконецъ, пришлось разстаться. Агассисъ сильно запутался въ денежныхъ дѣлахъ: онъ не умѣлъ считать денегъ, а только все больше и

*) «Im Gebirg und auf den Gletschern».

«Миръ вождій», № 9, сентябрь.

больше расширялъ свои научныя изслѣдованія и предпріятія. Не помогла и поддержка Гумбольдта, который часто присылалъ Агассису довольно значительныя суммы отъ короля прусскаго. Единственнымъ выходомъ являлся отъѣздъ въ Америку, куда Агассиса давно уже звали. Со слезами на глазахъ уговаривалъ Агассисъ Фохта ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но тотъ рѣшительно отказался, ему хотѣлось «встать на свои ноги» и выйти изъ подъ научной опеки Агассиса; его тянуло въ крупный научный центръ. Всего съ 100 франками въ карманѣ, но съ несокрушимой энергіей, съ твердой вѣрой въ свои силы прибылъ Карлъ Фохтъ въ Парижъ лѣтомъ 1844 года. Здѣсь онъ познакомился съ самыми выдающимися естествоиспытателями—Мильтъ-Эдварсомъ, Катрфажемъ, Валянсіеномъ, Лакоцъ-Дютеромъ, Эли де-Бамономъ, Иоганномъ Миллеромъ и др. Знакомство и общеніе съ цвѣтомъ европейской науки еще болѣе усилило дѣятельность Фохта. Онъ продолжаетъ свои спеціальныя зоологическія изслѣдованія, выпускаетъ нѣсколько интересныхъ работъ объ анатомическомъ строеніи и развитіи зародыша у гастероподъ и брахіоподъ, работаетъ надъ учебникомъ геологіи, пишетъ рядъ популярныхъ статей для нѣмецкой газеты «Allgemeine Zeitung», которыя вышли потомъ отдѣльной книгой подъ названіемъ «Физиологическія письма». Кромѣ того, для той же «Allgemeine Zeitung» писалъ Фохтъ обстоятельные отчеты о засѣданіяхъ Парижской академіи. Черезъ своихъ ученыхъ друзей Фохтъ познакомился съ членами академіи и не пропускалъ ни одного ея засѣданія. Эти отчеты, въ которыхъ онъ былъ, конечно, вполне безпристрастенъ и независимъ и не щадилъ посредственностей, тоже навлекли на него нападки на старую тему о неуваженіи авторитетовъ.

«Физиологическія письма» имѣли громаднѣйшій успѣхъ; они тотчасъ были переведены на нѣсколько иностранныхъ языковъ, въ томъ числѣ и на русскій, и создали автору громкое имя. Въ нихъ Карлъ Фохтъ является послѣдовательнымъ «матеріалистомъ» и подвергаетъ рѣзкой критикѣ гипотезу о «жизненной силѣ». «До открытія электричества,—заключаетъ онъ одну изъ главъ этой книги,—и громъ считали сверхестественнымъ явленіемъ; но чѣмъ болѣе расширялись наши свѣдѣнія о природѣ, тѣмъ болѣе исчезало въ ней все таинственное. То же самое находимъ мы и въ физиологіи; жизненная сила есть тотъ неизвѣстный, который вездѣ находится въ запасѣ, но всегда оказывается несостоятельнымъ при точномъ изслѣдованіи, и который тѣмъ болѣе теряетъ значеніе, чѣмъ болѣе расширяются наши знанія. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія въ организмѣ не было ни одного отправления,

при объясненіи котораго жизненная сила не играла бы значительной роли; но теперь ссылка на нее при объясненіи какого-нибудь явленія уже не имѣетъ никакого научнаго значенія и служить не болѣе, какъ простымъ выраженіемъ нашего незнанія».

Усиленная научная и литературная дѣятельность не отнимали у тогдашнихъ ученыхъ всего времени; Фохтъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ маленькій домикъ въ одной изъ тѣхъ небольшихъ улицъ, которыя давно уже исчезли во время перестроекъ Парижа. Тамъ собирались они, молодые, энергичные, веселые, будущія свѣтила науки, — Мильтъ-Эдварсъ, Катрфажъ, Мюллеръ, Рудольфи, Фохтъ, Дюркгеймъ,—тамъ проводили цѣлые вечера, мечтая о большой научной экспедиціи въ южныя моря. Детально разрабатывали они планъ этой экспедиціи: въ ней принимаютъ участіе представители всѣхъ отраслей естествознанія, капитанъ и вся команда въ полномъ подчиненіи и распоряженіи ученыхъ, средства дастъ государство... Мечты не сбылись, но Фохтъ, вѣроятно, извлекъ много пользы изъ этихъ дебатовъ, когда, впоследствии, снаряжалъ экспедицію на островъ Янгъ-Майенъ.

Парижъ въ это время былъ научнымъ центромъ, куда съѣзжались со всѣхъ концовъ міра учиться и работать: особенно много пріѣзжало нѣмцевъ-врачей. Тогда еще не было той дикой вражды между нѣмцами и французами, которая превратила теперь всю Европу въ сплошной солдатскій лагерь. Фохтъ по личному опыту зналъ, какъ трудно иностранцу, особенно безъ большихъ средствъ, безъ знакомыхъ, устроиться въ большомъ городѣ,—пропадаетъ даромъ масса времени и часто послѣдніе гроши; другое дѣло, если знать, куда обратиться за справкой, за помощью, другое дѣло, когда найдешь своихъ соотечественниковъ, но рассчитывать на это возможно только при нѣкоторой организаціи; Фохтъ и стремится создать таковую для нѣмецкихъ ученыхъ, онъ вкладываетъ въ это дѣло всю свою энергію и, наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ, основываетъ «Общество нѣмецкихъ врачей въ Парижѣ».

Въ французской столицѣ Фохтъ пробылъ 2 года; глѣтомъ 1846 г. онъ отправляется въ большую экскурсію по Вогезамъ, Шварцвалду, Юрѣ и Альпамъ, осенью же мы видимъ его уже въ Бернѣ, куда онъ пріѣхалъ, чтобы окончательно отдѣлать и выпустить въ свѣтъ свой учебникъ геологіи. По этому руководству *) училось нѣсколько поколѣній нѣмецкихъ студентовъ, оно выдержало 5 изданій, послѣднее вышло въ 1879 г. Но въ Бернѣ было не до геологіи. Какъ разъ въ это время въ Германіи вспыхнули такъ называемые «картофель-

*) «Lehrbuch der Geologie und Petrefactenkunde».

ные» и «хлѣбные» бунты, вызванные, между прочимъ, сильнымъ вздоржаніемъ этихъ продуктовъ. Эти народныя волненія отразились и въ Швейцаріи, а между прочимъ и въ Бернѣ; но здѣсь они имѣли нѣсколько водевильный характеръ, и Фохтъ съ большимъ юморомъ рассказываетъ *), напримѣръ, какъ онъ спасалъ одного бернскаго чиновника, котораго толпа остановила на улицѣ, требуя какихъ-то разъясненій; тотъ, было, приготовился уже держать рѣчь, но два предводителя толпы,—столяръ и каменотесъ—заспорили между собой; одинъ настаивалъ, чтобы чиновникъ говорилъ на улицѣ, другой утверждалъ, что сіе не подобаешь. Кончилось тѣмъ, что народныя вожди начали таскать другъ друга за волосы, а Фохтъ воспользовался этимъ и извлекъ своего знакомаго изъ довольно неприятнаго положенія. Фохтъ, какъ мы увидимъ дальше, не задумываясь, рисковалъ жизнью во имя демократическихъ идеаловъ, но въ такого рода уличныхъ волненіяхъ, которыя не имѣли подъ собою твердой почвы и не могли привести ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ, онъ, конечно, не только не принималъ участія, но даже былъ прямымъ противникомъ ихъ. Не долго оставался Фохтъ въ Бернѣ, зимой онъ уже путешествуетъ по Италіи, а въ 1847 году поселяется въ Ниццѣ, гдѣ посвящаетъ свое время спеціальнымъ зоологическимъ изслѣдованіямъ и популярно-научной книгѣ «Океанъ и Средиземное море»**), въ которой описанія природы Италіи, моря, различныхъ встрѣчъ и людей смѣняются живыми научными бесѣдами. Здѣсь, въ Ниццѣ, нашъ молодой зоологъ получилъ приглашеніе занять профессорскую кафедру въ своемъ родномъ городѣ Гессенѣ. Мы уже знаемъ, какъ было противъ Фохта герцогское правительство, но все же ничего не могло подѣлать, такъ какъ кандидатуру выставилъ и энергично отстаивалъ самъ знаменитый Либихъ. Это назначеніе произвело сильный переполохъ среди гессенскихъ профессоровъ: какъ, онъ, этотъ страшный Фохтъ, этотъ революціонеръ науки явится въ ихъ мирную семью, онъ, который довелъ свое неуваженіе къ приличіямъ и къ общественному мнѣнію до того, что носить такую чудовищную бороду, какой Гессенъ никогда еще не видывалъ. Молва о фохтовской бородѣ шла изъ Гейдельберга, гдѣ молодой зоологъ случайно былъ проездомъ; не смотря на короткій путь, борода выросла до гигантскихъ размѣровъ,—разсказывали, что Фохтъ можетъ обматывать ее кругомъ головы. Неужели онъ въ такомъ видѣ выйдетъ на кафедру?! Этотъ вопросъ занималъ всѣхъ—

*) «Зоологическія письма».

**) «Ocean und Mittelmeer».

и старыхъ, и молодыхъ. Молодежь утверждала, что Фохтъ не побоятся и будетъ читать лекціи при бородѣ; болѣе положительныя люди не могли себѣ представить такой дерзости. Образовались двѣ партіи, и страсти разгорѣлись до того, что аккуратные, бережливые нѣмцы начали держать довольно значительныя пари. Молодые хотя и вѣрили въ смѣлость Фохта, но вѣдь для того, чтобы явиться на университетскую кафедру съ такой ужасной бородой, нужна безумная, отчаянная отвага, и они стали сомнѣваться; а вдругъ онъ струситъ и обрѣется, пропали тогда наши денежки, надо написать ему письмо и просить поддержать свою славу, а, главное, не вводить ихъ въ расходъ. Фохтъ пожалѣлъ тощій кошелекъ молодыхъ гессенскихъ ученыхъ, но борода, хотя и далеко не такая ужасная, какой ее описывали въ Гессенѣ, могла дѣйствительно принести ему много хлопотъ. Что дѣлать? Съ обычной своей находчивостью и юморомъ разыгрываетъ онъ слѣдующій фарсъ: является съ визитомъ, какъ вновь назначенный профессоръ, прежде всего къ самому герцогу и его сыну; послѣдній принялъ его «очень милостиво» и аудіенція продолжалась такъ долго, что герцогскій адъютантъ провожалъ молодого профессора уже съ болѣе низкими поклонами, чѣмъ при докладѣ. Послѣ этого визита, заравѣе предвкушая всю прелесть предстоящей сцены, отправился Фохтъ къ ректору университета. Испуганно и вопросительно остановились очи почтеннаго старца на знаменитой бородѣ, зашевелились, было, губы, но Фохтъ упредилъ его и началъ подробно рассказывать, съ какой любезностью принялъ его наследный принцъ, какъ долго спрашивалъ о Швейцаріи и т. д. и т. д. Ужасный вопросъ замеръ на губахъ ректора... разъ, тамъ во дворцѣ... то что же онъ можетъ сказать.

Молодежь выиграла свое пари.

Но врядъ ли Фохтъ прочелъ въ Гессенѣ больше 3, 4 лекцій, нѣкоторые даже думаютъ, что только одну — вступительную. Наступилъ 1848 годъ; революціонный шквалъ, прокатившійся по всей Западной Европѣ, захватилъ и Германію.

II.

Февральская революція во Франціи дала толчокъ народнымъ движеніямъ во всей Западной Европѣ.

Мы, не имѣемъ возможности входить здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ, вызвавшихъ 1848 года, и только мелькомъ, насколько намъ необходимо для освѣщенія личности Карла Фохта, коснемся главнѣйшихъ событій этой эпохи.

Гессенъ, конечно, тоже былъ охваченъ движеніемъ 1848 года. Когда, въ началѣ апрѣля 1848 г., въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ собрался такъ называемый *форпарламентъ* (*Vorparlament*), городъ Гессенъ посылаетъ туда Фохта своимъ депутатомъ. Этотъ форпарламентъ составился изъ членовъ оппозиціи нѣмецкихъ ландтаговъ, изъ журналистовъ, литераторовъ, бывшихъ политическихъ изгнанныхъ, и тотчасъ же провозгласилъ принципъ народнаго самодержавія. Нѣкоторые депутаты, и въ томъ числѣ Фохтъ, хотѣли воспользоваться такимъ составомъ форпарламента, объявить послѣдній конституціоннымъ собраніемъ и тотчасъ же приступить къ организаціи центральной власти, тогда бы и созданіе, и управленіе новой объединенной Германіей очутилось въ рукахъ демократовъ; но предложеніе это было отложено. Тогда наиболѣе пылкіе изъ демократовъ вышли изъ форпарламента; они направились въ Баденъ и тамъ подняли знамя возстанія; они мечтали создать единую германскую республику. Во главѣ инсургентовъ встали депутаты Гекеръ и Струве; но послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стычекъ и даже сраженій эти вольныя дружины были разбиты и разсѣяны союзными войсками, и возстаніе подавлено.

Фохтъ не покинулъ форпарламента и участвовалъ въ дальнѣйшихъ его засѣданіяхъ, во время которыхъ было рѣшено, что при выборахъ въ общегерманское національное собраніе (*Reichsversammlung*) демократическое начало должно получить самое широкое примѣненіе. Это собраніе должно быть созвано въ началѣ мая и въ обязанность ему вмѣнено—выработать проектъ конституціи и установить политическое положеніе Германіи; коммиссія изъ 50 членовъ должна наблюдать за точнымъ исполненіемъ рѣшеній національнаго собранія во всемъ томъ, что касается отдѣльныхъ правительствъ.

18-го мая 1848 г. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ церкви Св. Павла открылись засѣданія этого знаменитаго общегерманскаго національнаго парламента. Здѣсь собрался цвѣтъ нѣмецкой интеллигенціи—выдающіеся представители науки, литературы, политическіе дѣятели. Фохтъ снова является депутатомъ отъ Гессена.

Но на этотъ разъ избраніе досталось ему не легко: заявивъ себя въ форпарламентѣ ярымъ демократомъ, Фохтъ уже не могъ надѣяться быть избраннымъ отъ города, и ему пришлось выставить свою кандидатуру среди крестьянскаго населенія. Свое путешествіе въ глубь гессенскаго герцогства онъ совершилъ съ нѣкимъ Ралемъ, вѣнцемъ, нарочно пріѣхавшимъ въ Гессенъ, чтобы ратовать за избраніе Фохта. Крестьяне, передъ которымъ Раль расточалъ перлы своего краснорѣчія, слушали очень внима-

тельно, но ничего не понимали, такъ какъ нарѣчіе ихъ рѣзко отличается отъ вѣнскаго. Фохта, однакожъ, они все-таки выбрали своимъ депутатомъ: «должно быть очень значительный человѣкъ этотъ Фохтъ, если люди пріѣзжаютъ изъ-за тридевять земель, чтобы говорить за него», разсуждали они между собою...

Съ увлеченіемъ привялись «лучшіе люди» Германіи за свое великое дѣло—обновленія и объединенія отечества, но съ перваго же шага натолкнулись на почти непреодолимыя преграды: едва, послѣ страшной борьбы, гигантскаго напряженія силъ, удалось разрушить или обойти одну изъ нихъ, какъ выросла новая, еще болѣе грозная, еще болѣе сложная. Дѣйствительно, какъ согласовать интересы нѣсколькихъ десятковъ отдѣльныхъ государствъ и различныхъ, рѣзко оформленныхъ, классовъ, какъ заставить людей совершенно противоположныхъ взглядовъ придти къ какому-нибудь общему рѣшенію, или по крайней мѣрѣ подчиниться чужому, какъ апеллировать къ общему благу, когда благо для одного—зло для другого?! Затрудненія, на которыя пришлось натолкнуться германскому національному собранію, или, какъ его называютъ, франкфуртскому парламенту, были двоякаго рода—внутреннія и вѣшнія. Внутреннія заключались во враждебности парламентскихъ партій, вѣшнія—въ оппозиціи правительствъ, особенно Австріи и Пруссіи, оппозиціи,—сначала замаскированной и пассивной, въ концѣ же концовъ отлившейся въ рѣзкую и отчетливую форму—крайней реакціи.

Послѣ первыхъ же дебатовъ члены франкфуртскаго парламента сгруппировались въ три большія партіи.

Лѣвая стремилась къ самой широкой демократической конституціи, къ полной, неограниченной свободѣ личности.

Правой, наиболѣе консервативной партіи франкфуртскаго парламента, представлялось возможнымъ создать Германскую имперію только при томъ условіи, если въ общей работѣ примутъ участіе царствующіе князья; поэтому «правая» всѣми силами добивалась союза съ ними, и когда между правительствами отдѣльныхъ государствъ и національнымъ собраніемъ выходили конфликты, всегда становилась на сторону правительствъ.

Центръ, наиболѣе многочисленную партію, составляли умѣренные либералы; они на первый планъ выдвигали идею о національномъ единствѣ Германіи и добивались гражданской свободы и конституціонной монархіи. Впрочемъ, довольно скоро центръ разбился на двѣ партіи: *лѣвый* и *правый* центръ. *Лѣвый центръ* приближался къ чистой лѣвой, такъ какъ основаніемъ для будущей конституціи принималъ принципъ народнаго самодержавія

и полное подчиненіе отдѣльныхъ государствъ идеѣ единства. *Правый центръ*, или такъ называемая *партія Гагерна* *), признавала главенство національнаго собранія, но «не исключала и параллельной власти отдѣльныхъ правительствъ»; «она искренне стремилась къ восстановленію конституціонно-монархическихъ учреждений и къ переходу изъ революціоннаго состоянія, въ которомъ находилось отечество, къ правовому»; это была наиболѣе сильная партія франкфуртскаго парламента, при вотировкахъ почти всегда остававшаяся въ большинствѣ.

Карлъ Фохтъ, молодой, энергичный, съ своими семейными традиціями, съ своими рѣзко-демократическими идеями, съ своимъ пылкимъ темпераментомъ, съ характеромъ, не терпѣвшимъ компромиссовъ, всегда идущій къ цѣли прямо и рѣшительно, не обходя препятствія и преграды, а ломая ихъ,—Фохтъ, конечно, очутился на скамьяхъ крайней лѣвой и «вовсе не будучи политическимъ человѣкомъ, по удѣльному вѣсу, какъ выразился одинъ изъ его современниковъ, сдѣлался вскорѣ однимъ изъ лидеровъ оппозиціи».

Веберъ въ своей всемірной исторіи называетъ Фохта «лучшимъ ораторомъ всей оппозиціи». Рѣчь Фохта, всегда простая и ясная, полна огня, юмора и подчасъ ѣдкаго, хлещущаго сарказма: такимъ же онъ является и въ своихъ политическихъ статьяхъ. печатавшихся безъ подписи въ «Deutsche Reichstagszeitung», органѣ парламентской оппозиціи **).

Между тѣмъ, дѣло германской конституціи подвигалось крайне медленно, дебаты въ Paul's Kirche становились все безконечнѣе, раздраженіе между партіями расло, народъ ропталъ, видя, что его избранники занимаются теоретическими спорами и не могутъ придти къ соглашенію. Нѣкоторые члены парламента внесли, было, предложеніе, чтобы дебаты велись болѣе быстро и кратко, но, говоритъ Веберъ, «страсть углубляться и нѣмецкая осторожность запротестовали.»

Фохтъ одинъ изъ первыхъ понялъ всю опасность такихъ теоретическихъ споровъ и съ обычной рѣзкостью выражалъ свое мнѣніе и въ рѣчахъ, и въ статьяхъ. Мы приведемъ здѣсь выписку изъ одной его статьи, касающейся этого предмета и крайне характерной для Фохта какъ по стилю, такъ и по приѣмамъ полемики. Статья эта озаглавлена: «*Политическій тактъ*» ***).

*) Henri Hagern—первый президентъ франкфуртскаго парламента.

***) Благодаря любезности В. Фохта, сына знаменитаго ученаго, мы получили полный экземпляръ этой газеты, въ которомъ статьи Карла Фохта отмѣчены.

***) «Politischer Takt». Deutsche Reichstag. Zeitung. № 90. 1848.

«Передъ созывомъ національнаго собранія думали, что для вѣщаній, а впослѣдствіи и для укрѣпленія политическаго зданія, очень важно выбрать какъ можно больше выдающихся людей, извѣстныхъ писателей, профессоровъ и т. д. Книга по какому-нибудь политическому вопросу, статья въ словарѣ государственныхъ наукъ, были самой лучшей рекомендаціей основательности убѣжденій и рѣшительности въ практической дѣятельности. Народъ выбиралъ профессоровъ, гофратовъ, гехеймратовъ, литераторовъ, ученыхъ, — и въ благодарность за этотъ подвигъ пожалъ съ поля науки безконечныя разсужденія, узкіе мелкіе счеты и сухіе доклады. Это было вполне естественно: ученые принуждены были дѣйствовать въ совершенно чуждой имъ области — въ области практическаго дѣла; вмѣсто писанья, они должны были говорить, вмѣсто лекцій — дѣйствовать; они оказались для этого достаточно непригодными, но часъ пробилъ — они должны были выступить на политическую сцену и подвизаться въ національномъ собраніи, они должны были, въ довершеніе ихъ нравственнаго пораженія, частью вступить въ центральное правительство и тамъ править. Къ изумленію пришлось увидѣть, что ученые господа оказались въ новой сферѣ гораздо менѣе счастливыми, чѣмъ того можно было ожидать; пришлось убѣдиться, что имъ и пѣлому хвосту доктринеровъ, который они тащили за собой, не хватало необходимаго свойства политическихъ дѣятелей, именно — политическаго такта, политической деликатности, которая зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не стать въ фальшивое положеніе относительно своихъ обязанностей. Что извѣстныя должности и званія могутъ быть несовмѣстимы одна съ другой, и во свѣ не снится нашимъ доктринерамъ; у нихъ вѣдь есть совѣсть, которая и служить имъ единственнымъ мѣриломъ во всѣхъ сомнительныхъ вопросахъ, и съ этой-то надежной, незапятнанной совѣстью они сегодня рѣшаютъ дѣла въ канцеляріяхъ, завтра засѣдаютъ въ комитетѣ, созданномъ по поводу ихъ рѣшенія, а послѣ завтра подають голосъ для дальнѣйшаго его хода. Съ тою же самою совѣстью сегодня они защищаютъ въ центральномъ правительствѣ интересы отдѣльнаго государства, а на завтра ломають копыя за интересы общегерманскіе противъ отдѣльнаго государства, сегодня они дѣйствуютъ какъ послы, завтра какъ депутаты; сегодня они государственные секретари, завтра члены комитета; все это они продѣлываютъ съ той же наивностью, съ какой сегодня кушаютъ редиску, а завтра бутерброды»...

Противная партія не оставалась въ долгу и платила, на сколько могла, той же монетою. Характерны нѣкоторыя каррикатуры, въ которыхъ политическіе противники Фохта утрировали и доводили

до уродства его основные взгляды. Въ одной изъ нихъ Фохтъ представленъ гулякой; въ рукахъ у него узловатая палка, за плечами, въ видѣ ранца, лежитъ пара умерщвленныхъ консерваторовъ; разрушенный, пылающій городъ лежитъ подъ его ногами, кругомъ рушатся церкви и общественныя зданія. Другая карриатура, выпущенная по поводу одного рѣзкаго замѣчанія Фохта во время дебатовъ, объ отдѣленіи церкви отъ государства, носитъ названіе «Новое завоеваніе». Двое мальчишекъ звѣрскаго вида въ фригійскихъ колпакахъ, надвинутыхъ по уши, несутъ на плечахъ отвратительную высохшую женщину; у каждаго изъ нихъ въ рукахъ длинная палка съ девизами: «нѣтъ болѣе того свѣта», «небо только на землѣ». Громадная собака лаетъ на эту процессію; въ сторонѣ стоятъ двое зрителей и ведутъ слѣдующій разговоръ:

— Что это они несутъ такое?! Физиономія какъ-будто мнѣ знакома! Не старая ли это парижская богиня разума?

— Да, господинъ, она сильно постарѣла, но все еще попрежнему находитъ поклонниковъ...

Во всемъ, во всѣхъ вопросахъ сказывалась рѣзкая противоположность въ основныхъ взглядахъ парламентскихъ партій.

Расколъ еще болѣе усиливается, когда Пруссія, вопреки постановленію франкфуртскаго парламента, заключаетъ съ Даніей невыгодное и малопочетное для Германіи, датско-голландское перемиріе.

Причинъ для разлада накоплялось все больше и больше, и все сильнѣе, въ то же время, становилась реакція. Берлинскій ландтагъ перенесенъ прусскимъ правительствомъ въ Бранденбургъ, а затѣмъ, вскорѣ закрытъ, депутаты разогнаны силой; возставшая Вѣна разгромлена войсками и фельдмаршалъ Виндишъ-Гретцъ чинить тамъ жестокія казни, одной изъ жертвъ его падаетъ Робертъ Блюмъ, вождь лѣвой франкфуртскаго парламента, редакторъ «Reichstags-Zeitung» и близкій другъ Фохта; въ Paul's Kirche возникаютъ безконечныя дебаты по поводу отношеній къ прусскому и австрійскому правительствамъ.

Наконецъ, 28-го декабря 1848 г. объявлены были «основные законы», выработанные франкфуртскимъ парламентомъ, законы, даже по мнѣнію г. Вебера, «весьма умѣренные». Уступкой «лѣвой» явился законъ объ уничтоженіи смертной казни и о свободѣ религиозной совѣсти. Но это было далеко не все—самый скользкій вопросъ, вопросъ о центральной власти дебатировался уже въ январѣ 1849 г. Посыпались самыя разнородныя предложенія: съ одной стороны подавали голосъ за президента, избираемаго изъ

всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ (предлож. «лѣвой»), съ другой—за дирекцію (коллегія князей), съ третьей—за триумвиратъ королей; большинство высказалось въ концѣ концовъ за то, чтобы выбрать одного изъ царствующихъ принцевъ «германскимъ императоромъ» и установить наследственность этой императорской власти. 3-го февраля 1849 г. было первое чтеніе конституціи. Казалось, невозможное дѣло пришло все же къ своему концу. Теперь нужно было высказаться правительствамъ. Большинство нѣмецкихъ государствъ выразило готовность дать свою санкцію, только королевства молчали и Пруссія вела двусмысленную игру. Несмотря на это, франкфуртскій парламентъ большинствомъ 4-хъ голосовъ рѣшилъ предложить прусскому королю титулъ «германскаго императора». Во время дебатовъ по этому вопросу, когда партіи, чтобы придти къ какому-нибудь рѣшенію, должны были соединиться въ временныя коализаціи, «лѣвой» удалось провести законъ о всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ.

Фохтъ все это время, особенно послѣ смерти Роберта Блюма, стоялъ во главѣ демократической «лѣвой».

3-го апрѣля 1849 г. торжественная депутація франкфуртскаго парламента явилась въ Берлинъ—предлагать прусскому королю корону германскаго императора. Фридрихъ-Вильгельмъ IV отвѣчалъ пространно, но уклончиво и скорѣе отрицательно, чѣмъ утвердительно; въ концѣ же апрѣля (21) появился официальный и положительный отказъ принять императорскую корону... Реакція окрѣпла окончательно и постепенно привялась за уничтоженіе только-что созданной конституціи.

Мы не станемъ останавливаться на томъ, какъ, подъ давленіемъ этой реакціи и глубокаго внутренняго раскола, медленно, шагъ за шагомъ, распадалось германское національное собраніе, какъ были отозваны правительствами австрійскіе и прусскіе депутаты, какъ, отчаявшись въ «законномъ» осуществленіи конституціи, партія Гагерна тоже покинула Paul's Kirche...

Фохтъ оставался на своемъ посту и съ энергіей отчаянія боролся уже за проигранное дѣло.

Прусское правительство пришло на помощь германскимъ королямъ и герцогамъ и потушило возстанія. Виртембергское правительство силой разогнало остатки національнаго собранія; 18 июня 1849 года было послѣднее засѣданіе; въ стенографическомъ отчетѣ его стоитъ, что «депутаты уступили только насилію».

Бывшіе законные представители германскаго народа и регенты имперіи подверглись жестокому преслѣдованію правительства, особенно прусскаго. Фохтъ хотѣлъ-было снова ѣхать въ Гессенъ и

снова предаться научной и профессорской дѣятельности, но раньше чѣмъ гессенскій ландтагъ поставилъ вопросъ о возвращеніи и личной безопасности Фохта, министръ внутреннихъ дѣлъ Гессенскаго герцогства распустилъ ландтагъ и настоялъ на томъ, чтобы «регента имперіи» исключили изъ числа профессоровъ за его убѣжденія.

Переѣхавъ швейцарскія горы, Фохтъ стряхнулъ съ себя пыль франкфуртскаго собора и, расписавшись въ книгѣ путешественниковъ «К. Фохтъ — викарій Германской имперіи въ бѣгахъ», снова принялся съ тою же невозмутимой ясностью, веселымъ расположеніемъ духа и неутомимымъ трудолюбіемъ за естественныя науки. Съ цѣлью изученія морскихъ зоофитовъ онъ поѣхалъ въ Ниццу въ 1850 году.

Вся политическая дѣятельность Фохта является логическимъ выводомъ изъ его теоретическихъ воззрѣній; они выражены въ безчисленныхъ его статьяхъ и книгахъ и между прочимъ въ знаменитой сатирѣ — «*Измѣдованія о зѣринихъ государствѣхъ*» *). Въ этомъ произведеніи блестящія картины изъ жизни животныхъ смѣняются политическими разсужденіями, полными огня и ѣдкой ироніи.

Книга посвящена «бравому Жаур», тому самому гессенскому министру, который лишилъ его профессорской катедры. Въ введеніи Фохтъ объясняетъ, какъ у него появилась мысль объ этой книгѣ... Онъ давно уже сомнѣвался въ совершенствѣ людей, но все же вѣрилъ, что человѣкъ совершеннѣйшее изъ животныхъ; во Франкфуртѣ, среди благороднѣйшихъ и лучшихъ представителей индогерманской расы, гдѣ ему пришлось наблюдать это предполагаемое совершенство, онъ утратилъ эту вѣру...

Политическій идеалъ Фохта — культурное общество, гдѣ свобода личности не ограничена никакими законами, кромѣ одного, всеобщаго закона, врожденнаго каждому человѣку — стремленія къ обществу. Этотъ законъ, по мнѣнію Фохта, достаточно охраняетъ общественную жизнь, а неограниченная свобода личности является лучшимъ залогомъ для развитія всѣхъ индивидуальныхъ силъ и различій, самымъ могучимъ рычагомъ прогресса.

Какъ бы мы ни относились къ политическимъ убѣжденіямъ Карла Фохта, мы должны признать, что они были неразрывно связаны со всѣмъ его существомъ, что выражалъ онъ ихъ съ необыкновенной ясностью и блескомъ, отстаивалъ съ твердостью и мужествомъ античнаго борца. Какія еще требованія можно предъявлять къ общественному дѣятелю?!

*) «*Untersuchungen über Thierstaten*». 1851.

III.

Въ Ниццѣ и Вилла-Франкѣ Фохтъ снова, съ жаромъ принялся за зоологическія изслѣдованія. «Съ ранняго утра,—говорить одинъ изъ его современниковъ,—сидѣлъ Фохтъ за микроскопомъ, наблюдалъ, рисовалъ, писалъ, читалъ и часовъ въ пять бросался, иногда со мной, въ море (плавалъ онъ какъ рыба); потомъ онъ приходилъ къ намъ обѣдать и, вѣчно веселый, былъ готовъ на ученый споръ и на всякіе пустяки, пѣлъ за фортепьяно уморительныя пѣсни или рассказывалъ дѣтямъ сказки съ такимъ мастерствомъ, что они, не вставая, слушали его цѣлые часы».

Какія гигантскія силы были у этого могучаго человѣка, что даже горячка 1848 и 1849 года, всколыхнувшая всю Европу, не нарушила его душевной ясности и гармоніи!

Въ Ниццѣ Фохтъ пробылъ два года и обогатилъ науку массой интереснѣйшихъ зоологическихъ изслѣдованій *); между прочимъ, онъ одинъ изъ первыхъ далъ научныя основанія для классификаціи гидромедузъ и первый описалъ эмбриональное ихъ развитіе. Но спеціальныя изслѣдованія не отнимали у него всего времени. Мы уже упоминали о его знаменитой сатирѣ и въ тоже время прекрасной популярной книгѣ «Изслѣдованія о государствахъ животныхъ», въ которой, также какъ и въ «Зоологическихъ письмахъ» **), во многихъ мѣстахъ, ясно проводится идея о родствѣ формъ организованнаго міра. Кромѣ этихъ двухъ сочиненій, Фохтъ въ 1852 году издалъ еще третье—блестящую популярную книгу «Картины изъ жизни животныхъ»; большая часть ея посвящена описанію жизни и развитія низшихъ морскихъ организмовъ.

5-го мая 1852 года ***) Карлъ Фортъ получаетъ приглашеніе занять въ женевской академіи кафедру геологіи, вполнѣдствіи ему же была поручена палеонтологія, зоологія и сравнительная анатомія. Ни одинъ ученый, вѣроятно, не выдержалъ бы подобной тяжести, но Фохта хватало еще и на многое другое.

Вскорѣ фохтовская аудиторія стала одной изъ самыхъ многочисленныхъ въ женевской академіи. «Онъ всегда,—говоритъ проф. Юнгъ ****),—старательно подготовлялся къ лекціямъ и былъ au со-

*) 1) Les Hectocotyles et les mâles de quelques Céphalopodes (въ сообществѣ съ друг. зоологомъ Верапи). 2) Siphonophores de la mer de Nice. 3) Tuniciers pageant de la mer de Nice.

**) Zoologische Briefe. 2 Th. Переведены на русскій языкъ.

***) Ровно за 43 года до своей смерти.

****) Юнгъ—одинъ изъ учениковъ Фохта, сотрудникъ его по составленію «Anatomie comparée», и вѣроятный его замѣститель. Но года за два до смерти Фохтъ разошелся съ Юнгомъ, говорятъ, изъ-за того, что послѣдній заигры-

gant всѣхъ научныхъ новостей, онъ умѣлъ все существенное сдѣлать особенно выпуклымъ, группировать факты въ ихъ логической послѣдовательности и тотчасъ же вывести изъ нихъ всѣ слѣдствія. Прибавьте къ этому, что Фохтъ говорилъ замѣчательно свободно, владѣлъ секретомъ запечатлѣть идею оригинальной фразой, смѣшнымъ, остроумнымъ словомъ, и разсѣять монотонность изложенія анекдотомъ изъ жизни знаменитыхъ ученыхъ—своихъ знакомыхъ, или изъ эпохи своей политической дѣятельности, анекдотомъ, конечно, стоявшимъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ предметомъ лекцій; онъ оживлялъ слушателей своими выходками и самъ первый смѣялся своимъ знаменитымъ, заразительнымъ смѣхомъ, охарактеризованнымъ Мантегацца слѣдующими словами: «Фохтъ, который владѣетъ могучими легкими и громаднымъ животомъ, смѣется постоянно во всю глотку, онъ смѣется такъ, что стѣны дрожатъ и можно опасаться за цѣлость дома; этимъ онъ напоминаетъ Бальзака»...

Имя Карла Фохта было магнитомъ, притягивавшимъ въ женеvскую академію многочисленныхъ слушателей, и разсчетливые швейцарцы хорошо понимали это.

Но Женева обязана знаменитому зоологу еще большимъ. Всѣ ораторы, говорившіе торжественныя рѣчи на похоронахъ Карла Фохта, всѣ женеvскія газеты, помѣстившія обширные некрологи, всѣ, не смотря на то, что большинство изъ женеvцевъ не симпатизировало покойному за его демократическія и матеріалистическія убѣжденія, за рѣзкость его рѣчи и полемики, всѣ единогласно утверждали, что если Женева владѣетъ теперь полнымъ университетомъ, со всѣми факультетами, вмѣсто прежней академіи, то этимъ она обязана въ числѣ немногихъ и Карлу Фохту, учрежденіемъ же и организаціей медицинскаго факультета, главнымъ образомъ, ему—его энергіи и его вліянію.

А политическое вліяніе Фохта въ Женеvѣ въ пятидесятые, шестидесятые и семидесятые года было очень значительно. Надо сказать, что и приглашеніе въ женеvскую академію Фохтъ получилъ, главнымъ образомъ, благодаря тогдашнему всесильному президенту женеvской республики Джемсу Фази—главѣ радикальной партіи. Вскорѣ *), какъ одинъ изъ представителей этой партіи,

валъ съ теологами. Сдержанность по отношенію къ своему учителю и нѣкоторая неискренность проглядываетъ въ статьѣ Юнга, изъ которой мы сдѣлали эту цитату—*L'oeuvre scientifique de Karl Vogt. Revue Scientifique 22 Juin 1895. pg. 775.*

*) Съ 1856—1860, 1870—1874 и въ 1878 Фохтъ былъ въ «Большомъ Женеvскомъ Совѣтѣ», съ 1878—1881 г. въ «Національномъ Совѣтѣ» и съ 1857—1860 и въ 1870 г. въ «Совѣтѣ Государствѣ».

Фохть былъ избранъ членомъ «Большого Совѣта» *) Женевы, а затѣмъ «Національнаго Совѣта» **) и «Совѣта Кантоновъ» ***).

Фохть шелъ рука объ руку съ Фази, но когда господство послѣдняго окончилось и радикальная партія начала гоненіе на клерикаловъ, онъ, не смотря на всю свою враждебность къ клерикализму, разошелся съ партіей, такъ какъ не могъ, по своимъ убѣжденіямъ, принимать участія въ подавленіи свободы кого бы то ни было, хотя бы и своихъ злѣйшихъ враговъ. Конечно, «политики» обвиняютъ его въ излишнемъ идеализмѣ, но намъ кажется, что такой «идеализмъ», такая органическая связь съ своими убѣжденіями хороши во всякомъ дѣлѣ и даже въ политикѣ. Съ этихъ поръ Фохть не соединяется уже ни съ какой партіей и вотируетъ то съ той, то съ другой, смотря по обстоятельствамъ. И въ Женевѣ онъ отстаиваетъ свои взгляды съ той же смѣлостью, какъ въ былое время, въ франкфуртскомъ парламентѣ.

До чего доходила его рѣзкость видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго эпизода. Однажды, будучи депутатомъ Женевы и членомъ бюджетной комиссіи, онъ сильно нападалъ на предложенія одного изъ представителей правительства; тотъ, выведенный изъ себя этими нападками, замѣтилъ, наконецъ, Фохту, что вмѣсто того, чтобы злословить администрацію, онъ лучше бы сидѣлъ въ своей лабораторіи и занимался своими маленькими животными. «Мои маленькія животныя,—воскликнулъ Фохть,—мои маленькія животныя! они могутъ подождать; развѣ вы не видите, что какъ разъ въ этотъ моментъ я обязанъ заняться большими!»...

Нѣмецкій изгнанникъ вполне сросся съ интересами своего новаго отечества. «Какъ,—восклинулъ онъ,—потому что я имѣлъ несчастье родиться на томъ, а не на другомъ клочкѣ земли, я долженъ быть къ нему прикованъ со всѣми своими страстными мечтами, надеждами, планами и запросами, я долженъ отречься отъ всѣхъ человѣческихъ интересовъ и утѣшаться сознаніемъ, что я нѣмецъ?! Прекрасное утѣшеніе, особенно въ настоящее время!»

За всѣ свои 43 года пребыванія въ Женевѣ Фохть покидалъ ее только въ вакаціонное время—для научныхъ путешествій и ра-

*) «Grand Conseil» — это кантональное законодательное собраніе, избираемое народомъ кантона.

**) «Conseil national» — избирается всѣмъ швейцарскимъ народомъ, вырабатываетъ федеральные законы.

***) «Conseil des Etats», избирается отдѣльными кантонами и является представителемъ ихъ интересовъ въ федераціи; то же, какъ и «Conseil national», отправляетъ законодательныя функціи.

ботъ на зоологическихъ морскихъ станціяхъ (Роскова, Неаполь), открытію и организаціи которыхъ онъ много посодѣйствовалъ своимъ авторитетнымъ словомъ.

Одинъ только разъ покинулъ онъ Женеву на болѣе продолжительный срокъ. Это было въ 1862 г., когда ему, наконецъ, удалось осуществить свое завѣтное желаніе—отправиться на сѣверъ. Онъ побывалъ въ Норвегіи, въ Исландіи и на о-въ Янъ-Майенъ и собралъ тамъ массу зоологическихъ и геологическихъ наблюденій, которыя обработалъ и выпустилъ въ слѣдующемъ году (1863), подъ общимъ названіемъ «Nordfarth».

Какъ членъ правительства и какъ профессоръ, Фохтъ считалъ своимъ долгомъ посвящать часть своего времени и вопросу о народномъ образованіи. Множество статей его, касающихся, главнымъ образомъ, средней и высшей школы—коллегій и университетовъ, разсѣяно въ различнѣйшихъ газетахъ и журналахъ. Онъ былъ противникомъ классицизма.

«Мы не понимаемъ,—говоритъ онъ *),—почему глубокое изученіе нѣмецкаго и англійскаго языковъ не можетъ дать той же гимнастики уму, какъ изученіе такъ называемыхъ классическихъ языковъ; не въ тысячу ли разъ производительнѣе и полезнѣе прекрасно знать родной языкъ, чѣмъ языкъ мертвый уже въ теченіи тысячи лѣтъ? Что касается сокровищъ литературы, то мы вовсе не пренебрегаемъ ни Гомеромъ **), ни Горациемъ, но осмѣливаемся утверждать, что Шекспиръ и Гёте, если брать даже только англійскій и нѣмецкій языки, также возвышаютъ умъ и сердце, какъ и классики».

Но не въ классицизмѣ видѣлъ знаменитый ученый главное зло современной школы, не ему приписывалъ переутомленіе учениковъ средней школы и отсутствіе личной инициативы и оригинальности въ работѣ студентовъ, а той пестротѣ, той массѣ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя стремится дать ученику современная школа. Всѣ эти свѣдѣнія не имѣютъ почти никакой связи другъ съ другомъ, приучаютъ ребенка и юношу не доискиваться до истины, а просто брать ее памятью; не мудрено, что слабій, еще не окрѣпшій мозгъ падаетъ подъ этой тяжестью непосильной и не интересной работы и изъ способнаго ребенка выходитъ юноша съ какимъ-то научнымъ «попурри» въ головѣ, безъ намека на оригинальную мысль,

*) «Quelques mots sur la question universitaire» par M. Carl Vogt, professeur. Genève 1886, pg. 74.

**) Гомеръ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ писателей Карла Фохта.

работающій какъ машина, знающій одинъ свой учебникъ, стремящійся только къ диплому... *).

Но не только о развитіи будущихъ поколѣній заботился Фохтъ — онъ всегда отстаивалъ ту мысль, что наука должна быть доступна всѣмъ, что всѣ завоеванія ея должны какъ можно скорѣе дѣлаться общимъ достояніемъ—и вотъ онъ начинаетъ сначала въ Женевѣ рядъ публичныхъ лекцій; вскорѣ кругъ его дѣятельности захватываетъ и другіе города Швейцаріи, а затѣмъ и Германію. Этими лекціями Фохтъ далъ могучій толчокъ популяризаціи науки въ Германіи; его имя, въ этомъ отношеніи, должно быть поставлено на ряду съ Гумбольдтомъ, Росмесслеромъ, Уле и Шлейденомъ.

Въ теченіи многихъ лѣтъ, въ свободное отъ университетскихъ занятій время, совершалъ онъ свои знаменитыя научныя путешествія.

Публичныя лекціи Фохта имѣли громаднѣйшій успѣхъ вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, а читалъ онъ ихъ чуть ли не во всѣхъ городахъ Германіи и Швейцаріи **); всюду они вызывали съ одной стороны горячія оваціи, съ другой—ожесточенныя нападки.

Нужно замѣтить, что къ началу шестидесятыхъ годовъ, къ которымъ относятся первыя публичныя лекціи Фохта, онъ былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ горячихъ послѣдователей только-что появившагося ученія Дарвина о происхожденіи видовъ. Для своихъ лекцій онъ бралъ жгучія темы о происхожденіи человѣка, о родствѣ организмовъ, о малоголовыхъ, о паразитизмѣ въ животномъ царствѣ и т. д. Немудрено, что протесты и нападки его враговъ были еще болѣе рѣзкими, чѣмъ сами лекціи Фохта, и иногда принимали очень непривлекательную форму. Въ Мюнхенѣ, напр., за его каретой бѣгали толпы уличныхъ мальчишекъ и кричали, указывая на него пальцами: «Человѣкъ - обезьяна, человѣкъ-обезьяна!» Но Фохтъ прошелъ хорошую школу въ франкфуртскомъ парламентѣ и обладалъ замѣчательнымъ хладнокровіемъ. Кажется, въ томъ же Мюнхенѣ, во время одной лекціи, когда онъ рассказывалъ объ австралійскихъ дикаряхъ, до сихъ поръ еще находящихся въ первобытномъ состояніи, въ окна аудиторіи посыпались камни и одинъ изъ нихъ упалъ къ ногамъ лектора; Фохтъ нагнулся, поднялъ

*) Эти мысли съ особенной яркостью изложены Карломъ Фохтомъ въ статьѣ его «La crise dans l'instruction secondaire». *Revue Scient.* 6 Aout, 1887 г.

***) Въ Невшателѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Оффенбахѣ, Мангеймѣ, Дармштадтѣ, Нюренбергѣ, Фюртѣ, Кельнѣ, Ахенѣ, Ронфельдѣ, Эльберфельдѣ, Эссенѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Гамбургѣ, Брауншвейгѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Грацѣ, Пештѣ и мног. друг.

камень и, обращаясь къ слушателямъ, сказалъ: «Вы видите, господа, что каменный вѣкъ, какъ я вамъ только что доказывалъ, еще не прошелъ», и затѣмъ спокойно продолжалъ прерванную лекцію.

Фохтъ прекратилъ свои научныя путешествія по Германіи въ 1870 г.; онъ былъ одинъ изъ немногихъ нѣмцевъ, протестовавшихъ противъ франко-прусской войны и противъ грубыхъ захватовъ Пруссіи. Въ письмахъ къ Араго онъ становится на сторону побѣжденныхъ, хорошо зная, что этимъ теряетъ свою популярность въ Германіи.

Эти лекціи Фохта печатались въ различныхъ научныхъ и научно-популярныхъ журналахъ, а затѣмъ авторъ соединялъ ихъ въ отдѣльныя книги. Такимъ образомъ, появились знаменитыя «Лекціи о человѣкѣ» и «Малоголовые» *); обѣ книги почти тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ были переведены на всѣ европейскіе языки и выдержали нѣсколько изданій. Въ нихъ Фохтъ является дарвинистомъ, но, какъ любилъ онъ называть самъ себя, *еретикомъ-дарвинистомъ*.

«Я принимаю теорію эволюціи со всѣми ея слѣдствіями,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей **),—я подыскиваю ей солидныя основанія въ фактахъ и въ систематическихъ наблюденіяхъ. Я глубоко убѣжденъ, что всѣ организмы, существующіе въ настоящее время, произошли отъ предковъ, которые жили въ предшествующія геологическія эпохи; я убѣжденъ также, что потомки одного и того же корня претерпѣли болѣе или менѣе важныя измѣненія, часто настолько значительныя, что предковъ можно возстановить только по длинной серіи промежуточныхъ организмовъ,—наконецъ, я совершенно согласенъ, что часто эти измѣненія являлись слѣдствіемъ различныхъ приспособленій ко внѣшнимъ условіямъ,—приспособленій, среди которыхъ важную роль играли миграціи, какъ активныя, такъ и пассивныя. Но, признавая безъ всякихъ оговорокъ всѣ эти принципы вѣрными, я требую, чтобы мнѣ указали, какъ они оправдываются въ каждомъ частномъ случаѣ. Я хочу видѣть и ощупать собственными пальцами звенья той цѣпи, о которой мнѣ говорятъ послѣдовательныя генераціи рода, всѣ части герба. Безъ этого я считаю положеніе только вѣроятнымъ, но отнюдь не доказаннымъ, и отрицаю заключенія, выводимыя изъ вѣроятностей и выдаваемыя за истину». Фохтъ при-

*) «Leçons sur l'homme» и «Mémoire sur les Microcephales». 1867. Последнее изъ нихъ удостоено Парижскимъ антропологическимъ обществомъ преміи Годара.

***) «Les migrations des animaux». Rev. Scient. 5 Avril. 1879. pg. 934.

нималъ всѣ основные принципы теоріи эволюціи—и борьбу за существованіе, и естественный подборъ, и законы наследственности, но во многихъ частностяхъ онъ сильно расходился съ учениемъ великаго англійскаго ученаго; въ концѣ концовъ этихъ частности накопилось такъ много, что Фохтъ вправѣ былъ называть себя еретикомъ-дарвинистомъ. Къ сожалѣнію, мы можемъ здѣсь остановиться только на самыхъ существенныхъ отклоненіяхъ женеваго профессора отъ правовѣрнаго дарвинизма; за подробностями отсылаемъ читателя къ прекрасному сочиненію Катрфажа: «Послѣдователи Дарвина»*) и къ собственнымъ статьямъ Фохта **).

Фохтъ придавалъ громадное значеніе въ дѣлѣ измѣненія видовъ вліянію внѣшней среды; онъ указывалъ на тотъ извѣстный фактъ, что домашнія животныя, перевезенныя въ Америку, измѣнились, многія весьма существеннымъ образомъ, въ теченіи относительно короткаго времени и что теперь нельзя отыскать никакихъ слѣдовъ какихъ бы то ни было промежуточныхъ формъ между европейскими предками и ихъ американскими потомками. То же самое могло случиться, по мнѣнію Фохта, и съ дикими животными и растеніями. Для этого нужно только допустить, чтобы измѣненіе внѣшнихъ условій произошло относительно быстро, что несомнѣнно и бываетъ, напр., при миграціяхъ. Попавъ въ новыя условія, организмы принуждены вступить въ жестокою борьбу съ ними; при этомъ большинство индивидуумовъ погибаетъ, но нѣкоторые выживаютъ и оставляютъ потомство, все лучше и лучше приспособляющееся къ средѣ; это приспособленіе покупается цѣной измѣненія роста, формы, инстинктовъ. Такимъ образомъ, послѣ относительно незначительнаго числа поколѣній вырабатывается новая разновидность, новый видъ. «Но, говоритъ Фохтъ ***), развѣ переходныя формы, свидѣтели жестокой борьбы за существованіе, которая велась въ періодъ измѣненія внѣшнихъ условій, когда данный видъ едва избѣгнулъ полнаго уничтоженія, развѣ эти переходныя формы не должны быть менѣе многочисленными, чѣмъ тѣ два типовые вида, которые характеризуютъ начало и конецъ борьбы?» Новый видъ, появляющійся такимъ образомъ, не всегда будетъ типомъ прогрессивнымъ ****), относительно стараго; наоборотъ,

*) A. de Quatrefages. Les émules de Darwin. Biblioth. Scientif. internat. 1894.

**) Главнѣйшія изъ нихъ: «Quelques hérésies darwinistes». (Rev. Scient. 1886). «Dogmes dans la science». R. Sc. 1891.

***) «Leçons sur l'homme», pg. 612.

****) Прогрессомъ организма Фохтъ считаетъ увеличеніе числа органовъ съ спеціальными функціями. «Но,--прибавляетъ онъ,-- чтобы спеціализація произвела дѣйствительный прогрессъ, нужно, чтобы она была гармонична и ка-

иногда можетъ явиться даже регрессъ — все зависитъ отъ того, къ какимъ условіямъ приходится приспособляться данному организму. Фохтъ, указываетъ, напр., на такъ-называемыя «прикрѣпленныя» формы, т.-е. организмы, не имѣющіе органовъ передвиженія, и на паразитарныя; и тѣ, и другія онъ считаетъ за регрессивныя, т.-е. происшедшія изъ формъ болѣе высоко организованныхъ. На отдѣльныхъ примѣрахъ онъ показываетъ, почему и какимъ образомъ условія существованія прикрѣпленныхъ и паразитныхъ формъ даютъ въ результатѣ упрощеніе организмовъ и ихъ регрессъ; онъ доказываетъ, что прикрѣпленныя формы, напр., гидромедузы произошли изъ формъ свободныхъ и плавающихъ; прикрѣпленное состояніе—это вторичная стадія развитія, обязанная своимъ происхожденіемъ суммѣ различнѣйшихъ вліяній, которыя въ концѣ концовъ увеличили тяжесть организма настолько, что прежніе органы движенія уже были не въ силахъ исполнять свою функцію и постепенно исчезли.

Въ рядѣ статей, озаглавленныхъ «Догматы въ наукѣ», Фохтъ особенно сильно нападаетъ на два «догмата»—первый: «природа всегда избираетъ кратчайшіе пути»; второй: «такъ какъ одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія, то ясно, что и одинаковыя слѣдствія имѣютъ одинаковыя причины». Эти догматы, особенно второй, составляютъ, по мнѣнію Фохта, краеугольный камень вѣры тѣхъ дарвинистовъ, которые, какъ Геккель, строятъ детальнѣйшія генеалогіи всего организованнаго міра, — такія генеалогіи искусственны, полны натяжекъ и искаженій фактовъ. Природа не избираетъ никакихъ «путей» уже по одному тому, что у нея нѣтъ цѣли, нѣтъ сознанія, но когда смотришь на конечный пунктъ какой-нибудь цѣпи явленій, то наоборотъ—часто приходитъ въ голову мысль, какая масса ненужностей сдѣлана на этомъ пути, сколько остановокъ, отклоненій и отступленій! О второмъ догматѣ и говорить нечего — онъ блещетъ своею нелогичностью, а между тѣмъ онъ является только болѣе общимъ выраженіемъ геккелевскаго положенія, — «одинакова форма, одинаково и происхожденіе». Для доказательства невѣрности этого положенія, Фохтъ опять обращается къ паразитнымъ формамъ и приводитъ нѣсколько примѣровъ замѣчательнаго сходства этихъ формъ, между тѣмъ, какъ доказано, что происхожденіе ихъ настолько различно, что они относятся къ различнымъ классамъ животнаго

салась всей организаціи, такъ какъ преимущественное развитіе какого-нибудь органа или даже цѣлой группы органовъ необходимо поведетъ за собою остановку въ развитіи или даже регрессъ другихъ органовъ». (*L'Anatomie comparée. Introduction., pg. 10.*)

міра. Онъ указываетъ также и на слѣдующій фактъ, установленный палеонтологіей: извѣстно, что въ Америкѣ не было лошадей, пока ихъ туда не ввезли европейцы, но въ американскихъ четвертичныхъ отложенияхъ найденъ скелетъ ископаемой лошади, чрезвычайно близкой по своему строенію съ европейской современной; между тѣмъ, та же палеонтологія показываетъ, что предки обѣихъ этихъ лошадей, американской и европейской, отличались другъ отъ друга весьма значительно.

Вообще Фохтъ настаиваетъ на томъ, что близкіе типы могли произойти и не отъ одного общаго корня, а отъ совершенно различныхъ. Такого рода эволюцію онъ называетъ «схожденіемъ признаковъ». «Такимъ образомъ, — говоритъ Катрфажъ *), — Фохтъ, вполне принимая теорію происхожденія, а слѣдовательно, и измѣненія видовъ, вполне признавая борьбу за существованіе и естественный подборъ могучими агентами этого измѣненія, вполне отрицая, какъ и его учитель, существенное различіе между рассой и видомъ, все же расходится съ Дарвиномъ въ очень важныхъ пунктахъ. Въ противоположность отцу этой школы, онъ подчиняетъ подборъ условіямъ существованія, какъ у зародышей, такъ и у взрослыхъ формъ, и отрицаетъ возможность связи, допускаемой англійскимъ ученымъ, между *эмбриогенезисомъ* и *филогенезисомъ*. Рядомъ съ *общимъ прогрессомъ*, о которомъ намъ свидѣтельствуется организованный міръ, онъ видитъ *регрессъ* и ему приписываетъ первую роль въ формированіи многихъ видовъ... Наконецъ, одному первоначальному корню всѣхъ организованныхъ существъ онъ противопоставляетъ множество основныхъ типовъ». Несмотря на то, что Катрфажъ является научнымъ противникомъ Карла Фохта, онъ признаетъ громадныя заслуги женеваго профессора; то же признала и Парижская академія, избравшая его въ 1887 г. своимъ корреспондентомъ, — честь, которой удостоиваются немногіе иностранные ученые, честь, тѣмъ болѣе удивительная по отношенію къ факту, что его научные и политическіе взгляды не очень-то гармонируютъ съ таковыми сорока безсмертныхъ.

Ни политика, ни популяризація, ни публицистика нисколько не ослабляли научной дѣятельности Фохта, въ этомъ легко убѣдиться, если просмотрѣть списокъ научныхъ работъ, сдѣланныхъ имъ въ Женевѣ **); онъ говорилъ, что отдыхаетъ, переходя отъ одной

*) «Les Emules de Darwin». Т. II. pg. 28—29.

**) 1) «Beitrag zur Entwicklungsgeschichte eines Cephalophoren». 1856.

2) «Ueber die Schleimkanäle der Fische». 1856.

3) «Recherches sur l'anatomie comparée des organes de la génération chez les animaux vertébrés». 1859.

4) «Die künstliche Fischzucht». 1861.

работы къ другой. Совсѣмъ больной *), онъ все же неустанно работалъ въ своей лабораторіи и дома надъ обширнымъ сочиненіемъ: «Рыбы Европы». Предчувствуя близкій конецъ, онъ часто говаривалъ за послѣднее время: «рыбами я началъ, рыбами и кончу». Когда болѣзнь, наконецъ, приняла опасный характеръ, онъ съ спокойствіемъ врача и съ мужествомъ человѣка, свершившаго свое дѣло, самъ слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ роковыхъ симптомовъ. Карлъ Фохтъ умеръ въ полномъ сознаніи, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія...

Когда созерцаешь какое-нибудь великое произведеніе, — статую, картину, храмъ, поневолѣ, послѣ первыхъ минутъ восторга, возникаетъ вопросъ, какой общей идеей руководился художникъ, гдѣ источникъ, душа его творчества? Когда передъ тобой пробѣгаютъ мысли, чувства, поступки какого-нибудь большого человѣка и понемногу въ туманной дали вырисовывается блѣдная тѣнь, — снова встаетъ тотъ же вопросъ, гдѣ центръ этой могучей жизни, какой вѣрой жилъ этотъ человѣкъ? И у большого человѣка всегда есть своя вѣра. Такой вѣрой Фохта была вѣра въ силу человѣческаго разума, въ силу мыслящей личности; изъ этой вѣры вытекаетъ его проповѣдь неограниченной индивидуальной свободы, его политическія убѣжденія, его фанатическая дѣятельность популяризатора; съ этой вѣрой неразрывно связаны его мужество, стойкость, неослабная энергія и ясность духа...

В. Агафоновъ.

5) «Nordfarth». 1863. Описание его путешествія въ 1862 г. на о-въ Янъ-Майенъ.

6) «Crânes fossiles de l'époque diluvienne trouvés en Allemagne et en Italie».

7) «Mâchoire de la Naulette».

8) «Anthropophagie et les sacrifices humains».

9) «Leçons sur l'homme».

10) «Mémoire sur les Microcéphales». 1867.

11) «Sur le Lotosome de Phaseolosomes». 1877.

12) «Recherches côtiers». 1876,

13) «Reproduction de quelques Trématodes ectoparasites marins».

14) «Sur l'adaptation des Crustacés copépodes au parasitisme».

15) «Sur la vie animale du desert du Sahara».

16) «Sur la provenance des Entozoaires de l'Homme et leur évolution». 1877.

17) «Sur la production artificielle des formes des élément organiques».

18) «Sur un Hareng hermaphrodite et sur l'évaire du jeunes Verons».

19) «Sur l'embryologie des Chauves-Souris».

20) «Sur un nouveau genre de Médusaire Sessile, Lipkea Ruspoliana» и масса статей въ «Revue scientifique», нѣкоторыя изъ которыхъ упомянуты въ нашей статьѣ.

Списокъ этотъ составленъ по статьѣ проф. Юнга. В. Sc. 1895 г. 27 Juin.

Прибавьте къ этому еще громадную книгу «Млекопитающія», переведенную на русскій языкъ, и «Anatomie comparée pratique», которая вышла выпусками въ теченіи 13 лѣтъ.

*) Карлъ Фохтъ умеръ отъ болѣзни печени, — болѣзни, мучившей его въ теченіи многихъ лѣтъ.

НАУЛАКА.

Романъ Рюдиарда Киплинга и Уолькотта Балестриера.

(Продолженіе *).

ХІ.

Кто говоритъ съ государемъ, тотъ держитъ свою жизньъ въ рукѣхъ.

(Индійская поговорка).

Тарвинъ нашелъ магараджу, еще не получившаго своей утренней порціи опиума, въ состояніи полнѣйшаго угнетенія. Нашъ Топазецъ окинулъ его лукавымъ взглядомъ, придумывая, какъ приступить къ осуществленію своего проекта.

Первыя слова магараджи помогли ему навести разговоръ на этотъ предметъ.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали?—спросилъ онъ.

— Въ Раторъ?—переспросилъ Тарвинъ, съ улыбкой скидывая взоромъ весь горизонтъ.

— Да, въ Раторъ,—проворчалъ магараджа.—Сагибъ агентъ говоритъ, что вы не служите никакому правительству, и что вы сюда пріѣхали все высматривать и писать разныя выдумки обо всемъ. Зачѣмъ вы пріѣхали?

— Я пріѣхалъ изслѣдовать вашу рѣку; въ ней есть золото,—твердымъ голосомъ произнесъ онъ.

— Идите и говорите объ этомъ съ правительствомъ,—сердито отвѣчалъ раджа.

— Но вѣдь это, кажется, ваша рѣка,—весело возразилъ онъ.

— Моя! Въ этомъ государствѣ нѣтъ ничего моего. Торговцы день и ночь стоятъ у моихъ воротъ. Сагибъ агентъ не позволяетъ мнѣ брать съ нихъ налоги, какъ дѣлали мои отцы. У меня нѣтъ настоящей арміи.

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

— Это совершенно вѣрно,—согласился Тарвинъ про себя.— Въ одинъ прекрасный день я могу похитить всю его армію.

— Да если бы у меня и было войско,—продолжалъ магараджа,—мнѣ не съ кѣмъ сражаться. Я просто старый волкъ, у котораго выдернуты всѣ зубы. Уходите отъ меня!

Этотъ разговоръ происходилъ на мощеномъ дворѣ передъ тѣмъ крыломъ дворца, въ которомъ находились апартаменты Ситабхан. Магараджа сидѣлъ на сломанномъ англійскомъ креслѣ, а его конюхи проводили передъ нимъ цѣлыя вереницы осѣдланыхъ и взнузданныхъ коней, надѣясь, что его величество выберетъ котораго-нибудь изъ нихъ для прогулки верхомъ. Утренній вѣтерокъ разносилъ по выложенному мраморомъ двору застоявшійся душливый воздухъ дворца и наполнялъ его далеко неприятными запахами.

Тарвинъ остановился во дворѣ, не слѣзая съ лошади, и сидѣлъ перекинувъ правую ногу за луку сѣдла. Онъ уже не разъ видалъ, какое дѣйствіе производитъ опиумъ на магараджу. Слуга подходилъ, держа небольшую мѣдную чашечку съ опиумомъ и водою. Магараджа съ гримасой проглотилъ снадобье, вытеръ послѣднія капли бурой жидкости съ усовъ и бороды и снова упалъ въ кресло, глядя передъ собой бессмысленными глазами. Прошло нѣсколько минутъ, и онъ вскочилъ на ноги, бодрый, улыбающійся.

— Вы здѣсь, сагибъ?—сказалъ онъ.—Ну, конечно, здѣсь, иначе мнѣ не было бы такъ весело. Хотите ѣхать кататься сегодня утромъ?

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Ну, такъ мы велимъ осѣдлать факсгальскаго жеребца. Онъ навѣрное сброситъ васъ!

— Очень хорошо,—спокойно отвѣчалъ Тарвинъ.

— А я поѣду на своей кобылѣ Кучъ. Выѣдемъ прежде, чѣмъ придетъ сагибъ агентъ,—сказалъ магараджа.

Во дворѣ раздались звуки охотничьяго рога и топотъ копытъ лошадей, отводимыхъ въ конюшню, а конюхи побѣжали сѣдлать коней.

Магараджа Кэнваръ сбѣжалъ съ лѣстницы и бросился къ отцу, который взялъ его на руки и нѣжно ласкалъ.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда, Лалы?—спрашивалъ магараджа.— «Лалы», «Любимый», это было прозвище, которымъ обыкновенно называли принца во дворцѣ.

— Я пришелъ дѣлать смотръ моей гвардіи. Отецъ, мнѣ выдали изъ арсенала очень дурныя сѣдла для моего полка. У Джейсинга сѣдло связано веревками, а Джейсингъ самый лучший изъ моихъ солдатъ, и, кромѣ того, онъ рассказываетъ очень интересные исторіи,—прибавилъ мальчикъ, дружески кивая Тарвину.

— Хе, хе! ты не лучше другикъ,—сказалъ король.—Всякій чего-нибудь просить у казны. Ну, что же тебѣ нужно?

Мальчикъ сложилъ ручки съ умоляющимъ видомъ, а затѣмъ смѣло взялъ отца за конецъ его огромной бороды; которая по райпутской модѣ была зачесана за уши.

— Мнѣ ничего, только десять новыхъ сѣделъ,—сказалъ онъ.— Они лежатъ въ большой кладовой. Я ихъ видѣлъ. Но смотритель лошадей говоритъ, что я долженъ спросить позволенія короля.

Лицо магараджи омрачилось, и онъ произнесъ эгеричное проклятiе.

— Король нынче рабъ и слуга,—проворчалъ онъ,—слуга сагиба агента и эдого женоподобнаго англійскаго райя; но, клянусь Индуромъ! сынъ короля во всякомъ случая королевскій сынъ. Какое право имѣетъ Сарунъ Сингъ не давать тебѣ, что ты хочешь, принцъ?

— Я сказалъ ему,—отвѣчалъ магараджа Кенваръ,—что отецъ будетъ недоволенъ. Больше этого я ничего не могъ сказать, потому что я былъ не совѣтъ здоровъ и потому, ты знаешь,—мальчикъ опустилъ свою головку, закутанную въ чалму,—я вѣдь еще ребенокъ. Значить, мнѣ можно взять сѣдла?

Тарвинъ, не понимавшій ни одного слова изъ всего этого разговора, сидѣлъ спокойно на своемъ пони и улыбался своему другу магараджѣ. При началѣ разговора на дворѣ господствовала полная тишина, такая тишина, что онъ слышалъ воркованье голубей на крышѣ на 150 ф. надъ его головой. Но теперь всѣ четыре стѣны, окружавшія дворъ, ожили, проснулись, насторожились. Онъ слышалъ затаенное дыханіе, шелестъ драпировокъ, тихій скрипъ ставень, осторожно отворяемыхъ изнутри. До него долеталъ тяжелый запахъ мускуса и жасмина, и онъ, не поворачивая головы, догадался, что Ситабхай и ея женщины слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ на дворѣ. Но ни король, ни принцъ не замѣчали этого. Магараджа Кенваръ очень гордился тѣми знаніями въ англійскомъ языкѣ, какія пріобрѣталъ у миссисъ Эстесъ, и король также сильно интересовался его успѣхами. Чтобы Тарвинъ могъ понимать его, принцъ началъ говорить по англійски, причеиъ произносилъ слова медленно и раздѣльно, чтобы и отецъ могъ понять ихъ.

— Это новые стихи, которые я выучилъ только вчера,—сказалъ онъ.

— Не говорится ли тамъ чего-нибудь объ ихъ богахъ?—подозрительно спросилъ магараджа.—Помни, что ты райпутъ!

— Нѣтъ, о, нѣтъ!—вскричалъ принцъ:—это просто англійскіе стихи, и я очень скоро выучилъ ихъ.

— Ну, скажи мнѣ ихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ ты сдѣлаешься ученымъ, поступишь въ англійскую коллегію и будешь носить длинный черный мундиръ.

Мальчикъ заговорилъ на мѣстномъ нарѣчій.

— Знамя нашего государства имѣетъ пять цвѣтовъ,—сказалъ онъ,—я прежде буду сражаться въ защиту его, а потомъ, можетъ быть, сдѣлаюсь англичаниномъ.

— Теперь ужъ никто не ходитъ на войну, мой мальчикъ; но скажи мнѣ свои стихи.

Сдержанный шорохъ среди сотни невидимыхъ свидѣтелей, усилился. Тарвинъ сидѣлъ, подперевъ голову рукой, а принцъ сошелъ съ колѣнъ отца, заложилъ руки за спину и проговорилъ безъ оставовокъ и безъ всякаго выраженія:

«Тигръ, тигръ, чьи глаза горятъ темной ночью въ лѣсной чашѣ, какая безсмертная рука, какой безсмертный глазъ создали тебя, съ твоей ужасающей красотой? Когда сердце твое начало биться, какая страшная рука создала твою страшную лапу?»

— Тамъ дальше я забылъ,—продолжалъ онъ,—а кончается такъ: «Неужели тотъ, кто создалъ ягненка, создалъ и тебя?»

— Я выучился очень скоро.—И онъ началъ аплодировать самъ себѣ, въ чемъ его поддержалъ и Тарвинъ.

— Я не понимаю; но хорошо знать по-англійски. Вотъ твой другъ, что сидитъ здѣсь, такъ говоритъ по-англійски, какъ я прежде никогда не слыхалъ,—сказалъ магараджа на мѣстномъ нарѣчій.

— Да,—отвѣчалъ принцъ.—Но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорить и лицомъ, и руками,—такъ. Я всегда смѣюсь, когда его слышу, самъ не знаю о чемъ. Полковникъ сагибъ Нолянъ говоритъ точно буйволъ, не раскрывая рта. Я никогда не могу разобрать, сердится онъ или радуется. Но, отецъ, зачѣмъ сагибъ Тарвинъ пріѣхалъ сюда?

— Мы ѣдемъ кататься вмѣстѣ,—отвѣчалъ король,—когда мы вернемся, я, можетъ быть, расскажу тебѣ. Что говорить о немъ твои люди?

— Они говорятъ, что это человѣкъ съ чистымъ сердцемъ, и онъ всегда такъ ласковъ со мной.

— Говорилъ онъ тебѣ что-нибудь обо мнѣ?

— Нѣтъ, ничего. Но я увѣренъ, что онъ добрый человѣкъ. Посмотри, вонъ онъ смѣется!

Тарвинъ, насторожившій уши, когда услышалъ свое имя, усѣлся удобнѣе на сѣдлѣ и подобралъ поводъ, чтобы показать королю, что пора отправляться въ путь.

Конюхи вывели высокаго, длиннохвостаго чистокровнаго англійскаго жеребца и сухопарую кобылу мышинаго цвѣта.

Магараджа всталъ.

— Поди къ Сарунъ Сингу и возьми сѣдла, принцъ, — сказалъ онъ.

— Что вы намѣрены дѣлать сегодня, молодой человѣкъ? — спросилъ Тарвинъ.

— Я пойду и возьму новыя сѣдла, — отвѣчалъ мальчикъ, — а потомъ приду сюда и буду играть здѣсь съ сыномъ перваго министра.

Шорохъ за ставнями снова усилился подобно шигѣню скрытой змѣи. Очевидно, кто-то понималъ слова мальчика.

— Увидитесь вы сегодня съ миссъ Кэтъ?

— Нѣтъ, сегодня у меня праздникъ, я не поѣду къ миссисъ Эстесъ.

Король обернулся къ Тарвину и проговорилъ шопотомъ:

— Развѣ ему надо каждый день видѣться съ этой леди-докторомъ? Всѣ вокругъ меня лгутъ, въ надеждѣ добиться моей милости; даже полковникъ Нолянъ говоритъ, что ребенокъ вполне здоровъ. Скажите мнѣ правду. Онъ мой первый сынъ.

— Онъ не совсѣмъ здоровъ, — спокойно отвѣчалъ Тарвинъ. — Можетъ быть, было бы недурно, если бы миссъ Шерифъ повидала его сегодня утромъ. Знаете, вы ничего не потеряете, если будете смотрѣть въ оба.

— Я васъ не понимаю, — сказалъ король, — но все-таки сходи сегодня въ миссію, сынъ мой!

— Я хочу придти сюда и играть, — съ живостью возразилъ принцъ.

— Вы еще не знаете, какую игру приготовила для васъ миссъ Шерифъ, — сказалъ Тарвинъ.

— А какую? — нетерпѣливо спросилъ магараджа.

— У васъ есть экипажъ и десять человѣкъ конвоя, — отвѣчалъ Тарвинъ, — сѣздите къ ней и вы узнаете.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо съ американской почтовой маркой и на конвертѣ наарапалъ Кэтъ записку слѣдующаго содержания:

«Удержите у себя мальчика на сегодняшній день. Я видѣлъ утромъ очень подозрительные симптомы. Придумайте ему какое-нибудь занятіе; устройте ему игры; постарайтесь не пускать его во дворецъ. Я получилъ вашу записку. Очень хорошо. Я васъ понялъ».

Онъ подозвалъ къ себѣ магараджу Кэнвара и передалъ ему записку.

— Отдайте это миссъ Кэтъ, какъ умный молодой человекъ, и скажите ей, что это отъ меня,—сказалъ онъ.

— Мой сынъ не слуга,—сердито проговорилъ король.

— Вашъ сынъ не совсѣмъ здоровъ, и я, кажется, первый говорю вамъ правду на счетъ него,—сказалъ Тарвинъ.—Тихонько, не подходите такъ близко къ этому жеребцу.

Англійскій жеребецъ, котораго держали конюхи, горячился.

— Онъ васъ сброситъ,—съ волненіемъ вскричалъ магараджа Кэнваръ:—онъ сбрасываетъ всѣхъ конюховъ.

Въ эту минуту среди тишины двора ясно послышался три раза повторенный ударъ въ ставню.

Одинъ изъ конюховъ проворно перешелъ на другую сторону брыкавшагося жеребца. Тарвинъ сунулъ ногу въ стремя, чтобы вскочить на лошадь, но въ эту минуту сѣдло свернулось на сторону. Человекъ, державшій жеребца въ поводу, отпустилъ его, и Тарвинъ едва успѣлъ освободить ногу изъ стремени, какъ лошадь помчалась впередъ.

— Я видалъ болѣе хитрые способы убивать людей,—спокойно сказалъ онъ.—Приведите-ка пріятеля назадъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ одному изъ конюховъ, и, когда жеребецъ былъ снова приведенъ къ нему, онъ подтянулъ его сѣдло такъ крѣпко, какъ его никогда не подтягивали.

— Отлично,—сказалъ онъ и вскочилъ на сѣдло въ ту минуту, когда король выѣжалъ со двора. Жеребецъ взвился на дыбы, тяжело опустился на переднія ноги и сильно горячился. Тарвинъ сидѣлъ крѣпко на сѣдлѣ и спокойно сказалъ мальчику, который слѣдилъ за всѣми его движеніями.

— Поѣзжайте скорѣй, магараджа! Не оставайтесь здѣсь. Мнѣ хочется, чтобы вы при мнѣ отправились къ миссъ Кэтъ.

Мальчикъ повиновался, съ сожалѣніемъ поглядывая на бѣсившуюся лошадь.

Между тѣмъ жеребецъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сбросить всадника. Онъ не соглашался выѣхать со двора, хотя Тарвинъ убѣждалъ его ударами хлыста, сначала позади сѣдла, а затѣмъ между ушей. Привыкшій къ тому, что конюхи падали съ сѣдла при первомъ знакѣ неповиновенія, жеребецъ пришелъ въ ярость. Онъ круто повернулъ, пролетѣлъ черезъ ворота, взвился на дыбы и полетѣлъ вслѣдъ за кобылой магараджи. Очутившись въ открытомъ полѣ, среди песчаной равнины, онъ почувствовалъ, что это поприще достойно его. Тарвинъ тоже находилъ, что здѣсь ему удобнѣе вести борьбу.

Магараджа, въ молодости считавшійся хорошимъ наѣзникомъ

въ своей странѣ, отличающейся лучшими наѣздниками въ свѣтѣ, повернулся на сѣдлѣ и съ интересомъ слѣдилъ за нимъ.

— Вы ѣздите, какъ настоящій раджпутанъ,—закричалъ онъ, когда Тарвинъ промчался мимо него. — Направьте его прямо въ открытое поле.

— Онъ долженъ прежде узнать, кто хозяинъ,—отвѣчалъ Тарвинъ, заставляя жеребца повернуть назадъ.

— Шабашъ! Шабашъ! Отлично! Превосходно!—закричалъ магараджа, видя, какъ жеребецъ покорился всаднику.—Сагибъ Тарвинъ, я васъ сдѣлаю полковникомъ моей регулярной кавалерии.

— Десять милліоновъ нерегулярныхъ чертей! — довольно невѣжливо вскричалъ Тарвинъ:—назадъ скотина, назадъ!

Туго натянутый мундштукъ заставилъ лошадь опустить голову на взмыленную грудь; но прежде чѣмъ повиноваться его приказанію, она начала капризно бить передней ногой, напоминая ему его собственную верховую лошадь.

— Бьетъ обѣими ногами и шею также вытягиваетъ,—весело думалъ онъ, и ему казалось, что онъ снова очутился въ Топазѣ.

— Маро! Маро!—кричалъ король: — бейте хорошенько, бейте сильнѣе!

— Ничего, пусть онъ немного порѣзвится,—весело отвѣчалъ Тарвинъ:—мнѣ это нравится.

Когда жеребецъ усталъ наконецъ, ему пришлось вернуться назадъ.

— Ну, теперь онъ пойдетъ хорошо,—сказалъ Тарвинъ и поѣхалъ рысью, рядомъ съ магараджею.

— Въ этой рѣкѣ у васъ много золота, — сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія, какъ бы продолжая начатый разговоръ.

— Когда я былъ молодымъ человѣкомъ, я охотился здѣсь на свиней. Весной мы били ихъ саблями. Это было прежде, до прихода англичанъ. Вонъ на тѣхъ камняхъ я сломалъ себѣ ключицу.

— Много золота, сагибъ магараджа. Какъ вы думаете добывать его?

Тарвинъ зналъ, что король склоненъ къ болтливости и не наѣревался поощрять его.

— Почему я знаю,—равнодушно отвѣчалъ король: — спрашивайте сагиба-агента.

— Но постойте, кто же правитель здѣшняго государства,—вы или полковникъ Нолавъ?

— Вы знаете,—отвѣчалъ магараджа.—Вы видѣли.

Онъ указалъ на сѣверъ и на югъ.

— Тамъ,—сказалъ онъ,—одна линія желѣзной дороги, а тутъ другая. Я точно козелъ между двумя волками.

— Но, во всякомъ случаѣ, страна, лежащая между этими желѣзными дорогами, принадлежитъ вамъ. Вы можете съ ней дѣлать, что хотите.

Они отѣхали мили на двѣ, на три отъ города и ѣхали по берегу рѣки Амета; ноги ихъ лошадей вязли по щиколки въ мягкомъ пескѣ. Король смотрѣлъ на блестящія лужицы воды, на кочки, поросшія тростникомъ и на болѣе отдаленный рядъ гранитныхъ холмовъ, откуда Аметъ бралъ свое начало. Видъ окружающей пустыни не могъ веселить его сердце.

— Да, я правитель всей этой страны,—сказалъ онъ:—но смотрите, четверть всѣхъ моихъ доходовъ поглощается тѣми, кто ихъ собираетъ; четверть остается за этими чернокожими жокаками верблюдовъ, которые пріѣзжаютъ изъ страны песку и не хотятъ платить; четверть я, пожалуй, получаю; а тѣ, кто должны платить послѣднюю четверть, не знаютъ, кому отдавать деньги. Да, нечего сказать, я очень богатый король!

— Но во всякомъ случаѣ, какъ вы ни рассуждайте, эта рѣка можетъ устроить ваши доходы.

Магараджа пристально посмотрѣлъ на Тарвина.

— А что скажетъ правительство?—спросилъ онъ.

— Не думаю, чтобы англійское правительство стало мѣшаться въ это дѣло. Вѣдь вы же могли устроить плантацію апельсиновъ и обвести ее каналами. (По глазамъ его величества видно было, что онъ начинаетъ соображать). Работы на рѣкѣ будутъ гораздо легче. Вы уже пробовали промывать здѣсь золото, не правда ли?

— Да, какъ-то одинъ разъ лѣтомъ въ рѣкѣ велась небольшія работы. У меня въ тюрмахъ набралось слишкомъ много преступниковъ, и я боялся возстанія. Но это было не интересно. Ничего нельзя было разглядѣть, кромѣ этихъ черныхъ собакъ, которыя рылись въ пескѣ. Въ тотъ самый годъ мой гвѣдой пони взялъ мнѣ на скачкахъ призъ, золотой кубокъ.

Тарвинъ досадливо щелкнулъ пальцами. Стоитъ ли говорить о дѣлахъ съ этимъ расслабленнымъ человѣкомъ, который за возможность поглядѣть на что-нибудь интересное готовъ продать остатокъ своей души, еще уплѣвшій отъ дѣйствія опиума? Онъ, впрочемъ, скоро оправился.

— Да, конечно, такого рода работы нисколько не интересны. Вамъ нужно устроить запруду около Гунжы.

— Около холмовъ?

— Да.

— Никто никогда не дѣлалъ запрудъ на Аметѣ,—сказалъ король.—Онъ вытекаетъ изъ земли и впадаетъ въ землю; во время дождей онъ бываетъ шириной съ Индъ.

— Мы постараемся, чтобы все его дно было на виду, прежде чѣмъ начнутся дожди, все дно на пространствѣ двѣнадцати миль, — сказалъ Тарвинъ, внимательно наблюдая, какое дѣйствіе произведутъ его слова на собесѣдника.

— Никто никогда не дѣлалъ запрудъ на Аметѣ, — произнесъ тотъ невозмутимымъ голосомъ.

— Никто никогда не пробовалъ. Дайте мнѣ сколько нужно рабочихъ, и я устрою запруду на Аметѣ.

— Куда же уйдетъ вода? — спросилъ король.

— Я отведу ее въ другую сторону, какъ вы отвели воду въ каналъ около апельсинной плантаціи.

— Ахъ! Тогда полковникъ Ноланъ говорилъ со мной точно съ ребенкомъ.

— Вы сами знаете, отчего это было, сагибъ магараджа, — спокойно проговорилъ Тарвинъ.

Король былъ пораженъ этою дерзостью. Онъ зналъ, что всѣ тайны его домашней жизни служатъ темой разговоровъ въ городѣ, такъ какъ нельзя заставить молчать 300 женщинъ; но онъ не ожидалъ, что на подобныя тайны станетъ такъ откровенно намекать этотъ непочтительный чужеземецъ, не то англичанинъ, не то нѣтъ.

— Полковникъ Ноланъ на этотъ разъ ничего не скажетъ, — продолжалъ Тарвинъ. — Тѣмъ болѣе, что это послужитъ на пользу вашему народу.

— Мой народъ и его народъ, — сказалъ король.

Дѣйствіе опиума на его организмъ прекращалось, и голова его опустилась на грудь.

— Въ такомъ случаѣ, я начну завтра, — сказалъ Тарвинъ. — Это будетъ интересно. Я долженъ отыскать мѣсто, на которомъ всего удобнѣе запрудить рѣку, и, я надѣюсь, вы можете отпустить мнѣ для работы нѣсколько сотъ преступниковъ.

— Но зачѣмъ вы вообще пріѣхали къ намъ? — спросилъ король. — Неужели затѣмъ, чтобы запрудить мои рѣки и перевернуть вверхъ дномъ мое королевство?

— Затѣмъ, что вамъ полезно смѣяться, сагибъ магараджа. Вы это знаете такъ же хорошо, какъ я. Я буду играть съ вами въ пакизи каждый вечеръ, пока вы не устанете, и это, надобно сознаться, рѣдкое счастье въ здѣшнихъ мѣстахъ.

— Правду ли вы говорили о магараджѣ Кэнварѣ? Правда ли, что онъ нездоровъ?

— Я вамъ говорилъ, что онъ не крѣпкаго здоровья, но у него нѣтъ никакой болѣзни, которую миссъ Шерифъ не могла бы вылечить.

— Это правда?—спросилъ король.—Помните,—онъ долженъ наследовать престолъ послѣ меня.

— Я хорошо знаю миссъ Шерифъ. Я увѣренъ, что съ ея помощью онъ доживетъ до того, что взойдетъ на престолъ. Не тревожьтесь, сагибъ магараджа.

— Вы съ ней большіе друзья?—продолжалъ допрашивать его собесѣдникъ.—Вы оба пріѣхали изъ одной страны?

— Да,—подтвердилъ Тарвинъ:—даже изъ одного города.

— Расскажите мнѣ, что это за городъ,—съ любопытствомъ спросилъ король.

Тарвинъ тотчасъ же принялся рассказывать ему длинно, подробно, слегка прикрашивая дѣйствительность, и, въ пылу любви и восхищенія своимъ городомъ, забывая, что король понимаетъ не болѣе одного слова изъ десяти въ его краснорѣчивомъ описаніи. На половинѣ рассказа король прервалъ его.

— Если тамъ было такъ хорошо, зачѣмъ же вы уѣхали оттуда?

— Я пріѣхалъ, чтобы посмотрѣть на васъ,—не задумываясь отвѣчалъ Тарвинъ:—я слышалъ о васъ тамъ.

— Значитъ, мои поэты правду мнѣ поютъ, будто моя слава извѣстна во всѣхъ четырехъ концахъ земли? Я наложу золотомъ полный ротъ Буссантъ Рао, если это вѣрно.

— Клянусь вамъ жизнью. И, не смотря на это, вы все-таки хотите, чтобы я уѣхалъ прочь? Скажите только слово!—Тарвинъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ повернуть лошадь.

Магараджа сидѣлъ нѣсколько минутъ молча, погруженный въ размышленіе; затѣмъ онъ заговорилъ медленно и раздѣльно, чтобы Тарвинъ могъ понять каждое его слово.

— Я ненавижу всѣхъ англичанъ,—сказалъ онъ.—У нихъ всеѣмъ другіе обычаи, не наши, и они всегда поднимаютъ такую исторію, если надобно убить человѣка. У васъ также другіе обычаи, не наши; но вы не поднимете исторій и вы другъ леди докторши.

— Да, и надѣюсь, я также другъ магараджи Кенвара,—сказалъ Тарвинъ.

— Вы ему вѣрный другъ?—спросилъ король, пристально глядя на него.

— Совершенно вѣрный. Я бы хотѣлъ видѣть человѣка, который осмѣлится поднять руку на этого мальчика. Онъ исчезнетъ, король, его не будетъ, онъ перестанетъ существовать. Я его выброшу изъ Гокрала Ситаруна.

— Я видѣлъ, какъ вы прострѣлили рунію. Сдѣлайте-ка это еще разъ.

Не думая о томъ, на какой лошади сидитъ, Тарвинъ вынулъ револьверъ, подбросилъ въ воздухъ монету и выстрѣлилъ. Монета упала сзади нихъ,—на этотъ разъ новая—прострѣленная ровно посрединѣ. Жеребецъ бѣшено бросился впередъ, кобыла отскочила въ сторону. Сзади нихъ послышался топотъ копытъ. Свита короля, почтительно слѣдовавшая за ними на разстояніи четверти мили, подъѣзжала къ нимъ на полныхъ рысяхъ съ вытянутыми копыями. Король засмѣялся полупрезрительно.

— Они думаютъ, что вы меня застрѣлили,—сказалъ онъ;—если я ихъ не остановлю, они убьютъ васъ. Остановить ихъ?

Тарвинъ выставилъ нижнюю губу, что было его обычной гримасой, повернулъ лошадь и ждалъ, не говоря ни слова, сложивъ руки на лукъ сѣдла. Отрядъ подвигался нестройной толпой, солдаты наклонясь къ лукъ сѣдла, а начальникъ отряда размахивая длинною прямою раджпутской саблей. Тарвинъ скорѣй чувствовалъ, чѣмъ видѣлъ убійственныя копыя, направленныя на грудь его лошади. Король отъѣхалъ на нѣсколько шаговъ и внимательно наблюдалъ за нимъ. Въ ту минуту, когда смерть такъ близко грозила ему, Тарвинъ подумалъ, что лучше имѣть дѣло съ какимъ угодно предпринимателемъ, только не съ магараджей.

Но вотъ его величество издалъ крикъ, и копыя опустились, какъ подкошенные, отрядъ раздѣлился и окружилъ съ обѣихъ сторонъ Тарвина, причемъ каждый солдатъ старался стать какъ можно ближе къ бѣлому человѣку.

Бѣлый человѣкъ, по прежнему, невозмутимо стоялъ впереди отряда, и король одобрительно проворчалъ что-то.

— Сдѣлали-ли бы вы тоже самое для магараджи Кэнвара?—спросилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, поворачивая свою лошадь къ Тарвину.

— Нѣтъ,—спокойно отвѣчалъ Тарвинъ,—я бы сталъ стрѣлять, прежде чѣмъ они подъѣдутъ.

— Какъ!—стрѣлять въ 50 человѣкъ?

— Нѣтъ, въ ихъ начальника.

Король закачался на сѣдлѣ отъ смѣха и протянулъ руку. Начальникъ отряда подъѣхалъ къ нему.

— Оге, Пертабъ Сингъ-Джи, онъ говоритъ, что хотѣлъ застрѣлить тебя.—Затѣмъ, обращаясь къ Тарвину, прибавилъ, улыбаясь:—это мой двоюродный братъ.

Толстый раджпутскій офицеръ засмѣялся, открывая ротъ до ушей и, къ удивленію Тарвина, отвѣчалъ на чистомъ англійскомъ языкѣ:

— Такъ можно поступать только съ нерегулярной конницей—

убивать низшихъ офицеровъ; вы понимаете, а мы обучены по англійской системѣ, и я получаю приказанія отъ королевы. Въ германской арміи...

Тарвинъ глядѣлъ на него съ нескрываемымъ изумленіемъ.

— Но вы незнакомы съ военнымъ дѣломъ,—вѣжливо сказалъ Пертабъ Сингъ-Джи.

— Я слышалъ, какъ вы стрѣляли, и видѣлъ, что вы сдѣляли. Вы должны меня извинить. Когда выстрѣлъ раздается вблизи его величества, мы обязаны явиться.

Онъ поклонился и удалился вѣстѣ со своимъ отрядомъ.

Солнце начинало сильно палить, и король съ Тарвиномъ повернули назадъ къ городу.

— Сколькихъ преступниковъ можете вы отдать въ мое распоряженіе?—спросилъ Тарвинъ дорогой.

— Берите хоть всѣхъ изъ моихъ тюремъ,—съ готовностью отвѣчалъ король.—Ей Богу, сагибъ, я никогда не видалъ ничего подобнаго! Я готовъ дать вамъ все, что хотите.

Тарвинъ снялъ шляпу и вытеръ лобъ.

— Хорошо,—смѣясь, сказалъ онъ,—я у васъ попрошу одну вещь, которая вамъ ничего не будетъ стоить.

Магараджа произнесъ звукъ, выражавшій сомнѣніе.

Всѣ обыкновенно просили у него такихъ вещей, которыя ему было жаль отдать.

— Это что-то новое для меня, сагибъ Тарвинъ,—сказалъ онъ.

— Право, я не шучу. Мнѣ хочется одного только: увидѣть Наулаку. Я видѣлъ всѣ ваши государственныя драгоценности, всѣ ваши золотыя кареты, а его не видѣлъ.

Магараджа молча проѣхалъ нѣсколько сажень.

— Развѣ о немъ знаютъ въ той сторонѣ, откуда вы пріѣхали?

— Конечно. Всѣ американцы знаютъ, что это самая замѣчательная вещь въ Индіи. Это написано во всѣхъ путеводителяхъ,—смѣло заявилъ Тарвинъ.

— А въ вашихъ книгахъ сказано, гдѣ оно находится? Вѣдь англичане все знаютъ.—Магараджа смотрѣлъ прямо передъ собой и какъ будто улыбался.

— Нѣтъ, въ книгахъ только сказано, что вы знаете, гдѣ она находится, и мнѣ хотѣлось бы посмотреть на него.

— Вы понимаете сагибъ Тарвинъ,—задумчиво произнесъ онъ,—что это не какаля-нибудь государственная драгоценность, а совсѣмъ особенная, главная государственная драгоценность. Это священная вещь. Не я ее охраняю, и я не могу разрѣшить вамъ видѣть ее.

Тарвинъ приунылъ.

— Но,—продолжалъ магараджа,—если я вамъ скажу, гдѣ она находится, вы можете поѣхать туда на свой собственный страхъ, ничего не говоря правительству. Я видѣлъ, что вы не боитесь опасности, а я очень благодарный человекъ. Можетъ быть, священники покажутъ его вамъ, а, можетъ быть, и нѣтъ. Или, можетъ быть, вы тамъ и совсѣмъ не найдете священниковъ. Ахъ, я забылъ; я думалъ не о томъ храмѣ. Нѣтъ, она должно быть въ Гайе-Мухъ—въ «пасти коровы». Но тамъ нѣтъ священниковъ, и никто туда не ходитъ. Да, навѣрно, она въ «пасти коровы». А я думалъ она въ этомъ городѣ,—закончилъ магараджа. Онъ говорилъ такъ спокойно, какъ будто дѣло шло о свалившейся лошадиной подковѣ или о потерянномъ турбанѣ.

— Да, конечно, въ «пасти коровы», — повторилъ Тарвинъ, какъ будто и это было написано въ путеводителяхъ.

Король опять засмѣялся и затѣмъ продолжалъ:

— Ей-Богу, надобно быть очень храбрымъ человекомъ, чтобы ѣхать въ Гай-Мухъ, такимъ храбрымъ, какъ вы, сагибъ Тарвинъ,—прибавилъ онъ, искоса поглядывая на своего спутника.—Ого, го! Портабъ Сингъ-Джи не поѣхалъ бы. Нѣтъ, не поѣхалъ бы даже со всѣмъ своимъ отрядомъ, который вы побѣдили сегодня.

— Поберегите ваши похвалы къ тому времени, когда я ихъ заслужу, сагибъ магараджа,—сказалъ Тарвинъ.—Подождите, пока я устрою плотину на рѣкѣ.—Онъ нѣсколько минутъ ѣхалъ молча, какъ бы обдумывая тѣ свѣдѣнія, какія только что получилъ.

— А что вашъ городъ похожъ на нашъ?—спросилъ магараджа, указывая на Раторъ.

Тарвинъ до нѣкоторой степени побѣдилъ то презрѣніе, съ какимъ сначала смотрѣлъ на государство Гохраль Ситарунъ и на городъ Раторъ. Теперь онъ относился къ нимъ снисходительно, какъ ко всѣмъ людямъ и вещамъ, съ которыми ему приходилось жить.

— Топазъ скоро будетъ больше,—отвѣчалъ онъ.

— А когда вы тамъ жили, какое было ваше официальное положеніе?—продолжалъ спрашивать магараджа.

Вмѣсто отвѣта, Тарвинъ вынулъ изъ кармана телеграмму миссисъ Мэтри и молча подалъ ее королю. Когда дѣло касалось выборовъ, симпатія даже такого пьяницы опиума, какъ этотъ раджпуть была ему пріятна.

— Что это значитъ? — спросилъ король, и Тарвинъ въ отчаяньи махнулъ рукою.

*

Онъ объяснилъ свое отношеніе къ законодательству Штата и представилъ законодательное собраніе Колорадо, какъ одинъ изъ парламентовъ Америки. Если магараджа хочетъ звать его настоящее званіе, то его слѣдуетъ называть почтенный Николай Тарвинъ.

— Это въ родѣ тѣхъ членовъ провинціальныхъ совѣтовъ, которые приѣзжаютъ сюда? — умозаключилъ магараджа, вспомнивъ тѣхъ сѣдоловыхъ господъ, которые отъ времени до времени посѣщали его и были облечены властью немного ниже вице-королевской.

— Но вы все же не будете писать этому законодательному собранію о дѣлахъ моего управленія? — подозрительно спросилъ онъ, вспоминая тѣхъ, слишкомъ любопытныхъ эмиссаровъ, которыхъ британскій парламентъ присылалъ изъ-за моря, которые сидѣли на лошадяхъ, точно мѣшки, и вели безконечные разговоры о хорошемъ управленіи, когда ему хотѣлось идти спать.

— А главное, — прибавилъ онъ съ разстановкой, когда они уже подѣхали ко дворцу, — вѣдь вы вѣрный другъ магараджа Кэнвара? И вашъ другъ леди-докторша вылечитъ его, не правда ли?

— Мы оба за этимъ и приѣхали! — вскричалъ Тарвинъ съ внезапнымъ порывомъ.

ХІІ.

Это я увидѣлъ послѣ того, какъ богослуженіе было окончено, и свѣтильники погасли, и боги остались одни, и зеленая ящерица позвала по камнямъ алтара. — и я убѣждалъ отъ страха чего-то, чего я не могъ видѣть, и боги запада съ презрѣніемъ глядѣли на меня.

Въ Сеонѣ.

Разставшись съ королемъ, Тарвинъ въ первую минуту всего больше хотѣлъ пустить своего жеребца въ галопъ и отправиться тотчасъ же разыскивать Наулаку. Подъ влияніемъ этой мысли онъ механически подогналъ лошадь и натянулъ поводья. Быстрый ходъ лошади заставилъ его очнуться; онъ сдержалъ и себя, и своего коня.

Онъ уже освоился съ мѣстными названіями и потому не удивился, что какое-то мѣсто называется «Коровья Пастъ», но его удивляло, почему король сказалъ, что сокровище находится въ «Коровьей Пасти». Надобно было разспросить объ этомъ у Эстеса.

— Эти язычники,—говорилъ онъ про себя,—способны запрягать его на дно соленого источника или закопать въ землю. Да, именно закопать; это вопли въ ихъ нравахъ. Они держатъ коронные алмазы въ коробочкахъ изъ-подъ бисквитовъ и завязываютъ ихъ тесемками отъ сапоговъ. Навѣрное Наулака виситъ гдѣ-нибудь на деревѣ.

Проѣзжая къ дому мисси, онъ съ новымъ интересомъ смотрѣлъ на увьлую мѣстность, окружавшую его: ему представлялось, что подъ каждымъ возвышеніемъ почвы, подъ каждой крышей безпорядочно построеннаго города можетъ скрываться его сокровище.

Эстесъ, который перевидалъ на своемъ вѣку много достопримѣчательностей и зналъ Раджпутану такъ, какъ заключенный знаетъ каждый камень своей тюрьмы, сообщилъ Тарвину, въ отвѣтъ на его прямой вопросъ, множество свѣдѣній. Въ Индіи было нѣсколько «Пастей» всякаго рода, начиная съ «Горящей Пасти» на сѣверѣ, гдѣ изъ земли выходилъ столбъ горящаго газа, привлекавшій массы поклонниковъ, которые считали его воплощеніемъ божества, и до «Пасти Дьявола» среди какихъ-то заброшенныхъ развалинъ буддійскаго храма, въ южной части Мадраса.

«Коровья Пастъ» тоже существовала за нѣсколько сотъ миль отъ ихъ города, во дворѣ одного храма въ Бенаресѣ, сильно пощипаемаго вѣрующими; въ Раджпутанѣ была только одна «Коровья Пастъ», въ древнемъ разрушенномъ городѣ.

Миссионеръ рассказалъ длинную исторію войнъ и грабежей, тянувшихся цѣлыя сотни лѣтъ и концентрировавшихся вокругъ одного города, окруженнаго скалами и лежавшаго среди пустыни,—города, составлявшаго гордость и славу королей Мевара. Тарвинъ, не смотря на страшную скуку, терпѣливо слушалъ его—древняя исторія не представляетъ интереса для человѣка, который занятъ созданиемъ своего новаго города: а Эстесъ не скупился на подробности и рассказывалъ длинныя сказанія о томъ, какъ въ разныхъ второстепенныхъ дворцахъ тысячи раджпутанскихъ женщинъ добровольно подвергали себя сожженію, когда городъ былъ взятъ могамаданами, и король палъ подъ его развалинами, не оставивъ завоевателю ничего, кромѣ славы побѣды. Эстесъ любилъ археологію, и ему пріятно было толковать о ней съ соотечественникомъ.

Онъ объяснилъ Тарвину, что надобно проѣхать 96 миль до желѣзнодорожной станціи Равута, затѣмъ пересѣсть въ поѣздъ, который идетъ на юго-востокъ, сдѣлать 67 миль, перейти на другую вѣтвь и ѣхать на югъ 107 миль; тогда онъ будетъ въ 4 миляхъ отъ города и увидитъ его 9-этажную башню, заслуживающую особеннаго вниманія, его громадныя стѣны и разрушенныя дворцы. Все это путешествіе займетъ не менѣе двухъ дней.

Тарвинъ посмотрѣлъ на карту и сразу замѣтилъ, что Эстесъ предлагаетъ ему объѣхать 3 стороны почти правильнаго квадрата, между тѣмъ, какъ линія, тонкая какъ паутина, указывала прямую дорогу отъ Ратора до Гуннаура.

— Такъ будетъ ближе,—сказалъ онъ.

— Это проселочная дорога, а вы уже испытали, каковы дороги въ здѣшней странѣ. Проѣхать 57 миль по такой дорогѣ, въ палящій зной далеко не безопасно.

Тарвинъ улыбулся про себя. Онъ не особенно боялся зноя, который, дѣйствуя нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, унесъ не мало жизненныхъ силъ у его собесѣдника.

— Я все-таки попробую проѣхать туда верхомъ. По моему, не стоитъ объѣзжать кругомъ чуть не всю Индію, чтобы добраться до мѣста, которое лежитъ черезъ дорогу отъ насъ, хотя здѣсь всё такъ дѣлаютъ.

Онъ спросилъ миссіонера, что такое «Коровья Пастъ», и Эстесъ на основаніи данныхъ археологіи, архитектуры и филологіи объяснилъ ему, что это нѣчто въ родѣ ямы въ землѣ, древней, замѣчательно древней ямы, считающейся священною, но все-таки не богѣе, какъ ямы.

Тарвинъ рѣшилъ выѣхать тотчасъ же, не теряя времени. Нельзя было надѣяться, чтобы король завтра же открылъ для него тюрьмы. Тарвинъ раздумывалъ нѣсколько времени, сообщить ли ему о цѣли своей поѣздки, и затѣмъ рѣшилъ, что прежде осмотритъ ожерелье, и затѣмъ уже начнетъ переговоры. Это богѣе подходило къ обычаямъ страны. Онъ возвратился въ гостиницу съ картою Эстеса въ карманѣ и отправился въ конюшню. Подобно другимъ людямъ запада, онъ считалъ лошадь одною изъ необходимѣйшихъ принадлежностей человѣка, и купилъ ее себѣ, какъ только пріѣхалъ. Ему смѣшно было видѣть, какъ всё хитрости и уловки лошадиныхъ барышниковъ, съ которыми онъ раньше имѣлъ дѣло, добросовѣстно повторялись смуглыми, сухопарыми кабулами, проводившими передъ его верандой своихъ скачущихъ, брыкающихся коней; и ему было пріятно преодолевать всё эти хитрости и уловки точно такъ же, какъ онъ это дѣлывалъ въ былые дни. Результатомъ торга, который велся на ломаномъ англійскомъ и выразительномъ американскомъ языкѣ, была покупка некрасиваго и не очень кроткаго коня, мышинаго цвѣта, который за свои пороки былъ изгнанъ изъ арміи его величества и который воображалъ, что послѣ краткой службы среди нерегулярной конницы имѣетъ полное право на отдыхъ и покой. Въ свободное время, когда ему хотѣлось къ чему-нибудь приложить свои силы,

Тарвинъ постепенно отъучалъ его отъ этого ложнаго представле- нія, и конь, хотя не чувствовалъ къ нему особенной благодарности, но велъ себя сравнительно вѣжливо. Онъ былъ названъ Фибби Винксъ, въ честь одного человекѣка, на котораго, будто бы, похо- дилъ манерами и сухопарой мордой, и который когда-то обманулъ Тарвина.

Тарвинъ подошелъ къ Фибби, который дремалъ на солнцѣ во дворѣ гостиницы.

— Мы поѣдемъ покататься за городъ, Фибби,—сказалъ онъ ему.

Конь заржалъ и сердито тряхнулъ головой.

— Ну, конечно, я знаю,—ты всегда былъ бродягой.

Туземный слуга осѣдлалъ Фибби, а Тарвинъ между тѣмъ взялъ изъ своей комнаты шерстяное одѣяло и завернулъ въ него все необходимое для дороги. О кормѣ для лошади онъ не заботился: Фибби долженъ былъ довольствоваться той пищей, какую Богъ пошлетъ ему. Онъ вскочилъ на сѣдло такъ беззаботно весело, какъ будто ему предстояло сдѣлать прогулку въ окрестностяхъ города. Было около трехъ часовъ пополудни, и Тарвинъ рѣшилъ, что съ помощью шпоръ заставить Фибби, не смотря на все его злонавіе и упрямство, сдѣлать въ 10 часовъ 57 миль до Гуннаура, если дорога окажется хорошей, и въ 12, если она будетъ дурна. Воз- вратный путь не потребуетъ пришпориванья. Ночь должна была быть лунною; Тарвинъ хорошо зналъ туземныя дороги въ Гак- раль Ситуранѣ и не боялся сбиться съ прямого пути.

Фибби забралъ себѣ въ годову, что ему слѣдуетъ идти не спѣша; онъ опустилъ голову и пошелъ спокойной рысцей. Тарвинъ подогналъ его и нѣжно сказалъ:

— Голубчикъ Фибби, мы ѣдемъ не для прогулки; это ты пой- мешь, прежде чѣмъ солнце сядетъ. Какой-то дуракъ научилъ тебя терять время, выступая англійской рысью. Во время пути намъ обо многомъ придется поговорить, но прежде поковчимъ съ этимъ дѣломъ. Не будемъ ссориться на первыхъ шагахъ. Оставь эту манеру, Фибби, и поѣзжай, какъ бравая лошадь.

Тарвину пришлось сдѣлать не мало замѣчаній, прежде чѣмъ Фибби пошелъ легкимъ мѣстнымъ аллюромъ, который употреб- ляется при верховой ѣздѣ и на западѣ, и отличается тѣмъ, что не утомляетъ ни всадника, ни лошади. Тогда только конь понялъ, что ему предстоитъ дальній путь, и, опустивъ хвостъ, подчинился необходимости.

Еще началъ пути ему пришлось ѣхать въ облакѣ песочной пыли, которую поднимали фуры, нагруженные хлопчатой бумагой, и де-

ревенскія телѣги, направлявшіяся въ Гуннауръ и дальше, на станцію желѣзной дороги. Когда солнце стало клониться къ западу, длинная тѣнь его скользила точно какой-то призракъ по глыбамъ камней, среди которыхъ то тамъ, то сямъ возвышался какой-нибудь кустъ или дерево алое.

Извозчики распрягли свои телѣги и расположились около дороги ужинать, при свѣтѣ костровъ. Фибби насторожилъ уши при видѣ пламени, но бодро шелъ впередъ, среди надвигавшейся темноты, и Тарвинъ чувствовалъ ѣдкій запахъ репейника подъ копытами лошади. Позади него луна взошла во всемъ своемъ великолѣпнн, и при свѣтѣ ея онъ догналъ нагого человѣка, который несъ на плечѣ палку съ звенящими колокольчиками и, задыхаясь и охая, бѣжалъ впереди другого человѣка, слѣдовавшаго за нимъ съ саблей на-голо. Это былъ почтальонъ и его провожатый, бѣжавшіе въ Гуннауръ. Звяканье колокольчиковъ замерло въ ночной тишинѣ, и Фибби пришлось ѣхать среди безконечныхъ рядовъ колючихъ кустарниковъ, которые протягивали свои длинные руки къ звѣздамъ и бросали черныя тѣни на дорогу. Ночные хищники выскакивали изъ-за кустовъ, и Фибби храпѣлъ въ паническомъ ужасѣ. Дикобразъ перешелъ дорогу передъ самымъ его носомъ, шелестя своими иглами, и на минуту отравивъ воздухъ своимъ зловоніемъ. Сбоку замелькала свѣтлая точка; это извозчики, у которыхъ сломалась телѣга, спокойно спали около костра въ ожиданіи разсвѣта, когда можно будетъ поправить бѣду.

Фибби остановился около нихъ; Тарвинъ разбудилъ ихъ и съ магическою помощью рупіи, показавшейся имъ цѣлымъ богатствомъ, добылъ немного корма и воды для лошади, ослабилъ ея подругу и далъ ей передохнуть.

Когда они снова тронулись въ путь, у Фибби проснулся смѣлый, предприимчивый духъ его предковъ, для которыхъ было привычнымъ дѣломъ, отправляясь съ хозяевами на разграбленіе какого-нибудь города, пробѣгать по 30 миль въ день, ночевать около копыя, воткнутаго въ землю, и возвращаться назадъ прежде чѣмъ остынутъ головки сгорѣвшихъ домовъ. И такъ, Фибби бодро поднялъ голову, заржалъ и двинулся впередъ.

Дорога шла нѣсколько миль подъ гору, пересѣкая пересохшіе ручьи и одну широкую рѣку, около которой Фибби остановился напиться еще разъ; онъ охотно повалялся бы на полянѣ, поросшей дынями, но хозяинъ пришпорилъ его и заставилъ быстро взбѣжать на крутой берегъ. Мѣстность становилась съ каждою милею все болѣе и болѣе плодородною и холмистою. При свѣтѣ заходящей луны серебрились поля опіума и темнѣли сахарныя плантаціи.

Опіумъ и сахарный тростникъ сразу исчезли, когда Фибби пришлось ѣхать по длинному, отлогому подъему на гору, и онъ, расширивъ ноздри, вдохнулъ передразвѣтный вѣтерокъ. Онъ зналъ, день принесетъ ему отдыхъ.

Тарвинъ смотрѣлъ впередъ туда, гдѣ бѣлая линія дороги терялась въ чащѣ мелкаго кустарника. Глазамъ его открылась обширная, ровная долина, окаймленная мягко очерченными холмами, — долина, которая при неясномъ свѣтѣ приближавшагося разсвѣта казалась гладкой, точно море. И къ довершенію сходства, среди нея, точно среди моря, возвышалось громадное судно съ острымъ носомъ, какое-то необыкновенное судно въ двѣ мили длины, съ палубой въ 300—400 фут., одинокое, безмолвное, безъ мачтъ, безъ огней, всѣми покинутое.

— Мы скоро приѣдемъ, Фибби, другъ мой, — сказалъ Тарвинъ, натягивая поводья и рассматривая чудовище при свѣтѣ звѣздъ. — Мы подѣдемъ къ нему, какъ можно ближе, и остановимся, а когда взойдетъ солнце, взберемся на него.

Они спустились въ равнину по дорогѣ, покрытой острыми камнями и усѣянной спящими козлами. Дорога поворачивала круто влѣво и шла вдоль судна. Тарвинъ заставилъ Фибби идти болѣе прямымъ путемъ и бѣдный конь долженъ былъ съ большимъ трудомъ пробираться среди кустовъ и цѣлой сѣти глубокихъ рывинъ. Наконецъ, онъ остановился въ полномъ отчаяніи. Тарвину стало жаль его, онъ привязалъ его къ дереву, предоставилъ ему до завтрака размышлять о своихъ грѣхахъ, а самъ, соскочивъ съ него, очутился на днѣ сухой, пыльной ямы. Онъ выбрался изъ нея, прошелъ шаговъ десять впередъ по крутому спуску, и его со всѣхъ сторонъ окружили кусты, которые били его по лицу, цѣплялись своими колючками за платье, поднимали свои корни до самыхъ колѣнъ его.

Наконецъ, дошло до того, что Тарвинъ принужденъ былъ ползти на рукахъ и на колѣняхъ, причемъ выпачкался въ пыли съ головы до ногъ, точно тѣ дикіе поросята, которые, словно сѣрныя тѣни, пробирались черезъ кусты въ свои логовища. Слишкомъ занятый собственнымъ положеніемъ, чтобы обращать вниманіе на ихъ хрюканье, онъ съ усиліемъ продирался впередъ, хватаясь за корни, какъ будто намѣревался вытащить Наулаку изъ-подъ земли, и испуская проклятія при каждомъ шагѣ. Когда онъ остановился, чтобы отереть потъ съ лица, онъ скорѣе осязаніемъ, чѣмъ зрѣніемъ узналъ, что стоитъ на колѣняхъ у подножія стѣны, возвышавшейся къ небу. Издали слышалось жалобное ржанье Фибби.

— Полно, Фибби, ты вѣдь цѣлъ и невредимъ, — проговорилъ

онъ, выплевывая сухую траву, набившуюся ему въ ротъ:—ты даже не участвовалъ въ моемъ послѣднемъ подвигѣ, и никто не заставляетъ тебя перелетѣть черезъ эту стѣну.

Онъ безнадежно оглядѣлъ стѣну, тихо посвистывая, въ отвѣтъ на крикъ совы, раздавшійся надъ его головой.

Онъ началъ пробираться между стѣной и окружавшими ее кустами; одною рукою онъ ощупывалъ громадные тесаные камни, а другою прикрывалъ себѣ лицо. Финиковое сѣмя упало между двумя гигантскими камнями и въ теченіе столѣтій выросло въ гордое, вѣтвистое дерево, пробившееся сквозь трещину и заставившее раздаться каменныя глыбы. Тарвинъ остановился на минуту и посмотрѣлъ, нельзя ли взобраться на самый низкій сукъ дерева и съ помощью его влѣзть на стѣну. Онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ и вдругъ увидѣлъ, что снизу до верху стѣны, сквозь всю ея 20-футовую толщину идетъ расщелина, черезъ которую могла бы пройти цѣлая армія.

— Вотъ это похоже на нихъ! — вскричалъ онъ. — Я долженъ былъ этого ожидать! Построить стѣну въ 60 фут. высоты и сдѣлать въ ней проходъ въ 18 фут. Навѣрно Наулака спрятава у нихъ гдѣ-нибудь въ кустахъ или просто какія-нибудь дѣти играютъ ею, а я не могу добыть ее!

Онъ прошелъ черезъ отверстіе и очутился среди разрушенныхъ колоннъ, среди кучъ камней, сломанныхъ дверей и опрокинутыхъ надгробныхъ памятниковъ; почти у самыхъ ногъ его раздалось шипѣнье. Всякій человѣкъ, рожденный отъ женщины, сразу узнаетъ голосъ змѣи. Тарвинъ отскочилъ въ сторону и остановился. Ржанье Фибби слабо доносилось до него. Утренній вѣтерокъ подулъ изъ прохода въ стѣнѣ, и Тарвинъ отеръ себѣ лобъ съ чувствомъ облегченія. Больше онъ не станетъ ничего предпринимать до солнечнаго восхода. Пора подумать объ ѣдѣ и питьѣ; кромѣ того, надобно соблюдать осторожность, не забывать голоса, раздавашагося у его ногъ.

Онъ досталъ изъ кармана кусокъ хлѣба и фляжку вина и принялся съ жадностью ѣсть, не забывая въ то же время оглядываться по сторонамъ. Ночная тьма рѣдѣла, и онъ могъ видѣть очертанія какого-то большого строенія въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ себя. За нимъ поднимались какія-то тѣни, неопредѣленныя, какъ сонныя видѣнія, тѣни какихъ-то храмовъ, какихъ-то домовъ; вѣтеръ, дувшій среди нихъ, шелестилъ полуразвалившимися заборами.

Очертанія становились яснѣе: онъ различилъ, что стоитъ передъ какою-то обвалившеюся гробницею. И вдругъ, совершенно

неожиданно сзади него вспыхнула на небѣ красная заря, и изъ ночной тьмы ясно выступилъ городъ смерти. Высокіе дворцы съ остроконечными крышами поражали своєю ужасающей пустотой въ кровавомъ отблескѣ зари и глядѣли на восходящее солнце всѣми отверзтіями своихъ насквозь продыравленныхъ стѣнъ. Вѣтеръ пролеталъ съ грустнымъ пѣніемъ по пустыннымъ улицамъ и, нигдѣ не находя себѣ отвѣта, возвращался назадъ, подгоняя облачко пыли, которое крутилось нѣсколько секундъ на одномъ мѣстѣ и снова со вздохомъ опускалось на землю.

На сухой травѣ валялась разбитая мраморная ставня, вѣроятно, свалившаяся съ какого-нибудь окна верхняго этажа, и ящерица усѣлась на ней, чтобы погрѣться на солнышкѣ.

Свѣтъ зари погасъ. Горячіе лучи солнца все освѣтили, и коршунъ взвился къ голубымъ небесамъ. Можетъ быть, восходящее солнце было такъ же старо, какъ этотъ городъ. Тарвину казалось, что оно остановилось здѣсь съ нимъ вмѣстѣ и слушаетъ, какъ столѣтія пролетаютъ надъ этимъ бесполезнымъ прахомъ.

Когда онъ вошелъ въ одну изъ улицъ, на порогѣ низенькаго краснаго домика появился павлинъ и распустилъ свой хвостъ въ сіяніи солнца. Тарвинъ остановился и совершенно серьезно снялъ шляпу передъ этимъ единственнымъ живымъ существомъ, передъ царственной птицей, красовавшейся среди развалинъ.

Безмолвіе и полная обнаженность пустынныхъ улицъ дѣйствовали на него удручающимъ образомъ. Онъ не рѣшался даже свистать и бродилъ безцѣльно отъ одной стѣны къ другой, осматривая гигантскіе водоемы, высохшіе и запущенные, пустыя караулни около зубцовъ стѣны, извѣденныя временемъ арки, перекинутыя черезъ улицы и, главнымъ образомъ, высѣченную изъ камней башню съ разрушенной крышей, возвышавшуюся на 150 фут., какъ знакъ того, что царственный городъ Гуннауръ не погибъ и когда-нибудь снова населится людьми.

Тарвинъ съ большимъ трудомъ влѣзъ на вершину этой башни, украшенной горельефными изображеніями звѣрей и людей, и оттуда смотрѣлъ на громадную спящую равнину, среди которой лежалъ мертвый городъ. Онъ увидѣлъ дорогу, по которой проѣхалъ ночью; она то исчезала, то снова появлялась на пространствѣ 30 миль; увидѣлъ поля опіума, мрачные, темные кусты и безконечную степь, тянувшуюся на сѣверъ и прорѣзанную блестящею линіею желѣзной дороги. Съ своего возвышеннаго пункта онъ могъ окинуть взглядомъ большое пространство,—внизу, въ городѣ, весь видъ закрывался зубцами стѣны. Ближе къ линіи желѣзной дороги виднѣлись проселочныя дороги, выложенныя камнемъ и пересѣченныя

множествомъ воротъ; сквозь отверстія въ стѣнахъ башни, пробитыя временемъ и корнями деревьевъ, открывался широкой горизонтъ, доходившій, быть можетъ, до самаго моря.

Онъ подумалъ, что Фибби все еще ждетъ своего завтрака, стоя среди кустарника, и поспѣшилъ спуститься на улицу. Стараясь вспомнить, что ему говорилъ Эстесъ о положеніи «Коровьей пасти», онъ повернулъ на боковую дорожку и вслугнулъ нѣсколькихъ бѣлокъ и обезьянъ, которыя поселились въ прохладныхъ темныхъ подвалахъ пустыхъ домовъ. Послѣдній домъ на этой дорожкѣ представлялъ груду развалинъ, покрытыхъ мимозами и высокой травой, среди которой вырисовывалась узенькая тропинка. Тарвинъ обратилъ вниманіе на этотъ домъ, такъ какъ это были первыя настоящія развалины. Всѣ остальные зданія, храмы и дворцы не развалились, а умерли, — они были пусты, начисто обобраны, они были во власти семи демоновъ запустѣнія. Со временемъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, весь городъ развалился. Онъ былъ положительно радъ, что хоть одинъ домъ подалъ примѣръ.

Тропинка привела его къ большой каменной площадкѣ, которая склонялась внизъ, точно верхняя ступень какого-то водопада. Тарвинъ сдѣлалъ по ней всего одинъ шагъ и упалъ: дѣло въ томъ, что голыя ноги миллионовъ людей ходили по этому камню. Богъ знаетъ сколько лѣтъ и пробили въ немъ глубокія впадины, скользкія, какъ ледъ. Поднявшись на ноги, онъ услышалъ лукавый полусдержанный смѣхъ, закончившійся кашлемъ; звукъ замолкъ и снова повторился. Тарвинъ поклонился самому себѣ, что разъищеть этого насмѣшника, какъ только найдетъ ожерелье, и сталъ внимательнѣе смотрѣть подъ ноги. Ему пришло въ голову, что «Коровья пасть», вѣроятно, какая-нибудь заброшенная каменоломня, заросшая густой травой. Онъ не могъ рассмотреть, куда ведетъ спускъ, изъ-за густой листвы деревьевъ, которыя росли внизу и склонялись верхушками другъ къ другу, точно ночные сторожа, наклоняющіеся надъ найденнымъ мертвымъ тѣломъ. Очевидно, когда-то существовали ступени, которыя вели внизъ по крутому спуску, но голыя ноги стерли ихъ, а пыль, нанесенная вѣтромъ, покрыла ихъ ровнымъ слоемъ земли. Тарвинъ долго съ досадой смотрѣлъ внизъ, такъ какъ смѣхъ раздавался именно оттуда, и затѣмъ началъ осторожно спускаться, стараясь ставить каблуки въ мягкую землю и хватаясь руками за кусты травы. Прежде чѣмъ ему удалось спуститься, онъ очутился среди высокой травы, въ такой чащѣ, куда не проникалъ солнечный свѣтъ. Но подъ ногами виднѣлась тропинка, спускавшаяся почти отвѣсно.

Онъ цѣплялся за траву и продолжалъ подвигаться. Земля подъ его локтями сдѣлалась сырой, и камни, среди которыхъ она росла, были покрыты мохомъ и плѣсенью. Въ воздухѣ чувствовался холодъ и сырость. Спустившись еще ниже и остановившись на узкомъ каменномъ выступѣ, чтобы перевести духъ, онъ увидѣлъ то мѣсто, на которомъ росли деревья. Они возвышались между камнями, окружавшими квадратный прудъ стоячей и загнившей воды, казавшейся синей подъ темною листвою. Лѣтний жаръ отчасти высушилъ прудъ и вокругъ воды образовалась полоса засохшей тины. Изъ воды выступала вершина каменнаго столба, украшеннаго изображеніями чудовищныхъ и безстыдныхъ боговъ, точно голова плывущей черепахи. Птицы порхали на вѣтвяхъ деревьевъ, освѣщенныхъ солнцемъ высоко на верху. Маленькіе прутики и ягодки падали въ воду, и эхо передавало шумъ ихъ паденія съ одной на другую сторону пруда, никогда не выдававшего солнечнаго свѣта.

Смѣхъ, который привелъ въ негодованіе Тарвина, послышался снова. На этотъ разъ онъ раздался сзади него и, пристально оглядѣвшись, онъ замѣтилъ, что это былъ звукъ, издаваемый тонкою струйкою воды, которая вытекала изъ грубо высѣченной каменной головы коровы и текла по каменному желобу въ сонный темно-синій прудъ. Сзади этого желоба поросшая мхомъ скала поднималась отвѣсно. Это, слѣдовательно, и была «Коровья Пастъ». Прудъ находился на днѣ ложбины и единственная дорога къ нему была та, по которой пришелъ Тарвинъ,—тропинка, которая вела отъ залитыхъ солнцемъ улицъ, въ мрачное сырое подземелье.

— Однако, король былъ очень добръ ко мнѣ,—проговорилъ онъ, осторожно проходя по каменной оградѣ пруда, на которой было такъ же скользко, какъ на тропинкѣ, между камнями.—Что мнѣ дѣлать здѣсь?—продолжалъ онъ, возвращаясь. Ограда шла только съ одной стороны пруда, и ему приходилось или покончить свои изслѣдованія, или смѣло идти по тинистой окраинѣ остальныхъ трехъ. «Пастъ Коровы» снова засмѣялась: свѣжая струя воды пробѣжала черезъ ея безформенныя челюсти.

— Эхъ, чтобъ тебѣ пересохнуть!—съ досадою проворчалъ онъ, внимательно оглядываясь по сторонамъ, сквозь полумракъ, окутывавшій всѣ предметы.

Онъ бросилъ камень въ тину у конца ограды, осторожно попробовалъ ее ногой, нашелъ, что она его выдержитъ, и рѣшилъ обойти вокругъ пруда. Такъ какъ съ правой стороны ограды было больше деревьевъ, чѣмъ съ лѣвой, то онъ пошелъ направо, осторожно держась за вѣтки деревьевъ и за стебли травы, чтобы не оступиться.

Въ началѣ существованія пруда, скалы, окружавшія его, стояли крѣпко, но подѣ влияніемъ времени, непогоды и подѣ напоромъ древесныхъ корней камни распались въ тысячѣ мѣстахъ и завалили обломками берегъ, такъ что идти по нему было крайне трудно.

Тарвинъ пробирался по правой сторонѣ пруда, рѣшившись, во что бы то ни стало, обойти его кругомъ. Мракъ увеличился, когда онъ поровнялся съ громаднымъ фиговымъ деревомъ, простиравшимъ тысячу рукъ надъ водой и окружившимъ скалу своими змѣевидными корнями толщиной въ человѣческое туловище. Онъ присѣлъ на камень отдохнуть и сталъ смотрѣть вокругъ. Солнце, пробиваясь сквозь высокую траву, бросало лучъ свѣта на тропинку, по которой онъ пришелъ, на выцвѣтшія мраморъ ограды и на грубое изображеніе коровьей морды; но подѣ фиговымъ деревомъ, гдѣ сидѣлъ Тарвинъ, было темно и слышался нестерпимый запахъ мускуса. Ему непріятно было глядѣть на синюю воду; онъ отвернулся къ скалѣ и деревьямъ и, взглянувъ паверхъ, увидѣлъ изумрудно-зеленыя перья попугая, лазавшаго по верхнимъ вѣтвямъ ихъ. Никогда въ жизни Тарвинъ не желалъ такъ сильно очутиться подѣ благодатнымъ сіяніемъ солнца. Онъ прозябъ и просыпѣлъ, онъ чувствовалъ, что въ лицо его дуетъ вѣтерокъ изъ-за змѣевидныхъ корней дерева.

Онъ догадался скорѣе, чѣмъ увидѣлъ, что эти корни скрываютъ какой-то проходъ, и болѣе изъ любопытства, свойственнаго его расѣ, чѣмъ изъ любви къ приключеніямъ, рѣшился изслѣдовать его; онъ шагнулъ въ темноту, которая разступилась передъ нимъ и сомкнулась за нимъ. Онъ могъ чувствовать, что ноги его ступаютъ по острымъ камнямъ, слегка прикрытымъ тонкимъ слоемъ засохшей тины, и, протянувъ руки, нащупалъ съ обѣихъ сторонъ каменные стѣны. Онъ зажегъ спичку и пожалѣлъ, что, по незнакомству съ такъ называемыми Коровьими пастями, не захватилъ фонаря.

Первая спичка вспыхнула и тотчасъ же погасла въ этой клоакѣ, въ то же время онъ услышалъ прямо передъ собою звукъ, похожій на прибой волны по каменистому берегу. Этотъ звукъ не имѣлъ ничего ободряющаго, но Тарвинъ продолжалъ потихоньку подвигаться впередъ и только оглянувшись виднѣется ли свѣтъ въ отверстіе позади него; онъ зажегъ вторую спичку и заслонилъ ее рукой. Онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и вздрогнулъ, нога его наступила на черепъ. При свѣтѣ спички онъ увидѣлъ, что вышелъ изъ узкаго корридора и стоялъ въ какомъ-то темномъ помѣщеніи, размѣры котораго не могъ опредѣлить. Ему показалось, что онъ видитъ очертанія столба или цѣлаго ряда стол-

бовъ, неясно мелькавшихъ въ темнотѣ, онъ былъ увѣренъ, что вся земля подъ его ногами усѣяна костями. Вдругъ онъ увидѣлъ пару блѣдно-зеленыхъ глазъ, пристально уставившихся на него и слышалъ чье-то тяжелое дыханіе. Онъ бросилъ спичку, глаза исчезли, затѣмъ въ темнотѣ послышался дикій трескъ, шумъ и ревъ не то человѣка, не то животнаго; Тарвинъ бросился влѣво, цѣпляясь за корни деревьевъ, выскочилъ на покрытую тиной окраину пруда и сталъ задомъ къ Коровьей пасти, держа револьверъ въ рукѣ.

Въ эту минуту ожиданія того, что должно было выскочить изъ пещеры на берегу пруда, Тарвинъ испыталъ всѣ муки чисто физическаго ужаса. Затѣмъ, онъ увидѣлъ собственными глазами, какъ часть тинистаго берега налѣво отъ него тихонько двинулась къ водѣ. Она стало медленно плавать по пруду, какъ длинная глыба грязи. Никто не выходилъ изъ пещеры между корнями фиговаго дерева, а тинистая глыба заворчала, подплывая къ берегу, почти у самыхъ ногъ Тарвина, и открыла глаза, поднявъ тяжелыя вѣки, обгѣпленныя зеленой грязью.

Люди Запада знакомы со многими странными вещами, но алигаторы не входятъ въ сферу ихъ обычныхъ наблюдений. Тарвинъ опять сталъ обходить прудъ, но на этотъ разъ совершенно безсознательно. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ замѣтилъ, что сидитъ на солнцѣ, наверху скользкой тропинки, спускавшейся внизъ. Въ рукахъ онъ сжималъ полныя горсти травы и сухой земли. Вокругъ него лежалъ мертвый городъ и среди него онъ вдругъ почувствовалъ себя въ полной безопасности. Онъ не видѣлъ болѣе «Коровьей Пасти», а она продолжала хихикать и давиться, какъ хихикала съ самаго основанія пруда, т. е. отъ начала міра. Сквозь густую траву пробирался старичекъ, сгорбленный, почти нагой, и велъ маленькаго козленка, причемъ отъ времени до времени механически восклицалъ:—Ао, бхай, ао!—«Иди, братъ, иди!» Тарвинъ удивился сначала его появленію, а затѣмъ тому спокойствію, съ какимъ онъ пошелъ по тропинкѣ внизъ, въ это царство мрака и ужаса. Онъ не зналъ, что священный крокодилъ Коровьей пасти ждалъ своего завтрака сегодня, подобно тому, какъ онъ его ждалъ въ тѣ времена, когда Гувнауръ былъ многолюднымъ городомъ и царицы его не думали о смерти.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА ВЕРШИНѢ.

Изъ Виктора Гюго.

(Посв. Д. А. Коропчевскому).

Вершина бесплодна, глуха и скучна...

Увѣнчана снѣгомъ холоднымъ она.

Сурова какъ сѣверъ, какъ полночь нѣма,

Здѣсь царствуетъ, вѣчная гостя, зима...

Кругомъ ни деревьевъ, ни селъ, ни дорогъ...

Но вижу я слѣды человѣческихъ ногъ...

Я былъ у подошвы уступчатыхъ горъ,

Къ вершинѣ прикованъ былъ жадный мой взоръ;

А мимо меня проходили въ горахъ

Два странника чудныхъ, съ сіяньемъ въ очахъ.

Одинъ, какъ смиренный отшельникъ глядѣлъ;

Другой былъ могучъ, непреклоненъ и смѣлъ —

И оба свободной и твердой стопой

Вздымались на горы кремнистой тропой.

„Вѣрь!“ — съ тихой улыбкой, одинъ мнѣ шепталъ;

„И мысли!“ — всевластно другой завершалъ.

„Я — *Советъ*“ — символъ на челѣ одного,

То слово какъ лучъ озаряло его.

„Я — *Истина*“ — надпись была на другомъ,

Какъ солнце сіяя надъ строгимъ челомъ...

И долго, въ свои погруженный мечты,

Смотрѣлъ я на ихъ неземныя черты.

Какъ будто то были: орелъ молодой

И лебедь, съ невинной своей красотой...

Взирали они съ высоты на меня,

Къ суровой вершинѣ безмолвно маня...

Исполненный новыхъ, плѣнительныхъ сновъ,

Откликнулся я на нѣмой этотъ зовъ!..

Но что же! — поднявшись на горный хребетъ,

Я вижу — чудесныхъ пришельцевъ ужъ нѣтъ...

И вотъ, надъ синѣющей гладью долинъ,

На голой вершинѣ стою я одинъ...

А. Мейснеръ.

Г. Валдай.

ПРОЦЕССЪ ОПОЛОДОВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

И. П. БОРОДИНА.

(Окончаніе *).

Какъ уже сказано, большинство изслѣдователей видитъ въ диогогаміи приспособленіе, направленное къ устраненію самоопыленія въ обоеполомъ цвѣткѣ и къ достиженію, взаимнъ того, опыленія перекрестнаго. Но одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ біологовъ—*Кернеръ*—идетъ еще дальше. Въ своей извѣстной книгѣ «Жизнь растений», содержащей множество интереснѣйшихъ наблюденій, онъ высказываетъ, между прочимъ, оригинальную мысль, будто диогогамія рассчитана не только на скрещиваніе разныхъ экземпляровъ того же вида, но на скрещиваніе разныхъ видовъ между собою, другими словами, стремится къ образованію такъ-называемыхъ помѣсей. Поводомъ къ этому воззрѣнію послужили Кернеру, главнымъ образомъ, его наблюденія надъ цвѣтеніемъ растений съ однополыми цвѣтами. У всѣхъ подобныхъ растений, будутъ ли они однодомны или двудомны, женскіе цвѣты всегда распускаются раньше мужскихъ, то-есть замѣчается протогинія. Когда начинается цвѣсти какой-либо видъ ивы или осоки, то первое время, иногда нѣсколько дней, нигдѣ еще нѣтъ зрѣлыхъ мужскихъ цвѣтовъ того же вида, а между тѣмъ, по сосѣдству, быть можетъ, уже давно цвѣтутъ другіе виды ивы или осоки. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ цвѣтенія на зрѣлыя рыльца даннаго вида, естественно, можетъ быть перенесена, вѣтромъ или насѣкомыми, только пыль какого-нибудь другаго вида и лишь нѣсколько позже становится возможнымъ перекрестное опыленіе между экземплярами того же вида. То же соображеніе, разумѣется, можетъ быть распространено и на диогогамію въ обоеполомъ цвѣтахъ: и тамъ, либо при самомъ началѣ, либо подъ самый конецъ цвѣтенія, мыслимо лишь опыленіе пылью другаго вида. Тѣмъ не менѣе, до-

* См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

«Міръ Божій», № 9, сентябрь.

пуская даже вѣрность наблюденій Кернера, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы природа, создавая дихогамію, стремилась достигнуть скрещиванія разныхъ видовъ. Дѣло въ томъ, что другой біологъ *Гильдебрандъ* давно уже отмѣтилъ тотъ фактъ, что при протогиніи въ самомъ началѣ цвѣтенія, а при протандріи, напротивъ, подъ конецъ его, сплошь и рядомъ замѣчается недоразвитіе женскихъ органовъ цвѣтка, — природа какъ бы предчувствуетъ, что имъ не придется исполнить своего назначенія за недостаткомъ подходящей пыли. Это обстоятельство совершенно не вяжется съ гипотезою Кернера. Что же касается однодомныхъ и двудомныхъ растений, то при совмѣстномъ ростѣ разныхъ видовъ имъ и безъ того представляется масса случаевъ къ взаимному скрещенію, а потому едва ли имѣетъ смыслъ нарочно съ этою цѣлью распускать женскіе цвѣты раньше мужскихъ.

Относительно того, насколько распространена дихогамія у растений, показанія ученыхъ значительно расходятся. Нѣкоторые (напримѣръ, Кернеръ) считаютъ это явленіе чуть ли не всеобщимъ: по ихъ мнѣнію, созрѣваніе пыльниковъ и рылецъ никогда не бываетъ совершенно одновременнымъ, хотя часто раздѣляющій ихъ промежутокъ времени настолько незначителенъ, что ускользаетъ отъ нашего вниманія при поверхностномъ наблюденіи; другіе, имѣя въ виду лишь болѣе рѣзко выраженные случаи дихогаміи, полагаютъ, что не болѣе четверти или, много, одной трети всѣхъ цвѣтковыхъ растений обнаруживаютъ это явленіе, при чемъ протандрическихъ растений, приблизительно, вдвое больше, чѣмъ протогиническихъ (статистическія данныя собраны были *Кирхнеромъ* для флоры окрестностей Штутгарта).

Но и помимо дихогаміи въ природѣ встрѣчается цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ приспособленій, часто поражающихъ своимъ остроуміемъ, если можно такъ выразиться, и направленныхъ все къ той же цѣли — затруднить самоопыленіе въ обоеполомъ цвѣткѣ. Мы остановимся лишь на немногихъ изъ нихъ, поставивъ на первомъ планѣ группу орхидныхъ.

Даже самые завзятые противники ученія о перекрестномъ опыленіи въ обоеполомъ цвѣткѣ не въ состояніи были отрицать, что у большинства орхидныхъ растений самоопыленіе невозможно, (хотя есть и такія орхидеи, гдѣ оно, напротивъ, совершенно неизбѣжно). Явленія, о которыхъ пойдетъ рѣчь, были подмѣчены еще Шпренгелемъ, но особенно тщательно изучены впоследствии Дарвиномъ, наблюденія котораго болѣе всего содѣйствовали пробужденію интереса къ біологіи цвѣтка вообще. Группа орхидныхъ (изъ нашихъ туземныхъ орхидей наиболѣе извѣстное растеніе—

кукушкины слезки) отличается необычайно оригинальнымъ устройствомъ цвѣтка, которое поясняется рисунками 159—160. Покровъ цвѣтка составленъ (рис. 159) изъ шести неодинаковыхъ листочковъ, окрашенныхъ на подобіе лепестковъ (настоящей чашечки здѣсь нѣтъ); одинъ изъ нихъ (*hl*) рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ и получаетъ названіе губы. Эта губа принимаетъ у различныхъ орхидей самыя разнообразныя, нерѣдко причудливыя формы, болѣе всего содѣйствуя красотѣ и оригинальности цвѣтка. Нерѣдко губа при основаніи своемъ снабжена полымъ внутри отросткомъ, такъ-называемымъ шпорцемъ (*sp* въ рис. 159, *n* въ рис.

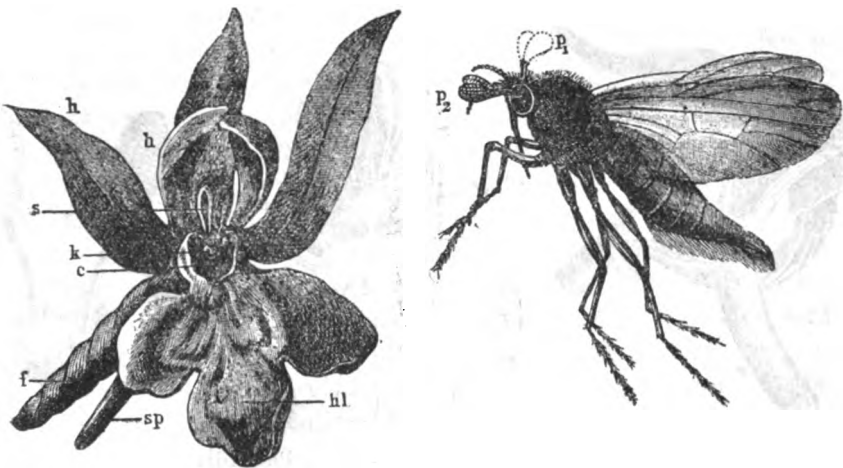

Рис. 159.

160), обыкновенно служащемъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, хранилищемъ сладкаго сока. Описанный покровъ цвѣтка укрѣпленъ на верхнемъ концѣ длинной, часто скрученной завязи (*f* въ рис. 159), которая на первый взглядъ кажется просто ножкою цвѣтка. (Всѣмъ извѣстная палочка ванили ничто иное, какъ длинная завязь тропической орхидеи). У многихъ изъ нашихъ туземныхъ орхидныхъ цвѣты сидятъ какъ будто кистями, но въ дѣйствительности это не кисти, а колосья, такъ какъ цвѣты лишены настоящихъ цвѣтоножекъ и своею завязью прикрѣплены прямо къ стержню мнимой кисти (рис. 160). Завязь орхидныхъ весьма любопытна въ томъ отношеніи, что, когда вѣничикъ находится въ полномъ блескѣ своего развитія, она нерѣдко не содержитъ еще вовсе яичекъ; послѣднія начинаютъ образоваться лишь послѣ того, какъ произойдетъ опыленіе: растение словно выжидаетъ, стоитъ ли ихъ производить и приступаетъ къ этой операціи лишь въ томъ случаѣ, если, благодаря уже осуществившемуся опыленію, пред-

стоящее еще оплодотвореніе является вполне обезпеченнымъ. Это одно изъ лучшихъ доказательствъ того, что опыленіе и оплодотвореніе—два самостоятельныхъ явленія. Опыленіе, уже само по себѣ, независимо отъ слѣдующаго за нимъ оплодотворенія, можетъ вызывать въ цвѣткѣ извѣстныя измѣненія; таково, напримѣръ, увяданіе и даже сбрасываніе вѣнчика и тычинокъ, а также разрастаніе завязи. По нѣкоторымъ наблюденіямъ безсѣмянные сорта плодовъ, напримѣръ, коринка изъ винограда, получаютъ въ томъ случаѣ, если происходитъ опыленіе, но не совершается, почему-либо, оплодотворенія: завязь разрастается въ плодъ, яички же,

Рис. 160.

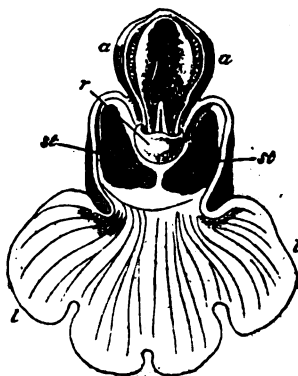
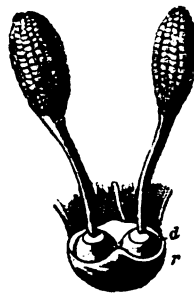

Рис. 161.

не будучи оплодотворены, не превращаются въ сѣмена. Вернемся, однако, къ цвѣтку орхидныхъ. Изъ существенныхъ частей мы нашли пока только завязь, расположенную подъ вѣнчикомъ. Надъ завязью уже внутри цвѣтка находится странное на видъ образованіе, называемое колонкою; это столбикъ, срощенный съ тычиною. Тычинокъ у орхидныхъ почти всегда только одна; да и отъ той замѣтенъ лишь пыльникъ съ двумя, часто удаленными другъ отъ друга пыльниковыми мѣшками (*s* въ рис. 159 и *a* въ рис. 160 и 161). Если и не у всѣхъ, то у большинства орхидныхъ пыльца связаная и въ каждомъ изъ мѣшковъ содержится по знакому уже намъ поллиарію (рис. 161). Сами собою поллиаріи не высвобождаются изъ пыльника,—для этого необходимо прикосновеніе какого-либо посторонняго тѣла, напримѣръ, хоботка насѣкомаго, къ переднему концу колонки, называемому носикомъ (*r* въ рис. 160 и 161). На этомъ носикѣ расположены два липкихъ мѣстечка (прилипальца, *d* въ правой фигурѣ рис. 161), въ которые упираются поллиаріи особыми слизистыми ножками. Что

касается рылецъ (ихъ два), то они снаружи незамѣтны, такъ какъ лежатъ подъ носикомъ; положеніе ихъ ясно изъ рис. 160, изображающаго цвѣтокъ сбоку съ обрѣзанными лепестками, кромѣ губы *l* съ ея шпорцемъ, который вскрытъ въ верхней своей части продольнымъ разрѣзомъ, — *st* — одно изъ двухъ рылецъ. Изъ того же рисунка ясно, что носикъ *r* стоитъ какъ разъ на пути у входа въ шпорецъ. Насѣкомое, просовывая свой хоботокъ внутрь, чтобы поживиться сладкимъ сокомъ, неминуемо должно коснуться носика колонки; пока оно лакомится въ шпорцѣ, поллиаріи своими ножками успѣваютъ прилипнуть къ хоботку или головѣ насѣкомаго и, покидая цвѣтокъ, оно вытягиваетъ ихъ изъ пыльника, унося на память оригинальное головное украшеніе. Вслѣдъ затѣмъ наблюдается любопытное явленіе. Парочка поллиаріевъ, вначалѣ утвержденная вертикально (рис. 159, *p*₁), начинаетъ, вслѣдствіе подсыхания ножекъ, склоняться впередъ и вскорѣ занимаетъ горизонтальное положеніе (*p*₂ въ рис. 159). Для производства опыленія это какъ нельзя болѣе кстати. При посѣщеніи насѣкомымъ слѣдующаго цвѣтка поллиаріи не будутъ задержаны носикомъ колонки, вмѣстѣ съ хоботкомъ проникнуть внутрь цвѣтка и здѣсь придуть какъ разъ въ соприкосновеніе съ рыльцами, къ которымъ и прилипнуть, насѣкомое же, покидая цвѣтокъ, унесетъ на головѣ новую парочку поллиаріевъ и т. д. Въ силу такого устройства цвѣтка самоопыленіе у орхидныхъ, очевидно, возможно лишь въ случаѣ, если бы насѣкомому вздумалось, едва разставшись съ какимъ-либо цвѣткомъ, тотчасъ носѣтитъ его вторично, чего оно обыкновенно не дѣлаетъ.

Весьма любопытное приспособленіе къ перекрестному опыленію наблюдается у шалфеевъ (обширный родъ *Salvia*). Цвѣтокъ у нихъ двугубый (рис. 162); нижняя губа образуетъ площадку, на которой съ удобствомъ располагается насѣкомое при своемъ посѣщеніи (фиг. А въ рис. 162) верхняя же имѣетъ видъ шлема, подъ которымъ скрыты двѣ тычинки и столбикъ; послѣдній, впрочемъ, своимъ вилообразно раздвоеннымъ кончикомъ высвобождается свободно наружу. Тычинки укрѣплены въ цвѣткѣ подвижно, словно на шарнирахъ, и когда насѣкомое просовываетъ въ трубку вѣнчика свой хоботокъ, то одѣ внезапно опускаются и пыльники высыпаютъ свою пыльцу на спинку насѣкомаго (фиг. А рис. 162).

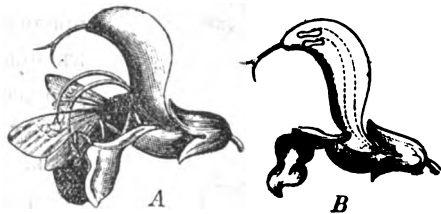

Рис. 162.

Механизмъ этого движенія поясняютъ рисунки 163 и 164. Если толкнуть влѣво нижніе кончики *a* нитей *m*, то послѣднія изъ вертикальнаго положенія

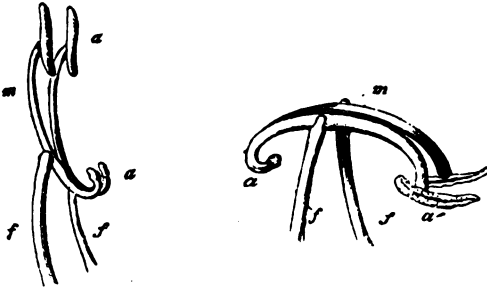

Рис. 163 и 164.

рис. 163 принимаютъ горизонтальное положеніе рис. 164, кончики же *a* находятся въ отверстіи цвѣтка, какъ разъ на пути хоботка насѣкомаго, которое неминуемо надавливаютъ на нихъ. Получивъ зарядъ пыльцы на спи-

ну, насѣкомое, перелетая на другой цвѣтокъ, задѣваетъ спиною за высунутое вилообразное рыльце и такимъ путемъ безсознательно производитъ перекрестное опыленіе. Не менѣе любопытныя явленія наблюдаются у всѣмъ извѣстныхъ фіалокъ-анютиныхъ глазокъ (*Viola tricolor*). При наружномъ осмотрѣ цвѣтокъ этого растенія представляетъ пять лепестковъ, изъ которыхъ одинъ, именно нижній, вытянутъ при основаніи въ полый внутри отростокъ, такъ называемый шпорецъ. Послѣдній замѣтенъ, только если смотрѣть на цвѣтокъ сбоку или сзади; на рис. 165 *A* мы видимъ шпорецъ съ въ разрѣзѣ. Въ этомъ-то шпорцѣ заключается медъ, приманивающій насѣкомое. Внутри цвѣтка мы находимъ половые органы. Пять тычинокъ, состоящихъ почти изъ однихъ пыльниковъ, плотно окружаютъ завязь пестика; двѣ изъ нихъ снабжены нитевидными придатками—хвостиками, скрытыми въ шпорцѣ (рис. 165 *A* и *B*). Эти придатки служатъ здѣсь нектаріями; они, собственно, выдѣляютъ сладкій сокъ, а шпорецъ является только резервуаромъ для его храненія. Пестикъ состоитъ изъ завязи, колѣнчататаго столбика и крупнато рыльца. Послѣднее внутри

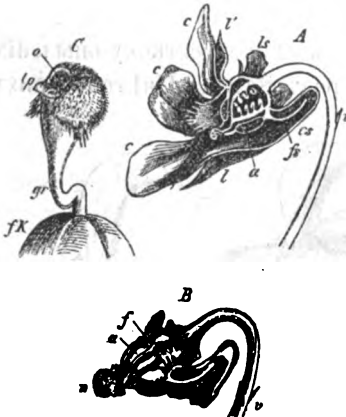

Рис. 165.

полое и въ эту полость ведетъ большое отверстіе, снабженное подвижнымъ придаткомъ въ видѣ губы (*г* въ рис. 165 *C*). Лепестки такъ сближены основаніями, что головчатое рыльце почти совершенно закрываетъ входъ во

внутренность цвѣтка. Насѣкомое можетъ добыть нектаръ, только если запуститъ хоботокъ вдоль особаго желобка, обсаженнаго съ боковъ волосками и ведущаго внутрь шпорца, причѣмъ приходится задѣть подвижную крышку *lr* рыльца. При обратномъ вытягиваніи хоботка изъ шпорца крышечка захлопывается, вслѣдствіе чего извлеченная, вмѣстѣ съ медомъ, пыльца не можетъ попасть въ рыльце того же цвѣтка и остается на хоботкѣ, а когда насѣкомое перелетитъ на другой цвѣтокъ, она пристанетъ къ липкой со-внутри крышечкѣ, такъ какъ послѣдняя при движеніи снаружи внутрь оттопыривается. Такимъ образомъ самоопыленіе становится невозможнымъ и пыль переносится съ цвѣтка на цвѣтокъ.

Не входя далѣе въ разборъ отдѣльныхъ примѣровъ, мы ограничимся указаніемъ на любопытное явленіе *полиморфизма* цвѣтовъ, заключающееся въ томъ, что одно и то же растеніе имѣетъ цвѣтки двухъ или даже трехъ родовъ, хотя всѣ они обополюе. Способъ проявленія и значеніе полиморфизма не всегда одинаковы, и только одинъ изъ родовъ его, извѣстный подъ именемъ *гетеростиліи* (т. е. разностолбности), прямо относится къ занимающему насъ разряду явленій, представляя приспособленіе къ перекрестному опыленію цвѣтовъ. Въ этомъ случаѣ растеніе производитъ два или три сорта обополюхъ цвѣтовъ, по покровамъ и вообще по внѣшности, весьма сходныхъ между собою, но отличающихся относительнымъ положеніемъ мужскихъ и женскихъ органовъ. Явленіе это можно хорошо наблюдать, на примѣръ, у многихъ видовъ первоцвѣта (*Primula*). Въ однихъ цвѣткахъ (рис. 166 *a*) рыльце поднято высоко, потому что сидитъ надлинномъ столбикѣ, пыльники же скрыты глубоко въ вѣнчикѣ; въ другихъ цвѣткахъ (рис. 166 *b*), наоборотъ, выглядываютъ пыльники, а рыльце скрывается въ глубинѣ. Эти два сорта цвѣтковъ всегда помѣщаются на различныхъ экземплярахъ. Такимъ образомъ у первоцвѣта встрѣчаются экземпляры съ длинными столбиками во всѣхъ цвѣткахъ и другіе — съ короткими столбиками также во всѣхъ цвѣткахъ. Каждая изъ формъ можетъ доставить какъ зрѣлыя сѣмена, такъ и пыль для оплодотворенія, но наибольшіе шансы имѣетъ опыленіе перекрестное между экземплярами съ цвѣтками раз-

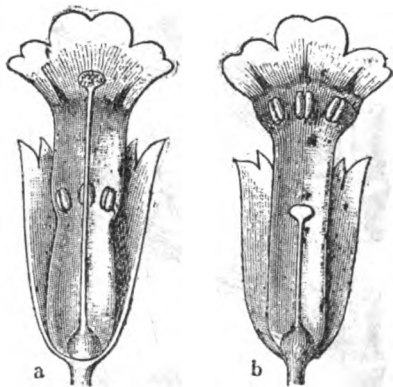

Рис. 166.

личной формы: пыль короткостолбнаго цвѣтка попадаетъ на рыльце длинностолбнаго и наоборотъ. Это потому, что насѣкомое, посѣщая цвѣтокъ, принимаетъ определенное положеніе по отношенію къ частямъ цвѣтка, и та часть тѣла, которая въ короткостолбномъ цвѣткѣ коснулась пыльниковъ, въ цвѣткѣ съ длиннымъ столбикомъ задѣнетъ рыльце. Любопытныя наблюденія *Дарвина* показали, что въ цвѣткахъ длинностолбныхъ рыльце снабжено гораздо болѣе длинными сосочками, а пылинки, напротивъ, замѣтно мельче, чѣмъ въ цвѣткахъ съ короткими столбиками. Длинные сосочки на рыльцѣ первой формы словно рассчитаны на задержаніе болѣе крупныхъ пылинкокъ второй формы и, наоборотъ, болѣе короткіе сосочки второй приспособлены къ болѣе мелкой пыльцѣ первой формы. Замѣтимъ, что не всѣ виды рода *Pinguicula* обладаютъ описаннымъ *диморфизмомъ* (двухформенностью),—есть первоцвѣты, у которыхъ столбики одинаковой длины во всѣхъ экземплярахъ. Тоже повторяется и въ другихъ случаяхъ гетеростилии, которыхъ въ настоящее время извѣстно весьма много. Явленіе это встрѣчается въ цѣломъ рядѣ самыхъ различныхъ семействъ и вездѣ рядомъ съ диморфными видами есть и обычные одноформенные.

У нѣкоторыхъ растений то же явленіе существуетъ въ еще болѣе сложной формѣ, такъ какъ есть три формы цвѣтка, опять-

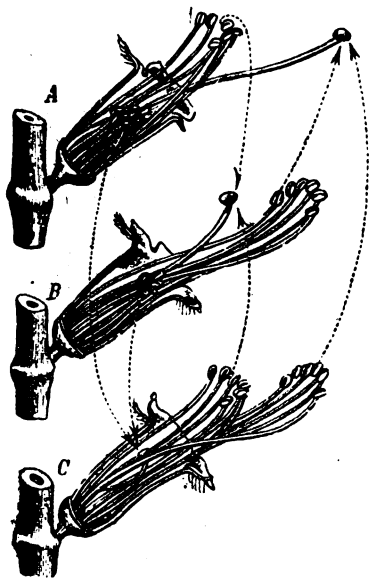

Рис. 167.

таки каждая на особомъ экземплярѣ. Въ такомъ случаѣ цвѣтокъ заключаетъ двоякія тычинки, длинныя и короткія; пыльники, слѣдовательно, расположены на разной высотѣ въ два яруса, а третій ярусъ образуютъ рыльца. На однихъ экземплярахъ рыльца занимаютъ верхній, на другихъ нижній, на третьихъ—средній изъ трехъ ярусовъ. И здѣсь опять взаимодействие совершается между органами, находящимися на одинаковой высотѣ, слѣдовательно между цвѣтками различныхъ формъ. Такой *триморфизмъ* изъ нашихъ туземныхъ растений встрѣчается только у плакунъ-травы (*Lythrum Salicaria*), въ

цвѣткѣ котораго 12 тычинокъ (6 длинныхъ и 6 короткихъ) и одинъ столбикъ. Относительное положеніе этихъ органовъ пере-

дано на рис. 167: *A*—форма съ длиннымъ, *B*—со среднимъ и *C*—съ короткимъ столбикомъ: стрѣлки и пунктирныя линіи показываютъ, въ какомъ направленіи должно происходить взаимнодѣйствіе органовъ для достиженія наилучшаго результата. Кроме рода *Lythrum* (и то лишь немногихъ его видовъ) триморфизмъ извѣстенъ еще у нѣкоторыхъ кислицъ (*Oxalis*), имѣющихъ 10 тычинокъ и 5 столбиковъ (рис. 168), но наша кислица (*Oxalis Acetosella*) къ числу таковыхъ не принадлежитъ; у нея наблюдается особый диморфизмъ, о которомъ рѣчь еще впереди.

Познакомившись съ разнообразными приспособленіями для достиженія перекрестнаго опыленія въ обоеполыхъ цвѣтахъ, необходимо, однако, имѣть въ виду, что и самоопыленіе широко распространено въ природѣ. Игнорировать его было бы грубою ошибкою, въ которую, не въ мѣру увлекаясь наблюденіями Дарвина, впали, было, на первыхъ порахъ многіе изслѣдователи, какъ мы уже видѣли выше на примѣрѣ кирказоновъ. Къ характеристикѣ новѣйшей биологіи относится, можно сказать, возста-

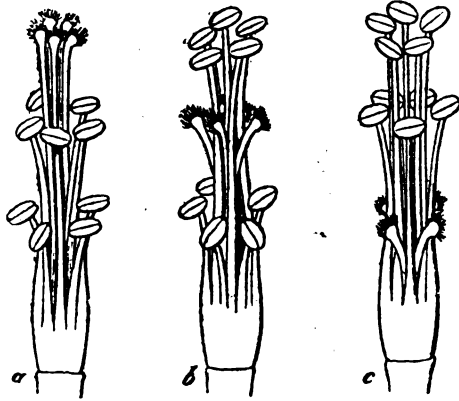

Рис. 168.

новленіе въ почетѣ самоопыленія. Дѣйствительно, болѣе внимательное изученіе цвѣтовъ показываетъ, что воздѣйствіе пыльца на рыльце того же цвѣтка лишь въ рѣдкихъ случаяхъ абсолютно невозможно, какъ, на примѣръ, при рѣзко выраженной протогиніи, когда рыльце засыхаетъ или даже сбрасывается прежде чѣмъ успѣли раскрыться пыльники въ томъ же цвѣткѣ (см. выше, рис. 158). Въ громадномъ большинствѣ случаевъ самоопыленіе устранено или затруднено лишь при началѣ цвѣтенія, подъ конецъ же, въ цвѣткѣ, близкомъ къ увяданію, оно какъ бы поощряется самимъ растеніемъ, обнаруживающимъ въ этомъ направленіи не менѣе остроумія, чѣмъ при достиженіи противоположной цѣли. Средства, которыми создается возможность и даже неизбѣжность самоопыленія, въ различныхъ случаяхъ весьма различны (подробно описаны они въ указанной уже книгѣ Кернера). Иногда нити тычинокъ начинаютъ подъ конецъ цвѣтенія усиленно расти въ длину и приводятъ такимъ образомъ несомыя ими пыльники въ соприкосновеніе съ рыльцемъ. Въ другихъ случаяхъ тоже происходитъ отъ возра-

ставія вѣнчика, поднимающаго прикрѣпленныя къ нему тычинки до уровня рыльца. Въ третьихъ случаяхъ цвѣтоножка искривляется такъ, что измѣняется прежнее положеніе цвѣтка и на рыльце начинаетъ сыпаться собственная пыльца. Въ четвертыхъ, взаимное положеніе лепестковъ измѣняется такъ, что невозможное до сихъ поръ самоопыленіе становится, напротивъ, неизбѣжнымъ. Такъ, у анютиныхъ глазокъ (ср. выше, рис. 165) лепестки подъ конецъ цвѣтенія смыкаются уже менѣе плотно, головчатое рыльце перестаетъ выполнять совершенно зѣвъ цвѣтка, образуется свободный проходъ во внутрь послѣдняго и скопившаяся тамъ собственная пыльца начинаетъ высыпаться по этому проходу, причемъ приходитъ въ соприкосновеніе съ липкою губою рыльца. Въ пятыхъ, когда сбрасывается вѣнчикъ, вмѣстѣ съ приросшими къ нему тычинками, рыльце пропускается сквозь кружокъ пыльниковъ. Нерѣдко, наконецъ, цѣль достигается сочетаніемъ нѣсколькихъ изъ указанныхъ приспособленій. Разумѣется, во всѣхъ этихъ случаяхъ, если въ первомъ періодѣ цвѣтенія на рыльце попала пыль съ другаго цвѣтка, то позднѣйшее самоопыленіе является излишнимъ и, буде наступаетъ, не влечетъ за собою оплодотворенія; зато, въ случаѣ неудавшагося перекрестнаго опыленія, на примѣръ, за отсутствіемъ подходящихъ насѣкомыхъ, благодаря воздѣйствію собственной пыльцы, цвѣтеніе не остается безъ всякаго результата.

Нѣкоторыя растенія, если ко времени цвѣтенія упорно стоитъ неблагоприятная погода, словно предчувствуя безрезультатность попытки къ приманиванію насѣкомыхъ, совершенно не раскрываютъ своихъ цвѣтовъ и внутри замкнутаго вѣнчика происходитъ тогда самоопыленіе. Это какъ бы переходъ къ растеніямъ, обнаруживающимъ любопытное и во многихъ отношеніяхъ загадочное явленіе, извѣстное подъ именемъ *клеистогаміи*. Тутъ мы тоже имѣемъ дѣло съ полиморфизмомъ, именно съ диморфизмомъ цвѣтовъ, но совершенно инаго рода (одно время его называли диморфизмомъ *Моля*, по имени ученаго, указавшаго на распространеніе клейстогаміи, въ отличіе отъ знакомаго уже намъ диморфизма *Дарвина*, т. е. гетеростиліи). Клейстогамія состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя растенія приносятъ, обыкновенно на одномъ и томъ же экземплярѣ, хотя и неодновременно, два совершенно различныхъ сорта цвѣтовъ, рѣзко отличающихся между собою и по внѣшности. Обыкновенные цвѣты сравнительно крупны, бросаются въ глаза и доступны насѣкомымъ. Но на томъ же экземплярѣ, иногда раньше ихъ, иногда, напротивъ, позже, появляются мелкіе, невзрачные цвѣтки, производящіе скорѣе впечатлѣніе бу-

тоновъ; бутоны эти однако такъ-таки и не раскрываются, а между тѣмъ внутри ихъ, подъ прикрытіемъ слабо развитыхъ покрововъ, оказываются нормальные тычинки и пестикъ, и въ этомъ тѣсномъ пространствѣ происходитъ оплодотвореніе, причемъ, разумѣется, на рыльце попадаетъ здѣсь собственная пыль. Образование подобныхъ закрытыхъ или клейстогамныхъ цвѣтовъ замѣчается у многихъ изъ обыкновеннѣйшихъ нашихъ растений на примѣръ, у нѣкоторыхъ фіалокъ, у недотроги (*Impatiens*), у нашей кислицы (*Oxalis Acetosella*), у одной изъ нашихъ яснотокъ (*Lamium amplexicaule*, рис. 169) и многихъ другихъ. Въ этихъ случаяхъ мы находимъ, слѣдовательно, на одномъ и томъ же растеніи два прямо противоположныхъ стремленія природы, выраженныхъ одинаково рѣзко. Открытые цвѣты, очевидно, приспособлены къ перекрестному опыленію; растеніе гостеприимно раскрываетъ ихъ, предоставляя насѣкомому всевозможныя удобства. Напротивъ, въ закрытыхъ цвѣтахъ то же растеніе ревниво оберегаетъ рыльце отъ вторженія посторонней пыли, обрекая его на самоопыленіе. Такимъ образомъ, существованіе въ природѣ закрытыхъ цвѣтовъ какъ бы противорѣчитъ выставленному раньше общему положенію, т. е. отвращенію отъ слишкомъ близкаго родства сочетающихся при оплодотвореніи элементовъ. Но если ближе вдуматься въ дѣло, мы придемъ къ заключенію, что это не такъ; напротивъ, клейстогамія, пожалуй, доставляетъ новый аргументъ въ пользу того же принципа. Вотъ почему. Допустимъ на минуту, что для растенія безразлично — какая именно пыль попадетъ на рыльце, своя собственная или чужая, лишь бы произошло вообще опыленіе, а затѣмъ оплодотвореніе. Въ такомъ случаѣ нужно сознаться, что въ закрытыхъ цвѣтахъ эта цѣль достигается несравненно проще, экономнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ въ обычныхъ открытыхъ цвѣтахъ. При образованіи первыхъ растеніе не тратитъ лишняго вещества на развитіе крупныхъ, нарядныхъ покрововъ, не играющихъ существенной роли въ процессѣ оплодотворенія, не поступаетъ, въ угоду насѣкомому, чрезвычайно цѣннымъ для самаго растенія веществомъ — сахаромъ (въ закрытыхъ цвѣтахъ не бываетъ нектара), не образуетъ лишней пыли, такъ какъ опыленіе вполне обезпечено и каждая пылинка, можно сказать, идетъ

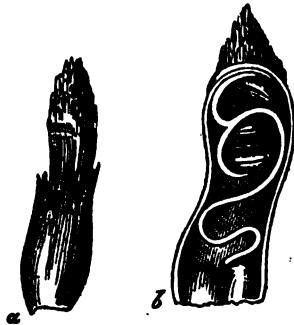

Рис. 169.

опыленіе. Такимъ образомъ, существованіе въ природѣ закрытыхъ цвѣтовъ какъ бы противорѣчитъ выставленному раньше общему положенію, т. е. отвращенію отъ слишкомъ близкаго родства сочетающихся при оплодотвореніи элементовъ. Но если ближе вдуматься въ дѣло, мы придемъ къ заключенію, что это не такъ; напротивъ, клейстогамія, пожалуй, доставляетъ новый аргументъ въ пользу того же принципа. Вотъ почему. Допустимъ на минуту, что для растенія безразлично — какая именно пыль попадетъ на рыльце, своя собственная или чужая, лишь бы произошло вообще опыленіе, а затѣмъ оплодотвореніе. Въ такомъ случаѣ нужно сознаться, что въ закрытыхъ цвѣтахъ эта цѣль достигается несравненно проще, экономнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ въ обычныхъ открытыхъ цвѣтахъ. При образованіи первыхъ растеніе не тратитъ лишняго вещества на развитіе крупныхъ, нарядныхъ покрововъ, не играющихъ существенной роли въ процессѣ оплодотворенія, не поступаетъ, въ угоду насѣкомому, чрезвычайно цѣннымъ для самаго растенія веществомъ — сахаромъ (въ закрытыхъ цвѣтахъ не бываетъ нектара), не образуетъ лишней пыли, такъ какъ опыленіе вполне обезпечено и каждая пылинка, можно сказать, идетъ

въ счетъ; дѣйствительно, чрезвычайно характерно для закрытыхъ цвѣтовъ необычайно малое количество пылцы, — въ гнѣздѣ пыльника содержится иногда всего нѣсколько десятковъ пылиннокъ. Напротивъ, обыкновенные открытые цвѣты представляютъ какъ бы цѣлый рядъ несообразностей, изумительную расточительность природы, къ тому же далеко не обеспечивающую оплодотворенія; такъ какъ насѣкомое можетъ вѣдь и не прилетѣть на цвѣтокъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы вправѣ были бы ожидать, что природа остановится на первой, болѣе разумной комбинаціи; въ дѣйствительности же мы видимъ обратное; несмотря на всѣ кажущіяся невыгоды открытыхъ цвѣтовъ, сѣмянныя растенія прибѣгаютъ для половаго своего воспроизведенія именно къ нимъ, и даже сравнительно немногочисленныя растенія, снабженныя закрытыми цвѣтами, всегда, сверхъ того, производятъ и открытые *). Очевидно, что всѣ указанныя невыгоды съ лихвою окупаются возможностью переносить пыль съ цвѣтка на цвѣтокъ, существующею только въ открытыхъ цвѣтахъ. Но въ такомъ случаѣ какой же смыслъ имѣетъ образованіе, хотя бы у немногихъ растеній, закрытыхъ цвѣтовъ? Его можно разсматривать какъ одно изъ приспособленій къ ослабленію риска, связаннаго съ образованіемъ открытыхъ цвѣтковъ. Производя послѣдніе, растеніе рискуетъ, погнавшись за опыленіемъ перекрестнымъ, остаться безъ опыленія вообще. Эта опасность устраняется, какъ мы уже видѣли, различными средствами. Растеніе, напримѣръ, выжидаетъ для распусканія цвѣтовъ хорошей погоды, развиваетъ свои цвѣты не всѣ сразу, а постепенно, чѣмъ удлиняется періодъ возможнаго посѣщенія насѣкомыми. Далѣе, весьма часто открытый цвѣтокъ разсчитанъ бываетъ не исключительно на перекрестное опыленіе; послѣднее только имѣетъ болѣе шансовъ на осуществленіе, на случай же возможной неудачи растеніе обезпечило себѣ почетное отступленіе и производитъ въ концѣ цвѣтенія самоопыленіе. Наконецъ, нѣкоторыя растенія прибѣгаютъ къ образованію особыхъ закрытыхъ цвѣтовъ, чтобы обезпечить себѣ оплодотвореніе вообще, а болѣе выгодное, но связанное съ рискомъ перекрестное опыленіе возлагаютъ исключительно на открытые цвѣты. Между тѣмъ какъ въ большинствѣ случаевъ оба вида опыленія возлагаются на одинъ

*) Недавно, однако, *Бурж* на островѣ Явъ открылъ растенія, снабженныя исключительно клейстогамными цвѣтами. Всего удивительнѣе, что цвѣты эти обладаютъ крупнымъ, ярко окрашеннымъ вѣнчикомъ и кажутся разсчитанными на опыленіе насѣкомыми, а между тѣмъ существенные органы цвѣтка наглухо замурованы въ основаніи вѣнчика, такъ что возможно лишь самоопыленіе.

и тотъ же цвѣтокъ, но въ разныхъ эпохи его цвѣтенія, у растений, обнаруживающихъ клейстогамію, происходитъ раздѣленіе труда между различными цвѣтами. Достойно вниманія, что въ этихъ случаяхъ открытые (хазмогамные, какъ ихъ называютъ) цвѣты оказываются лишенными всякихъ приспособленій къ самоопыленію, а потому нерѣдко остаются безплодными и плоды получаютъ исключительно изъ закрытыхъ (клейстогамныхъ) цвѣтовъ.

Итакъ, непосредственное наблюденіе того, что происходитъ въ природѣ, приводитъ къ заключенію, что въ дѣлѣ оплодотворенія чужая пыль (т. е. съ другаго экземпляра того же вида) имѣетъ какое-то важное преимущество передъ собственною. Въ чемъ заключается это преимущество—можетъ до нѣкоторой степени разъяснить намъ только опытъ. Мы можемъ сами сѣграть роль насѣкомаго и кисточкою перенести пыль на зрѣлое рыльце, позаботившись, конечно, о томъ, чтобы никакая другая пыль, кромѣ перенесенной нами, ни до, ни послѣ этого, не могла попасть на рыльце. Для этого приходится иногда заблаговременно удалить изъ цвѣтка собственныя его тычинки, а также окружить цвѣтокъ колпачкомъ изъ газовой матеріи, который не допускалъ бы къ нему насѣкомыхъ. Такого рода опыты искусственнаго опыленія, неоднократно производившіеся въ различныхъ направленіяхъ надъ весьма разнообразными растеніями, привели къ весьма важнымъ результатамъ. Прежде всего они подтвердили, говоря вообще, выводъ, сдѣланный изъ наблюденія, относительно преимущества перекрестнаго опыленія передъ самоопыленіемъ. Дѣйствіе, оказываемое на рыльце пылью того же цвѣтка, у разныхъ растений весьма различно. По показаніямъ одного изслѣдователя, заслуживающаго довѣрія (Фрица Мюллера), въ Бразиліи есть растенія (изъ орхидныхъ), рыльце которыхъ при перенесеніи на него пыли того же цвѣтка быстро отмираетъ, словно мы подѣйствовали на него ядовитымъ вѣществомъ; это крайняя и чрезвычайно рѣдкая степень отвращенія къ самоопыленію. Въ другихъ случаяхъ (напр., у резеды) собственная пыль остается безъ всякаго вліянія на рыльце, и оплодотворенія не происходитъ. Но всего чаще самоопыленіе не проходитъ безслѣдно, сѣмена получаютъ, однако общій результатъ оказывается худшимъ, сравнительно съ результатомъ, достигаемымъ при перекрестномъ опыленіи, что выражается, напримѣръ, въ меньшемъ числѣ сѣмянъ, заключенныхъ въ плодѣ. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи обстоятельныя опыты искусственнаго опыленія, предпринятыя частью самимъ Дарвиномъ, частью его послѣдователями, надъ растеніями, имѣющими полиморфные цвѣты, отличающіеся, какъ мы видѣли, столбиками раз-

личной длины. Наилучшій результатъ во всѣхъ случаяхъ получался, когда для опыленія служила пыль не только другаго экземпляра, но экземпляра другой формы. Такъ, у *Prinula*, напримеръ, какъ цвѣтки съ короткимъ столбикомъ, такъ и цвѣтки съ длиннымъ столбикомъ (рис. 166) могутъ образовать хорошій плодъ съ большимъ числомъ сѣмянъ, лишь бы пыль была взята изъ цвѣтка другой формы, т. е. нужно, чтобы дѣйствіе произошло между органами, приходящимися на одинаковой высотѣ, а мы уже видѣли, что именно такое опыленіе всего скорѣе должно произойти при посѣщеніи подобныхъ цвѣтовъ насѣкомыми. То же относится и къ рѣдкимъ случаямъ триморфныхъ цвѣтовъ, гдѣ столбики бываютъ длинные, средніе и короткіе; чѣмъ больше различіе въ высотѣ пыльниковъ и рылецъ, тѣмъ худшій результатъ получается при соотвѣтствующемъ опыленіи. Взаимодѣйствіе органовъ, стоящихъ въ разныхъ цвѣтахъ на одинаковой высотѣ (при гетеростилии) Дарвинъ называетъ *законными* сочетаніями, противопоставляя ихъ *незаконнымъ*, когда дѣйствуютъ другъ на друга органы, находящіеся на различной высотѣ. Пунктирныя линіи и стрѣлки на рис. 167 означаютъ, слѣдовательно, законныя сочетанія. Послѣднія всегда оказываются успѣшнѣе незаконныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при незаконномъ сочетаніи даже вовсе не образуется сѣмянъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны позднѣйшіе опыты *Гильдебранда* надъ триморфными кислицами. Одна изъ нихъ (*Oxalis Lasiantha*), весьма обыкновенная въ ботаническихъ садахъ Европы, никогда не производила сѣмянъ, хотя обильно цвѣла, и размножалась только вегетативнымъ путемъ. Безплодіе ея зависѣло, какъ оказалось, оттого, что во всѣхъ садахъ встрѣчалась исключительно одна изъ трехъ ей свойственныхъ формъ—короткостолбная. Послѣ долгихъ усилій Гильдебранду удалось въ одномъ изъ садовъ развѣдать другую форму—со столбиками средней длины, воспитывавшуюся подъ неправильнымъ названіемъ, въ качествѣ особаго вида. Онъ скрестилъ обѣ формы между собою, производя законныя сочетанія до тѣхъ поръ невозможныя, и впервые получилъ сѣмена названной кислицы. Замѣчательно и чрезвычайно важно въ теоретическомъ отношеніи, что изъ этихъ сѣмянъ выросли не только экземпляры съ короткими и средними столбиками, какъ у родителей, но получена была и длинностолбная форма. Такимъ образомъ, несмотря на то, что растеніе въ теченіи многихъ лѣтъ, размножаясь вегетативно, существовало исключительно въ видѣ короткостолбной формы, способность къ образованію двухъ другихъ формъ продолжала въ немъ таиться и обнаружилась при первомъ же представившемся случаѣ къ половому воспроизведенію. Весьма ясно обри-

совыивается здѣсь то различіе между результатами полового и вегетативнаго размноженія, на которое мы указывали уже во введеніи.

Но наибольшій интересъ и наибольшую важность представляютъ позднѣйшіе опыты Дарвина, показавшіе, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самоопыленіе сопровождалось, повидимому, полнѣйшимъ успѣхомъ, все-таки существуетъ скрытый перевѣсъ на сторонѣ опыленія перекрестнаго, обнаруживающійся лишь при посѣвѣ сѣмянъ. Тогда оказывается, что при одинаковыхъ условіяхъ сѣмена, полученныя черезъ перекрестное опыленіе, производятъ болѣе сильныя ростки, болѣе крѣпкое потомство, имѣющее, слѣдовательно, на своей сторонѣ лишній шансъ остаться побѣдителемъ въ борьбѣ за существованіе сравнительно съ ростками, полученными чрезъ самоопыленіе. Конечно, различіе это замѣтно не на каждомъ отдѣльномъ росткѣ, но ясно выступаетъ въ массѣ, если примѣнять, какъ это дѣлалъ Дарвинъ, сравнительно-статистическій методъ изслѣдованія.

Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ выгода перекрестнаго опыленія: оно приводитъ къ образованію болѣе сильнаго потомства. Но если мы этимъ не удовольствуемся и спросимъ о причинѣ этого явленія, мы увидимъ, что почва окончательно ускользаетъ у насъ подъ ногами, такъ какъ изъ области фактовъ мы вынуждены перейти въ заманчивую, но ненадежную область гипотезъ. Попытки объяснить теоретически—въ чемъ заключается преимущество перекрестнаго опыленія, разумѣется, существуютъ; между ними есть одна, заслуживающая во всякомъ случаѣ вниманія. Она заключается въ слѣдующемъ. Выгода перекрестнаго опыленія состоитъ въ томъ, что взаимодѣйствіе происходитъ между двумя массами, развившимися не при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ. Въ каждомъ недѣлимомъ, по смыслу этой теоріи, существуютъ извѣстные, такъ сказать, болѣзненные зачатки, предрасположеніе къ извѣстному отклоненію отъ нормы. При самоопыленіи эти зачатки могутъ только укрѣпиться, такъ какъ оплодотворяющая пыль, принадлежа къ тому же недѣлимому, страдаетъ, если можно такъ выразиться, тѣми же самыми недостатками. Напротивъ, при опыленіи перекрестномъ болѣзненные зачатки отца, не будучи тождественными съ болѣзненными зачатками матери, не даютъ имъ усиливаться во вредъ организму, а напротивъ, парализуютъ другъ друга. Выражаясь фигурально, если материнскій организмъ имѣетъ склонность, скажемъ, къ чахоткѣ, то для потомства выгодноѣе, чтобы отцовскій носилъ въ себѣ предрасположеніе не къ чахоткѣ же, а къ какой-либо иной болѣзни; точно также союзъ, напри-

мѣръ, вспыльчиваго отца съ вспыльчивою матерью послужить къ закрѣпленію и усиленію вспыльчивости въ потомствѣ во вредъ, разумѣется, послѣднему. Какъ ни остроумна эта догадка, но фактовы для критической оцѣнки ея въ настоящее время собрано еще слишкомъ недостаточно, хотя фактическая провѣрка ея возможна до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ. По смыслу теоріи, очевидно, суть дѣла не въ томъ, чтобы пыль была взята съ другаго экземпляра, а чтобы она развилась при нѣскольکو иныхъ условіяхъ, чѣмъ оплодотворяемое ею яичко—слѣдовательно, вѣроятно, не все равно для результата опыта: будетъ ли взята пыль съ экземпляра растущаго бокъ-о-бокъ съ опыляемымъ, на той же почвѣ, при тѣхъ же условіяхъ освѣщенія и т. д., или же съ экземпляра, развивавшагося при нѣскольکو иныхъ условіяхъ. Дѣйствительно ли это такъ, или же это обстоятельство безразлично, лишь бы пыль принадлежала вообще другому экземпляру, — мы въ настоящее время съ достовѣрностью не знаемъ. Какъ ни многочисленны, сами по себѣ (до 1.000 отдѣльныхъ опытовъ, веденныхъ въ теченіе десяти послѣдовательныхъ лѣтъ), какъ ни хорошо задуманы, тщательно произведены и объективно изложены опыты Дарвина, недостаточность ихъ выступаетъ все рѣзче и рѣзче. Наблюденіе въ интересующей насъ области, можно сказать, далеко опередило опытъ. Въ одной изъ интереснѣйшихъ главъ своей книги Кернеръ описываетъ рядъ приспособленій, направленныхъ къ перекрестному опыленію различныхъ цвѣтовъ въ густыхъ соцвѣтіяхъ сложноцвѣтныхъ и т. п. Между тѣмъ изъ немногихъ опытовъ, произведенныхъ въ этомъ направленіи Дариномъ, не видно, чтобы взаимное скрещиваніе цвѣтовъ одного и того же экземпляра представляло какія-либо выгоды сравнительно съ самоопыленіемъ. Да и значеніе послѣдняго сравнительно съ опыленіемъ перекрестнымъ настоятельно нуждается въ дальнѣйшей опытной провѣркѣ.

Не разрѣшенъ, а только намѣченъ пока любопытный теоретическій вопросъ о томъ, различны ли по существу своему мужской и женскій элементы, соединяющіеся другъ съ другомъ въ актѣ оплодотворенія. Обыкновенно они считаются прямо противоположными, какъ кислота и щелочь, какъ положительное и отрицательное электричества. Еще недавно думали даже, что найдено фактическое подтвержденіе такой противоположности. Если дѣйствовать на половые элементы у животныхъ или растений смѣсью двухъ различныхъ анилиновыхъ красокъ, напр., синею и красною, то ядра мужскихъ клѣтокъ синѣютъ, а женскихъ—краснѣютъ. Однако, такое предпочтеніе женскихъ элементовъ къ красному цвѣту, а мужскихъ къ синему, объясняется, повидимому, просто

различною консистенціею ихъ ядеръ: ядра первыхъ болѣе рыхлы, ядра вторыхъ очень плотны. Въ наукѣ высказано было (извѣстнымъ зоологомъ *О. Гертвигомъ*) парадоксальное на первый взглядъ мнѣніе, что никакого существеннаго различія между мужскими и женскими элементами нѣтъ и что вся суть оплодотворенія сводится вообще къ сліянію двухъ зачатковъ, развившихся при несовсѣмъ одинаковыхъ условіяхъ. Чтобы обезпечить сліяніе и дальнѣйшее развитіе его продукта, половые зачатки, съ одной стороны, должны быть подвижны, съ другой — заключать въ себѣ извѣстный запасъ пищи. Только на низшихъ ступеняхъ организациі (копулирующія гаметы водорослей) эти два требованія совмѣщаются въ каждомъ изъ зачатковъ, такъ что нѣтъ основанія называть одинъ мужскимъ, другой женскимъ. Вообще же происходитъ раздѣленіе труда: подвижность возлагается на одинъ изъ зачатковъ (мужской), а накопленіе веществъ, нужныхъ для питанія молодаго организма, на другой (женскій). Только въ этихъ второстепенныхъ признакахъ и заключается вся разница между обоими зачатками, при сліяніи же въ актѣ оплодотворенія мужской и женскій элементы оказываются совершенно равнозначущими, равноправными между собою.

Теперь намъ остается еще рассмотретьъ, что произойдетъ въ томъ случаѣ, если на рыльце попадетъ пыль посторонняя, т. е. принадлежащая растенію, отличному отъ опыляемаго. Такой случай въ открытыхъ цвѣтахъ, посѣщаемыхъ насѣкомыми, вполне возможенъ, да если бы онъ и не встрѣчался въ природѣ нормально, мы могли бы произвести подобный опытъ преднамѣренно сами. Изслѣдованіе этого вопроса представляетъ громадный теоретическій интересъ вотъ въ какомъ отношеніи. При обыкновенномъ опыленіи, будетъ ли это самоопыленіе или опыленіе перекрестное, мы, вслѣдствіе полягаго сходства обоихъ экземпляровъ, лишены возможности судить о степени вліянія отца и матери, каждаго порознь, на потомство. Между тѣмъ мы знаемъ, что степень матеріальнаго участія, принимаемаго мужскимъ и женскимъ элементами въ воспроизведеніи новой особи, далеко неодинакова: женскій доставляетъ почти всю основу — яйцо — для образованія новаго существа, мужской — даетъ лишь ничтожный по сравненію съ массою яйца живчикъ или соотвѣтствующее ему неподвижное образованіе. Невольно долженъ возникнуть вопросъ, соотвѣтствуетъ ли столь рѣзкому различію въ матеріальномъ участіи различная степень вліянія обоихъ организмовъ на потомство или нѣтъ? Другими словами, отражается ли на признакахъ и свойствахъ новой особи тотъ фактъ, что при заложеніи ея материнскій организмъ

доставилъ въ вещественномъ отношеніи почти все, а отцовскій— почти ничего? Отвѣтъ на это могутъ дать скрещенія различныхъ растений между собою.

Мы видѣли уже въ историческомъ очеркѣ какую огромную услугу оказали въ свое время такъ называемыя *помѣси* или *ублюдки*, — возможность полученія которыхъ была доказана еще въ прошломъ столѣтіи, — установленію понятія о существованіи половъ въ растительномъ царствѣ. Познакомимся теперь въ общихъ чертахъ съ важнѣйшими результатами, вытекающими изъ долголѣтнихъ, кропотливыхъ опытовъ цѣлаго ряда ученыхъ на упомянутомъ поприщѣ.

Скрещиваться другъ съ другомъ могутъ только растенія, близкія по своей организаціи. Всего легче удастся обыкновенно скрещеніе между двумя разновидностями того же вида, нѣсколько труднѣе — между двумя видами того же рода и чрезвычайно рѣдко — между видами различныхъ родовъ того же семейства, о соединеніи же двухъ растений, принадлежащихъ къ разнымъ семействамъ, нечего и думать. Получить, напримѣръ, помѣсь гвоздики съ незабудкою столь же невозможно, какъ скрестить утку съ зайцемъ. Чѣмъ ближе, слѣдовательно, другъ къ другу два растенія, тѣмъ больше шансовъ на успѣшное скрещеніе ихъ. Но это правило справедливо лишь въ самыхъ общихъ чертахъ; помимо близости, выражающейся въ наглядныхъ признакахъ, между растеніями существуетъ еще какое-то скрытое внутреннее средство, не всегда совпадающее съ внѣшнимъ и обуславливающее успѣхъ или неуспѣхъ скрещенія. Это можно заключить изъ того, что иногда растенія, чрезвычайно, повидимому, близкія другъ къ другу, отказываются, однако, образовать помѣсь, тогда какъ растенія менѣе сходныя легко скрещиваются. Есть, напримѣръ, семейства, склонныя къ скрещенію его членовъ, и другія, въ предѣлахъ которыхъ, несмотря на всѣ старанія, помѣсей получить не удавалось. Разные роды того же семейства могутъ представить въ этомъ отношеніи рѣзкія различія. Табакъ и пасленъ, напримѣръ, два рода того же семейства пасленовыхъ, между тѣмъ виды табака легко и охотно скрещиваются другъ съ другомъ, тогда какъ виды паслена отказываются образовать помѣсь.

Разъ установлена опытомъ возможность скрещенія двухъ какихъ-либо растений, то оказывается, обыкновенно, что каждое изъ нихъ можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ играть роль какъ отца, такъ и матери, т. е. если пыль перваго растенія способна оплодотворить яички втораго, то и, наоборотъ, пыль втораго производитъ оплодотвореніе яичекъ перваго. Исключенія изъ этого пра-

вила очень рѣдки и нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть объяснены вполне удовлетворительно. Такой случай извѣстенъ, на примѣръ, для двухъ видовъ [рода *Mirabilis*: помѣсь получается легко при дѣйствіи пыли *Mirabilis longiflora* на рыльце *M. Jalappa*, тогда какъ многочисленныя попытки произвести опыленіе въ обратномъ направленіи всегда оставались безуспѣшными. Дѣло въ томъ, что *Mirabilis longiflora* имѣетъ гораздо болѣе длинный столбикъ, чѣмъ *M. Jalappa*, и пылинки послѣдней не рассчитаны на такой длинный путь: пыльцевая трубочка не дорастаетъ до яичекъ, истощивъ всѣ запасы.

Если скрещеніе сопровождалось полнымъ успѣхомъ, то получаются всхожія сѣмена, изъ которыхъ при посѣвѣ развиваются растенія, по признакамъ своимъ занимающія обыкновенно середину между отцомъ и матерью. Большею частью въ каждомъ изъ признаковъ замѣтно вліяніе обоихъ родителей, приблизительно, *въ равной степени*. Если, на примѣръ, у отца были листья узкіе, а у матери широкіе, то листья помѣси окажутся не столь узкими, какъ отцовскіе, и не столь широкими, какъ материнскіе; если у отца цвѣты были бѣлые, а у матери—красные, то помѣсь разовьетъ розовые цвѣты. Гораздо рѣже случается, что признаки отца и матери обнаруживаются отдѣльно рядомъ, не проникая другъ друга, и отъ скрещенія, на примѣръ, бѣлыхъ къ краснымъ цвѣтами получается вѣнчикъ полосатый изъ тѣхъ же колеровъ. Отсюда уже само собою понятно, что помѣсь двухъ данныхъ растеній получится одинаковая, которое бы изъ нихъ мы ни взяли въ роли отца или матери. При тщательномъ изученіи дикорастущихъ растеній, ученымъ нерѣдко приходится встрѣчать формы, которыя съ большою вѣроятностью должны быть признаны за естественныя помѣси такихъ-то двухъ коренныхъ видовъ, но при этомъ не имѣется никакихъ данныхъ для того, чтобы сказать—которое изъ растеній доставило пыль и которое—яички. Такимъ образомъ, поставленный выше вопросъ о степени вліянія отца и матери на потомство рѣшается для растительнаго царства въ смыслѣ равенства этого вліянія, несмотря на рѣзкое неравенство матеріальнаго участія. Живчикъ хотя и ничтоженъ по отношенію къ массѣ яйца, зато это, если можно такъ выразиться, квинтъ-эссенція оплодотворяющаго вещества, въ яйцѣ же имѣется массивная протоплазма, которую можно разсматривать какъ питательное вещество, припасенное для быстрого развитія молодаго зачатка.

Быть можетъ, въ изложенномъ читатель усмотритъ нѣкоторое противорѣчіе съ тѣми фактами, которые встрѣчаются въ человеческомъ обществѣ и въ животномъ мірѣ. Полное сліяніе призна-

ковъ наблюдается здѣсь сравнительно рѣдко; обыкновенно ребенокъ уродится то въ отца, то въ мать. Всего важнѣе однако, что и здѣсь вліяніе обоихъ родителей сказывается одинаково сильно, не смотря на столь же неравномѣрное участіе въ матеріальномъ зачатіи новой особи: случаямъ преобладающаго вліянія матери на потомство могутъ быть противопоставлены не менѣе многочисленныя примѣры передачи въ усиленной степени отцовскихъ признаковъ. Для согласованія этихъ фактовъ теорія принимаетъ, что, въ сущности, каждый организмъ при возникновеніи своемъ снабжается въ равной мѣрѣ зачатками признаковъ обоихъ организмовъ, участвовавшихъ въ его заложеніи, а затѣмъ, подъ вліяніемъ побочныхъ, ускользающихъ отъ насъ причинъ, то тѣ, то другіе изъ этихъ признаковъ дѣйствительно обнаруживаются, тогда какъ прочіе остаются въ состояніи дремлющихъ до поры, до времени зачатковъ. При новыхъ обстоятельствахъ, если не въ этомъ самомъ недѣлимомъ, то въ дальнѣйшемъ его потомствѣ эти подавленные, но не уничтоженные зачатки могутъ неожиданно обнаружиться, отгѣснивъ на задній планъ другіе, болѣе свѣжіе; вотъ почему иногда ребенокъ уродится, какъ говорятъ, въ дѣда или бабуку. Впрочемъ, и по отношенію къ растительному царству слияніе признаковъ отца и матери составляетъ лишь общее правило не безъ многочисленныхъ исключеній; особенно при скрещеніи двухъ разновидностей признаки обѣихъ часто проявляются раздѣльно.

Но помимо признаковъ, унаслѣдованныхъ отъ родителей, помѣси часто обнаруживаютъ спеціальныя признаки, свойственныя имъ въ качествѣ помѣсей. Такъ, помѣси разновидностей обнаруживаютъ особенно сильную склонность къ измѣнчивости, къ варьяціи; изъ сѣмянъ одного и того же плода вырастаютъ часто весьма несходныя (разумѣется, въ мелочахъ) между собою растенія. Помѣси, получающіяся скрещеніемъ близкихъ другъ къ другу видовъ, нерѣдко отличаются особенно роскошнымъ ростомъ; онѣ раньше зацвѣтаютъ, цвѣтутъ обильнѣе, образуютъ особенно крупныя цвѣты, наклонны къ махровости. Одно- или двухлѣтніе родители могутъ при этомъ дать начало многолѣтней помѣси. Рядомъ съ болѣе роскошнымъ развитіемъ органовъ питанія и несущественныхъ частей цвѣтка весьма часто наблюдается въ подобныхъ помѣсяхъ ослабленіе половой дѣятельности, напримѣръ недоразвитіе пыльцы въ тычинкахъ или даже самыхъ тычинокъ, недоразвитіе яичекъ; вслѣдствіе этого размножать далѣе помѣсь сѣменами оказывается иногда затруднительнымъ. Въ значительной степени, впрочемъ, бесплодность помѣсей вызывается, повидимому, тѣмъ, что ихъ обыкновенно подвергали самоопыленію, которое, какъ мы знаемъ, дѣйствуетъ хуже прекрестнаго.

Все сказанное о признакахъ помѣсей объясняетъ намъ, почему въ садоводствѣ такъ часто и такъ охотно прибѣгаютъ къ скрещиванію. Едва ли не большинство садовыхъ нашихъ растеній, отличающихся обиліемъ сортовъ, представляетъ помѣси, въ образованіи которыхъ приняли участіе иногда даже не два, а три или четыре различныя вида. Стремленію къ новизнѣ, въ садоводствѣ, какъ и въ другихъ отрасляхъ, составляющему лозунгъ нашего времени, легче всего удовлетворить указаннымъ путемъ. Скрещеніе вызываетъ въ организмѣ такую встряску, которая на нѣкоторое время способна выбить природу изъ обычной ея колеи, давая ей возможность рѣзче обнаруживать неистощимость своей фантазіи.

Если помѣсь будетъ опылена отцовскою формою, т. е. пылью, взятою съ растенія, принадлежащаго къ той же разновидности и къ тому же виду, какъ отецъ, хотя бы съ другаго экземпляра, то получится новая помѣсь, въ которой признаки отца будутъ выражены рѣзче материнскихъ. Если тотъ же опытъ мы будемъ повторять въ теченіе нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній, то вліяніе матери мало-по-малу совершенно изгладится, растеніе выродится въ отца. Наоборотъ, мы можемъ уничтожить вліяніе отца и возвратитъ помѣси признаки коренной материнской формы во всей ихъ чистотѣ, если нѣсколько поколѣній подъ-рядъ будемъ брать, въ качествѣ отца, форму, служившую нѣкогда матерью. Наконецъ, мы можемъ произвести опыленіе помѣси какимъ-либо постороннимъ видомъ; если такой опытъ увѣнчается успѣхомъ, мы получимъ сложную помѣсь, въ которой будутъ сочетаться признаки трехъ различныхъ видовъ. Подобное происхожденіе имѣютъ наши садовыя георгины. Для ивъ, которыя особенно легко скрещиваются, удалось даже получить помѣси, въ образованіи которыхъ приняли участіе шесть видовъ. Но вообще по мѣрѣ дальнѣйшаго усложненія становится все труднѣе получить всхожія сѣмена.

Вотъ важнѣйшіе выводы, добытые наукой по отношенію къ скрещенію. Теперь намъ остается поставить ребромъ вопросъ о внутреннемъ смыслѣ тѣхъ явленій, съ которыми мы познакомились въ теченіе настоящаго очерка. Въ чемъ заключается польза оплодотворенія? Почему такую красную питью проходятъ въ жизни животныхъ и растеній половыя явленія? Нужно откровенно сознаться, что на этотъ капитальный вопросъ, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній, нѣтъ и тѣни удовлетворительнаго объясненія. Даже обобщенію фактической стороны явленія представляются серьезныя затрудненія. Съ одной стороны мы видимъ многочисленныя растенія, которыя, подобно млекопитающимъ, птицамъ и вообще высшимъ животнымъ, не размножаются иначе,

какъ половымъ путемъ—сѣменами; таковы, напримѣръ, большинство хвойныхъ, многія пальмы, наши хлѣбныя растенія, конопля, ленъ и проч. Но огромное большинство растеній обладаетъ, сверхъ того, способностью бесполого размноженія. При этомъ послѣднее иногда беретъ рѣшительно перевѣсъ надъ размноженіемъ половымъ. Нѣкоторыя изъ культурныхъ нашихъ растеній искони разводятся не иначе, какъ съ помощью черенковъ, клубней и т. п., словомъ—безъ участія сѣмянъ; таковы, напримѣръ, виноградъ, картофель, чеснокъ, тополи, ивы, и проч. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы они чувствовали себя отъ этого хуже. Правда, существуетъ мнѣніе, будто картофель оттого такъ сильно страдаетъ отъ картофельной болѣзни, виноградъ отъ филлоксеры, а пирамидальный тополь оттого чахнетъ во всей Европѣ, что эти растенія ослабѣли, выродились именно подъ вліяніемъ продолжительнаго размноженія исключительно бесполомъ путемъ, что ихъ слѣдуетъ обновить, разводя изъ сѣмянъ. Догадка эта не лишена остроумія, но пока еще совершенно не подкрѣплена фактами. Не доказано, напримѣръ, чтобы виноградная лоза, выращенная изъ сѣмени, сильнѣе противустояла филлоксерѣ, нежели лоза, развившаяся изъ черенка. Извѣстно только, что скрещеніе нашего винограда съ американскими видами порождаетъ лозы, болѣе устойчивыя, но такъ какъ американскія лозы сами по себѣ обладаютъ этимъ качествомъ, то остается неизвѣстнымъ, зависитъ ли устойчивость помѣсей отъ передачи имъ такого же свойства американскимъ родичемъ, или отъ того, что произошло, наконецъ, размноженіе половымъ путемъ, котораго такъ долго лишено было европейское растеніе. Съ другой стороны, мы знаемъ растенія, добровольно отказавшіяся отъ неизвѣстныхъ намъ, въ сущности, благъ, связанныхъ съ половымъ размноженіемъ, и, очевидно, не страдающія отъ этого. Я говорю объ уже знакомомъ намъ явленіи апогаміи, т. е. утраты способности къ половому размноженію вообще. Таковы, напримѣръ, высшіе грибы, нѣкоторые папоротники и даже нѣкоторыя изъ сѣмянныхъ растеній. Многіе виды лука, напримѣръ, аккуратно производятъ вмѣсто цвѣтовъ маленькія луковички, а чеснокъ, повидимому, совершенно утратилъ способность давать сѣмена, что не мѣшаетъ ему, однако, принадлежать къ самымъ плодущимъ растеніямъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны природа истощаетъ, можно сказать, свое остроуміе на то, чтобы добиться различными путями не только оплодотворенія вообще, но именно оплодотворенія перекрестнаго, а съ другой—равнодушно отказывается отъ всякаго оплодотворенія.

Общій выводъ изъ всего сказаннаго можетъ быть только одинъ:

девятнадцатое столѣтіе разъяснило намъ, и то еще не вполне, формальную, морфологическую сторону процесса оплодотворенія, не выяснивъ внутренней, физиологической его стороны; мы знаемъ, болѣе или менѣе, какъ въ разныхъ случаяхъ совершается этотъ процессъ, но не понимаемъ—*зачѣмъ* онъ вообще происходитъ, и на вопросъ: «почему сіе важно?»—наука не даетъ намъ пока удовлетворительнаго отвѣта. Если этотъ общій выводъ вызоветъ въ умѣ терпѣливаго читателя чувство досады и полнѣйшей неудовлетворенности, то намъ останется только сочувственно пожать другъ другу руки, утѣшая себя мыслью, что хотя и не намъ самимъ, но пытливому человѣческому уму вообще суждено встрѣтить не только двадцатое, но, вѣроятно, и двухсотое столѣтіе...

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Посмотри! На отвѣсной и голой скалѣ,
 Подъ обрывистой глыбой, въ нѣмой полумглѣ,
 Между впадинъ цвѣтутъ голубые цвѣты,
 И, какъ гроздья, растутъ, и глядятъ съ высоты.
 Этотъ мертвый гигантъ, этотъ темный гранитъ
 Свой безмолвный покой нерушимо хранитъ,
 Но и въ смерти, въ молчаньи, онъ связанъ съ живымъ—
 И межъ трещинъ далъ мѣсто цвѣтамъ полевымъ.

* * *

Посмотри! Умираетъ столѣтній старикъ,
 Онъ уснетъ, онъ умретъ черезъ часъ, черезъ мигъ,
 Онъ забылъ обо всемъ, о добрѣ и о злѣ,
 Но послѣдній свой вздохъ, отдаетъ онъ—землѣ,
 Угасающимъ взоромъ на внуковъ глядитъ,
 Имена ихъ съ любовью невнятно твердитъ,
 Полуживъ, полумертвъ, къ нимъ прижался съ тоской,
 И ласкаетъ ихъ дряхлой холодной рукой.

Н. Бальмонтъ.

АВТОТОМІЯ У ЖИВОТНЫХЪ.

Чтобы спасти себя отъ преслѣдованія многочисленныхъ враговъ, животныя употребляютъ весьма разнообразныя приемы, поражающіе нерѣдко своей необычайностью. Одинъ изъ удивительныхъ способовъ самозащиты составляетъ, такъ называемая, автотомія, или способность нѣкоторыхъ животныхъ какъ бы самопроизвольно отламывать въ опредѣленномъ мѣстѣ тотъ или другой изъ своихъ органовъ. Кому неизвѣстна необыкновенная ломкость хвоста нашихъ европейскихъ ящерицъ? Стоитъ только придавить его, и онъ отлетаетъ прочь. Всякій, кому случалось ловить этихъ юркихъ гадовъ, не разъ, вѣроятно, винилъ себя въ неосторожности за отвалившійся хвостъ, между тѣмъ, причина поврежденія этого органа совсѣмъ иная: сама природа позаботилась о томъ, чтобы хвостъ ящерицъ отламывался при малѣйшемъ насиліи. Каждый хвостовой позвонокъ состоитъ у нихъ изъ двухъ половинокъ, слѣпленныхъ другъ съ другомъ очень рыхлымъ известковымъ цементомъ; по этой-то спайкѣ, гдѣ позвонокъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе тонокъ, онъ и ломается. Точно также особенной хрупкостью отличаются мышцы хвоста и кольчатая, какъ бы колѣнчатая, кожа его. На мѣстѣ излома волокна мускуловъ располагаются такимъ образомъ, что заземляютъ кровеносныя сосуды, вслѣдствіе чего ампутація не сопровождается кровоточеніемъ.

Еще болѣею ломкостью отличается хвостъ нѣкоторыхъ ночныхъ ящерицъ, напримѣръ, гекконовъ и туркестанскаго спинка (*Teratoscincus Keyserlingii*). У послѣдняго этотъ органъ до такой степени нѣженъ, что только при особой ловкости удается поймать цѣльную ящерицу, почему въ музеяхъ имѣются по большей части безхвостые экземпляры. Спрашивается, какой смыслъ можетъ быть въ этой удивительной особенности, и какимъ образомъ ломкость органа, составляющая, повидимому, недостатокъ, можетъ служить средствомъ избѣгать опасности? На этотъ вопросъ не трудно отвѣтить, зная, что отвалившійся хвостъ ящерицъ отрастаетъ снова,

сколько бы разъ онъ ни отламывался. Среди нашихъ обыкновенныхъ ящерицъ (*Sacerta*) не легко отыскать такой экземпляръ, у котораго не было бы слѣдовъ излома и вторичнаго или даже третичнаго отростанія. Всякому, кто ловилъ ящерицъ, извѣстно, что подъ руку по большей части попадаетъ хвостъ. Это происходитъ отъ того, во-первыхъ, что онъ очень длиненъ, длиннѣе даже самого туловища, а во-вторыхъ, потому, что въ то время, когда вы опускаете ладонь, чтобы накрыть животное, оно дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, и своимъ туловищемъ выходитъ изъ подъ руки, подставляя хвостъ. Остальное все понятно. Хвостъ ломается, ящерица благополучно убѣгаетъ, а потерянный органъ отростаетъ впоследствии заново. То же самое, конечно, повторяется, если ящерицу станетъ ловить какая-нибудь птица, напримѣръ, аистъ, или воронъ. Замѣчательно, что отвалившійся хвостъ очень долго продолжаетъ извиваться, какъ живой, и это его свойство, повидимому, составляетъ особое приспособленіе. Въ самомъ дѣлѣ, птица, видя изгибающійся кусочекъ органа, первая мгновенія займется именно имъ, такъ что, пока она соберется преслѣдовать ящерицу, та уже успѣетъ убѣжать далеко, или спрятаться. Интересно, что способность къ самоизувѣчиванію въ наибольшей степени проявляется у вполне здоровыхъ и бодрыхъ ящерицъ; съ ослабленіемъ же организма, напримѣръ, вслѣдствіе продолжительной голодовки въ неволѣ, или низкой температуры, хвостъ ихъ становится замѣтно менѣе ломкимъ.

Хрупкостью тѣла отличается также одна европейская безногая, похожая по внѣшнему виду на змѣю, ящерица, называемая веретенницей (*Anguis fragilis*). Любопытны опыты, продѣланные Фридерикомъ надъ способностью къ автотоміи у этой ящерицы. У мертвой веретенницы хвостъ не отличается никакой особой ломкостью, онъ обнаруживаетъ даже довольно большое сопротивленіе разрыву. Такъ, для того, чтобы оторвать кончикъ его у веретенницы, вѣсомъ въ 19 граммовъ (менѣе $\frac{1}{2}$ фунта), надо было привязать къ нему грузъ въ 490 граммовъ (около 12 фунтовъ), и волочить эту тяжесть по горизонтальной поверхности. Живая же веретенница отламываетъ хвостъ какъ бы самопроизвольно, при этомъ нѣтъ надобности ни тянуть за него, ни надламывать—слѣдуетъ только причинить животному боль. Если осторожно, не дѣлая поврежденій, привязать къ хвосту веретенницы ленту и поднять за нее ящерицу головой внизъ, то она начинаетъ извиваться вправо и влѣво, но не прибѣгаетъ къ помощи автотоміи; но стоитъ только поранить хвостъ, напримѣръ, отрѣзать самый кончикъ его ножницами, тотчасъ же веретенница начинаетъ дѣлать очень быстрыя движенія вправо и влѣво, хвостъ скоро отламывается ниже мѣста

прикрѣпленія ленты, и животное падаетъ на землю. Если послѣ того снова взять ящерицу пальцами за обломанный конецъ, она опять начинаетъ изгибаться, и хвостъ ломается въ новомъ мѣстѣ. Кусочки обломавшагося органа обнаруживаютъ необыкновенную жизненность. Въ продолженіи 10 минутъ они продолжаютъ изгибаться. Если булавкой разрушить въ нихъ спинной мозгъ, то движенія тотчасъ же прекращаются.

Случаи автотоміи въ особенности часто встрѣчаются среди безпозвоночныхъ животныхъ. Извѣстны пауки, насѣкомыя, крабы, черви, моллюски, морскія звѣзды, способные отдѣлять отъ себя различныя части тѣла. Болѣе другихъ этимъ славятся нѣкоторые крабы, у которыхъ легко ломаются ножки. По изслѣдованіямъ Фридерика, у краба съ парализованной нервной системой, или у мертваго, ножки, не отрываясь, выдерживаютъ довольно большую тяжесть. Такъ, у краба *Carcinus maenas* со щитомъ длиной всего въ 5 сант. (около $1\frac{1}{4}$ вершка) лапка отрывается при подвѣшиваніи къ ней тяжести отъ 4 до 5 килограммовъ (10 — 12 фунтовъ), при этомъ разрывъ приходится или между щитомъ и первымъ членкомъ ножки, или между первымъ и вторымъ членами. Для того, чтобы оторвать конечность у живого и здороваго краба, нѣтъ надобности дергать за нее или подвѣшивать къ ней тяжесть, также какъ это наблюдается на опытѣ съ веретенницей, — достаточно заставить почувствовать животное боль, раздражая ножку любымъ способомъ. Вѣрнѣе сказать, крабъ подъ вліяніемъ раздраженія самъ ломаетъ ее, при чемъ изломъ происходитъ всегда въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, именно по срединѣ второго, считая отъ туловища, члена. Въ природѣ очень часто попадаются крабы, у которыхъ одна или нѣсколько ножекъ находятся въ различныхъ стадіяхъ отростанія, именно отъ середины этого второго члена, т. е. какъ разъ оттуда, гдѣ нога ломается вслѣдствіе автотоміи. Опыты Фридерика показали, что хотя крабъ и самъ отламываетъ конечность, но такая самоампутация принадлежитъ къ числу рефлекторныхъ явленій, т. е. находится внѣ сознанія животнаго и не зависитъ отъ его воли. Если у краба раздражить ножку, то животное не можетъ по произволу оставлять ее у себя, или сбрасывать, крабъ обязательно прибѣгаетъ къ ампутаціи и дѣлаетъ это совершенно безсознательно. Рефлекторный характеръ явленія доказывается слѣдующими опытами. Если ползающаго вполне здороваго краба легонько безъ боли ухватить за ножку, онъ начинаетъ топорчиться, усиливаясь вытащить ее, однако не прибѣгаетъ къ помощи автотоміи, но стоять только ущипнуть кончикъ лапки, или раздражить ее какъ-

вибудь иначе, животное мгновенно отламывает эту самую ножку и быстро убѣгаетъ. Еще болѣе доказательны опыты съ заглороформированными крабами. Въ закрытой банкѣ, гдѣ лежитъ губка, пропитанная хлороформомъ или эириомъ, животное сначала приходитъ въ возбужденное состояніе, затѣмъ движенія его становятся постепенно все болѣе медленными, наконецъ, наступаетъ стадія наркоза, когда способность къ самопроизвольнымъ движеніямъ и сознаніе совершенно исчезаютъ, при этомъ, однако, крабъ можетъ быть не лишень способности рефлекторныхъ, или безсознательныхъ движеній. Если въ такой стадіи отравленія, когда сознаніе уже не работаетъ, ущипнуть ножку, крабъ все-таки ее отламываетъ.

Нервные центры завѣдующіе автотоміей, находятся въ подглоточномъ узлѣ, по крайней мѣрѣ, если ихъ повредить, то животное теряетъ способность отламывать свои конечности.

Чрезвычайно любопытенъ механизмъ, при помощи котораго крабъ получаетъ возможность самъ ампутировать себѣ ножки. Идея этого механизма заключается въ слѣдующемъ. Представимъ себѣ палку, надпиленную поперекъ до $\frac{3}{4}$ толщины. Если тянуть за оба конца такой палки, она обнаруживаетъ еще довольно большое сопротивленіе разрыву, но стоитъ только даже слегка ударить однимъ концомъ о землю, направляя ударъ на ту сторону, гдѣ сдѣланъ надрѣзъ, и палка переламывается. Ножки краба состоятъ изъ известковыхъ трубочекъ, въ которыя вложены мышцы, нервы и все прочее, что должно быть въ конечности рака. Въ сочлененіяхъ трубочки касаются другъ друга въ двухъ точкахъ; линія, мысленно проведенная между этими точками, составляетъ ось шарнира, на которомъ производится сгибаніе и разгибаніе члениковъ. Известковая трубочка второго, начиная отъ туловища, членика почти по серединѣ длины со стороны, обращенной къ туловищу, какъ бы надпилена болѣе чѣмъ на $\frac{3}{4}$ толщины. Раздраженіе нерва ножки вызываетъ энергичное сокращеніе мышцы, разгибающей второй членикъ, вслѣдствіе этого ножка быстро поднимается вверхъ и своимъ третьимъ членикомъ ударяется о нижнюю сторону щита краба; подъ вліяніемъ этого удара второй членикъ надламывается какъ разъ на мѣстѣ надрѣза, и конечность отлетаетъ прочь. Если рукой отвести лапку и лишить ее возможности прикасаться третьимъ членикомъ къ туловищу, то перелома не бываетъ, какъ бы мы ни раздражили нервы. На мѣстѣ излома мышцы образуютъ вздутіе, которое заполняетъ весь просвѣтъ известковой трубочки, оставшейся при крабѣ, вслѣдствіе чего ампутація не сопровождается кровотеченіемъ.

Такое приспособленіе для самоотламыванія существуетъ въ всѣхъ ножкахъ, не исключая передней пары, снабженной клешнями.

Среди насѣкомыхъ способность къ автотоміи извѣстна у многихъ прямокрылыхъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ кузнечиковъ, полужесткокрылыхъ, двукрылыхъ изъ сем. *Tipulidae*; среди бабочекъ она свойственна нѣкоторымъ бражникамъ, вѣрницамъ и дневнымъ бабочкамъ изъ рода *Vanessa*. У всѣхъ этихъ насѣкомыхъ очень легко отпадаютъ ножки или всѣ шесть, или двѣ заднихъ. Особенно ясно выражена автотомія у кузнечиковъ, способныхъ отбрасывать только сильно развитыя заднія конечности. Если взять кузнечика за одну изъ этихъ ножекъ, не дѣлая никакихъ поврежденій, онъ, также какъ и крабъ, старается только освободиться, не прибѣгая къ помощи автотоміи, но лишь только мы поранимъ ту же лапку, она мгновенно, какъ бы автоматически, отваливается всегда въ сочлененіи бедра, съ такъ-называемымъ бедрянымъ кольцомъ. Надо замѣтить, что насѣкомое остается изувѣченнымъ навсегда, такъ какъ потерянная конечность болѣе не отрастаетъ. Для кузнечика это обстоятельство тѣмъ болѣе неприятно, что даже безъ одной задней ноги онъ лишается возможности прыгать и подвергается поэтому значительно большей опасности быть пойманнымъ, нежели неискалѣченный, такъ что въ данномъ случаѣ автотомія, повидимому, теряетъ характеръ способа защиты. Однако, слѣдуетъ принять во вниманіе то обстоятельство, что жизнь вполне развитого кузнечика продолжается очень недолго, во многихъ случаяхъ всего нѣсколько дней, а на такой короткій срокъ возможность одинъ только разъ спасти жизнь даетъ насѣкомому много шансовъ успѣшно отложить яички, а это только и надо для обезпеченія существованія породы.

Среди моллюсковъ автотомія извѣстна у *Solen marginatus*, у *Doris*, и въ особенности у улитокъ рода *Helix* и друг. Наиболѣе любопытно это явленіе у сухопутныхъ моллюсковъ изъ рода *Helicagion*, водящихся на Филиппинскихъ островахъ. Представители этого рода отличаются длиннымъ, узкимъ и высокимъ хвостомъ, вѣрнѣе, хвостовиднымъ придаткомъ ноги, далеко выступающимъ изъ-подъ тонкой, легкой раковины. По наблюденіямъ Земпера, всѣ виды *Helicagion*, которые ему приходилось видѣть на Филиппинскихъ островахъ, обнаруживаютъ ясно выраженную способность автотоміи. Если моллюска схватить за хвостъ, то этотъ органъ немедленно отваливается, переламываясь при своемъ основаніи близъ раковины. Если животное взять въ руки даже за раковину, но на столько же грубо, какъ это дѣлаютъ, положимъ птицы или

ящерицы, желающія его съѣсть, то улитка немедленно начинаетъ вертѣть хвостомъ, бьетъ имъ судорожно, быстро и всегда до тѣхъ поръ, пока онъ не отвалится. Моллюскъ, положенный на ладонь опять-таки на столько неосторожно, чтобы онъ могъ почувствовать опасность своего положенія, начинаетъ подпрыгивать на рукѣ и скачетъ до тѣхъ поръ, пока не упадетъ на землю; иногда и при этомъ онъ теряетъ хвостъ. По наблюденіямъ Земпера, на сотню пойманныхъ *Helicarion gutta* приходится около 10 или безхвостыхъ, или съ хвостомъ, начавшимъ отростать. Чтобы понять значеніе автотоміи у *Helicarion'a*, необходимо познакомиться съ образомъ жизни его. Представители этого рода придерживаются листовъ деревьевъ и, въ отличіе отъ большинства другихъ моллюсковъ, ползаютъ необыкновенно быстро. Это даетъ имъ возможность при преслѣдованіи птицами или ящерицами подставлять врагамъ ничто иное, какъ свой длинный и узкій хвостъ; онъ-то въ видѣ выкупа остается во рту преслѣдующаго животнаго, а самъ моллюскъ мгновенно скатывается на землю, гдѣ и прячется въ травѣ, между тѣмъ потерянный органъ впоследствии отростаетъ заново. Если даже допустить, что птица или ящерица схватила *Helicarion'a* за самое тѣло, то увертливость моллюска, его способность къ быстрымъ конвульсивнымъ движеніямъ даютъ ему возможность вырваться изъ клюва или пасти, пользуясь мгновениемъ, когда врагъ, желая передвинуть добычу глубже въ полость рта, хотя бы слегка ослабитъ давленіе челюстей.

На сколько надежно описанное средство пассивной защиты для моллюска, показываетъ то обиліе, въ какомъ представители рода *Helicarion* водятся на Филиппинскихъ островахъ. Моллюски другого рода *Xesta*, не имѣющіе ломкаго хвоста и живущіе тамъ же, находятъ для себя выгоднымъ подражать по внѣшнему виду счастливымъ обладателямъ хрупкаго органа. Въ данномъ случаѣ мы видимъ любопытный примѣръ миметизма, явленія, очень распространеннаго въ царствѣ животныхъ. Надо думать, что моллюскоядныя птицы и ящерицы путемъ опыта убѣдились что *Helicarion'a* не стоитъ и трогать, такъ какъ охота за нимъ кончается полной неудачей или вознаграждается однимъ только тонкимъ хвостикомъ. Такъ какъ всѣ представители этого рода отличаются опредѣленнымъ обликомъ, притомъ же очень оригинальнымъ, то неудивительно, если птицы и ящерицы легко отличаютъ ихъ отъ другихъ моллюсковъ и, зная ихъ неуловимость, оставляютъ въ покоѣ. По крайнѣй мѣрѣ ничѣмъ другимъ, какъ описанной способностью къ автотоміи и увертливостью, нельзя объяснить того обстоятельства, почему эти моллюски не подвер-

гаются преслѣдованію различныхъ животныхъ, любителей подобной пищи. Раковина *Helicarion*'а тонка, легко раздробляема, въ тѣлѣ моллюска нѣтъ ничего такого, что дѣлало бы его не съдобнымъ, словомъ, повидимому, прекрасная добыча, а между тѣмъ его не ловятъ. Что моллюскъ изъ рода *Xesta*, именно *X. Cumingii*, въ дѣйствительности подражаетъ *Helicarion*'у, видно изъ слѣдующаго. Всѣ представители рода *Xesta*, водящіеся на островахъ юго-восточной Азіи, за исключеніемъ *X. Cumingii*, отличаются тѣмъ, что не имѣютъ длиннаго и ломкаго хвоста, взамѣнъ котораго они вооружены толстой, ярко окрашенной раковиной, она-то, видимо, и составляетъ для нихъ орудіе пассивной защиты, а *Xesta Cumingii*, проживающій на Филиппинскихъ островахъ, въ противность всѣмъ своимъ родственникамъ, волочить за собой длинный, однако, вовсе не ломкій, хвостъ; раковина его столь же тонка, какъ у *Helicarion*'а, имѣетъ ту же форму и цвѣтъ. Словомъ, по внѣшнему виду это настоящій *Helicarion*, такъ что даже Земперъ первоначально и относилъ описываемаго моллюска именно къ этому роду. Потребовалось анатомическое изслѣдованіе, прежде чѣмъ удалось убѣдиться къ ошибкѣ. Если даже натуралистъ принималъ *Xesta* за *Helicarion*'а, то несомнѣнно ту же ошибку дѣлаютъ и птицы; считая *Xesta Cumingii* не стоющимъ вниманія, онѣ оставляютъ его въ покоѣ.

Среди червей автотомія извѣстна у нѣкоторыхъ немертинъ, гефирей и друг. У этихъ животныхъ очень легко отваливается задняя часть тѣла. Жіардъ полагаетъ, что это случается всякій разъ, какъ червь попадаетъ въ неблагопріятныя условія относительно питанія или дыханія. Если это такъ, то автотомія въ данномъ случаѣ имѣетъ цѣлью уменьшеніе объема тѣла, а выгода такого уменьшенія заключается въ томъ, что маленькое тѣло легче продовольствовать пищей и кислородомъ, нежели большое. Способность къ самоампутациі съ подобными цѣлями Жіардъ называетъ экономической автотоміей.

Наклонностью разламываться на части очень славятся нѣкоторыя иглокожія. Морскія звѣзды, въ особенности такъ называемыя астеріи (*Asterias*), могутъ самопроизвольно ломаться на двѣ, на три и болѣе частей, при чемъ каждый кусокъ впоследствии превращается въ новую звѣзду. Мало того, каждый изъ отпавшихъ 5 или 6 лучей астеріи можетъ при своемъ основаніи на мѣстѣ излома воспроизводить новый кружокъ, другими словами новое тѣло, и на немъ послѣ того вырастаютъ всѣ остальные лучи или руки, какъ ихъ называютъ иначе. До какой степени обычно это самоломаніе показываетъ тотъ фактъ, что среди нѣкоторыхъ

видовъ морскихъ звѣздъ очень трудно отыскать цѣльный экземпляръ съ одинаково развитыми руками. Достаточно схватить животное за лучъ, чтобы вызвать переломъ. По наблюденіямъ Прейера, звѣзда, подвѣшенная на крючкѣ такимъ образомъ, чтобы ея лучъ касался поверхности воды, отламываетъ отъ себя эту самую руку. Автотомія у морскихъ звѣздъ, повидимому, имѣетъ совершенно иное значеніе, нежели у животныхъ, упомянутыхъ раньше. Каждую морскую звѣзду можно разсматривать, какъ колонію, или ассоціацію животныхъ, состоящую изъ столькихъ особей, сколько имѣется лучей. Поэтому отпаданіе кусковъ есть ничто иное, какъ распаденіе колоніи. Такъ какъ отвалившаяся часть можетъ дать начало новой цѣльной колоніи, то автотомія у морскихъ звѣздъ есть не богѣе, какъ очень распространенный среди низшихъ животныхъ способъ размноженія дѣленіемъ. Иной характеръ носитъ это явленіе у голотурій.

Нѣкоторые представители этихъ иглокожихъ, въ особенности члены семейства щитоногихъ (*Aspidochirota*), имѣютъ обыкновеніе наполнять свою кишку иломъ или пескомъ. Если такую голотурію взять въ руки, она быстро выворачиваетъ свою кишку наизнанку, затѣмъ, отбрасываетъ ее прочь сзади себя, при чемъ кишка отдѣляется спереди недалеко отъ известковаго кольца, обхватывающаго глотку, а сзади близъ выходного отверстія. Надо думать, что потерянная часть тѣла можетъ отростать снова. По всей вѣроятности, голотурія выбрасываетъ пищеварительный аппаратъ именно при покушеніи на ея жизнь со стороны рыбъ, раковъ и другихъ животныхъ. «На, дескать, тебѣ и отвязись», и навѣрно, врагъ довольствуется кишкой, потому, во-первыхъ, что онъ получилъ кое-что, а во-вторыхъ, муть, которую производитъ выброшенный илъ, скрываетъ голотурію, поэтому хищникъ, не видя ея, воображаетъ, что съѣлъ ее всю, и уходитъ дальше, а кишка отростаетъ въ послѣдствіи за-ново.

Проф. А. М. Никольскій.

ДВА БРАТА.

РАЗСКАЗЪ ЕЛИЗЫ ОРЖЕШКО.

Блаженны кроткіе; ибо они наследуютъ землю.
(Еванг. отъ Матеея. Гл. 8).

I.

Въ старомъ, довольно помѣстительномъ деревянномъ домѣ, въ небольшой, незатѣйливо мебелированной столовой, вокругъ стола, сервированнаго скромно, но прилично, сидѣло нѣсколько чело-вѣкъ. Хозяйка дома сидѣла между подроставшею дочерью и се-строю Розаліей Ирской, а напротивъ нея—ея мужъ и маленькій сынъ. Розалія, хотя и достигшая почти сорокалѣтняго возраста, была еще хороша собою, но имѣла видъ тучи. Бываютъ разныя тучи, производящія каждая порознь особаго рода впечатлѣнія. Эта—не предвѣщала ничего грознаго, проходила скоро, но приносила съ собою унылый, наводящій скуку дождь, каждая капля котораго пронизывала тѣло, словно иголка. Несмотря на это, Розалія, не-сомнѣнно красивая, не была ни глупой, ни пошлой. Ея стройная фигура, ея манеры и темный скромный туалетъ, свидѣтельство-вали объ утонченномъ вкусѣ; выраженіе лица ея было мыслящее и благородное; только въ эту минуту на лбу этого лица прорѣ-зывалась поперегъ морщина, черныя брови были сдвинуты и ротъ изображалъ искривленную линію. Во всѣхъ этихъ примѣтахъ не выражалось ни злости, ни грусти, но дурное расположеніе духа. Въ такомъ состояніи она впадала то въ глубокое молчаніе, то представляла надменную богиню, то—осу, направляющую свое жало во всѣ стороны. Этотъ ея угрюмый видъ отражался на всѣхъ, окружающихъ. Желтоватый цвѣтъ ея красиваго лица, отгнѣненный черными волосами, худыя, длинныя и нѣжныя руки, свидѣтельство-вали о слабости здоровья, надорванномъ хроническою болѣзнью, хотя и неимѣвшею въ себѣ ничего опаснаго въ настоящемъ, но обещаю-щую быть продолжительною и томительною.

Сабина Горничъ представляла по натурѣ совершенную противоположность сестрѣ. Небольшая и худенькая, она походила на ласковую, пугливую курочку, изнуренную заботами. Ея бѣлое и розовое личико было одно изъ тѣхъ, которыя у молодыхъ дѣвушекъ похожи на полевыя розы, но отцвѣтшія напоминаютъ помятыя, простыя картинки. Еще кое-какую красоту сохранили ея глаза съ ласковымъ пріятнымъ выраженіемъ, съ примѣсью нѣкотораго замѣшательства и страха, всякій разъ, когда ей приходилось бросить взглядъ на сестру или на мужа. Видно было, что эти два мрачныя существа, непріятно на нея дѣйствовали, и, несмотря на искреннее желаніе уничтожить въ себѣ это чувство, она была не въ силахъ превозмочь его. Зенонъ Горничъ былъ также угрюмъ, какъ и Розалія, но его состояніе духа было иное. Въ ней проглядывали мрачность и презрѣніе, въ немъ же — грусть и равнодушіе, что отражалось на его молодомъ, но уже старѣющемся лицѣ — ему было сорокъ четыре года — и во множествѣ морщинъ на лбу, возлѣ глазъ и рта. Въ этихъ морщинахъ не выражалось ни раздражительности, ни злости; онѣ говорили скорѣе о долгихъ и невеселыхъ думахъ. Можно было предположить, что онъ молчаливъ, такъ какъ люди словоохотливые совершенно не походятъ по своему виѣшнему виду на молчаливыхъ. Душу молчаливаго человека, углубившагося въ себя, можно постигнуть по его глазамъ. Въ темныхъ зрачкахъ Горнича, становившихся часто неподвижными, проглядывала мыслящая и страждущая душа, которая никогда не открывала ни своихъ думъ, ни своихъ страданій. Но она не была способна уберечься отъ близкихъ, окружающихъ взглядовъ, его черты лица, осанка и движенія выдавали натуру простую, открытую и возбуждавшую довѣріе. Одежда его изъ сѣраго деревенскаго сукна отличалась простотою, въ которой онъ казался сильнымъ и изящнымъ, несмотря на грубое качество матеріала. Онъ обладалъ когда-то красотою, и слѣды послѣдней еще сохранились. Но онъ преждевременно постарѣлъ. Въ первой половинѣятаго десятка, его лицо было уже морщинисто, осанка его сутуловата и значительная сѣдина пробивалась среди темныхъ волосъ на головѣ и въ коротко остриженной бородѣ. Отъ молодости остались — правильныя черты, красивые глаза и загорѣлый отъ солнца и вѣтра здоровый цвѣтъ лица.

Четырнадцатилѣтняя дѣвочка, довольно хорошенькое созданіе, похожая на мать, бѣлая и румяная, и девятилѣтній мальчикъ съ живыми глазами, соскучившіеся отъ царившаго за столомъ молчанія, по временамъ вертѣлись на стульяхъ и изрѣдка перешептывались. Розалія строго обратилась къ мальчику:

— Сиди спокойно за столомъ, Казя, иначе я возьму тебя за руку и выведу изъ столовой.

Между тѣмъ въ поступкахъ Кази ничего дурного и неприличнаго не было. Онъ что-то съ жаромъ нашептывалъ сестрѣ, которая слушала его, улыбаясь. Розалія, переводя свой взглядъ съ брата на сестру, опять замѣтила:

— Есть лица, которыя приводятъ меня въ изумленіе своею вѣчною улыбкою. Какъ можно постоянно смѣяться?

Матери было больно слушать колкости, направленные противъ дѣтей.

— Милая Розочка, если твои слова касаются Анельки, то это присуще ея возрасту...

— Развѣ я говорила объ Анелькѣ? Неужели нельзя выражать своихъ взглядовъ, не касаясь личности? Впрочемъ, бываютъ разные вкусы. Насколько вѣчно улыбающіяся лица приводятъ меня въ изумленіе, настолько же и манера ѣсть скоро и жадно возбуждаетъ во мнѣ омерзеніе. Въ этомъ есть что-то животное.

Это относилось къ Горничу, который, послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ полѣ и хлѣбномъ амбарѣ, въ эту минуту съ аппетитомъ ѣлъ не особенно изысканно приготовленные зразы. На розовомъ и поблекшемъ лицѣ Сабины досада отразилась еще сильнѣе. Она легче переносила злобу своей сестры по отношенію къ своимъ дѣтямъ, нежели къ мужу, такъ какъ дѣти, обязанныя ей многимъ, могли переносить отъ нея и непріятности. Она съ ними занималась усидчиво и съ полнымъ знаніемъ дѣла, а въ минуту хорошаго расположенія духа, была къ нимъ добра и внимательна. Розалія бывала добра и къ Горничу, но когда она относилась къ нему съ отгѣнкомъ злобы, это сильно мучило Сабину. Она приготовилась, было, что-то возразить, но, взглянувъ на сестру, струсила и ничего не сказала, а черезъ минуту попробовала разсѣять эту тяжелую семейную атмосферу.

— Удивительно, — начала она, — какъ сухо сегодня въ саду, отъ вчерашняго дождя и слѣдъ простыль.

Голосъ ея немного дрожалъ; съ отгѣнкомъ невыразимаго неудовольствія смотрѣла она на руки своей сестры, которая съ разстановкою и осторожностью рѣзала, отдѣляя и разрыхляя на тарелкѣ мясо и неторопливо кладя въ ротъ маленькіе кусочки. Такая ѣда, съ замѣчательною разстановкою, была нагляднымъ урокомъ, даваемымъ тому, кто скоро ѣлъ, именно Горничу, который, между тѣмъ, не пользовался имъ и смотрѣлъ въ тарелку.

— Вы были въ березовой аллеѣ? Тамъ еще совершенно сыро, — пріятнымъ голосомъ зашебетала Анелька.

— А у флигеля еще такъ много воды во рву, что мы пускали съ Михасемъ лодочки изъ пробок!—закричалъ Казя, сливая свой тоненькій пронзительный голосокъ съ звучнымъ голосомъ сестры.

Розалія при этомъ подняла обѣ руки къ ушамъ. Она ничего не сказала, но въ продолженіи цѣлой минуты зажимала руками уши. Дѣти замолчали. Голубые глаза Сабины какъ бы потускнѣли. Горничъ обратился къ женѣ:

— Пожалуйста, Сабина, дай миѣ соли.

Это были первыя слова, которыя онъ произнесъ съ начала обѣда. Посыпая солью картофель и зразы, онъ думалъ:

— Родственное общество усѣлось за столъ и въ хорошемъ расположеніи духа дѣлится хлѣбомъ, заработаннымъ общими силами. Что хлѣбъ, заработанъ общими силами, это—правда, но хорошаго расположенія духа нѣтъ. Отчего она такъ угрюма? Какая тому причина? Да, причина есть, но только невидимая, такъ какъ она находится въ селезенкѣ или же въ желудкѣ. Характеръ человѣка зависитъ отъ его желудка. Вчера этотъ желудокъ былъ хорошъ, и онъ былъ добръ, сегодня онъ разстроенъ, и человѣкъ золь. Такимъ образомъ, каждый человѣкъ находится въ зависимости не только отъ своего желудка, но и отъ всѣхъ окружающихъ его желудковъ. Чтобы знать, какой день его ожидаетъ, человѣкъ долженъ говорить къ окружающимъ вмѣсто: добрый день!.. «Какъ вы поживаете, всепресвѣтлѣйшіе желудки?..»

Горничъ взглянулъ на мальчика-подростка, который прислуживалъ за столомъ и лицо котораго было какъ бы артистически та-туировано сажею и пылью.

— Филиппъ,—сказалъ онъ,—ты совершенно похожъ на трубочиста. Какъ давно я тебя приучаю къ чистотѣ, а ты до сихъ поръ не привыкъ къ ней.

Онъ сказалъ это довольно мягко и затѣмъ подумалъ:

— Почти шесть лѣтъ онъ воспитывается у меня, выучился читать и писать, а ежедневно умывать лицо и руки никакая человѣческая сила научить его не можетъ. Обстоятельство малозначущее, но оно вызываетъ чувство омерзения. Жизнь складывается изъ большихъ и малыхъ омерзений...

Розалія хранила глубокое молчаніе и блюдо съ блинчиками отодвинула съ отвращеніемъ въ ту самую минуту, когда Горничъ дѣлалъ маленькому лакею выговоръ за его грязное лицо и руки. Сабина, все еще надѣясь прояснить семейную атмосферу, обратилась къ мужу:

— Любопытно, что подѣлываетъ въ настоящее время нашъ Винцюсъ?

*

Это былъ ихъ шестнадцатилѣтній сынъ, который съ недѣлю тому назадъ, по окончаніи вакаціоннаго времени, уѣхалъ обратно учиться.

— Вѣроятно, онъ въ это время въ гимназіи, такъ какъ теперь два часа, а у нихъ въ гимназіи уроки кончаются въ три,— быстро проговорила Анелька.

Воспоминаніе о сынѣ усугубило морщины на лбу Горничя. Этотъ ребенокъ ему стоилъ тяжелыхъ заботъ. Но зато на лицѣ Розаліи это воспоминаніе отразилось подобно маленькому лучу солнца среди густой тучи. Спокойно и ни на кого не глядя, она проговорила:

— Я писала сегодня къ Винцюсу, такъ какъ до сихъ поръ еще ему никто не писалъ.

— Не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ уѣхалъ, — сказала, какъ бы оправдываясь, Сабина.

Розалія, будто не слыша голоса сестры, продолжала:

— Я писала, чтобы онъ взялъ у Роговскаго часть моихъ процентовъ и спилъ себѣ мундиръ.

Горничъ въ первый разъ съ нѣкоторою оживленностью проговорилъ:

— Напрасно ты это сдѣлала. Его мундиръ прослужилъ бы ему вполне еще годъ. У Винцюся большія наклонности къ франтовству и всякаго рода желанія показать себя...

Розалія, поднявъ голову, возразила сухо:

— Невозможно, чтобы всѣ были склонны быть байбаками и грѣться на печи.

Сабина сидѣла какъ на раскаленныхъ угольяхъ.

— Розочка,—прервала она ласково,—вѣдь ты сама часто говорила: дурно, если мальчикъ приучится къ барскимъ привычкамъ...

Глаза Розаліи, изъ подъ сдвинутыхъ черныхъ бровей, устремлены были на сѣрый сюртукъ Горничя.

— Нѣтъ необходимости впадать въ крайности, — начала она тономъ сухимъ и наставническимъ,—излишняя изысканность вредна, но не хорошо и опускаться, не занимаясь собою. Изъ двухъ золъ я бы выбрала первое.

Обѣдъ окончился. Сабина встала изъ-за стола. Розалія подала кончики пальцевъ сестрѣ и, какъ бы не замѣчая Горничя, быстро удалилась. Слышно было, какъ она со стукомъ затворила за собою двери своей комнаты. Въ тѣ дни, когда Розалія бывала въ хорошемъ расположеніи духа, она послѣ обѣда отправлялась въ гостиную, играла на фортепіано, разговаривала, иногда даже

играла съ дѣтьми, учила ихъ танцовать, играла съ племянницей въ четыре руки. Но сегодня она была не въ духѣ, и потому, не сказавъ ни слова, быстро встала изъ-за стола, повернулась ко всѣмъ спиною, ушла въ свою комнату и заперлась тамъ. Дѣти побѣжали въ садъ. Сабина подошла къ мужу, который задумчиво смотрѣлъ черезъ окно въ садъ, получавшій уже осенній колоритъ и освѣщаемый блѣдными лучами сентябрьскаго солнца. Она взяла его подъ руку, поднявъ и приблизивъ къ его лицу свои ласковые и озабоченные глаза еще болѣе, чѣмъ обыкновенно она это дѣлала, и боязливо проговорила:

— Мой Зенку, какъ мнѣ больно видѣть Розу сегодня опять такую же...

А онъ, глядя на группы деревьевъ, листья которыхъ осень разукрасила въ разные цвѣта, думалъ про себя:

— Если бы я былъ тѣмъ, чѣмъ предполагалъ быть, и чѣмъ былъ уже отчасти, я тогда нарисовалъ бы эту группу деревьевъ.

Женѣ же онъ отвѣтилъ:

— Не обращай на это вниманія, такъ же, какъ и я; объ этомъ не стоитъ думать...

Говоря это, онъ думалъ другое:

— Я лгу, эти мелкія неприятности жизни меня страшно раздражаютъ.

Она продолжала говорить голосомъ, еще болѣе тонкимъ:

— Это ты переносишь изъ-за меня, потому что она мнѣ сестра; но что же я могу сдѣлать?

— Конечно, что же ты можешь сдѣлать? Въ этомъ случаѣ нѣтъ исхода!

Подобный разговоръ бывалъ между ними по крайней мѣрѣ разъ двадцать въ году, и всякій разъ онъ повторялся, когда Розалія начинала нарушать семейное спокойствіе. Горничъ въ это время думалъ:

— Та съ дѣтства такъ импонировала, ей своимъ высокимъ развитіемъ и капризнымъ характеромъ, что лишила ее всякой способности оказывать ей малѣйшее сопротивленіе. Оса и цыпленокъ!— А цыпленокъ, очень озабоченный и пискливый, говорилъ ему съ боку:

— Она удивительная... Бываетъ, она идетъ спать въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, задумчивая, кроткая, милая, а на другой день встаетъ такая, какою она сегодня... Каждый разъ я ломаю голову, стараюсь найти причину этой перемѣны, и не могу найти ее.

Онъ, смотря на другую группу деревьевъ, разукрашенныхъ совершенно въ другіе цвѣта, говорилъ улыбаясь:

— Дорогая моя, все измѣнчиво, это общій законъ. Нѣтъ ничего постояннаго. Все переходитъ въ разныя формы и всякій разъ другія, которыя проходятъ, какъ облака. Чувство человѣка подчинено тому же закону. Оно проявляется, развивается, расцвѣтаетъ, увядаетъ, и послѣ всего остается пустой стебель, иногда съ плодомъ, обросшимъ шипами.

Сказавъ это, онъ подумалъ:

— Зачѣмъ я все это нагородилъ?

Она терпѣливо слушала его, но нѣсколько разъ отвлеклась мыслью, при видѣ служанки, шедшей съ корзиною въ садъ за овощами, и думала: «Какъ бы она не помяла петрушки, срывая салатъ», а послѣ этого, видя индюшку, ведущую индюшакъ въ густую клумбу, подумала про себя: «вѣроятно, запримѣтила гдѣ-нибудь ястреба». Когда Горничъ пересталъ говорить, она прижалась къ нему сильнѣе и сказала:

— Это правда, Зеню, но все, что ты говорилъ, не имѣетъ ничего общаго съ Розой...

Онъ улыбнулся, а она продолжала:

— Ты знаешь, она, въ сущности, очень привязана къ намъ и къ дѣтямъ; во многихъ случаяхъ она доказала свое самопожертвованіе, и мы ей многимъ обязаны за воспитаніе дѣтей, въ особенности Анельки...

— Конечно,—быстро согласился Горничъ,—я все это знаю и уважаю качества твоей сестры; что же касается ея капризовъ, то они не доставляютъ мнѣ неприятностей...

Одновременно онъ думалъ:

— Я лгу! Доставляютъ, даже заставляютъ краснѣть отъ стыда и досады, какъ и всѣ мелочи и пустяки...

Значительно успокоенная Сабина, говорила съ чувствомъ восхищенія:

— Ты, Зеню, одинъ изъ лучшихъ, снисходительнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей.

Ему стало жаль этой женщины, прижимавшейся къ его плечу. Онъ наклонился и поцаловалъ ее сначала въ лобъ, а потомъ въ голубой глазъ, вѣко котораго, уже пожелтѣвшее и сморщенное, закрылось подъ его губами.

На ея лицѣ разлилось выраженіе успокоенія.

Значитъ онъ не сердился! Капризы Розы не доставили ему неприятности. Ахъ, какъ это хорошо! Но успокоенная этимъ, она была озабочена еще болѣе петрушкой, которую могла помять служанка, срывая салатъ. Онъ опять сталъ смотрѣть на оттѣненные въ саду деревья и хотѣлъ, было, сказать: «Посмотри, какъ эта

серебристая верба пластично выдѣляется на фонѣ покраснѣвшихъ каштановъ!»—Но ничего не сказалъ. Зачѣмъ?—думалъ онъ. Въ первые годы ихъ сожителства онъ пробовалъ дѣлиться съ нею впечатлѣніями художественной красоты природы, но это ея не интересовало. Она попросту въ этомъ ничего не видѣла. Теперь она начала у него выпытывать, чего бы онъ охотнѣе поѣлъ за ужиномъ.

Ему это было безразлично, но она настаивала, и онъ называлъ ей первое пришедшее ему въ голову кушанье, и она, побрякивая ключами, выбѣжала изъ комнаты. Она бѣжала рѣзвымъ и мелкимъ шагомъ, напоминавшимъ что-то птичье. Горничъ смотрѣлъ за бѣжавшею женою и думалъ, что это женщина безусловно добрая, и что ея доброта вовсе не заслуживаетъ названія овечьей. Напротивъ, Сабина, будучи весьма ласковою, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельна, трудолюбива и чрезвычайно заботится о семейныхъ нуждахъ. Поэтому, онъ искренне уважаетъ ее и очень къ ней привязанъ. Но что же изъ этого? Отчего нѣсколько минутъ передъ этимъ, когда она тревожно и съ чувствомъ прижималась къ нему, онъ не прижалъ ее сильнѣе къ своей груди, а только поцаловалъ ее въ глазъ съ такимъ чувствомъ, точно этотъ глазъ былъ нарисованной арабеской на стѣнѣ? Отчего онъ ей не сказалъ всего, о чемъ думалъ все время въ ея присутствіи? Отчего? Во-первыхъ, потому, что посмѣялся бы самъ надъ собою, если бы возымѣлъ желаніе еще разъ подѣлиться съ нею своими мыслями и впечатлѣніями. Во-вторыхъ — ему снова припомнился пустой стебель, обросшій шипами. На этомъ стеблѣ, который они оба держали, не было шиповъ, благодаря ея добротѣ и его благородству. Но не было на немъ и цвѣтовъ, которые недолго просуществовали и лепестки которыхъ давно опали. Все счастье заключалось въ томъ, что она не чувствовала никакой потребности жаловаться на что-либо, или проявлять какія-либо желанья. У нея лимфатическій характеръ и нѣтъ склонности къ мечтательности. Правда, она еще довольно молода, моложе мужа лѣтъ на восемь, но для такихъ женщинъ, какъ она, пустой стебель удовлетворяетъ счастью, въ особенности, если у него нѣтъ шиповъ. Онъ же—дѣло другое. Его это удовлетворить не можетъ. Но это касается только его. Объ этомъ никто не услышитъ и никто не узнаетъ, тѣмъ болѣе не проявится это въ какомъ-либо дѣйстви... такъ какъ есть разница между счастьемъ и долгомъ. Первое—мечта, составляющая человѣческую природу и присущая ей неизвѣстно для какой цѣли, разъ она не осуществима; второе—дѣйствительность, такъ какъ человѣкъ чувствуетъ присутствіе его въ самомъ себѣ.

Впрочемъ, это вопросъ, сложный. Горничъ не въ состояніи увлечь женщину не существующимъ уже ароматомъ цвѣтка, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далекъ отъ того, чтобы отравлять ей чѣмъ-либо жизнь. Это доказано и испытано. А тѣ чувства, ягучія, съ примѣсью горечи, которыя при этомъ испытываются имъ, составляютъ его тайну, совмѣстно со всѣмъ, что въ немъ кроется. Это, конечно, составляетъ источникъ лжи и нравственныхъ мученій.

Думая такимъ образомъ, онъ шелъ черезъ дворъ къ житницѣ, откуда доносился шумъ дѣйствовавшей тамъ молотилки. Проходя мимо забора сада, онъ увидѣлъ дѣтей, игравшихъ на лужайкѣ. Анелька, Казя и маленькій сынъ садовника бросали мячъ, ловили его, или же догоняли его по травѣ. Осеннее солнце и деревья, окрашенныя осенью въ разные цвѣта, представляли весьма привлекательной видъ. Онъ остановился и смотрѣлъ. Мысленно онъ сравнивалъ садъ съ тѣмъ, каковъ онъ былъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ то время, возвратившись изъ Мюнхена и отказавшись навсегда отъ артистической карьеры, онъ приобрѣлъ этотъ уголокъ земли, гдѣ росла сорная трава и торчали забытыя всѣми и словно умирающія деревья. Эти красивые кустарники, небольшія, но полныя свѣжести лужайки, фруктовый плодородный садъ,—все это дѣло рукъ его, созданное незначительною затратою денегъ и упорнымъ личнымъ трудомъ. Вмѣсто того, чтобы воспроизвести картину на полотнѣ, онъ ее воспроизвелъ на участкѣ земли. Эти воспоминанія разсѣяли нѣсколько тучу, омрачавшую почти постоянно его думы. Въ эту минуту отворилось одно изъ оконъ, выходившихъ въ садъ, и послышался рѣзкій женскій голосъ:

— Анелька! Иди учиться!

Туча, давившая мозгъ Горнича, снова сгустилась. Онъ былъ очень благодаренъ Розаліи за образованіе дѣтей; это освобождало отъ многихъ заботъ и денежныхъ расходовъ, но эта важная услуга, сопровождаемая спорами и угрюмымъ настроеніемъ духа, тяготила его. Благодарность была бы для него самымъ отраднымъ чувствомъ, если бы это добро выполнялось добродушнѣе, но Розалія обладала способностью дѣлать добро съ примѣсью зла. Весьма часто занимаясь съ дѣтьми, она старалась представить изъ себя мученицу, посвящающую себя сестрѣ, гораздо ниже стоящей ее, и любимому ею Горничу. Правда, случалось, что дѣлаемая ею услуга проявлялась и въ пріятныхъ формахъ, но воспоминаніе о непріятныхъ минутахъ, отравляли впечатлѣнія хорошихъ. Все это вызывало хотя мелкое, но назойливое мученіе. Жизнь полна мелкихъ мученій, къ которымъ примѣшиваются иногда и большія, какъ камни въ наполненномъ щелбемъ возу...

Въ житницѣ шла спѣшная молотьба; хлѣбъ надо было отправлять недѣли черезъ двѣ въ городъ. Онъ былъ уже почти проданъ, но нѣкоторые пункты запродажнаго условія не были еще выяснены, что воспрепятствовало совершенію окончательнаго договора. Это промедленіе доставляло Горничу много хлопотъ и безпокойствъ.

Много зависѣло отъ того, какъ и когда онъ продастъ хлѣбъ, такъ какъ ему необходимо было произвести нѣкоторые платежи и удовлетворить домашнія нужды.

Онъ имѣлъ доходы небольшие и долги не особенно тягостные; но съ послѣдними необходимо было обращаться съ осторожностью, чтобы ихъ не увеличить.

Прохаживаясь по житницѣ и разговаривая со старостой о качествахъ и вѣсѣ вымолоченнаго хлѣба, онъ думалъ о неуставленныхъ еще пунктахъ контракта. Какую можно было сдѣлать уступку купцу и какую нельзя? Что онъ скажетъ черезъ нѣсколько дней, когда купецъ пріѣдетъ за окончательнымъ рѣшеніемъ? Мысли эти прервалъ староста, старый, широкоплечій крестьянинъ, съ умными глазами, который, улыбаясь, съ нѣкоторою таинственностью и съ отгѣнкомъ ироніи, сказалъ:

— Знаете, баринъ, не сегодня — завтра Павелекъ насъ покинетъ?

Горничъ остановился, какъ вкопанный. Съ этимъ Павелкомъ произошло слѣдующее. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, вступивъ во владѣніе Заполянкою, Горничъ разсудилъ, что имѣніе было слишкомъ небольшое, а онъ молодъ, и не нуждается, при управленіи имъ, въ помощникѣ.

Бросая съ сожалѣніемъ въ то время свое любимое занятіе и отказываясь отъ него, онъ видѣлъ въ трудѣ единственное спасеніе. Собственно чтобы сохранить этотъ уголокъ земли, онъ и бросилъ свою начатую любимую карьеру. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ чувствовалъ необходимость въ личномъ трудѣ, а потому не взялъ и не нуждался въ помощи ни управляющаго, ни эконома. Помогали ему всегда въ хозяйствѣ только старый староста и молодые мальчики, которые отчасти находились у него на службѣ, отчасти занимались практически. По нѣскольку лѣтъ у него находились два такихъ мальчика, изъ которыхъ онъ образовалъ хорошихъ хозяевъ. Послѣ они обзавелись семьей и начали самостоятельно хозяйничать, взявъ въ аренду небольшія имѣнія. Третьимъ такимъ мальчикомъ былъ Павелекъ, котораго онъ, можетъ быть, любилъ болѣе тѣхъ двухъ, потому что сдѣлалъ для него болѣе добра. Онъ взялъ его къ себѣ ребенкомъ

изъ убогой дворянской семьи, вырвавъ его изъ ужасной нищеты. Мальчикъ, живя у него, выросъ здоровымъ, красивымъ юношей, и, получивъ элементарное образованіе, сдѣлался любимцемъ всей семьи. Даже Розалія относилась къ нему съ бѣльшимъ постоянствомъ, нежели къ другимъ. Былъ онъ ея ученикомъ почти все время его пребыванія въ домѣ. Онъ обыкновенно обѣдалъ вмѣстѣ съ семьей Горничя, и если его не было сегодня за столомъ, то только потому, что онъ отпросился уѣхать на нѣсколько часовъ по своимъ дѣламъ. Горничъ подумалъ, что онъ по всей вѣроятности влюбился, вскорѣ пожелаетъ жениться и, такъ же, какъ и первые двое, захочетъ завести свое собственное хозяйство.

Необходимо будетъ ему помочь такъ же, какъ онъ помогъ первымъ двумъ мальчикамъ. Съ четверть часа размышлялъ онъ надъ тѣмъ, въ какой формѣ можно будетъ оказать помощь, если бы пришлось предоставить Павелку хозяйничать на отцовской землѣ, или же на арендной. Поэтому, слова старосты его очень заинтересовали. Онъ остановился опять какъ вкопанный и съ улыбкою спросилъ:

— По всей вѣроятности онъ женится? Онъ признался тебѣ въ этомъ? Отчего же онъ мнѣ ничего не говорить?

Старикъ злобно усмѣхнулся.

— Куда ему жениться! Онъ хочетъ уѣхать въ тѣ имѣнія, которыми будетъ управлять панъ Горкевичъ... Кажется, они уже уговорились на счетъ жалованья и всего остального. Панъ Горкевичъ уже два мѣсяца уговариваетъ Павелка, онъ сегодня къ нему и поѣхалъ...

Кровь бросилась въ голову Горничу...

— Это неправда! Горкевичъ никуда не уѣзжаетъ; онъ мнѣ говорилъ съ недѣлю тому назадъ, что это все сплетни...

Староста расхохотался.

— Лгалъ онъ, баринъ, ей Богу, лгалъ, зная, что баринъ будетъ имъ за это недоволенъ; онъ уѣзжаетъ и уговариваетъ Павелка съ нимъ уѣхать...

Лобъ Горничя такъ наморщился, что на немъ не оставалось больше гладкаго мѣста. Горкевичъ былъ однимъ изъ его сосѣдей, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ; Павелка онъ считалъ своимъ воспитанникомъ и почти членомъ своей семьи. Первый лгалъ ему, а другой скрывалъ отъ него свои намѣренія въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Возможно ли?—подумалъ онъ, пожавъ плечами. — Все возможно, — рѣшилъ онъ. Но Горничъ горѣлъ нетерпѣніемъ узнать, правду ли говоритъ староста.

Въ это время, когда онъ выходилъ изъ житницы, въ ворота

двора въѣзжала бричка, запряженная парюю лошадей, и за нею ѣхалъ верхомъ на красивой лошади статный юноша. Обогнавъ бричку, онъ соскочилъ съ коня и, ведя его подъ узды, подошелъ къ Горничу. Молодой, красивый брюнетъ, съ живымъ лицомъ и смѣлымъ взглядомъ, снимая шапку, сказалъ:

— Не сердитесь, что я такъ долго былъ въ отсутствіи ..

Наклонившись, онъ поцѣловалъ опекуна и хозяина въ плечо. Этотъ поцѣлуй причинилъ физическую боль Горничу. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но бричка остановилась передъ домомъ и Горкевичъ, выскочивъ изъ нея, вошелъ на крыльцо. Онъ тогда быстро отвернулся отъ юноши и пошелъ къ дому. Спустя нѣсколько минутъ онъ былъ уже вдвоемъ съ гостемъ въ комнатѣ, которая называлась его кабинетомъ и была полна хозяйскихъ счетовъ, книгъ, чертежей, картинъ и артистическихъ принадлежностей, обветшалыхъ и запыленныхъ. Горкевичъ былъ красивый блондинъ, моложе Горнича, съ умнымъ и энергичнымъ выраженіемъ лица, но въ настоящую минуту нѣсколько смущеннымъ. Горничъ, безъ всякаго вступленія, прямо спросилъ его:

— Правда ли, Болеславъ, что ты уѣзжаешь?

Послѣ минуты непріятнаго молчанія, Горкевичъ началъ говорить съ оживленіемъ.

— Уѣзжаю, и ужъ не говори мнѣ ничего—напередъ знаю, что ты мнѣ скажешь. Прежде всего задашь вопросъ, почему съ недѣлю тому назадъ я тебѣ сказалъ, что не уѣзжаю? А вотъ, видишь ли, изъ-за глупаго стыда... Сколько разъ мы объ этомъ говорили, и не было у меня смѣлости, чтобы сказать. Впрочемъ, недѣлю тому назадъ это дѣло было еще верѣшенное, и только дня два, какъ я заключилъ окончательное условіе. Мое предположеніе могло не увѣнчаться успѣхомъ, и потому я не хотѣлъ, чтобы ты зналъ о моихъ намѣреніяхъ.

— То-есть, чтобы я считалъ тебя инымъ человекомъ, чѣмъ ты на самомъ дѣлѣ.

— Пусть это будетъ доказательствомъ, какъ я высоко цѣню твое уваженіе.

Горничъ съ сильнымъ блескомъ въ глазахъ спросилъ:

— Какое же ты будешь получать содержаніе?

— Пять тысячъ въ годъ.

— Какъ же высоко ты цѣнишь мое уваженіе, въ двѣ, три, или четыре тысячи? Во всякомъ случаѣ менѣе пяти!

Горкевичъ, покраснѣвъ, возразилъ:

— Ты черезчуръ смотришь пессимистично. Неоднократно я говорилъ тебѣ, что это особенная черта твоего характера, или же образа мысли...

— Это дѣйствительно особенная черта моего или характера, или образа мыслей, такъ какъ противорѣчіе дѣйствій съ убѣжденіями кажется мнѣ шуткою, надъ которою можно смѣяться до слезъ.

— Убѣжденія,—возразилъ Горкевичъ,—убѣжденія! Я имѣю ихъ такъ же, какъ я ихъ и имѣлъ. Но всегда человѣкъ останется человѣкомъ, и никакія убѣжденія не могутъ быть противовѣсомъ такому образу жизни, какой мы здѣсь ведемъ. Здѣсь собачья жизнь!

— Извини, пожалуйста,—съ живостью прервалъ Горничъ,—я согласенъ, что здѣсь собачья жизнь; но врядъ ли ты найдешь такую собаку, которая бросила бы своего хозяина ради куска мяса болѣе или менѣе жирнаго.

— А если бы она имѣла семью, которую необходимо прокормить и воспитать! У меня же есть жена и дѣти!

— Боже мой!—вскрикнулъ Горничъ,—вскорѣ дойдетъ до того, что имѣющіе жену и дѣтей будутъ имѣть право убивать людей ради пріобрѣтенія ихъ кошельковъ!

Горкевичъ съ разгоряченнымъ лицомъ остановился передъ со-сѣдомъ и сказалъ:

— Ты всегда мнѣ говоришь дерзости, которыхъ я бы не перенесъ, но отъ тебя сношу, такъ какъ мы были съ тобой пріятелями...

— Да, мы были пріятелями!—повторилъ Горничъ.

— И пріятельскія отношенія съ тобою помогали мнѣ перевоспитать хлопоты, скуку и всякаго рода лишенія этой собачьей жизни... Поэтому, не только я снесу все, что ты мнѣ наговорилъ, но даже готовъ просить у тебя извиненія—я уговорилъ Павелка, чтобы онъ туда со мною поѣхалъ...

— Очень естественно,—прибавилъ Горничъ,—вѣдь мы были пріятелями...

Горкевичъ, сохраняя хладнокровіе, продолжалъ:

— Такой благоразумный и подготовленный къ веденію хозяйства юноша будетъ мнѣ тамъ очень полезенъ...

— Онъ для меня былъ также полезенъ, и это очень любезно, что ты его соблазнилъ будущею карьерою; это вполне естественно! Онъ былъ моимъ воспитанникомъ, а ты почти пріятелемъ...

— Ты сегодня ядовитъ, но я не удивляюсь. При такомъ тяжеломъ положеніи, а въ особенности при ограниченномъ кругѣ отношеній и условій жизни, весьма возможно даже заживо сгнить. Что меня особенно соблазнило уѣхать такъ далеко отсюда, это то, что я буду въ состояніи дѣйствовать болѣе широко. Я вѣдь

агрономъ и моя страсть—вести большое хозяйство, но при дѣятельности въ моемъ небольшомъ имѣніи Залѣсно эта страсть была совершенно ограничена и подавлена. Тамъ же, на огромныхъ пространствахъ, еще почти дѣвственныхъ, я вздохну широкою грудью и найду возможность разойтись...

Горничъ немного остылъ отъ гнѣва и сидѣлъ весьма грустный, опуствя голову на руки.

— Широкая дѣятельность, вздохнуть широкою грудью,—проговорилъ онъ,—это приманка дѣйствительно сильная... Желаю тебѣ успѣха!

— Благодарю; извиняешь ли ты меня, что беру съ собою Павелка?

Горничъ спокойно отвѣтилъ:

— Себѣ только я этого не извиняю, такъ какъ, будучи старымъ воробьемъ, я позволилъ поймать себя на мякинѣ...

— Какая же это такая мякина?—спросилъ Горкевичъ.

— Твои убѣжденія и благодарность этого юноши, — сказалъ Горничъ.

У Горкевича заискрились глаза и, закусивши нижнюю губу, онъ схватилъ со стола свою шапку, проговоривъ:

— Я приѣду еще попрощаться съ тобою передъ отъѣздомъ. Сегодня я еще долженъ быть въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Горничъ всталъ и, кончиками пальцевъ едва дотронувшись руки Горкевича, спросилъ:

— А какая же будущность ожидаетъ имѣніе Залѣсно?

— Я его отдамъ въ аренду,—сказалъ Горкевичъ.

— И, вѣроятно, современемъ продашь?—спросилъ Горничъ.

— Никогда въ жизни! — съ увлеченіемъ проговорилъ Горкевичъ.

— Милый мой,—сказалъ Горничъ, — слова: *никогда* и *всегда* не должны произноситься человѣкомъ, который не желаетъ гдѣ передъ людьми и собою.

Спустя двѣ минуты, брчка Горкевича загремѣла по двору. Горничъ стоялъ у окна и, провожая взглядомъ отъѣзжающаго сосѣда, думалъ.

— Широкая дѣятельность, возможность дышать полною грудью, обезпеченная будущность дѣтей... Вѣроятно, при этомъ будетъ и толика удовольствій общественныхъ, и духовная сторона найдетъ себѣ удовлетвореніе... Все это онъ будетъ имѣть и за этимъ онъ погнался. Кто же изъ насъ уменъ, и кто глупъ?

Тѣмъ не менѣе, ему было жаль разстаться съ Горкевичемъ. Все, что ихъ связывало, не было, строго говоря, дружбой, но

лишь пріятельскими отношеніями. Горничъ никогда не повѣрялъ своихъ задушевныхъ мыслей Горкевичу, такъ какъ у него на душѣ таилось многое такое, что онъ могъ бы повѣрить только родному брату. Но на довольно обширномъ простраствѣ это былъ единственный человѣкъ, который находился на одномъ съ нимъ уровнѣ умственнаго развитія. Когда же его не станетъ, Горничъ окончательно сдѣлается нѣмъ. Бывало, во время длинныхъ осеннихъ и зимнихъ вечеровъ, Горкевичъ пріѣзжалъ къ нему не разъ въ Заполянку и они по цѣлымъ часамъ разговаривали о жизни, о литературѣ и разныхъ мірскихъ дѣлахъ. Всего этого не станетъ. Не станетъ и Павелка. Но все это будутъ вещи обыкновенныя и хорошо ему извѣстныя. Много разъ ему приходилось примѣчать безпрестанную и неизбѣжную перемѣну человѣческихъ привязанностей и привычекъ. При этомъ всякій разъ ему становилось грустно, хотя вся эта мірская измѣнчивость сдѣлалась для него будничною. Вчера было, сегодня уже нѣтъ; сегодня есть, завтра того же не станетъ; это старая и обыкновенная исторія. Но глубже и рѣзче отразилась на его тонкомъ чувствѣ причина, въ силу которой эти два человѣка должны были исчезнуть съ горизонта его жизни. Причиною этому была погоня, ни богѣ, ни менѣе, какъ за увеличеніемъ итога самыхъ разнообразныхъ удобствъ и удовольствій. Какъ можно богѣ доходовъ и карьера, но при этомъ никакихъ обязанностей и высшихъ стремленій. Это наводило его на рядъ размышленій и предположеній самыхъ безотрадныхъ, неимѣвшихъ прямой связи съ нимъ лично, но бывшихъ въ тѣсной связи съ его пессимистическимъ взглядомъ на жизнь и на разные мірскія дѣла.

Но въ этомъ-то и заключался обманъ. Горкевича онъ считалъ за человѣка, понимающаго цѣль жизни ради высокихъ обязанностей; Павелка онъ самъ этому наставлялъ и думалъ, что достигъ желаемаго. Но онъ ошибся, хотя и не вполне. Горкевичъ былъ дѣйствительно человѣкъ благородный и серьезный, а Павелекъ юноша хорошій и умѣющій цѣнить добро. Но только эти качества проявлялись въ нихъ въ извѣстной мѣрѣ и силѣ.

Въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ находилась натура его жены и ея сестры. Сабина была женщина честная и добрая, но ограниченная и слабая. Розалія же—образованная, но нестойкая, словно волна. И въ этомъ нѣтъ ничего утѣшительнаго; напротивъ, это было грустнымъ явленіемъ, ибо съ радостью онъ сказалъ бы самъ себѣ: это негодня и чертовки, или же это—герои и ангелы! Или же, по крайней мѣрѣ: поищемъ героевъ и ангеловъ!

Но такъ какъ все существующее на землѣ не есть безуслов-

ное зло, а равно и совершенство, то увѣренность въ дѣйствительности этого невольно погружаетъ умъ и сердце въ состояніе мучительной тоски.

При такихъ размышленіяхъ онъ слышалъ изъ сосѣднихъ комнатъ медкіе и скорые шаги, тихій попотъ и сдержанный смѣхъ. Все это было ему знакомо. Это Сабина прилагала всѣ старанія, разжалобить Розалію. Всякій разъ, когда старшая сестра превращалась въ осу, младшая старалась быть для нея медомъ. Сабина это дѣлала по добротѣ своего сердца, сочувствовавшего мрачному настроенію духа сестры, а болѣе всего изъ любви къ полному спокойствію. Авось разсѣется и перестанетъ нарушать домашнюю тишину. Но это не приводило ни къ какому результату и всегда та же исторія повторялась съизнова. Сабина не въ состояніи жить въ домашней бурной атмосферѣ, но при этомъ не понимала того, что только время и улучшенный процессъ пищеваренія могли бы возстановить непостоянный характеръ сестры. Хотя она очень хорошо знала, что мужъ ея находится одинъ въ своей комнатѣ, опечаленный всей исторіей съ Горкевичемъ и Павелкомъ, однако же она не пришла къ нему, а постоянно бѣгала къ Розаліи, желая ее задобрить. И это происходило отъ того, что не столько его, сколько Розаліи, она боялась какъ виновницы разныхъ семейныхъ недоразумѣній. Изъ этого можно бы было вывести заключеніе, что кто желаетъ испытать доброту людскую, долженъ прежде всего умѣть дѣлать зло.

Когда уже солнце клонилось къ западу и наступала пора ужина, къ комнату Горничя вошелъ [Филиппъ и, положивши на столъ письмо и журналы, тотчасъ ушелъ.

Горничъ вспомнилъ, что это былъ день, когда обыкновенно отправляли кого-либо на станцію желѣзной дороги за полученіемъ журналовъ и писемъ. Собственно говоря, посылали только за журналами, такъ какъ Горничъ съ семьей издавна вели такую отшельническую жизнь, что письма они получали весьма рѣдко. Но это письмо, которое онъ получилъ, отличалось, должно быть, чѣмъ-то особеннымъ по характеру написаннаго адреса, такъ какъ Горничъ, очень быстро разорвавъ конвертъ и прочитавъ первую страницу, съ оживленными глазами бросился къ дверямъ:

— Сабинка! Сабинка! Сабинка! — звалъ онъ жену необыкновенно громкимъ и радостнымъ голосомъ.

Въ это самое время Сабина, опершись локтями, стояла у стола, за которымъ сидѣла надутая и молчаливая Розалія съ опущенною надъ книгой головою. Услышавъ голосъ Горничя, онъ обѣ вздрог-

нуи; Розалія, громко зашипѣвъ, закрыла уши руками; Сабина же прибѣжала къ мужу съ испуганными глазами.

— Что? что? что такое случилось?—тревожно шептала она.

— Чего же ты испугалась, Сабинка, чего ты такъ испугалась? Ха, ха, ха!—говорилъ онъ, смѣясь,—дѣйствительно, что-то случилось, и случилось что-то очень хорошее, пріятное, почему я такъ и радуюсь! Приѣзжаетъ къ намъ Викторъ! Послушай, что онъ пишетъ!

И онъ прочиталъ короткое письмо своего брата.

«Любезный Зенку, восьмого сентября, во вторникъ, я къ вамъ приѣду. Будь такъ добръ, пришли за мной лошадей на станцію. Я ѣду за границу съ порученіемъ осмотрѣть во Франціи и въ Англіи новѣйшія системы винокурения и буду проѣзжать въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Заполянки. Горю желаніемъ увидѣть тебя, твою жену и вашихъ дѣтей. Вѣдь восемнадцать лѣтъ мы не видѣлись. Два дня пробуду у васъ. Передай мой нижайшій поклонъ твоей женѣ. Преданный тебѣ братъ, Викторъ».

Горничъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ тотчасъ же сообразить, когда будетъ этотъ вторникъ и восьмое сентября, но, наконецъ, рассчиталъ.

— Такъ это уже завтра,—сказалъ онъ и посмотрѣлъ на жену, при видѣ которой ему вдругъ немного взгрустнулось.

— Что съ тобою? Чего ты опять такъ испугалась?—спросилъ онъ ее съ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ голосѣ.

Сабина, съ испуганными глазами и сморщивъ лобъ, начала говорить тонкимъ голосомъ:

— Боже, Боже мой! что это будетъ? Я такъ рада, что Викторъ приѣдетъ, очень рада; вѣдь это твой братъ и я знаю, что вы другъ друга очень любили!.. Но онъ такой свѣтскій человѣкъ, такой баринъ... гдѣ мы его здѣсь помѣстимъ? Какъ мы его примемъ? Эта Маріанна хотя и хорошая кухарка, но весьма часто возьметъ да что-нибудь и испортить...

Ея безпокойный и разсѣянный взглядъ остановился на окнахъ

— Занавѣси грязныя!—простонала она, складывая свои небольшие руки, всегда красноватыя; онѣ у нея дрожали.

Въ эту самую минуту показалась въ открытыя двери Розалія. Когда Сабина бѣжала къ мужу, то оставила за собою все двери растворенными, такъ что ея сестра слышала ея разговоръ съ мужемъ и письмо, читанное имъ громко. Теперь же она стояла возлѣ нихъ съ сдвинутыми бровями и сухимъ, наставительнымъ голосомъ проговорила исключительно только къ сестрѣ:

— О чемъ тебѣ такъ хлопотать? Развѣ это приѣзжаетъ какой-

либо король? Вѣдь твой домъ не какая-нибудь сорная яма и въ продолженіи двухъ часовъ его возможно привести въ порядокъ. Что же касается Маріанны, то, конечно, ты съужишь ее досмотрѣть, зная хорошо поварское искусство...

Не обращая вниманія на рѣзкую форму обращенія своей сестры, Сабина хотѣла броситься ей на шею за то, что она первая заговорила съ ней, и за то, что вызвалась помочь ей въ ея тяжелыхъ заботахъ. Но Розалія въ это время вскочила на стулъ и, стоя у окна съ поднятыми руками и намѣреваясь снять занавѣси, проговорила:

— Позови мнѣ служанку, чтобы она мнѣ помогла вынести на дворъ занавѣси и стряхнуть съ нихъ пыль.

— Позволь мнѣ въ этомъ тебѣ помочь,—съ покорностью возразила Сабина.

Но Розалія отвѣтила ей тономъ, нетерпящимъ возраженій:

— Я сама это сдѣлаю, но только пришли мнѣ служанку!

Сабина выбѣжала еще болѣе мелкимъ и скорымъ шагомъ, чѣмъ обыкновенно; Горничъ схватилъ старую шляпу и тоже выбѣжалъ изъ дому. Онъ былъ теперь совершенно спокоенъ, что дорогой гость будетъ принятъ вполне прилично, такъ какъ это будетъ дѣло заботъ Розаліи. Но что, конечно, при этихъ приготовленіяхъ страдаетъ Сабина — это ужъ дѣло иное и неизбежное. Но можно было поручиться, что дѣло, за которое взялась Розалія, будетъ хорошо выполнено, а вмѣстѣ съ тѣмъ и семейная атмосфера на нѣкоторое время прояснится, такъ какъ неоднократно каждое новое обстоятельство, требующее труда, заботъ и даже самопожертвованія, совершенно перемѣняло дурное расположеніе духа Розаліи. Начинала она обыкновенно исполненіе своей обязанности въ формѣ весьма рѣзкой и деспотичной, но чѣмъ болѣе входила въ свою роль, тѣмъ болѣе воодушевлялась и становилась мягче и привѣтливѣе.

Дѣятельность физическая и нравственная, перемѣна занятій и впечатлѣній, были потребностью ея организма, который вообще, вслѣдствіе однообразія жизни и всего окружающаго, приходилъ въ упадокъ и хирѣлъ.

Обо всемъ этомъ думалъ вскользь Горничъ. Сердце его было переполнено радостью. Онъ не шелъ, а почти бѣжалъ по дорогѣ, ведущей среди скошеннаго поля къ небольшому возвышенію, покрытому сосновымъ лѣсомъ. Всякій разъ, когда онъ выходилъ изъ дому безъ цѣли, онъ обыкновенно шелъ въ этомъ направленіи, и это обратилось у него въ привычку, которой онъ теперь поддавался невольно, ибо и самъ не зналъ, куда онъ шелъ, погру-

женный въ мысли, занимавшія его всецѣло, о прїѣздѣ брата. Только тогда онъ замѣтилъ, гдѣ находится, когда очутился на скатѣ возвышенности, и, снявъ шляпу, охватилъ взглядомъ видъ мѣстности, которая была свидѣтелемъ самой важной минуты въ его жизни. Какъ у всѣхъ людей, склонныхъ къ грусти, недавно полученная и разчувствовавшая его вѣсть возбудила въ немъ еще съ большою силою страсть къ воспоминаніямъ. Вслѣдствіе этого, все то, что предшествовало этому рѣшительному шагу, сдѣланному восемнадцать лѣтъ тому назадъ, что вызвало этотъ рѣшительный шагъ, и что воспослѣдовало—все это ясно обрисовалось въ его памяти, назойливо и безпрепятственно вторгаясь въ его душу.

Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, онъ былъ въ Мюнхенѣ и получилъ отъ старшаго брата письмо, извѣщавшее его объ умирающемъ отцѣ. Въ то время ему было двадцать шесть лѣтъ и, окончивъ академію художествъ, онъ весь отдался изученію и работамъ по части живописи. Онъ сильно любилъ искусство и изучилъ его добросовѣстно, но увлеченіе его нѣсколько охлаждалось недовѣріемъ къ своимъ силамъ, а спокойное состояніе духа его было возбуждено обманутымъ чувствомъ. Его картины не имѣли успѣха; женщина, которую онъ обожалъ, упала низко, въ чемъ онъ не могъ сомнѣваться и о чемъ забыть ему было не такъ легко. Онъ чувствовалъ себя несчастнымъ въ то время, когда получилъ извѣстіе о приближающейся смерти отца.

Это было событіе для него неожиданное, близости и возможности котораго онъ не допускалъ. Съ быстротою птицы онъ полетѣлъ въ Заполянку, гдѣ не засталъ уже отца въ живыхъ; за нѣсколько дней до его прїѣзда прїѣхалъ также его братъ, случайно и проѣздомъ, на короткое время.

Тогда родился вопросъ у обоихъ братьевъ: что дѣлать съ Заполянкой? Когда они выбирали жизненную дорогу и родъ занятій, крѣпкій организмъ и хорошее здоровье отца, казалось, обѣщали ему долголѣтнюю жизнь, и оба брата избрали себѣ родъ занятій сообразно своимъ наклонностямъ и способностямъ; одинъ сдѣлался инженеромъ, другой—артистомъ. Теперь къ нимъ перешла по наслѣдству деревушка, съ которой они не знали, что дѣлать. Для Виктора оставаться въ ней было дѣломъ невысказаннымъ; Зенонъ также въ данную минуту не могъ объ этомъ думать.

По мнѣнію Виктора, отдача въ аренду земли могла довести до окончательной потери собственности, при чемъ это могло быть сопряжено съ неприятными и лишними хлопотами. Онъ настаивалъ

на продажѣ Заполянки съ тѣмъ, чтобы полученную сумму послѣ продажи раздѣлить между собою.

Зенонъ сразу согласился на предложеніе брата, но потомъ началъ колебаться и потребовалъ отложить разрѣшеніе этого вопроса; затѣмъ еще разъ согласился на намѣреніе брата и снова передумывалъ, медлилъ и находилъ его неудобнымъ. Между тѣмъ онъ ходилъ по полю, по лѣсу, осматривалъ усадьбу и домъ, припоминалъ давно минувшія обстоятельства, впечатлѣнія и личности. Посѣтилъ нѣсколькихъ помѣщиковъ по сосѣдству. Викторъ горѣлъ нетерпѣніемъ и настаивалъ на какомъ-нибудь рѣшеніи—онъ не имѣлъ времени долго ждать и хотѣлъ знать положительно, будетъ ли продано имѣніе, за какую сумму и когда онъ можетъ получить свою часть.

Въ одинъ изъ вечеровъ, осенью, какъ и теперь, Зенонъ очутился на томъ же склонѣ возвышенія съ сосновымъ лѣсомъ и точно также, какъ и сегодня, охватилъ взглядомъ видъ, представлявшійся съ этого мѣста. Онъ сидѣлъ на густомъ мху, опершись о пень срубленного дерева, среди завядшаго папоротника, можжевельника, который, высыхая, окрашивался въ красноватый цвѣтъ; за нимъ стояли темныя сосны и кое-гдѣ березы, листья которыхъ были точно позолоченныя; по обѣ стороны дороги среди поля, торчали стебли растений безъ цвѣтовъ и листьевъ, но обвѣшанные сѣмепами разной формы и величины, а вспаханныя поля, покрытыя желтымъ рѣпшцемъ, уходили вдаль, по взрытой землѣ, туда, далеко къ краю неба, усыянаго разноцвѣтными облаками. Вечерняя заря занялась. Ея красновато-желтый свѣтъ ложился на поля, подымаясь въ воздухъ надъ пашней, надъ небольшими лѣсами, разбросанными по холмамъ, надъ усадьбой Заполянки, которая со своими деревьями и трубами представляла деревенскую картину, нарисованную на золотисто-красномъ фонѣ.

На противоположной сторонѣ, подернутой туманомъ и синевою, расположена была крестьянская сѣрая деревня, откуда подымались къ небу струйки дыма.

Въ этой картинѣ природы проявлялась и вечерняя тишина, и осенняя грусть, въ ней было нѣчто рѣдкое по своей простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное. Зенонъ долго смотрѣлъ на небо и землю, погружая въ нихъ свой разумъ и душу; то ему казалось, что онъ ими дышитъ, то наоборотъ, что онъ ими поглощенъ.

Онъ почувствовалъ себя однимъ изъ атомовъ, составляющихъ эти облака, эту зорю, эти поля, изрытыя бороздами, эти сосны, словно запятнанныя желтымъ цвѣтомъ березъ и красноватымъ цвѣтомъ вересковъ.

*

Въ эту минуту чувство сродства со всѣмъ окружающимъ его, пробудившееся въ немъ со дня прїѣзда въ Заполянку, всецѣло охватило его. Слѣдствіемъ этого было то, что онъ остался въ Заполянкѣ. Если бы онъ всю силою молодости вѣрилъ въ себя и людей, можетъ быть, онъ и не поступилъ бы такъ, но чувствуя въ себѣ кое-какія способности, онъ уже не вѣрилъ въ ихъ силу— жизнь тронула его одною изъ язвительнѣйшихъ сторонъ своихъ— разочарованіемъ.

Онъ не могъ освободиться отъ совершившагося въ немъ нравственнаго переворота, и не вѣрилъ уже въ то, что могло что-либо существовать совершенное на землѣ, во всемъ, въ искусствѣ, въ славѣ, въ счастья. И тогда-то онъ заключилъ условіе съ братомъ и остался.

Съ тѣхъ поръ уплыло 18-ть лѣтъ. Но какъ они уплыли? Это только онъ одинъ зналъ и теперь объ этомъ узнаетъ его братъ, котораго онъ такъ давно не видѣлъ и представлялъ себѣ такимъ, какимъ онъ былъ въ дни молодости, казавшейся ему теперь сномъ, въ тѣ дни, когда жилось хорошо и когда онъ вѣрилъ во возможность хорошаго. Оба брата писали другъ другу очень рѣдко, иногда въ нѣсколько лѣтъ разъ и какъ одинъ, такъ и другой о смерти одного изъ нихъ могъ узнать только или изъ газетъ, или случайно, но Зенонъ не претендовалъ за это на Виктора. Мысль о немъ иногда лишь возбуждала въ немъ досаду; ему бывало тяжело на душѣ... Всѣ эти думы выражались у него въ двухъ словахъ: «Разлука и забвеніе—синонимы».

Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что братъ его гораздо лучше другихъ людей, прежде всего потому, что онъ ему ближе всѣхъ. Въ сравненіи съ нимъ, ему даже жена казалась болѣе чуждою— онъ узналъ ее и женился на ней въ довольно отдаленныхъ мѣстахъ, она не вѣдала, при какихъ обстоятельствахъ онъ провелъ свое дѣтство и свою молодость. Теперь только онъ увидитъ человѣка, который такъ же, какъ и онъ самъ, зналъ его мать, плакалъ по отцѣ, человѣка, къ которому можетъ обратиться съ вопросомъ въ каждомъ уголкѣ Заполянки: Ты помнишь ли?.. Обоюдныя воспоминанія казались ему сильнымъ связующимъ звеномъ; онъ любилъ вспоминать пережитое... При этомъ, Боже мой, онъ въ состояніи будетъ провести два дня съ человѣкомъ, равнымъ ему по развитію, а можетъ быть, и болѣе высокимъ, посоветоваться съ нимъ о дѣлахъ личныхъ и обыкновенныхъ, наговориться о вещахъ отвлеченныхъ и возвышенныхъ, самыхъ существенныхъ для человѣка, о которыхъ вѣчно онъ только и думалъ, но думалъ въ одиночествѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ лѣтъ, онъ откроетъ хотя передъ

кѣмъ-нибудь всю свою душу и въ состояніи будетъ сказать ему: «Видишь ли, какъ я страдалъ и отъ чего отрекся, и чего совершить не былъ въ состояніи, чему я радовался и что у меня болить, что меня мучить и тревожить!»

Наконецъ, онъ вздохнетъ полною грудью при мощномъ и сочувствующемъ сердцѣ, которому въ состояніи будемъ не колеблясь и безъ угрызенія совѣсти повѣрить все, какъ братскому сердцу. У нихъ не было родства и даже никакихъ близкихъ родственниковъ; на всемъ свѣтѣ они другъ для друга были самыми близкими по крови, по душѣ и разуму, и Зенонъ Горничъ не забывалъ, какъ нужно держати себя съ людьми высшаго интеллектуальнаго и нравственнаго развитія, подобными брату.

Викторъ былъ человѣкъ весьма умный, чувствительный и добрый, что не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Что онъ по нѣскольку мѣсяцевъ, а потомъ по нѣскольку лѣтъ не отвѣчалъ на его письма и въ продолженіи 18-ти лѣтъ, ни разу не посѣтилъ Заполянки, что это могло доказывать? Только то, что онъ былъ поглощенъ тяжелымъ предпринятымъ трудомъ, вихремъ общественныхъ отношеній и, можетъ быть, домашними заботами, такъ какъ Викторъ былъ давно женатъ, имѣлъ дочь, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ овдовѣлъ, о чемъ писалъ ему въ короткомъ, но полномъ грусти письмѣ. Онъ также въ промежутокъ этого долгаго времени много претерпѣлъ. Такія мягкія сердца, какъ его, представляютъ весьма податливый матеріалъ для всякихъ уколовъ жизни. Викторъ же имѣлъ сердце мягкое. Зенонъ очень хорошо помнилъ печаль брата послѣ потери отца, и съ какою легкостью, по дружески онъ заключилъ съ нимъ условія по имѣнію. Въ настоящее время, при первой возможности, онъ приѣзжаетъ... Онъ человѣкъ добрый, чувствительный, умный и—братъ, родной братъ по крови и душѣ!

Зенонъ сидѣлъ на склонѣ возвышенія передъ любимымъ видомъ и попросту замечтался. Въ его воображеніи образъ брата, котораго онъ давно не видѣлъ, представлялся ему съ каждою минутою возвышеніемъ, прекрасіемъ и дороже... Эти два дня, которые онъ проведетъ съ нимъ, даже бросали лучи самой свѣтлой надежды на будущее. Теперь, когда опять они увидятся и, обоюдно напомнивъ о себѣ, чѣмъ они дѣйствительно другъ для друга, теперь они никогда уже болѣе не расстанутся на такое продолжительное время. Ихъ переписка будетъ оживленная; отъ времени до времени, каждый изъ нихъ, поочередно, поѣдетъ навѣстить другого, хотя бы при этомъ и [потребовалась нѣкоторая жертва. Теперь ужъ онъ, Зенонъ Горничъ, не будетъ одинокой и молча-

ливой душой, онъ изгонитъ изъ своего сердца тоску, которая издавна залегла въ немъ глубоко. Напротивъ того, уѣзжая къ брату, онъ соприкоснется съ широкою жизнью, онъ увидитъ и услышитъ на свѣтѣ то, чего онъ уже не надѣялся видѣть и слышать; онъ высвободится изъ застоя, повеселѣтъ .. оживетъ.

Онъ вскочилъ съ мѣста, на которомъ сидѣлъ, облокотившись о пень срубленнаго дерева, и бодрымъ шагомъ и съ веселымъ выраженіемъ лица направился домой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

(Продолженіе *).

Очеркъ третій. Государственный строй. (Войско, финансы, учреждения).

I.

Отношеніе между государственнымъ и социальнымъ строемъ у насъ и на западѣ.—Причины ранняго усиленія государства въ Россіи.—Военный характеръ Московскаго государства.—Связь между военными потребностями и возвышеніемъ военныхъ налоговъ въ 1490-хъ, 1550-хъ, 1620-хъ, 1680-хъ и 1700—20-хъ годахъ.— Военныя нужды и расходы послѣ Петра.—Пропорціональное значеніе военныхъ расходовъ въ бюджетѣ.— Другія государственныя потребности и соответствующія имъ статьи расходовъ.— Содержаніе двора.— Финансы и государственное хозяйство.— Незначительность расхода на выполненіе высшихъ государственныхъ задачъ.

Предъидущіе очерки познакомили насъ съ матеріаломъ, изъ котораго созидалось зданіе русской общественности. Теперь отъ матеріала намъ предстоитъ перейти къ самой постройкѣ. Стилль общественныхъ формъ, также какъ и архитектурныхъ, находится въ самой тѣсной зависимости отъ качества матеріала, употребленнаго въ дѣло. Зная первобытность основъ русской экономической жизни, мы уже не будемъ ожидать какой-либо сложности и законченности отъ русской общественной организаціи.

Первымъ послѣдствіемъ примитивности нашего стариннаго экономического строя является тотъ порядокъ, въ которомъ намъ придется вести дальнѣйшее изложеніе. Изучая культуру любого западно-европейскаго государства, мы должны были бы отъ экономического строя перейти сперва къ социальной структурѣ, а затѣмъ уже къ государственной организаціи. Относительно Россіи

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

удобнѣе будетъ принять обратный порядокъ, т.-е. съ развитіемъ государственности познакомиться раньше, чѣмъ съ развитіемъ соціального строя.

Дѣло въ томъ, что у насъ государство имѣло огромное вліяніе на общественную организацію, тогда какъ на Западѣ общественная организація обусловила государственный строй. Европейское общество строилось, такъ сказать, извнутри, органически, отъ низшихъ этажей къ высшимъ. Фундаментъ этой исторической постройки,—крестьянство,—сложился въ главныхъ чертахъ уже во время народныхъ переселеній VI—VIII столѣтія. Затѣмъ, на этомъ фундаментѣ надстроенъ былъ въ средніе вѣка второй этажъ—европейской феодальной аристократіи, сильной своимъ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Наконецъ, только къ новому времени, путемъ упорной борьбы съ этимъ вторымъ общественнымъ слоемъ, путемъ отдѣльныхъ мелкихъ побѣдъ надъ правами и привилегіями частныхъ лицъ, сословій, провинцій, выдвинулось сильное государство, постепенно и медленно расширявшее предѣлы своего вѣдѣнія. У насъ историческій процессъ шелъ какъ 'разъ обратнымъ порядкомъ,—сверху внизъ. Если оставимъ въ сторонѣ Кіевскую Русь, у которой были совсѣмъ другія условія историческаго развитія,—въ сѣверо-восточной Руси представитель государственной власти, князь былъ чуть ли не первымъ осѣдлымъ жителемъ государства. Вокругъ него все находилось въ движеніи, все населеніе приходило и уходило, не связывая себя съ государемъ-владѣльцемъ земли ничѣмъ, кромѣ чисто личнаго и срочнаго уговора. Среди этого «жидкаго элемента» нашей исторіи, какъ любилъ выражаться историкъ Соловьевъ, мало-по-малу выдѣляется небольшой кругъ личныхъ помощниковъ князя, его «вольныхъ слугъ», все еще могущихъ при случаѣ и уйти къ сосѣднему князю. Когда одинъ изъ князей, московскій, поглощаетъ остальныхъ, вольные слуги переходятъ къ нему на службу; кругъ этихъ «слугъ» княжескихъ расширяется, и русское служилое сословіе пріобрѣтаетъ постоянную осѣдность. Но и послѣ того, какъ кристаллизовался этотъ второй слой русскаго общества, фундаментъ подъ нимъ продолжаетъ колебаться; вольное крестьянство все еще бродитъ съ одной земли на другую, продолжая оставаться «жидкимъ элементомъ» русской исторіи. Только благодаря усиленнымъ совмѣстнымъ стараніямъ правительства и землевладѣльцевъ удается, наконецъ, привести и этотъ элементъ въ твердое, въ «крѣпостное» состояніе. Такимъ образомъ, у насъ государственная власть закрѣпляетъ подъ собою землевладѣльцевъ,—землевладѣльцы закрѣпляютъ подъ собою земледѣльцевъ. Этотъ-то способъ постройки надолго сохранилъ за

верхомъ русскаго общества, за правительственной властью, руководящую роль въ процессѣ историческаго домостроительства. Русскому государству не только не приходилось бороться съ правами и привилегіями частныхъ лицъ и общественныхъ группъ, но оно само, какъ еще увидимъ, старалось вызвать эти общественныя группы (къ существованію и дѣятельности, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться этой дѣятельностью для своихъ собственныхъ цѣлей. Только въ самое послѣднее время русскія общественныя группы стали проявлять признаки внутренней жизни и обнаруживать склонность къ самодѣятельности, и въ то же время стало слабѣть довѣріе къ нимъ центральной власти.

Почему же все это такъ вышло? Половину отвѣта мы можемъ почерпнуть изъ сказаннаго раньше. Русское государство оказалось сильнѣе общества потому, что развитіе матеріальныхъ интересовъ не успѣло еще сплотить общество въ прочныя общественныя группы, какія давно сложились на Западѣ подъ вліяніемъ ожесточенной экономической борьбы.

Но это только половина отвѣта. Низкій уровень экономическаго развитія достаточно объясняетъ слабость сословныхъ элементовъ древней Руси. Но самъ по себѣ онъ не можетъ объяснить намъ, почему надъ сословными элементами, раньше, чѣмъ они успѣли развиться, сложилось сильное государство. Это государство было, конечно, тоже продуктомъ той же экономической неразвитости, замѣной несуществовавшихъ элементовъ соціальной организаціи; но зачѣмъ понадобилась эта замѣна, при какихъ условіяхъ экономически неразвитая страна могла почувствовать потребность въ сильной общественной организаціи? Этихъ условій мы должны, очевидно, искать *внѣ* органическаго, внутренняго роста общественной жизни. Русская государственная организація сложилась раньше, чѣмъ могъ ее создать процессъ этого внутренняго роста самъ по себѣ. Она была вызвана къ жизни *внѣшними* потребностями, насущными и неотложными: потребностями самозащиты и самосохраненія. Матеріальныя средства государства, его экономическое развитіе такъ и остались незначительными; но государственныя потребности росли внѣ всякой пропорціи съ этими матеріальными средствами. Надо было защищать собственное существованіе: слѣдовательно, надо было найти для этого средства. Для *этого* надо было даже ихъ вызвать, создать, если ихъ не оказывалось на лицо; для этого приходилось, хотя бы искусственно, развивать общественную самодѣятельность. Такимъ образомъ, благодаря настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ и созда-

лось всемогущее государство на самой скудной матеріальной основѣ; вслѣдствіе самой этой скудости оно должно было напрягать всѣ силы своего населенія; а чтобы распоряжаться всѣми силами его, оно и должно было сдѣлаться всемогущимъ. Несомнѣнно, стало быть, что сильное русское государство было продуктомъ экономической неразвитости, но столь же несомнѣнно, что продуктъ этотъ могъ получиться только при наличности нѣкоторыхъ внѣшнихъ условий, существенно повліявшихъ на народную жизнь.

Что же это были за неотложныя надобности, заставившія сосредоточить всю власть и всѣ матеріальныя средства сѣверо-восточной Руси въ рукахъ великаго князя московскаго? Для отвѣта надобно только вспомнить историческія обстоятельства того времени, когда сформировалась эта московская диктатура, т. е. XIV—XV вѣковъ. Золотая орда, мирно уживавшаяся прежде, во времена своего могущества, съ своими данниками—русскими князьями, рѣшительно разлагалась съ половины XIV в.; на ея мѣстѣ возникли самостоятельныя татарскіе улусы: крымскій, нагайскій, казанскій. Слишкомъ слабые, чтобы удержать Русь въ прежней зависимости и заставить ее платить прежнюю дань, которая платилась въ Золотую Орду, эти новыя ханства были, однако, достаточно сильны, чтобы постоянно тревожить Русь своими набѣгами, опустошать, грабить и брать въ плѣнъ русское населеніе, подвергать опасности казну, а иногда даже и личность московскаго князя. Въ то же время съ запада надвигался все ближе и ближе литовскій сосѣдь, захватывавшій одно за другимъ бывшія русскія княжества и подошедшій, наконецъ, въ XV в. къ самой теперешней Московской губерніи (со стороны Смоленской и Калужской).

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, Москва становится съ конца XV вѣка настоящимъ военнымъ станомъ, главнымъ штабомъ арміи, опирающейся на русскій сѣверъ и дѣйствующей на три фланга—на югъ, на востокъ и на западъ. Московскіе князья поневолѣ отвлекаются отъ своихъ хозяйственныхъ заботъ и принимаются за устройство военнаго дѣла. Въ области внутренняго управленія ихъ интересы все болѣе и болѣе сводятся къ добыванію средствъ, необходимыхъ для содержанія войска. Войско и финансы,—вотъ два главные предмета,—или, скорѣе, двѣ разныя стороны одного и того же предмета,—всеплѣло поглощающіе съ этихъ поръ вниманіе московскаго правительства. Съ конца XV вѣка до времени Петра Россія пять разъ переживаетъ коренную ломку во всемъ строѣ своего государственнаго управленія: въ 1490-хъ, 1550-хъ, 1620-хъ, 1680-хъ и 1700—1720-хъ годахъ. И всякій разъ въ основѣ ломки лежитъ необходимость финансоваго переустрой-

ства; а необходимость финансового переустройства вызывается, въ свою очередь, новыми, болѣе дорогими, чѣмъ прежде, улучшениями въ технику военного дѣла.

Позднѣе, при характеристикѣ русскихъ учреждений, мы вернемся ко всѣмъ этимъ важнымъ моментамъ русской административной исторіи. Въ ближайшемъ отдѣлѣ мы познакомимся и съ существенными реформами въ области финансовой организаціи, произведенными въ каждый изъ перечисленныхъ моментовъ. Но на основной причинѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ въ административномъ и финансовомъ устройствѣ мы должны остановиться теперь же. Причиной этой служила, какъ мы уже сказали, необходимость въ періодическихъ усовершенствованіяхъ военной техники; а ближайшимъ послѣдствіемъ, вытекавшимъ изъ этой причины, было періодическое назначеніе новыхъ специально-военныхъ податей, становившихся все выше и тяжелѣе для народа съ каждой новой реформой.

Уже съ самаго начала систематической борьбы съ сосѣдями, со времени Ивана III, къ прежнимъ «вольнымъ слугамъ» или дѣтямъ боярскимъ, составлявшимъ старинный «дворъ» московскаго князя, прибавляются такіе же отряды изъ присоединенныхъ городовъ. Всѣ сколько-нибудь зажиточные мѣстные землевладѣльцы-вотчинники вербуются въ составъ «дѣтей боярскихъ». Казна начинаетъ усиленно раздавать казенныя земли подъ условіемъ службы (въ помѣстья), не стѣсняясь въ выборѣ «помѣщиковъ», давая землю даже холопамъ. Навербованный такимъ образомъ запасъ составляетъ дворянскую конницу—главную часть арміи древней Руси; отъ времени до времени запасъ этотъ провѣряютъ, составляютъ списки служилыхъ «дѣтей боярскихъ», помѣщиковъ и вотчинниковъ, и все строже начинаютъ опредѣлять ихъ служилыя обязанности. Но одной конницы недостаточно; въ войнахъ на западной границѣ москвичи давно уже встрѣчаются съ отрядами пѣхоты, вооруженной послѣдней европейской новинкой,—огнестрѣльнымъ оружіемъ. И вотъ на службѣ московскаго князя является небольшой отрядъ «пищальниковъ», переименовываемыхъ съ середины XVI в. въ «стрѣльцовъ». Этотъ отрядъ обходится уже значительно дороже дворянской конницы. Дворяне и дѣти боярскіе служатъ съ своихъ земель; небольшія денежныя приплаты они получаютъ только въ случаѣ дѣйствительной службы, т.-е. въ нѣсколько лѣтъ разъ. Напротивъ, наемной пѣхотѣ, специалистамъ ружейной стрѣльбы, приходится платить постоянное, ежегодное жалованье. Такимъ образомъ, военной службы натурой оказывается недостаточно; правительству становятся нужны деньги.

Съ конца XV вѣка, кромѣ старинной «дани» и переводившейся иногда на деньги ямской повинности, правительство не брало съплательщиковъ никакихъ постоянныхъ прямыхъ налоговъ. Съ увеличеніемъ войска значительнымъ отрядомъ пѣхоты, безъ постоянныхъ налоговъ обойтись было уже нельзя. Правительство Ивана IV создаетъ въ срединѣ XVI вѣка цѣлый рядъ специальныхъ военныхъ податей. На содержаніе «пищальниковъ» начинаютъ взиматься «пищальныя деньги»; на изготовленіе пороха для ружей—«емчужныя» (семитрянныя). Вмѣстѣ съ тѣмъ назначается особый налогъ на «городовое» и на «засѣчное дѣло», т. е. на постройку укрѣпленій и засѣкъ (наваленнаго гѣса) на южной границѣ. Наконецъ, издержки на выкупъ изъ плѣна русскихъ, ежегодно становившихся жертвой татарскихъ набѣговъ, начинаютъ разлагаться на жителей и становятся постояннымъ налогомъ подъ названіемъ «полоянничныхъ денегъ». Таковы подати Ивана IV, прямо или косвенно связанныя съ войной. Мы скоро увидимъ, какія административно-финансовыя перемѣны сопровождаютъ ихъ введеніе.

Въ XVII вѣкѣ содержаніе войска становится еще дороже, чѣмъ въ XVI в. Уже въ концѣ XVI вѣка правительство начинаетъ выписывать изъ-за границы отряды тѣлохранителей. При Михаилѣ Феодоровичѣ иностранные офицеры и солдаты нанимаются уже цѣлыми полками; начинается обученіе и русской пѣхоты и конницы иноземному строю. Старые военные налоги становятся и сами по себѣ недостаточными, а съ обезцѣненіемъ денегъ въ смутное время ихъ доходность падаетъ еще въ пять разъ (см. выше). Поэтому, тотчасъ по окончаніи смуты правительство, не уничтожая старыхъ налоговъ, создаетъ рядомъ съ ними новые, несравненно болѣе тяжелые. Старую ямскую подать населеніе платило въ размѣрѣ 10 руб. съ податной единицы («сохи», см. ниже). Теперь рядомъ съ этой «малой» ямской вводится другая, такъ называемая «большая» ямская подать, доходившая до 800 руб. съ той же единицы, т. е. въ 80 разъ большая. Рядомъ съ старыми «пищальными деньгами» возникаютъ новыя,—«стрѣлецкія», составлявшія въ разные годы отъ 90 до 240 руб. съ сохи, а во второй половинѣ XVII вѣка подвигшіяся до 700—800 руб. Наконецъ, при каждой экстренной военной нуждѣ казна начинаетъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ военнымъ налогамъ, не прекращающимся до самого Петра.

Съ помощью всѣхъ этихъ средствъ,—къ которымъ надо еще прибавить принудительные займы у подданныхъ и порчу монеты въ особенно критическихъ обстоятельствахъ,—правительству удается сводить кое-какъ концы съ концами. Но во второй половинѣ

XVII вѣка условія военной борьбы снова измѣняются. По мѣрѣ военных успѣховъ, границы Россіи далеко раздвигаются на западъ, югъ и востокъ отъ Московской губерніи. Москва уже не можетъ болѣе оставаться главной военной квартирой, какою она была, пока война велась въ сосѣднихъ губерніяхъ. Помѣщиковъ и вотчинниковъ срединной Россіи приходится теперь посылать ежегодно далеко отъ ихъ родины, отъ «замосковныхъ» городовъ центральнаго междурѣчья, куда-нибудь въ Кіевъ или въ Курскую губернію. И для нихъ, и для правительства это оказывается одинаково неудобнымъ. Въ то же время и техническіе успѣхи военнаго дѣла въ Европѣ далеко оставляютъ позади эту архаическую конницу дворянъ и дѣтей боярскихъ. Правительство, поэтому, одновременно рѣшается перенести свои военные штабы изъ Москвы на новыя окраины, и на этихъ окраинахъ, на мѣстѣ, сформировываетъ новые военные полки изъ жителей городовъ и уѣздовъ, приписанныхъ къ каждому изъ такихъ мѣстныхъ штабовъ. Полки эти, призванные замѣнить старую дворянскую конницу, обучаются уже по новымъ правиламъ «драгунской и рейтарской» службы. Послѣ выучки новобранцы распускаются по домамъ, но при первой надобности собираются подъ знамена въ заранее указанные каждому города, ближайшіе къ его мѣсту жительства. Въ городахъ, служащихъ мѣстомъ сбора, на этотъ случай поселяются на постоянное житье офицеры изъ иностранцевъ. На такихъ же основаніяхъ переформируется и пѣхота: «стрѣльцовъ» постепенно вытѣсняють къ концу вѣка обученные иноземному строю «солдатскіе полки».

Съ замѣной старинной конницы дѣтей боярскихъ и стрѣлцкой пѣхоты новой конницей драгуновъ и рейтаровъ и солдатской пѣхотой, расходъ на содержаніе войска увеличился втрое. Въ началѣ XVII вѣка правительство врядъ ли тратило ежегодно, среднимъ числомъ, болѣе 250 тысячъ на армію ($3\frac{1}{2}$ милліона на наши деньги). Къ концу вѣка (1680) этотъ расходъ можно смѣло считать въ 750 тысячъ рублей ($12\frac{3}{4}$ милліона на наши деньги). Въ то время это была цѣлая половина бюджета. Къ какимъ перемѣнамъ въ области финансовой администраціи повело такое увеличеніе расхода, мы увидимъ впоследствии.

Новый періодъ быстрого роста военныхъ расходовъ начался при Петрѣ Великомъ. Раздѣлавшись окончательно со стрѣльцами, онъ съ самаго начала XVIII в. призвалъ подъ ружье мѣстные полки, сообщивъ имъ внѣшній видъ и строй регулярной европейской арміи и продержалъ ихъ въ походахъ до самаго конца своего царствованія. Постоянно передвигаемые и комплектуемые во-

выми наборами, петровскіе полки скоро потеряли характеръ мѣстныхъ ополченій, какими были полки XVII вѣка, набравшіеся, обучавшіеся и управлявшіеся мѣстными штабами. Русская армія окончательно выдѣлилась въ особую, ничѣмъ не связанную съ землей общественную группу, содержаніе которой легло новой тяжелой обязанностью на мирныхъ обывателей. Пока длилась война, Петръ покрывалъ добавочные расходы на войско новыми чрезвычайными налогами, значительная часть которыхъ превратилась скоро въ ежегодные сборы. По окончаніи войны рѣшено было не распускать армію по домамъ, а расквартировать ее по всей Россіи, разложивъ расходы по ея содержанію на жителей въ формѣ новаго налога. Расквартировка, правда, не удалась ни Петру, ни его ближайшимъ преемникамъ; но новый налогъ былъ введенъ и замѣнилъ всѣ старые прямые налоги, размѣры которыхъ онъ превосходилъ въ $2\frac{1}{2}$ раза.

- Другой, совсѣмъ новой статьей военнаго расхода сдѣлалось при Петрѣ содержаніе флота, обходившееся къ концу его царствованія около 12 милліоновъ на наши деньги. Если присоединить къ этому слишкомъ 40 милліоновъ издержекъ на армію, то весь военный бюджетъ Петра опредѣлится въ 53 милліона нынѣшнихъ рублей. Сравнительно съ 13 милліонами бюджета 1680 г.— это было четверо больше. Если въ бюджетѣ 1680 г. военный расходъ составлялъ половину общей суммы, то при Петрѣ на армію и флотъ тратилось уже отъ $\frac{4}{5}$ до $\frac{2}{3}$ всего бюджета. Какое огромное вліяніе имѣли военные расходы Петра на реформу всѣхъ русскихъ учреждений, мы узнаемъ въ соответствующемъ отдѣлѣ.

Послѣ Петра Великаго государственная и финансовая организція Россіи была уже настолько развита, что экстренныя военныя нужды не могли застать правительство до такой степени врасплохъ, какъ это постоянно случалось до тѣхъ поръ. Поэтому, и вліяніе военныхъ потребностей на весь ходъ правительственной дѣятельности не проявляется болѣе такъ рѣзко, какъ это было въ московскій періодъ нашей исторіи. Каждый новый значительный расходъ уже не ведетъ, какъ прежде, къ преобразованію всего государственнаго строя. Но, хотя и болѣе замаскированныя въ своемъ вліяніи, военныя нужды не перестаютъ тяготѣть надъ русскимъ бюджетомъ и составлять первѣйшую государственную потребность. Переставъ бороться за простое самосохраненіе, русское правительство XVIII в. не перестаетъ преслѣдовать задачи, непосредственно вытекавшія изъ политики XV—XVI столѣтія. Съ другой стороны, оно не сразу осваивается съ положеніемъ Россіи, какъ европейской державы: партійный расчетъ, а иногда и увле-

ченіе идей побуждаютъ его, особенно на первыхъ порахъ, гораздо чаще возвышать свой голосъ въ Европѣ, чѣмъ это требуется прямыми русскими интересами. Оба эти обстоятельства вовлекаютъ Россію XVIII и XIX в. въ цѣлый рядъ войнъ, постоянно поддерживающихъ и усиливающихъ напряженіе ея военныхъ силъ и расходовъ. При Екатеринѣ II, съ раздѣлами Польши и присоединеніемъ Черноморья, старыя цѣли русской политики были, наконецъ, достигнуты. Но завоевательный характеръ русской политики и послѣ того не измѣнился, несмотря на болѣе или менѣе сильную примѣсь идеологии. Участіе Россіи въ войнахъ Наполеоновскаго времени было далеко не безкорыстно, и присоединеніе Финляндіи, Польши и Бессарабіи вовсе не было навязано намъ насильно. По отношенію къ турецкимъ владѣніямъ объединительныя стремленія Россіи не были, однако, удовлетворены и приобретеными Александра I; со времени императора Николая открылся знаменитый «восточный вопросъ», до сихъ поръ остающійся вѣчной угрозой европейскому миру. Къ этому присоединилось быстрое наступательное движеніе Россіи въ передней Азіи. Такимъ образомъ, потребность въ увеличеніи военныхъ силъ не ослаблялась ни на минуту и послѣ Петра Великаго. Количество войска, доходившее ко времени его смерти до 200 тысячъ, ко времени второй турецкой войны (1787—1791) достигло 400 тыс.; оно еще разъ удвоилось (до 800 тысячъ) въ періодъ войнъ Александра I съ Наполеономъ (1806—1812) и снова удвоилось (до 1.600.000) во время крымской кампаніи (1854—1855). Съ тѣхъ поръ оно еще увеличилось въ 1½ раза и составляетъ теперь (въ военное время) 2½ милліона человекъ, въ 12 разъ больше, чѣмъ во время Петра Великаго.

Естественно, что содержаніе арміи и флота продолжаетъ при этихъ условіяхъ быть главной статьей, требующей наибольшихъ денежныхъ жертвъ со стороны населенія. Изъ прилагаемой таблицы можно видѣть, какъ сильно возрастали военныя издержки государства. Правда, несмотря на огромное увеличеніе абсолютныхъ цифръ военнаго расхода, пропорціональное значеніе его въ государственномъ бюджетѣ постепенно уменьшается, какъ показываетъ наглядно наша діаграмма.

Во вторую половину прошлаго вѣка содержаніе арміи и флота составляло 45—50% всего расхода, въ первой половинѣ нынѣшняго 43 — 42%, а въ послѣднее пятидесятилѣтіе эта пропорція спускается до одной трети всѣхъ государственныхъ тратъ (34—31%). Но и такое пропорціональное уменьшеніе есть болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Дѣло въ томъ, что, начиная съ

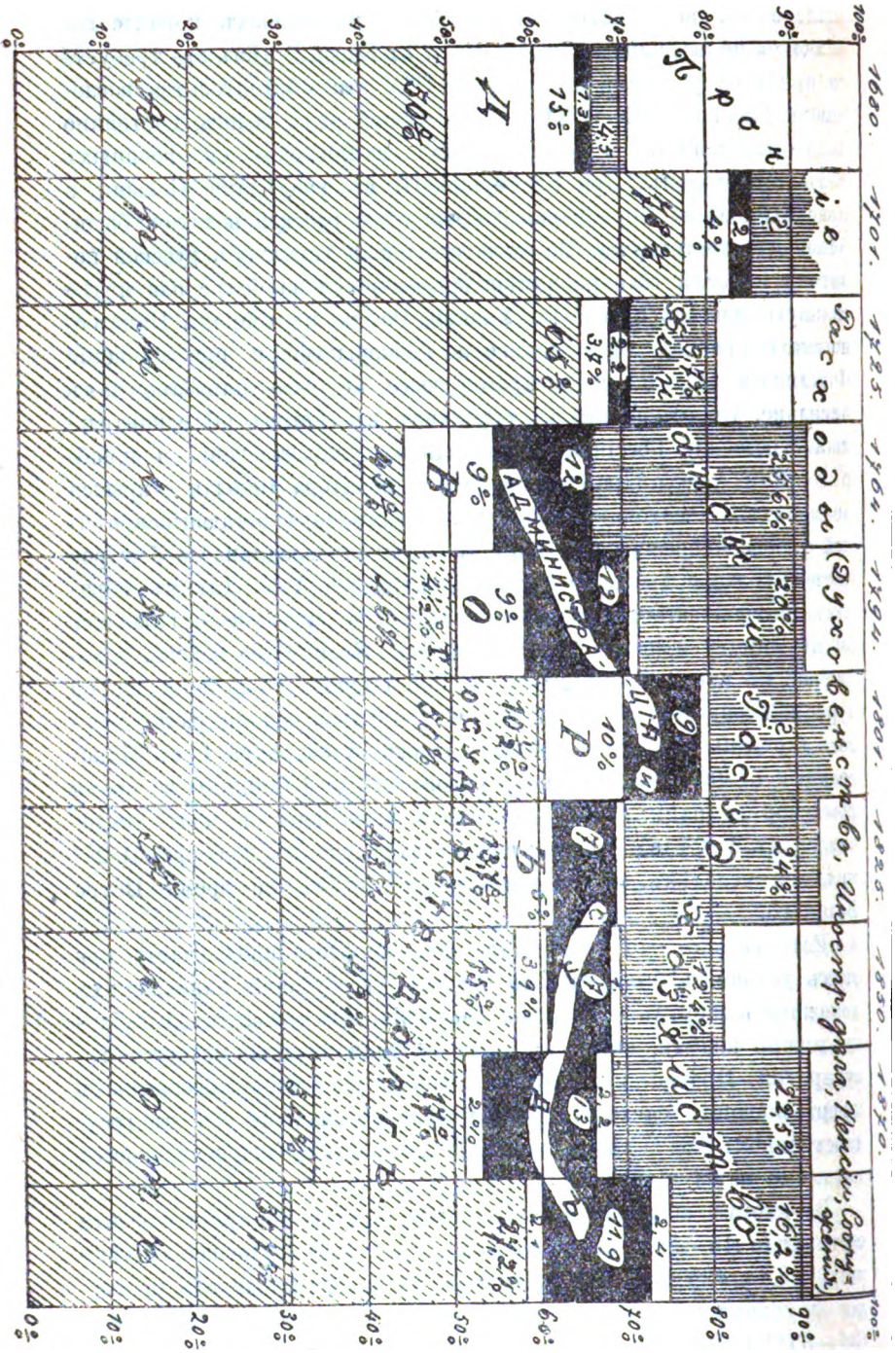

Таблица главных статей государственного расхода по бюджетамъ 1680—1892 г.

(Въ милліонахъ металлическихъ рублей; кредитные и ассигнаціонные рубли переведены на серебряные по курсу соотв. года: 1794 — 1 р. асс. = 71 к., 1801—70 к., 1825—27 к., 1850—1 р. кред.—98,8 к., 1870—77 к., 1892—66 к. Покупная или рыночная стоимость прежняго рубля сравнительно съ нынѣшнимъ не принята во вниманіе. Знаки вопроса поставлены тамъ, гдѣ мы не могли выдѣлить соотв. части расхода изъ общихъ итоговъ).

	Общій итогъ.	Армія и флотъ.	Госуд. долгъ.	Дворъ.	Финансы и гос. хоз.	Администрація и судъ.	Народное образов.
1680 г. . . .	1,5	оц. 0,75 (50%)	—	0,22 (15%)	0,067 (4,5%)	0,02 (1,3%)	—
1701 „ . . .	2,5	1,96 (78%)	—	0,11 (4%)	?	0,05 (2%)	0,004 (0,14%)
1725 „ . . .	9,1	5,97 (65%)	—	0,33 (3,7%)	0,89 (9,7%)	0,20 (2,2%)	0,027 (0,3%)
1764 „ . . .	19,4	8,72 (45%)	—	1,67 (9%)	4,96 (25,6%)	2,31 (12%)	0,029 (0,15%)
1794 „ . . .	49,1	22,65 (46%)	2,03 (4,5%)	4,27 (9%)	9,80 (20%)	5,63 (12%)	0,629 (1,28%)
1801 „ . . .	64,2	32,35 (50%)	6,74 (10,5%)	5,53 (10%)	?	6,11 (9%)	0,739 (1,15%)
1825 „ . . .	111,6	48,44 (43%)	15,32 (13,7%)	5,48 (5%)	оц. 27 (24%)	(1838) оц. 10 (7%)	0,522 (0,45%)
1850 „ . . .	294,5	119,50 (42%)	42,16 (15%)	оц. 10,75 (3,9%)	оц. 35,4 (12,4%)		2,765 (1%)
1870 „ . . .	376,5	129,44 (34%)	63,28 (17%)	6,88 (2%)	84,59 (22,5%)	49,22 (13%)	8,150 (2,2%)
1892 „ . . .	608,1	186,81 (30,7%)	165,66 (27,2%)	12,88 (2,1%)	98,92 (16,2%)	72,13 (11,9%)	14,352 (2,4%)

Петра и кончая нашимъ временемъ, не было почти ни одной войны, расходъ на которую могъ бы быть покрытъ изъ однихъ текущихъ государственныхъ доходовъ; и всегда приходилось изыскивать для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ издержекъ какія-нибудь чрезвычайныя средства. Европейскія правительства съ давнихъ поръ прибѣгали въ такихъ случаяхъ къ займамъ: уже во время Петра Англія вошла въ такіе долги, что одни проценты по этимъ долгамъ равнялись всему расходу на войско и флотъ; долгъ Франціи превышалъ уже тогда въ 18 разъ ея годовые доходы, а долгъ Австріи въ срединѣ XVIII в. былъ въ $3\frac{1}{2}$ раза больше годового дохода. Россія, при всемъ желаніи, не могла занимать, такъ какъ никто ей не вѣрилъ въ долгъ; даже послѣ Петра, при Елизаветѣ, попытка сдѣлать заемъ у иностранцевъ кончилась совершенной неудачей. Оставалось прибѣгнуть къ принудительному внутреннему кредиту въ извѣстной уже намъ формѣ—въ формѣ порчи денегъ или замѣны ихъ кредитными знаками. Петръ для шведской войны перечекалилъ монету, убавивъ на половину ея вѣсъ; Екатерина для турецкихъ войнъ выпустила ассигнаціи; Александръ для наполеоновскихъ войнъ продолжалъ увеличивать ихъ количество; то же было сдѣлано для крымской войны съ кредитными бумажками, введенными Канкринимъ. Но такое средство было небезопасно: мы знаемъ, что оно всякій разъ вело къ обезцѣненію денегъ, къ паденію ихъ курса *). Поэтому-то, какъ только русское правительство стало пользоваться иностраннымъ кредитомъ, при Екатеринѣ II, оно тотчасъ же перешло къ системѣ займовъ. Займами покрыты издержки на войны императоровъ Николая и Александра II; посредствомъ займовъ правительство не разъ старалось выкупить и кредитныя бумажки, съ помощію которыхъ были покрыты издержки предъидущихъ войнъ; такимъ образомъ, внутренній безпроцентный долгъ правительства передъ страной превращался во ви́шній процентный долгъ съ постепеннымъ погашеніемъ. Правда, въ моментъ полученія денегъ, занятыхъ для этой цѣли, всегда оказывалась на лицо какая-нибудь очередная, еще болѣе настоятельная государственная нужда. Такимъ образомъ, деньги, полученныя для выкупа бумажекъ и для погашенія старыхъ долговъ, употреблялись на новыя потребности, или выкупленныя уже бумажки не уничтожались, какъ было предположено, а снова пускались въ оборотъ. Однимъ словомъ, прямая цѣль государственныхъ займовъ, болѣею частью, оказывалась не достигнутой. Какъ бы то ни было, прямо или косвенно, русскій

*) См. «М. В.», июнь.

государственный долгъ, размѣры котораго составляютъ въ настоящее время 4 миллиарда металлическихъ рублей и въ нѣсколько разъ превышаютъ ежегодный доходъ государства, этотъ долгъ былъ сдѣланъ почти исключительно на покрытие военныхъ расходовъ или на уплату занятыхъ на эти расходы денегъ. Исключеніе составляютъ только займы на постройку желѣзныхъ дорогъ и на выкупъ крестьянскихъ повинностей при освобожденіи отъ крѣпостнаго права. Такимъ образомъ, и издержки по уплатѣ процентовъ за государственный долгъ должны быть, въ сущности, на $\frac{3}{4}$ относимы къ расходамъ на военныя нужды государства. Эти издержки съ 1794 года быстро растутъ и пропорціонально, и абсолютно. Принимая ихъ въ соображеніе, мы найдемъ, что военный расходъ государства со времени Петра постоянно составлялъ не менѣе половины, а часто доходилъ и до $\frac{2}{3}$ всего государственнаго расхода (см. косую и пунктирную штриховку на діаграммѣ).

Итакъ, потребность въ военной силѣ, самая основная, но и самая элементарная государственная потребность, была съ самаго начала и осталась до нашего времени главнѣйшей потребностью государства. Послѣ обороны государства, сохраненіе внутренняго порядка является наиболѣе насущной задачей государственной власти. Намъ еще предстоитъ узнать въ послѣдствіи, какъ выросла система русскихъ правительственныхъ учрежденій, призванныхъ удовлетворять этой потребности правильнаго управленія; но и теперь, при разсмотрѣніи главныхъ статей государственныхъ расходовъ Россіи, мы не можемъ не замѣтить, что эта государственная задача долго оставалась для русскаго правительска на второмъ планѣ. Прежде всего, въ ряду расходовъ на содержаніе управленія слѣдуетъ выдѣлить содержаніе самого двора (см. бѣлые отрѣзки діаграммы). Дворцовое управленіе, какъ увидимъ, въ древнѣйшее время сливалось съ государственнымъ; остатокъ этой старины, когда «дворецъ» государевъ совпадалъ съ государственнымъ правительствомъ, мы видимъ въ значительномъ процентѣ расхода на дворъ (15%) въ до-петровскомъ бюджетѣ. Несомнѣнно, что если бы мы имѣли цифры бюджета московскаго государства до 1680 г., то нимъ пропорція расхода на содержаніе двора оказалась бы еще значительнѣе. При Петрѣ, крайне бережливомъ на личные расходы, дворцовыя потребности сильно сокращаются, составляя только до 4% общаго расхода. Наконецъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, при слабомъ возрастаніи абсолютныхъ цифръ, пропорціональное значеніе дворцоваго расхода быстро уменьшается, падая съ 5% до 2%.

Помимо содержанія двора, правительственная власть изъ всѣхъ другихъ отраслей управленія наиболѣе интересовалась той, кото-

*

рая связана была съ добываніемъ денегъ и взиманіемъ податей—финансовымъ управленіемъ (см. прямую штриховку діаграммы). Расходы по взиманію податей и по собственному хозяйству казны составляли, послѣ военныхъ расходовъ, наиболѣе значительную часть бюджета. Уже послѣ мѣропріятій Петра, о которыхъ будетъ рѣчь послѣ, эти расходы составляли до $\frac{1}{10}$ части бюджета; а во времена Екатерины II до нашего времени они колебались между $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$. Если присоединить ихъ къ расходамъ на военныя нужды и на уплату процентовъ по государственному долгу, то общая сумма этихъ расходовъ составитъ отъ $\frac{7}{10}$ до $\frac{8}{10}$ бюджета двухъ послѣднихъ столѣтій.

Разсмотрѣвъ перечисленныя выше рубрики расхода, мы въ сущности познакомились съ главными задачами, которыя ставило себѣ старое русское правительство. Войско и финансы—вотъ что составляло предметъ главнаго правительственнаго вниманія. На эти предметы расходовалась большая часть государственныхъ средствъ; на все остальное оставалось, слѣдовательно, около $\frac{3}{10}$ или $\frac{2}{10}$ бюджета. И изъ этого числа надо было еще покрыть обязательные расходы на общественныя постройки, на пенсіи, на иностранныя дѣла, на содержаніе духовенства. На управленіе въ собственномъ смыслѣ, на судъ, на народное образованіе (см. черные и надъ ними бѣлые отрѣзки діаграммы)—оставалась послѣ всего этого, сравнительно, очень незначительная доля. Мы не будемъ, впрочемъ, останавливаться на этихъ сторонахъ государственной жизни, такъ какъ намъ придется вернуться къ нимъ впослѣдствіи. Здѣсь мы упомянули о нихъ, только чтобъ очертить общіе предѣлы дѣятельности русской государственной власти и охарактеризовать то пропорціональное значеніе, какое имѣли въ ея глазахъ разныя стороны этой дѣятельности,—насколько это значеніе отразилось на цифрахъ бюджета. Познакомившись съ общимъ размахомъ и съ значеніемъ главныхъ видовъ государственныхъ потребностей, мы выполнили половину задачи этого очерка. Въ чемъ нуждалось государство—это мы теперь знаемъ; намъ остается узнать, какими способами оно удовлетворяло своимъ нуждамъ.

Этотъ очеркъ составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи работъ автора: Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб. 1892, и Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб. 1892. Данныя о бюджетахъ позднѣйшаго времени заимствованы изъ «Сборника Русскаго Историческаго Общества», томы 5, 6, 28, 45 (Финансовые документы времени Екатерины II, изданные А. Буломзинимъ, съ его предисловіями); Исторія царствованія имп. Александра I, *Богдановича*; сочиненія *Беделя*: Russlands Kraft-Elemente und Einflussmittel. Frankf. a. M. 1854, и *Блюга*, Финансы Россіи XIX столѣтія. Спб. 1882. Общій очеркъ исторіи русскаго бюджета читатель найдетъ въ книгѣ В. А. Лебедева. Финансовое право. Спб. 1893, т. I, вып. III.

II.

Характеръ древнѣйшей финансовой системы.—Исторія прямого обложенія.—Русскій раскладочный механизмъ.—Его происхождение.—Древнѣйшая «соха» и ея преобразование въ срединѣ XVI столѣтія.—Перемены въ сошномъ обложеніи въ XVII в. и ихъ причины.—Введеніе подворнаго обложенія.—Переходъ къ подушному обложенію и его судьба.—Современное состояніе прямого обложенія.—Виды промысловаго налога въ древней Россіи.—Попытки процентнаго обложенія въ XVII и XVIII вѣкахъ.—Первые шаги къ подоходному обложенію.—Роль косвенныхъ налоговъ въ исторіи бюджета.—Регалии, государственныя имущества и пошлыны.—Тяжесть обложенія и ея вліяніе на поиски населеніемъ побочныхъ источниковъ дохода.

Въ сущности говоря, и развитіе русскихъ учреждений, и организація русскихъ сословій, — все это было отвѣтомъ на быстро возрастающія военныя и финансовыя потребности русскаго правительства. Въ этомъ смыслѣ, выбранная нами точка зрѣнія останется для насъ руководящей на всемъ протяженіи этого и слѣдующаго очерка. Но здѣсь мы займемся прежде всего разборомъ лишь той части услугъ, которую государство получало отъ населенія въ формѣ денежныхъ платежей. Надо сказать, что въ общей суммѣ услугъ, требовавшихся государствомъ, денежныя взносы составляли только одно изъ слагаемыхъ, и, вѣроятно, вовсе не самое значительное. Бѣдная экономически страна долгое время только и могла служить государству натурой, а не деньгами. Съ своихъ дворцовыхъ имѣній, съ оброчныхъ земель и черныхъ волостей князь-государь получалъ свои доходы хлѣбомъ, медомъ, рыбой и всякой живностью. Его чиновники содержались натуральными приношеніями жителей и вплоть до середины XVI в. получали свои «кормы» непосредственно отъ населенія, среди котораго находились или которымъ призваны были управлять. Военныхъ слугъ князя также должно было содержать населеніе отведенныхъ имъ въ пользованіе участковъ; и содержаніе, по крайней мѣрѣ, по мысли правительства, должно было идти имъ натурой. «Въ самомъ дѣлѣ», говоритъ одинъ документъ середины XVI вѣка, «какъ можно хотѣть денегъ отъ земледѣльцевъ? Они не создаютъ денегъ, а до-

бываютъ хлѣбъ; поэтому и слѣдуетъ у нихъ брать долю изъ хлѣба, а съ лѣсовъ—звѣрей и медъ, а съ рѣкъ—бобровъ и рыбу; если же лѣсъ будетъ сожженъ подъ пашню, то медовый и звѣриный оброкъ надо ужъ отмѣнить, такъ какъ съ пашни они будутъ платить хлѣбомъ. А если кому изъ землевладѣльцевъ понадобятся деньги, онъ можетъ свои излишки продать горожанамъ, нуждающимся въ хлѣбѣ. Тогда у него будетъ денегъ, сколько ему нужно, и ни одинъ крестьянинъ не будетъ слезенъ и мученъ за недоимки». Мы видимъ, что уплата податей натурой была уже только идеаломъ въ срединѣ XVI вѣка; но по характеру идеала мы можемъ судить, каковы были въ современной ему дѣйствительности платежныя силы русскаго крестьянскаго населенія.

Государству деньги понадобились еще раньше и въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ его слугамъ. Уже татарамъ надо было платить дань деньгами, а потомъ и своимъ солдатамъ пришлось давать денежныя приплаты, хотя до самаго Петра правительство продолжало уплачивать имъ часть жалованья хлѣбомъ и солью. Старинныхъ доходовъ, пошлинъ съ суда, съ провоза и продажи товаровъ, не могло хватить на покрытіе новыхъ нуждъ, и мы видѣли, что правительство нашло исходъ въ назначеніи цѣлага ряда военныхъ налоговъ. Вездѣ въ Европѣ прямыя налоги возникли тогда, когда явилась нужда въ постоянной военной силѣ. Но въ Россіи постоянная прямая подать появилась раньше, чѣмъ создано сословіе постоянныхъ плательщиковъ. Созданіе такого сословія и привлеченіе къ нему все новыхъ и новыхъ элементовъ и было на Руси за-разъ и цѣлью, и послѣдствіемъ назначенія новыхъ военныхъ налоговъ. Такимъ образомъ, постоянная прямая подать сдѣлалась у насъ организующей силой, сплотившей «жидкіе элементы» русской общественности. Въ этомъ смыслѣ, исторія прямого обложенія въ Россіи заслуживаетъ особеннаго вниманія при изученіи русскаго общественнаго строя.

Всѣмъ извѣстно, какъ раскладываются обыкновенно подати между крестьянами русскаго деревни. Въ деревнѣ рѣдко кто, кромѣ должностныхъ лицъ, знаетъ, какія именно подати онъ платитъ. Всѣ денежныя платежи крестьянъ, безъ различія, идутъ ли они въ казну, или въ земство, или на содержаніе сельскихъ властей, будутъ ли это *подати* въ собственномъ смыслѣ, или, напр., выкупные платежи, т. е. уплата ссуды, данной крестьянамъ казною при ихъ освобожденіи, — всѣ эти платежи всей деревни складываются въ одну общую сумму. Затѣмъ, міръ дѣлитъ крестьянскую землю на доли и раздаетъ эти доли отдѣльнымъ домохозяевамъ. На такое же количество долей дѣлится и общая сумма платежей,

такъ что на каждый участокъ земли приходится одинаковая доля подати; а затѣмъ, каждый домохозяинъ платитъ столько долей подати, сколько онъ получилъ участковъ земли («тяголь» или «душъ»).

Представимъ себѣ при этомъ, что пахать землю выгодно, т. е. что доходъ отъ обработки участка превыситъ лежащія на участкѣ платежи. Конечно, каждый крестьянинъ при этомъ условіи будетъ хлопотать о томъ, чтобы получить отъ міра какъ можно больше участковъ на свою долю. Въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, будетъ происходить между членами общины борьба за мірскую землю. Но представимъ себѣ, наоборотъ, что подобной борьбы вовсе не происходитъ, что крестьяне-общинники не только равнодушны къ полученію своихъ долей, но даже тяготятся ими и стремятся свести ихъ къ наименьшей величинѣ, чѣмъ мы должны будемъ объяснить такое явленіе? Весьма вѣроятнымъ будетъ предположить, что въ этомъ случаѣ обработка земли не считается выгодной: т. е. или что платить за нее приходится больше, чѣмъ съ нея получать, или что есть возможность обрабатывать земельные участки, менѣе отягченные налогомъ. Обѣ эти причины существовали и оказывали свое дѣйствіе въ финансовой исторіи Россіи.

Повидимому, всего естественнѣе въ такомъ случаѣ вовсе бросить невыгодное занятіе, уйти совсѣмъ изъ міра и покинуть обложенную платежами землю. Такъ и поступало крестьянство древней Россіи, пользовавшееся всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы «разбрестись врознь» или тайкомъ перебраться на другой, не тяглый участокъ. Но со всякимъ покинувшимъ землю хозяиномъ у казны становилось однимъ плательщикомъ меньше, и, естественно нуждаясь съ давнихъ поръ въ деньгахъ и людяхъ, государство должно было постараться предупредить тѣ убытки, которые могли произойти для него отъ ухода земледѣльца съ тяглаго участка. Въ этомъ-то отношеніи и только-что описанная организація распредѣленія податей и оказывала вѣковыя услуги московскому правительству. При существованіи такой организаціи правительство считалось уже не съ каждымъ отдѣльнымъ плательщикомъ, а съ цѣлымъ податнымъ союзомъ ихъ; весь союзъ ручался за каждого отдѣльнаго члена и обязывался принять на себя его обязанности въ случаѣ его ухода. Такимъ образомъ податная связь принимала принудительный характеръ. Разъ войдя въ тяглую организацію, каждый членъ связывалъ себя вавсегда съ общиной и могъ уйти изъ нея не иначе, какъ получивъ разрѣшеніе міра, требовавшаго, обыкновенно, въ прежнія времена, чтобы уходящій представилъ вмѣсто себя замѣстителя. Легко замѣтить, что подобная податная организація представляетъ собою совершенный

контрастъ съ финансовымъ устройствомъ болѣе развитыхъ странъ. Если правительство отказывается само опредѣлить долю участія каждаго въ государственныхъ тягостяхъ, очевидно, оно признаетъ этимъ свое безсиліе въ самой важной для него области управленія; если оно прибѣгаетъ къ круговой поруцѣ, какъ къ средству закрѣпить за собой плательщиковъ, очевидно, оно не надѣется удержать этихъ плательщиковъ на мѣстѣ собственными силами или вліяніемъ ихъ личнаго интереса; очевидно, оно требуетъ отъ нихъ больше, чѣмъ они въ силахъ дать. И такъ, смыслъ тяглою организациі русскаго населенія сводится къ тѣмъ же характернымъ чертамъ, какія мы отмѣтили вообще относительно русской общественной организациі: она есть соединенный результатъ экономической неразвитости Россіи и непропорціональнаго развитія ея государственныхъ потребностей.

Уже изъ этого наблюденія мы можемъ заключить, что описанная тяглая организациа есть одинъ изъ самыхъ характерныхъ продуктовъ русской исторической жизни. Когда же и какъ создавалась эта тяглая организациа, всѣмъ намъ извѣстная изъ современной жизни Россіи? Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, такъ какъ мы уже застаемъ тяглую организацию готовой, едва только становится вообще возможнымъ слѣдить за ней по сохранившимся документамъ. Однако же, есть возможность предположить, что организациа эта, если не возникла, то приняла свою, извѣстную намъ, форму именно тогда, когда неразвитой экономической странѣ пришлось принести первую непосильную для нея матеріальную жертву.

Это была наложенная татарами «дань». Существовала «дань» князьямъ и въ до-татарское время; но насколько она отличалась отъ той правильной и постоянной подати, которую заставили платить себѣ татары, это видно изъ того, что для взиманія татарской «дани» требовалось вновь присести въ извѣстность количество плательщиковъ. Два раза въ XIII в. татары производили общія переписи и поставили платежное населеніе подъ надзоръ собственныхъ чиновниковъ. Когда же въ XIV вѣкѣ сборъ татарской дани перешелъ въ руки князей,—князья унаслѣдовали и введенную татарами финансовую администрацію. Теперь уже самому русскому правительству приходилось собирать подати для татаръ въ опредѣленномъ и значительномъ количествѣ и отвѣчать передъ ордой за правильное поступленіе сбора. При тогдашней элементарности своего государственнаго и общественнаго строя единственнымъ средствомъ обезпечить податную исправность плательщиковъ было—возложить на нихъ самихъ отвѣтственность за уплату

чужеземной дани. Въ-это то время, вѣроятно, плательщики и были связаны правительствомъ въ податныя или тяглыя группы. Отъ времени до времени владѣнія каждаго князя объѣзжали въ XIV—XV вѣкахъ княжескій писецъ; въ каждой отдѣльной мѣстности онъ составлялъ «книгу», по которой платилась дань и которая поэтому называлась въ древности «данской» (потомъ «писповой») книгой. Переписанное населеніе организовалось въ податныя «сотни», каждую изъ которыхъ завѣдывалъ мѣстный начальникъ, «сотникъ». Записанные въ книги плательщики составляли сословіе «письменныхъ» или «тяглыхъ» людей, которыхъ строго запрещалось принимать въ другіе союзы, кромѣ той сотни, къ которой «они» тянули въ дань. «Данщикъ», разѣзжавшій по волостямъ вмѣстѣ съ «писцомъ», занимался сборомъ дани, а кстатѣ и другихъ доходовъ князя.

И такъ, вотъ когда создалась по всей вѣроятности русская тяглая организація. Въ видѣ тяглыхъ сотенъ, она явилась какъ послѣдствіе первой настоятельной нужды княжескихъ правительствъ, — необходимости уплачивать татарскую дань. Но разъ создавшись, эта организація послужила могущественнымъ финансовымъ орудіемъ для собственныхъ цѣлей государства, быстро расширявшихся со времени освобожденія отъ татарской зависимости.

При этомъ быстромъ развитіи государственныхъ задачъ, какъ мы уже видѣли, одинъ за другимъ возникали и отмѣнялись цѣлый рядъ новыхъ налоговъ, преимущественно военныхъ. Размѣры ихъ постоянно росли; способъ назначенія ихъ много разъ мѣнялся. Но при всѣхъ этихъ переменахъ одна черта оставалась неизмѣнной съ XIV и по нашъ вѣкъ: это—раскладка правительственныхъ налоговъ самими плательщиками, членами тяглой общины. Зная эту неизмѣнность, это постоянство, съ какимъ сохранялась основная податная ячейка, мы теперь уже не будемъ смущаться переѣнами въ названіи налоговъ, — въ томъ, съ чего или съ кого хотѣло взять налогъ правительство. Какъ бы эти налоги ни назывались, какой бы предметъ обложенія ни имѣла въ виду казна, — мы уже будемъ знать, что разъ взиманіе налога попадетъ въ руки тяглой общины и ея представителей, все равно, всякій налогъ сольется въ общую сумму и превратится въ налогъ съ тягла, съ земельной доли, доставшейся (отъ общества или по наслѣдству, покупкѣ и т. п.) каждому домохозяину.

На этомъ однообразномъ фонѣ общинной раскладки совершалось, однако, нѣкоторое движеніе въ податной исторіи, — движеніе, которое имѣетъ свой смыслъ и свой интересъ. Та же нужда въ деньгахъ, которая заставила правительство возложить отвѣтствен-

ность за уплату податей на тяглыя группы, вызвала рядъ попытокъ увеличить казенный доходъ. Правительство дѣйствовало при этомъ двоякимъ путемъ: путемъ перемѣны въ *порядкѣ обложенія* плательщиковъ податями и путемъ *увеличенія размѣровъ и количества* налоговъ. Старый татарскій порядокъ обложенія состоялъ въ томъ, что податью облагалось земледѣльческое орудіе, «соха», приравнивавшаяся двумъ-тремъ коннымъ работникамъ. Каждая соха платила по 5 коп., или, по крайней мѣрѣ, 5 руб. на наши деньги. Усилившееся московское княжество употребляло, кажется, какъ единицу обложенія, «соху» въ нѣсколько разъ больше размѣромъ, въ 32 рабочихъ: понятно, что здѣсь слово «соха» уже утратило свой буквальный смыслъ.

Впрочемъ, въ каждой самостоятельной области Россіи существовали свои податныя единицы, и только со времени объединенія Руси при Иванѣ III, т. е. со конца XV столѣтія, московскіе порядки, финансовыя, какъ и всякіе другіе, начали распространяться на вновь присоединенныя области. Во всякомъ случаѣ, картина податного обложенія Россіи оставалась очень пестрой вплоть до того времени, когда въ развитіи прямой подати наступилъ новый періодъ, съ назначеніемъ ряда новыхъ военныхъ налоговъ при Иванѣ IV (см. выше). Въ 1550 году, прежде чѣмъ вводить эти новые налоги, правительство Ивана IV установило въ Россіи новую податную единицу, долженствовавшую обезпечить большую правильность и равномѣрность обложенія. Название сохранено было старое («соха»), но оно получило теперь новый смыслъ. Податная «соха» приравнена была опредѣленному количеству распаханной земли,—обыкновенно, по 400 десятинъ (или 800 «четвертей» посѣва *) въ каждомъ изъ трехъ полей. При этомъ, не безъ вліянія византійскихъ порядковъ, обращено было впервые вниманіе и на качество земли: съ десятины хорошей («доброй») земли платилось столько же налоговъ, сколько съ $1\frac{1}{4}$ десятины «средней» земли или съ $1\frac{1}{2}$ десят. «худой». Другими словами въ сохѣ земли второго разряда считалось уже не 400, а 500 десятинъ, а третьяго разряда—600 дес. въ каждомъ полѣ. Кромѣ того, впервые были сдѣланы льготы цѣлымъ разрядамъ плательщиковъ. Служилые люди, уже платившіе государству личной службой, уплачивали съ нормальной сохи въ 400 дес. такую же цифру налога, какую монастыри и крестьяне, не подчиненные владѣльцамъ (т. назыв. «черные»), платили съ сохи въ уменьшенномъ размѣрѣ — въ 300

*) На десятинѣ сѣялись двѣ «четверти»; надо прибавить, что четверть была тогда (XVI в.) вдвое меньше теперешней.

десятинь. Для приведенія въ извѣстность количества новыхъ платежныхъ единицъ, во всемъ государствѣ предпринята была перепись и измѣненіе податныхъ земель по единообразнымъ приемамъ. Перепись эта продолжалась въ теченіе всего царствованія Ивана IV. Такимъ образомъ при Иванѣ IV обложеніе по сохамъ получило ту окончательную форму, которую оно сохранило до самаго своего уничтоженія черезъ 1¼ столѣтія, въ 1680 г.

До 1680 года дожили, однако, одни только обломки сошной системы обложенія. Уже въ теченіе первой половины XVII вѣка эта система была существенно измѣнена въ интересахъ привилегированнаго сословія и совершенно отгмѣнена по отношенію къ цѣлому ряду податей. Уже въ 1550-хъ годахъ, какъ мы только-что видѣли, служилое сословіе получило нѣкоторое облегченіе въ платежѣ податей. Но это облегченіе было совершенно ничтожно сравнительно съ тѣмъ, какое сдѣлано было служилымъ людямъ при финансовыхъ реформахъ начала XVII вѣка. До этого времени, крестьянинъ служилаго человѣка, какъ и крестьянинъ, жившій на своей или государственной землѣ («черный»), платили одинаково съ каждой четверти распаханной (или, какъ тогда говорили, «живущей») пашни. Но теперь на земляхъ служилыхъ людей «живущая четверть» пашни была превращена въ гораздо болѣе льготную платежную единицу. Название осталось прежнее; но подъ «живущей четвертью» стали разумѣть не реальную четверть распаханной земли, а нѣкоторое количество крестьянскихъ дворовъ, изъ которыхъ каждый, конечно, пахалъ не одну четверть, а нѣсколько. Въ 1630—1631 годахъ служилые люди выхлопотали себѣ у правительства разрѣшеніе считать въ живущей четверти отъ 10 до 16 крестьянскихъ дворовъ *). Если предположимъ даже, что каждый дворъ пахалъ не болѣе 4 четвертей (2 десятинь въ одномъ погѣ), то и тогда въ одной «живущей четверти» будетъ 40—64 *дѣйствительныхъ* четвертей распаханной пашни. Стало быть, съ 40—64 четвертей служилый человѣкъ платилъ столько же налога, сколько черный крестьянинъ съ одвой четверти. Припомнимъ теперь, что въ началѣ XVII вѣка введены были новыя тяжелыя подати, въ десятки разъ превышавшія подати XVI вѣка, и мы поймемъ, какой смыслъ имѣло введеніе именно въ это время «живущей четверти». Служилый человѣкъ былъ въ десятки разъ облегченъ сравнительно съ черносошнымъ крестьяниномъ какъ разъ тогда, когда послѣдній сталъ платить въ десятки разъ больше.

*) Именно 10 крестьянскихъ дворовъ въ центральныхъ уѣздахъ и 16 на разоренныхъ смутой окраинахъ.

Такимъ образомъ, вся тяжесть новаго обложенія пала на одні черныя сохи. Тягло и военная служба были окончательно распредѣлены между различными общественными группами. Русскій служилый центръ и югъ несъ военную повинность на государство, а русскій черносошный сѣверъ уплачивалъ необходимыя военныя издержки.

На дѣлѣ, однако же, это распредѣленіе далеко не было такъ равномерно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Тотъ, кто несъ военную службу, былъ облегченъ въ уплатѣ податей; но тотъ, кто платилъ подати, вовсе не былъ освобожденъ отъ воинской повинности. Напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше воинская повинность перелagалась всею своею тяжестью на низшіе классы. Русская дворянская конница, какъ мы знаемъ, уже отживала свой вѣкъ въ то время, когда дворянство добилось податныхъ привиллегій. Центръ тяжести въ войскѣ переходилъ отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ рейтарамъ и драгунамъ въ конницѣ, къ солдатамъ—въ пѣхотѣ; къ новой регулярной выучкѣ иноземному строю привлекались, главнымъ образомъ, служилые люди низшихъ разрядовъ и рекруты изъ податныхъ сословій. При этихъ условіяхъ податныя льготы живущей четверти теряли свой смыслъ. Правительство, очевидно, приняло это во вниманіе; при постепенномъ увеличеніи размѣровъ податей, въ теченіе XVII вѣка, оно подняло платежи служилыхъ земель въ большее число разъ, чѣмъ платежи черносошныхъ крестьянъ. Такъ, стрѣлцкая подать съ служилыхъ земель увеличена была въ 36 разъ, тогда какъ на черносошныхъ земляхъ, поднявши ту же подать въ 8—9 разъ, правительство должно было убѣдиться, что населеніе не въ состояніи платить такого оклада. Такимъ образомъ подготовлялась почва для перехода къ болѣе равномерному обложенію. Форма такого обложенія была также найдена уже въ первой половинѣ XVII вѣка.

Дѣло въ томъ, что ростъ податей вызвалъ со стороны плательщиковъ массовыя побѣги и развилъ пѣлюю систему укрывательства отъ сошнаго тягла. Множество тяглыхъ участковъ пустовало и общинѣ приходилось расплачиваться за опустѣвшіе жербы ея сочленовъ. Правительству не было дѣла до убыли запашки; оно требовало податей за все количество пашни, записанное въ писцовыя книги; а чтобы не принимать во вниманіе перемѣнъ, происшедшихъ въ размѣрахъ распаханной площади, оно не составляло новыхъ писцовыхъ книгъ и до самаго конца вѣка взидало подати по книгамъ, составленнымъ въ первую половину царствованія Михаила Ѳеодоровича. Пустыя земли продолжали

такимъ образомъ считаться населенными; а вновь распаханныхъ участковъ правительство также не упускало, такъ какъ мѣстный воевода долженъ былъ всѣ такіе участки записывать и облагать податью. Плательщикамъ было, такимъ образомъ, крайне невыгодно вносить подати по писцовымъ книгамъ, и они неоднократно просили правительство взимать налоги только съ наличныхъ, дѣйствительно населенныхъ *дворовъ*. Но были причины, по которымъ и для правительства взиманіе податей съ сохи и живущей четверти было не всегда выгодно. Если разбѣжавшіеся съ тяглой земли плательщики заставляли общину платить за себя «навальное сошное письмо», за то они сами совершенно ускользали отъ податей и жили «въ избыли»; къ нимъ примыкали и всѣ тѣ разряды населенія, которые, оставаясь на мѣстѣ, находили способъ уклониться отъ разработки тяглаго участка. Съ точки зрѣнія правительства—это была чистая потеря для казны. Если нельзя было притянуть эти разряды населенія къ платежу податей, оставаясь въ рамкахъ старой сошной системы, то надо было привлечь ихъ какимъ-нибудь другимъ способомъ. Петли старой податной сѣти оказались слишкомъ широкими; плательщики въ нихъ слишкомъ свободно проскальзывали. Если такъ,— нужно было сдѣлать ихъ помельче, взять такую единицу обложенія, которая бы вплотную обхватила платежное населеніе, которая бы поставила, такъ сказать, лицомъ къ лицу каждаго плательщика съ правительствомъ. И въ этомъ отношеніи дворъ являлся самой подходящей податной единицей. Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ соображеній правительство и переходитъ къ подворному обложенію. Въ началѣ правленія царя Алексѣя (1646—1648 гг) и вторично въ началѣ правленія Федора (1678—1680 гг.) правительство составляетъ по всему государству новаго типа описанія — дворовые списки, или такъ называемыя «переписныя книги». Надежды плательщиковъ, однако, не сбываются. По дворовымъ спискамъ правительство начинаетъ собирать сперва (еще при Михаилѣ) только тѣ *новыя* подати, къ которымъ постепенно заставляютъ его прибѣгать военныя нужды XVII вѣка. Старыя подати оно не сразу рѣшается перевести съ сохи на дворъ, такъ какъ при этомъ, очевидно, пришлось бы сложить всѣ тѣ излишніе платежи, которые населенію приходилось нести за опустѣлую пашню. Такимъ образомъ правительство соединяетъ выгоды старой системы обложенія съ выгодами новой, а плательщикамъ остаются отъ той и другой однѣ невыгоды.

Положеніе дѣлъ мѣняется въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія. Новыя военныя нужды требуютъ въ это время новыхъ жертвъ со стороны населенія; подати оказывается необходимымъ опять

увеличить. Но черносошное населеніе уже и безъ того платитъ сверхъ силъ, такъ что всякая новая прибавка ведетъ только къ увеличенію недоимокъ. Напротивъ, населеніе служилыхъ земель, несмотря на увеличеніе его платежей въ теченіе XVII вѣка, все еще продолжаетъ пользоваться льготами, которыя не оправдываются больше никакой нуждой государства въ услугахъ стараго служилаго сословія. При этихъ условіяхъ общая податная реформа становится необходимой и лучшимъ средствомъ для нея является окончательное переложеніе всѣхъ податей съ сохи и живущей четверти на дворъ.

Въ 1679—1681 гг. реформа была осуществлена. Остатки налоговъ XVI вѣка (пищальные, данныя, засѣчныя и т. д.), за исключеніемъ полонянничной подати, были окончательно отменены. Налоги XVII вѣка, въ одной общей суммѣ, переведены на дворъ и сошное обложеніе упразднено. Въ городахъ взимался теперь по дворный налогъ въ размѣрѣ отъ 80 коп. до 2 руб.; этотъ же налогъ, сохранившій названіе стрѣлцкой подати, платился и крестьянами сѣверныхъ черныхъ волостей. Владѣльческія земли остальныхъ уѣздовъ платили деньгами только ямскую подать, слитую съ полонянничной: служилыя по 5 коп. съ двора, а духовныя—по 10 коп. Но, вмѣсто стрѣлцкой подати, они платили хлѣбомъ: служилыя земли по $\frac{3}{16}$ четверти съ двора, дворцовыя по $\frac{5}{16}$ и духовныя по $\frac{7}{16}$ четверти. Такъ какъ четверть хлѣба стояла въ это время отъ четвертака до трехъ четвертаковъ, то переведенный на деньги платежъ служилаго двора составлялъ отъ 5 до 14 к., дворцоваго отъ 8 до 23 коп. и духовнаго отъ 11 до 33 коп. Съ прибавкой ямскихъ и полонянничныхъ это составляло для служилаго двора 10—19 коп., для духовнаго—21—43 коп. Разница съ прямыми платежами черныхъ сохъ, какъ видимъ, сохранилась и послѣ реформы 1681 года и даже была довольно значительна; но все же, сравнительно съ только-что покинутой системой это былъ шагъ къ болѣе равномерному обложенію.

Несравненно дальше по тому же пути пошла финансовая реформа Петра Великаго. И она, какъ мы видѣли, вызвана была новымъ ростомъ военныхъ расходовъ. Вызванная одинаковой причиной, эта реформа осуществлена была аналогичнымъ способомъ съ предыдущей реформой 1681 года. Правительство снова перемѣнило форму обложенія, увеличило его размѣры и разложило новую подать на возможно большее количество плательщиковъ. Обложеніе дворовъ успѣло оказаться столь же неудобнымъ, какъ и обложеніе сохъ: населеніе теперь бѣжало изъ тяглаго двора, какъ прежде оно бѣжало съ тяглаго участка пашни; найдены были и

новые обходы: такъ, напр., населеніе скучивалось въ тяглыхъ дворахъ, чтобы платить съ возможно большаго количества лицъ то же количество подати; изъ нѣсколькихъ дворовъ населеніе даже нарочно переводилось въ одинъ дворъ въ случаяхъ правительственной переписи. Итакъ, значительная часть населенія опять оказывалась въ «избылыхъ». Правительство дѣлаетъ новую попытку уловить плательщика, какъ скрывающагося въ тягломъ дворѣ, такъ и бѣжавшаго изъ этого двора. Налогъ съ двора переносится прямо на каждую отдѣльную душу мужескаго пола. Всѣ теперь должны быть равны передъ новымъ «подушнымъ» окладомъ: платить его и холопъ, никогда не платившій государству, и мелкій служилый челоуѣкъ—однодворецъ, услуги котораго стали теперь не надобны правительству. Но зато никто не платитъ больше, чѣмъ другой: со всѣхъ разрядовъ податнаго населенія взимаются тѣ же 80 коп. съ души. Петръ, правда, облагаетъ черносошныхъ крестьянъ и посадскихъ людей еще дополнительными 40 копѣйками; но это уже не остатокъ старой тяжести прямого обложенія этихъ классовъ: это просто послѣдствіе того принципа, проводимаго Петромъ, что населеніе, не принадлежащее никакому владѣльцу, принадлежитъ государству, и государство можетъ взимать съ него такой же «оброкъ», какой владѣльческіе крестьяне платятъ своему хозяину. Добавочная подать и получаетъ названіе «оброчной...»

Установивъ подушную систему обложенія, правительство, по видимому, подошло довольно близко къ той цѣли, которая составляетъ задачу всякаго финансоваго управленія: оно стало лицомъ къ лицу съ каждымъ отдѣльнымъ плательщикомъ. Но это было только по видимому; въ дѣйствительности состояніе русскихъ учреждений не давало еще никакой возможности установить прямыя отношенія между правительствомъ и подданными. Чтобы удержать постоянную связь между правительственными сборщиками подати и каждой записанной въ ревизію душой, надо было устроить постоянное наблюденіе за колебаніями числа душъ, выбываніемъ старыхъ и прибываніемъ новыхъ. Шведскіе порядки финансоваго управленія, послужившіе образцомъ для совѣтниковъ Петра, и устранивали такое наблюденіе. Мало того, шведское устройство добивалось большаго; каждый годъ провѣрялся тамъ не только наличный составъ плательщиковъ, но и всѣ перемѣны въ ихъ хозяйственной жизни: пожаръ, скотскій падежъ, неурожай—все это вызывало немедленное облегченіе податныхъ тягостей. При такомъ порядкѣ, естественно, можно было допустить, чтобы каждый плательщикъ отвѣчалъ самъ за себя. Напротивъ, при скудныхъ средствахъ русскаго управленія такое точное и постоянное наблю-

деніе за плательщиками было совершенно невозможно; оно было возможно только для самих плательщиковъ. Правительство не только не могло слѣдить за перемѣной въ хозяйственной силѣ каждой крестьянской семьи, но оно не могло даже услѣдить за измѣненіями въ ея количественномъ составѣ. Пока совершалась перепись, новыя души нарождались, старыя успѣвали умереть и, такимъ образомъ, правительство никогда не могло узнать дѣйствительной цифры плательщиковъ: цифра эта была фиктивной уже въ моментъ ея полученія и, понятно, становилась еще фиктивнѣе, по мѣрѣ отдаленія времени переписи. Между тѣмъ, эти переписи возобновлялись въ прошломъ вѣкѣ только въ двадцать лѣтъ разъ. Такимъ образомъ, поневолѣ, по недостатку средствъ контроля, взиманіе податей на мѣстѣ продолжалось по старому: крестьянская община дѣлила землю на души; но эти души не имѣли ничего общаго съ живыми душами человѣческими: это просто были (какъ и прежде при подворномъ *) и посошномъ обложеніи) единицы земли, обложенныя единицей налога и разбиравшіяся различнымъ населеніемъ деревни, смотря по хозяйственнымъ силамъ cadaго.

Введеніе подушной было высшей точкой развитія нашей прямой подати. Въ 1680 г. въ годъ окончательнаго введенія подворной подати, количество прямыхъ податей доходило до 8,4 милліона на наши деньги; въ 1724 г. оно увеличилось до 42,6, т.-е. въ 5 разъ. Въ 1680 г. прямые налоги составляли не болѣе $\frac{1}{3}$ всего дохода; въ 1724 г. они значительно превышали $\frac{1}{2}$. Со времени Петра и до самаго послѣдняго времени эта петровская организація прямыхъ налоговъ не дѣлала никакихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Увеличивалось, вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества населенія, и количество подушной и оброчной подати, возвышался ея размѣръ; изъ одинаковаго для всей имперіи размѣръ оброчной подати былъ сдѣланъ пропорціональнымъ доходности земледѣлія въ разныхъ частяхъ Россіи; но самая единица обложенія, — ревизская душа, осталась прежней вплоть до отмѣны подушной подати въ 1887 году. За все это время, несмотря на ростъ абсолютныхъ цифръ, пропорціональное значеніе подушной подати, въ бюджетѣ не переставало падать. Съ половины она упала до трети всего дохода къ началу нашего вѣка, и ниже четверти къ срединѣ его; теперь, включая выкупные платежи и помѣщичьихъ, и недавно (1887 г.)

*) Подворный налогъ XVII вѣка тоже сливался обыкновенно въ одну общую сумму со всего количества дворовъ данной группы плательщиковъ, и затѣмъ распределялся между дворами пропорціонально платежной силѣ cadaго.

переведенныхъ на выкупъ государственныхъ крестьянъ, приближается уже къ десятой части всего бюджета. Если не считать очень скромной по размѣрамъ поземельной подати введенной въ 1875 году *), то надо будетъ признать, что подушная подать не замѣнена никакой новой. (Выкупные платежи не есть подать, а уплата долга). Такимъ образомъ, въ настоящее время система прямого обложенія находится въ состоянн полнаго разрушенія и далеко отстаетъ отъ другихъ источниковъ государственнаго дохода. Весьма вѣроятно, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ эта система будетъ перестроена вновь и что при этомъ правительство будетъ преслѣдовать ту же цѣль, которой оно тщетно добивалось въ концѣ XVII в. и въ первой четверти XVIII вѣка,— вступить въ болѣе непосредственную связь съ каждымъ плательщикомъ, вычислить для этого точнѣе его доходъ и поставить размѣръ подати въ зависимость отъ размѣра этого дохода и его колебаній.

По отношенію къ нѣкоторымъ видамъ подати правительство, впрочемъ, вступило въ непосредственную связь съ плательщиками уже въ далекомъ прошломъ. Плательщиковъ земледѣльческаго класса естественно было облагать цѣлыми обществами въ «свалъ», такъ какъ и земледѣльческій доходъ, приблизительно, равномеренъ и мало измѣнчивъ. Другое дѣло съ классомъ капиталистовъ и предпринимателей: ихъ дохода нельзя ввести въ общія рамки, нельзя считать одинаковымъ для всѣхъ или постояннымъ и неизмѣннымъ для каждаго. Здѣсь, стало быть, правительству выгоднѣе имѣть дѣло съ каждымъ предпринимателемъ и постараться обложить каждаго отдѣльно, пропорціонально его доходамъ. Древнѣйшей формой такого отдѣльнаго обложенія каждаго предпринимателя былъ оброкъ, который правительство брало за торговое помѣщеніе (лавочный оброкъ), считавшееся собственностью казны и отдававшееся въ наемъ чаще всего правительственными чиновниками.

Съ древнѣйшихъ временъ правительство считало также своей собственностью всѣ мѣстности, пригодныя для промышленной эксплуатаціи, напримѣръ, рыбныя ловли, бортныя лѣса и т. д. Эти казенныя угодья также сдавались на оброкъ (отсюда выраженіе «оброчныя статьи»), который, стало быть, былъ въ этомъ случаѣ на половину — доходомъ съ государственныхъ имуществъ, но на половину и налогомъ съ промысла. Что касается обложенія капи-

*) Въ половинѣ губерній она составляетъ всего $\frac{1}{4}$ —5 коп. съ десятины и съ другой половины—5—15 коп. Между тѣмъ, всѣ платежи съ десятины составляютъ въ первой половинѣ 18 коп.—1 руб. 50 коп., а во второй 1 руб. 50 коп.—2 руб. 50 коп.

таловъ пропорціонально доходу, и такія попытки дѣлались уже въ XVII вѣкѣ, но такъ какъ для этого надо было точно знать капиталъ и доходы каждаго, то попытки эти постоянно наталкивались на сопротивленіе, и въ концѣ концовъ, большая часть этихъ процентныхъ сборовъ, такъ-называемыхъ «пятыхъ», «десятыхъ», «пятнадцатыхъ», «двадцатыхъ» и т. п. денегъ (т. е. 20%, 10%, 6²/₃%, 5%) сбиралась не по спеціальной оцѣнкѣ капитала и дохода, а обыкновенными приемами тяглой раскладки. Другими словами, подоходное обложеніе не удерживало своего подоходнаго характера и превращалось подобно разсмотрѣннымъ выше земельнымъ, подворнымъ и подушнымъ податямъ, въ обложеніе раскладочное (репартиціонное).

Не равнѣ Екатерины II удалось, наконецъ, обложить торгово-промышленный классъ особымъ налогомъ, падавшимъ лично на каждаго плательщика и сколько-нибудь похожимъ на подоходное обложеніе. Въмѣсто подушной подати, сливавшей купечество, къ большой для него обидѣ, съ другими податными сословіями, Екатерина установила гильдейскую подать въ размѣрѣ 1% съ объявленнаго по совѣсти капитала. Увеличенная къ 1812 году до 4³/₄%, эта подать просуществовала до 1824 года; но она не обеспечивала ни всеобщности, ни равномерности обложенія торговли и промысловъ, такъ какъ мѣщане и посадскіе были изъ нея изъяты, а среди гильдейскаго купечества объявляемыя суммы капитала могли вовсе не соответствовать дѣйствительнымъ. Когда же, съ увеличеніемъ тяжести гильдейскаго сбора, значительная часть купечества стала переписываться въ мѣщане или отыскивать другія лазейки, чтобы избѣжать платежа подати, правительство преобразовало процентный сборъ въ неизмѣнный окладъ, уплачивавшійся при полученіи свидѣтельства на право торговли. Идея о процентномъ сборѣ, однако, не заглохла вовсе и снова возродилась при обсужденіи общей податной реформы шестидесятыхъ годовъ. Предположено было постоянный патентный сборъ соединить съ подоходнымъ обложеніемъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, принимая за основаніе при оцѣнкѣ дохода—для торговыхъ предпріятій плату за помѣщеніе, а для фабричныхъ и заводскихъ—количество рабочихъ. Однако же Положеніе 1863 года осуществило только первую часть предположеній, т. е., въ сущности, удержало, съ нѣкоторыми измѣненіями, старую систему. Только въ 1885 году сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ къ обложенію доходности торгово-промышленныхъ предпріятій. Правда, первоначальный проектъ Бунге, предполагавшій обложить всѣ предпріятія въ размѣрѣ 3% ихъ чистой прибыли, и на этотъ разъ вызвалъ возраженія со сто-

Государственные доходы России (1680—1891 г.)

Годы:	Прямые:		Косвенные.	Регалии.	Госуд. и муш.	Пошлины.	Другія суммы.	ВСЕГО.
	Подворные и подушные.	Промысловые.						
1680	0,494(33,7%)	0,073(5%)	0,650(44,4%)	0,040(2,7%)	0,073(5%)	0,033(2,3%)	0,100(6,8%)	1,464
1701	0,584(11,3%)	0,065(7,2%)	1,196(40,4%)	0,791(26,8%)	0,065(2,2%)	6,118(4%)	0,135(4,6%)	2,955
1724	4,731(53,5%)	0,255(3%)	2,791(32,7%)	0,233(2,7%)	0,219(2,6%)	0,150(1,88%)	1,47(2,7%)	8,526
1764	9,121(47%)	0,152(0,8%)	8,182(42,2%)	0,158(0,8%)	0,152(0,8%)	0,015(0,08%)	1,624(8%)	19,408
1794	15,859(39,6%)	0,486(1,2%)	19,014(47,3%)	1,627(4%)	0,604(1,5%)	?	2,528(6,3%)	113,044
1825	32,604(29%)	5,363(4,7%)	52,596(46,5%)	4,457(39%)	2,712(24%)	6,108(5,4%)	9,204(8,1%)	199,958
1850	46,770(23,7%)	3,789(1,9%)	103,325(51,6%)	14,039(7,1%)	5,409(2,7%)	13,628(6,8%)	13,006(6,5%)	331,956
1870	74,858(32,6%)	8,384(2,5%)	152,419(45,9%)	15,347(9,9%)	34,332(10,3%)	12,550(3,8%)	33,770(10%)	676,735
1891	91,487(13,5%)	25,108(3,7%)	320,091(47,7%)	25,802(3,8%)	65,770(9,7)	43,715(6,5%)	104,502(15,5%)	640,296
1892	79,628(12,4%)	31,536(4,9%)	313,415(48,9%)	24,775(3,8%)	95,196(14,8%)	43,919(6,8%)	51,827(8,8%)	

См. таблицу расходовъ и замѣчанія къ ней въ концѣ предъидущаго отдѣла.

роны купечества и государственнаго совѣта. Сущность возраженій сводилась къ трудности вычислить чистый доходъ и къ несправедливости—обложить только одинъ классъ и одинъ видъ дохода—подходящимъ налогомъ. Но относительно наиболѣе крупныхъ предприятий, публикующихъ отчеты, трехпроцентный налогъ съ чистой прибыли былъ тогда же принятъ, а съ 1893 года превращенъ въ пятипроцентный. Въ то же самое время другія гильдейскія предприятия были обложены по губерніямъ круглыми суммами, которыя уже разверстывались на мѣстѣ между отдѣльными плательщиками. и потому получили названіе «раскладочнаго» налога. Тотъ же раскладочный сборъ былъ распространенъ въ 1889 году и на негильдейскія предприятия. По расчету предполагаемой прибыли гильдейскія предприятия платили въ 1891 году почти 2⁰/₀, негильдейскія 1³/₄⁰/₀ съ своего чистаго дохода. Наконецъ, и предприятия, обложенныя акцизомъ, привлечены съ 1893 г. къ платежу раскладочнаго налога. Такимъ образомъ, подоходное обложение, хотя еще далеко не въ совершенной формѣ, охватило постепенно всю область торговопромышленной дѣятельности; что ему не суждено ограничиться одною этою областью, показываетъ утвержденный въ 1893 году квартирный налогъ. Въ общемъ итогъ нашихъ прямыхъ поступленій уже теперь налоги на торговлю и промышленность составляютъ около половины. Нѣтъ сомнѣній, что вмѣстѣ съ другими формами подоходнаго обложенія имъ суждено расти въ ближайшемъ будущемъ.

Мы остановились такъ долго на исторіи русскихъ прямыхъ налоговъ, потому что для ихъ взиманія правительство должно было создать и поддерживать принудительную тяглую организацію, сыгравшую огромную роль въ русской общественной жизни. На этой организаціи податной раскладки мы могли наглядно видѣть, какъ правительственная нужда являлась въ Россіи сильнѣйшимъ рычагомъ общественной организаціи. Мы имѣли также случай видѣть, какъ финансовыя и военныя потребности правительства обуславливали его сословную политику. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы познакомимся подробнѣе съ плодами этого воздѣйствія.

Прямые налоги требовали для своего взиманія сложнаго механизма, устройство и поддержаніе котораго требовало отъ правительства большихъ хлопотъ и постояннаго надзора. Гораздо охотнѣе русское правительство (какъ, впрочемъ, и всѣ другія) прибѣгало къ другому рода налогамъ, которые плательщикъ уплачивалъ не прямо, а косвенно, не въ видѣ подати, а въ видѣ прибавки къ цѣнѣ покупаемаго имъ товара. Противъ этихъ, такъ-называемыхъ, косвенныхъ налоговъ (налоговъ на предметы потребленія) всегда

говорилось, что взиманіе ихъ ведетъ къ несправедливости, такъ какъ они падаютъ преимущественно на низшіе классы.

Въ самомъ дѣлѣ, богатый не можетъ съѣсть соли или выпить вина во столько разъ больше бѣднаго, во сколько онъ богаче: онъ покупаетъ тоже количество необходимыхъ для него продуктовъ, какъ послѣдній, и, слѣдовательно, уплачиваетъ косвеннаго налога пропорціонально гораздо менѣе. Но эти возраженія не заставили правительство отказаться отъ взиманія косвенныхъ налоговъ, такъ какъ, при всемъ вредѣ для народа, выгоды этихъ налоговъ для казны были слишкомъ ощутительны и трудно замѣнимы. Косвенные налоги давали, во-первыхъ, огромныя суммы и, во-вторыхъ, суммы эти вносились большинствомъ плательщиковъ незамѣтно для нихъ самихъ и во всякомъ случаѣ не вызывали такого недовольства, какое могла бы вызвать одинаковья съ ними по размѣрамъ прямая подать. У насъ, въ Россіи, казна не ограничивалась, однако, тѣмъ, что облагала сборомъ главнѣйшіе предметы потребленія; отъ времени до времени она брала на себя самое изготовленіе этихъ предметовъ, или, по крайней, мѣрѣ сама занималась ихъ продажей. Въ этомъ случаѣ косвенный налогъ получаетъ характеръ государственной монополіи или регалии. Такъ какъ, однако же, правительство постоянно колебалось между системой собственнаго приготовленія и продажи и системой обложенія частныхъ предпринимателей, то мы не будемъ относить обложеніе одного и того же продукта одинъ разъ къ регалиямъ, другой разъ къ косвеннымъ налогамъ, а прямо отнесемъ къ послѣднимъ.

Главнѣйшими составными частями косвеннаго налога были съ давняго времени таможенные сборы и питейный доходъ; при Петрѣ къ этому присоединилась соль, освобожденная отъ налога только въ 1880 г.; при Николаѣ прибавились еще налоги на табакъ, на свеклосахарное производство; въ прошедшее царствованіе—на керосинъ и спички. За исключеніемъ полувѣка со времени введенія подушной подати—доходъ со всѣхъ этихъ акцизныхъ и таможенныхъ сборовъ составлялъ главную часть государственнаго бюджета. Взиманіе косвенныхъ налоговъ представляетъ для насъ тотъ интересъ, что здѣсь мы опять можемъ убѣдиться, какъ недостаточны были въ старой Руси собственные финансовые органы правительства. Отдавъ взиманіе прямыхъ податей на круговую отвѣтственность сельскихъ и посадскихъ общинъ, московское правительство отдало сборъ косвенныхъ налоговъ на такую же отвѣтственность высшаго слоя городского сословія. Но такъ какъ эта повинность горожанъ тѣсно связана съ происхожденіемъ городского самоуправленія, то мы и отложимъ бесѣду о ней до соотвѣтственнаго отдѣла нашихъ «Очерковъ».

Остальные источники государственныхъ доходовъ играли въ русскомъ бюджетѣ сравнительно второстепенную роль. Мы перечислимъ ихъ здѣсь только для полноты обзора.

Изъ государственныхъ регалій (т. е. исключительныхъ правъ государства) раньше другихъ сдѣлалась предметомъ дохода—чеканка монеты. Перечеканивая иностранную монету въ свою, правительство пускало ее по нѣсколько высшей цѣнѣ и имѣло отсюда постоянную небольшую прибыль. Но Петръ, какъ мы знаемъ, злоупотребилъ этимъ правомъ, пустивъ въ оборотъ по старой цѣнѣ вдвое худшую монету; отсюда происходитъ исключительно высокая цифра 1701 г., по которой доходъ съ монетной операціи превышалъ $\frac{1}{4}$ всего бюджета. Со времени Петра присоединяется къ монетной регаліи доходъ отъ почтовой регаліи, вскорѣ послѣ Петра еще доходъ съ горной регаліи, т. е. доходъ съ разработки казенныхъ рудниковъ и пошлина съ частныхъ, съ Николая—доходъ съ телеграфной регаліи. Съ развитіемъ сообщений почтовый и телеграфный доходы быстро растутъ и составляютъ теперь $\frac{9}{10}$ всѣхъ регальныхъ поступленій; горный доходъ со времени крымской войны, напротивъ, падаетъ, а монетный сводится къ совершенно ничтожной цифрѣ. Свои обширныя государственныя имущества московское государство эксплуатировало только однимъ способомъ: отдачей на оброкъ—оброчныхъ статей. Теперь оброчныя статьи составляютъ только $\frac{1}{8}$ дохода съ государственныхъ имуществъ; на первое мѣсто выдвинулся доходъ съ желѣзныхъ дорогъ и лѣсовъ. Наконецъ, пошлины (гербовыя, крѣпостныя, судебныя и т. д.) составляли всегда незначительную часть государственнаго дохода.

Послѣ этого бѣглаго перечисленія намъ остается отвѣтить на одинъ вопросъ: какъ тяжело ложился и ложится доходъ русскаго государства на населеніе? Абсолютныя цифры денегъ, платимыхъ государству населеніемъ, кажутся не особенно значительными. За 200 лѣтъ, отъ 1680 по 1880 г., общая сумма доходовъ государства разъ въ 30 увеличилась, а съ 1725 г. удесятерилась; но мы видѣли раньше, что за то же время количество населенія увеличилось въ 9 разъ; стало быть, принимая въ расчетъ это увеличеніе населенія и измѣненіе цѣны денегъ, теперешнее населеніе въ 3—4 раза платитъ больше, чѣмъ въ до-петровское время, и немногимъ болѣе (сравнительно съ 1891 г. по расчету бумажнаго рубля—раза въ $1\frac{1}{2}$), чѣмъ въ концѣ его царствованія. На наши деньги это выйдетъ около 1 руб. 80 коп. съ человѣка въ 1680 г. (если считать 14 милл. населенія и 25 милл. дохода), около 6 р. 25 коп. въ 1724 г. (считая 12 милл. и 75 милл. дохода) и около

8 руб. теперь (считая 120 милл. и около миллиарда бумажн. руб. дохода).

Обложение большей части европейских стран значительно тяжеле, а наиболее передовые из них (особенно Франция и Англия) заставляют свое население платить государству в $2\frac{1}{2}$ —3 раза больше, чем Россия. Но тяжесть обложения измеряется не только этими абсолютными цифрами, а также и способностью населения платить эти суммы.

Как напряжены были платежные силы населения за все время государственного роста России, это видно уже из того, что правительству пришлось прибегнуть к описанной выше принудительной организации плательщиков. О том же свидетельствует в высшей степени важный факт, который можно было предполагать и ранее, но который, с цифрами в руках, обнаружен только статистиками нашего времени. Оказывается, что в доброй половине России главная часть населения, земледельческая, платит в казну больше, чем сама получает от своего главного занятия—земледелия; таким образом излишек, необходимый для казны—этой части населения приходится зарабатывать на стороне, посторонними занятиями. В таком положении находится весь наш нечерноземный север. Ранее мы говорили, что земледелие давно не составляет исключительного и даже главного занятия здешнего населения, что в значительной степени оно кормится здесь домашней или фабричной промышленностью. Мы видели в этом естественный результат истощения природных богатств и увеличения народонаселения,—следовательно, представляли собой переход к промышленности естественным последствием внутреннего экономического развития. Такова и была, вероятно, главная основная причина этого явления. Но теперь мы имеем возможность оценить силу другой причины,—необходимости платить государственные налоги,—которая должна была действовать в том же направлении и, следовательно, в немалой степени участвовала в произведении того же результата. И здесь, следовательно, в этом, повидимому, чисто экономическом явлении, мы встречаемся с воздействием на общественную жизнь государства. Припомним, какую значительную роль играло государство в развитии русской фабричной промышленности. Объясняя и защищая усиленные меры покровительства этой промышленности, многие государственные деятели, писатели и представители власти указывали пользу этого покровительства как раз в том, что таким образом умножается число людей, имеющих заработок помимо земледелия, и увеличиваются, следовательно,

платежныя силы русскаго населенія. Возможность увеличить, прямо или косвенно, доходы казны всегда оставалась задней мыслью русскаго протекціонизма. Можно сказать, что въ этомъ смыслѣ протекціонизмъ былъ первой формой, въ которой проявилась государственная забота о «пользѣ общаго блага и пожиткѣ подданныхъ» *), какъ о чемъ-то особомъ отъ «государственной прибыли». Забота эта началась съ тѣхъ поръ, какъ явился на Руси первый проблескъ мысли о солидарности интересовъ государственнаго и народнаго хозяйства. «Худой тотъ сборъ»,—такъ выразилъ эту мысль Посошковъ,—«аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ»; «понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ богатъ былъ»; «крестьянское богатство—царственное, а нищета крестьянская—оскудѣніе царственное».

Суровость условій нашей, исторической жизни мѣшала осуществленію золотыхъ словъ Посошкова, много времени спустя послѣ того, какъ идея, заключенная въ нихъ, сдѣлалась достояніемъ правительственныхъ и общественныхъ сферъ. Привести эту идею въ согласіе съ жизнью составляетъ задачу нашего будущаго.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ, см. для этого отдѣла Военно-статистическій сборникъ, вып. IV. Россія. Спб. 1871. *Рудченко*, Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи. Спб. 1893 (изд. департамента торговли и мануфактуръ). *Ямжоль*, Основныя начала финансовой науки. Спб. 1890.

П. Милуновъ.

*) Выраженіе петровскихъ жалованныхъ грамотъ 1716—1717 гг. на заведеніе первыхъ фабрикъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Оживленіе интереса къ книгѣ.—Удовлетвореніе этого интереса.—Новая книга о книгахъ: «Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія».—Различныя мнѣнія о вліяніи книги.—Что сильнѣе—книга или жизнь?—Изъ общественной жизни за границей: «Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ», изъ отчета г. Сперанскаго.—Пародія на такія же учрежденія у насъ.—Рѣдкій у насъ типъ ученаго: Я. К. Гротъ по даннымъ его автобіографіи.—Нѣкоторыя изъ его «мыслей, посвященныхъ покойному наслѣднику Николаю Александровичу».

Оживленіе интереса къ книгѣ въ средѣ нашего общества составляетъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Не говоря о массѣ новыхъ изданій, выходящихъ то цѣлыми серіями, посвященными тому или иному отдѣлу знаній, то отдѣльными книгами по удешевленной цѣнѣ, на оживленіе этого интереса указываетъ также рядъ попытокъ дать отвѣтъ на вопросъ, что читать и какъ читать. Последнюю новинку въ этомъ родѣ представляетъ интересная книга, изданная г. Ледерле, въ которой собраны мнѣнія нѣкоторыхъ русскихъ писателей, ученыхъ, педагоговъ и художниковъ, о лучшихъ книгахъ и о ихъ вліяніи на читателя. Г. Ледерле, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, нѣсколько уже лѣтъ издаетъ подъ общимъ заглавіемъ «Моя бібліотека» массу переводовъ лучшихъ иностранныхъ писателей, выбирая такихъ, за которыми установилась невыблемо слава какъ классическихъ авторовъ, и тѣхъ изъ менѣе извѣстныхъ, которые почему-либо мало знакомы русскому читателю, но заслуживаютъ полнаго вниманія. Съ цѣлью выяснитъ, какія же книги могутъ быть болѣе полезны и необходимы, онъ разослалъ къ «выдающимся людямъ своей родины» особый циркуляръ, въ количествѣ 2.000 экземпляровъ, въ которомъ обращается къ нимъ съ просьбой составить: «1) списокъ тѣхъ книгъ, какъ художественныхъ, такъ и по всѣмъ отраслямъ знанія, которыя въ вашей жизни, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, произвели на васъ наиболѣе сильное впечатлѣніе и, по вашему мнѣнію, способствовали вашему нравственному и умственному развитію; 2) списокъ книгъ,

съ которыми считаете вы необходимымъ познакомить молодежь и читающую публику». Къ сожалѣнію, на этотъ призывъ откликнулось очень немного лицъ,—всего 86, и изъ тѣхъ многіе уклонились отъ отвѣта.

Любопытная, между прочимъ, черта нашей жизни—эта боязнь высказывать свое мнѣніе. Даже и «выдающіеся люди своей родины» не рѣшаются «смѣть свое сужденіе имѣть», а тѣмъ болѣе—его высказать, хотя бы и по такому вопросу, какія книги, по ихъ мнѣнію, лучшія. Русскій человѣкъ ужасно запуганъ и робокъ во всемъ, что касается сужденія. Онъ всегда ждетъ, что скажетъ начальство, будетъ ли это прямое и непосредственное начальство, отъ котораго зависитъ его благополучіе, или же тѣ или иные «взгляды», которые приняты въ его кружкѣ. Современный русскій интеллигентъ всегда находится въ трусливомъ подчиненіи у того или иного «варяга», которому и поклоняется нелицепріятно.

Можетъ быть, въ этомъ сказалась и другая національная наша черта—лѣнь, отсутствіе интереса ко всему, что выходитъ за предѣлы нашихъ официальныхъ обязанностей. На это указываетъ отчасти полное почти отсутствіе отвѣтовъ отъ учителей и профессоровъ. Какъ бы то ни было, а полезное и важное предпріятіе г. Ледерле почти-что потерпѣло крахъ, такъ какъ 86 отвѣтовъ маловато на 2.000 циркуляровъ.

Но и это незначительное число отвѣтовъ все же даетъ матеріалъ любопытный и поучительный. Осмысленно читаютъ у насъ немногіе, еще меньше людей, способныхъ дать себѣ отчетъ, что произвело на нихъ при чтеніи наибольшее впечатлѣніе. Число Петрушекъ врядъ ли уменьшилось со времени Гоголя, въ особенности въ восьмидесятыя годы, когда было закрыто много библиотекъ, вслѣдствіе изъятія массы книгъ изъ обращенія, что не могло пройти безслѣдно для общей массы читателей.

Среди разнообразныхъ мнѣній о воспитательномъ значеніи книги выдѣляются два своей противоположностью. Первое, представителемъ котораго выступаетъ г. Тихомировъ, извѣстный педагогъ, отрицаетъ почти цѣликомъ такое значеніе книги. Жизнь и живое слово подавляютъ книгу, которая въ сравненіи съ ними умалется почтеннымъ педагогомъ до полного ничтожества. «Въ дѣтствѣ моемъ я ничего не читалъ или почти ничего. Но передо мной постепенно раскрывалась и неотразимо влекла и захватывала меня великая книга жизни,—жизни людей, жизни природы въ неразрывной связи съ жизнью людей»... Это для огромнаго большинства совершенно вѣрно, пока дѣло касается дѣтскаго возраста, которому свойственно вполнѣ естественное отвращеніе къ книгѣ.

Вѣрно также и то, что «первыя сѣмена симпатіи и антипатіи къ людямъ» закладываетъ въ душу жизнь, а не книга. Но вѣдь не о дѣтскомъ же возрастѣ рѣчь идетъ и картина совершенно мѣняется, когда отъ дѣтства перейдемъ къ тому возрасту, когда складывается будущій человѣкъ. Тогда-то и выступаетъ огромное значеніе книги, о которомъ говоритъ другой, извѣстный педагогъ, В. П. Острогорскій, являющійся представителемъ противоположнаго мнѣнія.

«Независимо, а иногда и зависимо отъ непосредственнаго, самостоятельнаго наблюденія надъ природой и человѣческой жизнью, отъ того, что даетъ человѣку съ ранняго возраста среда, обстановка, такъ сильно дѣйствующія на образованіе внутренняго міра, — послѣдній складывается подъ вліяніемъ двухъ фактовъ: во-1-хъ, *школы* (понимая подъ нею и низшую, и среднюю, и высшую, а также всякіе публичные курсы и лекціи); во-2-хъ, *чтенія самостоятельнаго*, главнымъ образомъ, по собственному выбору, сообразно характеру, вкусу, наклонности, словомъ, чтенія, вызваннаго любознательностью. Это-то чтеніе, какъ расширяющее постепенно кругозоръ человѣка, дополняющее образованіе и доставляющее человѣку наслажденіе, отраду, разумное и пріятное наполненіе досуга, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ самообразованія и самовоспитанія. Но, можетъ быть, нигдѣ въ болѣе или менѣе культурномъ мірѣ, это чтеніе не имѣетъ такого важнаго *особеннаго* значенія, какъ именно у насъ, въ Россіи».

Странность мнѣнія г. Тихомирова просто поражаетъ, когда вдумашься въ дѣйствительную жизнь, т. е. ту, которая выпадаетъ на долю огромнаго большинства русскихъ обывателей. Бѣдность впечатлѣній, какъ результатъ ничтожности этой жизни, ея однообразія, мелочности, пустоты и безцвѣтности, ведетъ къ полному упадку умственныхъ интересовъ, къ исчезновенію благородныхъ порывовъ, къ тому, что принято называть опшлѣніемъ. Только книга и выручаетъ наше молодое поколѣніе, такъ какъ изъ нея только оно и узнаетъ и о возвышенныхъ мысляхъ, и о благородныхъ дѣйствіяхъ, о чести и добрѣ. Въ одной изъ сказокъ Щедрина неразумной помѣщикъ, которому надоѣлъ мужичій духъ, просилъ боговъ избавить его отъ этого духа, что въ надзиданіе потомства и было ими исполнено. Мужикъ снялся съ мѣста и улетѣлъ. Что произошло затѣмъ, читатели, конечно, помнятъ: неразумный помѣщикъ одичалъ, и становому пришлось его отправить въ сумасшедшій домъ. Думаемъ, что если бы книга также улетѣла изъ Россіи, то результатъ былъ бы приблизительно такой же, и, навѣрное, пришлось бы обратиться къ новымъ варягамъ, которые прежде всего принесли бы съ собой книгу.

Рѣче всего и категоричнѣе высказывается въ пользу вліянія книги на умственное развитіе сельскій учитель А. М. Шмелевъ, по словамъ котораго только книга имѣла рѣшающее вліяніе на

его развитіе. «Каково бы ни было мое развитіе, я обязанъ имъ только книгамъ и никому болѣе», говоритъ онъ, и очень многіе могли бы сказать тоже самое, если подъ развитіемъ понимать совершенствованіе силъ, данныхъ каждому изъ насъ природою.

Припомнимъ тѣ отчаяніе, о которомъ говорятъ юные авторы упомянутыхъ нами въ прошлый разъ брошюръ. Отъ удручающаго настроенія они ищутъ спасенія въ книгѣ, которая если не всѣмъ, то избраннымъ помогаетъ выбраться изъ мрака къ свѣту.

Дѣлается это безпорядочно, ошущью, безъ системы и руководства, въ чемъ сходятся всѣ, приводимые г. Ледерле, авторы, и почти всѣ они сходятся въ томъ, что вреда отъ такого безпорядочнаго чтенія они для себя, по крайней мѣрѣ, не видятъ. Это не значитъ, однако, чтобы они отрицали пользу системы и руководства, но изъ двухъ золъ — отсутствіе книгъ или руководителя — лучше послѣднее. За то съ какой благоговѣйной благодарностью вспоминаютъ они о такомъ руководствѣ, выпавшемъ на долю немногихъ счастливицевъ, какъ, напримѣръ, того же педагога Д. И. Тихомирова, который рассказываетъ о вліяніи руководства въ чтеніи на него и его сверстниковъ.

«Мнѣ посчастливилось,—говоритъ онъ,—попасть подъ конецъ школьнаго ученія въ руки хорошихъ учителей. Въ урокъ по русскому языку, сверхъ выполненія положенной программы, входило художественное чтеніе, всего болѣе нами любимое. Чтобы имѣть возможность чаще и больше слушать чтеніе, мы, взрослые уже юноши, такъ хорошо приготавливали уроки, что учителю мало приходилось толковать намъ эти уроки, мало тратилось времени и на переспросъ уроковъ. Мы приучились заниматься почти самостоятельно, и занимались вполне добросовѣстно; такимъ образомъ, большая часть класнаго времени посвящалась чтенію. Учитель читалъ самъ, и читалъ мастерски. Уже одно художественное чтеніе само по себѣ многое разъясняетъ слушателю; къ этому учитель прибавлялъ еще и свои толкованія, и мы приучились понимать литературныя произведенія—видѣть, воспринимать и усваивать ихъ содержаніе. Время отъ времени, взаимнъ своихъ толкованій, учитель прочитывалъ подходящую художественно-критическую статью, вполне раскрывающую идею произведенія, разъясняющую художественные образцы и значеніе произведеній (критическія статьи Вѣлинскаго, Добролюбова и нѣкоторыхъ другихъ). Мнѣ и теперь памятно неотразимо-сильное впечатлѣніе статей Добролюбова «Темное царство» и «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» въ связи съ чтеніемъ прозы, «Свои люди сочтемся» и другихъ произведеній Островскаго. Такъ прочитаны были въ цѣломъ и по частямъ лучшія произведенія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Островскаго... Произведенія, которыя прочитывались въ классѣ въ отрывкахъ, перечитывались потомъ съ величайшимъ вниманіемъ въ цѣломъ самостоятельно, и мы часто, по собственному побужденію, писали отчеты о прочитанномъ, разборъ (посильное пониманіе) прочитаннаго, статьи по поводу прочитаннаго. Чтеніе художественно-литературныхъ произведеній и критическихъ къ нимъ статей, кромѣ воспитывающаго умъ

и сердце водѣйствія, выработало въ насъ вкусъ, научило и приучило насъ читать толково, воспитало въ насъ любовь къ серьезному чтенію. Для насъ ужъ не казались теперь скучными и популярно-научныя произведенія историческія, географическія, естественно-историческія, — и серьезныя книги мы читали съ истиннымъ удовольствіемъ и умѣли найти въ нихъ интересное.

Но такихъ счастливицевъ было немного, и большинство руководствовалося скорѣе инстинктомъ, выбирая чутьемъ все хорошее изъ общей массы книгъ и отталкивая дурное или равнодушно проходя мимо. Почти всѣ авторы, которые по времени развитія относятся къ шестидесятымъ годамъ, указываютъ на важное значеніе въ ихъ развитіи текущей литературы, именно журналистики. Въ ней, въ сущности, они имѣли руководителя, направлявшаго и задававшаго тонъ чтенію. Почти всѣ отмѣчаютъ огромное вліяніе критики и публицистики того времени, журналовъ «Современникъ», «Русское Слово». Извѣстный писатель-беллетристъ А. И. Эртель такъ распредѣляетъ вліяніе чтенія по возрастамъ: «Въ раннемъ дѣтствѣ преобладало вліяніе глупой и вредной книги о Наполеона. Въ 9 — 12 лѣтъ образовывались эстетическіе вкусы на Пушкинѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ фантазія была напоена дѣянїями героев Дюма-отца. Въ 13—16 лѣтъ вліяла церковная литература, умѣряемая сенсационными романами и лирическимъ настроеніемъ отъ степей и стиховъ. Въ 16—19 лѣтъ господствовалъ Дарвинъ съ «естественно-научнымъ» направленіемъ «Русскаго Слова». Въ 19—21 года опредѣлилось вліяніе «Отечественныя Записокъ», и мировоззрѣніе начало складываться болѣе или менѣе самостоятельно».

Схема г. Эртеля, приблизительно, обычная для средняго нашего читателя, который начинается съ чтенія сказочно-героическаго характера, переходитъ фазисъ мистицизма въ юношескіе годы, затѣмъ увлеченія естествознаніемъ и заканчиваетъ общественными вопросами. Мистическій періодъ переживали въ большей или меньшей степени всѣ приводимые г. Ледерле авторы, причѣмъ всѣ выдвигаютъ по значенію на первый планъ *Евангелие*. Такимъ образомъ, склонность къ мистицизму, въ чемъ иные хотя бы видѣтъ отличительную черту современной молодежи, представляется явленіемъ обычнымъ въ извѣстномъ возрастѣ, когда начинается исканіе неизблѣмыхъ истинъ, на которыхъ юноша думаетъ построить свое міросозерцаніе. Очень любопытно такое указаніе со стороны лицъ, развитіе которыхъ совпало съ шестидесятыми годами, когда преобладало вообще матеріалистическое направленіе, какъ увѣряютъ теперь. Повидимому, это было не совсѣмъ такъ, и мистическая струнка звучала тогда, какъ и теперь, хотя болѣе сдержанно, безъ нарочитой назойливости и того подчеркиванія ея значенія,

которое заставляет заподозрить ее искренность въ современныхъ намъ проповѣдникахъ мистико-декадентскаго направленія.

Подводя итогъ мнѣніямъ, г. Ледерле приходитъ къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ о руководствѣ, чтеніемъ и желательномъ характерѣ его. Лица, юношеское развитіе которыхъ совпадаетъ съ сороковыми и шестидесятыми годами, читали все, что попадало подъ руку. Книгъ было мало, и выбирать было не изъ чего. Въ иномъ положеніи находится юный читатель нашего времени, и необходимость руководства становится очевидной. Вопросъ лишь въ томъ, кто долженъ взять его на себя? Прямой отвѣтъ напрашивается самъ собой — школа, но такой отвѣтъ мыслимъ лишь въ теоріи, учительскій персоналъ современной школы совершенно не подготовленъ къ такой роли — руководителя чтеніемъ, — роли, требующей большихъ библиографическихъ познаній и опытности, и г. Ледерле полагаетъ, что «обязанность слѣдить за вновь выходящими книгами, указывать имъ мѣсто въ ряду книгъ, уже существующихъ и составлять систематическіе каталоги должно быть дѣломъ особой отрасли литературы специально педагогической», — что, по его словамъ, отчасти уже и дѣлается. Современнѣе необходимость въ такихъ каталогахъ и указаніяхъ должна еще болѣе возрасти, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при нормальномъ порядкѣ вещей, должна бы увеличиться и специальная литература по этому вопросу. Попытку въ этомъ родѣ представляетъ особый журналъ, существующій уже второй годъ, «Книговѣдніе», издаваемый московскимъ библиографическимъ кружкомъ. Въ немъ помѣщается систематическій указатель новыхъ книгъ и рецензій на нихъ въ журналахъ и газетахъ. Это очень полезное изданіе, необходимое для всякаго, кто желаетъ слѣдить за современной литературой. Но журналъ еще не установился, и программа его требуетъ многихъ дополненій, а главное, болѣе системы, безъ чего онъ не можетъ имѣть того значенія, какое должно принадлежать ему по праву. Къ сожалѣнію, онъ далеко не всѣмъ извѣстенъ, а распространеніе его весьма желательно, такъ какъ даже и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ даетъ массу матеріала для выбора и безпристрастную его оцѣнку.

Въ заключеніе своей книги г. Ледерле сводитъ мнѣнія о лучшихъ и необходимѣйшихъ книгахъ. Первое мѣсто въ этомъ спискѣ отведено нашимъ великимъ художникамъ и поэтамъ — Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Грибоѣдову, Тургеневу, Л. Толстому, Достоевскому, Гончарову, Островскому и Щедрину. Нѣсколько страннымъ представляется отсутствіе Некрасова, о которомъ только г. Кони упоминаетъ, какъ о писателѣ, имѣвшемъ на ряду съ Тургеневымъ

огромное вліяніе «на городскую молодежь, воспитывавшуюся въ каменныхъ и деревянныхъ корридорахъ петербургскихъ и московскихъ переулковъ и знавшую не русскую, а дачную псевдо-природу, не зная притомъ вовсе и, поэтому, не любя и не понимая русскаго народа». Именно Некрасовъ познакомилъ юношество съ природой и народомъ, вдохнувъ въ сердца любовь, жалость и близость къ народу. Въ списокъ западно-европейскихъ писателей тоже поражаетъ отсутствіе Гейне, Берне и Шпильгагена, имѣвшихъ въ то время, да и теперь имѣющихъ, несравненно большее значеніе въ развитіи молодежи, чѣмъ, напримѣръ, Данте или Мольеръ, фигурирующіе въ этомъ списокѣ. Для пониманія Данте требуется детальнѣйшее знакомство съ его временемъ, иначе чтеніе его чѣмъ не уступитъ чтенію Петрушки. Данте обыкновенно не читаютъ, а изучаютъ; для огромнаго большинства оны не могутъ представлять теперь большаго интереса. Иное дѣло — трое выше названныхъ писателей, принадлежавшихъ и тогда, и теперь принадлежащихъ къ числу любимцевъ именно молодежи, а не взрослыхъ людей. Лица, мнѣнія которыхъ приведены у г. Ледерле, очень часто упоминаютъ о нихъ.

Въ книгѣ г. Ледерле приведено нѣсколько полныхъ списковъ книгъ, которыя авторы списковъ считаютъ необходимыми для каждаго, стремящагося къ самообразованію. Всѣ эти списки очень поучительны и могутъ быть весьма полезны для систематическаго чтенія, какъ, впрочемъ, и вся интересная книга г. Ледерле.

Если стремленіе къ знанію замѣчается у насъ, гдѣ всѣ проявленія жизни сказываются въ микроскопическомъ, часто изуродованномъ видѣ, то еще сильнѣе оно на Западѣ, гдѣ всѣ условія жизни помогаютъ ему проявиться въ полномъ размѣрѣ. Нѣсколько данныхъ о ходѣ этого дѣла у нашихъ ближайшихъ сосѣдей—австрийцевъ и германцевъ—даетъ отчетъ г. Сперанскаго о «нѣкоторыхъ изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ». Въ Западной Европѣ это стремленіе выросло органически, шагъ за шагомъ, не спѣша и не сбиваясь то въ сторону, то назадъ. Оно лишь дальнѣйшее развитіе освобожденія личности, которая стремится быть сама собой, внѣ зависимости отъ временныхъ условій, подчинить ихъ себѣ и выработать вѣчто прочное, незыблемое, создать тотъ камень, на которомъ она воздвигнетъ зданіе будущаго.

При существованіи всеобщаго обученія, которое лежитъ на обязанности государства, задачи общественной и частной инициативы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія тамъ представляются въ зна-

чительной степени иными, нежели у насъ, въ Россіи. Русскимъ обществамъ распространенія образованія прежде всего приходится заботиться о насажденіи грамотности, тогда какъ наши западные сосѣди уже прошли эту первую ступень, и дѣятельность ихъ направлена на распространеніе знаній высшаго порядка, какихъ народная школа не даетъ. Въ Германіи и Австріи извѣстны два типа такихъ обществъ. Къ первому принадлежатъ общества, которыя содѣйствуютъ самообразованію только своихъ членовъ и распространенію знаній среди лицъ своего класса; таковы рабочія общества для распространенія знаній. Второй типъ обществъ намъ ближе по цѣлямъ и организаціи,—это такія, которыя преслѣдуютъ исключительно образовательныя цѣли и распространяютъ свою дѣятельность на всѣ слои населенія. Г. Сперанскій приводитъ, какъ примѣръ, Вѣнское общество распространенія образованія, съ которымъ онъ ближе познакомился. Общество это существуетъ самостоятельно очень недавно—съ 1893 года, когда оно отдѣлилось отъ Нижне-австрійскаго общества распространенія образованія. Дѣятельность его ограничивается городомъ и заключается въ устройствѣ библіотекъ, общедоступныхъ курсовъ и въ изданіи произведеній образовательнаго содержанія. Въ первый же годъ оно имѣло 2.877 членовъ, годовыя взносы которыхъ составили около 4.050 р. Въ 1892 г., оно устроило 7 библіотекъ, а въ 1893 г. ихъ уже было 17, изъ которыхъ было выдано 246.788 названій, а круглымъ счетомъ всѣ 17 библіотекъ имѣли около 30.000 томовъ. Когда общество открыло первую библіотеку въ рабочемъ кварталѣ города, то за 5 мѣсяцевъ было выдано 94.000 названій. Съ цѣлью опыта была введена незначительная плата, отъ 3 до 4 к. въ мѣсяць, и опытъ оказался очень удаченъ: плата поступаетъ исправно и число подписчиковъ нисколько не уменьшилось. Эта библіотека открыта только въ тѣ часы дня, когда рабочіе не заняты, и наплывъ публики, особенно по вечерамъ, бываетъ громаденъ, не хватаятъ мѣста стоять. «Сидя въ эти часы въ библіотекѣ,—разсказываетъ г. Сперанскій,—я присматривался къ публикѣ и мнѣ казалось, что я могъ читать на лицахъ приходящихъ ту жажду мысли, которая привезла ихъ за книгами. Помню такую картину: на улицѣ дождь, сыро, холодновато; мальчикъ, только-что выпешдшій изъ библіотеки съ книгою, остановился у открытаго окна и при падающемъ изъ библіотеки свѣтѣ внимательно читаетъ, не обращая вниманія, что и книга, и самъ онъ мокнутъ подъ дождемъ: у него, очевидно, не хватаятъ терпѣнія донести ее до дому».

Не меньшій успѣхъ имѣютъ чтенія, въ видѣ богѣе или менѣе правильныхъ курсовъ. Такъ, въ 1892 г. ихъ было 235 съ чи-

словъ слушателей 60.000, въ 1893 г.—270, число слушателей—63.000. Изъ 235 чтеній было: по естественной исторіи—41, исторіи — 30, медицинѣ и гигиенѣ — 26, исторіи искусства и культуры—24, политической экономіи—23, географіи—22, литературѣ—13, образцовое чтеніе произведеній литературы—37. Какъ далеки эти чтенія отъ того, что принято у насъ называть народными чтеніями, показываютъ имена лекторовъ и содержаніе лекцій. Такъ, по естествознанію читали: инженеръ Лоссъ (хранитель-адъюнктъ королевскаго технологическаго музея)—о превращенія теплоты въ механическую работу; приватъ-доцентъ Бендорфъ—«Микроскопъ и телефонъ»; профессоръ Вейнбергъ—о разрывныхъ и взрывчатыхъ веществахъ. По исторіи: приватъ-доцентъ Меклеръ — о Солонѣ; профессоръ Бассъ — «Исторія крестовыхъ походовъ» (нѣсколько чтеній) и т. д. Преимущественными чтецами выступаютъ профессора и приватъ-доценты вѣнскаго университета, при содѣйствіи которыхъ общество устроило настоящій народный университетъ, по образцу англійскихъ университетскихъ курсовъ для широкой публики. Курсы были бесплатны и рассчитаны на четыре триместра (3 мѣсяца), т. е. на два года; читались древняя исторія (греческая и римская), зоологія, физика (механика), исторія искусствъ и культуры въ Австріи, нѣмецкая литература. Слушателей записалось 315 человекъ, въ числѣ которыхъ рабочіе, ремесленники и мелкіе служащіе составляли около половины. Курсы существовали 5 триместровъ, такъ что учебный планъ былъ разъ выполненъ, но затѣмъ, вслѣдствіе недостатка средствъ, ихъ пришлось закрыть. Общество обратилось въ ландтагъ съ просьбой о пособіи, въ чемъ было отказано. Тогда, въ виду того, что изъ 13 преподавателей, читавшихъ на курсахъ, 6 были доцентами вѣнскаго университета, университетскому сенату была подана петиція о томъ, чтобы сенатъ образовалъ комиссію для разработки вопроса объ устройствѣ при университетѣ общедоступныхъ научныхъ курсовъ, въ которыхъ были бы лекторами доценты университета; и чтобы сенатъ ходатайствовалъ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о назначеніи для этой цѣли университету субсидіи. Петиція была подписана всѣми доцентами и половиною профессоровъ и увѣнчалась успѣхомъ. Ландтагъ ассигновалъ въ 1895 г. 5.000 гульденовъ на «организацію при вѣнскомъ университетѣ общедоступныхъ научныхъ чтеній».

Такова эта просвѣтительная дѣятельность, развитая однимъ только обществомъ въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ. Представимъ на ряду съ нимъ десятки и сотни такихъ обществъ, объединенныхъ общей цѣлью, дружно поддерживаемыхъ и обществомъ,

и государствомъ, и мы поймемъ, какую великую будущность готовятъ они народу, устраняя величайшую опасность, которую создаетъ разобщеніе народа и интеллигенціи. Эту опасность давно уже поняли въ Западной Европѣ, гдѣ лучшіе люди создали движеніе, все возрастающее теперь, цѣль котораго—поднять уровень знаній въ народныхъ массахъ настолько, чтобы исчезла рѣзкая разница между человѣкомъ изъ народа и человѣкомъ изъ университета. Движеніе это пока въ началѣ, но уже теперь послѣдствія его сказываются въ упорядоченіи нравовъ, въ сокращеніи пьянства и болѣе серьезномъ отношеніи къ своимъ правамъ, на что въ особенности упирають руководители этого движенія въ Англии. Безсознательная масса всегда является простымъ орудіемъ въ рукахъ болѣе или менѣе беззащитныхъ вожаковъ. Тогда какъ просвѣщенная, она руководствуется своими взглядами и интересами, которые отлично понимаетъ, и является самымъ стойкимъ оплотомъ государства. Интересно, между прочимъ, что анархизмъ въ Западной Европѣ имѣетъ наибольшее число послѣдователей въ наименѣе просвѣщенныхъ странахъ, именно въ Италіи и Испаніи; онъ очень слабъ въ Германіи и совершенно отсутствуетъ въ Англии, хотя здѣсь ему, какъ и всякому ученію, открытъ свободный доступъ. Съ распространеніемъ знаній въ массахъ, анархизмъ исчезнетъ, какъ и всякое проявленіе невѣжества и порождаемаго имъ отчаянія.

При знакомствѣ съ успѣхами просвѣщенія на Западѣ, мысль невольно обращается къ себѣ, на родину, и самъ собой напрашивается вопросъ, почему у насъ оно развивается такъ медленно? Чѣмъ мы хуже вѣмцевъ? Почему петербургскій рабочій имѣетъ къ своимъ услугамъ только кабакъ, а вѣнскій—народный университетъ? Обычнымъ отвѣтомъ на эти вопросы служить ссылка на нашу сравнительную съ Западной Европой бѣдность. Но этотъ отвѣтъ давно уже пора бы оставить, давъ въ архивъ вмѣстѣ съ прочими яко бы присущими исключительно намъ особенностями. Изъ всѣхъ орудій прогресса просвѣщеніе оказывается самымъ дешевымъ, и то же Вѣнское общество развиваетъ свою блестящую дѣятельность буквально на гроши. По даннымъ за 1893 г., оно располагало 17.000 гульденовъ (около 12.000 р.) дохода, изъ которыхъ израсходовано на чтенія, концерты, бібліотеки и курсы около 13.500 гульденовъ (почти 9.000 руб.). Многія изъ нашихъ обществъ располагаютъ неменьшими средствами и могли бы располагать несравненно большими, если бы не тотъ роковой кругъ, изъ котораго не можетъ выйти у насъ всякая общественная дѣятельность. При малѣйшей попыткѣ расширить его, кругъ сжи-

мается и живая работа общества смѣняется апатичнымъ прозябаніемъ.

«Поразительно видѣть,—говоритъ «Недѣля»,— какъ далеко подвинулась озаренная знаніемъ народная жизнь въ культурныхъ странахъ. И тѣмъ грустнѣе бываетъ возвращаться къ нашей отечественной отсталости—отсталости всесторонней и застарѣлой, всѣ формы которой имѣютъ одинъ корень—недостатокъ образованія. Точно невидимыми чарами скована энергія величайшаго народа въ мірѣ; блуждая во тьмѣ, эта энергія разсѣивается, не выполняя и малой доли возможной работы. Народное наше невѣжество, безпримѣрное въ свѣтѣ, оставляетъ нашу націю, больше трехъ четвертей всей славянской расы—въ хвостѣ народовъ, въ разстояніи нѣсколькихъ столѣтій до того совершенства жизни, какое теперь возможно. Мы еще доживаемъ средніе вѣка въ то время, какъ Европа вступила въ новый—загадочный еще историческій періодъ, съ совершенно новыми условіями международной жизни и міровой конкуренціи. Европа видимо стремится къ тому, чтобы нарождающіяся поколѣнія были вооружены всѣми средствами цивилизаціи, чтобы каждый гражданинъ, какъ въ античныя времена, былъ физически и духовно развитъ въ уровень съ своимъ вѣкомъ. Уже и теперь отмѣчается въ разныхъ странахъ расовое возрожденіе—народженіе новой, болѣе сильной и красивой породы (въ Скандинавскихъ странахъ, Англіи и Германіи), въ то время, какъ по свидѣтельству статистики (профессоръ Янсонъ) коренное русское населеніе во многихъ мѣстностяхъ вырождается отъ крайней бѣдности и невѣжества (что именно невѣжество—одна изъ ближайшихъ причинъ вырожденія, доказываетъ страшная дѣтская смертность и развитіе заразныхъ болѣзней). Тяжело становится на душѣ, когда сопоставишь эти два столь противоположные процесса — въ Европѣ и у насъ. Какую будущность мы готовимъ темному, все еще полудиному (передъ XX вѣкомъ) народу въ сосѣдствѣ съ просвѣщенными, могучими, оздоровленными расами Запада?»

Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, передъ уничтоженіемъ крѣпостного права, каждая реформа наталкивалась на непреодолимое препятствіе въ видѣ крѣпостной зависимости народа, такъ и теперь на каждомъ шагѣ въ общественной или государственной жизни у насъ является тормазъ — народное невѣжество. Излюбленнымъ современнымъ вопросомъ служить, напр., подъемъ сельскаго хозяйства; но какъ его поднять, когда самъ хозяинъ стоитъ на ступени развитія среднихъ вѣковъ? Въ отчетѣ г. Сперанскаго говорится о мѣрахъ къ подъему этого хозяйства въ Германіи и мы ихъ приведемъ, какъ иллюстрацію того, что у насъ *невозможно*. Г. Сперанскій касается дѣятельности одного только общества рейнскихъ сельскихъ хозяевъ, представляющаго грандіозную организацію, число членовъ которой въ 1883 г. достигало 18.000 слишкомъ. Дѣятельность его выражается, главнымъ образомъ, въ распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній. Еще въ 1856 г. оно назначило премію за составленіе учебника естественныхъ наукъ, пригоднаго для крестьянскихъ дѣтей, и ходатайствовало о введеніи въ народной школѣ преподаванія земледѣлія. Министерство

народнаго просвѣщенія отклонило это ходатайство на томъ основаніи, что это противорѣчило бы принципу народной школы, цѣль которой сообщать лишь общеобразовательныя свѣдѣнія. Обществу было разрѣшено содѣйствовать распространенію сельскохозяйственныхъ знаній, оказывая поддержку тѣмъ среднимъ школамъ, которыя ввели у себя преподаваніе сельскаго хозяйства, и общество выдавало преміи тѣмъ преподавателямъ среднихъ школъ, которые занимались со своими учениками сельскохозяйственными предметами.

На этомъ общество, конечно, не остановилось и въ 1860 г. стало приглашать страждующихъ учителей, которые читали въ данной мѣстности курсы по земледѣлію, преимущественно посвященные мѣстнымъ нуждамъ. Увидѣвъ на опытѣ, какой успѣхъ имѣли такія чтенія, общество сдѣлало еще шагъ впередъ и въ 1879 г. открыло 15 школъ съ двухгодичнымъ зимнимъ курсомъ для преподаванія специально сельскаго хозяйства, куда принимались ученики, окончившіе уже курсъ начальной школы. Въ 1892 г. такихъ школъ общество имѣло 21. Программа школъ показываетъ, какъ высоко поставлена тамъ научная часть. Такъ, по химіи первую зиму читаются важнѣйшіе для земледѣлія отдѣлы ея, неорганическія соединенія; вторую зиму — органическія соединенія; ученіе о почвѣ; естественная исторія, физика, политическая экономія, бухгалтерія и проч., — словомъ, курсъ, дающій такія солидныя знанія, которымъ едва ли удовлетворяетъ и наша средняя школа. И сдѣлало это одно частное общество, пользуясь, съ одной стороны, подготовкой населенія, прошедшаго хорошую школу, и, съ другой стороны, не стѣсняемое правительствомъ и опираясь на содѣйствіе мѣстныхъ учреждений самоуправленія. Въ этомъ и заключается главная прерогатива культурныхъ странъ — въ возможности работать на общую пользу безъ помѣхи, не опасаясь, что завтра же вся эта работа сведется къ толченію на мѣстѣ, а то и совсѣмъ прекратится.

Г. Сперанскій указываетъ на массу такихъ учреждений общественнаго благоустройства, какъ музеи, выставки, ремесленныя школы, союзы рабочихъ, бюро для отысканія работы и тому подобное. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ стройное цѣлое, свидѣтельствующее о высотѣ общественнаго развитія, открывающей такія широкія перспективы будущаго, о которыхъ русскому человѣку и во снѣ не снилось. Пока мы стоимъ на мѣстѣ, Западъ идетъ впередъ, и разстояніе между нами увеличивается съ поразительной быстротой. Хотя мы не особенно доверяемъ цифрамъ, съ помощью которыхъ можно доказывать, что угодно, но не можемъ не привести вѣсколькихъ данныхъ, поясняющихъ ростъ этого

движенія въ одной Германіи. По свѣдѣніямъ за 1894 г., въ Германской имперіи было 56.563 публичныхъ народныхъ школъ съ преподавательскимъ составомъ въ 120.032 штатныя должности, т. е. не считая сверхштатныхъ учителей и практикующихъ. Обучалось въ народныхъ школахъ 7.925.688 дѣтей обоаго пола, при численности населенія имперіи въ 49.428.470 человекъ, или на каждыя 100 жителей было 16 школьниковъ и на каждыя 874 жителя одна школа. Стоимость содержанія этого громаднаго народнаго «учебнаго заведенія», не считая высшей школьной администраціи и педагогическаго надзора, достигаетъ 242.400.000 марокъ (почти 120 мил. руб.), изъ коихъ около 70 мил. ложатся на общегосударственныя средства, остальное—мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Какъ-то неловко и стыдно становится, когда на ряду съ этими грандіозными цифрами поставить наші 500.000 школьниковъ и тѣ 6 мил. рублей, которые затрачиваютъ земства, плюсъ 3 мил. отъ казны. Въ этихъ цифрахъ выражаются просвѣтительныя усилія стодвадцатимилліонной имперіи.

Недавно вышла въ свѣтъ книга, посвященная памяти ученаго дѣятеля, мало извѣстнаго среднему читателю, хотя какъ личность ученаго, такъ и общій характеръ его дѣятельности заслуживаютъ много къ себѣ отношенія. Это — Яковъ Карловичъ Гротъ, филологъ и талантливый переводчикъ съ шведскаго и финскаго языковъ, бывшій въ числѣ учителей и воспитателей покойнаго наследника цесаревича Николая Александровича. Книга начинается автобіографіей Грота, интересной не только для характеристики автора, но и того времени, къ которому относится главная ея часть. Гротъ воспитывался въ знаменитомъ Царско-сельскомъ лицейѣ, въ которомъ учился Пушкинъ и куда онъ поступилъ спустя девять лѣтъ послѣ выхода оттуда великаго поэта. Память о немъ была еще жива въ стѣнахъ лицея, и хотя порядки были уже не тѣ, но преданіе о Пушкинѣ имѣло огромное вліяніе на воспитанниковъ. Этимъ вліяніемъ Гротъ объясняетъ любовь къ поэзіи и чтенію, отличавшую учениковъ лицея, не смотря на казарменные порядки, введенные въ немъ, какъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ того времени. Гротъ, очень способный и прілежный, поступилъ въ лицей хорошо подготовленнымъ, но вынесъ оттуда немного, какъ видно изъ его замѣчанія по поводу выхода изъ лицея: «Чего не могли бы сдѣлать изъ меня въ лицей съ такими началами, при моей любознательности и стремленіи впередъ! Но надобно отдать справедливость тамошнимъ моимъ наставникамъ; всѣ они, за исключеніемъ двухъ или трехъ, очень плохо

понимали и цѣль свою, и средства, которыя надобно было употреблять при обученіи». Цѣль эта заключалась въ приготовленіи чиновниковъ для высшихъ государственныхъ учреждений, въ одно изъ которыхъ, именно въ канцелярію Государственнаго Совѣта, Гротъ и поступилъ. Здѣсь ему очень повезло съ точки зрѣнія чиновника, но было очень тяжело для него, такъ какъ всѣ его стремленія шли въ совершенно противную сторону. Онъ былъ сразу отмѣченъ и взысканъ начальствомъ. Почеркъ его очень понравился императору Николаю, и съ тѣхъ поръ большую часть «меморій» пришлось переписывать будущему академику и составителю русскаго словаря. Бѣдный Гротъ изнывалъ за этой работой. «Дни уходятъ,—пишетъ онъ въ дневникѣ,—не оставляя ни въ умѣ, ни въ сердцѣ прочныхъ слѣдовъ; за то они оставляютъ по себѣ толстыя кипы исписанной веленовой бумаги; будетъ мнѣ чѣмъ похвастать, показывая внуку или сыну шкапы государственной канцеляріи; съ какой гордостью скажу: «сочинять не сочинялъ, а писывалъ!» Невольно приходитъ на мысль: ужели на 24-мъ году отъ роду, въ лѣто служенія нашего 4-е, воспитавшись въ одномъ изъ первыхъ заведеній, я не могъ бы лучше быть употребленъ на службу?» Наконецъ, онъ не выдержалъ такого «государственнаго служенія» и сбѣжалъ оттуда. Литература и наука давно уже тянули его къ себѣ. Онъ зналъ тогда уже почти всѣ главные европейскіе языки и былъ извѣстенъ сначала своими небольшими изящными переводами съ англійскаго, а потомъ какъ переводчикъ знаменитой поэмы Тегнера «Фритіофъ». Благодаря этому переводу, у него завязались литературныя знакомства съ Плетневымъ, Жуковскимъ, со шведами и финляндскими писателями, что и побудило его бросить государственное «служеніе» въ видѣ переписки веленовыхъ фолиантовъ. Любопытно отношеніе тогдашняго общества къ его рѣшенію сдѣлаться ученымъ и литераторомъ. «Всѣ были поражены, не могли никакъ понять, какъ я рѣшаюсь жертвовать своею карьерою, находили, что я поступаю опрометчиво, а иные считали меня просто сумасшедшимъ. Впослѣдствіи я узналъ, что до одного изъ моихъ товарищей дошелъ слухъ, что я помѣшался. Мнѣ было тяжело являться въ обществѣ; вездѣ меня допрашивали о моемъ намѣреніи, выражали свое недоумѣніе. Тогдашній директоръ департамента народнаго просвѣщенія замѣтилъ мнѣ, что онъ меня не понимаетъ, что въ нашемъ обществѣ званіе ученаго еще не пользуется достаточнымъ уваженіемъ и что, конечно, я современемъ раскаюсь въ томъ, что дѣлаю». Но Гроту не пришлось раскаяться, къ великому огорченію чиновнаго міра. Онъ уѣхалъ въ Финляндію и

вскорѣ получилъ въ гельсингфорскомъ университетѣ кафедру русской исторіи. Съ тѣхъ поръ его ученая и литературная дѣятельность больше не прерывалась перепиской бумагъ, продолжаясь почти 50 лѣтъ. Слѣдить за ней мы не будемъ. Замѣтимъ только, что ему, главнымъ образомъ, общество обязано инициативой возобновленія подписки на памятникъ Пушкина и сооружеиіемъ его, въ чемъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Кромѣ русскаго словаря, самой капитальной его работы, и массы филологическихъ изысканій (онъ зналъ *все* европейскія нарѣчія и древніе языки), уже глубокимъ старикомъ онъ обработалъ извѣстную грамматику русскаго языка, по которой всѣ теперь обучаются.

Гротъ первый содѣйствовалъ сближенію финляндцевъ съ русскими, явившись въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ посредникомъ между финской литературой и наукой и русской. Это сближеніе ознаменовалось горячимъ участіемъ, какое приняли русскіе ученые и литераторы въ празднованіи 200-лѣтней годовщины основанія гельсингфорскаго университета въ 1840 г. То было еще блаженное время, когда не родился нововременскій патріотъ съ его бдительнымъ сыскомъ измѣны, и оба народа, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, сошлись на веселый праздникъ науки, который такъ описываетъ финляндецъ Авг. Шауманъ,

«Самымъ значительнымъ и знаменательнымъ эпизодомъ этихъ праздниковъ было дружеское сближеніе между гостившими у насъ русскими и финскими учеными и литераторами. Здѣсь первое мѣсто посредника и соединителя принадлежитъ бесспорно Я. Гроту. Совѣмъ еще молодой человѣкъ, не достигшій и тридцати лѣтъ, тонко образованный и въ полномъ смыслѣ джентльменъ во всемъ своемъ существѣ, онъ рано познакомился съ шведскимъ языкомъ и литературой и былъ извѣстенъ какъ переводчикъ на русскій языкъ саги Фритіофа. Уже въ 1838 г. посѣтилъ онъ впервые Финляндію и, между прочимъ, въ Борго завязалъ знакомство съ Рунебергомъ (знаменитѣйшій изъ финскихъ поэтовъ), котораго изобразилъ съ восторженной теплотой въ одномъ русскомъ журналѣ («Отечественныхъ Запискахъ»). Въ то же время познакомившись съ Цигнеусомъ, Ленротомъ (открывшимъ финскую народную поэму «Калевала»), Нервендеромъ — онъ всѣмъ имъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и сердечную пріязнь. Личными связями своими и языкованіемъ онъ приготовилъ себѣ положеніе, какое тогда невозможно было и предполагать: къ занятію кафедры при нашемъ университетѣ. И такъ какъ онъ вполнину былъ у насъ какъ дома, то и былъ особенно способенъ сближить нашихъ финскихъ литераторовъ съ своими соотечественниками. Съ обѣихъ сторонъ наилучшія и самыя теплыя отношенія оживляли всѣхъ на этихъ праздникахъ, сгладившихъ всѣ неровности и братски соединившихъ финновъ съ русскими. Высшаго пункта достигли эти сердечныя отношенія, когда въ свободный отъ промоціонныхъ торжествъ день, часть русскихъ литераторовъ, между которыми были Плетневъ, кн. Одоевскій, гр. Сологубъ, Я. Гротъ и другіе, пригласили на обѣдъ Францена, Рунеберга и Ленрота и многихъ другихъ финскихъ ученыхъ. На этомъ обѣдѣ произнесено было Я. Гротомъ теп-

лѣе стихотвореніе и состоялось соглашеніе, чтобы въ память юбилея изданъ былъ международный альманахъ, съ участіемъ русскихъ и финскихъ писателей. Редакція Сборника, который долженъ былъ выйти на двухъ языкахъ—шведскомъ и русскомъ, поручена была Гроту. И дѣйствительно, альманахъ вышелъ на обоихъ языкахъ весною 1842 г..

Вотъ это стихотвореніе, изъ котораго приводимъ двѣ начальныя и заключительную строфу:

Сыны племень, когда-то враждовавшихъ,
Мы встрѣтились, какъ старые друзья,
На празднествахъ наукъ, толпы созвавшихъ
Въ гостепріимные сіи края,
И не давно-ль божественная муза
Насъ подлинно сравнила межъ собой?
Привѣтъ же вамъ! скрѣпимъ святыя узы:
Кто чувствами возвышенъ, тотъ намъ свой.

Здѣсь, на концѣ Россіи исполнинской,
Мы руку жмемъ вамъ нынѣ отъ души,
Вамъ, украшенье старой вѣтви финской,
Развившей сладкіе плоды вѣщи.
Межъ сихъ плодовъ сіяетъ цвѣтъ душистый:
То пѣсенъ даръ, излитый въ вашъ народъ,
Чтобъ радостнѣй являлся брегъ скалистый
И черныи боръ, и блѣдный неба сводъ.

Друзья! нальемъ огнистой влагой чаши
И весело подыместъ ихъ къ устамъ.
«Да здравствуютъ», воскликнемъ, «братья наши
По сѣверу и девяти сестрамъ».
Отнынѣ намъ милѣе финновъ скалы;
Да будетъ вѣкъ сей край благословенъ!
Ура! осушимъ полные бокалы
За дружество полуночныхъ Камень.

Вспоминая объ этомъ днѣ черезъ 50 лѣтъ, Авг. Шауманъ съ грустью замѣчаетъ: «Казалось, тогда наступило время настоящаго братскаго единенія въ будущемъ и сближенія между русскими и нашими литературными силами, или, скорѣе приобщеніе нашей литературы къ русской. Но вотъ протекло съ тѣхъ поръ пятьдесятъ лѣтъ и альманахъ Грота остался одинокимъ явленіемъ, которому не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ подражанія!» Виѣсто сближенія, мы видимъ теперь вражду и взаимное заподозриваніе, явившіяся какъ результатъ той беззащитной травли, которую ведутъ противъ финляндцевъ наши самозванные охранители во имя имъ однимъ извѣстныхъ интересовъ. Отвѣтить ясно и опредѣленно на вопросъ «зачѣмъ?»—едва ли они и сами сдумаютъ,—если только отвѣтъ не заключается въ нихъ самихъ: «зачѣмъ,—какъ говоритъ Гротъ въ своемъ стихотвореніи «Сонъ»,

Затѣмъ,—что злоба,
Коварство, зависть, клевета
Грызутъ, какъ червь добычу гроба,
Ихъ грудь, гдѣ холодъ и темнота.»

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ Гротъ былъ профессоромъ гельсингфорскаго университета, продолжая знакомить русскихъ читателей съ лучшими представителями финской литературы въ переводахъ, помѣщаемыхъ имъ въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Такъ, онъ перевелъ лучшія вещи Рунеберга — «Вечеръ на Рождество», «Надежда», «Стрѣлки оленей», а также впервые познакомилъ русскую литературу съ «Калевалой», сначала въ отрывкахъ, а потомъ въ полномъ пересказѣ. Какъ дорожили этой дѣятельностью и цѣнили финляндцы своего молодого друга и профессора, показываетъ слѣдующій оригинальный случай. Въ 1841 г. кто-то наканунѣ Рождества таинственно подкинулъ Гроту изящный и затѣйливый подарокъ: перо изъ слоновой кости, въ оправѣ изъ стали и серебра, съ надписью изъ переведеннаго Гротомъ стихотворенія Рунеберга: «Такъ было весело, свѣтло!»—какъ бы намекая на бывшія годъ передъ тѣмъ празднества въ Гельсингфорсѣ. На этотъ символическій подарокъ Гротъ отвѣтилъ стихотвореніемъ, въ которомъ съ юношескимъ жаромъ высказалъ свое profession de foi:

Добру и правдѣ общаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если нивости вмѣя
Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя—
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчится, помрачась,
И стихъ исчезнетъ благодатный!

И этому обѣту Гротъ не измѣнялъ никогда, въ какое бы положеніе ни ставила его жизнь. Такъ, призванный ко двору сначала въ качествѣ учителя, а потомъ и воспитателя покойнаго наследника цесаревича Николая Александровича, онъ, закончивъ свою отвѣтственную обязанность въ 1859 г., поднесъ въ день совершеннолѣтія наследника альбомъ, дающій ясное понятіе о духѣ и направленіи его преподаванія. Такъ какъ этотъ альбомъ впервые появился въ печати теперь, то мы считаемъ нелишнимъ познакомить нашихъ читателей съ его содержаніемъ.

Альбомъ начинается посвященіемъ, въ которомъ Гротъ говорить своему бывшему ученику о важности переживаемаго имъ дня

(совершеннолѣтія). Затѣмъ, онъ переходитъ къ поясненію обязанностей, налагаемыхъ высокимъ положеніемъ его бывшаго воспитанника. Во главѣ второй «Особенности вашего положенія» онъ говоритъ:

«Слава ждетъ Васъ; но помните, что рядомъ съ нею стоитъ и безславіе. Въ этомъ отношеніи Ваше мѣсто гораздо опаснѣе, нежели положеніе всякаго частнаго лица. Если молодой человѣкъ, съ которымъ я сравнивалъ Васъ, измѣнитъ въ послѣдствіи своимъ благороднымъ стремленіямъ, онъ останется въ неизвѣстности, онъ исчезнетъ въ тысячахъ ему подобныхъ, не оставивъ по себѣ слѣда... Но Ваше имя уже вранѣе занесено на страницы исторіи. Вы должны либо прославить, либо обезславить его; тутъ нѣтъ середины: Вы или оправдаете мѣсто, которое опредѣлено Вамъ самимъ рожденіемъ,— тогда Вы прославитесь, или Вы покажете себя недостойнымъ этого мѣста,— тогда Вы унизите свое имя; для Васъ будутъ поворомъ не одни темныя дѣла и ошибки: для Васъ самое отсутствіе великихъ дѣяній будетъ уже безславіемъ».

Далѣе, въ главѣ о «Правдивости» онъ говоритъ о значеніи правды для государей:

«Свѣтель щитъ ея какъ солнце, ясный ликъ ея открытъ. Поэтому, чѣмъ кто выше по своему положенію и власти, тѣмъ дороже должна ему быть истина. Въ самомъ дѣлѣ, кто, если не сильные міра въ особенности, обязаны блюсти правду и распространять ея царство на землѣ? Какъ высоко должны они цѣнить счастье быть поборниками того, въ чемъ выражается воля Провидѣнія, быть на землѣ представителями этой воли! Какъ должны они покровительствовать и поддерживать тѣхъ, которые любовью къ правдѣ становятся ихъ естественными, надежнѣйшими помощниками и сотрудниками! Какъ должны они ненавидѣть и чуждаться тѣхъ, которые посредствомъ лжи, козней и лести заявляютъ себя врагами ихъ чести и славы, врагами отечества, общаго блага и самого Провидѣнія, ибо вооружаются противъ правды значить дѣйствовать противъ вѣчныхъ цѣлей Божьихъ! Но если неправда презрительна и ненавистна въ подданномъ, который, чувствуя свою немощь, ищетъ въ обманѣ беззаконнаго оружія силы,— что сказать о вождѣ народовъ, который бы отъ юности не возлюбилъ правды со всѣмъ жаромъ чистой души? Для вѣнценосца нѣтъ тѣхъ побужденій, которыя заставляютъ частное лицо прибѣгать ко лжи. Чтобы говорить правду, ему не нужно даже рѣшимости. Кого трепетать ему, кромѣ Бога? Предъ кѣмъ не посмѣетъ онъ высказать правдиваго слова, совершить правдиваго дѣла? Но для него нужно другого рода мужество: онъ долженъ уметь *выслушивать* правду, искать ее, узнавать и принимать безъ гнѣва, даже и тогда, когда бы въ ней заключалось противорѣчье его собственнымъ мыслямъ и желаніямъ. Могущественный примѣръ Государя долженъ рѣшить торжество правды или лжи въ цѣлой странѣ, ибо если знамя его—правда и щитъ его свѣтель, какъ солнце, то невѣжество и коварство не смѣютъ вывоззвѣть изъ темныхъ убожищъ своихъ; а если въ тѣни престола его гнѣздится мракъ лжи, то и нигдѣ въ его царствѣ не восходитъ солнце правды и все царство его есть царство тьмы».

Наконецъ, въ заключительной главѣ «Какъ узнавать правду», Гротъ снова возвращается къ тому же вопросу:

«Отчего правда легко затмѣвается передъ людьми высоко стоящими? Оттого, что они по большей части сносятся только съ такими лицами, кото-

рыи на дѣстницѣ общественныхъ знаній и должностей стоятъ всего ближе къ нимъ. Такъ какъ не всѣ эти избранные побуждаются въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ стремленіемъ къ правдѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, бывають движимы своими страстями, личными видами, заботою о собственной своей пользѣ, то естественно, что эти нѣкоторые стараются скрыть или представить въ ложномъ свѣтѣ все то, что не согласно съ ихъ собственной выгодой. И такъ человѣкъ высоко стоящій находится безпрестанно въ опасности быть обманутымъ, часто даже касательно самыхъ важныхъ и близкихъ для него интересовъ, и это тѣмъ болѣе, что между окружающими его есть люди, всячески старающіеся удалить отъ него тѣхъ, которые могли бы открыть ему глаза. Отсюда ясно, что главное средство унравлять истину заключается въ правилѣ: не гнущаться общенія съ людьми, гораздо ниже насъ стоящими. Часто немногія слова, обмѣненные съ такимъ человѣкомъ, могутъ оварить нашъ умъ внезапнымъ свѣтомъ и вывести насъ изъ долговременнаго заблужденія».

Такова свѣтлая личность рѣдкаго у насъ типа ученаго, не терявшаго среди научныхъ изысканій главной цѣли науки—служенія добру и правдѣ, завѣтамъ которыхъ онъ остался вѣренъ до конца, не измѣнивъ юношескому обѣту. Теперь такъ рѣдко приходится слышать обращенія къ этимъ завѣтамъ, что тѣмъ дороже должна быть память людей, служившихъ имъ на дѣлѣ въ мѣру своихъ силъ.

А. Б.

ВАСИЛІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ СИПОВСКІЙ.

(Некрологъ).

21-го іюля, 1895 года въ 11 час. утра, въ мѣстечкѣ Лисино, близъ Тосно, скончался послѣ кратковременной и тяжелой болѣзни директоръ училища глухонѣмыхъ, извѣстный педагогъ, писатель и редакторъ журнала *Образованіе*, Василій Дмитріевичъ Сиповскій, сотрудникъ журнала *Миръ Божій*, въ первый же годъ изданія котораго, 1892-й, напечатавшій свою большую статью *Сократъ и его ученіе*, недавно изданную отдѣльно вмѣстѣ съ рассказомъ г. Короленко *Тьни*.

Человѣкъ рѣдкой души, необыкновенно чутко отзывавшійся на всякое доброе дѣло, свѣтлаго, широкаго и просвѣщеннаго ума, покойный, неожиданно и безвременно сошедшій въ могилу, едва достигши пятидесяти одного года, былъ истиннымъ, вѣрнымъ, незамѣнимымъ другомъ своихъ близкихъ, которыхъ онъ умѣлъ выбирать и цѣнить, любимѣйшимъ учителемъ своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ, симпатичнѣйшимъ человѣкомъ для всѣхъ, кто его хоть сколько-нибудь зналъ. Воспитанникъ петербургской Ларинской гимназіи и петербургскаго университета начала шестидесятыхъ годовъ, онъ для всей своей послѣдующей, двадцатисемилѣтней, писательской и педагогической дѣятельности, вынесъ изъ этихъ лѣтъ величайшаго общаго подъема русскаго общества именно то, что въ этихъ годахъ было лучшаго. Это лучшее—девизъ всей безупречной жизни покойнаго—была въ немъ самая широкая гуманность, уваженіе къ человѣческой личности, и самая горячая любовь къ просвѣщенію, необходимость самаго широкаго и скорѣйшаго распространенія котораго онъ всегда отстаивалъ съ упорной настойчивостью и энергіей. Въ чистой душѣ этого сѣдовласаго юноши никогда не угасала ни любовь ко всему свѣжему, молодому, ни теплая вѣра въ добро, правду, въ силу и благотворность упорнаго серьезнаго труда. Изъ этихъ же лѣтъ сво-

ей юности вынесъ онъ и глубокое уваженіе къ литературѣ, которая была для него не коммерческимъ дѣломъ, а священнымъ служеніемъ одной истинѣ. Какъ словесникъ, онъ всецѣло принадлежалъ къ школѣ Стоюнина, сочиненія котораго онъ тщательно собралъ и издалъ съ прекраснѣйшею біографіею, и въ многочисленныхъ статьяхъ какъ своихъ, такъ и единомышленныхъ съ собой со-трудниковъ, проводилъ и развивалъ далѣе идеи своего учителя. За двадцать слишкомъ лѣтъ его редакторства, въ *Женскомъ образованіи*, а затѣмъ съ 1892 г. — *Образованіи*, словесность и родной языкъ, вопросы эстетическіе, образовательное чтеніе, занимаютъ всегда видное мѣсто.

Какъ историкъ, онъ былъ сторонникомъ постепеннаго мирнаго прогресса на почвѣ знанія исторіи, забвеніе уроковъ которой вле-четъ за собою только мрачную реакцію и тьму невѣжества.

Отъ преподавателя исторіи онъ требовалъ яркой картинности изложенія, которое давало бы пищу не только уму, но и вообра-женію и сердцу, и три тома *Родной старины* — эта лучшая, мо-жетъ быть, единственная, книга для юношескаго чтенія по русской исторіи, плодъ долгаго и любимѣйшаго труда, останется вѣчною памятью покойнаго. Горячій сторонникъ женскаго образованія, гимназическаго и высшаго, которому онъ служилъ въ качествѣ и учителя Васильевской гимназіи, и тамъ же инспектора, и пре-подавателя Женскихъ Педагогическихъ курсовъ, почти всю жизнь; ему же онъ посвятилъ не мало статей въ своихъ журналахъ, которые представляютъ, можно сказать, настоящую правдивую двадцати-лѣтнюю лѣтопись этого образованія не только у насъ, но и на Западѣ, за жизнью котораго редакторъ всегда слѣдилъ. Говоря о журналахъ покойнаго, нельзя не обратить вниманія и на библио-графію въ нихъ, въ которой разобрано не менѣе нѣсколькихъ ты-сячъ книгъ. Что же касается многочисленныхъ его статей, то довольно указать на такія капитальныя вещи, какъ *Самостоя-тельное чтеніе учащихся*, *Значеніе Петра Великаго въ исторіи русскихъ школъ*, *О высшихъ женскихъ курсахъ*, *Чему учить и какъ учить*, и мн. др. Основанный въ 1874 г. журналъ *Женское обра-зованіе* съ 1892 года преобразуется и расширяется въ журналъ *Образованіе*, привлекаетъ къ себѣ лучшія педагогическо-литера-турныя силы и обращаетъ на себя общее вниманіе особенно статьями о народномъ образованіи въ Россіи и за границей. Этотъ послѣдній журналъ, вмѣстѣ съ начавшими уже выходить выпу-сками *Исторіи древней Эллады*, былъ особенно близокъ серд-цу покойнаго, и вотъ, въ самомъ разцвѣтѣ своей полезной дѣятельности, полный силъ, надеждъ и плановъ будущихъ работъ,

онъ уже сходитъ въ могилу, одинъ изъ послѣднихъ могикиантъ-педагоговъ-писателей идеалистовъ шестидесятниковъ.

Небогата событіями внѣшними эта, въ буквальный смыслѣ, *трудова* жизнь на пользу горячо любимой родины и юношества. Родившись 26-го апрѣля 1844 г. въ Умані, въ Киевской губерніи, онъ окончилъ курсъ съ золотою медалью въ Ларинской гимназіи, а затѣмъ въ 1868 г. кандидатомъ въ филологическомъ факультетѣ петербургскаго университета, при которомъ извѣстный профессоръ исторіи М. С. Куторга предложилъ ему остаться для приготовления къ профессорѣ. Но, не чувствуя призванія къ чистой наукѣ, покойный предпочелъ долю скромнаго учителя, и въ томъ же году сдѣлался преподавателемъ русскаго языка и словесности во второй прогимназіи (нынѣ седьмой гимназіи) и въ женской Маринской, гдѣ преподаетъ исторію, а также и въ Ларинской гимназіи. Съ 1871 по 1874 г. онъ состоитъ преподавателемъ исторіи и словесности и воспитателемъ въ Киевѣ, въ коллегіи Галагана, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и библіотекаремъ, и секретаремъ совѣта, одновременно уча исторіи въ институтѣ благородныхъ дѣвиць. Съ 1874 г. вся его дѣятельность сосредоточивается въ вѣдомствѣ учреждений Императрицы Маріи, гдѣ и прослужилъ онъ до смерти двадцать одинъ годъ, сначала преподавателемъ словесности и исторіи въ Патриотическомъ институтѣ и въ Васильевской женской гимназіи, гдѣ черезъ годъ становится и инспекторомъ, оставившимъ здѣсь по себѣ за десятилѣтнюю службу самую добрую память во всѣхъ сослуживцахъ и ученицахъ, горячо любившихъ своего гуманнаго наставника-друга. Къ этому же періоду относится преподаваніе покойнаго въ Пажескомъ корпусѣ и земской учительской школѣ. Съ 1878 г. состоялъ онъ до самой смерти лекторомъ исторіи въ Женскихъ Педагогическихъ курсахъ, а съ 1885 г. былъ директоромъ училища глухонѣмыхъ, преподавая съ 1887 года исторію Ея Императорскому Высочеству Великой Княжнѣ Ксеніи Александровнѣ, а съ 1891 г. Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу.

Не мало добра принесъ этотъ неутомимый труженикъ, вносящій свѣтъ во всякое дѣло, за свое десятилѣтнее директорство и училищу: благодаря ему, улучшились методы обученія глухонѣмыхъ языку, расширилось ихъ образованіе, развилось преподаваніе ремесламъ, столярному, слесарному и переплетному, и на блестящую ногу, съ 15.000 р. годового оборота, была поставлена имъ типографія.

Такова была жизнь и дѣятельность этого истиннаго педагога,

друга гуманности и врага всякаго формализма, рутины, всякихъ происковъ и искательствъ, этого безукоризненно честнаго оптимиста, чистаго, скромнаго духомъ и сердцемъ. Онъ умеръ, какъ солдатъ на своемъ посту, въ глухомъ мѣстечкѣ Лисинѣ, которое назвалъ онъ мнѣ всего за тринадцать дней до смерти, бодрый и здоровый, въ своемъ послѣднемъ письмѣ, *своей лѣсной берлогой*, гдѣ лѣтомъ живутъ глухонѣмые. Тяжела утрата такого человѣка и дѣятеля, какихъ у насъ, да и всюду, немного; но если покойный умеръ въ сознаніи и въ послѣдній разъ передъ смертью могъ оглянуться на прожитую жизнь, то онъ умеръ съ чистою совѣстью, съ сознаніемъ, что его жизнь прожита не даромъ. Намъ, его друзьямъ, и всѣмъ у него учившимся, остается въ утѣшеніе благодарное воспоминаніе о томъ добрѣ, которое онъ въ нашу жизнь вносилъ. Исторія же русской педагогики и педагогической литературы впишетъ имя почившаго Василя Дмитріевича въ число именъ благороднѣйшихъ и талантливѣйшихъ своихъ дѣятелей.

Викторъ Острогорскій.

Валдай. 24 іюля 1895.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ записокъ земскаго статистика. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» земскій статистикъ Бѣлоконскій даетъ рядъ очерковъ изъ своихъ поѣздокъ по орловскимъ степнымъ деревнямъ для собиранія свѣдѣній. Эти «картинки съ натуры» живо рисуютъ намъ современное положеніе деревни, со всей ея бѣдностью и безпомощностью. Зброшенная въ степи деревушка, куда пріѣхалъ статистикъ, оказалась сплошь состоящей изъ курныхъ избъ.

Онъ попалъ туда какъ разъ въ то время, когда происходила топка печей, и долго не могъ найти подходящаго помѣщенія, чтобы произвести опросъ. У старосты изба была тоже «черная». Извозчикъ повезъ его къ своей «кумѣ», но тамъ ему представилась слѣдующая картина: «Изъ отворенной двери валомъ валитъ темный, сладкій на вкусъ, торфяной дымъ. Возлѣ печи стоитъ беременная, босая баба съ ухватомъ и грязнымъ до-вельзя рукавомъ протираетъ слезящіяся глаза отъ ѣдкаго дыма. На земляномъ полу, покрытомъ лужами воды и грязью, сидятъ въ одиѣхъ закоптѣлыхъ рубашонкахъ дѣти и что-то ѣдятъ, оттапливая назойливо хрюкающаго поросенка, нахально стремящагося подѣлиться убогимъ дѣтскимъ завтракомъ; откуда-то, вѣроятно изъ люльки, скрытой дымомъ, доносится страдальческій пискъ еще одного ребенка».

При такой обстановкѣ собирать

статистическія свѣдѣнія было невозможно. Г-нъ Бѣлоконскій захотѣлъ было переждать на улицѣ, пока кончится топка печей, но тутъ извозчикъ вспомнилъ, что въ деревнѣ есть одна изба «съ теплушечкой», и повезъ его туда.

«Суть «теплушечки» заключается въ томъ, что жерло печи выходитъ не въ избу, а въ сѣни, такъ что печь, входя всѣмъ корпусомъ своимъ, за исключеніемъ отверстія, въ избу, согрѣваетъ послѣднюю, а дымъ уже черезъ сѣни валитъ на улицу. Такимъ образомъ, «теплушечка» является несомнѣннымъ «самобытнымъ» прогрессомъ въ строительномъ искусствѣ степного крестьянства. Положеніе хозяйки отъ этого прогресса нѣсколько ухудшилось, такъ какъ зимою она находится на холодѣ (хотя при открытой двери и въ избѣ бываетъ сильный холодъ, особенно на полу), но за то въ «теплушечкѣ» нѣтъ дыма».

Извѣстіе о прибытіи «чиновника изъ губерніи» быстро облетѣло всю деревню и въ скоромъ времени «теплушечка» начала наполняться народомъ. Приступили къ опросу. Крестьяне очень толково отвѣчали, сколько у нихъ надѣлу, сколько загоновъ, и проч. Но когда поднялся вопросъ о поковѣ, то произошло слѣдующее недоразумѣніе. На заявленіе статистика, что по плану за ихъ деревней чи-

слится 50 десятинъ покосу, крестьяне съ недоумѣніемъ повторили:

— Пятьдесятъ десятинъ!..

— Да. А по вашему, сколько же?

— По нашему, ваше вскородіе, ничего нѣтъ: можете у кого угодно спросить...

— То-есть какъ? Вы вовсе нигдѣ не косите?

— А ни Боже мой!

— Куда же покось дѣлся?

— Не можемъ знать, ваше вскородіе!..

— И никогда не косили?

— Старики баютъ, что на старомъ мѣстѣ кашивали.

— На какомъ «старомъ мѣстѣ»?

— Насъ сюда выгнали: мы при баринѣ за версту отсюда жили.

— Почему же васъ выгнали?

— Такъ взяли да и согнали со стараго мѣста, какъ волю-то давали... Не дай Богъ, что здѣсь было! Солдаты здѣсь были, жандары... Рота солдатъ насъ порола—во-какъ! Избы наши разобрали, и три волости сюда ихъ возили... Все поломали, порастаскали, и годъ строенія здѣсь валялись, а мы на старомъ мѣстѣ года два по квартирамъ жили... На войнѣ того не было, что здѣсь было... Цѣлую недѣлю на барщину гоняли...

— Позвольте, какъ же здѣсь въ планѣ сказано, что у васъ пятьдесятъ десятинъ покоса, и вотъ онъ нарисованъ—смотрите!

Я указалъ пальцемъ на планѣ на длинную зеленую полосу, проведенную отъ самой усадьбы до крайнихъ предѣловъ вытянувшейся холстомъ пашни. Крестьяне еще ближе придвинулись къ столу и съ величайшимъ вниманіемъ смотрѣли на зеленую полосу. Постъ нѣкотораго молчанія, вдругъ нѣсколько голосовъ разомъ произнесли: «ребята! да это наши провалья!»

— Какія «провалья»?

— Да такія, что мы и скотину туда не пускаемъ, потому, ежели провалится, тамъ ей и концъ!..

— Овраги, значить?

— Да такія провалья, что не дай Богъ! Ежели ваше вскородіе желаете, васъ мы провеземъ туда...

— Хорошо, я посмотрю... Ну-те, а лѣсъ у васъ есть? По плану его значится 39 десятинъ...

— Лѣсу-то?

— Да...

Общинники изумленно посмотрѣли другъ на друга.

— Неужели и лѣсу нѣтъ?

— Ваше вскородіе! у насъ ребяты выдрать нечѣмъ, а не то, чтобы лѣсъ... Енутовища не изъ чего сдѣлать...

— Но, вотъ, смотрите...

И я опять провелъ на планѣ пальцемъ по свѣтло-зеленому мѣсту съ крупными темно-зелеными пятнами, обозначающими деревья, словомъ, показали, гдѣ значится лѣсъ.

— А-а! Знаемъ, знаемъ! Это старики вамъ расскажутъ... Дядя Семень, а дядя Семень! Иди-ка сюда!

Толпа разступилась, и къ столу подошелъ сѣдой, какъ лунь, сгорбленный старикъ съ громадною палкою, на которую онъ опирался.

— Дядя Семень! расскажи-ко барину о нашемъ лѣсѣ...

— О лѣсѣ?—переспросилъ дрожащимъ голосомъ старикъ.

— Да, о лѣсѣ...

— Вишь, баринъ милый,—началъ старикъ,—какъ землю нарѣзали, точно лѣсъ былъ и хор-рошій лѣсъ, только баринъ его срубилъ и выкорчевалъ, а мы потомъ мѣсто это распахали...

— Такъ что у васъ ни одного дерева что называется, нѣтъ?

— Ни-ни!

По осмотру оказалось что крестьяне дѣйствительно были правы, и что и покосы и лѣсъ существовали только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. По словамъ г. Бѣлоконскаго, такое разногласіе между официальными данными и жизнью вовсе не составляетъ исключительнаго явленія, а встрѣчается

ся сплосъ и рядомъ. Во многихъ изъ осмотрѣнныхъ имъ деревень дѣса и покосы значились только на бумагѣ.

«Кому неизвѣстно,—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—что крестьянскій надѣлъ очень невеликъ, что населеніе страшно нуждается въ землѣ. Но оказывается, что общезвѣстные данныя далеко не рисуютъ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ если ближе присмотрѣться къ крестьянскому землевладѣнію, количество удобной земли у крестьянъ на значительный % меньше, чѣмъ мы думаемъ, а качество ея много ниже предполагаемаго. И такъ извѣстно, что мало у крестьянъ покосовъ и дѣсовъ, но въ дѣйствительности ихъ далеко меньше, потому что документы нерѣдко отражаютъ лишь бывшя данныя, не имѣя ничего общаго съ настоящимъ; и такъ извѣстно, что у крестьянъ земли мало, но къ этому надо еще прибавить, что часть неудобныхъ земель отнесена къ удобнымъ и немало удобныхъ превращено въ неудобныя. Но этого мало—крестьяне нерѣдко платятъ за то количество земли, каковымъ въ дѣйствительности не владѣютъ, при чемъ, помимо «отрѣзокъ», судится за каковыя и трудно, и дорого, бываетъ, что и документальныя данныя, доказывающія отсутствіе земельного владѣнія, не избавляютъ иногда отъ платы за всю площадь, положенную въ окладъ. Такъ, въ одномъ селеніи кулаки-кабатчики, за какія-то темныя ссуды крестьянамъ подъ векселя, забрали изъ 111 десятинъ 42 десятины, такъ что у крестьянъ осталось всего 69 десятинъ, а и до сихъ поръ они платятъ за 111 десятинъ!..»

Между прочимъ, г. Бѣлоокскій спрашивалъ крестьянъ также и о томъ, нѣтъ ли среди нихъ лицъ, думающихъ о переселеніи:

«Вольныя земли», оказалось, главная мечта деревни N. Только что

онъ спросилъ о переселеніяхъ, какъ рѣчи рѣкою полились.

— Мы, ваше вскородіе, прошеніе подавали, чтобы либо всѣхъ насъ отсюда выселили, либо по жеребю, на кого, то-есть, выпадеть; мы спорить не будемъ; на кого жребій падеть—уйдемъ, потому тѣснота здѣсь безпримѣрная.

— А кто-нибудь изъ вашихъ уже переселялся?

— Да вотъ, тутъ есть...

— Какъ тутъ?

— Назадъ пришли... Гаврило, Дементій,—подъ-ка сюда!

Толпа разступилась, и къ столу продвинулись два оборванныхъ несчастныхъ мужиченка и низко мнѣ поклонились.

— Вы на вольныя земли уходили?

— Точно такъ, ваше вскородіе...

— Почему же вы возвратились?

— Не принимаютъ тамъ; насъ тамъ не любятъ, приписки не даютъ менѣ какъ за 20 цалковыхъ съ головы...

— Далеко ли вы ходили?

— Далеко,—до Анисей-рѣки доходили,—нигдѣ не примаютъ... Нельзя ли, ваше вскородіе, чтобы примали? Потому какъ мы теперича разоримши, намъ жить никакъ невозможно...

— Что же вы прямо такъ и ушли, ничего не разузнавши?

— Ваше вскородіе! Жизнь здѣсь наша такая, что, кажется, въ гробъ бы полѣзъ... Не дай Богъ!..

И пошли жалобы всего міра на свое житье-бытье... Топлива нѣтъ: воды тоже нѣтъ: зимою за версту за водою ѣздятъ «напрямикъ», а лѣтомъ—въ объѣздъ—за три версты. скотинѣ даже пить нечего; вслѣдствіе недостатка соломы, топятъ нерѣдко навозомъ, а потому на поля возить нечего; заработки плохи... Просто всю душу вымотали жалобами,—жалобами искренними, исходившими изъ глубины души».

Мы имѣемъ еще одинъ примѣръ благъ, яко бы даваемыхъ общиной. Покося и лѣса нѣтъ, но они «чи-слятся», какъ числятся въ общинѣ «земельные собственники», давно потерявшіе всякую собственность, что не мѣшаетъ намъ хвалиться передъ Западомъ, у котораго—пролетаріатъ, а у насъ—община нищихъ.

Изъ быта русскихъ рабочихъ. Въ провинціальныхъ газетахъ время отъ времени появляются сообщенія, какъ живетъ рабочему люду въ разныхъ концахъ Россіи, и при какихъ условіяхъ имъ приходится работать. Сообщенія эти неутѣшительны. Вотъ, напр., что пишутъ «Полтавскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» о кирпичномъ заводѣ г. Сироваго въ Полтавѣ: на этомъ заводѣ рабочіе нанимаются на весь «сезонъ», т. е. на 4 лѣтнихъ мѣсяца. Плата—послѣдно, «отъ тысячи», при хозяйскихъ харчахъ и хозяйской квартирѣ. Формовщики зарабатываютъ до 25 руб., подвозчики до 16 руб. ежемѣсячно. На первый взглядъ—условія сносныя... Но на прошлой недѣлѣ, 10-го іюля, рабочіе потребовали отъ г. Сироваго либо лучшаго помѣщенія, чѣмъ отведенная имъ сырая клѣтушка, лучшей пищи, чѣмъ зацвѣтшій хлѣбъ, либо разчета, такъ какъ среди нихъ открылись заболѣванія. Г. Сировой не соглашался выдать слѣдующее жалованіе,—а за нимъ числилось рублей 80,—не соглашался и улучшить жизнь рабочихъ. И рабочіе забастовали на недѣлю. Они направились къ мѣстному приставу съ жалобой на свою «квартиру», но приставъ сталъ уговаривать ихъ прекратить «безпорядки», покончить все «миромъ», т. е. примириться съ гнилой избенкой и зацвѣтшимъ хлѣбомъ. Тогда рабочіе обратились къ полицеймейстеру. Послѣдній, къ счастью, отнесся иначе къ жалобѣ тружениковъ. Поли-

цеймейстеръ не медля явился съ комиссіей на заводъ г. Сироваго, осмотрѣлъ «квартиру» рабочихъ, свинель въ ней громадное сходство со свинупникомъ, но никакого—съ «людской», и приказалъ запечатать помѣщеніе и сейчасъ же перевести рабочихъ въ новое. Докторъ осмотрѣлъ рабочихъ и двухъ изъ нихъ призналъ настолько тяжело больными, что распорядился отправкой домой».

Въ подобномъ положеніи находятся и рабочіе, занятые на выставочныхъ постройкахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. На этихъ постройкахъ работаетъ около 7.000 рабочихъ.

По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», подрядчики, имѣя въ своемъ распоряженіи большія артели, часто до 200 человекъ, стараются экономить на расходахъ по содержанію рабочихъ. Санитарные осмотры квартиръ, въ которыхъ ютятся эта рабочая армія, обнаружили вопіющія безобразія. Нижегородскій губернаторъ счелъ нужнымъ, въ виду этого, издать обязательныя постановленія о порядкѣ содержанія рабочихъ, которымъ предпосылаетъ слѣдующую общую характеристику:

«Квартирные условія жизни рабочихъ, какъ обнаружено у громаднаго большинства подрядчиковъ, безусловно невозможны въ санитарномъ отношеніи. Рабочіе размѣщаются по чердакамъ, сѣноваламъ, сараямъ и перѣдкамъ, даже безъ наръ, на голомъ земляномъ полу, въ мусорѣ и грязи; крыши лѣтнихъ помѣщеній рабочихъ во многихъ случаяхъ дырявыя. Теплыхъ помѣщеній у многихъ изъ подрядчиковъ совсѣмъ нѣтъ, у нѣкоторыхъ же хотя и есть, но не соответствуютъ тому количеству рабочихъ, какое они содержатъ въ настоящее время. Въ большинствѣ случаевъ квартирные помѣщенія—въ сырыхъ подвальныхъ этажахъ».

«Волгарь» приводитъ слѣдующія данныя о помѣщеніяхъ рабочихъ, извле-

ченныя изъ протоколовъ санитарныхъ осмотровъ:

«У Чугурина имѣется 11 маляровъ и кровельщиковъ; ночуютъ на чердакѣ, надъ погребями. На чердакѣ устроены нары, которыя раздѣлены перегородками на подобіе «хлѣвушковъ»; входомъ сюда служитъ «лазейка» величиной въ квадратный аршинъ. Чердакъ содержитъ крайне грязно. Такія же хлѣвушки устроены у подрядчика Шишунова для маляровъ; у Грибкова содержится кровельщиковъ и маляровъ до 150 чел. въ трехъ комнатахъ, гдѣ можно помѣстить не болѣе 47 чел.; у Уланова комната и кухня достаточны только для 8 человѣкъ, а помѣщается въ нихъ 28 кровельщиковъ и маляровъ. У Гогина помѣщеніе очень грязное. Соколовъ держитъ своихъ маляровъ въ количествѣ 10 человѣкъ въ кухнѣ, которая на 1½ арш. въ землѣ; полъ здѣсь содержитъ крайне грязно. У домовладѣльца Миттельштедтъ, на Почайнѣ, санитарному надзору даже не удалось осмотрѣть помѣщеніе для рабочихъ за невозможностью попасть туда. Рабочіе помѣщаются на чердакѣ, куда ведетъ трехъаршинная лѣстница, въ верхней части изломанная, такъ что для входа на чердакъ не достаеъ двухъ аршинъ. Въ домѣ подрядчика Федотова рабочіе, занимающіеся кирпичнымъ ремесломъ, помѣщаются въ крытыхъ ящикахъ, раскинутыхъ по всему двору и напоминающихъ, какъ записано въ протоколѣ, «собачьи помѣщенія»...

Надо замѣтить, что всѣ поименованные подрядчики состоятъ въ то же время мѣстными домовладѣльцами.

Но въ особенно тяжелыхъ условіяхъ находятся рабочіе на сахарныхъ заводахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Недѣли», въ статьѣ «Сахарный адъ», рассказываются слѣдующіе факты о положеніи дѣлъ на «одномъ изъ благоустроенныхъ рафинадныхъ заводовъ», на которомъ ра-

ботаеъ до тысячи человѣкъ и въ теченіе года подвергается обработкѣ до полутора миллионновъ пудовъ сахару!

Заводъ огромный. Шесть вакуумъ-аппаратовъ, свой подъѣзной путь, обошедшійся въ сто тысячъ рублей, электрическое освѣщеніе. Что касается до условій труда, то они убійственны. Работаютъ по 12 часовъ въ день и 30 рабочихъ дней въ мѣсяцѣ, праздники не имѣютъ. Почти во всемъ заводѣ температура воздуха страшно высокая. Работаютъ голышомъ, — только покрываютъ голову бумажнымъ колпакомъ, да вокругъ пояса носятъ короткій фартукъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, напр., въ камерахъ, куда приходится вкатывать тѣлѣжки, нагруженныя металлическими формами, наполненными сахаромъ, — жара доходитъ до 70 градусовъ. Этотъ адъ до того измѣняетъ организмъ, что и въ казармахъ, гдѣ рабочимъ приходится жить, они не выносятъ температуры ниже 30°... Тяжелыя работы, пропитанный сахарною пылью воздухъ обусловливаютъ развитіе на сахарныхъ и рафинадныхъ заводахъ особой специфической болѣзни, которая, между прочимъ, выражается появленіемъ на кожѣ большихъ язвъ и ранъ. И съ такими-то язвами рабочіе таскаютъ тяжелыя головы сахару, по нѣскольку заразъ, лазаютъ въ сушильныя камеры и пр. Санитарный надзоръ существуетъ лишь на немногихъ заводахъ, напр., у графа Бобринскаго въ Сибѣлѣ. На рафинадномъ заводѣ, кончая работы, рабочіе моются въ вонючей и грязнѣйшей водѣ... Вообще говоря, знакомство съ положеніемъ рабочихъ на сахарныхъ заводахъ показываетъ лишь то, что успѣхи сахарной промышленности если и ведутъ къ чьему-либо благоденствію, то отнюдъ ужъ не къ благоденствію рабочей массы».

О тѣлесномъ наказаніи. Въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ «Міра Божьяго» мы уже говорили о томъ, что цѣлый рядъ губернскихъ земствъ обратился къ правительству съ ходатайствами объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по приговору волостныхъ судовъ. Вопросъ этотъ до сихъ поръ продолжаетъ горячо обсуждаться въ нашей періодической литературѣ и среди посвященныхъ ему статей обращаютъ на себя вниманіе помѣщенные въ «Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» «Замѣтки и наблюденія волостного писаря». Авторъ, повидимому, человекъ интеллигентный, по самому положенію своему можетъ быть очень компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, и онъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ розги.

«Розга, дѣйствительно, страшна, — говорить онъ, — но для кого?»

Для людей порядочныхъ и нравственныхъ, съ чувствомъ собственного достоинства, будь то въ крестьянской средѣ или въ какой-либо иной; и страшно здѣсь не то, что наказаніе розгами причиняетъ боль, а то, что оно унижаетъ, позоритъ человека. Для тѣхъ же, кто лишенъ чувства порядочности, для подонковъ деревни, розга не страшна. Мы не разъ имѣли случай убѣдиться, что для этого сорта людей страшнѣе одинъ, два рубля штрафа, чѣмъ 10 ударовъ розгами.

Сторонниками наказанія розгами среди крестьянъ являются лишь представители стараго поколѣнія.

Склонность эта замѣчается, главнымъ образомъ, въ людяхъ стараго поколѣнія, вышедшихъ изъ крѣпостного состоянія, испытавшихъ на себѣ его гнетъ и еще не выдыхавшихъ его привычекъ, да въ средѣ сельскихъ властей. Но теперь уже выступаетъ на сцену новое поколѣніе, которое, въ громадномъ большинствѣ, совсѣмъ иначе смотритъ на дѣло. Особенно это рѣзко сказывается въ молодыхъ лю-

дяхъ, побывавшихъ въ народной школѣ; но всего печальнѣе то, что именно эти люди, въ силу исключительныхъ условій захолустной жизни, нерѣдко подвергаются опасности очутиться подъ розгами.

Среди новаго поколѣнія деревни въ послѣднее время начинаютъ появляться лица, которыя съ особенною силою выступаютъ на защиту общественныхъ интересовъ отъ посягательства на нихъ со стороны волостныхъ воротилъ. Отношенія обѣихъ группъ при этомъ значительно обостряются, и вотъ тутъ-то нерѣдко и появляются на сцену розги».

Вотъ характерный примѣръ:

«Въ числѣ выборныхъ на волостной сходъ находился одинъ «хорошо грамотный», какъ говорятъ крестьяне. Сходъ видитъ въ немъ разумнаго руководителя и стойкаго защитника интересовъ волости. «Хорошо грамотный» на сходѣ всегда впереди; онъ стоитъ ближе всѣхъ къ столу и слѣдитъ за работой писаря, провѣряя, по просьбѣ схода, его счеты и вычеты. Писаря это сильно коробитъ, да и старшинѣ не по вкусу. И вотъ старшина съ писаремъ творятъ совѣтъ и рѣшаютъ подвести неудобную личность подъ судъ, а судъ, извѣстное дѣло, свой человекъ. Поводы всегда найдутся: не снялъ за дверями шапки, входя въ волостное правленіе, возвысилъ голосъ на сходѣ, выругалъ сосѣда и и т. п., — все это будутъ законные поводы для привлеченія къ отвѣтственности, если эта отвѣтственность желательна волостнымъ заправиламъ. Въ данномъ случаѣ была продѣлана слѣдующая штука: пишется приказъ старостѣ: «немедленно явиться въ волостное правленіе вѣстѣ съ настоящимъ приказомъ». Приказъ былъ надорванъ по срединѣ и слегка подклеенъ. Получивъ приказъ, староста, какъ неграмотный, понесъ его для прочтенія къ «хорошо грамотному». Тотъ принялся читать приказъ, вода

по строкамъ пальцемъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ крестьяне при чтеніи. Попалъ палецъ въ то мѣсто приказа, гдѣ онъ былъ надорванъ, и образовалась дыра. По крайней мѣрѣ, такъ рассказываютъ. Черезъ недѣлю грамотникъ стоялъ уже передъ волостнымъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго за порчу казенной бумаги—«документа», и волостной судъ безъ дальнихъ околичностей приговорилъ его къ тѣлесному наказанію въ 10 ударовъ».

Приведа еще другой подобный же случай, когда волостное начальство умышленно подвело подъ розги крестьянина, учившагося въ уѣздномъ училищѣ и толково и добросовѣстно ведшаго дѣла крестьянъ въ волостномъ судѣ, авторъ заканчиваетъ:

«Подобныхъ случаевъ немало, но и приведенныхъ достаточно, чтобы показать, что наказаніе розгами, помимо того, что оно несовмѣстимо съ достоинствомъ человѣка и гражданина, каковымъ послѣ великой освободительной реформы является крестьянинъ, призванный быть и земскимъ гласнымъ, и присяжнымъ засѣдателемъ, оно еще нерѣдко служитъ для достиженія чисто-личныхъ низменныхъ цѣлей волостныхъ писарей».

Докладъ проф. Якобія о вахскихъ остякахъ. Профессоръ Якобіи читалъ недавно въ Tobольскомъ медицинскомъ обществѣ докладъ о своей поѣздкѣ на сѣверъ для изслѣдованія положенія остяковъ, живущихъ на рѣкѣ Вахѣ. Содержаніе этого доклада, какъ его передаетъ «Сибирскій Листокъ», въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ:

«По своей отдаленности, рѣка Вахъ до сихъ поръ мало кѣмъ посѣщалась, не только ученые изслѣдователи не видѣли этого края, но даже мѣстные русскіе жители весьма рѣдко туда проникали; среди мѣстнаго русскаго населенія господствуетъ даже предразсудокъ, что воды Ваха несчастны.

Въ этомъ изолированномъ по своей отдаленности районѣ живутъ лишь нѣсколько десятковъ остяцкихъ родовъ, о бытѣ и численности которыхъ имѣются весьма неполныя и почти противорѣчивыя свѣдѣнія. По церковнымъ записямъ рожденія и смертности можно придти къ заключенію, что остатки рѣки Ваха не только не вымираютъ, но, напротивъ, возрастаютъ численно довольно быстро. Административныя же данныя, напротивъ, рисуютъ бытъ этихъ людей самыми мрачными красками: люди эти постоянно живутъ впроголодь, имъ не во что одѣться, они бывають вынуждены по дѣлымъ днямъ грѣться у огня, причеиъ очень часто обжигаются. Наступаетъ ночь, ничѣмъ почти неукрытые, остиаки засыпають вокругъ разведеннаго огня, просыпаются продрогшіе среди сгорѣвшихъ набранныхъ щепокъ и полѣнъ и снова отправляются за дровами для костра. Питаются они рыбою, но отъ недостатка послѣдней они часто терпятъ; бѣлка, мѣхъ которой остиаки обмѣнивають на табакъ и чай и другія произведенія, также не каждый годъ даетъ удовлетворительный уловъ. Сборы орѣховъ большею частью бывають скудны. По отчетамъ исправниковъ, за послѣднее десятилѣтіе преобладали относительно улова рыбы. добычи бѣлки и сбора неблагоприятные годы. Такъ какъ представители администраціи не склонны вообще описывать мрачными красками положеніе ввѣреннаго имъ края, то поэтому трудно было предполагать, чтобы официальные данныя относительно Вахскаго района были преувеличены. И дѣйствительно, личные впечатлѣнія профессора, его наблюденія на мѣстѣ вполне подтвердили справедливость административныхъ данныхъ, рисующихъ положеніе края въ черныхъ краскахъ.

Чрезмѣрная бѣдность края не привлекаетъ даже туда крупныхъ торговцевъ, туда подвозить незначитель-

ное количество чая и табаку лишь нѣсколько мелкихъ торговцевъ. Въ послѣднее же время, въ виду крайняго обѣдненія остяковъ, даже эти торговцы совсѣмъ перестали посѣщать край, вслѣдствіе чего остяки нынѣ не имѣютъ болѣе возможности приобрѣтать даже такіе обыкновенные продукты, какъ чай и табакъ».

О характерѣ остяковъ проф. Якобій отзывается съ большимъ сочувствіемъ. По его словамъ, «эти инородцы обладаютъ замѣчательно привлекательными душевными качествами. Они безусловно честны, скромны, добры, и при малѣйшей возможности всегда готовы оказать помощь своему ближнему. Въ этомъ г. Якобію пришлось не разъ убѣдиться на мѣстѣ. Когда, напр., одному остяку, въ виду его бѣдности, предложили нѣсколько пудовъ муки, то онъ отказался взять ее даромъ и взялъ лишь въ ссуду. Второй случай: одна остяцкая семья очутилась въ ужасно бѣдственномъ положеніи. Истративъ всѣ свои жизненные припасы, семья эта стала разваривать свою одежду изъ тюленьей кожи и затѣмъ ѣсть. Всѣ члены семьи отъ истощенія едва двигались. Въ это время случайно забрелъ въ чужъ злосчастной семьи охотникъ-остякъ. Увидавъ своихъ соплеменниковъ въ такомъ отчаянномъ положеніи, онъ отдалъ имъ всю имѣющуюся при немъ пищу, бросилъ охоту и немедленно далъ знать ближайшимъ сосѣдямъ, которые затѣмъ и оказали надлежащую помощь. Создать для этого симпатическаго племени условія, благоприятныя для ихъ существованія, поддержать этихъ дѣтей природы въ борьбѣ съ суровыми мѣстными условіями — нравственный долгъ всякаго культурнаго человѣка, въ особенности лицъ, имѣющихъ власть и вліяніе.

Подводя затѣмъ итогъ своимъ наблюденіямъ надъ положеніемъ всѣхъ вилѣнныхъ имъ отраслей остяцкаго племени, профессоръ заявилъ, что въ

наихудшемъ положеніи находятся остяки, проживающіе близъ с. Самаровскаго, такъ какъ здѣсь остякамъ приходится имѣть дѣло не только съ суровыми мѣстными природными условіями, но и съ не менѣе суровыми эксплуататорами торговцами, которые изъ за гроша готовы обречь цѣлое племя на полную погибель. Болѣе всего здѣсь остяки страдаютъ отъ спаиванія ихъ водкой».

Въ заключеніе своего доклада пр. Якобій обратился къ представителямъ мѣстной интеллигенціи съ увѣщаніемъ поддержать это угасающее племя и не дать ему вымереть окончательно.

Газета для народа. — «Вятскій Край» сообщаетъ интересныя данныя о газетѣ для народа, издававшейся въ 80-хъ годахъ въ Саратовѣ. Во второй половинѣ 80-хъ годовъ, по мысли мѣстнаго губернатора, ген. Косича, въ Саратовѣ сдѣлана была попытка обратить неофициальную часть «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» въ народную газету. Мѣстная «Губернская Вѣдомость», какъ извѣстно, обязательно выписываются всѣми волостными правленіями, и потому извѣстный контингентъ читателей изъ народа у нихъ всегда обезпеченъ. Въ цѣляхъ наибольшаго распространенія газеты, цѣна на нее была понижена съ 5 руб. на 2 руб. въ годъ. Въ первое время дѣло, однако, шло плохо: подписчиковъ среди крестьянъ газета почти не имѣла. Ни писемъ, ни корреспонденцій въ редакцію не поступало, и она находилась въ полномъ невѣдѣніи, читаетъ ли кто-нибудь ея газету. Въ такомъ положеніи дѣло находилось до тѣхъ поръ, пока газета находилась исключительно въ рукахъ губернской канцеляріи, безъ всякой помощи со стороны деревенской части населенія. Какъ передаетъ г. Шевелевъ, редакторъ (г. Хованскій, состоявшій чи-

новникомъ при губернаторѣ) «проводилъ по цѣлымъ днямъ въ редакціи за работой по составленію нумера газеты. А. И. Босичъ лично просматривалъ первое время приготовленные для печати статьи, причѣмъ нерѣдко бралъ на себя кропотливую работу исправленія и передѣлки ихъ, или же назначалъ темы, на которыя желательны статьи для газеты». Но газета встрѣчала въ народѣ холодное равнодушіе. Совсѣмъ другую картину стало представлять дѣло, когда редакция газеты вошла въ тѣсную связь съ мѣстными общественными силами, главнымъ образомъ — съ деревенской интеллигенціей. Интересно отмѣтить, что связь эта была установлена черезъ посредство народной школы. Зимой 1889 г. редакция «Неофициальной части» предложила ученикамъ сельскихъ школъ составить на премію сочиненія на разныя темы изъ крестьянской жизни. Вскорѣ въ редакцію было прислано болѣе ста дѣтскихъ сочиненій. Всѣ они были рассмотрѣны редакторомъ газеты совмѣстно съ нѣсколькими учителями среднихъ учебныхъ заведеній. Авторамъ были выданы преміи, а двѣ лучшія работы цѣликомъ были напечатаны въ газетѣ. Этотъ конкурсъ оказалъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу газеты. О газетѣ заговорили въ деревнѣ, заинтересовались ею. У газеты появились корреспонденты и сотрудники изъ деревни. Деревенскіе грамотеи присылали письма, корреспонденціи, статьи, стихотворенія, беллетристическія произведенія, запросы и т. п. Черезъ два года газета уже держалась почти исключительно произведеніями крестьянъ, сельскихъ учителей, волостныхъ писарей и, нужно замѣтить, — говорить г. Шевелевъ, — не въ ущербъ содержанію. Писатель изъ народа писалъ обыкновенно по вопросамъ, дѣйствительно интереснымъ и близкимъ народу, причѣмъ пи-

салъ языкомъ, доступнымъ для деревенскаго читателя. Нерѣдко статья одного крестьянина вызвала возраженія со стороны другихъ, и эти возраженія печатались въ той же газетѣ. Множество корреспондентовъ изъ крестьянъ давало редакціи возможность печатать въ каждомъ № газеты рядъ интересныхъ корреспонденцій изъ разныхъ концовъ губерніи. Письма тѣхъ же авторовъ служили редакціи источникомъ, откуда она могла черпать свѣдѣнія о нуждахъ деревни. Благодаря этому, въ передовыхъ статьяхъ газеты трактовались такіе вопросы, которые въ данный моментъ служили дѣйствительной злобой дня. Таковы были статьи о переселеніяхъ, деревенскихъ распорядкахъ и т. д. Въ 1891—1892 годахъ въ газетѣ печатались очень подробныя свѣдѣнія о голодѣ. Подъ вліяніемъ требованій со стороны читателя въ газетѣ вводились новые отдѣлы. Такъ, напримѣръ, многіе подписчики газеты, главнымъ образомъ, крестьяне, высказывали желаніе, чтобы въ газетѣ былъ введенъ отдѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ извѣстій. «Крестьяне, — писали къ редактору эти корреспонденты, — вовсе не такъ равнодушны къ политикѣ, какъ вы, очевидно, думаете. Напротивъ, они относятся съ самымъ живымъ интересомъ ко всѣмъ политическимъ слухамъ, проникающимъ въ деревню окольными путями — черезъ письма солдатъ, чрезъ рассказы отставныхъ солдатъ и т. д. Иногда самый недѣльный слухъ, полученный такимъ путемъ, переходитъ изъ устъ въ уста и обходитъ цѣлыя уѣзды».

Редакция выхлопотала разрѣшеніе открыть въ газетѣ отдѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ извѣстій. Интересны другія требованія читателя изъ народа относительно газетнаго матеріала: «По вопросу о беллетристикѣ большинство корреспондентовъ высказывалось безусловно про-

тивъ разказовъ нравоучительныхъ. По вопросу о статьяхъ сельскохозяиственнаго характера многіе писали, что народъ или не читаетъ ихъ, или считаетъ всѣ совѣты газеты непригодными въ своемъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Нѣкоторые, впрочемъ, прибавляли, что школьники читаютъ эти статьи съ увлеченіемъ и мечтаютъ вести въ будущемъ свое хозяйство «по книжкѣ». Многіе читатели писали въ редакцію, прося о введеніи библиографическаго отдѣла. Въ отдѣлѣ беллетристики, между прочимъ, перепечатывались мелкія произведенія Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Кольцова, Гаршина, Короленко, Чехова, Лѣскова и др.

Чутко прислушиваясь къ запросамъ своимъ читателей, заботясь объ ихъ удовлетвореніи, газета скоро сдѣлалась популярной въ народѣ. Къ 1892 году у нея было уже болѣе 5 тысячъ подписчиковъ. Къ сожалѣнію, лучшая пора существованія газеты скоро миновала. Съ уходомъ изъ Саратова А. И. Косича начались для газеты тяжелые дни. Въ видахъ сокращенія расходовъ, прежде всего предписано было печатать въ газетѣ статьи только бесплатныя. Затѣмъ, чтобы нѣсколько измѣнить характеръ газеты, запрещено печатать въ ней статьи, рассказы и даже корреспонденціи кое-кого изъ ея ближайшихъ сотрудниковъ. Потомъ началъ измѣняться вообще подборъ матеріала. Запрещено было печатаніе статей о переселеніяхъ, причѣмъ не пришлось даже напечатать вновь вышедшихъ правилъ по этому вопросу. Остановлено было на половинѣ печатаніе

разказа Тургенева «Муму», пошли большія непріятности изъ за напечатанія «Сигнала» Гаршина и т. д. и т. д. Все это повело къ тому, что число подписчиковъ и сотрудниковъ газеты значительно сократилось».

Вопросъ о газетѣ для народа обсуждался еще въ 50-хъ годахъ, когда впервые заговорили о необходимости просвѣщенія для народа. Были даже попытки издавать народную газету, но онѣ не имѣли успѣха, потому что народъ былъ тогда почти сплошь неграмотенъ и спросъ на газету былъ слишкомъ невеликъ. Теперь же многолѣтнее существованіе земскихъ школъ создало въ деревнѣ обширный кругъ читателей, среди которыхъ газета могла бы рассчитываться на широкое распространеніе. Мы видѣли на только-что приведенномъ примѣрѣ «Саратовскихъ Вѣдомостей», какой успѣхъ имѣла эта газета у крестьянскаго населенія. Есть много и другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ же самомъ. Газеты уже начали проникать въ деревню. Такъ, по словамъ «Рус. Вѣдом.», «Сельскій Вѣстникъ» въ 1893 году имѣлъ 35.000 платныхъ подписчиковъ. Большое распространеніе имѣетъ также «Свѣтъ». Не рѣдкость встрѣтить въ деревнѣ и другія газеты. Но большія наши газеты являются мало доступными народу по своему языку, а главное—по цѣнѣ. А между тѣмъ газета, приспособленная къ уровню пониманія народа и къ его матеріальнымъ средствамъ, могла бы служить хорошимъ средствомъ къ развитію просвѣщенія. къ распространенію многихъ полезныхъ знаній».

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русское Богатство», «Вѣстникъ Европы».

Сибирскіе бродяги. «Бродяжество — характерная особенность Сибири, созданная всею совокупностью юридическихъ и экономическихъ условий этой страны», говоритъ г. Москвичъ въ интересной статьѣ «Погибшіе и погибающіе», напечатанной въ № 7 «Русскаго Богатства».

«Въ Сибири бродяги встрѣчаются повсюду. Вездѣ встрѣтишь этихъ странниковъ съ загрязненнымъ мѣшкомъ «горбовикомъ» за спиною и привѣшаннымъ къ нему вверхъ дномъ традиціоннымъ желѣзнымъ котелкомъ.

Последній — специфическая принадлежность бродяги. Ни котомка, ни походная палка, ни «рукосуй», т. е. небольшой мѣшокъ, привѣшенный къ поясу и служащій для помѣщенія выпрашиваемаго хлѣба, ни заплатанная одежда не опредѣляютъ такъ, какъ котелокъ, социальнаго положенія обладателя всего этого».

Главный контингентъ бродягъ состоятъ изъ каторжниковъ, бѣжавшихъ съ работы до положеннаго срока. Всѣ они стремятся пробраться въ Россію, гдѣ ихъ арестуютъ, какъ не имѣющихъ вида на жительство, и приговариваютъ къ «сылкѣ на поселеніе». Но «искусившіеся по бродяжеству» такъ привыкаютъ къ кочевой жизни, что, прибывши на мѣсто своего поселенія, рѣдко уживаются тамъ и, обыкновенно, снова отправляются въ путь. Затѣмъ опять слѣдуютъ: «проходъ въ Россію, длящійся иногда цѣлые годы, вновь тюрьма съ долгимъ ожиданіемъ справокъ, вновь судъ и вновь поселеніе «на чистомъ мѣстѣ». И такимъ образомъ проходить вся жизнь бродяги.

Бродяги постоянно находятъ себѣ пріютъ не только въ деревняхъ и селахъ Сибири, но даже и въ городахъ. «Даже болѣе, на пристаняхъ Томска каждую навигацію работаетъ

болѣе 300 человѣкъ бродягъ, конечно съ неофіціального позволенія полиціи, потому что, въ противномъ случаѣ, некому было бы разгружать пароходы и баржи, приходящіе въ Томскъ».

Отношеніе крестьянъ къ бродягамъ понемногу утрачиваетъ свой прежній патріархальный характеръ. Происходитъ это вслѣдствіе измѣнившихся условий жизни: населеніе Сибири дѣлается гуще, наплывъ ссыльнаго элемента сильнѣе и расходы на помощь арестантамъ увеличиваются. «Было время, когда арестантскія партіи по московско-иркутскому тракту не содержали болѣе 35—40 человѣкъ; тогда крестьяне дѣйствительно широко помогали бродягамъ. Тогда, дѣйствительно, для нихъ выносились на ночь и клались въ полочку, придѣланную къ стѣнѣ, коровай хлѣба, кусокъ мяса, крышка молока и аршинъ — другой холста. Бродяги, уже не зоявля хазяевамъ о своемъ приходѣ, брали это подаваніе. И такъ дѣлалось въ каждой домѣ. Но время это миновало. Въ настоящее время бродяжьи партіи состоятъ не менѣе, какъ изъ 350 человѣкъ. Слѣдовательно, расходы на помощь «несчастливымъ» увеличились въ 10 разъ». Въ каждой арестантской партіи осужденные за бродяжничество составляютъ около 43% общаго числа арестантовъ; каждый годъ, по этому разсчету, изловляется болѣе 4.000 бродягъ.

Но несмотря на эти измѣняющіяся условія, бродяги, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ находить пріютъ въ деревняхъ, гдѣ ихъ принимаютъ частью изъ состраданія, а частью и изъ страха, потому что бродяги могутъ и отомстить за негостепріимство. Характерный для сибирскихъ нравовъ случай приводитъ г. Москвичъ.

Одипъ сибирскій исправникъ послабъ въ одно мѣсяцъ подвѣдомственныхъ ему волостныхъ правленій приказъ, «чтобы крестьяне означенной деревни не давали ни прикота, ни кушка хлѣба бродягамъ». На грозное предписание волостное правленіе смиренно отпрапортовало его благородію, что оно готово выполнить предписаніе, но съ тѣмъ, чтобы его благородіе обязался вновь выстроить село, такъ какъ, если крестьяне будутъ исполнять предписаніе, то бродяги неизбѣжно сожгутъ ихъ.

Бродяги играютъ чрезвычайно своеобразную роль въ сибирской жизни. Находясь официально «вне закона», они совершенно свободно разгуливаютъ по деревнямъ, нанимаются въ работники къ мѣстнымъ крестьянамъ, живутъ по долгу на одномъ мѣстѣ—и всё относится къ этому, какъ къ совершенно нормальному явленію. Въ Енисейской, Томской и Тобольскій губерніяхъ бродяги, придя въ какую-нибудь деревню, обыкновенно располагаются на ночлегъ въ какой-нибудь банѣ, или лѣтомъ въ избушкѣ покотнива, т. е. сторожа при воротахъ изгороди, окружающей деревню. Поселившись въ такой избушкѣ, или банѣ, бродяга начинаетъ пускать въ ходъ свои знанія, чтобы заработать себѣ денегъ для дальнѣйшаго пути. Многие изъ нихъ дѣлаютъ ящички, шкатулки, украшенные нарѣзанной и выкрашенной соломой, всевозможныя игрушки, кольца, и т. д.; другіе ходятъ со слесарнымъ инструментомъ и извѣстны подъ именемъ «мѣдяковъ». Вѣсть о ихъ приходѣ тотчасъ же распространяется по деревнѣ и имъ отовсюду тащатъ чинить самовары, ведра, и т. п. За свою опытность и бывалость бродяги пользуются большимъ уваженіемъ у крестьянъ, которые часто обращаются къ нимъ за медицинскими и юридическими совѣтами. «Вы земли проходите, всякое видите и слышите», говорить

крестьянинъ, обращаясь съ просьбою написать письмо или прошеніе. Нѣкоторые изъ бродягъ запасаются самодѣльными куклами и для увеселенія деревни «ломаютъ комедь». Бродящій «Петрушка» приводитъ деревенское населеніе въ неописанный восторгъ и даетъ порядочный сборъ, такъ какъ зрители пускаются за плату.

Нерѣдко случается, что бродяги выступаютъ въ довольно неожиданной для нихъ роли народныхъ учителей. Въ Сибири сплошь и рядомъ встрѣчаются школы, въ которыхъ учительствуется неизвѣстно откуда явившійся субъектъ, который кормится у родителей своихъ питомцевъ и взимаетъ съ каждаго ученика отъ 30 до 50 к. въ мѣсяцъ. Иногда такіе «учителя» обживаются въ деревнѣ и дѣлаются въ ней своими людьми. Если онъ ничего предосудительнаго не совершаетъ и смиренно занимается своимъ дѣломъ, то никто не смущается тѣмъ, что у нихъ нѣтъ вида на жительство, и что они, можетъ быть, даже бѣжали съ каторги. «Даже болѣе, свои же деревенскія власти предупреждаютъ его о грядущемъ наездѣ высшихъ властей. Онъ скрывается до поры до времени и по минованіи опасности вновь возвращается въ деревню».

Г-нъ Москвичъ приводитъ слѣдующее любопытное стихотвореніе одного «бродяжнаго поэта», въ которомъ онъ описываетъ свою судьбу:

Меня отвергли мать и братья,
Отецъ вины мнѣ не простилъ
И словомъ страшнаго проклятья
Меня на вѣки залеймилъ.

Съ тѣхъ поръ судьба моя лихая
Судить мнѣ лишь одну бѣду;
Какъ Каинъ по свѣту блуждая,
Нигдѣ покоя не найду.

Я умеръ ужъ для честной жизни,
Сама мнѣ жизнь не дорога,
Съ тѣхъ поръ, какъ стала мнѣ отчаяной
Непроходимая тайга.

Вреду, безродный удалецъ,
Земля постель, покровомъ—небо...

Но если ужъ попустить Богъ,
Въ пути насъ встрѣтитъ засѣдатель,
Такъ намъ не страшенъ и острогъ,
Вѣдь намъ острогъ давно пріятель.
Стихотвореніе заканчивается словами:
Подумаи, другъ, и не шути
Съ судьбой непомятыхъ Ивановъ.

Сельская медицина въ неземскихъ губерніяхъ. Земская медицина существуетъ только въ 38 губерніяхъ для населенія въ 64 милліона. Въ остальныхъ губерніяхъ и областяхъ завѣдываніе медицинскимъ дѣломъ находится въ рукахъ администраціи — губернскихъ правленій и приказа общественнаго призрѣнія. Положеніе медицинскаго дѣла въ неземскихъ губерніяхъ представляетъ въ настоящее время особенный интересъ, потому что съ предполагаемымъ введеніемъ новаго лечебнаго устава и въ земскихъ губерніяхъ медицинская часть перейдетъ въ руки администраціи. Въ № 8 «Вѣстника Европы» помѣщена интересная статья о сельской медицинѣ доктора Левицкаго, который былъ и земскимъ, и неземскимъ врачомъ и поэтому является вполне компетентнымъ судьей въ данномъ отношеніи.

«30-лѣтній опытъ земствъ, — говоритъ г. Левицкій, — показалъ, что врачъ можетъ успѣшно работать въ районѣ не больше 15 верстъ отъ мѣста своего жительства, и всѣ земства стремятся къ достиженію этого идеала сельской медицины, насколько имъ позволяютъ средства, а нѣкоторые изъ уѣздныхъ земствъ (Московской, Черниговской, Херсонской, Бурской и другихъ губерній) уже достигли его».

Въ губерніяхъ неземскихъ дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Въ большинства случаевъ въ этихъ губерніяхъ на уѣздъ приходится по 2 врача; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ (напр., въ Сибири) — всего по одному. Другими

словами: «врачей для сельскаго населенія въ этихъ губерніяхъ фактически нѣтъ».

Общее число неземскихъ врачей относительно гораздо меньше, чѣмъ земскихъ. Такъ, напр., на всю громадную Архангельскую губ. приходится только 8 сельскихъ врачей.

«Огромный сельскій уѣздъ, могущій вмѣстить въ себя 3 Бельгій и 2^{1/2} Швейцарій имѣетъ только *одного* врача», говоритъ г-нъ Левицкій. «Всѣ уѣзды Юго-западнаго края, густо населеннаго, имѣютъ только по два врача; въ Черкасскомъ, Новоград-волинскомъ и другихъ уѣздахъ на cadaго сельскаго врача приходится свыше 130 тысячъ населенія. Понятно, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ *фактически* пользуются врачбною помощью только тѣ селенія, которыя отстоятъ отъ мѣста жительства врача на 15—20 верстъ; все же прочее населеніе этой помощи *лишено*. Такая постановка дѣла очень и очень далека отъ идеальной».

Г-нъ Левицкій не отрицаетъ, что и земскія губерніи далеки отъ идеальной постановки медицинскаго дѣла, но тамъ она, конечно, стоитъ несравненно выше, чѣмъ въ губерніяхъ неземскихъ и съ каждымъ годомъ идетъ впередъ, между тѣмъ какъ въ неземскихъ губерніяхъ мѣры къ охраненію народнаго здравія не прогрессируютъ. «Въ земствахъ недостатки организациі постоянно обсуждаются; все изыскиваютъ средства и способы къ устраненію ихъ; словомъ, есть успѣхъ, есть желаніе и возможность улучшеній».

Въ неземскихъ губерніяхъ — все замерло подъ давленіемъ разъ установленныхъ смѣтъ, выйти изъ которыхъ невозможно; нѣтъ прогресса, не видно желанія улучшить положеніе дѣла».

Вслѣдствіе незначительнаго количества врачей въ неземскихъ губерніяхъ чрезвычайно развитъ фельдше-

ризмъ. Можно сказать, что тамъ ^{3/4} населенія лечится у фельдшеровъ, не имѣя возможности за дальнимъ разстояніемъ получить врачебное пособіе... Поневоля приходится обращаться къ фельдшерамъ, цирюльникамъ, повитухамъ, знахарямъ. Хорошо еще, если фельдшеръ окончилъ курсъ въ специальной школѣ. Но такихъ на неземской службѣ очень мало. Большинство неземскихъ фельдшеровъ — бывшіе ротные, полуграмотные, зачастую приносящіе населенію больше вреда, чѣмъ пользы... Земства давно уже сознали несостоятельность безконтрольнаго фельдшерскаго леченія и всѣми мѣрами изъ года въ годъ стараются уменьшить число самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктовъ, во многихъ земствахъ ихъ уже нѣтъ, они замѣнены врачебными пунктами».

Сопоставивъ затѣмъ положеніе врача и врачебнаго персонала въ губерніяхъ земскихъ и неземскихъ, устройство больницъ, борьбу съ эпидеміями

и пр., д-ръ Левицкій заканчиваетъ свою статью слѣдующимъ образомъ: «Пора воспользоваться урокомъ, даннымъ намъ послѣдней холерной эпидеміей, и произвести коренное измѣненіе въ томъ строѣ народной медицины, который оказался несостоятельнымъ и безсильнымъ въ годину народнаго бѣдствія, да и въ «мирное» время, польза котораго минимальна и не оправдываетъ даже тѣхъ скромныхъ тратъ, которыя на него производятся казною».

Къ большому сожалѣнію, теперь незамѣтно стремленія пользоваться опытомъ плодотворной 30-лѣтней работы земства, но, наоборотъ, этой прекрасной организаціи готовится нежелательная участь въ виду новаго лечебнаго устава, который, если будетъ введенъ, приведетъ дѣло къ тому же бюрократическому состоянію, какое существуетъ въ неземскихъ губерніяхъ.

За границей.

Международный географическій конгрессъ въ Лондонѣ. Въ концѣ іюля, въ этомъ году, состоялся въ Лондонѣ шестой международный географическій конгрессъ, выдающійся какъ по своему многолюдству, такъ и по тѣмъ важнымъ и интереснымъ сообщеніямъ, которыя были сдѣланы. Кромѣ ученыхъ и дѣятелей въ области географической науки, на конгрессъ явились также и многіе изъ знаменитыхъ путешественниковъ и изслѣдователей далекихъ и неизвѣстныхъ странъ, возбуждившіе своими сообщеніями огромный интересъ, особенно среди большой публики.

Конгрессъ открылся очень торжественно привѣтственной рѣчью герцога Йоркскаго, въ залѣ лондонскаго королевскаго института, куда собрались

все члены конгресса и приглашенные гости. Затѣмъ, на другой же день состоялось въ 10 часовъ утра общее собраніе, на которомъ президент конгресса произнесъ рѣчь о значеніи и задачахъ географіи какъ науки и представилъ программу ближайшихъ за сѣданій. Первымъ на очереди поставленъ былъ вопросъ объ изслѣдованіи полярныхъ странъ. Говоря о современномъ положеніи этого вопроса, президентъ напомнилъ, что въ настоящее время, въ полярной области, находятся три экспедиціи: лейтенанта Пири — въ Гренландіи, гдѣ онъ раньше пробылъ уже три года; Джексона-Гармоуорса и Нансена. О двухъ послѣднихъ уже начинаютъ беспокоиться, такъ какъ о нихъ давно нѣтъ никакихъ извѣстій; между тѣмъ, со

времени отправленія Нансена прошло уже три лѣта и двѣ зимы, экспедиція же Джексона отправилась лѣтомъ 1894 года. Затѣмъ президентъ высказался въ пользу международного плана арктическихъ изслѣдованій и закончилъ свою рѣчь привѣтствованіемъ иностранныхъ делегатовъ, съѣхавшихся на конгрессъ.

Послѣ рѣчи президента остальная часть засѣданія была вся посвящена разработкѣ вопроса объ изслѣдованіи арктической и антарктической областей и отличалась особенно живымъ интересомъ, благодаря любопытнымъ сообщеніямъ, смѣлому проекту шведскаго воздухоплователя Андре и рѣчамъ послѣднихъ живыхъ участниковъ двухъ экспедицій въ антарктическія страны; ботаника доктора Гукера, участвовавшего 56 лѣтъ тому назадъ въ антарктической экспедиціи Росса и д-ра Мюррея, получившаго извѣстность своими изслѣдованіями въ антарктической области. Директоръ морской обсерваторіи въ Гамбургѣ, проф. Неймайеръ, произнесъ рѣчь, въ которой горячо высказался въ пользу важности изученія южной полярной области, до сихъ поръ еще мало извѣстной. Онъ доказывалъ, что открытіе этой области и изученіе ея можетъ дать въ высшей степени важныя и цѣнныя данныя для науки о земномъ магнетизмѣ, геологіи, метеорологіи, географіи и т. д. До сихъ поръ лишь очень немногіе смѣлые мореплаватели рѣшались пускаться въ эти отдаленныя широты, такъ какъ масса плавающихъ льдинъ и порою сплошная ледяная стѣна воздвигали непреодолимыя препятствія ихъ попыткамъ проникнуть далѣе къ южному полюсу. Но, тѣмъ не менѣе, удалось все-таки открыть въ этой области многіе крупныя и мелкіе острова и многіе думаютъ, что тамъ существуетъ даже цѣлый материкъ. Извѣстно, что тамъ есть огромныя вулканы, достигающіе почти 12.000 фут.

высоты, громадныя ледники и т. п. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія были произведены въ этой области первыя научныя изслѣдованія однимъ русскимъ морякомъ, Беллингаузеномъ. Въ свое время его путешествіе не обратило на себя достаточно вниманія, но теперь оно возбуждаетъ большой интересъ и нѣмцы собираются перевести на нѣмецкій языкъ описаніе этого путешествія. Проф. Неймайеръ настаиваетъ на необходимости устройства на одномъ изъ антарктическихъ острововъ особой наблюдательной станціи и снаряженія экспедиціи къ южному полюсу. Послѣ оживленныхъ преній, которыя вызвала рѣчь Неймайера, рѣчей послѣднихъ участниковъ антарктическихъ экспедицій и выраженнаго желанія, чтобы была организована международная антарктическая экспедиція, президентъ предложилъ составить особую комиссію по изслѣдованію этого вопроса, которая и должна внести свое заключеніе въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій конгресса. Вслѣдъ затѣмъ шведскій воздухопловецъ Андре выступилъ со своимъ оригинальнымъ и необычайно смѣлымъ проектомъ путешествія къ сѣверному полюсу на воздушномъ шарѣ. По его словамъ, воздухоплаваніе гораздо легче на крайнемъ сѣверѣ, нежели въ умѣренномъ поясѣ, такъ какъ на крайнемъ сѣверѣ отсутствуютъ снѣгъ и мятели и благоприятнымъ условіемъ является также ровный свѣтъ непрерывнаго полярнаго дня. Воздушный шаръ долженъ быть снаряженъ на какомъ-нибудь крайнемъ обитаемомъ пунктѣ на сѣверѣ, всего лучше на Шпицбергенѣ, и оттуда, по расчетамъ Андре, онъ долженъ въ 3—4 недѣли перелетѣть черезъ полюсъ, или около него, къ сѣвернымъ берегамъ Америки. Шаръ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы онъ могъ поднимать трехъ человѣкъ, всѣ нужные инструменты для наблюдений, провизію на мѣсяцъ и бал-

ласть—всего, по вычислениям Андре, въсомъ въ 3.000 кил.; шаръ долженъ держаться въ воздухѣ въ теченіе мѣсяца. По мнѣнію воздухоплавателя, устройство такого шара не представляетъ особенныхъ техническихъ затрудненій; шаръ долженъ быть даже до известной степени направляемъ, посредствомъ особо устроеннаго аппарата. Опыты, произведенныя самимъ Андре въ этомъ отношеніи, дали благоприятные результаты. Воздухоплаватель очень энергично отстаивалъ свой смѣлый планъ и доказывалъ, что осуществленіе его вполне возможно. По его мнѣнію, надо отправляться въ іюль, когда солнце не сходитъ съ горизонта и снѣгъ падаетъ рѣдко. Во время полета можно производить рядъ научныхъ наблюдений и фотографическія снимки.

Разумѣется, смѣльный проектъ шведскаго воздухоплавателя вызвалъ цѣлый рядъ замѣчаній и соображеній со стороны членовъ конгресса. Въ общемъ, однако, конгрессъ отнесся къ проекту скорѣе отрицательно и одинъ изъ членовъ, американецъ, генералъ Грили, замѣтилъ, что конгрессъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ выразить свое одобреніе недостаточно обоснованному и рискованному предпріятію. Андре, въ своей заключительной рѣчи, заявилъ, что онъ твердо рѣшился предпринять эту поѣздку будущимъ лѣтомъ и что онъ—не новичекъ въ дѣлѣ авиации и уже сдѣлалъ полетъ черезъ Балтійское море на шарѣ меньшей величины, причѣмъ средства на устройство шара были собраны въ Швецію по подпискѣ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль. Въ успѣхѣ своего предпріятія онъ нисколько не сомнѣвается и теперь, также какъ и не сомнѣвается въ томъ, что у него будутъ средства для его выполненія.

Слѣдующимъ на очереди вопросомъ было изслѣдованіе экваторіальной Африки, условий ея колонизаціи и раз-

витія въ ближайшемъ будущемъ. Въ преніяхъ по этому вопросу приняла участіе африканскіе путешественники и изслѣдователи, Стэнли, сэръ Джонъ Киркъ, Декль и ин. другіе. Вопросъ о колонизаціи Африки имѣетъ до нѣкоторой степени жгучій современный интересъ и поэтому неудивительно, что доклады ученыхъ и изслѣдователей были выслушаны съ большимъ вниманіемъ. Первымъ выступилъ сэръ Джонъ Киркъ, прожившій около четверти вѣка въ Закребарѣ и своимъ видомъ наглядно опровергающій всѣ рассказы о смертоносномъ вліяніи климата тропической Африки на европейцевъ. По общему замѣчанію, африканскіе путешественники, участвовавшіе въ конгрессѣ, производили впечатлѣніе крѣпкихъ и здоровыхъ людей и долгое время пребываніе въ тропическомъ климатѣ, повидимому, не отозвалось вредно на ихъ организмѣ. Сэръ Джонъ Киркъ только что вернулся изъ своей миссіи въ область Нигера. По его словамъ, уже наступило время полной доступности африканскаго континента для европейцевъ, но для успѣшной колонизаціи Африки необходимо тщательное ознакомленіе съ ея климатическими условиями. Колонизація возможна лишь на болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ, такъ какъ береговая полоса и мѣстности, лежащія ниже 5.000 фут., отличаются нездоровымъ климатомъ. Заболеваніе маляріей представляетъ главную опасность для всякаго путешественника въ этихъ мѣстностяхъ. Плаваніе въ лодкѣ по рѣкамъ сэръ Джонъ Киркъ считаетъ особенно опаснымъ для здоровья европейца, но пароходы и желѣзныя дороги должны открыть европейцамъ доступъ въ здоровыя мѣстности. Самую пригодную мѣстностью для европейцевъ сэръ Джонъ Киркъ считаетъ область Матабеле, въ Африкѣ. Далѣе сэръ Джонъ Киркъ указалъ на необходимость устройства многочисленныхъ европейскихъ колоній въ Афри-

къ и на то, чтобы огнестрѣльное оружіе было доступно только европейцамъ и африканскіе туземцы были бы вынуждены законами подчиниться европейскимъ порядкамъ. Слѣдующій ораторъ, молодой изслѣдователь Африки, графъ Пфейль, делегатъ Тюрингенскаго географическаго общества, горячо доказывалъ необходимость научныхъ изслѣдованій и наблюденій въ Африкѣ и изученія тропической гигиены для борьбы съ смертоноснымъ вліяніемъ климата. Пфейль высказалъ сомнѣніе относительно того, можетъ ли обходительное обращеніе европейцевъ и хорошіе примѣры содѣйствовать прогрессу африканскихъ негровъ. Онъ полагаетъ, что главнымъ стимуломъ должно быть созданіе новыхъ потребностей, которыя въ состояніи были бы побудить туземцевъ къ усиленной работѣ вмѣстѣ съ европейцами.

Знаменитый африканскій путешественникъ Стэнли, говорившій послѣ Пфейля, высказался противъ идеи настоящей колонизаціи Африки. По его мнѣнію, въ настоящее время можетъ быть рѣчь лишь о развитіи въ ней торговли. Затѣмъ Стэнли заявилъ, что онъ невысокаго мнѣнія о научной географіи и не знаетъ ни одной колоніи, которая была бы основана на научныхъ даннхъ. Колонизаторы Соединенныхъ Штатовъ, Новой Зеландіи, Кортесъ, Пизарро и мн. другіе были людьми весьма малосвѣдущими въ научной географіи. По словамъ Стэнли, образцомъ для европейской колонизаціи въ Африкѣ должно служить Конго, гдѣ, въ настоящее время, 40 пароходовъ и 800 европейцевъ держатъ во власти страну, въ которой десять лѣтъ тому назадъ не было ни одного бѣлаго человѣка. Стэнли считаетъ существеннымъ условіемъ для усиленія европейскаго вліянія въ Африкѣ устройство пароходства и проведеніе желѣзныхъ дорогъ. Тропической гигиены Стэнли не признаетъ, смѣется надъ нею. «Нелѣпо учить,

какъ жить въ тропическомъ климатѣ,—сказалъ онъ,—опытъ научить этому лучше всякой науки. Если можно путешествовать по странѣ, то значить можно въ ней и жить!» Однако, даѣе Стэнли самъ замѣтилъ, что европейцы «не умѣютъ жить» въ Африкѣ и отсюда происходитъ опасность для нихъ африканскаго климата, они слишкомъ утомляются, злоупотребляюгъ ѣдой и особенно спиртными напитками. Въ результатѣ является болѣзнь, меланхолія, помутнѣніе сознанія—одни изъ семи видовъ мѣстной лихорадки, сопровождающейся затрудненіями слуха и зрѣнія. «Я семь разъ былъ въ Африкѣ,—прибавилъ Стэнли,—и два раза перешелъ ее поперекъ; тѣмъ не менѣе, я чувствую себя столь же здоровымъ и сильнымъ, какъ прежде». Стэнли сказалъ, что онъ знаетъ многихъ людей, живущихъ въ тропической Африкѣ долгіе годы и совершенно здоровыхъ; неуспѣхъ же африканскихъ экспедицій зависитъ именно оттого, что въ Африку посылаютъ молодыхъ людей, которые, «быть можетъ, очень свѣдущи во многомъ», но не знаютъ искусства жить. На это графъ Пфейль совершенно резонно замѣтилъ Стэнли, что искусство жить въ Африкѣ и есть именно та тропическая гигиена, отъ успѣховъ которой зависитъ приспособленіе европейцевъ къ климату Африки.

Изъ числа многихъ другихъ докладовъ, касающихся экваторіальной Африки, обратилъ на себя вниманіе докладъ молодого французскаго изслѣдователя Африки Ліонеля Дэкля, недавно совершившаго путешествіе вдоль всей Африки, въ сопровожденіи лишь весьма немногихъ провожатыхъ. Рѣчь Дэкля представила контрастъ съ рѣчами предшествующихъ ораторовъ въ томъ отношеніи, что въ ней преобладали гуманитарные взгляды. Дэкль, набросавъ картину безцеремоннаго захвата африканскихъ территорій европейскими націями, выразилъ мнѣніе,

что, съ точки зрѣнія національнаго права, дѣйствія европейцевъ въ Африкѣ врядь ли могутъ быть оправданы. Увѣренные въ своей силѣ и въ слабости туземцевъ, европейцы рѣшили раздѣлять между собою такъ называемыя «свободныя» территоріи Африки. Но для того, чтобы оправдать такое насиліе надъ туземными коренными владѣльцами, европейцы должны поступать такъ, чтобы ихъ владычество въ Африкѣ оказалось полезнымъ для ея коренныхъ обитателей. Поэтому, Дэльль предложилъ рядъ международныхъ мѣропріятій, которыя, по его мнѣнію, должны бы быть приняты европейскими государствами въ Африкѣ, для пользы какъ европейскихкихъ колонистовъ, такъ и туземцевъ.

Наиболѣе интереснымъ событіемъ этого засѣданія, конечно, было появленіе Слатина-паша, недавно бѣжавшаго изъ плѣна махдистовъ, въ которомъ онъ пробылъ одиннадцать лѣтъ, причемъ восемь мѣсяцевъ онъ провелъ въ цѣпяхъ. Послѣ паденія Хартума и гибели генерала Гордона, свирѣпыя завоеватели отрѣзали голову убитаго генерала и принесли ее закованному въ цѣпяхъ Слатину-пашѣ, дабы онъ могъ «полюбоваться ихъ трофеями». Разсказъ Слатина-паша о его плѣнѣ и побѣгѣ произвелъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ.

Въ заключеніе засѣданія президентъ конгресса сообщалъ присутствующимъ сенсационное извѣстіе о прибытіи въ Лондонъ молодого норвежскаго ученаго Боргъ Гревинга, собирающагося сдѣлать въ слѣдующемъ засѣданіи конгресса сообщеніе объ открытіи имъ антарктическаго континента.

Разумѣется, засѣданіе конгресса на слѣдующій день отличалось особеннымъ оживленіемъ и многолюдностью. Члены конгресса горячо приветствовали въ лицѣ молодого путешественника—перваго человѣка, вступившаго на антарктической континентъ. Всѣ съ

напряженнымъ вниманіемъ слушали его интересный разсказъ. Боргъ Гревингъ совершилъ свое путешествіе въ качествѣ простаго матроса на довольно плохомъ англійскомъ суднѣ, которое вышло изъ Мельбурна въ сентябрѣ прошлаго года и зашло такъ далеко къ югу, какъ еще не заходило ни одно судно. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ судно, въ своемъ движеніи впередъ къ югу, наткнулось на громадныя ледяныя горы, вслѣдствіе чего ему пришлось нѣсколько измѣнить свое направленіе. По мѣрѣ того, какъ судно подвигалось впередъ, альбатросы и капскіе голуби, сопровождавшіе его, начали исчезать и ихъ смѣнила новая порода птицъ, маленькія голубыя птички, неизвѣстныя никому изъ экипажа. Въ началѣ декабря уже появился сплошной ледъ; громадныя ледяныя поля видѣлись кругомъ. Вѣроятно, это было то самое мѣсто, котораго достигла нѣкогда экспедиція Росса. По мѣрѣ подвиганія дальше, ледяныя скалы встрѣчались чаще и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ закладывались камни и земля. Плаваніе становилось опаснымъ и нѣсколько разъ отважнымъ мореплавателямъ грозила, повидимому, неминуемая гибель. Наканунѣ Рождества экипажъ увидѣлъ полночное солнце. Въ этотъ день былъ убитъ въ высшей степени интересный образчикъ тюленя безъ ушей. Новый годъ судно встрѣтило среди совершенно необычайной обстановки, величественной, но грозной. По случаю такого торжественнаго дня былъ произведенъ салютъ и выстрѣлы нарушили тишину громадной ледяной пустыни, разстилавшейся кругомъ. Пробывши въ теченіе 38 дней сквозь сплошной ледъ, судно, наконецъ, достигло свободнаго моря и направило свой путь къ землѣ Викторія, къ мысу Адаиръ, котораго оно достигло 16 января. Температура была 32 град. ниже нуля по Фаренгейту, вода—30 град., небо—чисто голубое. Мысъ возвышался на 4.000

фут. и состоялъ изъ базальтовой скалы. Къ югу и западу отъ него растиался материкъ на необозримое пространство. Высокія горы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, возвышались, повидимому, на 12.000 фут. надъ уровнемъ моря; одинъ же вулканическій пикъ, свободный отъ снѣга, возвышался на 8.000 фут. и носилъ на себѣ явные слѣды недавней дѣятельности. 18 января показался островъ «Possemon», на которомъ Джемсъ Россъ водрузилъ британскій флагъ 54 года тому назадъ. Часть этого острова, по крайней мѣрѣ, на разстояніи 300 акровъ, оказалась покрытой богатѣйшими залежами гуано. Подвигаясь далѣе къ югу, мореплаватели открыли еще новый мысъ и назвали его по имени шведскаго короля Оскара. Такъ какъ кашалоты уже не встрѣчались болѣе подъ 74° южной широты, то путешественники вернулись къ мысу Адаиръ и высадились на берегъ. Это были, безъ сомнѣнія, первыя человѣческія существа, вступившія на этотъ берегъ. Полуостровъ, на которомъ они высадились, изобиловалъ пингвинами и представлялъ слѣды растительности. Боргъ Гревингъ собралъ тамъ образцы скалы, указывающихъ на то, что на этомъ материкѣ можетъ быть найдены минеральныя богатства, имѣющія экономическое значеніе. Сравнительно высокая температура, которую Боргъ Гревингъ наблюдалъ во время своего плаванія въ антарктической области, невольно возбуждаетъ вопросъ: не произошла ли какая-нибудь перемѣна во второй половинѣ этого столѣтія, вызвавшая повышеніе температуры южнаго полюса и способствовавшая появленію растительности. Боргъ Гревингъ полагаетъ, что существуетъ теплое теченіе, идущее съ сѣвера, которое разрушаетъ ледяныя поля внутри антарктическаго круга. По мнѣнію Боргъ Гревинга, антарктическій континентъ величиною долженъ превосходить Евро-

пу, по крайней мѣрѣ, въ два раза. Онъ убѣжденъ, что, кромѣ минеральныхъ богатствъ, на этомъ континентѣ будутъ найдены и такіе образцы животнаго царства, какіе еще совершенно неизвѣстны въ южномъ полушаріи. Мысъ Адаиръ представляетъ прекрасную стоянку и можетъ быть исходнымъ пунктомъ для экспедиціи, такъ какъ тамъ удобно зимовать. Посредствомъ саней, запряженныхъ собаками, легко уже будетъ достигнуть оттуда южнаго полюса, который, по мнѣнію Боргъ Гревингъ, находится оттуда на разстояніи не болѣе 160 миль. Боргъ Гревинга предлагаетъ свои услуги для новой экспедиціи туда лѣтомъ будущаго года и для дальнѣйшихъ изслѣдованій великаго антарктическаго материка.

Сообщеніе молодаго норвежскаго ученаго вызвало восторженныя аплодисменты со стороны членовъ конгресса. Президентъ благодарилъ его отъ имени конгресса, а одинъ изъ маститыхъ членовъ конгресса сказалъ, что почитаетъ себя счастливымъ, что дожилъ до того времени, когда ему представилась возможность познать руку первому чловѣку, вступившему на великій континентъ южнаго полюса. Всѣ другіе ораторы также горячо привѣтствовали Боргъ Гревинга, какъ указавшаго путь къ изслѣдованію таинственной антарктической области; сэръ Джонъ Мюррей выразилъ предположеніе, что въ этой области можетъ быть сдѣлано очень много важныхъ и неожиданныхъ открытій и въ шутку прибавилъ, что тамъ могутъ быть найдены останки потомковъ палеолитическаго чловѣка. Шутка эта вызвала веселый смѣхъ членовъ конгресса, послѣ чего конгрессъ выразилъ желаніе, чтобы государство согласилось между собою на счетъ устройства международной антарктической экспедиціи. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ пе-

речислить всё другія сообщенія, хотя и не имѣющія такого выдающагося интереса, но все же очень важныя въ научномъ отношеніи и поставившія нынѣшній географическій конгрессъ первымъ мѣстѣ въ ряду съхъ другихъ конгрессовъ ученыхъ обществъ, происходившихъ въ этомъ году. Слѣдующій международный географическій конгрессъ соберется въ Берлинѣ.

Другъ человѣчества донна Концепція Ареналь Гарціа де-Нарраско. Пятый международный пенитенціарный конгрессъ, происходившій въ Парижѣ въ этомъ году, выдвинулъ на сцену нѣсколько въ высшей степени замѣчательныхъ личностей, принадлежащихъ къ группѣ ученыхъ, посвятившихъ свою дѣятельность облегченію участи заключенныхъ въ тюрьмѣ. Въ ряду такихъ личностей, много потрудившихся на пользу пенитенціарной науки вообще и заключенныхъ въ частности, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ испанкѣ доннѣ Концепціи Ареналь Гарціа де-Барраско, умершей въ 1893 году. Вся Испанія воздаде ей почести послѣ ея смерти, и городъ Вижо, гдѣ она провела свои послѣдніе годы, устроилъ ей великолѣпные похороны и уже въ пяти мѣстахъ воздвигнуты ей памятники.

Донна Концепція Ареналь родилась въ 1820 году. Отецъ ея подвергся изгнанію за свои либеральныя воззрѣнія и умеръ молодымъ за границей. Концепція вернулась въ Мадридъ и въ 1847 году вышла замужъ за Фернандо Гарціа Карраско, выдающагося юриста и редактора очень вѣстнаго въ то время журнала «Iberia». Этотъ бракъ положилъ начало ея литературной дѣятельности. Она стала сотрудничать въ журналѣ своего мужа, начала писать стихи, комедіи, повѣсти, но вскорѣ перешла къ изученію социальныхъ наукъ и въ 1860 году

Мадридская академія присудила первую премію ея работѣ по вопросу о благотворительности. Зная всю силу испанскихъ предрассудковъ, она не рѣшилась подписать эту работу своимъ собственнымъ именемъ, а подписала ее именемъ своего сына, мальчика десяти лѣтъ. Затѣмъ еще два раза та же самая академія присудила ей премію за ея работы объ исправительныхъ колоніяхъ въ ссылкѣ и о народномъ образованіи. Въ 1863 году она издала книгу, озаглавленную: «Руководство для посѣтителей бѣдныхъ», и книга эта тотчасъ же была переведена на нѣсколько европейскихъ языковъ, также какъ и нѣкоторыя ея послѣдующія сочиненія, входящая теперь въ составъ юридической бібліотеки испанскихъ юристовъ. На національномъ конгрессѣ благотворительности и исправительной системы, происходившемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Сентъ-Луи, въ 1884 году, ея работа о покинутыхъ дѣтяхъ была удостоена всеобщей похвалы и напечатана на англійскомъ языкѣ въ протоколахъ конгресса. Затѣмъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, она основала въ Мадридѣ журналъ, выходящій два раза въ мѣсяцъ, «Vox de la Caridad», который сталъ во главѣ всѣхъ предприятий въ Испаніи, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе социальныхъ условій и общественную помощь. Сама Концепція очень много работала въ этомъ журналѣ и проповѣдывала свои социальные идеи въ статьяхъ, изъ которыхъ самую замѣчательною считается «Проектъ общаго закона о благотворительности». Женское движеніе, конечно, не могло не увлечь за собою Концепцію, которая тотчасъ же занялась изученіемъ положенія женщины и въ статьяхъ: «Женщина будущаго» и «Женщина у себя дома» опровергла теорію интеллектуальнаго неравенства мужчины и женщины, въ основу которой положены физиологическія причины, стараясь въ то

*

же время опредѣлить социальную роль женщины.

Концепція занимала въ теченіе тридцати лѣтъ должность генеральной инспектриссы тюремъ и поэтому всѣ ея работы, касающіяся пенитенціарныхъ вопросовъ, имѣютъ не только высокое теоретическое, но и практическое значеніе. Оффиціальныя отчеты, посланные ею на международные пенитенціарныя конгрессы въ Стокгольмѣ, Антверпенѣ, Римѣ и Петербургѣ, вездѣ обратили на себя вниманіе. Извѣстный американскій криминалистъ Энохъ Коббъ Уайнсъ выразился объ этихъ отчетахъ слѣдующимъ образомъ: «Они обладаютъ не только большою оригинальностью, но, кромѣ того, проникнуты глубокимъ философскимъ духомъ и написаны такъ, что каждое утвержденіе въ нихъ является въ то же время и аргументомъ».

Великая заслуга Концепціи заключается въ томъ, что она старалась всячески заинтересовать общество въ вопросахъ, касающихся пенитенціарной системы, и придать благотворительности характеръ, болѣе отвѣчающій гуманитарнымъ воззрѣніямъ. Она выступила защитницею бѣдняковъ. Не отрицая справедливости многихъ обвиненій по адресу бѣдняковъ, ихъ дурныхъ качествъ, склонности къ обману, къ беспорядочной жизни и т. п. она говоритъ все-таки, что мы не знаемъ, что такое нищета, совершенно не понимаемъ, какія она вызываетъ чувства и какъ она заставляетъ страдать и измѣняетъ всю нравственную природу человѣка. «Нищета,—говоритъ Концепція,—фатальнымъ образомъ влечетъ за собою апатію и беспорядочность. «Мы бѣдны», отвѣчаютъ ирландскіе крестьяне тѣмъ, кто ихъ упрекаетъ въ нечистоплотности ихъ лачугъ. Женщина, жестоко обращающаяся со своимъ ребенкомъ, также въ свое оправданіе заявляетъ: «Я доведена до отчаянія!» Люди привыкаютъ, и это самое ужас-

ное! Самое печальное положеніе, именно то, когда человѣкъ перестаетъ бороться, когда онъ привыкаетъ къ нуждѣ и уже болѣе не подымается. Увѣряютъ, что такіе люди перестаютъ чувствовать и сознавать свое положеніе. Нѣтъ! они чувствуютъ и по временамъ должны сознавать, какъ ужасно быть бѣднымъ и терпѣть всевозможныя униженія. И эти нравственныя муки прибавляются къ тяжелому испытанію, посланному судьбой!»..

Концепція видитъ въ самолюбіи, которое еще не совершенно исчезло у бѣдняка, главный рычагъ для его нравственнаго подъема. «Мы должны научить бѣдняка не слишкомъ презирать себя», говоритъ она. Вообще Концепція во всѣхъ своихъ статьяхъ и книгахъ горячо проповѣдуетъ любовь къ меньшей братіи, къ обезнуженнымъ и несчастнымъ. Только любовь творитъ чудеса! Благотворительность безъ любви не затрогиваетъ душу человѣка и не можетъ способствовать его нравственному подъему. Въ такомъ именно духѣ написаны: «Руководство къ посѣщенію бѣдныхъ» и «Руководство къ посѣщенію заключенныхъ въ тюрьмѣ»: обѣ книги включаютъ въ себя кромѣ совѣтовъ посѣтителю еще и цѣлый рядъ проектовъ различныхъ реформъ тюремной администраціи. Донна Концепція настаиваетъ на пользѣ посѣщеній заключенныхъ. Впрочемъ, эта польза признается давно, но въ прежнія времена посѣщенія производились только религіозными ассоціаціями; теперь же многія свѣтскія ассоціаціи тоже посѣщаютъ тюрьмы. Въ Англіи этимъ занимается «Howard Society» и, главнымъ образомъ, его два члена, оба рабочіе, Уильямъ Хилей и Томасъ Рантъ.

Въ своемъ руководствѣ къ посѣщенію заключенныхъ донна Концепція говоритъ, что прежде всего посѣтитель долженъ обладать знаніемъ людей.

Онъ долженъ знать, что такое заключенный; находящійся передъ нимъ, не съ точки зрѣнія поверхностной классификаціи, а съ точки зрѣнія пониманія того различія, какое существуетъ между этимъ человѣкомъ и другими людьми. Надо умѣть опредѣлить характеръ преступленія и личныя условія, и постараться выдѣлить человѣческіе элементы, не исчезающіе даже въ самомъ закоренѣломъ преступникѣ. Для этого необходимо ознакомиться со всею предшествующею жизнью преступника и, представивъ ему говорить, зорко слѣдить, не появятся ли какія-нибудь человѣческія искорки, которыя еще сохранились въ его душѣ. Донна Концепція глубоко вѣритъ въ возможность исправленія преступника, и эту вѣру раздѣляютъ и многіе другіе дѣятели пенитенціарной науки. Директоръ исправительной тюрьмы въ Бриделокселиллѣ, въ Даніи, Аммицбоёлль, говорилъ на петербургскомъ конгрессѣ, что изъ трехъ тысячъ заключенныхъ, прошедшихъ черезъ его руки, не было ни одного совершенно неисправимаго.

Въ числѣ проектовъ, предложенныхъ Концепціей Ареналь и имѣющихъ цѣлью содѣйствовать нравственному улучшенію преступниковъ, находится проектъ устройства журнала для заключенныхъ въ тюрьмѣ. Этотъ журналъ долженъ былъ бы доставлять имъ свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ, слухъ о которыхъ иногда доходить до нихъ, но часто въ совершенно извращенномъ видѣ. Незнаніе того, что было, тѣхъ переживъ, которыя произошли, иногда отзывается очень тягостно на отбывшихъ свой срокъ тюремнаго заключенія и вновь становящихся членами общества. Кроме этихъ свѣдѣній, по мнѣнію автора проекта, было бы полезно помѣщать въ этомъ журналѣ рассказы о каждомъ новомъ преступленіи, побѣгѣ преступника и его понимѣ и тѣхъ нравственныхъ мученіяхъ и страхахъ,

которыя ему пришлось вынести, пока онъ, наконецъ, не выдалъ себя правосудію. Затѣмъ въ этомъ же журналѣ должны быть рассказаны всѣ случаи полной реабилитаціи преступника въ глазахъ честныхъ людей, для того, чтобы онъ увидѣлъ, что общество умѣетъ все-таки оказывать справедливость, и если караетъ по всей строгости законовъ преступника, то, во всякомъ случаѣ, не видитъ въ немъ окончательно отверженнаго чловѣка и не лишаетъ его возможности снова сдѣлаться членомъ общества.

Донна Концепція всегда была врагомъ узкой пенитенціарной системы и слишкомъ строгой регламентаціи, уничтожающей у заключенныхъ остатокъ свободной воли. Она говоритъ, что необходимо, насколько это допускаетъ порядокъ, предоставлять заключеннаго самому себѣ, чтобы онъ могъ, въ извѣстной степени, самъ руководить своимъ поведеніемъ. Донна Концепція считаетъ сокращеніе наказанія лучшею наградою за хорошее поведеніе. Но, являясь сторонницею условнаго освобожденія заключенныхъ ранѣ срока, она все-таки дѣлаетъ нѣкоторыя ограниченія и предостерегаетъ отъ возможныхъ преувеличеній, такъ какъ, насколько прежде отрицали всякое реформаторское значеніе наказанія, настолько теперь готовы впасть въ другую крайность и считать дѣло исправленія преступника — слишкомъ легкимъ дѣломъ.

Нравственная и реформаторская точка зрѣнія, которую донна Концепція ставитъ въ основу всей пенитенціарной системы и изъ-за которой она такъ энергично сражалась съ фаталистическими взглядами нѣкоторыхъ школъ криминалистовъ, въ настоящее время преобладаетъ не только въ рѣшеніяхъ и работахъ всѣхъ пенитенціарныхъ конгрессовъ, но и во всѣхъ пенитенціарныхъ законахъ и учрежденіяхъ различныхъ націй. Въ Испаніи, какъ и въ другихъ странахъ,

очень рѣзко выразилось движеніе въ пользу тюремной реформы и, конечно, донна Концепція своими трудами и своею пропагандой очень много способствовала этому, и въ томъ, что ею сдѣлано — заключается несомнѣнно огромное будущее.

Англійскіе парламентскіе обычаи.

Ни одинъ изъ существующихъ въ Европѣ парламентовъ не заключаетъ въ себѣ столько характерныхъ особенностей, сколько ихъ можно встрѣтить въ англійскомъ парламентѣ, существенно отличающемся отъ всѣхъ другихъ европейскихъ представительныхъ собраній. Англичане стойко придерживаются традицій и обычаевъ во всемъ, что касается внѣшняго декораума, и потому весьма часто отъ этого декораума вѣдетъ значительнымъ анахронизмомъ. Въ англійскомъ парламентѣ, состоящемъ изъ нижней и верхней палаты (палаты общинъ и палаты лордовъ), сохраняются еще въ силѣ многіе средневѣковые обычаи. Собственно представительнымъ собраніемъ является лишь палата общинъ, состоящая изъ представителей графствъ, городовъ и университетовъ, — всего 670 членовъ, выбираемыхъ тайною подачей голосовъ, на семилѣтній срокъ. Засѣданія этой палаты представляютъ наибольшій интересъ; такъ какъ она является главнымъ законодательнымъ учрежденіемъ страны, то въ ней подвизаются лучшіе парламентскіе ораторы.

По закону, засѣданія парламента не должны быть гласными, но англійская печать, послѣ долгой и упорной борьбы, добилась-таки того, что публика и газетные репортеры получили доступъ въ парламентъ. Но такъ какъ за ними до сихъ поръ не утверждено закономъ права присутствовать при парламентскихъ преніяхъ, то каждый изъ депутатовъ можетъ, если захочетъ, потребовать ихъ изгнанія. Однако, освященный годами

обычай имѣетъ силу закона въ глазахъ англичанъ и поэтому ни одному изъ англійскихъ депутатовъ навѣрное не придется въ голову воспользоваться въ данномъ случаѣ своимъ правомъ.

Иностранца, впервые посѣщающаго палату общинъ, конечно, должно поразить то, что всѣ депутаты сидятъ въ шляпахъ, что составляетъ странный контрастъ съ париками и мантіей спикера и клерковъ палаты. По обычаю, депутаты всегда говорятъ сидя и со шляпой на головѣ, если возбуждаютъ какой-нибудь вопросъ, относящійся къ предварительнымъ дѣламъ, но если они произносятъ рѣчь, то снимаютъ шляпу; они снимаютъ ее также при входѣ и выходѣ изъ залы засѣданій. Передъ началомъ парламентскихъ занятій всегда читается молитва священникомъ англиканской церкви и до окончанія этой молитвы постороннія лица не впускаются въ палату. Прежде чтеніе молитвы передъ началомъ засѣданія входило въ обязанности спикера, затѣмъ читалъ ее клеркъ палаты, и только впоследствии была учреждена должность особаго парламентскаго кашеллана. Только одинъ разъ за все время засѣданія началось безъ соблюденія этой формальности. Это произошло въ 1675 году, вслѣдствіе того, что спикеръ и клеркъ никакъ не могли придти къ соглашенію, кто изъ нихъ долженъ читать молитву.

Одну изъ самыхъ любопытныхъ фигуръ въ англійскомъ парламентѣ представляетъ спикеръ (предсѣдатель нижней палаты), который выбирается членами палаты, тотчасъ же по принесеніи ими присяги. Должность спикера очень почетная и хорошо вознаграждается: онъ получаетъ въ годъ содержаніе, равняющееся 50.000 р. на наши деньги, и роскошную квартиру въ Вестминстерскомъ дворцѣ. Но за то обязанности его не только многосложны, но и требуютъ отъ него

огромной выдержки и терпѣнія. Не смотря на высокое положеніе, занимаемое имъ въ палатѣ общинъ, права его тамъ очень ограничены. Никогда онъ не можетъ вступать ни въ какія пререканія съ палатой. Онъ долженъ спокойно взирать на то, что палата вотируетъ такіа законодательныя мѣры, противъ которыхъ онъ бы высказался съ величайшимъ удовольствіемъ, но на его обязанности лежитъ проведеніе этихъ самыхъ мѣропріятій, какъ только они одобрены палатой: своего личнаго мнѣнія спикеръ не можетъ высказывать ни при какомъ случаѣ. Точно также онъ не можетъ рѣшать споровъ между депутатами и назначать, кому изъ нихъ говорить первому; это должна рѣшать сама палата. Между тѣмъ спикеръ, занимая возвышенное мѣсто, скорѣе могъ бы рѣшить такой споръ, такъ какъ ему виднѣе, который изъ спорящихъ депутатовъ поднялся первый и кому изъ нихъ, слѣдовательно, принадлежитъ право говорить первому. Это маленькій примѣръ безсилія спикера, а вотъ еще и другой: для того, чтобы рѣшенія палаты признавались законными, необходима наличность сорока членовъ. Но если даже спикеръ раньше всѣхъ другихъ замѣтитъ, что не достаетъ числа депутатовъ для законнаго «quorum», онъ все-таки не имѣетъ права обратить на это вниманіе членовъ палаты, и хотя бы въ палатѣ находились всего лишь два депутата, онъ все-таки обязанъ руководить засѣданіемъ, разъ если оно открыто. Намекъ на то, что недостаетъ «quorum», долженъ быть сдѣланъ кѣмъ-нибудь изъ депутатовъ, присутствующихъ на засѣданіи. Еще лучше! По окончаніи засѣданія, поздно вечеромъ, спикеръ все-таки не можетъ оставить своего мѣста до тѣхъ поръ, пока не будетъ соблюдена извѣстная формальность, дающая ему свободу, хотя бы палата уже совершенно опустѣла. Однажды

случилось, что послѣ долгаго, утомительнаго засѣданія, затянувшагося до поздней ночи, депутаты впопыхахъ забыли соблюсти эту формальность и произнести передъ спикеромъ торжественныя слова, объявляющія о закрытіи засѣданія и развязывающія узы, какъ бы приковывающія его къ его почетному возвышенному мѣсту. И таково преклоненіе англичанъ передъ силою обычая, что спикеръ и не подумалъ сойти со своего мѣста и спокойно оставался сидѣть, видя, какъ пустѣетъ палата, и, можетъ быть, просидѣлъ бы такъ очень долго, если бы служителя не догадались побѣжать и вернуть назадъ въ палату одного изъ депутатовъ, который и произнесъ передъ спикеромъ священныя слова, освобождающія его отъ его обязанности.

Въ пренія палаты спикеръ никогда не вмѣшивается и поэтому ему рѣдко приходится проявлять свои ораторскія способности. На долю его выпадаетъ только чтеніе адреса королевѣ и, въ особенныхъ случаяхъ, обращеніе къ палатѣ съ приглашеніемъ вотировать благодарность отъ имени отечества какому-нибудь заслуженному дѣятелю арміи и флота. Въ исторіи парламента памятна въ этомъ отношеніи рѣчь спикера Аббота, произнесенная имъ въ честь герцога Веллингтона, 1-го іюля 1814 года. Но такіе случаи, конечно, бываютъ не часто и потому спикеръ обыкновенно безмолвно присутствуетъ при преніяхъ и только руководитъ ихъ порядкомъ. Безмолвіе спикера особенно покажется страннымъ, если вспомнить, что самое названіе, присвоенное его должности, происходитъ отъ глагола «speak» — говорить, спикеръ, между тѣмъ, никогда не произноситъ такихъ длинныхъ рѣчей, какія произносятся президентами палатъ въ другихъ странахъ. На обязанности его лежитъ призываніе къ порядку депутатовъ, причемъ ему даже дается

право удалить непокорнаго депутата изъ палаты на остальное время засѣданія. Самымъ серьезнымъ взысканіемъ, какое только можетъ спикеръ примѣнить къ депутату, считается то, если онъ назоветъ его по имени. Обыкновенно, спикеръ не иначе обращается къ депутату, какъ называя его: «уважаемый членъ представитель» такого-то «избирательнаго округа». Если же онъ назоветъ депутата по имени, въ наказаніе за его непокорность или недостойное поведеніе, то этотъ депутатъ перестаетъ на это время считаться членомъ палаты. Подобные случаи однако бываютъ рѣдко. Обыкновенно спикеръ только грозитъ депутату такимъ наказаніемъ, и этого уже бываетъ достаточно. Однажды, впрочемъ, одинъ изъ депутатовъ на такую угрозу спикера дерзко спросилъ его: «Ну и что жь изъ этого воспослѣдуетъ!» — Спикеръ отвѣтилъ на это торжественнымъ тономъ: «Это извѣстно одному Богу!»

Спикеръ не принадлежитъ ни къ какой партіи въ палатѣ и долженъ обнаруживать полнѣйшее безпристрастіе. Сильно развитое въ каждомъ англичанинѣ чувство гражданскаго долга дѣйствительно ведетъ къ тому, что въ тотъ моментъ, когда спикеръ вступаетъ на свое мѣсто въ палатѣ, гдѣ передъ нимъ лежитъ серебряный жезлъ—символь его достоинства, для него исчезаютъ всякія партійныя различія, социальное положеніе и ранги депутатовъ, и снѣ одинаково безразлично пожимаетъ руку каждому изъ депутатовъ, во время ихъ обычнаго дефилированія мимо его мѣста. Ни одинъ изъ депутатовъ англійскаго парламента никогда не позволитъ себѣ выразить ни малѣйшаго сомнѣнія въ безпристрастіи спикера. Поэтому-то спикеръ палаты выбирается, совершенно не зирая на данное политическое положеніе и перемѣну министерству, такъ что при вступленіи, напримѣръ, торійскаго,

консервативнаго министерства можетъ быть избранъ вновь тотъ же самый спикеръ, который занималъ эту должность при либеральномъ министерствѣ.

Засѣданія палаты общинъ начинаются по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ въ три часа дня и продолжаются до часу ночи; раньше этого времени засѣданіе можетъ быть закрыто лишь по специальному рѣшенію палаты. По средамъ засѣданія бывають съ 12 до 6 часовъ, а по субботамъ палата собирается лишь въ экстренныхъ случаяхъ, когда накопится много дѣлъ къ концу парламентской сессіи. Слѣдуетъ прибавить, что депутаты въ Англии не получаютъ никакого вознагражденія за свой, далеко не легкій трудъ. Хотя это и дѣлаетъ честь гражданскому чувству англичанъ, но тѣмъ не менѣе, тягостно ложится на многіе, народныя классы, которые, выбирая депутата изъ своей среды, часто совершенно бѣднаго человѣка, должны ему все-таки дать средства къ существованію, такъ какъ въ это время онъ лишень всякой возможности занимать какую-либо должность и зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба инымъ путемъ. Поэтому-то народныя партіи въ парламента нѣсколько разъ поднимали вопросъ о вознагражденіи членовъ парламента, но таково предубѣжденіе англичанъ противъ этой мѣры, что до сихъ поръ вопросъ этотъ такъ и не прошелъ въ парламентъ. Каждый изъ депутатовъ можетъ внести въ парламентъ проектъ закона—билль, касающійся какого-нибудь частнаго случая или же общихъ дѣлъ. Въ первомъ случаѣ онъ носитъ названіе: «private bill», во второмъ—«public bill». Самымъ важнымъ правомъ депутатовъ, однако, является ихъ право обращаться къ министрамъ съ вопросами по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Очень часто такими поводами являются газетныя статьи,

факты, указанные печатью или почему-либо, обратившие на себя личное внимание депутатовъ. Эти вопросы депутатовъ даютъ возможность контролировать дѣйствія исполнительной власти и обращать вниманіе высшаго управления на факты, нуждающіеся въ разъясненіи или разслѣдованіи, такъ какъ депутаты могутъ требовать отъ министровъ, какъ отъ лицъ, несущихъ на себѣ отвѣтственность за извѣстную отрасль государственнаго управленія, объясненій по поводу образа дѣйствій ихъ подчиненныхъ, поступки которыхъ возбуждаютъ, почему-либо, недоразумѣніе или же неодобреніе. Право нижней палаты привлекать къ отвѣтственности высшихъ государственныхъ дѣятелей является вѣнцомъ всей системы государственнаго устройства Англии. Вопросы, съ которыми депутаты намѣреваются обратиться къ какому-нибудь изъ членовъ правительства, заявляются ими заранее и печатаются на особыхъ листахъ; депутаты затѣмъ предлагаютъ ихъ по вызову спикера. Иногда число такихъ вопросовъ, предложенныхъ въ теченіе одного только засѣданія, достигаетъ огромной цифры. Вообще, чѣмъ шире волна общественной жизни, чѣмъ больше совершается событій, тѣмъ больше вопросовъ предлагается въ парламентъ. Много вопросовъ предлагается и въ такихъ случаяхъ, когда въ парламентъ обсуждается какая-нибудь важная реформа, какъ это было, напримеръ, относительно реформы мѣстнаго управленія въ 1888 году, когда въ одну только сессію было предложено депутатами ни болѣе, ни менѣе, какъ 5.549 вопросовъ!

Депутаты только въ очень исключительныхъ случаяхъ рѣшаются просить отпуска и вообще рѣдко манкируютъ засѣданіями. Прежде чѣмъ взять отпускъ, депутатъ, принадлежащій къ извѣстной партіи, отыскиваетъ члена противной партіи, тоже нуждающагося

въ отпускѣ, и стоваривается съ нимъ, что отъ такого-то до такого-то срока они оба не будутъ принимать участія въ голосованіяхъ. Это называется «образованіемъ пары» и, благодаря такому обычаю, относительное распределение силы партій въ парламентъ остается болѣе или менѣе постояннымъ, несмотря на временное отсутствіе депутатовъ.

Вступленіе новаго члена въ палату, выбраннаго на частныхъ выборахъ на сдѣлавшееся вакантнымъ мѣсто депутата, также сопряжено съ извѣстными церемоніями. Новый депутатъ стоитъ у рѣшетки, заграждающей входъ въ залу, и при немъ находятся два члена парламента, которые сопровождаютъ его вступленіе въ парламентъ. По окончаніи обсужденія вопросовъ, стоящихъ на очереди, новый членъ вступаетъ въ палату и его обыкновенно встрѣчаютъ аплодисментами члены той партіи, къ которой онъ принадлежитъ. Иногда эти аплодисменты достигаютъ размѣровъ настоящей оваціи. Затѣмъ его приводятъ къ присягѣ, по произнесеніи которой онъ пожимаетъ руку спикеру и послѣ того уже получаетъ право занять мѣсто на одной изъ скамей, правой или лѣвой стороны, смотря по тому, принадлежить ли онъ къ сторонникамъ правительства или къ оппозиціи. Съ этого момента депутатъ уже пользуется всеми правами, присущими его почетному званію, и немедленно принимаетъ участіе въ занятіяхъ палаты. Глубокое сознаніе своихъ правъ и обязанностей, живущее въ каждомъ англичанинѣ, является его главною силою, какъ въ парламентѣ, такъ и вообще въ жизни, и составляетъ главную причину того, что основныя права англичанъ, ихъ абсолютная политическая свобода, не сдѣлались жертвою буквою, какъ во многихъ другихъ странахъ съ подобнымъ же конституционнымъ устройствомъ.

Заработная плата и условия труда въ Японіи. Китайско-японская война и победы японцевъ заставили обратить особенное вниманіе на маленькую страну, выказавшую такіе быстрые успѣхи въ дѣлѣ усвоенія европейской цивилизаціи и прогресса. За послѣдніе годы промышленность и торговля Японіи дѣйствительно очень возрасли, опровергнувъ блестящимъ образомъ заявленіе докладчика прусскаго правительства, сдѣланное всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что Японія еще не своро въ состояніи будетъ удовлетворить требованіямъ современной промышленности. Японское правительство организовало первыя фабрики и приступило къ эксплуатаціи копей, но затѣмъ уступило то и другое частнымъ компаніямъ, значительно расширившимъ дѣло. Больше всего прогрессируютъ въ Японіи бумагопрядильныя фабрики, число которыхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. На большихъ фабрикахъ Канагафуки работаетъ въ настоящее время 2.100 мужчинъ и 3.700 женщинъ, очередными партіями, въ теченіе двѣнадцати часовъ, днемъ и ночью. На однихъ, въ теченіе двѣнадцатичасовой прилежной работы, полагается всего лишь 40 минутъ. Изъ этого видно, что положеніе работниковъ и работницъ въ Японіи далеко не завидное, тѣмъ болѣе, что заработная плата очень невысока. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она не превышаетъ 10 іенъ въ сутки (около 20 коп.). Слѣдуетъ прибавить, что, по заявленію всѣхъ, имѣвшихъ дѣло съ японскими рабочими, эти послѣдніе отличаются особенною понятливостью, ловкостью и необыкновеннымъ послушаніемъ и кротостью. Они переносятъ съ покорностью самыя тяжелыя условія работы, превращающія ночь въ день и удлиняющія число рабочихъ часовъ до четырнадцати въ сутки. Тридцать пять бумагопрядильныхъ фабрикъ, на которыхъ работаетъ, общимъ числомъ,

22.618 человекъ, — 5.739 мужчинъ и 16.879 женщинъ, — образуютъ могущественный синдикатъ, съ которымъ рабочимъ не подѣ силу бороться, тѣмъ болѣе, что японскіе законы выказываютъ большую снисходительность по отношенію къ предпринимателямъ. Такъ, напримѣръ, хозяева фабрикъ заставляютъ работать дѣвочекъ 8—9 лѣтъ, въ теченіе двѣнадцати часовъ; по закону же дѣвочки въ этомъ возрастѣ обязаны посѣщать школу. Учителя протестуютъ противъ вербованія дѣтей на фабрики, но всѣ ихъ протесты оставались до сихъ поръ безъ вниманія. Вообще японскій рабочий находится въ полной власти своихъ хозяевъ, благодаря организованной или системѣ, вслѣдствіе которой ни одна фабрика не приметъ рабочаго, ушедшаго отъ своего хозяина, если онъ не представитъ письменнаго согласія своего бывшаго хозяина на уходъ и перемѣну мѣста занятій. Это правило соблюдается чрезвычайно строго и за каждымъ вновь поступающимъ рабочимъ учреждается спеціальныи надзоръ. Если замѣтятъ, что онъ уже знаетъ ремесло и, очевидно, работалъ раньше на какой-нибудь фабрикѣ, но не представилъ никакого удостовѣренія, то его немедленно увольняютъ, не взирая ни на какія просьбы.

Типографія американскаго правительства. Правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи самую обширную и сложную національную типографію во всемъ свѣтѣ и ни одно правительство въ Европѣ не расходуетъ такихъ огромныхъ суммъ на это учрежденіе, какія расходуются американскимъ правительствомъ. Ежегодно около четырехъ миліоновъ долларовъ тратится на печатаніе отчетовъ о дѣятельности всѣхъ отдѣловъ государственнаго организма и безчисленныхъ сообщеній о разнаго рода событіяхъ внутри страны и внѣ

ся, если они имѣютъ къ ней какое-нибудь отношеніе. Все это въ годъ образуетъ довольно объемистую бібліотеку, чуть ли не въ сто томовъ, особенно во времена какихъ-нибудь общественныхъ событий, какъ, напримѣръ, гражданской войны и т. д. Обработка свѣдѣній поручается специалистамъ и по напечатаніи отчетовъ, они раздаются безвозмездно разнымъ лицамъ, по указанію правительства. Каталогъ этихъ правительственныхъ публикацій, за періодъ съ 1774 по 1881 г., представляетъ объемистый томъ in quarto въ 1.400 страницъ, съ двумя дополнительными списками, въ которые включены правительственныя изданія послѣдующихъ десяти лѣтъ. Печатаемъ резолюцій конгресса занимается ежегодно 3.000 человекъ, наборщиковъ и служащихъ, содержаніе которыхъ обходится правительству въ 2.900.000 долларовъ въ годъ. Въ 1894 г. было напечатано въ этой типографіи 40.888.598 копій самыхъ разнообразныхъ документовъ и потрачено на документы, относящіеся только къ одному земледѣльческому департаменту, около милліона фунтовъ писчей бумаги. Разумѣется, во всѣхъ этихъ горахъ печатной бумаги много имѣетъ лишь эфемерное значеніе, но многое также не лишено и очень важнаго культурнаго и историческаго смысла. Во всякомъ случаѣ, въ архивахъ Вашингтона заключается еще масса нетронутаго изслѣдователями историческаго матеріала, могущаго бросить не одинъ лучъ свѣта на тѣ европейскія событія, подъ вліяніемъ которыхъ выросла и окрепла великая заатлантическая республика. Надо отдать справедливость всѣмъ учреждениямъ этой республики, правительственнымъ департаментамъ, ученымъ институтамъ, геологическимъ, метеорологическимъ, этнологическимъ, статистическимъ бюро и др., что всѣ они энергично заботятся о доставленіи свѣдѣній и сохраненіи слѣдовъ и памят-

никовъ исчезающей культуры, такъ что эволюція страны можетъ быть прослѣжена въ правительственныхъ бумагахъ самымъ точнымъ образомъ и въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Особенно богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи представляютъ отчеты конгрессовъ, журналы и протоколы засѣданій и исполнительные документы обѣихъ палатъ. Къ сожалѣнію, распределение этихъ, зачастую весьма важныхъ въ историческомъ отношеніи документовъ оставляетъ желать многого. Въмѣсто того, чтобы попадать въ руки лицъ, которые могли бы извлечь изъ нихъ дѣйствительную пользу, они чаще всего дѣлаются достояніемъ такихъ людей, которые продаютъ ихъ, какъ негодную макулатуру, и такимъ образомъ ежегодно пропадаютъ тысячи пудовъ правительственныхъ изданій. Вообще, въ подвалахъ вашигтонскаго Капитолія лежатъ цѣлыя массы книгъ и документовъ безъ всякаго употребленія, представляющія, однако, безцѣпныя сокровища въ историческомъ отношеніи. Когда будетъ готово, строящееся теперь, роскошное зданіе правительственной бібліотеки, на которую ассигновано нѣсколько милліоновъ долларовъ, то всѣ эти документы и книги увидятъ свѣтъ; но, быть можетъ, многіе изъ нихъ погибнутъ отъ тлѣнія до тѣхъ поръ и затеряются для исторіи. Въ этомъ-то случаѣ свободная и обильная задача документовъ и можетъ сослужить нѣкоторую пользу, такъ какъ весьма возможно, что какой-нибудь важный документъ, погибшій въ подвалахъ Капитолія, найдется въ архивѣ какого-нибудь частнаго лица. Какъ щедро раздаются документы доказывается, напримѣръ, слѣдующимъ фактомъ: отчеты министерства земледѣлія за одинъ только годъ были напечатаны въ 500.000 копій и каждый изъ членовъ нижней палаты получилъ по 1.000 экземпляровъ, а каждый изъ сенаторовъ—по 1.250.

Профессоръ Гижницкій и этическое движеніе въ Германіи. Въ числѣ посѣтительницъ на проходившемъ недавно въ Лондонѣ конгрессѣ женскихъ обществъ трезвости находилась, между прочимъ, въ качествѣ одной изъ представительницъ Берлина, вдова профессора Гижницкаго, главнаго организатора и вождя этического движенія въ Германіи. Госпожа Гижницкая издаетъ, по смерти своего мужа, основанный имъ журналъ «Ethische Kultur» и, кромѣ того, свой собственный журналъ «Frauenbewegung» и по прежнему стоитъ во главѣ прогрессивнаго движенія въ Германіи. Преждевременная смерть ея мужа, умершаго 44-хъ лѣтъ отъ роду, лишила этическое движеніе Германіи одного изъ главныхъ руководителей и дѣятелей, но г-жа Гижницкая, еще совсемъ молодая женщина, рѣшила продолжать, по мѣрѣ своихъ силъ, начатое мужемъ дѣло. Профессоръ Гижницкій, по словамъ знавшихъ его, производилъ впечатлѣніе высоко одаренной, почти гениальной натуры и поражалъ своею нравственною силою, тѣмъ болѣе, что въ физическомъ отношеніи онъ былъ несчастнымъ калѣкой всю свою жизнь. Его возили въ креслѣ въ университетъ и вносили на рукахъ въ аудиторию, гдѣ онъ читалъ лекціи. Но онъ не столько приобрѣлъ извѣстность своими лекціями, сколько своими статьями по вопросамъ этики и организацией этического движенія въ Германіи (органомъ котораго и служить по сіе время еженедѣльный журналъ «Ethische Kultur», существующій уже около трехъ лѣтъ). Въ англійскомъ журналѣ «International Journal of Ethics» напечатана статья профессора Джудля, изъ пражскаго университета, посвященная умершему дѣятелю и его ученію. По словамъ чешскаго профессора, главная заслуга этого ученія заключается въ томъ, что оно устанавливаетъ принципъ всеобщаго бла-

га, какъ главный критерій для всѣхъ человѣческихъ дѣйствій съ одной стороны, и съ другой—требуетъ, чтобы этическое сужденіе касалось не однихъ только послѣдствій какого-нибудь человѣческаго дѣйствія, а первоначальныхъ его источниковъ, такъ сказать, его индивидуальнаго характера. Гижницкій стремился объединить социальный или утилитарный принципъ съ принципомъ сознанія. Онъ доказывалъ также, что никакого противорѣчія не существуетъ между его желаніемъ установить этику на социальныхъ основахъ и идеальнымъ характеромъ всѣхъ этическихъ законовъ. Гижницкій всегда говорилъ, что благороднѣйшія побужденія, обнаруживающіяся въ современной эпохѣ, являются прямымъ результатомъ процесса развитія, и естественный ходъ прогресса цивилизованнаго міра всегда долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ очищеніе и возвышеніе нравственныхъ понятій. Любопытнѣе всего, что, по мѣрѣ освобожденія отъ своихъ теологическихъ воззрѣній, привитыхъ воспитаніемъ, Гижницкій все болѣе и болѣе проиникался высшими идеалами этики. Но фундаментальный принципъ общаго благополучія, поставленный имъ въ основу всякой этики, заставилъ его увлекаться въ послѣднее время нѣкоторыми социальными утопіями и онъ все болѣе и болѣе склонялся въ пользу рационалистской точки зрѣнія. Идеи Бедлами и рационалистовъ оказали на него большое вліяніе. Смерть похитила Гижницкаго въ самый разгаръ эволюціи его этическихъ воззрѣній, но, тѣмъ не менѣе, въ дѣлѣ развитія и укрѣпленія этического движенія въ Германіи Гижницкій сдѣлалъ такъ много, что его слѣдуетъ причислить къ разряду такихъ дѣятелей, которые содѣйствуютъ своимъ ученіемъ нравственному возвышенію человечества.

Литературныя воспоминанія Юная. Знаменитый венгерскій романистъ

Токай начал печатать въ англійскомъ журналѣ «Foght» свои литературныя воспоминанія, интересныя не только въ литературномъ, но и въ историческомъ отношеніи. Мало найдется современныхъ писателей, начало литературной карьеры которыхъ было бы переполнено такими бурными и романтическими событіями, какія ознаменовали собою молодые годы Токая. Окружающей его міръ, претерпѣлъ огромныя и важныя перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ имя его сдѣлалось извѣстно многочисленной читающей публикѣ, и самъ Токай говорить въ предисловіи къ своимъ воспоминаніямъ: «Я вижу вокругъ себя новое отечество, націю, новыхъ родичей и литературу и по временамъ я испытываю такое ощущеніе, какъ будто бы я сдѣлался чужимъ среди своихъ или слишкомъ состарился. Между тѣмъ новое является лишь результатомъ стараго». Говоря о разнообразныхъ и бурныхъ событіяхъ своей жизни, и отраженіи ихъ въ своихъ произведеніяхъ, Токай замѣчаетъ: «Я сталкивался съ очень странными людьми и при самыхъ необыкновенныхъ условіяхъ, и то, что въ моихъ произведеніяхъ считается продуктомъ пылкой фантазіи, большею частью, ничто иное, какъ сама дѣйствительность. Я былъ вмѣстѣ съ величайшими героями въ періодъ ихъ побѣдоснаго шествія. Я избѣгъ смертельной опасности послѣ потерянныхъ сраженій. Во-время осады Вѣны и Буда и среди страшныхъ оглушительныхъ взрывовъ бомбъ въ Виллагосѣ, я видѣлъ, какъ надъ моею головою рунится цѣлый отдѣльный міръ. Я участвовалъ въ смертельномъ заговорѣ угнетенной и доведенной до отчаянія націи. Затѣмъ я удостоился вниманія короля. Я былъ ничимъ героемъ, доведеннымъ до необходимости давать уроки венгерскаго языка за два флорина въ мѣсяцъ, и затѣмъ сталъ счастливымъ и со-

стоятельнымъ директоромъ большихъ предприятий. Я перенесъ всѣ бѣдствія, всѣ удары, какими только располагаетъ злая судьба, и испробовалъ всѣхъ ея щедротъ. Веревка висѣлицы касалась моей шеи, которую потомъ украсила орденская ленточка. Слава и самая черная клевета одинаково были моимъ достояніемъ. Быть можетъ, болѣе чѣмъ всякій другой смертный, я испыталъ на себѣ любовь и ненависть. Поэтому вѣрное сужденіе о моихъ книгахъ можетъ быть сдѣлано лишь послѣ того, какъ узнаютъ мою жизнь!»

Дѣйствительно, жизнь Токая была полна всевозможныхъ перипетій. Токай родился въ дворянской семьѣ, имѣвшей весьма скромный достатокъ. Съ признательностью вспоминаетъ онъ свое дѣтство. Любовь и миръ свили себѣ гнѣздо въ его семьѣ. Ребенкомъ онъ очень любилъ рисованіе, но когда вошелъ въ возрастъ, то литература окончательно завладѣла имъ. Первый романъ, прочитанный имъ, былъ: «Айвенго» Вальтеръ-Скотта, переведенный на нѣмецкій языкъ. Французскій и англійскій языки Токай изучилъ самъ при помощи грамматикъ, будучи пятнадцати лѣтъ отъ роду, и началъ читать въ оригиналѣ Купера, Диккенса и Виктора Гюго. Сдѣлавшись студентомъ-юристомъ, въ Кескеметѣ, Токай сошелся съ венгерскимъ поэтомъ Пётефи, который былъ членомъ труппы странствующихъ актеровъ. Они вмѣстѣ сдѣлали переводъ «Короля Лира» и поставили эту шекспировскую трагедію, имѣвшую громадный успѣхъ среди кескеметской публики, на сцену мѣстнаго театра. Впослѣдствіи Токай вмѣстѣ съ Пётефи редактировалъ политическій журналъ, раздѣляя въ то время его политическіе взгляды на обновленіе Венгрии путемъ революціоннаго броженія. Оба, и Пётефи, и Токай, участвовали въ движеніи 1848 года; Пётефи палъ на долѣ битвы, Токай же

спася бѣгствомъ, но приговоренный къ смерти правительствомъ, послѣ пораженія венгерскихъ патріотовъ, Юкай долженъ былъ долгіе мѣсяцы скрываться въ дремучемъ лѣсу Бюкка. Его вѣрная жена заботилась о немъ, тайкомъ навѣщала его и въ концѣ концовъ, при помощи хитрости, добыла ему фальшивый паспортъ, который, хотя и спасъ его голову, но все-таки не могъ оградить его отъ неприятности быть зачисленнымъ въ армію простымъ солдатомъ. Поэтому, Юкай долженъ былъ скрываться еще около года, но, несмотря на такую жизнь, полную волнений и опасностей, Юкай, все-таки, не бросалъ литературы, но писалъ подъ псевдонимомъ «Sajó». Онъ говорить, что именно съ этого момента началось его превращеніе, какъ писателя; вмѣсто фантастическихъ образовъ, часто являвшихся продуктомъ его больного воображенія и разстроенныхъ нервовъ, онъ сталъ искать для своихъ произведений живыхъ людей и характеровъ. Одновременно съ этимъ измѣнился и его языкъ; стиль его приобрѣлъ ясность и простоту которой прежде ему не хватало.

Теплыя строки въ своихъ воспоминаніяхъ Юкай посвящаетъ своей женѣ, которой онъ былъ обязанъ не только счастьемъ, но и спасеніемъ своей жизни. Онъ познакомился съ нею и полюбилъ ее въ бурные періоды своей жизни, во время событий 1848 года. Она была въ то время актрисой въ національномъ театрѣ. Сдѣлавшись спутницей Юкая, молодая женщина стойко раздѣляла съ нимъ все невзгоды и поддерживала его въ трудныя минуты. Юкай высоко цѣнилъ ея умъ и литературное чутье и ни одно свое произведение не отдавалъ въ печать, не подвергнувъ предварительно ея критикѣ.

Плодовитость Юкая, какъ писателя, изумительна. Въ теченіе всего періода своей литературной дѣятельности онъ написалъ 350 томовъ бел-

летристическихъ произведеній, и каждый томъ выпускалъ подъ отдѣльнымъ названіемъ. Сюда, однако, не включены разныя мелкія произведенія, появлявшіяся въ разныя времена на столбцахъ журналовъ и газетъ. Такая обильная литературная дѣятельность тѣмъ болѣе изумительна, что Юкай отнюдь не посвящалъ себя исключительно литературѣ, а былъ въ то же время и политическимъ дѣятелемъ, постояннымъ членомъ палаты депутатовъ. Въ молодые годы, какъ мы уже говорили выше, онъ принималъ самое горячее участіе въ политической жизни своей родины. Его пылкія рѣчи въ венгерскомъ сеймѣ въ 1861 году привели къ тому, что онъ сдѣлался редакторомъ новаго органа венгерской національной партіи, «Нон». Появленіе этой газеты произвело большую сенсацию и правительство привлекло къ военному суду ея редактора Юкая и издателя, графа Фердинанда Зичи. Юкай былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на одинъ годъ. Приговоръ гласилъ, что онъ долженъ быть заключенъ въ цѣли, но монархъ смягчилъ это наказаніе. Послѣ паденія Шмерлинга Юкай сдѣлался главнымъ издателемъ этой газеты, которая сдѣлалась политическимъ органомъ лѣваго центра, съ ярко выраженными патріотическими тенденціями.

Юкаю въ настоящее время 71 годъ, но онъ не прекратилъ свою дѣятельность какъ писатель и подумываетъ о новомъ грандіозномъ литературномъ произведеніи, въ которомъ будетъ представлена въ поэтическихъ картинахъ «исторія основанія венгерскаго отечества Арпадомъ». Въ этомъ произведеніи Юкай мечтаетъ объединить историческіе факты съ мифами, легендами и преданіями. «Если мнѣ удастся выполнить эту задачу такъ, какъ она слагается въ моемъ воображеніи,—говоритъ Юкай въ заключеніи, то я могу спокойно умереть!»

«Popular Science Monthly». Человѣкъ находится въ постоянной борьбѣ съ природой. Въ умеренномъ климатѣ ему удалось подчинить себѣ природу, но въ тропикахъ, лишь только ослабѣваетъ борьба и человѣкъ перестаетъ быть во всеоружіи передъ природой, она немедленно вступаетъ въ свои права и быстро уничтожаетъ всякіе слѣды бывшаго владычества человѣка. Высказывая такую мысль, авторъ статьи «Торжество природы» (Popular Science Monthly), Джемсъ Родуэй, подтверждаетъ ее многими примѣрами изъ практики колонистовъ въ Южной Америкѣ и исторіи индѣйскихъ поселеній. Въ великихъ лѣсахъ Южной Америки, говоритъ онъ, не найдете даже и слѣдовъ тѣхъ индѣйскихъ племенъ, которые населили ихъ столѣтія назадъ. Однако, старинные путешественники утверждаютъ, что берегъ отъ Ореноко до Амазонки былъ нѣкогда очень густо заселенъ. Могущественный карибъ охранялъ этотъ берегъ отъ испанскаго нашествія и тамъ, гдѣ теперь на сотни миль простирается дѣвственный лѣсъ и царитъ самая неприступная дикость, существовали нѣкогда цвѣтущія поселенія индѣйцевъ, отъ которыхъ теперь не осталось ни малѣйшаго слѣда. Все сглажено, все уничтожено торжествующей природой. Тамъ же, гдѣ еще остались индѣйскія деревни, онѣ составляютъ какъ бы одно цѣлое съ окружающею ихъ природой дѣвственного лѣса. Индѣйскія хижины, покрытыя пальмовыми листьями, незамѣтны среди роскошной тропической зелени; обитатели же ихъ приспособились къ тропической природѣ, но не подчинили ее себѣ. Плантаторы и колонисты въ тропическихъ странахъ, разумѣется, не могутъ вести такую жизнь, какъ индѣйцы, и поэтому имъ приходится отвоевывать для себя каждый клочекъ земли. Борьба не прекращается ни на минуту. Если же она приостанвится

или если колонистъ покинетъ свои плантаціи и переселится куда-нибудь въ другое мѣсто, — тропическая природа немедленно завладѣваетъ всею и скоро всякій призракъ культуры исчезаетъ и на мѣстѣ бывшихъ плантацій снова возвышается дѣвственный лѣсъ, какъ будто никогда тутъ и не дѣйствовала рука человѣка. По берегамъ рѣки Демерара, на сотни миль кругомъ, существовали не такъ еще давно богатыя плантаціи; хозяева покинули ихъ и теперь на этомъ мѣстѣ возвышается густой лѣсъ и только кое-гдѣ негритянскія хижины указываютъ, что люди еще живутъ здѣсь. Но негры, какъ и индѣйцы, не борются съ природой и не стремятся покорить ее себѣ, а приспособляются къ ней, составляя сами какъ бы часть ея огромныхъ владѣній.

Авторъ рассказываетъ, что ему пришлось однажды побывать въ томъ мѣстѣ, гдѣ были прежде прекрасно устроенныя плантаціи со всею службами, мельницей домомъ, и т. д., черезъ годъ послѣ того, какъ онѣ были покинуты своимъ владѣльцемъ. Все это мѣсто успѣло зарости такимъ густымъ кустарникомъ, что пришлось пустить въ дѣло ножи, чтобы проложить дорогу. Съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, пробиться къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ находиться покинутый домъ плантатора. Голь тому назадъ мѣсто это представляло прекрасно расчищенную площадку, гдѣ былъ раскинутъ фруктовый садъ съ апельсиновыми деревьями. Теперь же здѣсь можно было наблюдать въ высшей степени замѣчательное зрѣлище. Отъ дѣвственного лѣса, возвышающагося темною стѣной у окраинъ площадки, тянулась по направленію къ ней густая сѣть ползучихъ растений. Эти растенія точно надвигались на нее со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, свѣшиваясь съ высокихъ деревьевъ лѣса, вытягивали впередъ свои длинныя, гибкія, суставчатая

вѣтви, извивающіяся точно змѣи, снабженныя воздушными корнями въ мѣстахъ скрѣпленія суставовъ. Кажется, можно было видѣть, какъ движутся эти вѣтви, точно гигантскіе пальцы, стараясь захватить все свободное пространство. Напрасно стали бы вы искать плодовъ во фруктовомъ саду, гдѣ нѣкогда ихъ было такое изобиліе. Апельсиныя деревья, силою окутанныя ползучими растеніями, медленно погибали въ ихъ объятіяхъ, между тѣмъ какъ кругомъ роскошно развивалась новая растительность, насчетъ прежней, захватившей — было чужія владѣнія. Всѣ эти деревья, посаженныя плантаторомъ, были пришельцами въ этихъ мѣстахъ, узурпаторами, которые должны были погибнуть, лишь только заботливая рука перестанетъ оберегать ихъ отъ власти дѣвственнаго лѣса. Пока человѣкъ охранялъ ихъ и уничтожалъ ихъ враговъ, они могли произростать, но какъ только онъ ихъ покинулъ, они поступили во власть окружающей природы. Въ покинутомъ домѣ также рѣзко выступала разрушительная работа тропической природы, стремящейся уничтожить всѣхъ незваныхъ пришельцевъ. Стѣны дома уже покрылись густымъ слоемъ ползучихъ растений. Въ каждую щель, въ каждое отверстіе между кирпичами проникали воздушные корни. Внутри дома эти корни, пробившіе себѣ дорогу черезъ щели крыши, свѣшиваются точно растительные сталактиты и выполняютъ все свободное пространство своими отростками, тянущимися во всѣ стороны, пока имъ не удастся достигнуть сквозь щели и трещины пола, земли, находящейся внизу. Мало-по-малу, такимъ образомъ разрушается связь между отдѣльными частями дома; термиты доканчиваютъ начатое растительностью

дѣло, и, распавшись на части, домъ скоро исчезнетъ подъ слоемъ густой тропической зелени. Черезъ нѣсколько лѣтъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возвышался домъ, будетъ шумѣть густой тропическій лѣсъ, восторжествовавшій надъ работою человѣка и только очень опытный глазъ въ состояніи будетъ различить слѣды этой работы.

Такова судьба всѣхъ покинутыхъ человѣческихъ владѣній въ тропической области. Тропическая природа всегда дѣятельно старается уничтожить слѣды пребыванія человѣка и его работы. Поэтому-то такъ трудно отыскать эти слѣды въ тропическомъ лѣсу. О томъ, что въ чащѣ этого лѣса нѣкогда жили люди, свидѣлствуютъ иногда находимые въ землѣ каменные топоры, орудія, которыя въ состояніи противостоять разрушительному дѣйствію природы. Всякое же другое орудіе и всѣ постройки неминуемо погибаютъ, какъ только представляются своей судьбѣ. Въ британской Гвіанѣ, напримѣръ, было два форта, выстроенныхъ изъ кирпича. Одинъ изъ этихъ фортовъ былъ покинутъ въ 1740 году, другой — въ 1812 году. Первый уже почти совсемъ исчезъ подъ густымъ слоемъ растительности, да и ко второму пробраться очень трудно, такъ какъ дѣвственный лѣсъ уже сдавилъ его въ своихъ мощныхъ объятіяхъ. Такая же судьба постигла оставленное въ 1840 г. кладбище въ Джорджтаунѣ. Ни одной могилы не видно изъ подъ густой травы, ни одного памятника не осталось въ цѣлости, все разрушено и уничтожено корнями ползучихъ и иныхъ растений. Борьба человѣка съ природой не прекращается во всю его жизнь, но послѣ его смерти природа вступаетъ въ свои права и торжествуетъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Сентябрь

1895 г.

Содержаніе. Беллетристика. — Исторія всеобщая. — Психологія. — Юридическія науки. — Политическая экономія. — Естествознаніе. — Учебная литература. — Новости иностранной литературы. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

П. Ѳ. Порфирьевъ. «Лирика и антологія русскихъ поэтовъ». — *Владимиръ Соловьевъ.* «Стихотворенія». — *О. В. Всеволодская.* «Помощь переселенцамъ». — *В. Тэккерей.* «Полное собраніе сочиненій».

Лирика и Антологія русскихъ поэтовъ. — Сборникъ стихотвореній. — Изд. П. Ѳ. Порфирова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. — Прекрасный сборникъ, лучший изъ всѣхъ, какіе можемъ вспомнить за послѣднее время, и дѣятели поэзіи должны быть благодарны гг. Поварнину и Носкову, положившимъ немало труда на его составленіе. Это — не легкая задача выбрать изъ русскихъ поэтовъ лучшія стихотворенія, подобрать ихъ такъ, чтобы ни одинъ стихъ не звучалъ фальшиво, чтобы, при всемъ разнообразіи и богатствѣ звуковъ, получилась глубокая и полная гармонія, — и этого составители достигли. Въ сборникъ вошли всѣ поэты, начиная съ самыхъ распространенныхъ и извѣстныхъ, каковы Пушкинъ и Некрасовъ, и до едва замѣтныхъ, слабой рукой извлечшихъ два-три дрожащихъ страстью звука изъ общей всѣмъ лиры — сердца. Получился такой мощный и дивный оркестръ, что, охваченный силою непосредственнаго чувства, читатель не можетъ оторваться отъ книги, незамѣтно для себя перебѣгая отъ одного стихотворенія къ другому. «Есть сила благодатная въ созвучіи словъ живыхъ», успокаивающая и ободряющая, внушающая вѣру въ жизнь, людей, дающая надежду на лучшіе дни. Не потому ли въ самые тягостные моменты мрачныхъ челоѣконенавистническихъ эпохъ являются великіе поэты, какъ у насъ Пушкинъ и Лермонтовъ, — какъ вѣстники лучшаго будущаго? Право, если бы не было поэзіи, жизнь въ такіе дни была бы невыносима, она заглохла бы, и челоѣчество въ безысходномъ отчаяніи наложило бы на себя руки. Но въ эти дни, когда челоѣкъ готовъ воскликнуть вмѣстѣ съ Иваномъ Аксаковымъ: «Разбейтесь, силы, вы не нужны!» — оживаетъ, поэзія, и, чѣмъ низменнѣе жизнь, чѣмъ сѣрѣе будни и ниже небо, тѣмъ выше поднимается она, увлекая изстрадавшіяся сердца въ то царство вѣчной юности и вѣчной красоты, гдѣ нѣтъ подлости, злобы, низкой корысти, наглої лжи и неограниченнаго нахальства.

«О царство вѣчной юности
И вѣчной красоты!
Въ твореніяхъ свѣтлыхъ геніевъ
Намъ чувствуешься ты!
Сіяющіе мраморы,
Ликипшъ и Пракситель!..
Съ бессмертными Мадоннами
Счастливыи Рафаэль!..
Святая лира Пушкина,
Его кристаллыи стихи,
Моцартовы мелодіи,
Все радостное въ нихъ—
Все то—не откровеніе ли
Съ надвѣвдной высоты,
Изъ царства вѣчной юности
И вѣчной красоты?..»

А если нѣтъ поэзіи въ живыхъ, намъ мертвые оставили такое богатое наслѣдіе, что намъ не исчерпать его никогда. Счастливы тѣ, кто можетъ пользоваться ими во всей ихъ полнотѣ, но такіе сборники, какъ отмѣченный нами, могутъ отчасти воспоминать ихъ недостатокъ, давая въ одной книгѣ все лучшее, разсѣянное у нихъ во многихъ томахъ, на протяженіи почти столѣтія.

Владиміръ Соловьевъ. Стихотворенія.—Изд. второе, дополненное. Ц. 1 р. 20 к. Спб. Изд. М. М. Ледерле.—Изящная, небольшая книжечка съ сотней стихотвореній, столь же изящныхъ и гладкихъ, какъ веленевая бумага, на которой они отпечатаны. Но холодомъ вѣетъ отъ нихъ, нѣтъ ни одного, которое заставило бы сильнѣе биться сердце читателя. Форма ихъ безукоризненна, пожалуй, даже слишкомъ, какъ всякая излишняя отдѣланность, всегда граничащая съ дѣланностью, убивающей чувство и неподдѣльную искренность. Г. Владиміръ Соловьевъ талантливый версификаторъ и переводчикъ, какъ видно по его переводамъ изъ Гейне и Виргилія, но онъ—не поэтъ, потому что въ его стихотвореніяхъ недостаетъ чувства. Его настроеніе не передается читателю, а безъ этой магической способности вызывать соотвѣтственный отзвукъ въ сердцѣ читателя—нѣтъ поэзіи. Вотъ, напр., одно, какъ намъ кажется, изъ лучшихъ его лирическихъ стихотвореній.

Тебя полюбилъ я, красавица нѣжная,
И въ свѣтло-прозрачный, и въ сумрачный день.
Мнѣ любви и ясныя взоры безбрежны,
И думы печальной суровая тѣнь.
Ужели обманъ—эта ласка неожиданная?
Ужели скитальцу измѣнишь и ты?
Но сердце твердить: это пристрасть желанная
У ногъ бевмятежной святой красоты.
Люби же меня ты, красавица нѣжная,
И въ свѣтло-прозрачный, и въ сумрачный день.
И пусть эти ясныя взоры безбрежны
Все горе бывшее развѣютъ какъ тѣнь.

Очень красивое стихотвореніе, но искусственность его построенія убиваетъ иллюзію чувства и непосредственность его выраженія. Это, скорѣе, альбомное стихотвореніе, а не стихи, вылившіяся изъ переполненнаго сердца. Въ этомъ случаѣ г. Влади-

міръ Соловьевъ раздѣляетъ участь новѣйшихъ поэтовъ, которые въ погонѣ за формой упускаютъ изъ виду главное достоинство стиховъ—искренность. За то его стихотворенія выгодно отличаются отъ декадентскихъ своей содержательностью, глубиной мысли и высотой міросозерцанія, какъ, напр., слѣдующее прекрасное стихотвореніе «Ex oriente lux»:

«Съ Востока свѣтъ, съ Востока силы!»
 И къ вседержительству готовъ,
 Ирана царь подъ Фермопиды
 Нагналъ стада своихъ рабовъ.
 Но не напрасно Прометея
 Небесный даръ Элладѣ данъ.
 Толпы рабовъ бѣгутъ, блѣднѣя,
 Предъ горстью доблестныхъ гражданъ.
 И кто-жь до Инда и до Ганга
 Стезеею славною прошелъ?
 То македонская фаланга,
 То Рима царственный орелъ.
 И силой разума и права,
 Всечеловѣческихъ началъ,
 Воздвиглась Запада держава,
 Пъ міру Римъ единство далъ.
 Чего-жь еще не доставало?
 Зачѣмъ весь міръ опять въ крови?
 — Душа военной тосковала
 О духъ вѣры и любви!
 И слово вѣщее не ложно,
 И свѣтъ съ Востока засіялъ.
 И то, что было невозможно,
 Онъ возвѣстилъ и обѣщалъ.
 И, разливаясь широко,
 Исполненъ знаменій и силъ,
 Тотъ свѣтъ, исшедшій отъ Востока,
 Съ Востокомъ Западъ примиритъ.
 О, Русь! въ предвѣднѣи высокомъ,
 Ты мыслью гордой занята,—
 Какимъ же хочешь быть Востокомъ:
 Востокомъ Ксеркса, иль Христа?

Именно этой особенностью, рѣзко выдѣляющей стихотворенія г. Соловьева изъ массы другихъ, въ такомъ изобиліи появляющихся теперь, мы и объясняемъ, почему его сборникъ дождался второго изданія,—честь, выпадающая на долю немногихъ изъ современныхъ стихотворцевъ.

О. В. Всеволодская. Помощь переселенцамъ. (Повѣсти и рассказы). Изданіе автора въ пользу бѣдныхъ дѣтей переселенцевъ. Тобольскъ. 1894 г. Ц. 1 р.—Доброй души женщина г-жа Всеволодская. Шла она разъ въ Тюмени и увидѣла бѣдную дѣвочку-переселенку, дрожащую отъ холода, и стало ей такъ жалко бѣдныхъ дѣтей, что мысль—сдѣлать для нихъ что-либо—не давала ей покоя. Каждый даетъ что можетъ, и г-жа Всеволодская пожертвовала изданіе своихъ повѣстей и рассказовъ. Въ предисловіи она весьма предусмотрительно заявляетъ: «Разсчитываю и прошу добрыхъ людей не судить строго содержаніе книги, а только помнить о ядѣи, какъ я помню только бѣдную дѣвочку-переселенку, дрожащую отъ холода и голода»... Мы тоже видѣли,—

*

да и кто ихъ теперь не видалъ?—переселенцевъ и ихъ жалкихъ дѣтей и потому вполнѣ раздѣляемъ чувства г-жи Всеволодской. Поэтому, не касаясь содержанія книги, пожелаемъ, чтобы читатели не пожалѣли рубля и купили книгу.

Такъ какъ мы обязались не касаться ея содержанія, то замѣтимъ только, что думающіе найти въ ней кое-какія свѣдѣнія о переселенцахъ—ошибутся. О переселенцахъ тамъ нѣтъ ни слова.

Собраніе сочиненій В. Теккерея. Изд. Г. Ѳ. Пантелеева. С.-Петербургъ. 1894—1895. Т. 1—8. Редакція «Вѣстника иностранной литературы» предприняла полезное дѣло своими изданіями переводныхъ романовъ, какъ классическихъ, такъ и современныхъ. До сихъ поръ вышли въ свѣтъ произведенія Теккерея и Альфонса Додэ, а въ объявленіяхъ о будущихъ книжкахъ значится Бальзакъ, Флоберъ, Жоржъ-Зандъ, Золя и мн. др. Судя по вышедшимъ уже книгамъ, изданіе ведется прекрасно; переводы сдѣланы, въ противоположность другимъ дешевымъ изданіямъ, опытными переводчиками, внѣшній видъ книжекъ не напоминаетъ читателю ежеминутно о дешевизнѣ изданія и даетъ возможность познакомиться со всѣми произведеніями того или другого писателя, не рискуя зрѣніемъ. Эти внѣшнія качества, связанныя съ дешевизной изданія, мы отмѣчаемъ съ особымъ удовольствіемъ. Переводная литература у насъ такой значительный факторъ образованія, что появленіе хорошихъ и удобочитаемыхъ переводовъ представляетъ отраднѣйшій фактъ, особенно когда переводятся такіе классическіе авторы, какъ нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ.

Перечитывая романы Вильяма Теккерея, современный читатель переносится въ эпоху начальнаго реалистическаго романа, еще не отдѣлавшагося отъ громоздкости и эпической растянутости, но за то и не выродившагося въ крайній французскій реализмъ, лишенный всякаго идеалистическаго критерія, всякой любви въ своемъ изображеніи людей и жизни. Теккерея, вмѣстѣ съ своимъ современникомъ Диккенсомъ, родоначальники современнаго реализма, такъ широко развившагося, когда рядомъ съ великими англійскими романистами выступили равные имъ по таланту и стоящіе выше по художественному чутью французы—Флоберъ и его школа. Для современнаго читателя представленіе о реалистическомъ творчествѣ отождествляется преимущественно съ его французскими представителями, придавшими ему художественное совершенство и объединившіе его съ господствовавшими въ теченіе многихъ десятилѣтій философскими идеями. Англійскіе родоначальники реализма сохранили громкія имена въ литературѣ, но ихъ произведенія мало читаются. Въ особенности это вѣрно относительно Теккерея и объясняется, главнымъ образомъ, чрезмѣрной растянутостью его романовъ, въ которыхъ интересъ фабулы отходитъ на второй планъ предъ богатствомъ бытописательнаго матеріала. Но, несмотря на этотъ весьма ощутительный недостатокъ, романы Теккерея представляютъ такія сокровища наблюденія надъ человѣческой природой, такое разнообразіе живыхъ типовъ и такое всеобъемлющее знаніе и пониманіе англійской жизни, что остается только жалѣть о томъ, что они такъ мало читаются въ наше время. Ни въ ка-

кихъ теоретическихъ сочиненіяхъ о жизни и культурѣ Англіи нельзя почерпнуть такое знаніе англійской жизни, какъ въ безпощадныхъ характеристикахъ Теккерея, посвященныхъ не столько описаніямъ нравовъ современной ему Англіи, какъ анализу несокрушимыхъ основъ англійскаго характера. И такъ глубоко заглянулъ Теккерей въ души своихъ современниковъ, что время не оказываетъ вліянія на жизненность его бытовыхъ очерковъ. Перечитывая ихъ теперь, болѣе тридцати лѣтъ послѣ смерти автора, читатель видитъ предъ собой современныхъ англичанъ съ ихъ неизмѣнными предразсудками, ихъ невозмутимостью, приверженностью къ условнымъ жизненнымъ правиламъ и съ ихъ истиннымъ джентльменствомъ, выкупающимъ всѣ недостатки ихъ холодной пуританской природы.

Теккерей и Диккенсъ, выступившіе почти одновременно въ литературѣ, считаются оба въ одинаковой степени создателями реалистическаго романа; но если ихъ объединяетъ общее стремленіе противопоставить романтическому искаженію жизни ея истинное изображеніе, то въ тоже время они раздѣлены радикально противоположными міровоззрѣніями. Диккенсъ рисуетъ англійскую жизнь со всѣми ея неприглядными сторонами, не щадя красокъ въ изображеніи пороковъ и тяжкой жизни темнаго и жалкаго населенія лондонскихъ предмѣстій; но съ истинно англійской вѣрой въ торжество прогресса онъ умудряется оставаться при этомъ оптимистомъ, изображать добродѣтель торжествующей, а порокъ развѣнчаннымъ и соединять жестокою сатиру общественной жизни съ сентиментальной успокоительной моралью. Ничего подобнаго читатель не встрѣчаетъ у Теккерея, одного изъ немногихъ пессимистовъ въ англійской литературѣ. Пессимизмъ этотъ, конечно, не исходитъ изъ философскаго скептицизма, какъ у французскихъ реалистовъ. Теккерей не утратилъ вѣры въ Бога и человѣка, подобно Зола, Мопассану и другимъ; добродѣтель, любовь, стремленіе къ правдѣ не кажутся ему отжившими, безсодержательными понятіями, а жизнь чѣмъ-то случайнымъ, безцѣльнымъ. Напротивъ, въ его творчествѣ свѣтится любящая душа, которая вѣритъ въ высшій смыслъ человѣческой жизни и отзывается на всякій проблескъ истинной душевной красоты. Добро и истина для него святы, онъ видитъ въ нихъ необходимые основы жизни и въ этой непосредственной вѣрѣ, согрѣвающей его творчество, лежитъ его коренное отличіе отъ пессимистовъ, явившихся на смѣну ему въ литературѣ.

Но подходить съ своими идеалистическими требованіями къ изученію дѣйствительности, онъ не такъ легко, какъ Диккенсъ, удовлетворяется практикуемыми въ жизни поддѣлками подъ добродѣтель и другіе идеалы и не приходитъ къ выводу, что все непремѣнно кончается къ лучшему. Онъ рисуетъ людей, преуспѣвающихъ въ жизни, такими, какими онъ ихъ наблюдаетъ, умными и ловкими, смотрящими на другихъ людей, какъ на орудія для собственнаго возвеличенія и сознательно преслѣдующими свои опредѣленные и ограниченныя цѣли. Подобно тому, какъ въ центрѣ всякаго романа Диккенса стоитъ герой, исполненный идеальной, неземной

добродѣтели, въ романахъ Теккерей герои отличаются противоположной крайностью. Оба романиста склонны къ преувеличенію создаваемыхъ жизнью типовъ; но въ то время, какъ Диккенсъ въ своемъ стремленіи согласовать уродство жизнью съ требованиями справедливости доходитъ до шаржа и обращаетъ комедію жизни въ фарсъ съ сентиментальной развязкой, Теккерей остается повсюду вѣрнымъ назначенію сатирика. Онъ никогда не закрываетъ глазъ на правду и не навязываетъ дѣйствительности тѣхъ отвѣченныхъ идеаловъ, которые существуютъ въ душѣ художника. Вслѣдствіе этой склонности изображать торжество если не порока, то, во всякомъ случаѣ, низменныхъ практическихъ инстинктовъ въ жизни, англійская критика часто упрекала Теккерей въ цинизмъ, въ отсутствіи всякой вѣры въ человѣка. Это обвиненіе въ высшей степени ложно. Теккерей не отчаивается въ человѣкѣ и въ его романахъ разбросано не мало благородныхъ и любящихъ фигуръ; онъ только не видитъ дорожки, ведущей отъ внутренняго свѣта души къ внѣшнему успѣху въ жизни, требующему совершенно иныхъ качествъ отъ человѣка. Люди свѣтлой души имѣютъ свою особую жизнь, безконечно болѣе прекрасную, чѣмъ та, которую имъ могутъ дать благопріятныя обстоятельства; но въ жизни они, въ большинствѣ случаевъ, окажутся въ рядахъ побѣжденныхъ и обездоленныхъ. Только въ наглядномъ изображеніи этой истины и заключается пессимизмъ Теккерей; контрастъ между идеальными требованіями души и условіями жизни приводитъ его къ пессимистическому взгляду на жизнь. Въ его романахъ кроются глубоко нравственныя идеи и онъ также стремится привить людямъ любовь къ истинѣ и добру, какъ оптимисты, предсказывающіе конечное торжество справедливости; но дѣлаетъ онъ это не извращеніемъ жизненной правды, а освѣщеніемъ всей ея внутренней неприглядности посредствомъ внутренняго свѣта своихъ идеаловъ. Это основное настроеніе придаетъ высшій смыслъ его безпощадной сатирѣ, отсутствіе же проповѣдническаго тона, умѣніе вызвать интересъ ко всѣмъ изображаемымъ имъ типамъ, если даже они порочны и гонятся за успѣхомъ, расширяютъ рамки его творчества и характеризуютъ автора какъ истиннаго философа жизни. Онъ стоитъ выше осужденія и восхваленія жизненныхъ явленій и занятъ всецѣло ихъ анализомъ и точнымъ воспроизведеніемъ.

Первая черта, проявившаяся у Теккерей въ началѣ его литературной дѣятельности, была склонность къ юмористическому изображенію жизни.

Онъ началъ писать уже пройдя нѣкоторымъ образомъ черезъ школу жизни. Родившись въ 1811 году, онъ кончилъ школу, побывавъ въ университетѣ, путешествовалъ по Европѣ, жилъ въ Веймарѣ и Парижѣ, гдѣ серьезно занимался рисованіемъ, и очутившись при совершеннолѣтніи обладателемъ 500 ф. ст. годового дохода, сдѣлался издателемъ нѣсколькихъ газетъ. Когда черезъ очень непродолжительное время эти изданія поглотили не только доходы, но и самый капиталъ, Теккерей очутился въ необходимости зарабатывать хлѣбъ и впервые сталъ пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Ему было въ то время лѣтъ 25 и

дѣла, доведшія его до раззоренія, дали ему въ то же время случай основательно изучить многія, скрытыя отъ поверхностнаго наблюдателя, стороны столичной жизни: міръ дѣльцовъ и ихъ жертвъ, литературныя и иныя сферы. Онъ сталъ работать въ нѣсколькихъ юмористическихъ изданіяхъ и его герои, отъ имени которыхъ велись очерки общественной жизни, приобрѣли громкую извѣстность, не распространявшуюся, впрочемъ, на анонимаго автора. Выѣздной лакей Yellowplush (желтый плюшъ), философствующій объ обществѣ съ высоты аристократическихъ козель, и храбрый на словахъ ирландскій дворянинъ Барри Линдонъ, повѣствующій въ экспансивныхъ мемуарахъ о своихъ подвигахъ и разсказывающій съ подкупающей наивностью о разныхъ мошенническихъ продѣлкахъ, сдѣлались любимцами читающей публики. Но вершины своей первоначальной сатирической манеры Теккерей достигъ знаменитыми очерками снобовъ, появившимися въ юмористическомъ журналѣ «Punch» въ началѣ сороковыхъ годовъ и собранными потомъ подъ общимъ заглавіемъ «Книга снобовъ». (Отмѣтимъ кстати прекрасный переводъ этой книги, сдѣланной въ разбираемомъ изданіи В. А. Тимирязевымъ; переводчикъ обнаруживаетъ полное знаніе англійской жизни въ ея подробностяхъ своей вѣрной и тонкой передачей оттѣнковъ разговора и бытовыхъ мелочей).

Снобами Теккерей называетъ тѣхъ людей съ мелкой душой, которые лишены внутренняго чувства достоинства и потому цѣнятъ свою личность исключительно отношеніями другихъ людей къ себѣ. Въ жизни это измѣреніе собственнаго достоинства аршиномъ чужихъ самолюбій, сказывается, главнымъ образомъ, въ погонѣ за внѣшними условными отличіями и въ сочетаніи чванства и презрѣнія къ людямъ стоящимъ ниже въ глазахъ общества, т. е. другихъ снобовъ, съ низкопоклонничествомъ и униженіемъ передъ высшими. Въ Англии своего времени—и въ этомъ отношеніи едва ли произошло много перемѣнъ со времени появленія «Книги о снобахъ»,—Теккерей видитъ самое яркое проявленіе снобизма въ какомъ-то благоговѣйномъ преклоненіи передъ аристократическими титулами, въ незыблемости кастовыхъ перегородокъ и въ безграничной пустотѣ людей, копошащихся, какъ муравьи, среди безконечно мелкихъ, выдуманныхъ интересовъ свѣтскихъ отношеній. Эти характерныя черты, выдающія сноба, въ какія бы условія его ни поставила судьба, Теккерей подмѣчаетъ во всѣхъ слояхъ общества. Въ предисловіи онъ самъ говоритъ о своемъ специальномъ талантѣ выслѣживать снобовъ подъ всякими личинами, и извиняется за количество выведенныхъ имъ типовъ, которые могутъ внушить читателю мысль, что «авторъ считаетъ снобами все потомство Адама». Онъ, конечно, далекъ отъ такого предположенія, но не оставляетъ незатронутымъ ни одного уголка англійской жизни, не отмѣтивъ проявляющагося въ немъ снобизма. Коллекція теккереевскихъ снобовъ самая разнообразная: онъ начинается съ державныхъ снобовъ и, жалуясь на снобизмъ, развивающійся въ обществѣ отъ чтенія «придворныхъ извѣстій» въ газетахъ, переходитъ къ инымъ разновидностямъ того же типа. Крайне мѣтко и остроумно очерчены такъ-называемые «редектабельные снобы»,

живущіе впроголодь и тратящіе весь свой доходъ на ежегодный званый обѣдъ «съ лордами». Описанія того, «какъ обѣдаютъ у снобовъ», какіе мотивы руководятъ выборомъ приглашенныхъ, сколько пустыхъ самолюбіи волнуется при этомъ, сколько пустыхъ словъ говорится за столомъ, — все это составляетъ лучшія страницы очерковъ Теккерея, умѣющаго такъ тонко воспроизводить мелочи, рисующія всего человѣка. Жизнь въ англійскихъ помѣстьяхъ сфотографирована до мельчайшихъ подробностей въ очеркахъ о «провинціальныхъ снобахъ» и эта точная передача дѣйствительности придаетъ особую яркость сатиры, приближая ее къ жизни. Военные, университетскіе, литературные, коммерческіе и разные другіе снобы дополняютъ это изображеніе пошлости и мелочности на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Въ этихъ очеркахъ Теккерей создалъ безсмертный типъ, названіе котораго превратилось въ имя нарицательное.

Вскорѣ послѣ появленія «Книги снобовъ», создавшей громкую славу своему автору, онъ перешелъ отъ короткихъ юмористическихъ очерковъ къ созданію большихъ романовъ, въ которыхъ жизнь цѣлыхъ поколѣній проходитъ передъ глазами читателя, всесторонне знакомя его съ особенностями и типичными чертами англійской жизни всѣхъ слоевъ общества. Наибольшей славой пользуется его романъ «Ярмарка тщеславія», возмущавшій въ свое время англійскую критику тѣмъ, что героиня романа — женщина съ низменными инстинктами, которой удается ловкими интригами и умѣньемъ обвораживать людей, создаетъ себѣ блестящую, счастливую жизнь, между тѣмъ какъ ея добродѣтельная, но простоватая подруга ведетъ блѣдное, печальное существованіе. Во всемъ романѣ добродѣтельные люди играютъ нѣсколько печальную роль; но такова жизненная философія автора, которую онъ умѣетъ облечь въ форму блестящей сатиры, наполнить ярко освѣщенными типами и поразительно вѣрнымъ воспроизведеніемъ англійской жизни, нравовъ и характеровъ. Другіе романы «Esmond» и его продолженіе «The Virginians», «Pendennis», «The Newcomes» обладаютъ тѣми же качествами, причемъ сатирической тонъ первыхъ произведеній все болѣе сглаживается въ этихъ болѣе зрѣлыхъ романахъ и смѣняется серьезнымъ изображеніемъ жизни съ ея безконечнымъ сцѣпленіемъ мелочей и случайностей, но въ то же время и съ указаніемъ на истинныя, глубокія страданія и на конечное значеніе человѣческихъ мытарствъ.

Теккерей умеръ въ 1863 году, посвятивши послѣдніе годы жизни любимому занятію своей юности — изданію журнала. Подъ его редакціей «Cornhill Magazine» приобрѣлъ громкую славу.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

А. Мюллеръ. «Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ».

А. Мюллеръ: Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. прив.-доцента Мѣдникава.

Спб. Изд. Пантелѣва. 1892. 2 тома (VIII+370 и 350 стр.). Ц. 5 р. за оба тома. Нельзя не быть признательнымъ г. Пантелѣву за изданіе ряда капитальныхъ сочиненій по исторіи. Недавно онъ далъ русской публикѣ переводъ прекрасной исторіи крестовыхъ походовъ Куглера, о которой мы говорили въ іюньской книжкѣ «Міра Божьяго». Въ то же время появилась изданная имъ «Исторія ислама» Мюллера, которая какъ бы дополняетъ Куглера: крестовые походы—эпизодъ настолько же жизни христіанства, насколько и жизни ислама. Оба сочиненія походятъ другъ на друга также и по дѣльности, и по направленію. Недавно умершій кенигсбергскій профессоръ Августъ Мюллеръ—одинъ изъ первыхъ востоковѣдовъ нашего времени. Съ его значеніемъ можно познакомиться изъ приложенной къ книгѣ замѣтки нашего извѣстнаго арабиста, академика Розена. Къ счастью, Мюллеръ не ограничился строго-спеціальными работами: подъ конецъ онъ далъ обширной публикѣ плодъ ихъ—общую исторію ислама, напечатанную въ двухъ объемистыхъ томахъ, въ «Allgemeine Geschichte» Онкена. Это единственное цѣльное изложеніе исторіи ислама, въ общедоступной формѣ. Конечно, оно по преимуществу прагматическое, виѣшнее, сообразно съ современнымъ автору состояніемъ науки; но въ немъ не упущены, попутно, и всѣ главныя стороны культуры. Сочиненіе Мюллера—весьма добросовѣстный трудъ: тутъ все основано на фактахъ, провѣренныхъ научною критикою. Но важнѣе всего тотъ духъ серьезности, безпристрастія, которымъ пронукнута книга и который придаетъ ей особую привлекательность. Здѣсь нѣтъ тѣхъ національныхъ, вѣроисповѣдныхъ и другихъ побужденій, которыя придаютъ жгучесть историческимъ вопросамъ и тѣмъ заграждаютъ путь къ истинѣ.

Это особенно важно въ отношеніи такихъ явленій, какъ исламъ. Застарѣлая вражда между Европой и Востокомъ, этимъ поприщемъ ислама, отзывалась до послѣдняго времени бессознательно даже въ такихъ свободныхъ и глубокихъ умахъ, какъ, на примѣръ, Ренанъ. Эти пережитки среднихъ вѣковъ нерѣдко заставляли европейцевъ относиться съ легкомысленнымъ пренебреженіемъ къ громадному, чуждому имъ міру и иногда платиться за это. Появленіе такихъ отрезвляющихъ трудовъ, какъ сочиненія Мюллера и Куглера, тѣмъ болѣе утѣшительно, что теперь на Востокъ снова замѣчается глухое броженіе, а японо-китайская распря заставляетъ вновь сосредоточить на немъ вниманіе. По наблюденіямъ знатиковъ, роль Востока вообще и ислама въ частности еще далеко не спѣта. Тамъ замѣчаются даже новыя умственные теченія, имѣющія будущность: образуется интеллигенція, нерѣдко подъ прямымъ влияніемъ европейской культуры.

Мюллеръ рѣшительно опровергаетъ старинный взглядъ на Магомета, какъ на «обманщика и фокусника»: вопреки мнѣнію рационалистовъ время просвѣщенія, должно признать, что этого и быть не могло. Создавать новыя религія, увлекать душу массъ могутъ только люди, сами увлеченные идеей. Магометъ былъ жертвой своего призванія. Онъ долго мучился, шелъ на крайнія опасности и всегда сознавалъ себя простымъ смертнымъ. И коранъ,

какъ выяснялся онъ изъ вдохновеній Магомета, чрезвычайно просто, даже прозаичнѣе. «Пророкъ» ислама ничего не сочинилъ. По выраженію такихъ знатоковъ дѣла, какъ Ренанъ и Шпрегеръ, «арабскій духъ, вмѣсто того, чтобы начаться въ Магометѣ, находитъ въ немъ свое послѣднее выраженіе; заслуга Магомета не въ томъ, что онъ опередилъ свое время, а въ томъ, что онъ умѣлъ высказать и сильно выразить потребности времени».

Мюллеръ прекрасно выясняетъ причину привлекательности корана для множества народностей, а также условія его быстрого распространенія на первыхъ порахъ. Онъ высококаго мнѣнія о дарованіяхъ арабовъ и восторженно отзывается объ ихъ знаменитой культурѣ, которая «стала благословеннымъ плодомъ для всего человѣчества». Чтобы отгнѣнить эту мысль, онъ, подобно Куглеру, откровенно рисуетъ неприглядныя стороны крестоносцевъ. Вотъ нѣкоторыя изъ краснорѣчивыхъ строкъ автора: «Чѣмъ обвинять исламъ за быстроту его увяданія, слѣдуетъ скорѣе быть ему признательнымъ за то, что онъ послужилъ могучимъ посредникомъ для передачи греческихъ знаній и восточнаго образованія въ эпоху, когда отпониенія между Германскою имперіей и кордовскимъ халифатомъ были, приблизительно, такія, какія существуютъ нынѣ между Россіей и Франціей... До появленія арабовъ персы были заняты самоистребленіемъ, а восточное христіанство уже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій выказывало свою полную неспособность цивилизовать эти страны... Въ Византійской имперіи и въ царствѣ Сассанидовъ царило вышколенное, но одряхлѣвшее, никогда не заботившееся о потребностяхъ народа, чиновничество; церковные порядки были просто невыносимы; самая цивилизація, доведенная до высшей степени утонченности, не была оживляема никакими высшими духовными стремленіями. Словно зигзагами молній пронесся надъ этими странами арабскій народъ, пышущій юностью и мощью... Не слѣдуетъ забывать, что эта раса была носительницей новой религіи, которая положила предѣлъ неприличному двубожію среди христіанскихъ монофизитовъ, а персовъ освободила отъ всей невыносимой тяжести гнета іерархіи государственной церкви... Полигамія, въ соединеніи съ постоянными походами, ускорила приростъ арабовъ въ покоренныхъ странахъ въ неслыханныхъ размѣрахъ, а правило степей, что законность происхожденія зависитъ не отъ матери, а отъ отца, способствовало вездѣ къ возникновенію смѣшанныхъ расъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это скрепчиваніе дало счастливые результаты; а арабскій основной элементъ черезъ примѣсь чужой крови скорѣе развивался, чѣмъ вырождался».

Богатый матеріалъ въ трудѣ Мюллера даетъ много опоръ для соціологическихъ выводовъ. Нигдѣ нельзя прослѣдить такъ отчетливо, какъ въ исламѣ, причины возникновенія и паденія общества и культуры. Это полезно и для историка европейской цивилизації: изъ фактовъ видно поразительное сходство въ развитіи нашей и восточной культуры, христіанства и ислама. Конечно, много данныхъ для плодотворныхъ историческихъ сравненій даегъ и окончаніе труда Мюллера, которое готовится къ печати: покуда вышелъ только первый томъ «Исторія ислама», разбитый въ переводѣ

на двѣ части. Переводъ, къ сожалѣнію, далеко не отвѣчаетъ даже скромнымъ требованіямъ, онъ тяжелъ и неправиленъ, страдая мѣстами поспѣшностью и небрежностью.

ПСИХОЛОГІЯ.

Ломброзо. «Геніальность и помѣшательствъ».—Селли. «Геніальность и помѣшательство».

Ломброзо. Геніальность и помѣшательство. 3-е изд. Павленкова. Спб. 1895 г.—Селли. Геніальность и помѣшательство. Спб. 1895 г. Книга Ломброзо имѣла громаднѣйшій успѣхъ: четыре изданія на итальянскомъ, три изданія на русскомъ и многочисленныя на другихъ языкахъ. Заслуженъ ли, однако, этотъ успѣхъ? Намъ кажется—нѣтъ. Успѣхомъ своимъ она обязана тому обстоятельству, что обѣщаетъ доказать читателю такую парадоксальную мысль, будто геніальность есть не что иное, какъ особый видъ помѣшательства. Такъ, по крайней мѣрѣ, многіе понимаютъ задачу книги, и такъ думаютъ на самомъ дѣлѣ нѣкоторые психіатры. Напр., по мнѣнію Морò, «матеріальной основой генія является болѣзненное состояніе мозга, «невропатологическій темпераментъ» или болѣзненный неврозъ». Если бы Ломброзо въ самомъ дѣлѣ былъ въ состояніи доказать это положеніе, то книга его была бы интересной, въ дѣйствительности же этого вовсе нѣтъ.

На стр. 7-й книги Ломброзо читаемъ: «Геніальность психіатры поставили на одномъ уровнѣ съ склонностью къ преступленіямъ; въ ней они видятъ только одну изъ уродливыхъ формъ человѣческаго ума, одну изъ разновидностей сумасшествія». На стр. 9-й Ломброзо заявляетъ, что существуетъ «сходство геніальныхъ людей съ помѣшанными въ фізіологическомъ отношеніи. Какъ ни жестокъ и печаленъ такого рода парадоксъ, но, разсматривая его съ научной точки зрѣнія, мы найдемъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ вполне основателенъ, хотя съ перваго взгляда и кажется нелѣпымъ». Это сходство заключается въ томъ, что многіе изъ великихъ мыслителей подвержены, подобно помѣшаннымъ, судорожнымъ сокращеніямъ мускуловъ; мыслителямъ наравнѣ съ помѣшанными свойственны: постоянное переполненіе мозга кровью, сильный жаръ въ головѣ и охлажденіе конечностей и т. п. Геніальные люди наравнѣ съ помѣшанными отличаются склонностью къ безпорядочности, полнымъ невѣдѣніемъ практической жизни. Далѣе, общность между геніальностью и помѣшательствомъ обнаруживается въ общности «вліянія атмосферныхъ явленій на геніальныхъ людей и помѣшанныхъ». Наблюденія Ломброзо показали, что «психическое состояніе помѣшанныхъ измѣняется подъ вліяніемъ колебаній барометра и термометра». Съ другой стороны, по мнѣнію Ломброзо, на основаніи статистическихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что «для художественнаго творчества наиболѣе благоприятнымъ мѣсяцемъ оказывается май, за нимъ слѣдуетъ сентябрь и апрѣль, тогда какъ наименѣе производительными мѣсяцами были февраль, октябрь и декабрь. То же самое замѣтно от-

части и по отношенію къ астрономическимъ открытіямъ, только для послѣднихъ преобладающее значеніе имѣеть апрѣль и июнь. (Мы обращаемъ вниманіе читателей на этотъ замѣчательный образецъ *ниучнаго* доказательства зависимости творчества отъ атмосферическихъ вліяній. Въ такомъ же родѣ и остальные доказательства Ломброзо). Затѣмъ, Ломброзо перечисляетъ тѣхъ геніальныхъ людей, которые страдали умопомѣшательствомъ; въ дополненіе къ нимъ приводятся примѣры геніевъ, поэтовъ, юмористовъ между сумасшедшими.

Но что слѣдуетъ изъ этихъ сопоставленій? Читателю кажется, что изъ нихъ нужно было бы сдѣлать тотъ соблазнительный выводъ, что геніальность есть видъ помѣшательства, именно то, что Ломброзо выставилъ въ началѣ книги. Ничуть не бывало! Въ заключительной главѣ, на стр. 177, Ломброзо говоритъ: «теперь спросимъ себя, возможно ли на основаніи вышеизложенныхъ фактовъ придти къ заключенію, что геніальность вообще есть не что иное, какъ неврозъ, умопомѣшательство? Нѣтъ, такое умозаключеніе было бы ошибочнымъ». Стр. 179. «Въ физиологическомъ отношеніи между нормальнымъ состояніемъ геніальнаго человѣка и патологическимъ помѣшаннаго существуетъ не мало точекъ соприкосновенія. Между геніальными людьми встрѣчаются помѣшанные и между сумасшедшими—геніи. Но было и есть множество геніальныхъ людей, у которыхъ нельзя отыскать ни малѣйшихъ признаковъ умопомѣшательства, заисключеніемъ нѣкоторымъ ненормальностей въ сферѣ чувствительности». Слѣдовательно, Ломброзо вовсе не отождествляетъ геніальнаго съ помѣшаннымъ. Онъ только находитъ между ними общія точки соприкосновенія.

Но какой же научный интересъ въ этихъ параллеляхъ, если мы не можемъ на основаніи ихъ сдѣлать какого-либо заключенія относительно общности природы геніальности и помѣшательства? Вѣдь такія же параллели можно провести между больнымъ и здоровымъ.

Читая безконечное множество фактовъ анекдотичнаго характера, читатель предполагаетъ, что имѣеть дѣло съ научнымъ произведеніемъ, имѣющимъ цѣлью доказать ему извѣстное положеніе. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что параллели такъ и остаются параллелями, смысла которыхъ авторъ даже не старается разгадать.

Вообще, книга Ломброзо отнюдь не можетъ быть названа научнымъ произведеніемъ: большинство фактовъ принимаются просто на вѣру безъ всякой критики. Мѣстами обнаруживается удивительное незнаніе исторіи. Напр., на стр. 15 Ломброзо увѣряетъ, что «Сократъ умеръ отъ пьянства, вслѣдствіе бѣлой горячки». На стр. 73 приводится негѣпійшій анекдотъ о происхожденіи системы Шопенгауэра. Мѣстами грѣшитъ и переводъ. На стр. 22 латинская фраза *Ite experientia facta est* *) переводится: «А все-таки опытъ есть фактъ». На стр. 105 Спенсеру приписывается несуществующее у него сочиненіе.

*) Эти слова представляютъ пародію на заключеніе католической обѣды: «*Ite, missa est*», что значить: «Ступайте (можете уходить), обѣда совершенна». Слова же въ текстѣ значать: «Ступайте (идите), опытъ совершенъ» (сдѣланъ, конченъ).

Мы выражаемъ пожеланіе, чтобы читатель съ большою осторожностью относился къ параллелямъ Ломброзо, но было бы всего желательнѣе, чтобы читатель постарался познакомиться съ этимъ стариннымъ (еще въ древности высказывавшимся) взглядомъ на связь между геніальностью и помѣшательствомъ изъ какого-либо другого источника.

Гораздо лучше можно ознакомиться съ указаннымъ вопросомъ по книжкѣ извѣстнаго англійскаго психолога *Селли*. Онъ также находитъ, что между высшими умственными способностями и умственнымъ разстройствомъ есть нѣкоторая зависимость. Но онъ не соглашается съ мнѣніемъ Мордъ, что матеріальной основой генія является болѣзненное состояніе мозга. По мнѣнію Селли, мы знаемъ слишкомъ мало объ измѣненіяхъ нервной структуры и функций, а потому и не вправѣ произнести рѣшительнаго сужденія по вопросу о тождествѣ нервной организаціи генія и сумасшедшаго. Селли предлагаетъ *критическое* отношеніе къ фактамъ о помѣшательствѣ геніальныхъ людей. «Осторожный умъ,—говоритъ онъ,—легко придетъ къ выводу, что если геній представляется обыденному уму чѣмъ-то ненормальнымъ, то одного этого достаточно для внушенія біографамъ мысли выискивать или преувеличивать факты, указывающіе на болѣзненное состояніе геніальнаго ума. Подобная фальсификація, безъ сомнѣнія, происходила въ довольно обширныхъ размѣрахъ». Кромѣ того, «медики, желающіе, со свойственною всѣмъ людямъ слабостью, преувеличить значеніе своей науки, слишкомъ охотно выискиваютъ симптомы безумія у геніальныхъ людей»... Фактъ же соотношенія между геніальностью и помѣшательствомъ объясняется тѣмъ, что люди съ геніальными умственными способностями весьма подвержены душевнымъ разстройствамъ и это происходитъ по многимъ причинамъ. Нервная организація геніальныхъ людей отличается необыкновенной чувствительностью, процессъ творчества связанъ съ величайшимъ напряженіемъ. Эти и другія причины приводятъ людей геніальныхъ къ душевнымъ разстройствамъ.

Книжка Селли читается съ большимъ интересомъ и переведена безукоризненно.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

В. Ф. Дерюжинскій. «Habeas Corpus Актъ и его приостановка по англійскому праву». — *Юридическая бібліотека Я. О. Канторовича:* 1) «Литературная собственность». *Я. Канторовичъ.*—2) «Честь въ философіи и въ правѣ». *Проф. И. Эштейна.*—3) «Общественное мнѣніе». *Проф. Гольцендорфа.*—4) «Женщина въ правѣ». *Я. Оровича.*

В. Ф. Дерюжинскій. Habeas Corpus Актъ и его приостановка по англійскому праву. Очеркъ гарантій личной свободы въ Англии и ихъ временнаго ограниченія. Юрьевъ (б. Дерптъ). 1895. Ц. 2 р. 50 к. Знаменитый институтъ Habeas Corpus—это одна изъ важнѣйшихъ гарантій личной свободы въ Англии. Хотя окончательную и полную формулировку Habeas Corpus Актъ получилъ въ 1679 г., но первоначальное его возникновеніе относится къ гораздо болѣе ран-

нему времени. Уже въ началѣ XIII в. (1215 г.), послѣ упорной и продолжительной борьбы высшихъ классовъ съ тиранническимъ королемъ Іоанномъ Безземельнымъ, была утверждена законодательнымъ порядкомъ Magna Carta Libertatum. Этимъ актомъ было внесено въ англійское устройство начало ограниченія королевской власти; однако, при сословномъ тогда строѣ англійскаго народа, большинство «вольностей» выпало на долю бароновъ, графовъ и вообще «командующихъ» классовъ. Тѣмъ не менѣе, справедливость требуетъ замѣтить, что Magna Charta была огромнымъ шагомъ впередъ сравнительно съ прежнимъ англійскимъ законодательствомъ, источникомъ котораго была воля, а часто просто капризъ неограниченнаго короля (*sic volo, sic jubeo...*) Непосредственное отношеніе собственно къ вопросу о личной свободѣ и ея гарантіяхъ имѣютъ двѣ статьи «Великой хартіи вольностей»—29 и 26. Первая изъ нихъ гласитъ: «Ни одинъ свободный человѣкъ да не будетъ взятъ, ни подвергнутъ заключенію, ни лишенъ насильственнымъ образомъ пользованія принадлежащею ему землею, вольностями и привилегіями, ни поставленъ внѣ закона, изгнанъ, или иными какими-либо путями ввергнутъ въ разореніе; и мы не поидемъ противъ него (вооруженною силою), и мы не пошлемъ противъ него иначе, какъ въ силу законнаго рѣшенія равныхъ ему (по общественному положенію) лицъ или по закону страны. Никому мы не будемъ продавать правосудіе, ни отказывать въ немъ, ни замедлять его оказаніе». Статья 26-я читается такъ: «да не дается, ни взимается что-либо за приказъ о разслѣдованіи смерти или увѣчья, но да выдается онъ (приказъ) безвозмездно и безъ отказа». Habeas Corpus Актъ собственно не вноситъ въ сокровищницу англійской свободы новаго принципа; нѣтъ, онъ служитъ скорѣе дальнѣйшимъ развитіемъ того начала, какое положено въ «Великой хартіи»; такимъ образомъ, значеніе этого Акта заключается въ томъ, что онъ «положилъ конецъ тѣмъ злоупотребленіямъ, при посредствѣ которыхъ властолюбіе правительства и рабѣйное коварство коронныхъ юристовъ искажали столь существенную привилегію» (т. е. привилегію на индивидуальную свободу). И, дѣйствительно, когда Іаковъ II сталъ обнаруживать свои тиранническія стремленія, то онъ встрѣтилъ въ Habeas Corpus самую сильную отпоръ; а когда онъ вознамѣрился отмѣнить этотъ ненавистный ему актъ, то вызвалъ противъ себя цѣлую бурю народнаго негодованія и лишился престола. Недаромъ въ 1692 году онъ изливалъ свою ненависть къ «вольностямъ» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «принятіе Habeas Corpus Акта было великимъ несчастіемъ какъ для народа, такъ и для короны, такъ какъ онъ вынуждалъ корону держать на-готовѣ болѣе значительную силу, чѣмъ нужно было при другихъ условіяхъ, для охраненія правительства, а людямъ недовольнымъ, непокорнымъ и безпокойнымъ помогалъ составлять злоумышленія и осуществлять ихъ съ большею для себя безопасностью. Съ такимъ намѣреніемъ этотъ актъ былъ задуманъ и проведенъ графомъ Шефтсбери... Съ такимъ ли именно намѣреніемъ задуманъ былъ актъ Habeas Corpus, объ этомъ судить трудно, но что онъ сильно способствовалъ развитію

гражданскаго чувства въ англійскомъ народѣ, содѣйствовалъ росту цивилизаціи и прогресса, это — виѣ всякаго сомнѣнія. Прекрасный трудъ г. Дерюжинскаго иллюстрируетъ только первую половину этого положенія, именно, какъ англійскій народъ, опираясь на *Noeas Corpus*, боролся и побѣждалъ разнообразныя проявленія абсолютизма.

Юридическая бібліотека Я. О. Канторовича. — 1. Литературная собственность. Я. Канторовичъ. Брошюра эта составлена, главнымъ образомъ, на основаніи работъ гг. Табашникова и Шершеневича, и на самостоятельность не претендуетъ, а потому мы и не будемъ касаться затрогиваемыхъ ею теоретическихъ сторонъ вопроса о такъ называемой литературной собственности; да компиляторъ, по видимому, и желалъ дать только справочное изданіе. Какъ таковое — брошюра вполне отвѣчаетъ цѣли. Двѣ трети текста удѣлены главамъ, довольно полно излагающимъ положеніе «авторскаго права» или «литературной собственности» въ русскомъ и иностранныхъ законодательствахъ. Къ брошюрѣ приложены: 1) «литература по вопросу о литературной собственности» (на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ и русскомъ языкахъ); 2) «сводъ дѣйствующихъ узаконеній и постановленій о литературной и художественной собственности, съ разъясненіями по кассационнымъ рѣшеніямъ Сената», и 3) протоколъ «Бернской конвенціи» (9-го сент. 1886 г.), которымъ былъ установленъ «Союзъ для защиты правъ авторовъ на ихъ литературныя и художественныя произведенія (п. 1-ый протокола)». Въ этотъ союзъ вошли Германія, Бельгія, Испанія, Франція, Великобританія, Гаити, Италія, Люксембургъ, Монако, Швейцарія и Тунисть.

2. Честь въ философіи и въ правѣ. Проф. І. Экштейна. Приступаая къ изслѣдованію чести въ философскомъ и правовомъ значеніи этого понятія, авторъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свою задачу: «изслѣдовать понятіе о чести и дать ея опредѣленіе... представить доказательства тому, что много неурядицъ могло бы быть устранено изъ этой сферы, если бы надлежащей критикѣ удалось обнаружить всѣ тѣ трещины, которыя имѣются въ этомъ понятіи и которыя, пока, сокрыты отъ сознанія общества. Все это, *разумеется* (курсивъ нашъ, какъ и ниже), будетъ сдѣлано нами съ философско-правовой и научной точекъ зрѣнія, что до сихъ поръ *исчерпывающимъ* образомъ еще не было исполнено никѣмъ» (4 стр.). Эта лестная саморекомендація автора еще усугубляетъ интересъ, естественно возбуждаемый изслѣдованіемъ о «честь въ философіи и правѣ». Что же значитъ, по мнѣнію г. Экштейна, изслѣдовать вопросъ «съ философско-правовой и научной» точекъ зрѣнія? Это значитъ — главнымъ образомъ — понадеграть безъ всякой исторической и логической связи цитатъ изъ *философовъ* и *юристовъ*. На страницахъ брошюры г. Экштейна такъ и пестрятъ: «Вальтеръ заявляетъ», «Оффенгеймъ говоритъ», «Гофманъ замѣчаетъ», «Кантъ утверждаетъ», «Аристотель доказываетъ», «уже Лазарусъ говорилъ» и т. д. При этомъ отдѣльныя фразы различныхъ правовѣдovъ, мыслителей и поэтовъ, принадлежащихъ къ различнымъ эпохамъ и *школамъ*, цитируемая

г. Экштейномъ въ капризномъ и удручающемъ читателя безпорядкѣ, зачастую прямо противорѣчатъ тѣмъ мыслямъ, въ подтвержденіе которыхъ приводятся. Указавъ на то, что прогрессъ въ уголовномъ правѣ привелъ, между прочимъ, къ ненаказуемости уголовнымъ порядкомъ нѣкоторыхъ видовъ неправды и къ передачѣ ихъ суду общественной совѣсти, г. Экштейнъ восклицаетъ: «что касается насъ, то мы охотно предпочли бы полное отсутствіе подобнаго «прогресса». И если бы въ этомъ отношеніи общества возвратились къ нравамъ сѣдой старины, то, право, такой поворотъ означалъ бы истинный прогрессъ! Въ этомъ же родѣ высказывается одинъ изъ современныхъ криминалистовъ», и далѣе г. Экштейнъ приводитъ слѣдующую цитату изъ Мейера: «наказаніе умѣстно только по отношенію къ такой неправдѣ, при которой оно представляется подходящимъ противодѣйствующимъ средствомъ. Неправда должна быть достаточно важной, чтобы стать предметомъ уголовного преслѣдованія; отъ наказанія ея слѣдуетъ отказаться, при отсутствіи достаточныхъ къ тому поводовъ, какъ-то: при пробѣлѣ въ субъективной или объективной ея сторонѣ» (стр. 100). Мы привели эту цитату не только, какъ примѣръ неудачнаго подтвержденія со стороны г. Экштейна своихъ мыслей чужими словами, но и въ виду того, что она знакомитъ читателя съ основнымъ взглядомъ автора. Слѣдуетъ вернуться къ старому времени, которое включало въ кругъ уголовно-наказуемыхъ актовъ также и безнравственные поступки, — это положеніе — и въ общемъ видѣ, и въ приложеніи къ преступленіямъ противъ чести, многократно и на разные лады повторяется авторомъ. Мы не будемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе этой мысли по существу, скажемъ лишь, что проповѣдь ея на русскомъ языкѣ представляется, поменьшей мѣрѣ, излишней: и «Уложеніе о наказаніяхъ», и «Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій», и даже болѣе современный «Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями», не бѣдны смѣшеніемъ (по г. Экштейну — «гармоніей») права, нравственности и даже религіи. Приведенное положеніе мы назвали основною мыслью автора, но можно сказать, что это и единственная его мысль (къ слову сказать, предвосхищенная у нашего автора участковыми регламентами), до такой степени остальное туманно и противорѣчиво, или представляетъ общія, избитыя мѣста, сопровождаемая, впрочемъ, со стороны автора чуть не клятвенными завѣреніями въ ихъ необычайной глубинѣ и оригинальности. «Человѣкъ можетъ быть легко осужденъ общественнымъ мнѣніемъ, — поучаетъ г. Экштейнъ на стр. 74, — которое подчасъ изобилуетъ предвзятыми сужденіями, можетъ имъ быть лишенъ всякой чести и все-таки, не смотря на это, быть человѣкомъ чести. Подобная возможность *представляетъ несоединимую съ господствующею точкою зрѣнія* въ данномъ вопросѣ... Мы представимъ доказательства тому, что понятія «почетный, честный, степенный человѣкъ» вовсе не имѣютъ никакого непосредственнаго отношенія къ сужденію или признанію другихъ людей» (стр. 74). Это по части оригинальности и смѣлости мысли нашего автора. Что же касается ея ясности и послѣдовательности, то ихъ показываетъ хотя бы слѣдующее сопоставленіе: на стр. 5

авторъ высказывается, какъ рѣзкій противникъ школы естественнаго права, а на стр. 48 говоритъ отъ своего имени о существованіи у человѣка «прирожденныхъ правъ», понятіе о которыхъ именно и лежало въ основаніи ученія объ естественномъ правѣ. Полагаемъ, всего высказаннаго достаточно, чтобы пожалѣть о появленіи на русскомъ языкѣ этой книжки, рассчитанной на широкую публику. Г. Экштейнъ затрагиваетъ самые общіе и наиболѣе интересные вопросы юриспруденціи и, конечно, можетъ лишь отбить всякую охоту къ ихъ изученію у нашего и безъ того слишкомъ равнодушнаго къ нимъ общества.

3. Общественное мнѣніе. Проф. Ф. Гольцендорфа (переводъ съ нѣмецкаго Н. О. Бера). С.-Петербургъ. 1895 г. «Общественное мнѣніе, какъ одно изъ проявленій народнаго духа, не можетъ быть обойдено молчаніемъ въ системѣ государственныхъ наукъ». Такъ начинается пр. Гольцендорфъ свою брошюрку, имѣющую изслѣдовать историческій ходъ развитія общественнаго мнѣнія, его понятіе, опредѣленіе его цѣнности, процессъ его зарожденія и, наконецъ, вопросъ объ отношеніи, въ которое должно стать современное государство къ общественному мнѣнію. Вопросы интересные и сами по себѣ, а для насъ, русскихъ, въ особенности. Гольцендорфъ (ум. въ 1889 г.)—криминалистъ и государствовѣдъ, профессоръ мюнхенскаго и берлинскаго университетовъ, словомъ—*vir doctus*.

Авторъ занимается главнымъ образомъ (и почти исключительно) изслѣдованіемъ политической роли общественнаго мнѣнія. И такъ, что такое «общественное мнѣніе» въ этомъ условномъ смыслѣ? На стр. 40 читаемъ: «*Общественное мнѣніе есть господствующее мнѣніе самого народа, которое однако не успѣло воплотиться въ одинаково обязательномъ для всѣхъ положительномъ законѣ или правительственныхъ распоряженіяхъ*» (курс. авт.). Но какъ опредѣлить, что данное мнѣніе и есть именно «господствующее народное»? Каковы «точные и общіе для всѣхъ случаевъ» его признаки? Опредѣленіе этихъ признаковъ авторъ считаетъ (стр. 42) «дѣломъ невозможнымъ». А если такъ, то и выписанное нами опредѣленіе общественнаго мнѣнія ровно ничего не опредѣляетъ. Однако, едва-ли это дѣло уже такъ безнадежно, да и самъ авторъ знаетъ кое-какіе изъ этихъ признаковъ, ибо на страницѣ 40-й повѣствуетъ, что правители и частныя лица не рѣшаются идти наперекоръ господствующему въ народѣ мнѣнію изъ чувства «уваженія и страха» передъ нимъ, какъ передъ «психическою силою». Хотя «уваженіе» не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ въ сосѣдствѣ со страхомъ, но, по крайней мѣрѣ, одинъ признакъ господствующаго народнаго мнѣнія мы имѣемъ—внушаемый имъ страхъ.

Автору хорошо извѣстно и реальное основаніе этого страха; «въ наивысшей своей степени страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, ощущаемый правителями, равносильенъ страху передъ приближающейся революціей, если только ^{есть возможность допустить»,} оговаривается почтенный профессоръ, «что сила общественнаго мнѣнія могла бы побудить или большинство народа къ возстанію ^{отдѣльныхъ гражданъ} противъ закона (стр. 40)».

Но, конечно, прежде чѣмъ господствовать, общественное мнѣніе должно просто существовать, иначе говоря, должно имѣть возможность проявляться — и проявляться правдиво и полно, а слѣдовательно — свободно. «Исторія показываетъ», читаемъ на стр. 25, что «ареной, вполне приспособленной для активнаго вліянія общественнаго мнѣнія на ходъ политическихъ дѣлъ, является въ настоящее время система народнаго представительства при парламентскомъ режимѣ». А дальше узнаемъ, что «арена» скорѣе всего приспособлена для гибели общественнаго мнѣнія, чѣмъ для его процвѣтанія. Дѣло въ томъ, что въ нѣдрахъ этой «арены» гнѣздятся «тенденціозность», «партийныя страсти», «опасныя заблужденія». На бѣду, къ услугамъ этихъ педагоговъ общественнаго мнѣнія — «непомѣрно развившаяся» пресса, ставшая «въ настоящее время убѣжищемъ политическихъ софистовъ (стр. 101)»; пресса, однимъ изъ основныхъ требованій которой является «умолчаніе или затемнѣніе непріятныхъ фактовъ, умаленіе значенія политическихъ противниковъ и восхваленіе политическихъ единомышленниковъ — въ обоихъ случаяхъ, конечно, пристрастно и вопреки справедливости (стр. 87)». Какъ же оградить общество отъ бѣдъ, которыя сыплются на его голову изъ «партийной прессы», какъ изъ ящика Пандоры? Такимъ средствомъ авторъ считаетъ возможно полное и широкое распространеніе просвѣщенія, съ чѣмъ, конечно, всё согласны. Но чтобы сдѣлаться человекомъ просвѣщеннымъ, надо сначала выучиться грамотѣ, а грамотность полезна не всякому, какъ узнаемъ отъ почтеннаго профессора. «Грамотность можетъ приносить очень большую пользу развитію культурнаго человѣка, но простому народу она причивляетъ, преимущественно, вредъ, заставляя его жертвовать своею индивидуальностью и превращая его въ раба партіонной періодической печати (стр. 111)». И такъ, народъ ограждается отъ зла «свободой отъ грамотности». Не забыты и культурные люди: для нихъ рекомендуется «вполнѣ независимый и отъ партій, и отъ администраціи образовательный факторъ — государственный органъ». При этомъ профессоръ прибавляетъ: «существованіе такого органа имѣло бы выдающееся общественное значеніе, такъ какъ нынѣ многимъ лицамъ, обладающимъ и большимъ запасомъ политическаго опыта, и даромъ изложенія, *больше чѣмъ непріятно хлопотать о помѣщеніи ихъ статей въ органахъ партійной печати*» (стр. 118, курс. нашъ). Раздавъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ — культурному подписчику «государственнаго органа» грамотность, а «простому народу» — свободу отъ оной, профессоръ точно опредѣляетъ пользу этой «свободы», «съ точки зрѣнія ближайшихъ реформаторскихъ задачъ»: «народъ этотъ («освобожденный»), уже просто въ силу своего неумѣнія читать, недоступенъ вліянію антигосударственной прессы» (стр. 109). Да, ужъ такъ это просто, и такъ намъ, русскимъ читателямъ, хорошо знакома эта реформаціонная точка зрѣнія, что, пожалуй, у профессора намъ и учиться нечему.

4. Женщина въ правѣ. Я. Оровича. Изъ 317 стр. этой книжки 170 заняты приложеніемъ, въ которое вошли всѣ постановленія

дѣйствующаго законодательства, но *не встѣхъ* государствъ, а только русскаго. На остальныхъ 140 стр. г. Оровичъ попытался изобразить нѣчто вродѣ всемірно-исторической судьбы женщины, начиная отъ примитивныхъ обществъ вплоть до нашихъ дней. Собственно говоря, третью и четвертую главу первой части книги слѣдуетъ также отнести къ приложенію, ибо онѣ представляютъ простой пересказъ главнѣйшихъ положеній гражданскаго и уголовнаго законовъ (по сколькоку они касаются женщины), съ небольшою экскурсіей въ область статистики женской преступности (статистическія данныя перепечатаны изъ статьи проф. Фойницкаго «Женщина преступница», помѣщенной въ «Сѣв. Вѣстн.» за 1893 г.). Въ предѣлахъ третьей и четвертой главы и приложенія—книжка носитъ справочный характеръ и, пожалуй, кому-нибудь еще пригодится; но едва-ли кому-нибудь и для чего-нибудь нужна та ея часть, которая и составляетъ собственно «книгу», а не «приложеніе». Это даже не компиляція, а скудные обрывки, понадерганные изъ 3-хъ—4-хъ книжекъ и сшитые на живую нитку. Если бы только скудостью и безсвязностью была богата первая часть книги, то это нисколько не измѣнило бы ея общаго характера: всякій увидѣлъ бы, что къ этой книгѣ иныхъ требованій, какъ къ справочному изданію, и предъявлять нечего. Но г. Оровичъ украсилъ «Женщину въ правѣ» собственными мыслями. Къ нимъ мы и перейдемъ теперь. «Предлагаемъ вниманію читателей», говоритъ г. Оровичъ въ предисловіи, «краткій очеркъ положенія женщины въ современномъ правѣ и, въ частности, въ русскомъ правѣ. Обширность матеріала, подробная разработка котораго потребовала бы цѣлыхъ фолиантовъ, заставила насъ быть краткимъ и ограничиваться во многихъ случаяхъ почти конспективнымъ изложеніемъ. Но мы утѣшали себя тѣмъ, что нашими читателями и судьями будутъ люди изъ публики, для которыхъ академическая пространность и тяжеловѣсность не составляетъ необходимаго условія достоинства книги»... «Центръ тяжести женскаго вопроса», пишетъ онъ въ предисловіи, «по нашему мнѣнію, лежитъ въ очень немногомъ — и прежде всего и главнѣе всего — въ правѣ женщинъ на образованіе». Но на стр. III предисловія онъ поясняетъ: «ни литературнымъ друзьямъ женщинъ, ни законодательнымъ постановленіямъ *никогда* не удастся на практикѣ, въ жизни воплотить осуществить равенство половъ — по той причинѣ, что этого равенства между мужчиной и женщиной въ дѣйствительности нѣтъ, ни въ физическомъ, ни въ интеллектуальномъ отношеніяхъ» (курсивъ въ обоихъ случаяхъ нашъ). «Равенство половъ, котораго добиваются друзья женщинъ», пишетъ онъ, «оказалось бы, въ дѣйствительности, огромнымъ неравенствомъ между полами, и сами женщины, разумныя изъ нихъ, *дѣйствительныя*» (курсивъ автора) женщины отказываются отъ этого уничтоженія *des Ewigweibliche*, которое имъ хотяъ преподнести ихъ преданные друзья». На стр. 50-й мы узнаемъ, въ чемъ заключается *das Ewigweibliche*, кто отказывается отъ его уничтоженія и кто, стало быть, эти «дѣйствительныя» женщины. Разказавъ въ нѣсколькихъ словахъ о ходѣ женской эмансипаціи въ Англіи и объ ея успѣхахъ тамъ за

послѣднее время, г. Оровичъ не безъ удовольствія добавляетъ, что «среди англійскихъ женщинъ слышатся и протесты противъ домогательства полной женской эмансипаціи. Недавно эти протестантки опубликовали манифестъ, подписанный многими высокопоставленными Лэди, въ которомъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: «...Всякому—его роль. Сдѣлать женщину вполне равной мужчинамъ—значило бы исказить женщину. Мы не думаемъ, чтобы букетъ изъ розъ, употребляемый, какъ метла, могъ хорошо вымести паркетный полъ... Скорѣе розы запачкали бы свои лепестки...» (стр. 50). Женскому вопросу въ Россіи г. Оровичъ удѣляетъ, конечно, особенное вниманіе—вся вторая глава посвящена ему и носитъ скромное названіе—«Исторія русской женщины», которую онъ кончаетъ страничкой, достаточно яркой и опредѣленной чтобы не нуждаться въ комментаріяхъ. Вотъ она: «Эпоха 60-хъ годовъ, съ ея реалистически-радикальнымъ направленіемъ, исказила сущность жоржъ-зандовскихъ идей, и возвѣщенная ими «свобода чувства» выродилась въ «свободу чувственности» и въ теорію «равенства половъ». Мутный потокъ движенія 60-хъ годовъ, въ которомъ съ безпорядочною стремительностью носились всякіе обломки различныхъ «идей» и «вопросовъ», приплывавшихъ къ намъ съ «того берега», между прочимъ, выбросилъ на нашъ берегъ вопросъ о женской эмансипаціи. Крайности эпохи дали этому вопросу содержаніе въ духѣ госпожи Кукшиной, изображенной Тургеневымъ въ романѣ «Отцы и дѣти», и свели его, прежде всего, къ эмансипаціи женщинъ отъ всякой женственности и, затѣмъ, къ уравненію женщинъ въ правахъ на «развитіе». Развиванію барышень, какъ извѣстно, отводилось весьма большое мѣсто въ практикѣ молодыхъ интеллигентовъ, наѣзжавшихъ во время каникулъ изъ столицъ въ разные углы и сбивавшихъ съ толку мѣстныхъ барышень, съ которыми они въ теченіе нѣсколькихъ недѣль каникулярнаго времени проходили и заканчивали весь курсъ развитія—вплоть до «*Materiam*» Бюхнера и «*Капитала*» Маркса. Типъ «развитой» барышни эпохи 60-хъ годовъ, съ ея вышнимъ видомъ, отъ котораго можно было придти въ отчаяніе, достаточно извѣстенъ и, слава Богу, отошелъ въ область безвозвратнаго прошлаго. вмѣстѣ съ нимъ потеряли свой престижъ и популярность теоріи о «*равенствѣ половъ*» (курсивъ автора), составлявшемъ «убѣжденіе» людей 60-хъ годовъ. Теперь, напротивъ, общество и сами женщины убѣждены, что равенство половъ въ своихъ результатахъ привело бы къ огромному неравенству между полами, тогда какъ въ существующемъ неравенствѣ половъ заключаются большія преимущества для женщинъ и источникъ ихъ силы». стр. 84—85. Какъ могутъ судить читатели, г. Оровичъ не блещетъ ни оригинальностью мысли, ни силою изложенія, и брошюра его, по меньшей мѣрѣ, запоздала.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Е. М. Дементьевъ. «Фабрика. Что она даетъ населенію и что она у него беретъ». — *Луио Брентано.* «Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда». — *Эрнестъ Мааймъ.* «Профессиональные рабочіе союзы»,

Фабрика. Что она даетъ населенію и что она у него беретъ. *Е. М. Дементьева.* Москва. 1894 г. Цѣна 1 руб. 60 коп. Въ послѣднее время въ высшихъ правительственныхъ сферахъ все чаще и чаще раздаются голоса объ улучшеніи быта фабричныхъ рабочихъ; съ другой стороны, новѣйшія изслѣдованія фабричнаго быта показываютъ, насколько необходимо законодательное вмѣшательство въ жизнь фабрики, получающей все большее и большее развитіе у насъ. Одной изъ самыхъ серьезныхъ иллюстрацій фабричной жизни можетъ служить книга *Е. М. Дементьева:* «Фабрика. Что она даетъ населенію и что она у него беретъ». Правда, это изслѣдованіе основано на данныхъ, собранныхъ фабричнымъ инспекторомъ Дементьевымъ только по тремъ промышленнымъ уѣздамъ Московской губерніи (Серпуховскому, Коломенскому и Бронницкому); но зато эти уѣзды принадлежатъ къ самымъ типичнымъ, такъ какъ здѣсь встрѣчаются почти всѣ виды обрабатывающей промышленности, а потому и выводы, основанные на данныхъ по этимъ уѣздамъ, могутъ считаться вѣрными и по отношенію къ большинству промышленныхъ районовъ Россіи.

Но прежде нѣсколько краткихъ общихъ замѣчаній о нашей фабричной и заводской промышленности. Изъ данныхъ, собранныхъ Министерствомъ Финансовъ для чикагской выставки, видно, что всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ Россіи насчитывается до 33.683; общее число работниковъ на нихъ простирается до 1¹/₂ милліона; сумма производства достигаетъ цифры 1.597 милл. рублей. Рабочій день отличается крайнею продолжительностью: преобладаетъ норма въ 12—14 часовъ; годовое количество часовъ для русскихъ фабрикъ получается 3.484—3.588, для американскихъ 3.070 и 2.810 для англійскихъ. Что касается заработной платы, то она у насъ болѣе чѣмъ низка, именно, въ среднемъ равняется 187 р. 60 к. въ годъ, опускаясь иногда до 36 рублей. Такимъ образомъ, рабочій часъ оплачивается 5¹/₂—5 коп., въ иныхъ же случаяхъ 1¹/₂ и даже одной копѣйкой. «На основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, — говоритъ проф. Исаевъ, книгу котораго мы отмѣтили въ іюльской книгѣ «М. Б.», — о заработной платѣ, произведенныхъ по порученію конгресса Соединенныхъ Штатовъ, годовой доходъ семьи работника составляетъ: 3.920 фр. въ Соединенныхъ Штатахъ, 2.599 въ Англій, 2.423 во Франціи, 1.796 въ Бельгій и 1.411 въ Германіи. Если опредѣлить для Россіи годовой доходъ семьи работника даже очень высокою цифрою — въ 250 рублей и, держась высокаго вексельнаго курса, приравнять рубль тремъ франкамъ, то окажется, что заработная плата въ Россіи (750 франковъ) въ 5 разъ меньше американской, въ 3¹/₂ раза меньше англійской, въ 3 раза ниже французской. Цѣна главныхъ предметовъ потребленія въ Россіи нѣсколько ниже, чѣмъ въ Западной Европѣ и Америкѣ (въ Англій главные съѣстные припасы на 30—70% до-

роже, чѣмъ въ Россіи, а въ Америкѣ—или стоятъ въ одной цѣнѣ съ русскими, или дороже нашихъ только на 25—35%)».

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, обратимся къ труду г. Дементьева.

«Въ нашей литературѣ,—такъ начинается авторъ,—издавня установилось мнѣніе, что наши фабричныя рабочіе есть не болѣе, какъ крестьяне, дополняющіе свой скудный доходъ съ земли постороннею работою на фабрикахъ». Оказывается, что такое мнѣніе вѣрно лишь отчасти, именно, оно справедливо только для тѣхъ фабрикъ, которыя пользуются исключительно ручнымъ трудомъ (ручныя ткацкія фабрики и т. п.), и для всѣхъ промышленныхъ заведеній, которыя «по характеру своихъ внутреннихъ полуэлектрическихъ порядковъ почти не отличаются отъ кустарныхъ». Такія фабрики либо вовсе прекращаютъ работу на лѣтнее время, либо ведутъ ее съ болѣе или менѣе сокращеннымъ числомъ рабочихъ.

Совершенно иное нужно сказать о фабрикахъ, работающих механической силой; на этихъ фабрикахъ уходитъ на полевые работы такая незначительная часть, что она не оказываетъ рѣшительно никакого вліянія на колебаніе въ численности рабочихъ. И, дѣйствительно, между тѣмъ какъ на ручныхъ бумаготкацкихъ заводахъ на лѣтній сезонъ до 72,5%, на машиностроительныхъ заводахъ только 2,7%, на ситценабивныхъ и отдѣлочныхъ механическихъ—2,3%; въ среднемъ на фабрикахъ первой и второй категоріи уходитъ всего 14%, т. е. цѣлыхъ 86% рабочихъ на круглый годъ прикованы къ машинѣ. Такіе рабочіе только числятся крестьянами, на самомъ же дѣлѣ связаны съ деревней лишь податями: у нихъ нѣтъ въ деревнѣ ни хозяйства, ни сплошь и рядомъ и дома, обыкновенно проданнаго; даже земля (надѣлъ) остается за ними только юридически. Слѣдовательно, предъ нами уже выступаетъ классъ фабричныхъ рабочихъ въ западно-европейскомъ смыслѣ. Изъ 18.576 рабочихъ мужскаго пола всѣхъ сословій 55% оказались имѣющими отцовъ, работавшихъ или работающих на фабрикахъ.

Говоря о продолжительности рабочаго дня, Дементьевъ находитъ, что преобладающая норма его выражается цифрою 12—14 часовъ. Выражая продолжительность суточной работы въ болѣе детальной формѣ, авторъ рисуетъ слѣдующую картину:

Число часовъ работы въ сутки.	Число фабрикъ.	Тоже число фабрикъ на 100.
9 и 9 ¹ / ₂	9	2
10 и 10 ¹ / ₂	27	6
11 и 11 ¹ / ₂	30	6,6
12 и 12 ¹ / ₂	150	33,3
13 и 13 ¹ / ₂	177	39,2
14 и 14 ¹ / ₂	44	9,8
15 и 15 ¹ / ₂	4	0,9
16 и 16 ¹ / ₂	2	0,4
18	8	1,8
	451	100.

Но и эта таблица не выражаетъ вполне того физическаго переутомленія, какое долженъ испытывать фабричный отъ столь продолжительнаго рабочаго дня: система частыхъ и короткихъ смѣнъ, въ большинствѣ случаевъ практикуемая нашими фабриками, положительно не даетъ какъ слѣдуетъ отдохнуть и выспаться рабочему; такую вредною системой по справедливости должна считаться весьма распространяющаяся у насъ система шестичасовыхъ смѣнъ. «Проработавъ шесть часовъ днемъ,—говоритъ Дементьевъ,—положимъ хоть съ 6 до 12 дня, рабочій известное количество времени долженъ употребить на то, чтобы поѣсть, на всѣ свои домашнія мелочныя заботы и т. п., и у него остается 3—4 часа времени, которые онъ можетъ употребить на сонъ. Но развѣ этотъ краткій сонъ въ страшно душномъ, тяжеломъ воздухѣ фабричныхъ казармъ, переполненныхъ жильцами, можетъ возстановить потерю организма, надорваннаго предшествовавшими недосыпаніями? За полчаса до смѣны паровой ревувъ, а вслѣдъ затѣмъ стукъ и убѣжденія сторожей и хозяевъ по спальнямъ заставляютъ его встать и приготовиться къ смѣнѣ. Отработавъ вновь шесть часовъ и вернувшись домой въ 12 часовъ ночи, съ нимъ опять повторяется то же, что было въ предшествовавшей свободный промежутокъ, и въ результатъ всегда торопящійся на-скоро поѣсть, уйти отъ всякаго дѣла, отъ всякой заботы, мысли, лишь бы скорѣе лечь спать, но ни разу за недѣлю не высыпавшійся, насколько требуетъ организмъ, рабочій всегда вялый, всегда сонный и безсильный»... Гораздо больше, чѣмъ эта система шестичасовыхъ смѣнъ, приноситъ вредъ другая форма ночной работы,—работы сверхъ урочной дневной, удлиняющей и безъ того уже не короткій рабочій день нашихъ фабрикъ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ сверхъурочная работа Коломенскаго машиностроительнаго завода, гдѣ одинъ изъ наиболѣе короткихъ, на бумагѣ, рабочихъ дней въ 11^{1/2} часовъ на самомъ дѣлѣ сводится обычно къ 14^{1/2}—16^{1/2} часамъ, а въ экстренныхъ случаяхъ даже къ 19^{1/2} и 21^{1/2} часамъ суточной работы и притомъ работы самой тяжелой!..

Что касается заработной платы, то, оказывается, средняя заработная мѣсячная плата взрослого мужчины равняется 14 р. 16 к., взрослой женщины—10 р. 35 к., подростка—7 р. 27 к., малолѣтняго—5 р. 8 к. Эти среднія цифры по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности сильно понижаются. Такъ, на ручныхъ бумаготкацкихъ фабрикахъ средній мѣсячный заработокъ мужчины опредѣляется суммой въ 9 р. 52 к., женщины—въ 6 р. 87 к., малолѣтнихъ—въ 2 р. 66 к.; рогожники получаютъ еще меньше, хотя работаютъ по 18 часовъ въ сутки и притомъ въ крайне тяжелой гигиенической обстановкѣ. «Войдя въ мастерскую,—говоритъ Дементьевъ,—посѣтитель попадаетъ какъ въ лѣсъ. Только раздвигая передъ собою всюду развѣшенную на жердяхъ и веревкахъ мочалу, осторожно передвигая ноги, липнуція къ полу, покрытому толстымъ, въ 1—2 вершка, слоемъ грязи, попадая на каждомъ шагѣ въ наполненныя жидкою грязью выбоины, образовавшіяся мѣстами въ прогнившихъ и провалившихся доскахъ пола,

натываясь на кадки съ водой, вокругъ которыхъ стоятъ цѣлыя лужи, рискуя ежеминутно придавить всюду ползающихъ по полу маленькихъ дѣтей, онъ добирается, наконецъ, до одного изъ оконъ, у котораго кипитъ работа. Рогожная мастерская представляетъ ни больше, ни меньше, какъ сарай, гдѣ семья проводитъ всѣ 24 часа сутокъ. Здѣсь рогожники работаютъ, здѣсь же ѣдятъ и отдыхаютъ; здѣсь они спятъ, одни на доскахъ, положенныхъ на верхней рамѣ становинъ, такъ что образуется вѣчто въ родѣ палатей, другіе на кучахъ мочалы на полу,—о постеляхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи; здѣсь они рожаютъ на глазахъ всего населенія мастерской, здѣсь, захворавъ, «отлеживаются», если организмъ еще въ силахъ побороть болѣзнь, здѣсь же и умираютъ, хотя бы и отъ заразныхъ болѣзней».

Подводя итоги своимъ изслѣдованіямъ, Дементьевъ, на заданный себѣ вопросъ: «что же даетъ рабочему фабрика?» отвѣчаетъ: «физическую и нравственную гибель». Мы не раздѣляемъ такого безнадежно пессимистическаго взгляда почтеннаго автора, и думаемъ, что законодательное вмѣшательство можетъ многое устранить и улучшить въ современныхъ фабричныхъ условіяхъ.

Для изученія быта фабрично-заводскихъ рабочихъ въ Россіи можно рекомендовать слѣдующія книги и статьи:

Исаевъ. Начала политической экономіи. 1895 г.

Положевъ. Фабричный бытъ Германіи и Россіи. 1884 г.

Святловскій. Фабричный рабочій. 1889 г.

Эрисманъ. Профессиональная гигиена.

Марусинъ. Фабрично-заводскій трудъ въ Россіи. «Сѣв. Вѣстн.» 1891 г. 10 и 11.

Тумскій. Рабочіе на фабрикахъ и промыслахъ. «Русск. Мысль» 1894 г. 4, 6 и 8.

Положевъ. Изъ жизни фабричнаго люда въ столицѣ. «Русск. Мысль» 1885 г. 5 и 6.

Карышевъ, Н. Русская фабрично-заводская промышленность въ 1885—1891 г. «Рус. Богат.» 1894 г. 11 и 12.

Семевскій. Очерки изъ исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. «Рус. Богат.» 1892 г. 12; 1893 г. 1 и 2; «Рус. Мысль» 1893 г. 10—12; 1894 г. 5.

Луїо Брентано. Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда. Переводъ В. Э. Дена и В. В. Святловскаго 2-го. С.-Петербургъ. 1895 г. Цѣна 75 к. Въ интересной брошюрѣ мюнхенскаго профессора доказывается, что повышение заработной платы и сокращеніе времени работы обыкновенно приводитъ не къ увеличенію, а къ уменьшенію стоимости труда. Вопросъ о вліяніи продолжительности работы на ея производительность имѣетъ особенное значеніе въ связи съ фабричнымъ законодательствомъ. Когда въ Англіи въ 30-хъ годахъ шла усиленная агитація въ пользу законодательнаго сокращенія рабочаго дня, фабриканты утверждали, что эта мѣра погубитъ англійскую промышленность. Тѣмъ не менѣе, 10-часовой рабочій день былъ установленъ закономъ и англійская промышленность не погибла. Съ этихъ поръ, при каждомъ новомъ шагѣ впередъ фабричнаго

законодательства, возобновляются старые споры о томъ, полезно оно или вредно для промышленности.

Въ брошюрѣ проф. Брентано сведено много цифровыхъ данныхъ, доказывающихъ, что время работы и ея производительность находятся въ обратномъ отношеніи. Какъ и слѣдовало ожидать, статистика вполне подтверждаетъ положеніе, которое достаточно очевидно и само по себѣ, что чѣмъ трудъ продолжительнѣе, тѣмъ онъ менѣе интенсивенъ, а потому и менѣе успѣшенъ. Легко понять, какъ важно это имѣть въ виду при всѣхъ соображеніяхъ о законодательномъ или иномъ ограниченіи времени работы. На Западѣ теперь идетъ борьба изъ за 8-часового рабочаго дня; въ болѣе передовыхъ странахъ—въ Соединенныхъ Штатахъ и Англии, во многихъ отрасляхъ производства уже и теперь работа продолжается не болѣе 9 или даже 8 часовъ въ сутки. У насъ дѣло стоитъ иначе; средній рабочій день на нашихъ фабрикахъ почти никогда не бываетъ ниже 12 часовъ, а иногда повышается до 14 часовъ и даже болѣе. Тѣмъ не менѣе, и у насъ существуетъ, хотя и скромное, фабричное законодательство, ограничивающее трудъ несовершеннолѣтнихъ. Въ послѣднее время у насъ намѣчаются нѣкоторыя новыя мѣры, относящіяся тоже къ области «рабочаго законодательства», и встрѣчаемыя кстати сказать, у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, очень недружелюбно фабрикантами, и потому нельзя не привѣтствовать появленія въ русскомъ переводѣ брошюры Брентано, разсѣивающей много вредныхъ заблужденій объ истинныхъ интересахъ и нуждахъ промышленности.

Высота заработной платы, какъ доказываетъ авторъ, находится въ прямомъ отношеніи къ производительности труда: чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ трудъ производительнѣе, и обратно. Въ подтвержденіе этого, авторъ также приводитъ не мало цифровыхъ данныхъ о сравнительной высотѣ заработной платы и успѣшности труда въ разныхъ странахъ. Въ тѣхъ странахъ гдѣ заработная плата высока—трудъ производителенъ, и обратно. Россія и въ томъ и другомъ отношеніи занимаетъ послѣднее мѣсто.

Брентано является однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей того общественнаго и научнаго направленія въ Германіи, которое признаетъ необходимость социальныхъ реформъ, но въ то же время главные надежды возлагаетъ на самостоятельность и частную инициативу отдѣльныхъ лицъ. И онъ, и его школа вообще склонны къ большому оптимизму въ социальной области. Нерѣдко они видятъ гармонію интересовъ и миръ тамъ; гдѣ въ действительности существуетъ противоположность интересовъ и борьба. Такъ и въ данномъ случаѣ. Разумѣется, низкая заработная плата еще отнюдь не гарантируетъ дешевизны труда. Но что интересы предпринимателя и рабочаго далеко не всегда совпадаютъ и что низкая заработная плата можетъ быть выгодною предпринимателю—это лучше всего видно хотя бы изъ исторіи англійской промышленности, откуда беретъ свои примѣры Брентано.

Никогда заработная плата въ Англии не была такъ низка, какъ во 2-й четверти этого вѣка, и несмотря на это, въ то время техника и производительность труда сдѣлали особенно быстрые успѣ-

хи, а прибыль фабрикантовъ была очень высока. Напротивъ, за послѣднія 25 лѣтъ заработная плата въ Англіи значительно повысилась, а прибыль упала и производительность труда въ важнѣйшей отрасли англійской промышленности—хлопчатобумажной—возрасла далеко не такъ сильно, какъ въ 30 и 40 годахъ. Итакъ, не нужно думать, что выгода рабочаго всегда, или по большей части, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и выгода фабриканта; но также ошибочно обратное предположеніе, что выгоды обѣихъ указанныхъ сторонъ всегда взаимно противоположны, исключаютъ другъ друга,—и для пониманія этого послѣдняго отношенія брошюра Брентано даетъ интересный и поучительный матеріалъ.

Эрнестъ Магаймъ, профессоръ льежскаго университета. Профессіональные рабочіе союзы. Переводъ съ французскаго Н. Водовозова, съ предисловіемъ и примѣчаніями переводчика. С.-Петербургъ. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к. Безъ преувеличенія можно сказать, что почти всѣ проявленія западно-европейской жизни—индивидуальной, семейной, общественной, государственной, даже международной—такъ или иначе связаны съ рабочимъ вопросомъ. Какую роль и значеніе имѣютъ при этомъ усилія самихъ рабочихъ въ разрѣшеніи его,—разъясняетъ поучительная книга льежскаго профессора Магайма, въ которой авторъ касается какъ исторіи развитія союзовъ рабочихъ, такъ и современнаго ихъ положенія.

Въ первой главѣ своего сочиненія почтенный профессоръ трактуетъ о коллегіяхъ ремесленниковъ въ Римѣ. Правда, онъ не видитъ въ нихъ сходства съ современными профессіональными союзами. По его мнѣнію, единственная общая черта между тѣми и другими заключается въ томъ, что они являются одинаково ассоціаціями ремесленниковъ; но затѣмъ ихъ организація, цѣль, образъ дѣйствія, социальная, политическая и экономическая роль,—все это очень различно, и если Магаймъ дѣлаетъ краткій очеркъ развитія римскихъ коллегій, то лишь для того, чтобы «помѣшать обращенію къ устарѣвшему взгляду о древнемъ происхожденіи современныхъ профессіональных организацій». Во второй главѣ своего сочиненія авторъ весьма тщательно и подробно изслѣдуетъ вопросъ о «коопераціи въ средніе вѣка и при старомъ режимѣ». Въ этомъ особенномъ вниманіи къ средневѣковымъ союзамъ отнюдь нельзя видѣть того пристрастія многихъ современныхъ писателей, какое питаютъ послѣдніе къ отжившимъ корпораціямъ, считая ихъ верхомъ совершенства и пытаясь возобновить ихъ въ болѣе или менѣе современной формѣ. Правда, Магаймъ полагаетъ, что средневѣковая корпорація имѣла свои неоспоримыя достоинства, а именно: она «поселяла среди людей чувства равенства и братства, столь далекія отъ нашего теперешняго душевнаго настроенія, и несла съ собой матеріальныя и нравственныя сокровища, въ пользованіи которыми не было отказываемо и самому послѣднему изъ людей». Но въ то же время почтенный профессоръ признаетъ, что возвратитъ то, что уже увнесено бурнымъ потокомъ времени, не всегда оказывается возможнымъ, а вдохнуть жизнь въ истлѣвшій трупъ болѣе чѣмъ нераціонально. Гораздо болѣе интересъ представляютъ послѣдующія главы труда Магайма, въ которыхъ трак-

туется вопросъ о профессиональныхъ союзахъ современной Англии, Франціи, Бельгіи, Германіи, Австріи и Швейцаріи.

Въ этихъ главахъ авторъ подробно излагаетъ, чего добились рабочіе союзы въ настоящее время. Дозволенные закономъ (раньше они считались на нелегальномъ положеніи), они привели къ отмѣнѣ уголовныхъ законовъ относительно стачекъ, причемъ профессоръ считаетъ нужнымъ отдать справедливость рабочимъ, что они не злоупотребляютъ этимъ законнымъ правомъ устраивать забастовки. Стачка является для союза послѣднимъ средствомъ, крайнею мѣрой для улучшенія участи рабочихъ, которые не могутъ оставлять мастерскихъ безъ особаго къ тому приглашенія со стороны союза; опытъ привелъ къ установленію цѣлаго ряда мѣръ, долженствующихъ предупреждать всякаго рода безразсудныя и бесплодныя попытки, грозящія вѣрной неудачей.

Въ каждомъ благоустроенномъ союзѣ стачка является дѣломъ сознательнымъ, заблаговременно обдуманымъ, всѣ возможныя послѣдствія котораго взвѣшены всесторонне. Она постановляется въ мѣстныхъ союзахъ или секціяхъ только всеобщимъ голосованіемъ всѣхъ членовъ, а не однимъ комитетомъ. Благодаря такой разумной тактикѣ рабочіе союзы добились возвышенія платы, сокращенія рабочаго дня, регламентаціи пріемовъ труда; у каждаго союза есть своя касса, откуда выдаются субсидіи на случай безработицы, болѣзни, старости, смерти и т. п.; кромѣ того, существуютъ особыя кассы на случай стачекъ.

Въ духовной жизни рабочихъ союзы также играютъ немаловажную роль: на свои средства союзы нерѣдко заводятъ профессиональныя школы, открываютъ библіотеки и читальни, устраиваютъ развлеченія, составляютъ многотысячныя собранія для обсужденія тѣхъ или иныхъ вопросовъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда предстоитъ обсудить важное дѣло, касающееся громаднаго числа рабочихъ одной или нѣсколькихъ профессій, созывается конгрессъ, на который съѣзжаются депутаты отъ рабочихъ изъ всѣхъ уголковъ государства, а нерѣдко и изъ нѣсколькихъ государствъ, даже со всего свѣта (международные рабочіе конгрессы). Само собою разумѣется, что къ рѣчамъ ораторовъ на такихъ конгрессахъ внимательно прислушиваются какъ сами рабочіе, такъ и капиталисты и правительство.

Въ своемъ бѣгломъ очеркѣ мы далеко не исчерпали интереснаго и богатаго содержанія книги Магайма, въ дополненіе къ которой считаемъ не лишнимъ указать литературу предмета для тѣхъ, кто пожелалъ бы ближе ознакомиться съ затронутыми въ книгѣ Магайма вопросами *).

Исаевъ. Начала политической экономіи. Спб. 1895 г.

Ланге. Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. Спб. 1892 г.

Залишутинъ. Англійскіе рабочіе союзы. «Наблюдатель» 1889 г., 9 и 10.

*) Къ сочиненію Магайма приложенъ библиографическій указатель книгъ и статей, но исключительно на иностранныхъ языкахъ.

- Рилль*. Четвертое сословіе или пролетаріатъ.
Шелуновъ. Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи. Сочин. т. 2-й. Спб. 1895 г.
Ватсонъ. Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ. Спб. 1892 г. Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи.— Рабочіе классы Англіи и манчестерская школа.
Тверской. Рабочій вопросъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. «Вѣстникъ Европы» 1894 г., 10 и 11, также «Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ». Спб. 1895 г.
Рабочая Голландія. «Вѣстникъ Европы» 1891, I.
Зотовъ. Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англіи. «Русское Богатство» 1895 г., съ 1-й кн.
Янжуль, Ив. Очерки и изслѣдованія. Т. 1 и 2. 1882 г.
Миклашевскій. Рабочій вопросъ и социальное законодательство въ Германіи. Сборникъ Правовѣднія. Т. 3-й.
Толлосъ. Страхование рабочихъ въ Германіи. «Русская Мысль» 1895 г., съ 1-й кн.
Сидней Веббъ и Хирольдъ Коксъ. Восьмичасовой рабочій день. 1893 г.
Н. П. Рабочія силы въ Англіи и восьмичасовой рабочій день. «Русская Мысль» 1892 г., 12.
З. Восьмичасовой рабочій день. «Юридич. Вѣстникъ» 1891 г., 9 и 10.
М. Н. Стачки во Франціи. «Русская Мысль» 1892 г., 9.
Г. Результаты кооперативнаго движенія. «Русская Мысль» 1885 г., 3 и 4.
Нестеровъ. Бельгійская рабочая партія. «Сѣверный Вѣстникъ» 1886 г., 11.
С. Сперанскій. Нѣкоторая изъ учрежденій общественной благоустройства въ Западной Европѣ. 1895 г.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

Ванъ-Тигемъ. «Общая ботаника». — *Корневъ*. «Ядовитыя растенія». — *Вальтеръ Эльсъ*. «Опыты по физиологіи растеній». — *П. А. Зиловъ*. «Курсъ физики». — *И. В. Мушкетовъ*. «Краткій курсъ петроградія».

Общая ботаника. (Морфологія, анатомія и физиологія растеній). Ванъ-Тигема, акадѣмика и профессора естественно-историческаго музея въ Парижѣ. Переводъ со 2-го французскаго изданія подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предисловіемъ проф. Тимирязева. 477 политипажей. М. 1895 г. 558 стр. Ц. 3 р. 75 к. *). Названіе «общей ботаники» Ванъ-Тигема г. Ростовцевъ даетъ русскому переводу I-го тома руководства французскаго автора «Éléments de Botanique», а это послѣднее руководство представляетъ сокращенную переработку другого произведенія того же ученаго «Traité de Botanique». Въ 1-мъ томѣ Основъ ботаники, вышедшемъ нынѣ въ рускомъ переводѣ, заключается

*) Рекомендована московскою комиссіею помощи домашнему чтенію.

курсъ общей ботаники, т.-е. морфологія, анатомія и фізіологія растений въ размѣрѣ требованій нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. 2-ой томъ, содержащій въ себѣ систематику растений, остался безъ перевода, въ виду того, что по этому предмету имѣется на русскомъ языкѣ капитальное переводное сочиненіе проф. Варминга. Въ отличіе отъ всѣхъ, имѣющихся на русскомъ языкѣ, руководствъ по ботаникѣ для высшихъ учебныхъ заведеній, матеріалъ въ разсматриваемой книгѣ не раздробляется на обычные отдѣлы органографій, анатоміи и фізіологіи; растение въ руководствѣ Ванъ-Тигема описывается во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ параллельно по органамъ.

Такъ, въ главѣ (II-ой) о корнѣ излагается морфологія этого органа, его строеніе и отправленія. Въ этой же системѣ дается понятіе о стеблѣ, листьяхъ и цвѣткѣ. (Главы III, IV и V). Въ I-й главѣ излагаются общія свѣдѣнія о растеніи, его морфологія, т.-е. о внѣшней формѣ, внутреннемъ строеніи, о возникновеніи и развитіи растенія. Здѣсь же сообщаются свѣдѣнія по общей фізіологіи, напр., о вліяніи на ростъ растенія земного притяженія, свѣта, тепла, о всасываніи, испареніи, чужеродности, симбіозѣ, ассимиляціи и проч.

Въ главѣ VI-ой говорится о развитіи явноточныхъ растений въ VII-ой—о развитіи сосудистыхъ тайноточныхъ, въ VIII-й—о развитіи мховъ. IX-я глава посвящена развитію листодовыхъ растений (Thallophyta), а X-я—развитію вида.

Указанное выше расположеніе матеріала для сочиненія, предназначеннаго быть руководствомъ по ботаникѣ, имѣетъ свои преимущества и свои неудобства. Преимущества заключаются въ томъ, что при такомъ расположеніи устраняется очень важный недостатокъ обычнаго порядка изложенія, по отдѣламъ органографій, анатоміи и фізіологіи, порядка, при которомъ преподавателю при описаніи нѣкоторыхъ органовъ приходится прибѣгать къ обѣщаніямъ, что устройство ихъ станетъ понятнымъ для учащихся при изученіи фізіологіи; когда же очередь дойдетъ до этого послѣдняго отдѣла ботаники, морфологическіе факты, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ осмысленности, оказываются забытыми и для преподавателя является необходимостью возстановить ихъ въ памяти учащихся. Специально для русскихъ читателей, неудобство системы, принятой Ванъ-Тигемомъ, состоитъ въ томъ, что въ нашихъ университетахъ ботаника преподается не послѣ изученія физики и химіи, а параллельно съ этими науками. Вслѣдствіе этого многіе процессы растительнаго организма, описаніе которыхъ Ванъ-Тигемъ даетъ на первыхъ страницахъ своей книги, не могутъ быть достаточно хорошо усвоены учащимися, такъ какъ они еще не успѣютъ къ тому времени пріобрѣсть достаточной подготовки по физикѣ и химіи. По этой причинѣ разсматриваемая книжка болѣе пригодна какъ руководство при самообученіи, но это не лишаетъ ее весьма большого значенія въ качествѣ пособія въ узко учебномъ смыслѣ. Обиліе матеріала, послѣдовательность, ясность и простота изложенія составляютъ очень важныя достоинства «Общей ботаники» Ванъ-Тигема. Въ русскомъ изданіи г. Ростовцевъ внесъ очень суще-

ственные дополненія примѣнительно къ потребностямъ слушателей нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Помимо многочисленныхъ примѣчаній, редакторъ перевода помѣстилъ не мало цѣлыхъ статей, составленныхъ заново, и большое (12 страницъ) приложение къ отдѣлу I главы V, гдѣ г. Ростовцевъ описываетъ строеніе цвѣтковь, наиболѣе уклоняющихся отъ типа, а именно цвѣтковь хвойныхъ, осокъ, злаковъ и многихъ другихъ. Благодаря этимъ измѣненіямъ, объемъ книги значительно увеличился, такъ что по своимъ размѣрамъ она занимаетъ среднее мѣсто между «*Eléments de Botanique*» и «*Traité de Botanique*». Вслѣдствіе указанныхъ дополненій пришлось увеличить и число рисунковъ до 477 вмѣсто 145 французскаго оригинала. Кромѣ того, къ русскому изданію книги приложены алфавитные указатели русскихъ и латинскихъ терминовъ, съ объясненіемъ значенія послѣднихъ. Изданіе книги опротно, рисунки вполне удовлетворительны.

Корневзнь, К. (профессоръ національной ветеринарной школы, вице-президентъ агрономическаго Общества въ Лионѣ). Ядовитыя растенія. Перев. съ французскаго подъ редакціей д-ра Хр. Гоби, профес. И. с.-петербургскаго университета. Изд. А. Ф. Девриена. Спб. 1895 г. 357 стр. Ц. 2 р. 50 к. Капитальный трудъ К. Корневзна посвященъ предмету, о которомъ на русскомъ языкѣ до сего времени имѣется довольно скудная литература. Въ I-й части своей книги авторъ даетъ общій очеркъ ядовъ растительнаго происхожденія и отравленій, ими причиняемыхъ, при чемъ рассматриваетъ распределеніе ядовъ по органамъ растенія, вліяніе вѣкоторыхъ физическихъ факторовъ на развитіе яда, какъ, напр., вліяніе свѣта, теплоты, состава почвы, условія отравленія животныхъ, дѣйствіе на нихъ растительныхъ ядовъ въ зависимости отъ пола, возраста, породы, а также индивидуальныхъ особенностей. II-я, значительно большая, часть состоитъ въ систематическомъ описаніи ядовитыхъ растеній, принадлежащихъ, главнымъ образомъ, къ европейской флорѣ. Указавъ на ботаническіе признаки каждаго изъ рассматриваемыхъ растеній, г. Корневзнь въ этой части останавливается, главнымъ образомъ, на ядовитомъ дѣйствіи ихъ на то или другое животное изъ числа домашнихъ, а также и на человѣка, при чемъ подробно описываетъ симптомы отравленія, измѣненія, которыя происходятъ въ организмѣ отравившагося, но, къ сожалѣнію, совершенно игнорируетъ вопросъ о противоядіяхъ. Даже самыя короткія указанія въ этомъ смыслѣ, хотя бы по отношенію къ самымъ распространеннымъ и наиболѣе опаснымъ ядовитымъ растеніямъ, значительно увеличили бы практической интересъ книги. Къ числу недостатковъ сочиненія г. Корневзна надо отнести также полное отсутствіе рисунковъ, безъ которыхъ ботаническія описанія даже и болѣе подробныя, нежели въ рассматриваемой книгѣ, не дають яснаго представленія о растеніи. Тѣмъ не менѣе, трудъ г. Корневзна въ русскомъ переводѣ является капитальнымъ вкладомъ въ нашу сельско хозяйственную литературу. Для лицъ, изучающихъ сельское хозяйство и ветеринарію, по своей полнотѣ и обстоятельности изложенія онъ положительно незамѣнимъ. Переводъ книги вполне удовлетворителенъ. Вмѣстѣ съ латинскими и фран-

пузскими названіями растений переводчикъ приводитъ и наиболѣе распространенныя русскія.

Вальтеръ Эльсъ (Oels). Опыты по физиологіи растений. Изд. журн. «Научное Обзорніе» Спб. 1894 г. 70 стр. Ц. 50 к. Среди популярныхъ, имѣющихся на русскомъ языкѣ, сочиненій по физиологіи растений, мы впервые встрѣчаемъ книжку, составленную по такому плану, какой принять Вальтеромъ Эльсомъ. Авторъ даетъ описаніе [длиннаго ряда опытовъ, посвященныхъ физиологіи растений и распределенныхъ по отдѣламъ этой отрасли ботаники. 19 опытовъ посвящаютъ различнымъ особенностямъ процесса питания, 21 опытъ относится къ явленіямъ испаренія, наблюдаемымъ въ тѣлѣ растений, остальные 82 опыта посвящены ассимиляціи, дыханію, явленіямъ гео- и гелиотропизма, движенію растений, ихъ росту и т. д. Предъ описаніемъ извѣстной серіи опытовъ В. Эльсъ въ короткихъ словахъ излагаетъ физиологическія положенія, которыя ему предстоитъ доказать, иногда и въ самомъ описаніи дѣлаетъ необходимыя поясненія. Книжка рассчитана на читателя со среднимъ образованіемъ. Опыты отличаются простотой постановки; они не требуютъ никакихъ дорого стоящихъ приспособленій, недоступныхъ обыкновенному любителю, съ небольшими средствами. Въмѣстѣ съ тѣмъ опыты чрезвычайно убѣдительны, наглядны, и нѣкоторые даже эффектны. Изложеніе весьма просто и вполне популярно. Пониманіе прочитаннаго еще болѣе облегчаютъ 19 рисунковъ въ текстѣ. Благодаря этимъ достоинствамъ, книжка В. Эльса является очень цѣннымъ пособіемъ для любителей естествознанія.

Курсъ физики. Часть 1-я (Движеніе и силы.—Свойства тѣлъ.—Теплота). П. А. Зилова, ординарнаго профессора варшавскаго университета. Варшава, 1895 г., 328 стр. Ц. 1 р. 50 к. Насколько многочисленны въ нашей литературѣ элементарныя учебники физики, въ такой же мѣрѣ чувствуется у насъ недостатокъ въ руководствахъ по этому предмету для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Этотъ пробѣлъ пополняется выходомъ въ свѣтъ «Курса физики» проф. П. А. Зилова. 1-ая часть заключаетъ въ себѣ основанія механики (движеніе и силы), ученія объ общихъ свойствахъ тѣлъ и о теплотѣ.

Объемъ, въ которомъ изложенъ курсъ, удовлетворяетъ требованіямъ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ физика составляетъ второстепенный предметъ. Не смотря на то, что книга предназначена для читателей со среднимъ образованіемъ, авторъ начинаетъ свой курсъ съ изложенія элементарныхъ понятій о физическихъ явленіяхъ и законахъ. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ механики онъ даетъ опредѣленія понятія о скорости, о сложеніи силъ, о законѣ параллелограмма силъ и т. д., при чемъ выводитъ формулы, знакомство съ которыми входитъ въ программу гимназій и реальныхъ училищъ. Благодаря этой особенности руководства, занимающійся имѣетъ возможность возстановить въ памяти свѣдѣнія, приобретенныя имъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, и съ болѣею легкостью усвоить изложенныя въ курсѣ подробности. Та же особенность дѣлаетъ сочиненіе проф. П. А. Зилова очень пригоднымъ

для цѣлей самообразованія, тѣмъ болѣе, что изложенъ курсъ весьма ясно и довольно живо.

Мушкетовъ, И. В. Краткій курсъ петрографіи для студентовъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I, съ 112 политипажами въ текстѣ. Спб. 1895. 202 стр. Ц. 2 руб. Съ появленіемъ настоящаго руководства пополняется значительный пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ. Въ существующихъ на русскомъ языкѣ новѣйшихъ учебникахъ петрографіи, этотъ предметъ разсматривается какъ часть болѣе обширной науки геологіи, и притомъ исключительно съ теоретической точки зрѣнія; прикладная сторона науки о горныхъ породахъ въ этихъ учебникахъ отодвигается на задній планъ. Предназначая свой курсъ для студентовъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія, И. В. Мушкетовъ, напротивъ того, обращаетъ въ немъ особое вниманіе на различнаго рода практическіе вопросы. Болѣе подробно, нежели это сдѣлано въ руководствахъ подобнаго же содержанія, авторъ разсматриваетъ общія свойства горныхъ породъ, въ особенности по отношенію къ породообразующимъ минераламъ. При описаніи отдѣльныхъ породъ онъ указываетъ также и строительное значеніе ихъ, и наконецъ, особая глава посвящена И. В. Мушкетовымъ разсмотрѣнію общихъ строительныхъ качествъ горныхъ породъ, напр., крѣпости, способности къ полировкѣ и обработкѣ, сопротивленію породъ къ вывѣтриванію и проч.; здѣсь же описаны способы испытанія прочности камней и консервированія ихъ. Различные теоретическіе вопросы изложены въ курсѣ кратко. Имя проф. И. В. Мушкетова, какъ автора превосходнаго руководства физической географіи, настолько извѣстно, что было бы излишнимъ подробно останавливаться на достоинствахъ его новаго курса петрографіи. Въ этомъ послѣднемъ курсѣ предметъ изложенъ со свойственнымъ сочиненіямъ И. В. Мушкетова послѣдовательностью, ясностью и полнотой. Во введеніи приложенъ списокъ главнѣйшихъ источниковъ для изученія петрографіи какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на иностранныхъ. Рисунки хотя и грубоваты, но даютъ достаточно точное представленіе объ изображаемыхъ предметахъ.

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А. Н. Чудиновъ и И. Глазуновъ. «Русская классная бібліотека».

«Русская классная бібліотека», изд. подъ редакц. А. Н. Чудинова, И. Глазунова. Посobie при изученіи русск. литературы. Выпуски IX—XX. Спб. 1892—1895 гг. Въ № VIII «Мира Божьяго» за 1892 г., въ рецензій первыхъ восьми выпусковъ этого изданія, было указано на изящество книжекъ и ихъ полезность въ каждой ученической бібліотекѣ. Вышедшіе въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ 12 новыхъ выпусковъ отличаются тѣми же достоинствами, какъ внѣшними (бумага, ясная печать, хорошіе медальоны писателей, при нѣкоторыхъ выпускахъ картинки), такъ и внутренними (тщательность выбора текста, историко-литер. освѣщеніе въ видѣ

отрывковъ изъ критическихъ статей). Отмѣтимъ выпуски, наиболѣе интересные по новизнѣ класснаго матеріала. XIII вып. *Былины*, съ медальономъ извѣстнаго пѣвца народныхъ пѣсенъ Рабинина, картинкой, изображающей семерыхъ главнѣйшихъ богатырей кievскихъ и новгородскихъ, и предисловіемъ. Выборъ, сдѣланный по первоисточникамъ, т. е. по лучшимъ сборникамъ, даетъ связные цѣльные образцы характернѣйшихъ былинъ о богатыряхъ старшихъ, младшихъ, кievскихъ и новгородскихъ, а также былину *Отчего перевелись богатыри на святой Русь*, такъ что получается цѣлая картина былевого эпоса. Помѣщены съ прим. и духовные стихи—*О голубиной книгѣ* и *о Егоріи Храбомъ*, и нѣсколько историческихъ пѣсенъ—*О Щелканѣ*, *О Грозномъ* и *Рожденіи Петра*. Цѣлыхъ восемь обстоятельныхъ статей (*Процессъ созданія мифовъ*, Буслаева, *Единство эпоса*, Миллера, его же *Старшіе богатыри*, *Младшіе богатыри*, Буслаева, *Илья Муромецъ*, Л. Майкова, *Вас. Буслаевъ*, Костомарова, *Голубиная книга*, Миллера и *Егорій Храбрый*, Порфирьева). Выпускъ XVIII. *Русская народная лирика* съ медальономъ извѣстнаго собирателя пѣсенъ П. В. Шейна (къ сожалѣнію, въ книжкѣ не говорится ни слова объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ, котораго молодежь можетъ и не знать вовсе) и картинкой, изображающей хороводъ. Даны пѣсни обрядовыя, бытовыя, элегическія, семейныя и удалыя (всего 119 пѣсенъ въ хорошемъ выборѣ), въ заключеніе два художественныхъ описанія впечатлѣній, производимыхъ пѣсней, изъ Тургенева (Пѣвцы) и Гоголя (Мертвыя души), и семь истор. литературныхъ статей, Костомарова, Сахарова и др. Одинъ изъ лучшихъ выпусковъ, особенно интересный тѣмъ, что дешеваго сборника лирическихъ пѣсенъ у насъ другого нѣтъ. Выпускъ XV. *Типы скупца* съ медальономъ Гоголя и картинкой, изображающей четыре типа. За предисловіемъ, выясняющимъ важность сравнительнаго изученія общаго типа у разныхъ національностей и авторовъ и дающимъ цѣлый рядъ русскихъ пословицъ о скупости (54), напечатаны: въ сокращеніи комедія Плавта *Кубышка* (Aulularia); цѣлая комедія Мольера *Скупой* въ переводѣ С. Т. Аксакова, Ф. Устрялова и самого редактора; глава VI изъ Мертвыхъ душъ, Скупой рыцарь и три характеристики изъ Теофраста (Скупой, Скряга и Алтынникъ). Выпускъ XIX. *Древне-русскіе повѣсти и романы*, съ медальономъ собирателя сказокъ А. Аванасьева (тоже о немъ въ книжкѣ ни слова) и картинкой (восемь сказочныхъ сценъ). Семь повѣстей (Бова, Троя, Девгеніево дѣяніе, Соломонъ и Китоврасъ, О Басаргѣ-купцѣ, О Горѣ-злосчастіѣ, Судное дѣло у Леща съ Ершомъ) и статья А. Н. Веселовскаго *О древне-русской повѣсти* (съ пересказомъ *Фрола Скобцова*). Напрасно не помѣщена сказка *Шемакинъ судъ*. Выпускъ XIV. *Сумароковъ*, съ медальономъ писателя и съ хорошимъ большимъ портретомъ актера Волкова, о которомъ въ книжкѣ тоже нѣтъ ничего. Вошли цѣликомъ двѣ трагедіи *Хоревъ*, *Синавъ и Труворъ*, комедія *Опекунъ* и четыре объяснительныхъ статьи: *Разсужденіе о трагедіи*, Корнеля, *Расинъ*, Фаге, *О трагедіи Сумарокова*, Н. Н. Булича, и его же *Комедіи Сумарокова*. Выпускъ XX. *Херасковъ*—полный текстъ Россіады (картинка къ ней) и

интересная статья изъ журнала «*Современный наблюдатель*» 1815 г. *Россиада, какъ поэма ложно-классическая*. Изъ болѣе интересныхъ выпусковъ укажемъ еще на XVII-й—*Имп. Екатерина II* съ пятью хорошими статьями о ней, въ числѣ коихъ особенно любопытна *Личность Екатерины II*, проф. Брикнера.

Объ остальныхъ выпускахъ не говоримъ, такъ какъ, составленные по тому же плану, они отличаются тѣми же достоинствами, кромѣ выпуска IX, *Письма русскаго пута; Карамзина*, при которыхъ почему-то нѣтъ вовсе ни одной объяснительной статьи; авторы, которымъ посвящены эти выпуски, есть и въ нѣсколькихъ другихъ порядочныхъ, и болѣе дешевыхъ школьныхъ изданіяхъ, почему нельзя не пожалѣть, что, вмѣсто нихъ, не выбрано ни одного изъ обѣщанныхъ иностранныхъ авторовъ, или не изданы дешево такія необходимыя для школы вещи, какъ *Налъ и Дамаянти* и *Рустемъ и Зорабъ*, въ переводѣ Жуковскаго, котораго изъ за нихъ приходится прибрѣтать всего, что для учащихся слишкомъ дорого.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

«*Du travail et de ses conditions*» par *Hector Depasse* (*Bibliothèque d'histoire contemporaine*) *Felix Alcan*. Paris. (*Трудъ и его условия*). Авторъ этого въ высшей степени почтеннаго изслѣдованія о трудѣ заданъ цѣлью опредѣлить мѣсто, которое принадлежитъ труду въ современномъ обществѣ, и пополнить пропасть, существующую между трудомъ и капиталомъ. Официальное положеніе, занимаемое авторомъ въ верховномъ совѣтѣ труда, помогло ему раздобыть нужныя ему конкретныя данныя для подкрѣпленія его главнаго тезиса. Авторъ очень много распространяется о дѣятельности рабочихъ ассоціацій, какъ во Франціи, такъ и за границей, и горячаратуетъ въ пользу устройства свободныхъ совѣтовъ рабочихъ, по инициативѣ самихъ же рабочихъ. Авторъ утверждаетъ, что слѣды подобныхъ организацій можно найти въ древней Франціи, задолго до французской революціи. (*Journal des Débats*).

«*Diderot, sa vie, ses oeuvres, sa correspondance*» par *A. Collignon*. (*Felix Alcan*). Paris. (*Дидро, его жизнь, его труды, его корреспонденція*). Авторъ—большой поклонникъ философіи второй половины XVIII вѣка. Онъ видитъ въ трудахъ Дидро, Монтескье, Даламбера, Вольтера и Руссо главный источникъ современной либеральной мысли. Такъ какъ въ великомъ движеніи въ пользу эмансипаціи мысли и борьбѣ за свободу Дидро игралъ одну изъ главныхъ ролей, то авторъ и посвящаетъ ему свой трудъ. «Это одинъ изъ самыхъ удивительныхъ людей своего вѣка, восклицаетъ авторъ, самая совершеннѣйшая, самая чудесная голова, какая когда-либо существовала! Онъ все могъ охватить и всему вдохнуть жизнь...» Авторъ подробно рассказываетъ жизнь Дидро, приводитъ отрывки изъ его корреспонденціи, резюмируетъ его философскія, нравственныя

и социальныя идеи и особенно его знаменитое ученіе материализма. «Потомство можетъ посягиваться надъ нѣкоторыми психологическими понятіями Дидро,—говоритъ авторъ,—но оно не можетъ перестать восхищаться имъ, какъ великимъ художникомъ и великимъ писателемъ, любящимъ истину и понимающимъ природу, всё творенія котораго проникнуты жизненною правдой и мудростью». (*Revue des Revues*).

«*L'organisation de la liberté et le devoir social*» par *A. Prinz*, professeur à l'Université de Bruxelles. (*Felix Alcan*). Paris. (*Организация свободы и социальная обязанность*). Книга представляетъ попытку обновленія общества при помощи двухъ факторовъ, безъ которыхъ, по словамъ автора, никакое общество не можетъ разсчитывать на продолжительное существованіе: организационаго принципа и социальнаго долга. Авторъ обстоятельно развиваетъ свою идею и указываетъ на важное значеніе этихъ двухъ факторовъ. Особенно интересны главы книги, посвященныя изслѣдованію крайностей современнаго индивидуализма и роковыхъ послѣдствій его чрезмѣрнаго развитія, которыя уже даютъ себя чувствовать въ различныхъ областяхъ, въ вопросѣ о пауперизмѣ, напр. въ современныхъ нравахъ и семейной жизни. (*Revue des Revues*).

«*Moral Pathology*» by *Dr. Arthur Giles*. (*Swan Sonnenschein and Co*). (*Патологія нравственности*). Авторъ разсматриваетъ безнравственные поступки, какъ проявленіе нравственной болѣзни, и съ этой точки зрѣнія обсуждаетъ различные типы нравственной испорченности. Онъ изслѣдуетъ причины, происхожденіе, форму и послѣдствія нравственнаго недуга совершенно такъ, какъ это дѣлается относительно физическихъ болѣзней. Очень интересны и

содержательны главы, посвященные изслѣдованію темпераментовъ, лѣченію и предупрежденію нравственныхъ болѣзней, а также изложенію принциповъ нравственной гигиены.

(Daily News).

«*Obligation moral et idéalisme par G. Lefèvre (Felix Alcan). Paris. (Нравственное обязательство и идеализм).* Ученіе идеализма имѣетъ горячаго сторонника въ авторѣ этой книги, доказывающемъ, что между дѣйствіемъ и мыслью должна существовать тѣсная связь и что мыслить—значитъ дѣйствовать. По мнѣнію автора, нравственное обязательство и идеализмъ должны быть неразлучны и власть долга надъ человекомъ должна сводиться къ власти идеи, такъ какъ только тогда понятіе о долгѣ можетъ быть прочно установлено и спекулятивная работа мысли выразится въ дѣйствіа.

(Journal des Débats).

«*Dictionnaire de médecine et de thérapeutique médicale et chirurgicale, sixième édition augmentée et transformée. (Felix Alcan). Paris. 1895. (Медицинскій, терапевтическій и хирургическій словарь; шестое изданіе, исправленное и дополненное).* Словарь издается подъ редакціей двухъ извѣстныхъ профессоровъ парижскаго медицинскаго факультета, Депре и Бушю, и представляетъ настоящую энциклопедію медицинскихъ наукъ, отличающуюся богатствомъ данныхъ изъ области современной медицинской науки. Этотъ ученый трудъ представляетъ особенный интересъ еще и въ томъ отношеніи, что одинъ изъ его редакторовъ, профессоръ Депре, объявилъ немалую войну бактериологической теоріи, нынѣ царствующей самымъ абсолютнымъ образомъ во всей современной медицинѣ. Депре, однако, не отрицаетъ заслугъ бактериологіи и излагаетъ ея успѣхи съ полнымъ безпристрастіемъ. Безпристрастіе, вообще, составляетъ одно изъ главныхъ качествъ названнаго ученаго труда, особенно полезнаго для врачей-практиковъ, находящихся вдали отъ научныхъ центровъ и медицинскихъ библиотекъ. Но даже обыкновенные интеллигентные читатели могутъ извлечь большую пользу изъ этой книги, такъ какъ въ ней они найдутъ массу важныхъ указаній и свѣдѣній, необходимыхъ для cadaго образованнаго человека.

(Revue des Revues).

«*L'Éducation par F. Picardet (Léon Chailley) Paris. (Воспитаніе).* Авторъ, руководящій чтеніями въ Сорбоннѣ и въ высшей школѣ, излагаетъ въ этой книгѣ свои взгляды на прошедшее, на-

стоящее и будущее національнаго воспитанія и указываетъ на тѣ реформы, которыя необходимы, для того, чтобы воспитаніе отвѣчало болѣе условіямъ современной жизни и могло бы образовать полезныхъ дѣятелей для народа и общества.

(Revue des Revues).

«*Studies in the Evolution of animals by E. Bonavia. With 128 illustrations. (Archibald Constable and Co.) Westminster. (Изслѣдованіе эволюціи животныхъ).* Авторъ разбираетъ теорію эволюціонизма и указываетъ на тѣ измѣненія, которыя должна претерпѣть теорія приспособленія къ окружающей средѣ, для того, чтобы ее можно было примѣнить ко всемъ случаямъ животной жизни. Возрѣнія автора отличаются большою смѣлостью и оригинальностью; скромность и умѣренность, съ которою онъ высказываетъ свои аргументы, располагаетъ читателя въ его пользу, тѣмъ болѣе, что приводимые имъ примѣры и иллюстраціи, для подтвержденія его собственной теоріи эволюціи, крайне интересны. Во всякомъ случаѣ, идеи автора заслуживаютъ вниманія, такъ какъ онъ стремится найти отвѣтъ на тѣ вопросы, на которые современные эволюціонисты не могутъ пока дать удовлетворительнаго отвѣта.

(Daily News).

«*The story of primitive man. By Edward Clodd (George Newnes). (Исторія первобытнаго человека).* Трудно найти книгу, болѣе отвѣчающую своей цѣли, популяризаціи знаній, чѣмъ это краткое, но въ высшей степени популярное изложеніе исторіи первобытнаго человека. Въ краткомъ очеркѣ авторъ знакомитъ читателя съ данными доисторической антропологіи и развертываетъ передъ нимъ картину каменнаго и мѣталлическаго вѣка, ясно опредѣляя ихъ границы и ихъ главныя характеристики. Каждый, прочтя эту книгу, несомнѣнно получитъ ясное понятіе о самыхъ новѣйшихъ теоріяхъ, касающихся исторіи человечества. Къ книгѣ приложенъ очень полезный и обстоятельный библиографическій указатель.

(Bookseller).

«*Hygiene and physical Culture for Women. By Anna M. Galbraith. M. D. (Bef. Stevens). (Гигіена и физическая культура женщины).* Авторъ этой книги, докторъ медицинны, излагаетъ свой взглядъ на современное положеніе гигиены вообще и въ частности по отношенію къ женщинамъ. Весьма обстоятельно разобраны въ книгѣ вопросы, касающіеся физическаго воспитанія женщины

и указаны недостатки современной системы. Авторъ — горячій сторонникъ всякихъ физическихъ упражненій для женщины и, разумѣется, возражаетъ противъ корсетовъ и декольтированныхъ платьевъ. (Bookseller).

«*The Model Republic: A History of the Rise and Progress of the Swiss People.*» By F. Grenfell Baker (Nichols and Co). (Образцовая республика; исторія Швейцаріи). Авторъ даетъ въ своей книгѣ очень полный очеркъ исторіи развитія и возникновенія Швейцаріи. Его разсказъ доведенъ до 1848 года, причѣмъ онъ изображаетъ весь постепенный ходъ развитія маленькой республики, начиная съ XIV по XIX вѣкъ, и останавливается на такихъ важныхъ фактахъ, какъ первое основаніе швейцарской конфедераціи, подробно разбирая консттутцію 1848 года, которая дѣйствуетъ въ Швейцаріи и по нынѣ. (Daily News).

«*The Time Machine*» By H. G. Wells. (W. Heinemann). (Машина времени). Небольшой, остроумный разсказъ, въ духѣ Жюль Верна, о необыкновенныхъ приключеніяхъ героя, открывшаго способъ путешествовать во времени, также какъ и въ пространствѣ, т.-е. впередъ и назадъ. Благодаря этой способности, авторъ получаетъ возможность переселяться въ отдаленнѣйшее будущее и, увидѣть условія и относительное положеніе земли и солнца черезъ тридцать милліоновъ лѣтъ. (Bookseller).

«*The Story of the plants*» by Grant Allen (George Newnes) with illustrations. (Исторія растений). Авторъ въ высокой степени обладаетъ рѣдкимъ умѣньемъ излагать простыми словами научныя истины и дѣлать ихъ доступными для самаго обыкновеннаго читателя. Въ этой книгѣ авторъ излагаетъ принципы растительной физиологіи въ связи съ теоріей Дарвина. Главы, на которыя распадается книга, озаглавлены: «Какъ возникаютъ различія между растениями», «Какъ питаются растенія», «Какъ они пьютъ», «Какъ они размножаются» и т. д. Всѣ, интересующіеся міромъ растений прочтутъ эту книгу съ удовольствіемъ. (Daily News).

«*Popular Scientific Lectures*» by Ernest Mach. (Open Court publishing Co). Chicago. (Популярныя научныя лекціи). Профессоръ Мачъ, авторъ этой книги, развиваетъ мысль о необходимости и пользѣ популярныхъ лекцій о разныхъ научныхъ предметахъ, знакомящихъ публику съ научными принципами и развивающихъ въ ней любознатель-

ность и интересъ къ наукѣ. Въ книгѣ заключаются лекціи автора по нѣкоторымъ отдѣламъ физики.

(Daily News).
«*Astronomers and their Observations*» by Lucy Taylor (Partridge and Co). (Астрономы и ихъ наблюденія). Книга входитъ въ составъ бібліотеки «World's Wonders Series», и представляетъ очень интересный очеркъ исторіи астрономіи, со временъ халдеянъ и до нынѣшняго времени. Иллюстраціи, приложенныя къ книгѣ, только увеличиваютъ ея интересъ. (Daily News).

«*Natural History Lore and Legend*» by F. E. Hulme. (Bernard Quaritch). (Естественная исторія, ея ученіе и легенды). Очень занимательная и вмѣстѣ поучительная книга, въ которой простымъ, удобопонятнымъ языкомъ изложены научныя принципы и теоріи. Такъ какъ легенды въ естественной исторіи играютъ также не послѣднюю роль, то авторъ отводитъ имъ соотвѣтствующее мѣсто въ своемъ трудѣ. Первая глава книги посвящена разсказамъ средневѣковыхъ путешественниковъ, Мандевилля, Марко Поло, Петра Гейллана и др. Въ слѣдующихъ главахъ авторъ разсуждаетъ о пигмеяхъ и другихъ не нормальныхъ явленіяхъ и укловеніяхъ человѣческой породы, вызвавшихъ въ свою очередь, образованіе многихъ легендъ и сказокъ, особенно часто встрѣчающихся на страницахъ старыхъ авторовъ. Нѣкоторая доля юмора, сквозящая въ повѣствованіи автора о томъ, какъ возникаютъ легенды и различныя научныя теоріи, не только не мѣшаетъ интересу его книги, но даже усугубляетъ его, не лишая ее въ то же время и научнаго значенія.

(Daily News).
«*Life of Ernest Renan*» by Francis Espinasse (Walter Scott). (Жизнь Эрнеста Ренана). Эта біографія входитъ въ составъ серіи жизнеописаній великихъ писателей. Авторъ ея вполне удовлетворительно справился съ задачею — представить образъ знаменитаго французскаго писателя въ возможно болѣе яркомъ свѣтѣ. (Daily News).

«*Daniel O'Connell, sa vie, son oeuvre.*» Ouvrage couronné par l'Académie française. Par L. Nemoirs Godré (Paris 1895). (Даніель О'Коннель, его жизнь и дѣятельность). Ирландскій вопросъ до сихъ поръ еще не потерялъ своего значенія и попрежнему волнуетъ англичанъ. Но не одни англичане, а и вся остальная Европа заинтересована борьбою ирландскаго народа и слѣдятъ за всѣми ея фазами; поэтому, біографія

великаго ирландскаго дѣятеля является эподнѣ современной и, конечно, можетъ разсчитывать на сочувственный пріемъ со стороны европейской читающей публики. Авторъ этой біографіи, основываясь на изданныхъ уже раньше письмахъ О'Коннела и разсказахъ современниковъ этого ирландскаго героя, обрисовываетъ не только его личность, но и ту эпоху, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ, яркими красками. Интересующіеся Ирландіей и ея исторіей прочтуть съ удовольствіемъ эту книгу, заключающую въ себѣ много цѣнныхъ историческихъ свѣдѣній и проникнутую симпатіей къ этой странѣ и ея борцамъ за свободу.

(Journal des Débats).

«*Julian the philosopher and the last Struggle of paganism*». By Alice Gardner. Library «*Heroes of the Nations*». (Putnam sons). (Юліанъ философъ и послѣдняя борьба язычества съ христіанствомъ). Эта монографія — результатъ продолжительнаго и тщательнаго изслѣдованія перво-источниковъ. Авторъ ея, миссъ Гарднеръ говоритъ, что главный матеріалъ для своей монографіи она извлекла изъ твореній самаго Юліана. — Личность Юліана, безъ сомнѣнія, представляетъ огромный интересъ для всякаго историка и въ ряду великихъ историческихъ

фигуръ четвертаго вѣка Юліанъ занимаетъ выдающееся мѣсто, какъ герой великой борьбы и какъ замѣчательный мыслитель. Миссъ Гарднеръ съ большимъ искусствомъ изображаетъ противорѣчія, существовавшія въ натурѣ Юліана; его глубокую ненависть къ христіанскому ученію и внутреннее сродство, замѣчаемое между нѣкоторыми его идеями и христіанскимъ ученіемъ. Образъ Юліана выступаетъ ясно передъ читателями, тѣмъ болѣе, что авторъ монографіи, въ подтвержденіе своихъ словъ, всегда ссылается на то или другое мѣсто въ его сочиненіяхъ. Кромѣ того, къ каждой главѣ авторъ прилагаетъ краткую замѣтку, въ которой заключаются ссылки на различные авторитеты въ исторической наукѣ. Такой способъ, кромѣ того, что онъ указываетъ на эрудицію автора, несомнѣнно придаетъ его работѣ большую основательность и усиливаетъ ея значеніе, какъ научнаго труда. Маленькія встрѣчающіяся неаккуратности въ монографіи миссъ Гарднеръ легко могутъ быть исправлены въ слѣдующемъ изданіи и нисколько не умаляютъ огромныхъ достоинствъ ея историческаго труда, которому, безспорно, слѣдуетъ отвести одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду изданий исторической бібліотеки.

(Athenaeum).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 20-го іюля по 20-е августа.

- Генрихъ Ибсенъ. *Маленькій Эйольфъ*. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Изданіе Суворина «Дешевая Библиотека». Ц. 15 коп. Спб. 1895 г.
- Морисъ Метерлинкъ. *Тайны души*. Драма, перев. и предисловіе А. С. Суворина, Ц. 10 к. Изданіе Суворина «Дешевая библиотека».
- А. В. Кругловъ. *Въ свѣрныхъ лѣсахъ*. Разсказы. Ц. 15 к. Изданіе Суворина. «Дешевая Библиотека. — *Немудрое счастье*. Романъ въ 2 хъ ч. Ц. 1 р.
- Ричардъ Шериданъ. *Школа злословія*. Комедія въ 5 дѣйствійхъ. Перев. Ч. Вѣтринскаго. Ц. 15 к.
- Густавъ Флоберъ. *Госпожа Бовари*. Перев. съ франц. Л. Г. 2 тома. Цѣна каждаго тома 60 коп. Изданіе Суворина «Новая Библиотека». Спб. 1895 г.
- Рейдеръ Гаггардъ. *Дочь Монтезумы*. Историческій романъ для юношества въ изложеніи М. Коршъ. Изданіе Суворина. Спб. 1895 г.
- Влад. Соловьевъ. *Стихотворенія*. Изданіе II, дополненное. Ц. 1 р. 20 к. Спб. 1895 г.
- О. В. Всеволодская. *Помощь переселенцамъ*. Повѣсти и разсказы. Тобольскъ. 1894 г. Ц. 1 р.
- П. Лоскутовъ. *Духовный прогрессъ и счастье*. Популярно-научная библиотека. Изданіе Павленкова. 1895 г. Спб. Ц. 1 р.
- П. Лакомбъ. *Соціологическія основы исторіи*. Перев. съ франц. подъ ред. Р. И. Сементковскаго. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1895 г. Изд. Павленкова.
- Г. Брандесъ. *Литература XIX вѣка съ ея главныхъ теченійхъ*. Перев. съ нѣм. Л. Зауеръ, съ портретами. Ц. 2 р. Спб. 1895 г. Изд. Павленкова.
- Проф. Экштейнъ. *Честь въ философіи и въ правѣ*. Перев. съ нѣм. В. Л. Г.—ча.
- «Юридическая Библиотека». Изданіе Канторовича. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Я. Оровичъ. *Женщина съ правъ*. Изданіе Канторовича. Спб. 1895 г. «Юридическая Библиотека». Ц. 1 р. 60 к.
- Вологжанинъ. *Литературно-научный сборникъ*. Изданіе Дилакторскаго. Вологда. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- «Международная библиотека». Изданіе Вейленсона и Юровскаго. Одесса. 1895 г.: А. Фулье. *Характеры расъ и будущность бѣлой расы*. Ц. 15 к.—Д-ръ П. Медусъ. *Нервная система челоуька*. Ц. 15 к.—Г. Спенсеръ. *О нравственномъ воспитаніи*. Г. Брандесъ—*Эмиль Зола*. Ц. 15 к.
- «Русская Библиотека». Изданіе Вейленсона и Юровскаго.—С. Южановъ *Любовь и счастье въ произведеніяхъ Пушкина*. Ц. 20 к.—Проф. Л. Комаровскій. *Война или миръ?* Ц. 15 к.—Проф. В. Чижъ. *Криминальная антропологія*. Ц. 20 к.
- Новѣйшая исторія Англии—1865—1895 г.г. Краткій очеркъ событій. Изданіе «Международной Библиотеки» Вейленсона и Юровскаго. Ц. 20 к.
- Д-ръ М. К. Бурда. *Откуда берется въ челоуькѣ рабочая сила, какъ онъ ее расходуетъ и какъ пополняетъ*. Общедоступная лекція. Изданіе городской аудиторіи для народныхъ чтеній. Одесса. 1895 г. Ц. 6 к.
- С. Сперанскій. *Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ западной Европѣ*. Отчетъ. Москва. 1895 г.
- Н. Веригинъ. *Краткій историко-географическій словарь*. Тверь. 1895 г. Ц. 50 к.
- Н. В. Соколовскій. *Мысли объ основахъ житейской нравственности и челоуьческаго счастья*. Ирбитъ. 1895 г. Ц. 60 к.

- Карль Каутскій. *Возникновеніе брака и семьи*. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- В. П. Вахтеровъ. *Условія распространенія образованія въ народъ*. Москва 1895 г.
- Густавъ-ле-Бонъ. *Эволюція цивилизаціи*. Перев. съ франц. «Международная Библіотека». Одесса 1895 г. Ц. 50 к.
- И. В. Мушкетовъ. *Краткій курсъ петрографіи для студентовъ института инженеровъ путей сообщенія*.
- Г. Сенневичъ. *Письма изъ Африки*. Перев. съ польскаго М. Круковскаго, съ 26 рисунками. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- А. С. Фаминцынъ. *Начатки теории музыки*. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1895 г. Ц. 85 к.
- Проф. Трачевскій. *Русская исторія*. Ч. I, второе исправленное изданіе. Спб. 1895 г. Цѣна за двѣ части 8 рублей.
- К. Ельницкій. *Характеристика двѣоцекъ. Для посвятившихъ себя учительской или воспитат. дѣятельности*. Изд. II. Москва 1895 г. Ц. 75 к. «Педагогическая Библіотека». Изданіе Тихомирова.
- «Дешевая Библіотека». Изданіе Суворина: *Плутархъ — Сравнительныя жизнеописанія*. Т. 9, вып. II. — *Гальба Отонъ*. Ц. 10 к. — *Маркъ Аврелій — Антонинъ — Къ самому себѣ*. Размышленія. Перев. съ греч. Краснова. Ц. 25 к. — *Сто великихъ людей*. Кн. VII. — *Марко Поло*. — *Колумбъ*. — *Букъ*. — *Дивинистовъ*. Ц. 20 к. Кн. VIII. — *Папа Григорій VII*. — *Гусъ*. — *Саванарола*. Ц. 20 к. — *Чедомилъ Мятосичъ*. — *Константинъ, послѣдній Императоръ Византійскій или завоеваніе турками Константинополя (1453 г.)*. Ц. 25 к.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

AUG 4 '64 H

~~536-081~~

